

А. А. ТУРИЛОВ

А. А. ТУРИЛОВ

МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

И

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯН

МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯН

ЭТЮДЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. А. ТУРИЛОВ

МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

И

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯН

ЭТЮДЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

УДК 94(100)
ББК 63.3(2)41
Т 86

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 11-04-16013

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН

Отв. редактор:
д. ист. н. С. А. Иванов

Рецензенты:
д. филол. н. Н. Н. Запольская,
к. ист. н. А. В. Лаурентьев

Турилов А. А.

Т 86 Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. — М.: Знак, 2012. — 808 с.

ISBN 978-5-9551-0497-3

Книга представляет собой комплексное исследование по истории средневековой культуры православных славянских стран, связанных общностью книжно-письменной традиции, восходящей к эпохе Кирилла и Мефодия. В работах, входящих в том, на большом фактическом материале рассматривается судьба кирилло-мефодиевского наследия в разных странах и регионах славянского мира с X по XVI в., ее общие черты, специфика и закономерности трансформации. Особое внимание уделено в книге межславянским культурным связям, их причинам, ходу и механизмам осуществления в периоды сближения национально-региональных традиций на рубеже XII—XIII («первое восточнославянское влияние») и в XIV—XV вв. («второе южнославянское влияние»). Наряду с этим большое место в томе занимают и сюжеты, связанные с книжной «повседневностью» — реконструкцией разрозненных южнославянских кодексов, работой книгописцев и скрипториев. Исследования сопровождаются публикацией ряда уникальных и редких литературных текстов IX—XVI вв.

Издание представляет интерес для широкого круга историков, лингвистов, литературоведов и богословов.

ББК 63.3(2)41

*На переплете: Перенесение мощей св. Климента Римского.
Деталь миниатюры Менология императора Василия II (XI в.)*

*Светлой памяти
Ольги Александровны Князевской
(1920—2011)*

СОДЕРЖАНИЕ

І. СУДЬБЫ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО НАСЛЕДИЯ В НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ И ДРЕВНЕЙШИЕ МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

К изучению южнославянской рукописной традиции «Прогласа Константина Философа»	11
К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян (Слово «О похвале Богородице Кирилла Философа» в рукописной традиции XV—XVII вв.)	21
Addenda et corrigenda	40
«Моравские земле велеи гражданин» (Неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию)	47
Addenda et corrigenda	71
Неизвестный памятник древнейшей славянской гимнографии (Канон Климента Охридского на Успение Богородицы)	73
К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия в составе славянского Требника (Предварительные наблюдения над южнославянской рукописной и старопечатной традицией)	89
Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. (К вопросу формирования болгарского варианта церковного месяцеслова в эпоху Первого царства)	103
После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X — первой половине XIII в.)	126
Судьба древнейших славянских литературных памятников в средневековых национально-региональных традициях	166
Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы	182

Древнерусская культура в контексте средневековых славянских (на материале книжности)	192
Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв. (заметки к оценке явления)	199
К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской традиции (на материале минейных служб)	220

II. Культурные связи Руси с южными славянами в XII—XIII вв.: «Первое восточнославянское влияние»

Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения)	239
Из истории русско-южнославянских книжных связей XII—XIII вв.: новое и забытое	262
«Поучение Моисея» и сборник игумена Спиридона (новгородский памятник XII в. в контексте русско-южнославянских связей)	286

III. Книжность и книжная культура Болгарии и Сербии в XIII — начале XVII в.

а) Болгария

Болгарские книжники раннего XIV в. между Тырновом, Святой горой и Святой Землей (по следам забытых и новейших атрибуций)	307
К истории тырновского «царского» скриптория XIV в.	316
Заметки о тырновских «обыденных» рукописях и книгописцах первой половины ¹ — середины XIV в.	337
К реконструкции комплекта пергаменных тырновских служебных Миней второй четверти — середины XIV в.	343
Неизвестный памятник греко-латинской полемики XIII в. в болгарской рукописи XIV в. (отрывки сочинения Иоанна Грассо о собеседовании Николая-Нектария Отрантского с Римским Папой) . . .	351

б) Сербия

Какие «многие законные книги» переписал в 1219 г. св. Савва Сербский? . . .	362
Милешевский Панегирик и Гомилиарий Михановича — к датировке и происхождению двух древнейших сербских списков Торжественника общего.	367
К отождествлению частей некоторых фрагментированных сербских рукописей конца XIII — XIV в.	378
Сербские отрывки XIII—XIV вв. в собрании Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне.	406
Из какого евангельского кодекса происходит послесловие анагноста Радина?	423
Заметки о сербских грамотах XIV—XV вв., написанных книжным письмом: проблемы писцов, подлинности и датировки актов (из предварительных наблюдений).	431
Последний отголосок идеи «Царства Сербов и Греков» (градозданная надпись Вука Бранковича 1378—1379 гг.)	449
Когда краль Марко менялся женами? (к датировке сербской Минеи праздничной из собрания А. И. Хлудова (ГИМ), № 164).	465
Ранний славянский список календарных эпиграмм Николая Калликла («Птохопродрома»): к вопросу о времени перевода	471
Кому «единоименен» Раннокисум? (Глоссы как элемент первоначального замысла и оформления текста Жития деспота Стефана Константина Костенецкого)	478
Кичевский сборник с «Болгарской апокрифической летописью» (Датировка, состав и история рукописи)	485

IV. «ВТОРОЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ» И РУССКАЯ КУЛЬТУРА XIV—XVI ВВ.

Восточнославянская книжная культура конца XIV — XV в. и «второе южнославянское влияние»	519
Южнославянские переводы XIV—XV вв. и корпус переводных текстов на Руси (К 110-летию выхода в свет труда А. И. Соболевского).	556
К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV — начала XVI в.	584
Addenda et corrigenda	592

К вопросу о сербском компоненте во «втором южнославянском влиянии» . . .	596
О времени и месте создания пергаменного «Евангелия Мемнона-книгописца».	612
К истории Стишного пролога на Руси в XIV—XV вв.	640
Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв.	648
Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей	670
К вопросу о болгарских источниках Русского Хронографа	704
«Гарун-ар-Рашидовский» сюжет в славянских литературах XV—XVI вв. (сербский деспот Стефан Лазаревич и великий князь Московский Иван Калита).	709
О литературном источнике сюжетов группы клейм иконы Параскевы-Пятницы XVI в. из собрания Государственной Третьяковской галереи	714
Рассказы о чудотворных иконах монастыря Хиландарь в русской записи XVI в.	718
<i>Библиографическая справка.</i>	756
<i>Указатель шифров рукописей, упоминаемых в издании</i>	761
<i>Именной указатель</i>	779

I

СУДЬБЫ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО НАСЛЕДИЯ В НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ И ДРЕВНЕЙШИЕ МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

К ИЗУЧЕНИЮ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ «ПРОГЛАСА КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА»

Любое издание текста древнего памятника практически неизбежно означает (одновременно с большей доступностью для круга исследователей и пользователей) его отрыв от рукописной традиции, относительно большее приближение к эпохе создания текста и в то же время отстранение от эпохи и условий бытования в конкретных кодексах. Последнее, разумеется, играет существенно меньшую роль по сравнению с первым (и разница между ними тем более значительна, чем древнее текст и моложе его списки), однако имеет определенное значение как источник дополнительной информации, в особенности в тех случаях, когда памятник сохранился в относительно малом количестве списков. Кроме того, уже в силу совершенствования и усложнения способов датировки и локализации рукописей (и прежде всего за счет идентификации почерков) за более чем полтора столетия существования славянской палеографии и кодикологии как самостоятельных дисциплин, несомненно полезным может оказаться обращение к рукописной традиции на новом уровне знания.

«Проглас» известен в трех пергаменных списках, представляющих предисловие к рукописям Евангелия тетр сербского извода (Афон, Хиландарь, № 23, кон. XIII — нач. XIV в.; Москва, ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 13; Санкт-Петербург, РНБ, собр. А. Ф. Гильфердинга, № 2 — обе XIV в.) и в бумажном русском XVI в. в составе сборника «Златая Цепь». Вероятность находки новых южнославянских пергаменных списков памятника в настоящее время близка к нулю, возможность обнаружения бумажных (в первую очередь восточнославянских) XVI—XVII (и даже XV) вв., напротив, в принципе не исключена.

Впервые существование памятника было засвидетельствовано в конце 1844 г. В. И. Григоровичем на Афоне, однако этому обстоятельству, насколько могу судить¹, ни в тот момент, ни позднее, никто не придал значения, включая парадоксальным образом (во всяком случае, на первых порах) и самого первооткрывателя. Работая 11—16 ноября 1844 г. с рукописями келлии (типикарницы) св. Саввы в Карее, он сделал в перечне наиболее примечательных с его точки зрения памятников следующую помету (отметив предварительно, что языковой извод всех кодексов сербский): «4. Евангелие, 4°, пр[остой] б[умаги]. Здесь вместо предисловия Константина философа слово»². Какие-либо комментарии по этому поводу и здесь и далее отсутствуют, из чего, по всей вероятности, можно заключить, что исследователь не счел возможным отождествить автора «Прогласа» со славянским первоучителем³. Вопрос о рукописи, в которой В. И. Григорович обнаружил «Проглас», представляет известную сложность. Судя по приведенной выше характеристике

(«простая бумага» — не «бомбицина»), она должна датироваться не ранее XV в. Подобный кодекс отсутствует как в современных рукописных собраниях Афона⁴, так и в исследовательских коллекциях, связанных происхождением со Св. Горой (собрания А. Михановича, Григоровича, еп. Порфирия (Успенского), архим. Антонина (Капустина), П. И. Севастьянова, А. А. Дмитриевского). Поскольку «Проглас» составляет несомненно главную с научной точки зрения достопримечательность данной рукописи, следовало бы думать, что это Евангелие погибло после середины 1840-х гг. либо лишилось своих начальных листов. Более вероятно, однако, что речь идет о современной рукописи Хиландарь, № 23 («Бунилово Евангелие»), о которой достоверно известно, что она происходит из Карейской келии св. Саввы⁵, а в заметки В. И. Григоровича на каком-то этапе вкралась ошибка («пр. б.» вместо: «перг.»), вполне объяснимая высоким темпом и напряженностью работы⁶. Остальные (весьма ограниченные) сведения о рукописи не противоречат такому отождествлению — определение формата в 4° Григорович прилагает и к Милутинову Евангелию 1316 г., которое даже больше по размеру (305 × 245 мм), чем Бунилово (293 × 220 мм), положение «Прогласа» в кодексе и заглавие соответствуют Хил. 23.

Известные в настоящее время сербские списки «Прогласа» введены в научный оборот в конце 1850-х — начале 1870-х гг., т. е. в ту пору, когда южнославянская кириллическая палеография как дисциплина находилась в периоде становления и вопросы локализации и относительно узкой датировки рукописей попросту не поднимались. Позднее — вплоть до самого последнего времени — эти рукописи (кроме хиландарской) кодикологически и палеографически не изучались (а монографическое их исследование отсутствует и по сей день).

Хиландарский список в составе «Бунилова Евангелия»⁷ выглядит среди остальных самым исследованным в отношении своей истории, но это — к сожалению — заблуждение. Последние 30 лет кодекс принято датировать третьей четвертью XIII в.⁸ (с уточнением: «ближе к 1280-м гг.»)³ и считать созданным «где-то в Сербии»⁴. Аргументы в пользу такой датировки не приводились, но их с большой степенью вероятности можно реконструировать. Очевидно, исследователь счел, что основной почерк⁹ кодекса, с короткими «хвостами» букв З, У, Ц, Щ, занимает промежуточное положение между почерками второй четверти XIII в. (такими как письмо нескольких писцов Братковской Минеи 1236—1242 гг.¹⁰ или Хиландарского Евангелия тетр № 22¹³) и точно датированных памятников 1270—1280-х гг. (Апостол 1277 г. (РГБ, Григ. 15/1), Евангелие тетр ок. 1284 г. (РНБ, Гильф. 1), Учительное Евангелие 1286 г. — там же, № 32)¹⁴. На вероятную связь кодекса с каким-то значительным сербским книгописным центром указывает (помимо, естественно, орфографии) вписанный на л. 242 особым почерком частный акт — обязательство попа Георгия (ошибочно охарактеризованное Д. Богдановичем из-за написанного в XIV в. (см. ниже) заглавия как молитва) перед рукоположившим его в священство Хвостненским епископом Иосифом (по другим источникам неизвестен)¹⁵. Однако ряд сведений, сообщаемых Д. Богдановичем, нуждается в существенной корректировке. Так, он считал, что дьяк Бунило, оставивший свою запись в нижней части л. 209, является (по крайней мере частично — «бар и делимично») писцом кодекса,

отождествляя почерк приписки с письмом рукописи («само ситнијим дуктусом, него основни текст») ¹⁶. Запись Бунила (не имеющая фотовоспроизведения) ¹⁷ при внимательном прочтении порождает ряд вопросов. Привожу ее в упрощенной орфографии: «Коньць Богословцу и еуангелию 11 вскрсьному. Раб Христов дяк Бунило написах синаксарь речью господина митрополита Дамияна. Да аще что и прегрешено — пращайте, а не кльните, ере не ¹⁸ писан типик едьнга ¹⁹, нь се после приписан, да гледай добре». Из записи явно следует, что Бунило написал не всю рукопись, а «приписал» к уже готовому кодексу («после») некий «синаксарь» или «типик». И этот «синаксарь» («типик») по логике вещей не может быть отождествлен с месяцесловом или указателем чтений триодного цикла, поскольку запись об окончании работы над ним предшествует в кодексе месяцеслову (соответственно, л. 209 и 209 об.). Не придав должного значения Д. Богданович и митрополичьему сану заказчика, между тем этот архиерейский титул получает в сербской Церкви распространение только с учреждением патриаршества (1346) ²⁰ и поэтому служит важным датирующим признаком (к сожалению, имя Дамиана по другим источникам неизвестно). При обращении к микрофильму «Бунилова Евангелия» ²¹, находящемуся в Археографическом отделении НБС в Белграде ²², выясняется следующее. Текст, предшествующий записи Бунила (окончание Евангелия от Иоанна) и следующий за ней (месяцеслов) написан одним почерком, несомненно отличным от почерка приписки. Эта разница заключается не только в заметных полууставных элементах (например, высокое Т), присутствующих в письме последней и, в принципе, не являющихся препятствием для отождествления. Писец приписки (дяк Бунило) употребляет начертания ряда букв, отсутствующие в письме собственно Евангелия — широкие варианты Е и О (последнее — со штришком-«засечкой» в плоском основании буквы), З с хвостом в форме пологой дуги разной длины (порой очень короткой), Р с достаточно длинным и толстым, почти вертикальным, хвостом, достаточно широкое У, по начертанию представляющее соединение С и узкой «стигмы». Почерк Бунила — в полном соответствии с содержанием его записи — в основной части кодекса отсутствует. Им выполнены исключительно литургические указания на полях рукописи ²³ (имевшей до этого только разбивку на «аммониевы главы»), отмечающие приуроченность чтений к дням минейного и триодного циклов церковного календаря. Это объясняет одновременно и значение, которое Бунило вкладывал в понятия «синаксарь» и «типик» ²⁴, и кажущуюся скромность его самооценки как писца. Графические особенности почерка Бунила (в особенности употребление широкого Е и широкого (не «очного») О) не соответствуют традиционной датировке кодекса, но вполне согласуются с упоминанием в записи митрополита (не ранее середины 1340-х гг.) ²⁵. Таким образом, дяк Бунило должен быть безусловно исключен из числа сербских книгописцев XIII в., следы его деятельности нужно искать в рукописях второй — третьей четвертей XIV столетия.

Над основной же частью рукописи работали два писца. Первый отождествляется с попом Георгием, написавшим на л. 242—242 об. обязательство хвостненскому епископу ²⁶. Им, помимо этого, написаны два небольших текста вспомогательного характера — разрешительная молитва на л. 1—1 об. и указатель воскресных

Евангелий и апостольских чтений на л. 241—241 об. С большой степенью вероятности с этим Георгием может быть отождествлен также писец первого экземпляра грамоты краля Милутина хиландарскому пиргу Хрусия с подтверждением архиепископа Саввы III (Архив Хиландаря, 139/141), датируемой предположительно концом 1313 г.²⁷ или 1313—1316 гг.²⁸ Это обстоятельство заставляет датировать кодекс Хиланд. 23 концом XIII — первой четвертью XIV в. и рассматривать его в круге памятников сербского книгописания эпохи Милутина²⁹.

Новая датировка получает полное подтверждение при обращении к почерку основного писца «Бунилова Евангелия» (как теперь уже ясно — не Бунила), переписавшего кодекс почти целиком, в том числе и «Проглас». Он заметно варьируется на протяжении рукописи по степени аккуратности, но на наиболее каллиграфических страницах (например, в начале Евангелия от Матфея — л. 11) уверенно может быть отождествлен с письмом дьяка Георгия Радослава³⁰, одного из самых искусных и продуктивных книгописцев и нотариев эпохи Милутина³¹, переписавшего, в частности, Евангелие 1316 г., вложенное этим королем в Карейскую келию на Афоне (Хиландарь, № 1), и грамоту монастырю Св. Стефана в Баньской.

Таким образом ранняя история кодекса (до его поступления в Хиландарь) заметно обогащается, хотя и ограничивается «снизу» рубежом XIII—XIV вв. Судя по уровню исполнения заказ был явно не королевским и не архиепископским — писец в данном случае не особенно утруждал себя. Вероятным местом написания Евангелия могла быть Хвостненская епархия (судя по упоминавшемуся обязательству на л. 242) или Печский монастырь Апостолов³². Позднее кодекс находился в неустановленном епархиальном центре, где около середины XIV в. митрополит Дамиан поручил дьяку Бунилу (вероятно, епархиальному нотарию) снабдить его литургическими указаниями.

В принципиально новом свете предстало в последние годы перед исследователями и Евангелие ГИМ, Хлуд. 13, содержащее, как теперь можно сказать с уверенностью, практически современный хиландарскому список «Прогласа». В конце 1990 — начале 2000-х гг. в свет вышли два описания кодекса³³, хотя и не исчерпывающие, но существенно более подробные (в особенности второе), чем кратчайшие сведения, идущие от А. Н. Попова³⁴. В настоящее время можно считать вполне установленным, что Евангелие Хлуд. 13 было приобретено А. Ф. Гильфердингом во время путешествия 1868 г. в Слепенском монастыре Иоанна Предтечи³⁵. Именно здесь, за три года до поездки в Болгарию и Македонию председателя Петербургского отделения российского Славянского комитета, кодекс видел в 1865 г. архимандрит Антонин (Капустин), особое внимание которого привлекла запись 1457 г. о смерти юного венгерского короля Владислава Постума, сына Альбрехта Габсбурга, на обороте листа 82³⁶. В довершение всего автору этих строк недавно неожиданно удалось установить время и место написания этой рукописи. Оказалось, что из нее происходит хорошо известный в литературе лист с пространном послесловием писца — анагноста Радина³⁷, хранящийся в собрании В. И. Григоровича в РГБ (ф. 87, № 12. II / М. 1694. II)³⁸ и имеющий помету владельца о происхождении из Слепенского монастыря³⁹. Благодаря этому отождествлению информация о хлудовском списке «Прогласа» становится редкостью подробной.

Рукопись написана между серединой 1308 и серединой 1311 гг. (но явно ближе к первой дате)⁴⁰ анагностом Радином «Нагоричанином» (из Нагоричина к северо-востоку от Скопье) в Сушице для безымянного «попа загоранина» в то время, когда Милутин расторг мир («размирился») с греками⁴¹. Место создания хлудовского кодекса объясняет его отличия в письме и оформлении⁴² от облика классических сербских рукописей эпохи Милутина, к которой он относится⁴³. Место создания хлудовского Евангелия с «Прогласом» в начале XIV в. и место его пребывания в середине XIX в. (Слепченский монастырь) свидетельствуют как будто в пользу того, что за пять с лишним веков своей истории кодекс мигрировал сравнительно мало — с северо-востока Македонии на юго-запад. Есть, однако, данные, что судьба его была отнюдь не столь простой. В записи на обороте листа 82 о смерти в 1457 г. короля Владислава использован счет лет от Рождества Христова с обозначением 1000 через Ч (в соответствии с глаголической традицией)⁴⁴, а на л. 12 и 152 читаются короткие приписки глаголицей⁴⁵, близкой по начертаниям к хорватской (СК XIV: 368—369). Это заставляет думать, что либо кодекс находился какое-то время (не позднее середины XV в.) в Далмации или Боснии, для которых характерно летосчисление от РХ и тесная связь с глаголической традицией, либо (что более вероятно) запись 1457 г. сделана в Македонии выходцем из тех мест.

Существенно меньше нового в настоящее время можно сказать о третьем сербском евангельском кодексе («Печском»), содержащем «Проглас» (РНБ, Гильф. 2), который оказывается самым младшим. В СК XIV (№ 258) рукопись датирована первой половиной (с уточнением: «начало»?) XIV в., однако и по письму⁴⁶ и по развитой системе надстрочных знаков ее следует относить скорее ко второй четверти — середине этого столетия⁴⁷.

По формальным признакам Хиландарский и Печский кодексы обнаруживают близость между собой, заметно отличаясь от Хлудовского. В обоих отсутствуют предисловия к евангелиям⁴⁸, тогда как в Хлуд. 13 они именуется «житиями» и имеются перед текстом каждого евангелиста, не считая общего в начале книги⁴⁹. Печскую рукопись роднит с хиландарской еще одна характерная особенность — необычайно развернутая и торжественная⁵⁰ память Саввы Сербского в месяцеслове (в Гильф. 2 она находится на л. 255; разночтений списки не обнаруживают); в хлудовской рукописи эта память вообще не представлена.

В известном смысле небезынтересен для истории рукописной традиции «Прогласа» тот факт, что все списки Четвероевангелия, в которых он помещен, имеют в месяцеслове памяти русских святых: в Хил. 23⁵¹ и Гильф. 2 это Борис и Глеб под 24 июля, в Хлуд. 13, кроме того, Феодосий Печерский (3 мая). Это, разумеется, не означает, что эти рукописи восходят к восточнославянским оригиналам (хотя, насколько знаю, на предмет следов русизмов в орфографии их никто не проверял) и тем более едва ли предполагает промежуточный древнерусский список для сербской традиции «Прогласа». Памяти русских святых в месяцесловах южнославянских Евангелий и Апостолов XIII—XIV вв. явление слишком массовое (и в то же время неоднородное), чтобы предполагать подобное однозначное объяснение⁵². Однако этот факт несомненно свидетельствует, что существующие списки Евангелия с «Прогласом» отражают промежуточные

оригиналы, сложившиеся не ранее рубежа XII—XIII вв. Взаимоотношение хиландарского и печского кодексов в силу их отмеченной особой близости заслуживает специального изучения — не исключено, что в случае с ними речь идет о паре оригинал — копия.

Примечания

¹ См.: *Кувев К.* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. 2-о, прераб. и доп. изд. София, 1986. С. 82; *Гергова Е.* Проглас към Евангелието // *Петканова Д.* (сост.). Старобългарска литература: Енциклопедичен речник. София, 1992. С. 370; *Станчев К., Велинова В.* Проглас към Евангелието // Кирилло-Методиевска енциклопедия. София, 2003. Т. 3. С. 336.

² Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915 (далее — *Донесения В. И. Григоровича...*). С. 70. При подготовке издания «Очерка» В. И. Григорович изменил порядок слов заголовка на: «вместо предисловия слово Кирилла Философа» (*Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. 2е изд. М., 1877 (репринт — С., 1978; далее — *Григорович В. И.* Очерк...). С. 27).

³ Следует заметить, что в «Донесениях» и «Очерке» В. И. Григорович устойчиво использует только монашеское имя первоучителя — Кирилл (единственное исключение составляет случай с цитируемым заглавием рыльского списка пространного жития 1479 г. — *Григорович В. И.* Очерк... С. 158—159; *Донесения В. И. Григоровича...* С. 200). Соблазнительно поэтому было бы предположить, что «Константина Философа» из заглавия «Прогласа» исследователь мог отождествлять с Константином Костенецким, однако для этого явно нет оснований. Список «Словес вкратце» с именем последнего Григорович нашел только в Охриде (*Григорович В. И.* Очерк... С. 157; *Донесения В. И. Григоровича...* С. 199), уже после посещения Афона, а житие деспота Стефана Лазаревича хотя и на Святой горе (в Зографе), но уже после занятий в Карее (20 декабря 1844 — 1 января 1845), при этом имени автора второго текста исследователь не приводит (*Григорович В. И.* Очерк... С. 56—57; *Донесения В. И. Григоровича...* С. 100—101).

⁴ Славянские рукописи афонских обителей / Сост. А. А. Турилов, Л. В. Мошкова; Под ред. А.-Э. Н. Тахиаоса. Фессалоники, 1999 (далее — *Славянские рукописи...*). С. 75—105, № 152—231.

⁵ *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара (далее — *Богдановић Д.* Каталог...). Београд, 1978. С. 29.

⁶ Многочисленные случаи подобных ошибок и описок сообщает Н. М. Петровский в предисловии к публикации «Донесений» В. И. Григоровича (*Петровский Н.* Предисловие // *Донесения В. И. Григоровича...* С. V—VIII) и в подстрочных примечаниях к ней. Из наиболее вопиющих примеров неточностей можно указать «удвоение» сведений о Милутиновом Евангелии 1316 г. (Хиландарь, № 1) в сведениях о рукописях той же Карейской келии (*Григорович В. И.* Очерк... С. 27; *Донесения В. И. Григоровича...* С. 69; № 1 и 3); о ряде других ошибок, оказавших влияние на историографию, см.: *Суботић Г.* Охридската сликарска школа од XV в. Охрид, 1980. С. 69—72; *Он же.* Пећки патријарх и охридски архиепископ Никодим // ЗРВИ. Београд, 1982. Књ. 21. С. 224—234; *Бубало Ђ.* О називу и времену настанка пописа имања Хтетовског манастира // Стари српски архив. Београд, 2002. Књ. 1. С. 178—180.

⁷ Помимо основной части кодекса, находящейся в Хиландаре, к нему относится лист из собрания Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне (Слав. 78), отождествленный

с рукописью в самое последнее время (Турилов А. А. Сербские отрывки XIII—XVI вв. в собрании Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне (Ч. 1: Рукописи XIII—XIV вв.) // АП. Београд, 2006. Бр. 28 (далее — Турилов А. А. Сербские отрывки...). С. 60).

⁸ Богдановић Д. Каталог... С. 60.

⁹ Богдановић Д. Развој ћирилског писма у Србији до XV в. // *Paleografie et diplomatique slaves / Славянска палеографија и дипломатика*. Софија, 1985. Т. 2. С. 68.

¹⁰ См. примеч. 8.

¹¹ Образцы почерка и отчасти иллюминации рукописи см.: Хиландарски рукописи о постанку словенске писмености. Нови Сад, 1963. С. 1—5; Богдановић Д. Каталог... Албум. Репр. 10; Турилов А. А. Сербские отрывки... С. 81—83, илл. 3—5).

¹² Образцы почерков см., к примеру: Цернић Л. О атрибуцији средњовековних српских ћирилских рукописа // *Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности*. Београд, 1981 (далее — Цернић Л. О атрибуцији...). Сл. 5—14; Палеографски албум / Припремила Л. Цернић. Београд, 1991 (прилож. к: *Штавланин Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Цернић Л.* Опис ћирилских рукописа Народне Библиотеке Србије. Књ. 1. Београд, 1986). Сл. 11—13, 15—18, 22.

¹³ Образцы почерков см.: Богдановић Д. Каталог... Албум. Репр. 5; Цернић Л. О атрибуцији... Сл. 2—4.

¹⁴ Образцы почерков см.: СК XI—XIII: № 182, 185, 187 (снимки).

¹⁵ Текст на лицевой стороне л. 242 воспроизведен: Богдановић Д. Каталог... Албум: ил. 11. В каталоге (с. 60) грамота датирована, как и весь кодекс, третьей четвертью XIII в., однако, судя по почерку, речь должна идти скорее о раннем (в пределах первой трети) XIV в.

¹⁶ Богдановић Д. Каталог... С. 60.

¹⁷ Издана: Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Београд, 1903 (репринт — 1983). Књ. 2 (далее — Стојановић Љ. Стари српски записи...). С. 404, № 4177; Богдановић Д. Каталог... С. 60.

¹⁸ Стојановић Љ. Стари српски записи... С. 404, № 4177 — ошибочно: «же».

¹⁹ Богдановић Д. Каталог... С. 60 — ошибочно: «едьнага».

²⁰ Јиречек К. Историја Срба / Предео и допунио Ј. Радонић. 2-о, испр. и доп. изд. Београд, 1978. Књ. 2 (Културна историја). С. 64.

²¹ Непосредственным поводом для этого явилось отождествление почерка «Бунилова Евангелия, известного по репродукциям (см. примеч. 11) с почерком пергаменного «Милешевского Панегирика» рубежа XIII—XIV вв. (Черногория, Цетинский монастырь, № 50), снимки которого любезно предоставила мне для атрибуции проф. Климентина Иванова. Желание максимально персонифицировать (хотя бы на уровне «Бунило» — «не Бунило») писца столь важной в историко-культурном отношении рукописи как Панегирик, и тем самым надежнее датировать ее, привело к необходимости тщательной проверки не во всем согласующихся сведений хиландарского каталога 1978 г. Замечу, что в одной из предыдущих работ (*Славянские рукописи...* С. 61—62, № 109) я некритически полностью принимал датировку и атрибуцию Д, Богдановича. В другой (Турилов А. А. Сербские отрывки... С. 56—57, 66—68; № 2) я попытался разрешить противоречия в рамках данных каталога, предположив, что рукопись написана в Скопской епархии (в древности имевшей ранг митрополии — *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия (от основането и до завладаването на Балканския полуостров от турците). София, 1924 (репринт — 1995). Кн. 1. С. 183) после ее присоединения к Сербии (1282 г.), и соответственно датировать ее. Однако в источниках времени Милутина скопский архиерей носит епископский титул (см.: *Мошин В.* Крал Милутин според неговата биографија от Данило II, неговото «Житие по свиток» и неговата аутобиографија // *Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија*. Скопје, 1977. Т. 2. С. 354).

²² Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить сербских коллег Владана Трича за изготовление ряда снимков с микрофильма и Снежану Елесиевич за помощь в их получении и первичную проверку ряда сведений по микрофильму.

²³ Образцы почерка собственно Бунила (литургические пометы) см.: *Турилов А. А. Сербские отрывки...* С. 81—83 (илл. 3—5).

²⁴ Обстоятельство, представляющее, на мой взгляд, несомненный интерес для исследователей средневековой сербской (и славянской в целом) лексикографии.

²⁵ Попутно следует напомнить, что датировку первой половиной — серединой XIV в. на основании письма литургических помет предлагал в свое время Н. Б. Тихомиров для отрывка пергаменного Евангелия тетр из собрания афонского Пантелеймонова монастыря, Слав. 78 (Славянские рукописи... С. 70, № 134), отождествленного недавно (*Турилов А. А. Сербские отрывки...* 56—57, № 2) как часть «Бунилова Евангелия».

²⁶ Письмо, которым написано обязательство, отличается большей небрежностью, но основные начертания букв совпадают.

²⁷ *Мошин В.* Монастирот Св. Никита во Скопска Црна Гора и хиландарскиот пирг Хрусија. XII // Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Скопје, 1975. Т. 1. С. 324—332 (снимки грамоты (табл. 34, 35) на вклейках между с. 324—325 и 332—333).

²⁸ *Синдик Д.* Српска средњовековна акта у манастиру Хиландару // Хиландарски зборник. Београд, 1998. Књ. 10. С. 117—119.

²⁹ Предлагаемая здесь датировка «Бунилова Евангелия» вполне согласуется с наметившейся в исследовательской литературе с середины 1980-х гг. (см., например: *Васильев Љ.* Геометријски иницијал од средине XIII до двадесетих година XIV в. и његов палеографски значај у датирању српских пергаментних рукописа // АП. Београд, 1984—1985. Бр. 6—7. С. 131—156) тенденцией к некоторому омоложению сербских книжных почерков второй половины XIII — первой половины XIV в. по сравнению с работами предшествующего периода.

³⁰ Ранее (*Турилов А. А. Сербские отрывки...* С. 57) я уже отмечал большую близость почерка Радослава и письма «Бунилова Евангелия», при всей очевидной небрежности последнего на существующих репродукциях, однако в то время еще существовал «фантом Бунила».

³¹ О рукописях, написанных дяком Георгием Радославом, см.: СК XIV. С. 371 (№ 232), 375 (№ 236); *Турилов А. А.* Книжное письмо в сербских грамотах XIV—XV вв.: проблемы писцов, подлинности и датировки актов (из предварительных наблюдений) // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона / Мат-лы Междунар. науч. конф. М., 2008. С. 198—199. Из их числа следует исключить лишь Евангелие тетр РНБ, Гильф. 2 (см. ниже). Хорошие воспроизведения почерка Радослава см.: *Ђорђић П.* Историја српске ћирилице. Београд, 1971 (переизд.: 1987, 1995). С. 283 (сл. 69); *Tachiaos A.-E. N.* The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1971. Цветная репродукция [1]; *Богдановић Д.* Каталог... Альбом, репр. 25; *Станчев К.* Опис на славянските ръкописи в Пловдивската Народна библиотека «Иван Вазов», постъпили след 1920 г. София, 1982. Табл. 3; *Кодов Х., Райков Б., Кожухаров С.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1985. Т. 1. С. 168. Табл. 56; Манастир Хиландар / Приредил Г. Суботић. Београд, 1998. С. 117; *Недельковић Ј.* Наставак генитива множине именица у Светостефанској хрисовуљи // АП. Београд, 2004—2005. Бр. 24—25. С. 159—160.

³² На это косвенно указывает (хотя речь может идти и об отражении протографа) обнаруженная С. Елесиевич в месяцеслове «Бунилова Евангелия» уникальная память успешия архиепископа Арсения Сербского под 11 марта (обычная дата — 28 октября), гроб-

ница которого находится в Пече (новооткрытой памяти исследовательница предполагает посвятить самостоятельную работу). Версия вполне согласуется и с необыкновенно пространной и пышной памятью св. Саввы, почитавшегося как ктитор храма Апостолов (*Ђурић В. Ј.* Византијске фреске у Југославији. Београд, 1975. С. 37), в том же месяцеслове (*Богдановић Д.* Каталог... С. 60).

³³ *Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л.* Българското средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Държавния исторически музей в Москва / Каталог. София, 1999 (далее — *Николова С. и др.* Българското средновековно културно наследство...). С. 21—22, № 9; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV в., хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. М., 2002. Вып. 1 (далее — СК XIV). С. 368—370, № 230.

³⁴ *Попов А. Н.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 12.

³⁵ *Турилов А. А.* К истории второй (македонской) рукописной коллекции А. Ф. Гильфердинга // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 132—133, 139—140.

³⁶ *Антонин (Капустин), архим.* Поездка в Румелию. СПб., 1879. С. 288—289.

³⁷ Отождествлению отрывка Григоровича с кодексом Хлуд. 13 посвящена отдельная работа (*Турилов А. А.* Из какого евангельского кодекса происходит послесловие анагноста Радина? // *Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов.* СПб., 2010. С. 117—127).

Текст послесловия Радина неоднократно публиковался, начиная с 1877 г. (см., например: *Jagić V.* Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovenskih rukopisa. XII. Odlomak Radinova srpskoslovenskog jevangeliја od god. 1308 // *Starine, Zagreb, 1877, Knj. IX.* S. 127—128; *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Београд, 1902 (репринт — 1982). Књ. 1. С. 15—16, № 34—35; *Поп-Атанасов Ѓ., Велев И., Јакимовска-Тошиќ М.* Скрипторски центри во средновековна Македонија. Скопје, 1997 (далее — *Поп-Атанасов Ѓ. и др.* Скрипторски центри...). С. 224—225).

³⁸ Новейшее описание отрывка, сделанное, впрочем, еще до отождествления частей кодекса см.: СК XIV. С. 378—380, № 242.

³⁹ В. И. Григорович был в Слѣпченском монастыре, о рукописях которого упоминает лишь предельно кратко («по полкам и на полу лежали 60 запачканных рукописей и кусков рукописей»), во второй половине мая 1845 г. (*Григорович В. И.* Очерк... С. 115, 159; *Донесения В. И. Григоровича...* С. 157, 201). Таким образом получается, что исследователь во время своего путешествия по крайней мере держал в руках два из трех древнейших списков «Прогласа». При этом нельзя быть уверенным, что он заметил этот текст в хлудовской рукописи (хотя после случая с карейским списком уже ничто не может особенно удивить), поскольку памятник расположен здесь (в отличие от двух других списков) не в самом начале (занимает листы 3—5), а заголовок написан хотя и киноварью, но строчным письмом.

⁴⁰ Обоснование датировки см.: СК XIV. С. 379.

⁴¹ Об этом «размирии» см. подробнее: *Мошин В.* Балканската дипломатија и династичките бракове на кралот Милутин // Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Скопје, 1977. Кн. 2. С. 194; *Он же.* Договорот на крал Урош II Милутин со Карло Валоа од 1308 година за поделбата на Византијска Македонија // Там же. С. 422—423.

⁴² Палеографическую характеристику почерка Радина см.: (*Лавров П. А.* Палеографическое обозрение славянского кирилловского письма. Пг., 1914 (= ЭСФ. Вып. 4.1). С. 214—215); снимки почерка — *Он же.* Палеографические снимки с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. СПб., 1905. Вып. 1, № 48; *Он же.* Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916 (Прилож. к ЭСФ.

Вып. 4.1). Табл. 51; *Мошин В.* Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966. С. 77, № 73; *Поп-Атанасов Ѓ. и др.* Скрипторски центри... 224; *Турилов А. А.* Из какво евангелског кодекса происходит послесловие... Илл. 1—3).

⁴³ Еще до отождествления с отрывком Григоровича кодекс был отнесен мною к началу XIV в. (см.: СК XIV: 368, № 230).

⁴⁴ Это обстоятельство до последнего времени служило почему-то непреодолимым препятствием для всех исследователей, исследовавших или публиковавших эту запись (см.: *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Сремски Карловци, 1923 (репринт — Београд, 1986). Књ. 4. С. 32, № 6156; *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 296; *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольищенко В. С.* Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. 2 (Рукописи болгарские, сербские, молдавские) // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 290; *Николова и др.* Българското средновековно културно наследство... С. 21).

⁴⁵ По поводу их датировки в литературе нет устойчивого мнения. М. Н. Сперанский определял их как «приписки XV в. типичной хорватской глаголицей» (*Сперанский М. Н.* Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письменности. Л., 1929 (= ЭСФ. Вып. 4. 3). С. 8, примеч. 3), одновременно датируя кодекс серединой XIV в. Я считаю вполне вероятным, что они современны рукописи и это мнение отражено в СК XIV. В любом случае, они носят уникальный характер и отражают какие-то неизвестные нам культурные связи в регионе.

⁴⁶ В СК XIV почерк писца ошибочно отождествлен с почерком дьяка Георгия Радослава (см. примеч. 31). В настоящее время трудно установить, кому принадлежит эта атрибуция (с полной ответственностью исключаю из числа возможных авторов покойного В. М. Загребина). Сам я познакомился с данной рукописью только в конце 2007 г. Пожалуй, ближе всего к ее письму почерк хиландарского книгописца монаха Дионисия, переписавшего в 1356 г. Евангелие тетр (Хиландарь, № 10 — см.: *Богдановић Д.* Каталог... Албум: репр. 47).

⁴⁷ Стоит заметить, что в критическом издании славянского текста Евангелия от Иоанна рукопись Гильф. 2 датирована второй половиной XIV в. (Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998. С. 61).

⁴⁸ *Богдановић Д.* Каталог... С. 60; СК XIV. С. 397, № 258.

⁴⁹ СК XIV. С. 369, № 230.

⁵⁰ См.: *Богдановић Д.* Каталог... С. 60.

⁵¹ Хил. 23, л. 237 об. В описаниях (явление, к сожалению, обычное для южнославянской археографии) наличие в месяцеслове этой памяти не отмечено (см.: *Богдановић Д.* Каталог... С. 60). Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить коллегу Снежану Елесиевич, проверившую по моей просьбе на этот предмет месяцеслов Бунилова Евангелия по микрофильму в Археографическом отделении НБ Сербии еще для предыдущей статьи о сербских отрывках в библиотеке Пантелеймонова монастыря.

⁵² По моим подсчетам в настоящее время их насчитывается не меньше 40. Наиболее полную (хотя и не исчерпывающую) сводку данных по этому вопросу см.: *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 92—108.

**К ИСТОРИИ ВЕЛИКОМОРАВСКОГО НАСЛЕДИЯ
В ЛИТЕРАТУРАХ ЮЖНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН
(Слово «О похвале Богородице Кирилла Философа»
в рукописной традиции XV–XVII вв.)**

Хорошо известно, что имя Кирилла Философа пользовалось широкой популярностью в средневековых славянских литературах. Оно встречается в заглавиях сочинений разных жанров, столь отличных друг от друга по языку и стилю, что их принадлежность перу одного автора (или хотя бы одной эпохе) давно вызывала справедливые возражения исследователей¹. Монашеское имя, принятое славянским первоучителем на смертном одре, естественно, не могло быть поставлено в заглавие сочинений им самим, а по замечанию Н. К. Никольского, «если более молодые рукописи сохраняли иногда в заглавиях статей и отрывков старинные надписания с именем Кирилла Философа, то эти последние могли иметь в виду не только первоучителя, но и кого-либо другого»². В то же время число оригинальных сочинений, бесспорно принадлежащих перу Константина-Кирилла, так невелико, что каждое новое свидетельство заслуживает внимания. В предлагаемой статье речь пойдет о памятнике, если не созданном славянским первоучителем, то, во всяком случае связанном с великоморавским литературным наследием. Памятник этот — торжественное слово, озаглавленное «О похвале святей Богородице Кирилла Философа», сохранился в русской рукописи XV в., содержащей Златоуст постный и цветной (триодный Торжественник)³. В исследованиях, посвященных сочинениям, приписываемым Кириллу Философу, текст под таким заглавием не отмечен⁴, другие списки Златоустов, содержащие это слово, в настоящее время не известны.

Рассматриваемое слово помещено в Музейском Златоусте для чтения в субботу пятой недели Великого поста («акафистная суббота») ⁵, но нет сомнения в том, что первоначально оно предназначалось для праздника Рождества Богородицы (8 сентября). В тексте памятника читаем: *О светлыи дни славнои, в онь же родися нам радость... Да веселимся друзи, славим рожьшуюся днесь* (л. 107 об.). Редкость этого текста в Златоустах объясняется, вероятно, произвольным включением слова в цикл триодных гомилий.

Опираясь на начальные слова текста (*Всяк человек, хотяи похвалити что любо, иному добрейшим прилагает...*) — показатель для славянской кириллической традиции куда более надежный, чем неустойчивые заглавия, — удалось выяснить, что памятник (с некоторыми отличиями в тексте) встречается и в минейных Торжественниках XVI—XVII вв. Известны четыре таких списка: 1) Народный музей в Праге, IX D 15 (Š. 7), из собр. П.-Й. Шафарика, сербская рукопись первой чет-

верти XVI в.⁶; 2) ОР БАН Литвы (ранее ЦНБ Литовской ССР) в Вильнюсе, ф. 19 (бывшее собр. Виленской публичной библиотеки), № 103, украинская рукопись 1569 г., переписанная в г. Корец на Волыни для князя Богуша Корецкого⁷; 3) ОР ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 1502, украинская рукопись второй четверти XVII в.⁸; 4) Ин-т рукописей Нац. б-ки Украины (ранее — ЦНБ АН УССР) в Киеве, собр. Мелецкого монастыря, № 116, украинская рукопись XVI в.⁹ Списки Шафарика, Барсова и Киевский (Ш, Б и К) названы в заглавии словом на Рождество Богородицы, Вильнюсский (В) — словом на Зачатие Богородицы (что, вероятно, так же вторично, как и включение слова в триодный Торжественник)¹⁰. Ни в одном из этих списков авторство не приписано Кириллу Философу: в Ш и К памятник анонимен, в В и Б автором назван Иоанн Златоуст¹¹. Впервые на слово обратил внимание Ф. Н. Добрянский, опубликовавший при описании В перечень народов, хвалящих Богородицу¹². Ш был опубликован в 1902 г. М. П. Петровским¹³, ранее этот список был использован Ф. Миклошичем как источник для второго издания его словаря¹⁴. В силу некоторых особенностей этих списков (о чем пойдет речь ниже) памятник до настоящего времени не связывался с великоморовской традицией.

Хотя списки памятника и немногочисленны, но наличие их в рукописях русской, сербской и нескольких украинско-белорусских (восходящих, по-видимому, к молдавскому, т. е. в конечном счете среднеболгарскому протографу) свидетельствует о его достаточной известности во всем православном славяноязычном мире.

Несколько слов следует сказать об особой редакции памятника, содержащейся в минейных Торжественниках XV—XVII вв. и в четырех минеях XVI—XVII вв.¹⁵ Слово приписано здесь, как в В и Б, Иоанну Златоусту и помещено, как в Ш, К и Б, под 8 сентября, но с текстом, читающимся в указанных выше рукописях, совпадает лишь в первой части¹⁶. Редакция эта выявлена М. П. Петровским и использована им для различий при публикации Ш (по изданию Великих Миней Четых — ВМЧ)¹⁷. Позднее Н. К. Никольский, обратившийся к этому тексту для доказательства редактирования памятников при составлении ВМЧ, отметил (не зная о наблюдениях М. П. Петровского), что слово слито «из двух сочинений: из начальной части одного анонимного похвального слова и из отрывка, извлеченного из панегирика, приписываемого Иоанну Дамаскину»¹⁸. Старший известный список этой редакции помещен в сборнике середины XV в. из библиотеки московского Чудова монастыря¹⁹. Судя по отсутствию памятника в Софийском (старшем по времени возникновению и чисто новгородском по происхождению) экземпляре ВМЧ — и по наличию его в рукописи Чудова монастыря, — ранний этап бытования (а возможно, и возникновение) этой компилятивной редакции следует связывать с Северо-Восточной Русью²⁰.

Текст, содержащийся в четырех минеях, возник, возможно, в результате механического соединения двух памятников из-за утраты листов в протографе; там, где это сопоставимо, он, бесспорно, ближе к Б, В, К и Ш, чем к Музейскому Златоусту (З). Близость текстов минейных торжественников во многом вызвана механическими пропусками и неверными прочтениями в З²¹, к числу наиболее значительных различий между Б, В, К и Ш, с одной стороны, и З, с другой, следует отнести вставку в З ангельского славословия Богородице (л. 110 и об.)²², русские интерполяции

в перечне народов, славящих Богородицу, и сокращение этого списка в конце²³.

Структурно слово состоит из четырех частей: 1) пролог, в котором автор традиционно говорит о бессилии по достоинству восхвалить Богородицу; 2) историческая или повествовательная часть; 3) собственно похвала Богородице и ее родителям, включающая перечень стран и народов, прославляющих Богородицу; 4) заключительная часть — молитва о заступничестве.

Повествовательная часть слова основана (как это отметили еще А. В. Горский и К. И. Невоструев для ВМЧ)²⁴ на тексте апокрифического Протоэвангелия Иакова. Этот апокриф неоднократно переводился с греческого на славянский²⁵, при этом старший из переводов М. Н. Сперанский относил ко времени не позднее X в.²⁶ Сопоставление текстов затруднено тем, что слово содержит сокращенный пересказ апокрифа; там, где сравнение возможно, текст, включенный в слово, не совпадает ни с одной из известных редакций Протоэвангелия²⁷. Не исключено, что это особая редакция, — возможно, непосредственный сокращенный пересказ с греческого²⁸.

Переходя к вопросу о датировке памятника и месте его создания, следует сказать, что факт наличия его в списках XV—XVII вв. сам по себе отнюдь не противоречит его древности, так как многие литературные памятники IX—X вв. (в полном объеме, а не во фрагментах) известны по спискам не ранее XV в.²⁹ К сожалению, язык памятника содержит мало датирующих и локализирующих признаков. Само по себе это понятно, поскольку за долгое время существования памятник неоднократно менял языковую среду. Достаточно сказать, что все известные в настоящее время списки этого торжественного слова, как будет показано ниже, восходят к русскому протографу, списанному в свою очередь с болгарской рукописи. Одним из немногих западнославянских текстов является слово *цалъжена*³⁰ (супруги, ср. совр. чешск. *manželka*; польск. *malżonek, malżonka*; верхнелужицкое *mandželka*), но это слово встречается и у болгарских авторов IX—X вв., например, у Козьмы Пресвитера³¹. Список З сохранил в цитате из Псалтири для обозначения украшений древнюю форму *тръсна*³², но само по себе это чтение указывает лишь на древность памятника, не локализуя его.

О древности текста свидетельствуют и содержащиеся в нем этнонимы: *съпроуци* (В, В2 — *испрѣци*, К — *испроуци*, Б — *прѣци*, Ш — *проуци*) — франки и *внатьци* (В — *внатцы*, Б, В2 — *вонатцы*, К — *венѣтци*, Ш — *вѣнетци*) — венецианцы, Венеция. Форма *съпроуци*, происходящая от греческого *σπραυοί*³³ (франки, фряги), характерна для древнейших славянских памятников: это чтение сохранилось в Проложном житии Константина и Мефодия (*шт спрѣцкнѣхъ епископъ*)³⁴ и в древнейшем русском списке Пространного жития Константина³⁵ (в других испорчено)³⁶. Второе слово в такой форме, которую П. А. Лавров связывал с великоморовской эпохой³⁷, встречается лишь (преимущественно в испорченном виде)³⁸ в Пространном житии Константина³⁹ и в Проложном житии Наума Охридского (*къ венѣткѣмъ*)⁴⁰.

Древности памятника, на первый взгляд, противоречит тот факт, что евангельская цитата дана в нем по четвертой редакции перевода Евангелия, выполненной в XIV в.⁴¹ Однако это обстоятельство не может иметь решающего значения, так как известно, что текст цитат из Священного Писания приводился в соответствии с нормами, принятыми во время создания списка, а не памятника⁴².

Наиболее интересной в историческом отношении частью слова является перечень народов и стран, славящих Богородицу. Именно этот перечень позволяет сделать выводы о времени и месте создания памятника. Он разнится во всех списках, но наиболее просторен и исправен в 3 (Б, оба вильнюсских, К и Ш в этом отношении ближе друг к другу). Нумерация в 3 вторична, так как рассекает текст.

3

пoнстѣне во стѣа кто тебе не
блaжнтъ. кто ли не славнтъ. и кто не
хвалнтъ, прѣстѣа двo млстнвaа. а. е
тебе блaжнтъ велнкнн мнрѣ. б. грѣцн.
г. ее болгаре. д. е палестин (!) нерѣлнмъ.
е. е нндннне. з. е мндене. ж. е роуць
велнкaа новoe стадо. и. ромaне. ф. е
и овaзъгоуе. т. е нверн. а. и аланесъ.
в. персн. г. парфн. д. ефоноп (!).
е. алмазн же. з. и съпроуцн. ж. и
серпн же. и. н ховратн (!). ф. сан
же. к. н скырн. к. оунднн. к. в. н
егнпндн. к. г. лоугъвардн. к. д. н власн.
к. е. сардн же. к. з. н внатъцн. к. ж.
мрaвлене. к. н. гоуфн же. к. ф. н фнлн
же. л. н егнптане. л. а. соуране же. л. в.
елaднтн. л. г. блaтaнн. л. д. сзрожане
л. е. шeбжане. л. з. терькасове. л. ж.
тaсове. л. и. арапн. н нннн цнозн
азыцн (л. 112 и об.).

Б, В, В2, К, Ш

пoнстнннѣ (В — понстннне) во стѣа (К — стѣа,
В — стѣа) кто тебе (В — кто бe) не славнтъ (Ш — не
славеть). кто тебе (В, К — кто ли) не хвалнтъ и млнтъ
(В, К — млнтъ, в Ш фраза опущена). румнн (К —
руми, В — румнннн, Ш — нет) или (Ш — нет) грѣцн
(В2, К — грѣцн) или болгаре (В2 — или бол'гаре, Ш —
бъл'гаре, В — болгаре) или русн (роу(с) — В, К) новое
твое стадо. или ромaне (В — римaне, К, Ш — римaнe)
и овaзгъ (К — штвaзгн, В — швaзноу, Ш — шварзн,
В2 — вaзгъ), нверн (В — нверннн) же (В — нет) и
алане (В — аланн, К — аланн, Ш — аленн), персн
(прѣсн — В2) же и парфн (К — парфн, В — перфн),
нндн (К — ннднн) и ефонопе (В2 — ефонопе, В, К —
ефоноп), алмазн же и прѣцн (В, В2 — нспрѣцн, К —
нспроузн, Ш — проузн), серпн (К, Ш — сербн) же (в К
нет) и харватн (К, Ш — ахарватн, В — тарватн), сан
(сасн — К, Ш; са(и) — В) же и скырн (В — нскырн,
К — скнфн, Ш — скыфн), оунднн (К — оунднннн,
Ш — анднн) и егнпндн (В — егнпндн, К, Ш —
еупндн), лагвардн (В2 — лагтавардн, К — лаговардн,
Ш — лаговардн, В — патвардн) и власы (В, В2, К,
Ш — власн), сардн же и внатъцы (В — внатъцы, К —
венѣтцн, Ш — вѣнетцн), мрaвлaне (В — мрaвлaне,
В2 — мрaвлене, К — мрaвлaне, Ш — мрeвлaне) и
разлнтн н (В, В2 — н разлнтнн) словенн, гоуфн (В2 —
го(т)фн (испр. из гоу(т)фн), К — гоуфн, В — тюфн)
же и фнлн (К — фнлн, В — фнлнн) и нннн цнозн азыцн
(Б — л. 3 об.; В — л. 602 об., В2 — л. 75 об.; К —
л. 30 и об.; Ш — с. 126).

Сопоставление пяти списков позволяет говорить о том, что первоначальный перечень был позднее интерполирован, как минимум — дважды. К числу интерполяций относятся упоминания болгар, Руси, сербов и хорватов, поскольку они разбивают логическую организацию списка, рассекая целостные комплексы, наличествовавшие в первоначальном тексте. К вопросу о времени и месте появления интерполяций мы вернемся ниже. Первоначально список, очевидно, состоял из 7 групп.

1. «Священные языки» средневековья — латинский, греческий и еврейский. Эта группа целиком помещена только в З, и то в искаженном виде (вѣлнкн цнръ, грѣцн, палѣстнн (!) нѣрѣлнцъ), в Б, В и К опущены Палестина и Иерусалим (Рим упомянут в искаженном виде: К — рѣцн, Б, В2 — рѣцнрн, В — рѣцнцнлн), в Ш нет и Рима (рнцлланѣ, о которых говорится ниже, это искаженное «армяне», так как они помещены в числе кавказских народов). Только благодаря З можно понять, что упоминание болгар, помещенных между греками и Палестиной, является интерполяцией, разрывающей триаду «священных языков». Несомненно, что вѣлнкн цнръ З — это «Великий Римъ». Иначе это чтение нельзя объяснить, так как упоминание в перечне стран и народов мира в значении ойкумены бессмысленно. Правильность реконструкции подтверждается и искаженными чтениями Б, К, В2, и В (рѣцнрн, рѣцн и рѣцнцнлн явно от рѣцъ — Рим). Сама перестановка букв (Римъ — миръ), вольная или невольная, достаточно обычна для кириллической традиции. Аналогичный случай имеем в русских списках другого памятника западнославянского происхождения — «Легенды Никольского» (второго жития Вячеслава Чешского), где в прологе говорится о создании памятника по вѣлѣннѣ повѣдѣтелнаго црѣа н августѣ цнръскаго (подчеркнуто мною. — А. Т.) оты, а ниже король Генрих назван царѣцъ... Фратъскнцъ н Рнцъскнцъ⁴³.

Помещение Рима в списке стран и народов на первое место имеет большое значение для выяснения датировки и происхождения всего сочинения. Такой порядок был бы оправдан, если бы речь шла о перечне вселенских патриархов, среди которых римский папа занимал первое место, но здесь список стран и народов. Древнейшие славянские сочинения постоянно дают иную последовательность перечисления «священных языков» (принадлежащую, впрочем, возможно уже спискам, а не самим памятникам), как правило: еврейский греческий, латинский⁴⁴; реже: еврейский, латинский, греческий⁴⁵. На первом месте латинский язык назван лишь в Пространном житии Мефодия, где говорится что службу над его телом пели латннъскы н гръкъскы н словѣнъскы⁴⁶. Есть поэтому все основания полагать что тот порядок, который мы имеем в торжественном слове, указывает на создание памятника в области, находившейся в церковной юрисдикции римского папы и обладавшей славянской письменностью. В сочетании с другими особенностями перечня это одновременно и датирующий и локализирующий признак, указывающий на Моравию или Паннонию между 863 и 885 г., так как подобная ситуация в истории больше не повторялась. Болгария, склонная в 866—870 гг. признать главенство папы⁴⁷, не обладала в то время славянской письменностью (кроме того, болгары явно внесены в список позднее), против Чехии X—XI вв. свидетельствует отсутствие чехов в перечне.

2. Народы Кавказа. В данном случае мы следуем за Б, В, К и Ш, тогда как в З эта группа по ошибке помещена среди народов Ближнего и Среднего Востока⁴⁸. Рѣцлланѣ (З), рѣцлланѣ (Б, В2) рнцлланѣ (В), рнцлланѣ (К, Ш) — безусловно, искаженное «армяне» (орѣлланѣ), овазъгѣоуѣ (З), швазгъ (Б), вазгъ (В2), штвазгн (К), швазпоу (В), шварзн (Ш) — абхазы и, возможно, абазинско-адыгейские племена Северного Кавказа. Иверн — грузины, аланѣсъ (З), аланѣ (Б, В2), аланн (В, К), аланн (Ш) — северокавказское ираноязычное племя, предки современных осетин, феодализирующаяся верхушка

которых приняла христианство в VII в.⁴⁹ Если армяне и грузины принадлежат к числу древнейших христианских народов, обладающих собственной письменностью, то ни абхазы, ни аланы не совершали богослужения на родном языке: для первых литургическим языком служил грузинский⁵⁰, вторые в разное время пользовались грузинским и греческим. Впрочем, абхазы («авазги») упоминаются и в пространном Житии Кирилла как народ со своей письменностью⁵¹.

Непосредственное отношение к этой группе имеют три этнонима, читающиеся в заключительной части 3 и отсутствующие в других списках: *ѡбежанѣ*, *чѣркасовѣ* и *ѡсовѣ*. Скорее всего, это глосса одного из русских переписчиков, позднее внесенная в текст, так как здесь даны русские эквиваленты греческих названий народов Кавказа. Обезжанами русские источники называют не абхазов (или, точнее, не только абхазов), несмотря на несомненную связь этнонимов *ѡвазъгоуѣ* и *ѡбежанѣ*, а грузин («иверов»)⁵². Труднее отождествить «черкасов» с овазгами, так как черкасами (черкесами) русские источники обычно называют лишь адыгейские племена Кубани и Северного Кавказа, а не родственное им население Абхазии. Ясы (*ѡсовѣ*) русских источников соответствуют аланам византийских.

3. Народы Ближнего и Среднего Востока. *Индѣанѣ* (3), *инди* (Б, К, В, В2, Ш) означают «христиан святого Фомы» на Малабарском берегу, куда христианство проникло в III—IV вв.⁵³ через посредство сирийцев. *Индѣнѣ* (Б, В, В2, К, Ш — нет) — мидийцы, как народ для IX в. — анахронизм. Столь же анахронистично упомянуты *парфи* (3, Б, В2, Ш), *парѣн* (К), *перѣн* (В). Персы, как и эфиопы, не требуют комментариев. Здесь наблюдается та же картина, что и с народами Кавказа: наряду с народами, обладавшими собственным литургическим языком (эфиопы) упомянуты персы и индийцы, литургическим языком которых был сирийский⁵⁴.

4. Германские народы. *Альмази* (3), *алмази* (Б, В, В2, К, Ш) — очевидно, алеманы (алеманы), как предполагал еще М. П. Петровский⁵⁵, во всяком случае, иное толкование предложить трудно. *Ѣпруци* (3), *испруци* (В, В2), *пруци* (Б), *испруци* (К), *пруци* (Ш) — франки (от греческого *στραγγι*⁵⁶). Помещение этих народов в перечне не вполне понятно, так как они пользовались при богослужении латинским языком. Впрочем, Житие Константина различает латинских и франкских («спручских») епископов⁵⁷. *Сан* (3, Б, В2), *сан* (К, Ш), *са(и) / сани* (В) — если чтение К, Ш не является заменой непонятого слова на понятное, то речь идет о саксах (неясно, в Германии или в Англии)⁵⁸. *Скыри* (3), *скири* (Б, В2), *искири* (В), *скыфи* (Ш), *скиѣн* (К) — скиры, восточногерманский племенной союз эпохи Великого переселения народов, разгромленный в VI в. в Паннонии лангобардами. Чтение *скыфи* / *скиѣн* явно вторичное, возникшее в результате осмысления непонятого *скыри*. *Ѡуандилн* (Б, В, В2), *Ѡуандилн* (К), *Ѡуѣдилн* (3), *андилн* (Ш) — вандалы. *Ѣгипидн* (3, Б, В2), *ѣгидн* (К, Ш), *ѣгипидн* (В) — гепиды, восточногерманский племенной союз на Тисе и в Банате, разгромленный в 567 г. лангобардами и аварами, а в 601 г. византийским полководцем Приском⁵⁹. *Лаугвардн* (3), *лагвардн* (В2), *лагвардн* (Б), *лаговардн* (К), *лаговардн* (Ш), *патвардн* (В) — лангобарды (лонгобарды), которых, быть может, следует рассматривать среди народов Италии. Перечисленные германские народы, помимо анахронизма упоминания в IX в. скиров, вандалов и гепидов, объединяет одна черта: кроме франков и саксов, все они первоначально исповедовали христианство

арианского толка и пользовались при богослужении хотя и не родным, но близким, восточногерманским же, готским языком.

5. Народы Италии (и возможно — Далмации). Бласн (З, В, В2, К, Ш), власы (Б). Трудно сказать, кого понимает под этим именем автор слова: романское население Италии (в отличие от лангобардов) или романизированных аборигенов Далмации⁶⁰. сардн — романоязычное население о. Сардиния. Ёнатъци (З), внатъцы (В), вонатъцы (Б, В2), вѣнѣтици (Ш), вѣнѣтици (К) — Венеция, в данном случае, вероятно, романоязычное население города и прилегающего района, подвластных Византии. Не вполне понятно различие владов, сардов и венецианцев. Впрочем, «венедици» как народ или область известны и «Повести временных лет»⁶¹, и «Слову о полку Игореве»⁶².

6. Мравленѣ (З), мравленѣ (В2), мравланѣ (Б), мравланѣ (В), моравланѣ (К), моревланѣ (Ш) и разланѣци (Б, К, Ш — и разланѣци и; З — нет) словенн (З — нет) не требуют комментариев. В общей для всех списков части перечня это единственный славянский народ, не интерполированный в текст позднее.

7. Народы Крыма. Готѣн (В2), гоуѣн (З, Б, Ш), гоуѣн (К), тюѣн (В) — *готы* (*гот-фи*), которые во второй половине IX в. как самостоятельный народ сохранились только в Крыму⁶³. Ф. Н. Добрянский, знавший лишь список В, предполагал здесь испорченное *чюди* (чудь — финно-угорские племена Прибалтики и Заволочья)⁶⁴. Фнлн (З, Б, В2, Ш), фнлн (К), фнлнн (В) торжественного слова, несомненно, соответствуют фулам (филам) Пространного жития Константина⁶⁵, обитавшим, как предполагается, в восточном или центральном Крыму⁶⁶.

Филами ограничивается общий текст перечня во всех списках. Далее в З упомянуто еще 9 народов, которых нет в Б, В, В2, К и Ш. На первый взгляд, они расположены абсолютно бессистемно и производят впечатление позднейшей приписки. Этому, однако, противоречит ряд содержащихся в этой части перечня этнонимов. Порядок возникает, если рассматривать эту часть не саму по себе, а параллельно основному перечню. Тогда египтанѣ, соуранѣ и елланѣци дополняют группу народов Ближнего и Среднего Востока, а елатанн окажутся рядом с мораванами. Вопрос о «сурожанах» нужно рассматривать особо, но за ними следуют, бесспорно, русские эквиваленты греческих этнонимов: швежанѣ, чъркасовѣ, и ясовѣ, о которых уже шла речь выше, и арапи. Очевидно, эта заключительная часть появилась на одном из этапов переписки памятника в результате дополнения дефектного перечня по более полному списку или сверки невнимательно сделанного списка с протографом. Внутренний порядок перечня к тому времени уже был забыт, поэтому все пропуски восполнялись в конце. При этом сначала были переписаны пропуски самого списка, а затем — русские глоссы к нему. Процесс формирования заключительной части мог быть и не одновременным, а совершаться в несколько этапов.

Египтанѣ списка З, очевидно, копты — христианское монофизитское население Египта. Как и в Пространном житии Константина, египтяне отличаются здесь от арабов (арапи)⁶⁷. соуранѣ — сирийцы, один из древнейших христианских народов, до арабского завоевания активно распространявший христианство (несторианского толка) на Среднем Востоке и в Центральной Азии⁶⁸. Распространенная апокрифическая традиция считала сирийский язык древнейшим на Земле⁶⁹. елланѣци — возможно, под этим именем подразумевается халдейское население нижнего Двуречья и Элама. О суще-

ствовании христианства в Эламе после арабского завоевания сообщают источники первой половины IX в., правда, речь идет о живших там сирийцах и персах⁷⁰.

Блатани. Источники не знают блатан как народа, но называют Коцела блатенским князем⁷¹. Древность этого уникального свидетельства 3 не подлежит сомнению. Первоначальную славянскую часть перечня, вероятно, можно реконструировать следующим образом: аравлане и блатани (и, возможно, и различные словенн). Эти народы населяли архиепископию Мефодия.

Сурожане. Истолкование этого имени относится к числу труднейших в перечне. Его русское происхождение не вызывает сомнений, это название жителей Сурожа (греч. Сугдейя, генуэзск. Солдайя, современный Судак)⁷², восточнокрымского порта на Черном море, игравшего важную роль в международной торговле XIII—XV вв. Сложнее определить, к чему это слово служило глоссой. Есть два почти равнозначных варианта:

1. Сугды — согдийцы, жители южной части междуречья Амударьи и Сырдарьи. Глосса была сделана из-за созвучия с греческим названием Сурожа — Судака: сугди — Сугдейя. Слово, которое «объясняла» глосса, могло быть опущено на одном из этапов переписки. Этому варианту отождествления противоречит то обстоятельство, что сурожане помещены в перечне перед кавказскими народами, а не после них, как можно было бы ожидать, исходя из порядка групп в основной части списка (в Б, В, К, Ш); впрочем, при общей запутанности перечня в его нынешнем состоянии это не может служить веским аргументом.

2. Сурожане могут быть внесенной в текст глоссой к имени Фили, так как городище, наиболее обоснованно отождествляемое со средневековыми Фуллами, находится у с. Планерское (бывш. Коктебель)⁷³, в окрестностях Сугдейи — Сурожа. С XII в. существовала объединенная архиепископия Сугдея и Фуллы⁷⁴.

Решение этого вопроса имеет значение не только для исследования похвального слова, но и для понимания известного места в XVI главе Пространного жития Константина, где среди народов, обладающих своею письменностью и богослужебным языком, упоминаются и со҃гди⁷⁵, которых одни исследователи склонны считать аланскими племенами восточного Крыма⁷⁶, другие — среднеазиатскими согдийцами⁷⁷.

Последним народом, помещенным в перечне (вслед за русской глоссой, поясняющей названия кавказских народов, о чем уже говорилось выше), являются арапи — быть может, глосса к опущенному аравлане (арабы), которых упоминает и Житие Константина⁷⁸. Поскольку в заглавии старшего списка похвального слова стоит имя Кирилла Философа, вполне оправданным представляется сравнение рассмотренного перечня с тем местом из XVI главы Пространного жития, где философ, полемизируя в Венеции с «триязычниками», говорит о народах, владеющих искусством письма и восхваляющих бога на своем языке⁷⁹. Не считая «священных языков», в житии перечислено 12 народов (в слове, соответственно, 32): армяне, персы, абхазы, грузины, согды, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне и сирийцы. Столь существенная разница, вероятно, вызвана разным назначением перечней: если в житии перечень является аргументом в пользу существования славянского письма и литургии (поэтому перечислены народы, обладающие соб-

ственной письменностью; относительно богослужебного языка этот принцип не выдержан последовательно⁸⁰), то в слове скорее очерчены географические границы христианского мира (отсюда — включение ряда народов, пользующихся для литургии латинским, греческим и сирийским языками). Тем не менее здесь присутствует та же идея, что и в полемической речи Кирилла — идея равенства народов, выраженная в соответствии со средневековым мирозерцанием в форме их равенства перед богом⁸¹. Отсутствие прямых выпадов против триязычной ереси может объясняться жанровыми особенностями памятника. Не исключено, что оба перечня имеют общий источник — полемическое сочинение Кирилла.

Отсутствие в перечне торжественного слова авар, турок и хазар может объясняться рядом причин. Простейшая из них — механический пропуск. Однако выше мы показали, что текст испытывал изменения и сознательного характера. Авар (обров) начитанный русский писец (а все сохранившиеся списки слова восходят к русскому протографу) мог опустить, зная из летописи, что они исчезли («погибоша»), хазар — как иудаистов; турки же и для русского XV в., и для серба XVI в., и для украинцев XVI—XVII вв. равно олицетворяли не народ, славящий Богоматерь, а злейших врагов христианства.

Вопрос об узкой датировке памятника и его авторе может быть решен лишь с достаточной долей условности. Упоминание в перечне народов блатан скорее всего говорит о том, что памятник возник не ранее 867 г., когда первоучители оказались в княжестве Коцела, а еще вероятнее, — не ранее 870 г., когда была воссоздана Сирмийская митрополия, включавшая Моравию и Паннонию (дравлене и блатани). Аргументы в пользу такой датировки можно найти в заключительной части памятника. Здесь читается просьба о заступничестве Богоматери перед Христом за «благочестивых князей наших и владыку» (Б, В, Ш) или за «благочестивого князя нашего и епископа» (З). Если допустить, что один из этих вариантов представляет собою первоначальный текст (что вовсе не обязательно, так как в таких молениях объекты заступничества могут заменяться в зависимости от времени и места возникновения новых списков), то можно предложить две возможности:

1) 870 — не позднее 874 г., так как формула «князей наших» не могла быть употреблена в условиях Великой Моравии после того, как Коцел признал вновь юрисдикцию зальцбургского архиепископа⁸² или лишился власти и единственным суверенным славянским князем остался Святополк.

2) 874—885 гг., если принять чтение З. Епископ в данном случае обозначает представителя высшей церковной иерархии вообще. Первая из датировок до некоторой степени находит подтверждение в пассаже, который опущен в З, но читается в Б, В, Ш, где князья и владыка строят богородичную церковь⁸³. Речь, вероятно, идет о кафедральном соборе в столице Великой Моравии, где в 885 г. был похоронен архиепископ Мефодий⁸⁴. Начало строительства собора, очевидно, явилось следствием учреждения архиепископской кафедры. Время создания слова, таким образом, следует скорее всего отнести к первой половине 870-х годов. Такая датировка памятника, естественно, исключает авторство Константина-Кирилла, умершего в 869 г., и вопрос об авторе, таким образом, остается открытым. В настоящее время по этому поводу можно высказать лишь одно предположение. Известно, что в славянской

рукописной традиции Константин-Кирилл нередко смешивался со своим учеником Константином Преславским (это касается и литературного наследия и даже фактов биографии)⁸⁵. Не является ли и в данном случае упоминание имени Кирилла Философа в заглавии списка 3 указанием на авторство Константина Преславского? Этот вопрос может быть решен лишь в результате стилистического анализа слова.

Возникнув в Великой Моравии, торжественное слово на Рождество Богородицы разделило судьбу всей славянской письменности, не сохранившись на своей родине, но получив известность во всем православном славянском мире. Судьба его отмечена интерполяциями в перечне народов. С учениками славянских апостолов оно попало в Болгарию, где на рубеже IX—X вв. проблема обличения «триязычной ереси» оставалась животрепещущей. Внесенные в перечень народов болгаре явно сознательно помещены между греками и Палестиной, рассекая триаду «священных языков»⁸⁶.

Не позднее XI в. слово становится известно на Руси: позднее не могло бы появиться определение «новое стадо» в интерполяции (Русь великама новое стадо — 3, Русн / Русь новое твоє стадо — Б, В, В2, К, Ш). В это время сочинение должно было пользоваться здесь популярностью из-за созвучия его заключительной части идеям «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Прилагательное «великая» не содержит в данном случае элемента противопоставления ее «малой», как это будет позднее (Великая Русь — Малая Русь)⁸⁷, а, по-видимому, означает восточных славян в целом (не Русь в узком значении этого слова — южнорусские земли)⁸⁸. В подобном же значении употребляют это сочетание и греческие источники, например *Notitia episcopatuum* (в редакции, датируемой 1170—1179 гг.), где упоминается митрополия «Великой Руси» (τῆ μεγάλης Ρωσσίας) и ее епископии⁸⁹.

Третья интерполяция — сербы и хорваты, рассекающая перечень германских народов, могла быть сделана и в Болгарии, и на Руси.

Попав на Русь через Болгарию, памятник, видимо, в XII—XIII вв.⁹⁰ вновь вернулся на славянские Балканы, теперь уже в русском списке. Болгарские списки слова неизвестны, но об их существовании свидетельствуют и списки Б и В, восходящие, очевидно, к болгарскому протографу (через промежуточные молдавские списки), и то, что сербы в этот период знакомились с русской книжностью преимущественно через болгарское посредство.

Списки Б и В отразили еще два этапа истории памятника — распространение болгарской книжной культуры в Молдавии в конце XIV — XVI вв. и молдавско-украинские книжные связи XV—XVI вв.

Примечания

¹ Сухомлинов М. И. О псевдонимах в древней русской словесности // Изв. АН по ОРЯС. СПб., 1855. Т. IV. Вып. III. Стб. 117—159; Петухов Е. В. К вопросу о Кириллах-авторах в древнерусской литературе // Сб. ОРЯС. СПб., 1887. Т. 42; Никольский Н. К. К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу // Изв. АН СССР по РЯС. Л., 1928. Т. I. Кн. 2. С. 397—457.

² Никольский Н. К. К вопросу... С. 403.

³ ОР ГИМ. Музейское собр. № 1779. Златоуст постный и цветной. Посл. четв. XV в. (филигрань «голова быка с крестом и змеей» близка к № 14551 альбома Ш.-М. Брике — 1482 г.). Полууустав, 367 л., 4°. Слово занимает л. 104 об. — 113 об. Правописание русское, без выраженных следов «второго южнославянского влияния» в орфографии (можно лишь отметить систематическое употребление *ou* независимо от позиции; употребляется редко и нерегулярно). Постоянно встречаются восточнославянские формы *тобѣ*, *собѣ* (л. 105), *рожышою*, *ражааеть* (л. 107 об., 108) и др. Рукопись, очевидно, происходит из Северо-Восточной Руси (но не из Москвы), так как в орфографии отсутствуют диалектные особенности. Встречающиеся на первый взгляд примеры мены *ѣ* и *и* (*поистѣнѣ* — л. 112, *вulichаютъ* — л. 112 об. и др.) не отражают особенностей живых говоров (Новгород, Север или Украина), а возникли при переписке под влиянием последующего гласного. О составе рукописи подробнее см.: *Āertorickaja T. V. Vorläufiger Katalog kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus. Opladen, 1994. S. 219, 602—604 (10.006).*

⁴ См. примеч. 1.

⁵ Обычно на этот день в списках Златоустов XV—XVII вв. помещается «Повесть о неседальном» («Повесть о иже перси и варвари осаждаху Царствующий град»), повествующая об осаде Константинополя в 626 г. войсками шаха Хосроя I и его аварскими союзниками, заимствованная из Синаксаря Триоди постной, переведенного в первой половине XIV в. на Афоне (см.: *Попов Г.* Новооткрыто сведение за переводачката дейност на български книжовници от Света гора през първата половина на 14 в. // *Български език.* 1978. № 5. С. 402—410). В более ранних триодных Торжественниках на этот день изредка читается слово Кирилла Александрийского (которого тоже именовали Философом) о похвале Богородицы (например, РГБ, ф. 304.1, № 9, первая четверть XV в.), но с нашим словом, кроме заглавия, этот памятник не имеет ничего общего. Подробнее о репертуаре поучений на этот день см.: *Āertorickaja T. V. Vorläufiger Katalog... S. 218—220.*

⁶ Описание рукописи см.: *Vašica J., Vajs J.* *Soupis staroslovanských rukopisů Národního musea v Praze. Praha, 1957. S. 112—114* (здесь она ошибочно названа отрывком Пролога). О ее датировке см.: *Гроздановић-Пајић М.* Ново датирае српских ћирилских рукописа Шафарикове збирке у Прагу // *Библиотекар.* 1968. Бр. 5. С. 451, № 5.

⁷ Описание рукописи см.: *Добрянский Ф.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильно, 1882. С. 205—216. Фотокопия списка была любезно предоставлена нам заведующей ОР БАН Литовской ССР Е. Д. Трейнене. В собрании имеется еще один список Слова (B2), в Торжественнике минейном (№ 79) первой четверти XVI в. (см.: *Addenda et corrigenda*).

⁸ ОР ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 1502. Торжественник минейный, без начала (л. 1 соответствует л. 8 старой нумерации). Вторая четверть XVII в. (филиграни: «виноградная гроздь под короной», типа Heawood, № 1040 — 1637 г.; «двуглавый орел с «базельским посохом» на груди», типа Heawood, № 1303 — 1644 г.; «единорог» неустановленного типа). 235 л., 1°. Судя по подстрочной записи на л. 10, 53, 86, сделанной скорописью XVII—XVIII вв., рукопись в это время принадлежала Никольскому Змиевскому монастырю на Харьковщине. Почерк — полууустав, так называемый «молдавский», характерный и для украинских рукописей конца XV — XVII вв. (см.: *Турилов А. А.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв. // *Хризограф.* М., 2005. Вып. 2. С. 143—144). Правописание восточнославянское, заметно болгаризированное. Изредка встречается ж (*потрждити* — л. 3 об.), наблюдается отражение «мены юсов» (*лагварди* — л. 3 об., *вм. лжгварди* — лонгобарды) и мена *ы* и *и* (*и дом ты. (вм. ти) съзидуют* — л. 4). Употребление «твердого» *p* (*расны* — л. 1, *вм. расны*) указывает на происхождение писца списка из Белоруссии или с украинско-белорусского пограничья. Памятник занимает л. 1—3 об.

⁹ Описание рукописи см.: *Петров Н. И.* Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. М., 1891. Вып. I. С. 204. Текст памятника занимает в рукописи л. 27 об. — 31. Данный список стал нам известен уже после завершения основной работы над статьей, поэтому здесь его удалось использовать лишь частично. Еще один список памятника, оставшийся нам недоступным, содержится в молдавской (судя по составу, восходящей к восточнославянскому оригиналу) рукописи минейного Торжественника третьей четверти XVI в., хранящейся в Музее сербской православной церкви в Белграде (МСПЦ 25; Крушедоль Ѓ. V. 8, л. 31 об. — 35 об.). Описание рукописи см.: *Петковић С.* Опис рукописа манастира Крушедола. Сремски Карловци, 1914. С. 154. № 70. Уточнение датировки и извода см.: *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији. Београд, 1982. С. 78. № 1053. Подробнее об этом списке см.: *Addenda et corrigenda.*

¹⁰ Не исключено, впрочем, что в данном случае мы имеем образец универсального слова на богородичные праздники, подобный «Слову на память апостола или мученика» Климента Охридского.

¹¹ В работе Е. Э. Гранстрем «Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XV вв.)» (ТОДРЛ. Л., 1980, т. XXXV, с. 345—375), посвященной славянским сочинениям, приписываемым в рукописях Иоанну Златоусту, памятник не был отмечен. В новейшем справочнике, посвященном хризостомике и псевдохризостомике в славянских рукописях (Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI—XVI вв.: Каталог гомилий / Сост. Е. Э. Гранстрем, О. В. Творогов, А. Валевичус. СПб., 1998. С. 43, № 90) упоминается лишь компилятивная минейная редакция с отсылкой к каталогу Т. В. Черторицкой (см. выше). Редакция Торжественника отмечена (по рукописи МСПЦ, № 139) с отсылкой к первому изданию данной статьи — см.: *Иванова К.* *Bibliotheca hagiographica balcano-slavica.* София, 2008. С. 194.

¹² *Добрянский Ф.* Описание... С. 216.

¹³ *М. П.* Слово на Рождество Богородицы по рукописи Музея Чешского королевства, отнесенной к XVI в. // ИОРЯС. СПб., 1902. Т. III. С. 118—126.

¹⁴ *М. П.* Слово... С. 116.

¹⁵ ОР ГИМ, Чудовское собр., № 203(61), XV в.; ОР ГБЛ, ф. 173.1, № 88, 1520-е гг.; ф. 304.1, № 670, первая половина XVI в.; ОР ГИМ, Синодальное собр., № 169, вторая четверть XVI в.; ОР ГБЛ, ф. 37, № 421, вторая половина XVI — начало XVII в. и др. Текст издан: Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1866. Стб. 417—422.

¹⁶ До слов: *О чудо, всех чудес пречюднеешее* (ВМЧ, стб. 420).

¹⁷ *М. П.* Слово... С. 115—117.

¹⁸ *Никольский Н. К.* К вопросу... С. 407—408. Отсутствие соответствующего греческого текста отмечали уже издатели ВМЧ (стб. 417, примеч.).

¹⁹ Описание рукописи см.: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 148.

²⁰ О складывании состава ВМЧ см.: *Кучкин В. А.* О формировании Великих Миней Четий митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86—100.

²¹ Пропуски текста в 3 обычно соответствуют половине строки. Это объясняется, вероятно, тем, что протограф списка был написан в два столбца и обладал меньшей длиной строк. Многочисленны и ошибки, например: *бес чю* (л. 109) вм. *без цюука* (Б, В, III); *свие мѣма* (л. 109 об.), вм. *совие племя* (Б, В, Ш) и др.

²² 3, л. 110 в об. Славословие разрывает текст, вклиниваясь между фразами «Тебя славят ангельстии сборы» и «Тебя хвалят святых чинове».

²³ З оканчивается словами: *заступи от всякие рати, видимья и невидимая*; в Б, В, Ш текст продолжается (см.: М. П. Слово..., с. 125—126).

²⁴ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание Великих Четьих Миней Макария, митрополита всероссийского // ЧОИДР. 1884. Кн. 1. Отд. 2. С. 5.

²⁵ Сперанский М. Н. Славянские апокрифические евангелия // Труды VIII Археологического съезда. М., 1895. Т. II. С. 58—62; ср.: Словарь книжников и книжности Древней Руси (СККДР). Л., 1987. Вып. 1. С. 119—120; Христова Б. Протоевангелието на Яков в старата българска книжнина. София, 1992. С. 9—33; Православная энциклопедия (ПЭ). М., 2009. Т. 20. С. 570—571.

²⁶ Богословская энциклопедия. СПб., 1910. Т. XI. Стб. 415.

²⁷ Библиографию публикаций текстов Первоевангелия см. там же, стб. 415—416.

²⁸ Случаи самостоятельного перевода отрывков Первоевангелия для торжественных слов в древнейший период славянских литератур отмечает М. Н. Сперанский (*Сперанский М. Н. Славянские апокрифические евангелия*. С. 161); см. также: *Климент Охридски*. Събрани съчинения. София, 1970. Т. 1. С. 158; ср.: Христова Б. Протоевангелието... С. 24; Мирчева Е. Германов сборник от 1358/1359 г. София, 2006. С. 83—84.

²⁹ Старший список Пространного жития Константина (ОР ГИМ, собр. Барсова № 619) датируется началом XV в., старший кирилловский список первого жития Вячеслава Чешского — началом XVI в. (ОР ГБЛ, ф. 256, № 436). «Беседа Козмы Пресвитера» представлена списками не ранее конца XV в. Этот перечень нетрудно продолжить. Подробнее об этом см.: Турилов А. А. Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси (заметки к оценке явления) // Славяноведение. 1995. № 2. С. 29—43 (переизд. в кн.: Турилов А. А. *Slavia Cirillomethodiana*: Межславянские культурные связи эпохи Средневековья. Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. М., 2010. С. 39—64).

³⁰ З, л. 113: *О блаженная мальжена, Иоакиме и Анна*; ср.: *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha, 1968. D. II. Seš. 17. S. 183.

³¹ См.: Давидов А. Речник-индекс на Презвитер Козма. София, 1976. С. 156.

³² *Вноутрь оудоу трѣсны злати ѿѣна...* — З, л. 105 об. В минейных Торжественниках читается позднейшее: *рѣсны (Ш), расны (Б) и искаженное красны (В)*.

³³ См.: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1928. С. XXI, 28 (примеч.).

³⁴ Там же. С. 100.

³⁵ Там же. С. XX—XXI. Шифр рукописи, не указанный у Лаврова, — ОР ГИМ, собр. Барсова, № 619. Список датируется началом XV в. См.: Лёвочкин И. В. Древнейший список Пространного жития Константина Философа // СС. 1983. № 2. С. 75—79.

³⁶ Ср.: Лавров П. А. Материалы... С. 28, 61.

³⁷ Там же. С. XX.

³⁸ Там же. С. 29.

³⁹ В древнейшем списке (ГИМ, Барс. 619) первоначально было написано (как заметил Дж. Дизиффер): *гънѣтъцъгъ* (местный беспредложный от *гънѣтъкъ*), а затем начальная буква была исправлена на В (см.: Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). СПб., 1999. Т. 2. С. 56, 499; ср.: Лавров П. А. Материалы... С. XX); все позднейшие писцы воспринимали начальные буквы «Въ» как предлог (ср.: Там же. С. 29).

⁴⁰ Там же. С. 181.

⁴¹ Евангельская цитата в Слове («се же отныне блажать мя вси роди, им же сотвори мне величие силно (!) и свято имя его и милость его в род и род и род на боящихся его») соответствует стихам 48—51 главы I Евангелия от Луки. В древнейший перевод служеб-

ного Евангелия, выполненный Константином, входит лишь часть приведенного текста, до слов «свято имя его» включительно (см.: Остромирово Евангелие 1056—1057 гг., хранящееся в имп. Публичной библиотеке. СПб., 1883. Л. 217, а—б; ср. другие списки евангелий-апракос). Текст цитаты отличен и от перевода Четвероевангелия, выполненного Мефодием с учениками (*се бо отъселе блажуть мя вси роди, еко сътвори мне величие силнии и свято имя его, и милость его въ родъ и родъ боющимся его.* — Добромирово евангелие. Български паметник от началото на XII в. София, 1975, с. 106), и наиболее близок к редакции, возникшей в XIV в. (ср.: Библия. Острог, 1581, л. 27в — «се бо отныне блажать мя вси роди, яко сътвори мне величие силнии и свято имя его и милость его в род и род на боящимся (!) его»). О редакциях перевода Евангелия см.: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 145—151, 161—163, 169—172, 173—175, 186—187.

⁴² Аналогичный пример находим в Похвале Иоанну Богослову Иоанна Экзарха (X в.), где в списке XIV в. евангельский текст также дан по четвертой редакции. См.: *Иванова-Мирчева Д.* Иоан Экзарх Български. Слова. София, 1971. С. 127.

⁴³ *Никольский Н. К.* Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переложении. СПб., 1909. С. 6—7. В латинском оригинале упоминание Рима отсутствует.

⁴⁴ См.: *Лавров Л. А.* Материалы... С. 28, 30, 61, 62 (Пространное житие Константина); 72 (Житие Мефодия).

⁴⁵ Там же. С. 97 (Похвальное слово Константину Философу).

⁴⁶ Там же. С. 78.

⁴⁷ См.: Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 40—63.

⁴⁸ Это перемещение в 3, возможно, объясняется тем, что в протографе цифра 9 (Ϡ), стоявшая перед индийцами, была затерта и ошибочно прочитана писцом как 5 (ε).

⁴⁹ *Дворник Ф.* Миссии греческой и западной церкви на Востоке в средние века. М., 1970. С. 5; Сказания о начале славянской письменности / Вступит. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981. С. 136.

⁵⁰ *Сказания...* С. 136.

⁵¹ *Лавров П. А.* Материалы... С. 30, 62; *Сказания...* С. 136.

⁵² См.: *Папаскири З. В.* К вопросу о международной роли Грузии в XI — первой половине XII в. // Проблемы истории СССР. М., 1974. Вып. V. С. 115—128.

⁵³ *Дворник Ф.* Миссии... С. 3; *Пигулевская Н. В.* Культура сирийцев в средние века. М., 1979. С. 22, 228.

⁵⁴ *Сказания...* С. 137.

⁵⁵ *М. П.* Слово... С. 124, примеч. Дополнительным стимулом для такого написания могла явиться близость начертания глаголического Н к кириллическому З в ряде древнейших рукописей (см.: Кирило-Мефодиевска энциклопедия. София, 1985. Т. 1. С. 492).

⁵⁶ *Лавров П. А.* Материалы... С. 28.

⁵⁷ *Сказания...* С. 130.

⁵⁸ Несмотря на то что В дает искаженное чтение, оно подтверждает чтение К и Ш, так как выносное *м* в первом случае скорее всего появилось в результате ошибочного прочтения выносного же *си*.

⁵⁹ В Аламанских анналах под 789 г. под именем вандалов фигурирует славянское племя велетов (см.: ММФН, d. I, s. 32), но к нашему перечню такое перенесение имени не имеет отношения. Гепиды упоминаются Равенским анонимом (ММФН, d. III, s. 281—282) и в «Обращении баваров и хорутан» (Ibid., s. 303). О германских народах в Моравии и

Паннонии см. также: *Třeštík D. Vznik Velké Moravy: Moravané, Čechové a Střední Evropa v letech 791—871. Praha, 2001. S. 12—85.*

⁶⁰ О влахах-волохах см.: *Королюк В. Д.* «Волошская земля» и формирование восточнороманской (волошской) общности // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1980. С. 28—44 (на с. 42 — библиография вопроса).

⁶¹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 10.

⁶² Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800. С. 22.

⁶³ *Сказания...* С. 136; *Дворник Ф. Миссии...* С. 9—10.

⁶⁴ *Добрянский Ф. Описание...* С. 216.

⁶⁵ *Ф. Добрянский (Добрянский Ф. Описание...* С. 216), очевидно, по ассоциации с «чюфами» = «чюдью» предполагал здесь испорченное «финны».

⁶⁶ *Сказания...* С. 122.

⁶⁷ Там же. С. 136.

⁶⁸ *Пигулевская И. В. Культура...* С. 21—29; *Дворник Ф. Миссии...* С. 2—3.

⁶⁹ «В начале не создал бог ни еврейского языка, ни римского, ни греческого, но сирийский, на котором говорил и Адам». — Сказание черноризца Храбра (*Сказания...* С. 103).

⁷⁰ *Пигулевская Л. В. Культура...* С. 45.

⁷¹ *Лавров Л. А. Материалы...* С. 29, примеч.

⁷² См.: *Сыроечковский Е. В. Гости-сурожане. М., 1935. С. 24.*

⁷³ *Сказания...* С. 122.

⁷⁴ *Васильевский В. Русско-византийские исследования. СПб., 1893. Вып. II. С. 124—126.*

⁷⁵ *Сказания...* С. 136.

⁷⁶ *Васильевский В. Русско-византийские исследования. С. 126; Лавров П. А. Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві. Київ, 1928. С. 34; Дворник Ф. Миссии...* С. 9.

⁷⁷ *Сказания...* С. 136. В пользу согдийцев, безусловно, свидетельствует факт наличия у них письменности, в то время как о жителях Сугдеи — Сурожа такие сведения отсутствуют.

⁷⁸ *Сказания...* С. 136.

⁷⁹ *Лавров П. А. Материалы...* С. 30, 62.

⁸⁰ *Сказания...* С. 136.

⁸¹ Там же. С. 137.

⁸² Там же. С. 159.

⁸³ *Во (В — его) имя твое и (В — нет) дом ты (В — ти), съзидуют (В — сожизждоут, Ш — създа) предобрѣи (Ш — предобръ), оукрашены (Ш — и оукрашень) красотами различными, златом и серебром (Ш — серебромъ, яко солнце сияюши в немъ) и неми всеми оукрашен добротами (Ш — иньмъ въсем оутвором добромъ) — Б, л. 4.*

⁸⁴ *Положиши и въ съборнѣи цркъви (Пространное житие Мефодия. — В кн.: Лавров П. А. Материалы... С. 78); Лежить же въ велицаи цркъви Моравѣстѣи... за олтаремъ святыхъ Богородицъж (Проложное житие Константина и Мефодия. — Там же. С. 101).*

⁸⁵ См.: *Зыков Э. Г. О литературном наследии Константина Преславского // Старобългарска литература. София, 1978. Т. 3.*

⁸⁶ См.: *Попов Г. За едно споменаване на триезичници в Битолския триод // Там же. С. 86—90; Он же. Триодни произведения на Константин Преславски. София, 1985 (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 2). С. 26—27, 34.*

⁸⁷ См.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1976. С. 7—35.

⁸⁸ См.: Насонов А. Л. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951; Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 246—268.

⁸⁹ Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum. Ein Beitrag zum byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte // Abhandlungen der philosophisch-philologischen Classe der königliche bayerische Akademie der Wissenschaften. München, 1901. Bd. XXI. S. 585, 587.

⁹⁰ См.: Сперанский М. Н. К истории взаимоотношений русской и югославянской литературы (Русские памятники письменности на юге славянства) // Изв. ОРЯС. Пг., 1923. Т. XXVI. С. 143—206 (То же см. в кн.: Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских связей. М., 1960. С. 7—54.

ТЕКСТ «СЛОВА» С ПРИМЕЧАНИЯМИ*

- л. 104 об. **Б соуѣботу .ѣ. не(а)ли поста о похвалѣ стѣн бѣи Кирила. Философа:—**
- л. 105 **Всакъ члвкъ хотан похваалти что любо. иномъ добрѣншии прн(ла)гаеть. Любо сладкое н слажьшии:— Любо красное то краснѣншии. Сладкое то меду прелагаеть. Того бо слажьше не вѣи въ сластехъ ничтоже. Тебе азъ хота похваалти. г(с)же моа стаа бѣе. не довѣде к темоу приложити въ твари сен. Твоа бо сладость н красота¹ пате н меду соутъ. слажьше. Н помощь твоа ста гже бѣе². Всакое бо птниц скорѣнши еси. Аще та боудеть молна хто добрѣ всѣмъ ср(а)цемъ тоу же ты помогаешн н млоуешн. Чне бо ср(а)це млтнвѣе въ твари сен. пате твоего ср(а)ца обрѣласа на вса млатвы приклонаюши са. Ката красота // краснѣнши твоеа красаты³. Двдъ бо стѣн исперва прозрѣа дхѣныиа оотима⁴. о тобѣ провозвѣсти пр(с)тое дѣо ретенын. Вса слава дщери црѣвѣ. Внврь оудоу трѣсны златы оадѣна н преоукрашено. нѣо⁵ ты еси низовноу⁶ оукрашена златомъ н нсеромъ. Но нлѣши бо бѣлѣпноу⁷ красотоу в собѣ. дамъ тобѣ нзъ оутръ всакоа доброта. Оутро⁸ бо в собѣ ндмашн. рекше ч(с)тоты н правды. оугоженыа всако к бѣу. Чна ли высость твоеа высости вышьши. не тѣломъ подннаю. аще бо н тѣломъ всакого образа добрѣнши еси н краснѣншии обрѣтеса но н ч(с)тью рекоу н славою. Ч(с)тнѣнши бо еси стхъ англѣ. н славнѣнши // стхъ дрнглѣ въ. ѣ лѣтъ ти н въ. ф. лѣтъ о(т) йааа. // ни единаа же възлюбн тольиа в ниуъ тако родитнса. то тебе г(с)же бѣе во всемъ нзъбра н родѣ та коже пр(о)ркъ свиднтельствветь⁹ о(т) лица спа(с)ва рекни. саѣ вселюса юже нзвбрахъ. Тебе бо възлюбн твоеа доброты. възделѣ црѣ н г(с)ѣ. ты бо лоутиши еси всѣхъ члвкѣ. ты ч(с)тнѣнши стѣихъ моужь. Ты бо вышьши еси бѣе н славнѣнши всѣхъ не(с)ны(х) снаѣ. Ты пр(о)ркмъ акн медъ на азыцѣ лежа. оуста нхъ ослажаютнса сладостью ово бо та квботомъ стѣмъ нарече. Я дроугни гороу несѣкомую. о(т) неаже оуторжеса камень ісѣ х(с)ъ гѣ. исполните всю землю. Я дроугни же лѣствнца свѣтлы нмѣ же нзде праведное¹⁰ всеа твари. Я дроугни же ннакоако намѣни та такоже освѣти оумъ. // комоу о тобѣ пр(с)таа бѣа. Исана же ванкин нарететь та жездъ прозвѣшии о(т) корени Носѣва. Снце бо пишеть са н Иаковъ в повѣстѣ своен река. Баше Накниѣ**
- л. 106 об.

* Текст публикуется по единственному известному списку ГИМ, Музейское собр., № 1779, л. 104 об.—113.

- роса и дождь бесю²¹. О жезлъ Яронь в чась прозаванье. И Даннаъ камень оуторже са без роукн ω(т) горы. О оуанца Неzekнлевы нмнже великнн свѣтъ нсхожаше. И нны многы ωбразы нзъωбращеть. кто преславнѣн дѣѣ нже хоцеть потроудити са. Много бо стѣе писанье ωнон знацанало. нмъже тюдноу баше быти ω нен дѣлоу. После же таже и выше глахъ:— О кто бы смѣлъ жонюу плотнаноу бѣюу звати. Но ти ωбразн нзъоутиша ны аздыкъ. такоже звати ю бѣюу естъ во тако. Родн бо бѣ и тѣвка нмоуца єдино бж(с)тво. а дѣѣ бжественое и тѣтѣское. но нѣсть ны года о мѣ²² нынѣ
- л. 109 об. бесьсѣдовати²³. Мы же са ныне пакн. о томъ // възвратимъ. ω(т)нюдоу же пондохомъ на сню реть и выхомъ бесьсѣдоуше²⁴ о прѣнстѣн сен дѣѣ снже не обрете са ннчтоже точно въ всен тварн. Да тѣмъ. єдинъ снъ ωтъ родн са в нен. повелѣнемъ ωтънмъ. и дѣнство(м) стѣго дѣа. О великаа доброта. снже са не ωбрѣтенна²⁵ агѣльскѣхъ сналахъ не(с)ныхъ. О нѣбо доуховное. нз негоже сннце праведное взнде вѣрнымъ по своемоу²⁶ свѣтоу. пространно гладати²⁷ свѣтло. И зловѣрннн нже са нмоуть свѣтъ нмоуше. и о томъ тавѣ естъ тако великнмъ свонмъ светнмъ озораа. на нь же не мооуть гасно зрѣтн. тако съвне плема²⁸ на невиднмоу²⁹ сннце зрѣтн.
- л. 110 Тебе славать анѣлн и сворн. Бъспѣва // юще снце пѣснь красноу. Радоуенса вл(д)тче бѣе бжѣа мѣтн ω(т)роковнце невѣсто прѣ(с)таа дѣѣ. и браконенскоуснаа. воснн бѣе во нма гнѣ тако сннце праведное. Радоуенса³⁰ красоун са и веселн са. и прерадоуенса и прекрасоуенса веселнса о гдѣ бжѣ нашемъ. егоже бесъ сѣмени зчатъ. и неизретенное роднла есн. глѣше благословнте г(с)жоу бѣюу всн анѣлн и всн слоугн его. Радоуса дѣѣен пребываюущаа црѣце мѣтн бѣа вышннаго. понте ωбрадованнѣн архнѣган. гнн. Хвалнте бѣюу ап(с)лн пророцн мѣтнцн гнн. Ико блословлено нма славы своєа. ω(т)ца и снѣа и стѣго дѣа. Радоуенса стѣа дѣѣе в(д)це. тако тебе радн обрѣтоша сннѣе снѣе // Ядаловн. бѣа бо самого зчатъ въ чревѣ. и воплощена мнровн на сп(с)нѣе того неизретенного роднла есн. слава ти подобаєтъ съ єдиноадымъ снмъ Исъ Хмъ в' вѣкн. Тебе хвалатъ стхъ тннове. Тобѣ кланяють³¹ са все кр(с)тъаньское плема.
- л. 111 об. О великоа³² наша красата. О великаа высостн. тобою мы вс(а)коа напастн нзъбываемъ. Тобою мы краснн. Тобою мы крѣпнцн. Прѣ(с)таа прелг(с)вената бѣе. ты намъ твердата забрала. Ты намъ великаа стена. Ты намъ помощннца м(с)раа. Кдѣ оубо твоє нма въ бѣдѣ насъ³³ поменеть въсьмъ ср(д)цемъ вѣроуа. тоу же ты тако пращюу вѣωроужена г(с)же. предъ намн обращешн³⁴ са. оутѣшающн мы // бо н потокше са твоє нма призываемъ на пошь³⁵ вопнюше. О преславннѣ бѣе прѣпѣтаа. твоє бо нма намъ бес приклада. и слаже всакоа сладостн. не възможно бѣе прѣстѣа. Оудоу же н мысль нашю³⁶ не можеть беспоны п(а)рнтн. тоу же н ногамн нашнмн прнрнскатн. И прнпадъше лобызатн мѣста та. Ндѣже есн рожена. Ндѣже есн жнла. Ндѣже есн ходнла бѣоу оугожающн. и ω(т)ноу(д)же есн прнступнла съ земла на нѣбо. въ цр(с)тво не(с)ное къ сноу своемоу. Обате аще и тѣло се земное мѣсто³⁷ по тѣхъ ногаца снама не можеть дойтн. Мнмоуешн бо ты гжѣ бѣе не тоцю тѣхъ нхже ногаца свонма доходить. Но нже н оумомъ свонмъ не ω(т)стоупають ω(т) тебе // и м(с)тн твоєа сн на оумѣ пр(с)но держаще. таже творншн бесъ прнстанн. Икоже бо н рыбы не мооуть жнтн без воды. тако же н кр(с)тъанннѣ. пребываа бесъ твоєа помощн и м(с)тн великаа застоупннце. ты оубогнмъ. бѣаство. Ты немощнымъ.

- потъпора. Ты вл(д)коуь радость и веселье. Дн(с)ь намъ твоє торжество прѣчнстаа. бѣце. Яки слнце свонди логчиди всю земю бѣти и вса радости та исполни. Радоуьса велелѣпнаа полато. в немже лѣ бѣ жнанше свое нзъволн. Радоуьса пресвѣтын³⁸ прѣтлѣ блдкы нашего творца и жнанше стое прѣтстыа тронца. Радоуьса прѣстаа дѣво юже величяють³⁹ и блжнтъ вса тварь и вса страны и вси родн // такоже и сама рекла рекоуци. се же о(т)ныне блжати ма вси родн нмже створн мнѣ величье слыно⁴⁰ и сто нма его. и мл(с)ть его в родъ и родъ на боащнхса его. Понстинѣ во стѣа кто тебе не блажнтъ и кто не хваантъ кто ли не славнтъ. и кто не хваантъ. пр(с)тата дѣво мл(с)тнваа. а. е тебе блажнтъ⁴¹ великни цнрь. б. е греци⁴². г. ее болгаре⁴³. д. е палестин⁴⁴ Пер(с)лмъ. е. е индиане. з. мндене. ж. е Роуьс великаа новое стадо. и. е романе. ф. е н овазъгоуе. і. е нверн. к. е аланесе. л. е перси. м. е парфн. н. е ефиопн⁴⁵. ѳ. е алмази же. с. е и съпроуци. ш. е серпи же и и ховратн⁴⁶. ц. е сан же. ч. е и скири. ц. оуьндилн кѣ и египци. к. г. логчварн. к. д. н власн // к. е. сардн же. к. с. н внащци. к. з. мравлене. к. н. гоуфн же. к. ф. н финн же. л. н египтане. л. а. соуране же. л. в. елацинтн. л. г. соуране же. л. е. блатани. л. д. свржане. л. е. швѣжане. л. з. терькасове. л. ж. тасове. л. н. арапи. Н ннин мнози азъци вси тебе величяють⁴⁷. прѣта дѣво. Но что радн о(т) неплодаве⁴⁸ ражаеть са дѣво. ти еднако дѣво соуци мѣти бываеть. и рожьши снъ пакн дѣвоу бываеть. такоже и преже не лѣпо ли баше еже точьо. Нно бо н дивно под' слнцнцмъ. нже тюдес глава н нтало томоу потворити. поуть тюдеси преже ти. по малоу о(т) ннжннцъ тюдес возводнтъ на большаа еже есть дивно. Нже есть неплодовн родити такоже бываеть тудно еже // дѣво не знавшн моужа снъ родн. ѳ блжната малъжена. Якиде н Ян'на. вама бо весь родъ тлѣтѣскин должнъ есть. вась хваантн. о(т) ваю бо приннеса даръ бѣгоу н творцю нзъдраднын. емоуже приклада не быста въ твари сен. мѣтръ прѣ(с)тоую та едноу. и достоиноу творца н бѣ. ѳ тудо великое натъ⁴⁹ туды. оуьмъ ли боаца оустоуаеть. но боащн н лю бы раздѣлаеть ли ср(д)це пакн азъкъ. оуьмѣвъ не може(т) стерпѣти сластн съдѣвають⁵⁰ ли тюдеса. Да веселатьса небеса н радоуетьса земля. о(т) неплодове роднса радость. дн(с)ь землята небсныци⁵¹ са творать. Земни бо тлѣци тобою бѣце. сь архнгла не(с)ное црѣтво. н жнанше швѣще моуже. блжна ты в женахъ н преблгословена пре//свѣтлаа бѣа. блжна н роднтелъ твоа. тобою словоуше по всемоу цнрь. блжнн властелн кр(с)тъаньстни, тебе нмше застоуьпницю. да н еще пресловоуцина гѣе. набѣдн⁵² н храни своа рабы н князѣ нашего царк. н еп(с)па нашего н вса кр(с)тыяны. н застоуьпн о(т) всакна рати виднмыа н невиднмыа: ~
- л. 112
- л. 112 об.
- л. 113
- л. 113 об.

Примечания

¹ Так в рукописи; ² Далее писцом зачеркнуты киноварью записанные по ошибке вторично слова: не довѣде к киноу приложити въ твари сен; ³ Так в рукописи; ⁴ В рукописи ѳ «очные»; ⁵ Так в рукописи, следует читать: не бо; ⁶ Так в рукописи, следует читать: н нзъвоу; ⁷ Далее одна буква выскоблена; ⁸ Так в рукописи, следует читать: оуьр; ⁹ Так в рукописи; ¹⁰ Так в рукописи, пропущено слово слнце; ¹¹ Так в рукописи; ¹² То же; ¹³ То же; ¹⁴ буква исправлена из Н другими чернилами; ¹⁵ Так в рукописи; ¹⁶ Далее ошибочно повторены и зачеркнуты писцом слова: да са не шратнтъ

ср(д)цѣль; ¹⁷ Так в рукописи, в.м.: оубо?; ¹⁸ Так в рукописи; ¹⁹ То же; ²⁰ То же; ²¹ Так в рукописи, в.м.: бес чюка (= без чоўка); ²² Так в рукописи, в.м.: о толь; ²³ Так в рукописи. Написанное по ошибке съ- позднее вычеркнуто; ²⁴ Так в рукописи; ²⁵ То же; ²⁶ Так в рукописи, в.м.: по всѣоу; ²⁷ Так в рукописи; ²⁸ Исправлено, в рукописи ошибочно: цѣла; ²⁹ Так в рукописи, в.м.: на вндѣоу; ³⁰ Начальная буква покрыта кинорварью, с целью выделить ее; ³¹ Далее по ошибке написано Ю; ³² Так в рукописи; ³³ То же; ³⁴ То же; ³⁵ Так в рукописи, вместо: на полющ; ³⁶ Так в рукописи; ³⁷ Так в рукописи, вместо: цѣтъ; ³⁸ Так в рукописи; ³⁹ То же; ⁴⁰ Так в рукописи, вместо: славын; ⁴¹ Я исправлено из 0; ⁴² Слово написано по высокленному тѣѣ блѣ, написанному по ошибке; ⁴³ 0 исправлено из Я; ⁴⁴ Так в рукописи; ⁴⁵ Так в рукописи, в.м.: ѿноплн; ⁴⁶ Так в рукописи; ⁴⁷ То же; ⁴⁸ То же; ⁴⁹ То же; ⁵⁰ Первое ъ, вероятно, подчищено из ѣ; ⁵¹ Так в рукописи; ⁵² Так в рукописи, в.м.: набѣдн.

ADDENDA ET CORRIGENDA

В настоящее время ясно, что Слово в редакции Минейного Торжественника не является в славянской рукописной традиции XVI—XVII вв. (преимущественно именно XVI) большой редкостью. На сегодняшний день оно известно, как минимум, в 7 или 8 списках первой четверти XVI — середины XVII вв. — 6 украинско-белорусских и одном или двух (см. ниже) восходящим к ним сербских. Помимо 4-х, указанных в самой статье, это, соответственно: 5) упоминаемый в примеч. 9 Торжественник минейный — Белград, Музей Сербской Православной Церкви (МСПЦ), № 25; третья четверть XVI в.¹, л. 31 об. — 35 об. Рукопись украинско-белорусского происхождения, вопреки тому, что в литературе ее без достаточных к тому оснований определяют либо как сербскую², либо как молдавскую³; 6) Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 79, Торжественник минейный на сентябрь-ноябрь, первая четверть XVI в.⁴, л. 73—76⁵; 7) Белград, Патриаршая библиотека, № 67, Торжественник минейный на сентябрь-февраль⁶, вторая половина (?) XVI в.; рукопись украинско-белорусская⁷; 8) Будапешт, Национальная библиотека им. Сечени, Quart. Eccl. Slav. 19. Торжественник минейный годовой. Рукопись сербская, последней четверти XVI в., л. 3—6⁸. Включение в перечень этого последнего списка носит несколько условный характер, поскольку он известен мне лишь по описанию, в котором текст не отождествлен с исследуемым памятником (приведен лишь инципит) и нет указания на содержащийся в нем перечень народов. Поэтому в принципе нельзя исключить, что речь может идти и о контаминированной минейной редакции Слова. Во всех новых списках Слово приурочено к Рождеству Богородицы, автором в № 5—7 назван Иоанн Златоуст, в № 8 Андрей Критский. Разночтения между списками весьма невелики и сводятся в основном к искажениям названий в перечне народов и к перестановке слов. Наибольшее значение среди них имеет, по всей вероятности, новый вильнюсский список (B1) уже в силу своей древности и исправности текста (как можно судить все по тому же перечню народов, он наиболее близок к Барсовскому). В настоящее время ощущается необходимость критического издания текста по всем выявленным спискам.

Кроме того, за прошедшие годы мной была обнаружена еще одна достаточно древняя редакция памятника — сокращенная. Она встречается в учительной части ряда украинско-белорусских списков Пролога нестишного⁹, начиная с последней четверти XV в., в качестве чтения на праздник Введения Богородицы во храм — 21 ноября (тем самым в какой-то степени подтверждается мысль, что памятник мог быть написан как универсальное, «общее» слово на богородичные праздники¹⁰). Мне известны на сегодняшний момент следующие рукописи такой разновидности Пролога: 1) Киев, Ин-т рукописей Нац. б-ки Украины, собр. Киево-Софийского собора, № 273с/131¹¹. Пролог, сентябрь-февраль, посл. четверть XV в., л. 115—116; 2) Там же, собр. Михайло-Златоверхого м-ря, № 529п/1643, л. 134—135; То же. Посл. четв. XV в.¹²; 3) Москва, РГАДА, ф. 181 (собр. РО МГАМИД), № 710. То же. Кон. XV — нач. XVI в., л. 153 об. — 155¹³; 4) РГБ, собр. Е. Е. Егорова (ф. 98), № 720. То же (ок. 1600 г.)¹⁴. Авторство текста во всех случаях приписано Иоанну Златоусту, его полное заглавие (по списку МГАМИД): «В той (ж) день слово Иоанна Зла(т)уста, похвала пресвятей Богородице, на внесение в церковь».

Эта проложная редакция (П), охватывающая по объему около половины текста Слова, по содержанию представляет соединение его средней (повествовательной) части, основанной на Протоевангелии (от слов «Сие убо пишет Иаков в повесте своей и ркоста...», до: «...служащи Богу и кормима ангелом Господним»), и продолжающей ее похвалы (до слов: «...да веселимся и славим») и сокращенного в отдельных пассажах (в частности, перечень народов исключен полностью) окончания текста. Текстологически новая редакция ближе к редакции минейного Торжественника (что объяснимо и географически — см. ниже), чем к З — в частности, здесь присутствует (как и в редакции Т) пассаж о строительстве храма во имя Богоматери¹⁵. Учитывая, что списки данной редакции не уступают по древности З и (за исключением одного) старше всех списков редакции Т, их текст непременно должен быть привлечен для критического издания памятника.

Редакция Златоуста, однако (несмотря на то, что за прошедшие 25 лет исследователями просмотрены и описаны десятки списков триодных Торжественников XV—XVII вв.) представлена по-прежнему единственным Музейским списком.

В работе 1985 г. не было сделано попытки объяснить (отчасти из-за ограниченного объема статьи), почему упоминание «нового стада» Богоматери («Русь Великая» редакции З или «Руси» / «Русь» редакции Т) включено в перечень именно на данном месте, под номером 7, между мидийцами («мидьянами») и народами Кавказа. Эта позиция, в отличие от упоминания болгар между греками и Палестиной, пересекающего, как уже говорилось, триаду «священных» языков, не содержит выраженного момента программности и уже поэтому должна иметь иное объяснение.

Логически необъяснимое положение «Руси Великой» в перечне народов заставляет предполагать здесь замену одного этнонима другим, основанную прежде всего на определенном созвучии и графической близости их написания. Наиболее естественным выглядит предположение, что на месте существительного здесь стояло первоначально слово «Сирия» («Сурь» / «Сури»), возможно, с выносной буквой Р. Метатеза «Сурь» — «Русь» хорошо известна в палеославистике в связи с истол-

кованием загадочного места о «русских» / «рушьских» письменах (так называемая «гипотеза А. Вайяна»), фигурирующих в гл. 13 Пространного жития Константина-Кирилла Философа¹⁶ (и это обстоятельство еще более сближает наш памятник с древнейшими текстами кирилло-мефодиевской традиции). Однако однозначности такого объяснения препятствует наличие «сирян» («Суоряне») в заключительной части перечня, занимающих 33-ю позицию, между египтянами и эламитами. В связи с этим следует вспомнить о многообразии механизмов и путей трансформации слов в славянских рукописных памятниках, дающих в результате существительное «Русь» / «Руси», либо прилагательное «русский» / «рушьский». Например, в утраченной ныне болгарской Минее праздничной XIII в. из библиотеки Скопской митрополии¹⁷ в службе Кириллу Философу в икосе после 6-й песни канона читалось: *пронде тако н дльниѣ сѣверскѣж н рѣшьскѣж* (несомненно вместо *оужьскѣж* — «южную») и *западнѣ земл...*¹⁸ В обширной подборке выписок первой четверти XV в. из Сборника 1073 г. при «Пчеле» (РГАДА, ф. 181, № 370) среди авторов встречаем «Рускаго» (л. 220 об.) вм. «Нускаго» / «Нусьскаго» (т. е. св. Григория Нисского)¹⁹. Правда, эти конкретные примеры едва ли применимы к нашему случаю.

Ключ к пониманию ситуации с Русью в списке народов нашего Слова обнаруживается, на мой взгляд, в древней (XII в.) переделке аполгии Черноризца Храбра, находящейся в составе известного Берлинского сборника начала XIV в. Здесь на л. 73, в эпизоде об отраслях знания, данных разным народам, читается: *персоць, н халдасоць, н роусоць, да(с) звѣздоутченне, н вльхвованне*²⁰. У самого Храбра, между тем, в данном месте (в полном соответствии с исторической традицией) речь идет об ассирийцах (н *асирсоць*²¹; либо: н *асоуроль*), выше же фигурирует сирийский («сирскы») язык как древнейший в мире²². Из этого можно заключить, что Русь в перечне народов Слова заменила собою сирийцев либо ассирийцев (в первом случае, сирийцы, соответственно, появились в свою очередь под рукой восточнославянского переписчика на месте последних)²³. Предпочесть один из этих двух вариантов едва ли возможно, особенно с учетом того, что «суоряне» перечня находятся не на своем месте, а приписаны в конце²⁴.

Не вполне ясно также, появился ли эпитет «Великая» применительно к Руси, читающийся в 3, в перечне народов под пером древнерусского книжника XI в. (как я полагал первоначально) или же он присутствовал еще при исходном этнотопониме и редактору здесь принадлежат только слова «новое (твое) стадо». Такое определение не характерно в греческих источниках применительно и к Сирии, и к Ассирии²⁵, но оно довольно часто употребляется в отношении столицы первой из них — Антиохии (и сочетание «Великая Антиохия» выступает порой даже как синоним всей Сирии)²⁶.

Отсутствие эпитета «Великая» при упоминании Руси в списках редакции Т (все они, напомню, либо украинско-белорусского происхождения, или же восходят к таковым) явно вторично и отражает противопоставление «Великой» и «Малой» Руси, начавшееся в XIV в.²⁷ и оформившееся окончательно после разделения Киевской митрополии в середине следующего столетия. Западнорусский книжник в данном случае исключил из текста то, что он счел дискриминацией родной для него части «нового стада» Богоматери.

Вопрос о времени и месте вставки в перечень сербов и хорватов остается открытым, хотя их помещение среди германских народов, причем между реальными в великоморавскую эпоху франками («съпроуци») и саксами, открывает широкий простор для исторических спекуляций — например, не идет ли в данном случае речь о северных (будущих лужицких) сербах и карпатских («белых») хорватах или же об отражении здесь включения в диоцез Мефодия сербских и хорватских земель на Балканах? Но вставной характер этих двух этнонимов, на мой взгляд, сомнения не вызывает.

Из двух предложенных в статье (на основании разных вариантов формулы моления за светскую и духовную власть в редакциях З и Т) возможных датировок Слова (870 — не позднее 874 и 874—885 гг.) предпочтение следует отдать второй. Хотя мы не можем утверждать, что вариант З бесспорно является исходным, но чтение Т, по всей вероятности, вторично по отношению к нему, поскольку проложная редакция Слова (П), в целом более близкая к редакции минейного Торжественника (см. выше), содержит моление за «князя нашего» и «господина нашего владыку»²⁸, занимающее промежуточное положение между формулировками З (за «князя нашего имярек и епископа нашего») и Т (за «благочестивых князей наших и владыку»).

Вопрос об авторстве Слова продолжает оставаться открытым. Выдвинутая в статье 1985 г. гипотеза, что автором текста предположительно мог быть Константин Преславский, не опровергнута, но и не получила подтверждения (отчасти это связано и с тем, что другие исследователи данным сочинением не занимались). Хотя с тех пор выявлен и опубликован большой корпус гимнографических сочинений этого ученика славянских апостолов²⁹, богородичная тематика занимает среди них весьма скромное место. Немногочисленные и небольшие по объему тексты, связанные с этой темой: богородичны четверопеснца Акафистной субботы в составе триодного цикла Константина³⁰ и в его «ямвическом» каноне на Рождество Христово³¹, а также трипеснец на Успение Богоматери этого автора³² не дают материала, который мог бы быть использован в качестве убедительного доказательства³³.

В полном пересмотре нуждаются ныне положения последних двух абзацев статьи, которые базируются исключительно на рефлексам среднеболгарской орфографии в украинско-белорусских списках памятника. Следов бытования текста в южнославянской рукописной традиции XIII—XV вв. не обнаружено (создается впечатление, что минейный Торжественник, в состав которого преимущественно входит Слово, вообще не играл сколь-либо заметной роли в русско-южнославянских связях XII—XIII вв.³⁴), литературные памятники старше первой половины — середины XIV в. участвовали в формировании славяно-молдавской книжной традиции лишь в очень ограниченном объеме³⁵ (в связи с чем практически исключен переход текста из Болгарии (если бы он даже там имелся) в Молдавию на рубеже XIV—XV вв.). В то же время распространение среднеболгарских правописных норм (включая «мену юсов») достигало в украинско-белорусских рукописях второй половины XV — раннего XVII вв. (в том числе и в памятниках, с болгарской традицией XIV в. никак не связанных) таких масштабов³⁶, что гипотеза о проме-

жуточном среднеболгарском (молдавском) списке для редакции Т представляется совершенно избыточной. Поэтому судьба памятника в средневековых славянских литературах рисуется ныне следующим образом. Из Великой Моравии текст перешел в Болгарию (вероятно, в середине 880-х гг., с учениками Кирилла и Мефодия), откуда (с болгарской интерополяцией в перечне народов) в конце X — XI вв. попал на Русь, где с течением времени (не позднее XV в.) возникло несколько его региональных редакций, одна из которых (западнорусская по происхождению — Т) не позднее первой четверти XVI в. получила известность (вместе с содержащей ее разновидностью минейного Торжественника) в сербской рукописной традиции.

Примечания

¹ О датировке см.: *Станковић Р.* Рукописне књиге Музеја Српске Православне Цркве у Београду: водени знаци и датирање. Београд, 2005. С. 10.

² *Климент Охридски.* Събрани съчинения (далее — КО). София, 1970. Т. 1. С. 223, № 2; 244, № 12; 379, № 6; 675—676, № 14; 753, № 7; София, 1977. Т. 2. С. 96, № 4; 372, № 6.

³ *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI—XVII в.). Београд, 1982 (далее — *Богдановић Д.* Инвентар...). С. 78, № 1053.

⁴ О датировке см.: Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: Каталог / Сост. Н. Морозова. Вильнюс, 2008. С. 30—31.

⁵ Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить С. Ю. Темчина, указавшего мне данный список, являющийся на сегодняшний день старшим в традиции и (в отличие от списка 1569 г. того же собрания, № 103) не выделенный особо в описании Ф. Н. Добрянского (см.: *Добрянский Ф. Н.* Описание... С. 106—107).

⁶ В литературе неточно определяется как Пролог (КО. Т. 1. С. 257, № 105) и как Миней четья (*Богдановић Д.* Инвентар... С. 140, № 2205).

⁷ В литературе (КО. Т. 1. С. 257) встречается ошибочное определение ее как сербской.

⁸ Описание рукописи см.: *Cleminson R., Moussakova E., Voutova N.* Catalogue of the Slavonic Cyrillic Manuscripts of the National Szechenyi Library. Budapest, 2006. P. 99—105, № 40.

⁹ О других особенностях учительной части этого вида Пролога см., например: Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА / Сост.: И. Л. Жучкова, Л. В. Мошкова, А. А. Турилов. М., 2000. С. 181—182; «Измарагд» // ПЭ. М., 2009. Т. 21. С. 597.

¹⁰ См. примеч. 10 к основному тексту статьи.

¹¹ Подробнее о рукописи см.: *Гнатенко Л., Бабалиевска С.* Проложното житие на св. Кирил Философ в три ръкописа от края на XV в. // *Palaeobulgarica.* 1998. № 1. С. 35—42; *Гнатенко Л.* Слов'янська кирилична рукописна книга XV ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського: Каталог. Київ, 2003. С. 109—111, № 39 (памятник в этих работах не отмечен).

¹² Описание см.: *Гнатенко Л., Бабалиевска С.* Проложното житие... С. 35—42; *Гнатенко Л.* Слов'янська кирилична рукописна книга XV ст. ... С. 111—113, № 40 (памятник не отмечен).

¹³ Описание см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА... С. 180—182, № 66; образцы почерка см.: КО. Т. 1. С. 76—78. В каталоге автором впервые было сообщено о данной редакции Слова; см. также: *Турилов А. А.* Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // *Славянский альманах 2001.*

- М., 2002. С. 249, 267 (примеч. 21); «Иакова Протоевангелие» (раздел «Славянская традиция») // ПЭ. М., 2009. Т. 20. С. 570—571.
- ¹⁴ Печатного описания рукопись не имеет.
- ¹⁵ См., к примеру: РГАДА, ф. 181 (собр. РО МГАМИД), № 710. Л. 154 об.
- ¹⁶ Подробнее об этом см.: *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. 2-е изд. СПб., 2000. С. 223—227, примеч. 10; *Костова К.* Рушки писмена // Кирило-Методевска енциклопедия. София, 2003. Т. 3. С. 500—503.
- ¹⁷ Рукопись не следует смешивать с соименной и современной ей Скопской минеей (София, НБКМ, № 522)
- ¹⁸ См.: *Иванов Й.* Български старини из Македония. 2-о изд. София, 1931 (репринт — 1970). С. 294. Поразительным образом публикатор, отметив в примечании уникальность чтения, не пояснил, из чего оно возникло.
- ¹⁹ Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА... С. 213 (№ 79). Ср.: Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). София, 1991. Т. 1 (Исследования и текст). С. 196, 389. Нет сомнения, что ошибка в данном случае возникла не из-за влияния графики глаголического оригинала (хотя глаголическое Н практически совпадает по начертанию с кириллическим Р), а из-за невнимания и вполне понятной ассоциации рубрикатора, вписывавшего начальные киноварные буквы в готовый текст.
- ²⁰ *Berliniski Sbornik: Vollständige Studienausgabe im Originalformat von Ms. (Slav.) Wuk 48 aus dem Besitz der Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz. Berlin / Eingeleitet von H. Miklas. Graz, 1988 (Codices selecti. Phototypice impressi. Vol. 79). Bl. 73r; Миклас Х., Тасева Л., Йовчева М.* Берлински сборник. София; Wien, 2006. С. 221.
- ²¹ *Кувев К.* Иван Александровият сборник от 1348 г. София, 1981. С. 200.
- ²² Там же.
- ²³ Другие древние примеры смешения этих этнонимов см.: *Словарь старославянского языка (Репринтное изд.).* СПб., 2006. Т. 1. С. 60.
- ²⁴ Нельзя, впрочем, не отметить, что вслед за египтянами сирийцы помещены и в перечне народов, воздающих хвалу Богу на своем языке в 16-й главе Пространного жития Кирилла Философа (см., напр.: Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). СПб., 1999. Т. 2. С. 56.
- ²⁵ Пользуюсь случаем поблагодарить С. А. Иванова за консультацию по данному вопросу.
- ²⁶ См., например: *Летописец Еллинский и Римский.* СПб., 1999. Т. 1 (Текст). С. 103, 189, 191, 193, 209—211, 217, 245, 262, 341, 346—348, 352—355, 357, 358, 361, 456.
- ²⁷ См. об этом подробнее: *Соловьев А. В.* Великая, Малая и Белая Русь // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. 2. Кн. 1 (Киевская и Московская Русь) / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. С. 479—495 (1-е изд. — Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24—38); ср.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 266.
- ²⁸ См., например: РГАДА, ф. 181 (собр. РО МГАМИД), № 710, л. 154 об.
- ²⁹ Наиболее полный их перечень с библиографией публикаций см.: *La poesia liturgica slava antica / Древнеславянская литургическая поэзия.* Roma; София, 2003 (XIII Международный съезд славистов. Тематический блок № 14: Доклады). С. 109—112 (Прилож.).
- ³⁰ См.: *Попов Г.* Триодни произведения на Константин Преславски. София, 1985 (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 2). С. 598—601.
- ³¹ *Он же.* Канон на Рождество Христово от Константин Преславски // *Palaeobulgarica*, 1998, № 4. С. 18—26; ср.: *Верещазин Е. М.* Особый парафраз канона на Рождество Христово в Декабрьской служебной минее конца XII — начала XIII в. (Публикация источника) // *Ibid.* 1997. № 4. С. 21—28.

³² Попов Г. Из хормнографского наследство на Константин Преславски // Ibid. 1995. № 3. С. 11—16.

³³ В последнем случае сопоставление дополнительно затрудняется тем, что в произведении господствуют специфически усненские мотивы.

³⁴ Вероятно, это объясняется тем, что славянский гомилиарий в целом ряде его древнейших разновидностей (см., например, Торжественник общий типа Гомилиария Михановича и Милешевского Панегирика, Евангелие учительное Константина Преславского, Германов сборник) неплохо сохранился у южных славян и в эпоху византийского владычества, поэтому потребность в получении русского варианта этого сборника уставных чтений здесь отсутствовала.

³⁵ См.: Турилов А. А. Критерии определения... С. 141—142.

³⁶ Там же. С. 140—141, 143—144, 157, 165.

«МОРАВСКИЕ ЗЕМЛЕ ВЕЛЕИ ГРАЖДАНИН» (Неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию)*

12 марта 1998 г., при описании в Отделе рукописей Государственного Исторического музея Минеи служебной из собрания А. И. Хлудова для Сводного каталога славянорусских рукописных книг XIV в., один из авторов статьи обнаружил в ее составе службу славянскому первоучителю Мефодию. Уже беглое сопоставление текста с опубликованным показало, что найденная служба неизвестна палеославистам. В том, что памятник не был открыт на протяжении последних 130 лет, впору видеть роковое стечение обстоятельств, так как сохранился он в составе одного из самых богатых славянскими древностями (и в силу этого весьма известных исследователям) собрания.

Поскольку рукопись сама по себе, а не только из-за включенной в нее службы, заслуживает дополнительного изучения (это одна из древнейших сербских Минеи служебных), целесообразно привести ее краткое описание.

Рукопись ГИМ, Хлуд. 156 представляет собой Минею служебную с проложными житиями на мартовскую половину года, написанную в конце XIII в. или на рубеже XIII—XIV вв.¹ Она состоит из 314 листов пергамена размером в лист (26,5 × 18,5; листы обрезаны при переплетении в 1870-х годах). Почерк — мелкий устав нескольких рук (на листах, занятых службой Мефодию, с полууставными элементами), в два столбца; на странице 31—38 строк.

Утрачены начало и конец кодекса. Он начинается 1-м тропарем 4-й песни канона апп. Олимпу, Иродиону, Терентию, Сосипатру, Ерасту и Куарту-«Гукуарту» (15 марта); обрывается 2-м тропарем 5-й песни второго канона на Положение пояса Богородицы (31 августа).

Почерки и оформление рукописи имеют достаточное количество аналогий среди сербских рукописей последней четверти XIII — первой четверти XIV в. («эпохи краля Милутина»)². Орнамента рукописи состоит по преимуществу из тонких киноварных инициалов с «зубчиками» в начале житийных текстов и паримийных чтений, что составляет для сербских рукописей палеографическую примету второй половины XIII — первой половины XIV в. [Васильев 1984—1985].

Правописание рукописи выдержанное рашское старшего периода, наблюдается отсутствие йотации после *л* и *н* (*лоудн*, *гоннтаа*, *о҃гна*), редуцированные нередко заменяются паерком в виде латинского *z* над строкой. В качестве знака препинания используется точка (на высоте середины буквы) и крест из 4-х точек (в конце песнопений). Изредка встречается *ь*, вероятно, под влиянием оригинала. Наблюдается

* Работа написана в соавторстве с Л. В. Мошковой.

смещение **ѣ** и **ѡ**, особенно заметное в заглавных буквах песнопений. **ѣ** пишется писцами так, что его можно принять за промежуточный знак редуцированного; но причина этого чисто графическая: все мачты букв имеют горизонтальную черту, ограничивающую вертикаль и направленную влево.

Удвоение **ѣ** в конце слова, характерное для сербских рукописей рашской орфографии XIV в., здесь не встречается. Регулярны случаи смещения в именах собственных и иностранных словах **П** и **Ф** (например, *филокоп* и гиперкорректное *Карфь*). По орфографии рукопись можно было бы датировать и более ранним временем, чем конец XIII в., но палеографические показатели этому противоречат.

Палеографические и кодикологические признаки (количество строк, площадь текста, почерк, орнаментика) позволяют установить, что помимо кодекса Хлуд. 156 к первоначальному составу рукописи принадлежит также пергаменная тетрадь из 8 листов, хранящаяся в том же Отделе рукописей ГИМ, в собрании П. И. Щукина, № 48. Отрывок содержит службы на 5—10 марта (начинается с окончания проложного жития в службе мч. Исихию, обрывается 1-й песнью канона мч. Кодрату Коринфскому), т. е. между Щук. 48 и Хлуд. 156 отсутствует приблизительно одна тетрадь, и еще столько же, вероятно, утрачено в начале.

Кроме формальных кодикологических признаков, части рукописи роднит и помета на первом листе каждой из них — «Лешокъ» (на шукинском отрывке чернилами, в хлудовской части карандашом), указывающая на место находки. Почерка надписей достаточно близки, но отождествление из-за малого объема невозможно. Разделение рукописи произошло до того, как хлудовская часть получила свой нынешний переплет³.

Переплет рукописи Хлуд. 156 новый, изготовленный не ранее 1869 г., после того, как она поступила в собрание коллекционера.

Службы весьма кратки, обычно это три стихиры в начале и канон с включением седальна; стихиры после канона помещаются редко. Паримийные чтения, тропари и кондаки даются лишь на большие праздники и особо чтимым святым. После 6-й песни канона обязательно имеется проложное житие (из Пролога Константина Мокисийского), но оно далеко не всегда соответствует службе. В размещении житий выдержан чисто календарный принцип, поэтому при расхождении в месяцесловах Минеи и Пролога служба и житие могут помещаться под разными числами (подобное можно наблюдать и в других списках миней с проложными житиями, например, в несколько более поздней Минее попа Гюрга — БАН. 4.5.10) [Пергаменные рукописи БАН: 32—37].

Славянских проложных житий в Хлуд. 156 нет. Под 24 июля (л. 238б—240г) находится совместная служба мц. Христине и Борису и Глебу (*сѣбюю ѡ(ч)нкоу Бориса и Глѣба*) [Сергий 1997: 213]. Князьям-мученикам посвящены стихира, седален, по одному тропарю в каждой песни, начиная с 4-й, кондак, икос и стихиры в конце, т. е. текст сокращен даже по сравнению с кратким вариантом в другой сербской минее того же собрания (Хлуд. 160).

Сведения об истории рукописи до ее привоза в Россию скудны. По всей видимости, не позднее конца XIV в. она оказалась в Македонии, где и находилась до 1868 г., совершая относительно небольшие миграции по территории региона. На л. 221 со-

хранилось начало и конец записи с упоминанием краля Марка (1371—1394), написанной сербским канцелярским письмом рукой дьяка Богавца. Поля рукописи буквально испещрены записями (начала посланий) XV—XVI вв., написанными трудночитаемыми канцелярскими почерками бледными чернилами, но ни одна из них не имеет даты и все они достаточно малоинформативны. На л. 22 читается начало послания «мудрому и достойному господару Скедеру» (почти несомненно албанскому правителю Георгию Кастриоту Скандербегу, 1443—1468) «от воев» (оды?). Многие послания адресованы безымянному архиепископу, очевидно, охридскому.

Рукопись была привезена А. Ф. Гильфердингом из его загадочной поездки в 1868 г. Помета «Лешокъ» свидетельствует, что кодекс был приобретен в северо-западной Македонии, в Пологе близ Тетова; вероятно, в Кринском Успенском монастыре.

В описании собрания А. И. Хлудова, составленном А. Н. Поповым, кодексу, как и большинству богослужебных рукописей, уделено несколько строк без раскрытия содержания [Попов 1872: 311]. Вероятно, именно это и послужило причиной того, что уникальный памятник в течение столетия пребывал в неизвестности.

Публикуемая ниже новооткрытая служба Мефодию ставит перед исследователями целый ряд проблем, главной из которых является вопрос о ее соотношении с другими памятниками кирилло-мефодиевского цикла. Подобно стеклышку, добавленному в калейдоскоп, она может изменить привычную картину, заставив ее сначала распасться, а затем сложиться в новый, совершенно непохожий на прежний и более яркий узор. Несомненно, служба — слишком значительное произведение, чтобы его можно было проанализировать в одной статье: этот памятник вполне заслуживает глубокого и подробного монографического изучения. Поэтому в настоящей работе авторы излагают лишь предварительные наблюдения, нуждающиеся в доработке и углублении.

Состав службы и его особенности. Текстологические и образные параллели

Служба первоучителю Мефодию на первый взгляд достаточно обычна по своему составу. Она состоит из трех стихир на «господи возвах», канона 6-го гласа с включением седальна после 3-й песни и трех стихир после канона, вероятно, на «хвалите».

Первые две стихиры, расположенные перед каноном, а также седален с отдельными и почти неизбежными разночтениями представлены в другой службе Мефодию в Драгановой и Добриановой минеях [Иванов 1970: 301—302; Лавров 1930: 123], где эти стихиры поставлены 2-й и 3-й на «господи возвах», а седален расположен также после 3-й песни.

Глас публикуемого канона и ирмосы 1, 3—6-й песней совпадают с гласом и соответствующими ирмосами канона общего пророкам, приписываемого Клименту Охридскому [Станчев, Попов 1988: 189—191]. Однако тропари канона находят больше соответствий (как небольших текстовых, так и образных) в каноне общем апостолам этого же автора [Там же: 193—197]⁴.

Возможно, объяснить этот феномен помогут слова памятника совершенно иного жанра — Похвалы Кириллу и Мефодию. В рассказе о смерти Кирилла говорится: «и приложиса къ оцѣмъ своимъ, пр(о)коудъ и ап(с)лмъ, мѣнкоудъ и всѣмъ стѣнцѣмъ» [Климент Охридски 1970—1977, 1: 472]; а о смерти Мефодия: «И приложиса къ оцѣмъ своимъ патриархоудъ Аврамоудъ, Исакоудъ, Иаковоудъ» [Там же: 473].

Каждая песнь состоит из полностью написанного ирмоса, трех тропарей и богородична. Исключение (пропуск) 2-й песни — для минейного канона скорее правило. Но, как будет показано ниже, в процессе восстановления акростиха, первоначально эта песнь в каноне все же была⁵. Наличие в минейном каноне 2-й песни не столь исключительное явление: так, в комплекте Синодальных миней XII в. «довольно канонов, имеющих и вторую песнь» [Горский, Невоструев 1917: 78]. Казалось бы, можно обосновать включение в канон 2-й песни как тем, что, по свидетельству пространного жития, Мефодий умер в среду Страстной недели [Климент Охридски 1970—1977, 3: 192], так и тем, что его память обычно приходится на дни Великого поста (в год открытия памятника — на Пасху). Однако, как правильно заметил Г. Попов, многие великопостные каноны, в том числе и на память разных святых, 2-й песни не имеют [Попов 1985: 37]. Напротив, в каноне ап. Иакову Зеведеву (30 апреля), помещенном в одном из томов упоминавшегося комплекта, 2-я песнь есть [Горский, Невоструев 1917: 59]. Следовательно, связь между днем празднования памяти именно в пост и включением в канон 2-й песни не столь прямая.

Возможно, включение 2-й песни в канон Мефодию должно было подчеркнуть скорбь учеников об усопшем учителе. Но также можно предположить, что первоначальный состав двух канонов Мефодию отражал определенный этап формирования славянской гимнографии.

Большинство тропарей канона посвящены прославлению свт. Мефодия и его неустанного труда — просвещения славянских народов. Однако в службе рассыпаны и чисто исторические реалии из жизни учителя. Они содержатся: в 3-й стихире перед каноном, 3-х тропарях 3 и 4-й песней, во всех тропарях 6-й песни (которую по содержанию можно назвать «исторической»), в 1-м тропаре 8-й и 2-м тропаре 9-й песни. Из указанного перечня можно исключить свидетельство, носящее достаточно общий характер («Бѣспнѣтъ съ лѹдростнѹ»). Все оставшиеся факты, которые «знает» служба (вернее, упоминает ее автор) сводятся к следующим: свт. Мефодий родом из Фессалоник, его отец Лев имел семь детей; смолоду Мефодий отверг «житейскую славу», некоторое время провел в пустыне; со своим братом Кириллом «прелетаста весь мир»: побывал у хазар, фуллов («фил»), в Херсонесе; наставлял народ в вере «письменными законами» (очевидное указание на перевод Номоканона). 1

На первый взгляд может показаться, что среди этих свидетельств не хватает по крайней мере следующих. Первое — подчеркивания архиерейского служения Мефодия, хотя он и называется святителем (3-я стихира перед каноном, 1-й тропарь 3-й песни, 2-й тропарь 5-й песни; в акростихе назван архиереем). Второе — упоминания триязычной ереси, с которой он боролся (хотя без столь привычного определения мотив борьбы с ересями в каноне присутствует)⁶. Было бы странно

утверждать, что автор канона не имел под руками жития Мефодия, поскольку, как мы попытаемся показать ниже, им был один из ближайших учеников святого, которому не нужен был текст для того, чтобы заимствовать отсюда факты жизни учителя. Вероятно, подбор фактов не был случаен и отражал авторский замысел (хотя нельзя полностью отрицать и того, что столь «необходимые» нам реалии содержались в утраченных тропарях). Свое понимание авторской идеи, легшей в основу службы, мы рассмотрим ниже, вместе с вопросами о времени и месте ее создания. Здесь же целесообразно привести (весьма неполно) параллели с некоторыми памятниками кирилло-мефодиевского круга. Но при этом авторы далеки от того, чтобы говорить о «прямых заимствованиях», «источниках» и пр. Единственная их цель — показать, как хорошо вписывается новооткрытый памятник в ряд произведений давно известных.

Все перечисленные выше факты земной жизни Мефодия, а также многочисленные образные параллели к песнопениям службы содержатся в Похвале Кириллу и Мефодию. Разная жанровая принадлежность этих памятников делает чисто текстологическое сравнение не совсем корректным, однако совпадения используемых в стихирах и тропарях канона образов, возможно, будут достаточно убедительны⁷.

Помимо многочисленных параллелей в обоих памятниках об апостольском служении, проповеди Евангелия, просвещении народов и борьбе с ересями, чему и была посвящена вся жизнь братьев, нам хотелось бы выделить (в порядке их размещения в службе) следующие.

В первой перед каноном стихире Мефодий уподобляется Давиду и говорится о исповедании им Отца и Сына и Святого Духа, от Отца, но не от Сына исходящего⁸. Похвала содержит сходный мотив: оба брата сравниваются с Давидом, прообразовавшим Троицу тремя камнями [Климент Охридски 1970—1977, 1: 471].

И в похвале [Там же] и в службе (2-я стихира) говорится о благодати, принятой от Бога и «реализуемой» в проповеди и апостольском служении⁹.

«Северская страна» упоминается вместе с Моравской землей в 3-й стихире перед канонем, во множественном числе этот топоним стоит в похвале в ряду стран, перечисляемых без названий, но по географическому их расположению («въсточьныиъ и западъныиъ и сѣверьскыиъ») [Там же: 473]¹⁰.

В 1-м тропаре 1-й песни канона («яко свѣтла те слѣца ѡ(т) востокъ пославъ бл(а)жа. запад'ныиъ») и седальне Мефодий уподобляется солнцу, движущемуся с востока на запад¹¹. Правда, сразу возникает вопрос: «западные» по отношению к чему были те, кого просвещал Мефодий? И здесь следует обратиться к свидетельству похвалы о пути следования братьев: от хазар (т. е. с востока) к западным странам — Паннонии и Моравии [Там же: 471]. После этого сравнение Мефодия с солнцем воспринимается не просто как красивый литературный прием, но как метафорическое преломление реального события.

В 1-м тропаре 3-й песни Мефодий уподобляется прор. Моисею, который не только вывел иудеев из Египта, но «наставил их». В Похвале эта тема развернута широко, дела братьев не только сравниваются с делами пророка, но говорится и о их принципиальном различии: так, если Моисей вывел народ из пустыни, то братья «люди изведоста изъ льногадрачьнаго днѣвольскаго моря» [Там же: 470].

Столь же прекрасное, выстроенное в Похвале по всем законам красноречия сравнение братьев с Авраамом [Климент Охридски 1970—1977, 1: 470] во 2-м тропаре 4-й песни канона сведено к трем словам («*Авраамоу прѣселенне пате испльнае*»), глубокий смысл которых в полной мере раскрывается только при обращении к Похвале¹².

3-й тропарь 4-й песни — это квинтэссенция рассказа Похвалы о монашеском периоде жизни Мефодия [Там же: 469].

6-я «историческая» песнь канона восхваляет обоих братьев. Однако следует отметить, что и в Похвале рассказы только об одном из них чередуются с эпизодами их совместной деятельности; похвала же в конце этого памятника, естественно, общая. Именно в этом чередовании единственного и множественного числа видится параллель между двумя памятниками.

В 1-м тропаре этой песни говорится о том, что братья «*прѣлетаста всь днрь*». Но близкие словосочетания есть и в Похвале: «*всю вселеную обидоста*» [Там же: 471], «*Подънбъноюю всю прошдъша*» [Там же: 473]¹³.

Во 2-м тропаре братья сравниваются с двумя лозами, выросшими из одного корня (в Похвале же упоминаются две леторасли [Там же: 468]). Здесь же о них говорится: «*напонта в'селеную пива дховнаго, прѣлнвающа рѣки бжїна пива*». Упоминание «животнаго пива» есть и в Похвале [Там же: 473]. По содержанию к 6-й песни примыкает 2-й тропарь 9-й песни со сведениями о происхождении Мефодия. Но и они находят полные аналогии в Похвале [Там же: 468].

Тема служения «триипостасному божеству» присутствует в Похвале [Там же: 471], развита она и в службе, особенно ярко проявляясь в изменении содержания 3-го или, вернее, последнего перед богородичном тропаря в 5, 7—9-й песнях. Здесь помещены песнопения, которые по форме — тропари, но по содержанию — троичны (с усилением в них догматической направленности в 7—9-й песнях). Как правило, троичен входит в состав служб Октоиха, для минейного канона он явление редкое, но не уникальное. Так, в одной из служб свт. Савве Сербскому третий тропарь каждой (!) песни канона — «троичен» [Богдановић 1980: 83—91]. В связи с этим можно было бы высказать два предположения. Первое — данная особенность определена святительским чином празднуемых — и Мефодий и Савва были первыми архиепископами и, следовательно, вероисповедные, догматические вопросы в их просветительской деятельности играли важнейшее значение. Второе — поскольку обе службы сохранились в сербских рукописях, не является ли отмеченная нами особенность результатом влияния более ранней службы Мефодию на службу Савве? Однако тропарь, включающий «троичный» мотив, есть в последней песне канона вмч. Димитрию Солунскому [Горский, Новоструев 1917: 25], автором которого некоторые исследователи считают Мефодия. Если последнее предположение верно, то не является ли отмеченная особенность развитием безымянным учеником приемов своего учителя (что само по себе вполне закономерно)? В связи с этим хочется обратить внимание на такую, казалось бы, незначительную, особенность канонов Мефодию и Димитрию: первые два тропаря 7-й песни в каноне Мефодию и 1, 2 и 4-й тропари в каноне Димитрию [Там же: 23—24] оканчиваются так же, как и ирмосы этих песней¹⁴. Кроме этого, в службах есть небольшие лексические параллели.

с акростихом, требовавшим в начале песнопения разных букв, но и посвящены разным праздникам, поэтому в богородичном каноне некоторые прообразы упомянуты не один раз.

Богородичны канона Мефодию оставляют в стороне характерный для литературы и живописи образ «Горы Нерукосечной», связанный с пророком Даниилом. В 3-м тропаре 3-й песни канона на Введение этот образ «анонимен»: «Пр(о)рѣска пр(ѣ)стѣна на тѣбѣ съвршншж са прѣч(с)тата. швъ горж та наре(ч). дрюгын дверь» [Кожухаров 1991: 36]¹⁷. Эти же перечисленные выше прообразы можно найти в Слове на Успение Богородицы [Климент Охридски 1970—1977, 1: 772—773].

Еще одно прообразовательное свидетельство о Богородице приведено в 8-й песни канона вмч. Димитрию: «жьзль Яронь явна дѣво» [Горский, Невоструев 1917: 24] (кстати, богородичен 3-й песни этого канона [Там же: 22] явно перекликается с богородичном 1-й песни канона Мефодию), но в двух сравниваемых выше канонах и Слове на Успение его нет. Однако есть произведение, в котором содержатся не только все перечисленные выше, но и дополнительные прообразовательные свидетельства. Это памятник моравской эпохи «Слово о похвале Богородице Кирилла Философа» [Турилов 1985: 253—269]. Поскольку единственный список древнейшей редакции не опубликован, позволим себе привести большую цитату из Триодного торжественника последней четверти XV в.: «Ты пр(о)ркъ акн медь на азыцѣ лежа. оуста нхъ ослажають са сладостью ово бо та кнвотомъ сѣдъ нарече. Я дрюгнн гороу несѣкколоу. ш(т) непа же оуторжеса камень Ісѣ Х(с)ъ гѣ. исполни ти всю землю. Я дрюгнн же лѣствнца свѣтлы ндѣ же нздѣ праведное всеа тварн. Я дрюгнн же ннакоако налѣнн та такоже шсвѣтн оудъ. кодоу о тобѣ пр(с)тата бѣа. Нсанн же великнн наречеть та жезль прожавшн ш(т) коренн Носѣва» [ГИМ, Муз. 1779. Л. 106—106 об.]; «кто оубо не оукрепнть си оудн на вѣроу твердоу. слышавъ квинноу горѣвшн при Монсѣн на горѣ» [Там же. Л. 108 об.]; «О роуно Гедешнова на не же сходнть роса н дождь бесню. О жезль Яронь в часъ прожаваньє. Н Данилъ камень оуторже са без роукн ш(т) горы. О оулнца Незекилевы нднже великнн свѣтъ нсхожашє. Н нны многы шбразы нзъшбращеть» [Там же. Л. 109].

Достаточно логично предположить, что исключенный при редактировании богородичен 1-й песни был посвящен образу, связанному либо с пророком Даниилом, либо с Аароном. На наш взгляд, более вероятно второе: песнопение скорее всего начиналось с Ж (Жезл).

Содержание второй части богородичнов по шестую песнь включительно в каноне Мефодию как бы подготавливает нас к их метаморфозе в 7—9-й песнях. Здесь перед нами богородичен, который с достаточно большим основанием можно назвать догматиком, поскольку смысловой акцент поставлен на рождении Бога «вькоупе соугоуба несѣбомъ».

Заканчивая описание состава и особенностей службы первоучителю, следует подчеркнуть, что служба Мефодию не просто еще одно произведение с акростихом, но продуманное, организованное, четко выстроенное и подчиненное одной идее сочинение, имеющее сложную внутреннюю структуру, отдельные части которой следуют своей заданной теме.

Акrostих и его реконструкция

В каноне Мефодию читается частично сохранившийся акrostих, к сожалению, безымянный, поскольку упоминание имени сняло бы много проблем. Акrostих проходит по начальным буквам тропарей и богородичнов, из чего следует, что последние если не написаны для этого канона, то специально подобраны и отредактированы. Связный (или, по крайней мере, без труда реконструируемый) текст начинается с богородична первой песни.

3 песнь	Исана МЛТВЫ ИСКО БЪСПИТЪНЬ ЛЪСТЬВНЦЮ	7 песнь	Ап(с)лКНІЕ РЪКН ИЗЪБАВН ЮДНА
4 песнь	На страны Аврамово Моудрости ИЗЪРЦН	8 песнь	Рода МоЛТВЪНЫ ЮДНОУ ИСТВОМЪ
5 песнь	Прощьль ИАкоже СоущьствоМь ИЕ(с)НОУЮ	9 песнь	Тын О(т)чства ИЗЪ ОЦА ИАко
6 песнь	Мысльно ИЗЪ ЮДНОГО ПЪ(с)МН ИАже		

«...ИМИ ВЛНАМИ ПЛАСМНИ ПІА АРНІЕР МІЕЮТОНІА»

Полностью в акrostихе сохранилось только два слова — вл(ь)нами и пясн(ь)ми. Пропуск редуцированных, с которых не может начинаться ни одно слово, технически оправдан и имеет достаточно аналогий в других ранних образцах славянских акrostихов¹⁸. Во второй части акrostиха, начиная с 3-го тропаря 6-й песни, утрачено не менее четырех букв. Хотя смысл заключительной части краегранесия не вызывает сомнений, реконструкция его необходима для уяснения первоначальной структуры службы.

Нетрудно заметить, что начальная буква богородична 6-й песни написана ошибочно. Исходно здесь читалось несомненно «Юже изъбра», что более правильно и чисто грамматически. Между богородичном и предшествующим тропарем опущен еще один тропарь, начинавшийся с О или Ѡ — П[О]Ю. В седьмой песни опущен второй тропарь, начинавшийся на Х, в девятой — третий (Д). Сложнее ситуация с 8-й песнью. Здесь не только имеется пропуск, но и нарушен порядок букв. При этом простая их перестановка, восстанавливающая правильное чтение, не соот-

ветствует структурным особенностям реконструируемого текста (см. выше). Для правильного прочтения акростиха достаточно, казалось бы, поменять местами 2-й и 3-й тропари (Молѣтъвнѣк и Ѹднѣу). Тем самым в имени убирается лишнее κ (М[κ] κтѡ(д)нѣ), а предшествующее слово получает предпоследнюю или последнюю (они одинаковы) букву — Яр(х)нкр(κκ). Однако нельзя упускать из виду, что переносимый вперед тропарь скорее может быть назван троичном, причем не только по содержанию. Около него (единственный раз во всей службе) поставлен на поле киноварный знак троична в древней форме (алхимический знак золота). Правда, писец явно плохо отличал его от знака богородична («фита»). Но троичны традиционно занимают в песнях место непосредственно перед богородичном.

Вероятно, стремление следовать сразу двум принципам: соблюдать одновременно структуру службы и последовательность акростиха, приводила порой древних авторов к патовой ситуации. Разрешаться она могла лишь допущением в акростихе обратного чтения — мены двух букв. Предположение подтверждается тем, что такая инверсия не является исключительной отличительной чертой данного канона. Большинство списков канона на Введение Богородицы содержат в акростихе чтение ПРІАЧСНТЯ вместо ПРІАЧНСТЯ [Кожухаров 1991: 32] именно из-за того, что начальное слово («Иаков») приходится на богородичен. Исключение составляет Скопская минея XIII в., но там акростих нарушен еще больше — ПРІАЧСТЯІА [Там же]¹⁹.

Наибольшую сложность для реконструкции представляет, несомненно, начальная часть акростиха — современная 1-я песнь. Здесь за исключением богородична, вместе с первыми тропарями 3-й песни составляющего окончание прилагательного (-ИМІ) к существительному БЛНІАМН, связный текст не образуется. Три тропаря 1-й песни дают соответственно три буквы, и ситуацию не спасает даже предположение о дополнительном тропаре. Среди поэтических славянских памятников, снабженных акростихами, канон Мефодию представляет достаточно необычный случай именно испорченным началом. Гораздо больше примеров, когда акростих читается в первых песнях канона, а дальше оказывается полностью деструктурированным²⁰.

Сохранившаяся и восстановленная часть акростиха диктуют нам конструкцию его начальной части: автор воспеваает архиепископа Мефодия, сравнивая свои песни с некими волнами («как некими волнами»). Причину разрушения начальной части акростиха можно видеть только в исключении из канона 2-й песни (см. выше), которая редко встречается в минейных канонах.

Однако просто констатация факта первоначального наличия в каноне 2-й песни не объясняет разрушения акростиха в 1-й. Вероятно, в процессе придания канону современного вида 2-я песнь не была исключена механически, и нынешняя песнь 1-я смонтирована из песнопений обеих в шахматном порядке: 1-й тропарь 1-й песни, 1-й тропарь 2-й песни, 2-й тропарь 1-й песни и богородичен 2-й песни. Исключены были 3-й тропарь 1-й песни, 2-й и 3-й тропари 2-й песни и богородичен 1-й песни. При таком предположении и в соответствии с конструкцией акростиха его начало будет читаться как ІАК(о) (последняя буква утрачена). Ключ к реконструкции прилагательного к слову БЛНІАМН дает начальное слово 2-го тропаря 1-й песни (первоначально 1-го во 2-й) — Чдреннѣк. Судя по 3-й и 4-й песням, песни в

начале канона включали три тропаря и богородичен. Поэтому более вероятно, что во 2-й и 3-й песнях читалось слово ҃(АР)ИМІ (т. е. лучезарными, светозарными). Показательно, что начальные слова первых тропарей в первых двух песнях почти целиком покрывают их акrostих (ІАКО, ҃АРѣннѣ). В подтверждение нашего прочтения рискнем высказать следующее предположение. Составляя акrostих (а очевидно, это предшествует написанию канона) автор употребил слово, которое (или однокоренные с ним) потом должен был сознательно или бессознательно включить в текст. Слова с корнем ҃ар- употреблены в службе три раза: ҃арѣннѣ (2-й тропарь 1-й песни и 1-й тропарь 9-й песни), ҃араин (2-й тропарь 3-й песни).

Богородичен 1-й песни должен был начинаться на И или, что более вероятно, на Ж (Іако и; Іакож). Учитывая отмеченную особенность богородичных первых песен канона, букву ж легко найти в словосочетании «Жезл Ааронов» (см. выше).

С учетом изложенных поправок и перестановок реконструируемый акrostих читается (в сербской орфографии XIII—XIV вв.) следующим образом: $\text{ІАК[ОЖ] ҃(АР)ИМІ ВІАИМ ПІАСНМ П[О]Ю АР[Х]ИЕР[Е]ІА МІЕТО[Д]ІА$.

Время и место создания

Проведенный анализ текста в совокупности с другими особенностями памятника позволяет с достаточной степенью вероятности и надежности ответить на вопрос о времени и месте создания новонайденной службы, ее возможном авторе и соотношении со службой, написанной Константином Преславским.

Нет сомнений в том, что служба Мефодию в Хлуд. 156 — ранний памятник, относящийся к древнейшему пласту кирилло-мефодиевской традиции. Ее оригинал бесспорно был глаголическим: типичное для этого алфавита неразличение букв ѣ и іа (ПІАСНМ акrostиха) имеет много аналогов в гимнографическом творчестве учеников славянских апостолов. Сам акrostих также указывает на принадлежность памятника к преславско-охридскому литературному кругу (применяем здесь это понятие не в хронологическом, а в культурно-типологическом значении).

Сложнее установить более определенные хронологические рамки. Положение в значительной мере затрудняется существованием давно известной Константиновой службы. Не будь ее, новый памятник в качестве уникального явления не нуждался бы в объяснении.

Сопоставление двух служб Мефодию целесообразно начать с рассмотрения ряда деталей, относящихся к историческим реалиям. Почти все они без исключения присутствуют в Константиновой службе и отсутствуют в новонайденной. Разумеется, аргументы *ex silentio* не имеют решающего значения в решении вопроса датировки и локализации памятника, особенно если учесть, что новая служба в рамках канона сокращена на 20 процентов (7 тропарей и 1 богородичен — две песни стандартного размера). Однако нельзя упускать из виду и того, что служба сокращалась не механически, а вполне осознанно — об этом свидетельствует и составление современной 1-й песни из двух первоначальных и сохранение всех троичнов. Иной вопрос — что редактор считал важным, а что малозначимым. Поэтому такое сопоставление целесообразно проделать, чтобы выяснить, могут ли

умолчания сложиться в систему, если рассматривать их на фоне других древних гимнографических памятников кирилло-мефодиевского цикла.

Из наиболее значимых в этом смысле моментов можно выделить в отношении событий и реалий отсутствие в новой службе упоминаний о триязычной ереси и рассеянии учеников после смерти учителя по чужим странам, а в географическом отношении — Болгарии (и прилагательного болгарский), Паннонии и юга (южных стран) как области деятельности первоучителей.

Упоминание триязычной ереси является для кирилло-мефодиевского цикла почти маркирующим признаком. Но в службах она обычно упоминается лишь в одном песнопении; поэтому весьма велика вероятность, что «триязычники» упоминались в одном из семи исключенных тропарей. Аналогично могла сложиться судьба и мотива изгнания учеников после смерти учителя; отсутствие его в новой службе не может поэтому служить доказательством ее старшинства. Но в обоих случаях вопрос остается открытым.

В новой службе не фигурирует ни Болгария, ни болгары. Сходным образом обстоит дело в совместном каноне Кириллу и Мефодию и в русских списках службы Кириллу. В этом, разумеется, нельзя усмотреть злого умысла сербских и русских редакторов и писцов. Первенство болгар в причастности к кирилло-мефодиевской традиции почти безоговорочно признавалось в обеих странах, и следствием вмешательства редактора могло явиться упоминание своего народа, но отнюдь не исключение другого (характерный пример — расширение списка славянских народов в «Слове о похвале Богородицы» [Турилов 1985: 257] или включение сербов вслед за болгарями в число «единородных» Иоанну Рыльскому в молитве, завершающей его проложное житие). Напротив, упоминание в южнославянских списках «болгарских» книг вместо славянских носит явно вторичный характер. Очевидно, что умолчание о Болгарии в новой службе исконно, и служит свидетельством большей древности ее относительно написанной Константином Преславским, где среди стран, славящих Мефодия, фигурирует Мисия (= Болгария).

Понятен подчеркнутый интерес Константина к Паннонии — его служба прославляет Мефодия как святителя, исторический центр диоцеза которого находился в этой области. Службы Кириллу упоминают ее (в искаженном виде) лишь по одному разу, а в совместной службе она вовсе не фигурирует. Возможно, чтение было настолько испорчено, что от него предпочли отказаться.

Впрочем, учитывая ситуацию со стихирами, общими для обеих служб Мефодию, можно предположить, что новонайденная служба первоначально имела кондак и икос, сохранившиеся в Константиновой службе. В рукописях икос начинается со слов «царствия Панония» [Иванов 1970: 304; ср.: Лавров 1930: 126], но скорее всего перед нами ошибочное чтение, возникшее при копировании глаголического оригинала (где спутать слова «царствия» и «Моравия», особенно с выносным *Р*, ввиду большей близости начертания *М* и *Ц* гораздо легче, чем в кириллице).

Весьма показательно молчание новой службы об одной из сторон света — а именно о юге — в связи с похвалой Мефодию. Это ограничение области апостольской проповеди западом и отчасти севером (вероятно, по отношению к Константинополю) достаточно явно свидетельствует, что служба писалась до того,

как деятельность учеников Кирилла и Мефодия широко развернулась в Болгарии.

На стадиально более ранний этап почитания Мефодия сравнительно со службой, написанной Константином Преславским, указывает и сам характер прославления первоучителя в памятнике. Нет сомнений, что Мефодий прославляется здесь как новый апостол, его архипастырская деятельность практически не упоминается. Святителем он именуется только трижды и фигурирует как архиерей в акrostихе. О чудотворениях в самой общей форме сообщается во 2-й стихире перед каноном (но эта тема вообще не получила широкого распространения в культе первоучителей). По сути служба является заявкой на причисление Мефодия к лику святых как равноапостольного. Такая трактовка образа Мефодия наиболее объяснима в связи с событиями, последовавшими вскоре после его смерти, когда канонизация архиепископа стала инструментом в церковно-политической борьбе, определявшей будущее моравской церкви. Вопрос о времени и обстоятельствах канонизации первоучителей не получил в историографии достаточного освещения не в последнюю очередь из-за отсутствия источников [Поптодоров 1989; КМЕ 1995: 219]. Мало сомнений в том, что Мефодий не был канонизирован в Риме сразу после смерти, иначе судьба моравской миссии, бесспорно, сложилась бы иначе. Но также нет сомнений, что эта канонизация планировалась и подготавливалась учениками солунских братьев как широкомасштабная акция, о чем свидетельствует корпус созданных по этому поводу текстов. Именно в ранге равноапостольного и как брат Кирилла, беатифицированного за эти же заслуги, Мефодий (по крайней мере в глазах его учеников) имел наибольший шанс на канонизацию.

Впрочем, ситуация (особенно, если допустить присутствие в первоначальном тексте службы мотивов рассеяния учеников и упоминаний триязычников, хотя это и не обязательно) вполне соответствует и раннему периоду деятельности учеников Кирилла и Мефодия в Болгарии. Здесь тоже большим почитанием на первых порах должен был пользоваться не чужой архиепископ, а апостол славян, новый Павел. Насыщенность текста службы догматическими моментами делала ее действенным орудием катехизации, что для недавно христианизированного общества имело немаловажное значение.

Оставляя вопрос о жесткой локализации открытым, следует лишь подчеркнуть, что текст возник еще в едином круге учеников Кирилла и Мефодия (т. е. в конце IX в.), до его разделения на Преславский и Охридский центры. Но сохранился он в охридском культурном ареале благодаря сербской традиции, вообще донесшей немало памятников кирилло-мефодиевского круга (например, Проглас к Евангелию, Слово на Рождество Христово [Климент Охридски 1970—1977, 2: 193—222], Похвалу 40 мученикам Климента Охридского, канон Андрею Первозванному Наума Охридского и др.). Отсутствие памятника в болгарской и русской традиции, возможно, указывает на то, что после написания нового канона Константином Преславским старый в значительной мере вышел из обращения, уцелев лишь на периферии, в охридской «нише».

Вопрос об авторе текста, по крайней мере на сегодняшний день, не может быть решен однозначно. Некоторые стилистические приемы, например, обилие эпитетов, связанных со светом, сиянием, блеском зримо напоминают сочинения

Климента Охридского (см. [Станчев, Попов 1988: 99—100]). Но пока, вероятно, следует остановиться на точке зрения об авторстве одного из ближайших учеников Мефодия, без жесткой привязки к конкретной личности. Определение времени создания и историко-культурного контекста нового памятника представляется на данный момент более важным.

В заключение стоит еще раз вернуться к рукописи, в которой сохранилась публикуемая служба. Похоже, что кодекс еще не раскрыл всех своих тайн. Других славянских акростихов (по крайней мере неповрежденных) в ней найти не удалось. Однако первые слова тропарей 9-й песни канона на празднество Успения (Кюпниноу... йнца... Марк — л. 286в-г) образуют сочетание, слишком напоминающее «авторскую марку» Климента Охридского, чтобы не обратить на него внимания. Возможно, речь идет еще об одной богородичной службе великого славянского гимнографа.

Примечания

¹ Первый владелец рукописи — А. Ф. Гильфердинг — датировал ее XIV в. Эта датировка повторена А. Н. Поповым [Попов 1872: 311], в описании пергаменов ГИМ [Щепкина и др. 1966: 292] и в Предварительном списке [Предварительный список... 1966: № 716] кодекс отнесен ко второй половине XIV в. без обоснования такой датировки. В смысле содержания этой дате противоречит и использование в Минее житийного материала из Пролога Константина Мокисийского. Несомненно, именно датировка кодекса в печатных изданиях явилась одной из причин ограниченного интереса к нему исследователей.

² Ср., например, мелкий почерк дополнений к Учительному евангелию 1286 г. (РНБ. Гильф. 32 [4. № 187]), Рашскую кормчую 1305 г. (ГИМ. Воскр. 29 перг. и РГБ. Унд. 25), Милутинов октоих начала XIV в. (ГИМ. Увар. 521-F).

³ Том Минее служебной на сентябрь-февраль, составлявший комплект с Хлуд. 156, не сохранился, с достаточной долей вероятности можно говорить о его фрагментах. Самый большой из них — Минее на январь-февраль на 63 л. (София, Церковный историко-археологический музей, № 403 [Богдановић 1980: 15—17]). Рукопись имеет определенное отличие в размерах, площади текста и количестве строк от Хлуд. 156, однако колебания остаются в пределах допустимого между отдельными томами (особенно учитывая вариативность количества строк в хлудовском томе). Вопрос о наличии общих почерков требует специального исследования, но типологическая и хронологическая близость несомненна. То же можно сказать в отношении орфографии и орнаментики.

Возможно, к этому же тому относятся два листа из ноябрьской Минее служебной (ГИМ. Щук. 46 [Сводный каталог... 1984: № 271]), во всяком случае А. И. Яцимирский, который очень часто сообщал в печати меньше, чем ему было известно, считал, что они происходят из одного комплекта с Щук. 48 [Яцимирский 1896: 48—50].

⁴ Канон общих апостолам, уже в силу своего назначения, произведение предельно обезличенное, «усредненное», написанное так, чтобы его песнопения можно было отнести к *любому* апостолу.

Сравнение канонов общих апостолам, святителям и мученикам Климента Охридского с канонами Кириллу, а также Кириллу и Мефодию было сделано Б. Мирчевой [Мирчева 1993]. Но целиком признавая возможную плодотворность подобных сравнений, следует высказать ряд возражений автору. Первое — канон Кириллу и Мефодию сохранился

только в русской традиции, поэтому вопрос о времени и месте его создания (а также авторстве) нуждается в специальном исследовании. Второе — основной материал для сравнений дают богородичны канонов — песнопения, наименее связанные с празднуемым святым и потому более «мобильные». Третье — приведенные примеры совпадений в действительности не отрицают возможности использования богородичное общих канонов в каноне Кириллу и Мефодию, особенно если учитывать первое из только что высказанных возражений.

Говоря же о текстологических параллелях в богородичных канона Кириллу и канона общего апостолам, более логично предположить влияние «именного» произведения на канон общий (если считать, что служба Кириллу написана вскоре после его смерти). Составление общих служб есть скорее особенность архиерейской деятельности, призванной упорядочить богослужение и дать в руки священнослужителям универсальную книгу, позволяющую восполнить недостаток или отсутствие служб конкретным святым.

Последнее наше возражение носит общий характер и вызвано не конкретной работой, а скорее историографией вопроса в целом. Если не сам поиск текстологических параллелей в произведениях ближайших учеников солунских братьев, то разговоры о «заимствованиях», «источниках» и «образцах» обиден для них. В этом тесном кругу образованных, ярких, литературно одаренных людей неизбежно должна была сложиться (при сохранении каждым своей авторской индивидуальности) единая «литература содружества», когда находки, образы, сравнения одного автора становились достоянием всех. Вероятно, на какое-то время (до разделения и формирования собственного окружения) это был как бы «коллективный автор», единый во многих лицах.

⁵ Второй песни канона лишены как канон Димитрию Солунскому, атрибутируемый исследователями Мефодию, так и все дошедшие службы первоучителям. Но находка неизвестной службы Мефодию позволяет вернуться к этому вопросу, так как уже нельзя категорически отрицать предположения, высказанного Дж. Павичем (тоже в связи с реконструкцией акростиха), о присутствии 2-й песни в каноне Константина Преславского Мефодию [Попов 1985: 37].

⁶ Упоминание триязычной ереси есть в 1-м тропаре 3-й песни канона Кириллу [Лавров 1930: 109, 118] и седальне ему [Там же: 115, 118]; однако оно отсутствует в каноне Кириллу и Мефодию [Там же: 111—114].

⁷ Выбор для сопоставления Похвального слова, а не жития определяется тем, что в отношении художественных приемов и образного строя памятники гимнографии и торжественного красноречия традиционно имеют больше точек соприкосновения, чем с агиографическими текстами. Но это не отрицает, а скорее предполагает, что необходимо сравнение и жития со службой.

⁸ Догматические вопросы, затрагиваемые автором в службе, с неизбежностью ставят перед исследователями вопрос о ее сравнении с «Написанием о правой вере», переведенным (?) Константином-Кириллом и с прологом Пространного жития Мефодия.

⁹ Сходный мотив есть во 2-м тропаре 6-й песни канона Кириллу и Мефодию [Лавров 1930: 113]. Несомненно, что автор этого канона знал службы как Кириллу, так и Мефодию. Однако теперь встает следующий вопрос: какую из известных служб Мефодию он использовал, цитируя в 4-м тропаре 6-й песни слова общей для них стихирь: «(отъ) о҃тца о҃убо параканта н҃сѣдѣща. а не сынѹ глагола» [Там же].

¹⁰ «Северские грады» упоминаются и во 2-м тропаре 8-й песни канона Кириллу [Лавров 1930: 111, 121].

¹¹ Мотивы просвещения «западных» и движения славянских учителей с востока на запад отразились и в других службах им.

¹² Тема «преселения Авраама» есть в службе Кириллу [Лавров 1930: 109, 118], в общем каноне также связана с Кириллом [Там же: 113].

¹³ Характерно, что в «двойном» каноне первоучителям слова «всю вселенную освети» относятся к Мефодию [Лавров 1930: 112].

¹⁴ Подобный же прием использован Константином Преславским в каноне Мефодию: все песнопения 7-й песни и, с учетом некоторых разночтений, песнопения 8-й заканчиваются, немного их варьируя, последними словами ирмоса [Лавров 1930: 126—127]. В каноне Кириллу и Мефодию все песнопения 7-й и тропари 8-й песни также оканчиваются последними словами ирмоса [Там же: 113—114].

¹⁵ Песнопения, объединенные общей темой, можно найти в каноне Константина Преславского: 3-й тропарь каждой песни — покаянно-молитвенное обращение автора к Мефодию [Иванов 1970: 301—305; Лавров 1930: 123—127].

¹⁶ Некоторые параллели к богородичнам новооткрытого канона Мефодию можно найти среди песнопений, написанных Климентом Охридским (см., например [Станчев, Попов 1988: 162, 167, 169]), но, вероятно, эти примеры можно умножить.

¹⁷ Некоторые из перечисленных прообразов можно найти и в Слове на Успение Богородицы [Климент Охридски 1970—1977, 1: 772—773].

¹⁸ Ср., например: ТРИПІЯСНИІ в трипеснях предпраздеству Рождества Христова Климента Охридского [Станчев, Попов 1988: 167—168], ДНС и других в цикле триодных трипеснцев Константина Преславского [Попов 1985: 95].

¹⁹ Разумеется, можно попытаться реконструировать акrostих (благо утраты не настолько велики, чтобы сделать невозможным исходное его прочтение), не прибегая к версии дополнительных тропарей. Акrostих может создаваться не только с помощью букв, но и целых слов и (или) сочетаться с элементами мезостиха (прием, широко распространенный в ренессансном и барочном творчестве). К первому приему еще предстоит обратиться в связи с реконструкцией начала акrostиха, но в пределах с 3-й по 9-ю песнь следов комбинации букв с целыми словами обнаружить не удастся.

Версия использования элементов мезостиха на первый взгляд представляется весьма продуктивной. Все пропущенные буквы можно обнаружить в начале слов, входящих в соответствующую тропари: Ѡ (пю) — ѠСТАНЫКЫ (3-й тропарь 6-й песни); Х и Ю (арЛнкрки) — соответственно Ѡ(с)ь (2-й тропарь 7-й песни) и ююю? (3-й тропарь 8-й песни); д (ИстаДна) — дрѣвлѣ (3-й тропарь 9-й песни).

На этом пути, однако, имеется ряд существенных препятствий. Древнейшие славянские поэтические тексты не знают примеров смешения акrostиха и мезостиха (случай употребления последнего здесь попросту неизвестны). Как будет показано ниже, при реконструкции начальной части акrostиха, в каноне Мефодию невозможно обойтись без предположения о сокращенных тропарях и песне. И, наконец, усиленный поиск мезостихов в сравнительно поздних списках древних текстов открывает простор для слабо контролируемых полетов фантазии.

²⁰ Таков, например, канон Евфимию Великому (и производный от него Иоакиму Сарандапорскому) → начало акrostиха СѢАТ ПОУССТНН... Лишь начало акrostиха сохранилось в каноне Андрею Первозванному в Братковой минее XIII в. [Попов 1994: 18] и Минее праздничной (ГИМ. Хлуд. 166).

Список литературы

- Богдановић 1980 — *Богдановић Д.* Најстарија служба светом Саве. Београд, 1980.
- Васильев 1984—1985 — *Васильев Л.* Геометријски иницијал од средине XIII до двадесетих година XIV в. и његов палеографски значај у датирању српских пергаментних рукописа // Археографски прилози. Београд, 1984—1985. Књ. 6—7. С. 131—156.
- Горский, Невоструев 1917 — *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел третий: Книги богослужебные. Ч. 2. М., 1917 (Чтения в обществе истории и древностей Российских за 1917 год. Кн. 4).
- Иванов 1970 — *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1970 (репринт — София, 1931).
- Климент Охридски 1970—1977 — Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1970—1977. Т. 1—3.
- КМЕ 1995 — Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1995. Т. 2.
- Кожухаров 1991 — *Кожухаров Ст.* Преславски канон за Въведение Богородично // *Palaeobulgarica*. 1991. № 4. С. 28—38.
- Лавров 1930 — *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
- Мирчева 1993 — *Мирчева Б.* За една возможна атрибуция на две ранни кирило-методиевски произведения // Хиляда и осемдесет години от смъртта на св. Наум Охридски. София, 1993. С. 124—130.
- Пергаментные рукописи БАН — Пергаментные рукописи БАН СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. Л., 1976.
- Попов 1872 — *Попов А. Н.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872.
- Попов 1985 — *Попов Г.* Триодни произведения на Константин Преславски. София, 1985 (Кирило-Методиевские студии. Кн. 2).
- Попов 1994 — *Попов Г.* Следи за распространението на Наумовия канон за св. апостол Андрей // Старобългарска литература. София, 1994. Кн. 28—29. С. 10—22.
- Поптодоров 1989 — *Поптодоров Р.* Относно канонизация изобщо и почасти-канонизация на св. брата Кирил и Методий // Международен симпозиум 1100 години от блажената кончина на св. Методий. София, 1989. Т. 2. С. 70—74.
- Предварительный список... 1966 — Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 177—272.
- Сводный каталог... 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. М., 1984.
- Сергий 1997 — *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. М., 1997 (репринт — Владимир, 1901). Т. 1.
- Станчев, Попов 1988 — *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. София, 1988.
- Турилов 1985 — *Турилов А. А.* К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян (Слово «О похвале Богородице Кирилла Философа» в рукописной традиции XV—XVII вв.) // Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 253—268.
- Щепкина и др. 1966 — *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольищенко В. С.* Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 273—309.
- Яцимирский 1896 — *Яцимирский А. И.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. М., 1896. Вып. 1.

* * *

Текст службы первоучителю Мефодию публикуется по рукописи ГИМ. Хлуд. 156 и передается строка в строку, с сохранением орфографии и интерпункции оригинала. Вводится разделение на слова, выносные буквы в скобках вносятся в строку; имена собственные даются с заглавной буквы. По техническим причинам крест из точек, обозначающий окончание песнопений, заменяется точкой.

- л. 376 М(С)ЦА ТО(Г) ВЪ. ꙗ ДНЬ
 стго ѿца методина ст(х)ре гла(с).
- л. 37в д. по(д). званн свыше
 Двдѣьскы Методнѣ блжнѣ словѣ
 сы последствуююу. бгбсловѣ.
 ствовашѣ явѣ ѿца родителѣ
 5 словесы соуща. н въложитла¹ дхбѣ
 прѣстѣмоу. н ꙗще же исповѣда
 ше глѣ. ѿ(т) ѿца² параканта. не ѿ(т)
 сна явѣ нсходящаго. тѣмъже
 явн се прѣваго нма ѿцѣмъ.
 10 тож(д)ѣ глѣ бгбславнь. с тѣмн мо
 ли се спсѣу н бѣу спсѣнн прѣсвѣтн
 дшѣ наше.
- Яп(с)льскоую блг(д)ть. не исполоу ѿ(т)
 бѣ приѣмъ Методнѣ. пррѣтствн
 15 та спо(д)бн се чоудесы. ѿ(т) почтъьша
 го те достоинно глѣтн прѣж(д)ѣ боудѣ
 щата. н тако настоюща моудре
 дароуе слѣпымъ видѣннѣ. н б
 ѣсныѣ съ ѿбластню ѿтнщаю та
 20 вѣ. н недоужныѣ оувратюу сла
 вно. тѣмъ молнмъ те дароун на
 мъ велню мл(с)ть.
- Моравьскыѣ землѣ велен граж(д)ан
 ннѣ. слава же н похвала севѣрь
 25 скыѣ страны. стлѣ бо Методн
 ѣ. съ высокымъ ннѣа съзываю
 ть проповѣданнѣмъ. прндѣте
 празнолюбцн съ вѣрою сътцѣмъ
 се н анкствуюемъ съ ннѣмъ. въ
 30 праз(д)нство оупеннѣ него прѣсла
 внаго. да приносятъ за ны непрѣ

¹ Так в рукописи.

² Так в рукописи.

		станноую млѣвоу къ Х(с)оу боу наше моу. избавити всею бѣды и напа сти дше наше. Па(н) ³ . гла(с). ѿ. Ирмо(с)	
л. 37г 1	35	Ико посухоу ходивъ Нзль. по безнѣ ⁴ стопади. гонителя фараона в де потаплаема. боу побѣдноую пѣ(с) поемъ выпиташе.	
		Ико свѣта те слнца о(т) встокъ по славъ вл(д)ка. запад'нынъ дасть мракъ о(т)гонеща. тѣмъ и мене просвѣти блжене въ твою паме(т)ь.	И
	5	Заренне свыше въспрнемъ прѣ стго дха. такоже млнни ави се тыльны просвѣщаю. Х(с)во ювн гане раздаваю въ концихъ Ме тодне	З
	10	Крнлома прѣлѣтане дхѣно жи тѣнскыи метеже. дное до запа да юрен ⁵ попалмаю и гасе безбожь ноую льсть. новодь оучениемъ(ъ).	К
	15	Исана те прозрѣ. ис корѣне Иисѣ ова дѣо жьзль прозевышаго. изъ негоже лѣторасль красна бесѣме не процвѣте. Исѣ мнра спсаю.	И
	20	Пѣ(с). ꙗ. Ирмо(с). Нѣ(с) стѣ такоже ты г(с)и блже мон. възнеси рогъ вѣрны хъ си блже. оутврьж(д)еннхъ на ка менн исповѣданна ти.	
	25	Млѣвы твою дхѣвныи творе за мн рь стлю. такоже Монси дрѣвле н зъ работы нзведе народа беснсле на. и на свѣтъ настави бѣобразоу мыа.	И
	30	Исѣо расѣваю ювнгане. изъ всто ка нзнде тако млнниа страшна. вьселеноую просвѣти дхѣвнади заради. и прогоню мракъ грѣховьнын. Вьспнтѣнь съ моудростню. и про цвѣте въ мнрѣ такоже прнсноблже	И В

³ Так в рукописи.⁴ Так в рукописи.⁵ Так в рукописи.

	35	нє. кєвнѣгльско носє бѣгѣоуѣханнє сѣѣ. н раз(а)ѣлаше по дароу ѣзыкамѣ.	
л. 38а	1	ѣвѣствѣнцю сѣоую прѣавн те ѣковѣ. бѣ по нєнѣє сннѣє на зє млю вышнын. бєсѣдєннѣо пль тѣ выспрнєдѣ. н рѣж(а)ѣство цѣло	Ѧ
	5	сѣхрани тн. сѣ(а). гла(с). ѣ. по(а). оуѣднѣн сє.	
	10	ѦѦко слнца ⁶ те свѣтла ⁷ . ѡ(т) вѣсток(а) те х(с)ѣ вьснѣа кѣ западоу. ѡ(т) ѡцѣ посла моуѣдра. всєленѣн оуѣн тєла мѣфоднє. прѣсвѣтєша л оуѣдн н грады н мнѣгын страны боуѣвадн твѣондн прѣнтѣа юша всє кннгы. бѣгѣдѣнѣовєнѣ нын блѣнє оуѣчєннн дѣѣ прѣ	
	15	сѣтѣо. ннѣѣа мѣлє сє нєпрѣстан ѡ хвалєщнхѣ тє. Пѣ(с). ѣ. ірмо(с) х(с)ѣ мнѣ сн(ла). бѣ. н бѣ. ч(с)тѣна оуѣбо црѣкѣн бѣгѣлѣпнѣо зѣвєтѣ вѣпню щн ѡ(т) свѣстн чнстнє ѡ гдѣ п раз(а)ноуѣщн.	
	20	На страны всє пнше ѡгнѣномѣ ѣзыкамѣ. х(с)ѣво кєвнѣганнє блѣнѣ нє мѣтоднє. н кєрєсн попалєва н зѣвнстѣ вѣрѣжнѣо нс корєнє н сѣкова.	н
	25	Ѧвѣрамоѣо прѣсєлєннє пѣтє нсп лѣннѣє. прѣнѣє ѣако грѣмѣ. х(с)ѣво кєвѣнѣганнє ѣсно нспѣвѣдѣнѣ. тє твѣротѣстѣно концємѣ блѣнѣ нє мѣфоднє.	Ѧ
	30	Моуѣдрѣстн скрѣвнщнє нзѣмлаѣа ѣвнѣвѣ сє. жнѣтѣнскоуѣю мѣлѣвоу н слѣвоу ѡ(т)вѣргѣ. поуѣстѣннн жнѣтєлѣ вѣ пльѣтн ѣнѣглѣ ѣвн сє прѣвѣлѣнє.	н
л. 38б	1	нзѣвѣрцн ѣвѣ Гєдєѣонє тѣо ѣєстѣ ѡно роуѣно. прннѣлѣшєнє ро соу нѣсѣноуѣю. нєпорѣтнѣа	н

⁶ Так в рукописи.⁷ Так в рукописи.

		дѣа. бесѣменно плытню. соу гоуба бѣ порож(д)шн. Пѣ(с). ѿ. ірм(с).	
5	БЖИЕДЬ ⁸	ТН СВѢТОМЬ БЛЖЕ ОУ ТРЬНОУЮЩИХЪ ТН ДШЕ ЛЮБОВИ Ю ПРОСВѢТИ МОЛОУ СЕ. ТЕ ВНАДѢ ТН СЛОВО БЖИЕ. ИСТНН'НАГО Бѣ Ш(Т) ДРАКА ГРѢХОВНАГО ИЗНАЮЩА.	
10	ПРОЦВѢЛЬ	КЕИИ ЧЮДЕСЫ И ЗНАМЕ НЫИ ПРѢБЛЖЕНЕ СЛѢПНЦЬ ДА КЕ ПРОСВЩЕННІЕ. АСТЬ ВРАЖИ Ю ИСКОРѢННИИ. РАЗ(Д)АВАЕ КЕЗЫКОМЬ СЛОВО БЖИЕ ТАКО ПАВ'ЛЬ.	П
15	ІАКОЖЕ СЛНЦЕ	ВЪ ЗВѢЗ(Д)АХЪ. ТАКО ТЫИ ВЪ СТЪИХЪ СТІТЕЛЬ ЯВЛЪ СЕ МЕТОДНІЕ. ДРАКА ГРѢХОВНАГО Ш(Т)ГАНАЕ. РА СѢВАЕ СЛОВО БЖИЕ ВЪ КОНЦИХЪ ТАКО АП(С)ЛЬ.	ІА
20	СОУЩЕСТВОМЬ	Ч'ТЫИ ТРОУПОСТА СНО БЖ(С)ТВО НЕРАЗ(Д)ѢЛЬНО. СВОИСТВЪ НЫИ ШЕРАЗЫ. СВѢВКОУПЛЬНО ВЪ КЕДИНОУ ДРЪЖАВОУ И ХОТѢННІЕ РАВ'НОМЬ ПОКЛОИИИЕДЬ И СЛОВО МЬ ШЕБДРЪЖИЮЩЕ.	С
25	НЕ(С)НОУЮ	ТЕ Д'ВЕРЬ НАРЕ(Ч) КЕЗЕКНЬ ПР(О)РКЪ. КЕЮЖЕ НИИК'ТОЖЕ ПРОНДЕ. НЪ Т'КМО КЕДИНЬ БЕСѢМЕНЕ ЗАЧЪНЬ СЕ. И РО Ж(Д)Ь СЕ ИС ТЕБЕ СОУГОУБЪ БѢ И ЧЛ(О)ВКЪ.	И
30	ПѢ(С). ѿ. Ірмо(с)	ЖИТѢНСКАГО МОРА ВЪЗ(Д)ВИЗАЕМА ЗРЕ НАПАСТЬ НОЮ БОУРЕЮ. ВЪ ТИХО ПРИСТАИИ ЩЕ ПРНТЕКЪ ВЪПИИ ТИ. ВЪЗ'ВЕ ДИ ИС Т'ЛЕ ЖИВОТЬ МОИИ МОНОГОИИ ЛОСТИВЕ.	
35	МЫСЛЬНО	ВЪПЕРША ДХБѢИИ КРНЛѢ ПРѢЛЕТІАСТА ВСЬ МИРЬ. ВЪ КОЗА ЗАРѢХЪ И ШФНЛѢХЪ ⁹ . И КЕРСОНѢ СЪ КУРИЛОМЬ БЛЖИЕ. ЗАПАДНЫИ НИДЬ СТРАНАМЬ. СЛОВО ¹⁰ РАЗДАВА СТА. ИЗЪ КЕДИНОГО КОРѢНЕ.	И
л. 38в 1		ДОБРОПЛО(Д)НА ЛОЗА ПРОЗЕШИИ. НА ПОНСТА В'СЕЛЕНОУЮ ПИВА ДХБВНАГО.	И
5			

⁸ Так в рукописи.⁹ Так в рукописи.¹⁰ Так в рукописи.

- 5 ω(т) грѣхъ. тебе ѳдннѡу помѡщнн
 цѡу нцмь бѣѣ. Пѣ(с). ѳ. Ирц(с).
 10 Иѳго же вон нб(с)нын славеть и тре
 пещѡутъ херовннцн и серафннцн.
 всако ωдыханннцн н т'варь. понте
 н блг(с)вте н прѣвъзнснтѣ.
 15 Рѡда земьна н слѡвоу врѣменьнѡу Р
 ωставь. поустынн себе дасть.
 чнстѡтѣ по(д)бѣ се айгльскѡн. н бы(с)
 беспль(т)нъ въ вышыннхъ оумь сн
 прнг'вож(д)ь. тѣмьже те нстока
 оутеннцмь явн. прѣлнвающа
 се дармн дѣѡвныннцн.
 20 М(о)лтвнынѣ мѡльбы створн за ны М
 оутнтелю. подаѣ ωстаткн твоѣ
 намь. н грѣхов'нынн мракъ ω(т)га
 намь мн. да пѣ(с)мн немьбу'но твою
 паметь славлю. н прѣвъзнаша
 ю К(с)а въ вѣкн все.
 25 Иѳдннѡу соушьствѡмь лнцн же ра Иѳ
 здѣлаемѡу. нераз(д)ѣлнмѡу славо
 ю тронцѡу. всат(с)ка съдрьжещѡу
 ю. ωца н снѡ н дѣѡ прѣсѣтѡ. ѳю
 же оукраснмь цркѣн просвѣто
 ва. прѣлагань сн слово въ новынѣ
 кезыкн. блжѣне Мефоднне.
 30 Иѳствѡмь¹⁶ съдѣтелю. непорѡт'наѡ Иѳ
 дѣѡ бесѣмен'но родн. нзъ клетъ
 вы нз'бавляющнн чл(о)вѣкн. н ω(т) вса
 коѣ напастн. ѳегоже мѡлн за ра
 бы своѣ. податн ω(т)поустн сыгрѣ¹⁷
 шенен нашнхъ. прѣрадован'наѣ
 дѣѡ грѣш'ннкомь помѡщннцѣ.
 л. 396 1 Пѣ(с). ѳ. Ирц(с). Не рыдан мене
 матн мѡѡа възнрающнн въ грѡбѣ.
 ѳегоже плътню бесѣмене зачѣла
 5 ѳсн снѡ. встанѡу бо н славно боу(д).
 н възнесѡу се съ славою немьльч
 нѡу тако бѣ. вѣрою н любовнѡю
 тебе белчѡмь.

¹⁶ Так в рукописи.¹⁷ Так в рукописи.

	Тын ¹⁸ безначельна свѣта заренне	Т
10	всприемь блжне. пате слнѣца лнроу стѣ. ѳеванга(с)кни слѡве сы. дшѣ н телеса просвѣщае свѣтло бы(с) западоу писме ннынди законы вѣроу наставляе.	
15	Ѳ(т)чѣства ч(с)тна нзнде доброплодъ на лоза. фисалонникна гроз(д)а. н с корѣне л'вова. негоже оувезе блг(д)ть. такоже нсѡва дрѣвае. сед'моплодникемь моудрость вѣ нытавшѣ.	Ѳ
20	Нзь ѡца ¹⁹ нсходеща параканта ясно исповѣд(о)ва. такоже Х(с)ь начн ²⁰ те блжне. лнцн раз(д)ѣлену. н едннствомь съвькоупле ноу. слѡвою н бж(с)твомь. юже вси езнци слѡветь. паметь ти стѣ велчающе	Н
25	И҃ко еднна ѡ(т) родь члвч(с)къ. пате е(с)тва зачеть бесѣмене творца н бѡ. еднного ѡ(т) тронце. соугоу ба естествомь. въ д'ве волн соу щлаго. негоже молеши нспро си лн грѣховь ѡставленіе.	
30	Ст(х)р. Гла(с) нѣ. По(д). Ѳ прѣсла(в)ноіе. ²¹ прѣслав'ноіе тоудо танна оута ената. ѡ(т) прѣмоудрь разоумь нь. такоже ре(ч) влка ²² ѡ(т)кривае м'ла деньцемь. тобою намь ѡче ²³ ме доднѣ ²⁴ . нмьже мьг'ла грѣховь ната разьгнана бы(с). н свѣтъ явн се бгѡразроум'ным. писме ни просвѣщае. такоже лоу'та лн лнра. твонди словесы бгѡ	И҃
л. 39в 1		
5		

¹⁸ Так в рукописи.¹⁹ Так в рукописи.²⁰ Так в рукописи.²¹ Начальная киноварная буква не написана.²² Так в рукописи.²³ Так в рукописи.²⁴ Так в рукописи.

- 10 блѣне. Кто не дивить се
твоюи мѡдрости. юже прине
мь ш(т) бѣ. и тою просвѣщъ се
яко слн'це шбѣтете всь мирь.
просвѣщане оутеннѣмь. и съ
грѣване в'се разоумомь бѣннѣмь.
прѣложеннѣмь к'нигъ въ яззы
15 кни м'ногын новын. и в'се на
слаж(а)ане мѣдотот'нын слове
сы. в(о)говлажѣне шче²⁵ Мѣфоднѣ
непрестанно м(о)ан се ш стадѣ своем'.
- 20 Стѣ шче Мѣфоднѣ. тын исповѣ
да Х(с)а въ яззыкн новы прѣмоу
дре. и данн ти талантъ възр(а)
стнль кесн блѣне. керетнч(с)коу
ю грѣдыноу ннзложнвъ. и льсть
ндольскою до коньца поправь.
25 тѣмь ннѣа лнкьствоуешн
съ англы на нѣсѣхъ. с ннми же
Ха молн сп(с)ти се намь.

ADDENDA ET CORRIGENDA

Уже достаточно скоро после выхода работы в свет предложенная авторами реконструкция акростиха (и, соответственно, принципы сокращения гимнографического материала в службе) были подвергнуты существенной корректировке. Опираясь на нашу публикацию службы, известный болгарский исследователь древнейшей славянской гимнографии Г. Попов¹ предложил другой вариант реконструкции начальной части акростиха, представляющийся в своей основе несомненно более удачным. Привлекая широкий сопоставительный материал из других древнейших славянских гимнографических сочинений и сопровождающих их акростихов, он, в отличие от нас, исходил из того, что песнопения в дошедших песнях 1, 3 и 4 (наличие 2-й он отрицает) сохранили свой первоначальный порядок, а нарушения в начальной части акростиха вызваны прежде всего исключением из их состава троичных тропарей, предшествующих богородичнам, и заменой первого слова во втором тропаре песни 3-й («Христово» на «Иисусово»). С учетом этого начальная часть акростиха читается им следующим образом²: аз к(а)ни (х)в(а)нам(н)н... («Я, Клим, хвальными...»); дальнейший текст акростиха сомнений и разночтений не вызывает. Тем самым с высокой степенью вероятности устанавливается авторство памятника и попутно получают подтверждение сделанные в нашей статье

²⁵ Так в рукописи.

наблюдения о стилистической близости службы гимнографическим творениям Климента Охридского. В то же время трудно согласиться с решительным мнением Попова об отсутствии в первоначальном тексте канона 2-й песни (в последнем случае возможна полная форма имени автора — КЛИМЕНТ) и о месте написания памятника (Болгария). Возражения по этим поводам уже были кратко изложены мною в другой работе³.

Расширились к настоящему времени до некоторой степени и сведения о рукописной традиции новонайденной службы Мефодию, хотя полный ее текст по-прежнему остается уникальным и едва ли удастся найти в будущем второй. Уже после выхода публикации в свет авторы обнаружили (и незамедлительно сообщили Г. Попову), что стихиры гласа 8, завершающие службу Мефодию в Хлуд. 156, ранее были опубликованы Б. Ст. Ангеловым в составе службы Кириллу Философу (по рукописи первой половины XIV в. среднеболгарского извода ГИМ, Хлуд. 152), где они переадресованы (явно вторично) обоим братьям⁴ и помещены в качестве «иных» перед канонем. Наиболее подробные сведения о рукописной традиции отдельных песнопений службы собраны в новейших работах Г. Попова⁵.

Кодекс, содержащий службу, за последнее время дважды получил научное описание⁶, хотя и не постатейное, но существенно более подробное, чем вышедшее из-под пера А. Н. Попова.

Примечания

¹ Попов Г. Службата за славянския първоучител Методий в Хлудовия миней 156 // Старобългарска литература. София, 2001. Кн. 32. С. 4—6, 19—20; *Он же*. Служби за Кирил и Методий // КМЕ. София, 2003. Т. 3. С. 658, 663—664.

² Попов Г. Службата за славянския първоучител Методий... С. 11—14.

³ См. примеч. 46 к статье «К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия в составе славянского Требника» в наст. изд.

⁴ Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. 2. С. 10, 12.

⁵ Попов Г. Службата за славянския първоучител Методий... С. 4—6, 19—20; *Он же*. Служби за Кирил и Методий... С. 658, 663—664.

⁶ Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасеева Л. Българското средновековно културно наследство в сбирката на Алексей Хлудов в Държавния исторически музей в Москва. София, 1999. С. 41—42, № 34; СК XIV. М., 2002. Вып. 1. Прилож. 2. С. 628—632 (№ д40).

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК ДРЕВНЕЙШЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ГИМНОГРАФИИ (Канон Климента Охридского на Успение Богородицы)*

В рукописи из собрания А. И. Хлудова № 156 [ГИМ, Хлуд. 156] в службе на предпразднство Успения Богородицы (14 августа) помещен канон, тропари 9-й песни которого начинаются с букв КЛМ [Мошкова, Турилов 1998]. Очевидно, что перед нами испорченная форма краткой авторской «подписи» Климента Охридского¹, исходный вариант которой восстанавливается с помощью другой рукописи — Хлуд. 166 [ГИМ, Хлуд. 166]², где этот канон включен в службу на Успение (15 августа).

В настоящее время нам известны три рукописи, включающие этот канон или его отдельные тропари: Хлуд. 156 [ГИМ, Хлуд. 156: Л. 285В—286В], Хлуд. 164 [ГИМ, Хлуд. 164: Л. 166Б—168В]³ и Хлуд. 166 [ГИМ, Хлуд. 166: Л. 158—161], в двух из которых канон помещен в службу на Успение. Это — первое убедительное доказательство того, что канон был написан Климентом именно для службы на 15 августа, а его перенос на предпразднство — результат работы редакторов или переписчиков. Вторым доказательством является то, что в публикуемый список 3-м тропарем 3-й песни ошибочно включен 2-й тропарь 3й песни успенского канона Иоанна Дамаскина, что могло произойти только вследствие неправильного деления двух канонов из одной службы, написанных слитно.

Службы на предпразднство и сам праздник Успения в Хлуд. 156 заслуживают рассмотрения как сами по себе, так и, что более важно, в совокупности, поскольку весьма необычны по своему составу. Первое, что следует отметить, обилие (даже избыток) канонов, положенных на эти два дня. В службе на предпразднство их два: первый канон Климента Охридского (4го гласа), автором второго (1-го гласа) в заголовке назван Андрей⁴ [ГИМ, Хлуд. 156: Л. 286В]. Автор с таким именем в древней православной гимнографической традиции известен только один — Андрей Критский. В литературе этот канон не упоминается среди других, написанных Андреем. Таким образом, перед нами редкое указание имени автора, сохранившееся в этой рукописи⁵; Сравнение со списком службы в Хлуд. 164 заставляет высказать предположение, что канон Андрея Критского постигла та же участь, что и канон Климента: написанный на Успение, он мог впоследствии быть перенесен на предпразднство, соединен с другим (как в Хлуд. 164) или исключен.

В службе на Успение в Хлуд. 156 помещены три канона, два из которых — Козмы Маюмского (1-го гласа) [ГИМ, Хлуд. 156: Л. 291А—292А] и Иоанна Дамаскина (4го гласа) [Там же: Л. 292А—293Б] — полагаются на этот день в современной минее; канона Феофана Грапта или Начертанного (2-го гласа) [Там же: Л. 289Г—290В] в современной минее нет.

* Работа написана в соавторстве с Л. В. Мошковой.

Но не только обилие канонов может привлечь внимание к Хлуд. 156. Возможно, более важным является то, что все каноны на эти два дня написаны отдельно. Поэтому данная рукопись представляет как бы «контрольный экземпляр» для сравнения с другими списками. Конечно, данное высказывание не подразумевает, что все каноны сохранились в первоначальном виде: так в канонах Климента и Козмы пропущено по одному тропарю, один тропарь из канона Иоанна Дамаскина перенесен в канон Климента, не все ирмосы канонов совпадают с другими списками. Но эти замечания несколько не умаляют значения рукописи, которая содержит практически полный набор, канонов на 14 и 15 августа, существовавших в славянской традиции⁶.

В рукописи Хлуд. 166 служба на 15 августа включает три канона⁷, написанных слитно. В порядке их расположения это каноны: Климента Охридского, Иоанна Дамаскина и Козмы Маюмского. Интересен принцип их соединения. Как известно, глас первых двух канонов совпадает. Поэтому в рукописи их тропари объединены одним ирмосом⁸, и каждая песнь 4-го гласа содержит пять-семь тропарей. Причем «основным» канонам является канон Климента. Именно к его ирмосам и тропарям присоединяются тропари канона Иоанна Дамаскина. Писца этой рукописи (или ее протографа) не смутило даже разное количество тропарей (5—7-я песни — пять; 8-я — шесть; 9-я — семь) и у него не возникло желания сократить их число в последних двух песнях. За песнью 4-го гласа следует ирмос 1-го гласа канона Козмы Маюмского и его тропари (обычно два, и только в 7-й песни три).

Этот список службы представляет следующий способ действия при наличии избыточного гимнографического материала: не перенос «лишних» канонов на другие дни (что возможно только на большие праздники, имеющие предпразднество и попразднество⁹), а их соединение.

Этот же принцип применен и в рукописи Хлуд. 164. Здесь также сначала приведена песнь 4-го гласа, а затем 1-го. Но в отличие от предыдущего списка, за основу взят канон Иоанна Дамаскина. Именно к его ирмосам присоединяются тропари двух канонов. Более того, первым тропарем песни всегда стоит тропарь Дамаскина. Поскольку общее количество тропарей песни сокращено до четырех, то количество тропарей из канона Климент в одной песни может колебаться от одного до трех¹⁰. Всего из 32-х тропарей объединенного канона Клименту принадлежит ровно половина — 16¹¹.

На первый взгляд может показаться, что в данной службе помещены два канона: таково число ирмосов в каждой песни. Но как песнь 4-го гласа включает тропари двух канонов, так и следующая за ней песнь 1-го гласа составлена из тропарей как минимум двух совпадающих по гласу канонов. В их выявлении (правда, не до конца) нам помогает упоминавшийся выше «контрольный» список Хлуд. 156. При сравнении с ним становится очевидным, что канон 1-го гласа включает ирмосы¹² и тропари, взятые из канона Андрея, Козмы или совершенно отличные от них, определить принадлежность которых определенному канону пока не удалось.

Краткий анализ структурно-содержательных особенностей канона Климента Охридского на Успение уже сделан [Мошкова 1999: 11—13], поэтому в настоящей статье нам бы хотелось в первую очередь уточнить и дополнить уже высказанные положения.

Для определения времени создания Климентом канона на Успение, вероятно, имеют значение следующие слова: «сѣверн ни г(с)ж(д)ε ω(т) конецъ всѣхъ. таже дрѣвѣк ап(с)лы си на прѣставленнѣ сѣбра, не поминанщии сѣгрѣшенни нашихъ» (2 т. 7 п.)¹³. Хотя мотив вынужденного рассеяния учеников славянских апостолов в какой-то мере являлся в их творчестве общим местом (почти так же, как упоминание преследователей — триязычников), однако ясно, что и горечь разлучения и надежда на новое соединение должны были звучать сильнее вскоре после изгнания из моравских пределов, чем десятилетие спустя, когда в новых условиях вполне определилась иная ситуация. Поэтому наиболее вероятна датировка памятника второй половиной 880-х годов.

С некоторой долей условности канон был назван «изобразительным» на основании присутствия в нем мотива собирания апостолов на облаках [Мошкова 1999: 12]. Подтверждением данного определения канона могут служить еще два момента. Во-первых, в этой же рукописи Хлуд. 156 в службе на Успение есть уставное указание, прямо говорящее о выносе иконы на утрени перед пением канонов: «облати(с) архикрѣн. въ всю ѡдеж(д)оу съ всѣми сѣщенник. и дияконы. износеть иконоу оупеннѣ прѣстѣтъ бѣе. прѣ(д) ѡльтарь поуще. тро(п). въ рож(д)ьствѣ. и покаднѣ иконоу архикрѣн. околѣ накр(с)тъ» [ГИМ, Хлуд. 156: Л. 290В—Г]¹⁴. Во-вторых, в трех тропарях канона Климента Охридского говорится о вознесении ангелами тела Богородицы (см. ниже). Это вызывает ассоциации с изображением сцены Успения, в которой присутствует сюжет вознесения Богородицы на небо в плоти. Время появления этого сюжета в иконографии неизвестно, сохранившиеся изображения относятся к более позднему времени: подобная фреска 1294—1295 г. есть в церкви Перивлепта в Охриде [Ђурић 1975]. Однако нельзя отрицать и того, что в своем каноне Климент дает как бы словесное описание подобного изображения. Вероятно, автор здесь ориентировался не столько на иконографию, сколько на литературное произведение, повествующее о успении Богородицы, которое приписывалось в рукописной традиции Иоанну Богослову и было известно задолго до времени жизни и творчества Климента [Архиеп. Сергей 1997]. Более того, известнейший писатель и гимнограф Андрей Критский также говорит о взятии на небо Богородицы с плотию в своих словах на Успение [Мирковић 1961].

Анализ гимнографического творчества Климента Охридского с неизбежностью ставит перед исследователями вопрос о тех образцах, на которые ориентировался славянский автор. Ко времени написания Климентом своего произведения в греческой гимнографии существовали как минимум четыре канона на Успение (все они представлены в рукописи Хлуд. 156), написанные в VII—IX вв.: Андрея Критского, Иоанна Дамаскина, Козмы Маюмского и Феофана Начертанного. Ориентируясь на годы жизни их авторов, можно предположить, что канон Феофана самый поздний, ему предшествует, вероятно, канон Козмы, а определить кто — Андрей или Иоанн — первый написал канон невозможно: они родились примерно в одно время. Поэтому Климент мог быть знаком с греческими списками как всех этих канонов, так и только некоторых из них.

Авторы отдают себе отчет в том, что сравнение славянского канона с переводами, сделанными в разное время разными людьми, может вызвать не только

справедливые замечания, но и сомнения в правомерности такого подхода. Однако сопоставление успенских канонов будет сделано в основном не на основе их лексики, а отдельных тем и образов, ранее выявленных для канонов славянского автора [Мошкова 1999: 5—21].

Мотив веселия и радости, отмеченный для канона Климента [Там же: 12], присутствует и во всех греческих канонах. Но ярче всего он выражен в каноне Андрея Критского (восемь тропарей)¹⁵. В остальных канонах количество таких тропарей от четырех до пяти. Однако при этом надо отметить совершенно разный подход авторов к месту их расположения в общей структуре произведения. У Андрея и Козмы особенно плотно подобные тропари расположены в четвертой песни, т. е. примерно в середине канона, в каноне Иоанна — в последних трех песнях. Но особенно хорошо виден авторский замысел у Козмы и Климента. Козма дает сильный заключительный радостный аккорд в своем каноне: вся его последняя, девятая песнь — песнь радости. Климент, наоборот, использует этот мотив в начале и тем самым радостное вступление определяет эмоциональную окраску праздника и задает тон всему произведению.

Во всех пяти канонах догматические мотивы связаны с Богородицей и представлены упоминанием рождения (воплощения) Бога, непорочного зачатия и непорочного рождения. Но если в канонах Андрея и Козмы они встречаются в пяти-шести тропарях, а в каноне Иоанна — в трех, то у Феофана — в восьми, а у Климента в одиннадцати тропарях. На этом примере хорошо видно, как усиливается у двух последних авторов догматическая направленность гимнографического произведения¹⁶. При этом надо отметить, что в отличие от своих предшественников Климент сильно акцентирует внимание слушателей на догмате непорочного зачатия (1—2 т. 5 п., 3 т. 6 п., 1—3 т. 9 п.), в то время большинство греческих авторов упоминают о нем в одном тропаре¹⁷.

Но намного более показательное соотношение тропарей с упоминанием образовательных свидетельств (в трипесницах и богородичных канонах Климента представленных очень широко): шесть у славянского автора (2—3 т. 4 п., 1—3 т. 5 п., 1 т. 9 п.¹⁸), один у Андрея (1 т. 4 п.), а у других авторов не столь развернуто, а скорее как символическое имя Богоматери (иногда в ряду других). Для сравнения приведем следующие примеры: «Жьдль прозевьшии. прописань дѣо Яроновъ. нже бесѣмене процвѣте краснь плодъ въ чрѣвѣ ти прѣч(с)таѣ. кгоже нѣна вон бесплѣтнѣи почитаю щие, и тебе блѣжеть» (канон Климента Охридского, 1 т. 5 п.); «Ръци оубо Исанк прорнцѣк. кто к(с) жьдль прозевъи. нс корѣне Нкѣсѣова два к(с) Марна. бесѣмѣне раж(д)ающии творца своего. кюоуже покель съ веселенель. сла(в) силѣ твоен гн» (канон Андрея Критского, 1 т. 4 п.); «Прн(д)те въ снѣонь. бжню маститоуу гороу. жнваго бѣ да оузнидь» (канон Иоанна, 1 т. 9 п.); «Жьдль нс корѣне Нкѣсѣова, и цвѣтъ ѡ(т) него Х(с)ь. ѡ(т) дѣвы прозевель ксть. нз' горы хвалнѣи и прѣсѣннѣи честы», «Внстинноу тако свѣтѣль те свѣщникъ. невеществна ѡгна. кан'дло бж(с)твнѣок златаго оугла. въ стѣнхъ стѣѣ. вьсани те роу'ткѡу и жьдль. и скрижалѣ бѣонаписан'ноу. кнвоть стѣи и трафезоу и слова жнзньнаго» (канон Козмы, 1 т. 4 п., 2 т. 6 п.); «Кѡупинноу неѡпаа'ноу. бжню гороу и роу'ткѡу прѣзлатоу. оубненнѣ клетъвно. прѣставнѣ к(с) дн(с)ь», «Да каплють дн(с)ь горы. прѣрадован'нѣи. мастита бо гора ѡ(т) землк прѣлагает се » (канон Феофана, 1 т. 7 п., 2 т. 9 п.).

Мотив собирания апостолов к ложу Богоматери присутствует во всех анализируемых канонах: у Андрея в восьми тропарях, у Иоанна — в одном, у Козмы — в двух, у Феофана и Климента — в четырех. Но о собирании апостолов на облаках говорится в двух тропарях канонов Андрея, Феофана и Климента, в одном у Козмы, а Иоанн об этом не упоминает.

Интересно проследить как отразилась в успенских канонах тема моления, достаточно характерная для гимнографии Климента Охридского [Мошкова 1999: 8, 13—20]. Очень широко и развернуто она представлена в каноне Андрея Критского (десять тропарей), который по этой причине может быть назван «молебным». Молитвенное обращение к Богоматери присутствует в семи тропарях канона Климента. Каноны этих авторов роднит и то, что первый раз обращение к Богородице встречается в 3-м тропаре 1-й песни. У Иоанна и Козмы эта тема выражена крайне слабо только в конце канона¹⁹, а у Феофана полностью отсутствует.

Помимо выделенных выше тематических и образных параллелей, в канонах можно найти точки соприкосновения и на другом уровне, который, являясь по форме лексико-грамматическим, не может быть объяснен, на наш взгляд, переводом.

Пара «земля — небо» (или их синонимы) встречается в канонах всех авторов: Богоматерь оставляет тварный мир и восходит в небесные обители. Но в канонах Климента и Андрея авторы предпочитают указывать обе точки «пути» Богородицы, в то время как Козма, Иоанн и Феофан чаще упоминают только небо, на которое «преселяется» Пречистая. Здесь можно отметить следующую особенность канона Андрея: если у других авторов есть определенное противопоставление земли и неба²⁰, то Андрей не только противопоставляет их²¹, но и объединяет в совместном праздновании: «на похваляемъ свое с нѣсе аи҃льскнн силы. ш(т) землк же тлѣтъ родь.» (1 т. 1 п.), «Небѣа ра(д)уют се се аи҃лы. и землаа всселнт се се тлѣвки.» (2 т. 4 п.), «неб(с)нынк силы страшно днвет се. и тлѣтъскнн родь праз(д)ноукть.» (2 т. 6 п.).

Три автора — Андрей, Козма и Иоанн²² — в своих канонах говорят как о теле Богоматери, так и о ее душе. Тело Богоматери провожают апостолы и ангелы, а ее душу принимает Сын. В отличие от них Климент Охридский упоминает тело Богоматери только говоря о его вознесении: «Чюдесеьмъ трепетно днвет се. аи҃льскаа вонньства. нна прѣсвѣтлок твоє прикривающе тѣло. прѣч(с)таа бце. на небѣа възносеше» (1 т. 4 п.), «аи҃ли бо ве(с) покоа непрѣстаннындн гласы. твоє прѣставленнне почитающе г(с)ж(д)е. и на небѣа те възносеше» (1 т. 7 п.), «Чины бесплътнын дн(с)ь. шьвнзъ анкь сь ап(с)ли съставльше свѣтло. проведеше тѣло бгоносно бжнн мѣре въ неб(с)наа села» (1 т. 8 п.), т. е. в каноне на Успение говорит о взятии Богородицы на небо с плотию — событию, происшедшем (как принято считать) три дня спустя, и не упоминает душу Пречистой, которую Христос принимает в момент ее смерти.

Суть описываемых в успенских канонах событий можно свести к двум формулировкам: 1) Богородица преставляется, 2) Христос преставляет Богородицу. Оба варианта встречаются у всех авторов, но Климент и Иоанн отдают предпочтение первой формулировке, а Андрей, Козма и Феофан — второй.

В заключение позволим себе привести один лексический пример, на который относительно канона Андрея Критского обратил наше внимание отец Сергий Правдолюбов.

В каноне Андрея четыре раза употребляется наречие «страшно»: «анка ап(с)льскаа събирающе страшно» (2 т. 1 п.), «нес(с)ныне силы страшно дивет' се» (2 т. 6 п.), «страшно высъбалающе твор'ца всѣхъ.» (1 т. 8 п.), «н страшно анка ап(с)льска събирающе дн(с)ь» (3 т. 8 п.). Климент в своем произведении пишет: «Монси вспринкъ тоудо страшно» (3 т. 4 п.), «страшна вещь ѿнѣ съ дивлѣкъ тварн» (Хлуд. 166, 1 т. 7 п.). Подобные примеры можно найти в двух других канонах (у Козмы их нет): «страш'нни серапиди», «страш'но выселнвѣ се бѣе» (канон Иоанна, 1 т. 8 п., 2 т. 8 п.), «страшноу прѣложению» (канон Феофана, 2 т. 5 п.). Несомненно, что это слово смущало некоторых переписчиков, и они могли заменить его более понятным — «странно». Так, в списке Хлуд. 156 1-й тропарь 7-й песни начинается словами: «Стран'на вещь ѿнѣ оудивлѣкъ тварь», в то время как список Хлуд. 166 сохранил исходное чтение (см. выше). Вероятно, подобная замена была сделана и в каноне Феофана: «стран'но ти оупенни» (1 т. 6 п.).

И. И. Срезневский переводит наречие «страшно» как «с трепетом, с покорностью» [Срезневский 1989: Стб. 546]; но для прилагательного «страшныи» приводит достаточно редкое значение «изумительный» [Там же: Стб. 547]. Казалось бы, для приведенных цитат одинаково подходят оба значения, однако все же вероятнее, что в большинстве примеров мы встречаем слово в его более редком значении.

Проведенное сравнение пяти успенских канонов говорит о их тематическом, образном и ином сходстве. Но каждый автор по-своему компонует материал, как создают из одних деталей конструктора совершенно разные вещи. Это наглядно свидетельствует о той большой авторской свободе, которая существовала в рамках одного жанрового канона для любого талантливого гимнографа.

Успенский канон Климента Охридского, как показывает сделанный анализ, при наличии некоторых точек соприкосновения со всеми другими канонами, все же имеет большее сходство с каноном Андрея Критского (и намного меньше — с каноном Иоанна). Вероятно, именно на него ориентировался славянский автор, именно им вдохновлялся при создании своего произведения. Но в этом случае можно пойти дальше и высказать следующее предположение: не являлся ли Климент Охридский переводчиком «образцового» канона своего предшественника? Наиболее показательными для подтверждения этого допущения являются два тропаря сравниваемых канонов:

Канон Климента Охридского	Канон Андрея Критского
Фблаци оупо(д)бальше се англѣскннми слаамь ап(с)ан събирають. твою стое прѣставленне г(с)ж(д)е почитающе дн(с)ь (1 т. 6 п.)	Фблаци оупо(д)бальше се англѣскннми слаамь. н страшно анка ап(с)льска събирающе дн(с)ь. на рговож(д)енне тѣлоу твоюмоу бѣе. с ныи же н мнн недостоннаи оустьнаи въпникль. творца всѣмь оумлн дѣо. нзбавленне грѣхоу подати хвалешнми те (3 т. 8 п.)
Съверн нн г(с)ж(д)е ш(т) концъ всѣхъ. таже дрѣвѣк ап(с)лы си на прѣставленне събра. не подинающини съгрѣшенни нашнхъ. кднна прѣмл(с)тнваа (2 т. 7 п.)	Съверн ны дѣо г(с)ж(д)е на похваленне си. такоже дрѣвѣк събраа анка ап(с)льскаа. на провож(д)енне твоего т(с)тнааго телесе, спсѣау щини бѣе. прнсно велнчающнхъ те (3 т. 9 п.)

Открытия последних полутора-двух десятилетий в области древнейшей славянской гимнографии (осуществленные преимущественно усилиями Г. Попова и Ст. Кожухарова) коренным образом изменили систему представлений о составе древнеболгарского гимнографического корпуса IX—X вв. и путях его формирования. Если прежде а priori предполагалось, что он был целиком переводным (понимая под этим наиболее распространенный пословный принцип перевода), то ныне эта точка зрения нуждается в пересмотре. Хотя к настоящему времени круг гимнографических сочинений учеников Кирилла и Мефодия выявлен, вероятно, еще не в полном объеме, ситуация представляется уже достаточно определенной. Наличие цикла триодных песнопений Константина Преславского и служб на двенадцатые праздники со славянским акростихом (факт, не имеющий аналогий в позднейшем славянском гимнографическом творчестве) явно свидетельствуют о программном характере деятельности ближайших последователей первоучителей в Болгарии. Существование в рукописной традиции исходно славянского корпуса гимнографических текстов наряду с переводным порождает вопрос о их функциональном и хронологическом взаимоотношении. Иначе говоря, создавались ли оригинальные гимнографические произведения как дополнение к переводам служб на соответствующие праздники, либо как самодовлеющий славянский эквивалент греческим текстам, лишь с течением времени, в иных исторических условиях дополненный переводами.

Вне зависимости от окончательного ответа на этот вопрос (при том, что ситуативно более вероятным представляется первый вариант) гимнографическое наследие учеников Константина Философа и Мефодия представляет собой (как уже отмечалось в связи с триодным циклом Константина Преславского [Попов 1985: 40—42]) явную параллель несколько более раннему творчеству греческих авторов — студитов, кодифицировавших основной корпус богослужебных текстов. Студиты служили для последователей славянских первоучителей примером прежде всего не как авторы (образцами для подражания и тем и другим были в первую очередь восточные гимнографы доиконоборческого и раннеиконоборческого периода — Андрей Критский, Иоанн Дамаскин, Козма Маюмский), а как кодификаторы. При этом гимнографические сочинения учеников славянских апостолов, достаточно надежно датированные, дают большой сопоставительный материал (в первую очередь лексический) для датировки переводов греческой гимнографии, особенно показательный, вероятно, при наличии двух или нескольких древних переводов одного и того же текста.

За сравнительно недолгий период выявления и исследования древнейших памятников славянской гимнографии ситуация изменилась от этапа восторга по поводу открытия и ожидания находок новых текстов и новых имен к почти полной дальнейшей предсказуемости. Выяснилось, что акростихи могут содержать либо одно из трех имен — Климента Охридского, Константина Преславского или Наума (которому принадлежит только канон Андрею Первозванному), либо быть анонимными. Причины разделения на именные и анонимные не вполне ясны, но нельзя полностью исключать возможности того, что анонимными акростихами отмечались коллективные сочинения (хотя это не более, чем предположение). Ясно

лишь, что противопоставление по принципу именные — анонимные не имеет датирующего значения: весь корпус текстов хронологически предельно ограничивается первой четвертью X в. (Наум скончался в 910 г., Климент — в 916 г., год смерти Константина неизвестен). Более же вероятна датировка — середина 880-х—890-е годы.

Даже при современном состоянии выявленности и изученности древнейшего славянского гимнографического материала можно говорить о своеобразном «разделении труда» между двумя основными авторами — Климентом и Константином (Наум в этом смысле стоит особняком). Это свидетельствует не только о продуманном плане работы, но и, по всей видимости, о деятельности в рамках единого (не только идейно, но и географически) коллектива, поскольку нелегко представить такое скоординированное творчество даже для единомышленников, если они разделены сотнями километров. В случае оправданности такого предположения датировка совместных предприятия ограничивается временем общего пребывания Климента и Константина в Плиске и Преславе (если не допускать возможности того, что Константин мог быть сотрудником Климента в кутмичевицкой миссии). Таких периодов оказывается два: после прибытия учеников в Болгарию (вторая половина 885 — 886 гг.) и от времени подготовки Преславского собора до постановления Климента в епископы (894—896? гг.)²³.

При этом разграничение поля деятельности могло быть многоуровневым. Один из уровней предполагал разделение по типам книг, и в этом случае соседство сотрудников не является обязательным. Пример этого — работа Климента и Константина над Триодью. Вклад Константина в дело создания славянской версии Триоди постной благодаря открытию и многолетним трудам Г. Попова в настоящее время очевиден. О работе Климента над Триодью цветной известно только из его жития, написанного Феофилактом Болгарским. Оригинальная часть в ней, подобная циклу Константина Преславского, не выявляется, и это свидетельствует, что подход обоих славянских книжников к решению задачи был разным. Судя по дошедшим памятникам, Климент гораздо менее, чем Константин, питал пристрастие к сложным формально-техническим изыскам, поэтому вероятность обнаружения в составе Триоди цветной канона на Пятидесятницу, подобного новонайденному произведению Константина на Рождество Христово с постишным акростихом, представляется небольшой, несмотря на существование греческих образцов для обоих праздников («ямвических» канонов Иоанна Дамаскина).

Особо тесным было сотрудничество славянских гимнографов в области минейных служб, прежде всего на двенадесятые праздники. Известно несколько случаев, когда один из книжников пишет канон на праздник, а другой — песнопения (стихиры или трипеснцы) на предпразднество²⁴. Так в цикле рождественских служб Константином написан «ямвический» канон на праздник, а Климентом — предпраздничные трипеснцы; в успенском цикле, напротив, канон принадлежит Клименту, а трипеснец на предпразднество — Константину. Не столь показателен пример с Богоявлением. Здесь стихиры принадлежат Константину, но канон снабжен анонимным акростихом²⁵. Факт теснейшего сотрудничества здесь не вызывает сомнения, однако выявить какую-либо закономерность пока не представляется возможным.

Текст канона на Успение публикуется по рукописи ГИМ. Хлуд. 156. Тропарь, пропущенный в этом списке, издается по кодексу ГИМ. Хлуд. 166. Текст передается строка в строку, с сохранением орфографии и интерпункции оригинала. Киноварные буквы и заголовки выделяются подчеркиванием. Вводится разделение на слова, выносные буквы в скобках вносятся в строку; имена собственные даются с заглавной буквы; крест из точек, обозначающий окончание песнопений, заменяется крестом.

- л. 284г 19 М(с)ЦА ТО(г) ВЪ (д) ДНЬ ПРЪПРА(з)
оуспенна бѣн. и стго пр(о)рока
Михеа.
- л. 285в 3 на пана(х). ка(н).
5 гла(с). ѿ. пѣ(с). ѿ. ѿмо(с). ѿ(т)врьзь оу
ста мѡга и напальнет се дхѡмь.
и слово ѡ(т)рнгноу ц(с)рци мѣтерн. и на
влю те свѣтло лнкѣствоуѣ въспою
ра(д)уѣ се юсн сна тоудеса +
10 Весеанте(с) нѣбса въспрнѣмлюще
бжнѣ селеннѣ, кднноу стѡюю дѣоу
прѣрадован'ноую. таже дн(с)ь мн
ра оставашнн. въ вышнѣа въ
сходнтъ жанца +
15 Прѣсвѣтлын ѡблакъ събрактъ
ап(с)лы. тако ѡ(т) конць мнра. видѣ
ти бѣц[.]¹ прѣстоу твою прѣставлѣ
ннѣ. юже мын дн(с)ь радостно. по
чнтакмь + Родн всн възвеселн
20 те се. и патрнар'сн и пр(о)роци. дѣдо
ва бо въноука. нѣна оставашн
и мнра на землы. и на нѣба въ
сходнтъ. въходы вѣтнынкѣ ѡ(т)врь
зающн раю+ пѣ(с). ѿ. ѿмо(с).
25 Твоу пѣвце бѣце. живын нестѣнн
та источннкѣ. лнкѣ себѣ съвкоу
пнв'ше дхѡвно оутврдн. въ стѡюю
ти пацетъ. и вѣн'цель славы
си спо(д)бн + Радостню веселн
30 т се вса тварь. дн(с)ь прѣсвѣтлоу
почнтающе г(с)ж(д)е оуспеннѣ. ни мль
же вл(д)уще нзбавн нын ѡ(т) грѣхъ на
шнхъ + Вѣспнтанаѣ въ стѡа

¹ Одна буква затерта.

стынхъ. пишею прѣвѣтною. пи
 тателѣ мнроу рож(а)шнн. к нк
 35 мюу же нѣна прѣходншн. ма(с)тн
 ю земельнынк. ѡ(т) стр(с)тн нзбавла
 ющнн + дннкъ бгословнын
 ѡ(т) кон'ць. съвыше же англъ мн
 л. 285г 1 жьство. въ сншнь ндѣхоу. всеснлно
 ю волю. достоинно н дльжно вл(а)тце.
 твоюмоу слоужнтн прѣставак
 нню +² пѣ(с). д. дромо(с). Ненслѣдны
 5 н бжен свѣтъ. кже ѡ(т) дѣвы выпльще
 н се. тебе вышнѣго пр(о)ркъ Ам'ва
 коуль днве се въпнѣше. сла(в) слѣ +
 Чюдесель трепетно днвет' се. англъ
 скаа воннства. нѣна прѣсвѣтло
 10 к твою прнкрнвающе тѣло. прѣ
 ч(с)тѣн бце. на небса възносеце +
 Пѣснныи дховныннн. нѣна въспон
 прорнца дѣде. добротоу Нѣко
 влю. въ нюже всѣхъ вл(а)ка К(с)ь. ꙗко
 15 дьж(а)ь сннде. н на небса нѣна прѣ
 ставлѣють ю + Монсн въспрнк
 ль чоудо страшно. твоего рож(а)ь
 ства ч(с)тѣн. ѡгнь бж(с)твнын не
 ѡпално прнкл'шоу. коупнноу
 20 пронаре(ч). проображеноую въ сннан +
 пѣ(с). ѣ. дромо(с). Фуднвшѣ се вса
 тьскаѣ. ѡ бжѣствннѣн славѣ
 твоюк. тын во ненскоуоборотна
 25 ма дѣце. прнметъ въ оутробѣ надѣ
 всѣдн бга. н роднла ксн безлѣ
 тнаго снѣ. всѣмъ въспѣвающн
 м'те н мнрь подавающнн +
 Жьзль прозѣбьшнн. пропнсанъ дѣо
 30 Аронвь. нже всѣмѣне процвѣте
 красньн плодъ въ чрѣвѣ тн прѣч(с)та
 ѣ. кгоже нѣна вон бесплътнын по
 чнтающе. н тебе блжѣть +
 Нѣяковъ те пропнса дѣо льствнцоу.
 по нкже сннде слово бжнн въ чрѣ
 35 во тн бесѣмѣне. н пакн схраннн
 те нетлѣн'ноу. н по рож(а)ьствѣ. н на
 небса прѣставлѣють се+

² 2-й тропарь 3-й песни канона Иоанна Дамаскина.

- л. 286а 1 Гору те прѣсѣн'ноюю пр(о)рокъ дрѣ
влк пропнса. стѣньмн просѣнѣмъ.
нз никже нзнде праведнои снѣце.
н днрь в'сь просвѣтнн твонмъ ро
ж(д)ьствоимъ. прѣстѣга вл(д)ѣце възве
5 лнчающе те + прѣ(с). ѿ. ірмо(с).
Приндохъ въ глаубннн морьскнне
н потопнла ме к(с) боурѣа многнхъ
мн прѣгрѣшеннн. нъ іако бѣ съш(д)ь
възвелъ кси дшоу мою прѣмл(с)тве +
10 ѡблацн оупо(д)вльше се аѣгльскннмъ
снлаамъ ап(с)лн събырають. твоѣ сѣое
прѣставленнне г(с)ж(д)е почитающе
дн(с)ь + Приндѣте х(с)олюб'цн. лнкъ
ч(с)тннн съставнмъ. кднног(с)но въ
15 споуще. прѣсѣтою бжню мѣтръ. іаже
на нѣса прѣставленнѣ се дн(с)ь +
Чоудо чоудеса испльнѣмъ. прѣвѣ
чное слово на нѣса прѣставленнѣ се.
бесѣменна въ тебѣ плать бы(с). съ
20 храннвъ бж(с)твомъ те ч(с)тоюю. н бе
зъ нстлѣннн прѣбывающоу +
прѣ(с). ѿ. ірмо(с). ѿпсн въ огны авра
мьскннне дѣтн. н хал'дѣе оубн
въ. іаже бес правьдн праведннне
оулавлѣше. прѣпѣтын гн бѣ о(т)ць
25 нашыхъ. блг(с)нь еси +
ѿстран'на вещь нѣна оуднвлѣють
тварь. аѣган бо бе(с) покоѣ непрѣ
стан'нынмн гласы. твоѣ прѣста
30 вленнне почитающе г(с)ж(д)е. н на не
бѣса те възносеце +
ѿверннн г(с)ж(д)е о(т) концъ всѣхъ. іаже
дрѣвлк ап(с)лы си на прѣставлен
ннне събра. не полнннющнн съ
35 грѣшеннн нашнхъ. кднна прѣ
мл(с)тнваа + Принмла вл(д)ѣце н
зъ оустъ грѣшнынхъ м(о)льбноу
ю пѣ(с). прѣставленнне твоѣ свѣтло
л. 286б 1 праз(д)ноующе. кднноу помощнн
цоу те нмоуще + прѣ(с). ѿ. ірмо(с)
ѿтрокн прѣч(с)тык въ пещн рож(д)ьство бѣце
сп(с)ло к(с). шбразоуемъ тог(д)а. нѣна же
5 съдѣваемъ въселеноую всю въз(д)внже

- поущаа. ꙗъ въспѣванте дѣла +
 Чины бесплътныи дн(с)ь. ѡбъшь ликъ
 съ ап(с)ли съставляше свѣтло. проводе
 ще тѣло бѣгосно бѣжик мѣре въ неб(с)на
 10 та села. нмъже н мын по(д)беще се. съ
 гла(с)но те непрѣстан'но велнчае(м) +
 Пѣникъ приносимъ ти прѣч(с)тата. по
 хвалтающе твою прѣставленникъ.
 15 кже прикм'шнн. ѡ(т) грѣха ѡчисти
 ны н стр(с)тен. врагн покорециши кра
 лю нашемоу. да те непрѣстан'но
 ч(с)тата велнчак(м) +
 Те кднноу нмоуще кровь н застоу
 пленникъ ч(с)тата. припадаемъ ти.
 20 грѣх'ли н одръжнмлык. просеще
 ѡ(т)поуста бечнслънынхъ золь. по
 чнтающе дн(с)ь твою прѣставле
 никъ. нмъже нзбавленн ѡ(т) всакое бѣды +
 25 пѣ(с). ѿ. дроло(с). Рож(д)ьство ти нетлѣ
 н'но явни се. бѣ нзъ бокоу твоюю
 пронде. пльть носе явни се. на зе
 млы съ члѣки пожнль к(с). те бѣце
 тѣмъ вси велнчакмъ +
 30 Коупиноу те дѣво проѡобразоваа за
 конодав'цоу бѣ въ синан. кгоже
 поношьшнн неѡпал'но въ чрѣ
 вѣ свокмъ. бесѣмене ч(с)тата. тѣ
 м' те велнчакмъ +
 35 днца твоего свѣтлостню ѡзарн
 ны ч(с)тата. твою почнтающе прѣ
 ставленникъ сѣток. нмъже прѣн
 де ѡ(т) смръти къ жнвотоу. кгоже
 бесѣмене намъ дѣво прозевла кси +
 Хлуд. 166
- л. 160 об. 16 нзбави ны прч(с)тата млтѡвѡ Н
 ли си. жнзнь вѣчноу бесѣмене порожд(д)ьшн. к немже
 прѣнде ѡставивши мнрь. въ вѣчнаа съла нмъже ны
 спо(д)бн те велнчтающе +
 Хлуд. 156
- л. 286в 1 Маркѣ прѣч(с)тата вл(д)чце. нзбави М
 ны твои мн мльба нзъ все бѣды.
 прѣч(с)тою твою дѣво оуспеник
 5 почнтающе дн(с)ь. н длъжно ве
 лнчтающе +

Примечания

¹ Из атрибутируемых Клименту в настоящее время восьми канонов (исключая цикл трипеснцев на предпразднество Рождества) один — прп. Евфимию Великому — имеет в 9-й песни акrostих КЛИМ

² Этот сербский кодекс первой половины XIV в., который можно назвать антологией древнейшей славянской литургической поэзии, хорошо известен исследователям. По нему изданы трипеснцы Климента Охридского [Станчев, Попов 1988: 160—169], азбучные стихиры на предпразднество Рождества и Богоявления [Иванова-Константинова 1971]. В нем также содержатся: канон Константина Преславского на Рождество [Попов 1997: 8—16], стихиры на попразднество Богоявления, канон на Богоявление [Попов 1985: 49—51], канон Андрею Первозванному Наума Охридского и переделка канона Климента Охридского Евфимию Великому — канон Иоакиму Осоговскому.

³ Эта рукопись по богатству славянского материала может поспорить с Хлуд. 166. Для южнославянской традиции это необычайно поздний список Миней по студийскому уставу (после середины XIV в. иерусалимский устав абсолютно преобладает), хотя продукция славянских скрипториев Македонии этого времени вообще свойственен консерватизм, порой достаточно сильный, независимо от⁹ языкового извода памятников.

Под 14 февраля кодекс содержит службу Кириллу Философу (список в текстологическом отношении изучен недостаточно). Здесь имеются азбучные стихиры на предпразднество Рождества, славянские каноны на Богоявление и Введение [Попов 1985: 47, 49], а также канон Симеону Богоприимцу, сохранивший начало славянского акrostиха [Станчев, Попов 1988: 145—147]. Уже в процессе работы надданной статьёй выяснилось, что рукопись содержит канон Константина Преславского на Рождество [Попов 1997: 8—16], несколько отличающийся от изданного Е. М. Верещагиным [Верещагин 1997]. В Хлуд. 164 имеется и более поздний славянский гимнографический материал: древнейшая версия службы Параскеве-Петке и служба Ахиллию, еп. Ларисскому.

⁴ Помимо двух канонов на предпразднество служба включает и канон пророку Михею, чья память приходится на 14 августа. В современной минее на предпразднество полагается один канон (без указания имени автора в заголовке) 5-го гласа.

⁵ Здесь уместно еще раз сказать о роли славянской традиции, сохранившей в переводе древнейшие памятники греческой гимнографии.

⁶ Исключительно развернутый успешский цикл с предпразднеством и большим попразднеством содержится в среднеболгарской Минее служебной на август середины XIV в. (Париж, Национальная библиотека, Слав. 23). По этой рукописи издан трипеснец Константина Преславского на предпразднество Успения [Попов 1995], а из краткого описания кодекса [Станчев 1981] явствует, что в службу на 18(!) августа включен канон Богородице. Кроме того, 4 листа из этой рукописи, содержащие часть успешского цикла (службы на 16—17 августа), находятся в Российской национальной библиотеке (Р. п. I. 51). Однако обращение к рукописи по ксерокопии, любезно предоставленной Ю. А. Казачковым, показывает, что в днях попразднества чередуются каноны Козмы и Иоанна, ранее уже помещенные в службу на 15 августа.

⁷ К сожалению, она сохранилась неполностью: из-за утраты листов каноны начинаются с 5-й песни.

⁸ У этих канонов совпадает не только глас, но и ирмосы большинства песней (кроме 6-й, 7-й и 9-й), что облегчало такое соединение.

⁹ См. выше прим. 6.

¹⁰ Здесь хотелось бы отметить, что принцип отбора тропарей представляет несомненный интерес, однако его освещение выходит за рамки настоящей статьи.

¹¹ В 1-ю и 5-ю песни из канона Климента включено по три тропаря, в 3-ю, 6-ю, 7-ю и 9-ю — по два, в 4-ю и 8-ю — по одному.

¹² Сравнение затруднено тем, что ирмосы канонов написаны сокращенно: т. е. приведены только первые слова и даже слоги.

¹³ Здесь и далее ссылки в скобках после цитат даются не на листы рукописи, но на конкретное песнопение канона. При этом используются следующие сокращения: п. — песнь / песни, т. — тропарь / тропари.

¹⁴ Уставное указание на архиерейское богослужение свидетельствует, что рукопись Хлуд. 156 (или ее протограф) создавалась для кафедрального собора. При этом, учитывая размеры успенского цикла в кодексе, можно предположить, что храм был посвящен именно этому богородичному празднику. При таком сочетании наиболее подходящей «кандидатурой» является кафедральная церковь «Богородица Левишка» в Призрене, где епископия была учреждена еще св. Саввой Сербским. Существующая церковь возведена и украшена фресками около 1306—1307 гг. по заказу краля Стефана Уроша II Милутина [Панић, Бабић 1975]. Если наше предположение верно, то этим же временем должен датироваться и кодекс Хлуд. 156.

¹⁵ Основным критерием для определения «накала радости» служили глаголы «радуйтесь», «веселитесь», «ликуйте», а также однокоренные с ними существительные и наречия, встречающиеся в отдельных тропарях. Анализ только тропарей при отсечении ирмосов и других песнопений, включенных в канон, на предварительном этапе оправдан по двум причинам. Первая — седальны, кондаки и икосы (как более «подвижные» песнопения) могли переноситься из канона в канон и принадлежность их перу конкретного автора установить трудно. Вторая — ирмосы отдельных канонов различаются в разных списках, определение их «авторского» варианта — задача специального исследования.

¹⁶ Более того, обилие догматических мотивов в первой песни канона Феофана заставляет вспомнить «догматическую» 2-ю песнь богородичного трипеснца 2-го гласа Климента на предпразднество Рождества Христова [Мошкова 1999: 7].

¹⁷ Козма говорит только о непорочном рождении, не упоминая непорочного зачатия.

¹⁸ На этом примере хорошо видно, как Климент группирует преобразовательные свидетельства в одной песни канона, которая приобретает пророческий смысл.

¹⁹ У Иоанна в 3-м тропаре 9-й песни, у Козмы в 1—2 т. 8-й песни.

²⁰ Например, в каноне Климента: «*аже дн(с)ь днра оставашни. въ бышнѣа възсоднть жаншца*» (1 т. 1 п.), «*оставашни днра на землы. и на нѣса възсоднть.*» (3 т. 1 п.).

²¹ «*н не остави тебе на землы. нъ въ нѣснаа села прѣселн те*» (1 т. 3 п.), «*не оставни (т)ебе на землы. нъ въ нѣснаа села. пате оудн и слова прѣселни те*», «*аже оставашни днра. въ вѣтннѣе шенитѣлн и жаншца нѣ(с)нак. прѣд(д)актъ*» (2—3 т. 5 п.).

²² Феофан не говорит в своем каноне отдельно о душе и теле, но только о Богородице.

²³ Дата епископской хиротонии Климента, естественно, неизвестна, но есть свидетельство, могущее служить (по мнению С. А. Иванова) *terminus ante quem* non в отношении времени его отъезда из Преслава. Молитвенное обращение во 2м тропаре 8й песни канона общего святителям («*прилежнѣ та молнцѣ бѣга(с) шѣ... Кѣу молн сѣ. да нзбоудимъ ш(т) грѣхъ. и находа и брани противннхъ*») [Станчев, Попов 1988: 199] можно связать с болгаро-венгерскими войнами 895—896 гг. Локальный (в масштабах всей Болгарии) характер военных действий в сочетании с реальной угрозой столице предполагает в качестве места написания канона скорее Преслав, чем отдаленные юго-западные области.

²⁴ Кстати не исключено, что подобным образом, но уже на уровне песнопений одной службы решается противоречие в вопросе авторства канона на перенесение мошей Иоанна

Златоуста с анонимным славянским акростихом (так, к сожалению, до сих пор и не изданного). С. Кожухаров, открывший этот канон, предположительно атрибутировал его Науму Охридскому на основании редкой особенности передачи звука Щ (ШТ) как ШЧ в акростихе (МОШЧИИ) и акростихе канона Наума Андрею Первозванному (НИШЧИИ) [Кожухаров 1984]. Позднее Г. Попов оспорил это мнение, обратив внимание на то, что в стихирах перед каноном читается по первым буквам акростих КЛИ [Станчев, Попов 1988: 148—149], и высказал предположение, о принадлежности канона (и всей службы) Клименту. Но, вероятно, возможен и компромиссный вариант жанрового разделения по авторам.

²⁵ Рождественский и богоявленский циклы сопровождаются также анонимными славянскими произведениями — азбучными стихирами. В этом случае анонимность памятника задана заранее типологически (по аналогии с греческими стихирами по алфавиту) и вопрос о их авторстве (и, соответственно, о вероятности участия в создании цикла третьего автора) остается открытым. Кроме минейных служб славянские азбучные стихирь входят в состав чина бельческого погребения в Требнике вместе с циклом стихир, написанных Константином Преславским (акростих КРАСНА ПІАННІА КОСТА...) [Турилов 1991].

Список литературы

- Архиеп. Сергей 1997 — *Архиеп. Сергей (Спасский)*. Полный месяцеслов Востока. Т. III. М., 1997 (= репринт изд. Владимир, 1901). С. 323—326.
- Верещагин 1997 — *Верещагин Е.* Особый парафраз канона на Рождество Христово в декабрьской служебной минее конца XII — начала XIII в. // *Paleobulgarica*. 1997. № 4. С. 18—36.
- ГИМ, Хлуд. 156 — Государственный исторический музей (ГИМ). Собрание А. И. Хлудова (Хлуд;), № 156. Миней служебная на март-август. Конец XIII — начало XIV в.
- ГИМ, Хлуд. 164 — ГИМ. Хлуд., № 164. Миней праздничная. 1371—1394 гг.
- ГИМ, Хлуд. 166 — ГИМ. Хлуд., № 166. Миней праздничная. Первая половина XIV в.
- Иванова-Константинова 1971 — *Иванова-Константинова К.* Два неизвестни азбучни акростиха с глаголическа подредба на буквите в среднебългарски празничен миней // Константин-Кирил Философ. Докл. от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му. София, 1971. С. 350—365.
- Кожухаров 1984 — *Кожухаров Ст.* Песенното творчество на старобългарския книжовник Наум Охридски // *Литературна история*. София, 1984. Кн. 12. С. 19.
- Мирковић 1961 — *Мирковић Л.* Хеортологија или историјски развитак и богослужење празника православне источне цркве. Београд, 1961. С. 52.
- Мошкова 1999 — *Мошкова Л. В.* Гимнографические произведения Климента Охридского: Структурно-содержательные особенности // *Славяноведение*. 1999. № 1.
- Мошкова, Турилов 1998 — *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Моравские земле велеи гражданин» (неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию) // *Славяноведение*. 1998. № 4.
- Панић, Бабић 1975 — *Панић Д., Бабић Г.* Богородица Љвишка. Београд, 1975. С. 18.
- Попов 1985 — *Попов Г.* Триодни произведения на Константин Преславски. София, 1985 (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 2).
- Попов 1995 — *Попов Г.* Из химнографското наследство на Константин Преславски (Новооткрит трипеснец за предпраздненство на Успение Богородично) // *Paleobulgarica*. 1995. № 3. С. 3—31.

- Попов 1997 — *Попов Г.* Новооткрыт канон на Константин Преславски с тайнописно поетично послание // *Paleobulgaria*. 1997. № 4.
- Срезневский 1989 — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Т. 3. Ч. 1. Р—С. М., 1989 (= репринт изд. СПб., 1912).
- Станчев 1981 — *Станчев К.* Неизвестные и малоизвестные болгарски рукописи в Париже // *Paleobulgaria*. 1981. № 3. С. 92—93.
- Станчев, Попов 1988 — *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. София, 1988.
- Турилов 1991 — *Турилов А. А.* Памятники письменности восточных славян в южнославянской рукописной традиции (Проблемы и перспективы изучения) // Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1991. Вып. 25. С. 94, примеч. 14.
- Ђурић 1975 — *Ђурић В. Ј.* Византијске фреске у Југославији. Београд, 1975. Сл. XV.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБЪЕМА ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ УЧЕНИКОВ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В СОСТАВЕ СЛАВЯНСКОГО ТРЕБНИКА (Предварительные наблюдения над южнославянской рукописной и старопечатной традицией)

Исследование древнейшей славянской книжной поэзии и акростихов (прежде всего азбучных) составляло неотъемлемую часть широкого круга научных интересов Ф. В. Мареша¹, хотя явно не занимало в нем главенствующего положения; постоянно привлекали его внимание и археографические сюжеты. Поэтому представляется уместным на заседании, посвященном памяти этого выдающегося слависта, выступить с сообщением по теме, находящейся на стыке двух этих направлений.

В настоящее время можно с уверенностью говорить о наличии памятников древнейшей славянской гимнографии по крайней мере в двух чинах Требника. В 1976 г. П. Симич опубликовал по рукописи Музея Сербской православной церкви в Белграде (собр. Р. Груича, З-І-65, кон. XIII — нач. XIV в.) в составе Чина соборного освящения масла покаянный канон 6-го гласа, в песни 9-й которого по начальным буквам тропарей² читается поврежденный именной акростих КЛ[Н]М (Како не трепещеш доуше оканна... Люто испитанне и грозно моуценне... [Н] впадъшаго въ глѹбннѹ грѣховнѹю... Мѹн съблазни потребн...). Сам исследователь не заметил это краткое краегранесие, возможно, из-за его дефектности, кроме того, в тот момент вопрос об акростихах в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия только становился на повестку дня³. Публикация увидела свет буквально накануне серии громких открытий болгарских филологов в области древнейшей славянской гимнографии, но их внимание в то время было приковано к текстам в составе Минеи и Триоди. Только в 2000 г. авторство Климента было установлено применительно к этому канону Е. С. Федоскиной⁴, но на этот раз текст был найден в составе Октоиха, сербская же публикация осталась исследовательнице неизвестной⁵. В 1981 г. В. М. Загребин издал цикл заупокойных стихир (общим числом 24), входящий в Чин бельческого и священнического погребения и снабженный азбучным акростихом с глаголической последовательностью букв⁶ по отрывку пергаменного сербского Требника конца XIII в.⁷ (РНБ, 0. п. I. 14) из коллекции архимандрита Антонина (Капустина) (далее, по владельцу — Кап. I). Сам издатель считал этот цикл (в значительной мере основываясь на размерах алфавитного ряда) переводным⁸, вопрос о том, перевод это или же оригинальное сочинение, остается не решенным окончательно и до настоящего времени⁹; сейчас, впрочем, появился дополнительный аргумент в пользу второй версии (см. ниже). Помимо изданного В. М. Загре-

биным этот цикл до последнего времени был известен по крайней мере еще в двух южнославянских¹⁰ списках: в среднеболгарском пергаменном Зайковском Требнике (НБКМ, № 960 (далее — Зайк.). Л. 89—89 об.) первой половины XIV столетия¹¹ (сохранились только начало и конец: буквы а—д, р—к)¹² и в бумажном сербском Требнике (РНБ, О. I. 469. Л. 187—192 об.)¹³ из коллекции архимандрита Антонина¹⁴, датируемом последней третью того же столетия¹⁵ (далее Кап. 2).

Несколько позднее выхода в свет публикации В. М. Загребина П. Пенкова (которой, как позднее и Б. Холошняю¹⁶, она осталась неизвестной) обратила внимание исследователей на архаичный канон 6-го гласа (включающий вторую песнь) с остатками славянского текстового акростиха в песнях 1—7 все в том же Чине бельческого погребения в составе Зайк. и опубликовала его¹⁷. Предположительная атрибуция исследовательницей первоначального текста канона Константину Преславскому представляется вполне возможной (подробнее см. ниже), хотя с учетом известных опытов совместных работ ближайших учеников славянских апостолов нельзя полностью исключить и принадлежность памятника перу другого автора. Помимо Зайк. этот канон в той же редакции имеется и в уже упомянутом сербском Требнике Кап. 2 (л. 171—175 об.): акростих здесь нарушен в той же степени, что и в опубликованном болгарском списке¹⁸. Принципиально новых данных для реконструкции первоначального текста он практически не содержит, хотя, несомненно, должен быть привлечен для критического издания. Кроме того, как удалось установить автору этих строк во время работы в Археографическом отделении Народной библиотеки Сербии в октябре 2005 г., он содержится также (хотя и в несколько поврежденном виде)¹⁹ и в современном Зайковскому (первая половина — середина XIV в.) пергаменном сербском Требнике из собрания Дечанского монастыря²⁰ (ныне депозит НБС, далее — Деч. 1), № 67 (л. 14 об. — 18). Ситуация с акростихом в этой рукописи в полной мере аналогична Кап. 2. Можно предполагать, что данный канон имелся и в пергаменном Требнике Кап. 1, однако начало рукописи, где он мог находиться, в настоящее время утрачено²¹.

Этим, однако, славянский гимнографический материал в Чине бельческого погребения не ограничивается — здесь явно присутствуют также фрагменты несомненного текстового (фразового) акростиха в стихирах²². В Кап. 2, в начале чина, в припелах к блаженнам 5-го и 6-го гласов (л. 166 об. — 168, 169 об. — 170), он читается, начиная в первом случае со второго, а во втором с третьего песнопения:

Глас 5:

стѣхъ днѣхъ шверѣте истотныкъ жызны. дверь ранскоюю...

К Краснѣе жытня сего нѣ(с) ничто же. же не прѣидеть...

Р Рака де прѣльщъ врагъ. изгна словоу бж(с)тва...

А Агньць тын бы(с) х(с)е еспѣ. распетне постра(д)въ...

С Свѣтъ сн х(с)е непостыжннн. въскрѣсеніе и желание любѣщнць...

Н Никто же безгрѣшнъ к(с) х(с)е. тькмо ты едннъ гн ...

А Азъ въпню х(с)е бѣ. оудери дн(с)ь. второе твое пршшьствіе...

П Покон бѣ своего сн раба. оутиннн его въ своець сн ран...

Глас б:

ВЛ(Д)КО Х(С)Є. КГДА СЪ СТРАХОМЪ ПРѢДСТАНОУТЬ ТИ АГГЛСКИЕ СЛЫ...

РАЗБОНИНКА РАЮ Х(С)Є ЖИТЕЛѦ СЪТВОРИЛѦ КСН...

ІА ІАКОЖЕ ИДѦЕ ВЛАСТЬ ШПОУЩАТИ ГРѢХЫ. БѢ СПСЕ ДОН НЕ СОСОУДИ ДЕНЕ...

Н ННКТО ЖЕ БЕЗ ГРѢХА К(С) ДЛ(С)РАДЕ ТЪКДО ТИ ШБАЛЪКЫСЕ ВЪ ПЛЪТЬ НШОУ...

Н НСЪХОШЕ КОСТИ НАШЕ. ННІА ВСИ ЗРЕЩЕ ВЪ ГРѢБѢХЪ. СМѢДЪ ТРѢВѢДЪ И СМРАДЪ...

ІА ІАКО ВЛАДИ ВЛ(Д)КО ДЛ(С)ТИВЕ. ЖИВОТОМЪ И СМРЪТНО Х(С)Є...

КГДА ПРИДЕШИ НА ШБЛАЦѢХЪ ВЪ СЛАВѢ СВОЕН Х(С)Є. СОУДИТИ...

В рукописи Кап. 1 утрачено начало, где могли находиться эти блаженны. В Деч. 1 ситуация с акростихом в блаженнах гласа 5 аналогична Кап. 2. В Зайк.²³ песнопения 5-го гласа (которые из-за утраты листа сохранились лишь по букву и включительно — л. 71 об. — 72 об.) названы стихирами; между первой, не относящейся к акростиху (сѣбѣхъ лнкъ шбрѣте источникъ жызны), начальной в списке Кап. 2, здесь помещено еще 6, также не образующих краегранесия²⁴. Блаженны 6-го гласа отделены здесь от 5-го степенями (л. 73—74), эта часть цикла сохранилась здесь явно лучше. Тексту с акростихом предшествует только одно песнопение (второе в Кап. 2), а предыдущее обозначено как «слава» после степенн. Акростих начинается с буквы п (Прѣвладаки дшѣди ии телесн. кмоу же ксть дше наше въ рѣкоу...). Такая организация акростиха подтверждается другой редакцией Чина бельческого погребения (см. ниже) и отчасти списком Деч. 1²⁵, из чего следует, что читающееся в Кап. 2 последнее песнопение 5-го гласа, начинающееся на ту же букву, к первоначальному тексту, вероятнее всего, не относится. Напротив, окончание акростиха в блаженнах 6-го гласа повреждено в Зайк. Песнопение ІАко влады вл(д)ко дл(с)тиве... здесь присутствует (л. 75), но не выделено как самостоятельное²⁶, а за стихирой Кгда придеши на шблацихъ... следует еще одна: (тронце безначелнаа. тронце бже шче и тне и сты дше...), имеющая в Кап. 2 другое начало (Сбезначелнаа трце...) и озаглавленная там «слава» (в Зайк. «слава и ныне» сокращены до «и ныне» петербургского списка: Нс корѣне кнѣсѡва прозеве дбѡ... — л. 74 об. — 75)²⁷. Таким образом, акростих блаженн в Чине бельческого погребения — красна паница²⁸.

Еще один фрагмент акростиха содержат стихиры на целование усопшего. Они отсутствуют в Зайк. из-за утраты листов, но благополучно сохранились в обоих сербских требниках РНБ, где следуют непосредственно за азбуковными (Кап. 1, л. 18 об. — 21; Кап. 2, л. 192 об. — 195²⁹; в Деч. 1 акростих поврежден из-за изменения порядка слов³⁰). Связующее стихиры краегранесие составляет одно слово, но столь специфическое — знаковое для ранней славянской гимнографии (гранес — «стихов»)³¹ — что оно, безусловно, не может быть случайным либо служить примером исследовательской акростихомании³². Привожу начала песнопений по старшему списку (разночтения с ним младших невелики):

Г Гредѣте коньчншомѣ целованик. целоуицѣ оуцрышаго...

Р Рѣци ннѣ брате нашѣ. како ндеши ш на(с)...

А Азъ къ боу соудн ѿ своикмоу ндоу. соуднишоу прѣдстати оубо...

Н Ннѣ телесни оудн празни являють. се бывше движидни шртви...

ꙗ ꙗгда ѿ телесе дшѣ раздоуѣтъ се ноуж(д)ю...
 С Слава земльнаго всего соук. и надеж(д)а разидеть се...
 мне друзи послушавше. придеце целоунте дрѣвле соущаго с нацн...
 кою раздоуѣтне братнѣ. кон плачь кон выпль...

В южнославянской рукописной и старопечатной традиции XIV—XVII вв. (преимущественно сербской) существует и другая редакция Чина бельческого и священнического погребения³³, восходящая несомненно к общему источнику с представленной в сербских требниках РНБ (Кап. 1 и Кап. 2) и в Зайк. (далее: Кап.-Зайк.); Деч. 1 в этом смысле представляет особый случай (см. ниже). Старший ее список содержится в сербском пергаменном Требнике с епитимийным Номоканонном третьей четверти XIV в.³⁴ (ГИМ, собр. Хлудова, № 118, л. 193г — 209б), который по писцу, оставившему запись пурпурной вязью на обороте последнего листа кодекса, может именоваться Требником Владимира (далее Хл.)³⁵. Позднейшая рукописная традиция этой редакции исследована пока недостаточно, но уже сейчас можно думать, что в отличие от рассмотренной выше, она если и не представляет массового явления, то вполне многочисленна. Укажу лишь некоторые известные мне списки, преимущественно относительно ранние (все сербского извода):

2) Дечанский монастырь, № 69 (в настоящее время депозит НБС в Белграде). Л. 176—189. Требник. Кон. XIV в.³⁶ Деч. 2.

3) ГИМ, Син. 307. Л. 77—92. Требник³⁷. Ок. 1423 г. (датируется по пасхалии).

4) ГИМ, Син. 324. Л. 197 об. — 206. Требник³⁸. 1402—1427 гг. (датируется на основании моления за деспота Стефана Лазаревича).

5) Вена, Нац. библиотека Австрии, Слав. 79. Требник. Кон. XV — нач. XVI в. (не позднее 1504 г. — помета на л. 94 об.). Л. 31—55³⁹.

6) РГБ, ф. 178, М. 11095. Л. 4—17 об. Требник, отрывок. Сер. (?) XVI в. (печатного описания не имеет)⁴⁰.

Кроме того, практически тот же текст (разумеется, с неизбежными в данном случае вариантами) содержат также и ряд старопечатных сербских изданий Требника конца XV—XVI вв., начиная с цетинского «Молитвенника» Гюрга Церновеича 1495/1496 г.⁴¹ и кончая венецианским Требником Якова Крайкова 1570 г.⁴² Следует заметить, что применительно к старопечатной традиции это едва ли не уникальный пример включения в издание сравнительно большого (не молитва) оригинального памятника древнейшей славянской гимнографии, пусть и отредактированного в XIV в.

Чин бельческого погребения в этих рукописях, инкунабуле и палеотипах не содержит канона гласа б с остатками славянского акростиха и азбучных стихир. Отсутствуют также блаженны гласа 5 с акростихом красна, а песнопения 6-го гласа (с акростихом пання) даны здесь (как и в Деч. 1) после заупокойных стихир 8 гласов, непосредственно перед стихирами на целование усопшего. Таким образом, в этой редакции чина (которую по старшим спискам можно назвать Хлудовско-Синодальной — далее: Хл.-Син.) присутствуют только два фрагмента акростиха из трех, засвидетельствованных в Кап.-Зайк. Напротив, цикл заупокойных стихир

8 гласов, помещенный в старшей редакции после канона гласа 6⁴³, отличается в младшей (и отчасти — по глас 3 включительно — в Деч. 1) чрезвычайно большими размерами. Если в Кап.-Зайк. общее число стихир равняется 24 (на каждый глас положено по 3, т. е. численно они совпадают с азбучными)⁴⁴, то в Хл.-Син. количество их достигает 52, при этом по гласам они распределяются неравномерно: гласы 1—3 содержат по 7 стихир⁴⁵, 4 — 6, 5 и 7 по 3, 6 — 12, 8 — 7. Такая количественная разница может объясняться как сокращением цикла в старшей редакции, так и дополнением его в младшей. Достаточно определенный ответ на этот вопрос дает обращение к стихирам гласа 3-го. В редакции Хл.-Син.⁴⁶ и в Деч.1 (л. 23—24 об.) здесь читается несомненный фрагмент акростиха — прилагательное *вѣтнагѡ*:

В Все соуктне ѿѣтъское. канко не прѣбоудеть по съмрътн...
Ѧ Ѧко тлндѣ кси ѿ(в)ѣ. что се велнчакши се. грѣе се...
Г Глѣн что всоук метел се. поуть краткъ к(с)...
Н Нставленъ сынъ ѿ(в)ци ксмы оудоб же гненедь...
А Азь вьпню к ваць бра(т)е. вьсе(х) съмръть равно вьземельтъ...
Г Грѣдын тако н корабь по дору. шьствннѣ творе. а слѣда не нцк...
Ѡ Ѡ како ѡкааннын льстндѣ се. юнин ѡждающе старости...

В редакции Кап.-Зайк. из него представлены стихиры, начинающиеся на согласные буквы — **В, Ч, Н, Г** — в порядке акростиха⁴⁷. Т. е. цикл здесь явно сокращен в старшей редакции, в то время как младшая на данном отрезке текста представляет первоначальный его вариант. Единый принцип в сокращении цикла отсутствует. В гласе 1 в старшей редакции исключены по сравнению с младшей стихиры 3, 5—7, во 2-м — 3—5, в 3-м, как уже сказано, все четные, в 4-м — 5 и 6 (а 2 и 3 поменяли место), в 5-м — 2—3, в 6-м — все, в 7-м — 1 и 3, в 8-м — 3—7.

Однако это сокращение не носит однозначно прямолинейного характера, поскольку в старшей редакции в свою очередь имеются стихиры, которых нет в младшей. Соответственно, это стихиры 2—3 и «слава и ныне» в гласе 5, все песнопения гласа 6, стихиры 1—2 гласа 7, стихира 3 гласа 8⁴⁸. Трудно, однако, сказать, относятся ли эти «излишки» редакции Кап.-Зайк. к первоначальному составу цикла — во всяком случае, насколько могу судить, никакая их комбинация не образует акростихов.

В связи с наличием фрагмента акростиха в младшей (Хл.-Син.) редакции цикла (и в Деч. 1), и при этом на отрезке, лишь частично контролируемом старшей, особого внимания заслуживает его начало (известно, что акростихи лучше сохраняются в начале и/или в конце гимнографических произведений):

К Ката жнтнѣ пшнн прѣбывають кроуѣ пѣлаѣн непрнчестна...
Ѡ Ѡ спсе дон авлажѣ дѣлоуь тако ты кси вѣ(х) вьскресеннѣ...
Н Новын адаць бывь. ѣнь вѣжн. спсн де х(с)е...
С Се ѿ(в)ци что всоук грѣдо велнчакте се...
А Азь к ваць вьпню ѿ(в)ци. что съмоушасте...
Г Глѣ вьсе жнтнѣ к(с). что ѿ(в)ци вьсоук грѣдо велнчакте се...
Н Николн же сего ѿ(с) тѣло се пнтѣк не подннахъ. богатства...

Присутствующее здесь сочетание начальных букв весьма похоже на имя «Константин», в котором сокращены первые буквы Т и Н, а также И (причем в принципе нельзя исключить, что стихирь, начинающиеся на Т и на А поменялись местами, и мы имеем дело с сохранившейся таким образом начальной частью имени — «Констан...»). К сожалению, ни вариант старшей редакции⁴⁹, ни начальные буквы стихирь второго гласа младшей редакции (Оувы днѣ... При(д)те видн(ш)... Множество богатства...) не дают (за исключением первой — см. ниже) дополнительных оснований для реконструкции. Положение, однако, меняется, если обратиться к Деч. 1. Хотя здесь акростих нарушен не только во второй⁵⁰, но и в четвертой стихире гласа 1 (Что чл(в)ци всоук влнчакте се...) ⁵¹, далее картина выглядит иначе. Здесь не только имеется (л. 20 об.) отсутствующая в обеих редакциях стихира между буквами С и А акростиха (Тын бпсе мон оустрон...), дающая дополнительное Т в имени, и другая (также уникальная) стихира (Ннй всн виднте чоудо...) на первую букву Н (стихира Николн же сего чл(с)... тут также читается, но только дальше — см. ниже), но и читается (с учетом «слава и ныне» гласа 2⁵² и некоторыми вполне допустимыми поправками) его окончание (л. 21 об. — 23) в родительном падеже — **-ТИНОВА**:

Т Тла все жнтне к(с)...

Н Нсѣкакът вса и яко вода днцотсѣтѣт...

Н Николн же часа сего тѣло си пнтѣн не поменухъ...

О Оувы днѣ бы(с)...

Б Впню се к вамъ дѣоць. оустъ не нмѣк...

А Азъ впню к вамъ бра(т)к леже без доуше...

Таким образом, акростих цикла стихирь гласов с 1-го по 3-й соединяется в сочетание константиннова вчннагш... Если считать, что все выявленные в Чине бельчского погребения фрагменты текстового (фразового) акростиха первоначально составляли единое целое (а альтернативы этому, кажется, нет), то начальная часть его читается: красна панина константиннова вчннагш..., а конечная (по стихирам на целование): ... гранс. Подобное сочетание живо напоминает излюбленные формулировки бесспорных акростихов Константина Преславского — гранеса добра константиннова, се добро паник кол кст красно (цикл трипеснцев Троицы постной)⁵³, и в особенности — хвала панина константиннова в стихирах на предпразднество Богоявления⁵⁴.

Если бы в Деч. 1 цикл славянских заупокойных стихирь 8-ми гласов продолжался в том же виде и после гласа 3, хотя бы и с искажениями, подобными рассмотренным выше, то почти нет сомнений, что его акростих можно было бы прочесть или реконструировать практически полностью. Однако памятник в данном списке отличается текстологической сложностью и неоднородностью, и к тому же явно дефектен. Для блаженн гласа 6, гласов 1—3 цикла заупокойных стихирь и стихирь на целование усопшего он представляет текст, близкий к архетипу младшей редакции (что косвенно подтверждается и помещением первых перед стихирами на целование). Но после гласа 3 (заканчивается на л. 24 об.) в заупокойных стихирах следует глас 6 (с л. 25 до л. 27, причем неясно, есть ли здесь механическая утрата), при этом с набором песнопений, лишь частично контролируемым младшей редакцией. На первый взгляд начальные пять стихирь этого гласа связывает в Деч. 1 акростих

напса (Начеломъ съставъ все дѣтельнокъ... Адаме гдѣ кси главын писе... Почте тын образомъ... Садъ законъ свон. тако хранитель... Азь же оудрьль ксиль... Обновн мене чл(в)ка...), однако, насколько мне известно, древнейшая славянская гимнография не знает других примеров употребления глагола «писать» применительно к поэтическому творчеству⁵⁵. Далее в рукописи (л. 27—33 об.) следует выборка из цикла стихир (причем вначале помещены стихиры гласа 8-го, а затем 2-го и с 4-го по 8-й), близкая к представленной в старшей редакции, но не идентичная ей. Она бесспорно нуждается в специальном изучении, но для темы данной работы практически ничего не дает (ею, вероятно, был восполнен дефектный оригинал списка Деч. 1). Таким образом, на данном этапе исследования акростих цикла полностью не восстанавливается. Возможно, это удастся сделать позже, с привлечением новых, достаточно ранних списков Требника, но не исключено — учитывая достаточную бедность дошедшей древней традиции этого сборника — что исследователям и в дальнейшем (подобно случаю с канонем Евфимию Великому Климента Охридского⁵⁶) придется довольствоваться уже выявленными фрагментами.

Рассмотренный в статье цикл заупокойных стихир, при всей фрагментарности реконструированного в нем акростиха, позволяет сделать определенные выводы. С обнаружением списка Деч. 1 несомненной становится принадлежность этого текста (в его первоначальном виде) перу Константина Преславского, до сих пор остававшаяся гипотетической, хотя и весьма вероятной. Тем самым получают подтверждение (косвенное, но весьма весомое) и версия о славянском происхождении азбучных стихир Чина бельческого и священнического погребения, и гипотеза П. Пенковой⁵⁷ об авторстве заупокойного канона гласа 6 в нем (хотя последний вопрос, учитывая постоянное сотрудничество учеников Кирилла и Мефодия на гимнографическом поприще, хорошо известное по другим памятникам⁵⁸, нуждается все же во всестороннем дополнительном исследовании). В результате этот чин Требника, включающий канон, два цикла стихир с акростихами и блаженны, предстает крупным гимнографическим комплексом, сопоставимым по масштабам с древнейшими славянскими циклами песнопений на Рождество и Богоявление. Поскольку творчество Климента и Константина едва ли ограничивалось только двумя чинами Требника (если, разумеется, оно не относилось к самым последним годам их жизни), эта книга (вслед за Триодью, Минеей праздничной и общей и Октоихом) может стать (по крайней мере частично) очередным полем разысканий в области древнейшей славянской гимнографии. Присутствие части цикла заупокойных стихир даже в сербской старопечатной традиции XV—XVI вв., отражающей в целом ситуацию после афонской книжно-богослужебной sprawy XIV в., позволяет в какой-то мере надеяться на привлечение к исследованию и достаточно поздних списков.

Местом создания рассмотренного в статье цикла стихир (и, разумеется, Чина бельческого погребения в целом) безусловно следует признать Болгарию. Хотя автор отнюдь не придерживается точки зрения об абсолютной болгарской монополии на гимнографические тексты со славянскими акростихами⁵⁹, применительно к произведениям, входящим в Требник, болгарский вариант оказывается не только предпочтительным, но, пожалуй, и единственно возможным. Если формирование славянского

варианта Минеи праздничной за счет создания дополнительных служб (в том числе солунским братьям, западным святым и/или святым, особо почитавшимся в Риме) уже в силу некоей своей факультативности прекрасно вписывается в специфику великоморавской ситуации (и безусловно лучше, чем болгарской), то написание оригинальных текстов для Требника подразумевает (как и в случае с Триодью, Октоихом и службами на двенадцатые праздники) не только широкую и продуманную гимнографическую программу, но и ощущение полной защищенности от возможных обвинений в ереси, которое было гарантировано ученикам Кирилла и Мефодия лишь в державе Бориса и Симеона.

В позднейшее время текст Чина бельческого погребения (и заупокойных стихир Константина Преславского в нем) неоднократно редактировался. Первый раз это произошло еще до конца XIII в. (время написания Кап. 1), когда цикл стихир Константина подвергся существенному сокращению (редакция Кап.-Зайк). Однако параллельно с этой новой редакцией, очевидно, продолжала бытовать и первоначальная, частично отразившаяся в Деч. 1 и положенная около середины XIV в. (с исключением славянского канона, блаженн гласа 5 и азбучных стихир) в основу Хл.-Син. Стоящий особняком Деч. 1 содержит контаминированную редакцию дефектного текста, сравнительно близкого к первоначальному, с представленным в Кап.-Зайк.

Критическое издание заупокойных азбучных стихир Константина (без которого невозможно их полноценное лингвистическое и литературоведческое исследование) представляет заметную трудность. Здесь (в отличие от входящих в тот же чин заупокойного канона и азбучных стихир) в настоящее время явно отсутствует список, который можно было бы безоговорочно положить в основу публикации, лишь для стихир гласа 1—3 таковым условно может быть Деч. 1. Поэтому возможны предварительные издания отдельных ветвей традиции.

Примечания

¹ См., к примеру: *Mareš F. V. Azbučna báseň z rukopisu Státní veřejné knihovny Saltykova-Ščedrina v Leningradě, sign. Q. I. 1202 (Původní text abecedne basne?) // Slovo. 1964. Br. 14. S. 5—24; Idem. Hlaholice na Moravě a v Čechách // Glagoljica. Jedenaest stoljeća jedne velike tradicije. Zagreb, 1971 (= Slovo. Br. 21). S. 138—186 (То же // *Mareš F. V. Cyrilometodějská tradice a slavistika. Praha, 2000. S. 61—118); Idem. «Hospodine, pomiluj ny» // Mareš. Cyrilometodějská tradice... S. 403—476.**

² *Симий II. Требник српске редакције XIII в. // Зборник историје књижевности. Београд, 1976. Књ. 10 (Стара српска књижевност). С. 75—76.*

³ Показательно, что несколько ранее Б. Ст. Ангелов также не обратил внимания на именной акrostих тогъ же Климента в составе опубликованных им канонов Минеи общей, при том, что атрибутировал их этому автору (*Ангелов Б. Ст. Климент Охридски — автор на общи служби // Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник. София, 1969. С. 237—259 [то же // Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. Кн. 3. С. 17—37 — ссылки на 2-е изд.]). Кроме того, факт употребления Климентом Охридским в акrostихах краткой формы своего имени (КЛИМ) наряду с полной был установлен Г. Поповым лишь на рубеже 1970—1980-х гг., а в печать попал еще позже (*Станчев К., Попов Г. Климент Охридски: Живот и творчество. София, 1988. С. 121, 125, 142—143:**

Шаламанов Б. Неизвестни химнографски произведения на Климент Охридски // Списание на Българска Академия на науките. 1987. № 2. С. 47—54).

⁴ Феодоскина Е. С. Покаянный канон Климента Охридского в составе древнеславянского Октоиха // Вестник МГУ. Сер. 9 (Филология). 2000. № 3. С. 75—83.

⁵ Примерно в это же время автор этих строк случайно обнаружил акrostих при чтении работы П. Симича и поделился этим наблюдением с болгарскими коллегами (Йовчева М. Проблемы текстологического изучения древнейших памятников оригинальной славянской гимнографии // *La roesia liturgica slava antica / Древнеславянская литургическая поэзия*. Roma; Sofia, 2003. С. 62—63 (далее — Йовчева М. Проблемы текстологического изучения...); Станчев К. Литургическая поэзия в древнеславянском литературном пространстве (История вопроса и некоторые проблемы изучения) // Там же. С. 12 [далее — Станчев К. Литургическая поэзия...]).

⁶ Загребин В. М. Заупокойные стихиры АЗЪБОУКОВНЕ в сербском Требнике XIII в. // Археографски прилози. Београд, 1981. Бр. 3. С. 65—92 (То же // Загребин В. М. Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб., 2006. С. 232—262 [далее — Загребин. Заупокойные стихиры...]); ссылки даются на 1-е изд.

⁷ Датировка рукописи, другие части которой находятся в хранилищах Москвы (ГИМ, Хлуд. 121 — 16 л.; РГБ, Григ. 35 — 76 л.) и Петербурга (РНБ, Гильф. 70 — 1 л.) продолжительное время не была общепризнанной. Если В. М. Загребин, отождествивший между собою части рукописи (СК XI—XIII. С. 297, 330; № 345, 400) датировал ее, как уже сказано, концом XIII в., то Н. Б. Тихомиров — началом или первой четвертью XIV в., вследствие чего московские отрывки не были включены в СК XI—XIII. К концу жизни московский археограф (ум. в 2000 г.) склонился к мнению петербургского коллеги, однако сведения об этом стали доступны автору этих строк лишь в процессе разбора архива Н. Б. Тихомирова в 2003 г. и поэтому не нашли отражения в дополнениях к вып. 1 СК XIV.

⁸ Загребин В. М. Заупокойные стихиры... С. 68—69, 70—72.

⁹ Попов Г. Акrostих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия // *La roesia liturgica...* С. 37 (далее — Попов. Акrostих...); Станчев. Литургическая поэзия... С. 10.

¹⁰ Восточнославянские списки памятника в настоящее время неизвестны.

¹¹ Дополнительным аргументом в пользу такой датировки, принятой в литературе (библиографно см.: Цибранска М., Мирчева Е. Зайковският Требник от първата половина на XIV в. в южнославянската евхологична традиция // АП. Београд, 1999. Бр. 21. С. 186—192 (далее — Цибранска, Мирчева. Зайковският Требник...); Цибранска М. За лексикалните русизми в Зайковския требник от първата половина на XIV в. // Език и история на българските средновековни текстове: Сб. в чест на Е. Дограмаджиева. София, 2001. С. 136—145 (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 14; далее — Цибранска М. За лексикалните русизми...)) служит то обстоятельство, что лицевая сторона л. 11 и 38 рукописи (воспроизведение обеих страниц см.: Стоянов М., Кодов Х. Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. София, 1964. Т. 3. Табл. 39) написаны почерком, столь близким к почерку основного писца сербского Никодимова типака 1319 г. (см.: Типик архиепископа Никодима. Београд, 2004. Кн. 1; Лавров П. А. Альбом снимков с южно-славянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916 (= ЭСФ. Вып. 4.1. Прилож.). Сн. 52), что их можно было бы отождествить между собой (особенно характерны начертания букв З и Х). Этому, однако, препятствует то обстоятельство, что этот вариант письма находится в Зайк. только на двух указанных страницах и в то же время следы смены почерка в рукописи не прослеживаются.

¹² Отрывки изданы как предположительно славянское сочинение: Penkova P. Der Beitrag Methods zu den slavischen Totenoffizia // Simposium Methodianum: Beitrag der internationalen

Tagung in Regensburg zum Gedenken an den 1100. Todestag des hl. Method. Neurid, 1988 S. 226—227 (буквы А—Г) (далее — *Penkova. Der Beitrag Methods...*) и (без каких-либо комментариев): *Hološnjaj B. Zajkovski Trebnik N. 960 der Nationalbibliothek «Нl. Kirill und Methodij» in Sofia (Bulgarien) / Dissertatio ad Doctoratum. Romae, 1995. S. 230—231, 240—241* (далее — *Hološnjaj. Zajkovski Trebnik...*); *Цибранска, Мирчева. Зайковският Требник... С. 192—195* (опубликовано трудночитаемое окончание цикла на л. 95 об. — 96 об.).

¹³ Текст представляет известные варианты к опубликованному В. М. Загребинным.

¹⁴ Краткое описание рукописи см.: Отчет ИПБ за 1899 г. СПб., 1900. С. 39—40 (далее — Отчет ИПБ...). Наличие азбучных стихир, равно как и текстов, о которых пойдет речь ниже, здесь не отмечено. Упоминания о них см.: *Турилов А. А. Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы // Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 21, 28* (примеч. 28); *Турилов А. А. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI—XIII вв. Ч. 1. Дополнения и исправления // AION. Slavistica. Napoli, 2000 [Vol.] 5 (1997—1998). С. 489, № 400* (далее — *Турилов. Сводный каталог...*); СК XIV. Прилож. 1. С. 584, № 400.

¹⁵ Кодекс написан на бумаге с филигранями: 1) «скрещенные ключи» — знак очень близок к № 2728 в альбоме *Mosin-Traljic 1957* (1375 г.); 2) «лук со стрелой» (фрагмент) — по справочникам надежно не идентифицируется. В описании (Отчет ИПБ... С. 39) рукопись датирована XV в.

¹⁶ Последнему, к слову, остались неизвестны и работы П. Пенковой.

¹⁷ См.: *Пенкова П. Новооткрыт акростих в погребальниа чин на Зайковския требник, XIV в. // Език и литература. 1986. № 3. С. 35—43; Penkova. Der Beitrag Methods... S. 222—226* (см. также: *Цибранска, Мирчева. Зайковският Требник... С. 179*). Последняя публикация текста: *Hološnjaj. Zajkovski Trebnik... S. 211—216*; новейшее исследование (с публикацией инципитария по ряду списков) — *Койчева Р. Неизвестные фрагменты акростиха древнеболгарского погребального канона шестого гласа // Studia mediaevalia Slavica et Byzantina. Sofia, 2011. Vol. 1* (Смъртта и погребение то в юдео-христианската традиция). С. 171—190. В древнерусских списках этот канон, насколько знаю, неизвестен — здесь достаточно широко распространен (но обычно не в Требниках, а в богослужебных сборниках — «Обиходах» XIII — середины XV вв.) заупокойный канон гласа 8 (нач.: *о҃уности с҃грьшєныє призда вѣдаконых...*), возможно, тоже с остатками славянского акростиха (во всяком случае, по тропарям и богородичнам песней с первой по начало пятой здесь прослеживается сочетание, напоминающее связный и (что немаловажно) уместный по смыслу текст: *о҃уязни* (варианты: *о҃уєзни, о҃уязни*) в цѣти. Старший список (XIII в.) находится в составе галицко-волинского «Венского Октоиха» («Кодекса Ганкенштейна») — Вена, Австрийская Нац. Библиотека, Слав. 37, л. 266—269 (приписан на полях). Другие списки: РНБ, Ф.п.1.73, л. 379 об. — 381 об. (сер. (?) XIV в. Северо-Восточная Русь); РГАДА, ф. 381, № 72, л. 157—159 (сер. (?) XIV в., Псков); Там же, № 77, л. 127—130 об. (втор. пол. XIV в., Псков); Древлехранилище ИРЛИ, Карельское собр., № 476, л. 99—101 (перв. половина XV в., Псков). Издан литографически по новгородскому списку конца XIV (?) — начала XV в. в составе «Шереметевского Требника» — РГАДА, ф. 188, № 819 (Книга Потребник-Требник. СПб., 1878—1879 (изд. ОЛДП, № XXIV). Л. 156 об. — 159). В существующих описаниях этих рукописей (*Birkfellner G. Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975. S. 321—324, II/141* (далее — *Birkfellner. Glagolitische und kyrillische Handschriften...*); Описание русских и славянских пергаменных рукописей [ГПБ]: Рукописи русские, болгарские, молдавляхийские, сербские / Сост. Е. Э. Гранстрем. Л., 1953. С. 53—54; Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР / Сост.

О. А. Князевская, Н. С. Коваль, О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова. М., 1988. Ч. 2. 313—314, № 161; 326—328, № 169; 329—331, № 171) и в исследовательской литературе текст не рассматривается как славянский и наличие возможного акrostиха не упоминается. В последнее время текст определен как переводной (*Пелкова П.* Мотонематичната «Проводьница» и погребалният чии в южнославянските ръкописи от XIV в. // *Studia mediaevalia...* С. 78. Примеч. 48 [со ссылкой на Р. Койчеву]); при этом мне необоснованно приписывается мнение о восточнославянском происхождении не только списков, но и самого памятника. В таком случае это еще один пример псевдоакrostиха.

¹⁸ Отличие этого списка канона от Зайк. состоит в том, что в нем (на л. 171 об.) опущен первый тропарь второй песни («Аз приникнув к притранней чаше смертней»), вероятно механически, из-за сходства его начала с началом следующего («Аз плачуся горце оцепенев»); исключены (или не включены) два дополнительные икоса, читающиеся в Зайк. У ирмосов, кондака и икоса здесь, в отличие от Зайк., даются только начала, опущены все заголовки «слава» и «и ныне».

¹⁹ Наиболее значительные отличия нового списка канона от Зайк. следующие. Здесь последовательно проведено исключение «слав», а «и ныне» Зайк. названы богородичными (что в целом оправдано тематически). Исключение составляют песни 2 и 5 (в первом случае опущен ирмос, а во втором — 1-й тропарь). Как и в Кап. 2, здесь нет двух дополнительных икосов после песни 6, в которой переставлены второй и третий тропари.

²⁰ Дечанский пергаменный Требник не только современен Зайковскому, но и явно восходит к одному архетипу с ним. Так, в новой рукописи, так же как и в Зайк., в Чине исповеди (в «Вопрошании мужам» — л. 44) фиксируются несомненные русизмы, напр. «лошадь» (ср.: *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (русские памятники письменности на Юге славянства) // *Он же.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960 (1-е изд.: Известия ОРЯС. Пг., 1921—1923. Т. 26). С. 51; *Цибранска.* За лексикалните русизми... С. 140). К слову, не исключено афонское происхождение Деч., поскольку этим же писцом (к сожалению, остающимся анонимным) написан, по всей вероятности, пергаменный сборник 16 слов Григория Богослова (Хиландарь, № 174) середины XIV в. (образец почерка см.: *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара / Палеографски албум. Београд, 1978. Ил. 35).

²¹ Рукопись начинается третьей стихирой гласа 2 (без начала, со слов: ... нь азъ прѣ... днѣх... ѡсвоуж...нѣбными... — ср.: *Hološnjaj B. Zajkovski* Trebник... S. 219) из цикла стихир 8-ми гласов по каноне (см. о нем ниже). Другие части рукописи (см. примеч. 7) фрагментов этого чина не содержат.

²² Упоминания о существовании этого акrostиха см.: *Турилов А. А.* Памятники письменности восточных славян в южнославянской рукописной традиции XIII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения) // Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1991. Вып. 25. С. 94 (примеч. 14); *Он же.* Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской письменности // Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 21, 28; *Он же.* Сводный каталог... С. 489, № 400; ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 406; *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000 (переизд.: 2004). С. 152; ПЭ. М., 2002. Т. 5 (Бессонов—Бонвеч). С. 351; СК XIV. Прилож. 1. С. 584, № 400; *Попов.* Акrostих... С. 41; *Станчев.* Литургическая поэзия... С. 13; *Темчин С. Ю.* Этапы становления славянской гимнографии (863 — около 1097 г.). Ч. 1 // Славяноведение. 2004. № 2. С. 45.

²³ Текст по этому списку издан (*Hološnjaj B. Zajkovski* Trebник... S. 206—207, 209—210), но акrostих публикатором, вероятно, не замечен — во всяком случае, во вступительной статье никак не откомментирован.

²⁴ *Hološnjaj. Zajkovski Trebnik...* S. 204—206; Новейшее исследование списка см.: *Мирчева Е.* Фрагменты от найдревния старобългарски Чин погребение (Зайковски требник от първата половина на XIV в.) // Изв. на Научен център «Св. Дазий Доростолски» към Русенски ун-т «Ангел Кънчев». Силистра, 2007. Т. 2. С. 109—120.

²⁵ Блаженны гласа б помещены здесь на большом расстоянии от гласа 5, на л. 34 об. — 35, перед стихирами на целование усопшего (как в младшей редакции — см. ниже), акростих поврежден в начале — второе (после «Разбойника раю») песнопение начинается словом «Обладай» (вм.: «Превладай»), «слава и ныне» совпадают с Кап. 2.

²⁶ *Hološnjaj. Zajkovski Trebnik...* S. 210.

²⁷ *Ibid.* S. 210.

²⁸ Предположить, что акростих в блаженнах 6-го гласа первоначально читался так, как в настоящее время в Зайк. (с учетом «слава и ныне») — пинне тн — невозможно по ряду обстоятельств. Такое чтение существительного не согласуется в числе с прилагательным, невероятным представляется и обращение к безымянному покойнику. Не слишком вероятен и вариант пинне сн, который можно предположить на основании Кап. 2.

²⁹ Из-за этого первая стихира цикла и начало второй (буквы ГР акростиха) оказались опубликованы фототипически (*Загребин. Заупокойные стихиры...* С. 91).

³⁰ Заменено начальное слово в стихире 1 (пнѣдѣ послѣд'нни целовъ. да вн(д)мъ...), изменен порядок слов в стихире 4 (всн телесн цокго ннѣ оудове...). В результате появился фрагмент псевдоакростиха: ПРАВЕ...

³¹ Ср.: «Гранеса добра Константинова» в акростихе трипеснцев Троици постной Константина Преславского, открытом и исследованном Г. Поповым (*Попов Г.* Троицни произведения на Константин Преславски. София, 1985 (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 2). С. 33—43; *Он же.* Акростих... С. 40, 49).

³² В рукописной традиции славянских гимнографических текстов встречаются порой вполне осмысленные сочетания начальных букв песнопений в объеме слова или даже двух-трех коротких (см., к примеру, примеч. 10 и 20), о которых без специального исследования невозможно сказать, что это — остатки славянского акростиха или же все-таки случайное совпадение. Например, по тропарям песней 8 и 9 канона евангелисту Матфею (16 ноября) в пергаменной сербской Минее праздничной второй четверти XIV в. (Одесса, ГНБ, 1/101, стлб. 53г—54а) читается акростих ппнас дна (о случаях удвоения и даже большего умножения букв в акростихах см.: *Попов. Акростих...* С. 43, 48). Оставляю решение этого вопроса на прорешенное мнение специалистов-гимнологов. О некоторых подобных фрагментах (являющихся, впрочем, несомненными акростихами) см.: Там же. С. 45, 48.

³³ О некоторых особенностях этой редакции (на материале венецианского издания Требника 1540 г. см.: *Загребин. Заупокойные стихиры...* С. 67—68).

³⁴ Т. е. он даже несколько старше младшего списка первой редакции (Кап. 2).

³⁵ Краткое описание рукописи: *Попов А. Н.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 272.

³⁶ Кратчайшее описание рукописи см.: *Теодоровић-Шакопа М.* Инвентар рукописних књига Дечанске библиотеке // Конзерваторски и испитивачки радови. Београд, 1956 (Саопштења Завода за заштиту и научно проучавање споменика културе Народне Републике Србије. Књ. 1). С. 204; о датировке — *Гроздановић-Пајић М., Станковић Р.* Рукописне књиге манастира Високи Дечани. Београд, 1995. Књ. 2 (Водени знаци и датирање). С. 25—26, № 71.

³⁷ Подробное описание рукописи: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. М., 1869. Т. 5, отд. 3 (Книги богослужебные). С. 163—198, № 374.

³⁸ Подробное описание рукописи см.: Там же. С. 153—163, № 373.

³⁹ Описание рукописи см.: *Birkfellner*. Glagolitische und kyrillische Handschriften... S. 274—276, II/104.

⁴⁰ Упоминаю здесь этот достаточно поздний и к тому же дефектный список лишь потому, что именно в нем я обнаружил впервые фрагменты рассматриваемого текстового акростиха.

⁴¹ Текст стихир и блаженн с л. 3 тетради 10 по л. 6 тетради 12. В настоящее время существует факсимильное издание этой инкунабулы (Молитвеник Ђурђа Црнојевића. 1495/96. Подгорица; Цетиње, 1993. Л. 76 об. — 94 об. (далее — Молитвеник Ђурђа Црнојевића...)), которым я и пользовался.

⁴² Л. [142]—[163]. Описание издания: *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI в.: Сводный каталог. М., 2003. Кн. 1. С. 416—417, № 50.

⁴³ *Hološnjaj*. Zajkovski Trebnik... S. 216—227. В Кап. 2 они расположены на л. 175 об. — 185 об., в Кап. 1 (л. 1—10) утрачено начало, цикл начинается с третьей стихиры гласа 2 (см. примеч. 21).

⁴⁴ Или 40 в Кап. 2 и 32 в Зайк., если включать в их число «слава» и «и ныне».

⁴⁵ В Деч. 1 (л. 20—22 об.) стихиры гласов 1 и 2 не разделены, общее число их (вместе со «слава и ныне» гласа 2) составляет 13. Вероятно, именно избыточное (на взгляд позднейших редакторов) число стихир и их неравное число по гласам и послужило причиной унифицирующего сокращения цикла. Еще одно различие между редакциями заключается в том, что в них не совпадают не относящиеся к циклу стихир в начале каждого гласа; Деч. 1 при этом отличается от обеих.

⁴⁶ Молитвеник Ђурђа Црнојевића ... Л. 80—81 об.

⁴⁷ *Hološnjaj*. Zajkovski Trebnik... S. 219—221.

⁴⁸ *Ibid*. S. 223—228.

⁴⁹ *Ibid*. Zajkovski Trebnik... S. 216—217.

⁵⁰ См. примеч. 49.

⁵¹ Близкое чтение (Тѣѣцн (цѣѣцн — Кап.2) что вьсоукъ грѣдо велнчакте се...) дает и старшая редакция (*Hološnjaj*. Zajkovski Trebnik... S. 217; Кап. 2, л. 176 об.).

⁵² Такое допущение представляется вполне оправданным (во всяком случае, на предварительном этапе исследования), учитывая вариативность определения типов песнопений в разных списках цикла.

⁵³ *Попов*. Триодни произведения... С. 35—36; *Он же*. Акростих... С. 49.

⁵⁴ *Попов*. Триодни произведения... С. 47—48; *Он же*. Хвална панина константинова (Богоявленски предпразднични стихирн на Константин Преславски в руски миней от XII—XIII в.) // Старобългарска литература. София, 1999. Кн. 31. С. 3—23; *Он же*. Акростих... С. 40.

⁵⁵ К слову, сходная ситуация наблюдается в стихирах гласа 8 младшей редакции. Здесь по начальным буквам читается сочетание птохѣва (Платю се и рндю...; Тѣѣнн како вѣдо(ш)...; О люте какоу тоутоу дѣшѣ ндѣть...; Х(с)е бѣт г(д)н...; Вьдгрѣнтъ троуба...; Яко ѿ сна црътын...). Соблазнительно было бы видеть в этом прилагательное от греч. «птохос» (нищий, убогий) — ср.: ннштин наоуд в каноне Андрею Первозванному (*Кожухаров*. Проблемы... С. 38, 40). Однако древнейшие славянские акростихи не знают употребления непереуведенных гречизмов, а кроме того, уничижительное значение никак не согласуется с любым из вариантов следующего слова, будь то гланс или панина. Вероятно, оба приведенных примера представляют случаи псевдоакростиха.

⁵⁶ См: *Станчев, Попов*. Климент Охридски... С. 120—129, 153—154, 170—181; *Христианс Д.* Канон Евфимию Великому в традиции восточнославянских миней // *Браслав Б. / BraSlav 2*. Bratislava, 2003. С. 18—28. Судя по последним работам, посвящен-

ным циклу (см.: *Пенкова*. Монотематичната «Проводница»... С. 75—94; *Мирчева Е.* «Чин попу преставленну» в требници от XVII в. // *Studia mediaevalia*... С. 134—154) заметного прогресса в этом направлении пока не наблюдается.

⁵⁷ *Пенкова П.* Методиево градиво в старобългарската литургическа традиция // КМС. София, 1987. Кн. 4. С. 265—271.

⁵⁸ *Попов*. Триодни произведения... С. 43—60; *Станчев, Попов*. Климент Охридски... С. 116—120; *Попов*. Химнография... С. 405—406.

⁵⁹ В частности, я никак не могу согласиться с безоговорочным отнесением к памятникам, созданным в Болгарии (как это делает Г. Попов), новой службы архиепископу Мефодию, находящейся в рукописи ГИМ, Хлуд. 156 (*Попов Г.* Службата за славянского пръвоучител Методий в Хлудовия миней 156 // *Старобългарска литература*. София, 2000. Кн. 32. С. 3—20 (далее — *Попов Г.* Службата...)). Его вариант реконструкции акростиха несомненно удачнее предложенного нами (*Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Моравские земле велеи гражданин» (Неизвестная древняя служба архиепископу Мефодию) // *Славяноведение*. 1998. № 4. С. 12—13), и мы, разумеется, вполне согласны с атрибуцией текста Клименту Охридскому. Реконструкция Попова нуждается, на мой взгляд, лишь в одной существенной поправке. Предложенный им вариант акростиха отнюдь не исключает первоначального наличия в каноне 2-й песни. С нею имя Климента Охридского в акростихе канона Мефодию будет читаться не в краткой форме (КЛИМ), а в полной (КЛИМЕНТ). В отношении же происхождения и датировки новой службы (и это следует сказать со всей определенностью) в полной мере действуют те же аргументы, что и в отношении Пространного жития Мефодия (см.: *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2000 (1-е изд.: М., 1981). С. 86—95). Гимнографическо-агиографический цикл, посвященный моравскому архиепископу, создавался прежде всего для его несостоявшейся канонизации в качестве патрона кафедры, освящавшего и оправдывавшего деятельность учеников и продолжателей солунских братьев в Сирмийском диоцезе. Применительно к службе ситуацию особо подчеркивает знаковая стихира «Моравские земле велеи гражданин», прославляющая Мефодия как моравского ахиерея, «славу же и похвалу северския страны». В моравском контексте легко объясняется и реконструируемая форма местоимения в начале акростиха (аз, а не аз), естественная для западнославянских языков, которую Г. Попов пытается трактовать как сочетание И АЗ (*Попов*. Службата... С. 12, 18). Признавая обоснованность мнения болгарского коллеги об исконной парности служб архиепископу, написанных его ближайшими учениками (Там же. С. 18—20), не вижу причин, почему к моравскому периоду не может быть отнесена и составленная Константином Преславским. Содержащееся в ней единственное упоминание Болгарии («Мисии») в первом тропаре 7-й песни (*Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1931 (репринт: 1970). С. 304) вполне может являться позднейшей (хотя, возможно, и очень ранней) интерполяцией.

ДВЕ ЗАБЫТЫЕ ДАТЫ

БОЛГАРСКОЙ ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ IX в.

(К вопросу формирования болгарского варианта
церковного месяцеслова в эпоху Первого царства)

Хорошо известно, что корпус памяти национальных святых и праздников болгарской церкви эпохи Первого царства не существует в месяцесловах как единое целое, а реконструируется на основании отдельных упоминаний в рукописях XI — середины XIV вв. (как собственно болгарских, так и сербских и древнерусских). Верхняя хронологическая граница определяется разрывом в традиции, вызванным тем, что в конце XIII — первой половине XIV в. вместе с литургическими книгами переводились и их месяцесловы, при этом древнейшие памяти (за исключением Константина-Кирилла) в них не вводились. Существующая ситуация отражает, по всей видимости, исходное положение дел¹, а не является следствием утрат в неблагоприятных для сохранения памятников славянской письменности условиях византийского владычества в последней трети X — конце XII вв.

Сам набор памяти в месяцесловах рукописей XI—XIV вв. явно свидетельствует о существовании локальных традиций на территории Первого Болгарского царства. Так, в русских рукописях XI—XII вв. из всех собственно болгарских святых упоминается (при этом весьма редко) только Иоанн Экзарх² — РГАДА, РО Библиотеки Московской Синодальной типографии (ф. 381), № 1, л. 190 об., 31 июля³. Но если отсутствие в месяцесловах древнейших русских рукописей памяти Иоанна Рильского (ум. в 946 г.) и царя Петра (ум. в 969 г.), широко распространенных в западноболгарских и сербских рукописях⁴, можно объяснить тем, что их культ не успел получить широкого распространения до падения Первого царства⁵, то молчание русских литургических календарей о Клименте Охридском (известия о котором менее многочисленны и в южнославянских месяцесловах) явно указывает на локальный характер его почитания в X в., поскольку древнерусская традиция восходит по преимуществу к восточноболгарской — преславской. Отражением локальных традиций в какой-то мере является, возможно, и помещение памяти одних и тех же святых под разными датами. Так, память Иоанна Экзарха, известная по Типографскому Евангелию № 1, читалась и в погибшем в 1941 г. болгарском Апостол-Евангелии XIII в. из собрания Белградской Народной библиотеки⁶, но там она была помещена под 31 января, отмечая дату смерти (к какому событию приурочена память в типографской рукописи, неизвестно)⁷.

Довольно редкая для славянской традиции память тивериупольских (струмицких) мучеников, казненных при Юлиане Отступнике, мощи которых были вновь открыты и перенесены в новый храм в правление князя Бориса-Михаила, встреча-

ется в нескольких рукописях под разными числами. В глаголическом Ассеманиевом евангелии XI в. (въ ѿдѣ де(н) па(т) стѣль н(ж)е на стрѣднцѣ тмдотѣж теодорѣ евъсвню и дрѣжннѣ н(х)⁸ и в Струмицком апостоле Шафарика XIII в. (въ тѣж(д)е днѣ. стѣль еже на стрѣднцѣ. тмдотѣю и тѣш(д)орѣ евъсвню. сенькратно)⁹ она приурочена к 29 августа (перенесение мощей при Борисе-Михаиле). В Охридском апостоле конца XII в. память нже на строуднцѣ тмдотѣн евъсвннѣ ешедора пѣтра и ннѣх¹⁰ помещена под 28 ноября, что совпадает с греческой традицией (празднуется первое положение мощей в Тивериупольском храме)¹¹. В Апостоле апракос, написанном в 1313 г. в Скопле (Афон, Русский Пантелеймонов монастырь Слав. 4, л. 61), краткая память стѣль ѿ. строуднѣтскнхъ читается под 27 ноября (смещение памяти на один день объясняется, возможно, косвенным влиянием глаголического протографа).

Набор национальных памятей в средневековых южнославянских месяцесловах типологически весьма единообразен (если не однообразен) — это исключительно памяти святых и перенесения их мощей. Культ Города (корнями восходящий еще к полисным временам) и Храма, столь характерный для византийской традиции (и в первую очередь столичной — константинопольской), выразившийся в праздниках, посвященных основанию Константинополя¹² и многих церквей¹³, божественному заступничеству от стихийных бедствий¹⁴ и нашествий иноплемеников¹⁵, по сути, никак не отразился в южнославянской церковно-календарной практике. То же самое можно сказать о фиксации памятей церковных соборов. Вполне определенно это можно констатировать для сербской традиции конца XII—XV вв., тырновской конца XII — конца XIV вв., и для охридской (западноболгарской) X — начала XI вв. (насколько можно судить по месяцеслову Ассеманиева евангелия, наиболее полному среди известных в настоящее время). Период существования болгарской автокефальной церкви в границах единого царства (870—968 гг.) был достаточно продолжительным, чтобы наличие или отсутствие определенной тенденции могло здесь проявиться (хотя бы и не в полной мере). Ситуация представляет несомненный интерес в связи с историей идеи «перенесения царства» и «нового (“третьего”) Рима»¹⁶ и, в особенности, в связи с активной попыткой ее реализации в правление царя Симеона¹⁷.

В сопоставительном плане небезынтересно отметить, что в домонгольской Руси, где идея соперничества с Византией если и не отсутствовала, то, во всяком случае, не стояла так остро, как в Болгарии конца IX—X вв.¹⁸, это календарное уподобление столицы (сначала Киева, а с середины XII в. — Владимира) Константинополю прослеживается довольно отчетливо. Достаточно упомянуть такие памяти, как освящение Десятинной церкви (12 мая), два освящения Софии Киевской (11 мая и 4 ноября), церкви св. Георгия в Киеве (26 ноября), Покров Богоматери (1 октября)¹⁹ и праздник Всемилошного Спаса (1 августа), установленный в память двойной победы над мусульманами в 1164 г. — императора Мануила Комнина над сельджуками и князя Андрея Боголюбского над волжскими болгарями²⁰. К этому следует добавить еще две киевских памяти. Первая из них известна только по западноукраинским рукописям Пролога XVI—XVII вв., но обе несомненно зафиксированы в начале XII в. и являются киевскими аналогами константинопольских праздников. Это память перенесения из Константинопо-

ля в Киев перста от десницы Иоанна Предтечи (7 января — соответствует на местном уровне перенесению десницы из Антиохии в Константинополь, празднуемому в тот же день²¹) и память «труса в Русской земле» 5 февраля 1107 г.²², напоминающая фиксации константинопольских землетрясений.

Но, возможно, именно византиноцентризм программы Симеона и препятствовал в тот момент складыванию ситуации, подобной киевской. Создание константинопольских атрибутов в Преславе — центре (с определенного момента) заведомо промежуточном, ступени к реализации мечты, могло восприниматься как нечто не только не обязательное, но и совершенно излишнее²³.

Нельзя, однако, полностью исключить возможности того, что ситуация могла существенным образом отличаться в период до болгаро-византийских войн — в правление Бориса и в начале княжения Симеона. Периоды становления славянских национальных культур в эпоху Средневековья, связанные с принятием христианства, как показывает изучение ситуации в Великой Моравии и Первом Болгарском царстве, вообще характеризуются повышенной творческой активностью создателей новых цивилизаций, поисками и достижениями в направлениях, позднее не получивших развития (здесь достаточно вспомнить блестящее гимнографическое творчество учеников Кирилла и Мефодия, открытое и исследованное болгарскими учеными в последние десятилетия).

Моделирование болгарского национального церковного календаря досимеоновской и раннесимеоновской эпохи может показаться занятием сугубо умозрительным, учитывая фрагментарную сохранность даже позднейшего преславского месяцеслова. Однако общее состояние изученности древней славянской рукописной традиции, в сочетании с известной национальной зашоренностью описателей и исследователей, нередко ищущих и отмечающих только болгарские, русские или сербские (в зависимости от национальности ученого) памяти, при этом их наиболее традиционный набор, таково, что не исключает возможности самых неожиданных сюрпризов²⁴.

Так, две²⁵ абсолютно неизвестные памяти раннепреславского (или, быть может, еще позднеплисского) столичного болгарского календаря содержит месяцеслов сербского Апостол-Евангелия апракос конца XIII или рубежа XIII — XIV вв. из собрания Архива ФИРИ (бывш. ЛОИИ) РАН в Петербурге, Западно-Европейская секция, № 680 (далее ЗЕС 680). На л. 263 под 28 марта здесь помещены памяти²⁶: Тюдотворца Нларню (!) ѿца. Н поѣѣда кнеза боугарьскаа (!). Мнхана. к(г)да бѣ сборъ на нь Кро(т)ста (!) ра(д). Слоу(ж) ниш. кѧ. октѣв.

Месяц спустя, 28 апреля, на л. 265 читаем: М(т)нка Внтала. н обрѣтѣнне цощель Стго Василла Еп(с)па Ндесниска (!). Н щѣенне цркѣн петра ап(с)ла въ Боугарехъ. Слоу(ж) н(щ) соу(б) по ро(ж(д)ствѣ.

Интерпретация первого из этих известий не представляет особых трудностей и не вызывает сомнений. Речь, безусловно, идет о подавлении князем Борисом-Михаилом восстания боилов, явившегося реакцией на принятие христианства²⁷. Прочтение нуждается в единственной коньектуре. Не вполне понятное слово кро(т)ста, бесспорно, не может трактоваться как испорченное «кротости» — настолько это последнее не вяжется с реальными обстоятельствами события, стоившего жизни 52 болярским родам. Речь может идти лишь об искаженном «креста» (крѣста,

вариант — крѣста). Объяснение появления описки, несколько неожиданной в столь простом (в кириллической графике) и известном слове, следует искать, вероятно, на этапе кириллической транслитерации глаголического оригинала с одноеровой (ъ) орфографией, либо такого, в котором «крѣсть» и производные от него пишутся через Ъ — ср. Супрасльскую рукопись, отдельные написания в Зографском евангелии. Начертание ѣ (ѣ) в целом ряде глаголических рукописей XI—XII вв., например, в Мариинском, Зографском и Ассеманиевом евангелиях, Сборнике Клоца, Синайском молитвеннике и Синайской псалтыри, Пражских листках²⁸, новонайденных Синайской минее, Миссале и Псалтыри Дмитрия²⁹ таково, что его легко можно принять за лигатуру о (ѣ) и т (ѣ).

Известную сложность представляет и интерпретация этого слова: означает ли оно крест как предмет либо крестное знамение (что в данном случае практически равнозначно), или же крещение. Первый вариант может показаться более предпочтительным, т. к. крест, носимый князем Борисом на груди либо предходящий ему в сражении с мятежниками, и победоносная сила крестного знамения упоминается большинством византийских хронистов, начиная с Продолжателя Феофана³⁰, повествующих о событии³¹. Но этому явно препятствует конструкция фразы: слова крѣста рѣдн связаны скорее со словом съорѣ, которое означает здесь сборище, толпу, а не собор-совещание³², чем со словом поѣѣдѣ.

Крѣсть в значении крещение не зафиксирован памятниками церковнославянской письменности, но засвидетельствован в западнославянских языках (например, чешское *křest*, польское *chrzest*), а также (что, пожалуй, еще более важно) в венгерском, где *kerest* обозначает и крест, и крещение³³. Е. А. Хелимский в последнее время убедительно показал именно на венгерском материале исходный синкретизм значений слова *крѣсть* и его докирилломефодиевскую древность, подтверждаемую наличием лексемы во Фрейзингенских отрывках³⁴. Это заставляет расценивать употребление слова в памяти под 28 марта как гапакс и вероятный моравизм³⁵.

Хотя память победы князя Бориса-Михаила и не содержит указа на год события, она является важным свидетельством по истории крещения Болгарии, позволяя уточнить некоторые обстоятельства. Из нового текста не ясно, чей же именно крѣсть послужил причиной съора: самого Бориса или же всей Болгарии? Хроники (как византийские, так и латиноязычные) свидетельствуют скорее в пользу первого варианта³⁶, но ответы папы Николая I на вопросы болгарских послов, памятник, современный событиям (сентябрь–ноябрь 866 г.) и, несомненно, более надежный, опирающийся на сведения, поступившие в Рим непосредственно из болгарской столицы, сообщает о восстании отступников от христианской религии и называет его причиной недовольство «новым законом» (т. е. христианством)³⁷.

Указание памяти на месяц и день подавления восстания вносит, как кажется, окончательную ясность в вопрос о дате крещения Болгарии, составляя для нее *terminus post quem* pop.

Известно, что грекоязычная надпись из Балши датирует это событие 6374 г. от Сотворения мира³⁸. Но без указания на месяц и день перевод на январский счет лет христианской эры довольно сильно колеблется: названный год соответствует 1 сентября 865 г. — 31 августа 866 г. по сентябрьскому стилю, либо 21 марта

866 г. — 20 марта 867 г. по византийскому мартовскому³⁹. Дата крещения страны по протоболгарскому календарю, указанная Тудором Доксовым в приписке к Словам Афанасия Александрийского («в лето етх бехти» — пятый месяц года собаки) также может существенно варьироваться в зависимости от обоснования ее привязки к византийской календарной системе.

В. Н. Златарский в своих расчетах исходил из положения о существовании особой болгарской системы летосчисления, имевшей точкой отсчета появление протоболгар на Балканах, совпавшее с началом 12-летнего животного цикла. При этом предполагалось употребление в этом календаре лунных месяцев и лунных лет, более коротких, чем солнечные⁴⁰. Исходя из этого, год собаки определяется как 865 г., а пятый месяц внутри него как отрезок между 17 августа и 19 сентября. С учетом даты надписи на Балши (при условии использования сентябрьского стиля) этот отрезок сокращается почти вдвое, до 1—19 сентября, и Златарский остроумно предложил в качестве точной даты 14 сентября — праздник Крестовоздвижения⁴¹.

Эта датировка получила признание в исследовательской (в первую очередь болгарской) литературе. Но она вызвала серьезные возражения Т. Василевского, посвятившего этому вопросу целый раздел монографии⁴². Польский исследователь убедительно показал, что в записи Тудора Доксова использован мартовский стиль, но несколько поспешно распространил этот вывод и на надпись из Балши. Протоболгарский календарь он, в отличие от Златарского, определяет как стандартный дальневосточный смешанного лунно-солнечного типа, в котором на 19 солнечных лет приходится 235 полных лунных месяцев, а год начинается во второй половине декабря или в первой половине января. Год собаки в этом случае соответствует 866 г. от Рождества Христова, а пятый месяц (с учетом, что начало года пришлось на 21 декабря) приходится на отрезок с 19 мая по 16 июня. Крещение князя Бориса исследователь приурочивает к 25 мая 866 г., на которое в тот год приходилась суббота Пятидесятницы.

Эти построения выглядят безупречными с точки зрения календарно-математических выкладок, однако они не во всем согласуются со свидетельством источников. Так, из того обстоятельства, что в записи Тудора Доксова использован мартовский стиль, отнюдь не следует, что им же непременно пользовался и составитель надписи из Балши. Самое же существенное несоответствие в построениях Т. Василевского заключается в датировке им восстания боилов, точнее, в предложенной исследователем интерпретации соотношения этого события с актом крещения князя и болгарского народа. В изложении Василевского восстание предшествовало даже крещению Бориса⁴³ и произошло в период княжеского катихумената, длившегося, по мнению польского византолога, с 863 по май 866 г. Но, как уже говорилось выше, из 17-й главы Ответов папы Николая на вопросы болгарских послов недвусмысленно следует, что восставшие уже были до этого крещены⁴⁴ (Василевский об этом не упоминает), и, кажется, нет никаких оснований видеть в инициаторах «сбора» группу лиц, обращенных в христианство раньше князя (например, участников болгарского посольства в Константинополь, крещенных в столице империи). Создается впечатление, что предложенная в монографии Т. Василевского последовательность событий продиктована в значительной мере его реконструкцией даты крещения князя: ведь

если Борис был крещен 25 мая 866 г., то на восстание после крещения страны и до отправки посольства в Рим практически не остается времени.

Сочетание свидетельств новонайденной памяти, надписи из Балши и главы 17 Ответов папы Николая указывает на то, что к 28 марта 866 г. крещение Болгарии, по всей видимости, уже было завершено. К какому же времени следует относить его начало? Мартовский стиль надписи из Балши отныне полностью исключается, поскольку теперь его невозможно совместить с пятым месяцем года собаки. Исключен и чисто гипотетический вариант (никем из исследователей не предлагавшийся) возможности привязки древнеболгарского календаря к византийскому сентябрьскому стилю. При таком предположении пятый месяц приходится на январь 866 г. Конечно, приурочение крещения князя к празднику Богоявления (Крещения Господня — 6 января) в символическом плане весьма эффектно, но, вероятнее всего, в этом случае и дата восстания помещалась бы в месяцеслове не в марте, а тоже в январе, поскольку зимнее крещение едва ли способно вызвать массовый энтузиазм.

Вопросы соотношения византийского календаря с протоболгарским нуждается, разумеется, в дальнейшей разработке, но в данном случае, с учетом нового свидетельства, версия В. Н. Златарского представляется наиболее оптимальной (1—19 сентября 865 г., с весьма вероятной привязкой к Крестовоздвижению). Датировка подавления восстания 28 марта 866 г. подтверждает косвенно причину недовольства «недобрым законом», в литературе уже предполагавшуюся⁴⁵. Толчком вполне мог послужить первый для населения только что христианизированной страны Великий пост. Если рождественский (Филиппов) пост, равный по продолжительности Великому, в силу привязки к неподвижному календарю заканчивается ко времени традиционных зимних праздников (совпадавших с Рождеством) и поэтому не внес существенных перемен в привычный уклад жизни общества, то с последним дело обстояло иначе. Пасха в 866 г. была довольно поздней (7 апреля), и время весеннего равноденствия (и, соответственно, весенние сезонные праздники) пришлось на разгар Великого поста, что вполне могло усилить недовольство, вылившееся в восстание.

Новонайденная память, возможно, объясняет отчасти, почему в месяцесловы не попала дата успения Бориса-Михаила (2 мая), отмеченная все в той же записи Тудора Доксова⁴⁶. Возможно, что победа над язычниками и отступниками, в изложении хроник содержащая все элементы чуда и божественного заступничества за равноапостольного избранника⁴⁷, празднование которой, вероятно, было установлено еще при жизни Бориса, затмевала в глазах современников его мирную кончину в монастыре после многолетней иноческой жизни (889—906 гг.). Вторичное победоносное выступление князя-крестителя против язычества (свержение в 893 г. сына-отступника Владимира с престола и возведение Симеона), вероятно, должно было актуализировать мартовский праздник.

Вопрос же о канонизации Бориса-Михаила и с находкой мартовской памяти по существу остается открытым⁴⁸. Князь не назван здесь святым (что, возможно, является дополнительным указанием на раннюю дату установления праздника) и фигурирует под крестильным именем (канонизация первых святых в славянских странах, как показывает дошедшая традиция, приводила обычно к канонизации

языческих имен — Людмила и Вячеслав и даже епископ Войтех в Чехии, Владимир, Ольга, Борис и Глеб на Руси). Какие-либо литургические указания при памяти отсутствуют⁴⁹.

Сама по себе ситуация, когда креститель страны не удостоивается посмертного церковного почитания, не является для славянских стран (и региона Центральной и Юго-Восточной Европы в целом) чем-то исключительным. Напротив, среди первых правителей-христиан, ставших покровителями своих государств и народов, крестители составляют скорее меньшинство. Это Владимир Киевский (хотя вопрос о времени его канонизации продолжает оставаться нерешенным)⁵⁰, Стефан Венгерский и в какой-то мере княгиня Ольга (Людмила Чешская была канонизирована не как просветительница, а как мученица). Пожалуй, не менее существенную роль в оформлении идеи национального церковного патроната сыграло поколение детей и внуков крестителей (Вячеслав Чешский, Борис и Глеб) и представители последующих генераций (Иоанн-Владимир в Зете). В Болгарии их аналогом (хотя и не полным, поскольку он не мученик, а преподобный) выступает внук Бориса-Михаила царь Петр.

То обстоятельство, что на протяжении XI—XIII вв. (в условиях византийского владычества и с возрождением болгарского государства) культ Константина-Кирилла (и, в меньшей степени, Мефодия) приобретает ярко выраженные черты национального — «Солунская легенда», «Успение Кирилла» и др.⁵¹, свидетельствует, скорее всего, что прочных традиций церковного почитания Бориса в Первом царстве не сложилось.

Вторая болгарская память месяцеслова, помещенная под 28 апреля, посвящена событию, на первый взгляд, не столь значительному, но доселе вообще неизвестному. Бесспорно, что и она принадлежит древнейшему периоду болгарской церковно-политической истории⁵². Славянских памятней позднее IX в. в этом месяцеслове, как кажется, нет (см. ниже). Ясно, что речь идет о постройке исключительной как по значению, так, возможно (насколько можно судить по русским аналогиям XI в.), и по масштабам. Память не приурочена ни к одному из больших праздников, связанных с апостолом Петром в православном календаре (29 июня — апостолы Петр и Павел, 16 января — поклонение веригам апостола Петра), хотя нельзя не отметить ее близости к дате обновления церкви апостола Петра в Константинополе — 25 апреля⁵³.

В то же время выбор посвящения храма (апостола Петра, а не Петра и Павла) явно напоминает о связях Болгарии с апостольской столицей в 866—870 гг., вызванных стремлением создания автокефальной (или хотя бы автономной) национальной церкви⁵⁴. Отдельная дата освящения церкви апостола Петра, не имеющая, как уже говорилось, аналогов в истории южнославянских церковных месяцесловов, заставляет искать «кандидатуру» этого храма среди безымянных архитектурных сооружений Плиски или Преслава, известных по археологическим раскопкам. Наиболее вероятной представляется связь этой памяти со строительством комплекса Большой базилики в Плиске (возможно, епископской резиденции) или дворцовой церкви там же (хотя для последней более уместным кажется посвящение небесному патрону князя — архангелу Михаилу). Не исключено, что уточнить объект посвящения может помочь ориентация построек,

т. к. продольная ось храма в идеале должна быть ориентирована на точку реального восхода солнца в день престольного праздника⁵⁵. В случае цѣкви Петра ап(с)ла иже въ Бѹгарехъ это может быть 16 января или 28 июня⁵⁶. Едва ли будет излишне смелым предположить, что начало (либо завершение) строительства этой церкви напрямую было связано с деятельностью папской миссии в Болгарии в 866—870 гг. Вопрос вызывает скорее время окончания строительства (и, соответственно, освящения) храма. Если придерживаться традиционной точки зрения, то освящение церквей (кроме экстраординарных случаев) совершалось в воскресный день (или же в сам престольный праздник, если это позволяло время окончания работ). В хронологических рамках деятельности римской миссии 28 апреля пришлось на воскресение в 868 г., но такой вариант абсолютно исключен. Если бы даже к закладке церкви приступили 29 июня 866 г., накануне отъезда болгарского посольства в Рим, прибывшего туда в августе⁵⁷ в надежде на благожелательную реакцию римской курии, то за полтора сезона строительство никак не могло быть завершено. Вероятнее же начало работ уже после прибытия папского посольства в ноябре 866 г., т. е. закладка 16 января (с реальным началом строительства весной 867 г.) или 29 июня 867 г. Следующее совпадение воскресения с 28 апреля дает вполне реальную дату — 877 г., но она приходится уже на время окончательного примирения Болгарии с константинопольской кафедрой после церковного собора 870 г. Не исключено поэтому, что для освящения церкви иже въ Бѹгарехъ сознательно был выбран день, близкий к обновлению храма апостола Петра, пристроенного к Св. Софии.

Литургическая отсылка под 28 апреля — слоу(ж) н(ш) соу(б) по рожд(д)ствѣ — не вполне ясна. Из трех памятей, помещенных под этим числом — мученика Витала, Василия, епископа Амасийского («Имесийского») и освящения церкви апостола Петра — ее, с известной долей условности, можно отнести к двум последним. Однако в случае с Василием Амасийским уместнее была бы отсылка к числу и месяцу (1 января, когда празднуется память Василия Великого), хотя они и находятся в допустимых пределах от праздника Рождества. Но известна и древняя иерусалимская практика празднования памяти апостолов Петра и Павла с привязкой к Рождеству, в четвертый день после него, т. е. 29 декабря⁵⁸. С субботой по Рождеству эта дата совпадала, в частности, в 876 г., что при сентябрьском стиле косвенно подтверждает датировку освящения храма 28 апреля 877 г.

Две рассмотренные памяти, как уже говорилось, вполне уникальны (во всяком случае, на данный момент). Так, они отсутствуют (даже в редуцированном виде) во всех других доступных мне списках Апостол-Евангелия апракос XIII—XIV вв.⁵⁹ Помимо них в месяцеслове содержатся лишь две памяти славянских первоучителей. Из-за утрат в конце месяцеслова (обрывается на 24 июня евангельским чтением на день Рождества Иоанна Предтечи) нельзя установить, были ли здесь июльская память Иоанна Экзарха, память Климента Охридского и перенесения мощей тивериупольских мучеников. К числу славянских нельзя, разумеется, безоговорочно отнести память Ахиллия, епископа Ларисского (ѡца Архиліа и Паходниа): 15 мая — это день его кончины. Специальная дата празднования переноса его мощей в 986 г. царем Самуилом в Преспу, возможно, не была установлена⁶⁰.

Более сложную проблему представляет помещенная под 14 октября память $\overline{\text{сѣик}} \text{м(ч)нцѣ}$ Пятки (л. 214). Речь идет о греческой преподобной жене из Эпивата, скончавшейся на рубеже X—XI вв., чьи мощи в 1231 г. были перенесены царем Иоанном-Асенем II в Тырнов. Наименование преподобной Параскевы мученицей объясняется тем, что к этому лику принадлежали две соименные ей святые жены, чьи памяти празднуются 28 октября (Параскева Иконийская) и 26 июля (Параскева Римская). Однако эта память еще не дает оснований относить к XIII в. формирование всего месяцеслова. Известно, что само перенесение мощей в Тырнов было связано с широкой популярностью ее культа к этому времени. Память «мученицы Параскевы» (Петки, Пятки) под 14 октября нередко встречается в месяцесловах XIII—XIV вв., не содержащих других тырновских памятей и не связанных с восточной Болгарией⁶¹. Само смешение преподобной с соименными мученицами указывает скорее на ранний (дотырновский) этап распространения ее культа. В протографе рукописи ЗЕС 680 эта память могла быть глоссой, написанной на поле древнего кодекса.

Памяти славянских первоучителей в рукописи ЗЕС 680 таковы, что заслуживают быть воспроизведенными полностью.

Память Константина-Кирилла находится на л. 257 об. под 13, а не под 14 февраля (сбой в нумерации вызван, возможно, автоматической транслитерацией глаголической цифири):

Прп(д)бнаго ѿца ншего Костандина. прѣтворенаго. Нме на Кирила философа. оучителя Словѣнска. Вѣднѣ же да к. Аще се клятн въ постень. днѣ. То на лү(т)рг. Да се исправитъ ѿлѣтва. Потомъ Трѣбѣто. Та(ж) Про(к) и ап(с)ль. Н(ш). 71. нокебра. алл(г). Свѣ(т) всна праведни(м). Є҃҃(г) н(ш) .Г. окте(б). А лү(т)ргна по(с)тна.

Формулировки памяти находят близкое соответствие в заглавиях службы в Драгановой (Пама(т) прпо(д)бнаго ѿца ншего Костандина философа. прѣтворенаго нменемъ Күрнла и оучителѣ словѣнскоумъ жзыкѣ⁶²) и Добриановой праздничных минеях второй половины XIII в. и Палаузовской первой половины XIV в.⁶³ (Пама(т) прѣпо(д)бнаго ѿца нашего Костандина Философа. прѣтворенаго нменемъ Күрнла. (н — Пал.) оучителѣ (оучитель — Пал.) словѣнскоумъ (словѣнскоу — Пал.) жзыкѣ⁶⁴). Уставные указания в основном совпадают с теми, которые помещены в конце службы Палаузовской минеи: Вѣдѣти же яко сице по(д)бае(т). Аще са лоутишь въ пне(д) по(с). то на ли(т) поемъ. Да са исправитъ ѿлѣтва. По(т)мъ трѣбѣто. Про(к) и ап(с)ль. 1 алл. 1 є҃҃(г)лиє. и ли(т) пость(м)⁶⁵.

Память Мефодию помещена под обычной датой (6 апреля) на л. 264: Стѣѣ евтиха. М(ч)нцкѣ рѣ н пам(ет) Блжѣнаго Оца Мефодиа Морав(с)ьска. оучителя Словѣнска Потнвшаго в лѣта. 57.тн. Нже прѣложн. ѿ грѣкъ. Книги въ словѣнскихы. Слоу(ж) н(ш) кѣ Окте(б).

Литургическое указание относится, по всей вероятности, ко второй из памятей, т. к. основные памяти 21 октября — преподобного Илариона Великого и троих мучеников никоимидийских. Преподобническая служба не соответствует святителям Евтихию (патриарху константинопольскому) и Мефодию, тогда как отсылка от памяти персидских мучеников к мученической службе вполне оправдана.

Эта память имеет аналогию (хотя и не полную) в месяцеслове Охридского апостола конца XII в.: Въ тожде днѣ почн блаженъ ѿць нашъ Мефодие. архієпископъ моравескъ оучитель словѣнскоу жзыкѣ нже прѣложн въскресѣна. ставъ писати от гретъска въ словѣнскъ жзыкѣ⁶⁶. Вызывает некоторое удивление дата 6318 (т. е. 810) г. Велик соблазн ви-

деть в ней не испорченную дату кончины, а год рождения (которым, как известно, наука не располагает, но который, исходя из известных биографических фактов, выглядит вполне приемлемым, хотя и предельно ранним⁶⁷). Для этого, правда, необходимо допущение, что в источнике памяти (как в современном надгробии) читались обе даты — рождения и смерти, вторая из которых была опущена. Однако от такого предположения, безусловно, следует отказаться. В этом случае Мефодий являлся бы абсолютным исключением во всем европейском Средневековье, где даты рождения могли фиксироваться лишь для монархов, да и то не всех. Обычный же способ установления примерной даты рождения того или иного исторического лица состоит в соотнесении даты смерти с известием (если таковое имеется) о продолжительности его жизни.

Зная реальную дату кончины Мефодия (6 апреля 885/6393 г.) нетрудно (и в то же время бесполезно) проследить ее трансформацию от архетипа к дошедшему списку. И здесь вновь не обойтись без обращения к версии глаголического оригинала. Исходная дата в глаголице будет записана как Ѡ.Ѣ.Ѧ.Ѧ.Ѣ (Ѡ.Ѣ.Ѧ.Ѧ.Ѣ). При передаче числа десятков возможны два варианта ошибки. Первый состоит в автоматической транслитерации из глаголицы в кириллицу без учета разницы числового значения (соответственно 90 и 80)⁶⁸. В рукописи ЗЕС 680 представлен второй тип ошибки. П смешано при транслитерации с очень близким (в глаголице) по начертанию Н (числовое значение в кириллице — 50). В свою очередь, кириллическое Н очень легко смешать с И (8). Последняя из букв-цифр была транслитерирована правильно (глаголическое В на кириллическое Г), однако букву Г нетрудно спутать с І (10), если буквы пишутся под двумя титлами (что в южнославянских рукописях достаточно обычно), либо в том случае, когда горизонталь Г в ветхой рукописи затерта. Прочтение единиц как десятков может дополнительно спровоцировать (особенно учитывая порядок записи цифр во втором десятке, где единицы помещаются на первом месте) и прочтение десятков как единиц (6318 вм.: 6353).

Есть в месяцеслове и одна «болгаризированная» память, заставляющая вспомнить о мифическом Григории, епископе Мисийском. На л. 262 об. под 21 марта помещена память мѣсѣца н ѣдѣнѣца Борѣла н Финѣдона. В звучании первого из имен слышится живой отголосок болгарской истории раннего XIII в., память о царе-узурпаторе, но, кажется, этим отголоском связь этой памяти с южными славянами и ограничивается. Из других месяцесловов явствует, что речь идет о св. Вирилле («Воуриле»), епископе Катанском, ученике апостола Петра. Известно, что в славянских месяцесловах это имя передается чаще как «Кирилл»⁶⁹. Это распространенное искажение в сочетании с наименованием епископской кафедры привело к возникновению легендарного известия, что псевдосоименный Вириллу славянский первоучитель был епископом в «Катаоне» граде (или «Канаоне», «Каоне» — гибрид Катании и Паннонии), отразившегося, в частности, в проложном житии Константина, а через него и в ряде других текстов (наиболее ранние — русские списки службы Кириллу Философу и житие Мефодия в составе русских списков Пролога Константина Мокисийского⁷⁰). На фоне этого сюжета никакие мыслимые искажения имени⁷¹ не кажутся чрезмерными.

Несомненно, месяцеслов ЗЕС 680 заслуживает в дальнейшем самого пристального изучения⁷². Здесь же стоит отметить следующее. Наиболее поздняя греческая память в нем (не считая Параскевы-Петки) относится к ранней кирилло-мефодиевской эпохе. Это память (6 марта) 42 аморейских мучеников (и $\overline{\text{сѣ}}\overline{\text{х}}\overline{\text{и}}\overline{\text{ч}}\overline{\text{н}}\overline{\text{к}}\overline{\text{ь}}$ новых $\overline{\text{тѣ}}$ — л. 260), датируемая 847 г. (Сергий 1901/1997 2: 65; 3: 95—96).

Лексика месяцеслова отличается заметной архаичностью. Так, для обозначения Собора архангела Михаила (8 ноября, л. 225) употреблено слово «снемь», 23 января помещена память (л. 254) чистителя священномученика Климента (Анкирского). Лексические архаизмы, как это нередко в рукописях XIII в., сочетаются со значительными орфографическими новациями. Напомню, что обе болгарские памяти содержат весьма ранний пример написания ОУ на месте -ЛЪ- (-ЛЬ-): $\overline{\text{б}}\overline{\text{у}}\overline{\text{г}}\overline{\text{а}}\overline{\text{р}}\overline{\text{ь}}\overline{\text{с}}\overline{\text{к}}\overline{\text{а}}$ (л. 263); $\overline{\text{в}}\overline{\text{ь}}$ $\overline{\text{б}}\overline{\text{у}}\overline{\text{г}}\overline{\text{а}}\overline{\text{р}}\overline{\text{ь}}\overline{\text{с}}\overline{\text{ь}}$ (л. 265)⁷³.

Наконец, нужно сказать несколько слов и о самой рукописи, преподнесшей исследователям этот сюрприз, поскольку существующие ее описания⁷⁴ весьма кратки и неполны.

Рукопись ЗЕС 680 — пергаменный кодекс размером 22,5—23 × 17 см, состоит в настоящее время из 274 (1 + 273) листов. Первоначально объем рукописи был больше — не менее двух тетрадей утрачено в конце (текст обрывается на месяцеслове под 24 июня, чтением на Рождество Иоанна Предтечи), кроме того, по одной тетради утрачено между листами 57 и 58 (тетрадь 7 по первоначальной нумерации), 145 и 146 (тетрадь 16), 216 и 217 (тетрадь 26), по одному листу между л. 82 и 83, 97 и 98. Пергамен весьма разнится по качеству: л. 81 сшит из двух частей до написания кодекса. Листы 24, 29, 62, 138, 223 очень тонкие, из-за чего оборот л. 24 не записан, а обороты других листов записаны лишь частично. Л. 12 разорван. Листы в начале и в конце рукописи в пятнах сырости, покорежены. На л. 2 текст угас на верхней строке и несколькими небольшими участками в разных местах наведен позднее.

В. А. Мошин датировал рукопись второй половиной XIII в.⁷⁵ (эта же датировка повторена В. Ф. Покровской в СК XI—XIII), но не исключена и более поздняя дата — рубеж XIII—XIV вв. и даже начало XIV в. По письму и по оформлению рукопись явно провинциальна, и это обстоятельство заставляет делать допуск в сторону некоторого ее омоложения. Писец ЗЕС 680 пишет буквы достаточно толстой линией, практически без различия жирных и тонких. Почерк кодекса, сочетающий архаичные (например, 3 с хвостом, загнутым влево) и младшие (Ч одностороннее) начертания, обнаруживает определенное сходство с почерком сербского Требника, части которого находятся в нескольких собраниях России: РНБ, О.п. I. 14 (СК XI—XIII, № 400), Гильф. 70 (СК XI—XIII, № 345), ГИМ, Хлуд. 121, РГБ, Григ. 35⁷⁶. По поводу датировки этой рукописи среди специалистов-палеографов до последнего времени не было единого мнения (из-за чего в СК XI—XIII помещено описание только петербургских ее частей): В. М. Загребин датировал ее концом XIII в., а Н. Б. Тихомиров — ранним XIV в.⁷⁷ Вообще проблема датировки сербских архаичных некаллиграфических почерков XIV в. (как, впрочем, архаичных почерков в целом) разработана явно недостаточно (при том, что отклонения в их датировке могут порой приближаться к столетию)⁷⁸, но она выходит за рамки данной статьи, поэтому здесь я ограничусь более широкой датировкой кодекса

ЗЕС 680. Рукопись имеет первоначальную нумерацию тетрадей. Орфография — выдержанная рашская старшего периода. Переплет моложе самой рукописи, но старый — возможно, XIV в.

Орнаментика кодекса достаточно скромна и выполнена, вероятно, самим писцом. Наиболее значительное оформление имеет заголовок месяцеслова. Здесь на л. 212 об. помещена заставка-рамка трапециевидной формы (расширяется книзу) южнославянского стиля — жгутовидное плетение, рисунок чернилами, с раскраской киноварью. На л. 103 об., 180, 223, 230, 242 об., 254 об. заставки-разделители жгутовидного плетения, киноварью и чернилами, на л. 255 — только чернилами. На л. 3 об. концовка-держатель — буква *Е* с рукой. На л. 60, 72, 136 около заголовков маргинальные украшения-указатели на полях: в первом случае плетеный, киноварью и чернилами, в других — из крестиков и точек киноварью и чернилами. Инициалы южнославянского стиля, выполненные киноварью и чернилами, тонкие киноварные и типа тонких, украшенные (позднее?) чернильными точками. В заголовках — вязь киноварью, в месяцеслове из чередующихся киноварных и чернильных букв.

Весьма интересен в перспективе дальнейших исследований первый лист кодекса, не входящий в счет тетрадей и, возможно, относящийся к другой рукописи. На лицевой его стороне (кроме последних трех строк, оставшихся чистыми) просматривается сильно выцветший и затертый текст, не читаемый невооруженным глазом. Почерк по общему облику заметно отличается от письма кодекса, имеет небольшой наклон вправо, последние три строки, как кажется, написаны всячим письмом. Почерк производит впечатление древнего, во всяком случае, не моложе письма кодекса; определить языковой извод не представляется возможным.

На л. 1 затертая неразборчивая греческая запись (XVIII в.?). На л. 22 на нижнем поле, почерком писца: *ωψε μι ζεβνε ροϋκαδα и νογαδα*. На л. 117, на нижнем поле, тем же почерком: *σικ на вєнтιανник днакоϋ и нєвє(с)тє*. На л. 141 об. две поздние (XVIII в.?) греческие записи (на верхнем поле и вдоль текста) затертые, не читаются; то же на л. 142 об. На л. 142 подстрочная греческая запись тем же (?) почерком: *Υηκολαοσ (!) αμαρτολοσ (!) [ηεροσ]*. На л. 212 вдоль левого поля тем же почерком: *Υηκολαοσ (!) ηεροσ αμαρτολοσ (!)*. На л. 255 на поле грифонаж пером чернилами — подражание плетеной заставке. На л. 259 вдоль поля выскобленная запись (писца?). На л. 273 об. вдоль левого поля, почерком писца: *ох да ворн зло хартне*.

Кроме утрат тетрадей и листов, отмеченных в печатных описаниях, имеется и значительная лакуна в месяцеслове, между л. 216 и 217 (тетрадь 26). Текст на л. 216 об. обрывается на чтении из Апостола 4 сентября, на словах: *братню нарнцати да м(с)твнвьн боудеть и вѣрнь тпситель каже къ боу. оцстн...* (Евр. 2:17). Л. 217 начинается уставными указаниями на 24 сентября. Утрачена таким образом большая часть сентябрьского месяцеслова, о чем можно лишь пожалеть, принимая во внимание гипотезу В. Н. Златарского о том, что крещение Болгарии состоялось в день Воздвижения Креста — 14 сентября⁷⁹. Принимая во внимание болгарские памяти под 28 марта и 28 апреля, вовсе не кажется невероятным предположение, что память этого знаменательного события тоже могла быть отмечена в месяцеслове данной рукописи.

По содержанию рукопись ЗЕС 680, как уже сказано, представляет Апостол-Евангелие апракос (краткий), т. е. сборник, состоящий из чередующихся чтений

Апостола и Евангелия от Пасхи до Страстной седмицы и в порядке месящеслова с сентября по август (попутно следует заметить, что все месяцы, за исключением сентября, имеют в этой рукописи и славянские названия). Такой тип сборника новозаветных литургических чтений явно недостаточно изучен исследователями, занимающимися славянским переводом Библии. В свое время тему начала разрабатывать Л. П. Жуковская, выдвинувшая (на материале сравнительно небольшого числа списков) предположение, что этот тип книги может соответствовать первоначальному объему евангельского текста, переведенного Кириллом Философом⁸⁰. В последние годы к изучению вопроса с той же целью обратился Т. Крыстанов⁸¹. В результате анализа состава евангельских чтений выявилась картина столь пестрая и неоднородная, что однозначный вывод сделать (во всяком случае пока, без привлечения новых источников) весьма затруднительно⁸². Наличие в месящеслове Апостол-Евангелия болгарских памятней IX в., не получивших в дальнейшем распространения, представляет существенный интерес и для датировки самого памятника. Разумеется, месящеслов нельзя безоговорочно отождествлять со сборником в целом, поскольку в промежутке между второй половиной IX в. и рубежом XIII—XIV вв. возможностей для возникновения самых различных комбинаций было более чем достаточно. Но нельзя и полностью игнорировать подобную датирующую примету. Очевидно, что и сама рукопись ЗЕС 680, и тип книги в целом нуждаются во внимательном изучении.

Месящеслов Апостол-Евангелия ЗЕС 680, в конечном итоге восходит, очевидно, к месящеслову кодекса либо дворцовой церкви в Плиске, либо архиепископского собора (церкви апостола Петра?). Первая версия кажется более вероятной, т. к. во втором случае следовало бы ожидать большей известности новонайденных памятней. То, что этот месящеслов дошел до нас в сербском списке, не свидетельствует, скорее всего, о каких-то особых связях Сербии с Плисской и Преславом, минуя Охрид. Очевидно, это следствие неразберихи и децентрализации в миграции книг в западные области Первого царства после византийского завоевания восточной Болгарии. Но в известном смысле обнаружение древнейших болгарских церковных памятней в месящеслове именно сербской рукописи (равно как и последние находки и атрибуции памятников древнейшей славянской гимнографии в сербских богослужебных книгах XIII—XIV вв.)⁸³ при всей его случайности глубоко закономерно. Это лишнее свидетельство того, сколь значительную роль сыграла чрезвычайно стабильная сербская традиция XIII — первой половины XV в. в сохранении древнейшего славянского (и в том числе болгарского) литературного наследия⁸⁴.

Примечания

¹ Из новейших работ по ранним месящесловам славянских Евангелий и Апостолов см.: *Скоморохова-Вентурины Л.* Месящеслов как памятник языка и культуры (На материале Церколезского апостола и Баницкого евангелия) // «Полата књигописњана». Nijmegen. 1985. № 14—15. С. 122—131; *Стефановић Д.* Прилог проучавању месецослова XIII и XIV в. // *Јужнословенски филолог*. Београд, 1989. Т. 45. С. 137—160; *Коцева Е.*,

Атанасов А. Особенности в съдържанието на Апостол № 882 от Народната библиотека «Св.св. Кирил и Методий» в София // Кирило-Методиевски студии (КМС). Кн. 8. София, 1991. С. 292—319; *Они же*. Цариградският месецослов от X в. и календари в български писмени паметници // Хиляда и осемдесет години от смъртта на св. Наум Охридски. София, 1993. С. 214—241; Кирилло-Методиевска енциклопедия (КМЕ). София, 1995. Т. 2. С. 630—632; *Ковязина Н.* Месяцеслов славянского апракосного Евангелия XI—XVI вв.: сентябрь // *Palaeobulgarica*. 1997. № 3. С. 31—53; *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. М., 2002. Вып. 1 (СК XIV). С. 98—168, 209—460, 562—587 (здесь помещены дополнительные сведения о месяцесловах рукописей XII—XIII вв.), 593—599, 603—611.

² Еще одна память, встречающаяся в древнерусских месяцесловах и обычно определяемая как болгарская, является результатом недоразумения, исследовательской фикцией, обросшей значительной историографией. Это память Григория, епископа Мизийского, читающаяся в месяцеслове Остромирова евангелия 1056 г. под 8 января — «память святаго Григора епископа Мусии» (Остромирово евангелие 1056—1057 года. Изд. А. Востоковым. СПб., 1843. Л. 262 об.). В искаженном виде она помещена также в месяцеслове западноболгарского Охридского апостола конца XII в. «Память святому Григорию епископу и Моисею» (*Кульбакин С. М.* Охридская рукопись Апостола конца XII в. София, 1907 (= Български старини. Кн. 3). С. 122). К. И. Невоструев предположительно отождествил этого Григория с соименным переводчиком эпохи царя Симеона, позднее возведенным в епископский сан и после смерти канонизированным (*Невоструев К. И.* Исследование о Евангелии, написанном для Новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII в., в сличении с Остромировым списком, Галичским и двумя другими XII и одним XIII в. // Мстиславово евангелие XII в. М., 1997. С. 423—424). Мнение это поддержал и развил А. И. Соболевский, считавший возможным атрибутировать перу этого епископа ряд сочинений, не имеющих соответствия в греческой традиции и носящих имя Григория в заглавии (*Соболевский А. И.* К истории церковно-славянской учительной проповеди // ИОРЯС. СПб., 1908. Т. 13. Кн. 4. С. 267), а в наши дни — Б. Ст. Ангелов (*Ангелов Б. Ст.* Към въпроса за книжовното дело на Презвитер Григорий Мних // Старобългарска литература. София, 1977. Кн. 3. С. 48—55). В качестве болгарской эта память фигурирует и в научно-справочной литературе (КМЕ. Т. 2. С. 630). Архиепископ Сергей (Полный месяцеслов Востока. Т. 1. 2-е изд. Владимир, 1901 (репринт: М., 1997). С. 116, 127; Т. 2. С. 8) ошибочно относил кончину этого епископа Григория к началу XI в., датируя ее 1012 г. (1022 г. (Там же. Т. 1. С. 127) — явная опечатка), т. е. уже ко времени византийского владычества в Восточной Болгарии. Причина ошибки заключается в неверной интерпретации и прочтении даты надписи (*Невоструев К. И.* Исследование о Евангелии... С. 424) с именем епископа Григория, обнаруженной В. И. Григоровичем в охридском соборе Св. Софии (*Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877. 2-е изд. (репринт: София, 1978). С. 100; Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915. С. 143). В действительности надпись датируется 1317 г. (*Иванов И.* Български старини из Македония. 2-е изд. София, 1931 (репринт: 1970). С. 34—35; следует заметить, что такой датировкой не исключал и В. И. Григорович — см. выше) и, соответственно, к историческим деятелям X—XI вв. отношения не имеет. Однако видеть в «Григории, епископе Мусии», болгарского иерарха времени Симеона или Петра тоже нет никаких оснований. Хотя «Мисия» византийских источников это Болгария (КМЕ. Т. 2. С. 656—659), наименование «мисийским» епископа болгарской автокефальной церкви в X в. в оригинальном, а не переводном, источнике этого времени представляется маловероятным. Болгария име-

нуется Мизией только в переводных памятниках либо в текстах, опирающихся на греческую традицию, при этом значительно более позднего времени (проложное житие Климента Охридского архиеп. Димитрия Хоматиана, второе житие Наума Охридского). Поэтому естественнее было бы видеть в епископе Григории греческого архиерея одной из мизийских провинций в доболгарский период (до 681 г.). Но, по всей видимости, дело обстоит еще проще. Другие рукописи содержат память епископа (или архиепископа) Григория под 10 января. Подобное колебание в датах вещь для ранних рукописей вполне допустимая (*Сергий, архиеп.* Полный месяцеслов... Т. 1. С. 114—135), особенно учитывая числовое значение разных вариантов буквы И (10 и 20 в глаголице, 8 и 10 в кириллице). Под 10 января память Григория читается, например, в Мстиславова евангелии начала XII в. (Апракос Мстислава Великого / Изд. подг. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М., 1983. С. 251; указание Б. Ст. Ангелова (Към въпроса... С. 50), что здесь фигурирует Григорий Мисийский, ошибочно), Румянцевском Обиходе первой половины XIV в. (РГБ, ф. 256, № 284 — см.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2. Прилож. 5. С. 588), Прологе Константина Мокисийского (*Сергий, архиеп.* Полный месяцеслов... Т. 2. С. 10). В этих памятниках Григорий назван (архи)епископом Нисийским («Нусийский», «Ноусийский») или Нисским («Ноусьский»), т. е. речь идет об одном из отцов церкви, младшем брате Василия Великого, умершем после 394 г. Осмысление прилагательного «нисийский» как «мисийский» («мусийский») скорее всего произошло в Болгарии, но к болгарской истории этот факт можно отнести лишь в качестве курьеза [*Примеч. 2010 г.*: В момент написания работы мне, к сожалению, была неизвестна вышедшая незадолго до этого статья О. В. Лосевой «Одна из загадок месяцеслова Остромирова Евангелия» (Румянцевские чтения. М., 1996. Ч. 2. С. 56—60), в которой автор на том же круге источников пришла к тем же выводам. См. также: *Лосева О. В.* Русские месяцесловы... С. 80—81].

Такие «ложные» памяти никогда в реальности не существовавших (либо не канонизированных) лиц могут появляться в месяцесловах и позднее. Механизмы их появления достаточно многообразны, и ряд примеров рассмотрен далее в статье. Здесь хотелось бы упомянуть только один, формально тоже связанный с эпохой Первого царства. В русском (вероятнее всего, московском) иллюстрированном календаре второй четверти XVI в., украшенном копиями бургундских миниатюр XV столетия (атрибуция Ю. А. Неволлина) с изображениями символов месяцев и знаков зодиака (РГБ, собр. Общества истории и древностей Российских, № 229) читается под 21 марта память Козмы Пресвитера. Свидетельство уникально, однако напрашивающийся сам собой вывод о канонизации и церковном почитании этого древнеболгарского книжника при внимательном рассмотрении оказывается поспешным. Версия была бы вполне убедительной, если бы (как в случае с Иоанном Экзархом) речь шла о более древней восточнославянской рукописи — не позднее XIV в. (или, в крайнем случае, раннего XV, но только для кодекса провинциального происхождения). В XV в. на Руси повсеместное распространение получает месяцеслов Иерусалимского устава, который, как уже говорилось выше, древнейших славянских памятней не содержит. Анахронизм месяцеслова из собрания ОИДР объясняется особенностями бытования «Беседы» Козмы Пресвитера в русской книжности. При изучении набора памятней, входящих в рукопись, выясняется, что составитель месяцеслова использовал два источника — основной (Иерусалимский устав) и дополнительный. Этим дополнительным источником был Пролог в редакции Константина Мокисийского, многие списки которого включают под 21 марта «Слово Козмы Пресвитера о отходящих в черные монашеские ризы» (*Бегунов Ю. К.* Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973. С. 41—49, 410). Из-за невнимательного прочтения Козма из автора поучения превратился под пером книжника XVI в. в персонаж месяцеслова.

³ Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 1. С. 56.

⁴ О почитании этих святых у южных славян см.: *Павлович Л.* Култови лица код Срба и Македонаца (Историјско-етнографска расправа). Смедерево, 1965. С. 20—25; *Павлова Р.* Петър Черноризец — старобългарски писател от X в. София, 1994 (= КМС. Кн. 9). С. 23—26.

⁵ Распространение культа Иоанна Рыльского в широких масштабах на Руси относится к концу XIV — XV вв. и непосредственно связано с появлением здесь Иерусалимского устава и Стишного пролога, содержащего жития болгарских и сербских святых (*Турилов А. А.* Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 39—44). Особняком стоит память рыльского пустытника в месяцеслове (л. 245) Галицкого евангелия 1144 г. (ГИМ, Син. 404 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984 (СК XI—XIII), № 53). Память (как и весь месяцеслов) относится к числу позднейших добавлений (это обстоятельство не учел В. А. Мошин — см.: *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей XI—XV вв. // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рожд. В. А. Мошина. СПб., 1998. С. 105 (1-е изд. // ТОДРЛ. 19. 1963. С. 28—106)), но традиционная датировка этой части кодекса (л. 229—260) XIV в. (*Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1855. Т. 1. Отд. 1. С. 214; СК XI—XIII. С. 94) неоправданно омоложена. По графико-орфографическим особенностям и художественному оформлению ее следует датировать второй половиной XIII в. или рубежом XIII—XIV вв. (см.: *Лосева.* Русские месяцесловы... С. 82—83; СК XIV. Прилож. 1. С. 562—563); по сути, она современна Галицкому евангелию 1266—1301 гг. (РНБ, Ф.п.1.64; СК XI—XIII. № 179). В месяцеслове имеется также (что не отмечалось исследователями) память Параскевы-Петки — 14 октября, л. 245: и сѣтъя моу(т)ца параскыкыа. По всей вероятности, этот месяцеслов восходит к среднеболгарскому оригиналу и должен рассматриваться как памятник болгарско-галицких культурных связей XIII в., обнаруживающий известную параллель с судьбой Рязанской Кормчей 1284 г.

⁶ КМЕ. Т. 2. С. 171.

⁷ Вероятнее всего, июльская память отмечает дату назначения Иоанна экзархом или же его поставления в епископы (см. ниже), но возможно и другое объяснение. В датах обоих месяцесловов совпадает, как нетрудно заметить, не только число, но (при допущении разных календарных стилей) и порядковый номер месяца: январь 11-й месяц мартовского стиля и 5-й сентябрьского, июль — наоборот. Правда, славянский календарь (как и византийский) не знает системы обозначения месяцев порядковыми числительными, но она характерна для протоболгарского летосчисления, которое (по крайней мере периодически) продолжало употребляться в Болгарии и в X в. (дата крещения Болгарии в приписке Тудора Доксова к переводу Слов Афанасия Александрийского 907 г.). Поэтому нельзя безоговорочно исключить возможности того, что и в белградском, и в московском месяцеслове имеется в виду одна и та же дата, только в одном из них она ошибочно приурочена к сентябрьскому стилю. Вопрос о том, какая же из этих дат правильна, остается в этом случае, естественно, открытым. [*Примеч. 2009 г.*: В настоящее время можно определенно говорить о том, что июльская память Иоанна Экзарха известна и в южнославянской (сербской) традиции и даже не является в ней исключительной редкостью. Помимо приведенных О. В. Лосевой (*Лосева.* Русские месяцесловы... С. 54) примеров из Евангелий тетр XIII в. (Дечаны-Црколез, 1 и София, НБКМ, 844) можно указать еще два: 1) Афон, Пантелеймонов монастырь, Слав. 77. Евангелие тетр первой трети XIV в., отрывок, л. 3 об. (см.: *Турилов А. А.* Сербские отрывки XIII—XVI вв. в собрании Русского Пантелеймонова

монастыря на Афоне. Ч. 1 // Археографски прилози. Београд, 2006. Бр. 28. С. 58, 87; № 3, илл. 9); 2) Евангелие тетр кон. XIII (?) — перв. трети XIV в. из старого собрания Народной библиотеки Сербии, № 102 (Стоянович, № 45), л. 316 (кодекс принадлежит, по всей видимости, к числу пропавших в Нише во время эвакуации 1915 г., обнаружен недавно в одном из германских собраний А. Ю. Чернодаровым). Во всех случаях праздник определяется как «священие» Иоанна Экзарха. В новейшей российской литературе (Лосева. Русские месящесловы... С. 53—54, 79—80) высказывается сомнение в том, что июльская память имеет отношение к болгарскому церковному деятелю эпохи царя Симеона, и предполагается, что речь идет здесь о Иоанне Златоусте.

⁸ Асеманиево евангелие. Факсимилно издание. София, 1981. Л. 152—152 об.

⁹ Струмички (македонски) апостол. Скопје, 1990. С. 342.

¹⁰ Срезневский И. И. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868. С. 84.

¹¹ Сергий, архиеп. Полный месящеслов... Т. 2. С. 369.

¹² «Обновление» Царьграда в 330 г. — 11 мая (Там же. С. 178).

¹³ См.: Там же. Т. 3. С. 655—656; Т. 1. С. 412—416 (месящеслов устава Великой церкви).

¹⁴ Памяти землетрясений: 26 октября (740 г.), 14 декабря (557 г.), 26 января (447 г.), 16 августа (554 г.); «праха, падшего от воздуха» — 6 ноября (472, 473, или 474 г.).

¹⁵ 5-я суббота Великого Поста («акафистная суббота») — память избавления Константинополя от осады войсками шаха Хосроя и аварами в 626 г.; 5 июня (то же); 16 августа (память избавления от осады арабами в 717 или 718 г.).

¹⁶ О ее судьбе в средневековой болгарской общественно-политической мысли см.: Търкова-Займова В. Българо-византийските отношения в концепциите за «втория» и «третия» Рим // *Studia balcanica*. Sofia, 1983. Vol. 17. С. 30—36; Търкова-Займова В. Les idées de Rome et de la Seconde Rome chez les Bulgaries // *Da Roma alla terza Roma*. Roma, 1983. Vol. 1. P. 387—397.

¹⁷ Это молчание месящесловов особенно заметно на фоне без преувеличения огромной градо- и храмозданной деятельности в Болгарии времен Бориса и Симеона.

¹⁸ Franclin S. The Empire of «Romaioi» as viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantino-Russian Cultural Relations // *Byzantion*. 1983. Vol. 53, № 2. P. 507—511; Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991 (= *Slavische Propädeä*. Vol. 278). С. 36—38.

¹⁹ Сергий, архиеп. Полный месящеслов... Т. 1. С. 133, 306—307.

²⁰ Воронин Н. Н. Сказание о победе 1164 г. над болгарам и празднике Спаса // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 88—92.

²¹ См.: Флоря Б. Н. К генезису легенды о «дарах» Мономаха // Древнейшие государства на территории СССР 1987. М., 1989. С. 185—188.

²² Vašica J., Vajs J. *Soupis staroslovanských rukopisů Národního Musea v Praze*. Praha, 1957. S. 36; Лосева О. В. О землетрясениях в греческих и древнерусских месящесловах и об особенностях Холмского Евангелия XIII в. // Записки ОР [РГБ]. М., 2000. Т. 51; Она же. Русские месящесловы... С. 104—105.

²³ Различные ситуации с национальным месящесловом у южных славян и на Руси весьма напоминает положение дел в области летописания. При широкой практике памятных надписей и записей в Болгарии (где она имеет значительную дославянскую — грекоязычную — традицию Первого царства) и Сербии ведение погодных записей не получило здесь сколько-либо заметного распространения (во всяком случае, до конца XIV в.). Похоже, что византиноцентричная концепция истории, свойственная южнославянской средневековой идеологии (и выразившаяся на практике в переводах византийских хроник — ср.: Буланин. Античные тради-

ции... С. 37—38), в той же мере препятствовала развитию местной историографии в форме анналистики, как и формированию развитого национального месяцеслова.

²⁴ Например, в описаниях сербского Евангелия апракос XIII в. Ватикан, Slavo 4 (см.: *Васиљев Љ.* Ново датирање српских рукописа у Ватиканској библиотеци // АП. Београд, 1979, Бр. 1. С. 46; *Джурова А., Станчев К., Јпундџич М.* Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека. София, 1985. С. 67—69) не отмечено наличие в месяцеслове памяти Борису и Глебу 24 июля (л. 267 об.); попутно замечу, что на л. 47 на нижнем поле имеется запись писца (ω горѣ тѣѣ вѣднѣ грѣшнѣ), также не зафиксированная описателями (см.: *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000 (репринт: 2004). С. 130. Примеч. 1; *Турилов А. А.* К истории ростовского владычного скриптория XIII в.: старые факты и новые данные // Хризограф. М., 2009. Вып. 3 (Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи). С. 222. Илл. 7). Рукопись, о которой идет далее речь в статье, описана за последнее время два раза (*Мошин В. А.* Южнославянские рукописи в Архиве ЛОИИ // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 200; СК XI—XIII, № 331). К сожалению, в целом в СК XI—XIII фиксация славянских памятней в месяцесловах носила необязательный характер. При описании рукописей для СК XIV это требование стало обязательным (правда, как выясняется теперь, в рамках стандартного набора памятней), однако, ввиду большого объема материала, полноценные сведения могут быть получены лишь в результате специальных исследований.

²⁵ *Примеч. 2010 г.:* Собственно говоря, неизвестной в момент написания работы являлась только первая из рассматриваемых ниже памятней, поскольку вторая (освящения церкви во имя ап. Петра под 28 апреля) была отмечена еще за 10 лет до этого в статье Д. Стефановича (*Стефановић Д.* Прилог проучавању месецослова... С. 147, 151), известной мне в то время только по библиографии. Меня оправдывает в определенной степени лишь то обстоятельство, что глубокоуважаемый коллега Стефанович (которому я, пользуясь случаем, приношу самые искренние извинения) не заметил в месяцеслове рукописи памяти под 28 марта, имеющей, безусловно, ключевое значение и позволяющей с большой степенью уверенности трактовать и память под 28 апреля тоже как болгарскую (ср.: Там же. С. 147).

²⁶ Здесь и далее с прописной буквы даются (кроме имен собственных) слова, начинающиеся в рукописи с киноварной.

²⁷ О восстании боилов и его подавлении подробнее см.: *Златарски В. Н.* История на България през средните векове. София, 1971, Кн. 1. Ч. 2. С. 68—82; *Гюзелев В.* Княз Борис Първи: България през втората половина на IX в. С., 1969. С. 214—220; Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 46, 47, 62.

²⁸ КМЕ. София, 1985. Т. 1. С. 492—493.

²⁹ *Tarnanidis I.* The Slavonic Manuscripts, discovered in 1975 at St. Catharines Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988. Табл. II, 9—10, 6.

³⁰ «О крещении его стало известно, и оно вызвало восстание всего народа. Неся знак на груди божественного креста, Борис с многочисленными соратниками разбил мятежников, а остальных уже не тайно, а вполне явно обратил в ревностных христиан» (Продолжатель Феофана / Перевод подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1991. С. 73).

³¹ *Златарски.* История... Кн. 1. Ч. 2. С. 68—69; *Dujčev J.* Legendes byzantines sur la conversion des bulgares // Medioevo Byzantino-Slavo. Roma, 1970. Т. 3. Р. 69; *Чешмедџиев Д.* Към въпроса за култа на Архангел Михаил в средновековна България // Palaeobulgarica. 1996. № 1. С. 52—61.

³² *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Стлб. 647.

³³ Хелимский Е. А. Ранняя славянская христианская терминология в венгерском языке // XI Междунар. съезд славистов. Славянское языкознание. М., 1993. С. 46, 54—55; Успенский Б. А. Крест и круг (Из истории христианской символики). М., 2006. С. 89—90. Примеч. 52.

³⁴ Хелимский. Ранняя славянская христианская терминология... С. 54—55.

³⁵ Позднее слово «кръсть» в том же значении было обнаружено в древнейшем переводе «Римского Патерика» (см.: Минчева А. Архаичната употреба на думата КРЪСТЪ в старобългарския превод на Римския Патерик // Език и история на българските средновековни текстове: Сб. в чест на Е. Дограмаджиева. София, 2001 (= КМС. Кн. 14). С. 45—53), однако — насколько могу судить — это обстоятельство нимало не влияет на вывод о его архаичности и происхождении.

³⁶ Златарски. История... Кн. 1. Ч. 2. С. 68—69; *Dijčev. Legendes byzantines...* P. 69; *Чешмеджиев. Към въпроса за култа на Архангел Михаил...* С. 52—55.

³⁷ Латински извори за българската история. София, 1960. Т. 2. С. 80—81; *Златарски. История...* Кн. 1. Ч. 2. С. 73).

³⁸ *Златарски В. Н. Намереният в Албания надпис с името на българския княз Борис-Михаил // Златарски В. Н. Избрани произведения. Т. 1. София, 1972. С. 267—272 (1-е изд.: // Slavica. Praha, 1923—1924. Vol. 2); Он же. История...* Кн. 1. Ч. 2. С. 55—56).

³⁹ Обзор мнений и историографию см.: *Wasilewski T. Bizancium i slowiane w IX wieku. Warszawa, 1972. S. 138—146.*

⁴⁰ *Златарски. История...* София, 1970. Кн. 1. Ч. 1. С. 448—457.

⁴¹ Там же. София, 1971. Кн. 1. Ч. 2. С. 56.

⁴² *Wasilewski. Bizancium i slowiane...* S. 138—146.

⁴³ *Wasilewski. Bizancium i slowiane...* S. 137.

⁴⁴ Латински извори... С. 80—81.

⁴⁵ Принятие христианства... С. 46—47.

⁴⁶ Весьма интересно предположение Н. Гаговой-Георгиевой (*Георгиева Н. Към въпроса за почитанието на княз Борис I като светец // КМС. София, 1991. Кн. 8. С. 187—188*) о том, что память князя Бориса-Михаила 2 мая в месяцесловах была вытеснена на Руси памятью перенесения мощей Бориса и Глеба, приходящейся на тот же день (при этом приурочение данного события к этой дате само могло быть инициировано соименностью святых). Слабым звеном гипотезы является полное отсутствие памяти болгарского князя в южнославянской традиции XI — первой половины XIV в. (в связи с этим следует указать, что ставшее уже традиционным отождествление (см., к примеру: *Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — нач. XV вв. М., 1980. С. 16—17; Кат. № 1*) с Борисом-Михаилом св. князя, изображенного на миниатюре в рукописи Учительного Евангелия Константина Преславского (ГИМ, Син. 262), в последнее время было убедительно оспорено А. С. Преображенским в гл. 4 его диссертации «Ктииторские портреты средневековой Руси и их воздействие на русскую иконографию (XI—XV вв.)», защищенной в 2004 г.; пользуюсь случаем поблагодарить автора за возможность ознакомиться с работой до публикации). Очевидно, небесполезно было бы изучение формуляра памяти 2 мая в месяцесловах, хотя надежды обнаружить следы ее трансформации из болгарской в русскую, как кажется, не слишком велики.

⁴⁷ *Dijčev J. Legendes byzantines...* P. 50—72; *Чешмеджиев. Към въпроса за култа на Архангел Михаил...* С. 52—61.

⁴⁸ Обстоятельный обзор мнений см.: *Георгиева. Към въпроса за почитанието на княз Борис...* С. 178—188.

⁴⁹ Отсылка к службе 21 октября, помещенная после памятей, относится, несомненно, к преп. Илариону Пелекитскому, т. к. в октябре празднуется память соименного ему преп.

Илариона Великого. Памятей или праздников, с которыми (по имени или по событию) можно было бы соотнести рассматриваемую здесь, под этим числом нет.

⁵⁰ Обзор мнений по этому поводу см.: *Успенский Б. А.* Когда был канонизирован князь Владимир Святославич? // *Palaeoslavica*. 2002. Vol. X/2 (For Professor Ihor Ševcenko on his 80th birthday). С. 271—281; ПЭ. М., 2004. Т. 8. С. 701—703; *Попнэ А.* Владимир Святой: У истоков церковного прославления // *Факты и знаки: Исследования по семиотике истории*. М., 2008. Вып. 1. С. 60—107. Однако независимо от точки зрения невозможно отрицать древности агиографической традиции, посвященной этому князю — «Памяти и похвалы Иакова мниха» (по крайней мере ядра текста), явно домонгольского проложного жития (см.: *Письменные памятники истории Древней Руси: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Щапова*. СПб., 2003. С. 199—201, № 80; *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV вв. М., 2009. С. 132—135), не говоря уже о похвале в составе «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона.

⁵¹ *Георгиева*. Към въпроса за почитанието на княз Борис... С. 187.

⁵² Во всяком случае, связывать ее с периодом Второго Болгарского царства нет никаких оснований. Хотя, известно, что старший из братьев, возглавивших антивизантийское выступление в 1185 г., Феодор, взял себе тронное имя Петр (о смене имени сообщает Синодик царя Борила — см.: *Попруженко М.* Синодик царя Борила. София, 1928. С. 77, § 92), однако в этом принято видеть претензию на преемственность от династии Первого царства (*Дуйчев И.* Проучавания върху българското средновековие // Сб. БАН. София, 1949. Кн. 61, клон Историко-филологичен, № 21. С. 52; *Петров П.* Възстановяване на Българската държава: 1185—1197. София, 1985. С. 64). Известно, что церковь, заложенная и построенная братьями в Тырнове, была посвящена не апостолу Петру, а Димитрию Солунскому (История на България. София, 1982. Т. 3. С. 119; *Петров*. Възстановяване... С. 77—78; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 56). Храм Петра и Павла в Тырнове, погибший в землетрясение 1913 г., точная дата возведения которого неизвестна (*Миатева К.* Архитектурата в средновековна България. София, 1965. С. 153—155), был небольшой постройкой (*Григорович*. Очерк путешествия... С. 147; *Иречек К.* Пътувания по България. София, 1974. С. 292) и роль кафедральной церкви исполнял лишь по обстоятельствам турецкого владычества. Отнесению памяти к эпохе Второго царства противоречит и типологический аспект. Болгарские памяти этого времени, в отличие от древнейших, не только хорошо известны, но и по существу носят массовый характер. Это исключительно памяти святых и перенесения их мощей (КМЕ. Т. 2. С. 631—632), и ни одной из них (кроме Параскевы-Петки, о чем ниже) в месяцеслове ЗЕС 680 нет.

⁵³ *Сергий, архиеп.* Полный месяцеслов... Т. 2. С. 121; Т. 3. С. 156.

⁵⁴ Историческую канву событий см.: *Златарски*. История... Кн. 1. Ч. 2. С. 105—132, 139—144, 146—150; из Бертинских анналов известно, что князь Борис посвятил апостолу Петру оружие, с которым он участвовал в подавлении восстания боилов.

⁵⁵ *Раннопорт П. А.* Строительное производство в Древней Руси (XI—XIII вв.). СПб., 1994. С. 107—114.

⁵⁶ Следует, однако, иметь в виду, что речь идет именно об идеальном принципе, который не следует абсолютизировать. В реальности ориентация могла отклоняться, и весьма сильно — в городе из-за планировки и ограниченной возможности определения точки восхода, когда помехами являются стены и жилая застройка, в монастырях же, расположенных на открытой местности, из-за особенностей рельефа (что весьма актуально для Болгарии) и направления течения рек. Пользуюсь случаем поблагодарить Д. А. Петрова за любезную консультацию по данному вопросу.

⁵⁷ Златарски. История... Кн. 1. Ч. 2. С. 105.

⁵⁸ Мирковић Л. Хеортологија или историјски развитак и богослужење празника православне источне цркве. Београд, 1961. С. 246—247.

⁵⁹ Рукописи: РНБ, Гильф. 16 (СК № 332), втор. пол. XIII в., сербская; Гильф. 22 (СК 484; рукопись названа здесь Требником с добавлениями, но большую ее часть (л. 22—106) составляет Апостол-Евангелие), кон. XIII — нач. XIV в., сербская (за сведения об этих рукописях пользуюсь случаем выразить признательность А. Л. Лифшицу); ГИМ, Увар. 379-4°, нач. XIV в., русская; ГИМ, Хлуд. 117, л. 58—213, первая треть XIV в., сербская; Афон, Пантелеймонов монастырь, Слав. 8, перв. пол. XIV в., сербская. Безусловно нуждаются в исследовании рукописи болгарских и сербских хранилищ.

⁶⁰ Сергий, архиеп. Полный месяцеслов... Т. 3. С. 183—184; Васильев Лб. Нов податок о времену настанка Асеманиевог јеванђеља // АП. Београд, 1988—1989. Књ. 10—11. С. 15—16; Иванова К. Служба на св. Ахил Лариски (Преспански) от Синајски празничен миней № 25 // Palaeobulgarica. 1991. № 4. С. 11—12.

⁶¹ Таковы, например, Евангелие тетр конца XIII — начала XIV в. — Афон, Зограф, № 15 (Кодов Х., Райков Б., Кожухаров С. Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света гора. Т. 1. София, 1985. С. 52); Евангелие апракос начала XIV в., Зограф, № 18 (Там же. С. 55); Апостол апракос, написанный в 1313 г. в Скопле — Афон, Пантелеймонов монастырь, Слав. 4, л. 1—77 об. (в печатном описании память не отмечена — см.: Tachiaos A.-E. N. The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981. P. 25—26); Апостол-Евангелие апракос первой трети XIV в. — ГИМ, Хлуд. 117, л. 58—213 (СК XIV. Прилож. 2. С. 660).

⁶² Иванов Й. Български старини из Македония. 2-е изд. София, 1931 (репринт: 1970). С. 296.

⁶³ Датировка Палаузовской миней праздничной (БАН, 24.4.11), в литературе относимой обычно просто к XIII в. (Пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР. Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976. С. 30—31; СК XI—XIII, № 277) была существенно уточнена в процессе работы по составлению СК XIV. Еще в конце 1980-х гг. было установлено, что известные под этим названием две пергаменные тетради происходят из кодекса РНБ, Ф.п.1.72. По поводу этого последнего в литературе существует вполне обоснованное мнение, что его следует датировать первой половиной — серединой XIV в. (Мошин В. Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966. Сн. 102; Десподова В., Славева Л. Македонски средновековни ракописи. Прилеп, 1988. [Кн.]. 1. С. 242—243, № 76).

⁶⁴ Лаэров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 116 (репринт: The Hague; Paris, 1966).

⁶⁵ Там же. С. 115.

⁶⁶ КМЕ. Т. 1. С. 372.

⁶⁷ Ср.: Там же. Т. 2. С. 632.

⁶⁸ Возможно, что этот тип ошибки зафиксирован в месяцеслове болгарского Апостола конца XIII или раннего XIV в. (НБКМ № 882, л. 125 — снимок см.: КМЕ. Т. 1. С. 376): $\overline{\text{CTTO}} \overline{\text{ЩЦ}} \overline{\text{ЦЕ}} \overline{\text{Ф}} \overline{\text{Д}} \overline{\text{Н}} \overline{\text{А}} \overline{\text{Б}} \overline{\text{Р}} \overline{\text{А}} \overline{\text{Т}} \overline{\text{А}}$ брата кирила филафилософа (!). архиеп(с)па цоравска. почн же в лѣ(т) .ѣ. и .т. и .п. Единицы в дате могли быть опущены из-за того, что писец прочел последнюю цифру как падежное окончание: «6380-и»). Не исключено, впрочем, что дата следовала здесь по александрийской эре — в этом случае 885 г. соответствует 6385-му от Сотворения мира (ошибка в прочтении единиц в этом случае та же, что и в предыдущем — «в лето 6380-е» вм.: «6385»).

⁶⁹ Сергий, архиеп. Полный месяцеслов... Т. 2. С. 81.

⁷⁰ *Лавров*. Материалы... С. XXXIV, XXXV, 102, 103, III.

⁷¹ Следует отметить, что форма «Борил» стоит ближе к латинскому *Verillus*, чем к греческому *Βυρλλος*.

⁷² Месяцеслов занимает в этой рукописи исключительно большое и важное место. На него приходится около (если не более) четверти реконструируемого объема кодекса (не менее 86 листов из 316 — см. ниже). Начало месяцеслова: *Начъть(к) и(ц)ъслово(с)нкоу(л. 212 об., выделено заставкой-рамкой, единственной во всем кодексе.*

⁷³ Столь ранних примеров подобной замены под влиянием живого произношения не знают даже записи писцов, где в целом влияние книжных норм может быть значительно слабее. Аналогия обнаруживается в «Пророческом сказании Пандеха» из знаменитого Сборника попа Драголя: «Богаринь младь» (*Тьпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 246). Но и в этом случае речь идет об апокрифическом тексте в четвѣм сборнике, а не о месяцеслове богослужебной рукописи. Пример специально отмечен в сербской историко-филологической литературе — см.: *Трифуновић Ђ.* Ка почечима српске писмености. Београд, 2001. С. 114.

⁷⁴ *Мошин В. А.* Южнославянские рукописи в Архиве ЛОИИ... С. 200; СК XI—XIII, № 331.

⁷⁵ *Мошин В. А.* Южнославянские рукописи... С. 200.

⁷⁶ Письмо Требника более архаично (так, ч одностороннего его писец не употребляет) и каллиграфично, но сходство в общем облике несомненно имеется. Образцы почерка см.: *Загребин В. М.* Заупокойные стихиры АЗЪБОУКОВНЕ в сербском Требнике XIII в. // АП. Београд, 1981. Кн. 3. С. 84—91; То же // *Загребин В. М.* Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. СПб., 2006. С. 248—262.

⁷⁷ К концу жизни Н. Б. Тихомиров (ум. в 2000 г.) согласился с датировкой петербургского коллеги, о чем свидетельствует записка, приложенная к описанию отрывка Требника из собр. В. И. Григоровича, найденная в его архиве в 2005 г. автором этих строк.

⁷⁸ Сложность датировки таких почерков, происходящую в первую очередь из-за недостатка написанных ими точно датированных (записями писцов) рукописей, можно проиллюстрировать следующими примерами. В свое время Л. Василев датировала рубежом XIII—XIV вв. сербский пергаменный литургический свиток Ватикан, Slavo 9 (*Васильев Љ.* Ново датирање српских рукописа у Ватиканској библиотеци // Археографски прилози. Београд, 1979. Бр. 1. С. 47, 48, 63). Два года спустя Л. Цернич отождествила писца ватиканской Литургии с Иоанном-Иоанникием, переписавшим (вместе с иеромонахом Иаковом) в 1374 г. на Синае Триодь цветную (Иерусалим, библиотека Греческого патриархата, № 1) и ряд других рукописей (*Церний Л.* Белешке о писарима неких српских рукописа у манастиру Свете Катерине на Синају // Там же. Београд, 1982. Бр. 4. С. 19—21, 27—38, сн. 1—12). В той же статье (С. 21—22, 44—50, сн. 18—24) исследовательница атрибутировала Равуле, писцу сербского Евангелия Парижской Национальной библиотеки, Слав. 25, традиционно датируемому XIII в., богослужебный сборник из собрания монастыря Св. Екатерины на Синае, Слав. 2. Еще ранее В. А. Мошин атрибутировал тому же Равуле (и, соответственно, датировал XIII в.) Апостол-Евангелие апракос из библиотеки Честер-Битти в Дублине, W 158 (*Мошин В.* Рукописи 1968, № 5. С. 353—355, табл. 10, 11; ср.: *Cleminson R.* A Union Catalogue of Cyrillic Manuscripts in British and Irish Collections. London, 1988. P. 44—45, № 33, табл. 3), принадлежавший ранее Народной библиотеке Сербии в Белграде (о происхождении и датировке рукописи см. подробнее: *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000. С. 120—121, примеч. 2; *Темчин С. Ю.* Сербский

столпный апракос Равулы (ок. 1353 г.): происхождение, особенности языка, структура // *Slavistica Vilnensis* 2003. Vilniaus, 2003. С. 131—178; *Он же*. Бывшая рукопись белградской Народной библиотеки (сербский октоих 1353 г., № 213) в Гарварде // *Ibid.* С. 197—204; то же // Археографски прилози. Београд, 2007. Бр. 29—30. С. 47—54). Отождествления В. А. Мошина и Л. Цернич абсолютно корректны и не подлежат сомнению (образцы почерка Равулы см. также: *Јовановић Т.* Инвентар српских ћирилских рукописа у Народне библиотеке у Паризу // Там же. Београд, 1981. Бр. 3. С. 312—314), но эта атрибуция имела неожиданные последствия. Л. Цернич работала с синаяским сборником по микрофильму и считала его пергаменным, но И. Тарнанидис, обрабатывая синаяские находки 1975 г. и атрибутировав фрагмент этого сборника (Синай, Слав. 32/Н), выяснил, что рукопись написана на бумаге с водяным знаком третьей четверти XIV в. (*Tarnanidis. The Slavonic Manuscripts...* Р. 172, цв. табл. 23). Но при этом сам Тарнанидис датировал XIII в. отрывок пергаменной сербской Псалтыри (Синай, Слав. 26/Н — *Ibid.* Р. 168—169, цв. табл. 14), писец которой несомненно принадлежит к кругу Иоанна-Иоанникия (ср.: *Цернић.* Белешке... сл. 1—17; *Tarnanidis. The Slavonic Manuscripts...*, цв. табл. 16, 17, 20, 26, 28, 34); рукопись, соответственно, должна датироваться второй пол. XIV в.

⁷⁹ *Златарски.* История... Кн. 1. Ч. 2. С. 54—56.

⁸⁰ *Жуковская Л. П.* Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // Вопросы славянского языкознания. 1963. № 7. С. 3—85.

⁸¹ *Крыстанов Т.* Воскресный (праздничный) Апостол-Евангелие апракос — малоизвестный болгарский памятник кирилло-мефодиевской эпохи // *Славяноведение.* 1995. № 2. С. 65—70.

⁸² *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М. 1976. С. 241—251; ср.: *Алексеев А. А.* Лидия Петровна Жуковская (5 апреля 1920 — 7 января 1994) // *Slovo.* 1996. Вр. 44—46. С. 208.

⁸³ См.: *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Моравские земле велеи граждан» (Неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию) // *Славяноведение.* 1998. № 4. С. 3—23; *Они же.* Неизвестный памятник древнейшей славянской гимнографии (Канон Климента Охридского на Успение Богородицы) // Там же. 1999. № 2. С. 24—36; *Мошкова Л. В.* Два комбинированных канона на Успение Богородицы (Принципы объединения) // *Palaeobulgarica.* 2000. № 1. С. 53—76; *Турилов А. А.* К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия (Предварительные наблюдения над южнославянской рукописной и старопечатной традицией) // *Slavica mediaevalia in memoriam Francisci Venceslai Mareš.* Frankfurt a. M., 2006. (= *Schriften über Sprachen und Texten.* Bd. 8). S. 107—123; *Он же.* К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской рукописной традиции (На материале минейных служб) // *Старобългарска литература.* София, 2006. Кн. 35—36. С. 24.

⁸⁴ См.: *Турилов А. А.* Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы // *Славянский альманах* 1998. М., 1999. С. 17—29; *Turilov A. A.* La letteratura slava ecclesiastica delle origini: storia e geografia della tradizione manoscritta // *Incontri linguistici.* Pisa, Roma, 2005. Vol. 28. P. 22—25; ср.: *Трифенова (= Станкова) Р.* Българската традиция при формирането на общия южнославянски книжовен фонд и неговото усвояване в сръбските земи през XI—XIII вв. (Тезиси) // *Старобългарска литература.* София, 1994. Кн. 28—29. С. 56—61; *Станкова Р.* Старобългарско книжовно наследство в сръбски преписи от XIII и начало на XIV в. // *България и Сърбия в контекста на византийска цивилизация.* София, 2005. С. 423—447.

После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X — первой половине XIII в.)

Судьбы славянской письменности в западной части Первого Болгарского царства и на сопредельных территориях (прежде всего в сербских землях) в X — первой половине XIII в. представляют весьма сложную и неоднородную картину. Уместнее, пожалуй, говорить о фрагментах большой мозаики, реконструируемых с разной степенью допуска и условности с помощью исторических аналогий и в значительной мере с привлечением более позднего материала из-за плохой сохранности синхронного.

Условия для развития (а порой для существования) славянской письменности в регионе на протяжении этих трех веков не оставались неизменными. Исходя из церковно-политической истории Охрида и соседних епархий, можно выделить четыре периода разной продолжительности и значения:

1) 916—997 гг. Время, когда Охрид, будучи по традиции наиболее значительным культурным центром западной части Первого царства, а затем державы комитопулов, формально являлся лишь одной из епархий Болгарской автокефальной церкви.

2) 997—1037 гг. Охрид — центр Болгарской автокефальной церкви во главе с болгаринном и с болгарским епископатом.

3) 1037—1180-е гг. Охрид — центр автокефальной церкви с греческим архиепископом во главе и с греческим епископатом.

4) 1180-е гг. — 1230 г. Сокращение территории, подвластной архиепископии, за счет сербских и северо-западных болгарских областей, вошедших в державу Неманичей и Второе Болгарское царство, политическое разделение территории архиепископии после захвата Константинополя крестоносцами и возникновения Латинской империи (1204)¹. Условно верхней гранью можно считать завоевание Македонии Иоанном Асенем II (1230).

Самыми темными из выделенных периодов (несмотря на несомненно благоприятные условия развития славянской культуры в Первом царстве и в державе комитопулов) оказываются первые два.

На протяжении всего X столетия — после смерти Наума (910) и Климента (916) — исследователи не связывают специально с Охридом сколь-либо значительных литературных трудов. Известные в настоящее время агиографические и гимнографические тексты — славянские жития Климента и Наума и служба Клименту — скорее подводят итог предшествующему периоду (в этом смысле чрезвы-

чайно показательна стилистическая близость службы Клименту творениям самого охридского епископа)². Впрочем, заметный спад литературной активности не является для эпохи преемников царя Симеона специфической особенностью Охрида, а характерен для всей Болгарии. Основная разница между «золотым веком Симеона» и последующей эпохой состоит не столько в числе известных исследователям имен авторов и переводчиков (число которых сравнительно невелико и для первой из этих эпох), сколько в количестве, объеме и характере надежно датированных и атрибутируемых памятников. Хотя уменьшение числа имен также заметно. В сущности, для периода второй четверти — конца X в. можно назвать лишь четверых авторов — Петра Черноризца (отождествляемого исследователями с царем Петром)³, Козьму Пресвитера⁴, попа Иеремию, составившего апокрифическую компиляцию о крестном древе⁵, и его критика Афанасия, мниха Иерусалимского⁶ (впрочем, не исключено, что последний писал уже в XI в.). Из них большие тексты написаны лишь Петром (цикл из четырех поучений и молитва) и Козьмой («Беседа на новоявившуюся ересь Богумилу»). Из анонимных произведений к этому добавляются служба царю Петру, написанная, несомненно, вскоре после его смерти и сохранившаяся фрагментарно⁷, и (в своей основе) служба на успение Иоанна Рыльского (18 августа)⁸.

Прозаические тексты, написанные в постсимеоновскую эпоху, носят внелитургический характер, службы посвящены национальным святым. Все это, несомненно, свидетельствует, что процесс формирования славянской литературы как славяноязычного аналога византийской церковной литературы (в которой литургические и паралитургические (похвальные слова и поучения) тексты занимают центральное место) завершился в Болгарии уже в эпоху Симеона усилиями учеников славянских апостолов и их ближайших последователей и преемников.

Сходная картина (хотя и обусловленная целым рядом специфических обстоятельств) наблюдается и в области переводов. Тексты, переводы которых с греческого можно хотя бы условно отнести к рассматриваемому времени, представляют собой не только внелитургические, но и просто неканонические памятники. Речь идет об апокрифах, широкое проникновение которых в древнеболгарскую книжность принято связывать с распространением в X в. учения богомилов. Независимо от оценки наличия в каждом конкретном тексте элементов дуалистического учения, появление таких текстов свидетельствует об изменении состава переводчиков. Вместо достаточно сплоченного кружка эрудитов-единомышленников, творящих новую литературу, на исторической сцене появляются представители низшего клира, знающие литературный славянский и в какой-то мере греческий язык, но не слишком четко представляющие грань между каноническими и неканоническими памятниками, считающие святым едва ли не любой текст, в котором речь идет о персонажах Ветхого и Нового Заветов и христианской истории. На протяжении Средневековья этот слой, как известно, во всех христианских странах традиционно представлял благодатную почву для распространения ересей.

В то же время на стыке «золотого века Симеона» и времени его преемников в развитии славянской книжности Болгарии несомненно ощущается лагуна и пауза, при этом достаточно продолжительная, поскольку сочинения Петра Черноризца

(не говоря уже о Козьме Пресвитере) в известном смысле подводят итог царствованию Петра. Большой хронологический разрыв между дошедшими памятниками достаточно обычен для средневековых православных славянских литератур раннего периода (до XV в.); исключения составляют скорее активные эпохи, подобные «золотому веку». Однако остается неясным, что скрывается за этой паузой (общее состояние источников по болгарской истории не позволяет надеяться на однозначный ответ и в будущем) — незаметная повседневная работа по распространению достижений «золотого века» вширь и вглубь либо усталость и апатия общества, порожденные многолетним перенапряжением сил страны для реализации болгаро-греческой утопии Симеона.

Лишь немногим больше можно сказать и о втором периоде, для которого из памятников письменности известны в настоящее время лишь три надписи: царя Самуила 993 г.⁹ (хронологически она относится еще к предшествующему периоду), Варошская 997 г.¹⁰ и Битольская царя Иоанна-Владислава 1015—1016 гг.¹¹ Это молчание эпохи можно было бы традиционно объяснить уничтожением победителями-византийцами литературных памятников, связанных со ставшими одиозными именами побежденных, но такое предположение вполне может быть излишним. Летописный жанр (а уничтожению, либо — в качестве высочайшей милости — «спецхранению», должны были в первую очередь подвергаться летописи, как памятник наиболее идеологизированный и политизированный) не получил сколь-либо заметного развития у православных балканских славян. В Сербии его формирование приходится на последнюю четверть XIV в.¹², в Болгарии же он (за исключением Анонимной хроники XV в.)¹³ по существу не вышел за пределы отдельных известий в записях на книгах или в памятных надписях¹⁴. В типологическом плане для понимания ситуации показательно полное литературное молчание более благополучных в историческом отношении эпох и регионов. Абсолютно отсутствие литературного творчества в достаточно продолжительной (почти трехвековой) истории Боснии, за исключением разве что скромных документальных артефактов (и это при достаточно развитой канцелярской культуре)¹⁵. Плохо сопоставимы с политическими успехами династии Асенидов число и объем литературных памятников первого столетия существования Второго Болгарского царства¹⁶. История сербской литературы и полномасштабное прославление деятельности основателя державы Неманичей начинается во время (и силами) его детей¹⁷. Державе комитопулов история не отпустила желанного долголетия, поэтому историко-литературный итог ее существования был, по всей видимости, довольно скромным — скорее всего те же градо- и храмозданные и мемориальные надписи с похвалами правителям и иерархам и артефакты грамот (разумеется, это не уменьшает для исследователя сожаления об утратах).

Неизвестно, сформировалась ли в державе комитопулов, сознававшей и деклариовавшей свою преемственность от единого Первого Болгарского царства, идея национального пантеона христианских святых, подобно пантеону сербской державы в XIV—XV вв., получившему даже зримое воплощение в композиции «Лоза Неманина», или тырновскому пантеону XIII—XIV столетий. Практика «национализации» почитаемых святых, столь распространенная в Болгарии первых

Асенидов, когда в конце XII — первой половине XIII в. в Тырнов были перенесены мощи греческих святых Параскевы Эпиватской, Илариона, епископа Мегленского (Мыгленского), Филофеи Темничской и Иоанна, епископа Поливотского¹⁸, не была чужда и комитопулам. Царь Самуил в 986 г. перенес из Лариссы в Фессалии мощи епископа Ахиллия, ставшего с тех пор покровителем Преспы¹⁹. Можно, однако, утверждать, что кодифицирован (путем внесения в месяцесловы литургических книг) такой пантеон не был. Не знала подобной кодификации, по всей видимости, и церковная практика единого Болгарского царства. Для Западноболгарского царства комитопулов это устанавливается на основании сопоставления месяцесловов западноболгарских и сербских рукописей XI — первой половины XIV в., отражающих древнюю традицию. Для единого царства это можно заключить из сравнения месяцесловов южнославянских и древнерусских рукописей, восходящих к восточноболгарской традиции X в.²⁰ Полного набора болгарских святых эпохи Первого царства, о разрушении которого в течение времени можно было бы говорить (хотя вообще нет оснований для предположений о сознательной цензуре месяцесловов по национальному признаку), нет ни в одном из кодексов, включая самые древние²¹. Больше оснований говорить о местном (епархиальном) охридском пантеоне, с достаточной полнотой представленном в месяцеслове Ассеманиева Евангелия (см. выше), но даже в нем нет памяти Наума Охридского, чье почитание долгое время носило, очевидно, сугубо локальный характер.

Давно отмеченной особенностью развития славянской письменной традиции западных областей Первого царства, вошедших позднее в Охридскую архиепископию (патриархат), является продолжительное (сравнительно с Восточной Болгарией) использование глаголического алфавита наряду с кириллическим. Активное применение глаголицы в качестве книжного письма продолжалось здесь по крайней мере до XII в. (более точные датировки невозможны, поскольку глаголические рукописи, содержащие дату написания, неизвестны). К этому столетию относится средняя часть Зографского Евангелия (л. 41—57)²² и вновь найденная Псалтырь Димитрия (Синай, Слав. 3/Н)²³, рубежом XI—XII столетий датируются Будапештский глаголический отрывок, содержащий фрагмент Жития Симеона Столпника²⁴, отрывок Миней из числа найденных на Синае в 1975 г. рукописей (Слав. 4/Н)²⁵ и, возможно, найденный там же Миссал, содержащий фрагменты Литургии апостола Петра (Слав. 5/Н)²⁶. В более позднее время встречаются лишь фрагменты текста, отдельные фразы и слова, написанные глаголицей в кириллических рукописях (что в ряде случаев свидетельствует, вероятно, о копировании глаголических материалов). Наиболее заметны такие следы в Охридском Апостоле конца XII в. (РГБ, собр. В. И. Григоровича, № 13/М. 1695)²⁷, Битольской Троицы первой половины (начала?) XIII в. (София, Библиотека Болгарской АН, № 38)²⁸ и Троицы Шафарика второй четверти того же столетия (РНБ, Ф.п.1.74)²⁹.

Возможно также, что косвенным указанием на время прекращения активного использования глаголицы в книгописании служат ранние примеры кириллических рукописей, написанных по глаголическому палимпсесту³⁰. Таковы Боянское Евангелие (РГБ, собр. Григоровича, № 8/М. 1690), в котором верхний кириллический текст датируется первой половиной (или серединой) XIII в.³¹, и младшая часть Си-

найского сборника (РНБ, Q.п.1.64), где верхнее письмо среднеболгарского текста датируется, вероятнее всего, второй половиной этого столетия или рубежом XIII—XIV вв.³²

О том, что глаголица выходит к концу XII в. из активного употребления, свидетельствует и тот факт, что письменная культура самых западных славянских областей, связанных с охридской традицией — Сербии и Боснии (граничащих, что немаловажно, с последним оплотом глаголицы в Далмации и Хорватии), развивается в это время как чисто кириллическая. На это указывают (хотя и немногочисленные) дошедшие памятники: Мирославово (между 1180 и 1196 г.) и Вуканово (ок. 1202 г.) Евангелия и Житие Иоанна Богослова конца XII в. (БАН, 24.4.18)³³ для Сербии, грамота бана Кулина 1187 г. и две надписи его времени³⁴ для Боснии. При этом трудно сказать, имела ли место конфессиональная дифференциация алфавитов (кириллица — письмо православных, глаголица — католиков), поскольку Босния была подвластна католическим государям (венгерским королям), а кириллическая письменность (правда, только в документальных памятниках) бытовала в католической Далмации на протяжении всего Средневековья³⁵.

При этом не вызывает сомнений, что пассивное употребление глаголицы (использование глаголических книг в православном церковном обиходе) сохранялось значительно дольше. На это ясно указывает судьба глаголических кодексов, несущих на себе следы несомненного бытования и использования в кириллической среде. XII—XIII столетиями датируются кириллические приписки и дополнения Зографского Евангелия³⁶, к этому же времени относятся календарные и прогностические приписки Ассеманиева Евангелия³⁷. В Мариинском Евангелии помимо литургических помет XIII—XIV вв. имеется и кириллический лист, написанный взамен утраченного глаголического в XIV в.³⁸ Литургическая приписка на поле сербским уставом XIII—XIV вв., относящаяся к глаголическому тексту XI в., читается в Хлудовском глаголическом палимпсесте (ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 117, л. 11 об.)³⁹. Со временем сфера употребления глаголицы еще более сокращается, сводясь к роли своеобразной тайнописи (или свидетельства эрудиции книгописца) в приписках и пометах писцов⁴⁰. Но эта область ее употребления не является уже чисто южнославянской спецификой — в этой роли глаголический алфавит выступает (при этом достаточно рано) и в восточнославянской письменности XI—XIII в.⁴¹

Напротив, в ранних памятниках западноболгарской и сербской эпиграфики случаи употребления глаголицы (в отличие от книгописания) почти неизвестны. Все ранние надписи (Самуила 993 г., Варошская 996 г., Битольская 1015—1016 г., темническая XI в.⁴², жупана Горда⁴³ начала XII в.) написаны кириллицей. Исключение составляет лишь не прочитанная полностью надпись со смешанной (глаголической и кириллической) графикой из церкви св. Архангелов в монастыре св. Наума на берегу Охридского озера⁴⁴. Однако во всех указанных случаях, кроме Варошской надписи, речь идет о монументальных надписях, призванных, возможно, в какой-то мере демонстрировать преемственность преславской традиции. Ранние памятники бытовой эпиграфики, найденные за последнее время в значительном количестве в Восточной Болгарии⁴⁵, в Македонии и Сербии пока не

обнаружены, но они, в случае открытия, могут кардинальным образом изменить картину (правда, для этого нужны находки масштабов Равненского монастырского комплекса).

Консерватизм традиции охридского культурного центра в отношении употребления глаголицы и длительный процесс полной замены ее кириллицей объясняются, вероятно, спецификой историко-культурной ситуации, сложившейся в результате постепенной утраты этим центром на протяжении X в. положения второй культурной столицы при сохранении большого «запаса прочности» от предшествующего периода. Едва ли в эпоху комитопулов и в начале византийского владычества существенную роль в этом отношении играло противопоставление глаголицы кириллице как письму «греческому» по облику — свидетельства памятников официальной эпиграфики такой гипотезы не подтверждают. Но на протяжении XI—XII вв. известную роль в консервации глаголической письменной традиции могла сыграть децентрализация славянской культурной жизни в регионе (о чем ниже)⁴⁶.

Для взвешенной оценки культурно-исторической ситуации в Охриде и его епархии в X—XI вв. решающее значение имеет датировка древнейших сохранившихся рукописей, как входящих в классический канон старославянских памятников (X—XI вв.), так и старших из среднеболгарских (XII в.), поскольку болгарские кодексы с указанием на время и место создания известны лишь с первой половины XIII в. (Болонская псалтырь 1230—1241 гг.).

Канонический корпус старославянских памятников X—XI вв. включает в себя в основном кодексы, не менее столетия известные в науке, при этом как целые кодексы значительного объема, так и небольшие фрагменты. Из числа южнославянских глаголических⁴⁷ — это Ассеманиево Евангелие апракос и Зографское и Мариинское Евангелия тетр, Синайский Требник (Евхологий)⁴⁸, Синайский служебник (Миссал?)⁴⁹, Сборник Клоца⁵⁰, Рыльские глаголические листки (отрывки Паренесиса Ефрема Сирина)⁵¹, Охридские листки («Охридское Евангелие»)⁵², Синайская глаголическая псалтырь⁵³. За последнее время корпус расширился за счет прочитанных палимпсестов: Боянского⁵⁴ и Зографского (на младших листах Зографского Евангелия)⁵⁵. Вероятнее всего, после прочтения в этот корпус войдет Хлудовский палимпсест, содержащий Минею Праздничную⁵⁶. Хронологически к этому корпусу примыкают недостаточно изученные пока Псалтырь и отрывок Минеи из синайских находок 1975 г.⁵⁷ и Будапештский глаголический отрывок⁵⁸.

Из числа кириллических рукописей это Саввина книга (Евангелие апракос краткий) сер. (?) XI в.⁵⁹ и Супрасльская рукопись (Минея Четья на март)⁶⁰, а также ряд мелких отрывков: Листки Ундольского⁶¹, Зографские листки (отрывок сочинений Василия Великого)⁶², Хиландарские листки (отрывок Огласительных поучений Кирилла Иерусалимского)⁶³. В наше время к ним прибавились Энинский Апостол (отрывок Апостола апракос)⁶⁴ и Ватиканский палимпсест⁶⁵, написанный едва ли не писцом Саввиной книги — попом Саввой. Южнославянские исследователи относят к числу памятников XI в. также Триодь Кодова или Ресненскую Триодь (отрывки Триоди Постной)⁶⁶.

Для южнославянских (болгарских и македонских) исследователей, как правило, характерно удревнение датировки старославянских (в большинстве своем

древнеболгарских) памятников⁶⁷. В последнее время эта тенденция усилилась в связи с открытием и изучением значительного числа эпиграфических памятников (прежде всего в монастырском комплексе Равна в северо-восточной Болгарии)⁶⁸, достаточно надежно датируемых X в. Исследование этих надписей в палеографическом и орфографическом отношении в совокупности с изучением памятников с одноеровой орфографией (т. е. таких, в которых для обозначения редуцированных употребляется лишь один из двух знаков — Ъ или Ь) привели ряд ученых к выводу о необходимости пересмотра традиционного взгляда на орфографические нормы болгарской письменности X в.⁶⁹ Исходной, как известно, считалась система с употреблением знаков для обоих редуцированных и обоих носовых звуков (для последних — с йотованными вариантами), зафиксированная русскими списками XI в. (Остромирово Евангелие 1056 г., Изборник 1073 и 1076 гг., Архангельское Евангелие 1091/92 г., Златоуструй Бычкова и Новгородские листки XI в.), безусловно восходящими к оригиналам Симеоновой эпохи, т. е. не позднее 927 г.⁷⁰ Ныне же настойчиво высказываются мнения о датировке древнеболгарских рукописей, обладающих отклонениями от указанной орфографической системы и относимых традиционно к XI (и даже раннему XII) в., к более раннему времени. При этом нижняя временная граница, определяющая распространение новых систем, может значительно отличаться у разных исследователей (В. А. Мошин считает точкой отсчета конец Симеоновой эпохи, Б. Велчева и А. Тодоров на основании данных эпиграфики с уверенностью говорят о существовании классической и альтернативных систем), но сам тезис о большей древности древнеболгарских рукописей старославянского канона остается общим. Первоначально наиболее последовательно этот взгляд был изложен в последних работах В. А. Мошина⁷¹, где он относит к числу кириллических памятников, созданных не позднее X в. (в хронологической последовательности): 1) Зографские листки, 2) Саввину книгу, 3) Супрасльскую рукопись, 4) Македонский кириллический лист, 5) утраченную Слуцкую псалтырь⁷², 6) Ресненскую триодь (Триодь Кодова), 7) Листки Ундольского, 8) Хиландарские листки, 9) Энинский апостол, 10) Новгородские листки. В рамках этого списка Зографские листки датируются первой четвертью X в., Листки Ундольского — серединой того же века, а Новгородские (или Куприяновские) листки, традиционно считавшиеся древнерусской рукописью XI в., определяются как остаток западноболгарского (македонского) роскошного кодекса, созданного для царя Самуила (не позднее 991 г.). Мнение патриарха югославской палеографической школы и одного из крупнейших специалистов современности в области южнославянской кириллической палеографии не получило, однако, общего и безоговорочного признания. Даже в роскошном палеографическом альбоме, составленном учениками Мошина, его датировки приведены лишь в качестве альтернативных⁷³.

В докладе Б. Велчевой и А. Тодорова на XI Международном съезде славистов в Братиславе предложено иное хронологическое соотношение древнейших болгарских кириллических рукописей «на основании системно (курсив авторов. — А. Т.) связанных правописных черт: 1) Македонский кириллический лист, 2) Листки Ундольского, 3) Зографские листки, 4) Саввина книга, 5) Супрасльский сборник, 6) Энинский апостол, 7) Хиландарские листки, 8) Добромирово Еван-

гелие, 9) «Триодь Кодова» (Ресненская)⁷⁴. Хронологическая привязка в перечне дана не для всех памятников, но Супрасльская рукопись датирована здесь второй половиной X в., а Добромирово Евангелие (при традиционной датировке — начало XII в.)⁷⁵ — второй половиной XI в. Новгородские листки справедливо отнесены к числу древнейших русских памятников (старше Остромирова Евангелия 1056 г.). Параллельно в докладе, что немаловажно, предпринята попытка синхронизировать ряд глаголических и кириллических памятников. Так, Саввина книга и Зографское Евангелие датируются более ранним временем, чем Синайский Евхологий и Сборник Клоца⁷⁶, для Ассеманиева Евангелия предложена довольно обычная в южнославянской литературе датировка рубежом X—XI вв.

В схеме, предложенной болгарскими исследователями, при всей обширной и глубоко эшелонированной научной аргументации, имеется целый ряд слабых мест, не позволяющих отказаться в ее пользу от традиционной. Основное возражение вызывает заложенный в ней принцип постепенного усложнения болгарской кириллической книжной орфографии⁷⁷ и сознательное выведение из круга источников русских рукописей XI в., отражающих эталонную продукцию преславского скриптория не позднее первой трети X в. (в схеме рассмотрены только случаи отклонения в них от этих норм)⁷⁸. Между тем в рамках тезиса о парадигматичном характере средневековой православной славянской культуры, выдвинутого Р. Пиккио (и никем, как кажется, не опровергнутого, а находящего все новые подтверждения)⁷⁹, развитие местных орфографических изводов и локальных вариантов осуществляется как процесс постепенного разложения и упрощения (протекающего в различных регионах и в разные эпохи с различной скоростью) первоначально максимально сложной образцовой модели. Это хорошо чувствовали и понимали исследователи-слависты XIX — начала XX столетия, хотя понятие парадигматичности и не было у них сформулировано. Периоды развития (приспособления к местным условиям и особенностям) завершаются консервативными реформами, направленными на реставрацию исходных правописных норм в соответствии с представлениями эпохи (тырновская и ресавская правописные школы на Балканах, «второе южнославянские влияние» на Руси, распространение русского извода церковнославянского языка у южных славян в XVIII — раннем XIX в.). При таком взгляде на проблему (вовсе не противоречащем данным источников) исходной правописной нормой кириллических памятников оказывается двуеровая и четырехьюсовая, кодифицированная в преславских скрипториях эпохи Симеона (893—927). Другие орфографические школы либо отражают простую транслитерацию кириллицей глаголических памятников, либо являются гибридными (и соответственно младшими, хотя хронологический разрыв может быть минимальным). Вторым недостатком схемы видится безоговорочная синхронизация орфографии эпиграфических (по преимуществу бытовых) и книжных памятников. Как показывает изучение материала, родственного эпиграфике (и при этом значительно более массового и информативного) — берестяных грамот, памятники бытовой письменности обладают несомненной спецификой в сравнении с книжными⁸⁰, прямая экстраполяция выводов, сделанных на одном материале, на другом будет в научном плане безусловно некорректна.

Не является надежным критерием для сколь-либо узкой датировки древнейших болгарских рукописей и художественный метод, основанный на иконографических и орнаментальных аналогиях в иноязычных (греческих и латинских) рукописях (что, разумеется, не отрицает огромного значения таких разысканий для истории культурных связей), хотя именно художественные характеристики рукописей постоянно привлекаются для доказательства максимальной древности этих памятников⁸¹. В сущности, иностранные художественные аналогии составляют для славянских памятников лишь предельно раннюю возможную датировку, практически не ограничивая верхней. Зыбкость этого критерия особенно наглядна, если выйти за пределы круга старославянских памятников и обратиться к истории иллюминации кириллической рукописной книги в целом. На примере более богатых источниками эпох отчетливо заметно устойчивое существование и длительное репродуцирование (порой на протяжении двух и более столетий) не только отдельных элементов оформления, но порой и художественного облика кодекса в целом. Даже если оставить в стороне длительное бытование деградировавших образцов романского и старовизантийского стиля (XI—XII вв.) в боснийских рукописях позднего XIV в.⁸² (пример показателен в силу близости уровня художественного оформления боснийских и древнейших болгарских рукописей), то художественные инициалы боснийского Евангелия Дивоша Тихорадича начала XIV в. обнаруживают ближайшую стилистическую (не сюжетную) аналогию в романских инициалах Мирославова Евангелия конца XII в.⁸³

Большие полихромные заставки с арабесковым орнаментом, появляющиеся в сербских рукописях во второй половине XIV в.⁸⁴, устойчиво воспроизводятся в южнославянской традиции почти до середины XVII в.⁸⁵ Наконец, вполне хрестоматийным примером служит копирование всего художественного облика (включая миниатюры) роскошного Лондонского Евангелия царя Иоанна Александра в молдавских скрипториях на рубеже XVI и XVII вв.⁸⁶ Особенно же ненадежна датировка по аналогии, если копия не отличается качеством исполнения, что характерно для древнейших болгарских рукописей.

Исследователи, придерживающиеся мнения о ранней (X в.) датировке древнейших болгарских рукописей, сознательно или невольно (под обаянием древности памятников) игнорируют то обстоятельство, что большинство этих памятников глубоко провинциально по облику, а роскошные кодексы среди них по сути отсутствуют. Как правило, эти рукописи отличает некаллиграфический характер письма и крайне невысокий уровень исполнения иллюминации. Обычно в исследованиях момент художественной, эстетической оценки подменяется типологическим либо историко-культурным (археологическим, в старом значении этого слова), хотя они далеко не всегда совпадают⁸⁷.

К большинству южнославянских рукописей, сохранившихся до наших дней, вплоть до конца XII — начала XIII в., понятие каллиграфического письма попросту неприменимо. Речь идет не о глаголических памятниках — сама эта азбука как бы не создана для каллиграфии: по настоящему красивые образцы глаголического письма можно встретить в его готицизированной угловатой разновидности в хорватских кодексах второй половины XIV столетия⁸⁸. Из ранних памятников

об элементах каллиграфии в глаголице можно говорить лишь применительно к Рьльским листкам⁸⁹ (хотя не исключено, что это следствие плохой сохранности фрагмента), даже достаточно ровное письмо Ассеманиева Евангелия страдает вариативностью начерков и постоянным нарушением ритма.

Но и с кириллическими памятниками этого круга ситуация обстоит лишь немногим лучше. К образцам высокой каллиграфии безусловно принадлежат лишь Зографские листки и Супрасльская рукопись. Образцы хорошего, хотя и не изысканного по исполнению письма демонстрируют писцы Хиландарских листков, Листков Ундольского и Македонского кириллического листка (весьма плохо сохранившегося), но в отношении других древнейших памятников вполне применимо понятие эстетики безобразного⁹⁰. К этому добавляется еще одно обстоятельство. Обычно наиболее высокие образцы каллиграфии дают новозаветные литургические рукописи — Евангелия и Апостолы. В данном же случае самыми каллиграфическими почерками написаны четыре книги: Зографские листки, Супрасльская рукопись, Хиландарские листки⁹¹.

То же можно сказать и о художественном оформлении этих рукописей. В Четых кодексах оно традиционно скромно (в Зографских отрывках сохранившиеся листы лишены украшений), но в других не поднимается над ремесленным уровнем. Даже иллюминация Ассеманиева Евангелия производит впечатление посредственной копии с хорошего оригинала. Работавший над нею художник демонстрирует одновременно хорошее знание образцов и недостаток умения при их воспроизведении.

Придерживаясь тезиса о ранней датировке древнейших болгарских рукописей, нельзя избежать вывода о глубочайшем упадке культурной жизни Болгарии в постсимеоновскую эпоху (по крайней мере в западных областях), упадке, поразившем даже такую сравнительно недорогостоящую сферу (сравнительно с каменным строительством или монументальной живописью), как книгописание. Судя по результатам, его следует сравнивать даже не с турецким нашествием, а лишь с многолетним иноземным господством. Однако хотя страна несомненно была измотана многолетней (пусть и победоносной) войной с Византией, едва ли ситуация в мирное царствование Петра была столь критической.

Провинциальность большинства этих рукописей особенно заметна при сопоставлении их с копиями преславских кодексов Симеоновой эпохи, представленных русскими списками XI—XII вв. (такими, как Изборник 1073 г., Учительное Евангелие Константина Преславского XII в. с портретом князя Бориса-Михаила, или Слово Ипполита об Антихристе с изображением Симеона и др.)⁹². Вероятно, в этой провинциальности (со свойственным ей консерватизмом, прихотливо сочетающимся порой с новациями) и кроется главная причина архаичности памятников, создающая трудности при их датировке⁹³. Однако, кажется, нет сомнений в том, что этот провинциализм и мелкие локальные традиции характерны скорее для культурной ситуации последних лет державы комитопулов, когда военное счастье отвернулось от ее правителей, и периода византийского владычества, чем для более раннего времени.

Только в конце XII — начале XIII в. в регионе вновь начинают создаваться рукописи, написанные если не каллиграфическими почерками, то, во всяком случае,

претендующими на монументальность (такие, как Охридский Апостол конца XII в. (1-й почерк)⁹⁴, Апостол апракос Зографского монастыря № 1. д. 2 (53) конца XII или, вероятнее, начала XIII в. (первый и третий почерки)⁹⁵, порою даже достаточно богато украшенные (сербские Мирославово и Вуканово Евангелия)⁹⁶. Отчасти в этом можно видеть (как в Зографском Апостоле) воздействие русской каллиграфической традиции (написание рукописей приходится уже на время «первого восточнославянского влияния»)⁹⁷. В то же время синхронно этому появляются примеры полууставных (либо с элементами полуустава) почерков, явно испытавших воздействие греческого минускула (письмо старшей среднеболгарской части Синайского палимпсеста, датируемой рубежом XII—XIII вв., обнаруживающее явное сходство с письмом славянских грамот царя Ивана-Асеня II)⁹⁸.

После завоевания Византией Западнотболгарского царства начинается и достаточно интенсивно протекает процесс децентрализации, понижения статуса и социальной маргинализации славянской культуры (главным образом письменной) на территории Охридской архиепископии. Но по-видимому, он происходил в более мягких и замедленных формах, чем на восточноболгарских землях, в церковном отношении подчиненных непосредственно Константинополю. Речь идет, естественно, не столько о сознательном гонении на славянскую письменность и богослужение, сколько о «естественном» процессе сокращения их культурного пространства в географическом (переход к греческому богослужению первоначально, по крайней мере, в кафедральных соборах диоцеза и отчасти в городских и пригородных монастырях) и социальном (ромеизация верхушки славянской элиты и ее перемещение в другие регионы империи)⁹⁹ отношении. Процесс этот, очевидно, начался не сразу после присоединения территорий к Византии, а задержался приблизительно на одно поколение. Первым архиепископом в византийский период был Иоанн Дебрский (1019—1037), при котором культурная ситуация изменилась, вероятно, сравнительно мало. Неизвестно, какие перемены со сменой подданства произошли в составе епископата и в какой мере охридский архиепископ был самостоятелен на первых порах по отношению к императорской власти в выборе кандидатур при замещении вакантных кафедр, но, скорее всего, достаточно гибкая политика Василия II в церковном вопросе на западноболгарских землях сохранялась и на этом уровне¹⁰⁰ (за исключением, разумеется, тех случаев, когда речь шла о церковных иерархах — убежденных приверженцах национальной независимости). Но даже если допустить, что все епископы Иоаннова (либо более раннего) поставления были ревностными защитниками славянской письменности и богослужения, то со смертью первого архиепископа начался распад административно и иерархически институированного культурного пространства — первоначально до уровня отдельных епархий, а с уходом жизни первого поколения епископов — и на отдельные культурные гнезда и центры, связь между которыми (порой, возможно, довольно прочная) осуществлялась на основе личных контактов отдельных книжников и влияния неформальных авторитетов. Гибелью памятников славянской письменности сопровождалось, очевидно, подавление антивизантийских выступлений, таких, как восстания Петра Деляна или Георгия Войтеха (так же, как успех восстаний сопровождался, в свою очередь, уничтожением греческих памят-

ников), но она была обычным следствием и спутником любых военных действий и связанных с ними пожаров и грабежей¹⁰¹. Вероятно, уже ко времени архиепископа Феофилакта (т. е. полвека спустя после Иоанна Дебрского) ситуация приобрела вполне определенный характер, сохранявшийся в основных чертах и в дальнейшем: автор греческого жития Климента Охридского и его преемник на кафедре явно знает о сочинениях предшественника из своего славянского источника понаслышке, отсылая читателя не к кафедральному книгохранилищу, а к спискам, хранящимся у безвестных «трудолюбцев»¹⁰².

Подобную ситуацию, растянувшуюся на большей части Македонии более чем на столетие, трудно признать благоприятной для развития славянской письменности в регионе. Среди сохранившихся среднеболгарских рукописей второй половины XI — раннего XIII в. литургические кодексы, составляющие необходимый минимум церковного обихода, не просто преобладают — манускрипты иного содержания отсутствуют полностью¹⁰³. Картина весьма напоминает положение вещей в эпоху турецкого владычества в Болгарии¹⁰⁴ (за исключением разве что количества богослужебных рукописей — поздние кодексы, разумеется, имели больше возможностей сохраниться). В то же время в репертуаре славянской книжности византийской и турецкой эпох имеются различия, которые трудно объяснить лишь степенью сохранности памятников. Даже литургический репертуар византийского периода далеко не полон. По сути, он состоит из трех книг — Евангелия, Апостола и Псалтыри. За исключением этого для середины XI — первой трети XIII в. известны 1 Паремейник («Григоровича» — СК № 161, кон. XII — нач. XIII в.); 1 Служебник («Синайский кириллический» — СК № 166, кон. XII — нач. XIII в.); небольшие отрывки служебной Миней (синайской глаголической кон. XI — нач. XII в. — Слав. 4/Н и кириллических СК № 156 и 157 (кон. XII — нач. XIII в., одна рукопись), 208 и 210 (нач. XIII в., одна рукопись) и 209 (нач. XIII в.)); 1 отрывок Триоди Цветной СК № 137, втор. пол. XII в.; 1 отрывок глаголической богослужебной рукописи Миней Праздничной (ГИМ, Хлуд. 117, XI или кон. XI — нач. XII в.); 2 среднеболгарских отрывка Октоиха — Битольские листки XII—XIII вв., известные по изданию (со снимком) Й. Иванова¹⁰⁵, и защитные листы (4) первой пол. XIII в. при сербском Октоихе рубежа XV—XVI вв. (собр. философского факультета университета в Скопье, М. II — 4/1511)¹⁰⁶, написанные едва ли не писцом Битольской триоди¹⁰⁷. Картина мало изменится, если отнести к этому периоду глаголический Синайский евхологий (возможно, первой пол. XI в.) и принять датировку концом XII в. Битольской триоди (вероятнее, перв. пол. XIII в.) и 6 листов Октоиха в составе Барберинского палимпсеста (Varb. gr. 388)¹⁰⁸.

Нетрудно заметить, что большинство этих богослужебных рукописей, дошедших до нас, относятся уже к последнему периоду предложенной в начале главы периодизации. Дополнительным объяснением этой зримой лакуны репертуара является, вероятно, широкое распространение в регионе богомильского учения, отрицавшего церковную обрядность, богослужебные и библейские ветхозаветные книги¹⁰⁹.

При ничтожном числе точно датированных памятников южнославянская письменность XI—XIII вв. отнюдь не безымянна — книгописцы значительно чаще ста-

вили свои имена, чем датировали дело рук своих (отчасти это объясняется тем, что записи с датой помещались обычно в конце кодекса, где вероятность утраты значительно выше, а имена писцов в разном контексте могут фигурировать в маргиналиях). По именам известно свыше 40 южнославянских книгописцев второй половины XI — конца XIII в. (преимущественно, конечно, именно XIII столетия)¹¹⁰. Лишь шестеро из них — монахи (пятеро сербов и один болгарин)¹¹¹, при этом все книги, написанные монахами (за исключением Вуканова Евангелия — ок. 1202 г.), относятся уже ко второй половине XIII в. Большинство писцов либо носит мирские — нехристианские — имена, либо указание на принадлежность к белому духовенству и причту (священники, дьяконы, анагносты); встречается и сочетание обоих вариантов. Наконец, известны случаи (хотя и немногочисленные), когда миряне и писцы из белого духовенства работали по заказу монахов¹¹². Таковую ситуацию едва ли можно объяснить простой случайностью. Очевидно, основными писцами книг для богослужебного обихода (а других, как уже было сказано выше, для рассматриваемого периода не сохранилось) действительно были представители белого духовенства — причетники и миряне-грамматики. Монастыри, по-видимому, продолжали сохранять книги, но тиражировали их лишь в малой степени. Значительная роль, которую сыграло в сохранении славянской письменности и Охридской архиепископии именно белое духовенство и миряне, во многом объясняет и особенности книжной культуры региона. Несомненно, разнообразие почерков и правописных норм южнославянских рукописей XII—XIII вв., причудливое сочетание в них (как в письме, так и в оформлении) элементов архаики с новациями и явилось результатом существования большого числа локальных традиций и отсутствия крупных центров, продукция которых служила бы эталоном.

В связи с этим не вполне ясна роль монастырей в сохранении памятников славянской письменности в период византийского владычества. Возможно, она сводилась к сохранению в буквальном смысле слова, хотя традиционно монастыри рассматриваются в научной литературе как главные очаги славянской культурной жизни региона¹¹³. Не исключено, что это происходит из-за того, что на место реальных особножительных обителей своего времени бессознательно подставляются позднейшие исихастские общежития с их потребностью в аскетической литературе и активно действующими скрипториями. Между тем от XII—XIII вв. практически не сохранилось южнославянских списков аскетических сочинений¹¹⁴ (напомню, что от XI в. дошли хотя бы их фрагменты: Паренесис Ефрема Сирина — «Рыльские листки» и сочинения Василия Великого — «Зографские листки»), даже в отрывках или в качестве палимпсестов. О масштабах и составе славянских монастырских библиотек этого времени ничего не известно. Возможно, некоторое представление о среднем книгохранилище такого рода дает опись русского монастыря Ксилургу на Афоне в 1142 г. В то время здесь было 52 славянские («русские») книги (греческих не было), из них 4 четких: Пролог, Номоканон, Поучения Ефрема Сирина и Житие Панкратия Тавроменийского¹¹⁵.

Наиболее значительные монастыри диоцеза с течением времени были элиминированы либо населены смешанной братией — греками и славянами. Этой участи не избежал, по-видимому, и Рыльский монастырь, на что указывают грече-

ские житие и служба (сохранившие, правда, в славянском переводе), написанные между 1166 и 1183 г. Георгием Скилицей¹¹⁶ (своеобразный аналог на монастырском уровне греческому житию патрона охридской кафедры). В условиях византийского владычества неминуемо должен был лишиться национальной автономии и Зографский монастырь на Афоне, существовавший с X в. и вновь обретший свой первоначальный статус лишь в первой половине XIII в., вероятно, в царствование Иоанна-Асеня II¹¹⁷.

Замена славянской церковной иерархии греческой невольно привела к ослаблению контроля над славянскими книгописцами. На обиходном уровне это приводило порой к курьезным случаям вмешательства писца-священнослужителя в текст литургических книг, писавшихся для личного пользования (введения в них сугубо маргинальных моментов)¹¹⁸, но в целом несомненно способствовало формированию национального варианта церковной культуры, ориентированной прежде всего на приходской быт.

В то же время децентрализация славянской культурной жизни в эпоху византийского владычества (о чем уже говорилось выше) неминуемо должна была привести к сокращению (если не полному прекращению) связей Охрида с другими славянскими странами, существовавшими в предшествующий период (хотя, отчасти, может быть и опосредованно — через Преслав)¹¹⁹. В южнославянской православной книжной продукции (даже позднейшего времени) не обнаруживается следов знакомства с чешской литературной традицией хотя бы в объеме, дошедшем в восточнославянских списках (жития Вячеслава и Людмилы, перевод латинского жития св. Вита, молитв с упоминанием католических святых)¹²⁰, несмотря на то, что появление здесь этих памятников могло бы объясняться и не прямыми контактами, а через посредство Далмации или Руси.

Не сохранилась и славянская версия Жития князя Иоанна-Владимира, созданная вскоре после его смерти¹²¹. Памятник известен лишь по латинскому переводу в составе «Летописи попа Дуклянина» («Барский родослов»)¹²². Едва ли не единственное свидетельство официального почитания этого святого православной Церковью в древности¹²³ — наличие его памяти в месяцеслове Апостола апракос из собрания С. Верковича (РНБ, Q.п.1.46), рукописи со смешанным болгарско-сербским правописанием рубежа XIII—XIV вв.¹²⁴, но восходящей несомненно к более раннему оригиналу. Эта память указывает, скорее всего, не на устойчивые связи Охрида с Далмацией и Зетой, а на постепенное угасание культа этого святого в Охридской архиепископии под греческим управлением. Если сразу после византийского завоевания почитание зетского князя, принявшего мученическую смерть от последнего болгарского царя, полуузурпатора Иоанна-Владислава, было весьма актуально, то уже к концу XI в. ситуация изменилась. Культ Иоанна-Владимира, ставшего небесным покровителем Зетского княжества и его династии, получил распространение в учрежденной в 1089 г. католической Барской архиепископии¹²⁵, а отношения Византии и сербских княжеств во второй половине XI — первой половине XII в. были далеки от добрососедских (участие зетского княжича Константина Бодина в восстании Георгия Войтеха, походы жупана Вукана в Македонию)¹²⁶.

Самостоятельную проблему в области изучения культурных связей Охрида и его епархии с другими славянскими странами составляет вопрос контактов (особенно ранних — до последней четверти XII в.) с Киевской Русью. Интерес к этой теме обусловлен как конкретными следами таких связей (отражением западноболгарских орфографических особенностей в древнерусских списках XI—XII вв.)¹²⁷, так и спекулятивными построениями в отношении древнейшей русской церковной истории. Последние в конечном итоге восходят к гипотезе М. Д. Приселкова о первоначальном крещении Руси и получении ею церковной иерархии от болгарского патриарха в Охриде¹²⁸. Несостоятельность этой версии была в свое время убедительно доказана А. В. Поппе¹²⁹, однако нет сомнений, что она будет возрождаться и в дальнейшем в спекулятивных научных и (по большинству) околонаучных построениях¹³⁰. В ней, однако, нет нужды для объяснения «западноболгарского следа» в древнерусской письменности, который, как уже говорилось, ограничивается орфографическими проявлениями. Обилие сочинений (и тем более их списков) Климента Охридского в древнерусской традиции, начиная с XII в. (помимо учительных и похвальных слов, известных с середины прошлого столетия¹³¹, в наше время к ним прибавились древнейшие списки канона Евфимию Великому и цикла общих служб)¹³² не требует для объяснения их появления обращений к охридской версии, т. к. с момента создания эти тексты, несомненно, вошли в ядро общеполгарского литературного корпуса. На фоне этого изобилия сочинений Климента на древнерусской почве особенно заметно отсутствие почитания здесь Климента и Наума (нет ни житий, ни служб, ни памятей в месяцесловах), равно как и тивериупольских мучеников и царя Петра, формирование культа которого связано с Западноболгарским царством¹³³. Разумеется, в случае существования церковной преемственности киевской иерархии от Охрида это было бы невозможно¹³⁴.

Вероятнее всего предположить, что контакты Охрида с Русью осуществлялись на неофициальном уровне, выражаясь в основном в копировании восточнославянскими книжниками западноболгарских оригиналов в скрипториях Константинополя, Афона, Олимпа и других интернациональных центрах общения православного монашества¹³⁵. Отличительной чертой культурных контактов членов средневекового «византийского содружества» являлось то, что эти связи осуществлялись (даже при наличии общих границ и политических союзов, как у Болгарии и Сербии) по преимуществу не непосредственно, а через столицу империи и монашеские центры. Ситуация характерна даже для периода глубокого упадка Византии в XIV—XV вв., тем более она вероятна для периода отсутствия национальных славянских государств на Балканах.

В принципе нельзя исключить и возможности приезда на Русь на протяжении XI—XII вв. болгарских книжников (и в том числе из Охрида) в свите греческих иерархов Киевской митрополии — знание одновременно греческого и славянского языков делало их весьма полезными служителями митрополичьей и епископских кафедр (хотя письменных свидетельств об этом не сохранилось). Но такие славянские спутники греческих иерархов, в сущности, тоже осуществляли связи на неофициальном уровне¹³⁶.

Славянскому литературному наследию эпохи византийского владычества присуще глубокое своеобразие, на большинство этих памятников наложило отпечаток породившее их время.

Одной из особенностей болгарской литературы византийского периода, не имеющей аналогий (во всяком случае в таком масштабе) в литературах других православных славянских стран, является комплекс текстов историко-эсхатологического содержания, в которых события «последних времен» перед приходом Антихриста приурочены наряду с традиционными Святой Землей и Константинополем также к болгарским (преимущественно западным) землям¹³⁷. Главным и в известной мере итоговым среди этих текстов безусловно является так называемая «Болгарская апокрифическая летопись», созданная во второй половине XI в.¹³⁸ Эсхатологические настроения эпохи, столь активно обратившиеся к апокрифическим жанрам, несомненно были вызваны отчасти неудачами антивизантийских выступлений (восстания Петра Деляна, Георгия Войтеха) и участвовавшими набегами кочевников из-за Дуная и отражают в известной мере распространение элементов богомильского учения среди образованной части славянского общества (как монашества, так и белого духовенства). В то же время идеализация эпохи Василия II («въ дни царя Василиа много блага бывше в людех»)¹³⁹ и отсутствие враждебного отношения к грекам, в сочетании с пессимистическим восприятием настоящего, указывает, что идея греко-славянского симбиоза, по крайней мере в какой-то момент, не была чужда славянским книжникам этого времени¹⁴⁰.

Вторая волна эсхатологических сочинений и новых переводов апокрифов с греческого приходится уже на конец XII—XIII столетия, когда борьба с Византией новосозданных славянских государств, крестовые походы, падение Константинополя и длившиеся в течение 60 лет с переменным успехом войны различных претендентов на наследие Византии породили сходные настроения в обществе¹⁴¹.

Позже вытеснение славянского языка из богослужебной сферы и в целом смещение его на периферию в области культуры вызвало ответную реакцию славянских книжников. Она выразилась в создании и редактировании памятников, призванных доказать святость и богоизбранность болгарского языка (отождествляемого со славянским в целом) и славянской письменности, таких, как переделка сочинений черноризца Храбра, дошедшая в Берлинском (XIV в.) и Марчанском (XVI в.) списках¹⁴² и апокрифическая Солунская легенда¹⁴³. Последний памятник роднит с сочинениями эсхатологического цикла не только явная апокрифичность сюжета. Подобно тому как в них Болгария связана с заключительными событиями человеческой истории, в Солунской легенде болгары — первый славянский народ, обратившийся в христианство и обретший свою письменность. Версия о первоначальной деятельности первоучителей среди македонских славян (на Брегалнице) в XIII в. была канонизирована в новом памятнике — Кратком Житии («Успении») Кирилла Философа (в котором декларируется и болгарское происхождение героя)¹⁴⁴ — тексте, значительно потеснившим с течением времени Пространное Житие Константина в южнославянской рукописной традиции¹⁴⁵.

Трудно сказать, насколько широко были распространены все эти памятники в современной им письменной традиции — почти все они дошли в достаточно позд-

них (обычно не ранее XV в.) списках¹⁴⁶, а наиболее оригинальные из них («Болгарская апокрифическая летопись», «Сказание пророка Исаяи»¹⁴⁷) к тому же и в уникальных.

Другие литературные тексты, написанные в XI—XII вв. на славянском языке — в первую очередь жития местных святых (Иоанна Рыльского, Гавриила Лесновского¹⁴⁸, Прохора Пшинского¹⁴⁹, Иоакима Осоговского¹⁵⁰), — в большей степени отражают традиции локальных центров; исключение составляет лишь так называемое Народное житие Иоанна Рыльского, получившее достаточно широкое распространение, хотя и в поздних (XV—XVII вв.) списках¹⁴¹. Культы этих пустынножителей имели сугубо локальное значение, а их жития (за исключением кратчайших проложных повестей)¹⁵², вероятно, были мало известны за стенами обителей. Служба Иоакиму Осоговскому, представленная достаточно ранними списками (кон. XIII — перв. пол. XIV в.)¹⁵³, как недавно установлено, в основе является переделкой канона Евфимию Великому Климента Охридского¹⁵⁴ и не содержит данных для узкой (в пределах XII—XIII вв.) датировки.

В письменной традиции XI—XIII вв. трудно выявить и следы сколь-либо широкого почитания Климента и Наума, кроме памятней первого из них в месяцесловах (см. выше). По всей видимости, оно также носило сугубо местный характер, не выходя за пределы собственно архиепископской территории. Тексты, связанные с их почитанием, распространены, пожалуй, еще меньше, чем жития македонских подвижников. Очевидно, к XIII в. их славянские жития были столь мало известны вне этих пределов, что не были включены ни в один из списков Пролога Константина Мокисийского, который в это время получает известность у южных славян через посредство русской монашеской колонии в Константинополе или на Афоне¹⁵⁵. Ситуация не изменилась и в XIV в., когда Пролог Константина Мокисийского вышел на славянском Юге из употребления и был заменен Стишным (метрическим), переведенным, по всей вероятности, в Сербии в первой половине этого столетия¹⁵⁶. Лишь где-то между серединой XIV в. и концом XV в. Краткое Житие Климента, написанное Димитрием Хоматианом и переведенное на славянский язык, было включено в Стишный пролог, представленный списком (скорее всего, охридского происхождения) из библиотеки Зографского монастыря¹⁵⁷. Древнейшее же житие Наума, вероятно, было включено в ту же рукопись уже в процессе ее написания (оно помещено не под соответствующим числом, а в конце кодекса).

Древнее же славянское Пространное Житие Климента, отразившееся отчасти в греческом, составленном Феофилактом Охридским, и в латиноязычном памятнике чешской агиографии конца X в. — Легенде Кристиана¹⁵⁸, — погибло либо полностью вышло из обращения не позднее XII в. Вероятно, невольным виновником его гибели явилось именно сочинение Феофилакта. С появлением нового житийного текста на греческом языке нужда в его славянском предшественнике окончательно отпала, и о сохранности этого и тогда уже редкого (если не уникального) памятника перестали заботиться. Славянская служба Клименту и оба славянских жития Наума представлены в полном смысле уникальными списками¹⁵⁹.

Корпус славянских текстов, отражающих литературную и переводческую деятельность славянских первоучителей и книжников Первого царства, связанный с

книгописной традицией Охридской архиепископии XI — первой половины XIII в. значительно беднее по составу своего аналога, дошедшего в восточнославянских списках XI—XVI вв. и восходящего к восточноболгарской традиции IX—X вв. (кодексам преславской дворцовой и, возможно, патриаршей библиотек). По сравнению с последней в первой весьма показательно отсутствие не отдельных памятников, а целых категорий и жанров (особенно это заметно на переводных сочинениях большого объема). Здесь нет многих богословских сочинений катехизаторского, догматического и полемического плана, таких как Поучения огласительные Кирилла Иерусалимского (кроме Хиландарских листков XI в.), Богословие («Небеса») Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна, экзарха Болгарского¹⁶⁰, Слова на ариан Афанасия Александрийского в переводе Константина Преславского. Бросается в глаза отсутствие канонических и юридических памятников (Кормчая, «Закон судный людем»), исторических (хроники Иоанна Малалы, Георгия Амартола¹⁶¹ и, возможно, Георгия Синкелла¹⁶²) и богословско-космографических («Христианская топография» Козьмы Индикоплова, «Шестоднев» Севериана Гевальского, Диалоги Псевдокесария — в славянской версии «Вопросы Сильвестра и ответы Антония» и др.).

Отсутствие южнославянских списков этих текстов до рубежа XIII и XIV столетий неудивительно и отнюдь не свидетельствует об отсутствии в то время в книгохранилищах Охрида и его епархии самих памятников. Уместно напомнить, что и в древнерусской традиции целый ряд их представлен исключительно списками XV—XVI вв. (Слова Афанасия Александрийского, Христианская топография, Хроника Малалы (в составе «Летописца еллинского и римского»), Хроника Синкелла, Беседы Сильвестра и Антония, «Шестоднев» Севериана и др.), хотя они получили здесь известность еще в XI в. Правда, у южных славян эти памятники неизвестны и в более поздних списках (если только, подобно единственному сербскому списку Индикоплова, не восходят к русской традиции)¹⁶³. Вероятно, уместно говорить об исторической востребованности тех или иных памятников в разные эпохи. Число текстов, пассивно сохраняемых той или иной письменной традицией без постоянного репродуцирования, нередко может значительно превосходить число активно используемых¹⁶⁴. В благоприятные эпохи корпус может активно мобилизоваться, блестящий пример чему дает восточнославянская книжная традиция XV — первой трети XVI в., сохранившийся репертуар которой почти в полном объеме репрезентативен и для своего времени, и для всех предшествующих эпох¹⁶⁵.

«Невостребованность» перечисленной группы памятников у южных славян объясняется, несомненно, длительным отсутствием национальных государственной и (в особенности) церковной организаций. Это отсутствие весьма увеличивало элемент случайности в сохранности отдельных памятников, что при малом (практически нулевом) тиражировании могло приводить к забвению или гибели многих из них. Византийской светской и церковной администрации славянские переводы греческих текстов, разумеется, не были нужны.

В силу этих причин памятники и переводы, созданные в окружении Кирилла и Мефодия и книжниками Первого Болгарского царства и дошедшие в списках (болгарских и сербских), связанных с охридской книжной традицией, ограничиваются

в основном литургическими книгами, богослужбными текстами, памятниками агиографии и учительного и похвального красноречия. То есть речь идет о наиболее древнем литературном пласте, состоящем из памятников, предназначенных в первую очередь для церковного обихода. Роль этого комплекса для исследования кирилло-мефодиевской проблематики особенно возросла за последние десятилетия, когда были открыты гимнографические тексты, созданные учениками славянских апостолов. Хотя ряд их представлен и восточнославянскими списками, при этом достаточно ранними¹⁶⁶, в целом у южных славян они сохранились в более полном объеме. Так, лишь в болгарских и сербских списках (наиболее полно в Битольской триоди XIII в.) дошел цикл триодных песнопений Константина Преславского¹⁶⁷, только в южнославянских рукописях (по крайней мере в настоящее время) известны служба на перенесение мощей Иоанна Златоуста, каноны архангелу Михаилу и на Введение Богородицы (все со славянскими акростихами). То же можно сказать о стихирях с азбучным (в глаголической последовательности) акростихом в Чине бельческого (и иерейского) погребения в составе Требника¹⁶⁸, и о другом цикле заупокойных стихир и стихир «на целование мертвого», сохранившем фрагменты славянского акростиха и принадлежащем перу Константина Преславского¹⁶⁹.

Открытия памятников древнейшей славянской гимнографии в последние годы показали, что творчество учеников Кирилла и Мефодия в этой области затронуло едва ли не все типы богослужбных книг — Минеи, Триоди, Требник, Октоих¹⁷⁰ (т. е. календарный, великопостный и пасхальный и седмичный круги богослужения). Такую гимнографическую активность, проявившуюся в эпоху Симеона и выразившуюся в создании специальных славянских текстов, посвященных общехристианским праздникам и святым (практически не имеющую аналогий в позднейшей славянской средневековой гимнографии)¹⁷¹, следует, вероятно, рассматривать как составную часть церковной и политической программы царя, направленной на создание болгарского аналога византийской гимнографии, переживавшей в IX в. период расцвета¹⁷².

Хотя и болгарская (включая сюда в значительной мере и восточноболгарскую XIII—XIV вв.), и сербская книжные традиции в равной мере восходят к охридской X—XI вв.¹⁷³, между ними наблюдается существенная разница. Сербская с несравненно большей полнотой сохраняет и воспроизводит древнейший книжный репертуар¹⁷⁴. Если в болгарских списках XIII в. помимо литургических памятников известны только две толковые Псалтыри (Болонская и Погодинская) и Лествица¹⁷⁵, то среди сербских рукописей этого времени можно найти и несколько списков Торжественника, включающих в себя тексты минейного и триодного циклов (Гомилиарий Михановича¹⁷⁶, Милешевский Панегирик¹⁷⁷), Учительное Евангелие Константина Преславского (1286)¹⁷⁸ и Шестоднев Иоанна Экзарха (1263), а также четыре сборника смешанного содержания: знаменитый Сборник попа Драголя¹⁷⁹, Призренский¹⁸⁰ и найденный в 1975 г. Синайский¹⁸¹. Только сербскими списками XIII—XIV вв. и позднейшими русскими представлен Проглас к Евангелию Константина Философа¹⁸².

В сербских списках XIV столетия сохранился ряд древних текстов, неизвестных в болгарской и русской традиции. Таковы, например, Слово на Рождество Хри-

ство, содержащее древнюю легенду о бегстве из Рима дочери императора Августа (что послужило причиной переписи населения, совпавшей с рождением Спасителя)¹⁸³, относимое исследователями к числу древнейших памятников славянской письменности¹⁸⁴, похвальные слова апостолу Павлу и 40 мученикам Севастийским Климента Охридского¹⁸⁵. Только сербским списком рубежа XIII—XIV вв. (ГИМ, Хлуд. 156) представлена древнейшая служба первоучителю Мефодию¹⁸⁶ (правда, служба Мефодию, написанная Константином Преславским, содержится только в болгарских рукописях).

Следует заметить, что болгарские тексты, переводы и сборники эпохи Первого царства, отличает особенность, не имеющая существенного значения в контексте эпохи появления их протографов, но показательная для истории их бытования и восприятия во время создания списков. Нередко они лишены указаний на время, место и обстоятельства создания оригиналов. Связь их с книжной культурой Первого царства устанавливается лишь в силу существования этих сведений в послесловиях к русским спискам. Ситуация устойчиво асимметрична — в восточнославянской традиции почти нет таких памятников, происхождение которых прояснялось бы из южнославянских списков. К числу таких памятников относится Учительное Евангелие Константина Преславского, Изборник Симеона (Изборник 1073 г.), две редакции Златоустра, беседа Козьмы Пресвитера. Все они лишены предисловий и послесловий, имеющих в древнерусских списках, Изборник представлен в сербских рукописях не в полном объеме¹⁸⁷, пространный Златоуструй — в выборках¹⁸⁸, а «Беседа» Козьмы — в компилятивной переделке XII—XIII вв.¹⁸⁹ Исключение составляет Шестоднев Иоанна Экзарха в древнейшем списке 1263 г. (где эти сведения входят в пролог) и перевод жития Антония Великого, выполненный в X в. пресвитером Иоанном¹⁹⁰.

Большой хронологический разрыв между болгарскими протографами и сербскими списками делает возможными многие варианты объяснения. Едва ли стоит видеть причину этого молчания сербских списков в стойкой антипатии их писцов к прошедшей болгарской славе (хотя нельзя, конечно, исключать полностью и такого момента). Вообще, практика копирования предисловий и послесловий в южнославянской письменной традиции практически не изучена, но большинство примеров относится уже к XVI—XVII вв.¹⁹¹ — возможно, для более раннего времени она вообще не характерна (напомню, что для древнерусской традиции она, насколько можно судить, становится обычной с первой половины XV в.)¹⁹². Причиной может быть и уже упомянутая непервоначальность текстов в сербских списках. Наконец, это различие между сербской и русской традициями памятников может быть и исконным: первые восходят к неофициальным спискам, лишенным «выходных данных», тогда как вторые — к официальным экземплярам преславской дворцовой библиотеки.

Лучшая сохранность памятников древнейшей славянской письменности в сербской традиции сравнительно с болгарской обусловлена целым рядом обстоятельств. Политическая обстановка в Сербии в XIII в. по сравнению со Вторым Болгарским царством (где многие рукописи могли погибнуть во время татарских набегов последней четверти столетия, а древняя библиотека Зографского монастыря сгорела в 1275 г. во время насильственной попытки ввести унию на Афоне) была

несравненно более благоприятна для сохранения памятников. Различия сохранялись и позже. В отличие от Болгарии, где «афоно-тырновская книжная справа», поддержанная властью и авторитетом патриарха Евфимия, вызвала почти полную замену гомилетического корпуса уставных чтений и разрыв со старой традицией, в Сербии XIV в. этого не произошло. Хотя Иерусалимский богослужебный устав начал вводиться в сербской церковной практике уже в 1310-х гг., это не сказалось на сборниках уставных чтений. Так, три комплекта минейного Торжественника, содержащего древние переводы слов (в том числе и гомилий Климента) и житий, переписанные в последней четверти XIV в. в Липлянской митрополии¹⁹³, современны ранним сборникам тырновских переводов так называемой «студийской коллекции»¹⁹⁴. Несмотря на постепенное распространение корпуса тырновских переводов в сербской письменности, полной замены не произошло и позднее, старые тексты продолжали тиражироваться вплоть до XVII в.¹⁹⁵

Сравнительно же с западноболгарской традицией (где ситуация в XIV—XVII вв. не отличалась от сербской), особенность Сербии заключалась в более благоприятных условиях существования славянской письменной традиции на раннем этапе (XI—XII вв.). Политическая ситуация в континентальной Сербии (Рашке) до Стефана Немани не отличалась стабильностью, периоды внешнеполитических успехов сменялись подчинением Византии; но уже с 1080-х гг. значительная часть сербских земель освободилась из-под власти империи¹⁹⁶. Хотя церковная история Рашки этого времени ввиду полного отсутствия источников представляется сплошным темным пятном (неясно, например, даже существовала ли в последней четверти XI — середине XII в. епископия в Раше)¹⁹⁷, тем не менее археологические данные надежно свидетельствуют об активном строительстве храмов в регионе в конце XI — первой половине XII в., преимущественно в долине Лима¹⁹⁸. Стремление первых великих жупанов Рашки (Вукана и его племянника Стефана Уроша) проводить независимую политику по отношению к бывшему сюзерену — зетскому князю — и к Византии не могло не наложить отпечаток на отношение к двум балканским церковным центрам: православной Охридской и католической Барской архиепископиям (учреждена в 1088 г. по инициативе князя Зеты). Можно полагать, что в подобной ситуации (по аналогии с державой Неманичей конца XII — начала XIII в.) сохранение и поддержание в Рашке славянского богослужения и письменности в противовес латинской и греческой могло рассматриваться как существенный элемент борьбы за самостоятельность.

Положение славянской письменности и богослужения в качестве официальных были узаконены в Рашке Неманичей еще до учреждения автокефальной церкви. Создание последней в 1219 г. дало дополнительный толчок к переписке книг, необходимых для нужд новоучрежденных епархий, центры которых располагались в монастырях. При этом новая сербская традиция формировалась как под влиянием (через Афон) восточнославянских образцов, так и в неменьшей степени за счет использования старого охридского наследия.

С течением времени сербская Церковь и ее книжная традиция сыграла значительную роль в возрождении славянской письменной традиции практически на всей территории Охридской архиепископии, вероятно, более существенную, чем

восточноболгарская. Политическое и церковное присутствие Болгарии в македонских землях (завоевания Калояна, Иоанна-Асеня II, «держава» Стреза в Просеке) было непродолжительным и поэтому не могло существенным образом повлиять на культурную ситуацию в регионе. Напротив, медленное расширение Сербии на юг, начавшееся в последней четверти XIII в. при Милутине, способствовало возрождению славянской культуры в Македонии и определило пути ее развития не только вплоть до турецкого завоевания, но во многом и в более позднее время. Это оживление местной книжной традиции в конце XIII—XIV в. в сочетании с ее консерватизмом активизировало здесь древнейший культурный пласт и тем самым во многом способствовало его сохранению.

Примечания

¹ О политической истории региона в X—XI вв. см.: *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия. София, 1924 (репринт — 1995). Т. 1 (От основанието и до завоевание-то на Балканския полуостров от турците). С. 52—161; *Пириватирич С.* Самуиловата държава. Обхват и характер. София, 2000. Разумеется, такое деление довольно условно. Применительно к болгарской политической и культурной истории более значительный и определенный нижний рубеж составляет окончание царствования Симеона (927).

² Как отмечал еще Й. Иванов, «если бы не знать, что это служба Клименту, ее приписали бы его перу: настолько она пропитана его приемами и стилистическими особенностями»: *Иванов Й.* Български старини из Македония. 2-о изд. София, 1931 (репринт — 1970). С. 323). См. также: *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1988. С. 12—13; *Мирчева Б.* Службата за св. Климент Охридски в празничен Миней № 122 от Народната библиотека «Св. св. Кирил и Методий» в София // *Palaeobulgarica*. 2000. № 2. С. 70—84 (новейшее издание текста).

³ Новейшие исследования, посвященные личности и творчеству Петра Черноризца: *Павлова Р.* Петър Черноризец — старобългарски писател от X век. София, 1994 (Кирило-Методиевски студии. Кн. 9); *Димитров П.* Петър Черноризец. Велико Търново, 1995; Кирило-Методиевска енциклопедия (КМЕ). София, 2003. Т. 3. С. 140—144; История на българската средновековна литература / Съст. А. Милтенова. София, 2008. С. 265—267.

⁴ О Козьме Пресвитере и его сочинении подробнее см.: *Бегунов Ю. К.* Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1975; КМЕ. София, 1995. Т. 2. С. 366—372; История на българската средновековна литература... С. 278—283.

⁵ КМЕ. Т. 2. С. 146—150; История на българската средновековна литература... С. 285—287; Православная энциклопедия (ПЭ). М., 2009. Т. 21. С. 287—289.

⁶ См.: *Георгиев Е.* Литература на изострени борби в средновековна България. София, 1966. С. 300—305.

⁷ О ней см.: *Иванов Й.* Български старини... С. 383—393; *Кожухаров С.* Проблеми на старобългарската поезия. София, 2004. Т. 1. С. 75—79; *Билярски И., Йовчева М.* За датата на Успение на цар Петър и за култата към него // ТАНГРА: Сб. в чест на 70-годишнината на акад. В. Гюзелев. София, 2006. С. 543—557.

⁸ В настоящее время можно считать установленным, что вся славянская гимнография, посвященная Иоанну Рьльскому, восходит ко времени не ранее второй половины XII в. и представляет переводы греческих сочинений, принадлежащих перу Георгия Скилицы — см.: *Добрев И.* Каноните за св. Иван Рилски от Георги Скилица // *Palaeobulgarica*. 2002.

№ 3. С. 3—12; *Он же*. Свети Иван Рилски. Линц, 2007. Кн. 1 (Altbulgaische Studien. Bd. 5). С. 38—139, 161—212, 381—481.

⁹ См.: *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914 (ЭСФ. Вып. 4.1). С. 22—26, сн. 23; *Иванов Й.* Български старини... С. 43—25. Библиография: *Томовић Г.* Морфологија ћириличких натписа на Балкану. Београд, 1974. С. 31, № 1; *Смядовски С.* Българска кирилска епиграфика. IX—XV век. София, 1993. С. 202—203. Весной 2004 г. в юго-западной Болгарии, в окрестностях Беласицы, была обнаружена еще одна надпись царя Самуила, весьма краткая и (в сравнении с первой) мало информативная: «Самуил, верен царь и самодержец всем болгаром» (см.: *Добрев И.* Новоткритият надпис за цар Самуил и събитията в 1014 г. // *Palaeobulgarica*. 2004. № 3. С. 3—24).

¹⁰ *Иванов Й.* Български старини... С. 26—28. Библиография: *Томовић Г.* Морфологија ћириличких натписа... С. 32, № 2; *Смядовски С.* Българска кирилска епиграфика... С. 191.

¹¹ *Мошин В.* Битољска плоча из 1017 године // *Македонски јазик*. Скопје, 1966. Кн. 17. С. 51—61; *Заимов Й.* Битолски надпис на Иван Владислав, самодържец български. Старобългарски паметник от 1015—1016 г. София, 1970; *Томовић Г.* Морфологија ћириличких натписа... С. 33, № 4; *Смядовски С.* Българска кирилска епиграфика. С. 190.

¹² *Радојчић Ђ. С.* Доба постанка и развој старих српских родослова // *Историски гласник*. 1948. № 2. С. 21—36; *Лексикон српског средњег века / Приредили С. Ћирковић, Р. Михалчић.* Београд, 1999. С. 367—368 (Летописи); 625—627 (Родослови).

¹³ См.: *Каймакамова М.* Българска средновековна историопис. София, 1990. С. 77—87.

¹⁴ Там же. С. 89—106.

¹⁵ См.: *Этническое самосознание славянских народов в XV столетии*. М., 1995. С. 188—189.

¹⁶ Впрочем, в данном случае о полноте сохранившегося корпуса (см. о нем: *Кожухаров С.* Българската литература през XIII в. // *Българската литература и книжнина през XIII в.* София, 1987. С. 25—37; ср.: *История на българската средновековна литература...* С. 433—481) говорить достаточно трудно, поскольку почти вся вторая половина XIII столетия из-за усобиц и постоянных татарских набегов мало способствовала не только развитию, но и поддержанию определенного уровня церковной и культурной жизни в стране (см. статью «Судьба древнейших славянских литературных памятников в средневековых национально-региональных традициях» в настоящем сборнике, раздел «Восточная Болгария (Тырновское царство)»).

¹⁷ См.: *Кашанин М.* Српска книжевност у средњем веку. Београд, 1975. С. 111—151; *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980. С. 141—154.

¹⁸ В состав этого тырновского пантеона, созданного в основном за счет военных трофеев первых Асенидов, вошел также Иоанн Рыльский, чьи мощи были еще в 1195 г. перенесены в новую столицу, и святой воин Михаил из Потуки, которому легендарная и агиографическая традиция приписывают болгарское происхождение. См.: *Българска литература...* С. 205, 209—214, 234.

¹⁹ *Суботин-Голубовић Т.* Култ светог Ахилија Лариског // *Зборник радова Византолошког института*. Београд, 1987. Књ. 26. С. 21—23; *Она же*. Ахилије — Архилије или о мешању култова // *Богородица Градачка у историји српског народа*: 36. радова. Чачак, 1993. С. 37—46. Ср.: *Васиљев Љ.* Нов податак о времену настанка Асеманијевог еванђеља // *Археографски прилози*. 1989—1990. Кн. 10—11. С. 14—15. *Иванова К.* Неизвестна сръбска служба за св. Ахил Лариски (Преспански) // *Старобългарска литература*. София, 1999. Кн. 31. С. 24—40.

²⁰ В месяцеслове Евангелия тетр XII в. (РГАДА, ф. 381 (собр. Рукописного отделения Библиотеки Московской Синодальной типографии), № 1, л. 190 об.) помещена (под 31 июля)

уникальная для древнерусских рукописей память Иоанна Экзарха (см.: *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2000. С. 53—54, 79—80), чья жизнь и деятельность связаны с Преславом, но неизвестны памяти Климента Охридского и царя Петра, входящие в рукописи болгарской и сербской традиции (о почитании Иоанна Экзарха у южных славян см.: Там же. С. 53—54, 79—80; КМЕ. Т. 2. С. 170—171; *Турилов А. А.* Сербские отрывки XIII—XVI вв. библиотеки Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне. Ч. 1 (Рукописи XIII—XIV вв.) // Археографски прилози. Београд, 2006. Бр. 28. С. 58, 69). Данное обстоятельство, вероятнее всего, объясняется тем, что почитание Климента изначально было связано с западными епархиями, вошедшими позднее в состав Охридской архиепископии, а память Петра, умершего в 969 г., не успела до византийского завоевания распространиться в восточно-болгарских рукописях, отразившихся в древнерусских списках (О почитании Климента и царя Петра у южных славян см.: *Павлович Љ.* Култови лица код Срба и Македонаца: Историјско-етнографска расправа. Смедерево, 1965. С. 11—16; *Павлова Р.* Петър Черноризец... С. 23—26; *Стефановић Д.* Прилог проучавању јужнословенских месецослова XIII и XIV в. // Јужнословенски филолог. Београд, 1989. Књ. 48. С. 137—160; О месяцесловах древнейших русских рукописей см.: *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. 2-е изд. Владимир, 1901. Т. 1—2 (репринт — М., 1997. Т. 1—3); *Лосева О. В.* Русские месяцесловы... С. 24—120.

Еще одна память, обычно определяемая в литературе как болгарская и встречающаяся в древнерусских месяцесловах, является исследовательской фикцией, обросшей значительной историографией. Это память Григория, епископа Мисийского (Мизского), читающаяся в месяцеслове Остромирова Евангелия под 8 января («память святаго Григора епископа Мусии»); в искаженном виде помещена также в Охридском апостоле конца XII в. — «Память святому Григорию, епископу и Моисею».

Подробнее о возникновении и реальном содержании этого месяцесловно-историографического фантома см.: *Лосева О. В.* Одна из загадок месяцеслова Остромирова Евангелия // Румянцевские чтения. М., 1996. Ч. 2. С. 56—60; *Она же.* Русские месяцесловы... С. 80—82; *Турилов А. А.* Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. (К вопросу формирования болгарского варианта церковного календаря в эпоху Первого царства) // *Palaeobulgarica*. 1999. № 1. С. 14—15 (испр. и доп. вариант статьи публикуется в наст. изд.).

²¹ *Скоморохова-Вентурини Л.* Месяцеслов как памятник языка и культуры // Полата књигописна. Nijmegen, 1985. № 14—15; *Коцева Е., Атанасов А.* Цариградският месяцеслов от X век и календари в български писмени памятници // Хиляда и осемдесет години от смъртта на св. Наум Охридски. София, 1993; *Ковязина Н.* Месяцеслов славянского апракосного Евангелия XI—XVI вв. сентябрь // *Palaeobulgarica*. 1997. № 3. О составе месяцесловов древнейших южнославянских рукописей см.: *Сергий.* Полный месяцеслов... Т. 1.; а также: Кирило-методиевска енциклопедия. София. 1985. Т. 1. («Вести за Кирил и Методий»); 1995. Т. 2. («Йоан Екзарх», «Месяцеслов», «Климент Охридски»); *Лосева О. В.* Русские месяцесловы... С. 76—86. Идея преемственности от единого Болгарского царства нашла в церковной практике державы комитопулов выражение в распространении и поддержании культа царя Петра.

²² Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР / XI—XIII вв. (далее — СК). М., 1984. С. 59. № 15.

²³ *Tarnanidis J. C.* The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catharine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988. P. 91—100.

²⁴ *Райнхарт Й. М., Турилов А. А.* Будапештский глаголический отрывок: древнейший славянский список Жития Симеона Столпника // *Slovo*. 1990. Кнж. 39—40. С. 37—44.

²⁵ *Tarnanidis J. C. The Slavonic Manuscripts...* P. 100—102.

²⁶ *Ibid.* P. 103—108; О Литургии апостола Петра в рукописи см.: *Паренти С.* Глаголический список римско-византийской литургии св. Петра // *Palaeobulgarica*. 1994. № 4. С. 3—14; ср.: *Schaeken J.* Vorläufige Bemerkungen zum neuentdeckten glagolitischen Missale Sinaiticum // *Die Welt der Slaven*. 1989. Bd. 34. S. 32—40.

²⁷ СК № 109. С 136—137. Образцы глаголического письма см.: *Лавров П. А.* Палеографические снимки с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. СПб., 1905. Вып. 1. XI—XIV вв. Табл. 11, 12; *Десподова В., Славева Л.* Македонски средновековни ракописи. Прилеп, 1988. [Кн.] 1. С. 95 (№ 19).

²⁸ Описание рукописи см.: *Кодов Хр.* Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската Академия на науките. София, 1969. С. 62—75 (здесь же публикация набором всех глаголических приписок). Снимки образцов глаголицы: *Попов Г.* Триодни произведение... Таб. 20, 22, 33, 42, 51, 52, 56, 78, 88—89, 95.

²⁹ СК. № 222. С. 240—241. Снимки образцов глаголицы: *Каринский Н. М.* Образцы глаголицы. СПб., 1908. Таб. 13. О следах глаголицы в позднейших южнославянских кириллических рукописях см. также: *Трифуновић Ђ.* Ка почецима српске писмености. Београд, 2001. С. 161—187; *Мусакова Е.* Кирилски ръкописи с глаголически вписвания // *Glagoljica i hrvatski glagolizam*. Zagreb; Krk, 2004. С. 523—548.

³⁰ Наиболее полная сводка сведений о славянских палимпсестах содержится в работе: *Кръстанов Т.* Славянските палимпсести // Описание и каталогизирование средневековых рукописей. София, 1984 (= *Balkanica III. Etudes et documents* 3).

³¹ СК № 191. С. 216—218; *Добрев И.* Глаголически текст на Боянския палимпсест. Старобългарски паметник от края на XI в. София, 1972.

³² СК № 305. С. 276, 277. Образцы этих почерков (возможно, не вполне современных друг другу) см.: *Лавров П. А.* Альбом снимков с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916 (Прилож. к ЭСФ. Вып. 4.1). Сн. 40; *Загребин В. М.* Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. СПб., 2006. Ил. 13—14.

³³ СК № 73. С. 113. Образец почерка: Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. Л., 1970. Рис. 8. *Трифуновић Ђ.* Житије из времена светога Саве // Спаливање моштију светога Саве (1594—1994): Зборник радова. Београд, 1997. С. 39—54. Кроме того, как удалось выяснить автору в последнее время, к числу древнейших сербских кириллических рукописей (не позднее рубежа XII—XIII вв.), по палеографическим признакам несомненно относятся отрывки (3 л.) Евангелия апракос, служащие нижними защитными листами (229—231) при сербской же рукописи Октоиха (Вена, Нац. б-ка Австрии, Слав. 46). В существующей литературе листки ошибочно датируются либо суммарно XIII—XIV вв. (*Birkfellner G.* *Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich*. Wien, 1975. S. 324), либо XIV в. без уточнения (*Проловић Ј.* Српски рукописи XIII и XIV в. у Бечу и манастир Хиландар // *Хиландарски зборник*. Београд, 1986. Бр. 6. С. 166—170). Обе эти датировки возникли из-за того, что листки не были осознаны описателями как защитные (соответствовавшие им листы в начале кодекса и само это начало утрачены), т. е. случайно включенные в кодекс.

³⁴ *Ђорђић П.* Историја српске ћирилице: Палеографско-филолошки прилози. 2-е изд. Београд, 1987. С. 67. Табл. 30, 31. *Томовић Г.* Морфологија ћириличких натписа... С. 36—37 (№ 7—8); *Чижоја Б.* Најстарији српски ћирилски натписи. Београд, 2008. С. 26—32; *Kuna H.* *Srednjovekovna bosanska knjizevnost*. Sarajevo, 2008 (Forum Bosnae, br. 45/08). S. 294—298, 309, 312, 327—331, 338—340.

³⁵ *Ђорђић П.* Историја... С. 146—154; *Nazor A.* Ćirilica u glagoljskim rukopisima // *Litterae slavicae medii aevi*: Francisco Venceslao Mareš Sexagenario Oblatae. München, 1985 (Sagner slavistische Sammlung. Bd. 8). S. 241—252.

³⁶ СК. № 15. С. 59. Палеографическое описание и снимки см.: *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение... С. 72—79.

³⁷ Палеографическое описание см.: Там же. С. 76—80. Образцы почерков: Асеманиево Евангелие: Факсимилно издание. София, 1981.

³⁸ См.: *Тихомиров Н. Б.* Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в Отделе рукописей ГБЛ // *Записки Отдела рукописей ГБЛ.* 1962. Вып. 25. С. 144, 146; СК № 14. С. 54—55.

³⁹ См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV в., хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. М., 2002. Вып. 1 (СК XIV). Прилож. 2. С. 657—658 (№ д65); *Турилов А. А.* Хлудовский глаголический палимпсест — отрывок болгарской Минеи праздничной XI—XII вв. (предварительные наблюдения) // «Пети достойте»: Сб. в помет на Стефан Кожухаров. София, 2003. С. 32.

⁴⁰ См.: *Сперанский М. Н.* Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929 (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4.2). С. 4.6.

⁴¹ Там же. С. 59—63.

⁴² *Стојановић Љ.* Темнићки натпис X—XI в. // *Јужнословенски филолог.* 1913. № 1—2. С. 4—20; *Ђорђић П.* Историја. С. 45. Табл. 13. *Трифуновић Ђ.* Ка почецима српске писмености... С. 55—58; *Чугоја Б.* Најстарији српски ћирилски натписи... С. 17—19.

⁴³ См.: *Ђорђић П.* Историја. С. 67. Табл. 26; *Томовић Г.* Морфологија ћириличких натписа... С. 34, № 5; *Чугоја Б.* Најстарији српски ћирилски натписи... С. 22—23.

⁴⁴ См.: *Иванов Й.* Български старини... С. 53. № 40; *Смядовски С.* Българска кирилска епиграфика... С. 93.

⁴⁵ О них см.: *Попконстантинов К.* Новооткрити старо-българските надписи от X век в североизточна България // *Славянска палеография и дипломатика.* София, 1980. С. 39—69; *Он же.* Заклинателни молитви върху оловни амулети от средновековна България и паралели им в требници от средновековна Сърбия // *Зборник радова Византолошког инта.* Београд, 2009. С. 341—350; *Он же.* Евангелские тексты в эпиграфических памятниках средневековой Болгарии // *Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов.* СПб., 2010. С. 97—105; *Popkonstantinov K., Kronsteiner O.* Altbulgarische Inschriften. Salzburg; Wien, 1994. Bd. 14; КМЕ. Т. 2. С. 850—853 («Оловни пластини»); *Kostova R.* Silent communication: Graffiti from the Monastery of Ravna, Bulgaria // *Studien Documentationen: Mitteilungen der ANISA.* 1996. Hft. 1. S. 57—78.

⁴⁶ Известную аналогию затянувшемуся употреблению глаголицы в качестве книжного письма в охридском регионе обнаруживает (правда, в более скромных масштабах) письменная традиция Новгорода и Пскова в XV в. Здесь в эпоху «второго южнославянского влияния», распространения южнославянских по происхождению полууставных почерков, среднеболгарской орфографии, балканского и неовизантийского стилей книжной орнаментики довольно долго продолжают существовать старые уставные и полууставные почерки, отражающие местную традицию XIV в. Тексты, написанные ими, сохраняют, как правило, традиционную восточнославянскую орфографию без следов южнославянской. Процесс распространения «второго южнославянского влияния» в графике, орфографии и книжной орнаментике задержался здесь по отношению к фактическому центру митрополии — Москве (ранние московские памятники, последовательно отражающие «влияние», относятся к рубежу первого и второго десятилетий XV в., новгородские же — к концу

1420-х гг.) и продолжался около полувека (см.: Турилов А. А. Восточнославянская книжная культура конца XIV—XV вв. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 323—324, 334 (испр. и доп. вар-т статьи см. в наст. изд.); Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 114—126), при этом старые почерки употребляются как в книгописании, так и в документальных памятниках (примером чему двинские грамоты середины XV в., берестяные грамоты), правда, их употребление все более провинциализируется и маргинализируется в культурном отношении, так что падение независимости Новгорода едва ли сыграло в этом процессе сколь-либо значительную роль. Меньшая продолжительность переходного периода в случае с Новгородом и Псковом объясняется, скорее всего, тем, что смена типа письма требует меньше времени, чем переход на другую азбуку.

⁴⁷ Помимо бесспорно южнославянских рукописей в состав старославянского канона входят и два глаголических памятника западнославянского происхождения: «Киевские глаголические листки» (отрывок Мисала X—XI вв. — СК XI—XIII, № 1) и «Пражские глаголические листки» (богослужбные отрывки) XI в. (см.: Грунский Н. К. Пражские глаголические отрывки. СПб., 1905 (= Памятники старославянского языка. Вып. 1); *Hannick Ch. Der liturgische Standort der Prager glagolitischen Fragmente // Litterae slavicae medii aevi / Francisco Venceslao Mareš Sexegenario Oblatae. München, 1985. С. 107—118*). Впрочем, в последнее время приведены убедительные доказательства того, что первая страница Киевских листков (содержащая более позднюю приписку) переписана в Далмации, вероятнее всего, писцом Синайского служебника. См.: *Pantelić M. O Kijevskim i Sinajskim listićima // Slovo. 1985. № 35. С. 5—55, 107—118; Йовчева М. Пражките глаголически листове в контекста на старобългарската химнография // Wiener Slavistischer Jahrbuch. 2001. Bd. 47. С. 51—72*.

⁴⁸ РНБ. Глаг. 3 (СК № 36); Синай, библиотека монастыря Св. Екатерины, № Слав. 37/0 и 1/Н (см. *Tarnanidis J. C. The Slavonic Manuscripts... P. 65—86, 219—281* (фототип. изд. текста новонайденной части)).

⁴⁹ БАН, 24.4.8 / Срезн. 55 (СК № 34); РНБ, Глаг. 2 (СК № 35). По всей вероятности, листки происходят из найденного в 1975 г. в монастыре св. Екатерины кодекса Слав. 5/Н. (*Ibid. P. 103—108, табл. 9—10*).

⁵⁰ Памятник издан: [*Dostal A.*] *Clozianus / Staroslovensky ghlaholsky sbornik Tridentsky a Insbrucky. Praha, 1959*; см. также: *Мусакова Е. Клоцовият сборник: кодикологични и археографични добавки // Glagolica: Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur. Wien, 2000. S. 95—108*.

⁵¹ БАН, 24.4.15 / Срезн. 62 (СК № 25); Рылский монастырь № 36/6 (*Христова Б., Караджова Д., Икономова А. Български ръкописи от X до XVIII век, запазени в България / Своден каталог. София, 1982. Т. 1. С. 19—20, № 2*). Снимки почерка см.: *Гошев И. Рилски глаголически листове. София, 1956*.

⁵² Одесская государственная научная библиотека, № 1/2 (СК № 13). Снимки почерка: *Ильинский Г. А. Охридские глаголические листки. Пг., 1915* (Памятники старославянского языка. Т. 3. Вып. 2); *Джурова А. 1000 години българска ръкописна книга: Орнамент и миниатюра. София, 1981. Прилож. Табл. 30; Десподова В., Славева Л. Македонски средновековни ракописи... С. 65, № 8*.

⁵³ Синай, монастырь Св. Екатерины, № Слав. 38/0 и 2/Н. Описание и издание части 38/0: *Северьянов С. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Пг., 1922* (Памятники старо-славянского языка. Вып. 4.; репринт — Грац, 1954); *Altbauer M. Psalterium Sinaiticum: An 11th Century Glagolitic Manuscript from St. Catherine's Monastery, Mt. Sinai. Skopje, 1971*;

Описание и фототипическое издание части Слав. 2/Н, найденной в 1975 г. — *Tarnanidis J. C. The Slavonic Manuscripts...* P. 87—91, 249—291.

⁵⁴ См. примеч. 23.

⁵⁵ СК, № 191. С. 216—218; *Добрев И.* Глаголически текст на Боянския палимпсест...

⁵⁶ *Турилов А. А.* Хлудовский глаголический палимпсест... С. 26—33.

⁵⁷ *Tarnanidis J. C. The Slavonic Manuscripts...* P. 91—100 (Псалтырь), 100—102 (Миная).

⁵⁸ См.: *Райнхарт Й., Турилов А. А.* Будапештский глаголический отрывок... S. 37—44.

Далее в первом издании работы фигурировала глаголическая Псалтырь, выставленная (с датировкой XII—XIII в.) на аукционе «Кристи» (в первом издании было дано ошибочное указание на «Сотбис») в июне 1998 г., проданная в частное собрание в США (?) и недоступная ныне для изучения в оригинале. Судя по репродукциям (см.: *Cristi's, London. Valuable Printed Books and Manuscripts. Wednesday 3 June 1998. P. 42—43*) она представляет роскошный (во всяком случае, для рукописей, написанных округлой глаголицей) экземпляр, в отношении иллюминации (крупная заставка плетеного («балканского»?) стиля, инициалы в начале псалмов, в том числе с «портретными» изображениями) вполне сопоставимый с Ассеманиевым Евангелием, если не превосходящий его; ряд заголовков псалмов (например, 7, 11, 33, 46, 51, 64, 86, 87) сопровождается кириллическими маргиналиями, довольно близкими (но не идентичными) по письму литургическим указаниям на полях Зографского Евангелия (см.: *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение... С. 78—79, рис. 71—72). В момент написания работы автор, не являющийся языковедом и знакомый с памятником лишь по нескольким черно-белым снимкам, любезно присланным проф. К. М. Мак-Роберт, был склонен датировать рукопись XI—XII вв. Однако достаточно скоро вышла статья самой К. М. Мак-Роберт, в которой новая глаголическая Псалтырь была подробно проанализирована в палеографическом и в языковом отношении (*Mac-Robert C. M. The Linguistic and Textual Peculiarities of the Glagolitic Psalter auctioned at Christie's on 3 June 1998 // Palaeobulgarica. 2000. № 2. P. 3—39*). Хотя английская исследовательница воздерживается от категорических выводов и выражает вполне понятное пожелание исследовать в обозримом будущем (в том числе с помощью естественно-научных методов) оригинал Псалтыри (который она видела лишь весьма непродолжительное время, основная работа была выполнена по качественному микрофильму), совокупность ее наблюдений свидетельствует в пользу того, что проданная на аукционе рукопись скорее всего представляет собой искусную подделку, текст которого, вероятно, написан на основе кириллической Болонской Псалтыри 1230—1240 гг. Поэтому кодекс, история которого представляется сплошным белым пятном, не может быть включен в корпус древнейших глаголических памятников.

⁵⁹ См.: Саввина книга: Древнеславянская рукопись XI, XI—XII и конца XIII в. / Изд. подг. О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. М., 1999. Ч. 1 (Рукопись. Текст. Комментарий. Исследование). С. 27, 32, 39. Традиционная датировка рукописи — рубеж X—XI вв. (СК № 2, с. 30; Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Вып. 1. С. 23, № 1).

⁶⁰ Кодекс издан целиком (параллельно фототипически и набором): Супрасьльски или Ретков сборник. София, 1982—1983. Т. 1—2.

⁶¹ РГБ, собр. В. М. Ундольского, № 961 (СК № 11). Снимки почерка: *Лавров П. А.* Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. СПб., 1916 (ЭСФ. Вып. 4.1. Приложение). Табл. 4; Саввина книга... Рис. 3в.

⁶² Библиотека монастыря Зограф на Афоне, № 281 (*Райков Б., Кожухаров Ст., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994. С. 141, табл. 280).

⁶³ ОГНБ, 1/1 (СК, № 27. С. 70—71. Снимки почерка: *Лавров П. А.* Альбом... Табл. 3); Саввина книга... Рис. 36.

⁶⁴ См.: *Мирчев К., Кодов Хр.* Енински Апостол: Старобългарски паметник от XI в. София, 1965; Енински Апостол: Факсимилно изд. / С предговор на Х. Н. Кодов. София, 1983.

⁶⁵ См.: *Джурова А., Станчев К., Япунджич М.* Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека. София, 1985. С. 196—201; *Кръстанов Т.* Български Ватикански палимпсест (Кирилско кратко изборно Евангелие от X в. в Cod. Vat. /gr./ 2502 // Palaeobulgarica. 1988. № 1. Характеристика украсений кодекса и убедительные аргументы в пользу его датировки XI в. см.: *Musakov E.* Der kyrillische Palimpsest in Cod. Vat. gr. 2502 und sein Geschmuck // Palaeobulgarica. 1994. № 1. С. 37—57. Наборное издание прочитанного текста см.: *Кръстанов Т., Тотманова А. М., Добрев И.* Ватиканско Евангелие, старобългарски кирилски апракос от X в. в палимпсестен кодекс. Vat. Gr. 2502. София, 1996.

⁶⁶ Библиотека Болгарской АН, № 37, и НБКМ, № 47. См.: *Цонев Б.* Опис на ръкописните и старопечатните книги на Народната библиотека в София. София, 1919. № 203. С. 135. Табл. 14; *Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на БАН. София, 1969. С. 61—62. Табл. 16—17; *Попов Г.* Триодни произведения... С. 64, 69. № 3 и 31.

⁶⁷ О традиционной датировке этих памятников см. на пример: Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.). М., 1994. С. 13—24.

⁶⁸ См. примеч. 45.

⁶⁹ О болгарских орфографических школах X—XI вв. см.: *Гълъбов И.* Ранни школи на стария български книжовен език // Български език. 1968. № 1—2; *Он же.* Старобългарски език с увод в славянского езикознание. София, 1980; *Велчева В., Тодоров А.* За нова хронология на ранните славянски недатирани ръкописи // Славянска филология. 1993. Т. 21. С. 18—19; *Смядовски С.* Българска кирилска епиграфика. С. 84—126.

⁷⁰ *Хабургаев Г. А.* Первые столетия славянской письменной культуры (Истоки древнерусской книжности). М., 1994. С. 112.

⁷¹ *Мошин В.* Мысли о начале славянского письма и об архаическом периоде южнославянской письменности в X в. // Кириллометодиевскиот (старословенскиот) период и кириллометодиевска традиция во Македонија. Скопје, 1988. С. 85—97; *Он же.* Новгородски листићи и Остромирово Еванђеље // Археографски прилози. 1983. Бр. 5. С. 7—66.

⁷² Памятник исследован и издан И. И. Срезневским (Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1869. С. 21—24; 155—156).

⁷³ См.: *Десподова В., Славева Л.* Македонски средновековни ракописи / Избор. Прилеп, 1988. Кн. 1. № 1, 7, 11, 12, 14, 15 (возможно, впрочем, что причина этого заключается в одновременном выходе в свет статьи и альбома).

⁷⁴ Первое наименование более принято в болгарской исследовательской литературе, второе — в югославской и македонской.

⁷⁵ Ср.: *Алтбауер М.* Добромирово Евангелје, кирилски споменник от XII в. Скопје, 1973. Т. 1; *Велчева Б.* Добромирово Евангелие. Български паметник от XII в. София, 1975. В год выхода книги Б. Велчевой на Синае было найдено еще 8 листов из рукописи. (*Tarnanidis J. C.* The Slavonic Manuscripts... P. 111—112, 317—334), а в 1980 г. К. Станчевым 2 листа в Парижской Национальной библиотеке (*Станчев К.* Неизвестные и малоизвестные болгарские рукописи в Париже // Palaeobulgarica. 1981. № 3. С. 85—91).

⁷⁶ *Велчева Б., Тодоров А.* За нова хронология... С. 19.

⁷⁷ *Велчева Б., Тодоров А.* За нова хронология... С. 17—18.

⁷⁸ Там же. С. 19.

⁷⁹ См.: *Пикио Р.* «Православно славянство» и «римско славянство» (Литературно-историографски въпроси) // *Он же.* Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993.

⁸⁰ См.: *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 89—111; *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1996.

⁸¹ См., например: *Иванова-Мавродинова В., Джурова А.* Асеманиево Евангелие. Старобългарски глаголически паметник от X в. София, 1983; *Иванова-Мавродинова В., Мавродинова Л.* За украсата на Супрасълския сборник // Литературознание и фолклористика / В чест на 70-годишната на акад. П. Диневков. София, 1983. С. 165—174. В связи с датировкой Асеманиева Евангелия ср.: *Васильев Љ.* Портрети светителя у инициалној орнаментици Асеманијевог јеванђеља и њихове паралеле // Археографски прилози. 1990. Кн. 12. С. 47—71.

⁸² См., например, Манойлово (или Мостарское) Евангелие (*Максимовић Ј.* Српске средњовековне минијатуре. Београд, 1983. Табл. 118—121), Евангелие Копитара (*Там же.* Табл. 127—129), заставки Никольского (Дублинского) Евангелия (*Там же.* Табл. 37—38); *Купа Н.* Srednjovekovna bosanska knjizevnost... S. 179—193, 195—196, 199—204, 208, 214—216, 218—220, 226—228, 241—245, 255.

⁸³ Воспроизведение всех инициалов (в прорисях) Евангелия Дивоша см.: *Момировић П., Васильев Љ.* Тириличке рукописне књиге Цетињског манастира. XIV—XVIII в. Цетиње, 1919. С. 23—34. Издание инициалов Мирославова Евангелия: *Милошевић Д.* Мирослављево јеванђеље. Београд, 1972; *Мрђеновић Д., Топаловић В., Радослављевић В.* Мирослављево Еванђеље: Историјат и коментари. Београд, 2002. Књ. 2 (Коментари). С. 5—72 (Каталог иницијала).

⁸⁴ Один из ранних образцов такого орнамента — большая заставка в Хронике Георгия Амартола 1387 г. из библиотеки Пантелеймонова монастыря на Афоне, Слав. 17. Л. 1 об. (*Tachiaos A. E.* The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossicon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981; черно-белый снимок [20]).

⁸⁵ См., например, сербское Евангелие начала XVII в. № Слав. 25 в том же собрании, (*Ibid.*, цв. табл. [4]).

⁸⁶ Ср. *Живкова Л.* Четвероевангелието на цар Иван-Александър. София 1980; *Щенкина М. В.* Болгарская миниатюра XIV в. / Исследование Псалтыри Томича. М., 1963. С. 88—100 (о молдавских копиях, в частности, о Елисаветградском Евангелии — РГБ, Муз. 9500); *Popescu Vilcea G.* Un manuscris al voievodul Ieremia Movila. București, 1984; Евангелие (Елисаветградское) XVI в.: Факсимильное изд. М., 2009.

⁸⁷ См., например: *Иванова-Мавродинова В., Джурова А.* Асеманиево евангелие...; *Джурова А.* 1000 години българска ръкописна книга. София, 1981, С. 17—21 (об иллюминации древнейших глаголических рукописей).

⁸⁸ См., например: Миссал 1368 г. из собрания Австрийской нац. библиотеки в Вене, Слав. 8 (*Birkfellner G.* Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975. Abb. 3—4). Discovering the Glagolitic Script of Croatia. Zagreb, 2000. P. 40—41 (E-1).

⁸⁹ Образцы почерка см.: *Гошев И.* Рилски глаголически листове; *Десподова В., Славева Л.* Македонски средновековни ракописи. № 5.

⁹⁰ Ср. мнение П. А. Лаврова: «Рассмотренные рукописи (речь идет о рукописях XI—XII вв. — А. Т.) в большинстве не принадлежат к числу образцов каллиграфического письма» (Палеографическое обозрение... С. 80). Образцы почерков см.: *Лавров П. А.* Альбом снимков...; *Мошин В.* Палеографски албум на јужнсловенското кирилско писмо. Скопје, 1966; *Джурова А.* 1000 години...; *Десподова В., Славева Л.* Македонски средновековни ракописи... № 11—19, 21—23, 26.

⁹¹ Разумеется, здесь встает вопрос о датировке этих каллиграфических рукописей, несомненно связанных с эпохой, благоприятной для существования славянской письменности (применительно к Супрасльской рукописи этот вопрос уже ставился и решался в пользу X в. именно в связи с высокими достоинствами кодекса. См. напр.: Супрасьльски или Ретков сборник... Т. 1. С. 5—6). Но подобная характеристика ситуации, как кажется, в полной мере применима и ко времени первого охридского архиепископа периода Византийского владычества — Иоанна Дебрского (1019—1037), во всяком случае, именно так оценивается этот период в болгарской исследовательской литературе (см.: *Снегаров И.* История... Т. 1. С. 52—62, 219; *Златарски В.* История. Т. 2. С. 17—33; История на България. София, 1982. Т. 3. С. 26, 92; Кирило-Методиевска Енциклопедия... Т. 2. С. 908).

⁹² Об этих древнерусских копиях в контексте болгарской культуры и искусства см.: *Иванова-Мавродинова В.* За украсите на ръкописи от Преславската книжовна школа // Преслав. София, 1968. Кн. 1; *Джурова А.* 1000 години... С. 23—26. Следует заметить, что в новейшей отечественной литературе тезис о том, что иллюминация в перечисленных древнерусских рукописях скопирована с болгарских оригиналов конца IX — X вв., не признается убедительным ввиду явной стилистической близости первых к памятникам византийского искусства середины — второй пол. XI в. См., например: *Лифищ Л. И.* О стиле миниатюр Изборника 1073 г. // Хризограф: Сб. статей к юбилею Г. З. Быковой. М., 2003. С. 14—32; История русского искусства в 22 томах. М., 2007. Т. 1 (Искусство Киевской Руси: IX — первая четверть XII в.). С. 423—469; *Попова О. С.* Остромирово Евангелие. Миниатюры и орнаменты // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов. СПб., 2010. С. 60—84; *Уханова Е. В.* Древнейшие изображения св. князя Бориса. К истории библиотеки Владимира Мономаха // Борисоглебский сборник / *Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009. С. 119—124, 144—147.

⁹³ «Кирилловское письмо болгарских рукописей XII—XIII вв. представляет интерес своеобразием и неустановленности, смешения архаических приемов и неожиданно ранней новизны» (*Лавров П. А.* Палеографическое обозрение... С. 48). Ошибки в датировке южнославянских некаллиграфических рукописей (главным образом в сторону удревнения) не являются чем-то необычным и для более позднего времени, хотя заслугами В. А. Мошина и его учеников, экстраполировавших наблюдения над палеографией рукописей XIII—XIV вв. на бумаге (достаточно точно датируемых на основании филиграней) на пергаменные памятники, в деле датировки южнославянских кодексов достигнут большой прогресс. Особенно показателен случай с рукописями Равулы, исследованными Л. Цернич, несомненно одним из лучших специалистов по атрибуции южнославянских (особенно сербских) почерков. Исследовательница атрибутировала (с полным основанием) Равуле, писцу Евангелия из собрания Парижской Национальной библиотеки (традиционно датируемого XIII в.), Апостол-Евангелие из библиотеки Честер-Битти в Дублине, также датированное XIII в. (*Мошин В.* Рукописи бивше београдске Народ не библиотеке у Даблину и у Загребу // Библиотекар. 1968. № 5. С. 353—355) и Сборник из Библиотеки монастыря св. Екатерины, Слав. 2/0 (*Цернич Л.* Белешке о писарима неких српских рукописа у манастиру Свете Катарине на Синају // Археографски прилози. 1982. Кн. 4. С. 21—23, табл. 18—24). Однако синаянский сборник датируется по водяным знакам (исследовательница работала по микрофильму и считала кодекс пергаменным) третьей четвертью XIV в. (*Tarnanidis J. C.* The Slavonic Manuscripts... P. 172, № 32/N, tabl. 23). К этому же времени сдвигается соответственно и вся деятельность Равулы. В связи с этим уместно напомнить, что для дублинской рукописи Л. Стояновичем предлагалась ранее вполне вероятная, как видно сейчас, датировка ок. 1353 г. (*Стојановић Љ.* Рукописи и старе штампане књиге. Београд, 1903 (Каталог народне Библиотеке у Београду. IV, репринт — 1982). С. 64, № 217).

Ныне эту датировку дублинской рукописи можно считать вполне установленной — см.: *Темчин С. Ю.* Сербский столпный апракос Равулы (ок. 1353 г.): происхождение, особенности языка, структура // *Slavistica Vlnensis*. Vilnius, 2003. Kalb. 52 (2). С. 131—177; *Он же.* Бывшая рукопись белградской Народной библиотеки (сербский октоих 1353 г., № 213) в Гарварде // *Ibid.* С. 197—204; То же // *Археографски прилози*. Београд, 2007—2008. Бр. 29—30. С. 47—54; *Убинарип М.* О рукописном Октоиху (1353 г.) из старе збирке Народне библиотеке у Београду // Там же. С. 55—70).

⁹⁴ См.: *Кульбакин С.* Охридская рукопись Апостола конца XII в. София, 1907; *Лавров П. А.* Альбом снимков. Табл. 6; *Мошин В. А.* Палеографски альбом. Сн. 8—9.

⁹⁵ *Кодов Х., Райков Б., Кожухаров С.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света гора. София, 1985. Т. 1. Табл. 94—95, 98, 99, 139—142.

⁹⁶ См.: *Максимовић Ј.* Српске средњовековне минијатуре. Табл. 1—5 в цвете, 1—10 черно-белые.

⁹⁷ См.: *Мошин В. А.* Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей // *Методич. пос. по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР*. М., 1973, Вып. 1. С. 44, 62—63.

⁹⁸ *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение... С. 134. Рис. 128; ср.: *Ильинский Г. А.* Грамоты болгарских царей. М. 1911; *Ласкарис М.* Ватопедската грамота на царь Иван Асеня II. София, 1930 (Български старини. Кн. XI).

⁹⁹ См.: *История на България*. София, 1982. Кн. 3. С. 25—26.

¹⁰⁰ *Златарски В.* История... Т. 2. С. 1—33.

¹⁰¹ С вопросом уничтожения славянских рукописей во время военных действий тесно связан вопрос о их насильственном перемещении, хотя из-за абсолютного отсутствия свидетельств он может рассматриваться лишь в чисто теоретическом плане. Увоз рукописей в качестве военного трофея (наряду с другим движимым церковным имуществом) представлял обычное явление (особенно если принимать во внимание высокую стоимость книг, независимо от уровня их исполнения и оформления). Правда, большинство потенциальных примеров такой насильственной миграции приходится уже на последний из рассматриваемых здесь периодов (походы Стефана Немани, Иоанна Асеня I и Калояна), но нельзя сбрасывать со счетов и военные операции конца XI в. жупана Рашки Вукана I в южной (подвластной византийцам) части континентальной Сербии и северной Македонии (см.: *Lešny J.* Studia nad początkami serbskiej monarchii Nemaniczków. Ossolineum. 1989. S. 106—108). Такие военные трофеи следует рассматривать в качестве своеобразной формы распространения влияния охридской культурной традиции на Сербию и Восточную Болгарию. Разумеется, возможности такого «влияния» целиком определялись степенью сохранности корпуса славянских книжных памятников в районах боевых действий.

¹⁰² См.: *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000. С. 202, 258.

¹⁰³ См.: СК XI—XIII; *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI—XVII в.). Београд, 1982; *Христова Б., Караджова Д., Икономова А.* Български ръкописи. № 1—62; *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. Славянские рукописи афонских обителей / Сост. А. А. Турилов, Л. В. Мошкова; Под ред. А. Э. Н. Тахнаоса. Салоники, 1999.

¹⁰⁴ См.: *Христова Б., Караджова Д., Икономова А.* Български ръкописи. № 224—614.

¹⁰⁵ *Иванов Й.* Български старини... С. 446—452.

¹⁰⁶ *Конески Б.* Една одломка от XIII в. — споменик од Охридската школа // *Годишен зборник на Филозофски факултет на Универзитетот Скопје*, 1950. Кн. 3; *Мошин В. и др.* Словенски ракописи во Македонија. Скопје, 1971. Кн. 1. С. 98—99, № 29.

¹⁰⁷ Снимок почерка см.: *Мошин и др.* Словенски ракописи. Кн. 2. Табл. 1. *Десподова В., Славева Л.* Македонски средновековни ракописи... С. 125 (№ 31).

¹⁰⁸ *Джурова А., Станчев К., Япунджич М.* Опис... С. 179—181.

¹⁰⁹ Отсутствие в южнославянской традиции этого времени целого ряда типов богослужебных книг, хорошо известных в русских списках XI—XIII вв. — сборников однотипных песнопений (ирмологиев, кондакарей, стихирарей), в особенности нотированных, отражает, по всей видимости, исходную ситуацию болгарской богослужебной практики, где эти песнопения, вероятно, исполнялись по-гречески (соображения по этому поводу см.: *Момина М. А.* Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси // ТОДРЛ. 1991. Т. 45); характерно, что керамическая плитка из Преслава с музыкальной нотацией содержит греческий текст (см.: Кирило-Методиевска Енциклопедия. Т. 2. С. 767), на славянском языке даны лишь названия дней. Весьма показательно отсутствие этих книг в сербских списках XIII—XIV вв., в целом лучше сохраняющих древнейшую традицию, чем болгарские. Кондакарь (ненотированный), помещенный в дополнении к сербскому Прологу нач. XIV в. (ГИМ, Хлуд. 189, л. 251—282), явно восходит к русскому списку, т. к. включает в себя песнопения Борису и Глебу и на перенесение мошей Николы (подробнее см. о нем: *Павлова Р.* Восточнославянские святые в южнославянской письменности. Halle (Saale), 2008. С. 35—36, 199—200; *Турилов А. А.* Из истории русско-южнославянских книжных связей XII—XIII вв.: новое и забытое // *Russica Romana*. Pisa; Roma, 2011. Vol. XVII (2010). С. 21—22, 29). Рукопись НБКМ № 989 названа Ирмологием по ошибке, т. к. из описания следует, что это Октоих (*Стоянов М., Кодов Х.* Опис на славянските ръкопис в Софийска Народна библиотека. София, 1964. Т. 3. С. 144—145. Таб. 33). Болгарский Энинский Стихирарь второй половины XIV в. (София, ЦИАМ, 99), в сущности, представляет Праздничную Минею (см.: *Кожухаров С.* Поглед към проблематиката на Енински стихирар // *Български език*. 1972. № 6. С. 549—554). Особое место занимает достаточно экзотический и древний Парижский Стихирарь кон. XII — нач. XIII в. (Нац. Библиотека, Греч. 1808), содержащий только стихиры на 1—14 сентября, написанные на полях греческого сборника сочинений Платона (см.: *Станчев К.* Неизвестные и малоизвестные болгарские рукописи... С. 96—97, № 7), но и для него не исключен восточнославянский оригинал. Полное фотовоспроизведение памятника (со значительным уменьшением) — *Божилов И.* Cod. Paris. gr. 108: един Платонов кодекс в България през XIV в. // «Пети достоитъ»: Сб. в памет на Стефан Кожухаров. София, 2003. Ил. между с. 392 и 393 (предложенная здесь датировка славянского текста не может быть принята).

Нотированные (в полном смысле слова) южнославянские рукописи почти отсутствуют. До XIV в. можно указать лишь отдельные песнопения: в Драгановой минее посл. четверти XIII в. (см.: СК XI—XIII, № 356, 357). Известная в достаточном количестве примеров фитная нотация (см.: *Кожухаров С.* Палеографски проблеми на Θ — нотацията в среднеболгарските ръкопис от 12—13 в. // *Славянска палеография и дипломатика*. София, 1980) представляет скорее не нотацию в буквальном смысле, а сигнальную систему — указатели начала момента распева.

Вероятно, грекоязычными до рубежа XII—XIII вв. оставались здесь и церковные, и монастырские уставы. За это говорит как полное отсутствие следов их южнославянских списков более раннего времени, так и активная переводная деятельность в этом направлении Саввы Сербского (см.: *Богдановић Д.* Историја... С. 147—150).

¹¹⁰ Наиболее полные сведения по ономастикону писцов этого времени см.: *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 286—308. Кроме того писцы, неучтенные в этом справочнике: 1) Будило — сербское Евангелие апракос сер. (?) XIII в. (Ватикан, Слав. 4); 2) поп Георгий — писец грамоты в конце сербского Бунилова Евангелия, втор. пол.

XIII в. (Хиландарь, 23); 3) чернец Герман — писец протографа 1295 г. Бухарестского списка сербской Кормчей (см. *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 262—263, № 14); 4) Двора (?) грамматик — сербский Апостол кон. XIII — нач. XIV в. (ГИМ, Хлуд. 36); 5) Дмитрий Ол... (далее не читается) — болгарская глаголическая Псалтырь XII в. Синай, Слав. 4/Н; 6) поп Драгослав — болгарская Ресненская Триодь XI (?) — XII вв. (библиотека Болгарской АН, № 37, глаголическая приписка); 7) Дубр... (окончание имени оборвано) — сербский Апостол (см. № 4); 8) поп Иоанн Кравносый — кириллические приписки XII—XIII вв. в Ассеманиевом Евангелии; 9) поп Иоанн — западно-болгарское Македонское Евангелие XIII в. (Загреб, ХАЗУ, III с. 1); 10) Иоанн Драгослав — писец болгарского протографа Рязанской кормчей 1284 г. (*Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие... С. 264, № 19); 11), пресвитер Николай — западноболгарский Службеник кон. XIII в. (ГИМ. Хлуд. 117); 12) Оливер — сербская Минья служебная на июль-август, кон. XIII — нач. XIV в. (библиотека монастыря Дечаны, 32); 13) Радич — сербский Апостол кон. XIII — нач. XIV в. (Загреб, ХАЗУ, IV д. 1).

¹¹¹ 1) Герман (см. примеч. 110, № 3); иеромонах Макарий — Евангелие втор. пол. XIII в. (среднеболг.) Афинской Нац. библиотеки из Иверского монастыря (впрочем, в отношении этой рукописи недавно было высказано обоснованное мнение о ее датировке первой пол. XIV в. — см.: *Лалева Т.* Атинско Четвероевангелие // *Palaeobulgarica*. 1996. № 1. С. 41—51); 3) Симеон — Вуконово Евангелие; 4) Феодор — Апостол 1276—1277 гг. (СК № 182); 5) безымянный монах («лет ему 120, паче и вяще») — Евангелие конца XIII — нач. XIV в. (?) — Пантелеймонов монастырь на Афоне, Слав. 4, л. 78—201.

¹¹² Иловичская кормчая 1262 г. написана артелью писцов во главе с Богданом для епископа Неофита; Шестоднев 1263 г. — грамматиком Феодором для иеромонаха Доментиаана; Евангелие 1284 г. — дьяконом Феодором для епископа Рашского Михаила; Учительное Евангелие 1286 г. — для архиепископа Иакова его служителем («рабом») Драгоманом. Список можно продолжить.

¹¹³ См., например: *История на България*. София, 1982. Т. 3. С. 95—97.

¹¹⁴ Едва ли не единственное исключение составляет отрывок среднеболгарской Лествицы втор. пол. XIII в. (ГИМ, собр. П. И. Шукина, № 921; СК № 269).

¹¹⁵ *Мошин В.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. // *Byzantinoslavica*. Praha, 1950. Vol. 11. С. 36. Следует иметь в виду, что греческие составители описи явно не различали славянские рукописи по языковому изводу — так, к примеру, последний памятник, представляющий собой болгарский перевод X в. пресвитера Иоанна (см.: *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. 2. С. 130—132; КМЕ. Т. 2. С. 150—153; ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 376—377), не был известен на Руси до середины XVII в., когда Арсений Суханов привез с Афона сербский список ГИМ, Син. 82 (СК XIV, № 332).

¹¹⁶ *Иванов Й.* Жития на св. Иван Рилски. София, 1936. С. 8—10; *Добрев И.* Свети Иван Рилски... С. 185—212; *Томова Е.* Болгарский святой Иоанн Рылский (культ и агиография) // *Slovo: Towards a Digital Library of South Slavic Manuscripts*. Sofia, 2008. С. 150—151; ПЭ. М., 2010. Т. 24. С. 588.

¹¹⁷ См.: *Поровић В.* Света гора и Хиландар. Београд, 1985. С. 31, 89—90; Кирило-методиевска Енциклопедия. София, 1985. Т. 1. С. 730. Нельзя исключить, впрочем, что это случилось уже в конце XII в., поскольку болгары (явно в качестве самостоятельной национальной монашеской общины на Афоне) упоминаются св. Саввой Сербским в житии его отца, св. Симеона (Стефана Немани), при описании отпевания последнего в 1199 (или 1200) г. в Хиландаре (см.: *Свети Сава*. Сабрана дела / Приредило и превео Т. Јовановић. Београд, 1998. С. 184; ср.: ПЭ. М., 2009. Т. 20. С. 303).

¹¹⁸ Замечательный в этом отношении пример являет западноболгарский служебник, написанный в правление короля Стефана Уроша II (Милутина) пресвитером Николаем, несомненно, для личного пользования (ГИМ. Хлуд. 117). Писец неоднократно поминает на ектеньях себя («списавшего книгу сию»), своих родственников и знакомых. Подробное описание рукописи см.: СК XIV. Прилож. 2. С. 656—661 (№ д65).

¹¹⁹ См.: *Благова Э., Икономова Ж.* Лексические совпадения Бесед Григория Двоеслова и Второго Жития Вячеслава с лексикой Иоанна Экзарха // *Palaeobulgarica*. 1993. № 3. С. 13—26; *Флоря Б. Н.* Кирилло-мефодиевские традиции в развитии средневековой болгарской культуры // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1988 (X Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации). С. 162—163.

¹²⁰ См., к примеру: *Rejchertová K., Bláhová E., Dvoraková V., Huňáček V.* Sazava: Památník staroslověnské kultury v Čechah. Praha, 1988. S. 55—69, 104—115; *Konzal V.* Otazníky kolem cirkevněslovanské Modlitby k sv. Trojici a českých vlivů na literaturu Kyjevské Rusi // *Paleoslovenica: Pamatce J. Kurze (1901—1972)*. Praha, 1991 (= *Slavia*, № 3). S. 8—23; *Hauptova Z.* Cirkevněslovanské písemnictví v přemyslovských Čechah // *Jazyk a literatura v historické perspective*. Usti nad Labem, 1998. S. 5—42.

¹²¹ См.: *Богдановић Д.* Историка... С. 134—135.

¹²² Там же. С. 133—134; ср.: *Leśny J.* Żywot Jana-Włodzimierza // *Słownik starożytności słowiańskich*. Wrocław, 1986. T. 7. Cz. 1. S. 301—302; *Historia Krolestwa Slowian czyli Latopis popa Duklanina / Przetłumaczcił, wstęp, komentarze i tablice genealogiczne opracował J. Leśny*. Warszawa, 1988. S. 25—27, 29.

¹²³ О почитании Иоанна-Владимира в православной и католической Церкви см.: *Павловић Љ.* Култови лица. С. 33—40. ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 736—739.

¹²⁴ *Лавров П. А.* Апостол из собрания Верковича. Киев, 1904. С. 65—74; СК XIV. Прилож. 2. С. 594—596 (№ д3). Датировка кодекса концом XIV в. (*Десподова В., Славева Л.* Македонски средновековни ракописи. С. 280, № 90) представляется излишне поздней.

¹²⁵ *Leśny J.* *Studia...* S. 90—93.

¹²⁶ *Ibid.* S. 41—49, 107—110.

¹²⁷ *Сперанский М. Н.* Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы // *Slavia*. 1928—1929. Роџ. 6. № 3. С. 516—535; *Дурново Н. Н.* Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // *Жужнословенски филолог*. 1924. Књ. 4. С. 72—94; 1925—1926. Књ. 5. С. 93—117; 1927. Књ. 6. С. 11—64.

¹²⁸ *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 36—52.

¹²⁹ *Poppe A.* Państwo i Kościół na Rusi w XI w. Warszawa, 1968. S. 15—130. Стоит лишь добавить, что при всех важных успехах Самуила в исходе X в., о которых, несомненно, было известно в Киеве, авторитет Охрида как церковной столицы (хотя бы в силу нехватки освященной временем традиции) был несоизмерим с Константинополем. Представляется, что крещение Руси из Охрида могло быть реально лишь в случае полной победы Самуила и реализации им политической и церковной программы Симеона. Однако излишне напоминать, что в этом сугубо гипотетическом случае охридский патриархат перестал бы быть охридским.

¹³⁰ Наиболее обстоятельно эта версия изложена в статье В. А. Мошина (Новгородские листићи... С. 15—23), где она служит аргументом доказательства того, что новгородские (Куприяновские) листки являются отрывком роскошного Евангелия царя Самуила.

¹³¹ См.: *Климент Охридски*. Събрани съчинения. София, 1970. 1977. Т. 1, 2.

¹³² *Станчев К., Попов Г.* Климент... С. 120—129; 135—144. В конце 1990-х — середине 2000-х гг. круг подписных гимнографических сочинений Климента Охридского, из-

вестных в древнерусских списках, существенно расширился за счет канонов Октоиха и вновь найденных минейных служб. Подробнее об этом см. статью «К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской рукописной традиции» в настоящем издании, а также: *Йовчева М.* Гимнографическое наследие Кирилло-Методиевых учеников в русской книжности // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2002. № 2. С. 100—112; *Крашенинникова О. А.* Древнеславянский Октоих св. Климента, архиепископа Охридского. М., 2006. С. 6—11, 343—382.

¹³³ См. выше, примеч. 20.

¹³⁴ Это обстоятельство вносит известную неопределенность в атрибуцию царю Петру сочинений, приписанных в заглавии Петру Черноризцу, распространенных именно в древнерусской традиции (см.: *Павлова Р.* Петър Черноризец...), но не исключает такой возможности полностью.

¹³⁵ *Дуйчев И. С.* Центры византийско-славянского общения и сотрудничества // ТОДРЛ. 1963. Т. 19. С. 107—129. Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 456—458.

¹³⁶ Например, таким болгаринцем из свиты митрополита Георгия, прибывшего на Русь около 1063 г., мог быть автор цикла седмичных поучений Григорий Философ. См.: *Рыков Ю. Д., Турилов А. А.* Неизвестный эпизод болгаро-византийско-русских связей XI в. (Киевский писатель Григорий Философ) // *Древнейшие государства на территории СССР.* 1982. М., 1984. С. 170—176; ср.: ПЭ. М., 2006. Т. 13. С. 71—74.

¹³⁷ Подробнее об этих памятниках см.: *Каймакамова М.* Българска средновековна историопис. С. 124—151; *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековната България. София, 1996; *История на българската средновековна литература...* С. 419—424.

¹³⁸ Последнее, комментированное издание текста см.: *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина. С. 192—206. О тексте как историческом источнике и памятнике этнического самосознания см.: *Иванов С. А.* «Болгарская апокрифическая летопись» как памятник этнического самосознания болгар // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма.* М., 1989. С. 70—77; *Он же.* К вопросу об элементах этнополитического сознания в Болгарской апокрифической летописи // *Studia balcanica.* 1991. Т. 20. С. 131—136; *Каймакамова М.* Българска средновековна историопис. С. 124—132; ср.: *Иванова К.* Мессиянские мотивы в болгарской книжности X—XI вв. // *Jews and Slavs.* Sofia, 2006. Vol. 17. С. 65—74; *Билярски И.* Сказание на Исаяя пророка и формирането на политическата идеология на ранносредновековната България. София, 2011.

¹³⁹ *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина. С. 197.

¹⁴⁰ *Иванов С. А.* Болгарская апокрифическая летопись. С. 74.

¹⁴¹ *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина. С. 26—27.

¹⁴² См.: *Драгова Н.* Втората апология на българска книга и нейните извори // *Константин-Кирил Философ.* София, 1969. С. 315—348; *Флоря Б. Н.* Кирилло-методиевские традиции. С. 164.

¹⁴³ См.: *Флоря Б. Н.* Кирилло-методиевские традиции... С. 164—165. *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина. С. 311—318. Разумеется, нельзя относиться всерьез (несмотря на гипертрофированное наукообразие аргументации) к новейшим попыткам трактовки «Солунской легенды» как аутентичного исторического источника о крещении варваров (болгар и славян) в VII—VIII вв. (См.: *Прохоров Г. М.* Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ. 1992. Т. 45; *Лурье В. М.* Около Солунской легенды: из истории миссионерства в период монофелитской унии // *Славяне и их соседи.* М., 1995.

Вып. 6.), равно как и к традиционному для части болгарской и македонской историографии мнению об отражении в памятнике свидетельств о доморавской миссии Константина-Кирилла (исчерпывающая библиография приведена В. М. Лурье, см. также: *Славева Л.* Траги от предморавската писменост во Македонија // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894—1987). СПб., 1998. Убедительная критика лингвистических построений В. М. Лурье дана В. М. Загребиным (Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности... С. 200—214).

¹⁴⁴ См.: *Флоря Б. Н.* Кирилло-мефодиевские традиции... С. 165—166.

¹⁴⁵ О рукописной традиции «Успения Кирилла» см.: *Ангелов Б.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. Кн. 3. С. 3—16; Българската литература и книжнина през XIII в. София, 1987. С. 218—223; КМЕ. София, 2003. Т. 4. С. 227—231.

¹⁴⁶ О рукописной традиции см.: *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина. С. 27—31; *Турилов А. А.* Кичевский сборник с «Болгарской апокрифической летописью» // *Palaeobulgarica*. 1995. № 4. С. 2—31.

¹⁴⁷ О памятнике см.: *Каймакамова М.* Българска средновековна историопис. С. 140—148; *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина. С. 139—160.

¹⁴⁸ См.: *Иванов Й.* Български старини... С. 394—400. История на българската средновековна литература... С. 413—414.

¹⁴⁹ *Иванов Й.* Български старини... С. 400—404; История на българската средновековна литература... С. 413.

¹⁵⁰ *Иванов Й.* Български старини... С. 404—418; *Узунова Е.* Историята на един новонамерен ръкопис // *Palaeobulgarica*. 1996. № 3. С. 3—42; История на българската средновековна литература... С. 414.

¹⁵¹ См.: *Фекелджиев И.* Народни легенди за Иван Рилски. София. 1979; *Томова Е.* Болгарский святой Иоанн Рыльский... С. 149—150; История на българската средновековна литература... С. 411—412. При этом неприемлемым представляется мнение И. Добрева (Свети Иван Рилски... С. 224, 269), датирующего памятник позднее жития, написанного Георгием Скилицей.

¹⁵² О культе этих святых см.: *Павлович Л.* Култови лица. С. 20—33; ПЭ. 2005. Т. 10. С. 243—246 (Гавриил Лесновский); 2010. Т. 23. С. 184—187 (Иоаким Осоговский); Т. 24. С. 585—598 (Иоанн Рыльский); *Томова Е.* Болгарский святой Иоанн Рыльский... С. 135—143.

¹⁵³ Текст издан. См.: *Станчев К., Попов Г.* Климент... С. 175—181, *Голубовић-Суботин Т.* Две службе св. Иоакиму Осоговском // Археографски прилози. 1992. Кн. 14.

¹⁵⁴ *Станчев К., Попов Г.* Климент... С. 124—125.

¹⁵⁵ *Богдановић Д.* Историја... С. 131.

¹⁵⁶ *Петков Г.* Стишнийят Пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV—XV в.): Археография, текстология и издание на проложни стихове. Пловдив, 2000. С. 9—58; *Тасева Л.* Параллельные южнославянские переводы Стишного пролога и триодных синаксарей // *Vuzantinoslavica*. Praha, 2006. Vol. 64. С. 169—184; ср.: *Богдановић Д.* Две редакции стиховног пролога у рукописној збирци манастира Дечана // Упоредна истраживања 1975. 1976. № 1. С. 37—72.

¹⁵⁷ *Иванов Й.* Български старини... С. 314—321.

¹⁵⁸ *Флоря Б. Н.* Кирилло-мефодиевские традиции. С. 162—163.

¹⁵⁹ *Иванов Й.* Български старини... С. 305—313, 322—326.

¹⁶⁰ В XIV в. текст у южных славян был переведен заново. См.: *Ангелов Б.* Страницы из историята на старобългарската литература. София, 1974. Кн. 3. С. 143—149; ПЭ. М., 2010. Т. 24. С. 61.

¹⁶¹ В первой половине XIV в. текст Хроники Амартола (так называемый «Летовник», в отличие от древнейшего перевода – «Временника»), был переведен в Болгарии, хотя сохранился преимущественно в сербских списках. См.: *Трифуновий Т.* Азбучник српских средновековних књижевних појмова. 2-е изд. Београд, 1990. С. 365; ПЭ. М., 2006. Т. 11. С. 54.

¹⁶² См.: *Бражникова Н. В.* Из наблюдений над списками славянского перевода Хроники Георгия Синкелла // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2000. М., 2000. С. 106—118; *Тотоманова А.-М.* Славянската версия на Хрониката на Георги Синкел. София, 2008.

¹⁶³ См.: *Моле В.* Минијатуре из г. 1649 са Шестоднева и Козме Индикоплова // Споменик СКА. 1922. Бр. 44. С. 83—86.

¹⁶⁴ Примеры такой «неактивизированной» письменной традиции представляет славяно-молдавская XV—XVII вв., где сохраняемый корпус текстов значительно превосходит используемый, и особенно русская старообрядческая XVIII—XIX вв. с ее культом древней книги.

¹⁶⁵ *Турилов А. А.* Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства и книжности Московской Руси XV—XVI вв. // Славяноведение. 1995. № 1.

¹⁶⁶ См.: *Йовчева М.* Гимнографическое наследие Кирилло-Мефодиевых учеников в русской книжности... С. 100—112, а также статью «К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской рукописной традиции» в настоящем издании.

¹⁶⁷ См.: *Попов Г.* Триодни прозведения... С. 64—68. Возможно, что такое отсутствие восточнославянских списков цикла связано с исправлением текста Триоди в Киеве в XI в. (см.: *Момина М. А.* Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // ТОДРЛ. Л., 1992. Т. 45), если не ранее в Преславе.

¹⁶⁸ *Загребин В. М.* Заупокойные стихиры АЗЪБОУКОВНЕ в сербском Требнике XIII в. // Археографски прилози. 1981. Кн. 3. С. 65—92 (то же // *Он же.* Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности... С. 232—262); новейшую историографию и публикации см. в статье «К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия в составе славянского Требника» в настоящем издании.

¹⁶⁹ Подробнее о нем см. там же.

¹⁷⁰ Именно с изучением Октоиха связано наибольшее число находок памятников древнейшей славянской гимнографии во второй половине 1990-х гг. См. обобщающие исследования и публикации по данной проблематике: *Йовчева М.* Проблемы текстологического изучения древнейших памятников оригинальной славянской гимнографии // *La poesia liturgica slava antica / Древнеславянская литургическая поэзия.* Roma; София, 2003. С. 56—78; *Она же.* Солунский Октоих в контекста на южнославянските Октоихи до XIV в. София, 2004 (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 16); *Крашенинникова О. А.* Древнеславянский Октоих св. Климента, архиепископа Охридского. М., 2006.

¹⁷¹ Единственное исключение составляет творчество сербского патриарха Ефрема во второй половине XIV в. (см.: *Матеич П.* Българският химнописец Ефрем от XIV в.: дело и значение. София, 1982).

¹⁷² См.: *Попов Г.* Триодни произведения... С. 9—20.

¹⁷³ *Богдановић Д.* Историја... С. 120—131.

¹⁷⁴ См. об этом: *Иванова К.* Неизвестна редакция на Златоструя в сръбски извод от XIII в. // Сборник за историју књижевности. 1976. Кн. 10; *Она же.* Значение-то на хилендарските ръкописи за изучаването на средновековната българска книжнина // Кирило-Методиевски студии. 1986. Кн. 4. С. 154—162. Еще один список Златоструя краткой редакции (и тоже в выборке, но не совпадающей с известными ранее) был обнаружен автором этих строк в

сербском сборнике третьей четверти XIV в. (ГИМ, Воскр. 115-бум.), переписанном известным хиландарским писцом Дамианом (образец почерка, с ошибочной датировкой XV в., см.: Фотографические снимки с древних рукописей, хранящихся в библиотеке Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. [М.], 1860. Ч. 2 (Рукописи на бумаге), № 1).

¹⁷⁵ ГИМ, Щук. 921, л. 1—79 (СК XI—XIII, № 269).

¹⁷⁶ См.: *Иванова К.* Цикл великопостных гомилий в Гомилиарий Михановича // ТОДРЛ. 1977. Т. 32. С. 219—244.

¹⁷⁷ См.: *Capaldo M.* Contributi allo studio delle collezioni agiografico-omiletiche in area Slava (I — Struttura preistoria del «Panegirico di Mileseva») // *Europe Orientals*. 1989. Т. 8. P. 210—252. Подробнее о датировке и происхождении этих рукописей Торжественника см. статью «Милешевский Панегирик и Гомилиарий Михановича — к датировке и происхождению двух древнейших сербских списков Торжественника общего» в наст. изд.

¹⁷⁸ Подробнее о сербских списках «Учительного Евангелия» Константина см. статью «Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы» в настоящем издании.

¹⁷⁹ См.: *Штавланин-Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Цернић Ј.* Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Београд, 1986. Књ. 1. С. 355—361. № 167.

¹⁸⁰ РНБ, Q.п.1.69; СК № 475. С. 364.

¹⁸¹ *Tarnanidis J.* The Slavonic Manuscripts... P. 134—140, № Слав. 14/N.

¹⁸² Подробнее о них см. статью «К изучению южнославянской рукописной традиции «Прогласа Константина Философа» в наст. изд.

¹⁸³ *Климент Охридски.* Събрани съчинения. Т. 2. С. 193—222.

¹⁸⁴ *Ziffer G.* I Monumenta di Frisinga e le traditione linguistiche e culturali della «Slavia Christiana» // *Zbornik Brizinski spomeniki*. Ljubljana, 1996. S. 127—131.

¹⁸⁵ *Климент Охридски.* Събрани съчинения. Т. 2. С. 416—428. Т. 1. С. 511—524.

¹⁸⁶ *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Моравские земле велей граждан» (неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию) // *Славяноведение*. 1988. № 4. С. 3—23 (см. также наст. изд.); КМЕ. Т. 3. С. 661—663.

¹⁸⁷ См.: Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). София, 1991. Т. 1. С. 39—43. № 2, 3.

¹⁸⁸ *Иванова К.* За хиландарски препис на Първия Симеонов сборник // *Старобългарска литература*. 1979. Кн. 5. С. 57—96. При списках краткой редакции пролог с похвалой Симеоноу не встречается. См.: *Фомина М.* Златоструй в славянской письменности XII—XVI вв. // *Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг*. М., 1990. Вып. 3. Ч. 2. С. 297—298.

¹⁸⁹ *Бегунов Ю. К.* Козма Пресвитер в славянских литературах. София 1973. С. 132—143; *Богдановић Д.* Српска прерада Козмине беседе у Зборнику попа Драгоља // *Balkanica*. Београд, 1976. Т. 7. С. 61—90.

¹⁹⁰ *Ангелов Б.* Из старата българска, руска, и сръбска литература. София, 1967. Кн. 2. С. 106—129.

¹⁹¹ Например, Послѣсловие Исаян Серрского к переводу Дионисия Ареопажита 1371 г. в списке начала XVI в. (Там же. С. 157—161); послѣсловие к Кормчей 1295 г. в списке конца XV в. (*Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси. С. 262—263, № 14), послѣсловие троицкого инока Силуана к переводу Бесед на Евангелие Иоанна Златоуста 1524 г. в сербских списках 1617 (?) и 1622 гг. (Хиландарь, № 412 и 413 — *Богдановић Д.* Каталог. С. 161).

¹⁹² Для Руси XV—XVI вв. можно, пожалуй, говорить о культе старых послѣсловий как свидетельств авторитетности текстов.

¹⁹³ Это соответственно рукописи: 1) Загреб, ХАЗУ, III, с. 24 и III, с. 22 (описание: *Mošin V. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije. Zagreb, 1955. Dio 1. S. 165—175. № 112—113*; 2) ГИМ. Хлуд. 195 (описание: *Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 384—412*) и София, НБКМ, № 1039 (*Стоянов М., Кодов Х. Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна Библиотека. София, 1964. Т. 3. С. 246—252*); 3) Вена. Нац. б-ка, Слав. 33 (*Birkfellner G. Glagolitische und kyrillische Handschriften. S. 241—242*) и монастырь Дечаны, № 101. О составе сборников см.: *Сперанский М. Н. Славянская Метафрастовская Миней-Четья // ИОРЯС. 1904. Кн. 9; Кн. 4. С. 173—202; Hannick Ch. Maximos Holobolos in der kirchenslavischen homiletischen Literatur. Wien, 1981. S. 83—255*); *Иванова К. Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica. София, 2008. С. 67 (№ 26), 93—94 (№ 72), 156—158 (№ 175), 168 (№ 203), 172—175 (№ 208—209)*.

¹⁹⁴ См.: *Юфу З. За десеттомната колекция Студион // Studia balcanica. 2 (Поучвания по случай II Конгрес по балканистика). София, 1970. С. 299—342*; *Иванова К. Новоизводните търновски сборници и въпросът за роля на патриарх Евтимий в техния превод // Старобългарска литература. 1991. Кн. 25—26. С. 124—134*.

¹⁹⁵ Так, многие из этих текстов вошли в комплект Миней Четых, переписанных в 1620-х гг. в Хиландаре книгописцем Аверкием. См.: *Иванова К. Значението... С. 159—160; Она же. Bibliotheca Hagiographica... С. 141—147 (№ 149—156)*.

¹⁹⁶ *Lešny J. Studia... S. 97—114*.

¹⁹⁷ *Ibid. S. 94—95*.

¹⁹⁸ *Lešny J. Studia... S. 120—125*.

СУДЬБА ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Между началом славянской письменности, известным по источникам (не позднее 863 г. — моравская миссия Константина-Кирилла и Мефодия), и древнейшими реально дошедшими списками сочинений и переводов на старославянском языке присутствует хронологический зазор почти в два столетия (никак не менее полутора). Лишь весьма немногие старославянские памятники («Киевские листки» и найденные в последнее время новгородские доски-церы с текстами псалмов¹) датируются ранее середины XI в. От чрезвычайно продуктивных в творческом плане периодов третьей четверти IX — первой трети X в. (моравская миссия, распространение славянской письменности в Болгарии, «золотой век Симеона» и реформа алфавита — замена глаголицы кириллицей) в оригинале не сохранилось ни единого листка (лишь для последнего известно несколько памятников эпиграфики)². Поэтому целый ряд аспектов творчества солунских братьев, их ближайших учеников, переселившихся после смерти Мефодия в Болгарию, и даже следующего поколения славянских книжников, по всей видимости, невосстановим в принципе и может быть лишь предметом более или менее удачных спекулятивных построений (таковы, к примеру, вопросы церковного ритуала (византийский или римский), устава богослужения и набора конкретных литургических книг и текстов)³.

На протяжении второй четверти XIX — начала XX в. в славистической науке сформировалось понятие «старославянского канона», включающего древнейшие (не позднее рубежа XI—XII вв.) глаголические и кириллические рукописи, за исключением восточнославянских⁴; на принцип отбора «канонических» памятников наряду с датировкой оказало несомненное воздействие возобладавшее ко второй половине XIX в. в славистике мнение о болгарской диалектной основе старославянского языка. «Канон» формировался преимущественно в процессе находок исследователями и путешественниками древних рукописей в монастырских хранилищах Афона, Македонии, Палестины и Синае⁵, исключение составляют Ассеманиево евангелие, Клоцев сборник и Пражские листки, уже ранее находившиеся в европейских библиотеках, а также Саввина книга и Супрасльская рукопись, еще в древности оказавшиеся на Руси. В последней трети XX в. этот «канон» существенно обогатился за счет находки Энинского апостола⁶, открытия Ватиканского кириллического палимпсеста⁷, и в особенности, конечно, за счет глаголических и кириллических рукописей, обнаруженных в 1975 г. в монастыре Св. Екатерины на Синае⁸. Рукописи «канона» имеют непреходящее значение как источник по древнейшей истории старославянского языка и старших переводов на него, однако их

роль в решении целого ряда других проблем палеославистики существенно ограничена достаточной скудостью репертуара⁹.

Исследователи и в дальнейшем не могут рассчитывать на сколь-либо существенное приращение круга древнейших (не позднее рубежа XI—XII вв.) славянских кириллических и глаголических рукописей. В ареале распространения старославянского языка в качестве литературного и богослужебного отсутствует значимый аналог папирусам, за исключением бересты, представленной исключительно восточнославянскими (и даже более узко — почти только севернорусскими) находками. Однако хотя за последнее время увеличилось число грамот с литературными текстами, они не превосходят по древности пергаменные списки тех же произведений. В целом литературный репертуар бересты сравнительно с папирусами существенно более ограничен¹⁰.

Очень мало меняет ситуацию в случае со славянской книжностью и обращение к палимпсестам (при всей безусловной важности их выявления и исследования). Число славянских палимпсестных пергаменных рукописей XI — раннего XV вв. вообще невелико. В настоящее время их учтено немногим более 50, включая небольшие (порою меньше листа) отрывки¹¹. При этом почти треть из них¹² составляют случаи, когда славянский текст является верхним, написанным по смытому греческому или латинскому. Кроме того, в восточнославянской традиции (кроме тех случаев, когда русские писцы работали на Балканах, в Палестине или на Синае) представлены в подавляющем большинстве «технические» палимпсесты¹³, в которых верхний текст современен нижнему и даже порой написан тем же писцом, представляя исправление ошибок переписчика (подобные примеры известны, впрочем, и у южных славян).

Различные национально-региональные ветви церковнославянской книжной традиции, в основу членения которых положен орфографический принцип, характеризуются различным потенциалом для восстановления ее древнейшего (до рубежа X—XI вв.) пласта. Наиболее заметную разницу в объеме и составе литературного корпуса демонстрируют два основных варианта — восточнославянский (древнерусский), восходящий к восточноболгарской (преславской) традиции Первого царства (885—970), и общий южнославянский, базирующийся на традиции западноболгарской (охридской)¹⁴. Отличия между ними заключаются в первую очередь в несравненно большей полноте восточнославянского корпуса четьих текстов, особенно не относящихся к разряду паралитургических уставных чтений. Только восточнославянскими списками представлены, например, Диалоги Псевдокесария (в славянской традиции — Вопросы Сильвестра и ответы Антония), полный текст Беседы против богумилов Козмы Пресвитера, Сказание инока Христудула («Сказание о железном кресте»), Закон судный людям обеих редакций, Номоканон архиеп. Мефодия, Номоканон 14 титулов без толкований, древнейший перевод Эклоги и «сотниц» (глав) преп. Максима Исповедника, включающий христианскую переделку «Энхиридиона» Эпиктета, Главы дьякона Агапита к императору Юстиниану (последние в составе компиляции «Книга кормчий душам и Спас»), Именник болгарских ханов, хроника Иоанна Малалы, древнейший перевод 13 и 16 слов Григория Богослова и Римского патерика, дисциплинарный Устав

монастыря Иоанна Пателерийского, житие архиеп. Мефодия, преславский перевод ветхозаветных библейских книг, полный текст Златоустрия обеих редакций, Слово Афанасия Александрийского против ариан, древнейший перевод Поучений аввы Дорофея, Диалоги папы Григория Великого («Римский патерик») в древнейшем переводе, Послание Афанасия, мниха Иерусалимского Панку о крестном древе, Слово Ипполита об антихристе, Слово на перенесение мощей Климента Римского, общие слова Климента Охридского и ряд поучений, Метафрастово житие Константина и Елены, похвальное слово Константину-Кириллу. Этот перечень без труда можно продолжить. Количество обратных примеров неизмеримо меньше. Здесь можно указать, пожалуй, лишь Житие Панкратия Тавроменийского, похвалу Климента Охридского 40 мученикам севастиийским, полуапокрифическое Слово на Рождество Христово и «Македонский кириллический листок». Ситуация делает наиболее вероятной гипотезу о существовании крупной библиотеки в Преславе (либо пары библиотек — царской и патриаршей), не позднее конца X — начала XI в. полностью изъятой из обращения на Балканах и отразившейся только в древнерусских списках¹⁵.

Особое место среди регионально-национальных ветвей старославянской традиции занимают словенская IX—X вв. и чешская X—XI вв. Первая из них представлена единственным памятником — Фрейзингенскими отрывками. Вторая, как можно судить даже по известным в настоящее время памятникам, в этот период была достаточно интенсивна (в особенности учитывая то обстоятельство, что на территории Чехии она не только не была единственной, но и не занимала здесь господствующего положения, сосуществуя с игравшей первую роль латинской). Однако почти все ее памятники — за исключением Пражских листков (вопрос о происхождении Киевских остается дискуссионным) — сохранились в позднейших (XIII—XVI вв.) списках хорватского либо (по преимуществу) русского происхождения¹⁶.

Вероятно, уместно ввести понятие пассивного (неактивизированного) бытования тех или иных текстов (или их группы) в определенной национальной (регионально-орфографической) традиции, когда они там сохраняются и присутствуют, но не тиражируются и не цитируются¹⁷. Как правило, это характерно для периодов, неблагоприятных для культурной ситуации в целом (византийское и турецкое владычество на Балканах, эпоха татарских набегов и междоусобных войн в Болгарии во второй половине XIII в., монголо-татарское иго на Руси). Однако оно может проявляться и в периоды достаточно нейтральные и даже вполне благоприятные. В этих случаях оно является отражением определенной смены историко-культурных парадигм. Особенно показательны в этом смысле примеры, относящиеся уже к позднему Средневековью и раннему Новому времени. Такова, например, судьба древних болгарских рукописей и текстов, перенесенных в эпоху турецкого завоевания Балкан в Молдавию и Валахию (таких, к примеру, как Германов сборник 1359 г., бухарестский список Изборника царя Симеона и др.) и не оказавших по существу никакого воздействия на местную церковнославянскую книжную традицию, сложившуюся здесь в XV—XVI вв. как непосредственное продолжение тырновской середины — второй половины XIV в.¹⁸ Еще более выразительно положение ранней рукописной книги у русских старообрядцев в XVIII—XIX вв. Здесь, с одной стороны, наблюдается

декларативное (почти утрированное) почтение, своеобразный культ древней книги, зримо воплощающей преемственность традиции¹⁹, с другой же — ограниченность активного корпуса текстами XVI—XVII вв. — в немалой степени старопечатными изданиями второй четверти XVII в., кануна никоновских реформ.

Южнославянский вариант, в свою очередь, делится на отдельные ветви — болгарскую (разделяющуюся на восточную и западную — македонскую) и сербскую. В значительной мере с ним связана также хорватская глаголическая традиция раннего (до XIII в.) периода, однако внутри последней древнейший славянский литературный корпус составляет лишь один из компонентов, объем и значение которого с течением времени по вполне понятным причинам все более сокращается (особенно — в силу своей ранней обособленности — в литургической сфере)²⁰. Тем не менее эта традиция — «книжность отрывков» — сохраняет важное значение «контрольного экземпляра» и «лакмусовой бумаги» при установлении древности и происхождения целого ряда конкретных памятников.

Реальное взаимоотношение ветвей южнославянской кириллической традиции дает весьма сложную и непрямолинейную картину. В целом сербская ее ветвь и западное ответвление болгарской в XIII—XIV вв. обнаруживают между собой больше общего, чем каждая из них с восточноболгарской. Отчасти это объясняется, вероятно, и распространением сербской орфографии в скрипториях Македонии на протяжении XIV в., что в свою очередь связано с постепенным включением в 1280—1340-х гг. этой исторической области в состав сербской державы Неманчей²¹.

Значение всей совокупной южнославянской книжно-письменной традиции для реконструкции древнейшего славянского литературного корпуса существенно возросло в результате научных разысканий за последние 30—35 лет, в течение которых было открыто большинство оригинальных гимнографических сочинений, созданных учениками Константина-Кирилла и Мефодия. Архаичность набора литургических текстов в южнославянских списках XIII — раннего XIV в. и до этого не вызывала сомнений у исследователей, но эти открытия дали, помимо прочего, огромный надежный конкретный (и при этом авторский — принадлежащий перу Климента и Наума Охридских и Константина Преславского) материал в масштабах, на которые прежде, казалось, невозможно было рассчитывать. По сути дела, речь идет об открытии славянского варианта таких богослужебных книг, как Триодь постная, Октоих, Минеи праздничная и общая²².

Заметным хронологическим ограничителем для реконструкции древнейшего славянского книжно-литературного корпуса выступает смена богослужебного устава. Как правило, она сопровождается новыми переводами, вытесняющими из обращения старые, либо существенным редактированием последних. В наибольшей степени это относится к распространению Иерусалимского устава взамен Студийского (XIV в.). Прежде всего эта смена сказывается на литургических и паралитургических четких текстах, в меньшей степени на тех, которые с богослужебной практикой прямо не связаны.

Восточная Болгария (Тырновское царство). Изю всех вариантов кириллической традиции собственно болгарская (восточноболгарская, «тырновская»)

в сохранении древнейшего литературного корпуса выглядит наиболее скудной. По сути дела, здесь можно выделить лишь очень немногие тексты и памятники. В области литургической это Жерав(н)енская Триодь (отрывки) с частью цикла трипеснцев Константина Преславского, Григоровичева (Добрианова), Драганова и Палаузовская минеи, служебная Минея ГИМ, Хлудов № 152, Октоих Томича, Октоих, переписанный писцом Пирдопского Апостола (ГИМ, собр. Хлудова, № 140). В паралитургической и нелитургической сфере это Погодинская псалтырь толковая, Германов, Лаврентьев, Севастьяновский и Мазуринский сборники, Златоуст Ягича, Синодальный список (ГИМ, Син. № 35) Шестоднева Иоанна Экзарха. Эта общая картина бедности традиции древними памятниками исторически вполне обусловлена. Здесь не стоит даже говорить о губительных последствиях турецкого завоевания и владычества, поскольку многие факторы оказали воздействие на формирование ситуации еще до культурно-исторической катастрофы последней четверти XIV в.

Вывоз преславской библиотеки в последней трети X в. и позднее существенно более суровые (по сравнению с территориями, включенными в первой четверти XI в. в состав Охридской архиепископии) условия для сохранения славянской культуры (и прежде всего — письменности) в двухвековую эпоху византийского владычества²³ не оставляли существенного выбора в ориентации местных книжников после восстановления Болгарской державы в 1180-х гг. Источником возрождения здесь славянской книжно-письменной культуры могла быть (из-за отсутствия сколь-либо заметных устойчивых культурных связей с Русью и затрудненностью на первых порах — по крайней мере до начала XIII в. — контактов с Афоном) только западноболгарская и/или сербская традиция. Однако и она была заимствована в Болгарии Асенидов далеко не в полной мере. Прежде всего бросается в глаза полное отсутствие здесь четких текстов, представленных сербскими списками XIII—XIV вв. — гомилярия типа Торжественника Михановича, Милешевского панегирика, Хлудовского Златоуста и торжественников при Триоди, сокращения Изборника Симеона-Святослава, Пандектов Антиоха черноризца, Катехизмов Кирилла Иерусалимского, Учительного Евангелия Константина Преславского, Беседы Козмы Пресвитера (даже в форме выборки в составе Сборника попа Драголя), большинства поучений Петра Черноризца, переводов, выполненных старцем Иоанном (жития Антония Великого и Панкратия Тавроменийского). Примечателен и крайне слабый интерес в тырновской Болгарии к культу учеников славянских апостолов. Почитание Климента и Наума Охридских (Константин Преславский явно был полностью забыт еще ранее) не приобрело в этот период общеполгарского значения (как не было его, по всей видимости, и в Первом царстве), их мощи не были перенесены из Македонии в Тырнов в период, когда активно формировался новый местный пантеон по преимуществу из «национализированных» греческих святых²⁴. Пространное житие Климента, написанное охридским архиепископом Феофилактом, не было переведено на славянский, а древний славянский текст, послуживший в XI в. источником для греческого автора, был к тому времени, вероятно, уже утрачен. Впрочем, возможно, в какой-то мере распространение этих текстов (но, разумеется, не пространного жития Климента) и культов и наблюдалось в Бол-

гории в эпоху первых Асений (см., например, упоминание «седьмочисленников» в Синодике царя Борила²⁵ и создание краткого жития — «Успения» Мефодия²⁶), однако оно было стерто близкой по времени следующей волной неблагоприятных обстоятельств. Несомненно, однако, что это распространение не приобрело сколько-либо заметных масштабов. Если новые жития и были написаны, то они не успели до конца XIII в. войти в Пролог, уже в силу сравнительной распространенности списков служащий своеобразным гарантом их сохранности.

Во второй половине XIII в. два разномасштабных события имели для восточноболгарской книжно-письменной традиции почти одинаковые роковые последствия. Это постоянные татарские набеги вкупе с междоусобными войнами вплоть до начала XIV в.²⁷ и гибель библиотеки Зографского монастыря на Афоне в 1275 г. Масштабы набегов кочевников и период иноземного владычества были относительно невелики, если сравнивать их с Русью, но последствия, со всей очевидностью, были более сокрушительными, учитывая размеры страны и отсутствие здесь незатронутых или малозатронутых нашествием «островов», подобных Новгороду, Пскову, Смоленску или Галичу. Кроме того, следует принимать во внимание и относительную непродолжительность предшествующего благоприятного периода.

С ними вполне сопоставимо по размеру понесенной утраты уничтожение Зографской библиотеки во время попытки императора Михаила VIII Палеолога склонить Афон к церковной унии, когда в монастырском пирге сторело, согласно свидетельству «Сказания о зографских мучениках», 193 тома²⁸ — весьма крупное по тем временам собрание, достаточное для того, чтобы вместить весь корпус известных в то время на Балканах славянских текстов, включая и пришедшие (либо вернувшиеся) с Руси. Факт гибели библиотеки (как и связанный с этим факт гибели зографских мучеников) в последнее время признается недостоверным как в болгарской историографии, так и в зарубежной болгаристике²⁹, однако недоверие к источнику носит явно спекулятивный характер. Аргументы, приводимые против достоверности сказания (поздний список³⁰, молчание о событии греческих источников), носят скорее ритуальный характер и откровенно малоубедительны. Текст памятника явно не носит заостренно полемического (антилатинского) характера, это скромный местный мартиролог, записанный по горячим следам и не получивший заметного распространения. Что же до молчания греческих нарративных источников, то это по существу их общая базовая позиция в отношении славянских обитателей Афона (будь она иной, история славянского монашества на Святой Горе не зияла бы таким числом лакун).

Ясно, что ни император Михаил VIII, ни представители духовенства, принявшие унию, не ставили перед собой задачи дескредитировать решения Лионского собора методами беспощадных религиозных войн. Упорство иноков, сохранявших верность православию и укрывшихся в башне, столкнулось с усердием наемников в исполнении приказа (извлечь строптивцев любыми средствами — буквально «выкурить» их). Пожар в библиотеке, находившейся в том же пирге, был явлением случайным и, так сказать, побочным. Но даже если признать недостоверность рассказа в дошедшем виде, факт гибели древней монастырской библиотеки

не позднее начала XIV в. не вызывает сомнений. Она могла погибнуть в результате набега каталанцев в 1307 г.³¹ (хотя неясно, чем в данном случае в глазах средневекового книжника наемники Каталанской компании лучше или хуже наемников византийского императора, чтобы сваливать на вторых преступления первых). Современная библиотека Зографа (даже с учетом рукописей, вывезенных из нее в XVIII—XIX вв.) в отличие от хиландарской невелика, неполна и откровенно бедна рукописями старше середины XIV в.³² При этом подобная картина наблюдается давно — уже в середине XVII в. Арсений Суханов не нашел в здешней библиотеке ничего достойного на его взгляд внимания (все привезенные им славянские рукописи происходят из собраний сербских монастырей — Хиландаря и Св. Павла)³³. Малое число древних болгарских рукописей в современной зографской библиотеке и их ограниченный репертуар в других хранилищах Афона не позволяют считать, что первоначальное собрание со временем расплылось. Если признавать эту ситуацию исконной, то следует констатировать ничтожность культурного значения обители до XIV в. и ее весьма скромную роль позднее — утверждение (отнюдь не разделяемое и автором этих строк), с которым едва ли согласятся исследователи средневековой болгарской книжности, в первую очередь болгарские.

На фоне очевидного оскудения болгарской книжности к рубежу XIII—XIV вв. загадочным с точки зрения современного исследователя выглядит бросающееся в глаза невнимание восточноболгарских книжников XIV в. к несравненно более богатой сербской традиции. Это относится как к новым переводам литургических книг, аскетических и полемических сочинений, выполненных сербскими книжниками в своей стране и в особенности на Афоне, так и к сербским спискам древнейших болгарских (и великоморавских) сочинений и переводов. Можно быть уверенным, что собственно орфографический барьер не играл здесь существенной роли: известно, что западноболгарские книжники преодолевали его без труда, результатом чего явилось массовое распространение сербской (рашской) орфографии в продукции славянских скрипториев Македонии XIV в. Особенности графики ряда болгарских и сербских рукописей XIV в. (написанных почерками, которые могут быть охарактеризованы как ранний вариант тырновского литургического полуустава) дают все основания полагать, что их писцы проходили выучку в самом тесном контакте друг с другом (вероятнее всего, на Афоне). Ряд каллиграфов-профессионалов явно мог безболезненно переходить с одной орфографической системы на другую, и если атрибуции одному писцу рукописей с разным правописанием безоговорочно признаются не всеми исследователями³⁴, то сами споры по этому поводу наглядно свидетельствуют о теснейших контактах болгарских и сербских книжников. В свете этого неиспользование болгарскими книжниками мощного потенциала сербской традиции может иметь несколько объяснений. Одно из них заключается в отсутствии либо недостатке у них информации о корпусе древнейших болгарских сочинений, расплывленном между библиотеками сербской архиепископии и отдельных епископских кафедр, располагавшихся в крупнейших монастырях. Здесь можно было бы сослаться на русскую аналогию XV в., когда полноценное использование богатейших новгородских книжных собраний (о которых книжникам других регионов несомненно было известно лучше,

чем болгарам о сербских), включавших и многие древнеболгарские памятники, в общерусском масштабе стало возможно лишь с поставлением в местные архиепископы москвича Геннадия Гоновова³⁵. Версия представляется, однако, не слишком вероятной, поскольку основные книжные связи между тырновской Болгарией и Сербией осуществлялись в Средневековье, по всей вероятности, в основном не напрямую, а через посредство Афона, где находился Хиландарь с его книжными богатствами, вполне сопоставимыми с фондом архиепископии, если не превышающими последний. Не исключено поэтому, что главным (и одновременно мнимым) препятствием для возвращения текстов древнейшего литературного корпуса в традицию Второго Болгарского царства через сербское посредство было формирование в среде болгарских книжников представления о несовершенстве или неисправности книг, написанных по сербским орфографическим нормам. В окончательном виде это мнение было сформулировано уже в первой четверти XV в. Константином Костенецким, однако устного его бытования нельзя исключать и для существенно более раннего времени. Ситуация усугублялась впридачу еще и тем, что сербские списки древнейших болгарских сочинений, в отличие от русских, восходили, по всей видимости, к неофициальным экземплярам. Во всяком случае все они (за исключением Шестоднева Иоанна Экзарха) лишены указаний на свою связь с Болгарией эпохи Первого царства — копий записей писцов с исторической информацией, известных по русским рукописям (преимущественно XV—XVI вв.) — и в этом трудно видеть злой умысел сербских переписчиков. Многочисленные именные и текстовые акrostихи, открытые за последнее время в древнейших памятниках славянской гимнографии (даже если допустить, что об их существовании догадывались позднейшие переписчики) также по существу лишены исторической информации. В сочетании с общеславянским пафосом литературного наследия учеников Кирилла и Мефодия (в котором, в частности, отсутствует даже понятие «болгарский язык» — есть лишь «словенский») это могло создавать ситуацию (парадоксальную с точки зрения современного исследователя), когда древнейшие тексты, созданные в Болгарии, могли просто не восприниматься книжниками Второго царства как таковые.

Македония. Развести между собою собственно сербскую и македонскую традиции для XIII—XV вв. по некоторым параметрам очень непросто. Определенную роль здесь с древности играл фактор языкового пограничья (ряд сербизмов исследователи отмечают уже в старославянском Мариинском Евангелии³⁶), и в монастырских скрипториях могли сотрудничать представители разных правописных школ. Кроме того, болгарская орфография могла оставаться престижной в этот период (или хотя бы до середины XIV в.) по крайней мере для части сербских писцов (достаточно напомнить здесь такие известные рукописи, как Берлинский сборник или сборник РГБ, собр. А. Н. Попова, № 93.1–2). Наконец, как уже отмечено выше, по мере включения македонских территорий в состав державы Неманичей (последняя четверть XIII — середина XIV в.) сербское правописание широко распространяется и на них. Поэтому для характеристики македонских скрипториев уместно привлекать (в том случае, если их локализация надежно засвидетельствована) и рукописи с сербской орфографией (тем более что это нимало не сказыва-

ется на картине собственно сербской традиции). В целом корпус древнейших славянских книжно-литературных памятников представлен в западноболгарской (македонской) традиции XIII—XV вв. довольно односторонне. Среди относящихся к нему сохранившихся рукописей этого времени здесь преобладают литургические, а небогослужебные представлены считанными единицами (Болонская псалтырь 1230—1241 гг., Лесновский Паренесис 1353 г., Лествица XIII в. ГИМ, собр. Щукина, № 921, а также малые агиографические тексты — древнейшие проложные жития Климента и Наума Охридских). Скучность репертуара весьма напоминает ситуацию в Болгарии XVI—XVII вв. в эпоху турецкого владычества, с ее абсолютным преобладанием литургических и небольшого набора четых паралитургических книг, и имеет, вероятно, ту же причину — отсутствие самостоятельной церковной организации со славянским богослужением в сочетании с отсутствием государственности. Для нужд приходов и малых монастырей было достаточно и существующего книжного репертуара. Правда, в Македонии положение компенсировалось возможностью заимствовать книги, переписанные в соседней Сербии по рашской орфографии, поскольку вопрос правописного пуризма не стоял здесь так остро, как в тырновской Болгарии. Однако, по крайней мере в отношении памятников славянской гимнографии конца IX—X вв., ситуация децентрализации и некоторой маргинальности региона во многом способствовала их сохранению. По крайней мере, до конца XIII в. западноболгарские рукописи не были затронуты, в отличие от сербских, последствиями распространения в богослужебной практике с начала этого столетия Евергетидского устава (см. ниже в связи с Сербией), поэтому связанное с ним редактирование (сокращение) текстов их почти не коснулось. Этим можно объяснить появление в начале XIII в. уникального по сохранности цикла песнопений Константина Преславского списка Битольской Триоди³⁷ и высокую степень сохранности славянских песнопений Октоиха в местных рукописях. В отношении минейных служб картина, быть может, не так выразительна, но и здесь присутствуют такие уники и раритеты, как службы Миней общей, созданные Климентом Охридским, и служба на его успение, написанная учеником «славянского Златоуста» (оба памятника в одной рукописи — НБКМ, 122 — 1435 г.).

Сербия. Самые благоприятные исторические условия для сохранения древнейших церковнославянских текстов из всех регионов Балканского полуострова в период Средневековья сложились в Сербии, при том что собственно сербская письменная традиция надежно прослеживается лишь с последней четверти XII в. Почти все южнославянские списки XIII—XIV вв. древнейших небогослужебных памятников сербские, по происхождению (см. выше), ситуация в отношении гимнографических текстов более уравновешена, однако и здесь трудно говорить о бесспорном приоритете болгарской традиции в любом из ее вариантов. Лучшей сохранности древнейшего литературного корпуса именно в Сербии способствовал на протяжении столетий целый ряд обстоятельств. Прежде всего это достаточно стабильная внутри- и внешнеполитическая ситуация на протяжении конца XII — середины XIV в., отсутствие продолжительных военных столкновений, связанных как с иноземными нашествиями (татарские набеги во второй половине

XIII в. затронули лишь северо-восточные окраины страны), так и с соперничеством местных правителей. Фактором дополнительной стабильности для сербской книжной традиции являлось и существование за пределами страны (но при этом тесно связанного с нею) Хиландарского монастыря с его исключительным по значению книжным собранием. При этом следует полагать, что корпус древнейших текстов, сохранившихся в сербских списках, был известен в этой стране не позднее рубежа XII—XIII вв., а не увеличивался постепенно — вплоть до середины XIV в. в процессе присоединения македонских территорий. На это указывает относительно небольшой круг переводов, осуществленных по инициативе и при участии первого главы сербской автокефальной церкви — св. Саввы: Евергетидский устав, организованная в соответствии с ним особая редакция Минеи праздничной и Кормчая с толкованиями, редактирование Евангелия и Апостола. В остальном, очевидно, потребности новой кафедры и в богослужбных и в четких книгах были вполне удовлетворены уже имеющимся кругом текстов — в противном случае число новых переводов было бы существенно больше. Такое состояние книжного корпуса Сербии к концу правления основателя династии Неманичей отнюдь не проистекает автоматически из факта подчинения страны в прошлом церковной юрисдикции Охридской архиепископии. Славянская письменность в диоцезе архиепископов «Первой Юстинианы» ко времени возрождения сербской государственности находилась в заметном упадке³⁸, и для ее реанимации даже в масштабах отдельной епархии (Рашской) требовались значительные усилия, при этом явно не со стороны греческого епископа. При отсутствии в Сербии до 1219 г. самостоятельной церковной организации инициатором поддержания славянской книжной традиции и богослужения могли выступать лишь светские власти. И здесь возможны два в принципе равноценных варианта. С одной стороны, возрождение славянской книжной традиции могло быть результатом усилий великого жупана Стефана Немани (св. Симеона Сербского), выбравшего ориентацию на византийскую церковно-культурную традицию, но стремившегося к независимости своей державы от греческого архиепископа в Охриде. Его 30-летнее правление (1166—1196 гг.) по продолжительности вполне достаточно для осуществления подобной акции, а одним из источников пополнения книжного фонда могли быть и военные трофеи, привезенные из походов на территорию Македонии. Однако подобная ситуация могла возникать (и даже неоднократно) и в более ранний — в историко-культурном отношении абсолютно темный — период сербской истории: и в приморской Зете-Дукле в XI в., и в континентальной Рашке времени жупана Вукана I (ок. 1083 — ок. 1116 гг.). При желании, вероятно, можно найти аргументы в пользу каждого из вариантов. В целом сербская книжная традиция к рубежу XII—XIII вв. не была полной калькой с современной ей охридской, а обладала известным своеобразием. Здесь, к примеру, как и в восточноболгарских рукописях, не выявляются следы культа Климента и Наума Охридских (службы, памяти в месяцесловах), и при этом имеются, хотя и немногочисленные, свидетельства связей с книжной культурой единого Первого Болгарского царства (памяти церковных событий второй половины IX в.³⁹, цикл слов Петра Черноризца и др.)⁴⁰.

Введение в обиход сербской церкви в начале XIII в. Евергетидского устава практически не затронуло гомилии и нелитургические памятники, но оказало заметное воздействие на тексты богослужебных книг. Перемены коснулись в первую очередь памятников славянской гимнографии, подвергшихся разного рода сокращениям с целью унификации и стандартизации. Каноны архаичного состава лишились второй песни, вышедшей из употребления в греческой гимнографии к рубежу IX—X вв., число тропарей в остальных песнях сокращалось обычно до трех. Результатом и того, и другого сокращений было разрушение акростихов в канонах, созданных учениками Кирилла и Мефодия (канон Андрею Первозванному Наума Охридского, каноны Мефодию и др., именные акростихи Климента Охридского в 9-й песни ряда канонов). Открытым остается вопрос об исключении на этом этапе из состава богослужебных книг славянских текстов (канонов, циклов стихир) целиком⁴¹.

Последняя смена церковного устава в XIV в. (переход со Студийского и Евергетидского типиков на Иерусалимский), представляющая наиболее заметный ограничитель в сохранении памятников древнейшей славянской книжно-литературной традиции, происходила в рассмотренных регионах с разной скоростью и различной степенью интенсивности. Наиболее радикально она происходила, как уже отмечалось, в Болгарии, где завершилась в третьей четверти этого столетия, накануне турецкого завоевания. В Македонии замена шла существенно более замедленными темпами. Только этим можно объяснить переписку здесь в последней четверти XIV — первой половине XV в. праздничных Миней древнего состава (ГИМ, Хлуд. 164 — 1371—1385 гг.; София, БАН, 23 — нач. XV в.; упоминавшаяся выше НБКМ, 122, и др.). Активности процесса препятствовали, возможно, и внешние причины — турецкое завоевание региона после Марицкой битвы 1371 г. и, отчасти, синхронная ему византийская «реконкиста». В Сербии смена устава началась ранее всего (сам типик был переведен впервые уже к 1319 г.), но проходила более плавно и не привела (по крайней мере в течение XIV в.) к полному вытеснению из обихода корпуса более ранних небогослужебных текстов. Еще в 1380-х гг. в косовских скрипториях, недалеко от резиденции патриарха, тиражируются комплекты минейного гомилярия очень древнего состава, содержащего лишь немногие новые переводы⁴². Следует заметить, что независимо от темпов проведения и результатов реформы, для всех регионов прослеживается наличие переходного периода, на протяжении которого в богослужебных книгах древние тексты и переводы соединяются (хотя бы частично) со структурой (а в минеях и с месяцесловом) и уставными требованиями, диктуемыми новым типиком. При этом порой активизируются тексты несомненно древние, но не зафиксированные более ранними списками (например, трипеснцы Константина Преславского на Успение Богоматери в болгарской Минее на август середины XIV в. — Париж, Нац. б-ка, Слав. 23)⁴³.

Русь. Восточнославянская (древнерусская) рукописная традиция древнейших славянских книжно-литературных памятников выглядит наиболее сложной в сравнении с другими региональными. Старшие из ее сохранившихся кодексов вполне синхронны входящим в собственно старославянский корпус, причем пре-

восходят его численно и богатством репертуара. Кроме того, только в этом варианте церковно-славянской традиции для XI—XII вв. (в промежутке 1057—1164 гг.) представлены точно датированные и локализованные кодексы⁴⁴. Большинство древнейших славянских текстов, дошедших в ранних русских списках (за исключением Евангелия, Апостола, Псалтыри, Паремейника), не контролируется синхронной южнославянской традицией, а значительная часть (в первую очередь это касается памятников небогослужебных) не имеет аналогий и в позднейшей (см. выше). Судя по сохранившимся роскошным русским копиям XI—XII вв. с таких же болгарских кодексов рубежа IX—X столетий (Изборник 1073 г., Учительное Евангелие Константина Преславского, Слово папы Ипполита об Антихристе), целый ряд русских списков преславских текстов восходит к официальным эталонным экземплярам дворцовой библиотеки столицы Первого царства. Поэтому говорить об их значении для реконструкции преславского книжного корпуса представляется излишним.

Открытие в последней четверти XX в. корпуса славянских гимнографических текстов и циклов, созданных учениками Кирилла и Мефодия, существенно подняло значение южнославянской традиции для этого направления исследований, но отнюдь не маргинализировало древнерусскую. Пожалуй, на этом материале особенно четко определились особенности их развития. Можно считать установленным, что на Руси не получили известности триодный цикл Константина Преславского и, по всей вероятности, гимнографические тексты, входящие в Требник (покаянный канон Климента Охридского и заупокойные стихиры Константина Преславского и анонимные азбучные). Иначе обстоит дело с Минеей праздничной и общей и Октоихом. Для Минеи общей в древнерусской традиции представлен древнейший и наиболее исправный список цикла⁴⁵. Корпус славянских минейных служб здесь меньше совокупного южнославянского: отсутствуют оба канона Мефодию, канон архангелу Михаилу Константина Преславского и анонимный — на перенесение мощей Иоанна Златоуста. Канон на Введение, трипеснцы Константина, каноны Климента на Успение и Наума апостолу Андрею известны ныне в списках, более поздних, чем южнославянские (см. ниже), однако списки остальных известных в настоящее время служб являются древнейшими во всей традиции. Вполне сопоставим между собою и сохранившийся на Руси и у южных славян объем оригинальных песнопений Октоиха.

Однако восточнославянские списки XI—XIII вв. отнюдь не охватывают всего корпуса древнейших текстов, бытовавших на Руси. Рукописная их традиция в XIV в. здесь заметно беднее. Это оскудение начинается уже со второй половины XIII в. и объясняется общим упадком русской книжной культуры в результате монголо-татарского завоевания и последующих регулярных набегов, сопровождавшихся разорением целых княжеств. Незатронутыми нашествием остались северные и северо-западные центры — Новгород, Псков, Смоленск и Полоцк, однако последние два сильно пострадали в процессе языческой литовской экспансии XIII—XIV вв. Возрождение древнейшего книжного корпуса Киевской Руси, включавшего и древнейшие славянские памятники, начинается на рубеже XIV—

XV вв. и завершается в основном к началу следующего столетия⁴⁶. В это время в оборот оказались введены многие тексты, неизвестные в более ранних списках — как русских, так и южнославянских. Процесс возрождения проходил практически параллельно со «вторым южнославянским влиянием», с которым на Русь пришли болгарские и (в меньшей степени) сербские переводы, прямо или опосредованно связанные с распространением Иерусалимского устава⁴⁷. Смена богослужебного устава в первой половине XV в. сопровождалась здесь, как и в южнославянских странах, переходным периодом (не синхронным в отдельных регионах), во время которого также происходила временная активизация древних гимнографических текстов⁴⁸. Сочетание этих двух процессов и определило своеобразие культурной ситуации на Руси в XV — первой половине XVI в.

В заключение уместно, пожалуй, определить для каждой из ветвей традиции верхнюю хронологическую грань, за которой древнейшие памятники продолжают тиражироваться, но уже не появляется (даже в нелитургической сфере) не известных в предшествующее время текстов или их ранних редакций. Для тырновской Болгарии это третья четверть XIV в., для Македонии — конец XV столетия, для Сербии и Руси — XVI в.

Примечания

¹ См.: *Зализняк А. А.* Проблемы изучения новгородского кодекса XI в., найденного в 2001 г. // *Славянское языкознание / XIII Междунар. съезд славистов: Докл. рос. делегации.* М., 2003. С. 190—212. В литературе последних десятилетий высказывались мнения в пользу удреждения датировки всего (или почти всего) корпуса старославянских памятников (*Мошин В.* Мысли о начале и об архаическом периоде южнославянской письменности в X в. // *Кирилло-методиевский (старословенский) период и кирилло-методиевская традиция во Македония.* Скопје, 1988. С. 85—97; *Велчева Б., Тодоров А.* За нова хронология на ранните славянски недатирани ръкописи // *Славянска филология.* София, 1993. Т. 21. С. 14—30), однако они не представляются настолько обоснованными, чтобы признать их безоговорочно (см.: *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000. С. 107—113).

² См. о них, например: *Смядовски С.* Българска кирилска епиграфика, IX—XIV вв. София, 1993; *Kronsteiner O., Popkonstantinov K.* Altbulgarische Inschriften. Salzburg; Wien, 1994—1997. Т. 1—2; *Кирило-Методиевска енциклопедия.* София, 2003. Т. 3. С. 752—754.

³ *Чифлянов Б.* Богослужебният чин, преведен от св. брата Кирил и Методий в началото на тяхната Моравска мисия. Солун, 1999 (= *Авалекта Влаџадов*, 31); *Пентковски А.* Лекционарии и Четвроевангелия в византийской и славянской литургической традициях // *Евангелие от Иоанна в славянской традиции.* СПб., 1998. Приложение. С. 35—39; *Темчин С. Ю.* Этапы становления славянской гимнографии (863 — ок. 1097 г.). Ч. 1 // *Славяноведение.* 2004. № 2. С. 18—55; Ч. 2 // *Славяне и их соседи.* М., 2004. Вып. 11. С. 53—94.

⁴ В болгарской научной литературе в «канон» иногда не включаются также и немногочисленные памятники западнославянского происхождения — Фрейзингенские отрывки, Киевские и Пражские глаголические листки (см.: *Кирило-Методиевска енциклопедия.* София, 2003. Т. 3. С. 751—752). В сущности, исключение древнейших восточнославянских рукописей (во всяком случае, тех из них, которые непосредственно восходят к болгарским

оригиналам) из числа «канонических» не вполне справедливо, поскольку на их датировке базировалась и базируется в значительной мере и датировка кодексов «канона», ни один из которых не имеет записей о времени и месте создания. О значении ранних русских рукописей для изучения старославянского языка см. также: *Дурново Н. Н.* Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // *Жужнословенски филолог*. Београд, 1924. Књ. 4. С. 72—94; 1925—1926. Књ. 5. С. 93—117; 1926—1927. Књ. 6. С. 11—64.

⁵ Об истории открытия большинства из них см., например: *Кувев К.* Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете. 2-е изд. София, 1986.

⁶ *Мирчев К.*, *Кодов Хр.* Енински Апостол. Старбългарски паметник от XI в. София, 1965.

⁷ Ватиканско Евангелие. Старобългарски кирилски апракос от X в. в палимпсестен кодекс Vat. Gr. 2502 / Подг. Кръстанов Т., Тогоманова А.-М., Добрев И. София, 1996.

⁸ *Tarnanidis I.* The Slavonic Manuscripts, discovered in 1975 at St. Catherines Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988.

⁹ О репертуаре «канона» см., например: Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 3. С. 747—752.

¹⁰ *Franklin S.* Writing, Society and Culture in Early Rus, с. 950—1300. Cambridge, 2002. P. 41; *Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб., 2010. С. 82—85; *Гиппиус А. А.* Социокультурная динамика письма в Древней Руси (Рец. на книгу С. Франклина) // *Русский язык в научном освещении*, 2004. № 3. С. 176. Для Болгарии нельзя, впрочем, не отметить значительно возросшую за последнее время значимость (несмотря на ограниченность репертуара апокрифическими либо каноническими молитвенными текстами) такого специфического литературно-эпиграфического корпуса источников, как свинцовые амулеты (см., например: Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1995. Т. 2. С. 850—853), издание свода которых готовит в настоящее время болгарский археолог и богослов К. Попконстантинов.

¹¹ Сводка, составленная Е. Э. Гранстрем (Славяно-русские палимпсесты // *Археологический ежегодник за 1963 г. М.*, 1964. С. 218—222), сообщает о 23 палимпсестах (при этом № 5—7 ее перечня представляют части одной конволютной рукописи), продолжающая ее работа Т. Кръстанова дополнительно еще о 14 (*Кръстанов Т.* Славянските палимпсести // *Описание и каталогизирование средневековых рукописей / Description et catalogage des manuscrits medievales*. София, 1984. С. 48—60). В вышедшем одновременно с последней СК XI—XIII содержатся сведения еще о 8 палимпсестах (№ 64, 71, 193, 202, 204, 231, 314, 491); такую же цифру дает вып. 1 СК XIV (№ 20, 32, 163, 186; Прилож. 1. С. 562, 563, № 53, 74; Прилож. 2, № д4, д65). Фрагмент листа славянской рукописи с греческим палимпсестом был обнаружен также в 1975 г. на Синае (*Tarnanidis. The Slavonic Manuscripts...* P. 143, № 17N).

¹² № 3, 4, 9, 11—16, 19, 22, 28—31 перечня Гранстрем-Кръстанова; СК XI—XIII, № 193.

¹³ Исключение составляют лишь л. 1—24 (древнерусские) Саввиной книги, где текст Евангелия апракос написан поверх текста Требника (СК XIV. Вып. 1. С. 559).

¹⁴ См., например: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1998. С. 139.

¹⁵ Там же. С. 139—141.

¹⁶ См.: *Konzal V.* Cirkevněšlovanska literatura — slepa ulička na prahu česke kultury? // *Speculum medii aevi / Zrcadlo středoveku*. Praha, 1998. S. 150—162; *Hauptova Z.* Cirkevněšlovanske pisemnictvi v přemyslovských Čechach // *Jazyk i literatura v historické perspektivě*. Ústí nad Labem, 1998. S. 5—42.

¹⁷ См., например: *Флоря, Турилов, Иванов.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции... С. 149—150.

¹⁸ О репертуаре позднесредневековой славяно-румынской книжности см., например: *Паскаль А. Д.* Источники по истории славяно-молдавской книжности XV—XVI вв. (По материалам хранилищ Москвы и Ленинграда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 3—6, 8—10; *Турилов А. А.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв. // *Хризограф*. М., 2005. Вып. 2. С. 141—142, 157—161.

¹⁹ *Беляева О. К.* К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // *Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма*. Новосибирск, 1990. С. 9—16. Следует также иметь в виду ту важную роль, которую сыграли старообрядцы-коллекционеры в сохранении и собирании на протяжении XVIII—XIX вв. памятников древней письменности.

²⁰ См., например: *Hercigonja E.* *Srednjovekovna književnost*. Zagreb, 1975. S. 41—134.

²¹ См., например, такие памятники XIV в., как начальная часть Лесновского пролога 1330 г., пропавшая Оливерова минея 1342 г., Рыльское евангелие 1361 г. (София НБКМ, № 31), или Минея праздничная 1370—1385 гг. (ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 164).

²² Новейший, наиболее полный их обзор содержится в статьях К. Станчева, Г. Попова и М. Йовчевой в составе сборника *La poesia liturgica slava antica* (Roma; Sofia, 2003).

²³ *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // *Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рожд. В. А. Мошина (1894—1987)*. СПб., 1998. С. 50—51; *Флоря, Турилов, Иванов.* Кирилло-мефодиевские традиции... С. 123—126, 132—133.

²⁴ См.: *Полывянный Д. И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX—XV вв. Иваново, 2000. С. 137—139; *Флоря, Турилов, Иванов.* Кирилло-мефодиевские традиции... С. 90.

²⁵ Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 3. С. 578.

²⁶ *Иванова К.* «Успение Методиево» // *Palaeobulgarica*. 1999. № 4. С. 6—34.

²⁷ История на България. София, 1982. Т. 3 (Втора Българска държава). С. 264—299.

²⁸ См.: *Иванов Й.* Български старини из Македония. 2-е изд. София, 1931 (репринт: 1971). С. 437, 439.

²⁹ *Божилев И.* «Мъчението на зографските монаси». Легенди и факти // *Светогорска обител Зограф*. София, 1996. Т. 2. С. 181—183; *Полывянный.* Культурное своеобразие... С. 159—160, 262.

³⁰ Если всерьез и последовательно придерживаться первого аргумента, то исследователи просто не должны обращать внимания на сведения по истории Болгарии VII—XI вв., содержащихся в таких текстах, как «Именник болгарских ханов» (известия с V (?) в., списки русские XV—XVI вв.), «Сказание пророка Исаяи» (события XI в., список конца XV в.) и в особенности «Болгарская апокрифическая летопись» (события VII—XI вв., единственный список сербский, начала XVII в.). В то же время болгарских исследователей отнюдь не смущает, что «Завет Иоанна Рыльского» не известен не только в средневековой книжности, но и ранней (XVIII в.) письменной традиции национального возрождения, а представлен списками никак не ранее 1840-х гг. (см.: *Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия*. М., 2002. С. 414; *Добрев И.* Каноните за св. Йоан Рилски от Георги Скилица // *Palaeobulgarica*. 2002. № 3. С. 11; *Николова Б.* Завет на св. Иван Рилски. За митовите и реалиите // *Старобългарска литература*. София, 2006. Кн. 35—36. С. 144—166.)

³¹ О бесчинствах каталанских наемников на Афоне см., например: *Острогорски Г.* *Историја Византији*. Београд, 1969. С. 461.

³² См.: *Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света гора. София, 1994.

- ³³ См.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 68—104.
- ³⁴ Так обстоит, например, дело с писцом роскошных болгарских и сербских рукописей середины XIV в. Симоном-Симеоном (см.: *Джурова А.* Томичов псалтир. София, 1990. Т. 1. С. 37. Примеч. 36).
- ³⁵ О нем см., например: *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 145—146.
- ³⁶ *Тихомиров Н. Б.* Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в ОР ГБЛ // *Записки Отдела рукописей.* М., 1962. Вып. 25. С. 144—146.
- ³⁷ *Попов Г.* Новооткрита оригинална старобългарска част в текста на Триода // *Български език.* 1978. № 6. С. 497—507.
- ³⁸ См.: *Флоря, Турилов, Иванов.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции... С. 126—128.
- ³⁹ См.: *Турилов А. А.* Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. // *Palaeobulgarica.* 1999. № 1. С. 14—34.
- ⁴⁰ Подробнее о древнейших славянских литературных памятниках в сербской традиции см.: *Турилов А. А.* Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы // *Славянский альманах* 1998. М., 1999. С. 17—29 (и наст изд.).
- ⁴¹ Ср.: *Иовчева М.* Проблемы текстологического изучения древнейших памятников оригинальной славянской гимнографии // *La poesia liturgica slava antica.* Roma; Sofia, 2003. С. 69—71.
- ⁴² См.: *Флоря, Турилов, Иванов.* Судьбы... С. 159.
- ⁴³ *Попов Г.* Из хитнографското наследство на Константин Преславски (Новооткрит трипеснец за предпразднество на Успение Богородично) // *Palaeobulgarica.* 1995. № 3. С. 3—31.
- ⁴⁴ См.: *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР.* XI—XIII вв. М., 1984. № 3—9, 51—55.
- ⁴⁵ *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1988. С. 135—144, 189—210.
- ⁴⁶ См.: *Турилов А. А.* Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв. (заметки к оценке явления) // *Славяноведение.* 1995. № 3. С. 29—43 (и данное изд.).
- ⁴⁷ См.: *Турилов А. А.* «Второе южнославянское влияние» и русская книжная культура конца XIV—XV вв. // *Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв.* СПб., 1998. С. 330—331 (и данное изд.).
- ⁴⁸ Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2000. С. 27, 139.

РОЛЬ СЕРБСКОЙ ТРАДИЦИИ В СОХРАНЕНИИ ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКОВ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Средневековая сербская литература — это литература державы Неманичей и их преемников (вторая половина XII — середина XV вв.). Выбор, сделанный основателем династии Стефаном Неманей (св. Симеоном Сербским) в пользу православия, деятельность его и его детей и преемников по созданию сербской автокефальной церкви провели резкую границу в истории сербской культуры. Находясь географически на пограничье православного и католического миров, Сербия на протяжении всего периода Средневековья сохраняла экономические, политические и культурные связи с Западом (достаточно вспомнить, что Стефан Первовенчанный, сын св. Симеона и брат свт. Саввы получил королевскую корону из Рима), но со времен Немани окончательно вошла в православно-византийский культурный ареал¹. Этот важный исторический рубеж в сознании средневековых сербских книжников (а у истоков традиции стояли младшие творцы рубежа — дети Стефана Немани, свт. Савва и Стефан Первовенчанный) трансформировался в начало самой сербской истории. Говоря словами одного из агиобиографов Неманичей, Григория Цамблака, «корень бо некий... бывъ и царствию виновънь Симеонъ Трьвеликий»². Согласно родословию сербских государей, возникшему в последней четверти XIV в., первого христианского императора и Стефана Неманю разделяет лишь два поколения: дед основателя династии назван племянником Константина Великого по материнской линии³. Такое (почти по Морозову и Фоменко) «спрессовывание» истории является результатом отторжения предшествующей культурно-исторической традиции, при котором даже ближайšie предки основателя династии заслуживают в лучшем случае лишь краткого упоминания⁴. При этом Симеон и Савва — возродитель государства и создатель автокефальной церкви — в церковном почитании приобретают черты просветителей и наставников своей страны, приближаясь в этом значении в какой-то мере к Константину-Кириллу и Мефодию⁵. Применительно к свт. Савве Сербскому такое представление безусловно основывается на его большом вкладе в сербскую книжность как в роли автора (Житие св. Симеона и служба ему) и переводчика (Евергетидский устав), так и организатора и устроителя церковной жизни и славянского богослужения в Сербии (перевод Кормчей с толкованиями; вероятно, также введение в обиход полного корпуса служебных миней и Пролога Константина Мокисийского)⁶. Эпитеты «наставников» и «учителей» сербских по отношению к ним обоим достаточно устойчивы в рукописной традиции по крайней мере с середины XIII в.⁷

Эта связь славянской письменности (в ее сербском варианте) с деятельностью святых Симеона и Саввы, существовавшая в сознании образованной части обще-

ства, имела для судеб книжности Сербии по меньшей мере два последствия. Поскольку Сербия имела своих первоучителей, которым было посвящено большое число агиографических сочинений, то здесь не возникло легендарных памятников, в которых была бы «национализирована» деятельность Кирилла и Мефодия (как в болгарской «Солунской легенде» и кратком житии «Успении» Кирилла⁸ или в хорватско-глаголической службе Кириллу и Мефодию XIV в.⁹), либо изобретение славянской азбуки до солунских братьев (как в «Сказании о русской грамоте» XII в.¹⁰). В отличие от болгарских рукописей, пестрота правописания которых вызвала к середине XIV в. необходимость орфографической реформы, возвращения к первоначальным кирилло-мефодиевским нормам, сербская традиция отличалась весьма значительной языково-правописной устойчивостью, опиравшейся на авторитет списков, сделанных в окружении свт. Саввы¹¹. Поэтому ресавская правописная реформа, будучи сродни афонско-тырновской в стремлении к упорядочению и архаизации орфографии, была менее радикальной и более прагматичной (что в значительной мере способствовало распространению ее результатов в XV—XVII вв. на всем православном пространстве Балкан).

Но консерватизм сербской литературной традиции не ограничивается только областью орфографии. В меньшей степени он присущ ее репертуару. Правда, применительно к репертуару консерватизм этот весьма своеобразен. В целом сербская рукописная традиция отличается большой открытостью (в рамках общего для всех славянских православных литератур корпуса текстов)¹², распространение новых переводов в XIV в. не вызвало здесь столь кардинальных перемен как в болгарской книжности. Древний литературный пласт (по крайней мере небогослужебный) в сербской книжности XIV—XV вв. сохранялся, хотя и был существенно потеснен новым¹³, а ранние тексты реже, чем в Болгарии, подвергались редакционной правке¹⁴.

Длительная эпоха политической стабильности в Сербии Неманичей (конец XII — середина XIV в.) способствовала развитию и сохранению культурных традиций, в том числе в области книгописания. К этому следует добавить и своеобразный внешний гарант сохранности сербской книжной культуры — библиотеку монастыря Хиландарь на Афоне, которая с конца XII в. по середину XVII в. только пополнялась и, несмотря на утраты XVII—XIX вв., остается, пожалуй, самым презентативным южнославянским собранием и по сей день.

Все это в совокупности делает сербскую книжную традицию подлинным заповедником древнейших славянских литературных памятников, отчасти восходящих к великоморавской эпохе, но в еще большей степени к традициям Первого Болгарского царства¹⁵.

Многие древние славянские тексты (и макротексты — сборники), дошедшие в сербских списках XIII—XIV вв., принадлежат к числу уникальных, редких либо занимающих особо важное место в текстологической традиции и в силу этого хорошо известны исследователям¹⁶. Но практика их рассмотрения в комплексе в историко-филологической науке по существу отсутствует, и на это есть целый ряд причин.

Для сербских исследователей эта тема — лишь предыстория богатой национальной литературы, к тому же лишенная хронологических опорных точек, гео-

графической привязки и персонажей (аналогичную картину можно наблюдать и применительно к древнерусской литературе). Она фигурирует во вводных разделах историко-литературных трудов, но как самоценное явление не рассматривается¹⁷. Для болгарских ученых, в силу того, что большая часть литературного корпуса Первого царства реконструируется на основании восточнославянских и сербских списков — это просто один из источников такой реконструкции¹⁸.

Большой интерес представляет изучение сербского корпуса древнейших славянских текстов и для истории ранних межславянских культурных связей, поскольку многие параллели ему обнаруживаются в восточнославянской традиции (см. ниже).

В этот корпус входят как оригинальные тексты, так и переводы и компиляции весьма разного объема — от целой книги до строчки памяти в месяцеслове. Состав его в какой-то мере условен — не исключено, что некоторые тексты (особенно малого объема) или хотя бы их фрагменты и следы обнаружатся со временем в болгарской (вероятнее, конечно, западной, чем восточной) традиции, но в равной степени возможно, что корпус расширится за счет новых находок в сербских рукописях (оба варианта будут способствовать расширению общеюжнославянского либо западноболгарско- (македонско-) сербского литературного корпуса).

К числу древнейших оригинальных славянских текстов, дошедших в сербской традиции и открытых еще в прошлом веке, относятся стихотворный «Проглас» к Евангелию, принадлежащий Константину-Кириллу или Константину Преславскому, представленный тремя сербскими списками XIII—XIV вв. в Евангелиях и одним русским XVI в.¹⁹ Вероятно, к числу памятников еще великоморавской эпохи относится и загадочное во многом «Слово на Рождество Христово» с легендой, объясняющей перепись населения Римской империи в правление Августа розыском сбежавшей дочери императора Юлии, сопровождаемое почти евангельским прологом, обращенным к неведомому архиерею («Понеже множицею честно ваше святительство заповеда нам веле написати малыми тленными словесы о великих и потребных вещех и речех...»)²⁰.

Из похвальных слов Климента Охридского (ему в исследовательской традиции приписывается и вышеупомянутое «Слово на Рождество») только в двух поздних (XVI в.) сербских списках известна Похвала 40 мученикам севастиийским²¹. Из других произведений «славянского Златоуста» в связи с этим стоит особо отметить «Слово о святой Троице, о твари и о суде». До последнего времени памятник был известен исключительно в русских списках²², но недавно автор этих строк обнаружил сербский (ГИМ, Воскресенское собр., 115-бум., л. 106 об. — 116 об.), который в настоящий момент является старшим полным (середина XIV в.), так как древнейший русский XII в. (РНБ. Ф.п.1.46) дефектен (о рукописи подробнее см. ниже).

В том же кодексе ГИМ, Воскр. 115-бум. помещены три (из четырех известных в настоящее время) поучения болгарского автора X в. Петра Черногорца: «о временем сем житии» (л. 141—144 об.), «о всяком супротивии» (л. 144 об. — 147 об.), «о посте сказание и о молитве устава церковного» (л. 147 об. — 149). Слова помещены в рукописи единым блоком, как целостный комплекс. До сих пор в южно-

славянской традиции был известен лишь неполный список первого и фрагмент второго из них²³.

Единственным списком в составе сербского Сборника попа Драголя конца XIII — начала XIV в. представлена, как известно, в южнославянской традиции краткая компиляция из большого сочинения другого болгарского автора X в. — «Беседы Козмы Пресвитера на новоявльшуюся ересь богумилов»²⁴.

Без преувеличения целую эпоху в истории палеославистики составили открытия болгарских филологов (в первую очередь Г. Попова и Ст. Кожухарова), введшие в научный оборот неисследованный до этого в литературном отношении пласт древнейшей славянской гимнографии²⁵. Время создания (конец IX — начало X в.) и происхождение (круг учеников славянских апостолов) не вызывает сомнений: многие из этих памятников снабжены акростихами с именем авторов. Но хотя рукописная их традиция представлена (и пока изучена) неравномерно, чисто сербских примеров в ней имеется достаточно.

Только сербскими списками представлены канон апостолу Андрею Первозванному Наума Охридского (единственное известное на данный момент бесспорное сочинение этого автора)²⁶. То же относится к фрагментарно сохранившемуся канону Симеону Богоприимцу²⁷ и к одной из редакций стихир бельческого погребения, сохранивших фрагменты славянского акростиха (КОНСАТН (вм.: КОНСТАТина) — глас 1; ВЪАЧНАГО — глас 3; ПТОХОВЪА (от греч. «птохос» — нищий?) — глас 8; ПЪАНИЯ О ВСЕ — блаженны; ГРАНЕС — стихиры на целование)²⁸.

И, наконец, сюда относятся последние находки в области ранней славянской гимнографии — древнейшая служба архиепископу Мефодию²⁹ и канон на Успение Богоматери Климента Охридского с акростихом КЛИМ в 9-й песни³⁰.

К числу древних переводных текстов, сохраненных сербской традицией, относятся Житие Бенедикта Нурсийского (книга 2 Бесед папы Григория Великого с архидьяконом Петром о жизни италийских отцов)³¹ и один из переводов болгарского пресвитера X в. Иоанна — Житие Панкратия Тавроменийского³². Другие переводы и компиляции Симеоновой эпохи — Учительное Евангелие Константина Болгарского³³, Изборник³⁴, Златоструй³⁵ сохранились, кроме того, и в восточнославянской рукописной традиции и, как известно, в списках более ранних и исправных. Однако сербские списки Изборника и Златоструя восполняют хронологический разрыв между XI—XIV вв. и рубежом XIV—XV вв. русских списков, а Учительное Евангелие, кроме того, отмечено в Сербии (в отличие от Руси, где известен лишь список XII в.) и довольно развитой рукописной традицией: помимо списков Гильфердинга (РНБ. Гильф. 32 — 1286 г.), Хиландарского 1344 г. (Хиландарь, 385) и Венского второй половины XIII в. (Вена, Национальная библиотека, Слав. 12) существует загребский Торжественник при Триоди постной конца XIII — начала XIV в. из собрания С. Верковича (ХАЗУ IV d 4), представляющий соединение триодной части (11 бесед) Учительного Евангелия с беседами Феодора Студита³⁶. Сербские списки Златоструя хиландарской библиотеки представляют собой выборки из краткой редакции сборника³⁷.

Недавно обнаружился еще один (самый поздний) сербский список Златоструя. Он находится в составе сборника ГИМ, Воскр. 115-бум., привезенного с Афона Ар-

сением Сухановым (датируется серединой — третьей четвертью XIV в.)³⁸. Список также хиландарского происхождения — его писец (почерк один во всей рукописи) бесспорно и однозначно отождествляется с весьма продуктивным монастырским книгописцем Дамианом³⁹. В сохранившейся части (л. 1—129 об.; утрачено начало кодекса) сборник включает 26 нумерованных слов из Златоструя, большинство которых (в том числе «Слово о Троице» Климента Охридского) неизвестно в двух других списках⁴⁰. Все это свидетельствует, что в конце XIII — середине XIV в. в Хиландаре имелся кодекс Златоструя краткой редакции, из которого и были сделаны существующие выборки.

И, наконец, следует упомянуть уникальные древние восточноболгарские памяти в сербских месяцесловах. Так, в календаре Апостола-Евангелия апракос конца XIII — начала XIV в. из собрания Западно-Европейской секции архива ФИРИ (бывш. ЛОИИ) РАН, № 680 фигурируют события болгарской истории первых лет после крещения страны. Под 26 марта здесь помещена память подавления князем Борисом-Михаилом восстания боилов («победа Михаила кнеза бугарска на сбор, иже сбрасе на нь креста ради»), окончательно позволяющая отнести крещение Болгарии к осени 865 г. Месяц спустя, 26 апреля помещена память освящения церкви апостола Петра, «иже в Бугарех», почти несомненно связанная с деятельностью в новообращенной стране римской миссии⁴¹.

В целом картина выглядит весьма пестрой и неоднозначной из-за отрывочности сведений о сербской церковной истории до конца XII в. При желании хронологический простор от крещения Сербии в третьей четверти IX в. до создания автокефальной церкви открывает самые широкие возможности для толкования происхождения древнейшего корпуса текстов. Это: 1) непосредственное происхождение текстов из Великой Моравии (поскольку приморская Сербия — Зета — входила в диоцез Мефодия), минуя Болгарию (например, для канона Андрею Первозванному, датируемого его открывателем 868 г.⁴²); 2) связи с Преславом, минуя Охрид (древнейшие болгарские памяти); 3) происхождение из библиотеки Охридской архиепископии, с ее некоторыми локальными особенностями местной традиции, отличной от восточноболгарской (древнейшая служба Мефодию); 4) возвращение текстов, утраченных на Балканах в X — середине XII вв. через русское посредство.

Основным, разумеется, остается охридский вариант. В него вполне укладываются и канон Андрею Первозванному, и плисковские памяти. Появление в сербской традиции последних вызвано, вероятнее всего, неконтролируемой миграцией в западные области в последней трети X в. рукописей из покоренной Византией восточной Болгарии.

Русский вариант, вполне вероятно, имеет даже большее значение, чем ему принято придавать, для судьбы четьих текстов, не контролируемых параллельной болгарской традицией. Обычно в корпус текстов, пришедших с Руси на Балканы, принято включать русские тексты и переводы XI—XII вв. и памяти святых в месяцесловах⁴³. Но нет ничего невероятного и в возвращении текстов, в силу обстоятельств утраченных в местной традиции⁴⁴, во всяком случае эту возможность отнюдь не следует игнорировать.

Состояние рукописной традиции древнейшей славянской гимнографии в разных языковых изводах свидетельствует о разрушении этого корпуса по крайней мере в XIII в. (возможно, под влиянием получивших известность через русское посредство полных служебных Миней).

Отсутствие же интереса образованной части болгарского общества (во все времена отличавшейся ярко выраженным, порой даже гипертрофированным, патриотизмом) к четрым текстам эпохи Первого царства, составляющим особенность сербского книжного корпуса XIII—XIV вв. (Златоструй, Изборник, Учительное Евангелие, Беседа Козмы Пресвитера, слова Петра Черноризца и т. п.) при всей кажущейся парадоксальности имеет вполне прозаическое объяснение. Все эти тексты, как известно, в сербских списках лишены (даже когда они не фрагментарны, как переделка «Беседы») указаний на время, место и обстоятельства их создания (содержащихся в опущенных предисловиях и послесловиях)⁴⁵, а следовательно, лишены и особой притягательности.

Примечания

¹ О культурно-исторической ситуации в средневековой Сербии см. подробнее: *Трифуновић*. Стара срpsка књижевност. Београд, 1995. С. 7—38, 321—350.

² *Давидов А., Данчев Г. и др.* Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. София, 1983. С. 64.

³ См., например: *Stojanović L.* Nekoliko srpskih ljetopisa // *Starine*. Zagreb, 1881. Knj. 13. S. 173, 176, 182, 190; *Новаковић Р.* Бранковићев летопис. Београд, 1960. С. 38—39; *Кувек К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки: Изследване и текст. София, 1986. С. 372. О истории сербских родословов: *Радочић Ђ. Сп.* Доба постанка и развој старих срpsких родослова // *Историјски гласник*. Београд, 1948. № 2. С. 21—36.

⁴ Вероятно, с этим в значительной мере связано отсутствие почитания сербской православной церковью в эпоху Неманичей зетского князя-мученика Иоанна-Владимира (начало XI в.), древнее житие которого сохранилось лишь в латинском переводе в составе так называемого «Барского родослова» («Летописи попа Дуклянина») XII в. (см.: *Богдановић Д.* Историја старе срpsке књижевности. Београд, 1980. С. 133—135).

⁵ В предельной форме такое представление отразилось в устном (по всей видимости, афонском) предании, зафиксированном безымянным русским книжником XV в. в сочинении об установлении автокефалии болгарской и сербской церковью, включенном в состав Кормчей книги (см.: *Белякова Е. В.* Обоснование автокефалии в Русских Кормчих // *Церковь в истории России*. М., 2000. Сб. 4. С. 139—161). Савва изображен в этом сказании своего рода сербским царевичем Иоасафом — юным язычником, познавшим свет истинной веры от странствующего монаха и обратившим в христианство своего отца и всю страну.

⁶ О литературной и книжной деятельности свт. Саввы Сербского см.: *Богдановић*. Историја... С. 143—153. Новейшее издание его сочинений и переводов: *Свети Сава*. Сабрана дела / Приредило и превео Т. Јовановић. Београд, 1998.

⁷ «Первыми учителями сербскими» устойчиво именуются Симеон и Савва в заглавии общей похвалы, написанной хиландарским иеромонахом Доментианом в 1260-х гг. Столь же устойчиво свт. Савва называется «учителем сербским» в заголовках жития и службы, написанной иеромонахом Феодосием (конец XIII — начало XIV в.), и Симеон в заглавии созданной тем же автором службы. Еще раньше король Стефан Первовечанный называет

своего отца в заглавии жития «наставником и учителем... отечества си, все Срьбскийи земле» (см.: Археографски прилози. Београд, 1981. Бр. 3. С. 305). Все это живо напоминает обычное «титулование» Кирилла Философа — «первый учитель и наставник словенскому языку».

⁸ Подробнее об этих памятниках см.: *Флоря Б. Н.* Кирилло-мефодиевские традиции в развитии средневековой славянской культуры // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1988. С. 164—167.

⁹ Согласно этому тексту, славянские апостолы происходили не из Салоник (Солуни), а из далматинской Солины («Се еста две маслине из загради Солинские» — *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 136, 146).

¹⁰ О памятнике см.: *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 116—169.

¹¹ О переменах в сербской орфографии XIII—XIV вв. см.: *Богдановић Д.* Развој ћирилског писма у Србији до XV в. // Славјанска палеографија и дипломатика. Софија, 1985. [Вып.] 2. С. 70, 74; ср.: *Добрев И.* Рашка писменост и българският правопис през Средневековието // Кирило-Методиевски студии. Софија, 1991. Кн. 8. С. 216—252. О правописных нормах св. Саввы Сербского и его окружения см.: *Белић А.* Учесње св. Саве и његове школе у стварању нове редакције српских ћирилских споменика // Светосавски зборник. Београд, 1936. Књ. 1. С. 211—276.

¹² Так называемая «литература-посредница», по определению Д. С. Лихачева (Развитие русской литературы X—XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 35—44), или, точнее, «литературный пласт-посредник» (*Naumow A.* Apokryfy w systemie literatury cerkiewnosłowiańskiej. Wyd. PAN, 1976. S. 26—28).

¹³ См.: *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. // Славянские литературы. XI Междунар. съезд славистов: Докл. рос. делегации. М., 1993. С. 28—29.

¹⁴ Это хорошо видно на примере древнейших славянских литературных памятников — Жития Константина-Кирилла и Похвального слова Кириллу и Мефодию, когда сербские списки XVI—XVII вв. явно сохраняют более древний вариант текста, чем восходящие к среднеболгарской тырновской традиции ресавские по орфографии сборники Владислава Грамматика 1469 и 1479 гг. (см.: *Флоря Б. Н.* Рукописная традиция памятников Кирилло-Мефодиевского цикла // Жития Кирилла и Мефодия. М.; София, 1986. С. 34—35; *Дзиффер Дж.* Рукописная традиция Пространного жития Константина // Советское славяноведение. 1991. № 3. С. 59—63).

¹⁵ В рамках данной работы целесообразно ограничиться (за редким исключением) рукописной традицией XIII—XIV вв. Для более позднего времени широкое распространение ресавской орфографии зачастую затрудняет определение происхождения кодексов. Кроме того, уже с раннего XVI в. наблюдается вторичное возвращение в южнославянскую традицию (прежде всего сербскую) древних текстов через посредство восточнославянских списков (см.: *Турилов.* Памятники... С. 28).

¹⁶ В первую очередь следует отметить работы Э. Благовой по истории старославянского гомилиярия (библиографию см.: Кирило-Методиевска енциклопедия. Софија, 1985. Т. 1. С. 204; а также: *Bláhová E.* Význam srbských rukopisů pro studium staroslověnského homiliaře // Тестологија средњовековних јужнословенских књижевности. Београд, 1981. С. 225—228) и статьи К. Ивановой о гомилияриях (библиографию см.: Кирило-Методиевска енциклопедия. Софија, 1995. Т. 2. С. 40).

¹⁷ Лучше в этом отношении изучены библейские и богослужебные (точнее, одна их разновидность — служебные Минеи) книги. Таковы работы Б. Йованович-Стипчевич о Паремийниках (см.: *Стипчевич Б.* О српским паремејницима // Симпозиум 1100-годишнина от смртта на Кирил Солунски. Скопје, 1970. Кн. 2. С. 347—387; *Јованович Б.* Значај српских паремејника за текстолошко разврставање словенских преписа и реконструкцију првобитног ћирило-методског оригинала // Стара српска књижевност. Београд, 1976. С. 1—18); О. Неделькович о Евангелии и Апостоле (библиографию см.: Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 2. С. 806—807); Т. Суботин-Голубович о служебных минеях (см.: *Суботин Т.* Канони у службама 1. септембра у најстарима српским Минејама XIII в. // Археографски прилози, 1988—1989. Бр. 10—11. С. 51—60; *Она же.* Упоредно проучвање структуре српских и византијских Минеја старијег периода // Проучвање средњовековних јужнословенских рукописа. Београд, 1995. С. 439—446).

¹⁸ К сожалению, в полной мере это замечание относится и к весьма обстоятельному и информативному реферату Р. Трифоновой (Българска традиция при формирането на общи јужнославянски книжовен фонд и неговото усвојаване в срѣбските земи през XI—XIII вв. // Старобългарска литература. 1994. Кн. 28—29. С. 56—61). Отрадное исключение в этом смысле составляют работы К. Ивановой (см. примеч. 16).

¹⁹ Обзор мнений и библиографию см.: Старобългарска литература: Енциклопедичен речник. София, 1992. С. 370—371; Кирило-Методиевска енциклопедия (КМЕ). София, 2003. Т. 3. С. 336—340. Подробнее о сербских рукописях, содержащих «Проглас» см.: *Турилов А. А.* К изучению южнославянской рукописной традиции «Прогласа Константина Философа» // «Пение мало Георгию»: Сборник в чест на проф. Г. Попов, за неговата 65-годишнина. София, 2010 (в печ.).

²⁰ Текст издан по одному списку (ГИМ, Хлуд. 195): ЧОИДР. М., 1880. Кн. 3. С. 155—170; Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1977. Т. 2. С. 193—222. О происхождении и списках памятника см.: *Ziffer G.* I Monumenti di Frisinga e le tradizioni linguistiche e culturali della «Slavia Christiana» // *Zbornik Brizinski spomeniki.* Ljubljana, 1996. P. 126, 129—130. Старшие списки памятника (Хлуд. 195; Загреб. ХАЗУ. III. с. 22 и Вена, Национальная библиотека, Слав.33) современны друг другу (последняя четверть XIV в.) и созданы в одном скриптории. Критическое издание текста готовится в настоящее время Дж. Дзиффером.

²¹ См.: Климент Охридски: Събрани съчинения. Т. 1. С. 511—524.

²² Там же. С. 620—622. Издание сербского списка (к сожалению, с досадными погрешностями в орфографии) см.: *Турилов А. А., Фомина М. С.* Слово Иоанна Златоуста «О Святой Троице и о твари и о суде» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2. С. 110—118.

²³ *Павлова Р.* Петър черноризец — старобългарски писател от X в. София, 1994 (Кирило-Методиевски студии. Кн. 9). С. 345—348, 279—280.

²⁴ См.: *Бегунов Ю. К.* Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973. С. 132—143, 401—408. Следует отметить, что другие примеры, приводимые в этой книге, не имеют отношения к южнославянской рукописной традиции «Беседы» (по крайней мере ранней). Синайский сборник (РНБ, Греч. 70) является конволютом, и та его часть, где помещены отрывки сочинения Козмы, написана русским писцом (при этом достаточно раннего XIII, а отнюдь не XIV в.), что прекрасно видно на снимках в монографии (С. 148—149). История «Поучения к пресвитерам и попам» (С. 143—146) в рукописной традиции имеет отношение к судьбе учительной части русского Пролога на Балканах в XVI—XVII вв., но не к ранним (XII—XIII вв.) русско-южнославянским литературным связям.

²⁵ См.: *Попов Г.* Акrostих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия // *La poesia liturgica slava antica / Древнеславянская литургическая поэзия.* Roma;

София, 2003. С. 30—54; *Он же*. Химнография старобългарска // КМЕ. София, 2003. Т. 4. С. 400—414.

²⁶ В сущности, пример должен быть исключен из перечня, поскольку обнаружен русский список памятника — см.: *Турилов А. А.* К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического копуса в древнерусской рукописной традиции // Старобългарска литература. София, 2006. Кн. 35—36. С. 22—37 (публикуется в наст. изд.).

²⁷ См.: *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски... С. 145—146.

²⁸ Подробнее см.: *Турилов А. А.* К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия в составе славянского Требника // *Slavica mediaevalia in memoriam F. V. Mareš.* Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2006. (Schriften über Sprachen und Texte. Bd. 8). С. 107—123 (публикуется в наст. изд.).

²⁹ См.: *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Моравские земле велеи гражданин» (неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию) // *Славяноведение*. 1998. № 4. С. 3—23.

³⁰ *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* Неизвестный памятник древнейшей славянской гимнографии (канон Климента Охридского на Успение Богородицы) // *Славяноведение*. 1999. № 2. С. 24—36; ср.: *Турилов*. К уточнению объема и состава... С. 31—32.

³¹ *Соболевский А. И.* Житие преподобного Бенедикта Нурсийского по сербскому списку XIV в. // *Известия ОРЯС*. СПб., 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 121—137.

³² См.: *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. 2. С. 130—132.

³³ Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 2. С. 434—436.

³⁴ Там же. С. 50—56.

³⁵ Там же. Т. 1. С. 726—728.

³⁶ См.: *Mošin V.* Čirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije. Zagreb, 1955. Dio 1. S. 215—216 (в описании статьи не отождествлены с Учительным Евангелием).

³⁷ К. Иванова (Неизвестна редакция на Златоструя в сръбския извод от XIII в. // *Стара српска књижевност*. Београд, 1976. С. 89—107) высказала предположение, что хиландарский список № 62 содержит промежуточную (между краткой и пространной) редакцию памятника. Однако позднее М. С. Фомина убедительно показала, что это мнение вызвано недостаточной изученностью состава краткой редакции в предшествующей исследовательской литературе (*Фомина М. С.* Златоструй в славянской письменности XII—XVI вв. // *Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг*. М., 1990. Вып. 3. Ч. 2. С. 300—301).

³⁸ О филигранях и датировке рукописи см.: *Дианова Т. В.* Особенности бумаги рукописей XIV в. // *Историческому музею — 125 лет: Мат-лы юбилейной науч. конф.* М., 1998. С. 131, № 8; *Панкова М. М.* Письмо сербских рукописей XIV в. // *Русская книжность: Вопросы источниковедения и палеографии*. М., 1998. С. 148.

³⁹ О книгописной продукции Дамиана см.: *Церний Л.* О атрибуции средневековых српских ћирилских рукописи // *Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности*. Београд, 1981. С. 338—339, 350—351, № 37—45, сл. 37—45. Образец почерка Воскр. 115-бум. см.: *Фотографические списки с древних рукописей, хранящихся в библиотеке Воскресенского Иерусалимского монастыря*. [М.], 1860. Ч. 2 (Рукописи на бумаге), № 1 (снимок л. 128 с датировкой XV в.). Начерки букв писца см.: *Панкова*. Письмо... С. 144—145.

⁴⁰ Первое слово без начала, и пока не отождествлено; второе соответствует № 69 краткой редакции Златоструя (см.: *Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI—XVI вв.: Каталог гомилий / Сост. Е. Э. Гранстрем, О. В. Творогов, А. Валевичус*.

СПб., 1998. С. 121), остальные соответствуют № 103, 41, 29, 26, 105, 5 (ср.: Каталог гомилий, № 80), 10, 78а, 90 (ср.: Каталог гомилий, № 246), 142—144, 78, 148, 84, 34, 18, 27, 85, 82, 47, 154—155 по указателю М. С. Фоминой (*Фомина*. Златоструй... С. 311—328). В существующих печатных описаниях (*Амфилохий*, архим. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1876. С. 171—172; *Леонид*, архим. Описание славяно-русских рукописей Воскресенского монастыря // ЧОИДР. 1871. Кн. 1. С. 44) содержание рукописи не определено и не расписано.

⁴¹ Подробнее см.: *Турилов А. А.* «Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в.» // *Palaeobulgaria*. 1999. № 1. С. 14—34 (публикуется в наст. изд.).

⁴² *Кожухаров*. Песенного творчество... С. 19.

⁴³ *Турилов*. Памятники... С. 27—42 (здесь же предшествующая библиография); *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 100—101, 103, 105—106, 108.

⁴⁴ *Турилов*. Памятники... С. 38.

⁴⁵ В этом, разумеется, не следует видеть злого умысла сербских книгописцев, «маскировавших» тем самым от болгар их древнее культурное достояние. Практика копирования старых послесловий и приписок писцов, свидетельствующая о внимании к авторитету древности или определенного протографа, получает у православных славян (как южных, так и восточных) распространение только с XV в.

ДРЕВНЕРУССКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ (на материале книжности)

Древнерусская книжная культура XI—XVI вв. (для последних полутора столетий следует говорить уже о двух ее вариантах — великорусском («московском») и украинско-белорусском) при сопоставлении с книжно-литературной традицией других славянских стран вполне может быть охарактеризована как культура-хранительница или культура-наследница. Такое определение не относится к оценке оригинального древнерусского литературного наследия (безусловно, одного из самых обширных, если не самого обширного в славянском мире), а касается, естественно, только круга памятников, общего для всех (либо значительной части) средневековых славянских литератур. Функция сохранения памятников предшествующих эпох (при этом относящихся не только к собственной традиции) в значительной мере свойственна всем славянским литературам, восходящим к кирилло-мефодиевскому наследию¹, но, пожалуй, именно на древнерусском материале она особенно заметна. Здесь при развитой оригинальной литературе степень сохранности заимствованных памятников значительно выше, а круг их порой заметно шире, чем в литературах, их породивших. Излишне напоминать, что без обращения к восточнославянской традиции невозможна сколь-либо полноценная реконструкция древнейших славянских литератур — Великой Моравии (вторая половина IX в.), Первого Болгарского царства (последняя четверть IX — вторая половина X в.), Чехии (X—XI вв.). Для болгарской и сербской литератур XIII—XV вв. роль русской традиции заметно более скромна, но вполне сопоставима (особенно в отношении болгарской) с ролью национальных традиций². Число примеров сохранения древнерусских памятников (оригинальных и переводных) в южнославянской книжной традиции, при всем историко-культурном значении этого феномена, существенно меньше как по количеству памятников, так и по количеству их списков³. И эту ситуацию явно нельзя объяснить только лучшими культурно-историческими условиями на Руси для сохранения славянского книжного наследия, хотя этот момент, бесспорно, играет определенную роль.

Древняя Русь вошла в культурный ареал *Slavia cyrillicomethodiana*⁴ одной из последних стран — с принятием христианства в конце X в. Позже (в XIV столетии) в него (точнее, уже в *Slavia orthodoxa*) вошли лишь Валахия и Молдавия — страны с преимущественно неславянским (романским) населением, но использовавшие в течение столетий (вплоть до XVII в.) церковнославянский язык в качестве языка письменности (кириллической) и богослужения. Поэтому на раннем этапе (X—XI вв.) культурные связи с другими странами ареала носили характер усвое-

ния их наследия — Великой Моравии (через болгарское и чешское посредство), Первого Болгарского царства и Чехии. Само усвоение было по преимуществу постумным, поскольку Болгария была завоевана Византией в период крещения Руси и в ближайшие десятилетия вслед за этим событием (Западноболгарское царство комитопулов прекратило существование в 1018 г.), а в культуре Чехии XI в. кирилло-мефодиевская струя была лишь одной из традиций (наряду с латинской), и к тому же доживала последние десятилетия⁵. Во многом сходная ситуация сложилась и в эпоху «второго южнославянского влияния» (последняя четверть XIV — первая половина XV в.), когда Русь после длительного перерыва в культурных контактах с южными славянами (во многом вызванного татаро-монгольским завоеванием и последующим владычеством) усваивала и осваивала результаты переводного и оригинального творчества болгарских и сербских книжников конца XIII — раннего XV в.⁶ Хронологически это «влияние» совпало с завоеванием Болгарии османами и с последними десятилетиями полунезависимого существования (и культурного подъема) сербского деспотата (окончательно завоеванного в 1459 г.). При этом, несмотря на возможность более продолжительных контактов с Сербией, восточнославянская книжность в это время явно отражает ориентацию на среднеболгарскую традицию, что особенно заметно в орфографии⁷.

В целом постумный характер связей (наследование) является в силу исторических причин для ареала *Slavia cyrillicomethodiana* скорее правилом, чем исключением. Болгария, Чехия, Хорватия и отчасти, вероятно, Сербия выступают в конце IX в. наследниками литературной традиции Великой Моравии, разгромленной венграми. Позднее Второе Болгарское царство, Сербия и Хорватия оказываются (наряду с Киевской Русью) преемниками традиции Первого царства. Гораздо менее известно о синхронных культурных связях — свидетельства о них сохранились преимущественно для стран Балканского полуострова: Болгарии и Сербии.

В условиях неустойчивости территории и границ культурного ареала представление о его единстве и преемственности традиции обеспечиваются единством литературного (богослужебного) языка и наличием на этом языке корпуса текстов, общего для стран этого ареала. Этот корпус, определяемый исследователями как «пласт-посредник»⁸, либо ядро системы славянских литератур⁹, включает переводные (основу составляют литургические) и оригинальные тексты общехристианской (позднее — общеправославной) тематики.

Сам факт существования такого корпуса очевиден (и именно в его рамках наиболее интенсивно осуществлялся в Средневековье и раннее Новое время межславянский культурный обмен)¹⁰, однако конкретный его состав нуждается в уточнениях. Внутри корпуса можно выделить три категории памятников:

1. Тексты, реально представленные (целиком или фрагментарно) в древнерусской и южнославянской (хотя бы в одной из ее ветвей — болгарской или сербской) традициях¹¹.
2. Тексты, исторически несомненно присутствовавшие во всех ветвях традиции, но реально сохранившиеся лишь в одной из них (примеры: про странное житие Мефодия Моравского, «Закон судный людем», сборник

слов против ариан Афанасия Александрийского в переводе Константина Преславского, «Диалоги» Псевдокесария («Вопросы Сильвестра и ответы Антония»), «Енхиридион» Эпиктета в обработке Максима Исповедника и другие).

3. Тексты, которые по своему характеру относятся к общему корпусу, но не известны за пределами одной (восточно- или южнославянской) ветви традиции (примеры: седмичные поучения Григория Философа¹², «Шестоднев Иакова, брата Господня»¹³, четьи тексты для минеи Общей¹⁴, поучения Феодосия Печерского, цикл триодных поучений Кирилла Туровского и другие).

Разумеется, для двух последних категорий абсолютно преобладают примеры из восточнославянской рукописной традиции.

Картина разницы в объеме и составе «пласта-посредника» в литературе восточных и южных славян тем более показательна, что на конец XII — первую половину XIII в. приходится период заметного оживления отношений между Русью и южными славянами («первое восточнославянское влияние»)¹⁵, обусловленный возрождением болгарской и сербской книжной традиции после длительного периода византийского владычества. При этом (довольно редкий случай для истории русско-южнославянских культурных контактов) он приходится на время существования независимых государств у всех трех народов. В этой ситуации особенно нагляден феномен «невозвращения» на славянские Балканы известных там в древнейшую эпоху литературных памятников Великой Моравии и Первого царства (хотя с точки зрения чистой логики трудно объяснить и факт отсутствия в литературах южных славян триодных поучений Кирилла Туровского¹⁶ при огромной популярности на Руси в XV в. таких же поучений Григория Цамблака).

Причину этой разницы следует искать прежде всего в характере и обстоятельствах русско-южнославянских культурных связей. На протяжении всего средневековья они не носили государственного характера¹⁷, и даже интерес восточных и южных славян к государственной истории соплеменников вплоть до XVI в. был минимальным, если не сказать нулевым. Русские летописи молчат о славянах на Балканах после походов Святослава, даже трагические события турецкого завоевания Болгарии и Сербии почти не нашли отклика у летописцев XIV—XV вв. Когда же на Балканы попал текст Русского хронографа, то сербские книжники XVI в. удалили из него русские сюжеты, сохранив лишь балканский материал¹⁸. Но и церковные (по преимуществу монашеские) связи до конца XV в. не были прямыми¹⁹ (в этом смысле даже пребывание во главе киевской митрополии в конце XIV — первой четверти XV в. архиепископов-болгар — Киприана и Григория Цамблака практически не влияет на ситуацию), а осуществлялись на невысоком, полуофициальном и неофициальном уровне в столице «византийского содружества» — Константинополе, либо в одном из традиционных интернациональных монашеских центров (Иерусалим, Синай, Афон)²⁰. Среди последних с рубежа XII—XIII вв. все большую роль в этом отношении играет Афон, в XIV—XV вв. его значение вполне сравнялось со значением столицы империи. Эти центры, в силу их интернационального характера, действительно представляли широкие возможности для литературного обмена, во

многим зависевшего от проявления личной инициативы. Однако база для него (круг памятников) у восточных и южных славян была исходно неравной. Даже в Палестине и на Синае, где и южнославянские и русские монахи были достаточно удалены от родины (и при существовании для последних, вероятно, до середины XIII в., «стационарной базы» — русского Благовещенского монастыря в Палестине, упоминаемого в житии Евфросинии Полоцкой), южнославянские рукописи (правда, более поздние — XIV в.) бесспорно преобладают²¹. Еще в большей степени ситуация должна была отличаться в Константинополе и на Афоне, в силу их близости к южнославянским землям. В распоряжении восточнославянских книжников последней четверти XIV — первой половины XV в. здесь был практически весь корпус южнославянских переводов с конца XIII в. Южнославянские книжники во второй половине XII — первой половине XIII в. находились в значительно менее выгодных условиях. Их возможности знакомства с корпусом литературных памятников, известных на Руси (в полном виде представленном, возможно, даже не во всех кафедральных книгохранилищах Киевской митрополии), ограничивались достаточно скромной библиотекой Пантелеймонова монастыря²², новыми переводами с греческого, выполненными в Константинополе и на Афоне (Пролог Константина Мокисийского, Пандекты Никона Черногорца), в работе над которыми участвовали, возможно, и русские и южнославянские книжники, и довольно случайным набором текстов в книгах, привезенных из разных городов Руси иноками и паломниками.

Заметные перемены в общеславянском литературном корпусе (и в том числе в составе его древнейшей части) наблюдаются у южных славян в поствизантийский период («второе восточнославянское влияние»), когда меняется сам характер и даже уровень связей. Поездки паломников и иноков из Московского государства и Великого княжества Литовского (позднее — Речи Посполитой) продолжают и даже становятся более частыми и регулярными. Соответственно, продолжают и вклады в монастыри Святой Горы (в том числе и книг), но до широкого распространения восточнославянского книгопечатания (конец XVI в.) они мало влияют на ситуацию. Новшеством эпохи являются монастырские и архиерейские посольства, приезжающие на Русь и в Киевскую митрополию за финансовой поддержкой и принимающие пожертвования по пути следования²³. В этих условиях возможности для знакомства южнославянских книжников с восточнославянской книжно-литературной традицией значительно расширяются. А поскольку XV и ранний XVI в. во всем восточнославянском регионе характеризуется не только «вторым южнославянским влиянием», но и возрождением в полном объеме книжной традиции, восходящей к Киевской Руси (включая и весь корпус памятников, унаследованных от культурно-исторических предшественников)²⁴, то наблюдается несколько неожиданная на первый взгляд ситуация. Вместе с переводами и сочинениями XVI в. (акафисты Франциска Скорины²⁵, переводы Максима Грека и Селивана²⁶, канон Ангелу — грозному воеводе Парфения Уродивого²⁷, «Притча о царе-годе»²⁸ и другие) в южнославянскую книжность приходит (хотя и не в полном объеме) целый ряд памятников древнейшего периода (не позднее XIII в.)²⁹, в том числе созданных, переведенных либо бытовавших на славянских Балканах в первые века славянской письменности.

Примечания

¹ Можно было бы без труда рассмотреть этот феномен на сербском материале XII—XIV вв. (см.: *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980 (2-е изд. 1991). С. 119—140; ср.: *Турилов А. А.* После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X — первой половине XIII в.) // *Иванов С. А., Турилов А. А., Флоря Б. И.* Судьбы славянской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000 (2-е изд. 2004). С. 76—162. Либо на хорватском, где это наследие представлено до XV в. в почти стерильно чистом виде, по существу без примеси оригинальных памятников (см.: *Hercigonja E.* Srednjovekovna književnost. Zagreb, 1975).

² См.: *Турилов А. А.* Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV — первой четверти XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. О корпусе южнославянских переводов XIII—XV вв. в восточнославянской традиции см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903 (репринт: Köln; Wien, 1989). С. 4—5, 18—23 (см. также наст. изд., с. 255—260).

³ Новейший подробный обзор корпуса памятников и списков см.: *Miklas H.* Kyrrillomethodianisches und nachkyrrillomethodianisches Erbe im ersten ostslavische Einfluß auf die südslavische Literatur // Symposium Methodianum. Neurid, 1988. S. 437—472; *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. // Славянские литературы // XI Международный съезд славистов. М., 1993. С. 27—42; *Павлова Р.* Восточнославянские святые в южнославянских рукописях XIII—XIV вв. Halle (Saale), 2008.

⁴ Термин, предложенный Р. Марти (*Marti R.* Slavia orthodoxa als litera- und sprachhistorisches Begriff // Исследования по славяновизантийскому и западноевропейскому средневековью (посвящается памяти Ивана Дуйчева). София, 1989. Т. 1. S. 193—200) для обозначения культурно-исторического ареала, объединяемого кирилло-мефодиевской традицией, взамен понятий *Slavia orthodoxa* и *Slavia latina*, введенных Р. Пиккио (*Picchio R.* «Prerinasimento esteuropeo» e «Rinascita slava ortodossa» // Ricerche slavistiche. 1958. Vol. 6. P. 185—199), обозначающих ситуацию в славянском мире скорее уже после конфессионально-культурного раскола, оформившегося в XIII в. В аналогичном значении в исследовательской литературе употребляется также понятие *Slavia christiana* (см.: *Живов В. М.* Разыскания в области истории предыстории русской культуры. М., 2002. С. 73—169.).

⁵ О культурно-исторической ситуации в Чехии в X—XI вв. см.: *Sázava, památník staroslověnske kultury v Čechah.* Praha, 1988. S. 70—116.

⁶ См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература...; Историографический обзор исследований по проблематике: *Станков Р.* Второто южнославянско влияние в Русия през XIV—XV в. // Годишник на Софийския университет. 1992. София, 1994. Т. 84. Кн. I. С. 69—106.

⁷ Интерес к сербским литературным памятникам XIII—XV вв. — при этом к житиям национальных святых — проявится в Московской Руси в конце XV — начале XVI в. (т. е. вновь в постумной форме), в первую очередь в связи с созданием Русского хронографа, для которого они послужили источником исторических сведений (см.: *Турилов А. А.* Болгарские и сербские источники...).

⁸ См.: *Naumow A.* Apokryfy w systemie literatury cerkiewnosłowiańskiej. Wrocław, 1976. S. 25—29.

⁹ *Лихачев Д. С.* Древнеславянские литературы как система // Славянские литературы / VI Международный съезд славистов. М., 1968. С. 5—48.

¹⁰ Памятники, не входящие в этот пласт, участвуют в литературном обмене обычно лишь в том случае, если они либо входят в макротекст устойчивого содержания (напри-

мер, службы в составе служебных миней, тропари и кондаки в тропарниках, краткие жития в составе Пролога), либо являются вспомогательным текстом (предисловие или послесловие переводчика или компилятора), или входят в устойчивый конвой текста, принадлежащего к общему корпусу (подробнее см.: *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV — XV вв. и «второе южнославянское влияние» // *Древнерусское искусство: Художественная культура XIV—XV вв.* СПб., 1998. С. 322).

¹¹ Пример древнейшей чешской литературы, сохранившейся фрагментарно, и хорватской глаголической, с течением столетий все более приобретающей локальный характер, в данном случае не столь показателен.

¹² О памятнике см.: *Соболевский А. И.* Шестоднев Кирилла Философа // *ИОРЯС.* 1900. Т. 6. Кн. 2. С. 177—202; *The Edificatory Prose of Kievan Rus'.* Harvard, 1994. P. XLI—LIII.

¹³ См.: *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 291—296.

¹⁴ См.: *Димитров П.* Поучения на Климент Охридски // *Старобългарска литература,* 1987. Кн. 20. С. 57—86. Атрибуция здесь цикла Клименту не выдерживает критики.

¹⁵ См. примеч. 3.

¹⁶ Ранее я высказывал предположение, что этот цикл был известен болгарским книжникам, на основании орфографии списка РНБ, ОЛДП, Ф. 215, перв. четверть XV в. (*Турилов.* Памятники... С. 33), однако в настоящий момент я уверен, что болгарское правописание кодекса (по крайней мере в пределах цикла) является плодом творчества русского писца.

¹⁷ В связи с этим представляется, что гипотеза Н. А. Соболевой о влиянии сербской сфрагистики на русскую в XIV в. (*Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. С. 129—134) в реальности лишена каких-либо оснований.

¹⁸ См.: *Трифунувий Ђ.* Азбучник српских средњовекових књижевних појмова. Београд, 1990. С. 369—370.

¹⁹ Исключение в этом смысле (в силу географической близости) составляет, пожалуй, лишь Галицко-Волынское княжество. Показательно, что киевский митрополит Кирилл II (бывший печатник князя Даниила Романовича) в поисках Кормчей книги с толкованиями обратился в Болгарию, правда, к князю русского происхождения (*Щанов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 139—152). Однако другими свидетельствами этих связей, кроме памятней болгарских святых (Параскевы-Петки и Иоанна Рыльского) в месяцеслове Галицкого Евангелия (ГИМ, Син. 404, дополнения второй пол. XIII в. к кодексу 1144 г.), мы не располагаем.

²⁰ *Дуйчев И. С.* Центры византийско-славянского общения и сотрудничества // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1963. Т. 19. С. 107—129.

²¹ См.: *Сперанский М. Н.* Славянская письменность XI—XVI вв. на Синае и в Палестине // *ИОРЯС.* Л., 1927. Т. 31. С. 43—118; *Tarnanidis I.* The Slavonic Manuscripts, discovered in 1975 at St. Catharine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988.

²² По описи древнейшего русского монастыря на Афоне (Пантелеймонов основан в 1169 г.) — Ксилургу — там в 1142 г. значилось около 50 славянских («русских») книг, преимущественно богослужебных (Акты Русского на Святом Афоне монастыря св. Пантелеймона. Киев, 1873. С. 50—67).

²³ См.: *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. М., 1860. Ч. 1—2; *Кантерев И. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914; *Связи России с народами Балканского полуострова / Первая половина XVII в.* М., 1990. С. 94—137.

²⁴ Турилов А. А. Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв. (заметки к оценке явления) // Славяноведение. 1995. № 3. С. 31—45 (см. также данное изд.).

²⁵ См.: Турилов А. А. Новые списки гимнографических сочинений Франциска Скорины // Франциск Скорина — белорусский гуманист, просветитель, первопечатник. Минск, 1989. С. 95—96.

²⁶ Ангелов Б. Руско-южнославянски книжовни врзки. София, 1980. С. 84—101.

²⁷ Библиотека монастыря Хиландарь, № 348. Сборник сербский, середины XVII в. Л. 92—96 (Богдановић Д. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 141).

²⁸ Моле В. Минијатуре једног српског рукописа из године 1648 // Споменик Српске Краљевске Академије. 1922. Књ. 44.

²⁹ См.: Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 55—103; Адрианова-Перетц В. И. Древнерусские литературные памятники в южнославянской письменности // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 5—27; Николова С. Кирил Туровски в южнославянската книжнина // Palaeobulgarica. 1988. № 3. С. 38—51; Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 167—171.

БОЛГАРСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПЕРВОГО ЦАРСТВА В КНИЖНОСТИ МОСКОВСКОЙ РУСИ XV—XVI вв. (заметки к оценке явления)

Значение восточнославянской книгописной традиции в деле сохранения и распространения литературных памятников эпохи Первого царства (IX—X вв.) не вызывает сомнений у исследователей. Общеизвестно, что без этой традиции полноценная реконструкция древнейшего фонда болгарской литературы была бы невозможна, поэтому перечислять памятники, дошедшие исключительно в восточнославянских списках, либо сочинения, для которых последние являются древнейшими и наиболее исправными, представляется излишним — достаточно сослаться на публикации [1—8 и др.]. Сам факт бытования этих памятников в восточнославянской книжной традиции относится к числу наиболее ярких примеров средневековых культурных связей в православном славянском мире [9—10] и проявлений славянского этнического самосознания. Древность знакомства восточнославянских книжников с творчеством болгарских авторов IX—X вв. тоже в принципе не вызывает сомнений, однако то общеизвестное обстоятельство, что памятники, о которых идет речь, сохранились в довольно поздних восточнославянских списках (как правило, не ранее конца XIV в. — времени начала «второго южнославянского влияния»)¹, порождает порой попытки объяснения в заведомо тупиковом, на мой взгляд, направлении — за счет сокращения хронологического разрыва между дошедшими списками и временем появления самих сочинений на Руси. Последовательно эта точка зрения изложена И. И. Калигановым в докладе на Софийском съезде славистов [18].

Подобная характеристика гипотезы, на первый взгляд, может показаться предвзятой. Исследователь сам пишет, что «судить о времени проникновения южнославянских литературных памятников в русскую литературу XII—XVII вв. только по уцелевшим русским спискам было бы неверно» [18: 63]. Однако в выводах [18: 64] предполагается, что «ряд литературных памятников, созданных в Болгарии и Сербии в IX—XIV столетиях, мог попасть на русскую почву гораздо позднее — в XV, XVI и даже XVII вв.» (совмещение здесь двух хронологических пластов южнославянских памятников (IX—X и XIII—XIV, или, точнее, XIII—XV вв.), как стараюсь показать ниже, некорректно). На эту же гипотезу работает и обширный (хотя и выборочный) перечень примеров [18: 62—63].

В сущности, в этой работе предложена новая версия длительного периода русско-южнославянских (точнее — русско-болгарских) литературных взаимоотношений (и автор не отрицает этого), которые на протяжении шести или семи веков (с конца X по XVI или даже XVII в.) действуют (или, по крайней мере, абсолютно

преобладают) лишь в одном направлении — из Болгарии на Русь [18: 58—64]. Замечу, что в этих условиях понятие «второго южнославянского влияния» тоже теряет смысл, но уже не потому (как в случае с Л. П. Жуковской), что автор отрицает наличие такого влияния в рассматриваемый период, а просто в силу того, что не было двух одновременных влияний, а продолжалось одно непрерывное (ср. [18: 64]). Исследователь полностью игнорирует (ибо невозможно предположить, что она ему неизвестна) проблему русского литературного влияния у южных славян в XII—XIII вв. (поставленную и отчасти решенную в сравнительно небольшой группе авторитетных работ [19—24]) — историко-культурного явления, равноценного по своему значению обоим южнославянским влияниям на Русь², но до сих пор не получившего полномасштабного освещения в историко-филологической литературе³.

Специфика русско-южнославянских культурных связей в эпоху Средневековья (в отличие от новейшего времени) заключается в том, что отдельные периоды отличаются друг от друга абсолютным преобладанием одного из направлений культурного воздействия — с юга на север или с севера на юг [29: 196] («первое южнославянское (болгарское) влияние», конец X — XI в.; «первое восточнославянское влияние», XII—XIII вв.; «второе южнославянское влияние», конец XIV — XV в.; «второе восточнославянское влияние», XVI—XVIII вв.). Это особенно хорошо заметно на материале периодов, сомнений не вызывающих — «второго южнославянского влияния» или восточнославянского влияния на культуру православных балканских славян в XVI—XVIII вв., когда воздействия в обратном направлении практически не прослеживаются либо выступают как исключения, лишь подтверждающие правило (период X—XI вв. занимает в системе этих связей особое место, так как в условиях взаимодействия старой и только формирующейся культуры воздействие могло осуществляться лишь в одном направлении). Для теории перманентного влияния признание таких периодов (или хотя бы внимание к ним) равняется признанию ее несостоятельности.

Оценка всех положений работы И. И. Калиганова не входит в задачу данной статьи, но одну ее специфическую особенность необходимо отметить. Хотя И. И. Калиганов решительно расходится с Л. П. Жуковской в характеристике «второго южнославянского влияния», однако их роднит гипнотическое восприятие самого термина «влияние». И тот и другая связывают с ним понятие культурной экспансии, неприемлемое для эпохи, предшествующей возникновению средств массовой информации (времени, когда культурная экспансия сопутствует экспансии политической). При отсутствии такого сочетания «влияние» оказывается выбором воспринимающей стороной (выступающей в этом случае как активное начало) модели и конкретных форм культурного развития (это конечно, не исключает, а, напротив, подразумевает воздействие внешних факторов на выбор «влияния»).

Гипноз термина вынуждает исследователя устанавливать прямую зависимость между ухудшением положения болгарского духовенства в Охридской архиепископии к середине XI в.⁴ и корпусом литературных памятников, получивших известность на Руси в это время, предполагать, что в результате этого не только возросло число болгарских книг, доступных восточнославянским читателям, но и принци-

пиально изменился характер корпуса, за счет появления или более широкого распространения четких книг, принесенных славянскими священниками-эмигрантами [18: 59—61]. До этого Русь в течение полувека обходилась лишь богослужебными книгами.

Загадочным (хотя вполне логичным в свете гипотезы перманентного влияния и порционного поступления древнеболгарского литературного фонда на Русь) выглядит отсутствие упоминания в печатном тексте доклада о судьбе царской библиотеки в Преславе. Само существование этого дворцового книгохранилища устанавливается на материале роскошных русских списков домонгольского времени с парадных оригиналов эпохи Первого царства (Изборник 1073 г., Учительное Евангелие Константина Преславского с миниатюрой, изображающей князя Бориса-Михаила (XII в.), Слово Ипполита Римского об Антихристе (XII в.) с «портретом» царя Симеона [35: 17—18, 28; 36: 17, 26—28]).

Интересные доводы в пользу того, что речь идет о целой библиотеке, сохранившей длительное время единство и на Руси, а не об отдельных книгах из нее, привел (в устной беседе с автором) А. А. Алексеев. То обстоятельство, что до нас дошли только копии с роскошных болгарских кодексов, а не сами оригиналы, свидетельствует, что последние погибли (а значит и хранились) как единый комплекс. В нашем случае неважно, произошло ли это в Киеве в 1240 г. или же во Владимире в 1238 г., куда книги могли быть перевезены в качестве трофея после разгрома днепровской столицы войсками княжича Мстислава Андреевича в 1168 г. (северо-восточное происхождение списков конца XII в. (Учительного Евангелия и Слова Ипполита) [37: 15—18; каталог, № 1 и 2], кажется, делает предпочтительным второй вариант). Открытым остается вопрос о времени, когда библиотека очутилась на Руси, и о путях, которыми она сюда попала. Здесь возможны два варианта: 1) библиотека — трофей Святослава (к этому мнению склоняется А. А. Алексеев); 2) библиотека — трофей Иоанна Цимисхия, попавший на Русь в качестве приданого принцессы Анны. В любом случае не позднее последнего десятилетия X в. она уже находилась в Киеве. Даже судя по остаткам, дошедшим в русских копиях, это было незаурядное собрание, включавшее, вероятно, основной корпус литературных текстов, существовавших к тому времени на славянском языке (об одной из последних находок в области репертуара преславской библиотеки см. [38]). При таком положении вещей проблема последствий ромеизации Охридской архиепископии для развития русской книжности приобретает заведомо маргинальный характер⁵.

В сущности, единственным аргументом для радикального и серьезного по своим последствиям заключения И. И. Калиганова остается постоянное увеличение числа списков сочинений эпохи Первого царства в русской книжности XI—XVI вв., подкрепляемое тем обстоятельством, что весьма значительная часть их сохранилась лишь в списках XV—XVI вв., не будучи представлена в более ранней восточнославянской традиции [18: 62—64]⁶. На первый взгляд, это может создать представление, что и сами памятники появились в восточнославянской книжности не раньше этого времени. Впечатление это, однако, разрушается, стоит лишь обратиться к рукописной традиции в целом.

Излишне, кажется, напоминать, что восточнославянская книгописная традиция в силу исторических обстоятельств вплоть до XV в. нерепрезентативна в отношении памятников славянских литератур, включая сюда и древнерусскую. По XIV в. включительно случаи, когда тот или иной оригинальный памятник сохранился в списке столетия своего создания, можно перечест по пальцам (ср. точку зрения на эту проблему [46: 232—302]). Традиция XV в. в этом смысле всеобъемлюща, она охватывает и памятники данного столетия и практически всех предшествующих. Списки XV—XVI вв. составляют источниковую базу истории русской литературы XI—XIV столетий (см. [47; 9: 116—117]), без которой ее исследование невозможно в принципе (чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть хотя бы данные справочника Н. К. Никольского [48]).

В подобной ситуации рост числа восточнославянских списков древнеболгарских сочинений эпохи Первого царства от века к веку мог бы служить свидетельством перманентного болгарского влияния в том случае, если бы сопровождался двумя показателями: 1) сохранением устойчивого интереса к этим памятникам в самой болгарской книжной традиции; 2) существованием устойчивых текстологических групп, объединяющих как южно- так и восточнославянские списки, при старшинстве или большей исправности первых. Как же обстоит дело в действительности?

Нетрудно убедиться на разном материале (сочинения Климента Охридского, Сказание Черноризца Храбра, гомилии Иоанна Экзарха, гимнографические циклы Константина Преславского и др.), что после середины XIV в. литературные памятники эпохи Первого царства не встречаются в списках, созданных в восточнoболгарском регионе (приблизительно, в границах Второго царства), хотя продолжают бытовать в западнoболгарских и сербских списках⁷. Несомненно, это одно из следствий афоно-тырновской богослужебной и книжной реформы, резко повлиявшей на самый круг чтения, связанный с новым Иерусалимским церковным уставом. Старые памятники были оттеснены на периферию в ценностном и географическом смысле, в силу чего возможность их тиражирования и самая потребность в этом значительно уменьшились. Особенность культурной ситуации в евфимиевской Болгарии состоит в том, что здесь произошла не гибридизация древнейшего и нового литературных пластов (как это случилось на Руси и до известной степени в Сербии), а почти полная замена первого вторым. Причины столь кардинальных перемен еще нуждаются в объяснении, но одна из них видится в абсолютном преобладании в болгарской литературе памятников интернациональной — общехристианской либо общеправославной — тематики⁸, получивших замену себе в переводах «студийской коллекции» и гомилиях тырновских авторов второй половины XIV в. ([49]; о корпусе новых переводов четьих текстов см. также [50; 51: 59—282]). То, что в данном случае мы имеем дело не с лакуной в дошедшем книгописном наследии, возникшей из-за физической утраты рукописей в эпоху османского владычества, а с переменами, происшедшими еще до этого, наглядно свидетельствует репертуар молдавской книжности XV—XVI вв., который целиком следует за тырновским книжным корпусом второй половины XIV в. и в котором памятники эпохи Первого царства (и даже доевфимиевские Второго) практически отсутствуют (о репертуаре молдавской славянской книжности см. [52; 53])⁹.

Так как перемены в репертуаре болгарской книжности произошли в преддверии одного из наиболее активных периодов русско-южнославянских культурных связей, понятно, что литературным памятникам эпохи Первого царства просто не могло найтись места в таком явлении как «второе южнославянское влияние», целиком ориентированное на круг новых сочинений и переводов. Неопровержимый факт обращения восточных славян именно к тырновской книжной традиции [16; 54: 129—133] исключает возможность использования спасительной лазейки о перманентном западноболгарском влиянии.

Текстологическое сопоставление южнославянских списков литературных памятников эпохи Первого царства с восточнославянскими обычно затруднено рядом обстоятельств. Так, многие из поучений и похвальных слов, написанных Климентом Охридским либо атрибутируемых ему исследователями, сохранились только в одной ветви традиции. Разночтения в изданиях, как правило, приводятся выборочно (приятное исключение из этого правила составляют [2; 3; 55]), что не способствует надежности выводов. Однако в тех случаях, когда списки привлечены к изданию в достаточном количестве и разнообразны по происхождению, текстологические аргументы, подтверждающие гипотезу И. И. Калиганова, не обнаруживаются¹⁰.

Достаточную ясность в ситуацию вносит соотношение восточно- и южнославянской традиции текстов, переведенных в Болгарии в IX—X вв. (либо тех, что были переведены еще ранее, в Великой Моравии, но попали на Русь через болгарское посредство). Для темы, избранной И. И. Калигановым, ограничение рамок исследования только оригинальными памятниками [18: 52] никак нельзя признать удачным. Излишне говорить здесь об искусственности и насильственности деления средневековой литературы на переводную и оригинальную. Но и собственно болгарская литература эпохи Первого царства (во всяком случае в дошедшем объеме) принадлежит почти целиком тому культурному явлению, которое исследователи определяют как «литературу-посредницу» [9: 23—44], или точнее как литературный «пласт» («слой») — «посредник» [59: 23—26] (в рамках которого, собственно, и осуществлялись контакты между средневековыми славянскими литературами)¹¹, по сему судьба ее, по всей видимости, сходна с судьбой переводов. Между тем последние исследования, посвященные текстологии славянского перевода ветхозаветных библейских книг, устанавливают длительную независимую традицию их бытования у восточных славян и у южных. Первая, вероятно, преславская по происхождению, была изолирована от южных славян со второй половины X в., вторая — очевидно, охридская — получила повсеместное распространение на славянских Балканах не ранее рубежа XII—XIII вв. [61; 62: 126, 143].

В сумме все это не позволяет принять гипотезу И. И. Калиганова о перманентном болгарском влиянии на русскую книжность в X—XVI вв., и в то же время хорошо согласуется с существующей периодизацией русско-южнославянских средневековых культурных связей.

Более обоснованной, на первый взгляд, представляется гипотеза, согласно которой «второе южнославянское влияние» стимулировало интерес русского общества к древнейшему пласту болгарского культурного наследия, уже традиционно

присутствовавшему к рубежу XIV—XV вв. в восточнославянской книжности¹². Однако при внимательном обращении к материалу трудно согласиться и с нею. Слабой стороной ее является неосознанная модернизация ситуации, перенесение научных представлений конца XIX—XX вв. о корпусе литературных памятников Первого царства в древнерусской книжности на деятельность книжников XV—XVI вв. Между тем представления эти сложились в результате длительного процесса атрибуции (в первую очередь на основе стилистических и лексических признаков) большого числа анонимных текстов и псевдоэпиграфов (по преимуществу с именем Иоанна Златоуста) болгарским авторам IX—X вв. (чаще всего Клименту Охридскому), а вовсе не отражены в заглавиях реально сохранившихся списков. Иными словами, в этом случае на место книжника XV—XVI вв. бессознательно подставляется филолог второй половины XX в. Особо стоит отметить те парадоксальные случаи, когда имя Климента стоит в заглавии произведений, безусловно не принадлежащих его перу в том виде, в котором сохранила их рукописная традиция. Таково, например, поучение на память апостола Фомы (6.X) в некоторых списках Пролога [1, Т. 1: 71—80], где в текст общего поучения Климента (Заповедания о праздниках) лишь включено соответствующее имя, а в заглавии стоит имя автора, восходящее к тому же источнику. По сути дела этот вариант Заповедания должен проходить по разряду псевдоэпиграфов [1, Т. 1: 75]. К числу таких псевдоэпиграфов принадлежит и компиляция, составленная на основе Похвального слова Климента Кириллу Философу (отсюда заимствовано и имя автора в заглавии) и Пространного жития Кирилла (РГБ, собр. В. М. Ундольского, № 1094) (см. [1, Т. 3: 59], о происхождении единственного списка: [63: 191—194]).

Речь здесь не идет о том, чтобы отвергнуть или подвергнуть сомнению существующие датировки и атрибуции (по поводу авторской принадлежности текстов, входящих в трехтомник Климента Охридского, см. [5: 57—68, 73—77]), хотя по отношению к реконструируемому корпусу гомилетических сочинений Климента можно с полным основанием говорить об исследовательской монопропорции¹³. Но для реальной оценки ситуации с древнейшими болгарскими памятниками в книжности Московской Руси нельзя упускать из виду, что русский книжник XV—XVII вв. имел дело именно с анонимными текстами и псевдоэпиграфами, переписывая их в поистине журденовском неведении о их древнеболгарском происхождении (порой приходится напоминать о вещах, казалось бы, само собой разумеющихся). Картину мало меняют и тексты (списки), сохранившие имена немногих авторов в заглавии. Среди них только прозвище Иоанна Экзарха указывает на связь с Болгарией, хотя и здесь речь может идти лишь о довольно небольшой части традиции, преимущественно о Слове на Вознесение, поскольку Шестоднев Иоанна Экзарха в русских списках надписывается обычно именем Василия Великого [73: 166—167], а Слово на Преображение приписывается Иоанну Пресвитеру или Иоанну Златоусту [74: 45]; похвала Иоанну Богослову анонимна (о авторстве Похвалы и степени оригинальности ее текста см. [75]). Климент достаточно устойчиво именуется Словенским или Величским (о вариантах прозвища в заглавиях сочинений см. [76: 68]), что является слабым географическим ориентиром, не говоря уже о частых искажениях.

При реконструкции взаимоотношений между древним и новым болгарскими литературными пластами в русской книжности XV—XVI вв. игнорировать данное обстоятельство невозможно. Ситуация к тому же усугубляется и тем, что определение «болгарский» по отношению к книгам в русских источниках XV в. встречается лишь однажды, при этом скорее как синоним древности. Это указание на протограф русских списков конца XV в., выполненных в Новгороде в окружении архиепископа Геннадия Тимофеем Вениаминовым или при его участии (см. [77: 26, 30, 32—36]) «Слов Афанасия Александрийского против ариан» в переводе Константина Преславского: «писана с списка, с старые книги с болгарские» в послесловии к списку 1489 г. (РНБ, Пог. 962) и пометы «в старой в болгарской так», сделанные Тимофеем на полях списков РГБ, Волок. 437 и ГИМ, Син. 20. Слово «болгарский» во всех этих примерах выступает как синоним слова «старый» (имеются и пометы: «в старой так», «в старом Афонасии писано так» — Волок. 437; о рукописной традиции сборника слов Афанасия Александрийского см. [78]). В то же время в сохранившихся средневековых материалах учетно-библиографического характера (описи библиотек, пометы книгохранителей на защитных листах и оборотах крышек кодексов) для рукописей несомненно среднеболгарского извода (обычно с тырновской орфографией) их происхождение (или языковая принадлежность) никогда не отмечается¹⁴. С этим контрастируют редкие, но показательные примеры указаний на сербский извод рукописей в тех же материалах¹⁵. Такое противопоставление вряд ли случайно. Ситуацию нельзя вслед за А. И. Яцимирским объяснить тем, что сербскими на Руси могли называться южнославянские рукописи вообще [30: 20—21; ср. 91: 69]. Подобное смешение характерно для памятников начиная с XVI в. — таковы, например, указания на сербское происхождение митрополита Киприана в Степенной книге [92: 441] и в его проложном житии (см., например РГБ, ф. 98, № 1299, под 16.1X) и приводимые в качестве сербских примеры болгарской орфографии в послесловии Нила Курлятевых к переводу Псалтыри 1552 г. [14: 228] (к началу XIX в. эта путаница послужила одной из причин мнения о сербском происхождении церковнославянского языка [93: 430. Примеч. 64]). Наиболее вероятное объяснение молчанию источников о болгарских (тырновских по правописанию) рукописях на Руси в XV в. можно усматривать в том, что восточнославянские книжники видели в них (в отличие от сербских, особенно доресавских) не нечто чужеродное, а образцы идеальной «древней» орфографии, созвучные местным пурификаторским и реставрационным тенденциям (см. [14: 184—187]), нельзя однако согласиться с недооценкой автором роли исихазма в данном процессе [14: 187], поскольку наиболее ранние примеры (1410-е гг.) последовательного применения русскими писцами среднеболгарской орфографии дают рукописи аскетического содержания.

Из всего этого следует, что видеть во «втором южнославянском влиянии» причину оживления интереса русских книжников к древнейшему болгарскому литературному наследию нет сколь-либо весомых оснований. С большим правом, вероятно, для той же эпохи можно было бы объяснить появление новых списков и создание новых редакций (например — Минейной) жития Вячеслава Чешского —

оживлением связей Московской Руси со Священной Римской империей (одним из центров которой была Прага — город Вячеслава) при Иване III и Василии III, либо (учитывая, что более ранние списки первого славянского жития Вячеслава — «Востоковской легенды» — сохранились в хорватско-сербской традиции) деятельностью хорвата-доминиканца Вениамина в окружении новгородского архиепископа Геннадия. Но, по счастью, ни одна из этих гипотез, кажется, не возникла на свет.

Взаимодействие (взаимопроникновение) древнего и нового болгарских литературных пластов (не делаю различия между оригинальными и переводными текстами) в эпоху «второго южнославянского влияния» наблюдается в репертуаре русских рукописей уже с конца XIV в.¹⁶ Характерной чертой этого взаимодействия было то, что оно происходило в основном в результате гибридизации достаточно устойчивых предшествующих макротекстов — сборников постоянного состава. Особенно показательна в этом отношении судьба Стишного пролога в книжной традиции Московской Руси. Здесь этот памятник, переведенный у южных славян в первой половине XIV в. [96], в отличие от Болгарии и Сербии, не вытеснил из обращения древний Пролог Константина Мокисийского, а сосуществовал с ним в течение столетий. Последний при этом отнюдь не остался реликтом, число его списков преобладает на Руси не только в XV в. (см.: ПС XV, ПС XVд), но и в XVI в. [97: 115—116 и таблицы]; в конце XV — начале XVI в. в разных восточнославянских регионах возникают разные его редакции: Псковско-Новгородская [98] и западнорусская (вероятно, виленская или новогрудская по происхождению), в литературе практически не изученная¹⁷. В списках XV—XVI вв. известны и две весьма древние, по всей видимости, редакции, историческая судьба которых, по крайней мере на уровне списков, связана преимущественно с Украиной¹⁸. О традиционно устойчивом месте Пролога Константина Мокисийского в русской книжности даже в позднейший период свидетельствует то, что именно он был положен в основу печатных изданий Пролога в XVII—XVIII вв. [102: 139—140; 103: 19—25]¹⁹. Сам же Стишной Пролог уже на раннем этапе бытования его у восточных славян предстает сильно русифицированным — в состав древнейшего, пергаменного русского списка (ГИМ, Чуд. 17, кон. XIV в.) включены статьи из учительной части Пролога Константина Мокисийского. Великорусские по происхождению списки без такого учительного дополнения неизвестны²⁰, равно как нет южнославянских с учительной частью (украинская и белорусская традиция памятника практически не изучены, но и там Стишной Пролог в чистом виде (без поучений), насколько можно судить неизвестен — например, список 1518 г. (РГБ, ф. 98, № 214), сделанный в Перемышле для Уневского монастыря). В этом смысле русская рукописная традиция Стишного пролога представляет особую редакцию памятника (а внутри нее, в зависимости от состава дополнений, можно выделить отдельные группы-изводы [97; 104: 40—45]), отличающуюся от южнославянских (о редакциях Стишного пролога у южных славян см. [96; 105]; соотношение русских списков с двумя редакциями перевода греческого текста на славянский остается неисследованным).

Сходную (хотя и со своими особенностями) картину представляет судьба сборника гомилий — Торжественника минейного и триодного — на русской почве. Здесь древнейший славянский гомилярный, пополненный с течением времени рус-

скими сочинениями (авторскими и анонимными) и переводами киевской эпохи, не был вытеснен сборником переводов, выполненных южными славянами в XIV в. (см. [50; 51]), а включил входящие в него памятники²¹, в результате чего древние и новые переводы, торжественные слова болгарских авторов Первого царства и Евфимиевской поры оказались в составе одной структуры (явление, как уже отмечено, на болгарской почве не прослеживающееся) [49: 71—74]. Пример с гомилиарием выглядит на первый взгляд не столь показательным, как с Прологом. Древнейшая (до конца XIV в.) восточнославянская традиция Торжественника всех видов (минейного, триодного и «общего», т. е. включающего тексты как на подвижные, так и на неподвижные праздники церковного календаря) представлена несравненно хуже, чем традиция Пролога (собственно, это лишь Торжественник XII в., в одной рукописи со Златоустом РНБ, Ф. п. I.46; СК XI—XIII, № 74) и слова, страстного и пятидесятого цикла в Успенском сборнике кон. XII — нач. XIII в. — ГИМ, Усп. 4-перг.; СК XI—XIII, № 165. Такая скудность древнейшей традиции, в сочетании с относительно большим числом списков XV в., служит одной из причин бытующего в историко-филологической науке мнения о позднем времени (XIV в.) формирования этих сборников на Руси [108: 10—11, 17—19; 109; 110: Ч. 1: 358—360, Ч. 2: 433—435; 111: 333, 348; 95: 212—213]. Достаточная древность (из-за существования списка XII в.) допускается лишь для минейного Торжественника [108: 9—10] и особого «триодного четьего сборника» [108: 18]. В основе этого, несомненно, лежит представление, что корпус текстов, дошедших в восточнославянских списках XI—XIV вв., вполне репрезентативен, хотя это не так (при том, что значительное богатство сохранившихся текстов (но не типов сборников) наглядно продемонстрировано О. В. Твороговым [95]). В подобной ситуации трудно отличить процесс складывания от следов разложения (тем более что оба процесса могут сосуществовать). Немногочисленные сборники XIV в., рассматриваемые как примеры раннего этапа формирования различных типов Торжественника, на деле могут быть выборками или частями более древних комплексов, лучше отразившихся в списках XV—XVI вв.²² Очевидное отличие русских Торжественников XV—XVI вв. от южнославянского гомилиария, связанного с афонско-тырновской традицией XIV в. [49], свидетельствует, что, как и в случае с Прологом, новый учительный сборник не вытеснил на восточнославянской почве более ранние, а дополнил их. При этом внутри структуры могла осуществляться замена старого перевода текста на новый, четырнадцативековый (хотя и это происходит не во всех случаях [49: 75—76]), древние же тексты, не имеющие аналогов в новом корпусе, исключению не подлежали (в этом смысле консервативная тенденция проявляется в восточнославянской книжности XV—XVI вв. весьма последовательно)²³.

Естественно, что в случае, когда взаимодействуют не отдельные литературные памятники, а содержащие их сборники, самостоятельная роль первых сильно снижается. По этой причине болгарские сочинения, пришедшие на Русь со «вторым южнославянским влиянием», также едва ли могут претендовать на роль стимула в возрождении интереса к сочинениям эпохи Первого царства.

Немногочисленные случаи, когда побудительные мотивы переписки литературных памятников Первого царства на Русь в XV—XVI вв. известны, также не

дают оснований связывать это со «вторым южнославянским влиянием» (все они относятся не к начальному этапу явления, а ко времени повсеместного широкого тиражирования связанного с ним литературного корпуса). Речь идет в первую очередь о переписке в Новгороде на рубеже 1480—1490-х гг. по инициативе архиепископа Геннадия «Беседы Козьмы Пресвитера», Слов Афанасия Александрийского в переводе Константина Преславского и ряда других книг, и о создании там же полвека спустя «Великих Миней Четых» митрополита (в ту пору еще архиепископа) Макария. В первом случае побудительной причиной тиражирования корпуса книг была необходимость полемики с «жидовствующими» [117: 320; 118; 119: 74—80; 77: 33—35], во втором — стремление создать свод всех читаемых православных книг.

Все это, взятое в совокупности, позволяет утверждать, что связь между распространением в русской книжности XV—XVI вв. древнейших болгарских литературных памятников и «вторым южнославянским влиянием» на деле является мнимой. Речь идет о синхронных процессах, происходящих на одной территории, но по существу независимых.

Причины, вызвавшие резкий рост числа русских списков древнеболгарских сочинений в XV—XVI вв., связаны прежде всего с характером развития восточнославянской книжности этого периода в целом (здесь нельзя не вспомнить заключительную часть уже цитированного мнения П. Н. Динеева, что это «не столько результат непосредственной связи с болгарской литературой, сколько свидетельство интенсивности русской культурной жизни эпохи» [10: 11]).

XV столетие, помимо того, что оно явилось веком «второго южнославянского влияния» на русскую культуру, было и столетием возрождения более раннего культурного пласта, в области книжности особенно древнего, восходящего к традициям Киевской Руси [9: 113—120; 47: 503—525]. О значении рукописной традиции XV в. для истории русской литературы и культуры в целом²⁴ уже говорилось в связи с критикой гипотезы И. И. Калиганова; едва ли в меньшей степени сказанное относится и к другим древнейшим славянским литературам (великоморавской, болгарской и чешской).

Памятники болгарской литературы древнейшего периода еще в домонгольское время прочно вошли в состав древнерусской книжности, и именно по этой причине широко распространились в возрожденной традиции Московской Руси — вывод банальный, но его трудно оспорить. Из частных этому способствовало два обстоятельства: для крупных памятников (в основном переводных) — отсутствие аналогов в корпусе новых переводов, пришедших со «вторым южнославянским влиянием» (например, Пандекты Антиоха Черноризца (в отличие от Пандект Никона Черногорца, которые пришли в двух новых редакциях перевода), Беседы Сильвестра и Антония (Диалоги Псевдокесария), много раз упоминавшиеся Слова Афанасия Александрийского и др.); для малых (что уже отмечалось выше) — переписка в составе достаточно устойчивых структур (Пролог, Торжественники и т. п.)²⁵.

Выяснение причин, вызвавших резкий рост числа восточнославянских списков древнейших болгарских литературных памятников, открывает перспективы для изу-

чения региональных особенностей бытования этого фонда у восточных славян в эпоху позднего Средневековья, прежде всего по линии сопоставления традиций Московской Руси (известной сравнительно неплохо) с ситуацией в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой (аспекта, практически не исследованного).

Примечания

¹ Термин, введенный в научный оборот А. И. Соболевским, в наше время вызвал усиленные атаки на реальность самого явления, особенно в работах Л. П. Жуковской [11—13 и др.]. Наиболее убедительную оценку языковой ситуации на Руси в эпоху «второго южнославянского влияния» и библиографию вопроса см. в работах Б. А. Успенского [14: 181—202] (хотя значение роли исихазма представляется здесь неоправданно заниженным) и В. М. Живова [15]. Обобщающая работа по всем аспектам конспективной статьи Соболевского [16] давно является насущной задачей славистики и русистики, однако результатом его заранее видится усложнение и детализация феномена (см., например: [17]), а отнюдь не его отрицание.

² Вероятно, одна из причин такого крена в оценке культурных связей православного славянства в работе исследователя-болгариста заключается в малом числе свидетельств русского влияния на болгарскую книжность XII—XIII вв. (заметно явное преобладание сербских примеров), что обусловлено фрагментарной сохранностью книжной традиции Второго царства доевфимиевской эпохи.

³ Из работ по данной проблематике И. И. Калиганову в тот момент не могла быть известна лишь статья Х. Микласа [25], вышедшая в свет одновременно со сборником докладов советской делегации на Софийском съезде славистов. Из последних статей, посвященных русско-южнославянским культурным связям XII—XIII вв., см. [26—28].

⁴ Оставляя в стороне вопрос о роли Охридской архиепископии (которую нельзя смешивать с ролью Охридской книжной школы) в развитии русской культуры и истории церкви (после работ А. В. Поппэ [30: 15—130] гипотеза М. Д. Приселкова [31: 84] должна, казалось бы, полностью стать достоянием историографии, однако она без дополнительной аргументации ожила в юбилейной литературе, посвященной тысячелетию крещения Руси), следует отметить несомненное преувеличение в данном случае роли эмиграции, которая, как и в конце XIV—XV вв., эпоху «второго южнославянского влияния», численно была, по всей видимости, весьма незначительна (оценку значения болгарской эмиграции для периода XIV—XV вв. см.: [32: 66—92; 33: 211—234; 14: 181—183; 34: 293]).

⁵ Отмечаемые исследователями следы западноболгарской орфографии в восточнославянских рукописях второй половины XI—XII в. (см., например: [39]) вряд ли имеют отношение к непосредственным киевско-охридским связям. Наиболее вероятным представляется путь через Афон, где уже в 1071 г. существовал русский монастырь Ксилургу.

⁶ Отмечу здесь досадные погрешности перечня И. И. Калиганова. Так, старший полный список Пространного жития Константина-Кирилла (ГИМ, Барс. 619) датируется началом XV в. [40; 41: 172—180]. Вопрос о том, знал ли это житие Нестор, остается открытым, поскольку в Повести временных лет под 1096 г. использована обработка в составе чешской компиляции конца XI в. [42]. Напротив, сборник толкований XIII в. (РНБ, Q. п. 1.18), содержащий переработку двух (а не одного) отрывков жития [43: 3—4, 42—43], свидетельствует о известности памятника на Руси не позднее 1187 г. [44]. Список Шестоднева Иоанна Экзарха (ГИМ, Барс. 90), хотя и содержит послесловие 1414 г., является копией второй половины XV в. [45].

⁷ Появление «слов», принадлежащих перу Климента Охридского либо атрибутируемых ему исследователями, в болгарских сборниках и дамаскинах XVII—XIX вв. объясняется, вероятно, влиянием сербской и восточнославянской рукописной традиции, а с середины XVII в. и русской старопечатной (последнее относится к поучениям в составе Пролога).

⁸ Характеристику болгарской литературы эпохи Первого царства как «литературы-посредницы» см.: [9: 23—44].

⁹ Пример с молдавской традицией, на мой взгляд, особенно убедителен, поскольку древнеболгарские памятники могли в принципе проникать в нее и через украинские списки.

¹⁰ Некоторые «слова» Климента Охридского дают весьма сложную и интересную картину взаимоотношений части восточнославянских и сербских списков. Так, в похвальном слове Михаилу и Гавриилу [1, Т. 1: 238—284] русские списки XV—XVI вв. (№ 15, 23, 26, 29, 147 археографического обзора) в текстологическом отношении образуют устойчивую группу с № 17 — сербским списком первой четверти XV в. из собрания БАН Румынии № Слав. 301 (о датировке см. [56: 56—57, № 63]). Трудно сказать, чем объясняется такое единство — непосредственной ли зависимостью русских списков от более ранних сербских, или же существованием архетипа этой группы, попавшего в XII—XIII вв. с Руси на Балканы. Нельзя, однако, не отметить сходства с восточнославянской традицией библейских книг, где в последнее время для ряда списков выявлена не вполне еще объясненная, но несомненная и достаточно древняя связь с сербскими [57: 67—68, 77—79; 58: 12—13]. О вторичности текста сохранившихся южнославянских списков Похвального слова Кириллу и Мефодию (в особенности списков Владислава Грамматика 1469 и 1479 гг.) по отношению к русским см. [41: 34—37]. О зависимости южнославянских списков Пространного жития Константина-Кирилла от одной из ветвей восточнославянской традиции см. [7].

¹¹ Вне этого слоя взаимосвязи православных славянских литератур несут случайный характер. Литературные памятники, наиболее оригинальные с современной точки зрения (исторические сочинения, жития, повести, национальные по тематике), переходят в родственные литературы лишь в своеобразном конвое этого слоя: почти всегда это тексты малого объема, носящие вспомогательный характер (послесловия), либо входящие в макротекст (русские жития в Прологе Константина Мокисийского у южных славян и южнославянские в Стишном прологе на Руси), или же воспринимающиеся как дополнение к нему («Именник болгарских ханов» в протографе Летописца Еллинского и Римского). Исключением из этого правила является распространение в русской книжности конца XV — первой половины XVI в. значительного комплекса пространных южнославянских житий [17: 12—23; 60], но это объясняется исключительностью идейно-политической ситуации в Московской Руси той эпохи, когда новая держава воспринимала себя как единственную представительницу и наследницу всего православного мира.

¹² Здесь следует заметить, что в законченном виде эта гипотеза, кажется, нигде не сформулирована, но тем не менее незримо присутствует во многих работах, преимущественно болгарских исследователей, касающихся проблемы. Для примера сошлюсь здесь на уже упоминавшуюся статью П. Н. Динекова, где эта мысль высказана в очень осторожной форме, не исключающей, и даже прямо предполагающей альтернативные решения: «Сильно увеличение на руските преписи се забелязва през XV—XVI в. Връзка с второто южнославянско влияние е очевидна, но съвсем не е достаточна, за да обясни това толкова интересно литературно явление... Появата на тъй много преписи на старобългарски произведения не е толкова резултат на непосредствена връзка с българската литература, колкото свидетелство за интензивността на руския културен живот през тази епоха...» [10: 11].

¹³ Из таких неудачных атрибуций текстов Клименту Охридскому, предложенных в последнее время, стоит остановиться на анонимном цикле поучений для Минеи Общей, опубликованном П. Димитровым по рукописи РГБ, собр. МДА фонд., № 77 [64]. Изданный цикл, несомненно, заслуживает самого пристального внимания и изучения, равно как и весь комплекс четырех текстов этого кодекса XV в., уникальный по составу (содержит, в частности, синаксарные чтения для Октоиха (!)), единственный полный список так называемого «Шестоднева Иакова, брата Господня» [48: 290—299] и особую редакцию седмичных поучений Григория Философа, предназначенную в данном случае также для Минеи Общей [65: XXIX; ср. 66; 67]). Однако атрибуция, предложенная издателем, не может быть принята (во всяком случае, в полном объеме). Исходный пункт ее предельно ясен — это предположение о создании Климентом служб Общей Минеи, выдвинутое Б. С. Ангеловым [68] и получившее блестящее подтверждение в результате исследований и разысканий Г. Попова [69; 5:112—210]. На пути правомочной, казалось бы, атрибуции Клименту и четырех текстов для Минеи Общей обнаруживается препятствие, публикатором, вероятно, просто не замеченное: поучения в том виде и наборе, в каком они дошли до нас, предназначены для другой, не климентовой редакции Минеи Общей, появляющейся не ранее XIV в. Древнейшая Общая Минея содержит по одной службе для каждого лика святых, тогда как позднейшая дает отдельные службы «единому» или «двум или многим», принадлежащим к определенному лику. Набор поучений в кодексе РГБ, МДА 77 соответствует именно поздней структуре [65: 74—86] (исключение составляют поучения на господские и богородичные праздники (что естественно) и слово на память пророка — вероятно потому, что их празднование тоже всегда бывает единоличным). Если оставаться на точке зрения об авторстве Климента, то ему следует приписывать немногим более половины текстов цикла, при этом критерии их отбора весьма затруднительны (критику атрибуции П. Димитрова с историко-литературных позиций см. [5: 107—108. Примеч. 26]). Авторство служб Общей Минеи приписано в МДА 77 Кириллу Философу (деталь, вошедшая и в первопечатные издания), но это несомненно элемент кирилловской легенды позднего Средневековья (ср. [70]). Возникновение изданного П. Димитровым цикла следует рассматривать в связи с понятиями «модели и литературного образца», предложенными Р. Пиккио в качестве основополагающих в системе славянских средневековых православных литератур [71; 72: 528—529], и видеть в нем памятник, созданный «по образцу», в том числе, вероятно, с использованием текстов Климента. Вопрос о датировке и месте создания этой любопытнейшей «модели по модели» нуждается в специальном исследовании, при решении его нельзя забывать о соседстве русских уников цикла (см. выше) в том же сборнике.

¹⁴ В качестве примера сошлюсь на рукописи, попавшие на Русь не позднее XVI в.: 1) Пандекты Никона Черногорца третьей четверти XIV в. (РГБ, ф. 98, № 18), уже в первой половине XV в. находившиеся в Кирилло-Белозерском монастыре [79: 157]; 2) Сборник с Патериком Сводным того же времени [80: 41, № 885] (рукопись имеет русские дополнения первой четверти XVI в.); 3) Слова постнические Исаака Сирина 1381 г. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 172; ПС XI—XIV № 541); 4) Там же, собр. МДА фонд. № 152 — Лествица митрополита Киприана 1387 г. [81]; 5) Словеса постнические Василия Великого. Кон. XIV в. (там же, собр. Троице-Сергиевой лавры № 129, ПС XI—XVI № 861) и др.

¹⁵ Таковы, например, «Соборник сербской», упоминаемый в описи библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря конца XV в. [82: XLVI, LVI] (РНБ, Кир.-Бел. 32/1109) [83]; в первом издании статьи я ошибочно отождествлял рукопись с протографом Слов Григория Богослова 1479 г. (РНБ, Пог. 989); «Лествица в полдесть, сербская словет, по

полям писаны у ней числа» и «Иоасаф, срьбской словет» в Описи имущества Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. [84: Приложение. С. 13—14; 85: 31—32] (первая из этих рукописей — РГБ, Волоколамск, собр., № 463 (см. [86; 87]); вторая — возможно, ГИМ, Новоспасск. 11 [88: 72—79, № 31] — в Новоспасский монастырь она, вероятно, попала из Иосифо-Волоколамского во второй половине XVI в. с одним из архимандритов — волоцких постриженников [89: 308. Примеч. 151]).

¹⁶ Так, в пергаменном сборнике Чудовского собрания ГИМ, № 21, датированном концом XIV в. (см. [94: 14]); содержание описано здесь суммарно, см. также [95: 202, № 13]), помещено значительное число бесед из Учительного Евангелия патриарха Каллиста (вероятно, это древнейший восточнославянский список), за которыми следуют слова из древнего «Златоструя» («Избор, избран Иоанном Златоустом», «Слово о псех, о ястребех и о конех»), а за ними краткие жития из нового южнославянского перевода — Стишного пролога (вероятно, списком с Чуд. 21 является пергаменная же рукопись РГАДА, собр. Саровской пустыни, № 2 (нач. XV в.), по моим наблюдениям, целиком совпадающая с нею (ср. [95: 203, № 18]) по составу и расположению статей, за исключением помещенных в конце Чуд. 21 отдельных глав из древнего перевода Хроники Георгия Амартола). Древнейший русский список Стишного пролога (ГИМ, Чуд. 17, кон. XIV в.) интерполирован статьями из учительной части Пролога Константина Мокисийского, в том числе и поучениями на праздники, приписываемыми Клименту Охридскому.

¹⁷ Известна в ряде списков первой половины XVI в., например: РГБ, ф. 178, № 4102; Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19 (собр. Виленской Публичной библиотеки), № 95 и 97 (любезно указаны мне Б. М. Клоссом).

¹⁸ Одна из этих редакций (о списках см. [99]) содержит такой редкий домонгольский текст киевского происхождения, как «Слово на принесение из Константинополя в Киев перста Иоанна Предтечи» [100], вторая же, представленная списками Киев, ЦНБ НАНУ, Софийск. № 273/1310 С и Михайло-Златоверх. 529П/1643, а также РГАДА, ф. 181, № 710 (последний описок, возможно, неукраинского происхождения), в XVI в. была использована при создании Измарагда юго-западной редакции [101: 83].

¹⁹ Первое издание Пролога (1641) было попыткой соединить еще раз традицию Пролога Константина Мокисийского со Стишным. Подробнее см.: Круминг А. А. Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки) // Славяноведение. 1998. № 2. С. 46—60 (хотя не все объяснения и выводы автора могут быть приняты). В последующие издания стихи не включались [103: 20].

²⁰ Судя по тому, что состав учительной части Стишного Пролога разнится в списках разного времени, происходящих из разных регионов (см., например: [104: 40—45]), можно предполагать независимое дополнение памятника учительными статьями в различных центрах, однако вопрос требует специального изучения.

²¹ Несколько особое место занимают, возможно, те триодные Торжественники, в которых гомилии чередуются с чтениями Синаксаря (объясняющими и истолковывающими смысл подвижных праздников и воскресений («недель»), предшествующих Пасхе и следующих за нею), оставленного на греческом во второй четверти XIV в. и уже вскоре переведенного на славянский Захеем Философом [106]. Известен ряд русских списков таких Торжественников (ГИМ, Уваров 338-4°, написанный в 1473—1478 гг. кирилло-белозерским книжником Ефросином [107: 215—241]; РГАДА, ф. 181, № 458/921, трет. четв. XV в., и др.), старший из которых (РНБ, Погодин 872, л. 167—352) относится к рубежу XIV—XV вв. Синаксарь, именуемый в «списках истинных книг» «Триодью четъей» (см., например: Гривцевская И. М. Индексы истинных книг. СПб., 2003. С. 69), бесспорно, мог восприниматься книжниками как организующее начало, каркас подобного гомилярия, но из-за неразра-

ботанности вопроса и здесь нет уверенности, дополнялся ли он отдельными поучениями или же заимствован в наборе из готовых сборников, тем более что состав Торжественников с синаксарной основой весьма неустойчив.

²² Следствием все той же несоразмерности числа дошедших списков XI—XIV и XV вв. является преувеличение значения «второго южнославянского влияния» для формирования разных видов Торжественника, которое выступает в качестве структурообразующего фактора, или, по меньшей мере, катализатора [108: 10—11, 19, 22—23; 109: 333; 110, Ч. 1:359]. Как другую крайность следует рассматривать критику мнения Т. В. Черторицкой в монографии Л. Г. Панина [112: 252—253]; исследователь не находит отражения «второго южнославянского влияния» в объеме четырех похвальных слов Торжественника и экстраполирует выводы на сборник в целом. Репрезентативность подобного метода (широко использованного Л. П. Жуковской применительно к Прологу) весьма условна: она несет на себе печать запрограммированной «случайности», при которой результаты задаются уже самим отбором материала.

²³ Вероятно, для изучения истории Торжественника у восточных славян до XV в. немалое значение может иметь сопоставление сборников XV—XVI вв. (независимых от южнославянского корпуса переводов XIV в. либо целиком, либо в той части, которая не может быть возведена к нему) с ранними южнославянскими (болгарскими — до третьей четверти XIV в., сербскими — до конца столетия) гомилияриями (в известной мере такая работа проделана [109: 97—113; 95: 212—214], но только для русских рукописей XII—XIV вв.). Хотя результаты такого сопоставления не дадут абсолютных дат для истории древнерусских Торжественников, однако (в случае совпадения состава русских списков XV—XVI вв. с древнейшей южнославянской традицией) позволит надежно отнести создание архетипов отдельных групп сборников ко времени не позднее второй половины XIV в. (до начала «второго южнославянского влияния»). Особого внимания в этом отношении заслуживает украинско-белорусская традиция минейного Торжественника, отличающаяся особой архаичностью (таковы, например: 1) Киев, ЦНБ НАНУ, Мелецк, 116, перв. пол. XVI в. [112: 251; 113: 203—205]; 2) Белград, Музей Сербской православной церкви, 25 (Крушедол Ђ. V. 8), трет. четв. XVI в. [114: 154—170; 115: 78, № 1053] (рукопись иногда ошибочно считают сербской [1, Т. 1: 244 (№ 12), 379 (№ 76), 675 (№ 14)] и датируют XV в.; в действительности это украинский кодекс с сильно болгаризированной орфографией); 3) Белград, Патриаршая б-ка, № 67, втор. пол. XVI в. (в литературе ошибочно упоминается как пролог молдовлахийского происхождения [1, Т. 1: 257, № 105] и как Миней Четья [115: 140, № 2205]); 4) ГИМ, Барсов № 1502. Втор. четв. XVII в. [116: 265. Примеч. 8]. Весьма архаичен по составу также триодный Торжественник, представленный великорусскими списками (ГИМ, Единоверч. 67. Кон. XV(?) — нач. XVI в.; ГА Нижегородской обл.; № 36247. Нач. XVI в.) и восходящим к ним сербским (Белград, МСПЦ, № 218. Втор. пол. XVI в.) [26: 95. Примеч. 17].

²⁴ Полнота представленного в рукописной традиции XV — раннего XVI в. (верхней границей служит время создания Великих Миней Четьих) корпуса литературных памятников предшествующих эпох создает даже дополнительный датирующий признак: отсутствие того или иного сочинения в списках этого времени почти автоматически означает его достаточно позднее (не ранее XV в.) происхождение.

²⁵ Интересно отметить и случаи сохранения сопутствующих текстов при замене основной структуры, например, присоединения Азбучной молитвы и прозаического предисловия Константина Преславского к тексту учительного Евангелия патриарха Каллиста [120: 180].

Список литературы

1. *Климент Охридски*. Събрани съчинения. София, 1970—1977. Т. 1—3.
2. *Кувев К.* Азбучната молитва в славянските литератури. София, 1974.
3. *Кувев К.* Черноризец Храбър. София, 1967.
4. *Ангелов Б. Ст.* Сказание за железния кръст // Старобългарска литература. София, 1970. Кн. 1. С. 133—155; *Он же*. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. Кн. 3. С. 61—98.
5. *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски: живот и творчество. София, 1988. С. 112—210.
6. *Николова С.* Распространение на проложното житие на св. Методий в Русия // Международен симпозиум «1000 години от блажената кончина на св. Методий». София, 1989. Т. II. С. 100—109.
7. *Дзиффер Дж.* Рукописная традиция пространного жития Константина // Сов. Славяноведение. 1991. № 3. С. 59—63.
8. *Ziffer G.* Sul teste e la tradizione dell' Apologia di Chrabr // AION Slavistica. Napoli, 1993. 1. P. 66—96.
9. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы в X—XVII вв. // Эпохи и стили. Л., 1973.
10. *Диневков П.* Историческата мисия на старобългарската литература // Старобългарска литература. София, 1977. Кн. 2. С. 5—19.
11. *Жуковская Л. П.* К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность (Житие Анисьи по спискам 1262—1632 гг.) // История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982. С. 227—287.
12. *Жуковская Л. П.* Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 144—176.
13. *Жуковская Л. П.* О втором южнославянском влиянии // Die slawischen Sprachen. Salzburg; Wien, 1982. Т. 1. S. 131—144.
14. *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Мюнхен, 1987.
15. *Живов В. М.* Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XV—XVII вв. // Славянское языкознание. XI Междунар. съезд славистов (Братислава, сентябрь 1993 г.): Докл. российской делегации. М., 1993. С. 106—121.
16. *Соболевский А. И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. СПб., 1894; *Он же*. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903 (репринт: Köln; Wien, 1989). С. 1—37; *Он же*. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 147—158.
17. *Турилов А. А.* Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан XIV—XVI вв. в русской книжности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
18. *Калиганов И. И.* Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Русь // Славянские литературы. X Междунар. съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Докл. советской делегации. М., 1988. С. 51—65.
19. *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (русские памятники письменности на Юге славянства) // *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских культурных связей. М., 1960. С. 7—54.
20. *Сперанский М. Н.* Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV—XVI вв. // *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских культурных связей. М., 1960. С. 7—54.

21. *Мошин В. А.* К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 28—106.
22. *Мошин В.* Революције у историје српског правописа // Библиотекар. 1964. № 6. С. 465—475.
23. *Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 3—27.
24. *Ангелов Б. Ст.* Из историята на руско-български литературни връзки. София, 1972.
25. *Miklas H.* Kyriillomethodianisches und nachkyriillomethodianisches Erbe in ersten ostslawischen Einflüss auf die südslawische Literatur // Simposium Methodianum / Beitrage der Internationalen Tagung in Regensburg (17—24 April 1985). Neurid, 1988. S. 437—471.
26. *Турилов А. А.* Памятники письменности восточных славян в южнославянской рукописной традиции XIII—XIV вв. // Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1991. Вып. 25. С. 87—97.
27. *Павлова Р.* Жития русских святых в южнославянских рукописях XIII—XIV вв. // Славянска филология. София, 1993. Т. 21. С. 92—105.
28. *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XI—XIV вв. // Славянские литературы. XI Междунар. съезд славистов (Братислава, сентябрь 1993 г.). Докл. российской делегации. М., 1993. С. 27—42.
29. *Marti R.* «Slavia orthodoxa» als literar- und sprachhistorischen Begriff // Studia slavico-byzantina et mediaevalia europensia. Sofia, 1989. Vol. I.
30. *Poppe A.* Państwo i Kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968.
31. *Приселков М. Д.* Очерки по истории церковно-политической Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.
32. *Talev I.* Some Proleme of the second south slavic influence in Russia. München, 1973.
33. *Isačenko A. V.* Geschichte der russische Sprache. Heidelberg, 1980. Bd. 1.
34. *Nedelković O.* Языковые уровни и характерные черты диглоссии в средневековых текстах православных славян // American contributions to tenth International Congress of Slavists (Sofia, September, 1988) Linguistics. Columbus, 1988.
35. *Кувс К.* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. 2-е изд. София, 1986.
36. *Джурова А.* 1000 години българска ръкописна книга // Орнамент и миниатюра. София, 1981.
37. *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси // Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV вв. М., 1980.
38. *Буланин Д. М.* Неизвестный источник Изборника 1076 г. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 161—178.
39. *Сперанский М. Н.* Откуда идут старинные памятники русской письменности и литературы // Slavica. 1928. Т. VI. № 3. С. 516—535.
40. *Левочкин И. В.* Древнейший список Пространного жития Константина Философа // Сов. славяноведение. 1983. № 2. С. 75—79.
41. *Жития Кирилла и Мефодия.* М.; София, 1986.
42. *Флоря Б. Н.* Сказание о предложении книг на славянский язык // Byzantinoslavica. 1985. Т. XVI. Fasc. 1. P. 121—130.
43. *Wątróbska H.* The Izbormik of the XIII-n Century (Cod. Leningrad, SPB, Q. p. 1.18) / Text in trancription. Nijmegen, 1987 (= Полата књигописна, № 19—20).
44. *Турилов А. А.* Древнейшие отрывки пространного жития Константина-Кирилла Философа // Балканы в контексте Средиземноморья: Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварит. мат-лы к симпозиуму. М., 1986. С. 99—100.

45. *Гаврюшин Н. К.* К датировке одного из ранних списков «Диалектики» Иоанна Дамаскина // Научные чтения ГИМ. М., 1981. С. 19—20.
46. *Marti R.* Handschrift — Text — Textgruppe — Literatur / Untersuchungen zur inneren Gliederung der frühen Literatur aus dem ostslavischen Sprachbereich in den Handschriften des 11 bis 14 Jahrhunderts. Berlin, 1989.
47. *Седельников А. Д.* Несколько проблем по изучению древней русской литературы. Методологические наблюдения // *Slavia*. 1929—1930. Т. VIII. S. 503—525, 728—739.
48. *Никольский И. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906.
49. *Иванова К.* Структурно-типологична характеристика на четиминейните сборници в южнославянската и руската литература (XIV—XVII вв.) // *Славянска филология*. София, 1978. Т. 16 (Литературознание и фолклор). С. 66—77.
50. *Юфу З.* За десеттомната колекция Студион (из архива на румънски изследвач Йон Юфу) // *Studia Balcanica*. Sofia, 1970. Т. 2. P. 299—343.
51. *Hannick Ch.* Maximus Holobolos in der kirchenslavischen homiletischen Literatur. Wien, 1981.
52. *Constantinescu R.* Manuscrise de origine româneasca din colecții străine / Repertoriu. Bucurști, 1986.
53. *Паскаль А. Д.* Источники по истории славяно-молдавской книжности XV—XVI вв. (По материалам хранилищ Москвы и Ленинграда): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
54. *Щепкин В. Н.* Русская палеография. 2-е изд. М., 1967.
55. *Джамбелука-Косова А.* О писменех. Крит. изд. София, 1980.
56. *Васильев Л., Гроздановић М., Јовановић Б.* Ново датирање српских рукописа у Библиотеци Румунске Академије наука // *Археографски прилози*. Београд, 1980. Бр. 2. С. 41—70.
57. *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* Супрасльский сборник 1507 г. // *Материалы и сообщения по фондам Отд. рукописной и редкой книги БАН СССР*. Л., 1978. С. 54—88.
58. *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* К текстологической истории древнеславянского Апокалипсиса // *Мат-лы и сообщ. по фондам ОРПК БАН СССР*. 1985. Л., 1986. С. 8—22.
59. *Naumow A.* Apokryfy w systemie literatury cerkiewnoslowiańskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976.
60. *Турилов А. А.* К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV — начала XVI вв. // *Руско-балкански културни връзки през Средновековието*. София, 1982. С. 68—74.
61. *Алексеев А. А.* К определению объема литературного наследия Мефодия (Четий перевод Песни песней) // *ТОДРЛ*. Л., 1983. Т. 37. С. 234—245.
62. *Алексеев А. А.* Кирилло-мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы (Переводы св. Писания в славянской письменности) // *История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Междунар. съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.) Докл. советской делегации*. М., 1988.
63. *Турилов А. А.* Из истории книгописания и книжной гравюры в Ярославле на рубеже XVI—XVII вв. (сборники старца Авраамия-Антония Дьякова и рукописи их круга) // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве». Ярославль, 2001. С. 191—194.
64. *Димитров П.* Поученията на Климент Охридски // *Старобългарска литература*. София, 1987. Кн. 20. С. 57—86.

65. The Edificatore Prose of Kievan Rus'. Harvard, 1994 (Harvard Library of Early Ukrainian Literatur / Engush Translations. Vol. VI).
66. Рыков Ю. Д., Турилов А. А. Неизвестный эпизод болгаро-византийско-русских связей XI в. (Киевский писатель Григорий Философ) // Древнейшие государства на территории СССР. Мат-лы и исслед. 1982. М., 1984. С. 170—176.
67. Рыков Ю. Д., Турилов А. А. Из истории болгаро-русских культурных связей XI в. // Русско-болгарские связи в области книжного дела: Сб. мат-лов VII болгаро-советского семинара. София, 1987. С. 64—105.
68. Ангелов Б. Ст. Климент Охридски — автор на общи служби // Константин-Кирил Философ // Юбилеен сборник. София, 1969. С. 237—260; Ангелов Б. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. Кн. 3. С. 17—37.
69. Попов Г. Химнографското творчество на Климент Охридски // Втори-международен конгрес по българистика (София, май-юни 1986). Доклади. София, 1989. Т. 21 (Кирило-Методиевистика). С. 307—318.
70. Ангелов Б. Ст. Кирил и Методий в славянските печатни книги от XV—XVIII в. // Хиляда и 100 години славянска писменост. София, 1963. С. 359—375; Он же. Из историята на старобългарската и възражденската литература. София, 1977. С. 5—23.
71. Picchio R. Modes and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom // American Contribution to the International Congress of Slavists: Warsaw, August 1973. The Hague; Paris, 1973. Vol. II. P. 439—487.
72. Naumow A. «Веселие и вънець радости» czyli o niektórych koncepcjach Riccarda Picchia // Studia slavica medievala et humanistica / Riccardo Picchio Dicata. Roma, 1986. Vol. II.
73. Баранкова Г. С. Шестодневны повествовательные // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 165—175.
74. Иванова-Мирчева Д. Йоан Екзарх Български: Слова. София, 1971.
75. Capaldo M. Unita et originalita dell' omelia «esarchiana» sol Giovanni Evangelista // Studia slavica medievala... Vol. 1. P. 117—145.
76. Ангелов Б. Съчинения на Климент Охридски и тяхната съдба // Климент Охридски. Материали за неговото чествуване по случай 1050 години от смъртта му. София, 1968. С. 67—77.
77. Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977.
78. Попконстантинов К. Към вопроса за черноризец Тудор и неговата приписка // Старобългарска литература. София, 1984. Кн. 15. С. 106—118.
79. Тиганова Л. В. Подготовка каталога-справочника русско-славянских рукописей (Рукописные собрания Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина) // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1971. С. 150—158.
80. Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. II (№ 820—1051).
81. Князевская О. А., Чешко Е. В. Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Тырновского // Тырновска книжовна школа. София, 1980. Кн. 2 (Ученици и последователи на Евтимий Тырновски). С. 283—290.
82. Никольский Н. К. Описание рукописей Кириллова Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897.
83. Схарта М. У истоков восточнославянской рукописной традиции Слова на Успение Богоматери Григория Паламы // Palaeobulgarica. 2008. № 3. С. 23—35.
84. Георгиевский В. Т. Фрески Ферापонтова монастыря. СПб., 1911.

85. Описание книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь. Л., 1991. С. 24—41.
86. Саенко Л. П. К истории славянского перевода «Лествицы» Иоанна Синайского // *Palaeobulgarica*. 1980. Год. 4. № 4. С. 19—24.
87. Саенко Л. П. К истории славянского перевода Лествицы Иоанна Лествичника // Русско-болгарские связи в области книжного дела. М., 1981. С. 51—57.
88. Попов Н. А. Рукописи Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1905. Вып. I (Новоспасское собрание).
89. Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина. М., 1977.
90. Яцимирский А. И. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904.
91. Турилов А. А. Памятники южнославянской книжности в составе русских библиотек конца XV—XVII вв. // Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 67—82.
92. Полное собрание русских летописей. Т. 21. СПб., 1908 (Книга Степенная царского родословия). Ч. I.
93. Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. II (Язык и культура). С. 331—467.
94. Протасьева Т. Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980.
95. Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв. Ст. первая // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 197—214.
96. Богдановић Д. Две редакције стиховног Пролога у рукописној збирци манастира Дечана // Упоредна истраживања. Београд, 1975. I. С. 37—72.
97. Жуковская Л. П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и южнославянские статьи) // Славянское языкознание. IX Междунар. съезд славистов (Киев, сентябрь 1983 г.). Докл. советской делегации. М., 1983. С. 110—120.
98. Фет Е. А. Новые факты к истории древнерусского Пролога // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 53—82.
99. Дзиффер Дж. Новые данные о традиции и тексте пространного Жития Константина // Славяноведение. 1994. № 1.
100. Флоря Б. Н. К генезису легенды о «дарах Мономаха» // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 185—188.
101. Турилов А. А. Библиейские книги в народной культуре восточных славян // *Jews and Slavs*. Jerusalem, 1994. Vol. 2. P. 76—86.
102. Кучкин В. А. Первые издания русских Прологов и рукописные источники издания 1661—1662 гг. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 138—156.
103. Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978 (Русская старопечатная литература XVI — первой четверти XVIII в. Т. 2).
104. Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 39—50.
105. Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе // Изв. ОРЯС. Пг., 1916. Т. 21. Кн. I. С. 79—85.
106. Попов Г. Новотворено сведение за преводачката дейност на български книжници от Света гора през първата половина на XIV в. // Български език. 1978. № 5. С. 402—410.
107. Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 3—300.

108. *Черторицкая Т. В.* Торжественник — памятник русской литературы конца XIV—XVI вв. (литературная история сборника). АКД. М., 1979.
109. *Черторицкая Т. В.* О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 96—114.
110. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988—1989. Вып. 2. Ч. 1—2.
111. *Черторицкая Т. В.* Торжественник и Златоуст в русской письменности XIV—XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. III. Ч. 2. С. 329—381.
112. *Панин Л. Г.* Лингво-текстологическое исследование минейного Торжественника. Рукописи XIV—XVI вв. Новосибирск, 1988.
113. *Петров Н. И.* Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. М., 1891. Вып. I.
114. *Петковић С.* Опис рукописа манастира Крушедола. Сремски Карловци, 1914.
115. *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији. Београд, 1982.
116. *Турилов А. А.* К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян // Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 253—269.
117. *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв. М.; Л., 1955.
118. *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI вв. М.; Л., 1960.
119. *Бегунов Ю. К.* Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973.
120. *Зыков Э. Г.* Судьба «Азбучной молитвы» в древнерусской письменности // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 177—191.

**К УТОЧНЕНИЮ ОБЪЕМА И СОСТАВА ДРЕВНЕЙШЕГО СЛАВЯНСКОГО
ОРИГИНАЛЬНОГО ГИМНОГРАФИЧЕСКОГО КОРПУСА
В ДРЕВНЕРУССКОЙ ТРАДИЦИИ
(на материале минейных служб)**

С изучением древнерусской традиции корпуса минейных гимнографических текстов, созданных учениками Кирилла и Мефодия, в научной литературе сложилась не вполне понятная, хотя психологически объяснимая ситуация. Разыскания в этой области начались на рубеже 1970—1980-х гг.¹, одновременно с исследованием славянской части Триоды и существенно раньше выявления оригинальных песнопений Октоиха². Однако, в отличие от этих последних, первые на сегодняшний день менее всего можно считать завершенными.

Одна из причин подобной ситуации коренится, несомненно, в том, что для древнерусского корпуса древнейшей славянской гимнографии не нашлось своего собственного исследователя, занимавшегося бы только им³. Болгарские ученые, которым бесспорно принадлежит основная заслуга в выявлении гимнографических творений учеников славянских апостолов (и в том числе в русской традиции), были просто не в состоянии хотя бы просмотреть все списки восточнославянских служебных и праздничных Миней даже «пергаменного» периода (XI—XV вв.) в хранилищах бывшего СССР⁴. Кроме того, их, естественно, интересовали прежде всего тексты, а не языковой извод рукописей, в которых те сохранились. У российских (а ранее — советских) исследователей тема по крайней мере до середины 1990-х гг. не вызывала особого интереса⁵, хотя легкость выявления на основании акростихов если не новых памятников, то новых их списков, создавала большие возможности для открытий разного масштаба и уровня. Здесь особо показателен и печален пример М. Ф. Мурьянова, который в своем исследовании о гимнографии Киевской Руси (а точнее, о бытовавших в домонгольской традиции памятниках) проигнорировал возможность выявления славянских акростихов в русских рукописях⁶. В результате этого его диссертационный труд, который мог стать колоссальным прорывом в разработке проблематики, безнадежно устарел не только к моменту посмертного издания монографии⁷, но, можно сказать, еще до ее написания⁸.

В итоге таких плодотворных, но несистематических (или же несистематических, но плодотворных) разысканий болгарских ученых мы имеем на сегодняшний день достаточно обширный восточнославянский корпус минейных гимнографических текстов. Он нередко превосходит древностью списков свой аналог, выявленный в совокупной южнославянской традиции⁹, но несомненно уступает ему в числе ключевых памятников, посвященных основным — двенадцатым и «великим» — христианским праздникам.

Разумеется, само понятие «оригинальная славянская Минейя праздничная» представляет собой научную реконструкцию, далекую от полноты даже с учетом всех ветвей рукописной традиции. На данный момент можно констатировать отсутствие оригинальных служб на ряд двенадцатых праздников — таких как Рождество Богородицы, Воздвижение Креста, Благовещение, Преображение, а также на относящиеся к триодному циклу Лазареву субботу, Вербное воскресенье, Пасху, Вознесение и Пятидесятницу¹⁰. Неизвестны также службы на великие праздники, посвященные Иоанну Предтече, апостолам Петру и Павлу, пророку Илии, 40 мученикам Севастийским, и т. д. Причем если относительно Предтеченских и апостольских праздников нельзя исключить в принципе использования в качестве минейных славянских служб из Октоиха (соответственно, на вторник в первом случае и на четверг — во втором)¹¹, то с двенадцатыми праздниками ситуация выглядит иначе. За последние полтора десятилетия было открыто 9 неизвестных ранее славянских минейных гимнографических текстов. Из них только два (трипеснец Константина Преславского на предпразднество Успение Богородицы¹² и канон Климента на сам праздник¹³) относятся к двенадцатому празднику, для которого ранее оригинальные песнопения не были известны. Еще два («ямбический» канон Константина Преславского на Рождество Христово¹⁴ и Климента Охридского — на Богоявление¹⁵) связаны с праздниками, для которых известная часть гимнографических циклов была уже выявлена ранее¹⁶. Еще пять текстов (все написаны Климентом) посвящены святым — архиепископу Мефодию¹⁷, Струмицким (Тивериупольским) мученикам¹⁸, общий канон первомученику Стефану и папе Стефану I¹⁹, Аполлинару, архиепископу Равеннскому²⁰, Алексею человеку Божию²¹. Пространство для поисков славянских канонов на двенадцатые и «великие» праздники в рукописной традиции (во всяком случае древней — до иерусалимской) неуклонно сокращается, при этом вероятность, что искомые тексты снабжены легко обнаруживаемыми именными или текстовыми акростихами, достаточно невелика. Собственно, относительно их судьбы возможны четыре варианта, частично комбинируемые друг с другом. В первом случае (оптимальный — и оптимистический — вариант) памятники могут сопровождаться сложным акростихом, подобным тем, которым снабжены Рождественский²² и Пятидесятный²³ «ямбические» каноны Константина Преславского. Во втором случае тексты могут не иметь акростихов вообще, что существенно затрудняет установление их славянского происхождения. Третий вариант предполагает, что памятники могли сохраниться частично, в составе комбинированных канонов. И, наконец, в последнем случае, тексты могли быть полностью исключены из обращения при очередном редактировании богослужбных книг.

Совокупный корпус минейных текстов в рукописных традициях восточнославянской (восходящей, по всей вероятности, к восточно-болгарской середины X в.) и южнославянской (отражающей в основном ситуацию в Западной Болгарии постсимоновского времени) представлен неоднородно и несимметрично. Если применительно к последней — при всех лакунах²⁴ — можно говорить о наличии в ней оригинальной славянской Минейя праздничной, то по поводу первой это допустимо лишь с существенными оговорками. Заметное отличие между ними состоит в явной неполноте набора славянских служб на все те же двенадцатые и «великие»

праздники. Уже в древнейшее время на Руси были известны написанные учениками славянских апостолов службы на зимние²⁵ и весенние праздники: Рождество Христово и Богоявление, Евфимию Великому²⁶, Алексею человеку Божию²⁷ (еще ранее, в XIX в., были выявлены и изучены относящиеся к тому же периоду служба Константину-Кириллу и общий канон Кириллу и Мефодию²⁸). Иначе обстоит дело с летне-осенним периодом. Здесь восточнославянская традиция ограничивалась до последнего времени почти исключительно службами избранным «западным» святым — Аполлинарию Равеннскому и совместным каноном первомученику Стефану и папе Стефану I — при отсутствии служб на богородичные и «великие» праздники. Не были известны русские списки канонов Климента Охридского на Положение ризы и на Успение Богородицы²⁹, канона Константина Преславского архангелу Михаилу, его же трипеснца на предпразднество Успения и канона Наума Охридского апостолу Андрею Первозванному. Канон на Введение Богородицы представлен лишь достаточно поздними украинско-белорусскими списками³⁰ (последнее обстоятельство, разумеется, не снижает их ценности). В связи с этим уместно задаться вопросом, немаловажным как для истории древнейших болгаро-русских книжно-литературных связей, так и для оценки историко-культурной ситуации в Болгарии X в.: пришла ли на Русь оригинальная славянская Минея праздничная в относительно полном объеме, или же речь должна идти только об отдельных разрозненных текстах?

Набор оригинальных славянских гимнографических текстов IX—X вв., представленный древнерусскими списками, восходит по всей очевидности к корпусу, бытовавшему в Восточной Болгарии до византийского завоевания, в значительной мере отражая его специфику в середине X столетия, в то время как совокупная болгарская и сербская традиция XII—XV вв. имеет своим основным источником охридский репертуар начала XI в. Этот тезис вполне согласуется с выводами, сделанными исследователями на материале библейских книг³¹ и переводных нелитургических текстов³², а кроме того, подтверждается и особенностями самого корпуса гимнографических памятников³³. Разумеется, между «материнской» и «дочерней» традициями нельзя однозначно ставить знак равенства. Если какой-то текст, созданный учениками Кирилла и Мефодия, отсутствует в древнерусских списках, из этого еще не следует, что его не было и в восточноболгарских X в., поскольку он мог выпасть из обращения уже на русской почве, начиная со студийской реформы 1060-х гг. в Киево-Печерском монастыре либо в более позднее время³⁴. Напротив, его наличие в русских списках автоматически равняется признанию того, что памятник уцелел при редактировании богослужебных книг в Болгарии в эпоху царя Петра (или еще в конце правления Симеона).

Взвешенная оценка текстологического значения русской традиции для исследования древнейшей славянской гимнографии во всей ее совокупности дана в последнее время в работах М. Йовчевой³⁵. Ее, по всей видимости, допустимо экстраполировать и на восточнославянские списки разыскиваемых гимнографических произведений, само присутствие которых в древнерусских рукописях можно предполагать с той или иной степенью вероятности. Между тем перспектива отыскания в русских рукописях новых минейных гимнографических текстов учеников

Кирилл и Мефодия выглядит довольно неопределенной. Во-первых, можно заметить, что число этих текстов, выявленных в русских списках XIV в. и более позднего времени, весьма невелико³⁶. Среди них нет памятников, неизвестных в более ранней традиции, к тому же незначительно и само число этих списков³⁷ (в этом отношении положение с Октоихом существенно отличается от ситуации с Минеями). Едва ли это можно объяснить только тем, что исследователи, занимавшиеся данной проблематикой, сознательно игнорировали списки Минеи служебных и праздничных XIV в. как поздние и недостойные внимания, сосредоточившись исключительно на более ранних. Скорее можно думать, исследователи искали в списках Минеи XIV в. эти сочинения, но не нашли их, а негативный результат поисков не был зафиксирован³⁸. Следует указать также на существование значительной группы древнерусских праздничных Минеи XIII — середины XV в., в которых гимнографические творения учеников Кирилла и Мефодия как целое отсутствуют (хотя не исключено наличие в них отдельных оригинальных песнопений — стихир и/или тропарей в составе комбинированных канонов). Все эти праздничные Минеи содержатся в составе особых богослужебных сборников — Обиходов³⁹, включающих помимо этого также Часослов (или Псалтырь)⁴⁰, Шестоднев служебный, краткую Триодь, Месяцеслов с отдельными тропарями и кондаками, покаянные и молебные каноны, чтения из Евангелия и Апостола, и т. д. Отсутствие в этой группе рукописей служб, написанных учениками славянских апостолов, заставляет видеть в Обиходе не ранний литургический универсум (каким он вполне может показаться на первый взгляд)⁴¹, а сборник, возникший, по всей видимости, на русской почве не ранее второй половины XI в., уже после распространения Студийского (Алексиевского) устава.

XV столетие и позднейшие эпохи — вплоть до широкого распространения печатных служебных Минеи (вторая четверть XVII в.) — представляют в отношении разыскания памятников древнейшей славянской гимнографии картину недостаточно ясную, но, как кажется, не слишком перспективную. Замена Студийского устава Иерусалимским, проходившая в разных регионах от рубежа XIV—XV вв. (Москва и Северо-Восточная Русь в целом) до второй четверти XV в. (Новгород, Псков; ситуация на восточнославянских землях Великого княжества Литовского и Польского королевства остается плохо исследованной из-за недостатка материала) привела к результатам, аналогами которых в полной мере выступают южнославянские Минеи середины — второй половины XIV в. Старшие списки русских праздничных Минеи по Иерусалимскому уставу⁴² и «образцовые» комплекты новгородских Минеи служебных⁴³ древних славянских служб не содержат. Еще показательнее пример «Переславль-Залесского» комплекта (ок. 1415 г.)⁴⁴, в котором службы с весьма архаичной структурой приспособлены к месяцеслову Иерусалимского устава⁴⁵. Здесь также нет ни одного из древнейших славянских оригинальных гимнографических текстов, даже столь распространенных, как каноны Евфимию Великому и Алексею человеку Божию. Таким образом, в русских рукописях XV в. и более позднего времени ситуация с гимнографией существенно отличается от картины книжности во внелитургической сфере. Там наблюдается несомненное возрождение и широкое распространение древнейшего литературного пласта, на-

чиная с великоморавских и ранних болгарских памятников. Это касается и такого паралитургического сборника, как Торжественник — достаточно вспомнить без преувеличения бесчисленные русские списки учительных и похвальных слов Климента Охридского⁴⁶, чтение которых Иерусалимским типиком, разумеется, не предписывалось. Асимметрия между гимнографией, с одной стороны, и гомилетикой — с другой, особенно заметна на примере культа славянских первоучителей, который в рассматриваемое время приобретает на Руси по сути почти внелитургический характер. С одной стороны, существуют сотни списков проложных житий Константина-Кирилла и Мефодия (последнего несколько меньше), десятки — Пространного жития Кирилла и похвальных слов ему и обоим братьям вместе (Пространное житие Мефодия также встречается реже)⁴⁷. С другой — им соответствуют лишь тропарь и кондак Константину-Кириллу Философу в минейной части Тропарника при Уставе, Псалтыри с воследованием или Часослове (песнопения Мефодию отсутствуют). Редчайшие списки службы Кириллу происходят с юго-западных окраин единой до середины XV в. Киевской митрополии и/или культурного пограничья с южными славянами⁴⁸ (при этом пространные жития славянских первоучителей, напротив, не получили в этой части восточнославянского региона сколь-либо широкого распространения — в частности, Мефодиево житие здесь, похоже, вообще не было известно)⁴⁹. На материале преславского Канона на Введение Богородицы⁵⁰ видно, что сходная ситуация существует и с другими памятниками древнейшей славянской гимнографии. Тем не менее — несмотря на приведенные выше примеры — приходится констатировать, что и в восточнославянской традиции наблюдается переходный период (подобный тому, что существовал на славянском Юге около середины XIV в.), во время которого проявляются списки древних памятников, не зафиксированных в более ранних кодексах.

В процессе работы над вторым выпуском Сводного каталога славяно-русских книг XIV в. мне пришлось вплотную работать с двумя рукописями, с формальной стороны представляющими как бы полную противоположность друг другу⁵¹, но при этом равно содержащими гимнографические сочинения учеников Кирилла и Мефодия, до того в восточнославянских списках неизвестные. Речь идет о двух пергаменных Минеях праздничных — ГИМ, Музейское собр., № 3473, и РНБ, Софийское собр., № 386. Структура служб в первой (охватывающей сентябрьское полугодие) отмечена глубокой архаичностью — седален, кондак и икос, стихиры, канон. Вторая содержит (кодекс сохранился без утрат) службы со дня памяти апостолов Петра и Павла до конца августа, им предшествует месяцесловная часть Иерусалимского типика за тот же отрезок года — можно думать, что некогда существовали тома, составлявшие с нею годовой комплект и имевшие столь же нестандартную разбивку. Музейскую минею № 3473 достаточно трудно датировать⁵². Многие буквы в ней (например, Х, Ч, «ять») весьма архаичны по начертанию и наводят на мысль даже о конце XIII или начале XIV в.; на первых листах писец сохраняет и орфографию оригинала в отношении редуцированных. Однако ряд других признаков указывает на то, что рукопись была написана не ранее рубежа XIV—XV вв., при том что следов «второго южнославянского влияния» ни в графике, ни в орфографии не прослеживается. К числу таких поздних

черт относится отсутствие Е иотированного и редкое употребление широкого варианта буквы — обычно пишется просто Е. Скорее в пользу уже раннего XV в., а не конца XIV в., свидетельствуют киноварные заголовки конечной части рукописи, написанные вытянутыми буквами простого рисунка в один контур (состоящие как бы из тонких киноварных инициалов)⁵³. Происхождение рукописи неясно, но во всяком случае орфографические новгородизмы в текстах не прослеживаются.

Напротив, Софийская Минейная праздничная № 386 датируется очень хорошо — это конец первой трети — вторая четверть XV в. (вероятно, середина 1420-х — 1430-е гг.). Ее письмо — «гибридный» полуустав с начерками букв (например, Т с тремя ножками), неизвестными в новгородских памятниках ранее указанного времени⁵⁴. При датировке памятника следует учитывать и то обстоятельство, что уже новгородские рукописи 1430-х гг. дают примеры совершенно новой графической традиции⁵⁵.

Порядок рассмотрения названных рукописей, носит, разумеется, произвольный характер и объясняется, с одной стороны, несомненно большей архаичностью Музейской рукописи как в плане письма, так и в плане структуры служб, с другой же — порядком размещения в них гимнографических произведений по сентябрьскому церковному году. В Музейском кодексе содержится (л. 88 об. — 91) служба апостолу Андрею Первозванному с канонем Наума Охридского, первоначально обнаруженная С. Кожухаровым в сербской рукописи XIII в.⁵⁶

Канон Андрею Первозванному в музейской Минее праздничной является в настоящее время вторым полным (за исключением, разумеется, песни 2-й) списком этого сочинения Наума Охридского, наряду с открытым Кожухаровым в сербской Минее служебной Зограф, № 88. В трех других, опубликованных позднее Г. Поповым⁵⁷, текст представлен лишь частично. В Братковской Минее из-за утраты листов текст сохранился только по второй тропарь песни 3-й включительно (буква Г акростиха)⁵⁸. В сербской Минее праздничной XIV в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 166) канон дан с сокращенным числом тропарей (в песнях 1 и 8 исключен второй тропарь, в песнях 3—7 — третий, в 9-й — второй и третий)⁵⁹. В Минее праздничной XV в. Софии, НБКМ, № 163 представлены песнопения Наума, начиная с песни 4⁶⁰. Это обстоятельство делает новый список — несмотря на его сравнительно позднюю датировку — чрезвычайно важным для реконструкции исходного текста.

Акростих, почти идеально выдержанный в раннем Зографском сербском списке (ПРВО[]АГО ХРИСТОВА СЛА ХВАЛИ НИШЧИИ НАОУМ), в русском рубежа XIV—XV вв. нарушен в 5 местах: в третьем тропаре песни 3 (Д вм. О), первых тропарях песней 6 и 8 (Д вм. А; Г вм. Ш), и втором и четвертом тропарях песни 9 (Т вм. А и М). Он, таким образом, имеет следующий вид: ПРВО[]АГД ХРИСТОВА СЛД ХВАЛОУ НИГЧИИ НТОУТ. Большинство нарушений в акростихе (за исключением песни 8, где «Гатанию» вм. «Шатанию») возникло из-за отсутствия предварительной писцовой разметки киноварных букв) вполне однотипно и является, по всей видимости, результатом сознательной правки на одном из этапов переписки текста. Все они вызваны перестановкой слов в начале песнопений, от-

ражающей стремление не подозревавших об акrostихе писцов сделать их порядок более естественным (или менее неестественным). Но в одном случае русский список передает акrostих несомненно исправнее, чем более ранние сербские. Второй тропарь песни 7 начинается в зографском списке с «Идеже»⁶¹. В акrostихе это дает окончание третьего лица ед. числа настоящего времени — «Хвали»⁶². Музейская Миняя № 3473 содержит чтение «Оудоуже». Исходное написание было, разумеется, через «ж», что подтверждается безусловно испорченным, но при этом вполне прозрачным чтением Хлудовского списка — «Июда (!) же»⁶³, т. е. в акrostихе стоит окончание первого лица ед. числа (ХВАЛЮ). Предпочтительность (и, соответственно, первоначальность) этого варианта хорошо видна при обращении к другим текстовым акrostихам учеников Кирилла и Мефодия. Среди них имеется три примера глагола именно в первом лице ед. числа (ПОЮ — канон Климента Охридского первоучителю Мефодию⁶⁴, анонимный общий канон славянским первоучителям⁶⁵ и анонимный же канон на перенесение мощей Иоанна Златоуста⁶⁶) и только один спорный. Последний относится к реконструкции акrostиха Константина Преславского в его каноне Мефодию. Как известно, существуют два варианта реконструкции частично поврежденного краегранесия, предложенные Дж. Павичем⁶⁷ и Д. Костичем⁶⁸. Первый из них предлагал в данном случае чтение П[О]ЕТ, второй — ПОЮ. Восстанавливаемое по двум поздним спискам чтение акrostиха Наума Охридского является дополнительным аргументом в пользу варианта реконструкции, предложенного Д. Костичем⁶⁹. При этом возникающая в обоих случаях (и в каноне Мефодию Константина и в каноне апостолу Андрею Наума) определенная несогласованность между первой (фразовой) и второй (именной) частями акrostиха⁷⁰ находит полное соответствие и объяснение в бесспорном чтении краегранесия в каноне Архангелу Михаилу Константина Преславского (ПЪТИ ДОСТОИТ АРХИСТРАТИГА. КОНСТАНТИН)⁷¹. Вторую (именную) часть акrostиха в этих случаях следует трактовать как авторскую подпись (КОНСТАНТИН, НИШЧИИ НАОУМ), логически и интонационно отделенную от предыдущей фразы. Стоит отметить, что нарушение краегранесия в песни 8 русского списка отражает, по всей видимости, очень ранний — еще болгарский — этап истории текста канона. Отглагольное существительное ГАТАНИЕ (и сам глагол, памятный всем не в последнюю очередь по трактату Черноризца Храбра) известно по древним болгарским текстам, но совершенно не характерно для древнерусских памятников⁷².

Отдать однозначное предпочтение одному полному списку канона перед другим в вопросе сохранности текста за пределами акrostиха довольно затруднительно, однако примеров лучших чтений в сравнении с зографской Музейской рукописью содержит достаточно, начиная с первых же слов первого тропаря песни 1 («Первеи сы еси перевозвана тя стваряе...»; Зогр.: «Пръве сеи всех пръвозданна те стваряеть...»). Это «первозвана» в Музейской рукописи служит, безусловно, дополнительным аргументом в пользу реконструкции Л. Матейко, предполагающей в исходном варианте краегранесия чтение ПРВОЗВАНАГО, и, соответственно, изначальное существование в каноне песни 2-й⁷³. Можно указать также более правильную форму передачи имени римского наместника Ахайи Эгеата, по приказу

которого апостол был казнен (Югеоть 3-й тропарь 8-й песни, 1-й тропарь 9-й), при явно ошибочных Югупть Зографского списка и Югупеть Хлудовского⁷⁴.

В свою очередь Софийская Минеея праздничная № 386 в наибольшей степени восполняет лауну в древнерусской традиции ранней славянской гимнографии двенадцатых праздников. Она содержит три текста учеников Кирилла и Мефодия: канон на Положение ризы и пояса Богородицы Климента Охридского (помещенный здесь под 2 июля — л. 30 об. — 33), трипеснец Константина Преславского на Успение Богородицы (дан на предпразднество — л. 156 об., 159 об., 160—160 об.), и канон на тот же праздник Климента (помещен на поспразднество, написан слитно с канонами на перенесение Нерукотворного образа Спаса и мученику Диомиду — л. 170б-в, 171а-б, г, 172б-в, 173а-б, 173г—174а, в-г, 175б-в). Канон на Положение ризы и успенский трипеснец отличает в Софийском списке хорошая сохранность текста — он здесь несомненно более исправен, чем в южнославянских списках, изданных Г. Поповым⁷⁵, хотя в обоих памятниках отмечены случаи перестановки тропарей в песни 8-й⁷⁶. При этом явную первичность для трипеснца в новом списке обнаруживают первый тропарь 9-й песни, дающий букву С в акrostихе «подписи»⁷⁷, и третий там же (буква И)⁷⁸.

Особо стоит остановиться на Успенском каноне Климента Охридского, который (в отличие от опубликованного сербского списка рубежа XIII—XIV вв., помещенного в Хлудовской минее № 156 на предпразднество Успения⁷⁹), как уже сказано, дается здесь на поспразднество. Сразу же следует отметить наличие в новом списке третьего тропаря 9-й песни канона (буква И акrostиха-«подписи»), опущенного в изданном сербском⁸⁰. На архаичность традиции, лежащей в основе Софийской рукописи, указывает также устойчивая близость этого списка (в сопоставимом объеме) к песнопениям Климента, включенным в состав комбинированного канона в праздничной Минее конца XI — начала XII вв. (РГАДА, ф. 381, № 13)⁸¹. Из разночтений, которые не могут не быть многочисленными уже в силу длительной изолированности сопоставляемых традиций, отмечу лишь одно, имеющее знаковый характер. Второй тропарь 8-й песни в Хлудовском списке содержит обращение к Богородице: «Враги покорещи кралю нашему...»⁸², в РНБ, Соф. 386 это место, соответственно, читается: «Враги покроящи подь нозе ц(е)с(а)рю нашему...». Ясно, что титулование правителя «кралем» отражает в данном случае сербские реалии XIII—XIV вв., однако и титул «цесарь» здесь едва ли первоначален⁸³. Он попал в текст явно не на русской почве, где ожидалось бы упоминание князя. Очевидно, что здесь сохранился след актуализации болгарских политических реалий между 913 и 967 гг.

Таким образом, разыскания последних лет, связанные с работой над Сводным каталогом XIV в., позволяют говорить о достаточной симметрии соотносимости (при существовании ряда региональных различий) древнейшего славянского минейного гимнографического корпуса в древнерусской и южнославянской письменности. Попутно это в определенной степени позволяет реконструировать ситуацию в Восточной Болгарии около середины X в. Выявленные восточнославянские списки XV в. сочинений Климента Охридского, Константина Преславского и Наума Охридского, безусловно, нуждаются в дальнейшем изучении и издании

(неважно в данном случае — в форме ли самостоятельных публикаций или же в составе критического издания соответствующих памятников), поскольку обнаруживающиеся в них разночтения с уже известными списками дают материал для реконструкции первоначальных текстов этих древнейших памятников славянской гимнографии.

Примечания

¹ Наиболее полную библиографию по данному вопросу см.: *Йовчева М.* Проблемы текстологического изучения древнейших памятников оригинальной славянской гимнографии // *La poesia liturgica slava antica / Древнеславянская литургическая поэзия: XIII Congresso Internazionale degli Slavisti. Blocco tematico № 14.* Roma; Sofia, 2003. С. 73—78; *Попов Г.* Акrostих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия // *Ibid.* С. 51—54; *Он же.* Химнография старобългарска през IX—X в. // Кирило-Методиевска енциклопедия (КМЕ). София, 2003. Т. 4. С. 411—414; *Станчев К.* Литургическая поэзия в древнеславянском литературном пространстве (История вопроса и некоторые проблемы изучения) // *La poesia liturgica slava antica...* Р. 18—22; ПЭ. М., 2006. Т. 11. С. 507—508 (не говорю здесь о исследовании служб славянским первоучителям, начавшемся в середине XIX в., но получившем сильный новый импульс в наши дни — см.: *Попов Г.* Службы за Кирил и Методий старобългарски // КМЕ. София, 2003. Т. 3. С. 652—656).

² См., например: *Йовчева М.* Новооткрити химнографски произведения на Климент Охридски в Октоиха // *Palaeobulgarica.* 1999. № 3. С. 3—30; *Она же.* Солунският Октоих в контекста на славянските октоиси до XIV в. София, 2004 (= КМС. Кн. 16); *Крашенинникова О. А.* Три канона из Октоиха Климента Охридского (Неизвестные страницы древнеславянской гимнографии) // *Славяноведение.* 2000. № 2. С. 29—41; *Она же.* Древнеславянский Октоих св. Климента, архиепископа Охридского. М., 2006; *Федоскина Е. С.* Покаянный канон Климента Охридского в составе древнеславянского Октоиха // *Вестник МГУ. Сер. 9 (Филология).* 2000. № 3. С. 75—83; *Иванова К.* «Боже мой, Троице милостива, помози ми» (Фразов акrostих от края на IX—X в.) // *Palaeobulgarica.* 2003. № 3. С. 3—17.

³ Справедливости ради стоит, впрочем, заметить, что аналогичная ситуация наблюдается вплоть до наших дней в сербской науке применительно к сербской традиции того же корпуса (см., к примеру: *Станкова Р.* Химно-графските книги, преведени от Кирилло-Методиевите ученици в србската книжовна традиция от XIII—XIV в. // *Проблеми на Кирилло-Методиево дело и българската култура през IX—X в.* София, 2007 (= КМС. Кн. 17). С. 676—679, 681—686). Как отраднй факт можно отметить появление в последнее время статей Д. Христианс, посвященных специально русской традиции канона Климента Охридского Евфимию Великому (*Christians D.* Altbulgarische Hymnen in der ostslavischen Minaentradition // *Sakrale Grundlagen slavische Literaturen.* München, 2002 (Vortrage und Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 43). S. 77—91; *Idem.* Канон Евфимию Великому в традиции восточнославянских миней // *Браслав Б. / BraSlav 2: Zbornik z medzinarodnej konferencie.* Bratislava, 2003. S. 18—28), однако в них речь идет о памятниках, уже выявленных.

⁴ При этом можно лишь восхищаться тем, сколько они выявили.

⁵ На первых порах это объяснялось, вероятно, и идеологическими причинами (атеистические установки эпохи).

⁶ С одной стороны, трудно допустить, что без преувеличения эпохальные открытия в области славянской гимнографии, сделанные С. Кожухаровым и Г. Поповым, остались

М. Ф. Мурьянову неизвестны. Но столь же сложно судить, что в данном случае хуже — игнорирование результатов чужих работ или степень неинформированности.

⁷ Мурьянов М. Ф. Гимнография Киевской Руси. М., 2003.

⁸ Ср., впрочем другую — вполне апологетическую — оценку данной работы: Кривко Р. Н. Из истории науки: вклад М. Ф. Мурьянова в славянскую гимнологию // Браслав Б. / BraSlav 2... С. 38—44. Особенно показательным выглядит пример с канонем Аполлинарию Равеннскому, которому М. Ф. Мурьянов посвятил статью с характерным названием «Равеннская тема в письменности Древней Руси» (Palaeoslavica. 2001. Vol. 9. С. 72—82). Ее обширные построения оказываются совершенно излишними в силу наличия «авторской подписи» — акростиха Климента Охридского в 9-й песни канона (см.: Йовчева М. Старобългарската служба за Аполинарий Равенски от Климент Охридски // Palaeobulgarica. 2002. № 1. С. 17—32).

⁹ Можно указать дополнительно неучтенные примеры большей древности русских списков гимнографических памятников по сравнению с южнославянскими. Так, атрибутированный М. Йовчевой (Новооткрыто химнографско произведение на Климент Охридски и проблемът за западните памети в старобългарския календар // Средновековна християнска Европа. Исток и Запад: Ценности, традиции, общуване. София, 2002. С. 382—393) по библиографии отрывок канона Климента на перенесение мощей первоученика Стефана и папе Стефану I (СПб., БРАН, 24.4.22е) традиционно датируется в литературе XIII в. (Пергаменные рукописи БАН: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976. С. 28—29; СК XI—XIII, № 273). В действительности же фрагмент относится к рубежу XI—XII вв. или, самое позднее, к первой половине XII в. (датировка А. Л. Лифшица, Л. В. Мошковой и автора этих строк). По палеографии он близок, с одной стороны, к новгородским Типографским («Ягичевым») минаям служебным 1090-х гг., с другой же — к Стихирарю 1156—1163 гг. (РНБ, Соф. 384; СК XI—XIII, № 54). Древнейший русский список службы Алексею человеку Божию того же Климента (см. ниже, примеч. 20) датируется 1260 г., тогда как опубликованный (Савова В. Непознато химнографско произведение на св. Климент Охридски за св. Алексей Човек Божи (предварителени бележки) // Palaeobulgarica. 2003. № 2. С. 3—12) болгарский список (Синай, Слав. 25), около 1339 г.

¹⁰ С момента написания статьи ситуация в последнем пункте заметно изменилась после находки канона на этот праздник с фрагментарно сохранившимися фразовым славянским акростихом (Попов Г. Новооткритият старобългарски Канон за Неделя Петдесетница и неговият византийски образец // Palaeobulgarica. 2006. № 3. С. 3—48; Он же. Проблеми на химнографското творчество на Климент Охридски (Към въпроса за пентикостарния състав на староизводните славянски триоди) // Palaeobulgarica. 2008. № 2. С. 3—58; Цитора, схим. (Цачева В.). Съобщение за новооткрит старобългарски ямбически канон // Богословска мисъл. София, 2006. № 1—4. С. 212).

¹¹ О полифункциональности песнопений Октоиха см., к примеру: Темчин С. Ю. Этапы становления славянской гимнографии (863 — ок. 1097 г.). Ч. 1 // Славяноведение. 2004. № 2. С. 18—55.

¹² Попов Г. Из химнографското наследство на Константин Преславски (Новооткрит трипеснец за предпразднество на Успение Богородично) // Palaeobulgarica. 1995. № 3. С. 3—31.

¹³ Мошкова Л. В., Турилов А. А. Неизвестный памятник древнейшей славянской гимнографии (Канон Климента Охридского на Успение Богородицы) // Славяноведение. 1999. № 2. С. 24—36 (далее — Мошкова, Турилов. Неизвестный памятник...). Кроме того, список Успенского канона Климента (чрезвычайно близкий по тексту к опубликованному по серб-

ской Минее служебной на март-август, ГИМ, Хлуд. 156) содержится в сербской же Минее служебной на июль-август первой трети XIV в. из собрания Дечанского монастыря, № 32, л. 80—94.

¹⁴ *Попов Г.* Новооткрыт канон на Константин Преславски с тайнописно поетично послание // *Palaeobulgarica*. 1997. № 4. С. 3—17; *Он же.* Канон за Рождество Христово от Константин Преславски // *Palaeobulgarica*. 1998. № 4. С. 3—26; *Верещагин Е. М.* Дальнейшие исследования Рождественского парафрастического канона Константина Преславского с иным прочтением концовки его акростиха // *Palaeobulgarica*. 1999. № 4. С. 25—40.

¹⁵ Открыт автором этих строк в 2005 г. в сербской Минее праздничной конца XIII — начала XIV в. (ГИМ, Музейск. 2835), поступившей от С. Н. Томича. Текст имеет довольно традиционный акростих — «подпись» КЛИМ в 9-й песни канона. В настоящее время памятник подготовлен к публикации Г. Поповым в составе издаваемого им корпуса оригинальных славянских песнопений рождественско-богоявленского цикла.

¹⁶ Причем для Богоявления речь идет о втором каноне, поскольку ранее (*Попов Г.* Новооткрыти химнографски произведения на Климент Охридски и Константин Преславски // *Български език*. 1982. № 1. С. 3—26; *Он же.* Триодни произведения на Константин Преславски. София, 1985 (= КМС. Кн. 2). С. 43—62) уже был выявлен канон с анонимным текстовым акростихом.

¹⁷ *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Моравские земле велей гражданин» (Неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию) // *Славяноведение*. 1998. № 4. С. 3—23 (далее — *Мошкова, Турилов.* «Моравские земле велей гражданин»...); О реконструкции поврежденного акростиха и атрибуции текста Клименту Охридскому см.: *Попов Г.* Служба за славянския първоучител Методий в Хлудовия миней 156 // *Старобългарска литература*. София, 2001. Кн. 32. С. 3—20. В данном случае речь также идет о втором каноне.

¹⁸ *Велев И.* Химнографски состави за светите петнаесет Тивериополски свештеномаченици (Уште една новооткриена химнографска творба на св. Климент Охридски) // *Археографски прилози*. Београд, 2002. Бр. 24. С. 113—115.

¹⁹ *Йовчева М.* Старобългарската служба за първомученик Стефан и Стефан I папа Римски // *Старобългарска литература*. София, 2001. Кн. 32. С. 21—44; *Она же.* Новооткрыто химнографско произведение на Климент Охридски... С. 382—393.

²⁰ См. примеч. 8.

²¹ *Савова В.* Непознато химнографско произведение на св. Климент Охридски за св. Алексий Човек Божи... С. 3—12. Независимо от В. Савовой, в декабре 2002 г., работая в Петербурге над вып. 2 СК XIV, я обнаружил тот же текст в пергаменной Минее служебной на март (РНБ, Соф. 198, л. 61 об. — 65 об.), переписанной в 1369 г. по заказу новгородского архиепископа Алексия. После этого — как нередко бывает в истории открытий — новые списки канона начали обнаруживаться с завидной регулярностью. В. Савова в своей публикации указала выявленный ею по описанию (*Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1917. Отд. 3. Ч. 2 (= ЧОИДР. Кн. 4) С. 90, № 445) русский список в пергаменной Минее служебной на март-апрель, ГИМ, Син. 172 (здесь стоит лишь уточнить датировку и происхождение кодекса, отнесенного патриархами российской археографии к рубежу XIV—XV вв. — рукопись происходит из одного комплекта с томом на ноябрь-декабрь (Син. 173), переписанным в 1425 г. в Пскове). Я в свою очередь, руководствуясь тем же описанием (С. 135, № 447), нашел древнейший на сегодняшний день список (к сожалению, с исключением ряда тропарей) в Минее праздничной (ГИМ, Син. 895, л. 36—41; СК XI—XIII, № 176), переписанной в 1260 г. тоже в Пскове. Помимо этого Климентов канон Алексею найден мной в двух пергаменных Минеех служебных на март из Типографского собрания (ф. 381) РГАДА: 1) № 107, л. 82—87 об., втор.

пол. XIV в. (описание см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 2. С. 186, № 88); 2) № 106, перв. треть XV в. (в описании (Там же. Ч. 1. С. 99, № 36) и СК XI—XIII (№ 286) ошибочно датирована XIII в.). Содержится памятник и в Минее праздничной (№ 134, л. 33—38) первой пол. XV в. того же собрания (в описании (Там же. Ч. 2. С. 176, № 79) неточно датирована серединой XIV в.). И, наконец, независимо друг от друга, Г. Попов (сообщивший мне об этом в частной беседе) и Р. Станкова (Старобългарското книжовно наследство в сръбски преписи от XIII и начало на XIV в. // България и Сърбия в контекста на византийската цивилизация. София, 2005. С. 427) обнаружили еще один список канона в известной сербской Минее служебной рубежа XIII—XIV вв. на март-август (ГИМ, Хлуд. 156, л. 3—4 об.). Таким образом, канон Алексею оказался весьма распространенным (во всяком случае, в русской традиции, где по популярности с ним может сравниться только канон Евфимию Великому) и, несомненно, нуждается в критическом издании.

²² См. примеч. 14, а также: *Попов*. Акrostих в гимнографическом творчестве... С. 50.

²³ См. примеч. 10.

²⁴ О текстах, известных в настоящее время в древнерусской традиции и отсутствующих (либо не выявленных) в южнославянской, см.: *Йовчева М.* Гимнографическое наследие Кирилло-Методиевских учеников в русской книжности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 110—111; *Она же*. Проблемы текстологического изучения... С. 72—73.

²⁵ Не до конца ясной остается ситуация со службой на Перенесение мощей Иоанна Златоуста (27 января), поскольку в русском списке известны лишь начальные песни славянского канона (в составе комбинированного) с сильно поврежденным акrostихом (см.: *Попов Г.* ХВАЛНА ПЯНИЯ КОНСТАНТИНОВА (Богоявленски предпразднични стихирни на Константин Преславски в руски миней от XII—XIII вв.) // Старобългарска литература. София, 1999. Т. 31. С. 17—19). Аналогом этому до последнего времени являлась ситуация с канонам Климента на Успение Богородицы (см. примеч. 28).

²⁶ Помимо уже известных в литературе списков памятника (см.: *Christians D.* Канон Евфимию Великому в традиции восточнославянских миней... С. 18—28) следует указать еще один достаточно ранний (первой пол. XIII в.), но сохранившийся лишь частично — БРАН, 4.9.14 (Пергаменные рукописи БАН... С. 29; СК XI—XIII, № 276). К первой четверти (самое позднее — треть) XIII в. относится и дефектный список в составе пергаменной Минее праздничной РНБ, Ф.п.1.37, ранее ошибочно датированный XV в. (*Шаламанов Б.* Неизвестни химнографски произведения на Климент Охридски // Списание на БАН. София, 1987. Кн. 1. С. 51—56; ср.: СК XIV. Вып. 1. Прилож. 2, № д35). Еще один сравнительно поздний (не ранее рубежа XIV—XV вв.) список с сильно испорченным акrostихом находится в пергаменной Минее праздничной — ГИМ, Музейск. 3473, л. 128 об. — 130 (см. ниже).

²⁷ См. примеч. 21.

²⁸ См.: *Попов Г.* Служби за Кирилл и Методий... С. 652—664.

²⁹ Наличие отдельных тропарей в комбинированном Успенском каноне Минее праздничной РГАДА, ф. 381, № 131, датируемой не позднее рубежа XI—XII вв. (см.: Ильина книга (Рукопись РГАДА, Тип. 131). М., 2005. С. 612—628), не может служить бесспорным свидетельством известности на Руси этого сочинения Климента в полном объеме, поскольку сам комбинированный текст мог возникнуть еще в X в. в Болгарии (о вариантах успенских комбинированных канонов с использованием текста Климента Охридского см.: *Мошкова Л. В.* Два комбинированных канона на Успение Богородицы (принципы объединения) // *Palaeobulgarica*. 2000. № 1. С. 53—67).

³⁰ См.: *Кожухаров С.* Преславски канон за Введение Богородично // *Palaeobulgarica*. 1991. № 4. С. 28—36; *Он же.* Проблеми на старобългарската поезия. София, 2004. Т. 1. С. 80—94); *Наумов Ал.* За спецификата на църковнославянската литература в Жечь по-сполита // *Palaeobulgarica*. 1992. № 2. С. 84; *Naumow E.* Z dziejów XVI-wiecznych skryptoriów cerkiewnych. Ioann z Posady Rybotnickiej i jego mineje // *Polska — Ukraina — 1000 lat sąsiedztwa*. Przemyśl, 1994. Т. 2. С. 339—340; *Naumow A.* Wiara i historia: Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polsko-litewskich. Kraków, 1996 (= *Krakowsko-Wileńskie studia sławistyczne*. Т. 1). С. 58—59.

³¹ См., например: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 82.

³² См., об этом, к примеру: *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Кирилло-мефодиевские традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000. С. 150—161; *Turilov A.* La letteratura slavoecclesiastica della origini: storia i geografia della tradizione manoscritta // *Incontri linguistici*. Pisa, 2005. Vol. 28. P. 11—30 (русский текст в данном издании, с. 18—38).

³³ К ним относится, в первую очередь, отсутствие в древнерусской традиции (и — по всей очевидности — в предшествующей восточноболгарской) памятников, сохранившихся в сербских и западноболгарских списках, связанных с региональными (либо ставшими таковыми ко второй половине X в.) культами. Таковы, к примеру, служба тивериупольским (струмицким) мученикам (*Vukanović T.* The Legend of the Martyrs of Tiberiopol (Strumica) // *Врањски гласник*. Врања, 1971. Књ. 7. С. 45—76), недавно атрибутированная Клименту Охридскому (*Велев*. Химнографски состави... С. 113—115), а также служба самому Клименту, написанная одним из его учеников (новейшее изд.: *Мирчева Б.* Службата за св. Климент Охридски в Празничен миней № 122 от Народната библиотека «Св. св. Кирил и Методий» в София // *Palaeobulgarica*. 2000. № 2. С. 70—84). Менее показательны в этом смысле и может иметь разные объяснения отсутствие в древнерусских рукописях 2-го канона Кириллу Философу, известного по южнославянским спискам София, Б-ка БАН, № 23 и Синай, Слав. 25 (*Попов Г.* Служби за Кирил и Методий... С. 656—658) и обоих канонов первоучителю Мефодию.

³⁴ См.: *Йовчева*. Гимнографическое наследие Кирилло-Мефодиевских учеников... С. 102—103; *Она же.* Проблемы текстологического изучения... С. 64—65; *Темчин*. Этапы становления... Ч. 2 // *Славянский мир между Римом и Константинополем*. М., 2004 (Славяне и их соседи. Вып. 11). С. 53—94.

³⁵ *Йовчева*. Гимнографическое наследие Кирилло-Мефодиевских учеников... С. 100—112; *Она же.* Проблемы текстологического изучения... С. 68—72 (см. также: *Попов Г.* Триодни произведения... С. 43—60; *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1988. С. 116—151).

³⁶ До последнего времени к ним относились только «Мефодиев» канон Димитрию Солунскому, канон Евфимию Великому, служба Кириллу Философу и общий канон Кириллу и Мефодию и канон Алексию человеку Божию.

³⁷ Исключение составляет только служба Алексию, где на XIV — первую половину XV в. приходится 5 из 6 известных русских списков.

³⁸ С достоверностью об этом, разумеется, можно было бы судить на основании листов использования в соответствующих рукописях.

³⁹ Древнейший образец такого рода сборника представляет галицко-волынская рукопись раннего XIII в. — так называемый «Венский Октоих» или «Кодекс Ганкенштейна» (Вена, Нац. библиотека, Слав. 37 — см.: *Birkfellner G.* Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975. S. 319—324). Здесь минейные службы приписаны на широких полях кодекса уставом XIII—XIV вв. Далее следуют по степени древности: «Румянцевский Обиход»; так называемый «Рязанский Служебник» (название ошибочное,

поскольку текстов литургий рукопись не содержит) — кодекс, возможно, московский, около середины XIV в. (РНБ, Ф.п.1.73); новгородская Псалтырь с воследованием кон. XIV в. (ГИМ, Син. 325 — см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание... М., 1869. Отд. 3. Ч. 1. С. 537—573, № 431), а также ряд современных ей и более поздних новгородских и псковских пергаменных кодексов (см.: *Слива Е. Э.* «Услышим святого Евангелия...» (Некоторые особенности утренней службы по двум пергаменным рукописям XV в.: БАН, собр. Археографической комиссии, № 171, и ИРЛИ, Карельское собр., № 476) // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология.* СПб., 1999. С. 136—147).

⁴⁰ Известен, впрочем, ряд новгородско-псковских пергаменных рукописей конца XIV — середины XV в., не содержащих Часослова или Псалтыри (которые в этих случаях составляли, возможно, отдельный том). Таковы, к примеру, рукописи Типографского собрания (ф. 381) РГАДА, № 69—72, 77 (см.: *Каталог славяно-русских рукописных книг... ЦГАДА.* Ч. 2. С. 322—334, № 168—172).

⁴¹ К подобной оценке сборника склонен, к примеру, С. Ю. Темчин (*Этапы становления... Ч. 1*). Не исключал такой возможности и я, пока не ознакомился с набором минейных служб в разных списках Обихода.

⁴² ГИМ, Чертков, № 126F — Новгород, 1433 г.

⁴³ БРАН, 16.14.15; РГБ, Румянц. 273; РНБ, Соф. № 191, 196, 200, 207 — 1439—1443 гг. (комплект новгородского Софийского собора, переписанный по указу архиепископа Евфимия II).

⁴⁴ РГАДА, ф. 381, № 88, 95, 102, 109, 115 (см.: *Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА.* М., 2000. С. 137—140, 146—148, 148, 150—152, 155—157; № 39, 44, 46, 48, 50). О датировке и локализации комплекта см.: там же. С. 138—139, а также: *Лифшиц А. Л.* О центрах книгописания древней Руси: Рукописи XV в. из Переславля-Залесского // *Архив русской истории.* М., 1995. Вып. 6. С. 187—197.

⁴⁵ *Каталог славяно-русских рукописных книг XV в. ...* С. 139; *Мошкова Л. В.* К вопросу о составе переславских миней первой четверти XV в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2006. № 1. С. 64—70.

⁴⁶ См.: Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1970. Т. 1.

⁴⁷ Там же. София, 1972. Т. 3; *Николова С.* Проблемът за пълно издание на кирило-методиевски извори // *КМС.* София, 1986. Кн. 3. С. 14; *Иванова М.* Пространни жития на Кирил и Методий // *КМЕ.* София, 2003. Т. 3. С. 364—383.

⁴⁸ *Наумов Ал.* Службата на св. Кирил Философ в един кирилски ръкопис от Люблин // *Studia Slavico-Byzantina et Medievalia Europensia / Исследования по славяно-византийскому и западноевропейскому средневековью.* Sofia, 1988. Vol. 1 (Посвящ. памяти И. Дуйчева). С. 293—299; *Naumow. Wiara i historia... S. 56; Стойкова А.* Бележки върху историята и структурата на ранните служби за Кирил Философ (По повод на новооткрит молдавски препис) // *КМС.* София, 2000. Кн. 13. С. 216—231. Ссылаясь на мнение описателя кодекса (П. Панаитеску), автор последней публикации считает рукопись молдавской и принимает ее датировку XVII в., однако по приложенному снимку видно, что некаллиграфическое письмо кодекса не имеет ничего общего с почерками молдавских богослужебных книг этого времени (см.: *Турилов А. А.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв. // *Хризограф.* М., 2005. Вып. 2. С. 142—144, 163—165). Список, вероятнее всего, относится к XVI в., хотя не исключена и датировка концом XV столетия.

⁴⁹ См.: *Дзиффер Дж.* Новые данные о традиции и тексте пространного Жития Константина // *Славяноведение.* 1994. № 1. С. 60—66.

⁵⁰ См. примеч. 30.

⁵¹ Само это сочетание в известной степени характеризует сложность картины репертуара русской книжности конца XIV—XV вв.

⁵² В ПС XI—XV (№ 878) она — вслед за описанием славянских пергаменов ГИМ (*Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольищенко В. С.* Описание пергаментных рукописей ГИМ. Ч. 1. Рукописи русские // АЕ за 1964. М., 1965. С. 199) — датируется концом XIV в.

⁵³ О датирующем потенциале тонких киноварных инициалов в восточнославянских рукописях см.: *Неволин Ю. А.* Описание украшений южнославянских и древнерусских иллюминированных рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР // Метод. пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 176.

⁵⁴ Снимок образца почерка (часть страницы с акростихом в успенском трипеснице Константина Преславского) см.: ПЭ. М., 2006. Т. 12. С. 406.

⁵⁵ См.: *Турилов А. А.* Предисловие (Опыт авторецензии) // Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986)». М., 1993. С. 18, 33 (примеч. 49), 36 (примеч. 54); *Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 154—166, 339—340.

⁵⁶ *Кожухаров С.* Песенното творчество на старобългарския книжовник Наум Охридски // Литературна история, 1984, № 12. С. 3—19; *Он же.* Проблеми на старобългарската поезия. София, 2004. Кн. 1. С. 33—34 (далее — *Кожухаров.* Проблеми...).

⁵⁷ *Попов Г.* Следи от распространението на Наумовия канон за св. апостол Андрей // Старобългарска литература. София, 1994. Кн. 28—29. С. 10—22 (далее — *Попов.* Следи...); *Он же.* Канонът за св. апостол Андрей от Наум Охридски в Хлудовия празничен миней № 166 // Пѣти достоитъ: Сборник в памет на С. Кожухаров. София, 2003. С. 15—24 (далее — *Попов.* Канонът за св. апостол Андрей...).

⁵⁸ *Попов.* Следи... С. 13—14.

⁵⁹ *Попов.* Канонът за св. апостол Андрей... С. 20—23.

⁶⁰ *Попов.* Следи... С. 16—20.

⁶¹ *Кожухаров.* Проблеми... С. 40.

⁶² В списке НБКМ, № 163 читается ошибочное: «Егоже» (*Попов.* Следи... С. 18).

⁶³ *Попов.* Следи... С. 22.

⁶⁴ *Мошкова, Турилов.* «Моравские земле велей гражданин»... С. 13; *Попов.* Акростих... С. 46.

⁶⁵ Там же. С. 47.

⁶⁶ Там же. С. 45.

⁶⁷ *Ravič J.* Staroslovenski pjesnički kanon u čast sv. Metodija i njegov autor // Bogoslovska smotra. 1936. Vol. 24. S. 59—86.

⁶⁸ *Костућ Д.* Бугарски епископ Константин — писац Службе св. Методију // Byzantinoslavica. Praha, 1937—1938. Vol. 7. С. 28—38.

⁶⁹ *Попов.* Акростих... С. 39; *Он же.* Химнография... С. 660, 663.

⁷⁰ В то же время данное обстоятельство заставляет с дополнительным скепсисом относиться к реконструкции славянского акростиха в каноне Кириллу Философу, предлагавшей рядом исследователей (Дж. Павич, Т. Крыстанов, Б. Мирчева) в прошлом и настоящем (ср.: *Попов.* Служби за Кирил и Методий... С. 655).

⁷¹ *Кожухаров С.* ПѢТИ ДОСТОИТ АРХИСТРАТИГА (Новооткрыто произведение на Константин Преславски) // Литературознание и фолклористика: В чест на 70-годишнината на акад. П. Динеков. София, 1983. С. 59—62; *Он же.* Проблеми... С. 49—51.

⁷² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893 (репринт: М., 1989). Т. 1. Стлб. 510—511 (только болгарские примеры).

⁷³ См.: *Matejko L'.* K poezii Zlateho veka // Slovensko-bulharske jazykove a literarne vzťahy. Bratislava, 1998. S. 25—31; *Попов.* Акrostих... С. 47.

⁷⁴ Впрочем, другой поздний список (НБКМ, № 163) передает имя мучителя во всех случаях еще более исправно — Югеать (*Попов Г.* Следи... С. 17).

⁷⁵ См.: *Попов.* Из химнографского наследство на Константин Преславски...

⁷⁶ Относительно трипеснца этот факт уже отмечался в недавней работе Г. Попова (*Попов.* Акrostих... С. 40), которому я сообщил о софийском списке. В каноне на Положение ризы и пояса богородичен 8-й песни помещен перед первым ее тропарем, поэтому авторская «подпись» читается здесь как МКЛИЕНТ.

⁷⁷ «Свят оумь собравый славныя оученицы Богородица погребати... (РНБ, Соф. 386); Ёблакъ сбравъ свѣгъы оученикы — *Попов Г.* Из химнографского наследство... С. 23.

⁷⁸ «Инь раи створен...» — Соф. 386; «Таинь раи сътворена еси...» — *Попов.* Из химнографского наследство... С. 23.

⁷⁹ *Мошкова, Турилов.* Неизвестный памятник... С. 24—28.

⁸⁰ *Мошкова, Турилов.* Неизвестный памятник... С. 36. К сожалению, я не имею здесь возможности сравнить новонайденный русский список со вторым сербским, находящимся в пергаменной Минее служебной первой трети XIV в. на июль-август (Сербия, Дечанский монастырь, № 32, л. 80—94). Можно, однако, полагать, что Дечанский список весьма близок к опубликованному хлудовскому, поскольку также помещен на предпразднество Успения, а в 9-й песни тоже исключен третий тропарь (И акrostиха). По составу Дечанская минея № 32 также очень близка к Хлудовской № 156 (в объеме июля-августа), в частности, в обеих рукописях содержится под 24 июля служба Борису и Глебу (см.: *Суботин-Голубовић Т.* Фрагменте службе св. Борису и Глебу у рукопису бр. 32 збирке манастира Дечана // *Јужнословенски филолог.* 1992. Т. 48. С. 121—133. СК XIV. Прилож. 2. С. 628—632, д41)

⁸¹ Ильина книга (Рукопись РГАДА, Тип. 131). М., 2005. С. 612—628.

⁸² *Мошкова, Турилов.* Неизвестный памятник... С. 35.

⁸³ Создание канона предположительно датируется между 885 и 896 гг. (см. там же. С. 31, примеч. 23), т. е. безусловно до принятия Симеоном царского титула.

II

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РУСИ С ЮЖНЫМИ СЛАВЯНАМИ В XII—XIII вв.: «ПЕРВОЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ»

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ У ЮЖНЫХ СЛАВЯН В XII—XIV ВВ. (проблемы и перспективы изучения)

Почти 90 лет назад вышла в свет работа М. Н. Сперанского «К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (русские памятники на юге славянства)»¹. Статья подвела итог длительному периоду накопления однородных научных фактов: сумма их дала автору справедливое основание поставить перед отечественной и мировой славистикой задачу изучения восточнославянского (древнерусского) влияния на болгарскую и сербскую письменность приблизительно до середины XIV столетия (так называемое «первое русское (или восточнославянское) влияние») и в значительной мере определить перспективы такого исследования. За десятилетия, прошедшие с выхода этой статьи, достаточно много сделано в этом направлении (в том числе и самим М. Н. Сперанским²): расширен круг источников, уточнена и дополнена характеристика культурно-исторической и политической ситуации эпохи³, дана справедливая оценка периода как одной из «революций» в истории славянской письменности⁴. При всех успехах в этой области нельзя не отметить значительно меньшую популярность темы у исследователей по сравнению с проблемой «второго южнославянского влияния» (на исследовательский интерес к последней явственно указывает даже факт отрицания этого культурно-исторического феномена)⁵ при том, что их историко-культурная равнозначность, в сущности, никем не оспаривается.

Думается, что главная причина такой неравномерности в изучении различных этапов культурных связей православных славян заключается прежде всего в специфике источниковой базы «первого восточнославянского влияния». Действительно, ни один из этапов русско-южнославянских культурных связей (как предшествующих, так и последующих) не отличается такой скудостью (точнее, полным отсутствием) прямых исторических свидетельств и опорных дат: даже для периода «первого южнославянского влияния» (не говоря уже о «втором» и тем более о восточнославянском влиянии на книжность Болгарии и Сербии в XVI—XVIII вв.) они более многочисленны. Единственное исключение — Рязанская кормчая 1284 г. — никак не меняет общей картины, поскольку отражает обратное (от южных славян на Русь) движение памятников письменности. Собственно, датировка «первого восточнославянского влияния» концом XII — второй четвертью XIII в. исходит в первую очередь из анализа культурно-исторической ситуации на Руси и Балканах: нижнюю грань определяет возрождение болгарской и сербской государственности в последней четверти XII в., послужившее предпосылкой возрождения в широких масштабах национальных культур; верхнюю — монголо-татарское нашествие

1237—1241 гг., нанесшее огромный урон русской культуре и резко ограничившее межславянские культурные контакты.

Корпус южнославянских (в первую очередь сербских) списков древнерусских сочинений и переводов XI — начала XIII в. достаточно четко подразделяется на два хронологических пласта: середина XIII — середина XIV в. для Болгарии и вплоть до начала XV в. для Сербии и западноболгарских областей под властью Сербии и Византии (при том, что следы влияния графики и орфографии восточнославянских рукописей в памятниках, «вернувшихся» с Руси на Балканы (прежде всего Евангелия и Апостолы) отмечаются уже с конца XII в.)⁶; и XVI—XVII вв. Наиболее затруднена датировка появления у южных славян памятников, составляющих этот второй пласт, поэтому в исследованиях эта хронология обычно определяется достаточно широко: XIV—XVI вв.⁷

В принципе возможны три варианта: 1) дошедшие списки XVI—XVII вв. продолжают старую южнославянскую традицию; 2) памятники пришли в болгарскую и сербскую книжность со «вторым восточнославянским влиянием»; 3) компромиссный — памятники могли попасть дважды: в XII—XIII и в XVI—XVII вв. Очевидно, что каждый памятник заслуживает отдельного рассмотрения, но нельзя не отметить следующего: 1) степень преемственности традиции между XIII—XIV и XVI—XVII вв. в этом смысле весьма невелика (причины этого будут рассмотрены ниже): можно ставить вопрос, вероятно, лишь о «Пчеле»⁸, житии и чудесах Николая Чудотворца, толкованиях Никиты Ираклийского на Слова Григория Богослова⁹ и «близнеце» кон. XVI в. — нач. XVII в. (РНБ, Гильф. 42)¹⁰ Берлинского сборника. Во многих же других случаях эти традиции противопоставлены друг другу¹¹. Верхняя хронологическая грань распространения южнославянских (во всяком случае болгарских) списков с древнерусских текстов и рукописей (примерно середина XIV в.) объясняет причину этого дисконтинуитета. Середина и вторая половина XIV столетия в Болгарии (в границах Второго царства) — это время распространения результатов афонско-тырновской sprawy — новых переводов, выполненных в первой половине века, и оригинальных памятников тырновской литературной школы. Здесь (и, по всей видимости, в славянских монастырях Афона) обновление книжного репертуара носило тотальный характер. На достаточно компактной территории государства главные книгописные центры, выступавшие проводниками книжной реформы, были тесно связаны друг с другом и с патриархом, узаконивающим своим авторитетом ее результаты. В таких условиях тексты и кодексы, этих результатов не отражавшие, были практически исключены из процесса тиражирования (в их числе оказались, не говоря уже о древнерусских, и многие памятники литературы и письменности Второго царства XII — начала XIV в.). Очевидно, славянская книжная продукция скрипториев Молдавии XV—XVI вв., как известно, наиболее последовательно отражающая тырновские правописные нормы, столь же последовательна и в отношении репертуара¹².

Значительно более сложная картина наблюдается в Сербии и в западноболгарских (македонских) областях под властью Византии и Сербии. Процесс замены репертуара проходил здесь более медленно и не был столь всеобъемлющим, благодаря чему в сербских и западно-болгарских списках второй половины XIV в. и

позднейшего времени сохранилось значительное число более древних сочинений. В сербских рукописях восточнославянские памятники, относящиеся к древнейшему пласту связей, сохраняются до первой половины XV в. (например, «Послание к брату-столпнику» митрополита Илариона).

Большинство памятников, представленных младшей традицией, имеет свидетельств достаточно позднего появления на славянском юге. Конечно, случай с «Историей иудейской войны» Иосифа Флавия, когда известен и древнерусский архетип сербских списков и время и обстоятельства его появления на Афоне¹³, представляет желанное исключение из правил. Но к сходным выводам приводит и изучение конвоя других памятников. Показателен пример с сочинениями Кирилла Туровского. Цикл его седмичных молитв в южнославянских (сербских) списках XVI—XVII вв.¹⁴ обычно сопровождается акафистом Пресладкому имени Иисусову Франциска Скорина (ок. 1522 г.), при этом не в первоначальной редакции¹⁵. Слово того же Кирилла Туровского на Вознесение встречается на славянском юге только в составе Учительного евангелия патриарха Каллиста (или Филофея Коккина), куда оно попало на восточнославянской почве не ранее XV в.¹⁶ (первое печатное издание — Заблудов, 1569). Единственный известный сербский список Христианской топографии Козьмы Индикоплова сопровождается текстом, переведенным не ранее середины XVI в. («Притча о царе-годе»)¹⁷, кроме того, иллюминация кодекса тесно связана с русской миниатюрой XVI—XVII вв.¹⁸

Эти примеры¹⁹ несомненно свидетельствуют в пользу того, что южнославянские списки XVI—XVII вв.²⁰ древнерусских сочинений и переводов XI—XIII вв. связаны в первую очередь со «вторым восточнославянским влиянием» конца XV — XVIII в. на болгарскую и сербскую культуру. В этом нет ничего неожиданного, поскольку начало этого процесса совпадало с возрождением восточнославянской книжности в XV — первой половине XVI в., захватившим и весь домонгольский репертуар.

Поэтому главным и практически единственным источником для изучения «первого русского влияния» на южнославянскую книжность XII—XIII вв. оказываются болгарские и сербские рукописи XIII—XIV вв. Хронологическое смещение дошедших списков по отношению к породившему их явлению вполне естественно, но безусловно создает дополнительные трудности. Очевидно, что для ряда переводных памятников восточнославянское происхождение архетипа дошедших южнославянских списков не может быть установлено в силу устранения с течением времени (а разрыв может составлять до полутора столетий) следов восточнославянской орфографии. Ситуация противоположна «второму южнославянскому влиянию» в русской книжности (и до некоторой степени — для XVII—XVIII вв. — «второму восточнославянскому влиянию»). Восточнославянская орфография для болгарских и сербских книжников XII—XIV вв. явно не была престижной (в отличие от среднеболгарской для русских в XV—XVI вв.) — в противоположность последней ситуации нет ни одного примера южнославянских рукописей с последовательно выдержанным восточнославянским правописанием. Уместно, по всей видимости, говорить о различии самой модели «влияния», обусловившей и эту разницу в отношении к орфографии. В случае со «вторым южнославянским влиянием» речь идет

в идеале (независимо от того, к каким результатам это привело на деле) о замене старого корпуса «неисправных» текстов с их «невыверженной» орфографией на новоисправленный, с правописанием, освобожденным от ошибок и погрешностей, накопившихся с течением времени (идеальна в этом смысле ситуация с болгарской книжной традицией в Киевской Руси X—XI вв., которая переносится практически на чистое место). Иначе с анализируемой проблемой. Здесь мы сталкиваемся не с заменой корпуса текстов, а с восполнением лакун в уже существующем, вызванных неблагоприятной историко-культурной обстановкой в предшествующий период²¹. При таком отсутствии замены одного корпуса текстов другим нет нужды в сознательной ориентации на орфографию копируемых рукописей, речь может идти лишь об индивидуальных особенностях и склонностях писца (насколько последовательно или, напротив, — свободно относится он к правописанию архетипа). Более того, на раннем этапе связей восточнославянские рукописи XI в. могли даже служить источником архаизации орфографии южнославянских списков, так как они сохраняли в силу консервативности традиции многие правописные особенности своих древнеболгарских архетипов²².

Все это в значительной мере затрудняет выявление южнославянских списков с древнерусских рукописей, содержащих переводные тексты, особенно в тех случаях, когда последние восходят, в свою очередь, к древнеболгарским оригиналам конца IX — X в. К этому следует добавить, что в работах сербских филологов существует достаточно устойчивая традиция объяснять ряд орфографических особенностей, в которых нельзя исключать влияние русского оригинала (смещение Ъ—Е, Ъ—О, гиперкорректные формы типа КАКЪ вместо КАКО, ШТЬ вместо ШТО и т. п.), влиянием, скорее, западно-болгарских (македонских) списков, чем восточнославянских²³. Подобное объяснение не во всех случаях представляется правомерным, особенно когда рукопись (как в случае со сборником попа Драголя, которому посвящены последние две работы) содержит следы влияния не только в языке (сборник Драголя, как известно, содержит список «Притчи о белоризце» Кирилла Туровского)²⁴. Относительно же употребления упомянутых гиперкорректных форм нельзя не согласиться с мнением последнего исследователя языка Иловичской кормчей, что «в памятниках, где не предполагается русское влияние, таких... форм не существует»²⁵.

Вопрос о происхождении каждого из памятников в большинстве случаев следует решать индивидуально (иногда на уровне групп рукописей, содержащих один и тот же текст, например Пролог, иногда на уровне отдельных кодексов, и даже на уровне отдельных текстов в сборниках) с привлечением неязыковых свидетельств (памяти древнерусских святых и праздники в месяцесловах Евангелий и Апостолов, конвой из древнерусских текстов и переводов в сборниках).

Длинный перечень оговорок и ограничений в отношении круга источников по истории русско-южнославянских культурных связей XII—XIII вв. отнюдь не призван утверждать бесперспективность дальнейших поисков в этом направлении. Напротив, вышедшие в последние годы описания южнославянских рукописных книг зарубежных хранилищ и в особенности результаты работы над «Сводным каталогом славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР» (напомним,

что в хранилищах России сосредоточено около трети²⁶ мирового фонда южнославянских рукописных книг XI—XIV вв.), свидетельствуют об обратном. Круг источников может быть не только увеличен количественно (новые списки уже известных текстов), но и значительно расширен (новые тексты). Объем этих дополнений выглядит особенно показательно в сопоставлении с почти исчерпывающей сводкой уже известных памятников, составленной Х. Микласом²⁷. Стоит заметить, что расширение круга источников не меняет оценки характера связей, в полной силе остается тезис М. Н. Сперанского о том, что «перешедшие русские памятники носят характер общехристианско-византийский»²⁸, равно как и его наблюдение о количественном преобладании сербских списков над болгарскими²⁹.

Новые тексты и списки позволяют в ряде случаев уточнить время и обстоятельства появления у южных славян некоторых памятников, в том числе известных ранее (например, «Пчелы»). Нередко они имеют значение и для истории русской литературы, поскольку в южнославянской традиции почти все представлены старшими по сравнению с древнерусскими списками.

Вслед за М. Н. Сперанским вновь выявленные памятники можно разделить на три группы:

- 1) оригинальные древнерусские сочинения;
- 2) восточнославянские переводы;
- 3) списки с восточнославянских рукописей, содержащих тексты, написанные или переведенные в Болгарии (либо созданные в Великой Моравии, но попавшие на Русь через болгарское посредство).

Порядок групп, естественно, не отражает их роли в культурно-историческом обмене, скорее наоборот пропорционален ей.

Известно, что большинство памятников, входящих в первую и вторую группы, дошло в относительно небольшом числе сборников смешанного содержания³⁰, к которым необходимо прибавить сборник М. П. Петровского, находящийся у истоков изучения проблемы³¹. Рукопись выпала из научного оборота на рубеже XIX и XX вв. (в 1899 г. Н. П. Лихачев пользовался ею при составлении филигранологического справочника³², а в 1906 г. Н. К. Никольский уже не знал ее местонахождения³³). Современный ее шифр — БРАН, собр. Текущих поступлений, № 13. Сюда относится также сербский сборник второй половины XIV в. (БРАН, 24.4.20), содержащий «Пчелу»³⁴, но как часть большего кодекса он рассматривается ниже.

К этому перечню можно прибавить следующие рукописи: 1) сербский сборник с Пандектами Никона Черногорца, кон. XIII — нач. XIV в. (РНБ, Q.п.І. 27)³⁵; 2) восходящий к одному протографу с ним также сербский Дечанский сборник (так. наз. «Златая Цепь») втор. пол. (сер.?) XIV в. (РНБ, Ф.п.І. 121 + БРАН, 24.4.23 + БРАН, 24.4.20)³⁶ + НБ Сербии, Рс 708; отрывок из собр. Л. Ковачевича³⁷); 3) средне-болгарский сборник смешанного содержания, около сер. XIV в. (РГАДА, ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина), оп. 1, № 1700³⁸); 4) сербский сборник смешанного содержания третьей четверти XIV в. (НБ Сербии, Рс 26)³⁹, близкий по составу к сборнику БРАН, Тек. пост. 13 и восходящий, вероятно, к одному с ним оригиналу⁴⁰; 5) сербский сборник смешанного содержания первой четверти XV в. (Черногория, м-рь Савина, № 22)⁴¹.

Вся эта группа рукописей требует внимательного изучения с точки зрения состава, поскольку далее изложены лишь первичные результаты наблюдений.

Рассмотрение оригинальных памятников целесообразно начать с новых списков сочинений, уже известных в южнославянской письменности.

1. *Послание брату-столпнику с надписанием «Илариона митрополита Киевского» в заглавии.* Во время М. Н. Сперанского было известно два сербских списка этого памятника: в сборниках М. П. Петровского (БРАН, Тек. пост. 13) и Хиландарском № 455⁴². Сейчас к ним можно прибавить еще два сербских списка — Белградский № 26 и Савинский № 22 (второй известен мне лишь по описанию). Налицо, таким образом, группа старших списков, где автор в заглавии назван митрополитом Киевским. Все известные русские списки текста⁴³ несколько моложе (старший из них пергаменный (РГБ, собр. И. Д. Беляева, № 54 (М.1548), не ранее рубежа XIV—XV вв.) содержит лишь имя автора без титула). При критическом издании текста этим сербским спискам должно быть уделено особое внимание. Авторство митрополита Илариона и даже славянское происхождение текста неоднократно оспаривалось⁴⁴, поэтому нельзя не упомянуть важный аргумент в пользу этого, предложенный Д. М. Буланиным в недавней работе, где он устанавливает принадлежность встречающейся в послании формулы «не бо взрастом в Афине, ни философии учихомся» древнерусской (или, по крайней мере, славянской) авторской топике⁴⁵.

2. *Сочинения Кирилла Туровского* в южнославянских списках древнейшего периода представлены лишь двумя текстами: «Притчей о белоризце» (она же Послание Василию, игумену Печерскому) в Сборнике попа Драголя и «Притчей о слепце и хромце» (в проложной версии) в Берлинском сборнике⁴⁶. Другие тексты этого автора (молитвы, Слово на Вознесение) известны лишь в сербских списках XVI—XVII вв.⁴⁷ и, очевидно, попали туда, как говорилось выше, уже в XVI в., в результате «второго восточнославянского влияния»⁴⁸. Еще один список Притчи о белоризце содержится в уже упоминавшемся болгарском пергаменном сборнике XIV в. — РГАДА, собр. Мазурина, № 1700 (л. 65—71 об.); список, к сожалению, также дефектен⁴⁹, как и в Сборнике попа Драголя⁵⁰ (текст в обоих случаях анонимен).

Однако нельзя исключить для периода XIII—XIV вв. знакомства южнославянских книжников со значительно большим числом сочинений Кирилла. Так, в сборнике типа Триодного торжественника (РНБ, собр. Общества любителей древней письменности (ОЛДП), Ф. 215), датированном первой четвертью XV в., содержится полный цикл из восьми слов-поучений туровского епископа на праздники Цветной Триоди. Хотя рукопись несомненно восточнославянская, она последовательно дает среднеболгарские (тырновские) орфографические нормы (написана «младшим» полууставом). Если бы кодекс относился ко второй половине столетия, это можно было бы объяснить тем, что восточнославянский писец сознательно болгаризировал орфографию; однако для первой четверти XV в. единственным объяснением такого правописания может быть только копирование среднеболгарского оригинала⁵¹.

Значительный интерес представляют также два древнерусских анонимных поучения, до сих пор в контексте русско-южнославянских связей не упоминавшихся.

3. «Предисловие покаянию» (или так называемое «Наставление к иереям с упоминанием изгойства»). Текст дошел в том же болгарском пергаменном сборнике, что и «Притча о белоризце» (ЦГАДА, ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина), оп. 1, № 1700, л. 29—36 об.)⁵², к сожалению, с небольшой утратой в начале (заглавие приведено по русским спискам). Памятник представляет архиерейское поучение священнику о необходимости сопровождать покаяние праведной жизнью⁵³. Большое место занимает обличение социальных пороков, среди которых особое негодование автора вызывает взимание «изгойства» — платы за освобождение потомков холопов. Памятник, датируемый исследователями не позднее XII—XIII вв.⁵⁴, издавался по нескольким русским спискам⁵⁵. Все они относятся к более позднему времени (старшие в известных псковском Трифоновском (РНБ, Софийское собр., № 1262, не ранее рубежа XIV—XV вв.⁵⁶) и новгородском Паисиевском (там же, Кирилло-Белозерское собр., № 4 /1081; перв. четв. XV в.) сборниках). Мазуринский список не совпадает ни с одним из опубликованных последовательно, отражая, по всей видимости, более ранний этап истории текста.

4. «Слово от Апостола» («Не пушае небо дъждь»). Текст, помещенный под этим заголовком в сербском сборнике БАН. 24.4.20 вслед за «Пчелой», исследованной⁵⁷ М. Н. Сперанским, соответствует тексту двух поучений, известных в русских списках XIV—XVI вв. с именем «отца Моисея» в заглавии: 1) «О безвременном пьянстве»; 2) «О ротах и клятвах»⁵⁸. Отличие сербского списка заключается в том, что эти тексты здесь даны в обратной последовательности, как единое анонимное поучение. Их связывает между собой небольшой фрагмент, повествующий «яко без вины поробочивают человеки», и так же как «Предисловие покаянию» (но без текстологических совпадений), обличающий взимание изгойства. В тексте встречается лексический новгородизм для обозначения ростовщических процентов («резоимание, рекше намы»)⁵⁹.

Относительно датировки и авторства памятника в литературе (на материале русских списков) существуют две точки зрения: А. И. Соболевский приписывал поучение игумену новгородского Антониева монастыря, умершему в 1187 г.⁶⁰, А. Н. Попов⁶¹ и Н. М. Гальковский⁶² — архиепископу, умершему в 1362 г. Если сербский список XIV в. (около середины) ничего не дает для определения авторства, то, несомненно, полностью исключает вторую атрибуцию⁶³.

Ряд новых фактов можно указать и для восточнославянских переводов в южнославянской традиции.

1. «Пчела»⁶⁴. Кроме списка, исследованного⁶⁵ М. Н. Сперанским по сборнику БРАН. 24.2.20, существуют по крайней мере еще два древних фрагмента, также сербского извода. Первый из них находится в той же рукописи, что и изданный, но в основной ее части — РНБ, Ф.п.І.121, л. 178 об.⁶⁶ Это небольшая выборка без заглавия, содержащая 7⁶⁷ изречений античных мудрецов из разных глав (9, 10, 15, 17, 20, 27, 51)⁶⁸ в том же переводе, что и основной текст⁶⁹. Более существенно, что та же самая выборка содержится в пергаменном сборнике рубежа XIII—XIV вв. — РНБ, Q.п.І.27, л. 160 об. — 161 об.⁷⁰ (состав рукописи не оставляет сомнений, что они восходят к общему протографу, причем дефектному)⁷¹. Это древнейший из-

вестный фрагмент «Пчелы», но, как будет показано ниже, он отражает уже достаточно длительное бытование текста у южных славян.

2. *Житие Андрея Юродивого*. До недавнего времени были известны лишь фрагменты древнерусского перевода текста в сербских списках XVI—XVII вв.⁷² Имеется, однако, фрагмент значительно более раннего времени — в том же сербском пергаменном сборнике второй половины (третьей четверти) XIV в. (БРАН. 24.4.23, л. 1—5), не совпадающий по содержанию с позднейшими. В заголовке текст приписан Иоанну Златоусту (слово *стааго ювана златоустааго ш кончинѣ и антихрьсть. нзь андрек*). Как фрагмент жития он атрибутирован О. П. Лихачевой⁷³, редакция перевода в определена А. М. Молдованом⁷⁴, исследовавшим судьбу памятника на славянской почве. В настоящее время невозможно ответить однозначно — была ли эта выборка сделана на славянском юге из полного текста жития или попала туда как готовое сочинение. Как и в случае с «Пчелой», список XIV в. отражает уже длительное бытование памятника у южных славян, к которым он попал, очевидно, не позднее первой трети XIII в., скорее всего через Афон.

3. *Пандекты Никона Черногорца* в древнейшем переводе. Вопрос о его происхождении имеет большое значение для истории межславянских культурных связей, так как эта компиляция послужила источником многих сборников на восточнославянской почве: достаточно назвать Пролог Константина Мокисийского пространной редакции, Мерило Праведное, Златую Цепь, Измарагд⁷⁵, не говоря уже о включении отдельных статей в сборники смешанного содержания. Долгое время памятник был известен исследователям только в древнерусских списках (хотя еще в 1869 г. появилось краткое известие о сербском⁷⁶). Ярко выраженная восточнославянская лексика перевода⁷⁷ дала основание считать его древнерусским; И. И. Срезневский широко использовал его в своих «Материалах для словаря».

В наше время А. В. Поппэ и Р. Павловой⁷⁸ было высказано мнение, что этот перевод был выполнен у южных славян (точнее, в Болгарии); ввиду нерусских различий в разных списках памятника осторожно относиться к гипотезе Срезневского призывает Й. Райнхарт⁷⁹.

Как же обстоит дело с памятником в обеих ветвях славянской традиции? Относительно полных древнерусских списков до XV в. (когда текст был вытеснен позднейшими редакциями) известно 7, не считая отрывков⁸⁰. Уже И. И. Срезневский пользовался тремя: Ярославским начала XIII в. (ЯМЗ № 15583⁸¹), Синодальным (ГИМ, Син. 836) 1296 г.⁸² и Чудовским конца XIV в. (ГИМ, Чуд. 16). Позднее к ним прибавились Синайский XIII в. (РНБ, Греч., № 70⁸³, л. 54—98 об., главы 29—41), Погодинский конца XIV в. (РНБ, Пог., № 267⁸⁴, л. 154—396; главы 1—35), Ярославский 2-й (ЯМЗ, № 15606) рубежа XIV—XV вв.⁸⁵ и в последнее время Мазуринский (ЦГАДА, ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина), оп. 1, № 1698) рубежа XIII—XIV вв.⁸⁶ и практически неизученный Музейский (ГИМ, № 3449), первой половины XIV столетия⁸⁷.

Однако и южнославянская (сербская) традиция представлена достаточно древними списками (так что можно удивляться столь длительному невниманию к ним). Это списки: Хиландарский № 175 конца XIII в.⁸⁸, Плевльский (м-рь Троицы близ Плевля № 87 + (РНБ, Гильф. 78), в XIX в. находившийся в Грачанице⁸⁹, и Лобанов-

ский (РНБ, Q.п.I.27), ошибочно фигурирующий в литературе как сборник слов и поучений⁹⁰ — оба рубежа XIII—XIV вв. Второй половиной (третьей четвертью) XIV в. датируется Дечанский список (РНБ, Ф.п.I.121), не вполне точно именуемый «Златой цепью»⁹¹. Кроме того, отрывок памятника (2 л.) в списке рубежа XIII—XIV вв. использован в качестве защитных листов богослужебного сборника (ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 114)⁹².

Разумеется, количество списков и даже их возраст не могут служить решительным аргументом в вопросе о происхождении перевода. Время перевода свидетельствует, скорее, в пользу традиционной точки зрения: он возник между серединой XI и концом XII в. (напомню, что Ярославский список датируется самым началом следующего столетия и свободен от южнославянизмов в орфографии), т. е. в самый неблагоприятный для славянской культуры на Балканах период. Конечно, нельзя смешивать языковую принадлежность переводчика и место выполнения перевода — это мог быть и Афон или Константинополь (в этом случае возможно и сотрудничество славян-переводчиков разных национальностей, как это предполагал М. Н. Сперанский для Пролога Константина Мокисийского).

Возможно, в будущем внимательное исследование орфографии сербских списков Пандектов позволит выявить какие-то следы восточнославянского оригинала (на многое, учитывая дату списков, в этом отношении рассчитывать не приходится). Разница в лексическом составе может быть истолкована в пользу любой из двух версий. Вероятно, решающее значение имеет здесь принцип замены. Очевидно, что наличие в переводном славянском памятнике лексики с ярко выраженной принадлежностью к восточнославянскому или южнославянскому ареалу в последнем случае (дифференциация на болгаризмы и сербизмы либо «общеюжнославянский книжный язык»⁹³) может иметь три объяснения:

- 1) перевод выполнен южным (восточным) славянином;
- 2) перевод отредактирован южным (восточным) славянином, заменившим ярко выраженную восточнославянскую лексику на южнославянскую (либо наоборот);
- 3) переводчик использует чуждую, но престижную для него лексику.

Языковая правка может носить и сглаживающий характер, с заменой русизмов (южнославянизмов) усредненной «общецерковнославянской» лексикой. Почти невозможно представить обратное — замену нейтральной лексики национально окрашенной (если только речь не идет о правке древнего перевода в позднейшее время). Сербские списки Пандектов (насколько могу судить по спискам РНБ, Q.п.I.27 и Ф.п.I.121) сравнительно с русскими отличает такая нейтральность лексики (замена типа «цепь» — «верига»), что, вероятно, служит свидетельством их вторичности по отношению к последним.

Сербские списки неоднородны по составу. Хиландарский содержит первые 32 главы, Плевальский, вероятно, 57 (существующие описания не позволяют судить об этом с уверенностью), Лобановский и Дечанский содержат сокращенную редакцию в 45 главах (главы 1—38, 51—57 — так называемая «Златая цепь»), Лобановский список отражает начальный этап данной редакции — главы здесь выброшены, но нумерация не смещена, и общее число глав в конце указано 57.

Эту редакцию сопровождает целый сборник дополнений, почти целиком сохранившийся в Дечанском списке (в Лобановском из-за утраты конца кодекса осталось лишь начало, но здесь часть этого конвоя помещена между главами 8 и 9 самих Пандектов — л. 27 об. — 28 об., 137—138). Этот конвой мыслится как органическое продолжение Пандектов — в Дечанском сборнике (БАН, 24.4.20) оглавление Пандектов помещено после дополнительных статей (в Лобановском отсутствует из-за утраты конца кодекса). Входили ли дополнительные статьи в оглавление, с уверенностью сказать нельзя — оно обрывается на 37-й главе. О русских текстах и переводах в составе сборника достаточно сказано выше. Едва ли их наличие в конвое Пандектов случайно.

Однако было бы поспешно считать архетип Лобановского и Дечанского сборников просто списком с русского оригинала. Напомним, что по крайней мере для «Пчелы» в литературе отмечено болгарское посредство⁹⁴. Небольшой текст в составе обоих кодексов, явно восходящий к их архетипу, позволяет уточнить ряд моментов в истории бытования у южных славян содержащихся в этих рукописях древнерусских памятников. Это *Снѣ слово кроудѣ снхъ кннгъ ѿ стѣе горы нѣкояго велнкааго старца. въ прѣпо(д)бньнхъ Ншакнида свѣтованик. къ Спиридоноу нгоуденоу велнкнѣ лавры стѣкѣ бѣе въ Стоуденци [Стоуденици]. нидѣ же оуставлено вы(с) снѣ здѣ. ндоуше снѣцѣ (Лоб. л. 27 об. — 28 об.; Деч. л. 175 об. — 176 об.)*. Текст представляет наставление монашествующим, и с ним, вероятно, связаны следующие далее выписки канонического содержания (Лоб. л. 28 об., 137 об. — 138⁹⁵; Деч. л. 176 об. — 177 об.⁹⁶).

Исторические реалии в тексте «советования» отсутствуют, но по крайней мере одно из имен может быть истолковано однозначно. Спиридон известен как адресат послания св. Саввы Сербского из второго путешествия в Святую землю в 1234 г.⁹⁷, игуменом (архимандритом) Студеницы он стал не ранее 1217 г., когда Савва вернулся на Афон. Пытаясь персонифицировать автора «советования», мы полностью переходим в область гипотез. Если придерживаться тезиса о славянском происхождении Иоакима, то в круге современников Саввы можно указать авторитетного агиорита с таким именем — первого тырновского патриарха (с 1235 г.). В этом случае поставление следует датировать не позднее 1220-х гг., т. к. согласно житию Иоакима⁹⁸ уже в начале царствования Иоанна Асеня II (1217—1241) отшельник с учениками переселился с Афона на Дунай. Такому отождествлению, кажется, ничто не противоречит (можно привести даже косвенные аргументы «за» — уже упоминавшиеся следы болгарской орфографии в «Пчеле»). В целом, роль Спиридона⁹⁹ в формировании протографа Лобановского и Дечанского сборников (нидѣ же оуставлено здѣ), место создания кодекса (Афон или Студеница) и состав конвоя¹⁰⁰ требуют самого внимательного исследования. Однако уже теперь ясно, что древнерусские сочинения и переводы, входящие в этот протограф, получили известность у южных славян не позднее первой трети XIII в. Можно также предполагать, что текст Пандектов Никона Черногорца (независимо от происхождения перевода) был в это время достаточной новинкой на Балканах.

Корпус текстов, созданных южными славянами или бытовавших у них в древнейшее время, а затем вернувшихся на Балканы через русское посредство, особенно сложен для выявления (за исключением, может быть, Евангелий и Апостолов, содер-

жащих памяти древнерусских святых в месяцеслове), однако и здесь можно указать новые памятники.

1. *Пространное житие Константина-Кирилла*. Обстоятельные исследования рукописной традиции и текстологии памятника, предпринятые в последнее время итальянским славистом Дж. Дзиффером, убедительно показали зависимость сохранившихся южнославянских списков от архетипа групп восточнославянских¹⁰¹. Тот же вывод, очевидно, можно сделать и в отношении Похвального слова Кириллу и Мефодию, вторичность южнославянских списков которого по отношению к древнерусским уже отмечалась исследователями¹⁰².

2. *Сказание инока Христофула о чудесах великомученика Георгия* («Сказание о железном кресте»). С достаточной степенью уверенности можно полагать, что три чуда этого болгаро-византийского цикла начала X в.¹⁰³ («О кресте и болгарине», «О жене» и «О пастухе, укушенном змеею»), содержащиеся в сербском (с болгаризмами) списке конца XIV в. Пролога Константина Мокисийского (Библиотека Болгарской АН, № 73¹⁰⁴), были включены в него на русской почве. Список (не учтенный в перечне Х. Микласа) содержит также житие княгини Ольги. Практика включения на южнославянской почве дополнительных текстов в Пролог (кроме житий местных святых) неизвестна, тогда как в русских списках различные комбинации отдельных повестей сказания в Прологе распространены очень широко¹⁰⁵. После обнаружения полного текста цикла, известного только в восточнославянских рукописях XIV—XVI вв.¹⁰⁶, ясно, что именно к нему восходят особенности болгарского текста, прежде считавшиеся индивидуальными¹⁰⁷.

Можно существенно пополнить и перечень болгарских и сербских списков Евангелий и Апостолов, в месяцесловах которых содержатся памяти русским святым и праздникам (Борису и Глебу, Феодосию Печерскому, перенесению мощей Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари, а в исключительно редких случаях также Покрову и освящению Софийского собора в Киеве)¹⁰⁸.

Еще для одной рукописи начала XIV в. (Евангелие тетр и Апостол — НБ Сербии, Рс 643) описатели отмечают следы русизмов в орфографии¹⁰⁹; русские памяти в месяцеслове не отмечены.

В то же время необходимо исключить из числа примеров болгарских списков с русского оригинала ставший, по сути, уже хрестоматийным¹¹⁰ — Евангелие Мемнона-книгописца (БАН, 11.9.7 / Доброхот. 26), так как в реальности это, напротив, русский (очевидно, московский) список первой трети XV в. с тырновского оригинала¹¹¹.

Таков далеко не полный перечень новых памятников и списков, имеющих непосредственное отношение к проблеме русско-южнославянских культурных связей XII—XIII вв. Вполне возможно, что дополнения к нему могут быть сделаны даже на материале тех сборников, о которых уже шла речь выше: в этом смысле особого внимания заслуживает компиляция, родственная Изборнику 1076 г., в сборниках с посланием митрополита Илариона¹¹², флорилегии в Мазуринском сборнике¹¹³, «Слово о немечком прельщении» в Дечанском сборнике при Пандектах Никона Черногорца¹¹⁴ и ряд других. Но уже из приведенных в работе примеров видно, сколь значительный круг источников по проблеме остается неизученным. Даль-

нейшие исследования, вероятно, более четко обозначат дисконтинуитет традиции древнейших восточнославянских памятников в южнославянской книжности XII—XIV и XVI—XVII вв., возникший в результате афонско-тырновской книжной sprawy XIV в. Хотя новый материал продолжает оставаться в рамках характеристики, предложенной М. Н. Сперанским¹⁵, с его накоплением она уточняется, усложняется, обогащается деталями, что позволяет более полно оценить масштабы самого явления.

Примечания

¹ *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и югославянской литератур // *Сперанский.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 7—54 (далее — *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений...). (1-е изд.: ИОРЯС. Пг., 1921—1923. Т. 26. С. 143—206). Ссылки даются на 2-е изд.

² *Сперанский М. Н.* Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV—XVI вв. // Там же. С. 55—103 (далее — *Сперанский.* Русские памятники письменности...).

³ Библиографию работ см.: *Miklas H.* Kyryllomethodianisches und nachkyryllomethodianisches Erbe im ersten ostslavische Einflüss auf die südslavische Literature // Simposium Methodianum: Beiträge des Internationalen Tagung in Regensburg zum Gedänken an den 1100 Togestag des heiligens Method. Neurid, 1988 (= *Selekta Slavica* 13). S. 437—471 (далее — *Miklas.* Kyryllomethodianisches und nachkyryllomethodianisches Erbe...); Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 162—167, 170—171 (далее — ПЭ).

⁴ *Мошин В.* Революције у историји старог српског правописа // Библиотекар. 1964. Бр. 6. С. 465—470; *Мошин В. А.* Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1973. Вып. 1. С. 43—44.

⁵ *Жуковская Л. П.* О втором южнославянском влиянии // *Slavishe Sprache.* Salzburg; Wien, 1982. Т. 1. S. 131—144. См. также список ее работ — Записки Отдела рукописей (ГБЛ). М., 1990. Вып. 49. С. 253—262, № 161—163, 167, 202, 211, 214, 216).

⁶ *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рожд. В. А. Мошина (1894—1987). СПб., 1998. (1-е изд. — ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 28—106; 3-е изд. — Из истории русской культуры: Статьи по истории и типологии русской культуры. М., 2002. Т. 2. Кн. 1 (Киевская и Московская Русь). С. 805—887; всему этому предшествовало издание на сербско-хорватском языке: *Mošin V.* O periodizaciji rusko-južnoslovenskih književnih veza // *Slovo.* Zagreb, 1962. Br. 11—12. S. 13—130). С. 68, 70—75 (следует учитывать, однако, что предлагаемые автором датировки ряда болгарских рукописей — например, Погодинской Псалтыри, Жеравненской Триоди (именуемой им Уставом), нуждаются в существенной корректировке — ср.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984 (далее — СК XI—XIII), соответственно, № 387 и 405—410); *Богдановић Д.* Развој ћирилског писма у Србије до XV в. // Славянска палеографија и дипломатика. Софија, 1985. Вып. 2 (То же // *Богдановић Д.* Студије из српске средњовековне књижевности. Београд, 1997. С. 128—166; ссылки на 1-е изд.). С. 64—66.

⁷ См., к примеру: *Сперанский.* Русские памятники письменности... С. 55—103; *Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусские литературные памятники в южнославянской письменности // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 3—27 (далее — *Адрианова-Перетц.* Древнерусские

литературные памятники...); *Ангелов Б. Ст.* О русско-болгарских связях в XV—XVII вв. // Советское славяноведение. 1968. № 2. С. 52—64; *Он же.* Из историята на русско-български литературни връзки. София, 1972. С. 71—135 (далее — *Ангелов.* Из историята...).

⁸ *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений... С. 42—44; *Пичхадзе А. А.* Древнерусский перевод «Пчелы» (далее — *Пичхадзе.* Древнерусский перевод...) // «Пчела». Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева (далее — «Пчела»). М., 2008. С. 12—13.

⁹ *Сперанский.* Русские памятники письменности... С. 58, 97.

¹⁰ *Сперанский.* К истории взаимоотношений... С. 21. Рукопись использована в новейших изданиях Берлинского сборника — факсимильного (Berlinski sbornik / Eingeleitet und herausgegeben mit Ergänzungen aus weiteren Quellen von H. Miklas. Graz, 1988) и наборном (*Миклас Х., Тасева Л., Йовчева М.* Берлински сборник: Старобългарски книжовен паметник от началото на XIV в. с допълнението по други ръкописи. София; Wien, 2006) — для восполнения утрат основного списка нач. XIV в. В первом издании статьи я неудачно характеризовал этот кодекс как «болгарскую копию» Берлинского сборника, хотя в реальности речь идет о сербском списке со среднеболгарской рукописи, послужившей общим оригиналом для обеих сербских.

¹¹ Ср. набор текстов первого (*Сперанский.* К истории взаимоотношений... С. 15—54; *Miklas.* Kyrrillomethodianisches und nachkyrrillomethodianisches Erbe... S. 443—447; ПЭ. Т. 16. С. 163—164) и второго (*Сперанский.* Русские памятники письменности... С. 55—103; *Адрианова-Перетц.* Древнерусские литературные памятники... С. 3—27; *Ангелов.* Из историята... С. 71—135; ПЭ. Т. 16. С. 168—169) «восточнославянских влияний».

¹² См.: *Паскаль А. Д.* Источники по истории славяно-молдавской книжности XV—XVI вв. (по материалам Москвы и Ленинграда): Автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 1991. С. 10—20; *Турилов А. А.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв. // Хризограф. М., 2005. Вып. 2 С. 141—142, 161 (см. также настоящий сборник) (далее — *Турилов.* Критерии...).

¹³ *Ангелов Б. Ст.* Иосиф Флавий в южнославянских литературах // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 255—261 (то же // *Ангелов.* Из историята... С. 127—135).

¹⁴ См.: *Николова Св.* Кирил Туровски и южнославянската книжнина. Ч. 2 (Кирил Туровски в южнославянската книжнина) // Palaeobulgarica. 1988. № 3. С. 38—51 (далее — *Николова.* Кирил Туровски...).

¹⁵ См.: Франциск Скарына і яго час / Энциклапедычны даведнік. Мінск, 1988. С. 304; *Турилов А. А.* Новые списки гимнографических сочинений Скорины // Франциск Скорина — белорусский гуманист, просветитель, первопечатник. Минск, 1989. С. 91—96.

¹⁶ История распространения памятника должно если не предшествовать, то сопутствовать изучению его рукописной традиции в составе Учительного Евангелия на Руси в XV—XVI вв. Старшие (пергаменные) восточнославянские списки Учительного Евангелия (ГИМ, Чудовское собр., № 21, кон. XIV (?) — нач. XV в.; РГАДА, ф. 357 (собр. Саровской пустыни), оп. 1, № 2, нач. XV в.) слова Кирилла еще не содержат (см.: *Творогов О. В.* Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв. (статья первая) // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 202, 203 (№ 13, 18); Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА / Сост. И. Л. Жучкова, Л. В. Мошкова, А. А. Турилов. М., 2000. С. 259—265, № 92). Не являются редкостью и более поздние русские списки этого гомилярия без этого слова в составе (см., например: Там же. С. 74—86, № 19—20 — РГАДА, ф. 181 (собр. РО МГАМИД), № 779 (1464—1465 гг.), ф. 381 (РО библиотеки Синодальной типографии), № 205 — кон. XV в.).

¹⁷ В действительности, не ранее середины XVI в. следует датировать появление этой притчи как отдельного текста. Как установлено в последнее время, памятник представ-

ляет извлечение из перевода календарного сочинения Гийома Дюрана (Вильгельма Дурандеса), выполненного с латинского языка в 1492 г. в Новгороде в кружке архиепископа Геннадия (см.: *Романова А. А.* Состав и редакции «Предисловия святцам» // *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность.* СПб., 2000. Вып. 3 (Редактор и текст). С. 164—206; *Она же.* Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. СПб., 2002. С. 266—272). Впрочем, для нашей темы это уточнение принципиального значения не имеет.

¹⁸ *Јагић В.* Козма Индикоплов по српском рукопису 1649 год // *Споменик СКА.* Београд, 1922. Књ. 44/2. С. 1—39; *Моле В.* Минијатуре једног српског рукописа из године 1648 са Шестодневом бугарског ексарха Јоана и Топографијом Козме Индикоплова // Там же. С. 40—87; *Петковић С.* Руски утицај на српско сликарство XVI и XVII века // *Старинар.* Београд, 1961. Нова серија. Књ. 12. С. 103—104.

¹⁹ Более полный перечень их см.: *Турилов А. А.* Памятники письменности восточных славян в южнославянской рукописной традиции XIII—XIV вв. // *Информационный бюллетень МАИРСК.* М., 1991. Вып. 25. С. 87—97 (далее — *Турилов.* Памятники письменности...); ПЭ. М., 2007. Т. 16. С. 168—169.

²⁰ В первом издании здесь были пропущены слова «XVI—XVII вв.», что исказило смысл фразы.

²¹ Подробнее о положении славянской письменности в условиях византийского владычества см.: *Мошин.* О периодизации... С. 49—51, 54—60; ср.: *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000 (2-е изд. — 2004). С. 94—162.

²² О тенденциях в орфографии древнерусских рукописей XII в. см.: *Успенский Б. А.* Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983 (IX Междунар. съезд славистов. Доклады); *Он же.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е, испр. и доп. изд. М., 2004. С. 35—268; *Живов В. М.* Восточнославянское правописание XI—XIII вв. М., 2006. С. 9—130, 151—177, 282—287. Здесь напрашивается параллель со «вторым восточнославянским влиянием», в особенности XVI в., когда к южным славянам приходили восточнославянские рукописи (в том числе и оригинальные тексты) с сильно болгаризированной орфографией, широко распространившейся к концу XV в. как в Московской Руси, так и на Украине и в Белоруссии. Восприятие южными славянами восточнославянских орфографических норм как целостной системы относится уже к периоду широкого распространения печатной продукции московских и украинских типографий.

²³ См., к примеру: *Богдановић Д.* Српска прерада Козмине беседе у Зборнику попа Драгоља // *Балканика.* Београд, 1976. Књ. VII. С. 61—90; *Штављанин-Ђорђевић Љ.* «Русизми» у зборнику попа Драгоља? // *Зборник Владимира Мошина.* Београд, 1977. С. 129—132 (ср.: *Белић А.* Учешће св. Саве и његове школе у стварању нове редакције српских ћирилских споменика // *Светосавски Зборник.* Београд, 1936. Књ. 1 (Расправе). С. 255). Как пример доведения подобной тенденции до крайности можно указать описание Четвероевангелия второй четверти XVI в. в собрании Библиотеки Матицы Сербской в Новом Саде, № PP IV 3 (Ћирилске рукописне књиге Библиотеке Матице Српске. Нови Сад, 1988. Књ. 1 (Јеванђеља). С. 33—35, № 10) как македонской рукописи. Между тем кодекс написан характерным «молдавским» полууставом (см. снимок в приложении к каталогу), типичным и для украинских рукописей XVI в. (см.: *Турилов.* Критерии... С. 143—144, 165). И, что не менее важно, на бумаге, изготовленной в Польше или Великом княжестве Литовском (один из водяных знаков — польский герб «Одрвонж»). В XVI в. уже наблюдается четкое разделение в употреблении бумаги: французская и немецкая в северной Европе, итальянская в южной. Польская

же, кроме того, была неконкурентоспособна на внешнем рынке (кроме Московской Руси и отчасти Молдавии). В то же время все «македонизмы» орфографии новосадского кодекса, приведенные в описании, легко могут быть объяснены и как восточнославянизмы.

²⁴ *Сперанский*. К истории взаимоотношений... С. 25—26. Подробное описание рукописи (Белград, НБС, Рс 651) см.: *Штавьанин-Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Цернић Л.* Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Београд, 1986. Књ. 1. С. 355—361, № 167 (далее — *Штавьанин-Ђорђевић. и др.* Опис...).

²⁵ *Райнхарт Й.* Восточнославянское влияние в древнесербской Кормчей. Вена, 1983. Отд. оттиск (Венские доклады к IX Междунар. съезду славистов). С. 13 (далее — *Райнхарт*. Восточнославянское влияние...).

²⁶ В первом издании статьи здесь фигурировала цифра 40%. Однако с учетом многочисленных атрибуций отрывков южнославянских рукописей, находящихся в разных хранилищах (и в том числе бывшего СССР) ее целесообразно уменьшить.

²⁷ *Miklas.* Kyrillomethodianisches und nachkyrillomethodianisches Erbe... S. 456—469.

²⁸ *Сперанский*. К истории взаимоотношений... С. 53.

²⁹ Там же. С. 13—14.

³⁰ См.: *Miklas.* Kyrillomethodianisches und nachkyrillomethodianisches Erbe... S. 460—461, Н 1—5.

³¹ *Петровский М. П.* Поучение, приписываемое Илариону, митрополиту Киевскому // Учен. зап. Казанского имп. университета. Казань, 1865. Т. 1. С. 57—79. (далее — *Петровский*. Поучение...).

³² *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. 260.

³³ *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X—XI вв.: Корректированное издание. СПб., 1906. С. 94. (далее — *Никольский*. Материалы для повременного списка...).

³⁴ *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности / Исследования и тексты. М., 1904. С. 338—340 (далее — *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений...); *Он же.* К истории взаимоотношений... С. 42—44. Постатейное описание рукописи см.: Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. Л., 1976. С. 174—175. (далее — Пергаменные рукописи БАН...).

³⁵ Описание рукописи см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV в., хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. М., 2002. Вып. 1 (далее — СК XIV). Прилож. 2. С. 679—681, № д47.

³⁶ Отождествление частей — Л. Цернич (*Цернић Л.* Нека запажања о српским рукописима у збиркама Лењинграда // Археографски прилози. Београд, 1980. Бр. 2. С. 361, № 7). Постатейное описание фрагментов БРАН — Пергаменные рукописи БАН... С. 173—175.

³⁷ Краткое описание отрывка см.: *Јовановић-Стипчевић Б.* Средњовековно писање наслеђе у заоставштини Љубомира Ковачевића // Археографски прилози. Београд, 1988—1989. Бр. 10—11. С. 75. Отождествление фрагмента с петербургским кодексом — Б. Йованович-Стипчевич, Л. Цернич и автора этих строк.

³⁸ Описание рукописи см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА / Сост. О. А. Князевская, Н. С. Коваль, О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова. М., 1988. Ч. 2 (далее — Каталог XI—XIV вв. ЦГАДА...). С. 302—305, № 154. Памятнику посвящена достаточно значительная литература — см., к примеру: *Богданович Д., Милтенова А.* Апокрифный сборник от манастир Савина в сравнение с други подобни южнославянски ръкописи // Археографски прилози. Београд, 1987. Бр. 9. С. 20 (№ 2), 29 (примеч. 39);

Николова. Кирил Туровски... С. 39; Она же. Повестта «Стефанит и Ихнилат» в българската средновековна литература и книжнина // *Palaeobulgarica*, 1990, № . С. 34—39 (на с. 35 дан образец почерка); Турилов. Памятники письменности... С. 91, 96, примеч. 29, 30).

³⁹ *Штавьанин-Ђорђевић и др.* Опис... С. 35—42, № 27.

⁴⁰ В первом издании статьи я допускал возможность того, что сборник БРАН, Тек. пост. 13 может восходить к белградской рукописи, исходя из датировки сборника Петровского рубежом XIV—XV вв. у Н. П. Лихачева (см. примеч. 32). Однако в настоящее время это предположение должно быть отклонено, и не только в силу того, что совпадение состава рукописей неполное. По уточненным данным рукописи БРАН современна белградскому кодексу (третья четверть XIV в.) — см.: *Сергеев А. Г.* Атрибуция некоторых сербских рукописей XIV в. из собрания БАН // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона / Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2008. С. 167—168.

⁴¹ *Богдановић Д.* Инвентар рукописа манастира Савина // *Медаковић Д.* Манастир Савина. Београд, 1978. С. 93.

⁴² *Петровский.* Поучение... С. 57—79; *Туницкий Н. Л.* Хиландарский отрывок «Слова к брату столпнику с именем Илариона, митрополита Киевского» // Сб. статей в память 100-летия Московской духовной академии. Сергиев Посад, 1916. Ч. 1. С. 376—382; *Сперанский.* К истории взаимоотношений... С. 16—19.

⁴³ Наиболее полный перечень их см.: *Никольский.* Материалы для повременного списка... С. 93—100.

⁴⁴ Обзор мнений см.: Там же. С. 91—93; ср. также: *Алексеев А. И.* «Наказание к отрещившимся от мира» Илариона Великого в контексте полемики о монастырском «стяжании» XVI в. // *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность.* СПб., 2000. Вып. 3 (Редактор и текст). С. 16—24.

⁴⁵ *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. Мюнхен, 1991. С. 242.

⁴⁶ *Сперанский.* К истории взаимоотношений... С. 25—28. В последнее время, впрочем, убедительно, на мой взгляд, показано, что проложная версия «Притчи о слепце и хромце» первична по отношению к слову Кирилла Туровского и является его источником (см.: *Сон Джон Со.* Еще раз о соотношении двух древнерусских редакций Притчи о слепце и хромце (Проложная статья и Слово Кирилла Туровского) // *ТОДРЛ.* СПб., 2003. Т. 54. С. 390—401).

⁴⁷ *Николова.* Кирил Туровски... С. 38—51; *Рогачевская Е.* Цикл молитв Кирилла Туровского в южнославянских рукописях, хранящихся в Болгарии // *Palaeobulgarica.* 1996. № 3. С. 76—79.

⁴⁸ См. выше, а также: *Турилов.* Памятники письменности... С. 91, 96; ПЭ. М., 2007. Т. 16. С. 169.

⁴⁹ Каталог XI—XIV вв. ЦГАДА... С. 303, 304.

⁵⁰ *Соколов М. И.* Некоторые произведения Кирилла Туровского в сербских списках // *Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества.* М., 1902. Кн. 3. С. 223—234; *Штавьанин-Ђорђевић и др.* Опис... С. 358.

⁵¹ В настоящее время автор, напротив, считает более убедительным объяснение именно о сознательной болгаризации орфографии списка русским писцом и исключает триодный цикл слов Кирилла Туровского из корпуса текстов, связанных с «первым восточнославянским влиянием». Примеры такой болгаризации правописания для рассматриваемого времени, по всей вероятности, немногочисленны, но они имеются. Достаточно вспомнить датированный 1410-ми гг. список Кормчей русской редакции (т. е. памятника, заведомо отсутствующего в южнославянской традиции) РНБ, Q.П.49 с достаточно последовательной

(регулярно употребляется «юс большой») среднеболгарской орфографией (образец графики и орфографии рукописи см.: *Бегунов Ю. К.* Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973. С. 130, рис. 9); в прошлом такая особенность данной рукописи объяснялась тем, что ее протограф редактировал митрополит Киприан (*Тихомиров М. Н.* Исследования о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 131—133; *Бегунов.* Козма Пресвитер... С. 128—129).

⁵² Каталог XI—XIV вв. ЦГАДА... С. 303—304.

⁵³ Подробнее о памятнике см.: *Изергин В.* «Предъсловие покаянию» // ЖМНП. 1891. Ноябрь (Ч. 278). С. 142—184; См. также: Письменные памятники истории Древней Руси: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003. С. 170—171, № 64 (далее — Письменные памятники...).

⁵⁴ В частности, известный русский канонист А. С. Павлов считал памятник относящимся «к глубокой древности» (Памятники древнерусского канонического права: Памятники XI—XIV вв. // Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1908. Т. 6. Стлб. 835—836).

⁵⁵ Там же. Стлб. 835—846, а также: Православный собеседник. Казань, 1860. Ч. 1. С. 350—358; *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1876. Кн. 2 (= Сб. ОРЯС. Т. 15. Кн. 1). С. 327—332 (далее — *Срезневский.* Сведения и заметки...).

⁵⁶ О составе и датировке рукописи см. подробнее: *Алексеев А. И.* «Трифоновский» сборник как источник для изучения русской религиозности конца XIV—XV вв. // Средневековое православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1998. Вып. 2. С. 129—145; *Он же.* К изучению трактата «Власфимия» // История в рукописях — рукописи в истории: Древнерусские и греческие рукописи РНБ. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2007. С. 30—39. Предложенная в свое время А. Д. Седельниковым датировка рукописи 1380-ми гг. (*Седельников А. Д.* Следы стригольнической книжности // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 121—136) в настоящее время представляется излишне ранней.

⁵⁷ *Сперанский.* Переводные сборники изречений... С. 338—340. В первом издании статьи в процессе ее редакторской подготовки далее было ошибочно добавлено: «и изданной» (в действительности, список стал известен М. Н. Сперанскому в самый последний момент, когда работа по подготовке им издания «Пчелы» по сербским спискам уже была завершена). На эту погрешность уже обращала внимание И. Кузидова (см.: *Кузидова И.* Преводите на Loci communes на Псевдо-Максим (Пчела) в южнославянските кирилски ръкописи // Многократни преводи в Южнославянското средновековие. Доклади от междунар. конф. София, 2006. С. 338 (далее — *Кузидова.* Преводите на Loci communes...)).

⁵⁸ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее — СКЖДР). Л., 1987. Вып. 1 (XI — перв. пол. XIV в.). С. 256—257; Письменные памятники... С. 143—145, № 44. 1—2.

⁵⁹ Ср.: *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986. С. 165—168; *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 205.

⁶⁰ *Соболевский А. И.* Материалы и заметки по древнерусской литературе // ИОРЯС. 1912. Т. 17. Кн. 3. С. 77—80.

⁶¹ *Попов А. Н.* Первое прибавление к описанию рукописей... А. И. Хлудова. М., 1875. С. 56—57.

⁶² *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 1913. Ч. 2. С. 133—140.

⁶³ Подробнее о памятнике (с критическим изданием текста) см.: *Турилов А. А.* «Поучение Моисея» и Сборник игумена Спиридона (Новгородский памятник XII в. в

контексте русско-южнославянских литературных связей) // Русистика. Славистика. Индоевропеистика / К 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 83—103 (расширенный вариант — в наст. изд.).

⁶⁴ В первом издании статьи далее следовала фраза: «Возможно, помещение памятника в данном разделе не бесспорно, поскольку В. Федером высказано мнение о преславском происхождении перевода (см.: *Marti R. Handschrift — Text — Textgruppe — Literatur: Untersuchungen zur inneren Gliederungen der frühen Literatur aus dem ostslavischen Sprachbereich in den Handschriften des 11. bis 14. Jahrhunderts*. Berlin, 1989. S. 36, примеч. 50), однако факт восточнославянского посредства для сохранившейся сербской традиции сомнению, кажется, не подвергается». Сейчас, в особенности после выхода в свет нового издания «Пчелы» со вступительной статьей А. А. Пичхадзе (*Пичхадзе. Древнерусский перевод... С. 7—41*), я не вижу в ней необходимости. Мнение В. Р. Федерера представляет, в сущности, «мягкий вариант» категорической позиции Ф. Томсона в отношении русских домонгольских переводов. Напомню, что когда данная работа впервые вышла в свет, программная статья последнего «Made in Russia» еще не была опубликована.

⁶⁵ См. примеч. 55.

⁶⁶ Постатейную роспись см.: *Турилов. «Поучение Моисея»... С. 88—89*.

⁶⁷ В первом издании статьи говорилось о 8 извлечениях, однако последнее (пнианци (!) три дщере быше любовно любини грѣховъ. блудъ. давнѣ. коидрослуженнѣ...) восходит не к «Пчеле» (что справедливо отмечено И. Кузидовой — *Преводите на Locī communes... С. 338*). Некоторые соображения (на русском материале) по поводу содержания и происхождения этого отрывка см.: *Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987. С. 110—112*. Судя по началу, текст может отчасти соответствовать толкованию «Ипполитово», содержащемуся в сборнике кон. XV — нач. XVI в., РНБ, Софийское собрание, № 1474, л. 275 (Там же. С. 112).

⁶⁸ Соответственно, это — 1) Гл. 9: старнца каи (!) блажаше антигона ц(с)ра... (*Семенов В. А. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893. С. 109* (далее — *Семенов. «Пчела»*); «Пчела». Т. 1. С. 221, 656); 2) Гл. 20: поносн кидоу нѣкто. јако вонякъ ти дшѣ... (*Семенов В. А. «Пчела»*. С. 201; «Пчела». Т. 1. С. 313); 3) Гл. 27: влькъ видѣ пастыра въ коушии швецѣ падоуше штан... (*Семенов. «Пчела»*. С. 251; «Пчела». Т. 1. С. 363, 755); 4) Гл. 17: юноши ктерюу грѣдоушоу се. јако бесѣдовалъ ксми съ многици коудрынци... (*Семенов. «Пчела»*. С. 171; «Пчела». Т. 1. С. 283, 699); 5) Гл. 15: съкратоу швѣдоушоу оу ц(с)ра и влешоу кидоу съ ннцѣ бесѣдовати... (ср.: «Пчела». Т. 1. С. 687; в списке РНБ, Ф.п. I.44 (см.: *Семенов. «Пчела»*. С. 150) текст отсутствует); 6) Гл. 51: законъ по(д)внѣ к(с) паоучинѣ. аще бо влетити въ ноу коуха или комаръ. то оубезнѣтъ въ нен... (*Семенов. «Пчела»*. С. 351; «Пчела». Т. 1. С. 463, 820); 7) Гл. 10: азъ лаванна не въздаде ти. нѣ хвалоу власи твоѣ... (ср.: *Семенов. «Пчела»*. С. 117; «Пчела». Т. 1. С. 229, 661).

⁶⁹ И. Кузидова (*Преводите на Locī communes... С. 338—339*) отмечает наличие разночтений между полным текстом «Пчелы» в русских списках и предложениями сербской выборки и на этом основании выражает сомнения в их связи между собою. Однако, учитывая особенности рукописной традиции (в частности, вероятное редактирование текстов при включении в подборку) и длительное раздельное бытование сербских и русских списков, странно было бы ожидать что-то иное.

⁷⁰ См.: СК XIV. Вып. 1. Прилож. 2. С. 679—681, № 47.

⁷¹ Последний фрагмент в подборке (см. примеч. 68) представляет лишь часть предложения Диогена, лишенную не только имени автора (что как раз характерно для этой выборки), но и логического начала.

⁷² *Сперанский. Русские памятники письменности... С. 97*.

⁷³ Пергаменные рукописи БАН... С. 174.

⁷⁴ См.: *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 20, 48—49, 647 (далее — *Молдован. Житие Андрея Юродивого...*). Кроме того, в первом издании статьи по случайности не был упомянут второй, более древний южнославянский фрагмент этого перевода жития (глава ω τριαντατρι (о)любци) в составе 2-го тома известного пергаменного Сборника с Патериком Скитским РГБ, собр. А. Н. Попова (ф. 236), № 93 (л. 10 об. — 13 об.), представляющего, по всей видимости, сербский список первой четверти (возможно, даже начала) XIV в. со среднеболгарского оригинала, орфография которого последовательно сохраняется на протяжении всей рукописи. Некоторые сведения о кодексе см.: *Радченко К. Ф.* Отчет магистранта... о занятиях рукописями в библиотеках и других учреждениях Москвы и С.-Петербурга в течение сентября и октября 1896 г. // *Университские известия*. Киев, 1898. Т. 38, № 4. С. 47—49; *Климент Охридски*. Събрани съчинения. София, 1973. Т. 3. С. 47—49; об отрывке жития в нем: *Молдован. Житие Андрея Юродивого...* С. 19—20, 46—48, 647. Имеется достаточно оснований отождествлять эту рукопись со считающимся пропавшим (см.: *Николова С.* Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980. С. 33) болгарским пергаменным списком Скитского патерика XIV в. из библиотеки А. И. Хлудова № 185, привезенным А. Ф. Гильфердингом в 1868 г. из Македонии.

⁷⁵ См.: СККДР. Вып. 1. С. 293.

⁷⁶ Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1868 г. СПб., 1869. С. 147.

⁷⁷ Примеры см.: *Срезневский И. И.* Сведения и заметки... С. 217—296.

⁷⁸ *Słownik starożytności słowiańskich*. Wrocław; W-wa; Kraków, 1970. Т. 4. S. 18—19; *Павлова Р.* Още еден непознат старобългарски ръкопис // *Език и литература*. София, 1983. № 5. С. 23—31.

⁷⁹ *Райнхарт Й.* Восточнославянское влияние... С. 32—33.

⁸⁰ В частности, в процессе уточнения сведений по СК XI—XIII автором был атрибутирован как фрагмент Пандектов Никона Черногорца (окончание слова 53 и начало 54) отрывок рукописи XIII в. неопределенного содержания (Львов, Музей украинского искусства, Рк. 700/41985; СК XI—XIII, № 327) — см.: СК XIV. Вып. 1. Прилож. 1. С. 580.

⁸¹ См.: СК XI—XIII, № 214.

⁸² Обзор мнений о датировке см.: *Райнхарт И., Турилов А.* Будапештский глаголический отрывок // *Slovo*. Zagreb, 1990. Knj. 39—40. С. 37—44. Описание рукописи см.: СК XIV. Вып. 1. Прилож. 2. С. 618—619, № д32.

⁸³ Описание рукописи см.: *Загребин В. М.* О происхождении и судьбе некоторых славянских палимпсестов Синая // *Из истории рукописных и старопечатных собраний (Исследования. Обзоры. Публикации)*: Сб. науч. трудов [ГПБ]. Л., 1979. С. 68—81 (то же // *Загребин В. М.* Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб., 2006. С. 218—231); СК XI—XIII, № 166. Список, вероятно, галицко-волянского происхождения (наблюдение А. Л. Лифшица) и датируется в настоящее время первой половиной — серединой XIII в., т. е. он мало уступает по возрасту древнейшему ярославскому. В процессе уточнения сведений для СК XIV автором было установлено, что начальная тетрадь списка была обнаружена в 1975 г. на Синае среди новонайденных рукописей (Slav. 18/N) и неточно описана как отрывок монашеского сборника (*Tarnanidis I. The Slavonic Manuscripts, discovered in 1975 at St. Catharine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki*, 1988. P. 144—147) — см.: СК XIV. Вып. 1. Прилож. 1. С. 567.

⁸⁴ Описание см.: *Иванова-Константинова К.* Об одной рукописи XIV в. Погодинского собрания // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 294—308; *Рукописные книги собрания М. П. Погодина*: Каталог. Л., 1988. Вып. 1. С. 186—192.

⁸⁵ В настоящее время эта новгородская пергаменная рукопись (без графико-орфографических признаков «второго южнославянского влияния») датируется мною первой третью — второй четвертью XV в. (уточнения сделаны в процессе подготовки СК XIV).

⁸⁶ Каталог XI—XIV вв. ЦГАДА... Ч. 1. С. 110—115, № 43; СК XIV. Вып. 1. Прилож. 2. С. 635—639, № д46.

⁸⁷ В части 1-й описания пергаменных рукописей ОР ГИМ (Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 195) и в «Предварительном списке славяно-русских рукописей» (То же, за 1965 г. М., 1966. С. 235, № 837) кодекс ошибочно отнесен к концу XIV в. Предлагаемая здесь датировка принадлежит автору этих строк.

⁸⁸ Описание см.: *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 100.

⁸⁹ Описание: *Мошин В.* Ћирилски рукописи манастира Св. Тројице код Пљеваља // Историски записи. Цетиње, 1956. Књ. 14. Бр. 1—2. С. 242, № 22 («Толкование заповедей Господних»); *Цернић Л.* О атрибуцији средњовековних српских ћирилских рукописа // Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности. Београд, 1981 (далее — *Цернић.* О атрибуцији...). С. 344—345, № 4—5.

⁹⁰ *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских рукописей (ГПБ). Л., 1953. С. 106; ср.: СК XIV. Вып. 1. Прилож. 2. С. 639—641, № д47.

⁹¹ Там же. С. 105.

⁹² Описание см.: СК XIV. Вып. 1. Прилож. 2. С. 635, № д45.

⁹³ *Райнхарт.* Восточнославянское влияние... С. 20.

⁹⁴ *Сперанский.* К истории взаимоотношений... С. 43.

⁹⁵ Состав статей см.: *Турилов.* «Поучение Моисея»... С. 88—89 (и наст. изд.).

⁹⁶ См.: СК XIV. Вып. 1. Прилож. 2. С. 639—641, № д47.

⁹⁷ *Daničić Gj.* Poslanica sv. Save arhiepiskopa srpskoga iz Jerusalima u Studenicu igumnu Spiridonu // *Starine.* Zagreb, 1872. Књ. 4. С. 230—231 (репринт: Ситнији списи Ћуре Даничића. Београд, 1975. [Књ.] 3 (Описи ћирилских рукописа и издања текстова) / Приредило Ћ. Трифуновић. XXV).

⁹⁸ *Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската Академия на науките. София, 1969. С. 46 (далее — *Кодов.* Опис...).

⁹⁹ В первом издании здесь ошибочно стояло: «Иоакима».

¹⁰⁰ См. примеч. 93.

¹⁰¹ *Дзиффер Дж.* Рукописная традиция Пространного жития Константина // Советское славяноведение. 1991. № 3. С. 59—63.

¹⁰² *Флоря Б. Н.* Рукописная традиция памятников Кирилло-Мефодиевского цикла // Жития Кирилла и Мефодия. М.; София, 1986. С. 34—35.

¹⁰³ О памятнике см.: *Ангелов Б. Ст.* Сказание за железния кръст // *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. Кн. 3. С. 61—98 (далее — *Ангелов.* Сказание...). (1-е изд.: Старобългарска литература. София, 1973. Кн. 1. С. 121—135); *Турилов А. А.* Византийский и славянский пласты в «Сказании инока Христодула» // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6 (Славянский и греческий мир в Средние века и раннее Новое время: Сб. статей к 70-летию Г. Г. Литаврина). С. 81—99 (далее — *Турилов.* Византийский и славянский пласты...); *Он же.* К изучению Сказания инока Христодула: датировка цикла и имя автора // *Floilegium:* К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 412—427. Попутно следует заметить, что версия происхождения цикла, предложенная в его последнем болгарском издании (*Калоянов А., Спасова М., Моллов Т.* «Сказания за железния кръст» и эпохата на цар Симеон. Велико Търново, 2007), не выдерживает даже самой снисходительной критики.

¹⁰⁴ *Кодов. Опис...* С. 143—145.

¹⁰⁵ *Ангелов. Сказание...* С. 65—66, 72—75; *Турилов. Византийский и славянский пласты...* С. 82, 85, 87—89, 97—98.

¹⁰⁶ Там же. С. 82, 84.

¹⁰⁷ См.: *Снегаров И. Старобългарският расказ «Чудо на св. Георги с българина» като исторически извор // Годишник на Духовната академия «Св. Климент Охридски». София, 1954—1955. Т. 4. Ч. 2. С. 228—238.*

¹⁰⁸ Наиболее полный их перечень (выполненный с учетом сведений уже подготовленного, но еще не изданного в тот момент 1-го выпуска СК XIV) см.: *Лосева О. В. Русские месящесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 93—94, 100, 101, 103, 105—106 (далее — Лосева. Русские месящесловы...)*. Этот список можно пополнить только немногими дополнительными примерами — июльской памятью Бориса и Глеба в месящесловах сербских Евангелий тетр, написанных связанным с королевским двором дьяком Георгием Радославом, Хиландарь, № 23 (так наз. «Бунилово Евангелие» кон. XIII — нач. XIV в.); Хиландарь, № 1 (Карейское Евангелие тетр 1316 г.); оба примера любезно указаны мне С. Елесиевич (о «Буниловом Евангелии» см. подробнее: *Турилов А. А. К изучению южнославянской рукописной традиции «Прогласа Константина Философа» // «Пение мало Георгию»: Сб. в чест на Георги Попов. София, 2010).*

В то же время необходимо отметить, что наличие в месящесловах памяти великомученика Георгия под 26 ноября не является (вопреки распространенному в литературе мнению — см., напр.: *Мошин. О периодизации...* С. 77; *Ангелов. Из историята...* С. 45—46; *Miklas. Kyryllomethodianisches und nachkyryllomethodianisches Erbe...* S. 438, 449, 456; *Васильев Љ. Нов податак о времену настанка Асеманијевог јеванђелија // Археографски прилози. Београд, 1988—1989. Бр. 10—11. С. 13—18; Лосева. Русские месящесловы... С. 95—98) приметой «первого восточнославянского влияния» — памятью освящения церкви в Киеве; обоснованные возражения по этому поводу: *Стойкова А. Българският свети Георги между Киев и Константинопол // Традиция. Преемственост. Новаторство: В памет на Петър Динев. София, 2001. С. 87—93; Йовчева М. «Руските памети» в Асеманиево Евангелие и Охридски Апостол // «...Нѣсть оученикъ надъ оучителемъ своимъ» (Сборник в чест на проф. д-р Иван Добрев, член-кор. на БАН и учител). София, 2005. С. 220—237. Не следует, по всей видимости, рассматривать в качестве приметы русско-южнославянских связей в это время и память перенесения мощей св. Николая (9 мая) в месящесловах XIV вв. южнославянских рукописей в тех случаях (например, болгарское Евангелие тетр, ГИМ, Увар. 480-F, сербских Евангелии и Апостоле апракос, София ББАН, № 5; Евангелии тетр 1342 г. — НБКМ, № 470, и др.), когда она не сопровождается другими русскими памятниками (известно, что в древнерусской традиции месящесловы с майской памятью Николая, но без других русских праздников, отсутствуют — см.: *Лосева. Русские месящесловы... С. 138—419). Присутствуя в сербских месящесловах XIV в. единолично, данная память отражает, по всей видимости, собственно сербскую традицию барийского культа, уже в силу географической близости получившего в этой стране распространение по крайней мере с XII в. (см.: Стефан Првовенчани. Сабрана дела / Предговор, превод дела и коментари др. Љ. Јухас-Георгиевска. Београд, 1999. С. 141—142).***

¹⁰⁹ *Штавъанин-Ђорђевић и др. Опис...* С. 329, № 159.

¹¹⁰ См.: *Miklas. Kyryllomethodianisches und nachkyryllomethodianisches Erbe...* S. 457, Ас 5.

¹¹¹ См.: *Турилов А. А. О времени и месте создания пергаменного «Евангелия Мемнона-книгописца» (БАН, Доброхот. 26) // Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1992.*

Вып. 26. С. 15—46; *Он же*. К истории библиотеки и скриптория Кирилло-Белозерского монастыря в первой трети XV в. (Проблема Христофора) // Древнерусское искусство: Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. Сб. 4. СПб., 2004. [Т. 24]. С. 376—378.

¹¹² См. о ней: Булакин Д. М. Античные традиции... С. 115—118 (впрочем, автор указанного исследования рассматривает текст вне контекста «первого восточнославянского влияния»).

¹¹³ Каталог XI—XIV вв. ЦГАДА... С. 302—303. Новейшие наблюдения над частью текстов см.: Милтенова А. Ранний флорилегий от Хиландарския сборник № 382 и българо-сръбските книжовни връзки през Средновековието // Осам векова Хиландара: Историја, духовни живот, книжевност, уметност и архитектура. Београд, 2000. С. 322—323.

¹¹⁴ См.: Пергаменные рукописи БАН СССР... С. 174.

¹¹⁵ *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений... С. 53—54.

* * *

Сентенции из «Пчелы» в древнерусском переводе в сербских сборниках при Пандектах Никона Черногорца.

Основной список — РНБ, Q.п.I.27, кон. XIII — нач. XIV в., л. 160 об. — 161.

Варианты (в квадратных скобках): РНБ, F.п.I.121, втор. пол. (третья четверть) XIV в., л. 178 об. — 179 об. Выносные вносятся в строку в круглых скобках.

Параллельно дается древнерусский текст «Пчелы» по изд.: «Пчела». Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе и И. И. Макеева. М., 2008. Т. 1.

старнца каа [каа]¹ блажаше антнгона ц(с)ра [црѧ]. и ре(ч) ѡ ѡтѣ аще бн вѣдѣла. колнцѣмъ злоудъ испльнена порфирѧ [форфирѧ] син и вѣнцѣ сынъ многоцѣннынъ [многоцѣннынъ]. аще бн и на гноу лежалъ. то не възела бн:-

(«Пчела», гл. 9, с. 221): антнгонѣ. баба нѣкаа блажаше антнгона ц(с)ра. и онѣ ѡтѣща. ѡ ѡтѣ аще бы ты вѣдала. колнцѣмъ злоудъ исполнена ксть перфѧ си и вѣнцѣ многоцѣннынъ. то аще бы и на гнонцѣ лежалъ. то не възела бы.

поносн кмоу нѣкто. тако вонакѣтъ [вонакѣтъ] тн дшѧ ѡтѣща [н ѡтѣща]. многи [многын] танны сьгнннн въ грѧлѣ докѣмъ.

(«Пчела», гл. 20, с. 313): нѣкмоу поносащю кмоу. тако вонакѣтъ кмоу дшѧ и ѡтѣща. многы танны нзѣгнннн соутъ въ докѣмъ грѧлѣ.

вълкѣ вндѣ пастыра въ коуцин ѡвце [ѡвцѣ] гдоуше [гдоуша] ѡтан. постенаво [постенавъ] реге. ѡ колнкѣ плькѣ² бнсте сьставннн аще и азѣ бнхъ [быхъ] творнлѣ то:-

(«Пчела», гл. 27, с. 363): волкѣ вндѣвъ пастоухѧ вдоуша чюжн ѡвци ѡтан въ коутѣ. и ре(ч). ѡ колнко бысте голкы составнн. ѡже быхъ то ѡ створнлѣ.

¹ Так ошибочно в рукописи, вм.: нѣкаа [нѣкаа].

² Так в рукописи, вм.: глькѣ

юноши ктерю грѣдоушоу [ктерюу грѣдошоу] се. тако бесѣдовааь есмь съ многими мѡдрыми. ѿвѣща. азъ съ многими бѣатыми [съ многими богатыми] бесѣдоваахъ нь не бѣать [не богать] есмь. («Пчела», гл. 17, с. 283): оуноши нѣкоемоу въ торжнщѣ гордашию и глѡшию. тако мѡдръ есмь. зане и со многими мѡдрыми бесѣдовааь есмь. анокрнтъ ѿвѣща. а (м)зъ со многими бѣатыми. но не бѣать есмь ѿ нихъ.

скратоу ѡвѣдоушоу оу ц(с)ра [цѣра]. и велешемъ емоу с ними бесѣдовати. ѿвѣща же азъ оумѣю. то не нынаша [не ннѣашаа] рече. а же ннѣашнемоу врѣмени оугодно. а того азъ не оумѣю.

(«Пчела», гл. 15, с. 686—687): нсократъ. съ ѡвѣдаа оу коупрьскаго цѣра и пирантъмъ велаши(м) емоу бесѣдовати с ни(ми) и ѿвѣща таже азъ оумѣю мѡлвити. то не нынешное врѣма есть. а таже нынешномоу врѣмени то азъ не оумѣю.

законъ по(д)бень [подобень] к(с) паоутиннѣ. аще бо вьлетитъ въ ноу [ню] мѡуха или коларь то оувезнетъ въ нен. аще ли пыела или срьшень [стръшень]. то нстръгавше вьзлѣтають:~ тако и зак(о)нъ. аще оубогни [оубогы] и простъ мѡужь вьпадетъ въ нь... [то оубезнетъ. аще]³ бѣатыи [богаты] и боуи. то рѣч[ню нстръг]авше⁴ ѡтндоу(т):~ («Пчела», гл. 51, с. 463): залев(к). законъ по(д)бень ксть паоутиннѣ. такоже бо паоутинна. таже въ ню вьлетитъ мѡуха или коларь. то оубазнетъ въ нен. аще ли бѣела или шершень. то нсторгавше вьлѣтають. такоже и зак(о)нъ. аще вьпадетъ оубогъ и простын мѡужь. то оубазнетъ въ немъ. аще ли бѣтъ или снаныи. то рѣчью нсторгавше ѡндоутъ.

азъ латанна [даанна (!)] не вьздамъ ти. нь хвааю власы твоѣ. тако нспытавше главоу тв(о)у безоумноу [безоумноую] соушоу ѿвѣгоше:~ («Пчела», гл. 10, с. 228—229): аногенъ. се лаемъ ѿ нѣкоего плѣшва и ре(т). азъ латанемъ не вьздаю тебѣ. но хвааю власы главы твоѣа. занѣ нспытавше главоу твою безоумноую и ѿвѣгоша.

³ Текст в списке Q.п.І. 27 угас, не читается, в скобках дается чтение по F.п.І. 121.

⁴ То же.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ КНИЖНЫХ СВЯЗЕЙ XII—XIII вв.: НОВОЕ И ЗАБЫТОЕ

Публикуя без малого 90 лет назад первый обобщающий труд, посвященный культурно-историческому феномену, получившему позднее в литературе название «первое восточнославянское влияние» (далее сокращенно ПВсВ), М. Н. Сперанский писал в заключение: «Весьма возможно, что более тщательный пересмотр югославянских текстов старшего периода вскроет и еще подобные же следы перехода отдельных текстов из русской письменности... на юг славянства»¹. Впоследствии разыскания и самого Сперанского² и позднейших исследователей (в основном на протяжении 1950 — первой половины 1990-х гг.)³ в полной мере подтвердили эти надежды — литературный корпус ПВсВ (который, замечу к слову, в 1923 г. насчитывал около полутора десятков текстов) заметно обогатился⁴, расширились представления и о других аспектах феномена⁵. При этом вполне очевидно, что круг источников по проблеме далек от исчерпанности, причем на уровне не только новых списков уже известных памятников, но и — что, несомненно, гораздо важнее — на уровне новых текстов. Неполнота корпуса текстов, участвовавших в ПВсВ, и соответственно, перспективы его расширения, определяются совокупностью ряда неравнозначных причин. Главной среди них является, несомненно, отсутствие подробных постатейных описаний для монастырских и церковных рукописных собраний Афона (и прежде всего хиландарского)⁶, Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории, вследствие чего возможны лишь случайные находки при просмотре рукописей *de visu* (при том, что доступ к ним нередко бывает затруднен либо ограничен). Другим источником пополнения наших сведений о литературном корпусе ПВсВ является пересмотр (разумеется, обоснованный) датировки появления ряда древнерусских текстов на юге славянства. И, наконец, в качестве третьего (далеко не самого богатого) выступает отнесение к этому корпусу памятников, уже известных в литературе, однако связь которых с данным «влиянием» не была установлена».

Известно, что в отношении верхней границы проявления феномена (т. е., того, сколь поздний список текста может отражать еще «первое», а не «второе» восточнославянское «влияние») в литературе 1920—1980-х гг. отсутствовало четко выраженное мнение, продолжительный период от XIV и примерно до начала XVI в. представлял своего рода нейтральную полосу. Колебания наблюдаются уже в работах М. Н. Сперанского. Если в статье 1923 г. он уверенно включал в корпус ПВсВ древнерусские тексты и переводы, известные в южнославянских списках XV в., причем не самого раннего (например, «Слово о вере варяжской» Феодосия Печерского и «Повесть об Акире Премудром»)⁷, то ее продолжение, опубликован-

ное только в 1960 г., написано (как видно уже из заглавия) с большой оглядкой на датировку дошедших списков. На деле памятники, рассматриваемые в этой работе, образуют три группы: 1) перешедшие с Руси к южным славянам в результате ПВсВ (Толкования Никиты Ираклийского на 16 слов Григория Богослова, «Исход Моисеев», одна из редакций Исторической Палеи, извлечение из древнейшего перевода Хроники Георгия Амартола⁸); 2) отражающие русско-южнославянские связи XVI—XVII вв. (Сказание о построении Софии Константинопольской, антииудейский полемический трактат «Словеса святых пророк», апокрифическая Книга Еноха), 3) тексты, по всей вероятности, переходившие из восточнославянской традиции в южнославянскую по крайней мере двоекратно, в том числе и с ПВсВ (Откровение Мефодия Патарского, «Вопрошение апостолов о Богородице» и «Вопрошение апостола Варфоломея»⁹, Житие Андрея Юродивого, чудеса Николая Чудотворца и сказания о перенесении его мошей).

Практически во всех случаях позиция Сперанского определялась (что вполне естественно) тогдашней датировкой южнославянских списков сочинений, которая со временем претерпела заметное изменение в эпоху распространения филигранологических методов датирования. Так, сербские списки 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского из собрания Немецкого монастыря, на которые он ссылается (современные шифры — Бухарест, БАН Румынии, Слав. 141 и 142) датируются в настоящее время не XV в., а концом XIV в.¹⁰ Вдобавок, по стечению обстоятельств, ему остались неизвестны наблюдения В. П. Виноградова о том, что толкования Никиты использованы уже Кириллом Туровским¹¹ (т. е. сам перевод существовал уже к середине — второй половине XII в.). Ситуация с Житием Андрея Юродивого изменилась по несколько иной причине — когда со временем отыскивались неизвестные М. Н. Сперанскому фрагменты текста в составе южнославянских пергаменных сборников (Москва, РГБ, собр. А. Н. Попова, № 93/2, л. 10 об. — 13 об.; С.-Петербург, БАН, 24.4. 23, л. 1—5)¹², датируемых несомненно XIV столетием.

Эта неопределенность позиции родоначальника исследования проблемы ПВсВ (либо предположительное выделение им еще одного периода восточнославянского влияния), обусловленная общей ситуацией в археографии конца XIX — первой трети XX вв., наложила сильнейший отпечаток на позднейшую традицию изучения вопроса. Перечисленный корпус текстов по сути не получил никакого отражения в сводках, содержащихся в работах 1960—1980-х гг. (и прежде всего в капитальных исследованиях В. А. Мошина и Х. Микласа¹³). Первый упоминает из приведенного выше перечня лишь Палею историческую (причем совершенно не аргументируя этого), второй рассматривает только «Откровение Мефодия Патарского, но безотносительно статьи М. Н. Сперанского, в связи с известной «антологией» ПВсВ — Берлинским сборником. Применительно к текстам, относимым к этому историко-культурному явлению, в литературе на определенное время восторжествовал принцип ограничения их круга южнославянскими списками не позднее рубежа XIV—XV вв.¹⁴, что формально вполне оправдано исторической ситуацией на славянских Балканах (замена репертуара в связи со сменой богослужебного устава, «второе южнославянское влияние»).

Мне кажется, в настоящее время пришла пора расширить сферу отражения ПВсВ и на южнославянскую (преимущественно ресавскую сербскую) рукописную традицию XV в. Об этом свидетельствует уже то, что в отношении древнерусских памятников она отражает (как и предшествующая) результаты ПВсВ и не обнаруживает каких-либо видимых новаций¹⁵. В южнославянских списках XV в. (так же как и XIV в.) неизвестны русские сочинения и переводы моложе начала XIII в. (и даже конца XII в.)¹⁶. Специфика южнославянской (преимущественно сербской) традиции XV столетия применительно к древнерусским сочинениям, переводам, компиляциям и редакциям заключается в следующем. С одной стороны (в продолжение ситуации, сложившейся после середины XIV в.), в ней еще более сокращается круг южнославянских рукописей, могущих содержать тексты, связанные с ПВсВ (что отнюдь не исключает (см. ниже) возможности обнаружения в них памятников, не представленных более ранними списками) — по существу он сужается (что хорошо видно и на приводимых ниже примерах) до сборников смешанного содержания и достаточно факультативного конвоя монашеских рукописей (аскетические сочинения, патерики)¹⁷. С другой же, начавшееся в третьей четверти XIV в. турецкое завоевание славянских регионов Балкан привело к культурной раздробленности (в особенности, на территории Македонии), и как следствие этого — к консервации архаической традиции. На практике это означало, к примеру, использование и переписывание по крайней мере до середины XV в. доиерусалимских Миней праздничных с проложными житиями в древнейшей (восточнославянской) редакции перевода¹⁸.

Положение явно меняется только в первой четверти XVI столетия¹⁹, начиная с 1510-х гг., когда в сербских рукописях появляется целый ряд разнородных (и разнородных) свидетельств знакомства задунайских книжников с современной им восточнославянской книжностью (первоначально, вероятно, с западнорусским ее вариантом). Особенно знаковым является написание Василием Никольским «от Дольние Руси» в 1510/1511 (7019) г. по заказу сербского вельможи на венгерской службе Стефана Якшича полемического антилатинского «Послания о исхождении Св. Духа»²⁰. Автор убедительно отождествлен в последнее время с одним из крупных чиновников правительственного аппарата Великого княжества Литовского («писарем»), приверженцем князя М. Л. Глинского и участником неудавшегося заговора против короля Сигизмунда в 1508 г.²¹ (история появления послания переходит, таким образом, почти в семейную сферу связей Якшичей и Глинских). Почти одновременно с этим фиксируется появление в сербской традиции мнейного Торжественника с русскими статьями (например, Словом о проявлении крещения Руси апостолом Андреем)²², сложившегося в западной части Киевской митрополии не ранее XIV в.²³, и отмечаются первые примеры использования сербскими и молдавскими книжниками неизвестной им до тех пор популярнейшей на Руси тайнописной системы — «простой литореи» (или «тарабарской азбуки») ²⁴. Перечисленные примеры отражают, несомненно, уже результаты возобновления русско-южнославянских связей, начало которого (приезды в Москву посольств за «милостыней» с Афона и из Белградской митрополии) приходится на рубеж 1480—1490-х гг.²⁵

Из сказанного, на мой взгляд, следует, что южнославянские списки XV в. (за исключением, быть может, его последнего десятилетия, хотя это не обязательно) древнерусских домонгольских сочинений, переводов, редакций и компиляций являются отражением еще «первого восточнославянского влияния». С учетом этого и ведется последующее изложение. Попутно же замечу, что тем самым с ПВсВ дополнительно оказываются связаны 4 памятника из второго перечня М. Н. Сперанского (статьи 1960 г.): Слово на перенесение мощей Николая Чудотворца из Мир в Бари (подробнее см. ниже), апокрифический «Исход Моисея», особый вариант Исторической Палеи и извлечение из древнейшего перевода Хроники Георгия Амартола²⁶.

Далее в статье я предполагаю ограничиться лишь новонайденными и извлеченными из забвения текстами, отражающими ПВсВ (ввиду их несомненной актуальности и весьма значительного объема сведений), оставляя на будущее обозрение численного прироста списков²⁷ и ряд малоизученных аспектов бытования восточнославянских памятников в южнославянской традиции (в частности, практически неразработанную тему проложных житий в составе служебных Миней)²⁸. Не считаю здесь уместным также вдаваться в полемику по поводу происхождения переводов Пролога²⁹ и Пандектов Никона Черногорца, замечу лишь, что я вполне солидарен (и отнюдь не из ложно понимаемого патриотизма) с позицией российских исследователей-лингвистов, которыми за последние полтора-два десятилетия сделано очень много для уточнения языковых критериев локализации славянских переводов³⁰.

Изложение организовано по традиционному, идущему от статьи М. Н. Сперанского 1923 г., принципу — рассматриваются поочередно 1) оригинальные произведения (авторские и анонимные); 2) переводы; 3) компиляции и редакции, а также памятники, вернувшиеся на славянские Балканы через русское посредство. Поскольку я надеюсь в будущем посвятить этому кругу сюжетов более подробное исследование, то аргументация здесь не во всех случаях носит развернутый характер — предлагаемые ниже наблюдения и заметки призваны прежде всего привлечь внимание исследователей к упоминаемым памятникам.

1) Слово митрополита Илариона.

Почти полтора века, со времени выхода в свет публикации М. П. Петровского (1865), в науке известны сербские списки «Послания брату столпнику» с именем Илариона, митрополита Киевского в заглавии³¹. Несколько лет назад мне посчастливилось найти другой текст, снабженный таким же надписанием, в западноболгарской рукописи из собрания Печской патриархии, № 93, находившейся в то время на депозитном хранении в Народной библиотеке Сербии в Белграде. Рукопись датируется началом XV в.³², около половины ее (л. 1—86) составляет Римский патерик («Беседы папы Григория Великого с архидиаконом Петром о житии италийских отец»), начало которого утрачено³³. Значительные листы (209—228) занимает житие и чудеса Николая Чудотворца (включая и относимые к числу древнерусских домонгольских переводов³⁴). На л. 114 об. — 145 здесь находится *сѣгѡ илариѡна митрополита киевскаго града. слово* (нач.: *потьщнмса братіе. и сестры къ вѣчнѣи жизни свѣтаѣи. ѡже наць гѣ* по своен

м(с)тн тѣне дасть. а сіа вѣдѣнная и скверныа. іакы здѣнны си(х) іадобнты(х) хстенъ вѣганды и не прикасанца еи. гоу бгоу зготовлшѣ нѣса и на(с) познва(в)шѣ то мы сецѣ тѣлѣ годеще...; кон.: ... аще приде(т) чл(с) и шбращеть дша наша готови. авіе цр(с)твобати нцады въ безконечныа вѣкы...). Памятник хорошо известен по русским спискам конца XIV — XVIII в. (а в сокращенной проложной версии с еще более раннего времени)³⁵, в том числе (хотя и довольно редко) и с надписанием «митрополита Киевского»³⁶ (но не «Киевского града»). Вопрос об авторстве текста, как и в случае с «Посланием брату столпнику», является предметом дискуссии, но существование достаточно раннего (в рамках сохранившейся совокупной рукописной традиции) южнославянского списка указывает, как минимум, на домонгольскую древность подобного надписания.

2) *Ответы митрополита Киевского Георгия на вопросы Германа, игумена монастыря Спаса на Берестове (и прп. Феодосия Печерского).*

Данный пример занимает несколько особое место в перечне, поскольку речь идет не столько о выявлении нового памятника русско-южнославянских связей (хотя и этот момент отчасти тоже присутствует), сколько об установлении источника (и при этом авторского) известного ранее текста. Уже давно несомненным является факт наличия в епитимийно-обрядово-обиходной компиляции «Заповеди святых отец» в составе Берлинского сборника раннего XIV в. и близко родственного ему Довольского сборника конца XVI — начала XVII в. (РНБ, собр. А. Ф. Гильфердинга, № 42), значительного восточнославянского по происхождению материала. В частности, речь идет обычно об извлечениях из перевода ответов киевского митрополита Иоанна II (107-10) на вопросы канонического и обрядового характера, заданные черноризцем Иаковом³⁷. Несколько лет назад круг русских источников компиляции обрел большую определенность. В 2001 г. Л. В. Мошкова обнаружила в сборнике середины XV в. (РГБ, собр. Г. Г. Юдина, № 1, л. 23—28) неизвестный до тех пор текст, озаглавленный «[От] неведомых словес изложено Георгием, митрополитом Киевским, Герману игумену въпрашающу, оному поведающу»³⁸, представляющий древнейший на сегодняшний день (ок. 1073 г.) образец «вопрошаний» местного духовенства к греческому архиерею, возглавлявшему русскую Церковь. Позднее текст «Неведомых словес» был исследован и опубликован автором этих строк³⁹. Сопоставление нового памятника с «Заповедями святых отец» в Берлинском и Довольском сборниках позволило надежно возвести к нему в совокупности 19 статей в составе последних⁴⁰. В 2007 г. Г. С. Баранкова выявила в рукописи еще один переставленный при переплетении лист, относящийся к «Неведомым словесам»⁴¹ и содержащий, в частности, дополнительные 3 пункта, отразившиеся в Берлинском сборнике (44, 68, 69 — о смерти обрученной жены диакона, о возможности попадѣ причащаться у своего мужа, и о священнике, желающем быть крестным отцом своему крестнику)⁴². Наличие в найденном Г. С. Баранковой отрывке второго из этих пунктов устранило последние сомнения в тождестве архетипа «Неведомых словес» с упоминаемым в «Вопрошании Кирика»⁴³ «написанием» Георгия, «митрополита Русского», к созданию которого был причастен некий Федос (по всей вероятности, св. Феодосий Печерский)⁴⁴.

Всего, таким образом, в архетипе Берлинского и Довольского сборников присутствовало не менее 22 статей из ответов митрополита Георгия. Но, по всей видимости — учитывая, что единственный известный список нового «вопрошания» продолжает оставаться дефектным — это число не является окончательным. Сопоставление «Неведомых словес» с изданными по рукописям XIV—XVII вв. анонимными подборками канонически-обрядовых правил позволило выявить еще один южнославянский (среднеболгарский) памятник, активно использовавший ответы митрополита Георгия. Речь идет о краткой епитимийно-канонической компиляции, именуемой в литературе по начальной фразе «Аще епископ»⁴⁵, содержащейся в среднеболгарском так называемом Порфирьевском Номоканоне третьей четверти XIV в.⁴⁶ (РНБ, Q. II. 90, л. 99 об. — 102) и опубликованной почти 100 лет назад С. И. Смирновым⁴⁷. К «Ответам» в ее составе восходит (с учетом трех дополнительно найденных Г. С. Баранковой) 7 статей из 27⁴⁸, т. е. свыше четверти объема.

Компиляции в составе Берлинского и Довольского сборников с одной стороны и Порфирьевского Номоканона с другой в отношении статей, заимствованных из «Неведомых словес», имеют между собой лишь одну точку соприкосновения — пункт о том, как должен поступать священник, желающий стать крестным отцом своему крестнику (см. выше). Следовательно, на славянском Юге получило известность не менее четверти объема (как минимум, 28 статей) ответов Георгия.

Заимствование, безусловно, не было непосредственным (на это указывает в немалой степени анонимность правил в болгарских компиляциях). Промежуточным текстом послужила, скорее всего, весьма обширная и широко распространенная в русских списках «Заповедь ко исповедающимся сыном и дочерем»⁴⁹, что уже давно отмечалось исследователями⁵⁰. Однако текст этой компиляции, получивший известность на славянском Юге в домонгольский период, не может быть отождествлен ни с одним из известных в настоящее время вариантов, представленных русскими списками. Опубликованные С. И. Смирновым и привлеченные им в вариантах списки «Заповеди» не содержат пунктов 2, 14, 48, 78, 83, 89-91, 94, 104 «Неведомых словес» митрополита Георгия, отразившихся в южнославянских компиляциях.

3) *Слово (сказание) о перенесении мощей Николы из Мир в Бари.*

Еще на самом раннем этапе изучения восточнославянских «влияний» было замечено, что различные тексты, посвященные святителю Николаю (и даже память перенесения мощей в Бари) играют в них далеко не одинаковую роль. Если ряд посмертных чудес святого с самого начала разработки темы рассматривался как неотъемлемая часть литературного корпуса «первого восточнославянского влияния»⁵¹, то русская по происхождению (и, по всей вероятности, домонгольская по времени создания)⁵² служба на перенесение мощей из Мир Ликийских в Бари зафиксирована в южнославянских (сербских) списках (во всяком случае, в полном виде — ср. ниже) не ранее второй пол. XVI в.⁵³ Аналогичная картина наблюдалась до последнего времени в отношении повестей, сказаний и слов, посвященных этому празднику⁵⁴. Еще М. Н. Сперанскому в 1920-х гг. был хоро-

шо известен список сказания (под заглавием: ꙗѹдо прѣнѣсенникѣ дощн. стѣго николи архирѣа х(с)ѡа) в составе сборника ГИМ, Хлуд. 241 (л. 22 об. — 23 об.)⁵⁵, однако рукопись в то время ошибочно датировалась XVI—XVII вв.⁵⁶ Сейчас, когда установлено, что кодекс может быть весьма точно датирован ок. 1451 г.⁵⁷, становится ясно, что речь идет еще об одном литературном памятнике, связанном с ПВсВ. Как установил М. Н. Сперанский, речь идет не о проложной повести, а о более пространном сказании, начинающемся словами «Присно убо должни есми, братие, праздники Божия творящее, в честь держати...», известном в русских списках с начала XV в.⁵⁸ На южнославянской почве к середине XV в. памятник претерпел изменения настолько значительные, что вполне уместно говорить о его переделке⁵⁹ — в сущности, это оформленное как «чудо» (в полном соответствии с заглавием) сравнительно небольшое извлечение из средней части русского сочинения.

4) *Кондак на перенесение мощей Николы.*

Во второй половине 1990-х гг. ряд исследователей, независимо друг от друга, обратил внимание на очередной серьезный огрех описания Хлудовского собрания рукописей (ГИМ), выполненного А. Н. Поповым⁶⁰. Оказалось, что в сербском пергаменном сборнике раннего XIV в. № 189⁶¹, большую часть которого (л. 1—202) занимает Пролог в древнейшем переводе, остались никак не отмеченными последние 32 л., содержащие, как оказалось, единственный известный в настоящее время в южнославянской традиции список минейного Кондакаря⁶² (ненотированного). В болгарском описании 1999 г. специального упоминания в связи с его составом удостоились только кондаки Савве и Симеону Сербским и Ахиллию Ларисскому⁶³. В связи с сербским происхождением списка не менее важным, однако, представляется то обстоятельство, что этот уникальный Кондакарь (состоящий из двух частей, основной и дополнительной — соответственно, л. 251—276 об. и 276 об. — 282 об.) содержит также песнопения Борису и Глебу (кондак и икос) в первой части (л. 274) и на майский праздник Николая Чудотворца (кондак) во второй (л. 281)⁶⁴. Последний является едва ли не древнейшим во всей славянской рукописной традиции случаем фиксации хотя бы отдельного песнопения этому празднику. В настоящее время русские гимнографические тексты из Хлуд. 189 опубликованы Р. Павловой⁶⁵. Вывод исследовательницы, что наличие в Хлудовском Кондакаре кондака на майскую память Николы свидетельствует о присутствии в это время в южнославянской традиции и полной службы этому празднику⁶⁶, представляется явно поспешным. Сербская традиция служебных и праздничных Миней начиная с XIII в., как известно, весьма репрезентативна, однако единственная русская служба, которая в них присутствует до второй половины XVI столетия, посвящена Борису и Глебу.

5) *Особая («Константиновская») редакция «Чуда Феодора Тирона (Стратилата) о матери и змие» с русской интерполяцией.*

Еще буквально несколько лет назад этот интереснейший переводной апокрифический текст с красочным описанием подвига героя-змееборца⁶⁷ ассоциировался у исследователей (при том, что перевод, вероятнее всего, имеет преславское происхождение) исключительно с восточнославянской традицией XV—XVII вв.⁶⁸

В ней он действительно необыкновенно популярен — число списков исчисляется десятками⁶⁹, при этом целый ряд из них представляет особые редакции-переработки, отпочковавшиеся от исходного переводного текста не позднее второй половины XV в. и довольно далеко от него отошедшие. Сейчас, после выхода в свет издания болгарского «Германова сборника» 1359 г., содержащего древнейший полный славянский список апокрифа⁷⁰, нет сомнений, что южнославянская рукописная традиция у него имеется, хотя и не столь репрезентативная, как русская. Бросающаяся в глаза разница в масштабах распространения памятника на Руси и на славянских Балканах имеет довольно простое объяснение. В первом регионе он был не позднее середины XV в. включен как уставное чтение (соответственно, на память Феодора Стратилата (8 июня), Феодора Тирона (17 февраля), либо на первую («Фёдорову») субботу Великого поста) в многочисленные минейные и триодные Торжественники⁷¹ (хотя достаточно списков и помимо календарных сборников), во втором этого не произошло, во всяком случае, в массовом порядке (примечательно, что в «Германовом сборнике» текст помещен в конце рукописи, как дополнительная статья)⁷².

Для рассматриваемой темы интерес представляет, однако, не полный текст чуда в Германовом сборнике, а два отрывка (среднеболгарский и сербский), сохранившиеся в библиотеках Белграда и Софии. Первый (с поврежденным заглавием слово $\text{ѣтѣ} \text{ѣ} \dots$) находится в составе фрагмента большого западноболгарского пергаменного сборника первой половины (начала?) XIV в., происходящего из собрания Л. Ковачевича (НБС, Рс-711)⁷³. На данный момент, по всей видимости, это древнейший славянский список памятника вообще. Второй (НБКМ, № 535, л. 1—1 об., самоназвание — $\text{житїе} \text{и} \text{чю}(\text{д})\text{са} \text{ѣтѣ} \text{великом}(\text{т})\text{нка} \text{ѣ} \omega(\text{д})\text{ра}$)⁷⁴ представлен листом из сербской бумажной рукописи конца XIV — раннего XV в.⁷⁵ Хотя эти фрагментарно сохранившиеся списки отличаются большим числом существенных разночтений (начиная, как видим, с заглавия), в особенности, учитывая их достаточно скромный объем, между ними есть черты общности, позволяющие говорить о их особом месте в славянской рукописной традиции в целом и южнославянской в частности. Так, имя императора в софийском и белградском списках — Константин⁷⁶, в других оно может колебаться, но преобладает (в соответствии с греческой традицией) Валент (Уалент) и искаженные формы от него⁷⁷. Появление в тексте апокрифа имени первого христианского императора выглядит несколько пикантно в сочетании с неоднократным упоминанием (составляющим один из стержней повествования) жертвоприношений дракону, совершавшихся верховным правителем. Не следует забывать, однако, что все известные списки, именующие царя Константином, сохранились лишь в начальной своей части (не более трети объема) и мы не можем судить о возможных поворотах сюжета в данной версии, в то время как благочестие правителя и его любовь к св. Феодору, известные по другим вариантам повествования, не вызывают сомнений.

Но имя царя не составляет главного отличия белградского и софийского списков. В обоих после рассказа царя о мучившем его кошмарном сновидении и обращения к «боярам» с просьбой отыскать и привести во дворец человека, обидевшего правителя в этом сне (!), следует весьма примечательная речь св. Феодора

(в софийской рукописи сохранившаяся, к сожалению, лишь в начальной своей части):

НБС, Рс-711, л. 1, стб. 6

... стѣи же фео(д)рь тако видѣ прѣ прискръбна и петална и ре(т) стѣи фео(д)рь боларомь и воель посласлоушанте да даан и веланци братниа и друужино г(с)нь прѣ нашъ. створи на(с) боларъ. и прѣда(с) намъ серебро свое и злато. и роухоу и власти. и градовъж. и по всѣ днѣи зоветь ни въ полатж свож на веланкж честь и любовь. и рекоходь да за его оуцр(ѣ)ль. а тон да живъ бждеть...

НБКМ, 535, л. 1 об.

... стѣи же фео(д)рь тако видѣ прѣ скръбна и петална и ре(т) боларо(л) и воє(л), прѣ нашъ сътвори на(с) воє, и по всѣ днѣи да раздакет ны и конє и оружн(е)...

Ни в греческом оригинале чуда⁷⁸, ни в многочисленных славянских списках, начиная с Германова сборника столь пространная речь главного героя не засвидетельствована, здесь присутствуют лишь ее начало и конец⁷⁹. Бросается в глаза «дружинная» (или же «боярская») топка речи (своеобразный кодекс боярско-дружинной чести и одновременно характеристика ее экономической основы), как будто перенесенная сюда со страниц летописи⁸⁰, «Слова о полку Игореве»⁸¹ или же древнейшего (русского) перевода «Александрии»⁸² (последний вариант, впрочем, наименее близок). Южнославянские литературные памятники XIII — начала XIV в. (времени, предшествующего старшему из списков этой редакции «чуда») сколько-либо близких параллелей не содержат⁸³. Показательно также встречающееся дважды упоминание «малых» и «великих» бояр, известных (также в форме «меньшие» и «большие») по Уставу Ярослава и Русской Правде⁸⁴. Поэтому мало сомнений в том, что перед нами редакция текста, интерполированная на Руси в XI—XII вв., неизвестная (либо не выявленная пока) в дошедших восточнославянских списках, но сохранившаяся в южнославянской традиции, куда она попала, по всей видимости, не позднее первой трети XIII в. (известный аналог ситуации представляет рассмотренное в основной части статьи и в отдельной работе новгородское «Слово от Апостола»). Южнославянские формы «руха» (без эпентетического Л), «власти», вместо ожидаемых «рухло», «волости» не могут удивлять (равно как и собственно южнославянская и балканская лексика), учитывая длительность бытования текста на славянских Балканах. При этом Белградский и Софийский (сохранивший лишь фрагментарно), отрывки по-разному передают архетипный текст. В последнем опущено упоминание «великих и малых» бояр (дружины), но на первом месте среди благ, получаемых дружиной от правителя, помещены «кони» и «оружие» (исключенные в Белградском списке, очевидно, как маловажные, на взгляд переписчика XIV в., по сравнению с золотом, серебром, «рухой», волостями и городами), что отражает, несомненно, ранний этап оформления интерполяции⁸⁵.

б) «Слово Илии трудолюбивого».

Этот сравнительно небольшой славянский псевдоэпиграф, посвященный архангелу Михаилу, был открыт, исследован и опубликован М. Н. Сперанским в начале XX в.⁸⁶ по погибшему в 1941 г. списку третьей четверти XIV в.⁸⁷ Народной

библиотеки Сербии. В наше время Слово Или опубликовано по списку в составе сербского сборника Дечанского монастыря № 103 последней четверти XIV в. (подробнее о рукописи см. ниже — разделы 8 и 10), с вариантами по предшествующему изданию и рукописи XVI в.⁸⁸

М. Н. Сперанский не рассматривал данный памятник в системе русско-южнославянских связей XII—XIII вв., хотя текст требует этого независимо от окончательного решения вопроса о месте его написания. Как установил Сперанский, одним из источников Слова послужило проложное сказание о чудесах архангела Михаила (другими явились похвальное слово Климента Охридского Михаилу и Гавриилу, «Сказание Пандолея диакона» и «Сказание вкратце» чудес архангела Михаила), из предисловия к Прологу были заимствованы также имя и прозвище, вынесенные в заглавие текста⁸⁹. Речь идет, таким образом, либо о памятнике, скомпилированном на Руси и принесенном к южным славянам, либо о тексте, составленном южным славянином с использованием восточнославянского перевода Пролога. К сожалению, лексика псевдоэпиграфа очень невыразительна и не позволяет сделать однозначный вывод. В то же время выбор древнейшего перевода Пролога в качестве источника указывает для славянского юга на время между концом XII и серединой XIV в.

7) *Апокрифические «Вопросы апостола Варфоломея к Богородице».*

Во времена М. Н. Сперанского памятник, известный преимущественно по русским рукописям XV—XVIII вв., в южнославянской традиции был представлен только сербским списком середины XVI в.⁹⁰ (Вена, Австрийская Нац. библиотека, Слав. 125)⁹¹. Однако текст (правда, лишенный конца — обрывается на словах: и па(к) рѣ(ч) варфоломѣн. видѣхъ гнъ вѣ(с) аггльъ вѣсходеще на нѣса прѣ(д) адамо(м)...) в том же самом переводе⁹² содержится в составе сборника последней четверти XIV в. из собрания Дечанского монастыря, № 103, л. 199—201 об.⁹³ Текст по этой рукописи в настоящее время подготовлен А. Милтеновой к изданию для юбилейного сборника в честь Георгия Попова⁹⁴. Таким образом, на данный момент это древнейший славянский список памятника⁹⁵.

8) *«Русский» вариант апокрифического «Откровения Варуха».*

Недавно текст был исследован и опубликован Т. Йовановичем (с разночтениями по русскому списку рубежа XV—XVI вв. РГБ, Синодальное собр., № 363) по той же западноболгарской пергаменной рукописи НБС, Рс 711 из собрания Л. Ковачевича⁹⁶, в которой содержится и Чудо Феодора Тирона (см. выше № 6). Во вступительной статье к публикации сербский исследователь пишет, что, хотя данный вариант апокрифа условно именуется в литературе «русским» (поскольку до сих пор был известен исключительно в восточнославянских списках), следует предполагать его распространение на более широком славянском пространстве, и предлагает гипотезу о его возникновении в южнославянской среде или на Афоне⁹⁷. Если с первой частью выдвинутого положения невозможно не согласиться, то вторая нуждается в известной корректировке. Соседство памятника в западноболгарском сборнике с интерполированным на Руси вариантом Чуда Феодора Тирона в сочетании с преобладанием восточнославянских списков апокрифа делает весьма вероятным по меньшей мере русское посредство в появлении или возвращении этой версии «Откровения Варуха» к южным славянам (возможно, через тот же Афон).

9) *Кондакаръ (ненотированный)*.

Кондакаръ (независимо, нотированный, или ненотированный) как тип книги до последнего времени был известен на славянской почве исключительно в русских списках. На южнославянской почве в XIII — первой половине XIV в. его функцию в какой-то мере брал на себя Апостол апракос в своей месяцесловной части, а также Пролог (в редакции Константина Мокисийского), болгарские и сербские списки которого содержат тропари и кондаки заглавным праздникам дня⁹⁸. Поэтому глубоко закономерно, что столь долго не замечавшийся исследователями сербский список Кондакаря первой половины XIV в. в составе пергаменного сборника ГИМ, Хлуд. 189 восходит несомненно к восточнославянскому архетипу (см. выше, раздел 4)⁹⁹.

* * *

Помимо перечисленного выше имеются еще два сюжета, включение которых в данный перечень, возможно, не бесспорно (одним из основных аргументов является здесь малая известность этих текстов у южных славян при широком распространении в древнерусской традиции), однако они в этом смысле безусловно заслуживают исследовательского внимания.

10) *«Повесть о царе Казарине и царице его»*.

До последнего времени текст этой поучительной повести по мотивам византийской истории (вероятнее всего, фольклоризированного варианта биографии императора Юстиниана II Ринотмета в соединении с прозвищем Льва IV), греческий оригинал которой не сохранился или же не разыскан, был известен только по довольно многочисленным русским спискам XV—XVIII вв.¹⁰⁰ Весьма широк контекст бытования памятника в восточнославянской рукописной традиции. Еще сравнительно недавно он был известен прежде всего в конвое исторических памятников — хронографических (Летописец Еллинский и Римский 2-й редакции) и летописных (Новгородская летопись Дубровского) сводов¹⁰¹, но в 1980—1990х гг. было установлено его присутствие в составе формулярника Московской митрополичьей кафедры первой трети XVI в., в составе Измарагда юго-западной редакции¹⁰² и (как чтение под 10 сентября) в малоисследованной редакции Пролога, представленной украинско-белорусскими списками начиная с последней четверти XV в.¹⁰³

Несколько лет назад я наткнулся на фрагмент (чуть более половины объема) текста (утрачены заглавие и самое начало (начинается со слов: ...к(с) ѿ тѣх(д)ѣ козарь. и вьста на нь друѣгнн ѿрѣ...), а также конец — обрывается на словах: ...наготу и гладь и всакоу скръбь. надѣюще се приобрѣсти доужа цюего. ннѣ же слышоу тако ож...) в уже упоминавшемся сборнике Дечанского монастыря последней четверти XIV в. № 103 (л. 171—171 об.). Сербский список не имеет сколь-либо значимых вариантов и разночтений в сравнении с русскими, разнится лишь орфография.

Выстроить однозначную историю текста в славянских литературах пока не представляется возможным, можно исключить лишь версию его появления на Руси со «вторым южнославянским влиянием». Хотя восточнославянские списки

повести известны лишь со второй половины XV в., они на раннем этапе последовательно встречаются в контексте памятников древнейшей традиции, будь то Летописец Еллинский и Римский, при создании 2-й редакции которого в Новгороде южнославянские сочинения и переводы XIII—XV вв. не привлекались¹⁰⁴, или же чрезвычайно архаичный набор редких учительных статей в упомянутой западно-русской редакции Пролога¹⁰⁵ (повести-чудеса «О кресте и болгарине» и «О жене» из Сказания инока Христодула¹⁰⁶ под 26 ноября, сокращенная редакция возможно еще великоморавского «Слова о похвале Богородицы, приуроченная здесь к Введению¹⁰⁷, и др.). В то же время присутствие повести в сербском сборнике, содержащем и другие памятники, так или иначе связанные с «первым восточнославянским влиянием» («Вопросы апостола Варфоломея», «Слово Илии трудолюбивого»), делает эту версию вероятной и для нее.

11) «Слово Кирилла философа о небесных силах».

Памятник являет достаточно редкий для палеославистики пример решительной «несостыковки» знаний об одном и том же тексте в разных ветвях кириллической традиции. В 1960 г. Б. Ст. Ангелов опубликовал по среднеболгарскому списку третьей четверти XIV в.¹⁰⁸ из собрания БАН Румынии в Бухаресте, Слав. 298 (л. 15 об. — 24) анонимное (или псевдозоиграфическое) «Слово от святых книг и о небесных силах и како создан бысть человек» (нач.: поне(ж) тання снм не въсѣди ѿкръвена бы(с) и многыи тѣбкы неѣдома. нѣ яко же ре(ч) кириль философ...), снабдив его вступительной статьей¹⁰⁹. Загадочным образом один из крупнейших болгарских специалистов в области русско-южнославянских средневековых культурных связей не обратил внимание на то, что данный памятник имеет широчайшее распространение в восточнославянской рукописной традиции начиная с XIV в., где представлен несколькими редакциями¹¹⁰. В свою очередь, находка и публикация Б. Ст. Ангелова не получила никакого отклика (а, по всей видимости, и просто известности) у российских исследователей¹¹¹ (аналогичная ситуация наблюдается, впрочем, и в болгарской историко-филологической литературе). Ситуация с данным «словом» во многом сходна с предшествующим примером. В рукописи БАН Румынии, Слав. 298 присутствует и несомненный восточнославянский текст — в Чине (службе) причащения содержится молитва Кирилла Туровского, названного в этом списке Александрийским¹¹². В любом случае сопоставление бухарестского болгарского списка памятника со старшими русскими представляется необходимым для лучшего уяснения истории текста.

Таким образом, приведенные выше примеры наглядно свидетельствуют, что литературный корпус «первого восточнославянского влияния» остается выявленным далеко не в полной степени даже после разысканий 1980 — начала 2000-х гг. По-прежнему остаются значительные резервы в виде неописанных (или недостаточно подробно описанных) монастырских собраний и коллекций церковных библиотек и музеев в Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории (впрочем, как видно из примеров, находки вполне возможны и в рукописях, хранящихся в России). В каком-то смысле картина явления остается неизменной — среди текстов, пришедших на славянский Юг через древнерусское посредство по-прежнему отсутствуют памятники, которые могли бы быть отне-

сены хотя бы к началу XIII в. (напротив, возросло число сочинений и переводов, относящихся к древнейшему периоду — XI и началу следующего столетия (и, соответственно, их удельный вес во «влиянии»): слово Илариона, ответы митрополита Георгия, слово о перенесении мощей святителя Николая в Бари и кондак на этот праздник). Существенно пополнился и список рукописей, содержащих целый комплекс текстов, связанных с «первым восточнославянским влиянием». В их число по праву могут быть включены отрывок пергаменного сборника НБС, Рс 711 раннего XIV в., Дечанский сборник библиотеки, № 103, Сборник с Римским патериком, Печ, № 93, и сборник смешанного содержания ГИМ, Хлуд. 241. Явно относился к ним и погибший в 1941 г. Сборник дьяка Николица середины XIV в.

Примечания

¹ *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (русские памятники на юге славянства) // *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 52 (первое издание — в: Изв. Отд. русского языка и словесности АН. Т. 26. Пг., 1921—1923. С. 143—206; ссылки даются на 2-е изд.). Далее, правда, там же следовало знаменательное (особенно в свете последующих разысканий, в том числе и самого Сперанского) дополнение: «но, кажется, таких случаев ожидать после указанного выше много едва ли следует».

² *Сперанский М. Н.* Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV—XVI вв. // *Сперанский М. Н.* Из истории... С. 58—64, 67—85, 90—93. Правда, как видно уже из заглавия статьи, сам автор относил появление этих памятников в южнославянской традиции к более позднему времени (см. ниже).

³ Библиографию работ по данной проблематике см.: *Miklas H.* Kyryllomethodianisches und nachkyryllomethodianisches Erbe im ersten ostslavische Einflüss auf die südslavische Literature // *Simposium Methodianum: Beiträge des Internationale Tagung in Regensburg zum Gedänken an den 1100 Togestag des heiligen Method. Neurid* (= *Selekta Slavica* 13). S. 461—471; *Турилов А. А.* Древнерусские (восточнославянские) влияния на книжность южных славян // *Православная энциклопедия* (далее — *ПЭ*). Т. 16. М., 2007. С. 170—171 (здесь же, на с. 162—167, изложен в тезисной форме ряд положений данной статьи).

⁴ См., например: *Miklas H.* Kyryllomethodianisches und nachkyryllomethodianisches Erbe... S. 444—447, 456—461; *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. // *Славянские литературы / XI Междунар. съезд славистов: Докл. рос. делегации.* М., 1993. С. 27—42.

⁵ Так, к примеру, после выхода в свет книги О. В. Лосевой (*Русские месяцесловы XI—XIV вв.* М., 2001) и первого выпуска Сводного каталога XIV в. (*Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. Вып. 1.* М., 2002) можно с уверенностью говорить, что число южнославянских Евангелий и Апостолов XIII — первой половины XIV в., в синаксарях которых содержатся памяти русских святых и праздников, составляет не менее половины от общего количества кодексов, сохранивших месяцесловы.

⁶ К сожалению, каталог Д. Богдановича 1978 г., оставаясь чрезвычайно ценным справочником, не может, при всей его подробности, полностью заменить постатейное описание.

⁷ *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений... С. 19—20 (*Слово Феодосия*), 46—47 («Акир Премудрый»). Если в отношении первого из памятников, известном в славяно-

молдавских списках XV и XVI вв., вопрос о времени появления в южнославянской традиции остается по сути открытым (см.: *Турилов А. А.* Памятники письменности восточных славян в южнославянской рукописной традиции XII—XIII вв. (проблемы и перспективы изучения // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК). Вып. 25. М., 1991. С. 94—95, примеч. 17), то по поводу принадлежности к ПВсВ второго появились в последнее время дополнительные аргументы, поскольку опубликован сербский список последней четверти XIV в. — см.: *Кузидова И.* Препиcът на *Повестта за Акир Премьдри* в ръкопис № 29 от манастира Савина (около 1380 г.) // «Пение мало Георгию»: Сборник в чест на на 65-годишнината на проф. Г. Попов. София, 2010. С. 492—509.

⁸ Последний из текстов был только упомянут М. Н. Сперанским при обзоре содержания сборника («Русские памятники письменности в югославянских литературах...», с. 68).

⁹ Применительно к этой паре апокрифических вопрошаний факт принадлежности их и к ПВсВ был установлен лишь недавно (см. ниже).

¹⁰ *Васиьев Љ., Гроздановић М., Јовановић Б.* Ново датирање српских рукописа у Библиотеци Румунске Академије наука // Археографски прилози. Бр. 2. Београд, 1980. С. 48—49, № 12—13.

¹¹ *Виноградов В. П.* Уставные чтения. Вып. 3. Сергиев Посад, 1915. С. 114—115; *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. Мюнхен, 1991. С. 140—141.

¹² *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2001. С. 19—20; *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. // Славянские литературы / XI Междунар. съезд славистов: Докл. рос. делегации. М., 1993. С. 35 (в последнем случае упомянут только второй из отрывков).

¹³ См.: *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рожд. В. А. Мошина (1894—1987). СПб., 1998. С. 83—84 (впервые статья была опубликована на сербскохорватском языке (Slovo. Вг. 11—12. Zagreb, 1962. S. 13—130); на русском — ТОДРЛ. Т. 19. М.; Л., 1963. С. 28—106); *Miklas H.* Kyriillomethodianisches und nachkyriillomethodianisches Erbe... S. 444—447, 459—461.

¹⁴ См. также заглавие обобщающей статьи Х. Микласа (примеч. 3), а также: *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян... С. 28—29.

¹⁵ Здесь уместно напомнить, что XV в. отмечен в первую очередь феноменом «второго южнославянского влияния», т. е. движением книжно-литературных памятников от южных славян к восточным (см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903 (репринт — Leipzig, 1989). С. 1—37; *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: Докл. сов. ученых на IV Междунар. съезде славистов. М., 1960. С. 95—151 (то же // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 7—56); *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV—XV вв. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 321—337 (то же // *Търновски писмена / Алманах за Търновска книжовна школа. Т. 2. Велико Търново, 2009. С. 193—228); Он же.* Южнославянские переводы XIV—XV вв. и корпус переводных текстов на Руси // Вестник церковной истории. 2010. № 1—2. С. 147—175.

¹⁶ Разумеется, с ПВсВ никак не связан факт появления в ряде сербских списков Стишного Пролога XV в. жития троих виленских мучеников, канонизированных в 1375 г. в Константинополе (о памятнике и сопутствующих ему событиях см.: *Сперанский М. Н.*

Сербское житие литовских мучеников // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). 1909. Кн. 1. С. 1—48; *Огицкий Д.* К истории виленских мучеников // Богословские труды. Вып. 25. М., 1984. С. 26—46; *Baronas D.* Trys Vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija (Istorine studija ir šaltiniai). Vilnius, 2000; *Idem.* The three Martyrs of Vilnius: a Fourteenth-Century Martyrdom and its Documentary Sources // *Analecta bolandiana*. 2004. Т. 122, № 1. Р. 83—134; *Баронас Д.* По поводу литературной истории Мучения трех виленских мучеников // *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne*. Т. 3. Kraków, 2001. С. 73—99). Речь идет о точечном контакте (правда, с немаловажными культурно-историческими последствиями), осуществленном при несомненном византийском посредстве, между будущим митрополитом Киевским Киприаном, привезшим частицы мощей новомучеников из Литвы в Константинополь и ожидавшим поставления на кафедру, и членами сербской церковно-правительственной делегации, прибывшей тогда же в столицу империи для переговоров о примирении Сербской церкви со вселенским патриархом (см.: *Богдановић Д.* Измирење српске и византијске цркве // О кнезу Лазару / Научни скуп у Крушевцу. Београд, 1975. С. 81—91; то же // *Богдановић Д.* Студије из српске средњовековне књижевности. Београд, 1997. С. 346—364).

¹⁷ Впрочем, справедливости ради следует заметить, что и в предшествующие эпохи на эти категории рукописей приходилась львиная доля свидетельств «первого восточнославянского влияния» (см. текст основной статьи).

¹⁸ См., например: София, НБКМ, № 896 (Минея праздничная с проложными житиями на февраль — август. Посл. четв. XIV в.); Москва, ГИМ, Хлуд. 171 (Минея праздничная с проложными житиями на август. Кон. XIV — нач. XV в.); София, Б-ка БАН, № 23 (Минея праздничная с проложными житиями на сентябрь-февраль («Самоковская минея»). Нач. XV в.).

¹⁹ Едва ли следует относить к числу проявлений «второго восточнославянского влияния» появление надписания «митрополита Киевского» в заглавии похвального слова Григория Цамблака Дмитрию Солунскому в Торжественнике (Панегирике) 1479 г. (Рыльский монастырь, № 4/8, л. 244 об. — 247) письма Владислава Грамматика (см., к примеру: *Христова Б.* Опис на ръкописите на Владислав Граматик. Велико Търново, 1996. С. 87). Цамблук, вероятно, даже во время своего недолго пребывания на митрополичьей кафедре продолжал сохранять обширные связи в Константинополе, на Афоне, в Молдавии и Сербии. В связи с этим можно лишь удивляться, насколько мало его высокое церковное положение в последние годы жизни отразилось в ресавской и славяно-молдавской традиции.

²⁰ О памятнике см.: *Покровский Ф. И.* Послание Василия, пресвитера Никольского из Дольней Руси об исхождении св. Духа // Изв. Отд. русского языка и словесности имп. АН. Т. 13, кн. 3. СПб., 1908. С. 91—126; *Радојичић Ђ. Сп.* Руски и српски текст Василија Никольског из Доње Русије // Историски записи. Књ. 9. Београд, 1953. С. 204—210.

²¹ О личности автора, его судьбе и связях с семейством Глинских см.: *Русина Е. В.* Знакомый незнакомец: Василий Никольский en familie // *Славяноведение*. 2000. № 2. С. 69—74.

²² Старший епископ (отрывок на 8 сентября — 25 декабря — Прага, Народный Музей, IX D 15) датируется первой четвертью XVI в. (о датировке см.: *Гроздановић-Пајић М.* Ново датирање српских ћирилских рукописа Шафарикове збирке у Прагу // Библиотекар. 1968. Бр. 5, с. 451, № 5; описание: *Vašica J., Vais J.* Soupis staroslovanských rukopisů Národního muzea v Praze. Praha, 1957. S. 112—114, № 42).

²³ Сборник включает младшую (минейную) редакцию древнего похвального слова Богородице (приуроченного здесь к 8 сентября), возникновение которой нельзя датировать ранее указанного времени — см.: *Турилов А. А.* К истории великоморавского наследия в ли-

тературах южных и восточных славян (Слово «О похвале Богородицы Кирилла Философа» в рукописной традиции XV—XVII вв.) // Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. М., 1985 (доп. и уточн. вариант — в: *Турилов А. А.* От Кирилла Философа до Константина Костенечского и Василия Софиянина. М., 2011). С. 254.

²⁴ О молдавских примерах (в рукописях любителя разнородной криптографии протопсалта Путненского монастыря Евстафия) см.: *Сперанский М. Н.* Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929. С. 6—8, 11—14; о сербском — *Мошин В.* Словенски ракописи во Македонија. Скопје, 1971. С. 87—88 (более подробно последний случай рассматривается в статье «Заметки о сербской книжной тайнописи XV—XVI вв.» (От Кирилла Философа до Константина Костецкого... С. 407—410)).

²⁵ См.: *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 148—149, 154—156; *Бошков М.* О односима Светог Пантелејмона са Русијом (до средине XVI в.) // Сборник Матице Српске за славистику. Бр. 58—59. Нови Сад, 2000. С. 35—47; *Фотий А.* Света Гора и Хиландар у Османском царству XV—XVII в. Београд, 2000. С. 206—207; *Турилов А. А.* Культурные связи Московской Руси и Сербии в XIV—XVI вв. // Москва — Сербия, Белград — Россия: Сб. документов и материалов. Т. 1. Београд; М., 2009. С. 97—105.

²⁶ Содержащая все эти произведения рукопись (Белград, Архив САНУ, № 24/106), относимая во времена М. Н. Сперанского («Русские памятники письменности в югославянских литературах...», с. 68) к середине или второй половине XVI в., датируется в настоящее время второй половиной или концом XV столетия (см.: *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI—XVII в.). Београд, 1982. С. 38, № 348).

²⁷ Ценные сведения о рукописной традиции отдельных уже известных сюжетов можно найти в ряде новейших работ болгарских исследователей — напр.: *Иванова К.* Bibliotheca hagiographica balcano-slavica. София, 2008. С. 341—345, 347, 349—350 (чудеса Николая Мирликийского); *Кузидова И.* Преписът на *Повестта за Акир Премъдри* в ръкопис № 29 от манастира Савина (около 1380 г.) // «Пение мало Георгию»: Сб. в чест на на 65-годишнина на проф. д-р. Георги Попов. София, 2010. С. 492—509.

²⁸ Нельзя не упомянуть здесь также несколько маргинальный в собственно литературном отношении, но чрезвычайно важный в контексте общей картины «влияния» сюжет, как включение имен русских святых в южнославянские молитвы. См.: *Лосева О. В.* Молитва над болящим в составе Требника РНБ Q.п.1. 24 XIV в. // KANIKION: Юбилейный сб. в честь 60-летия проф. И. С. Чичурова. М., 2006. С. 280—303.

²⁹ При этом, разумеется, нельзя не отдать должного полноте сведений о житиях русских святых в южнославянских списках Пролога, содержащихся в недавно опубликованной монографии Р. Павловой «Восточнославянские святые в южнославянской письменности XIII—XIV вв.» (Halle (Saale), 2008).

³⁰ См., например: *Молдован А. М.* Лексика древнерусского перевода в региональном аспекте. М., 1994; *Он же.* Критерии локализации древнеславянских переводов // Славяноведение. 1994. № 2. С. 69—80; *Он же.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 63—105; *Максимович К. А.* К проблеме происхождения древнейшего славянско-го перевода «Пандектов» Никона Черногорца // Славянское языкознание / XII Междунар. съезд славистов. Докл. рос. делегации. М., 1998. С. 398—341; *Он же.* Текстологические и языковые критерии локализации древнеславянских переводов (в связи с новым изданием «Пандектов» Никона Черногорца) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 191—224; *Пичхадзе А. А.* Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // Славянское языкознание / XII Междунар. съезд славистов. Докл. рос. делегации. М., 1998. С. 475—478; *Она же.* Литературно-языковые и переводческие традиции в словоупотреб-

лении церковнославянских памятников и русских летописей XI—XIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 150—165; *Она же*. О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Лексическое источниковедение и история русского языка (2001). М., 2003. С. 232—249; *Она же*. Лексические особенности древнерусских переводов с греческого XI—XIII вв. // Русистика на пороге XXI в.: проблемы и перспективы / Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2003. С. 274—275; *Она же*. К текстологии древнейшего славянского перевода Пандект Никона Черногорца // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004—2005). М., 2006. С. 59—84; *Она же*. Южнославянские традиции в древнерусской письменности: приращение *-тъ/-сть* в аористе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 129—146; *Бражникова Н. В.* Из наблюдений над списками славянского перевода Хроники Георгия Синкелла // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2000). М., 2000. С. 106—118; *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV вв. М., 2009. С. 29—41.

³¹ См., к примеру: *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы и письменности... С. 32—33.

³² Датировку и филиграну рукописи см.: *Гроздановић-Пајић М., Станковић Р.* Датирање и водени знаци српских ћирилских рукописа Пећке патријаршије // Археографски прилози. Београд, 1991. Бр. 13. С. 52. Краткое описание кодекса: *Вуксан Д.* Рукописи манастира Пећке патријаршије // Сборник за историју Јужне Србије и суседних области. Скопље, 1936. Књ. 1. С. 181, № 103 (статья не отмечена); *Мошин В.* Рукописи Пећке патријаршије // Старине Косова и Метохије. Приштина, 1968—1971. Књ. 4—5, № 99; наиболее подробные сведения о содержании — *Иванова.* Bibliotheca hagiographica... С. 104, № 88.

³³ Редакция перевода не определена, но, скорее всего, речь должна идти о болгарском переводе XIV в. В исследовании С. Николовой (Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980) список не учтен.

³⁴ Таковы, к примеру, чудеса о Димитрии, спасенном в морской пучине (л. 226—226 об.), и о ковре (л. 226 об. — 228 об.) — см.: *Сперанский М. Н.* Русские памятники письменности... С. 99—100.

³⁵ См.: *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.): Коррективное изд. СПб., 1906. С. 106—109, 513; *Творогов О. В.* Древнерусская книжность XI—XIV вв.: Каталог памятников. IV. Патристика и сочинения славянских авторов // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 393.

³⁶ Например, в чуть более раннем или современном (кон. XIV — нач. XV в.) списке в составе пергаменного сборника РГБ, ф. 304.1 (собр. Троице-Сергиевой Лавры фонд.), № 13, л. 210—212 об. (текст издан (не по данному списку) А. В. Горским — Прибавления к творениям св. отцов в русском переводе. СПб., 1844. Т. 2. Кн. 3. С. 293—296).

³⁷ *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений... С. 21—22.

³⁸ См.: *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Неведомые словеса» киевского митрополита Георгия // Славяне и их соседи. 20-я конф. памяти В. Д. Королюка: Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья / Сб. тезисов. М., 2001. С. 68—71.

³⁹ *Турилов А. А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопросание» // Славяне и их соседи. М., 2004. Вып. 11 (Славянский мир между Римом и Константинополем). С. 212—262.

⁴⁰ Подробнее см.: *Турилов А. А.* Ответы Георгия... С. 233 (1, 2), 234 (6, 7), 236 (14), 237 (19), 238 (22, 24), 242 (48), 243 (50), 248 (83), 249 (88, 89), 250 (90, 91), 251 (94), 253 (104); ср.: *Миклас Х., Тасева Л., Йовчева М.* Берлински сборник. София; Wien, 2006. С. 57—60, 64—65, 70—73.

⁴¹ Баранкова Г. С. Древнерусское вопрошание «Неведомых словес изложено Георгием митрополитом Киевским. Герману игумену въпрашающу. оному поведаящю»: Проблемы подлинности памятника и особенности его языка // А. И. Соболевский и русское историческое языкознание (к 150-летию рождения ученого) / Тезисы докл. М., 2007. С. 7. В настоящее время текст вопрошания с дополнением статей на ново найденном листе подготовлен исследовательницей к печати.

⁴² См.: Миклас Х., Тасева Л., Йовчева М. Берлински сборник. С. 59, 65.

⁴³ Материалы по истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки). М., 1912. С. 311.

⁴⁴ Баранкова Г. С. Древнерусское вопрошание... С. 8; Ср.: Турилов А. А. Ответы Георгия... С. 221—222.

⁴⁵ Самоназвание подборки — «Заповеди святых отец...» (см. примеч. 40).

⁴⁶ О датировке рукописи см.: Христова Б., Загребин В., Енин Г., Шварц Е. Славянские рукописи болгарского происхождения в Российской Национальной библиотеке — С.-Петербург. София, 2009. С. 111, № 51.

⁴⁷ Материалы по истории... С. 136—137 (№ 21), 397—398.

⁴⁸ Там же, пункты 13, 14, 20, 21 (см.: Турилов А. А. Ответы Георгия... С. 244—245, 247, 248, 253, 256).

⁴⁹ Публикацию текста см.: Материалы по истории... С. 112—132 (№ 19); комментарии — С. 383—395. Всего в разных списках «Заповеди» содержится в совокупности 61 статья, восходящая к ответам митрополита Георгия (см.: Турилов А. А. Ответы Георгия... С. 220, 233—254, 256).

⁵⁰ См.: Там же. С. 220—221.

⁵¹ Сперанский М. Н. К истории взаимоотношений... С. 47—49; Он же. Русские памятники письменности... С. 97—103.

⁵² См. древнерусский раздел статьи «Гимнография» (ПЭ. М., 2006. Т. 11. С. 498). На глубокую древность этой службы, дошедшей в списках (в том числе пергаменных) не ранее начала XV в., указывает, в частности, наличие славянского анонимного фразового акростиха (ПРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ ТВОИХ...) в ее каноне гласа 4-го (см.: «Акростих» // Там же. М., 2000. Т. 1. С. 406).

⁵³ См.: Суботин-Голубовић Т. Празник преноса моштију св. Николе у српском рукописном наслеђу // Она же. Српско рукописно наслеђе од 1557. године до средине XVII в. Београд, 1999. Додатак 2. С. 233—251; Она же. Култ светог Николе у средњовековној Србији // Христијанска агиологија и народни вјерања / Сб. в чест на с.н.с. Елена Коцева. София, 2008. С. 29—36.

⁵⁴ См.: Сперанский М. Н. Русские памятники письменности... С. 100.

⁵⁵ Там же. Примеч. 116.

⁵⁶ Попов А. Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 486.

⁵⁷ В новейшем печатном описании кодекс вполне обоснованно датирован второй четвертью XV в. (Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л. Българското средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Държавния исторически музей в Москва. София, 1999. С. 86—87, № 80). Однако описатели как в XIX в., так и в конце XX в., не обратили внимания, что на л. 17, 16—16 об. (листы здесь перепутаны, причем л. 17 вклеен оборотом вперед) в сборнике находится Пасхалия (конец утрачен), начинающаяся с 6959 (1451) г. и обрывающаяся (утрачен, вероятно, самый конец) на 7000 (1491/92) г.

⁵⁸ Сперанский М. Н. Русские памятники письменности... С. 100. О восточнославянской рукописной и старопечатной традиции памятника см.: Никольский Н. К. Материалы

для повременного списка... С. 314—326; по русским пергаменным спискам раннего XV (не XIV и тем более не XIII!) в. текст издан: *Шляпкин И. А.* Русское поучение XI в. о перенесении мошей Николая чудотворца. СПб., 1881 (ПДП. Вып. 10). Памятник неоднократно публиковался и по позднейшим спискам (см., к примеру: *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2. Прилож. С. 555—557).

⁵⁹ *Сперанский М. Н.* Русские памятники письменности... С. 100.

⁶⁰ Ряд замечаний по поводу систематической неполноты сведений и других небрежностей этого описания, которое сто лет назад почиталось (см.: *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910 (репринт — М., 2003). С. 644—645) без преувеличения образцовым, см.: *Турилов А. А.* Кичевский сборник с «Болгарской апокрифической летописью» (Датировка, состав и история рукописи) // *Palaeobulgarica*. 1995. № 4. С. 3—4.

⁶¹ Более точная датировка рукописи нуждается в дополнительном исследовании и обосновании. Если палеографические приметы почерка основного писца кодекса — «многогрешного» монаха Равулы, — переписавшего начальную (до л. 250 об. включительно) часть рукописи, вполне укладываются в параметры уставных почерков эпохи короля Милутина (1282—1321), то письмо Кондакаря несколько моложе по облику (что, разумеется, не мешает частям рукописи быть современными в рамках первой трети — начала второй четверти XIV в.). Верхнюю грань создания кодекса определяет проба пера канцелярским письмом XIV в. на л. 282 об. — начало послания «господину кралю» от его «работника», воеводы Младена (почти несомненно отца севастократора Бранка Младеновича). Можно указать на заметную близость письма Равулы почерку литургического свитка Хиландарь, 16/V, датируемого концом XIII в. (см.: *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара: Палеографски албум. Београд, 1978. Репр. 18; *Миодраг П.* Молитвени записи на хиландарским литургијским свицима // ХЗ. Београд, 2004. Књ. 11. Сл. 1—4).

Попутно два необходимых примечания: 1) Запись на обороте л. 250 выполнена (вопреки мнению составителей последнего описания — *Николова С. и др.* Българското средновековно културно наследство... С. 70) основным писцом рукописи — Равулой; 2) Данный писец никак не может быть отождествлен (несмотря на редкое имя) со своим более известным (но несравненно менее каллиграфичным) младшим современником и тезкой, работавшим ок. 1353 г. в шар-планинской жупе Сириничи (о рукописях, переписанных этим другим Равулой см. (с ошибочной датировкой XIII в.): *Церний Л.* Белешке о писарима неких српских рукописа у манастиру Свете Катарине на Синају // АП. Београд, 1982. Бр. 4. С. 21—23, табл. 18—24; о времени его жизни — *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000 (переизд. — 2004). С. 120—121. Примеч. 2; *Темчин С. Ю.* Сербский столпный апракос Равулы (ок. 1353 г.): происхождение, особенности языка, структура // *Slavistica Vilnensis*. Vilnius, 2003. Kalb. 52 (2). С. 131—177; *Он же.* Бывшая рукопись белградской Народной библиотеки (сербский октоих 1353 г., № 213) в Гарварде // *Ibid.* С. 197—204; *То же* // Археографски прилози. Београд, 2007—2008. Бр. 29—30. С. 47—54; *Убинарин М.* О рукописном¹ Октоиху (1353 г.) из старе збирке Народне библиотеке у Београду // Там же. С. 55—70).

⁶² Новейшее описание рукописи см.: *Николова С. и др.* Българското средновековно културно наследство... С. 69—71, № 64.

⁶³ Там же. С. 70.

⁶⁴ Первое упоминание о русских памятях с песнопениями в этом Кондакаре см.: *Флоря Б. Н. и др.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции... С. 128, примеч. 2 (а кроме того: ПЭ. М., 2003. Т. 6. С. 54; Там же. М., 2007. Т. 16. С. 162 — в последнем случае ошибоч-

но указание на наличие в рукописи кондака и икоса прп. Феодосию Печерскому). Странным образом Р. Павлова (Восточнославянские святые в южнославянской письменности... С. 35) отмечает, что в этой работе указан лишь кондак Николы.

⁶⁵ Там же. С. 36 (кондак на перенесение мощей Николы), 200 (кондак и икос Борису и Глебу).

⁶⁶ Там же. С. 35—36.

⁶⁷ Сведения о памятнике, отражающем смешение культа двух соименных христианских мучеников, см., напр.: *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов // Сб. ОРЯС. СПб., 1880. Т. 21. Кн. 2. С. 5—10, 50, 51. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI — первая половина XIV вв.). С. 270—271 (Мучение Феодора Стратилата), 272—273 (Мучение Феодора Тирона). Издание текста (по отдельным восточнославянским спискам XVI—XVII вв.): Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3. С. 143—145; *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 93—99; Сказание о св. Феодоре Стратилате, како он избавил мать от змиев, и змиев победил: Апокрифический рассказ (по тексту рукописи) // Христианские древности и археология. СПб., 1864—1865. Кн. 1. С. 58—64.

⁶⁸ Примерно лет пять-шесть назад я задавал вопрос о южнославянских списках памятника (вне связи с «первым восточнославянским влиянием») трюм общепризнанным специалистом в области изучения апокрифов и/или календарных сборников уставных чтений: К. Ивановой, Т. Йовановичу и А. Милтеновой. Все трое в тот момент ответили мне отрицательно (ср. также: *Стара българска литература*. София, 1981. Кн. 1 (Апокрифи) / Съст. и ред. Д. Петканова; *Апокрифи новозаветни / Приредило и на савремени језик превео Т. Јовановић*. Београд, 2005 = *Стара српска кижевност у 24 књ*. Књ. 23. Т. 2 — текст в обоих случаях отсутствует).

⁶⁹ Сколь-либо надежная статистика восточнославянских списков на сегодняшний день отсутствует. Сведения справочника А. де Сантос-Отеро (*Die handschriftliche Überlieferung der altslavisches Apokryphen*. Berlin; New York, 1981. Bd. 2) по вполне понятным причинам заведомо неполны. Некоторые данные о списках см. также: *Čertorickája T. V.* Vorläufiger Katalog kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus. Opladen, 1994. S. 142—143 (05.6.16, 18), 560, 570, 613, 614—615, 642, 648—649, 652—653; *Творогов О. В.* Переводные жития в русской книжности XI—XV вв.: Каталог. М.; СПб., 2008. С. 116, 117. О популярности данного «чуда» в восточнославянской книжности свидетельствует и существование русских икон конца XV в. (С.-Петербург, Гос. Русский музей, из собр. Н. П. Лихачева) и первой половины XVII в. (Там же, инв. № 2146) на этот сюжет, при этом с существенными отличиями в иконографии (см.: [Розанова Н. П.]. *Ростово-суздальская живопись XII—XVI вв.* М., 1970, илл. 38; *Искусство строгановских мастеров в собрании Государственного Русского музея: Каталог выставки / Сост. Т. Б. Вилинбахова, И. Д. Соловьева, А. А. Мальцева*. Л., 1987. С. 50, № 35).

⁷⁰ См.: *Мирчева Е.* Германов сборник от 1358/1359 г.: Исследване и текст. София, 2006. С. 834—846.

⁷¹ См., к примеру (для триодной традиции): *Čertorickája T. V.* Vorläufiger Katalog... S. 142—143 (05.6.16, 18), 560, 570, 613, 614—615, 642, 648—649, 652—653.

⁷² Один из древнейших южнославянских списков (в составе Сборника дьяка Николица — см. примеч. 76), впрочем, был приурочен к Фёдоровой субботе, однако не в сборнике уставных чтений.

⁷³ В связи с тем, что сведения о рукописи в печатных изданиях (см.: *Јовановић-Ступчевић Б.* Средњовековно писано наслеђе у заоставштини Љубомира Ковачевића //

Археографски прилози. Београд, 1988—1989. Бр. 10—11. С. 76; *Јовановић Т.* Такозвана руска варијанта *Варуховог откровења* у препису треће четвртине XIV в. // Прилози КЈИФ. Београд, 2007. Књ. 73. С. 77—78) страдају разнoгo рoдa нетoчнoстима, привoжу здeсь ee краткoe oписаниe:

Сборник житий и апокрифов (?), oтрывoк (o датирoвкe см. нижe); мeстoнахoждeниe oснoвнoй чaсти нeизвeстнo. Нa нижнeм пoлe л. 2 нoмeр тeтрaди (26). Срeднeбoлгaрски извoд (с зaпaднoбoлгaрски мeтoдoм oсoбeннoстимa (oрфoгрaфију см. в публицaцији Т. Јoвaнoвичa). Пeргaмeн. 7 л., oшибoчнo прoнумeрoвaнe кaк 8 (л. 1 прeдстaвляeт лeвий вeрхний угoл л. 8). Пoрядoк листoв нaрушeн, л. 1 дoлжeн, пo вeсeй видимoсти, слeдoвaть зa л. 7. 280 × 205 мм. Устaв oднoгo пoчeркa в 2 стoлбцa (пoдрoбнee см. нижe), нa стрaницe 36 стрoк. В стoлбцe 1a инициaл тeрaтoлoгичeскoгo стилиja (нaрoднaя тeрaтoлoгijа), в стoлбцe 5a — плeтeный южнoслaвjaнскoгo стилиja. Зaгoлoвкe в 2 кoнтурa с пoдкрaскoй. Сoдeржaниe: житиe прeп. Фeoдoрe Алeксaндрийскoй (бeз нaч., сo слoв: ... н видe вeльбaждн н блaжeнѧ ꙗω(д)рѧ. н ѡдѧжскo н ѡдннѧскo oдѧннe нoсaщa...) — л. 2a—5a; Oткрoвeниe Вaрухa — л. 5a—7г (тeкст oпубликoвaн Т. Јoвaнoвичeм); Чудo («слoвo») Фeoдoрa Тирoнa (бeз кoнцa, oбрывaeтcя нa слoвaх: ...ω кaкo лн сa рaздѧчн дѧшѧ твoѧ бeзѧ гл(с). н тo рeкѧ стѧ ꙗω(д)рѧ...) — л. 1 + 8.

Oтрывoк прeдстaвляeт нeмaлый интeрeс и в грaфикo-пaлeoгрaфичeскoм oтнoшeнии, пoскoлькy oн нaписaн нeсoмнeннo тeм жe писцoм (aтрибуциjа мoя), чтo и ужe дaвнo oтoждeствлeннe мeждy сoбoй пo пoчeркy Eвaнгeлиe aпрaкoс крaткij (СПб., РНБ, Q.п.1.38 и 58; СК XIV, № 97, 98), и Пaрeнeсис Eфрeмa Сиринa (Сeрбиjа, мoнaстѧрѧ Вьсoкиe Дeчaны, № 77, oтрывкe — Бeлгрaд, НБС, Рс-426; СПб., РНБ, Гильф. 20 (л. 1—7) и Гильф. 60), дaтирoвaннe рaнним XIV в. — oсoбeннo хaрaктeрны нaчeртaния З, O ширoкoгo (укрaшeннoгo ввeрху и внизу штрихaми), Ч с oкруглoй плoскoй и дoстaтoчнo симмeтричнoй чaшeчкoй, «ять» с oчeнь мaлeньким кузoвoм, Ы с пeрeчeркнoутoй прaвoй чaстѧю (oбрaзцы пoчeркa oбoих пaмятникoв см.: 1) *Мошин В.* Пaлeoгрaфски aлбум нa јужнoслoвeнскoгo кѧрилскo писмo. Скопјe, 1966. Сн. 84 (Eвaнгeлиe), 85 (Пaрeнeсис); 2) *Дeсoдoвa В., Слaвeвa Л.* Мaкeдoнски срeднoвeкoвни рaкoписи. Прилeп, 1988. [Књ.]. I. С. 231—233, № 71 (Eвaнгeлиe); 237, № 73 (Пaрeнeсис); прeдлoжeннaя в eтиx aлбoмaх дaтирoвкa рaкoписeй втoрoй чeтвeртѧю XIV в. прeдстaвляeтcя излѧшнe пoзднeй; 3) Пaлeoгрaфски aлбум / Припрeмилa Л. Цeрнѧћ. Бeoгрaд, 1991 (прилoж. к: *Штaвљaнин-Ђорђевић Љ., Грoздaнoвић-Пaјић М., Цeрнѧћ Л.* Oпис ћѧрилских рaкoписa Нaрoднe Библиoтeкe Србији. Бeoгрaд, 1986. Књ. 1). Тaбл. 36).

⁷⁴ Крaткoe oписаниe oтрывкa (oпeрeдeлeннoгo здeсь в сooтвeтствии с зaглaвиeм кaк житиe Фeoдoрa Стрaтилaтa) см.: *Цoнeв Б.* Oпис нa слaвjaнскитe рѧкoписи в Сoфийскaтa Нaрoднa Библиoтeкa. Сoфия, 1923. Т. 2. С. 60.

⁷⁵ Дaтирoвкy в дaннoм случae пo пoчeркy, пoскoлькy филигрaнѧ нa зтoт лист нe пришлaсь.

⁷⁶ Пo зтoмy признaкy с нaзвaннoмi oтрывкaми сoвпaдaeт eщe oднe дeфeктный южнoслaвjaнски (сeрбски) списoк чудa — в сoстaвe ужe упoмянутoгo вѧшe (см. рaздeл o Слoвe (скaзaнии) o пeрeнeсeнии мoшeй Никoлѧ) сбoрникa ГИМ, Хлуд. 241 (oк. 1451 г., л. 89 об. — 90 об.: чюдo бѧвѧшe при кoстaн... цѧрѧ стѧѧ цѧтѧкa хѧѧ ꙗω(д)рѧ). Oн, oднaкo, пo вeсeй видимoсти, прeдстaвляeт ужe чaстичнo сoкрaщeннyю пeрeрaбoткy рeдaкцији, лeжaщeй в oснoвe бeлгрaдскoгo и сoфийскoгo списoкoв. Тaк, к примeрy, oбрaщeниe Фeoдoрa к бoжвaм, o кoтoрoм пoйдeт рeчь нижe, исклoчeнo здeсь пoлнoстѧю. К «Кoнстaнтинoвскoй» вeрсии чудa принaдлeжaл тaкжe списoк в сoстaвe пoгибшeгo сбoрникa XIV в. (oк. 1360 г.) дѧкѧ Никoлицѧ из стaрoгo сoбрaниjа НБС (№ 104, л. 106—108 об.), судя пo нaчaлу, oчeнь близкий к сoфийскoмy, oднaкo имeвший сoвeршeннo oсoбoe (приурoчeннoe к Фeoдoрoвoй суббoтe) зaглaвиe — см.: *Стојaнoвић Љ.* Кaтaлoг Нaрoднe Библиoтeкe у Бeoгрaду. IV. Рaкoписи и стaрe штaмпaнe књигe. Бeoгрaд, 1903 (рeпринт — 1982). С. 299, № 468.

⁷⁷ Ср., к примеру: Памятники старинной русской литературы... С. 143 (Уалент); Тихонравов Н. С. Памятники... С. 93 (Онаулент); Сказание о св. Феодоре Стратилате... С. 58.

⁷⁸ См.: Веселовский А. Н. Разыскания ... // Сб. ОРЯС. СПб., 1879. Т. 20. Кн. 6. С. 14—22.

⁷⁹ Ср.: Мирчева Е. Германов сборник... С. 834 (тогда стѣи ѳеод(а)рь... рече болярюмь и воельм. братиа. црь нашъ за то ны ѳе вож створилъ. да ны его радн оудрелъ, а тон да живеть...); Тихонравов Н. С. Памятники... С. 94 (стѣи ѳеод(до)рь... рече ко зворю(и). се люднѣ дон црь на(с) вѣнствн(л) естъ. да за него нзодрел(и). а ть да вѣде(т) жи(в)...); Памятники старинной русской литературы... С. 143 (стѣи ѳеодоръ... рече къ зворюѣ сн. люднѣ дон, царь насъ вѣнствовалъ естъ, за него нзодрелъ, а боуделъ живн...); Сказание о св. Феодоре Стратилате... С. 59 (святый Феодор... рече к собором и вельможам и болярюм: «Братия наша, что творите! Царь мой нас двоинствил естъ, да ему работаем, за него умрем, а царь будет жив»...).

⁸⁰ Ср.: «Повеле исковати (князь Владимир) лжице сребрены ясти дружине, рече сице: яко сребромь и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато...»; «Мстислав... любяше дружину повелику, имения не щадяше, ни питья, ни еденя браняше...» (примеры цитируются по: Срезневский И. И. Материалы для словаря. Стб. 730). «Теи бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир..., но оже будет правая вира, а ту возмя, даваху дружине на оружье. А дружина его кормяхуся, воуююще ины страны и быющесе и ркуше: “Братие, потягнем по своем князе и по Руской земле”...» (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (репринт — М., 2000. ПСРЛ. Т. 3). С. 104.

⁸¹ Ср.: «И рече Игорь дружине своей: “Братие и дружино! Луце ж потяту быти, неже полонену бытии...”» — Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Ольгова / Вступит. ст., подгот. текста, пер. с древнерус., коммент. и приложение А. А. Горского. М., 2002. С. 78.

⁸² Ср.: «И разумев Александр боязнь их, рече к ним: «Мужи макидонстии и дружино моя! Почто ся смятосте, слышавше грамоту Дарьеву?»... (Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1 (Текст). С. 111).

⁸³ Выражаю искреннюю признательность за дополнительные консультации по данному вопросу К. Ивановой, Дж. Трифуновичу, и И. Шпадиер.

⁸⁴ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 151; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 288, 308; Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988. Т. 1. С. 296, 301.

⁸⁵ Ср. последний пример в примеч. 80.

⁸⁶ Сперанский М. Н. Слово Илии Трудолюбивого // Jagic-Festschrift / Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908. С. 299—303 (То же // Сперанский М. Н. Мелкие старинные тексты. М., 1910. С. 3—6); Он же. Слово Илии Трудолюбивого // ЧОИДР, 1909. Кн. 3. С. 1—4 (публикация текста с кратким предисловием).

⁸⁷ Русский исследователь в обоих случаях датировал кодекс, написанный на пергамене и бумаге «впрокладку», концом столетия, однако еще ранее Л. Стоянович на основании записи Райчица Судича с упоминанием кесаря (Воихны) обосновал датировку ок. 1360 г. (Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Београд, 1901 (репринт — 1982). Књ. 1. С. 42, № 118).

⁸⁸ Skowronek M. «Świat cały ma Cię za obrońcę»: Michał Archangel w kulturze Słowian prawosławnych na Bałkanach. Łódź, 2008. S. 187—197.

⁸⁹ Сперанский М. Н. Слово Илии Трудолюбивого // Jagic-Festschrift... С. 300—302.

⁹⁰ О датировке рукописи см.: Birkfellner G. Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975. S. 221, № II/81.

⁹¹ *Сперанский М. Н.* Русские памятники письменности... С. 86, 90—92.

⁹² Ср.: *Тихонравов Н. С.* Памятники... С. 18—22; Памятники старинной русской литературы. Вып. 3. С. 109—112.

⁹³ Датировку и филигрань рукописи см.: *Гроздановић-Пајић М., Станковић Р.* Рукописне књиге манастира Високи Дечани: Водени знаци и датирање. Београд, 1995. С. 37—38. Рукопись до настоящего времени не имеет, к сожалению, подробного печатного описания, но, по моим наблюдениям, она обнаруживает по составу много точек соприкосновения с погибшим в 1941 г. более ранним Сборником дьяка Николица (см. примеч. 76). Помимо «Вопросов» и «Слова Илии трудолюбивого» это также жития Василия Нового и Ефросина повара и целый ряд поучительных рассказов, близких по характеру к учительной части русского Пролога, но не имеющих в ней аналогий.

⁹⁴ *Милтенова А.* За един неизвестен препис от апокрифните въпроси и отговори на апостол Вартоломей // «Пение мало Георгию»: Сб. в чест на 65-годишнината на проф. д-р Г. Попов. София, 2010. С. 464—467.

⁹⁵ Известный новгородский Паисиевский сборник (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, 4/1081), в составе которого читается старший русский список «Вопрошаний», датируется по филиграммам первой четвертью XV в.

⁹⁶ *Јовановић Т.* Такозвана руска варијанта *Варуховог откровења*... С. 81—89.

⁹⁷ Там же. С. 80.

⁹⁸ Правда, следует заметить, что икосов дня, входящих в Кондакарь почти на равных правах с кондаками, ни месецеслов Апостола апракос, ни Пролог не содержат.

⁹⁹ В судьбе Кондакаря на южнославянской почве многое остается неясным. Уникальный характер хлудовского списка лишь подчеркивает факт отсутствия кондаков и икосов дня (после песни 6-й канона) в составе многочисленных списков (преимущественно сербских) Миней служебных и праздничных конца XIII — первой половины XIV в. с проложными чтениями (пользуюсь случаем поблагодарить Р. Н. Кривко, обратившего мое внимание на данное обстоятельство). Однако это, безусловно, тема отдельного исследования.

¹⁰⁰ Подробнее о памятнике см.: *Мецкерский Н. А.* К вопросу о византийско-славянских литературных связях // Византийский временник, 1960. Т. 17. С. 57—69 (с изданием текста); *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 112—113; СККДР. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI вв.). Ч. 2 (Л—Я). С. 289—290; *Плигузов А. И., Семенченко Г. В.* Митрополит Даниил и вопрос о наследнике Василия III // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989 (Труды ГИМ. Вып. 71). С. 149—150. Издание текста см. также: Русский феодальный архив. М., 1987. Ч. 3. С. 542—543, № 153.

¹⁰¹ СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 289—290.

¹⁰² *Плигузов А. И., Семенченко Г. В.* Митрополит Даниил и вопрос... С. 149—150.

¹⁰³ Например, в рукописях: Киев, Ин-т рукописей НБ Украины, собр. Киево-Софийского собора, № 273/1310с (посл. четв. XV в.); там же, собр. Михайло-Златоверхого монастыря, № 529/1643п (посл. четв. XV в.); РГАДА, ф. 181, № 710 (кон. XV — нач. XVI в.), л. 22 об. — 24 (см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2000. С. 24—25, 180—181); РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 720 (ок. 1600 г.). В новейших печатных описаниях киевских Прологов наличие статьи не отмечено (см.: *Гнатенко Л., Бабалевска С.* Проложного житие на Кирилл Философ в три рукописа от края на XV в. // *Palaeobulgarica*. 1998. № 1. С. 39—42; *Гнатенко Л.* Слов'янська кирилична рукописна книга XV ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського: Каталог. Київ, 2003. С. 109—113, № 39—40).

¹⁰⁴ См.: Летописец Еллинский и Римский. СПб., 2001. Т. 2 (Коммент. и исслед. О. В. Творогова). С. 133—192.

¹⁰⁵ Из нее этот упоминаемый далее набор текстов (кроме слова на Введение) перешел и в юго-западную редакцию Измарагда (см.: ПЭ. М., 2009. Т. 21. С. 597).

¹⁰⁶ См.: Каталог славяно-русских рукописных книг XV в. ... С. 180—181.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ О датировке и филигранях рукописи см.: *Николова С.* Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980. С. 57. Примеч. 95. Исследовательница, вероятно, из осторожности, датирует кодекс концом XIV в., приводя при этом филиграни, относящиеся к 1350—1370 гг. До этого рукопись ошибочно датировалась началом XV в. (*Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905 (= Сб. ОРЯС. Т. 79). С. 447) и даже первой половиной XVI в. (*Panaitescu P.* Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei PRP. București, 1959. Vol. 1. P. 397).

¹⁰⁹ *Ангелов Б. Ст.* Стари славянски текстове (XII. Разказ за съдбата на човека) // Известия на Института за българска литература. София, 1960. Кн. 9. С. 256—268.

¹¹⁰ Практически исчерпывающую библиографию вопроса с перечнем публикаций текста по русским спискам см.: *Подскальский Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237). СПб., 1996. С. 174—176; *Алексеев А. И.* «Слово о исходе души» Кирилла Философа // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Археография. Палеография. Кодикология.* СПб., 1999. С. 8—18. Из древнейших (не позднее рубежа XIV—XV вв.) русских списков, помимо упоминаемых в литературе (см.: *Творогов О. В.* Древнерусская книжность XI—XIV вв.: Каталог памятных (Продолжение) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 417), следует указать пергаменный отрывок новгородско-псковского происхождения конца XIV в., служащий нижним защитным листом при Шестодневе служебном XV в. ГИМ, Син. 707 (см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1862. Т. 5. Отд. 3. 1 (Книги богослужебные). № 452. С. 584).

¹¹¹ См., напр., новейшую работу: *Алексеев А. И.* «Слово о исходе души»... С. 8—13. Отчасти, возможно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что публикация Б. Ст. Ангелова увидела свет на страницах не специализированного мидиевистического издания, а во всеобъемлющих (в хронологическом отношении) «Известиях Института болгарской литературы», позднее же — в сборниках его авторских трудов — она не повторялась.

¹¹² См.: *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи... С. 450—451. Примечательно, что бухарестский кодекс фигурирует (в связи с молитвой Кирилла Туровского, «Слово Кирилла Философа» не упомянуто) и в приложении к статье Х. Микласа 1988 г. (*Kyryllomethodianisches und nachkyryllomethodianisches Erbe...* S. 456, примеч.), однако автор, которому остались неизвестными филигранологические наблюдения С. Николовой (см. примеч. 95), выражает сомнения в его датировке, ссылаясь на разногласию мнений в литературе.

«Поучение Моисея» и сборник игумена Спиридона (новгородский памятник XII в. в контексте русско-южнославянских связей)

Богатство восточнославянской средневековой книжной традиции, огромная роль, которую она сыграла в сохранении культурного наследия Великой Моравии, древнейшей (X—XI вв.) Чехии, Болгарии и (в меньшей степени) Сербии, обычно закрывают от отечественных исследователей другую сторону проблемы — южнославянские списки русских сочинений. Если публикация древнеболгарских сочинений по восточнославянским спискам явление столь обычное, что даже не требуется приводить примеры, то издания южнославянских списков древнерусских сочинений являют скорее исключение, причем осуществляются они по-преимуществу зарубежными исследователями¹. Разумеется, корпус древнерусских текстов, дошедших в славянских рукописях XIII—XIV вв.² значительно меньше по объему и числу списков, чем южнославянский в восточнославянской традиции. Не следует забывать, однако, что в южнославянской традиции древнерусские памятники представлены, как правило, более древними (хотя и не всегда более исправными) списками, чем в восточнославянской³, что уже само по себе достойно внимания. Кроме того, ранний переход литературного памятника в иную историко-культурную и языковую среду (при всей близости средневековых православных славянских литератур) может способствовать консервации текста, в большей степени подверженного изменениям у себя на родине (хотя отнюдь не исключена и прямо противоположная возможность — кардинальное редактирование текста в новых условиях). Пример, рассматриваемый в данной статье, в известной мере позволяет проследить обе возможные тенденции.

В большом отрывке сербского пергаменного сборника третьей четверти XIV в., хранящемся в Отделе рукописей БРАН под шифром 24.4.20 и происходящем из собрания И. И. Срезневского⁴, на л. 28 об. — 30 находится анонимный текст древнерусского происхождения, озаглавленный Слово ѿ апо(с)ла не поуѣакъ нѣбѣ дѣ(д)ѣ. В описании он охарактеризован как «поучение, обличающее ложные клятвы, проклятия и излишества»⁵. За этим названием и характеристикой скрывается памятник, хорошо известный (в других редакциях) в древнерусских списках под заглавием «Слово отца Моисея о ротах и клятвах» и «Поучение Моисея о безвременном пьянстве»⁶. Памятник загадочным образом не привлек к себе внимания ни прежнего владельца рукописи, издавшего одну из редакций текста по русским спискам⁷, ни М. Н. Сперанского, исследовавшего⁸ в составе сборника сербский список древнерусского перевода «Пчелы»⁹ и специально занимавшегося проблемой древнерусских литературных памятников в книжности южных славян¹⁰.

Двум заглавиям памятника в русских списках (далее — Слово и Поучение) соответствуют две разные редакции текста. Поучение известно в единственном списке середины (?) XIV в. новгородского происхождения (ГИМ, Хлуд. 30Д), Слово — в ряде сборников XV и XVI вв., старший из которых известный Паисиевский (РНБ, Кир.-Бел. 4/1081) первой четверти XV в. По существу, Слово представляет вторую часть Поучения, посвященную осуждению клятв и суеверий (первая осуждает телесные излишества), либо в единственном известном списке Поучение слито со Словом, не имеющим здесь отдельного заголовка.

Как же соотносится с уже известными редакциями текста новый список? Он, как уже сказано выше, анонимен, по объему значительно ближе к Поучению, чем к Слову, и содержит (хотя и с редакционными отличиями, о чем ниже) обе части, но в обратном порядке. Этим, однако, особенности нового списка (а точнее — новой редакции) не ограничиваются. Между частями, входящими в Поучение, здесь помещен довольно большой (ок. 20 % общего объема) текст, не имеющий соответствия в известных до последнего времени русских списках¹¹ (от слов: а се друуга зьль до: а не во славоу дннволю) и посвященный обличению социальных несправедливостей. Именно в этой части «Слова от Апостола» обнаруживаются яркие лексические русизмы, особенно заметные при выдержанной сербской (рашской) орфографии рукописи¹². Таковы «съсобичный» (ратню съсобичною) в значении «междоусобный»¹³, «поробочивати» (поробочивають) вместо ожидаемого южнославянского «поработати»; «поклеп» (поклепощь); изгонство — явно в значении платы за освобождение из рабства (горѣ же всего того изгонство — ср.: се горши всего изгонство елающе на нскоупаю щихъ сѧ ѿ работы в «Предисловии покаянию», памятнике XII в.)¹⁴. Наиболее яркий пример не просто русизма, а восточнославянского регионализма, представляет один из любимых новгородизмов юбиляра¹⁵ — «нам» в значении ростовщический процент (рѣзонданнечь ркше намы), термин, которому А. А. Зализняк на материале новгородских берестяных грамот посвятил специальный этюд¹⁶. Сербский писец в данном случае сохранил в неприкосновенности древнейшую форму, которая в большинстве русских списков передана как «наимъ»¹⁷. Интересно, что в данном случае «намъ» служит пояснением к слову «резонимание», тогда как в «Вопрошании Кирика» «намы» само поясняется термином «лихва» (наць дѣла. ркше лнхвы). Вероятно, такое различие в определении (в «Слове» книжное «резонимание» комментируется обиходным «намы», в «Вопрошании» же это последнее объясняется более книжным «лихва») происходит из-за ориентации на разную аудиторию. «Вопрошание» обращено к образованному человеку — церковному иерарху, тогда как «Слово» — к пастве.

Таким образом, мнение о новгородском происхождении «Поучения Моисея», до сих пор базировавшееся преимущественно на новгородском происхождении старшего (Хлудовского) списка, получает теперь подтверждение с несколько неожиданной стороны — через Сербию. Подтверждается и древняя (XII в.) датировка памятника. Известно, что А. Н. Попов¹⁸ и Н. М. Гальковский¹⁹, атрибутируя сочинение новгородскому архиепископу Моисею (1325—1330, 1352—1359), исходили в основном из имени в заглавии текста и датировки Хлудовского сборника XIV в.²⁰ А. И. Соболевский²¹ резонно указывал на древность языка памятника²², хотя кан-

дидатуру автора (игумена Антониева монастыря Моисея, умершего в 1187 г.) предложил скорее в пику А. Н. Попову, как образец столь же мало аргументированной атрибуции, поскольку (как подчеркивал и сам исследователь) никаких сведений о литературной деятельности Моисея XII в. в источниках не обнаруживается. Заслуга Соболевского и в том, что он обратил внимание на более чем вероятную связь поучения с засухой 1161 г., отмеченной новгородскими летописями.

Собственно, уже сам факт наличия датированного XIV в. сербского списка памятника свидетельствует в пользу его древности (не позднее середины XIII в.): среди древнерусских сочинений и переводов, дошедших в южнославянских списках XIII—XIV вв., нет ни одного, создание которого относилось бы ко времени позднее конца XII в.²³ Пассаж же, читающийся в сербском списке памятника и отсутствующий в большинстве русских (в том числе старших), содержит наиболее архаический языковой пласт — и нады и изгонство известны по русским книжным памятникам XII в. Первое слово содержится, как уже говорилось, в «Вопрошании Кирика» и в поучении новгородского епископа Ильи-Иоанна (1160-е гг.)²⁴. Второе находится в анонимном памятнике XII в. «Предисловие покаянию» («Наставление иереям с упоминанием изгойства»)²⁵, по тематике близком к нашему отрывку. В берестяных грамотах, как отмечает А. А. Зализняк, употребление термина *нады* наиболее характерно для XI—XII вв. Таким образом, даже если предполагать, что данный пассаж является вставкой, то это древняя вставка в первоначальный текст, сделанная, несомненно, еще на Руси (что косвенно подтверждается и существованием русского Архивского списка XVI в.). Скорее, однако, это исконная часть текста — тема междоусобной войны как наказания за грехи была актуальна в Новгороде в 1161 г. в связи с событиями ближайших предшествующих лет.

Анонимность новой (и при этом безусловно древней) редакции поучения позволяет вновь поднять вопрос об авторстве текста. В принципе, равноправны по сути обе возможности: 1) имя автора в сербском списке утрачено; 2) имя Моисея в русских списках вторично. Приметы древности новой редакции заставляют быть внимательным при его решении. Поучение было произнесено в связи с длительной засухой, и объяснение этому дано со ссылкой на слова пророка: *того радн завеждано небо не поушати дъжда на землю. занеже тловци кльнууть се бгѡмь въ льжюу; причем одна из причин этого (друга вина) — жрътвоу приносить вѣсомь* (т. е. языческим божествам). Ближайшая библейская параллель этому (при отсутствии прямого текстуального совпадения) — Второзак. XI. 17 (блюдн себе да не развѣлчатюся ср(д)це твоѡ. прнстѣпнвшѡ послажнте богодъ ннѣмь и поклоннѡтсѡ ндъ. и каростню разгнѣваетсѡ ть на вы. и затворнть небо и не бѡдетъ дожда. и земла не дастъ плода своего)²⁶, т. е. одна из книг пророка Моисея. Зная распространенную традицию приписывать сочинение имяреку (Иоанну Златоусту, Василию Великому, св. Григорию, Кириллу Философу, и т. д.), если сам текст начинается словами «Рече («Яко рече...», «Глаголет...» и т. п.) имярек...», можно предположить аналогичную ситуацию и в нашем случае. Поэтому, вероятнее всего, от атрибуции памятника какому-либо конкретному новгородцу Моисею следует отказаться, ограничившись констатацией связи сочинения с засухой 1161 г.

Когда же «Слово от Апостола» стало известно сербским книжникам? На этот вопрос, как кажется, дает ответ состав содержащего его сборника, который в на-

стоящее время не ограничивается отрывком БАН 24.4.20. Еще на рубеже 1970—1980-х гг. выдающийся сербский археограф Л. Цернич установила (на основании данных почерка, площади текста, количества строк и нумерации тетрадей), что фрагмент БАН происходит из большого кодекса, хранящегося в Основном собрании РНБ под шифром Ф.п.І.121, и к той же рукописи относится также еще один отрывок из собрания И. И. Срезневского — БАН, 24.4.23²⁷; позднее как ее часть был атрибутирован также лист, поступивший в НБС в составе собрания Л. Ковачевича²⁸. Основную часть кодекса РНБ (л. 1—175 об.) занимают Пандекты Никона Черногорца в древнейшем (восточнославянском)²⁹ переводе, содержащие 45 глав (редакция, именуемая порой в литературе «Златой Цепью»³⁰). Отрывок БАН 24.4.23 должен, по всей вероятности, помещаться между листами 187 и 188 кодекса РНБ, а фрагмент БАН 24.4.20 составляет его заключительную часть³¹. Отсюда становится ясным, что текст на л. 30 об. — 31 этой последней части рукописи, содержащий названия глав с 1 по 15 и (фрагментарно, на л. 31) 20 и 37, озаглавленный тълкованнк заповѣди тѣе, является оглавлением Пандектов, носящих в части РНБ то же самое заглавие³², которое помещено здесь не только после памятника (в принципе возможны два варианта размещения оглавления — перед текстом и после него), но и после всех дополнений к нему.

Части кодекса, хранящиеся в БАН, имеют постатейное описание³³, и это избавляет от необходимости останавливаться на них специально. Иначе обстоит дело с основной частью кодекса (РНБ, Ф.п.І.121), поэтому целесообразно привести здесь перечень его статей, служащих дополнениям к Пандектам:

Л. 175 об. — 176 об. Послание афонского старца Иоакима игумену сербского монастыря Студеница Спиридону — Слово кромиѣ снхъ кннгъ. ѿ стѣи горы. нѣкоего веланкаго старца въ прѣпо(д)вѣннхъ нвоакнѣ. свѣтованнк къ спнрндоноу. игоуменоу веланкн лавры стѣи еце стоуденнцн. нмъ же оуставлено бы(с) снѣ здѣ. нмъ снче (Твоѣ блгѣи. нмъ же посѣтнл насъ оубогахъ. то пришло ксть до насъ...).

176 об. ѿ монокана стѣо васнана (Аще не вьстръгнувенно ндоутъ своего обычана н по еу(г)лнѣ жнтна не прнѣдлѣють...).

176 об. — 177. ѿ ннкенскаго сбора .ѡ. глава .ѡ. (Понеже поуще оубо прнчнтакмъ се боу. въ оправданнхъ нхъ поучаю се...).

177. Стѣи хъ аплѣ канонъ .нн. (Ѹп(с)пъ нли прозвнтеръ. лѣне се ѡ клнростѣ н ѡ людехъ. н не каже нхъ блговѣрнкемъ...).

177—177 об. В константннѣградѣ сбора (В стѣи хъ ап(с)лѣ хъ. апостольскоу н бж(с)твнѡмоу канонѡу. нерѣшмъ быти нчнннѡщнмъ...)

177 об. Стѣи хъ аплѣ кан(н) .кѣ. (Аще клнрнкъ хромоу нли тѣлоу гдзвнѡу...).

177 об. — 178. А се ѿ ннѣ хъ кннгъ слово. ѡ архіепіпѣ терссолнмльскѣ (Нѣкын патрлархъ терссолнмльскын слыша ѡ етерѣ мннстѣ сьгрѣшнвшемъ...).

178—178 об. ѿ монокана стѣи хъ ѡць. ѡ еп(с)пѣ хъ н ѡ днѣконѣ хъ н ѡ еренѣ хъ (Аще еп(с)пъ нли прозвнтеръ нли днѣконъ. бывають мннхъ...).

178 об. — 179. Выписки из «Пчелы» в древнерусском переводе, без загл. (Старнца каа блажааше антнгона црѣ. н ре(ч). ѡ мтн. аще ен вѣдѣла...).

179—179 об. О семи злыхъ помыслахъ, без загл. (Злыи помыслъ прѣвыи адамовн въ рѣн...).

179 об. — 180 об. Слово о покаянии. како многы и разлчныи соуѣ оу праведнаго соудни соудьбы (Ннако бо соудь имать вѣрных. ннако не вѣрных...).

180 об. — 181 об. Сеугриана еп(с)па гавальска о Члвцѣ (члвтьское нме тако же се рещи члвкѣ евренскымъ кзкодь. огнь сказаѣть се...).

181 об. — 183. Иованна дамаскина. лѣтописць по плхтн велнкааго га спса нашего ис хса (Родн се оубо гъ наш ис хсѣ от прѣстык двн бце мрне. рѣф алнмвнмды...).

183—183 об. Мазнмово (Бысть блговѣщенне прѣчнстѣн прнснодвѣн мрнн. въ лѣ(т) .е.Ф.А...).

183 об. Ефнфанна архіеп(с)па купрьскаго острова (Ико бѣ з дѣль створи в днѣ стго блговѣщенна...).

183 об. — 184. Ефнфанна мнixa и презвнтера. о знаменнхъ нрава. шбраза же и възраста прѣстык бце (Бѣше оубо шлоучено мѣсто въ храмѣ гнн...).

184—184 об. Знаменнк га нашего ис хса (Мон же хсѣ и бѣ вѣ. шбразомъ краснѣ зѣло...)

184 об. Стго мазнма о цѣ(н) тридесете сребрннкѣ. кже възетъ нмда за прѣданне хво.

184 об. — 185 об. Андреа крнтъскааго. о чьстн и поклоненнн стѣнхъ нкомь (Нчто же въ хр(с)тнанствѣ безъ оуказаннн. нчто же тоуж(д)е...).

185 об. — 186 об. Стго мазнма изложеннк о вѣрѣ вкратцѣ. выпроснтн и швѣшатн вса-комлоу хр(с)тнанинѣ правовѣрноу.

186 об. — 187 об. Тогож(д)е о двою съвршешоу кстьствоу. га нашего ис хса (Слово шче н бѣ самъ гъ наш ис хсѣ...).

188. апокрифическое Сказание о 12 пятницах, окончание, со слов: жидовннь. нзглавша все петкы. рыкнуу велнкмъ глсодь н рече....

188—191 об. Толкование (апокрифическое) Григория Богослова о литургии (Оуказаннк о стѣн антоургн стго грнгорна бгословца. ть бо видѣ аглы боу слоужещем).

191 об. — 223 об. Повести и изречения из Скитского патерика (из глав: О прозоранвын(х) (11 разделов); О творещнхъ знаменнн стѣнхъ (1); О жнтн добрѣ разлчномъ съветомъ (12); Ико по(д)бакть прѣтрьпѣтн шбндн (4); О смѣрѣнѣн моудростн (17); О блже ннѣмъ послушаннн (4); Ико по(д)бакть страннкы прнмлатн кротостню н мловатн (2); Ико по(д)бакть выноу млнтн се съ бдростню (3); Ико по(д)бакть бдроу бытн о всемъ (5); О смотреннн (41); О протнхъ дшѣвннхъ подвнзаннн (1); О любодѣаннн (20); Ико не по(д) бакть дѣль свои х прѣ(д) члвкы творнтн (2); Повѣстн разлчнык к паметн н моужьствѣ оуѣще на(с)(18); о несънсканн нмѣнн — 7).

Ранее я уже писал (и именно в связи со «Словом от Апостола») о значении, которое имеет этот сборник (РНБ + БАН + НБС) для истории русско-южнославянских культурных связей XII—XIII вв.³⁴, и высказывал предположение, что число этих памятников в данной рукописи может со временем вырасти. Здесь же стоит обратиться к единственному тексту, следующему в кодексе сразу за Пандектами и содержащему сведения по датировке рукописи — посланию Иоакима, старца Святой Горы, к Спиридону, игумену монастыря Студеница в Сербии. По крайней мере, адресат послания («советования») является лицом, в сербской истории XIII в. хорошо известным, и при этом тоже как адресат — на сей раз св. Саввы Сербского, направившего ему письмо из второго путешествия (1234) в Святую Землю³⁵. Годы настоятельства Спиридона в Студенице неизвестны, но он не мог стать игуменом ранее 1214 г., когда во главе монастыря находился Иоанникий³⁶; неизвестно также,

сменил ли Спиридон Иоанникия непосредственно или между ними в Студенице были еще настоятели. Предполагается, что между 1227 и 1233 г. студеницкий инок Спиридон написал проложное житие основателя обители — св. Симеона Сербского (Стефана Немани)³⁷. Если речь идет о будущем архимандрите, то в этом случае послание Иоакима следует датировать не ранее 1227 г., но отождествление на основании одного только имени, разумеется, не вполне надежно. Кроме того, вовсе нельзя исключить возможности, что сан Спиридона, означенный в заглавии «Советования» соответствует времени не написания послания (прямых указаний на игуменство адресата в тексте нет), а включения («устваления») его в «конвой» Пандектов³⁸.

Еще меньше можно сказать об авторе «Советования». Ясно лишь, что это очень авторитетный — в силу своих личных иноческих достоинств — агиорит, хотя и не обладающий никаким официальным саном (возможно, даже не иеромонах). Если придерживаться точки зрения, что Иоаким был славянином (что разумеется, не обязательно), то среди современников св. Саввы Сербского и Спиридона можно найти соименного исторического деятеля. Речь идет о болгарском патриархе Иоакиме (1234—1246). Согласно проложному житию этого церковного иерарха, написанному вскоре после его кончины (и дошедшему, к сожалению, в единственном дефектном списке — София, Б-ка Болгарской АН, Слав. 23, л. 156—157)³⁹, он был болгарин и в молодости много лет провел на Афоне, являя образец монашеской жизни и послушания. Потом Иоаким переселился с тремя учениками в Болгарию. Очевидно, это состоялось не позднее 1218 г., когда царь Иоанн Асень II вззошел на престол (в житии читаем: слышав же х(с)олюбивн асень црь в начеть црьства его. и ш добродѣтелн его. и ш трюдѣ(х) его. и шь(д) к нкмоу и давь кмоу дного зла(т)...)⁴⁰. Судя по житию, будущий патриарх во время жизни на Афоне не был связан с каким-либо известным крупным монастырем (либо его агиобиограф не знал об этом) — данное обстоятельство заставляет вспомнить расплывчатое определение «старец Святой горы», примененное к автору в заглавии «Советования». Если бы двух Иоакимов удалось отождествить между собой, послание можно было бы датировать между 1214 и 1218 гг., и одновременно болгарская литература XIII в. пополнилась бы новым памятником и новым автором, поскольку о литературной деятельности патриарха Иоакима до сих пор ничего не было известно.

Сохранившиеся источники (житие Иоакима, проложное, Доментианово, Федосиево, и «краткое» житие св. Саввы) ничего не сообщают о знакомстве болгарского патриарха и сербского архиепископа до их встречи в Тырнове в 1235 г., однако *argumentum ex silentio* является быть в полной мере убедительным в силу того, что степень информированности агиографов и принцип отбора ими фактов не могут быть надежно реконструированы (кроме того, трудно представить, чтобы в пределах Афона начала XIII в. один известный славянский подвижник не знал о существовании другого). Вопрос о тождестве двух Иоакимов (и, соответственно, об авторстве послания) отстается, таким образом, открытым. Но даже если оставить в стороне спорный сюжет об атрибуции «Советования» тырновскому патриарху, памятник все равно следует датировать не позднее рубежа первой и второй трети XIII в. Послание явно адресовано человеку, сравнительно недавно оставив-

шему уединенное житие на Святой горе и переселившемся в «мир» (именно так воспринимает оставшийся на Афоне Иоаким пребывание Спиридона в «великой лавре Студеничской», «задужбине» основателя сербской династии и первого национального святого). Это и дает основание датировать памятник не позднее письма архиепископа Саввы к тому же Спиридону. «Советование» Иоакима было включено в протограф сборника самим адресатом (как свидетельствует заголовок, нѣ же оуставлено бы(с) снѣ здѣ. нѣ(снѣ), вероятно, вскоре после получения или же (скорее) после поставления в игумены. Неизвестно, пережил ли Спиридон Савву († 1235), и если да — то насколько⁴¹. Имя его не фигурирует среди сербских епископов середины — второй половины XIII в. Косвенно это тоже свидетельствует скорее в пользу ранней датировки «Советования» в пределах 1214—1234 гг.

Установление датировки послания Иоакима Спиридону на первый взгляд никак не связано с судьбой новгородского поучения в южнославянских литературах. В рукописи тексты расположены далеко друг от друга (между ними более 80 л. — см. выше), один не входит в непосредственный литературный «конвой» другого. Более того, часть сборника, в которой содержится «Слово от Апостола», отделена от предшествующей (куда входит послание старца Иоакима), заголовком *А ѿ ѿннѣхъ книгъ* (РНБ, Ф.п.І.121, л. 177). Относительно поздний (сравнительно с датировкой рассматриваемых текстов) возраст Дечанского кодекса (третья четверть XIV в.) открывает, казалось бы, широкий простор для разновременных комбинаций. Тем не менее есть достаточно оснований полагать, что оба памятника входят в состав сборника, сложившегося как устойчивое целое много раньше даты дошедшего списка.

В том же Основном собрании РНБ под шифром Q.п.І.27 хранится упоминавшаяся выше⁴² рукопись, несомненно восходящая к общему протографу с Ф.п.І.121. Кодекс не только не имел до последнего времени сколь-либо подробного печатного описания, но и его содержание было правильно определено лишь недавно автором этих строк в процессе подготовки Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся на постсоветском пространстве⁴³. В более ранних кратких сведениях о ней, появившихся в печати, рукопись упоминается как сборник, без уточнения содержания⁴⁴. Продуктивному изучению рукописи в немалой степени препятствовало то обстоятельство, что она не имеет собственного древнего заглавия (существующий ныне заголовок на л. 1 — *Почело сіе книги стѣо Іоѡна Дамаскы(на) ѿтѣ бл(с)вн* — сделан киноварью в XV—XVI вв. на оставленном свободным месте и совершенно не отражает реального содержания кодекса). Вдобавок манускрипт был чрезвычайно неумело переплетен в XVI в., многие листы и тетради оказались перепутанными, так что правильный их порядок (л. 1—2, 6, 5, 4, 3, 7, 13, 9—12, 8, 14—28, 137—152, 29—136, 153—162) восстанавливается в значительной мере с помощью Ф.п.І.121. С учетом всех этих перестановок (а также того обстоятельства, что в Q.п.І.27 имеются значительные утраты — приблизительно 2 тетради между современными листами 20 и 21 и одна тетрадь между листами 152 и 29) рукопись оказывается по сути полным аналогом кодекса Ф.п.І.121 в объеме 185 листов последнего (Q.п.І.27 не имеет конца, последний текст в ее составе — *Сеугнирѣна еп(с) па гавальска ѿ чѣвѣѣ* — обрывается на словах *ѿ воды аще възьмѣши мѣ...*). Наиболее

существенные отличия между рукописями заключаются в следующем. Дополнения к Пандектам, составляющие в Ф.п.І.122 единый блок, в Q.п.І.27 состоят из двух частей. Первая из них, включающая текста от послания Иоакима к Спиридону до статьи ѿ градскаго закона включительно (л. 27 об. — 28 об., 137—138), помещена здесь между главами 8 и 9 Пандектов. Вторая заключается в разном числе глав Пандектов (при том, что реальное их количество — 45 — совпадает), указанном в записи писцов, отражающей единый формуляр: Оконѣ се всѣхъ словесъ ꙗѣ. (Q.п.І.27, л. 159 об.) и Оконѣ се всѣхъ словесъ ꙗѣ. (Ф.п.І.121, л. 175 об.). Обе эти особенности свидетельствуют о первичности состава и структуры Q.п.І.27. Здесь повторение фраз се кроиѣ сихъ книгъ (л. 27 об.) и а се ѿ ннѣхъ книгъ (л. 159 об.), употребляемых как указание на рубеж между собственно Пандектами и дополнениями к ним, обусловлено размещением дополнительных статей в разных частях кодекса, тогда как в Ф.п.І.121, где дополнения помещены единым блоком в конце, вторая становится лишней и является свидетельством автоматического копирования оригинала. То же можно сказать и по поводу числа глав. В Q.п.І.27 указано исходное общее число глав древнейшей (русской) редакции перевода, без учета того обстоятельства, что главы 39—50 в данной разновидности памятника (неудачно именуемой в литературе последних лет «Златой Цепью»⁴⁵) опущены. Разрыв в нумерации существует и в самом кодексе, и это никак не связано с утратой листов⁴⁶. В то же время при переписке Ф.п.І.121 на это обстоятельство было обращено внимание, поэтому число глав в «выходной» записи и их нумерация в тексте приведены в соответствие с реальным положением вещей. Все вместе это свидетельствует, что окончание заголовка послания (Свѣтованнѣ къ Спиридоноу. игоуценоу веланкнѣ лавры стѣкѣ бѣе въ Стоуденци. ндѣ же оуставлено бы(с) снѣ здѣ. шдоуше снѣ — Q.п.І.27, л. 27 об.) указывает, что текст (вместе со следующими за ним выписками из правил) был не просто включен Спиридоном в протограф сборника, но именно на этом месте — между 8 и 9 «словом» Пандектов.

Кодекс Q.п.І.27 не имел до последнего времени в литературе обоснованной узкой датировки, фигурируя в справочниках как рукопись XIV в.⁴⁷ В листе использования, вложенном в рукопись, имеется автограф В. А. Мошина, отнесшего ее к началу XIV в. Мнение крупнейшего зарубежного специалиста второй половины XX в. в области южнославянской кириллической палеографии здесь не аргументировано, но основания для предложенной датировки не вызывают сомнений. Почерк рукописи — мелкий, но каллиграфический, устав — близок по общему облику и ряду начертаний отдельных букв к таким точно датированным сербским рукописям начала — первой четверти этого столетия, как Рашская Кормчая 1305 г. (2 части — ГИМ, Воскр. 29-перг. и РГБ, Унд. 25)⁴⁸ и «Милутинов» (или «Норовский») Октоих изборный (ГИМ, Увар. 521-F) 1313—1321 гг.⁴⁹ Из не имеющих точной датировки рукописей к Q.п.І.27 по письму особенно близки Евангелие тетр конца XIII — начала XIV в. (2 части — РНБ, Гильф. 18 и БРАН, 24.4.4)⁵⁰, отрывок пергаменного сборника того же времени (Прага, Народный музей, 1 Dc 2/10)⁵¹, хиландарские Пандекты Никона Черногорца № 175, датируемые концом XIII в.⁵², и почерк 3-го писца Пандектов же рубежа XIII—XIV вв. (библиотека монастыря св. Троицы близ Плевля в Черногории, № 87 и РНБ, Гильф. 78)⁵³. Все это дает

основания датировать кодекс Q.п.I.27 несколько шире, чем это делал В. А. Мошин — рубежом XIII—XIV вв.⁵⁴ Рукопись, таким образом, оказывается одним из трех сравнительно полных древнейших сербских списков Пандектов Никона.

Дечанский сборник F.п.I.121, несомненно, не является непосредственным списком с Q.п.I.27 — оба они восходят к общему оригиналу. Это подтверждается следующим обстоятельством. В F.п.I.121 на л. 114 об. — 115 об. оставлено место для раздела главы 34 ѿ житна стѣго ѿшодора едскаго; в Q.п.I.27 этот текст наличествует. Подобный пропуск необъясним в том случае, если бы первая рукопись списывалась со второй. Таким образом, оба кодекса (по крайней мере в объеме Пандектов и первой группы дополнений) восходят к протографу игумена Спиридона первой трети (четверти?) XIII в. И все-таки — можно ли считать эту дату временем появления «Слова от Апостола» («Поучения Моисея») у южных славян, если его присутствие в данном протографе убедительно не засвидетельствовано, поскольку текст в списке А. Б. Лобанова-Ростовского (Q.п.I.27) обрывается значительно раньше, чем в дечанском (F.п.I.121)?

Здесь уместно напомнить, что в начале старшего из списков отсутствует оглавление Пандектов, в отличие от современных ему русского Мазуринского (РГАДА, ф. 196, оп. 1, № 1698)⁵⁵ и сербского Плевальского, о котором шла речь выше⁵⁶. Отсутствует оглавление в лобановском кодексе и после окончания собственно Пандектов на л. 159 об. В начале Дечанского списка (F.п.I.121) оглавления тоже нет, но после того, как Л. Цернич отождествила части кодекса, находящиеся в РНБ и БРАН, стало ясно, что оно было помещено там в самом конце рукописи, после всех дополнений, которые, таким образом, рассматривались составителем как неотъемлемая часть комплекса. Это оглавление дошло, к сожалению, не полностью: номер последней главы, уцелевшей на обрывке последнего листа — 37, вставка между главами 8 и 9 здесь, как и в самом тексте (в отличие от Q.п.I.27), отсутствует — редактор XIV в. был внимательным.

Итак, можно с уверенностью полагать, что протограф рукописей РНБ Q.п.I.27 и F.п.I.121, порядок статей которого восстанавливается по первой из них, а общий состав по второй, был создан студеническим игуменом Спиридоном не позднее 1230-х гг. Он вполне заслуживает название «Сборник Спиридона, игумена Студеничского». Состав реконструируемого сборника, отражающий авторский замысел сербского книжника XIII в. — тема, заслуживающая отдельного исследования. Здесь же достаточно пока констатировать, что все входящие в него восточнославянские сочинения и переводы (т. е., помимо публикуемого «Слова» еще и «Пчела» в двух выборках (большой и малой), извлечение из русского перевода жития Андрея Юродивого⁵⁷, и, наконец, сами Пандекты Никона Черногорца в сокращенной редакции), пришли к южным славянам не позднее первой трети XIII в.

Кроме того, есть основания думать, что к моменту включения игуменом Спиридоном в сборник «Слово от Апостола» было уже достаточно хорошо известно сербским книжникам. Описанная в нем ситуация наказания свыше засухой (и связанным с нею неурожаем и голодом) за усобицу правителей страны и «наведение иноплеменных» была особенно актуальна для Сербии в первом десятилетии XIII в., вызывая живые ассоциации с борьбой за великожупанский престол

в 1202—1205 гг. между сыновьями Стефана Немани (св. Симеона) — Вуканом и Стефаном (будущим Первовенчанным кралем). Об этом напоминает пассаж Феодосиева жития св. Саввы: «н въ снцеводъ враждеваннн и гоненнн междоу братома въ велицѣнн ноуждн тако въ тѣснотѣ нѣкоесъ сръбьсцѣн земли шдръжндоу бывши н многнмъ плѣнованнємъ н проантнємъ крове запоустѣвшн н нешораннємъ гладемъ до конца погыбающн»⁵⁸. Поэтому не будет слишком смелым предположить, что именно в это время русское поучение и привлекло внимание ближайшего окружения будущего архиепископа, если не его самого.

В отношении «Слова от Апостола» это лишнее подтверждение создания памятника в связи с засухой именно 1161 г. — по крайней мере до 1230-х гг. новгородские летописи, внимательные к местным природным явлениям, молчат о другом подобном проявлении столь губительного и редкого для Новгорода «ведра».

Выше много говорилось о древности редакции текста поучения, отразившейся в сербском списке XIV в. Но и ее, однако, нельзя считать исходной — текст, повествующий о телесных излишествах, здесь явно сокращен по сравнению с хлудовским списком (см. разночтения в публикации). Вероятно, сокращение было сделано в монастырской среде, где данную тему сочли неуместной. Неясно лишь, где проводилась эта редактура — у южных славян или же еще на Руси.

Примечания

¹ См., например: *Павлова Р.* Восточнославянские святые в южнославянской письменности XIII—XIV вв. Halle (Saale), 2008 (в монографии объединены результаты многолетних исследований автора в данной области; библиографию ее предшествующих работ см.: Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 170 (далее — ПЭ)); *Суботин-Голубовић Т.* Фрагменты службе св. Борису и Глебу у рукопису бр. 32 збирке манастира Дечана // *Јужнословенски филолог.* 1992. Књ. 48. С. 123—134; *Павлова Р., Желязкова В.* Станиславов (Лесновски) Пролог от 1330 г. Велико Търново, 1999; *Велев И.* Лесновски Ковачевиќев Пролог. Скопје, 2004; *Десподова В., Митревски Л., Новотни С., Чичева-Алексиќ М.* Пролог бр. 72. Скопје, 2006; *Миклас Х., Тасева Л., Йовчева М.* Берлински сборник. София; Wien, 2006. Отрядным исключением из этого правила является недавняя публикация кратких житий русских святых по среднеболгарскому списку в составе Синайского сборника — см.: *Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К.* Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.п.1.63) // *Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика.* СПб., 2005. С. 288—307.

² *Турилов А. А.* Памятники письменности восточных славян в южнославянской рукописной традиции XIII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения) // *Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур.* М., 1991. Вып. 25. С. 87—97 (далее — *Турилов.* Памятники письменности восточных славян...); *Он же.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XIII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения) // *Славянские литературы: XI Международ. съезд славистов.* Докл. рос. делегации. М., 1993. С. 27—42 (далее — *Турилов.* Памятники древнерусской литературы...); *Он же.* Древнерусские (восточнославянские) влияния // ПЭ. М., 2007. Т. 16. С. 162—167, 170—171.

³ Так, например, проложные жития варягов-мучеников, княгини Ольги (так называемое «русское»), второе — «южнославянское» — известно только в болгарских и сербских спи-

сках Пролога XIII—XIV вв.), князя Владимира Святого, и князя Феодора-Мстислава (сына Владимира Мономаха) известны в южнославянских списках второй половины XIII в.: первые три в составе болгарской части Синайского сборника-конволюта РНБ, Q.п.1. 63, последнее — в болгарском (ГИМ, Хлуд. 191) и сербском (ГИМ, Увар. 70) прологах. Из этих памятников только житие Владимира представлено древнерусским отрывком XIII в., остальные произведения известны в списках не ранее XIV в. (см. подробнее: *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV в. М., 2009).

Постатейно, что и «Послание к брату-столпнику» с указанием на авторство «Илариона, митрополита Киевского» (а не просто св. Илариона или Илариона Великого) встречается только в южнославянской (сербской) традиции и представлено здесь целой группой списков (о них см.: *Турилов.* Памятники письменности восточных славян... С. 90—91; *Он же.* Памятники древнерусской литературы... С. 32—33), более ранних, чем восточнославянские — обстоятельство, как кажется, недостаточно известное исследователям творчества этого автора (новые аргументы в пользу славянского — а не переводного — происхождения текста см.: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. Мюнхен, 1991. С. 242).

⁴ Постатейное описание см.: Пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976. С. 174—175. Датировка В. А. Мошина (*Мошин В.* Палеографски албум на южнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966. С. 102, сн. 100), с учетом атрибуции Л. Цернич (см.: *Цернич Л.* Нека запажања о српским рукописима у збиркама Ленинграда // Археографски прилози. Београд, 198. [Бр.] 2. С. 361, № 7).

⁵ Пергаменные рукописи... С. 175.

⁶ Библиографию изданий и исследований текста см.: Письменные памятники истории Древней Руси (Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания): Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Шапова. СПб., 2003. С. 145—146.

⁷ *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка (XI—XIV вв.): Общее современное обозрение. СПб., 1863. С. 275.

⁸ В первом издании ошибочно: «опубликовавшего».

⁹ См.: *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исследования и тексты. М., 1904. С. 331—332. До недавнего времени это был древнейший во всей славянской традиции список памятника. В 1991 г. подборка из «Пчелы» в том же переводе» была обнаружена в составе сербского сборника рубежа XIII—XIV вв. РНБ, Q.п.1. 27 (см.: *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы... С. 34—35; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. М., 2002. Вып. 1 (далее — СК XIV). Прилож. 2. С. 639—641, № д47). Наконец, в ноябре 1994 г. при расклейке пергаменной обложки архивного дела Гос. архива Швеции в Стокгольме (RA, Östersjöprovinenserna, 1609—1613) среди других славянских отрывков был обнаружен небольшой фрагмент древнерусского списка «Пчелы» XIII в. (датировка и определение содержания автора этих строк).

¹⁰ На связь «Слова от Апостола» со Словом и Поучением Моисея обратила в 1991 г. мое внимание Н. А. Кобяк, которой я, в свою очередь, указал этот сербский текст как пример упоминающая обычая писать заклипания на яблоках и просфорах (ср. ниже, примеч. 11), интересовавший ее в связи с индексами отреченных книг.

¹¹ Уже после написания первого варианта статьи, но до окончания издательской работы над сборником, в котором он был опубликован, я случайно обнаружил еще один русский список текста, достаточно поздний (середины XVI в.), но несомненно представляющий существенный интерес для истории памятника в целом. Он сохранился в составе сбор-

ника толкований (преимущественно на тексты Священного Писания) — РГАДА, ф. 181 (собр. РО МГАМИД), № 478, хорошо известный исследователям богатством содержания и в основной своей части тесно связанный с другими древними сборниками толкований — «Изборником XIII в.» (РНБ, Q.п.1. 18) и переписанной в 1415 г. в Кашине «Книгой Кааф» (ГИМ, Муз. 4034); библиографию посвященных ему работ (далеко не полную, в основном конца 1980 — начала 2000-х гг.) см.: *Турилов А. А.* Два византийско-русских историко-архитектурных сюжетца // *ΣΟΦΙΑ: Сб. статей в честь А. И. Комеча.* М., 2006. С. 461, примеч. 17. Текст поучения занимает в рукописи л. 528 об. — 530, он не имеет здесь заголовка (для которого даже не оставлено свободного места) и выделен лишь начальной заглавной буквой. Поучение помещено здесь не в полном объеме, оно не дописано и обрывается на словах о последствиях умножения в организме желтой желчи («кручины»), за которым следует (также не выделенное заглавием) краткое поучение против пьянства, не имеющее соответствия в других редакциях и списках памятника. Важнее, однако, что сохранившийся текст по объему и расположению частей полностью совпадает не с русскими списками, а с сербским XIV в., лишний раз подтверждая существование представленной в последнем редакции уже на русской почве (тем самым за архивским сборником МГАМИД, 478 еще более укрепляется слава коллекции древнерусских литературных раритетов). В отношении языка судьба нового списка не была столь же счастливой (см. разночтения при публикации текста), да и трудно было бы ожидать обратного. «Намы» исключены из текста, нет, разумеется, и орфографических новгородизмов (см. варианты в публикации). Налицо довольно обычная для древнерусской книжности хронологическая дистанция между датировкой самого литературного текста и языковым обликом сохранившего его позднего списка (разрыв в данном случае достигает почти 400 лет). Стоит отметить также, что в новом списке, как и в других русских (см. ниже разночтения в публикации), при осуждении обычая писать заклинания против лихорадки («трясавицы») с именами языческих богов на просфорах и яблоках, полагаемых на церковный престол во время совершения литургии, фигурируют только яблоки. Здесь, однако, несомненно первичен сербский список. Как уже отмечено мною в недавно вышедшем справочнике (Письменные памятники... С. 145), фрагменты исследуемого и публикуемого текста, расположенные в той же последовательности, что и в сербском списке (сначала эпизод о заклинаниях на яблоках и просфоре, затем фразы о порабощении «поклепом» и грабеже имущества во время пожара) включены в третий раздел епитимийной компиляции «А се грехы», читающейся под 31 августа в составе Великих Миней Четых (см.: *Иосиф, архим.* Подробное оглавление Великих Четных Миней Всероссийского митрополита Макария. М., 1892. Ч. 2. Стлб. 466), начиная с Софийского комплекта 1539—1541 гг. (РГАДА, ф. 201, № 159, л. 545—546; ГИМ, Син. 997, л. 1381—1385 об.; Син. 163, л. 584 об. — 587) и опубликованной С. И. Смирновым (Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: Тексты и заметки. М., 1913 (репринт: [М.], 1991). С. 49—50. VIIв, 1—3), который в комментарии (Там же. С. 330), указал на связь первого из фрагментов (два других оставлены без комментария) со Словом в редакции Измарагда и на определенные отличия от Паисиевского сборника).

¹² М. Н. Сперанский отметил для текста «Пчелы» в составе этого сборника наличие среднеболгаризмов, свидетельствующих о существовании промежуточного болгарского списка (*Сперанский.* Переводные сборники... С. 338—340). Возможно, подобным же образом объясняются и некоторые орфографические особенности «Слова от Апостола», например: *накзы* (из *наоузы* — *наъзы* / *налзы* — *накы*?)

¹³ Ср. «особичный» в том же значении в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1987. Т. 13. С. 125 (далее — Словарь XI—XVII вв. ...)).

¹⁴ Ср.: *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках (далее — *Срезневский. Сведения и заметки...*). СПб., 1876. Т. 2. С. 327.

¹⁵ Напомню, что статья писалась в 1996 г. к 60-летию А. А. Зализняка.

¹⁶ *Зализняк А. А.* Наблюдения над берестяными грамотами // *История русского языка в древнейший период*. М., 1984. С. 101—108 (далее — *Зализняк. Наблюдения...*); *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1977—1983 гг. М., 1986. С. 165—168 (далее — *Янин, Зализняк. Новгородские грамоты 1977—1983 гг.*); *Они же.* Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984—1989 гг. М., 1993. С. 317 (далее — *Янин, Зализняк. Новгородские грамоты 1984—1989 гг.*).

¹⁷ *Зализняк. Наблюдения...* С. 101—103.

¹⁸ *Попов А. Н.* Первое прибавление к описанию рукописей библиотеки... А. И. Хлудова. М., 1875. С. 56.

¹⁹ *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 1913. Ч. 2. С. 133.

²⁰ Надо сказать, что дополнительный аргумент против принадлежности текста архиепископу Моисею дает уже сам содержащий это поучение сборник ГИМ, Хлуд. 30д. По графико-орфографическим нормам рукопись относится к первой половине XIV в., в облике ее письма (образцы почерка см.: *Климент Охридски. Събрани съчинения*. София, 1977. Т. 2. С. 563—588) много архаичного, восходящего к традиции предшествующего столетия — кодекс, скорее всего, следует датировать рубежом первой и второй четверти XIV в. (пользуясь случаем поблагодарить О. А. Князевскую и Н. Б. Тихомирову за консультацию по данному вопросу). Указанное время было в жизни архиепископа весьма насыщенным: на протяжении короткого промежутка он побывал архимандритом Юрьева монастыря, ушел «в свой монастырь» (Троицкий Коломецкий) и, наконец, был возведен в духовные владыки Новгорода (Новгородская харатейная летопись. М., 1964. С. 332 — под 6832 г.). Едва ли в современном событиям списке творения новопоставленного епископа писец ограничился бы только скудным указанием имени. Сербский же список наглядно свидетельствует, что версия поучения в составе ГИМ. Хлуд. 30д лишь одна из редакций текста, существовавших к 1320-м гг.

²¹ *Соболевский А. И.* Материалы и заметки по древнерусской литературе. I. Слова отца Моисея // ИОРЯС. СПб., 1912. Т. 17. Кн. 3. С. 177—178.

²² Мне непонятен аргумент в пользу древности текста, приводимый В. В. Колесовым (Словарь XI—XVII вв. Т. 13. С. 256—257; ПЛДР. М., 1980. [Кн. 2], XII в. С. 690): в Поучении «представлена языческая символика желто-зелено-черного цвета». Эти цвета упоминаются здесь при слове «кручина» (с несомненным значением «желчь»): *недоугъ всъ раждаѣтъ се въ тѣлесн тѣвѣн и въ кроуѣннѣ. кроуѣнна же съсъдѣтъ ѿ изданшааго питна и изденна... кроуѣнны же трн на тѣвѣцѣ...* — ср.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893 (репринт: М., 1989). Т. 1 (А—К). Стлб. 1337 (далее — *Срезневский. Материалы...*). Это, вероятно, древнейшее на славянской почве упоминание трех желчей в человеческом организме (обычно фигурируют две — желтая и черная — см.: там же), но при этом несомненно восходящее к античным медицинским представлениям (ср. у Авиценны (*Абу Али Ибн Сина (Авиценна)*). Канон врачебной науки. Ташкент, 1981. С. 28—30), который упоминает не только три цвета желчи (хотя и с отличными симптомами), но и отдельные оттенки ки для желтой и зеленой: цвета яичного желтка, ярь-медянки, порея, т. е. если и к условно языческим (в смысле дохристианским), то явно не славянским. Следует напомнить, что при переиздании Поучения (БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 639) эта аргументация снята.

²³ См.: *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и южнославянской литератур (русские памятники письменности на Юге славянства) // ИОРЯС. Пг., 1921—1923. С. 143—206 (то же // *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей.

- М., 1960. С. 7—54; ссылки на 2-е изд.); *Турилов*. Памятники письменности... С. 87—97; *Он же*. Памятники древнерусской литературы... С. 27—42; ПЭ. М., 2007. Т. 16. С. 162—163.
- ²⁴ *Янин, Зализняк*. Новгородские грамоты 1984—1989 гг. С. 317.
- ²⁵ *Срезневский*. Сведения и заметки... СПб., 1867. Т. 1. № 49; С. 327; *Он же*. Материалы... Стб. 1052; См. также: Письменные памятники истории Древней Руси: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Шапова. СПб., 2003. С. 170—171.
- ²⁶ Цит. по: Библия сиречь книги Ветхаго и Новаго завета по языку словенску. Острог, 1581. Л. 85б.
- ²⁷ *Церний Л.* Нека запажања о српским рукописима у збиркама Лењинграда // Археографски прилози. Београд, 1980. Бр. 2. С. 361, № 7.
- ²⁸ См. ниже, примеч. 32.
- ²⁹ Издание текста (по дефектному списку Хиландарь, № 175) см.: Die Pandekten des Nikon vom Schwarzen Berge (Nikon Černogorec) in der älteste slavischen Übersetzung / Edition von R. Pavlova und S. Bogdanova. Mit einem Aufsatz von R. Pavlova. Frankfurt a. M.; Berlin; Bern; Bruxelles; N. Y.; Oxford; Wien, 2000. Teil 1—2 (= Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Bd. 6).
- ³⁰ *Крутова М. С.* «Златая цепь» как тип сборника // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988 (далее — *Крутова*. «Златая цепь» как тип...). С. 41 и примеч. 13; *Она же*. «Златая цепь». Новосибирск, 1990 (= Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 5). Ч. 1. С. 11—13 (далее — *Крутова*. «Златая цепь...»); ср.: «Златая Цепь» // ПЭ. М., 2009. Т. 20. С. 194—196.
- ³¹ Утрата в кодексе РНБ составляет 7 листов, отрывок БАН 24.4.23 состоит из 5. Возможно, что выскобленные здесь на л. 5 об. последние строки содержали заглавие и начало апокрифического «Сказания о 12 пятницах», окончание которого читается на л. 188 в рукописи РНБ, а один из предшествующих листов, сохранившийся не в полном объеме, находится сейчас в Археографическом отделении НБС в Белграде, Рс 708 (см.: *Јовановић-Ститчевић Б.* Средњовековно писано наслеђе у заоставштини Љубомира Ковачевића // Археографски прилози. Београд, 1988—1989. Бр. 10—11. С. 75; *Турилов*. Памятники письменности... С. 97).
- ³² Вопреки мнению М. С. Крутовой («Златая цепь» как тип... С. 41, примеч. 13; «Златая цепь...»). С. 11) начало рукописи не утрачено (что видно уже из нумерации тетрадей) и это ее заглавие.
- ³³ Пергаменные рукописи... С. 173—175.
- ³⁴ *Турилов*. Памятники письменности... С. 91—92, 96—97; *Он же*. Памятники древнерусской литературы... С. 34—38, 39—40.
- ³⁵ *Daničić Gj.* Poslanica sv. Save, archiepiskopa srpskoga iz Ierusalima u Studenicu igumnu Spiridonu // Starine. Zagreb, 1872. Knj. 4. S. 230—231 (репринт // *Даничић Ђ.* Ситнији списи. Београд, 1975. Књ. 3).
- ³⁶ *Бабић Г., Кораћ В., Чирковић С.* Студеница. Београд, 1986. С. 19.
- ³⁷ *Богдановић Д.* Пролошко житије светог Симеона // Прилози за књижевност, јазик, историју и фолклор. Београд, 1976. Књ. 42. С. 9—19; *Он же*. Историја старе српске књижевности. Београд, 1980. С. 155.
- ³⁸ Сошлюсь на хотя и значительно более поздний (вторая половина XIV в.), но гораздо шире распространенный в средневековой славянской книжности пример — послание св. Евфимия Тырновского к святогорскому монаху Киприану. Адресата и адресанта традиционно отождествляют соответственно с тырновским патриархом (1375—1402) и будущим митрополитом Киевским. Послание датируется между 1371 и 1373/74 гг. (*Патриарх Евтмий*. Съчинения / Съст. К. Иванова. София, 1990. С. 195, 289—290), при этом в заглавии

всех списков, начиная с древнейших (кон. XIV — нач. XV в.), автор без вариантов титулуется «тырновским патриархом» (см. также: *Кенанов Д.* «Послание до мних Киприан» от Патриарх Евтимий в руската ръкописна традиция // *Palaeobulgarica*. 1988. № 1. С. 93—100).

³⁹ Текст издан: *Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската академия на науките. София, 1969. С. 45—46.

⁴⁰ Там же. С. 46.

⁴¹ По должности (как игумен «первомонастыря» династии Неманичей) Спиридон непременно должен был в 1237 г. принимать участие в процессии встречи принесенных из Тырнова в Милешеву мощей св. Саввы, однако в рассказах о их перенесении, содержащихся в разных редакциях жития, по имени и титулу назван только св. архиепископ Арсений (см.: *Доментиян.* Житије светого Савве / Предговор, превод дела и коментари Љ. Јухас-Георгиевска. Издање на српскословенском Т. Јовановић. Београд, 2001. С. 428; *Теодосије Хиландарац.* Живот светого Саве / Издање Ђ. Даничића, приредило и предговор написао Ђ. Трифуновић. Београд, 1973. С. 215—216), остальные участники церемонии упоминаются суммарно.

⁴² См. примеч. 9.

⁴³ См.: СК XIV. Вып. 1. Прилож. 2. С. 639—641, № 47д.

⁴⁴ Библиографию см. там же. С. 640—641.

⁴⁵ См. примеч. 31.

⁴⁶ См. описание в СК XIV (примеч. 43—44).

⁴⁷ См.: Отчет ИПБ за 1875 г. СПб., 1876. С. 52—53; *Гранстрем Е. Э.* Описание пергаменных рукописей [ГПБ]: Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские. Л., 1953. С. 106; ПС XI—XIV, № 1207.

⁴⁸ Образцы почерка см.: *Лаэров П. А.* Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916 (= ЭСФ. Вып. 4.1. Прилож.). Сн. 50; Законоправило светого Саве. Београд, 2005. О писцах рукописи подробнее см.: *Булатова Р. В.* Кто писал Рашскую кормчую книгу 1305 г.? // *Зборник Матице Српске. за филологију и лингвистику.* Нови Сад, 1976. Књ. 19/2. С. 15—25; СК XIV. Вып. 1. № 353—354. С. 509, 510.

⁴⁹ Датируется временем между основанием сербского Архангельского монастыря в Иерусалиме, построенного по случаю удачного совместного сербско-греческого похода на турок и смертью короля Милутина (кодекс — подобно жалованным грамотам — снабжен в конце торжественной киноварной «королевской подписью» этого правителя). Образец почерка см.: *Леонид, архим.* (*Кавелин*). Систематическое описание... славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 2, вклейка между с. 108 и 109.

⁵⁰ СК XI—XIII, № 494. Датировка В. А. Мошина (К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1958. Т. 15. С. 412), отождествление частей Л. Цернич (Нека запажања... С. 361, № 6), снимок почерка — Пергаменные рукописи... Рис. 37.

⁵¹ См.: *Vašica J., Vajs J.* Soupis staroslovanských rukopisů Narodního Musea v Praze. Praha, 1957. Tabl. 17.

⁵² См.: *Богдановић Д.* Каталог... Палеографски албум. Ил. 15.

⁵³ Снимок см.: *Цернић Л.* О атрибуцији средњовековних српских ћирилских рукописа // *Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности.* Београд, 1981. Сл. 26 (далее — *Цернић.* О атрибуцији...).

⁵⁴ С такой датировкой был в свое время согласен крупнейший отечественный археограф-сербист В. М. Загребин, с нею рукопись была включена в дополнения к СК XI—XIII, помещенные в приложении к вып. 1 СК XIV (С. 639—641; № 47г).

⁵⁵ Описание см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР / Сост. О. А. Князевская, Н. С. Коваль, О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова. М., 1988. Ч. 1. С. 110—115, № 43; СК XIV. Вып. 1. Прилож. 2. С. 635—639, № 46.

⁵⁶ См.: *Церний Л.* О атрибуции... Сл. 22.

⁵⁷ О нем см.: *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 20.

⁵⁸ *Теодосије Хиландарац.* Живот светога Саве. С. 80.

* * *

Текст «Слова от Апостола» публикуется ниже по списку БРАН 24.4.23 с сохранением орфографии (не отмечается только *Е* широкое), но без соблюдения пунктуации оригинала. Разночтения из «Слова» и «Поучения» Моисея (соответственно, в Хлудовском 30д и Паисиевском сборниках) приводятся по публикациям А. И. Соболевского и Н. М. Гальковского (орфографические варианты, как правило, не учитываются), а из анонимного поучения в сборнике РГАДА, МГАМИД 478 по рукописи.

Основной список — БРАН, 24.4.20 (Срезн. 67), л. 28 об. — 30 (С).

Варианты:

1) ГИМ, Хлуд. 30д (Х);

2) РНБ, Кир.-Бел. 4/1081 (П);

3) РГАДА, ф. 181, № 478, л. 528 об. — 530 об. (А).

СЛОВО Ѡ АП(С)ЛА НЕ ПОУЩАКЪ НБО ДЪЖ(Д)Ь¹.

Апостолъ глѣеть. прежд(д)е всего въ пррощѣхъ рече гь². того³ радн завезано⁴ нбо не поушати⁵ дъж(д)а на землю. занѣже⁶ члвци кльнууть се бгомь⁷ въ льжоу⁸ и него стынми⁹ и друугъ друуга доганяють¹⁰ до¹¹ клетвы. и црквь хвоу невѣстоу¹² ротоу нарекше¹³. приводеше¹⁴ закалають сна прѣ(д) матерю. слоугын¹⁵ же матере ток¹⁶ пниуть кровь заколеного¹⁷ сна матере ток и своего брата рож(д)шааго¹⁸ се по дхоу стынми кршениемь¹⁹. того²⁰ радн все силы нбснык трепещоуть съ²¹ страхоумь. занѣже²² гь нхъ всѣхъ²³ бь члвкы положень ксть въ роту²⁴.

¹ поученне монсѣа Ѡ безвременнемь пнианствѣ — Х; слово Ѡца монсѣа о рота(х) и о клетвахъ — П; в А заголовок отсутствует. В С заголовок написан «пурпуром» — начальная часть декоративным письмом с элементами вязи, а последние 2 слова строчным письмом. В Х дальнейший текст (до примеч. 50) составляет заключительную часть памятника. ² прркъ гать — Х, П. ³ яко того — П. ⁴ завезано — А; заваза — Х; затворнса — П. ⁵ не поуштитъ — Х; не поуштити — П; не поуштит(т) — А. ⁶ зане — Х, П; понеже — А. ⁷ кленъть са члвци бгомь — Х, П. ⁸ Нет — Х, П, А. ⁹ и стын е(г) — А. ¹⁰ доганяеть — П; доганять — Х, А. ¹¹ Нет — Х, П, А. ¹² невѣстоу х(с)воу — Х, П, А. ¹³ сквернаше — П. ¹⁴ приходаше — П. ¹⁵ слоугы — Х, П; слоуги — А. ¹⁶ же тоа мтрѣ — Х, П. ¹⁷ закланого — А. ¹⁸ рожышаго — А. ¹⁹ и (нет — П) своего брата рожышаго са по дхоу стлм кршениемь. пниуть кровь заколеного сна мтрѣ тоа — Х, П. ²⁰ и того — А. ²¹ Нет предлога — Х, П. ²² понеже — А. ²³ Нет нхъ всѣхъ — Х, П. ²⁴ ... положен бы(с) члкн въ ротѣ и въ клд(т)вѣ — А; бь не велнтъ догонити члвка (нет члвка — П) до клатвы и до роты; + по истинѣ спѣс нашъ хсъ рече. члвци си токомо ротоу мѣа знануть. сего радн с нбсѣ сходяще серпъ огненъ прркъ захарьѣ видѣ ндоущъ на землю. въ долготу .п. локоть. а въ шриннуу .ф. локоть. и о седлѣ молашеса бгу да проиа внтъ емоу. и сннде к ншоу глаас глаюшъ. се естъ серпъ гнѣвъ бжн нсходящъ на тѣхъ. нже са на кровѣ ротаъ. да поженеть за н дша нхъ огню негаснцмоу предасть — П

Тодоу же по(д)бна друугаа внна²⁵ жртывоу приносетъ бѣсомь. недоугы²⁶ лѣтуетъ чарин и наказы²⁷. и²⁸ немошнаго бѣса глѣмаго тресцоу прогонеть²⁹ некиини писмены льжнвыини³⁰. проклетинхъ бесовь еинньскыинхъ³¹ пишоуше на ябелцѣхъ³² и на просфорахъ³³. и покладають на стѣн трапезѣ въ годь стѣи³⁴ линоургни. и тогда оужасноутъ се страхоу³⁵ аггльскаиа воннства. и³⁶ того ради гѣ бѣ³⁷ гнѣваекъ се³⁸. не поущаекъ дьжда³⁹. занеже⁴⁰ не велантъ бѣ догонити члѣва клетвы и роты⁴¹. ни бѣсы нскати чѣльбы и ловитвы и коупла⁴². и ѿ цра мл(с)ти чарин и наказы⁴³. и горе⁴⁴ хр(с)тианомь тако дѣюще⁴⁵ и моука горшини поганыинхъ⁴⁶ боудеть таковыинхъ⁴⁷. аще не останоутъ того и не придоутъ на покаяниие. аще ли придоутъ на покаяниие. спсєнии быше были и въ сь вѣкъ и въ боудоушини⁴⁸. вѣкъ бо кратькъ⁴⁹. а моука дьлга⁵⁰. не велантъ бѣ роты⁵¹ водити ни на правѣ ни на кривѣ⁵². нъ тако тькло рцн⁵³. еи. еи. ни. ни. да въ шсоуж(д)ениие не выпадеце. рекше⁵⁴ въ моукоу.

А се друугаа зьль⁵⁵. протнвоу тонж(д)е зьлы велицѣ⁵⁶ бывають ратню съсобнтьною казньнѣн⁵⁷. тако же безъ внии поробочнвають⁵⁸ члѣвки поклепомь. клетвою⁵⁹. льжею. завистнью. гнѣвомь. соудамн⁶⁰ неправедьнымн. мьздаин кривыини. лихонманнелъ. рѣзонманнелъ рекше намы⁶¹. грабленнелъ и пожаромь⁶². грабленнелъ и шбрѣтеныини⁶³ възетнелъ. горѣе же всего того⁶⁴ нзгонство. а то все ротеце се и⁶⁵ кльноуше се. хотеце⁶⁶ роте и водеце. и тѣмы дѣлы прнводеце⁶⁷ на себе⁶⁸ рать. ратнници же сѣкоутъ и бнють. моуцетъ. грабеть⁶⁹ и въ работу ведоутъ⁷⁰. и бываекъ казнь протнвоу казни и мьсть протнвоу мьсти и моука протнвоу моуцѣ⁷¹. аще ли не боудеть нмь⁷² казни на семь свѣтѣ. ни се покають. ни вратеть⁷³. тѣмъ же шпетъ⁷⁴ болшоу моуцєнню сп(д)беть се въ шномь вѣцѣ. снн бо вѣкъ кратькъ⁷⁵. а моука дьлга.

А се третна зьль. снн⁷⁶ мьнши злобою шною⁷⁷. сню зьль въ себѣ дрьжнмь и протнвоу зьлан тон⁷⁸ казнь въ насъ же кьсть. се кьсть зьль въ насъ познавшє бѣ жнваго и шжнвляющаго⁷⁹

²⁵ и друугаа — X, А; емоу же друугаа внна подобна томоу — П. ²⁶ и нѣдоугы — X, П, А. ²⁷ чарини и наоузы — X, П, А. ²⁸ Нет н — X, П. ²⁹ лиантъ сѣ прогоняющнми — П. ³⁰ ложныи пимены — П. ³¹ и еинньскы(х) — П. ³² на ябелци — А. ³³ Нет — X, П, А. ³⁴ Нет слова — П. ³⁵ съ страхоу — П. ³⁶ Нет н — А. ³⁷ Нет гѣ бѣ — П, А. ³⁸ гнѣваекъ — А; разгнѣваекъ гѣ бѣ — П. ³⁹ дьжда на землю — X, П; дожда с нѣсе — А; + овогда же пожаромь и ратнн частыици и прочнми бѣдамн линоини. да мь престанелъ ѿ злобѣ и на покаянне обратнцѣ. но мь однако пребываекъ. не останоуше сѣ грѣхѣ. тако велн претнть гѣ стѣици свонци — П. ⁴⁰ понеже — А; нет — X, П. ⁴¹ бѣ не велантъ члѣва догонити до клетвы и до роты — А; Нет — X, П (ср. примеч. 24). ⁴² А ошибочно: кѣкѣ. ⁴³ и линости ѿ царн чарини и наказы — А; недугъ лѣнтн чарини и (ни — П) наузы. ни бѣс нскати нан (ни в стрѣтню вѣровати — П) на (ни в — П) ловы ндоуше. нан коупла дѣюще (на коупла шходаше — П) нан мьлостн ѿ цра (ѿ кнѣзѣ мл(с)ти хоташе — П). — X, П; + не велантъ чародѣяннелъ и коблн ходише снхъ нскати. аще ли кто ѿ хр(с)тянъ воульхоуца и кобленьѣ твораще. горше поганыинхъ ошоудатѣся таковнн. аще покаянѣ в томъ не придоутъ. ни останоутъ сѣ — X, П. ⁴⁴ ѿ горѣ р(с) — А. ⁴⁵ дѣюшнмь — А. ⁴⁶ горѣ поганы(х) — А. ⁴⁷ Нет — X, П, А. ⁴⁸ Нет: аще ли придоутъ... въ сь вѣкъ и въ боудоушини — X, П; аще сѣ шстаноутъ того и приидѣ(т) на покаянне. спсєнии быша были. аще ли не приидѣтъ на покаянне — А. ⁴⁹ то вѣкъ сѣ (сѣ — А) коротокъ — X, П, А. ⁵⁰ долга и бє(с) концѣ — X, П (здесь заканчивается текст в П); долга срѣтъ бє(с) концѣ — А. ⁵¹ ротѣ — А. ⁵² ни каатнса ни на кривѣ ни на правѣ — А. ⁵³ но токло рцн — А. ⁵⁴ не выпадеши. срѣтъ — А. ⁵⁵ вѣда зьла — А. ⁵⁶ веланци зан — А. ⁵⁷ ратью шсобнтьною казнь — А. ⁵⁸ порабощають — А. ⁵⁹ клеветоу — А. ⁶⁰ Исправлено по смыслу, в Д и А ошибочно: соудамн. ⁶¹ А нет: рѣзонманнелъ... намы. ⁶² пожарнмь — А. ⁶³ и шбрѣтеныи — А. ⁶⁴ всего же того горѣ — А. ⁶⁵ Нет союза — А. ⁶⁶ ходаце — А. ⁶⁷ Исправлено по А (прнводеае), в С ошибочно: проводеце. ⁶⁸ на сѣ — А. ⁶⁹ и грабеть — А. ⁷⁰ влекѣтъ — А. ⁷¹ мѣци — А. ⁷² Нет нмь — А. ⁷³ ни въ(з)ратать шпать — А. ⁷⁴ Нет слова — А. ⁷⁵ коротокъ — А. ⁷⁶ сн — А. ⁷⁷ злобою шною — А. ⁷⁸ тон зан — А. ⁷⁹ шжнвляюща — А.

всатьскла синь⁸⁰ и дхоль его. не створишь воле⁸¹ его и заповѣди его не съблюдеши⁸². а вѣрныи соуще хр(с)тиане⁸³. врѣмены⁸⁴ оуставляи ксть. въ нѣ же все⁸⁵ дѣяти въ славоу бжню. а не въ славоу диваволю⁸⁶. похотенни⁸⁷ въ ны вложила бѣ всакоу⁸⁸. понеже даль ны⁸⁹ мѣроу на излышенни⁹⁰ похотѣнню всемоу тѣлесемь дхвныиамь⁹¹. мѣра же к(с) въз(д)ръжанне⁹². спанню⁹³ врѣме и мѣра похотѣнню⁹⁴. ядѣнню врѣме⁹⁵ похотѣнню. питню⁹⁶ врѣме и мѣра⁹⁷. тто ли болевь⁹⁸ имена писати. всемоу похотѣнню ксть⁹⁹ врѣме оуретено и мѣра живоущемоу въ вѣрѣ хр(с)тианьскѣи и въ чистотѣ¹⁰⁰. да аще вса та¹⁰¹ похотѣнниа дѣяти оубо¹⁰² боудеть без врѣмене и без мѣры. то грѣхъ боудеть въ дшн. а въ тѣлеси недоугъ¹⁰³. недоугъ всь¹⁰⁴ раж(д)акеть се въ тѣлеси члвчн¹⁰⁵ въ кроуиннѣ. кроуинна же съсѣдеть се¹⁰⁶ ѿ излышнааго питниа и яденниа и спанниа и женоложниа. иже¹⁰⁷ безъ врѣмене и без мѣры. кроуинны же три на члвцѣ¹⁰⁸. жальта. зелена. тръна. да от жальтык огньнаа болѣзнь. (а ѿ)¹⁰⁹ зеленык¹¹⁰ змиаа болѣзнь¹¹¹. а ѿ трънык¹¹² смръть. рекше нсходъ дшн¹¹³. смръти бо бѣ не створила. ни ра(д)укет се ѿ погыбѣлн члвчн¹¹⁴. тако же бѣ недоуга не створила. все тако соуть въ члвцѣ. и самъ в себѣ ствараекъ недоугъ безврѣменнымь яденникемь¹¹⁵ и самъ се просто¹¹⁶ осож(д)акеть въ моукоу. аще се не покаеть. ни вьстегнеть се ѿ того. ни творити почнеть по семоу. тако же ксть писано. и творити без мѣры и не въ врѣме. то не спсень боудеть...¹¹⁷ и покаивъ се. и ходитъ въ заповѣдехъ. и по мѣрѣ и въ врѣме. дръже добрык нравы. и похотѣнни въ врѣме творе и въ мѣроу. то спсень боудеть и въ вѣкъ и въ боудоущин творен тако. аще ли боудеть похотѣнни без врѣмене. то не творитъ. аще ли боудеть похотѣнни въ врѣме. то творн. да не осож(д)аень боудеши въ моукоу¹¹⁸. вѣкъ бо снн кратькъ¹¹⁹. а моука дльга и безъ конца¹²⁰.

⁸⁰ снѣль — А. ⁸¹ и не створишь воли — А. ⁸² це съхраняеши — А. ⁸³ а вѣрныи соуще и хр(с)тиане — А. ⁸⁴ врѣмя иже — А. ⁸⁵ Нет слова — А. ⁸⁶ В X начало текста: бѣ вложила ксть всакоу похотѣнны члвкоу дхвнымь и телеснымь дѣломь. ⁸⁷ Испр., в С: похотенню (по хотенню?); а похотенне — А. ⁸⁸ всакоу — А. ⁸⁹ Испр. по А, С ошибочно: пождааны. ⁹⁰ похотѣнне. мѣра же есть въ(з)держанне — А. ⁹¹ дѣлеседемь дхвныи(и) и телесны(и) — А. ⁹² Нет — X, А. ⁹³ А ошибочно: спсению. ⁹⁴ похотѣнниа — А. ⁹⁵ врѣмя и мѣра — X, А. ⁹⁶ питню — А. ⁹⁷ + женоложью похотѣнню (похотѣнне — А) времѣа и мѣра — X, А. ⁹⁸ боле въ? — ср.: БЛДР. Т. 4. С. 284; А нет: боле. ⁹⁹ ксть похотѣнню — X, А. ¹⁰⁰ въ вѣрѣ чьстнѣн. въ крестыа иствѣ — X; в чистѣн вѣри хр(с)тианьствѣ — А. ¹⁰¹ та вса — А. ¹⁰² Нет оубо — X, А. ¹⁰³ а недоугъ въ тѣлеси — X, А. ¹⁰⁴ бо весь — А. ¹⁰⁵ Нет и — X. ¹⁰⁶ В А частица пропушена. ¹⁰⁷ Нет иже — А. ¹⁰⁸ въ члвчн — X, А. ¹⁰⁹ Дополнено по X, А, в С утрата, видно лишь выносное Т. ¹¹⁰ зеленюк — X; зеленон — А. ¹¹¹ В А текст заканчивается на этих словах, далее следует поучение против пьянства, не имеющее заголовка и начала. ¹¹² ѿ чернюк — X. ¹¹³ дшн нсходъ — X. ¹¹⁴ В X вместо этого: диваволь же тогда радоується о погыбѣлн члвчн. ¹¹⁵ того же недоуга бѣ не створи нъ самъ въ себе ствараеъ дѣянникемь и безмѣрнымь — X. ¹¹⁶ Нет просто — X. ¹¹⁷ Далее в С утрачено 5 букв, вероятно: аще же. ¹¹⁸ Далее в X другая редакция текста: и створишь бы въ подобно времѣа. и въ мѣроу. и спс(с)нъ бы былъ. да всакомоу вѣрномоу члвкоу держати тон норовы. похотѣнню времѣа. а на излышноу похотѣнни налагати оуздоу въздержанниа. аще ли въ времѣа похотѣнни боудеть то творн ижеже хоцешн. нъ въ мѣроу. а без мѣры коакоко болыше соуть конн. коакоко ны вышши ксть песь. и коаждо ѿ тѣхъ животныхъ ѣдъша иан пнѣша. чересъ сытъ не брегочуть. аще и тмаини ноудацин боудоуть. це хоцеть излыше мѣры прияти. не оубо ли снхъ и конь хоужьша дьы. аще внаидиъ и скота граваша то не презрнлъ. кгда ли внаидиъ дроуга всегда погрожакемь то послѣди са. нъ дьы братье не створишь тако да не боудеши осожени въ моукоу. ¹¹⁹ коротокъ — X. ¹²⁰ и бес конца грѣшьномоу — X.

III

КНИЖНОСТЬ И КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА БОЛГАРИИ И СЕРБИИ В XIII — НАЧАЛЕ XVII в.

а) Болгария

БОЛГАРСКИЕ КНИЖНИКИ РАННЕГО XIV в. МЕЖДУ ТЫРНОВОМ, СВЯТОЙ ГОРОЙ И СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ (по следам забытых и новейших атрибуций)

Для последней четверти XIII — первой трети XIV в. картина тырновского книгописания выглядит отнюдь не столь ясной, как для середины последнего столетия. На протяжении 45 лет — между 1277 (Тырновское Евангелие) и 1322 (Евангелие царя Георгия II Тертера) гг.¹ — здесь отсутствуют датированные и локализованные памятники. Кроме того, в отличие от середины XIV в., для рассматриваемого периода нет и роскошных в полном смысле слова рукописей (известное исключение составляет лишь все то же Евангелие Георгия Тертера). По этой причине любые корректные атрибуции имеют исключительно большое значение. По счастью, за последние десятилетия было выявлено несколько дополнительных опорных точек, позволяющих существенно уточнить и надежнее обосновать хронологическую привязку ряда кодексов, традиционно считающихся особо значимыми. Попытаюсь суммировать здесь эти наблюдения, дополнив их, по возможности, некоторыми новыми.

В 1913 г. один из отцов и столпов болгарской археографии Б. Цонев опубликовал результаты своей научной поездки в Загреб, где он работал с рукописями и старопечатными изданиями библиотеки (в настоящее время — архив) Югославянской (ныне Хорватской) Академии². В числе старших болгарских рукописей собрания здесь была упомянута пергаменная Псалтырь (III а 49), датированная XIII в., писца которой исследователь отождествил с писцом пергаменного Служебника (ныне — НБКМ, № 590), хранившегося в то время в Народном музее в Софии под № 163 и не имевшего описания³. Атрибуцию (в отличие от датировки⁴) следует признать абсолютно корректной и не вызывающей сомнений⁵, но она оказалась незаслуженно забытой, и в немалой степени по вине самого Б. Цонева. Публикуя 10 лет спустя второй том описания славянских рукописей НБКМ (куда к тому времени поступил в числе других рукописей из Народного музея Служебник), он почему-то ни словом не упомянул о сделанной им ранее в Загребе атрибуции, датировав здесь (с точки зрения сегодняшних палеографических представлений абсолютно верно) софийский кодекс XIV в.⁶ Вполне естественно поэтому, что в позднейшей болгарской исследовательской литературе атрибуция также не фигурировала. В придачу первая из публикаций Б. Цонева пришлась на предвоенный год (а для Болгарии и Сербии на период Балканских войн) и не получила своевременной известности среди рус-

ских и сербских славистов⁷. Только после Второй мировой войны В. А. Мошин сообщил об атрибуции Цонева в описании кириллических рукописей, хранящихся в архиве Югославянской (ныне Хорватской) академии науки и искусства (ХАЗУ) в Загребе⁸. Исследователь, однако, ограничился кратчайшим указанием, не отождествив упоминаемый его предшественником Требник с рукописью НБКМ, № 590⁹. В результате возрожденная к жизни атрибуция вновь как бы повисла в воздухе и не отразилась в исследованиях и справочниках второй половины XX столетия¹⁰.

Предложенная Б. Цоневым почти столетие назад атрибуция почерка, несомненно важная и сама по себе, приобретает в наше время дополнительное значение. Дело в том, что писец заградской Псалтыри и софийского Службника бесспорно присутствует в гораздо более прославленной (можно сказать, хрестоматийной) болгарской рукописи — Норовской Псалтыри (ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 285-Q)¹¹. Несомненные точки соприкосновения обнаруживаются и в оформлении рукописей. Киноварный инициал в виде птицы, украшающий оборот л. 14 Службника, уместно сопоставить с крылатыми грифонами заставки Норовской Псалтыри и с орнитоморфным инициалом на той же странице¹², а тонкие киноварные инициалы с орнаментальными отростками (в заградской рукописи сильно выцветшие¹³) в обеих Псалтырях¹⁴ выполнены, по всей видимости, одной рукой¹⁵. Все три рукописи, насколько можно судить по снимкам, акцентированы и заслуживают в этом плане самого пристального сопоставительного изучения¹⁶. В известной мере показательно, что Норовская Псалтырь также до последнего времени датировалась XIII в.¹⁷, датировка первой половиной следующего столетия была предложена только на рубеже 1970—1980х гг. в связи с подготовкой издания памятника. Разумеется, установить последовательность работы писца над кодексами не представляется возможным, по крайней мере, в настоящее время. Загребская и софийская рукописи в равной мере могли быть написаны как до поездки книгописца в Святую землю, так и после возвращения оттуда. Но в любом случае налицо комплекс из трех рукописей, переписанных одним писцом, что для славянской рукописной традиции XIV в. (даже не столь раннего) скорее достаточная редкость, чем правило.

Чрезвычайно важными для датировки и Норовской Псалтыри и написанных тем же писцом заградской Псалтыри и софийского Службника являются новейшие разыскания Кл. Ивановой, предпринятые ею в связи с работой над каталогом славянских рукописей Палестины и Синая¹⁸. Речь идет в первую очередь об атрибуции ею писцов бумажного среднеболгарского Требника Слав. 12 из библиотеки Иерусалимского Патриархата¹⁹. Эта рукопись, до последнего времени датировавшаяся концом XVI — началом XVII в.²⁰, оказалась плодом коллективного творчества целого ряда болгарских (и одного сербского) книжников-паломников начала XIV столетия (1310-е гг.). Помимо столь значительной передатировки рукописи, которая важна и сама по себе, К. Ивановой удалось вполне убедительно связать написание этого Требника с ранней историей сербского монастыря Архангелов в Иерусалиме²¹, основанного кралем Милутином в память успешного византийско-сербского похода 1313 г. против турок²².

Для нашего сюжета особенно важно, что часть писцов Иер. Слав. 12 хорошо известна и по другим рукописям, в основном происходящим также из Палести-

ны или с Синая. Из 8 писцов, выделяемых исследовательницей²³, особый интерес представляют 1-й, 2-й, 3-й и 6-й. Автор статьи справедливо отмечает большую близость этих первого и третьего из них к письму Норовской Псалтыри и Норовского Евангелия, а второго к почерку Златоуста Ягича (СПб, РНБ, Q.п.I. 56; 1 л. — Париж, Нац. б-ка, Слав. 65, л. 5). Нуждается в уточнении, на мой взгляд, атрибуция второго почерка (л. 15—27 (три верхние строки), 28—50 об., 51 об. — 57 об.) — он, по всей вероятности, только близок к писцу Златоуста Ягича, но не тождественен ему. При общей близости облика этих почерков (несколько утрированно монументального, особенно в Требнике Слав. 12) и сходстве начертания ряда букв, между ними существуют и различия, которые не могут быть объяснены только разницей движения пера по пергамену и бумаге. Таковы, в частности, начертания В и М. Первая буква в Требнике как бы составлена из двух практически равных по размеру прямоугольных треугольников, в Златоусте же верхняя часть заметно меньше нижней, а последняя имеет почти квадратную форму. Буква М в Златоусте Ягича имеет обычно симметричную перемышку округлой формы, в Требнике же Иерус. Слав. 12 она заметно смещена вправо и чаще представляет острый угол, а не дугу. Среди рукописей конца XIII — XIV в. можно указать, пожалуй, не менее близкую аналогию этому писцу Требника (и при этом также не достигающую уровня идентичности) — почерк Пролога Библиотеки Болгарской АН, № 72²⁴. В то же время нет сомнений, что Златоуст Ягича действительно связан с этим кругом рукописей, но только опосредованно (см. ниже).

Помимо почерков, отождествленных К. Ивановой, бесспорная атрибуция может быть предложена для 6-го писца рукописи, переписавшего в ней л. 104—107, 107 об. (частично) и 108. Это вне всяких сомнений одно лицо с писцом пергаменного среднеболгарского Евангелия тетр, написанного в 1321/1322 (6830) г. (Афон, Хиландарь, № 18; 1 л. — С.-Петербург, РНБ, Ф.п.I.84)²⁵. Отождествление этого писца Требника Иерусалим, Слав. 12 с писцом Евангелия Георгия Тертера вносит окончательную ясность и в вопрос датировки иерусалимской рукописи, освобождая ее от неизбежных колебаний, связанных с возможной залежностью бумаги²⁶. Самое позднее к лету 1322 г. этот книгописец должен был вернуться в Тырнов, где и переписал по царскому заказу Евангелие тетр. Таким образом, максимально широкий отрезок времени написания Требника составляет теперь меньше 10 лет — между 1313 (1315) и первой половиной 1322 гг. По сути, мы имеем теперь достаточно узко (даже по меркам филигранологии) датированную и локализованную рукопись. Поскольку для загребской Псалтыри и софийского Службника связь с Палестиной далеко не очевидна²⁷ (они в равной мере могли быть написаны до поездки создавшего их писца в Палестину, во время паломничества и после него) в их отношении правомочной остается широкая датировка (начало — первая половина XIV в.).

Существенно дополняют эту группу еще два давно и хорошо известных в науке кодекса. Речь идет о пергаменном Норовском Евангелии тетр (Москва, ГИМ, Увар. 480-F²⁸) и Златоусте Ягича. Еще ранее все та же Климентина Иванова отождествила 1-го писца этого Евангелия (л. 1—92 об.) с писцом Златоуста²⁹. В СК XIV мною была отмечена большая близость почерка 5-го писца Евангелия к почерку Норов-

ской Псалтыри³⁰, которая, однако, как показывает углубленное сопоставление, не достигает уровня тождества. Но тем не менее почерк писца Псалтыри (точнее, один из его вариантов, а именно «мелкий»³¹) в Евангелии присутствует. Он соответствует 7-му писцу кодекса, написавшему и оформившему л. 237 об. — 240, на которых помещены «блаженны» на все дни седмицы (уровень сходства в данном случае такой, что страницы с этим почерком из Евангелия и Псалтыри, снятые в одном масштабе, могут показаться происходящими из одной книги). И, наконец, 2-й писец Евангелия, переписавший в нем только три листа (93—95 об.) может быть теперь уверенно отождествлен с 6-м писцом Иерусалимского Требника (т. е. писцом Евангелия царя Георгия Тертера 1322 г.). Следовательно, Норовское Евангелие с большой степенью вероятности может быть датировано тем же отрезком времени, что и Требник (1313 (1315) — первая половина 1322 гг.)³². Для Златоуста Ягича сделанное отождествление не дает абсолютной датировки, тем не менее, середина 1310-х — начало 1320-х гг. имеют для него значение осевой даты, позволяющей рассматривать деятельность его писца в хронологических рамках конца XIII — первой трети (второй четверти?) XIV в.³³

Таким образом — с учетом Евангелия Георгия Тертера — у нас оказывается группа из 7 (и даже 8 — см. примеч. 25) связанных между собой и относительно узко датированных рукописей, из которых по крайней мере три (а именно, названное Евангелие, Норовскую Псалтырь и Златоуст Ягича³⁴) никак нельзя отнести к числу заурядных. В сочетании с числом болгарских писцов³⁵, принимавших участие в работе над ними (7 в Иерусалимском Требнике, 6 или 7 в Норовском Евангелии) это открывает достаточно широкие перспективы для изучения тырновского книгописания (и прежде всего каллиграфического) в первой четверти XIV в.

Вполне возможно также (пока на уровне предположения), что с рассмотренной группой рукописей связаны еще два³⁶ весьма известных болгарских кодекса, традиционно относимых в литературе просто к XIII в. Речь идет о Добриановой минее (Одесса, ГНБ, 1/4; 16 л. — СПб., БАН, 24.4.12 (Срезн. 59) — СК XI—XIII, № 358, 359) и Минее праздничной из собрания Одесской ГНБ, № 1/5 (СК XI—XIII, № 360). В двух этих минеях нет почерков, которые могут быть отождествлены с писцами, о которых шла речь в статье³⁷. Однако декоративное письмо заголовков в обеих (вязь очень сложного и индивидуального рисунка) обнаруживает очень большую степень близости к аналогичному письму Ягичева Златоуста и они непременно должны быть исследованы на предмет возможного тождества.

Примечания

¹ Зографская рукопись Евангелия тетр с условной (несмотря на все ее правдоподобие) датой 1305 г. (Афон, Зограф, № 40 (I.r.9); 1 л. — СПб., РНБ, Ф.п.1.35), происхождение которой продолжает оставаться невыясненным, не может, разумеется, служить полноценной хронологической вехой. Не решают вопроса в данном случае и датированные рукописи западноболгарского происхождения — Хлудовский Паремийник (ГИМ, Хлуд. 142), написанный между 1294 и 1320 гг., и Скопский Апостол ок. 1313 г. (Афон, Пантелеймонов монастырь, Слав. 4, л. 1—77 об.).

² Цонев Б. Кирилски ръкописи и старопечатни книги в Загреб // Сборник на БАН. Клон историко-филологичен и фолклорен. София, 1913. Т. 1. С. 1—54.

³ Там же. С. 6, № 2.

⁴ Впрочем, такая датировка загребской Псалтыри вполне соответствовала палеографическим представлениям того времени — см. ниже.

⁵ Образцы почерка Псалтыри см.: Цонев Б. Кирилски ръкописи... Табл. 8—9; *Mošin V. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije. Zagreb, 1952. Dio 2 (Reprodukcije). S. 13—14, герг. 8—9; Службеника — Цонев Б. Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. София, 1923. Т. 2. Табл. 27; Стоянов М. Украса на славянските ръкописи в България. София, 1973. С. 76, № 72; Джурова А. 1000 години българска ръкописна книга: Орнамент и миниатюра. София, 1981. Прилож., сн. 154; Она же. Въведение в славянската кодикология: Византийският кодекс и рецепцията му сред славяните. София, 1997. С. 291, ил. 63. Надежность атрибуции Б. Цонева подтверждается косвенно тем обстоятельством, что автор этих строк несколько лет назад пришел к аналогичному заключению, не зная о ней, и лишь затем обнаружил соответствующую отсылку в описании В. А. Мошина.*

⁶ Цонев Б. Опис... С. 102. В описаниях и исследованиях последней четверти XX в. принята уточненная датировка рукописи — первая половина XIV в. (Джурова А. 1000 години...; Прилож., сн. 154; Она же. Введение... С. 291; Христова Б., Караджова Д., Икономова А. Български ръкописи, запазени в България: Своден каталог. София, 1982. Т. 1. С. 43, № 76).

⁷ Неясно, к примеру, в какой степени с публикацией Б. Цонева успел ознакомиться П. А. Лавров, готовивший в то время к изданию свое «Палеографическое обозрение кирилловского письма» (книга вышла в свет в 1915 г., но на титульном листе стоит еще 1914). Работа значится здесь (с. 338) в библиографическом списке (причем как самостоятельное издание, что указывает скорее всего на отдельный оттиск, полученный от автора), однако в тексте ссылок на нее нет. При более благоприятной (хотя бы во временном отношении) ситуации нельзя было бы исключить возможности, что отождествление писцов (независимо от вопроса датировки кодексов) загребской и Норовской псалтырей (см. ниже) могло произойти ещё почти 100 лет назад (хотя это, разумеется, совсем не обязательно, учитывая причудливости индивидуального фактора при атрибуции почерков).

⁸ *Mošin V. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije. Zagreb, 1955. Dio 1 (Opis rukopisa). S. 185, № 117.*

⁹ Ввиду смены места хранения рукописи в промежутке между выходом в свет работ Б. Цонева и В. А. Мошина и отсутствия ее описания, к 1912 г. последнему вполне мог быть неизвестен ее реальный шифр.

¹⁰ См., например: Джурова А. 1000 години...; Она же. Въведение в славянската кодикология...; Христова Б., Караджова Д., Икономова А. Български ръкописи..., с. 43, № 76.

¹¹ См. образцы почерка Норовской Псалтыри: Леонид, архим. (Кавелин). Систематическое описание... славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова, 1. М., 1893, Т. 1 (вклейка между с. 9 и 10); Лавров П. А. Палеографические снимки с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. СПб., 1905. Вып. 1 (XI—XIV вв.). С. 36; Он же. Палеографическое обозрение... С. 84—88 (илл. 77—88); Он же. Альбом снимков с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916. Сн. 15; Щепкина М. В. Българска миниатюра XIV в.: Исследование Псалтыри Томича. М., 1963. С. 65; Мошин В. Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966. С. 107, № 105; Князевская О. А. Описание Норовской Псалтыри // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 124, 127, 129, 133, 135, 139; Куев К. Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. 2-о изд. София, 1986. Сн. [45] (на вклейке между с. 144 и 145); Норовская Псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV в.: В 2-х ч. / Изд. подгот.

Е. В. Чешко, И. К. Бунина, В. А. Дыбо, О. А. Князевская, Л. А. Науменко. 1, София, 1989. Загадочным образом (возможно, из-за датировки В. А. Мошина) загребская Псалтырь не была привлечена О. А. Князевской в последних двух работах в качестве ближайшего палеографического аналога Норовской (впрочем, Архив ХАЗУ (в то время еще ЮАЗУ), как и Загреб в целом вообще не фигурирует здесь в перечне тех хранилищ, где разыскивался сопоставительный материал).

¹² Репродукцию страницы Служебника с инициалом см.: *Цонев Б.* Опис... Табл. 27; *Стоянов М.* Украса... С. 76, № 72; *Джурова А.* 1000 години... Прилож., сн. 154; *Она же.* Въведение... С. 291, ил. 63; страницы Норовской Псалтыри с заставкой — *Леонид.* Систематическое описание..., вклейка между с. 9 и 10; *Щепкина М. В.* Болгарская миниатюра XIV в. ... С. 65; *Князевская О. А.* Описание... С. 125; *Куев К.* Съдбата..., вклейка между с. 144 и 145 [№ 45].

¹³ *Mošin V.* Ćirilski rukopisi..., 1, s. 185.

¹⁴ О инициалах Норовской Псалтыри см. подробнее: *Князевская О. А.* Описание... С. 141 (характеристика орнаментики принадлежит Ю. А. Неволину).

¹⁵ Ср., к примеру, инициал на л. 103 загребской рукописи (*Mošin V.* Ćirilski rukopisi..., 2, s. 14, герг. 9) и инициалы Норовской Псалтыри (см.: *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение..., с. 83, 87, 88).

¹⁶ К настоящему времени исследована, как известно, только акцентная система Норовской Псалтыри (В. А. Дыбо во вступительной статье к изданию 1989 г.).

¹⁷ См. библиографию в примеч. 12 (до статьи О. А. Князевской), а также: *Щепкин В. Н.* Болгарский орнамент эпохи Иоанна Александра // Сб. статей по славяноведению, посвящ. проф. М. С. Дринову. Харьков, 1904. С. 101—105; *Он же.* Болонская Псалтырь. СПб., 1906 (репринт — М., 2005). С. 36—38; Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно) / Сост. Н. Б. Шеламанова // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 208, № 344; *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костохина Л. М., Гольшенико В. С.* Описание пергаментных рукописей ГИМ. Ч. 2. Рукописи болгарские, сербские, молдавские // Там же. С. 276.

¹⁸ Предварительный вариант исторического очерка для этого каталога см.: *Иванова К.* Из истории славянской письменности на Святой земле (О славянских рукописях, связанных со Святой землей, хранящихся в книгохранилищах вне Израйля // *The Holy Land and the Manuscript Legacy of Slavs.* Jerusalem; Sofia, 2008 (= *Jews and Slavs*, 8). С. 60—86; а также: *Она же.* По следите на распръснатите ръкописи от Йерусалим и Палестина // *Разночтенията на текста: Юбилеен сб. в чест на 60-годишнината на проф. д-р К. Топалов.* София, 2003. С. 289—295.

¹⁹ *Иванова К.* Об одном болгарском Требнике раннего XIV в. (Предварительное сообщение) // *Βυζαντινο-σλαβικά σπαράγματα. Χαριτόφιρος τόμος στον Ομότιμο Καθηγητή Ι. Ταρνανίδη. Θεσσαλονίκη* (в печати). Пользуюсь случаем выразить сердечную признательность автору за возможность ознакомиться с этой интереснейшей работой до ее выхода в свет и за предоставление снимков с почерками Требника Иерусалим, Слав. 12.

²⁰ *Красносельцев Н. Ф.* Славянские рукописи патриаршей библиотеки в Иерусалиме: описание их // Православный собеседник. Казань, 1889. Кн. 12. С. 15—16; *Розов В. А.* Болгарские рукописи Иерусалима и Синая // *Минало.* София, 1914. № 9. С. 20—22.

²¹ На это недвусмысленно указывает включение в рукопись (л. 1—14) совершенно не обязательной для Требника Повести о чуде архангела Михаила в Хонех. К. Иванова находит здесь параллель со «Златоустом Ягича», на связь которого с Синаем, как считается, указывает помещение в нем на первом месте «патронального» жития св. Екатерины (*Иванова К.*

Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica. София, 2008. С. 166—167). Ситуация в последнем случае не представляется, однако, столь простой и однозначной, как это может показаться на первый взгляд, поскольку сербские пробы пера (начала посланий) на л. 1, 79 об., 131 об., 199, 222 об., 249 об. «Златоуста» (см.: *Христова Б., Загребин В., Енин Г., Шварц Е.* Славянские рукописи болгарского происхождения в Российской Национальной библиотеке — Санкт-Петербург. София, 2009. С. 56) недвусмысленно свидетельствуют, что кодекс оставался на Балканах по крайней мере до середины XIV в., если не позднее (ранней истории рукописи автор предполагает посвятить отдельное исследование). Это замечание не означает сомнений в локализации создания Требника, поскольку здесь речь идет о только что созданной обители, уже в силу этого испытывавшей потребность в самых необходимых богослужебных книгах.

²² О дате создания Архангельского монастыря см. также: *Недомачки В.* Манастир Арханђела Михаила и Гаврила у Јерусалиму — задужбина краља Милутина // *Зборник Матице Српске за ликовне уметности.* Нови Сад, 1980. Књ. 16. С. 25—30; *Она же.* Задужбине Немањина у Светој Земљи // *Никон Јерусалимац: Време — личност — дело: Зборник радова са међународног научног симпозиона на Скадарском језеру 7—9. септембра 2000 г. / Приред. јеромон. Јован (Ђулибрк). Цетиње, 2004. С. 48—49.*

²³ Соответственно: 1-й — л. 1—14; 2-й — л. 15—27 (первые 3 строки), 28—50 об., 51 об. — 57 об.; 3-й — л. 27 (с 4-й строки) — 27 об., 51, 58—66; 4-й — л. 66 об. — 83 (верх листа); 5-й — л. 83 (низ листа) — 103 об., часть л. 107 об. и 108, 108 об. — 113; 6-й — л. 104—107 и часть л. 107 об. и 108; 7-й — л. 114 об. — 118 (правописание сербское); 8-й — л. 118 об. — 127 об. Исследовательница отмечает известную условность такого деления, допуская возможность того, что л. 27—27 об. и 51 с одной стороны, и 58—66 написаны разными, но очень близкими писцами, либо одной рукой, но разными перьями.

²⁴ Образцы почерка см., к примеру: *Десподова В., Митревски Љ., Новотни С., Чичева-Алексиќ М.* Пролог бр. 72. Скопје, 2006; *Велев И., Макаријоска Л., Црвенковска Е.* Македонски споменици со глаголко и кирилско писмо. Скопје, 2008. С. 71, № 29. Буква М в данном случае имеет очень близкое начертание к Требнику, однако В здесь существенно ближе к Златоусту Ягича, а «ять» (в противоположность и Требнику и Златоусту) устойчиво пишется с высокой мачтой.

²⁵ Образцы почерка см.: *Лавров П. А.* Палеографические снимки... Табл. 27; *Он же.* Альбом снимков... Табл. 28; *Мошин В.* Палеографски албум... табл. 61; *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Палеографски албум. Београд, 1978. Репр. 207; *Христова Б., Караджова Д., Узунова Е.* Бележки на българските книжовници X—XVIII в. София, 2003. Т. 1. С. 212, табл. 16; *Парпулов Г.* Художественное оформление Четвероевангелия болгарского царя Георгия Тертера (Афон, Хиландар, № 18) // *Хризграф.* М., 2005. Вып. 2. С. 77, 78, 84; *Христова Б., Загребин В., Енин Г., Шварц Е.* Славянские рукописи болгарского происхождения... С. 272. Табл. 50. Уже после сдачи статьи в печать автору удалось отождествить письмо Евангелия Георгия Тертера с почерком (или одним из почерков) пергаменного Карансебешского Октоиха (Бухарест, БАН Румынии, Слав. 450). Образцы почерка см. при статье: Караншебешский Октоих второй пол. XIII в. Тексты, описание рукописи и снимки / *Посмертный труд П. А. Сырку с предисловием А. И. Яцимирского // СОРЯС.* СПб., 1906. Т. 82. Кн. 1. С. XII + 60; *Bogdan D. P.* Palaeografia gotâno-slavica. Bucureşti, 1978. Album. P. 66. Tabl. 34. Данное обстоятельство заставляет датировать этот Октоих, очевидно, не ранее рубежа XIII—XIV вв.

²⁶ Кстати сказать, в данном случае они отнюдь не являются праздными, поскольку мы очень мало знаем о степени интенсивности поставки в это время итальянской бумаги на арабский Ближний Восток, обладавший и собственным бумажным производством, и тем более о темпах ее потребления в местных монастырских скрипториях.

²⁷ Строго говоря, нельзя с уверенностью утверждать и того, что непосредственно в Палестине написана и Норовская Псалтырь. Однако факт обнаружения ее в XIX в. в монастыре Саввы Освященного в сочетании с участием ее писца в работе над Требником надежно свидетельствует, что она писалась если и не непосредственно в Святой Земле, то как вклад в один из палестинских монастырей — т. е. время ее создания минимально удалено от паломничества писца. В совокупности это позволяет датировать кодекс если не 1310-ми — началом 1320-х гг., то первой четвертью XIV в.

²⁸ Наиболее подробное описание см.: СК XIV. Вып. 1. С. 387—389, № 250; палеографические характеристики: *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение... С. 161—162.

²⁹ См.: СК XIV. Вып. 1. С. 389.

³⁰ Там же.

³¹ См.: *Князевская О. А.* Описание... С. 133.

³² Разумеется, и в данном случае при непременном условии, что кодекс был написан непосредственно в Палестине, а не отправлен туда паломниками позднее из Болгарии. Но, учитывая число совпадений, первый вариант следует признать более вероятным.

³³ Таким образом, датировка Златоуста Ягича оказывается в итоге весьма близка к той (конец XIII — начало XIV в.), которую еще на рубеже XIX и XX столетий предлагали И. В. Ягич и П. А. Лавров (*Jagić V. Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13. — 14. Jahrhunderts // Sitzungsberichte der Phil.-Hist. Classe der Keiser. Akademie der Wissenschaft. Wien, 1898. Bd. 139. Hft. 4. S. 13—56; Лавров П. А.* Палеографическое обозрение... С. 106—107). В позднейшей литературе вплоть до середины 1980-х гг. (а отчасти и позднее) наблюдалась тенденция к удревнению датировки рукописи, которую относили к третьей четверти XIII столетия, второй его половине, либо датировали XIII в. без уточнения (основную библиографию см.: СК XI—XIII, № 392. С. 325—326). Предложенная М. Димитровой в работах 1980-х гг. датировка Златоуста Ягича второй четвертью XIV в. (*Димитрова М. Вл.* Исследование русско-болгарских литературных связей старшего периода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983; *Она же.* Из кодиколожко-палеографска проблематика на среднобългарските ръкописи (Ръкопис Q.п.1.56 — ГПБ «Салтиков-Щедрин») // Помощни исторически дисциплини. София, 1986. Кн. 4. С. 115—146; *Она же.* Стили в орнаменте и проблема датировки среднеболгарских рукописей (на материале рукописи Q.п.1.56 — ГПБ, Ленинград) // *Palaeobulgarica*. 1988. № 3. С. 87—102) была принята в приложении к вып. 1 СК XIV (С. 584), но не получила широкого признания в литературе, прежде всего болгарской (см., к примеру: *Старобългарска литература: Энциклопедичен речник / Съст. Д. Петканова.* София, 1992. С. 514; *Христова Б., Загребин В., Енин Г., Шварц Е.* Славянские рукописи болгарского происхождения... С. 52). Необходимо заметить также, что сторонником столь же поздней датировки рукописи являлся до последних своих дней Н. Б. Тихомиров (его аргументы в пользу этого неизвестны, можно лишь предполагать, что исследователь находил в письме «Златоуста Ягича» черты близкого сходства с каллиграфическими почерками тырновских рукописей времени царя Иоанна Александра). Среди авторов, придерживающихся исходной (наиболее взвешенной) датировки кодекса, можно отметить К. Станчева (*Станчев К.* Неизвестные и малоизвестные болгарские рукописи в Париже // *Palaeobulgarica*. 1981. № 3. С. 92) и К. Иванову (*Иванова К.* *Bibliotheca Nagiographica ...* С. 166, № 201).

³⁴ Здесь необходимо также заметить, что на определенном этапе исследований К. Иванова высказывала предположение о возможном тождестве писца Златоуста Ягича с одним из писцов болгарской пергаменной Минеи праздничной Синай, Слав. 25 (*Иванова К.* Служба на св. Ахил Лариски (Преспански) от Синайския празничен миней № 25 // *Palaeobulgarica*. 1991. № 4. С. 14), однако к настоящему времени она отказалась от этой гипотезы.

³⁵ К сожалению, по имени из них известен только один — 6-й (л. 233 об. — 237) писец Норовского Евангелия, анагност Георгий (см.: СК XIV. С. 389), писавший и по-гречески, и по-славянски (причем в последнем случае и уставом и греческим письмом — образец его почерка см.: *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение... С. 162, рис. 162).

³⁶ Вернее, три (или, точнее, «два с небольшим»), поскольку автором этих строк атрибутированы Добриану также отрывки пергаменной Минеи служебной на сентябрь в конволюте ГИМ, Увар. 1176-Q, л. 1—2, 6—7 (*Турилов А. А.* Сборник отрывков пергаменных рукописей из Уваровского собрания ГИМ // *Palaeobulgaria*. 1994. № 4. С. 15—21; СК XIV. Вып. 1. Прилож. 2, С. 626—627, № д40). Но на этих листах подобное декоративное письмо отсутствует, поскольку на них нет ни одного крупного заголовка.

³⁷ В основной (одесской) части Добриановой Минеи после записи писца, на л. 92—92 об., имеется приписка почерком, близким почерку Златоуста Ягича, но менее каллиграфическим. Этот вопрос нуждается в специальном дополнительном изучении, поскольку черты сходства с почерком приписки обнаруживаются также в письме Минеи праздничной из старого собрания Народной Библиотеки Сербии, № 434 (Стоянович, № 139), погибшей в 1941 г. и датированной XIV в., без уточнения (образцы почерка последней см.: *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение... С. 160—161, рис. 157—161).

К истории тырновского «царского» скриптория XIV в.

В опубликованной в 1994 г. статье с характерным заглавием «Куда делись парорийские рукописи?» австрийский филолог-славист Х. Миклас предпринял, в частности, попытку собрать, с учетом новейших исследовательских разысканий, сведения о всех рукописях, вышедших из скрипториев Тырнова и парорийской обители Григория Синаита во второй четверти — конце XIV в.¹ Составленный им перечень включает 15 рукописей (группа а), надежно связанных с книгописными мастерскими Тырнова (преимущественно на основании записей писцов) и в основном давно известных в науке, и 17 (группа б) относимых к их числу на основании косвенных данных; к парорийским отнесено 4 рукописи, из них три предположительно.

Безусловно, современное состояние изученности южнославянской рукописной традиции таково, что рассчитывать на существенный прирост первой группы отнюдь не приходится, хотя нельзя полностью исключать возможности отыскания (или передатировки) единичных рукописей в хранилищах России или Румынии (либо, что еще более вероятно, обнаружения атрибутирующих записей в уже известных, но недостаточно изученных кодексах). Значительно больше перспектив роста у второй группы, главным образом за счет атрибуции почерков безымянных рукописей писцам датированных и локализованных кодексов. Хотя, разумеется, нельзя ставить знак равенства между атрибуцией почерка и установлением места создания кодекса (в силу того, что биографические сведения о средневековых славянских книгописцах не выходят, как правило, за пределы одной-двух писцовых записей), тем не менее подобное введение рукописей в определенный историко-культурный контекст имеет немаловажное значение как для них самих, так и для того комплекса, к которому они присоединяются. При этом, разумеется, нужно быть заранее готовым к тому, что выявленный в результате новых атрибуций материал будет заведомо более рядовым, менее ярким в отношении содержания, чем кодексы, давно известные в науке. Это естественно и закономерно — ведь будь ситуация иной, эти рукописи гораздо ранее попались бы на глаза исследователям. Впрочем, и здесь не обойдется без исключений, особенно когда речь идет о кодексах, долгое время датированных неверно. Так, к примеру, совершенно необходимо исследовать на предмет связи с царским (или патриаршим) скрипторием двух роскошных болгарских рукописей Четвероевангелия, хранящихся в Российской государственной библиотеке: 1) собр. Московского общества истории и древностей российских (ф. 242), № 31, и 2) собр. графа Н. П. Румянцева (ф. 256), № 122². Первое из них написано на пергамене хорошей выделки, второе на бумаге. Они не имеют миниатюр, но оба украшены

великолепными по исполнению заставками неовизантийского стиля с применением золота (так называемый «орнамент эпохи царя Иоанна Александра»), не уступающими по качеству лучшим известным образцам. В первом из них сохранилось три больших заставки из четырех (утрачено начало Евангелия от Матфея), во втором подобная заставка помещена перед Евангелием от Марка (перед другими Евангелиями и их оглавлениями заставки балканского и скорее старое, чем неовизантийского стиля), кроме того, здесь имеются и инициалы, близкие инициалам Псалтыри Томича. Румянецовское Евангелие особенно примечательно в этом смысле как наиболее поздний образец стиля на болгарской почве (датируется по филиграням последней четвертью XIV в. (вероятно, 1370-ми гг.)³. Названные рукописи не фигурируют в искусствоведческих работах, посвященных роскошному варианту неовизантийского стиля в славянском книжном искусстве⁴ (хотя, бесспорно, этого достойны), поскольку румянецовский кодекс до самого последнего времени датировался XV в.⁵ (исправление датировки принадлежит Н. Б. Тихомирову, описавшему рукопись для СК XIV), а Евангелие ОИДР до 1980-х гг. со времен его описания П. М. Строевым⁶ относили даже к XVI в.⁷, ошибочно считая его молдавской рукописью⁸.

Атрибуция книжных почерков до настоящего времени (несмотря на широкие перспективы, открывающиеся в этой области для применения компьютерной техники) относится (подобно атрибуции произведений живописи по стилистическим признакам и техническим приемам) скорее к области знаточества, чем к сфере строго научного знания, что, впрочем, не умаляет ее значения. По сути, исходным моментом атрибуции служит узнавание исследователем облика почерка (при этом неважно, известен ли писец по имени или же анонимен), знакомого ему по другим рукописям или другим частям того же кодекса. Дальнейшее сравнение начерков отдельных букв, знаков препинания и диакритики, орнамента служит для аргументации обоснования этой первоначальной зрительной идентификации.

Настоящая статья представляет в известной мере «побочный продукт» работы по подготовке и редактированию первых двух выпусков СК XIV⁹. Известно, что подобные обобщающие мероприятия, связанные с просмотром большого числа рукописей и активизирующие «насмотренность» исследователей, обычно сопровождаются отождествлением как значительного количества отрывков одних и тех же рукописей, так и почерков писцов в разных кодексах. Уместно напомнить, что только в процессе работы над СК XI—XIII было сделано около 60 атрибуций (как применительно к отрывкам одних и тех же рукописей, разделенных между разными фондами и хранилищами (преобладающий тип отождествления)¹⁰, так и по отношению к разным кодексам, написанным одним писцом. Отнюдь не меньшее число отождествлений сделано на данный момент в процессе работы над СК XIV в объеме неполных двух выпусков этого трехтомного каталога¹¹. Рассматриваемые ниже примеры, связанные с книгописцами, причастными к работе тырновского царского скриптория 1330—1360-х гг., принадлежат, пожалуй, к числу наиболее показательных как по числу атрибуций, так и по разнообразию памятников.

1. Иеромонах Лаврентий

Этот писец — фигура в истории славистики и палеоболгаристики несомненно хрестоматийная, хотя до недавнего времени в литературе был известен лишь один написанный им кодекс¹². Главная его рукопись, базовая для дальнейших отождествлений — Сборник 1348 г. (РНБ, F.I.376) — благодаря своему содержанию (включает, помимо прочих статей, старшие списки Сказания Черноризца Храбра и «Написания о правой вере» с именем Константина Философа в заглавии¹³) в сочетании с древностью была введена в научный оборот К. Ф. Калайдовичем почти 180 лет назад¹⁴. В наши дни кодексу было посвящено монографическое исследование с полной публикацией (частично фототипической) содержащихся в нем текстов — честь, которой удостоилось не так уж много кириллических рукописей XIV в.¹⁵ Количество воспроизведений почерка Лаврентия из Сборника 1348 г. с трудом поддается учету¹⁶. Однако атрибуция этому книгописцу — несомненно одному из лучших болгарских каллиграфов своего времени, писавших «тырновским» литургическим полууставом¹⁷ — началась лишь немногим более 20 лет назад. Причины столь длительного невнимания к книгописному наследию Лаврентия носят достаточно общий характер: остальные написанные им кодексы являются значительно более рядовыми по содержанию, чем Сборник 1348 г., и сохранились по преимуществу в малых или же труднодоступных хранилищах, а снимки с них опубликованы лишь сравнительно недавно.

В 1981 г. К. Иванова при описании южнославянских и молдаво-валашских рукописей из собрания М. П. Погодина отождествила с Лаврентием писца первых 190 л. (большая часть Лествицы Иоанна Синайского) рукописи РНБ, Пог. 1054, содержащей Лествицу и Поучения аввы Дорофея¹⁸. Сходство письма и оформления Погодинской Лествицы со Сборником 1348 г. настолько велико¹⁹, что не оставляет никаких сомнений в их принадлежности одному писцу и декоратору. Атрибуция учтена Х. Микласом, и Лествица включена им в список тырновских рукописей²⁰.

Второй кодекс — Евангелие тетр № 24 (старые номера: I.a.1; Ильинск. 22) середины XIV в. из библиотеки болгарского монастыря Зограф на Афоне — надежно атрибутирован Лаврентию совсем недавно в рецензии Д. Караджовой на каталог славянских рукописей этого собрания²¹. Исследовательница располагала лишь четырьмя снимками образцов почерка и орнаментики, опубликованными при описаниях²², но ее атрибуция представляется безупречной и хорошо аргументированной²³.

За последнее время автору этих строк удалось установить, что почерком Лаврентия целиком написан еще один кодекс, а также два частично (в последнем случае речь идет о приплете тетради XIV в. к рукописи XVI в.).

Первая из этих рукописей («Повесть о Варлааме и Иоасафе» — Кишинев, Гос. архив Молдовы, ф. Ново-Нямецкого монастыря, оп. 2, № 1) известна в науке уже свыше столетия²⁴, но она ошибочно датировалась прежде XV в. и поэтому не привлекла к себе должного внимания, тем более что долгое время считалась утраченной вместе со всем собранием²⁵. Лишь в середине 1980-х гг. В. С. Овчинникова-Пелин сообщила современное местонахождение кодекса (и фонда) и датировала

рукопись третьей четвертью XIV в.²⁶, а в 1989 г. опубликовала ее подробное описание с уменьшенным воспроизведением первой страницы²⁷. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы отнести к числу трудов иеромонаха Лаврентия и эту объемистую (225 л. форматом в лист) рукопись, содержащую вторую южнославянскую (болгарскую) редакцию перевода²⁸ этой популярного в Средние века сочинения.

Все палеографические особенности новой рукописи полностью соответствуют другим кодексам, написанным рукой Лаврентия, не ограничиваясь общим сходством облика с каллиграфическими тырновскими почерками середины — третьей четверти XIV в. (такими, к примеру, как почерки Лондонского Евангелия царя Иоанна Александра, ватиканского списка Хроники Манассии и Псалтыри Томича). Индивидуальные особенности этих почерков могут быть минимальными, но весьма устойчивыми. От писца Лондонского Евангелия Лаврентия отличает набор графем — он не употребляет йотированного Е, используя в этом значении широкий вариант буквы²⁹. Разница в почерке Лаврентия и писцов Хроники Манассии и Псалтыри Томича прослеживается преимущественно на уровне начерков букв³⁰. Так, писец Хроники пишет симметричный «юс малый», увенчанный вертикальным штришком, с «распоркой» между боковыми линиями двух вариантов — в виде Т и двустороннего Ч³¹ (первый из них употребляет и писец Псалтыри Томича³²). У Лаврентия рисунок этой буквы не вполне симметричен — его основой является (как у греческих «альфа» и лямбда») жирная косая черта слева направо, от которой ниже верха (порою существенно) отходит тонкая линия справа налево. Писец Псалтыри не употребляет начертания Ж, в котором косая, идущая слева направо, имеет наверху отворот вниз (только наверх), у Лаврентия же это один из вариантов начертания этой буквы. Лаврентий часто пишет У в форме криновидного «пси» без средней черты вверху, при этом обычно отсутствует заметный глазу стык левой жирной и правой тонкой линий. В Псалтыри Томича место их соединения обычно заметно, а в тех редких случаях, когда слияние выполнено гладко, буква бывает узкой, без широкого раструба, свойственного почерку Лаврентия. Все перечисленные особенности последнего характеризуют и почерк новонямецкого списка «Варлаама и Иоасафа»³³.

Возможности для сопоставления в данном случае (в отличие от погодинской Лествицы и зографского Евангелия) ограничиваются собственно почерком³⁴. Новая рукопись лишена начала и вместе с ним, вероятно, бывших там единственной заставки, крупного инициала и заголовка, написанного декоративным письмом или вязью. На снимке в каталоге новонямецкого собрания можно увидеть лишь одну (наиболее употребительную) лигатуру из известных по Сборнику 1348 г. («ук»), представлены не все варианты начертания отдельных букв, однако с уверенностью можно говорить не о сходстве, а о тождестве письма новой рукописи с почерком Лаврентия. Несколько большая беглость, «нелитургичность» почерка новонямецкого кодекса заметна лишь на фоне чаще всего воспроизводимых страниц рукописей этого писца, отличающихся особой каллиграфичностью — в реальности и в погодинской Лествице, и в зографском Евангелии, и в Сборнике 1348 г. достаточно «неказовых» страниц, написанных еще более бегло, чем в «Варлааме и Иоасафе»³⁵.

Новонямецкий кодекс датируется несколько моложе остальных рукописей Лаврентия. Если не имеющие выходной записи писца Лествица и Евангелие по показаниям филиграней, в сущности, современны Сборнику 1348 г., т. к. относятся к концу 1340-х гг.³⁶, то «Повесть», вероятнее всего, на 10—12 лет моложе (хотя в связи с ее атрибуцией Лаврентию водяные знаки рукописи нуждаются, несомненно, в дополнительном исследовании)³⁷.

Кишиневский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» рукопись отнюдь не рядовая. Это, наряду с современным ему Рыльским (Болгария, библиотека Рыльского монастыря, № 3/14)³⁸ один из двух древнейших на сегодняшний день списков памятника, содержащих новую редакцию перевода, правленную по греческому оригиналу³⁹. Индивидуальной особенностью новонямецкого списка являются его колонтитулы, отражающие особое деление на главы⁴⁰; не исключено, что эта система фиксирует более ранний принцип деления «Повести», чем заголовки, помещаемые в других списках (включая рыльский) в тексте.

Раннюю историю рукописи, до ее принесения в 1864 г. из Нямца в Новый Нямец, проследить, к сожалению, не удастся⁴¹. Кодекс, как уже было сказано, лишен начала, вместе с которым утрачены, возможно, и имевшиеся на первом и защитном листах пометы. Поэтому нельзя сказать определенно, принадлежит ли он к числу книг, принесенных преп. Паисием Величковским с Афона в последней четверти XVIII в., или же находился в Нямецком монастыре с более раннего времени (в новонямецком собрании имеются и те и другие)⁴². Новонямецкий список повести мог попасть в Молдавию и непосредственно из Болгарии в конце XIV в. и через Афон три столетия спустя⁴³.

Еще одна рукопись, атрибутируемая мною Лаврентию, связана, как и его Евангелие, с Афоном и так же по сей день хранится в библиотеке болгарского Зографского монастыря. Но в отличие от других рукописей этого книгописца это не целый кодекс, а всего 7 листов, приплетенных в конце XVII или начале XVIII в. к Торжественнику минейному и триодному, переписанному в начале XVI в. в македонском Кратове Гюро Грамматиком (Зограф, № 109)⁴⁴. Возможно, что эти листы были приплетены к сборнику уже на Афоне. Л. 287—293 зографского кодекса № 109 (последний из них чистый) содержат Слово Ефрема Сирина на Преображение (нач.: «От нивы жатва и радования, от винограда плоды снеднии...»). Эта тетрадь XIV в. была обнаружена независимо друг от друга описателями зографского собрания и К. Ивановой (последней по микрофильму рукописи, хранящемуся в Архиве АН Болгарии)⁴⁵. Водяной знак листов — «голова единорога» — близок к № 5940 в альбоме Мошина и Трелича (шестое десятилетие XIV в.)⁴⁶. Фрагмент справедливо охарактеризован исследовательницей как «чудесный образец болгарского тырновского письма второй половины XIV в.»⁴⁷, в статье приведен снимок страницы рукописи с началом слова Ефрема⁴⁸. Этого образца вполне достаточно, чтобы убедиться, что речь идет об отрывке еще одного кодекса, переписанного Лаврентием. Тожество почерка не вызывает сомнений. Правда, поскольку воспроизведена лишь одна страница, то (как и в случае с «Варлаамом и Иоасафом») здесь представлен неполный набор не только вариантов, но даже и графем. Отсутствуют лигатуры (исключая «ук») и такие достаточно редкие буквы как «кси»,

«пси», «фита». Есть, однако, примеры курсивных начертаний — *a* в виде «альфы» в конце строки, высокие Т (в форме цифры 7), Ъ и «ять» (с волнообразной перекладиной). Облик письма в целом менее уставной, чем в Сборнике 1348 г., хотя вполне каллиграфический (в этом смысле новая рукопись близка кишиневской).

Несмотря на скромное украшение отрывка, можно отметить его сходство с другими рукописями Лаврентия и в этом отношении. Плетеные украшения по сторонам заголовка имеют близкие аналогии в Сборнике 1348 г. (например, л. 70, 83 об.)⁴⁹, во многом сходны с ними (это относится в первую очередь к правой маргиналии) и навершия заставок в Евангелии и Лествице⁵⁰. Хотя инициал «от», начинающий текст в зографском Торжественнике, отсутствует в других рукописях Лаврентия, украшение полукружий букв внутри растительными отростками-«веточками» имеет ближайшие аналогии в инициалах В, М и С Сборника 1348 г.⁵¹. Явно одной рукой выполнено и киноварное письмо заголовков — достаточно сравнить в этом отношении зографский отрывок с «Написанием о правой вере» в Сборнике 1348 г. (л. 93 об.)⁵² и Житием Иоанна Синайского в Лествице (л. 3)⁵³. Особенно характерны: лигатура АН, буква Е, в основании дугообразного язычка которой находится равнобедренный (почти равносторонний) треугольник, «омега», середина которой перечеркнута и завершается крупной киноварной точкой. При этом рисунок инициалов и декоративного письма заголовков в ряде случаев обнаруживает явное сходство с начерками строчных букв. На примере змеевидного З это наглядно показала уже Д. Караджова⁵⁴, но то же самое можно сказать о З в форме цифры 3 («Написание о правой вере»), У (заглавие Лествицы), «уке» («Написание», Слово Ефрема Сирина). Все это свидетельствует, что Лаврентий, по всей вероятности, сам писал заголовки и рисовал тонкие киноварные инициалы.

Выявление у Лаврентия менее монументального, более «скорописного»⁵⁵ варианта письма, представленного в рукописях, атрибутированных ему разными исследователями, позволяет говорить о причастности этого книгописца к созданию еще одного кодекса зографского собрания. Речь идет об известном списке Сводного патерика середины XIV в. Зограф 83 (старый номер — П. б. 5; Ильинск. 64)⁵⁶. Это большая (377 л. in folio) бумажная рукопись написана несколькими писцами. С. Николова, использовавшая список в качестве основного при публикации патериковых повестей, выделила в рукописи 8 почерков⁵⁷, авторы зографского каталога — 4 почерка с использованием нескольких типов полуустава⁵⁸. Почерки в кодексе чередуются, встречаются вкрапления одного в другой, и установить их реальное количество без обращения если не к подлиннику, то хотя бы к микрофильму, не представляется возможным. Однако в отношении основных из них следует, по всей видимости, признать большую правоту авторского коллектива.

Лаврентию я атрибутирую (без определения общего объема работы) первый почерк рукописи⁵⁹. В каталоге из-за краткости описательных статей границы почерков не отмечены. Для С. Николовой вопрос о почерках не имел существенного значения и она сама не исключала возможности пересмотра своих наблюдений⁶⁰. Предложенное ею распределение почерков по меньшей мере вызывает сомнения. Первому писцу она атрибутировала л. 1—56 об., 162—230, второму — л. 57—66 об.,

69—117, 128—155 об., 161—161 об., 283—352 об., третьему — л. 67—68 об., четвертому — 117 об. — 127 об., пятому — л. 156—159, шестому — л. 279 об. — 282 об., седьмому — л. 230—279, и восьмому — л. 353—375. При этом для первого почерка отмечается наличие скорописных элементов, число которых существенно возрастает после л. 213, а на л. 190 об. и 229 он полностью переходит в курсивное александрийское (по болгарской палеографической терминологии «попгерасимово») письмо. Однако, если обратиться к снимкам, помещенным в зографском каталоге и книге С. Николовой, то можно заметить, что почерк листа 1 совпадает с почерками л. 80, 104 (второй почерк по ее распределению) и 248 (седьмой почерк по той же классификации⁶¹), но отличается от почерков на л. 49 и 52⁶², т. е. первого почерка по определению исследовательницы. Основные отличия составляют начертания З (с угловатым хвостом на л. 49 и 52 и дугообразным в остальных случаях), М (на указанных листах середина буквы не опускается ниже строки, в остальных же случаях это лишь один из вариантов начертания), лигатуры «ук». Последняя в почерке на л. 1, 80, 104, 248 представлена двумя вариантами: 1) традиционным для Лаврентия — с широким кружком и почти симметричным верхом (левый усик немного короче правого) в форме галочки и 2) написанным в один прием, с небольшой каплевидной петлей, более коротким правым и более тонким левым усиками. В почерке на л. 49 и 52 при большом числе примеров абсолютно преобладает вариант, близкий описанному второму, от которого он отличается тем, что левый усик здесь значительно длиннее и толще правого. Из сказанного следует, что число почерков в рукописи не превышает семи, и что почерк, определяемый С. Николовой как первый, в действительности является вторым, тогда как почерки второй и седьмой по ее классификации идентичны реальному первому. Правописные нормы этого писца соответствуют орфографии других рукописей Лаврентия⁶³.

Элементы оформления кодекса — правда, небогатого (в начале даже нет крупной заставки) и лишенного выраженной индивидуальности — также находят соответствие в других рукописях Лаврентия. Скромная заставка-разделитель с растительными мотивами на первом листе Патерика имеет полную аналогию в Сборнике 1348 г. (л. 93 об., 155, 160 об.) и в погодинской Лествице, но подобные не редкость и в других болгарских рукописях середины — второй половины XIV в. Тонкий киноварный инициал П в начале Патерика имеет почти полное соответствие в таком же (но осложненном внизу растительными отростками, отходящими от ножек) инициале на л. 103 зографского Евангелия. Заголовок Патерика, написанный декоративным письмом без лигатур, выполнен несомненно самим Лаврентием — достаточно сравнить его с частью заголовка Лествицы (строка под заставкой)⁶⁴. Но в целом при отождествлении элементы художественного оформления кодекса имеют в данном случае второстепенное значение.

Еще один момент сходства зографского Патерика с рукописями Лаврентия это молитвенные обращения над заставками, близкие по формуляру и выполненные, несомненно, одной рукой. Это: «Г(оспод)и И(ис)усе Х(рист)е, с(ы)не б(о)жий, помози ми» в Патерике (надпись сильно срезана, но читается), «Г(оспод)и И(ис)у(се) Х(рист)е, с(ы)не б(о)жий, помози и поспеши» на л. 3 в Лествице, «Г(оспод)и И(ис)у(се) Х(рист)е, с(ы)не б(о)жий, поспеши» перед Евангелием от Матфея⁶⁵; в Сбор-

нике 1348 г. подобная молитва, судя по срезанным навершиям заставки, вероятно утрачена.

Итак, в результате последних разысканий Лаврентий предстает не только эталонным каллиграфом и иллюминатором, но и весьма продуктивным книгописцем (что, в сущности, вовсе не удивительно), работавшим в 1340—1360-х гг. Разумеется, 6 рукописей — не предел для профессионального книгописца (здесь достаточно вспомнить сербских современников Лаврентия Дамиана⁶⁶ и Иова⁶⁷, а из позднейших каллиграфов Гавриила Нямецого (Урика)⁶⁸ и Владислава Грамматика⁶⁹, но все же для XIV в. такое количество представляется весьма значительным.

В связи с этим следует упомянуть еще одну рукопись, в написании которой почти несомненно принимал участие Лаврентий, однако местонахождение которой мне неизвестно. Речь идет о пергаменной Минее служебной на декабрь-январь или Минее праздничной первой половины — середины XIV в., часть страниц которой воспроизведена в альбоме при новейшем кодикологическом руководстве А. Джуровой, с указанием на ее принадлежность Минее на октябрь-декабрь и датой XIII в.⁷⁰ Воспроизведенная страница является, судя по нумерации, лицевой стороной л. 51, на котором помещено начало службы (стихиры самогласны гласа 2) на Богоявление (6 января). К сожалению, перечень иллюстраций с указанием шифров использованных рукописей в издании отсутствует, в тексте же (на с. 46) данный снимок упомянут лишь как образец фактуры шерстяной стороны пергамента. На основании столь скудных сведений (даже с учетом корректив, поскольку это минея явно не октябрьская⁷¹) отождествить снимок с конкретной рукописью мне пока не удалось⁷². Безусловно, это одна из самых каллиграфических рукописей Лаврентия (и единственная из известных, написанная им на пергамене), превосходящая в этом отношении даже Сборник 1348 г. В начертаниях букв присутствуют все особенности, характерные для почерка этого писца (необычно для него лишь регулярное написание М с округлой серединой, не опускающейся ниже строки, но подобные начерки встречаются и в других его рукописях), близкие аналогии находят и заставка «покоем» неовизантийского стиля и декоративное письмо заголовка⁷³. Молитвенная запись над заставкой («Г(оспод)и И(ис)у(се) Х(рист)е, с(ы)не б(о)жий, помози ми грешнику») также весьма близка записям в других рукописях Лаврентия.

Возможно, круг рукописей, в создании которых принимал участие Лаврентий, будет еще расширен в ближайшее время и за счет четьех кодексов. Речь идет об одном из древнейших списков Маргарита (РНБ, F.I.197). Кодекс, происходящий из собрания графа Ф. А. Толстого, получил краткое описание еще в 1825 г., однако в соответствии с тогдашними палеографическими представлениями, в основе которых лежало изучение восточнославянских рукописей⁷⁴, был датирован началом XV в.⁷⁵ При этом на датировку рукописи именно началом столетия, а не просто XV в. оказало несомненное влияние то обстоятельство, что она написана на древней бумаге («бомбицине» по терминологии большей части XIX в.). На пороге века XX Н. П. Лихачев продемонстрировал на примере этого кодекса возможности филиграноведения, датировав его «ок. 1370 г.»⁷⁶ и поместив знаки из рукописи в свой альбом⁷⁷. Вопреки этому рукопись не была учтена в ПС XI—XIV, поскольку

ку удивительным образом при составлении справочника сведения труда Лихачева не были приняты во внимание большинством хранилищ (за исключением ГБЛ—РГБ) — создается впечатление, что на этот предмет его просто забыли посмотреть. Только в 1977 г. в статье К. Ивановой кодексу наконец была возвращена его правильная датировка⁷⁸.

О происхождении толстовского Маргарита ничего достоверно не известно⁷⁹, если верить русской подстрочной записи по л. 2—66⁸⁰, то в 1695 г. кодекс находился в Крыму — место для болгарской (да и славянской вообще) рукописи в то время достаточно неожиданное.

Обращение к почеркам дает следующую картину. Второй из них — тырновский литургический полуустав (всего их в кодексе, по всей видимости, четыре⁸¹, во всяком случае, основных) обнаруживает чрезвычайную близость к первому почерку зографского Сводного патерика. Им написано свыше трети кодекса — л. 50—65, 130—252 об. (на л. 64 об. — 65 и 130—130 об. чередуется с третьим почерком), 285—297; этим же писцом написано большинство заголовков, что, возможно, указывает на его главенствующее положение. Описывая в декабре 2002 г. толстовский Маргарит для второго выпуска СК XIV, я не имел достаточно времени, чтобы окончательно убедиться в правоте этого предположения. Рукопись в этом смысле нуждается в дополнительном исследовании, но если атрибуция почерка Лаврентию будет подтверждена, Маргарит (наряду с кишиневским «Варлаамом и Иоасафом») окажется одной из последних работ книгописца.

Наконец, применительно к еще одной рукописи (также находящейся в РНБ) от гипотезы об авторстве Лаврентия следует, по всей видимости, отказаться (хотя ее принадлежность к продукции тырновского скриптория кажется более чем вероятной). Это бумажная Лествица второй четверти XIV в. — РНБ, F.I.472⁸². В описании болгарских рукописей хранилищ Петербурга (точнее, еще Ленинграда), составленном в конце 1980-х гг. Б. Райковым, Б. Христовой и В. М. Загребиным, но, к сожалению, до сих пор неопубликованном⁸³, отмечается большая близость письма и оформления рукописи Лаврентьеву сборнику. Полихромная (без золота) заставка неовизантийского стиля на л. 1 и выполненный киноварью декоративным письмом заголовок под нею и начальный инициал рукописи действительно сразу заставляют вспомнить начальный лист Сборника 1348 г. Этого нельзя однако безоговорочно сказать о письме, близость которого почерку Лаврентия не превышает близости к нему любого образца тырновского литургического полуустава второй-третьей четвертей XIV в. Лаврентию без особого насилия над истиной можно было бы атрибутировать первые шесть строк текста на л. 1 (далее начинается другой почерк, и им, по всей видимости, написан весь кодекс до конца), если бы не одно обстоятельство. Почерк начальных строк отличается большей каллиграфичностью по сравнению с основным, в нем уместно видеть образец для последующего письма. Но Лествица старше Сборника 1348 г. примерно на полтора десятилетия⁸⁴: Лаврентий, чья книгописная деятельность продолжалась, как мы видели, по крайней мере до рубежа 1360—1370-х гг., едва ли мог играть роль авторитета в первой половине — середине 1330-х. Возможно, эти шесть строк в начале Лествицы F.I.472 написаны рукой безымянного учителя и ее основного писца и Лаврентия.

В свете новых атрибуций наглядно видно, что Лаврентий, несмотря на высокое каллиграфическое мастерство, специализировался на переписке четвѣх книг — среди выявленных его рукописей только одно Евангелие и одна служебная или праздничная Минея. Со временем, разумеется, картина может измениться, но едва ли кардинально. В остальном же никаких неожиданностей для характеристики деятельности тырновского книгописного центра середины — третьей четверти XIV в. новые рукописи Лаврентия не содержат. Репертуар переписанных каллиграфом книг служит свидетельством общей смены тематики столичного скриптория. Сборник 1348 г. (по всей вероятности, старшая из дошедших рукописей Лаврентия) с его древними статьями (Сказание черноризца Храбра, Написание о правой вере, «Церковное сказание») на фоне новых атрибуций явно стоит особняком — остальные кодексы содержат переводы и редакции, возникшие уже в XIV в. Наличие в зографской библиотеке трех рукописей этого книгописца, не содержащих сведений об их позднейшей миграции, служит, возможно, дополнительным свидетельством тесных связей этой болгарской афонской обители со столицей Второго царства⁸⁵.

Выявление рукописей, написанных Лаврентием в сотрудничестве с другими писцами (Лествица, Патерик, возможно, Маргарит) расширяет перспективы поисков и атрибуций тырновскому «царскому» скрипторию новых памятников за счет этих безымянных сотрудников, однако это вполне может служить темой самостоятельного исследования. К тому же не следует упускать из виду возможность миграции не только книг, но и их писцов. Такой «обыденный», непарадный кодекс как зографский Патерик мог с такой же степенью вероятности быть написан на самом Афоне⁸⁶, как и в Тырнове.

2. Поп Филипп и его анонимный сотрудник

Кодекс ГИМ, Син. 38, датированный 1345 г. и представляющий один из двух древнейших списков Хроники Константина Манассии в среднеболгарском переводе с дополнительными статьями⁸⁷, известен исследователям преимущественно в связи с именем попа Филиппа, оставившего свою приписку на л. 140. В болгарской исследовательской литературе рукопись даже принято называть Сборником попа Филиппа («Поп-Филипов сборник»⁸⁸), хотя, строго говоря, сборником в точном смысле слова она не является — Хроника занимает в ней более двух третей — 94 листа из 140 (л. 38—131 об.). При этом Филиппом написаны в рукописи лишь последние 9 листов, однако, судя по тому, что им выполнена выходная запись на л. 140 об., он считался главным писцом кодекса.

Парадоксальным образом при такой традиции наименования кодекса в палеографических альбомах помещаются, как правило, снимки почерка не Филиппа, а его анонимного сотрудника — первого писца, написавшего большую часть рукописи⁸⁹. Эти воспроизведения столь хрестоматийны, что исследователь, не занимавшийся кодексом Син. 38 специально, может подумать, что это и есть образцы почерка Филиппа⁹⁰, тем более, что, к примеру, П. А. Лавров в своем «Палеографическом обозрении» не упоминает для рукописи иного писца⁹¹.

Почерк Филиппа — характерный тырновский литургический полуустав XIV в., находящий достаточно близкие аналогии у других писцов, его современников и соотечественников. Из них Филиппу наиболее близок, пожалуй, почерк анонимного писца⁹² второго древнего списка Хроники Манассии (пергаменного Ватикан, Слав. 1)⁹³. Разница между ними не превышает допустимых пределов вариантов внутри одного почерка (например, Филипп регулярно употребляет X с точкой в нижней части косой, идущей справа, а писец Ватиканского списка лишь эпизодически).

В то же время основной писец Син. 38 представляет пример совсем иной каллиграфической выучки. Его почерк — тонкое (практически без различия толстых и волосяных линий), изобилующее округлыми «византинизирующими» курсивными начерками письмо — характеризуется исследователями как старейший известный пример «александрийского» («попгерасимова») письма в болгарских рукописях⁹⁴. Употребление этого типа почерка носит в какой-то мере знаковый характер. По наблюдениям Е. Коцевой, курсивное («попгерасимова») письмо функционально связано с рукописями, которые содержат либо новые переводы, либо сочинения болгарских авторов XIV в. и их авторизированные переводы⁹⁵.

В настоящее время появилась возможность атрибутировать сотруднику попа Филиппа еще одну рукопись значительного объема (90 листов в 4°), по времени, возможно, даже несколько более раннюю, чем синодальный список Хроники Манассии. Это начальная часть (л. 1—90) конволюта ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 76, написанная на бумаге и содержащая ептимийный Номоканон Псевдозонары⁹⁶. Судьба кодекса в научной литературе во многом схожа с судьбой толстовского Маргарита (РНБ, F.I.197), о котором шла речь выше. Время объединения частей, написанных на разном материале и принадлежащих к разным языковым изводам, неизвестно (переплет рукописи новый, сделанный специально по заказу А. И. Хлудова, вероятно, не ранее 1869 г.). Соединение могло произойти и в древности (по функциональному принципу), и во второй половине XIX в. (по причине тематического сродства). Неясно и происхождение рукописи. Хотя большинство южнославянских кодексов коллекции Хлудова связано с путешествием А. Ф. Гильфердинга в 1868 г. по Болгарии и Македонии⁹⁷, часть собрания происходит из иных источников⁹⁸. А. Н. Попов, составляя в 1872 г. описание собрания, датировал обе части рукописи началом XV в., охарактеризовав их как Кормчую⁹⁹. На рубеже XIX—XX вв. Н. П. Лихачев существенно удревнил датировку болгарской (бумажной) части рукописи, отнеся ее на основании водяных знаков примерно к середине XIV в.¹⁰⁰ Хотя датировка патриарха русской филологии была в целом принята и позднейшими описателями¹⁰¹, рукопись по неизвестным причинам не вошла в ПС XI—XIV и была включена лишь в приложение к ПС XV с датировкой XIV в., без уточнений¹⁰². Наконец, к исходу XX в. рукопись получила наиболее подробное из существующих описаний¹⁰³, а датировка ее еще несколько удревнилась — до 1330-х гг.¹⁰⁴

С появлением в 1999 г. болгарского каталога южнославянских рукописей Хлудовского собрания образцы обоих (болгарского и сербского) почерков Хлуд. 76 стали доступны широкому кругу исследователей. При взгляде на них¹⁰⁵ нетрудно убедиться в идентичности письма болгарской части рукописи почерку, которым напи-

сан синодальный список Хроники Манассии. Полностью совпадает набор графем, все варианты начерков букв (включая выносные), лигатур, титл (см., например, его перечеркнутый вариант) и надстрочных знаков. Особенность хлудовского кодекса составляет, пожалуй, лишь письмо заголовков (например, на л. 57 об.¹⁰⁶), выполненное более полууставным, менее курсивным письмом (в Син. 38 оно не встречается, там заголовки, выполнены «пурпуром», отличаются от строчного письма лишь цветом). Но его принадлежность тому же писцу не вызывает сомнений — достаточно сравнить там же начерки букв Ж, высокого Т, лигатуры «лежачее» Р+Ж.

Рукопись лишена начала и конца¹⁰⁷ (что особенно досадно, поскольку писец мог оставить там свое имя), поэтому сопоставление ограничивается собственно почерком, т. к. орнамента в Хлуд. 76 отсутствует. Можно отметить лишь наличие абсолютно одинаковых малых инициалов типа киноварных тонких, выполненных, очевидно, самим писцом — например, П, украшенное перехватами на вертикалях и зубчиком на перекладине (Син. 38, л. 51 об., Хлуд. 76, л. 11 об.)¹⁰⁸.

Болгарский список епитимийного Номоканона в составе Хлуд. 76 является в настоящее время, очевидно, древнейшим из известных (во всяком случае, в российских хранилищах) — другие датируются, соответственно, третьей (РНБ, Q. II. 90¹⁰⁹) и последней (РГБ, М. 3169¹¹⁰) четвертью XIV в. При этом он отличается и наибольшей полнотой состава среди трех этих кодексов¹¹¹, при том что лишен начала и конца. По наблюдениям Е. В. Беляковой, исследующей в настоящее время состав хлудовского списка Номоканона, применительно к данной рукописи можно говорить об особой редакции этого епитимийно-канонического сборника.

Разумеется, то обстоятельство, что писец хлудовского Номоканона принимал участие в исполнении заказа Иоанна Александра, еще не дает основания автоматически причислить к продукции царского скриптория и новую рукопись, однако по крайней мере связь ее с Тырновом представляется достаточно надежной. По всей вероятности, уместно соотнести перевод основного ядра сборника (и в отношении времени и в смысле центра, где он был осуществлен) с переводом такого крупного руководства по организации монашеской жизни, каким являются Пандекты Никола Черногорца, представленные болгарской редакцией XIV в. в чуть более позднем (1340-е гг.?) списке, связанном с именем патриарха Феодосия¹¹². В то же время новая рукопись, написанная анонимным сотрудником попа Филиппа, наглядно свидетельствует, что александрийское письмо как тип почерка выступает в болгарской книжности рубежа первой и второй трети XIV в. вполне сформировавшимся явлением, насчитывающим, вероятно, уже не одно десятилетие существования и развития и уходящим корнями в традицию XIII в., по крайней мере, ко временам Иоанна Асеня II¹¹³.

Примечания

¹ Миклас Х. Къде са отишли парорийските ръкописи? // Тырновска книжовна школа. Велико Тырново, 1994. Кн. 5 (Паметници. Поетика. Историография). С. 38—41.

² Описание рукописей см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. М., 2002. Вып. 1. (Апокалипсис-Летопись

Лаврентьевская) [далее: СК XIV], соответственно № 292 (С. 433—435) и 300 (С. 446—448).

³ См. там же. С. 447 (№ 300).

⁴ См., например: *Харисиџаџис Мс.* Раскошни византијски стил у орнаментици јужнословенских рукописа из XIV и XV в. // Моравска школа и њено доба. Београд, 1972. С. 211—227; *Вздорнов Г. И.* Неовизантијски орнамент в јужнославјанских и русских рукописних книга до начала XV в. // Византијски временник. М., 1973. Т. 34. С. 214—243; *Джурова А.* 1000 години българска ръкописна книга: Орнамент и минијатура. С., 1981. С. 34—35, 37, 46—47; *Она же.* Томичов Псалтир. С, 1990. Т. 1. С. 26—28.

⁵ Библиографию см.: СК XIV, № 300. С. 448.

⁶ *Строев П. М.* Библиотека имп. Московского общества истории и древностей российских. М., 1845. С. 12, № 31.

⁷ Впервые правильная датировка кодекса, определенная Н. Б. Тихомировым, была указана в приложении к Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986. С. 369, № 22); далее — ПС XV.

⁸ Подробнее о причинах ошибок в датировках южнославянских рукописей русскими археографами XIX — начала XX вв. см.: *Турилов А. А.* Предисловие (опыт авторецензии) // Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986)». М., 1993. С. 7—12, 24—27.

⁹ Вып. 1 справочника вышел в свет в конце 2002 г. в издательстве «Индрик» (см. примеч. 2), вып. 2, содержащий описания примерно 350 рукописей в алфавитном порядке от М (Маргарит) до П (Псалтырь толковая), готовится в настоящее время к печати.

¹⁰ Для СК XI—XIII можно привести по крайней мере 36 таких атрибуций, относящихся к 60 отрывкам 24 рукописей (учитываются только случаи отождествления, сделанные в процессе подготовки каталога). На болгарском материале это: № 156 и 157; 166, 304, 305 и Синай, Слав. 34/О; 365 и 366; 378 и НБКМ, № 551; 406—410 и НБКМ, № 574; 421—424 и НБКМ, № 499; 445 и 446; 447 и 448 (авторство атрибуций отмечено в соответствующих описаниях). К этому следует прибавить еще 23 атрибуции, относящихся к 39 отрывкам 14 кодексов, сделанные после выхода в свет СК XI—XIII и учтенные в приложении 1 к СК XIV; для болгарских рукописей, это, соответственно: № 348 и Греция, м-рь Прусос в Этолии, № 72 (С. Ю. Темчин); 405—410, НБКМ, № 935 и 1379 / фр. 9 (Д. Караджова и Г. Попов); 450 и НБКМ, № 22 и 467 (Б. Христова, Д. Караджова, А. Икономова); 477 и НБКМ, № 1023 (А. Минчева, С. Николова, Н. Б. Тихомиров).

¹¹ Сведения помещены при соответствующих описательных статьях вып. 1 СК XIV. Всего в томе предложена впервые 31 атрибуция первого уровня, относящаяся к 27 кодексам XII—XIV в. (болгарские рукописи — № 18, 70, 92, 303), и 37 — второго (болгарские рукописи — № 7, 68, 250, 330, 364, д40). Обзор атрибуций среднеболгарских рукописей XIV в., выполненных в процессе подготовки следующих выпусков СК XIV и не рассмотренных в настоящей статье, см.: *Турилов А. А.* Новые рукописи болгарских книгописцев XIV в. Лаврентия и Грубана // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность.* Вып. 5. СПб., 2003. Примеч. 4.

¹² Здесь надо заметить, что в отличие от сербской палеографии и кодикологии (где в этом смысле труды Луцини Цернич со второй половины 1970-х гг. составили целую эпоху) в болгарской отождествлением почерков разных рукописей (в отличие от отрывков) до самого последнего времени вообще занимались достаточно мало.

¹³ Об авторстве «Написания» см.: *Юрченко А. И.* К проблеме идентификации «Написания о правой вере» // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 255—262; Кирило-Методиевска енциклопедия (КМЕ). С., 1995. Т. 2. С. 789—793.

¹⁴ *Калайдович К. Ф.* Иоанн Екзарх Болгарский. М., 1824. С. 88, 189—192.

¹⁵ Библиографию работ, посвященных Лаврентиеву сборнику 1348 г. см.: *Куев К.* Иван-Александровият сборник от 1348 г. С., 1981. С. 19—29; *Гагова Н.* За един ръкопис на цар Иоан Александър (Бележки върху Лаврентиевия сборник) // Средновековна Европа: Изток и Запад. Ценности. Традиции. Общуване. С., 2002. С. 255, примеч. 2.

¹⁶ Из наиболее значительных и качественных можно отметить следующие: *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914 (= Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4.1). С. 154—158, рис. 146—156; *Он же.* Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916. Табл. 32; *Мошин В.* Палеографски албум на јужнословенското писмо. Скопје, 1966. С. 91, Табл. 89; *Джурова.* 1000 години... Табл. 175—176; *Куев.* Иван-Александровият сборник... С. 149—165, 196—203.

¹⁷ Характеристику почерка см.: *Лавров.* Палеографическое обозрение... С. 154—158; *Куев.* Иван-Александровият сборник... С. 35—46. Подробнее о особенностях тырновских литургических почерков середины — третьей четверти XIV в., к которым относится и почерк Лаврентия см.: *Коцева Е.* Развитие на българското кирилско писмо през XIV в. // Славянска палеография и дипломатика. С., 1985. Кн. 2. С. 42—45; *Мишченко Ж.* Някои особености на тырновския устав от XIV в. // *Palaeobulgarica.* 1986. № 1. С. 6—19; 1987. № 2. С. 74—84.

¹⁸ *Иванова К.* Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. С., 1981. С. 309, табл. 59.

¹⁹ Сходство почерка и оформления этих рукописей (не поднимая вопроса о идентификации) отметил в своей книге, вышедшей одновременно с каталогом К. Ивановой, К. М. Куев (Иван-Александровият сборник... С. 32, 43).

²⁰ *Миклас.* Къде са отишли парорийските ръкописи? С. 39, № 16.

²¹ *Караджова Д.* Археографски приноси за ръкописно книгохранилище на Зографския манастир в Света гора // Археографски прилози. Београд, 1995. Кн. 17. С. 230—231.

²² См.: *Кодов Х., Райков Б., Кожухаров С.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света гора. С., 1985. Т. 1. Табл. 57, 58, 123, 124 (в описательной статье (с. 65, № 28) отмечено сходство заставки Евангелия от Иоанна (л. 170) с заставкой Сборника 1348 г.); *Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографски манастир в Света гора. С., 1994. Табл. 24.

²³ В частности, очень интересным и убедительным представляется наблюдение о сходстве змеевидного начертания 3 в тексте Сборника 1348 г. и в инициале Евангелия от Марка (л. 64) зографского кодекса (*Караджова.* Археографски приноси... С. 230).

²⁴ Описание см.: *Ганицкий М.* Старопечатные книги и рукописи в Ново-Нямецком монастыре // Кишиневские епархиальные ведомости. 1880. № 22. С. 1098; *Яцимирский А. И.* Рукописи, хранящиеся в Ново-Нямецком монастыре в Бессарабии // Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1898. Т. 2. Вып. 2. С. 103, № 26(22).

²⁵ Фонд не упоминается среди рукописных собраний Кишинева в наиболее полном «Справочнике-указателе печатных описаний славяно-русских рукописей», составленном Н. Ф. Бельчиковым, Ю. К. Бегуновым и Н. Ф. Рождественским (М.; Л., 1963. С. 220—221) — описание Ганицкого и Яцимирского помещены здесь в разделе, посвященном Румынии (Там же. С. 283). Еще в 1985 г. И. Н. Лебедевой не было известно, где находится рукопись и она датировала кодекс (со ссылкой на сведения Яцимирского) началом XV в. (*Лебедева И. Н.* Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. Л., 1985. С. 63).

²⁶ Эти сведения были учтены в приложении к ПС XV (С. 369, № 19).

²⁷ *Овчинникова-Пелин В. С.* Сводный каталог молдавских рукописей, хранящихся в СССР: Коллекция Ново-Нямецкого монастыря. Кишинев, 1989. С. 65—70, № 1; табл. 1.

²⁸ *Лебедева.* Повесть... С. 57, 63—65.

²⁹ См.: *Мишченко.* Някои особености... Ч. 1. С. 14 и табл. 2. Образцы почерка Лондонского Евангелия см.: *Живкова Л.* Четвероевангелието на цар Иван Александър. С., 1980; *Джурова.* 1000 години... Табл. 179—189.

³⁰ В Псалтыри Томича ч употребляется только в начале косвенных падежей личного местоимения единственного лица третьего числа. Неясно поэтому, на чем основано мнение Ж. Мишченко (Някои особености... 4.1. С. 19) о регулярном использовании писцом кодекса этой графемы.

³¹ Образцы почерка см.: *Дуйчев И.* Миниатюрите на Манасиевата летопис. С., 1962 (2-е изд. — 1968); *Летописиста на Константин Манаси:* Фототипно издание на Ватиканския препис. С., 1963; *Джурова.* 1000 години... Табл. 165—174; *Джурова А., Станчев К., Ялунджич М.* Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека. С., 1985. Табл. 137—142.

³² Образцы почерка см.: *Щепкина М. В.* Болгарская миниатюра XIV в.: Исследование Псалтыри Томича. М., 1963. Таблицы; *Джурова.* 1000 години... Табл. 192—200; *Она же.* Томичов Псалтир. Т. 2.

³³ См.: *Овчинникова-Пелин.* Сводный каталог... Табл. 1. То, что писец новонямецкой рукописи не употребляет ч, хорошо видно и по колонтитулам-заглавиям, опубликованным в описании (Там же. С. 65—69).

³⁴ Пользуюсь случаем поблагодарить В. С. Пелин за любезно предоставленные снимки других листов рукописи.

³⁵ *Иванова.* Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи... С. 308; *Кодов, Райков, Кожухаров.* Опис... С. 65.

³⁶ Например, вполне сопоставим с новонямецким кодексом по беглости письма даже начальный лист Евангелия от Марка (л. 64) в зографской рукописи (*Кодов, Райков, Кожухаров.* Опис... Табл. 123). В предыдущей работе (*Турилов.* Новые рукописи...) я пытался объяснить эту большую беглость почерка в новой рукописи ее более поздней датировкой в сравнении со Сборником (см. ниже), а также, предположительно, не столь высоким социальным положением ее заказчика. Сейчас, однако, первое из этих предположений представляется мне излишним.

³⁷ Основной знак рукописи — «два круга с горизонтальной чертой между ними» (второй — «три горы»), имеющий аналогю в альбоме Мошина-Тралича под 1389 г. (№ 6356) находится только на л. 5) обнаруживает, согласно описанию (*Овчинникова-Пелин.* Сводный каталог... С. 65), сходство с номерами 332, 333 по справочнику Лихачева (1358 г.).

³⁸ Судя по почерку (сильно уменьшенное воспроизведение одной страницы см.: Българска ръкописна книга X—XVIII вв.: Каталог / Сост. А. Недялкова, Б. Христова, Д. Караджова, М. Зафиров. С., 1979. Табл. 59; номер по каталогу здесь указан ошибочно 123 вместо 117), рыльский список принадлежит к той же книгописной школе, что и новонямецкий, но в настоящее время не атрибутирован конкретному писцу. До работы над этим каталогом рукопись ошибочно (либо вследствие опечатки) датировалась XVI в. (*Спространов Е.* Опис на ръкописите в библиотеката при Рилския манастир. С., 1902. С. 68—70).

³⁹ *Лебедева.* Повесть... С. 63—66.

⁴⁰ Полностью изданы: *Овчинникова-Пелин.* Сводный каталог... С. 65—69.

⁴¹ Описи библиотеки Нямецкого монастыря до XIX в. неизвестны. О позднейшей судьбе новонямецкой части общего до 1860-х гг. собрания см.: *Овчинникова-Пелин.* Сводный каталог... С. 40—41, 45—51.

- ⁴² Подробнее об этом см.: *Турилов*. Новые рукописи...
- ⁴³ Подробнее о возможных путях и этапах миграции болгарских книг см. там же.
- ⁴⁴ О рукописи см.: *Иванова К.* Малки бележки върху ръкописи от библиотеката на Зографския манастир // *Старобългарска литература*. С., 1994. Кн. 28—29. С. 97—99; *Райков, Кожухаров, Миклас, Кодов*. Каталог... С. 78, № 109.
- ⁴⁵ *Иванова*. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи... С. 97.
- ⁴⁶ *Кодов, Райков, Кожухаров*. Опис... 78.
- ⁴⁷ *Иванова*. Малки бележки... С. 98.
- ⁴⁸ Там же. С. 94.
- ⁴⁹ См.: *Кувев*. Иван-Александровият сборник... С. 32—33. Рис. 7—8.
- ⁵⁰ Евангелие, л. 3, 170 (*Кодов, Райков, Кожухаров*. Опис... Табл. 57, 124); Лествица, л. 3 (*Иванова*. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи... Табл. 59).
- ⁵¹ *Кувев*. Иван-Александровият сборник... С. 35. Рис. 14, 16—18. Ср. также: *Гагова*. За един ръкопис...
- ⁵² *Кувев*. Иван-Александровият сборник... С. 149.
- ⁵³ *Иванова*. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи... Табл. 59.
- ⁵⁴ *Караджова*. Археографски приноси... С. 230.
- ⁵⁵ Понятия «скоропись», «скорописный» применительно к болгарским рукописям носят достаточно условный характер, т. к. канцелярское письмо, результат развития которого представляет классическая скоропись, не получило в Болгарии XIV в. сколь-либо заметного распространения. Речь идет, в сущности, об элементах курсива, хорошо известного в болгарском книжном письме середины этого столетия и позднейшего времени (см.: *Коцева Е.* Александрийско — попгерасимово писмо в български ръкописи на XIV в. // *Старобългарска литература*. С., 1971. Кн. 1. С. 396—401; *Она же*. Развитие... С. 42—45; ср. также второй раздел данной статьи). В случае с почерком Лаврентия «скорописность» облика его письма достигается за счет начерков отдельных букв, таких как А с высокой и длинной скошенной спинкой, Д в виде «лямбды» с ножками, высокое одностороннее Т в форме цифры 7, одностороннее Ч, высокие курсивные Ъ и «ять».
- ⁵⁶ Краткое описание рукописи см.: *Николова С.* Патеричните раскази в българската средновековна литература. С., 1980. С. 384—386; *Райков, Кожухаров, Миклас, Кодов*. Каталог... С. 65—66, № 83.
- ⁵⁷ *Николова*. Патеричните раскази... С. 385.
- ⁵⁸ *Райков, Кожухаров, Миклас, Кодов*. Каталог... С. 65.
- ⁵⁹ Образцы см.: *Николова*. Патеричните раскази... С. 400—402; *Райков, Кожухаров, Миклас, Кодов*. Каталог... Табл. 84. В настоящее время я считаю 1-й очерк заграфского Сводного патерика лишь близким почерку Лаврентия, но не идентичным ему. Подробнее см. об этом раздел 4 статьи «Заметки о тырновских “обыденных” рукописях» в наст. изд.
- ⁶⁰ *Николова*. Патеричните раскази... С. 385.
- ⁶¹ Ср.: *Райков, Кожухаров, Миклас, Кодов*. Каталог... Табл. 84; *Николова*. Патеричните раскази... С. 400—402.
- ⁶² См.: *Там же*. С. 397—398.
- ⁶³ *Там же*. С. 386.
- ⁶⁴ См.: *Иванова*. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи... Табл. 59; *Кувев*. Иван-Александровият сборник... С. 33. Рис. 9; *Кодов, Райков, Кожухаров*. Опис... Табл. 57; *Райков, Кожухаров, Миклас, Кодов*. Каталог... Табл. 24, 84. Ср. также: *Гагова*. За един ръкопис... С. 257—258.
- ⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Еще в 1981 г. Л. Цернич атрибутировала ему 7 рукописей (*Цернич Л.* О атрибуции средневековых српских ћирилских рукописей // *Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности.* Београд, 1981. С. 338, 350—351 (№ 37—41), рис. 38—43). Кроме того, им несомненно написано по крайней мере еще 2 кодекса — пергаменный Октоих (Афон, Пантелеймонов монастырь, Слав. 10 — см.: *Славянские рукописи афонских обителей / Сост. А. А. Турилов, Л. В. Мошкова; Под ред. А.-Э. Н. Тахиаоса.* Фессалоники, 1999. С. 201, № 488) и бумажный сборник ГИМ, Воскр. 115бум., содержащий слова из Златоструя, поучения Петра Черноризца, жития и патериковые повести (см.: *Турилов А. А., Фомина М. С.* Слово Иоанна Златоуста «О Святой Троице и о твари и о суде Божьем» // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2000. № 2. С. 110—111).

⁶⁷ Всего Иову атрибутируется не менее 20 кодексов и 1 грамота (*Цернич.* О атрибуции... С. 339, 352—354, № 46—58, рис. 46—53; *Она же.* Круг писара Јова // *Археографски прилози.* Београд, 1990. Кн. 12. С. 129—180).

⁶⁸ Из новейших работ о книгописной деятельности Гавриила см.: *Паскаль А.* Новые данные о книжной традиции Гавриила Урика Нямецкого // *Търновска книжовна школа.* Велико Търново, 1994. Т. 5. С. 409—414.

⁶⁹ В настоящее время известно 7 больших рукописей, переписанных Владиславом (*Христова Б.* Опис на ръкописите на Владислав Граматик. Велико Търново, 1996).

⁷⁰ *Джурова А.* Въведение в славянската кодикология: Византийският кодекс и рецепцията му сред славяните. С., 1997. Ил. 36.

⁷¹ Это может быть либо Миняя праздничная, либо Миняя служебная на январь, или, наконец, в случае утраты значительного числа листов в начале кодекса, Миняя служебная на декабрь-январь (февраль?).

⁷² Пока с уверенностью можно говорить лишь о том, что этой рукописи нет (судя по сведениям печатных каталогов) в собраниях Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Германии, Греции (точнее, Афин и Афона), Дании, Италии (точнее, Рима), Польши, Словакии, Франции (Парижская Нац. б-ка), Чехии, Швейцарии, Швеции, республик бывшей Югославии.

⁷³ Ср.: *Гагова.* За един ръкопис... С. 257—258.

⁷⁴ См. примеч. 8.

⁷⁵ *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке графа Ф. А. Толстого. М., 1825. Отд. 1. С. 29, № 59.

⁷⁶ *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. ХCV—XCDC, 196—198 (знаки); Ч. 2. С. 219, 280, 315, 316, 355, 361.

⁷⁷ Там же. Ч. 3. № 2020—2030.

⁷⁸ См.: *Иванова К.* Об уточнении времени написания некоторых славянских рукописей // *Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977.* С. 150, № 6.

⁷⁹ Не знаю, на основании каких данных А. Г. Сергеев полагает, что кодекс какое-то время бытовал в Ватопеде на Афоне (*Сергеев А.* Рукописная традиция «Дионисиева Маргарита» // *Slavia Orthodoxa.* Език и култура: Сб. в чест на проф. д-р Румяна Павлова. С., 2003. С. 356. Примеч. 3). Единственное упоминание этой обители, которое мне удалось обнаружить в рукописи, находится на л. 1 (защитный, из русской бумаги XVIII в.), где русским курсивным почерком того же столетия написано описание внешности Спасителя, приписываемое преп. Максиму Греку, названному в заголовке «архимандритом Ватопедского монастыря».

⁸⁰ Возраст записи, сделанной типичной русской скорописью XVII в., сомнений не вызывает. Подозрительно большой (5 тысяч рублей) представляется сумма выкупа, которую

владелец (стольник Василий Романович Воейков) заплатил из собственных средств («собою») за освобождение из татарского плена. Представители разветвленного дворянского рода Воейковых, похоже, вообще были склонны к мистификациям, выразительным примером которых является их родословная, согласно которой их родоначальник — «Прусский земли державец Терновский Воейко Войтегович» — прибыл в Москву в конце XIV в. из Тырнова через Пруссию (здесь многое говорит за то, что доморожденные генеалоги смешивали болгарский Тырнов — «Тернов» и прусский Торнау — Торунь; впрочем, в исторической литературе эта легенда может рассматриваться как вполне достоверная — см.: *Польвянный Д. И.* К истории болгаро-русских связей конца XIV в. // Руско-болгарски връзки през вековете. С., 1986. С. 120—125). Сомнительность данных о выкупе не может, разумеется, внушать доверия и к крымской версии истории кодекса.

⁸¹ Четвертый почерк кодекса, которым написаны л. 281 об. — 284, упоминается в научной литературе как достаточно ранний образец «александрийского» (или «попгерасимова») курсивного письма (см.: *Коцева.* Развитие... С. 42—43; здесь, правда, он ошибочно определен как второй — «вторая рька»).

⁸² Описание кодекса см.: СК XIV. Вып. 1. С. 522—524, № 360.

⁸³ Я пользовался ксерокопией машинописного экземпляра описания, любезно предоставленного составителями Археографической комиссии для работы над СК XIV.

⁸⁴ Водяные знаки рукописи: 1) «корона» — типа Мошин, Тралич № 4653 — 1331 г. По наблюдениям Т. Мостровой рукопись содержит древний текст Лествицы, не затронутый афонской редакцией XIV в. (*Мострова Т.* Към въпроса за Лествицата в славяноруската ръкописна традиция // *Palaeobulgarica.* 1991. № 3. С. 70).

⁸⁵ См., например: *Миклас.* Къде са отишли парорийските ръкописи? С. 35—36.

⁸⁶ Здесь уместно напомнить, что мнение о написании зографского списка Сводного патерика непосредственно в этом монастыре было высказано (безотносительно к вопросу атрибуции почерков) уже С. Николовой (*Николова.* Патеричните раскази... С. 386).

⁸⁷ Описание рукописи см.: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева. М., 1973. Ч. 2 (№ 820—1051). С. 124—125, № 1035; Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. С., 1988. С. 72—77.

⁸⁸ См., например: *Кувев К.* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. 2-е изд. С., 1986. С. 253—256; Старобългарска литература: Енциклопедичен речник. С., 1992. С. 486.

⁸⁹ См., например: *Погодин М. П.* Образцы славянского древлеписания. М., 1841. Тетр. 2. Л. 6; *Савва (Тихомиров), еп. Можайский.* Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки VI—XVII вв. М., 1863. Л. 30; *Лавров.* Альбом... Табл. 31; *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 (репринт — М., 1979). С. 415. Рис. 56; *Мошин.* Палеографски албум... С. 109. Табл. 107; *Протасьева.* Описание... С. 162; *Кувев.* Съдбата... Табл. [48]; Среднеболгарский перевод... Рис. 1—3. Единственным известным мне хорошим воспроизведением почерка самого Филиппа является снимок в последнем издании (Рис. 4).

⁹⁰ Возможно, по этой причине почерк Филиппа не рассмотрен в статье Ж. Мищенко, хотя по своему типу и дате рукописи он буквально просится в это исследование (см.: *Мищенко.* Някои особености... Ч. 1—2). Возможно (хотя и не обязательно) под влиянием П. А. Лаврова смешивал попа Филиппа с его анонимным сотрудником и Б. Н. Райков, говоря о распространении в болгарских рукописях грецизированного письма и приводя в качестве наиболее раннего примера этого синодальный список Хроники Манассии (*Райков Б.* Развой

на българското кирилско писмо през Средновековието (Тезиси) // Славянска палеография и дипломатика. [Кн.]. 2. С. 12).

⁹¹ *Лавров*. Палеографическое обозрение... С. 164.

⁹² И. С. Дуйчев (см., например: Среднеболгарский перевод... С. 78) не исключал возможности отождествления писца ватиканского списка хроники с Симоном, переписавшим для царя Иоанна-Александра лицевое Лондонское евангелие 1356 г., однако после работы Ж. Мищенко, детально проанализировавшего особенности обоих почерков, от этой гипотезы безусловно следует отказаться.

⁹³ О воспроизведениях почерка см. примеч. 31. Классификацию почерка Филиппа см.: *Коцева*. Развитие... С. 40 (группа А).

⁹⁴ Характеристику особенностей этого почерка см.: *Лавров*. Палеографическое обозрение... С. 162—163; *Коцева*. Развитие... С. 42.

⁹⁵ *Коцева*. Развитие... С. 42—43. Впрочем, правил не бывает без исключений, особенно в свете новейших датировок и атрибуций. Например, весьма развитым александрийским письмом написан на пергамене вполне традиционный Паренесис Ефрема Сирина малого формата, отрывки которого находятся в двух российских собраниях (БАН, 13. 7. 12 (собр. А. И. Яцимирского, № 98), и ГИМ, собр. П. И. Щукина, № 921 (СК XI—XIII, № 269), л. 80—81). Отождествление частей рукописи — автора этих строк (СК XIV. Вып. 1. Прилож. 1. С. 574, № 269); образец почерка см.: Пергаменные рукописи БАН СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. Л., 1976. Рис. 62. Памятник, вероятно, следует датировать первой половиной — серединой XIV в., его датировка второй половиной XV (!) в. (Пергаменные рукописи... С. 203), разумеется, абсолютно неприемлема, и даже предложенная в СК XIV (вторая половина XIV в.) представляется сейчас излишне поздней (см. ниже, примеч. 113). Также нельзя уловить закономерности в употреблении александрийского письма и полуустава в пергаменном Сборнике смешанного содержания, включающем как переводы XIV в. («Стефанит и Ихнилат», «Прение Панагиота с Азимитом»), так и древние (вплоть до X столетия) тексты (цикл сказаний о крестном древе), а также русские памятники, получившие известность в Болгарии в XII — первой половине XIII в. (содержание рукописи см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 2. С. 302—305, № 154; образцы почерков — *Николова С.* Повестта «Стефанит и Ихнилат» в българската средновековна литература и книжнина // *Palaeobulgarica*. 1990. № 3. С. 35—36; Стефанит и Ихнилат. Старо-българска преводна повест от XIII в. / Издание е подготвено от С. Николова. С., 1996. С. 156, второй почерк).

⁹⁶ Вторая часть рукописи (л. 91—187) написана на пергамене сербским уставом первой трети XIV в. и содержит особую сокращенную редакцию сербской («святосавской») Кормчей. Пользуюсь случаем поблагодарить Е. В. Белякову, указавшую мне на редакционные особенности обеих частей кодекса. Наиболее подробное описание рукописи (с образцами почерков обеих частей) см.: *Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л.* Българското средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Державния исторически музей в Москва. С., 1999. С. 82, № 75, обр. 76—83. Еще об одной рукописи сотрудника Филиппа см. раздел 3 следующей статьи.

⁹⁷ См.: *Кувев К.* Съдбата... С. 85—96; *Николова, Йовчева, Попова, Тасева.* Българското средновековно културно наследство... С. 10—11; *Турилов А. А.* К истории второй (македонской) рукописной коллекции А. Ф. Гильфердинга // *Славянский альманах 2002*. М., 2003. С. 130—143.

⁹⁸ Таков, например, Хлудовский (Лобковский) паремийник 1295—1320 гг. (Хлуд. 142), привезенный В. И. Григоровичем с Афона в 1840-х гг. (см.: *Кувев*. Съдбата... С. 236—238) и, вероятно, ряд других рукописей, не несущих на себе помет Гильфердинга.

⁹⁹ Попов А. Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 200—201.

¹⁰⁰ Лихачев. Палеографическое значение... Ч. 1. С. 203—204. Знаки рукописи («клеши» двух разновидностей) были включены в альбом справочника (ч. 3) с датой: «между 1345—1350 гг.» (№ 2066, 2067). Неизвестно, был ли знаком с этим мнением историк церкви С. И. Смирнов, привлекавший рукопись для исследования распространенных в южнославянской и русской рукописной традиции епитимийных компиляций, но он датировал кодекс рубежом XIV—XV вв. (Смирнов С. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912. С. 286, 409—410, 427).

¹⁰¹ Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костохина Л. М., Гольищенко В. С. Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 209. При датировке болгарской части рукописи здесь дана отсылка к другому знаку по альбому Лихачева (№ 295), сербская вслед за А. Н. Поповым отнесена к XV в.

¹⁰² ПС XV. Приложение. С. 372, № 48.

¹⁰³ См. примеч. 96, а также: Белякова Е. В. О составе хлудовского Номоканона (к истории сборника «Зинар») // Старобългарска литература. София, 2007. Кн. 37—38. С. 114—131.

¹⁰⁴ Дианова Т. В. Особенности бумаги рукописей XIV в. // Историческому музею — 125 лет: Матлы юбилейной науч. конф. М., 1998. С. 118, 122, 125, 130, 131 (№ 4: 1335—1339 гг.). К сожалению, датировки рукописей в данной работе не сопровождаются отсылками к номерам филигранологических справочников).

¹⁰⁵ В альбоме при каталоге дано воспроизведение 6 страниц с этим почерком (обр. 76—81).

¹⁰⁶ См.: Николова, Иовчева, Попова, Тасева. Българското средновековно културно наследство... Обр. 78.

¹⁰⁷ Там же. С. 82.

¹⁰⁸ См.: Среднеболгарский перевод... Рис. 2; Николова, Иовчева, Попова, Тасева. Българското средновековно културно наследство... Обр. 76.

¹⁰⁹ Так называемый Порфириев или Порфирьевский Номоканон, получивший название по последнему владельцу — еп. Порфирию (Успенскому). Описание рукописи см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1883 г. СПб., 1884. С. 39—42. Филигранны кодекса описаны и воспроизведены Н. П. Лихачевым (Лихачев. Палеографическое значение... Ч. 1. С. СЛII, 198—200; Ч. 3. № 2038—2042) с датировкой «между 1360 и 1375 гг.».

¹¹⁰ Описание и датировку см.: Музейное собрание: Описание рукописей. М., 1997. Т. 2 (№ 3006—4500). С. 62, [№] (540). Ранее кодекс датировался нач. XV в. (см.: Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1892—1894 гг. М., 1895. С. 3, № 2; Лавров. Палеографическое обозрение... С. 173; Он же. Альбом снимков... Табл. 42; Гранстрем Е. Э. Славянорусские палимпсесты // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. № 20; Куев. Съдбата... С. 150, № 9) и рубежом XIV—XV вв. (ПС XI—XIV, № 1341; Кръстанов Т. Славянски палимпсеста // Description et catalogage des manuscrits medieviaux. S., 1984. С. 51, № 20).

¹¹¹ Это относится даже к Порфирьевскому Номоканону (РГБ, М. 3169 в данном случае не слишком показателен, поскольку отличается фрагментарностью, возникшей из-за больших физических утрат). Однако рукопись РНБ, Q.II.90 отнюдь не является простым сокращением хлудовского Номоканона. Последний, к примеру, не содержит такого древнего и интересного текста как Заповедь «Аще епископ», находящегося в Порфирьевском списке на л. 99 об. — 102 (издан и исследован: Смирнов С. Материалы... С. 136—137, № XXI; 397—398, § 24), и восходящего, несомненно, к древнерусской компиляции домонгольского времени,

одним из источников которой были недавно обнаруженные Л. В. Мошковой Ответы киевского митрополита Георгия (ок. 1062 — ок. 1075) на вопросы игумена монастыря Спаса на Берестове Германа (см.: *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Неведомые словеса» киевского митрополита Георгия // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья / Сб. тезисов. М., 2001. С. 68—71; *Турилов А. А.* Ответы митрополита Георгия на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание» // Славяне и их соседи. М., 2004. Вып. 11 (Славянский мир между Римом и Константинополем). С. 211—262.

¹¹² Два тома: Архив Петербургского отделения Института российской истории, колл. Н. П. Лихачева, Русская секция, № 502; РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 1. Отождествление принадлежности томов к одному комплекту — Н. Б. Тихомирова. О памятнике см.: *Лихачев Н. П.* Рукопись, принадлежавшая патриарху Феодосию Тырновскому // Изв. ОРЯС. СПб., 1905. Т. 10. Кн. 4. С. 312—319; *Павлова Р.* Неизвестен ръкопис с подписа на българския патриарх Теодосий Търновски // Език и литература. 1975. № 2. С. 25—38; *Киев. Съдбата...* С. 246—248; о водяных знаках (по лихачевскому тому): *Лихачев.* Палеографическое значение... Ч. 1. С. 78—80.

¹¹³ Ср.: *Коцева.* Развитие... С. 42—43. Наиболее ранним дошедшим памятником достаточно развитого курсивного письма является договорная грамота царя Иоанна Асеня II с Дубровником 1230 г. (см., напр.: *История на България. С., 1982. Т. 3 (Втора Българска държава).* С. 175); еще ранее ряд курсивных начерков (напр. З, Р, «ук») дает древнейшая часть Синайского палимпсеста (РНБ, Греч. 70), датируемая рубежом XII—XIII вв. (см.: *Лавров.* Палеографическое обозрени... С. 133, 134, рис. 127, 128). Из-за малого числа примеров ранняя (до второй четверти XIV в.) история развития этого типа письма в Болгарии изучена слабо, поэтому следует указать такие его образцы как Виргинская грамота царя Константина Асеня Тиха (1257—1277), хранящаяся в Хиландаре (см., напр.: *Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија.* Скопје, 1975. Т. 1. Табл. 5—7) и некоторые из древнейшего (не позднее 1330-х гг.) болгарского списка Повести о Варлааме и Иоасафе (Бухарест, БАН Румынии, Слав. 132; 10 л — ГИМ, Шук. 905); см.: *Николова С.* За найстария български препис на «Варлаам и Йоасаф» // *Palaeobulgarica.* 2004. № 1. С. 14, 23—27. Эти последние весьма близок (хотя и не идентичен) почерку отрывков пергаменного Паренесиса Ефрема Сирина из собраний П. И. Щукина и А. И. Яцимирского (см. выше, примеч. 95).

ЗАМЕТКИ О ТЫРНОВСКИХ «ОБЫДЕННЫХ» РУКОПИСЯХ И КНИГОПИСЦАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ — СЕРЕДИНЫ XIV в.

Изучение рядовых рукописей, написанных в Тырнове (или тырновскими писцами) и составляющих своеобразный фон роскошных (либо незаурядных в отношении содержания) кодексов, созданных в столице Второго болгарского царства, в правление царя Иоанна Александра и по большей части по его заказу, представляет проблему, не только давно назревшую в науке, но и с успехом разрабатываемую в последние десятилетия¹. Однако перспективы у разысканий в настоящее время несомненно большие, чем результаты — этим, в значительной мере, и вызвано написание данных заметок, которые представляют часть задуманной работы по атрибуции болгарских книжных почерков XIII—XIV вв.

Разумеется, обе характеристики заголовка — и «тырновские» и «обыденные» — содержат в себе значительную долю условности. Конкретные кодексы могли писаться тырновскими писцами не в самой столице Второго царства, а за ее пределами² (и прежде всего на Афоне). Обиходные богослужебные рукописи, отрывки которых уцелели до наших дней, могли создаваться по заказу далеко не рядовых людей (да и само их отнесение к числу тырновских возможно прежде всего на основании отождествления их письма с почерком писцов роскошных или незаурядных по содержанию кодексов) и быть украшены в недошедших частях орнаментикой, достойной внимания искусствоведов. «Обыденность» связана прежде всего с их функцией — это в подавляющем большинстве богослужебные книги.

Далее материал располагается в хронологической последовательности рукописей (на первое место поставлены точно датированные), с почерками которых отождествляется письмо исследуемых отрывков и кодексов. Наличие в публикациях хороших снимков почерков почти всех рукописей, о которых идет речь ниже, избавляет меня от необходимости приводить их здесь.

1. Отрывки Минеи служебной на июль-август (НБКМ, 114) и «Песнивец» царя Иоанна Александра 1337 г.

3 листа из пергаменной Минеи служебной с проложными житиями на июль-август (НБКМ, № 114)³ приобрели в последнее время особое значение в историко-филологической литературе в связи с открытием неизвестного ранее болгарского перевода Минеи, выполненного, как считается, в XIII в.⁴

Отрывки традиционно широко датируются в литературе XIII в.⁵, однако датировка может быть существенно уточнена. Листы размером 320 × 230 мм написаны в 2 столбца довольно мелким каллиграфическим уставом⁶ того типа, который широко распространен в восточноболгарских рукописях последней трети XIII —

второй четверти XIV вв. (от Тырновского Евангелия 1273 г. до Софийской Псалтыри («Песнивец») царя Иоанна Александра 1337 г.) и предшествует по времени классическому тырновскому литургическому полууставу, связанному с ним генетически. При этом наибольшую близость письмо остатков июльско-августовской Минеи обнаруживает именно к почерку второго писца «Песнивец», переписавшего в нем листы 235 об. — 317⁷; близость эта такова, что почерки могут быть отождествлены⁸. Совпадает в рукописях и орнаментика — рисунок киноварных «тонких» инициалов в начале псалмов и проложных чтений (хотя примеров последних на трех листах Минеи, естественно, немного)⁹ и декоративное письмо заголовков. При таком отождествлении отрывки Минеи не могут, естественно, датироваться ранее последнего десятилетия XIII в. (предельно ранняя дата), более же вероятно датировать их в пределах от начала XIV столетия до конца 1330-х гг.

2. Зографские отрывки Минеи служебной на июнь (Афон, Зограф, Слав. 285 и 286; Москва, РГБ, собр. В. И. Григоровича, № 44) и Погодинский Пролог 1339 г.

В вышедшем в свет в 1994 г. каталоге славянских рукописей Зографского монастыря под № 285 и 286 со значительной разницей в датировке (соответственно, начало и середина XIV в.) и, естественно, без отождествления друг с другом описаны как самостоятельные единицы два отрывка (2 и 6 листов, службы на 12—13 и на 14—16 июня) болгарской пергаменной Минеи служебной на июнь¹⁰. Хотя на снимках в сопровождающем каталог палеографическом альбоме изображения даны в разном масштабе, нетрудно убедиться, что почерк в обоих случаях один и тот же¹¹. В целом совпадают у отрывков и основные формальные кодикологические параметры: размер № 285 — 235 × 179 мм, на странице 23 строки, № 286 — 230 × 179 мм (при этом верхнее поле срезано), на странице 24 строки (площадь текста в кратком каталоге не фиксировалась). Руководствуясь этими сведениями, Н. Б. Тихомиров и автор этих строк уже вскоре после выхода каталога в свет независимо друг от друга отождествили эти отрывки между собой и датировали первой половиной XIV в. Атрибуция была учтена при составлении сводного каталога славянских рукописей Афона¹². Кроме того, в процессе работы по описанию рукописей для Сводного каталога XIV в. Н. Б. Тихомиров установил, что к тому же кодексу относятся еще 2 листа (РГБ, собр. В. И. Григоровича, № 44 (М., 1724)), найденные В. И. Григоровичем зимой 1844—1845 гг. также в Зографе и содержащие отрывки служб на 13 июня¹³, т. е. восполняющие лакуну между первым и вторым зографскими отрывками.

Отождествлением между собой отрывков Минеи (хотя и это представляется немаловажным) ситуация не ограничивается. Письмо отрывков уверенно отождествляется с одним из вариантов почерка писца известного Погодинского Пролога 1339 г. (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 58), представленным, в частности, на л. 19¹⁴. Отождествление почерка подкрепляет уже существующую гипотезу о вероятном тырновском происхождении зографских отрывков июньской Минеи¹⁵. Напомню, что заказчиком Пролога в поврежденной записи писца назван Митрофан, игумен «лавры великие, монастыря Пречистая Богоматере», название которого выскобле-

но¹⁶. В исследовательской литературе (преимущественно болгарской) преобладает мнение, что речь идет об одном из тырновских монастырей¹⁷.

3. Отрывок Евангелия сотрудника попа Филиппа.

В 2007 г. вышел в свет каталог славянских кириллических рукописей XIV в., находящихся в собраниях Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского¹⁸. Среди описанных в нем рукописей имеется отрывок (1 л. размером 185 на 135 мм) болгарского бумажного Четвероевангелия (содержит чтения Ин. VIII, 37—52) середины XIV в.¹⁹ (ф. 301 (Церковно-археологический музей Киевской Духовной академии, № 31, л. I)²⁰, снимок одной страницы (оборот листа) помещен в альбоме при каталоге²¹. Как видно на снимке, почерк отрывка представляет великолепный образец болгарского курсивного «александрийского» («попгерасимова») письма первой половины — середины XIV в.²² и может быть почти безоговорочно атрибутирован анонимному сотруднику попа Филиппа, переписавшему в 1345 г. большую часть (л. 1—131 об.) сборника с Хроникой Константина Манассии (ГИМ, Синодальное собр., № 38)²³. Тому же писцу ранее я уже атрибутировал болгарскую (бумажную) часть конволюта ГИМ, Хлуд. 76²⁴, содержащую епитимийный Номоканон²⁵. Единственное отличие состоит в том, что на репродуцированной странице из Евангелия встречается только один вариант начертания буквы Р, употребляемых этим книгописцем — с прямой спинкой (в двух других употребляется также начертание с изогнутой). К сожалению, о происхождении отрывка и его истории до поступления в Церковно-археологический музей КДА ничего не известно.

4. Зографский отрывок Октоиха и Зографский Сводный Патерик.

В уже упоминавшемся каталоге 1994 г. рукописей Зографского монастыря был впервые воспроизведен²⁶ образец почерка отрывка пергаменного Октоиха № 284, широко датированного в описании XIII—XIV вв.²⁷ Датировка, представляющаяся излишне ранней, уже была ограничена «снизу» первой половиной XIV в. автором этих строк в сводном каталоге славянских рукописей Афона²⁸. В настоящее время появился дополнительный аргумент в пользу такой датировки и даже некоторого ее омоложения. Дело в том, что почерк отрывка до мельчайших деталей совпадает с почерком 1-го писца²⁹ известного болгарского списка Сводного патерика (Зограф, № 83), датируемого по филиграммам серединой XIV в.³⁰ Отрывок, таким образом, относится к числу рукописей, написанных тырновскими писцами в болгарской столице или на Афоне, и его следует датировать первой половиной — серединой XIV в. В то же время поразительное сходство почерка в пергаменной богослужебной и бумажной четвѣй зографских рукописях заставляет меня отказаться от безоговорочного отождествления этого писца с Лаврентием, предложенного в работах 2004 и 2005 гг. При всей близости начертаний букв и элементов художественного оформления у Лаврентия и писца Патерика и Октоиха это, очевидно, разные люди с близкими книгописными навыками. При наличии пергаменной богослужебной рукописи меньшую каллиграфичность (большую «полууставность») письма Патерика нельзя объяснить только большей свободой книгописца при написании четвѣй монашеской рукописи.

5. Триодь Лаврентия?

В собрании Хиландарского монастыря на Афоне под № 259 хранится среднеболгарская Триодь постная без начала (258 л. размером 290 × 210 мм), написанная на бумаге и следующая тырновским правописным нормам³¹. По водяным знакам кодекс датируется серединой 1350-х гг. Если судить по снимку л. 1 в палеографическом альбоме, сопровождающем каталог³², рукопись написана уже упоминавшимся известным тырновским книгописцем середины — третьей четверти XIV в. Лаврентием, работавшим и по царскому заказу (Сборник 1348 г.)³³. Разумеется, образцы тырновского литургического полуустава этого времени имеют весьма унифицированный облик, однако почерк Лаврентия из них несомненно наиболее близок к письму хиландарской Триоди³⁴. Совпадают все начертания букв. В частности, показательно несколько курсивное начертание буквы X, у которой тонкая сигмообразная черта, идущая справа налево, сверху и снизу завершается крючками. От других каллиграфических рукописей Лаврентия хиландарскую Триодь отличает, пожалуй, только более узкое начертание буквы X, но это вполне объясняется большей плотностью письма нового кодекса (практически полное отсутствие декоративных вариантов букв, известных по другим рукописям писца, является, возможно, особенностью только воспроизведенной страницы). В любом случае принадлежность хиландарской Триоди № 609 к числу каллиграфических тырновских рукописей не вызывает сомнений.

Примечания

¹ Библиографию работ по теме см.: [Миклас 1994: 38—41; Турилов 2005].

² Замечательный в этом смысле образец исследования работы целого коллектива тырновских писцов (хотя и безымянных, но известных по целому ряду без преувеличения хрестоматийных для палеоболгаристики рукописей) в начале XIV в. в Палестине представляет новейшая статья Климентины Ивановой [Иванова, в печ.].

³ Описание см.: [Цонев 1910: 85; Христова и др. 1982: 31, № 36; Кривко 2006 (статья, несмотря на ее заглавие, посвящена именно этой рукописи)].

⁴ [Кривко 2006; Йовчева 2007]. Соображения по поводу датировки этого перевода (в значительной мере в связи с датировкой содержащих его рукописей) я предполагаю изложить в отдельной статье.

⁵ См. примеч. 3.

⁶ К сожалению, я не имею возможности дать здесь образец этого почерка.

⁷ О писцах «Песниваца» 1337 г. см.: [Кодов 1969: 12; Образцы почерка см. там же, табл. 5; Джурова 1981: ил. 160].

⁸ Несколько меньше степень сходства почерка Минеи НБКМ 114 с письмом Евангелия царя Георгия Тертера 1322 г.

⁹ Сравни, к примеру, инициал В в правом столбце л. 1 Минеи и инициал Б на л. 243 Псалтыри [Кодов 1969: табл. 5].

¹⁰ Краткое описание см.: [Райков и др. 1994: 142—143].

¹¹ См. там же, табл. 284 и 285.

¹² [Турилов, Мошкова 1999: 168—169, № 413—414].

¹³ Краткое описание (с неточной датировкой XIV—XV вв.) см.: [Викторов 1879: 35].

¹⁴ Образец этого варианта почерка Пролога см.: [Иванова 1981: Обр. 69]. В целом почерк Погодинского Пролога весьма вариативен — см.: [Там же: Обр. 70; Лавров 1916: сн. 30; Джурова 1981: ил. 161—163].

¹⁵ См.: [Райков и др. 1994: 142—143].

¹⁶ См.: [Иванова 1981: 272; Христова и др. 2003: 42, № 47].

¹⁷ См., к примеру: [Иванова 1981: 273; Миклас 1994: 38; Христова и др. 2003: 157, № 47, и др].

¹⁸ [Гнатенко 2007].

¹⁹ Водяной знак отрывка — «Ключ», сходен с Мошин-Тралич, № 2660, 1340—1350-е гг. [Там же: 102]. Сведения об отрывке не вошли в Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV в., поскольку до последнего времени он ошибочно датировался XV в.

²⁰ Описание см.: [Гнатенко 2007: 102, № 10].

²¹ [Там же: 214, илл. 9].

²² Замечу, что уже это обстоятельство делает рукопись, из которой происходит листок, не вполне заурядной, поскольку евангельские кодексы курсивом писались весьма нечасто.

²³ Образцы почерка см., например: [Лавров 1916: сн.; Среднеболгарский перевод 1988: рис. 1—3].

²⁴ [Турилов 2005: 317—318]. Образцы почерка см.: [Николова и др. 1999: обр. 76—81]. Вполне вероятно также (хотя вопрос нуждается в дополнительном исследовании), что из той же рукописи происходят 3 л. Евангелия от Иоанна, хранящиеся в Народной библиотеке «Иван Вазов» (Пловдив), № 10, также написанные александрийским курсивом и имеющие очень близкий размер [Цонев 1920. С. 10; Христова и др. 1982. С. 45, № 83].

²⁵ О содержании рукописи подробнее см.: [Белякова 2007].

²⁶ [Райков и др. 1994: 429, табл. 283].

²⁷ [Там же: 142, № 284].

²⁸ [Турилов, Мошкова 1999: 798, № 480].

²⁹ См.: [Райков и др. 1994: 230, табл. 83] (напомню, что по классификации С. Николовой [Николова 1980: 385—386] это 2-й почерк).

³⁰ [Николова 1980: 385; Райков и др. 1994: 66].

³¹ [Богдановић 1978: 120].

³² Палеографски албум: репр. 209.

³³ Подробнее о Лаврентии и атрибутируемых ему рукописях см.: [Турилов 2004: 150—160; 2005: 307—317].

³⁴ Воспроизведения образцов почерка Лаврентия (преимущественно Сборника 1348 г.) весьма многочисленны — см., например: [Лавров 1914: 154—158, сн. 146—156; 1916: сн. 32; Джурова 1981: ил. 175—176; Иванова 1981: 539, обр. 59; Куев 1981: 149—165, 196—203].

Литература

- Белякова 2007 — Белякова Е. В. О составе Хлудовского Номоканона (К истории сборника «Зинар») // Старобългарска литература. София, 2007. Кн. 37—38. С. 114—131.
- Богдановић 1978 — Богдановић Д. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара: Палеографски албум. Београд, 1978.
- Викторов 1879 — Викторова А. Е. Собрание рукописей В. И. Григоровича // Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1876—1878 гг. М., 1879. С. 1—47.

- Гнатенко 2007 — *Гнатенко Л.* Слов'янська кирилична рукописна книга XIV ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського: Каталог. Кодиколого-орфографічне дослідження. Палеографічний альбом. Київ, 2007.
- Джурова 1981 — *Джурова А.* 1000 години българска ръкописна книга. Орнамент и миниатюра. София, 1981.
- Иванова 1981 — *Иванова К.* Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981.
- Иванова, в печ. — *Иванова К.* Об одном болгарском Требнике раннего XIV в. (Предварительные наблюдения) // Сборник в честь проф. И. Тарнанидиса.
- Йовчева 2008 — *Йовчева М.* Българската редакция на служебния Миней през XIII в. // Старобългарска литература. София, 2007. Кн. 37—38. С. 3—18.
- Кодов 1969 — *Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската академия на науките. София, 1969.
- Кривко 2006 — *Кривко Р. Н.* Среднеболгарский фрагмент НБКМ № 113 в истории переводов славянских служебных миней // Scripta & Scripta. 3—4. Sofia, 2006. С. 59—94.
- Кувев 1981 — *Кувев К.* Иван Александровият сборник от 1348 г. София, 1981.
- Лавров 1914 — *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914 (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4, 1).
- Лавров 1916 — *Лавров П. А.* Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916 (Прилож. к: [Лавров 1914]).
- Миклас 1994 — *Миклас Х.* Къде са отишли парорийските ръкописи? // Търновска книжовна школа. 5 (Паметници. Поетика. Историография). Велико Търново, 1994. С. 29—43.
- Николова 1980 — *Николова С.* Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980.
- Николова и др. 1999 — *Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасеева Л.* Българското средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Държавния исторически музей в Москва: Каталог. София, 1999.
- Палеографски албум 1978.
- Райков и др. 1994 — *Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994.
- СК XIV — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. М., 2002. Вып. 1.
- Турилов 2004 — *Турилов А. А.* Новые рукописи болгарских книгописцев XIV в. Лаврентия и Грубана // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 145—165.
- Турилов 2005 — *Турилов А. А.* К истории търновского «царского» скриптория // Старобългарска литература. София, 2005. Кн. 33—34 (= Филологически изследвания в чест на Климентина Иванова, за нейната 65-годишнина). С. 305—328.
- Турилов, Мошкова 1999 — Славянские рукописи афонских обителей / Сост. А. А. Турилов и Л. В. Мошкова; Под ред. А.-Э. Н. Тахиаоса. Фессалоники, 1999.
- Христова и др. 1982 — *Христова Б., Караджова Д., Икономова А.* Български ръкописи от XI до XVIII в., запазени в България: Своден каталог. София, 1982. Т. 1.
- Христова и др. 2003 — *Христова Б., Караджова Д., Узунова Е.* Бележки на българските книжовници. X—XVIII в. София, 2003. Т. 1 (X—XV в.).
- Цонев 1910 — *Цонев Б.* Опис на ръкописите и старопечатни книзи на Народната библиотека в София. София, 1910. [Вып. 1.]
- Цонев 1920 — *Цонев Б.* Опис на славянските ръкописи и старопечатни книги в Пловдивската народна библиотека. София, 1920.

К РЕКОНСТРУКЦИИ КОМПЛЕКТА ПЕРГАМЕННЫХ ТЫРНОВСКИХ СЛУЖЕБНЫХ МИНЕЙ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ — СЕРЕДИНЫ XIV в.

Известно, что болгарские рукописи (причем не только тырновские) Миней служебных повседневных (не праздничных) до второй половины XIV в. (времени широкого распространения Иерусалимского устава) крайне немногочисленны. Помимо списков, о которых речь пойдет ниже, это следующие кодексы и их фрагменты: 1) Миней с проложными житиями на июнь (с 29 числа) — август (НБКМ, № 113) второй половины XIII в.¹; 2) Миней на сентябрь (отрывки служб на 19, 22—23 и 24—25 сентября) конца XIII или раннего XIV в. (ГИМ, Увар. 1176Q, л. 1—2, 6—7), атрибутированная известному книгописцу-каллиграфу Добриану²; 3) Миней на апрель (София, ЦИАМ, № 316 — отрывок с 9 по 25 число) того же времени³; 4) Миней с проложными чтениями на июль — август (НБКМ, № 114), отрывки; 5) Миней на январь — март, с отдельными чтениями из нестишного Пролога (Москва, ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 152) первой половины (трети?) XIV в.⁴; 6) Миней на май (Хорватия, монастырь Крка (ныне собрание в Патриаршей библиотеке в Белграде), № 19) второй четверти XIV в.⁵; 7—9) часть западноболгарского (?)⁶, с сербскими дополнениями, комплекта (тома на сентябрь — октябрь, март — июнь, июль — август) Миней служебных (Афон, Хиландарь, № 142, 146, 148) 1330—1340-х гг.⁷; 10) Отрывки Миней на июнь первой пол. XIV в. (Афон, Зограф, № 285 и 286; Москва, РГБ, собр. В. И. Григоровича, № 44 / М. 1724⁸), атрибутируемые мною писцу Погодинского Пролога 1339 г.

В связи с этим представляет интерес реконструкция летней части еще одного (при этом довольно сильно фрагментированного) комплекта болгарских Миней служебных первой половины — середины XIV в., сохранившиеся тома которого написаны одним писцом. Судьба изучения его томов далеко не одинакова. Заслуга отождествления сохранившихся частей тома на июнь — июль (содержавшего первоначально, по всей видимости, и службы на май⁹) принадлежит Климентине Ивановой¹⁰. Работая над описанием южнославянских и славяно-румынских рукописей в собрании М. П. Погодина, она установила, что отрывок № 49 (2 листа, содержащих службу пророку Илье — 20 июля) происходит из описанного незадолго до этого Д. Богдановичем хиландарского кодекса № 609¹¹, а также обоснованно отнесла к этой рукописи еще один ленинградский фрагмент из 5 листов (БАН, 4.5.21 / Сырку 39), имеющий указание на происхождение из Хиландаря¹². Безупречность данной атрибуции (при некотором омоложении датировки¹³) подтверждается опубликованными снимками всех частей рукописи¹⁴. В статье 2004 г. я отождествил писца этой Миней с иереем Грубаном, переписавшим пергаменную Триодь пост-

ную (Афон, Зограф, 39; старый) первой половины — середины XIV в.¹⁵, попутно обосновав исправление датировки этой последней рукописи, ошибочно отнесенной предшественниками ко второй половине XIII в.¹⁶

В конце 1980-х гг. исследователям стал доступен снимок отрывка Минеи служебной на август (РНБ, Ф.п.І.51)¹⁷, правда, с абсолютно неприемлемой датировкой (XV в.)¹⁸ и неверным определением извода как «македонский». После того как в 1995 г. Г. Попов издал факсимильно три страницы из пергаменной августовской Минеи служебной Париж, Нац. библиотека, Слав. 23¹⁹, довольно кратко описанной до этого К. Станчевым²⁰ (с датировкой второй четвертью — серединой XIV в.), стало практически несомненным, что петербургский фрагмент происходит из парижского кодекса (который по прежнему владельцу может именоваться также «болгарской Куаленовой Минеей» или «Минеей канцлера Сегье»²¹). В парижской рукописи имеется утрата между л. 81 и 82²² (тетрадь 11 состоит в настоящее время из 4-х внешних листов: 80—83), не отмеченная в описании и целиком восполняемая петербургским фрагментом²³. История петербургского отрывка неизвестна, но учитывая его номер в Основном собрании РНБ²⁴, а также то обстоятельство, что на л. 142 об. парижской части кодекса имеется запись 1789 г. основателя «Депю манускриптов» Императорской Публичной библиотеки П. П. Дубровского (бывшего в то время секретарем русского посольства в Париже)²⁵, можно думать, что листы были изъяты из рукописи (находившейся в то время еще в аббатстве Сен-Жермен де Прэ)²⁶ именно этим последним.

Сравнение почерков хиландарско-петербургской и парижско-петербургской Минеи служебных не оставляет сомнений в том, что они написаны одним писцом (иереем Грубаном) — в них совпадают начерки букв, форма титл, надстрочные знаки и знаки препинания²⁷. Орфография рукописей, описанная исследователями²⁸, также не противоречит отождествлению; то же можно сказать (хотя бы предварительно) и об элементах художественного оформления²⁹. Вполне близки у них и кодикологические параметры. Хиландарская Минея имеет размер листов 320 × 235—245 мм, площадь текста составляет 246—250 × 180—186 мм, количество строк от 31 до 33. Максимальный размер листов парижской — 315 × 235 мм, площадь текстового поля 250 × 175 мм, число строк 31—33. Поэтому есть все основания считать их частями одного комплекта. Известные сомнения может вызывать лишь неравномерная разбивка томов по месяцам (3 (первоначально) в хиландарско-петербургской рукописи и 1 в парижской), однако в этом отношении ситуация не является исключительной. Так, в практически современном реконструируемому сербском комплекте (1330—1340-е гг.) Минеей служебных из Карейской келии св. Саввы есть трехмесячные (Афон, Пантелеймонов монастырь, Слав. 11, декабрь-февраль³⁰; Хиландарь, 145 март-май) и двухмесячные (Хиландарь, 147 июнь-июль)³¹ тома, при этом август, вероятно, также составлял отдельный (несохранившийся) том³². Произвольную разбивку (2, 4 и 2 месяца) дает и еще один частично сохранившийся современный описываемому комплект, упомянутый в начале статьи (Там же, № 142, 146, 148).

Не противоречит такому отождествлению и история обоих кодексов. Хиландарский том прочно связан бытованием с Афоном, на связь со Святой горой па-

рижского косвенно может указывать тот факт, что рукописи для коллекций кардинала Мазарини и канцлера Сегье их общий «коммивояжер» Афанасий Ритор приобрел, в частности, и в афонских обителях³³.

Основная часть хиландарской рукописи до сих пор остается по существу не исследованной. Описатели ее петербургских фрагментов считают их происходящими из кодекса, следующего Иерусалимскому уставу³⁴. Применительно же к Куаленовскому тому ситуация не выглядит столь же простой и однозначной (в свою очередь это позволяет ожидать сюрпризов и от хиландарской части комплекта). Наиболее полную (хотя и не исчерпывающую) литургическую и текстологическую его характеристику дал Г. Попов³⁵. По его наблюдениям, в основу парижского кодекса действительно положен новый перевод служебных миней, однако он дополнен древнейшими славянскими гимнографическими текстами, посвященными богородичным праздникам: трипеснцем Константина Преславского на предпразднество Успения (а также редким канонам гласа 5 на этот день) и канонам Климента Охридского на положение Ризы и пояса Богоматери. На какой-то доиерусалимский, по всей видимости, источник кодекса указывает и киноварная помета писца на л. 21 об отсутствии в «изводе» малой вечерни службы на Преображение³⁶. Все эти отклонения от стандартной минеи по Иерусалимскому уставу являются своеобразной приметой времени, подтверждающей предложенную датировку комплекта — на раннем этапе распространения у южных славян нового типика (первая половина — середина XIV в.) характерен не разрыв с традицией, а разнообразные опыты гибридизации нового и старого³⁷.

Особенность парижской Миней составляет необычайно пространный и пышный успенский цикл, полные службы с канонам (а не только уставные указания) на дни попразднества помещены здесь вплоть до «отдания» праздника (23 августа) включительно (для сравнения, в случае с Преображением ситуация 13 августа ограничивается указанием на «отдание» праздника³⁸). На фоне этого явно избыточного размаха особенно заметно гимнографическое однообразие. На протяжении целой седмицы попразднества в кодексе повторяются целиком одни и те же тексты — по четным числам (16, 18, 20, 22) служба с канонам Козьмы Маюмского гласа 1-го³⁹, по нечетным (17, 19, 21, 23) — с канонам Иоанна Дамаскина гласа 4-го⁴⁰. Заказчик буквально не жалел пергамена⁴¹, чернил и времени писца.

Наиболее вероятным объяснением такой особенности состава болгарской Куаленовой минеи Париж, Слав. 23 может быть то, что комплект, из которого она происходит, был написан для крупного монастыря или кафедрального соборного храма, посвященного празднику Успения. Однако при попытке конкретизировать этот монастырь (храм) со столь популярным посвящением, мы ступаем на зыбкую почву гипотез. Разумеется, памятуя о связи комплекта с Афоном, невозможно не вспомнить о Великой Лавре св. Афанасия, собор которой посвящен именно Успению⁴², однако едва ли следует настаивать исключительно на этой версии. Ситуация в данном случае весьма сходна с интерпретацией записи писца⁴³ современному этому комплекту служебных Миней Погодинского Пролога 1339 г. (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 58). Заказчик рукописи Митрофан именуется «игуменом лавры

великие монастыря Богоматери» (далее утрачено слово), который исследователи предположительно считают тырновским⁴⁴. Вполне возможно, что так же обстоит дело и в нашем случае.

Примечания

¹ Описание см. [Цонев 1910: 83—85].

² См. [Турилов 1994: 17—18; СК XIV: Прилож. 2, 626—627, д40].

³ [Христова и др. 1982: 35, № 52].

⁴ [Николова и др. 1999: 40—41, № 33].

⁵ [Богдановић 1982: № 612].

⁶ В каталоге собрания [Богдановић 1978: 93—94] извод основной части комплекта определен как «македонский». Образцы почерка см.: [Богдановић. Альбом 1978: репр. 201; Десподова, Славева 1988: 238—239, № 74]; характеристика языковых особенностей — [Славева 1988: 238].

⁷ [Богдановић 1978: 93—94].

⁸ В каталоге [Райков и др. 1994: 142—143] зографские отрывки не отождествлены между собой и датированы по разному, хотя и близко (№ 285 — началом XIV в., № 286 — серединой столетия). Отождествление и датировка зографских отрывков — Н. Б. Тихомирова и автора этих строк [Славянские рукописи 1999: 168—169, № 414, 415], отождествление их с отрывками Григоровича — Н. Б. Тихомирова.

⁹ [Богдановић 1978: 214].

¹⁰ [Иванова 1981: 101—103, № 19]. Новейшее описание Погодинских отрывков (с датировкой 1360-е гг.) см. [Христова и др. 2009: 104, № 46; Табл. 78].

¹¹ [Богдановић 1978: 214].

¹² [Бубнов и др. 1976: 109].

¹³ В описании [Иванова 1981: 101] отрывки датированы второй половиной XIV в.; той же датировки придерживаются и македонские исследователи [Десподова, Славева 1988: 258—259, № 82]. Датировка Д. Богдановича основной части кодекса серединой столетия (и даже несколько более ранним временем — см. ниже) в свете дальнейших изысканий представляется более верной.

¹⁴ [Бубнов и др. 1976: рис. 43; Палеографски альбом 1978: репр. 208; Иванова 1981: 511, обр. 24; Десподова, Славева 1988: 259, № 82].

¹⁵ [Турилов 2004: 161—165].

¹⁶ См. [Райков и др. 1994: 47, 230 (№ 39); Райков, Христова 1994: 11]. Исправление датировки было сделано еще в сводном каталоге славянских рукописей Афона [Славянские рукописи 1999: 398, № 1006].

¹⁷ [Десподова, Славева 1988: 296—297, № 96]; Новейшее описание (также с излишне поздней — кон. XIV в. — датировкой) со снимком почерка см. [Христова и др. 2009: 186, 350 (табл. 128); № 71].

¹⁸ Особенно это заметно на фоне бросающегося в глаза сходства почерка отрывка с письмом помещенных здесь же Погодинских фрагментов июльской Миней (см. примеч. 14), датированных второй половиной XIV в.

¹⁹ [Попов 1995: 7, 10, 14].

²⁰ [Станчев 1981: 92—93, № 3].

²¹ На нижнем поле первого листа рукописи наклеен стандартный печатный латинский экслибрис: «Ex Bibliotheca MSS. COISLINIANA, olim Segueriana, quam illust. HENRICUS DU

CAMBOUT, Dux DE COISLIN, Par Franciae, Episcopus Metensis, &c. Monasterio S. Germani a Pratis legavit. An. M.DCC.XXXII». На верхнем поле помета чернилами (вероятно, уже XIX в.): «S. Germain № 55».

²² По нумерации чернилами, по карандашной — 80—81.

²³ Текст на обороте л. 81 обрывается на окончании богородична 9-й песни второго канона на поспразднество Успения (написаны слитно с канонем мученику Диомиду) 16 августа, а начинается на л. 82 окончанием богородична песни 7-й написанных слитно канонев на то же поспразднество и мученику Мирону 17 августа. Отрывок РНБ, Ф.п.1.51, не имеющий подробного печатного описания (см. [Десподова 1983: 13—14; Десподова, Славева 1988: 296; Христова и др. 2009: 186]), содержит песнь 9 канона Диомиду (л. 1) и большую часть службы (соответственно, до конца песни 7-й канона) на 17 августа — мученику Мирону и на поспразднество (л. 1 об. — 4 об.).

²⁴ При создании в Публичной библиотеке в 1840-х гг. Основного собрания рукописных книг (ОСРК), организованного по так называемой «Оленинской системе» (по тематике и формату книг с дополнительным учетом писчего материала) воедино оказались соединены (без соблюдения хронологии поступления) рукописи как минимум трех ранее самостоятельных коллекций: собственно «Депю манускриптов» (включая позднейшие поступления в этот фонд), гр. Ф. А. Толстого (приобретена в 1830 г.) и горного инженера П. К. Фролова (см. [Уо 1980: 9, 12, 21—22, 33; 41, 52—53, 65—66; «Жемчужина» 2005: 6—14; Крушельницкая 2007: 6—7]). Поэтому достаточно большой номер отрывка в Основном собрании РНБ, помещенного после рукописей Толстого (последний № пергаменной рукописи листового формата из этой коллекции здесь 47 [Уо 1980: 41]) 16 августа, а начинается на л. 82 окончанием богородична песни 7-й написанных слитно канонев на то же поспразднество и мученику Мирону 17 августа. Отрывок РНБ, Ф.п.1.51, не имеющий подробного печатного описания (см. [Десподова 1983: 13—14; Десподова, Славева 1988: 296; Христова и др. 2009: 186]), содержит песнь 9 канона Диомиду (л. 1) и большую часть службы (соответственно, до конца песни 7-й канона) на 17 августа — мученику Мирону и на поспразднество (л. 1 об. — 4 об.).

²⁵ [Станчев 1981: 93]. Запись, только упоминая здесь, гласит (привожу ее в современной орфографии): «Сия Книга Церковного Устава. Месяц Август. Писан в 12-м или начале 13-го века, без акцентв. Петр Дубровский 1789-го года...» (месяц и число неразборчиво). Трудно сказать, чем объясняется в данном случае предложенная в записи дата — уровнем ли кириллической палеографии в конце XVIII в. или же несомненной склонностью ее автора к мистификациям (см. об этом [Сиренов 2008]). О П. П. Дубровском и его собрании см., например [Славяноведение 1979: 149—150; Петр Дубровский 2004 (на с. 30 библиография)].

²⁶ См. примеч. 21. Из собрания библиотеки аббатства Сен-Жермен происходят также 17 греческих рукописей, поступивших от Дубровского в имп. Публичную библиотеку [Крушельницкая 2007: 7].

²⁷ Подробную словесную характеристику почерка см. [Иванова 1981: 101]. Особенно характерны начертания З, Ч, Х с широко расставленной нижней частью. В то же время на всех изданных снимках почерка отсутствует специфическое (так сказать, «скорописное, как бы слигатурированное с Ъ») начертание выносного Д. Ранее [Турилов 2004: 164—165] я указывал на близость письма хиландарской и парижской Миней в связи с почерком Грубана, но не отождествлял их между собой. Весьма показательно, что эту близость отмечают (при большой разнице в датировке) и авторы новейшего описания болгарских рукописей, хранящихся в РНБ [Христова и др. 2009: 104, № 46; 186, № 71].

²⁸ См. [Иванова 1981: 102; Станчев 1981: 92; Десподова, Славова 1988: 258, № 82; 296, № 96; Христова и др. 2009: 104, № 46; 186, № 71].

²⁹ Киноварные заголовки декоративным письмом с элементами вязи и тонкие инициалы выполнены в хиландарском и парижском кодексах одной рукой (ср. [Иванова 1981: 511 (обр. 24); Христова и др. 2009: 300 (табл. 78)] и [Десподова, Славева 1988: 297; Христова и др. 2009: 350 — табл. 128]), возможно, писцом. Трудно сказать что-то о заставках, поскольку расположенные на л. 4 и 91 хиландарской рукописи [Богдановић 1978: 214] не репродуцировались. Ближайшая аналогия полихромной заставке неовизантийского стиля (с пальметтами) на л. 1 парижского кодекса находится на л. 1 Паренесиса Ефрема Сирина (Б-ка Рыльского монастыря, 3/7) третьей четверти (?) XIV в. (см. [Джурова 1981: табл. 205]).

³⁰ Описание рукописи см. [Tachiaos 1981: 38—39]. О принадлежности пантелеймоновского тома к одному комплекту с хиландарскими см. [Славянские рукописи 1999: 158 (№ 386), 163—164 (№ 401), 171 (№ 421); Турилов 2004—2005: 128—129 (№ 2), 140—141].

³¹ [Богдановић 1978: 93—94].

³² В принципе, разумеется, нельзя было бы исключать возможность, что карейский комплект начинался с марта, и август в таком случае мог соединяться в томе с сентябрем и октябрём. Этому, однако, решительно противоречит то обстоятельство, что декабрьско-февральский том написан на пергамене, а остальные тем же писцом на бумаге. Очевидно, изначально комплект открывался пергаменными томами на сентябрь-октябрь и декабрь-февраль.

³³ См., к примеру [ПЭ, 4 (2002): 68]. Во всяком случае, возможность приобретения славянских рукописей даже в греческих монастырях Афона была значительно больше, чем в Метеорах, где Афанасий также собирал книги для Парижа.

³⁴ См. [Бубнов и др. 1976: 109]. К. Иванова [Иванова 1981: 101—103] не говорит об этом прямо, но и не оспаривает мнения предшественников.

³⁵ [Попов 1995: 8—9, 11—20].

³⁶ [Станчев 1981: 93; Христова и др. 2003: 58 (№ 81)].

³⁷ Так, к примеру, в упомянутом выше томе на декабрь-февраль сербского карейского комплекта служебных миней начальная часть (отделенная от кодекса и хранящаяся в Завичайном музее в г. Ягодина, собр. Б. Тирича, № 1) представляет собой избранные каноны на 1—12 декабря [Цветковић 1994: 92—96, 113—124; Турилов 2004—2005: 128—129, 140—141; № 2]. Проложные чтения Минее служебной по Иерусалимскому уставу на сентябрь-октябрь второй четверти XIV в. (Белград, НБС, Рс. 5) восходят не к стишной, а к древнейшей редакции Пролога [Турилов 2006б: 59—61, 70—72; № 5]. Число подобных примеров нетрудно умножить. Сходная картина наблюдается (но, разумеется, столетие спустя) и в восточнославянской традиции (см. [Мошкова 2006; Турилов 2006а: 27—32]).

³⁸ Париж, Слав. 23, л. 60 (59) об.

³⁹ Там же, л. 76 об. — 81 об., 84—89 об., и т. д.

⁴⁰ РНБ, Ф.п.1.51, л. 2—4 об.; Париж, Слав. 23, л. 82—82 об., и т. д.

⁴¹ Парижский августовский том по объёму (144 л. с учетом петербургского фрагмента и утраченного листа) лишь немногим уступает двухмесячному хиландарскому (158 л. с учетом отрывков БАН и РНБ); правда, в афонском кодексе имеются и другие утраты.

⁴² Здесь уместно напомнить, что замечательная по письму и оформлению пергаменная сербская рукопись Иерусалимского устава (РНБ, Ф.п.1.26), выбранная П. П. Дубровским на роль «Молитвенника королевы Анны Ярославны» [Сиренов 2008] и происходящая несомненно также из коллекции Сегье-Куалена, имеет греческую владельческую запись Великой Лавры XVII в. [Гранстрем 1953: 109]. В отечественной литературе [Гранстрем 1953: 109; Крушельницкая 2007: 7] данный кодекс принято датировать рубежом XIV—XV вв. (самое раннее (ПС XI—XIV: 232, № 765) второй половиной XIV в.), однако это недоразумение. Судя по тому что правитель в молениях за него устойчиво именуется здесь «кралем» (титул повсе-

местно выскоблен и заменен (другим почерком) на царский), кодекс был написан до венчания Стефана Душана на царство (1346 г.); почерк и орнаментика такой датировке не противоречат (о редакции текста [Пентковский 2004: 166]). Печатный экслибрис аббатства Сен-Жермен 1732 г. (см. примеч. 21) на рукописи отсутствует, поскольку современный ее переплет (доски в бархате) русского происхождения и датируется рубежом XVIII—XIX вв. (едва ли следует предполагать, что устранение экслибриса являлось частью мистификации — напротив, он прекрасно вписывался в творимую Дубровским «аннинскую легенду»).

⁴³ Текст записи см., например [Иванова 1981: 272—273 (№ 59); Христова и др. 2003: 42 (№ 47); Христова и др. 2009: 68 (№ 27), 274 (фото)].

⁴⁴ [Иванова 1981: 273; Миклас 1994: 38 (№ 2); Христова и др. 2003: 157 (№ 47); Христова и др. 2009: 68].

Литература

- Богдановић 1978 — *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978.
- Богдановић Албум 1978 — *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира. Албум Хиландара: Палеографски албум. Београд, 1978.
- Богдановић 1982 — *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI—XVII вв.). Београд, 1982.
- Бубнов и др. 1976 — Пергаменные рукописи БАН СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976.
- Гранстрем 1953 — Описание русских и славянских пергаменных рукописей [Государственной Публичной библиотеки]: Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские / Сост. Е. Э. Гранстрем. Л., 1953.
- Десподова 1983 — *Десподова В.* Македонски писмени споменици во ленинградските библиотеки // Македонистика, 3. Скопје, 1983.
- Десподова, Славева 1988 — *Десподова В., Славева Л.* Македонски средновековни ракописи. Прилеп, 1988. [Кн.] 1.
- Джурова 1981 — *Джурова А.* 1000 години българска ръкописна книга: Орнамент и миниатюри. София, 1981.
- «Жемчужина» 2005 — «Жемчужина в короне»: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки в 1805—2005 гг. СПб., 2005.
- Иванова 1981 — *Иванова К.* Български, сръбски и молдо-влахийски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981.
- Крушельницкая 2007 — *Крушельницкая Е. В.* Фонд греческих и славянских рукописных книг ОР РНБ — 200 лет собирательства и хранения // История в рукописях — рукописи в истории: Древнерусские и греческие рукописи Российской Национальной библиотеки. СПб., 2007. С. 6—14.
- Миклас 1994 — *Миклас Х.* Къде са отишли парорийските ръкописи? // Търновска книжовна школа. 5 (Паметници. Поетика. Историография). Велико Търново, 1994. С. 29—43.
- Мошкова 2006 — *Мошкова Л. В.* К вопросу о составе переславских миней первой четверти XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 1. 2006. С. 64—70.
- Пентковский 2004 — *Пентковский А.* Иерусалимский устав и его славянские переводы в XIV столетии // Преводите през XIV столетие на Балканите / Доклади от междунар. конф. София, 2004. С. 153—172.

- Дубровский 2004 — Петр Дубровский (1754—1816) и его коллекция. СПб., 2004.
- Попов 1995 — *Попов Г.* Из химнографското наследство на Константин Преславски // *Palaeobulgarica*. 1995. № 3. С. 3—31.
- ПС XI—XIV — Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР / Сост. Н. Б. Шеламанова // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 177—272.
- ПЭ — Православная энциклопедия. Т. 1—21. М., 2000—2009 (издание продолжается).
- Райков, Христова 1994 — *Райков Б., Христова Б.* Предговор // Райков и др. 1994. С. 7—15.
- Райков и др. 1994 — *Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света гора. София, 1994.
- Сиренов 2008 — *Сиренов А. В.* О так называемом Молитвеннике Анны Ярославны // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона. Мат-лы Междунар. науч. конф. М., 2008. С. 177—190.
- Славяноведение 1979 — Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979.
- Славянские рукописи 1999 — Славянские рукописи афонских обителей / Сост. А. А. Турилов, Л. В. Мошкова; Под ред. А.-Э. Н. Тахиаоса. Фессалоники, 1999.
- Станчев 1981 — *Станчев К.* Неизвестные и малоизвестные болгарские рукописи в Париже // *Palaeobulgarica*. 1981. № 3. С. 85—97.
- Турилов 1994 — *Турилов А. А.* Сборник отрывков пергаменных рукописей из Уваровского собрания ГИМ (датировка и атрибуция) // *Palaeobulgarica*. 1994. № 4. С. 15—22.
- Турилов 2004 — *Турилов А. А.* Новые рукописи болгарских книгописцев XIV в. Лаврентия и Грубана // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 145—165.
- Турилов 2004—2005 — *Турилов А. А.* К отождествлению частей некоторых фрагментированных сербских рукописей XIV в. // Археографски прилози. 26—27. 2004—2005. С. 123—154.
- Турилов 2006а — *Турилов А. А.* К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской рукописной традиции (на материале минейных служб) // Старобългарска литература. 35—36. 2006. С. 22—37.
- Турилов 2006б — *Турилов А. А.* Сербские отрывки XIII—XVI вв. в собрании Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне. Ч. 1 // Археографски прилози. 28. 2006. С. 53—104.
- Уо 1980 — Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого: Материалы к истории собрания и указатели старых и новых шифров / Сост. Д. К. Уо. Л., 1980.
- Христова и др. 2003 — *Христова Б., Караджова Д., Узунова Е.* Бележки на българските книжовници X—XVIII в. София, 2003. Т. 1 (X—XV в.).
- Христова и др. 2009 — *Христова Б., Загребин В., Енин Г., Шварц Е.* Славянские рукописи болгарского происхождения в Российской Национальной библиотеке — С.-Петербург. София, 2009.
- Цветковић 1994 — *Цветковић Б.* Тиришеви хиландарски одломци Завичајног музеја у Јагодини // Археографски прилози. 16. 1994. С. 91—140.
- Tachiaos 1981 — *Tachiaos A.-E. N.* The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ ПОЛЕМИКИ XIII в. в БОЛГАРСКОЙ РУКОПИСИ XIV в.

(отрывки сочинения Иоанна Грассо о собеседовании
Николая-Нектария Отрантского с Римским Папой)*

Общеизвестно, что корпус сочинений, переведенных в Средние века с греческого языка на славянский болгарскими, русскими и сербскими книжниками, далеко не идентичен корпусу средневековых грекоязычных памятников в целом: оценка первого из них как «монастырской библиотеки», принадлежащая Фр. Томсону¹, в общем весьма наглядно характеризует ситуацию. Тем любопытнее случаи, когда в этой переводной «библиотеке» обнаруживаются desiderata, в оригинале не сохранившиеся, неразысканные, либо не атрибутированные². Такие случаи в равной мере важны и ценны и для византистики, и для палеославики.

В сравнительно небольшом, но богатом среднеболгарскими памятниками собрании рукописных книг известного черновицкого слависта Э. Калужняцкого, поступившем в 1927 г. в библиотеку Российской Академии наук³, хранятся среди прочего пять бумажных листов, извлеченные из переплета, либо служившие для оклейки крышек книги (БАН, 12. 7. 31 (Нов. 6011); Калужняцк. 28). В машинописном инвентаре собрания листки датированы XVI в., но бумага и почерк отрывков не оставляют сомнения в их значительно большей древности. Бумага листов одного сорта, плотная, с вержерями средней ширины (5—6 на 1 см), водяной знак «лук со стрелой». Знак, очень близкий (хотя и не идентичный) этому, в альбоме Мошина и Тралича (№ 353) датируется 1360—1370-ми гг.⁴, поэтому наиболее вероятная датировка рукописи — последняя треть (или третья четверть) XIV в. Не противоречит такой датировке и почерк — мелкий (32 строки на странице) небрежный полуустав с курсивными элементами, характерный для монашеских сборников середины — второй половины XIV в.⁵ Орфография отрывков, как можно видеть из публикуемого ниже текста, выдержанная среднеболгарская, отражающая тырновские правописные нормы XIV в.

Листки Калужняцкого достаточно сильно пострадали от времени. При вторичном использовании для переплета они были довольно сильно и не очень ровно обрезаны, хотя текст при этом не был затронут (современный размер листов составляет 20,2 × 14,7⁶ при формате 4°, судя по расположению филигранны на листе). Бумага подмочена и потемнела под воздействием сырости, обгнила и разрушается по краям. Особенно сильно пострадал л. 3 (по современной нумерации): он разорвался по линиям понтюзо (приблизительно на треть высоты снизу), правая треть

* Работа написана в соавторстве с Е. М. Ломизе.

листа утрачена с частью текста, утрачена и большая часть двух верхних строк. Утраты на других листах значительно меньше: у л. 1 оторвано верхнее поле с большей частью верхней строки, у л. 5 верхнее поле срезано с большей частью первой строки, у л. 2 оторван левый верхний угол с частью первой строки. По краям листов видны следы мучного клея. До последнего времени листы в единице хранения располагались в неправильном порядке (очевидно, это произошло из-за особой дефектности л. 3): 3, 1, 2, 4, 5. При знакомстве с текстом удалось установить истинный порядок их расположения, и по нашей просьбе листы были заново перенумерованы в хранилище сотрудниками ОР БАН.

Украшена рукопись (во всяком случае в пределах описываемого отрывка) весьма скромно: маленькими заглавными буквами, выполненными кинноварью и чернилами; оформление, как и почерк, характерны для рукописей монастырского происхождения середины — второй половины XIV в.

Сведений о происхождении отрывка не сохранилось. В исследовательских работах и печатных научных описаниях рукопись и содержащийся в ней текст не фигурируют.

Идентифицировать этот памятник позволяют упомянутые в нем имена. Речь в нем идет об оправдании южноитальянскими греками православного обряда крещения на состоявшейся в июне 1232 г. аудиенции у папы Григория IX (1227—1241)⁷, который осенью 1231 г. объявил их обряд недействительным и запретил совершать его⁸.

Фигурирующий на л. 1а рукописи Калужняцкого «Варенский архиепископ», ходатайствовавший за греков перед папой, идентифицируется с епископом Бари Марино Филаньери (1226—1251), который действительно уже в феврале 1232 г. добился от Григория IX согласия выслушать их точку зрения⁹.

Делегированный в Рим отстаивать греческий обряд «Идрунтский Никола» — это Николай (в монашестве — Нектарий) Отрантский, с 1219 по 1235 гг. — игумен греческого монастыря св. Николая в Казоле неподалеку от Отранто (л. 1б), который, как и говорится в памятнике (л. 2а), был искусен в обоих языках (т. е. греческом и латинском)¹⁰, и действительно в прошлом усердно потрудился на благо Римской церкви (л. 2а) в качестве переводчика при папских легатах¹¹.

Автор же публикуемого источника — сопровождавший Николая-Нектария в Рим его друг и ученик Иоанн Грассо (л. 1б), с 1219 по 1236 г. служивший имперским нотарием в Отранто, а затем получивший место при дворе императора Фридриха II (1212—1250)¹².

Будучи самым подробным сохранившимся описанием миссии Николая-Нектария в Рим¹³, издаваемый памятник интересен с трех точек зрения.

Во-первых, в богословском плане он является важным свидетельством состоявшейся греко-латинской полемики накануне известного посольства миноритов к Константинопольскому патриарху Герману II в Никею в 1234 г.

В историческом плане рассказ Иоанна Грассо особенно ясно показывает причастность к описываемым событиям императора Фридриха II, с которым оказываются связаны все действующие лица. Николай-Нектарий в 1223—24 гг. выполнял поручения императора в Никее¹⁴, сам Иоанн служил имперским нотарием, а епископ

Бари, сопровождавший в 1228 г. отлученного папой Фридриха II в его крестовом походе¹⁵, прежде чем ходатайствовать перед папой за греков своего диоцеза, поставил в известность о происходящем императора (л. 1а). Возможно, именно вмешательство императора стало причиной резкой перемены в отношении Григория IX к греческой делегации, наступившей между 8 и 13 июня 1232 г. Если 8 июня папа писал епископу Бари, что не находит греческих представителей достаточно компетентными для обсуждения вопроса такой важности, и требовал, чтобы крещение совершалось всеми только по латинскому обряду¹⁶, то шесть дней спустя он вдруг предписал тому же епископу проявлять терпимость по отношению к грекам и их обряду крещения.

И наконец, публикуемый памятник открывает новую сторону в наследии Иоанна Грассо, который до недавнего времени был известен исследователям лишь как стихотворец¹⁷.

Время и обстоятельства возникновения славянского перевода сочинения Иоанна Грассо требуют специального исследования, в значительной степени языковедческого. Пока перевод этого редкого текста можно датировать лишь в промежутке между второй четвертью XIII и последней третью XIV в. С известной долей осторожности можно предполагать, что перевод выполнен во время, достаточно близкое к сохранившемуся списку. Тема, затронутая в нем, близка к содержанию грамоты константинопольского патриарха Каллиста I, направленной им в декабре 1355 г. тырновскому патриарху Феодосию и монаху Роману («Отвешание божественнага священнаго собора и учительство о крещении, иже в месте Трънова града обретающимся честнейшему же в священноиноцех кир Феодосию, честнейшему в иноцех кир Роману и ко священником») ¹⁸. Неизвестно, правда, когда был выполнен перевод этой грамоты на славянский язык (дошедшие списки восточнославянского происхождения и датируются второй половиной XV в.)¹⁹, но можно думать, что столь важный и авторитетный документ был переведен сразу. Перевод текста, дошедшего в листках Калужняцкого, логично было бы приурочить к тому же времени.

Современное состояние фрагментов Калужняцкого на первый взгляд исключает возможность проследить судьбу этой замечательной рукописи. Подобно большинству ученых коллекционеров Э. И. Калужняцкий не фиксировал происхождения своих приобретений. Хотя известно, что основной район его собирательской деятельности составляли Северная Молдова и Буковина²⁰, в данном случае этого все-таки явно недостаточно. Можно было бы надеяться на какой-то успех поиска, если бы листы были взяты исследователем непосредственно из кодекса, но они явно вынуты из переплета и могут иметь совсем уж случайное происхождение, во всяком случае искать по описаниям другие фрагменты кодекса явно не имело перспективы.

Однако решение вопроса сильно продвинулось благодаря счастливому стечению обстоятельств. Когда один из авторов данной статьи (А. А. Турилов) рассказал о листках Калужняцкого болгарской исследовательнице К. Ивановой, она предположила возможность их связи с отрывками болгарской рукописи XIV в., содержащей догматические, канонические и полемические тексты, опубликованные румынским славистом Й.-Р. Мирчей. Предположение это в дальнейшем полностью подтвердилось.

Отрывки, изданные Й.-Р. Мирчей, дошли в составе трех единиц хранения, находившихся в двух близлежащих румынских собраниях (библиотека монастыря

Драгомирна, № 1885 (старый № 796) и 1893 (старый № 804) и музей монастыря Молдовица. инв. № 423)²¹. Э. Калужняцкий держал в руках по крайней мере одну из этих рукописей (Драгомирна, № 1885), на которой он оставил запись на немецком языке²². Идентификация этих картонажных листов из трех рукописей, как частей единого кодекса не вызывает сомнений²³. В равной мере несомненно, что из этой же рукописи происходят и отрывки Калужняцкого²⁴: совпадают размеры листа (20,7 × 14,7 по сведениям Й.-Р. Мирчи, 20,8 × 14,7 (максимальный) — листков Калужняцкого) и текстового поля (18,5 × 11,5 в обоих случаях), количество строк (32), утрата (обрезано) верхнего поля, наконец, почерк. Румынские отрывки написаны на бумаге с филигранью «лук со стрелой» двух разновидностей, вторая из которых (Мирча, рис. 2—3) идентична филиграни петербургского отрывка²⁵.

Таким образом, листки Калужняцкого оказываются частью достаточно большого сборника, включавшего целый ряд памятников (к сожалению, отсутствие пагинации на сохранившихся листах не позволяет хотя бы приблизительно судить о его объеме), о которых (при всех ошибках прочтения и воспроизведения) дают наглядное представление публикации Й.-Р. Мирчи. Естественно, возникает вопрос: не сохранились ли среди листков из Драгомирны и Молдовицы отрывки сочинения Иоанна Грассо? На это приходится дать отрицательный ответ. В состав румынских отрывков входят чин принятия от иудеев (Мирча, с. 16—18), чин принятия от еретиков-манихеев (с. 19—29), символ веры (с. 29—33) и полемическое сочинение о правах римского и константинопольского престолов²⁶. Последнее вряд ли может являться частью сочинения Иоанна Грассо, так как предметом диспута Николая-Нектария с кардиналами являлся обряд крещения.

Итак, сборник с текстом собеседования Николая-Нектария разделил судьбу многих среднеболгарских рукописей эпохи Второго Болгарского царства²⁷. После падения Болгарии кодекс, очевидно, принесен эмигрантами в Молдову, где хранился в одной из монастырских библиотек. Обветшавшая рукопись была пущена на картонаж для переплетов. Это произошло не ранее 1620 г., когда был, судя по записи, написан Устав церковный из музея Монастыря Молдовица²⁸, по убедительному предположению Мирчи — в конце XVII или начале XVIII в.²⁹ Судьба текста, появившегося в византийской некогда провинции Италии, завершилась в стране, претендовавшей в XVI—XVIII вв. на преемственность от Византии. Однако счастливое стечение случайностей с отрывками из сборника позволяет надеяться, что среди рукописей румынских хранилищ или происходящих из Румынии найдутся со временем и другие фрагменты кодекса, в том числе, быть может, и из публикуемого ниже памятника.

Текст Собеседования Николая-Нектария публикуется ниже по рукописи БАН 12. 7. 31 / Калужняцк. 28 с сохранением правописания оригинала и разбивкой на строки. Сохраняется interpunkция оригинала. Кроме того, текст разбивается на слова. Надстрочные знаки не воспроизводятся. Для удобства чтения имена собственные и названия народов даются с прописной буквы. Прописные буквы рукописи оговариваются в примечаниях. Там, где это возможно, утраченный текст восстанавливается (с учетом объема) по списку и дается в угловых скобках. Если реконструкция вызывает сомнения, она сопровождается знаком вопроса. Буквы, плохо видимые в рукописи, но не вызывающие сомнений, даются в квадратных скобках.

Примечания

¹ См.: *Thomson Fr. Quotations of Patristics and Byzantine Works by Early Russian Anthos as an Indication of the Cultural Level of Kievan Russia // Slavica Gandensia. 1983. Vol. 10. P. 65—101.*

² Примеры таких текстов см.: *Кодов Хр. Византийско-славянский литературно-исторический и текстологический проблемы // Cyrillo-Methodianum. Thessalonique, 1972—1973. Vol. 2. P. 141—153; Бенешевич В. Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. София, 1987. Т. 2. С. 17—26, 65, 85—89, 178—181, 240—244; Турилов А. А. Византийский и славянский пласты в Сказании инока Христодула (к вопросу о происхождении памятника) // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6 (Славяне и греческий мир в Средние века и раннее Новое время). С. 81—91.*

³ О собрании и южнославянских рукописях в нем см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2 (XIX—XX вв.). С. 118—120. № 56.

⁴ *Mošin V., Tralić S. Vodeni znakovi XIII i XIV ss. Zagreb, 1957. Knj. 1.*

⁵ Ср., например, сборники ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 237, вторая четверть XIV в. (образцы почерков: *Николова С. Патеричните раскази в българската средновековна литература. София, 1981. С. 411, 412; Ангелов Б. С. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. Кн. 3. С. 77*), библиотека Хиландарского монастыря на Афоне, № 418, третья четверть XIV в. Образцы почерков см.: *Богдановић Д. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. Палеографски албум. Сл. 204; Николова С. Патеричните раскази... С. 403—406; Десподова В., Славева Л. Македонски средновековни ракописи. Прилеп, 1988. Вып. 1. № 89.*

⁶ Максимальный размер — в основном листы меньше из-за механические повреждения.

⁷ *Hoeck J. M., Loenertz R.-J. Nikolaos-Nektarios von Otranto, Abt von Casole. Ettal, 1965. S. 63—67.*

⁸ *Acta Honorii III (1216—1227) et Gregorii IX (1227—1241) / Tauto A. Città del Vaticano, 1950. P. 225.*

⁹ *Ibid. P. 229.*

¹⁰ Ко времени описываемых событий Николай Гидрунтский уже мог быть известен современникам как переводчик на латынь греческих литургических текстов: *Jacob A. La traduction de la Liturgie de saint Basile par Nicolas d'Otrante // Bulletin de l'Institut Historique Beige de Rome. 1967. Т. 38. P. 49—101.*

¹¹ *Hoeck J. M., Loenertz R.-J. Op. cit.* Будучи переводчиком при папских легатах, он уже и раньше выступал с апологией учения Восточной Церкви. См.: Николая Гидрунтского (Отрантского), игумена греческого монастыря в Казулах три записи о собеседованиях с латинянами по поводу разностей в вере и обычаях церковных / Арсений (Ивашенко). Новгород, 1896.

¹² *Hoeck J. M., Loenertz R.-J. Op. cit. S. 126—128; современную библиографию о нем см.: Safran L. A Medieval Ekphrasis from Otranto // BZ. 1990. Bd. 83/2. S. 425—427.*

¹³ Помимо приводимых нами папских актов и тех источников, которыми пользовались И. Хёк и Р. Лёнерц, с этими событиями был, очевидно, связан посвященный обряду крещения маленький фрагмент анонимного греческого антилатинского сочинения XIII в., который издал О. Джанелли: *Giannelli O. Un documento sconosciuto della polemica tra Greci e Latini intorno alia formula bettesimale // OCP. 1944. Т. 10. P. 150—167.* Сопоставление его с публикуемым памятником убедило нас в том, что этот фрагмент не является частью греческого оригинала публикуемого нами славянского текста.

¹⁴ *Hoeck J. M., Loenertz R.-J. Op. cit. S. 62.*

¹⁵ *Van Cleve Th.* The Emperor Frederick II of Hohenstaufen, *Immutator mundi*. Oxford, 1972. P. 206.

¹⁶ *Acta Honorii III...* P. 234.

¹⁷ *Safran L.* *Op. cit.* P. 425.

¹⁸ *Палаузов С. Н.* Грамота патриарха Каллиста как новый источник истории болгарской церкви // *Известия II Отделения имп. АН. СПб.*, 1858. Т. VII. Стб. 149—160 (*Палаузов Сп. Избрани трудове*. София, 1974. Т. 1. С. 343—359).

¹⁹ *Ломизе Е. М.* Проект унии 1367 г. в контексте политики Константинопольского патриарха на Балканах второй половины XIV в. // *Славяне и их соседи*. М., 1991. Вып. 3 (*Католицизм и православие в средние века*). С. 34.

²⁰ *Исторический очерк...* С. 118—120.

²¹ *Mirčea J.-R.* Un manuscrit inconnu 1360 // *Palaeobulgarica*. 1981. № 3. P. 10—39.

²² *Ibid.* P. 10—12.

²³ *Ibid.* P. 10—12.

²⁴ *Ibid.* P. 10—13.

²⁵ *Ibid.* P. 13.

²⁶ Некоторая разница в датировке листов (Мирча, как явствует из заголовка статьи, датирует кодекс ок. 1360 г.) происходит из-за того, что исследователи использовали для идентификации знаков разные справочники.

²⁷ Текст связан с толкованием 9 правила Халкедонского собора о верховной юрисдикции константинопольской кафедры (см.: *Троицки С.* Спор старог Рима са новим на страњима славенске крмчије. Београд, 1960), но представляет самостоятельное сочинение.

²⁸ *Кувев К.* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. 2-е изд. София, 1986. С. 35—40.

²⁹ *Mirčea J.-R.* Un manuscrit... P. 12.

* * *

Отрывки сочинения Иоанна Грассо о собеседовании Николая-Нектария Отрантского с Римским Папой¹

(fol. 1r.)²...стж³... а бжд(ε)тъ грѣдо⁴... / рѣтъ же кто н къ намъ гьское шно слово. испы⁵ / танте писанна. навькнѣте кто сжтъ прѣднни⁶ / Грькомъ бжтвнни шѣи. нже добръ дѣтелни въ⁷ / снаша. нже не цнроу н сѣни дажще. Зрнте⁸ вче/нна сѣи н прѣданна. нди же пате хвалнте сѣ. / еда

¹ Авторы публикации признательны Д. М. Буланину за копирование и сверку текста по рукописи.

² В начале строки утрачены 1—2 буквы.

³ Далее утрачено около трети строки.

⁴ Конец строки утрачен.

⁵ Далее видна буква и, сохранившаяся от парного листа.

⁶ Далее видна буква н, сохранившаяся от парного листа.

⁷ Далее видна буква п (?), сохранившаяся от парного листа.

⁸ Заглавная буква в ркп.

вбо бждеть ослаба безаконноу дѣ/лоу томоу. ни вбо. ни сказанне и потреба бжѣть/внаго писанна вкротащаго. Баренскаго архне/пкпа крѣтати. не ѡлагает ѡ яма црззъко/е. нж всегда камень еже глѣтъ са движеть на / на. папежево повелѣнне даж сътворишн. / и сего ради смѣшенне бываеть крѣтнано/мъ. смѣхъ жидомъ. Агарѣномъ тамо сжши/мъ нгръ. Латинномъ самѣмъ вобрадованн/е. глаумя бжѣтвое вымѣнѣтса. тако поно/шенне быти... ѣдомъ⁹. и поржганне сжши/мъ / шкрѣтъ на. Что¹⁰ дати нишоу и смѣреноу. не / прѣзра слъзы. вьстаеть ѡ немощехъ н. / Фродернкови блговѣрномоу Римлѣномъ са/модръжъцоу. швѣ вещь поставлѣеть. нже/ вещь злж сжднѣ и бѣднж. вьскорѣ пишеть / к(ъ) папежоу Римьскомоу. сказаж емоу. при/(носи)мын вѣдъ црѣвн и тако безаконно е/моу мннтса сѣхъ ѡцѣ прѣложити вставы. / ...же¹¹ Грецы доселѣ непоколѣблемо дръжеть. / и добро кѣ съблаудати. да не бжѣтъ съблазни. / приходать же нѣцини тоу ѡ на кла-нѣжше/са ѡ семъ црѣвн¹². Пишеть¹³ же паки папа. е/же вѣ гнѣвомъ на Грѣкы шотаготѣно. к то/мъ оуже не покрѣтити. нан нзновѣ поставлѣити / Грѣкы. пате же прѣнмжшеа н мждростнж (fol. 1v.) и разоум[ъ]м[ъ]¹⁴ ...вѣд...¹⁵ мъ до Рима донти съ потре(бно)ж бжѣтви(аго) / крѣтнма книгож тако нзвѣстно испыта/ти аще съгласоужтса Греци другъ къ дру/гоу въ слоуженни бжѣтнаго крѣтнна. тако / же и си рѣна бышж. мало заповѣда въ прѣд[ъ]ложенне. и се дѣло вѣ злаго. да не тако мна / нже Новаго Рима. слышавше и ти приждтъ. / поржгавше са латиньскомоу беззвимоу. / нж где ѡ на мждрнн. и вьсплачъ же ѡ своихъ. / где снанин разоумомъ. сиреть гретъскыа / мждрости. по вьзрастенин еже ѡ Латинь / съблазномъ. по вьнесенни црѣвн прѣсѣченн/е. къ тон тако рѣши приннестн слово. звы. тако/ си всѣ грѣхъ ради нишн. положн бо ны бѣ въ при/тълж въ азыцѣхъ. покыванне главы въ лю/дѣ. тѣмъ и Латинн жтръ ск[р]ѣвеннж злобж / швлѣжше съплѣтажтъ лѣ недобыкшнн/мъ. сжднѣше къ папежоу ити. ни рѣши что / бѣджшн ни кннги каковы мнлшж. нж оу/крѣпи гѣ егоже шстави намъ тако вѣтрнло / на горѣ. и тако крѣтъ на хлѣмѣ. новаго Авраа/ма, борца Иакова старостнж шсѣдѣвша. / дшѣж же млада. Идроунтѣскаго Николж. нгв/меньштвоужащаго тогда въ храмѣ рекомѣ/мъ Касоуль. Нектарна вратенаго именемъ в(е)ликато шобраза. бжѣтвнымъ рѣвеннелъ ѡ вѣр / гораща. егоже слоухомъ еже къ Римоу шест/вна. мнози радостни бышж. и с нимъ къ папѣ / ндошж. Азъ¹⁶ же Иованъ зчнннкъ его пишж си. и съ/мотрж. томоу шспѣшествоуж его ради. на по/двнж шспѣважшв мн прѣсжднѣвшю. нже...¹⁷ (fol. 2r.)¹⁸ ...прнше. и того цѣломждрѣно и крѣ[ъ]пко цѣ/лова. папа же вьпрашааше кто сын ѣ мжжъ. сж/шнн же тоу. нже и мжжа вѣдѣхж. югда бѣ прнше/лъ въ прѣсѣджшнн градъ съ тлъкожшнннн ка/раннан и нже вѣ швѣма азыкомн нскусе/нь. знаема того штворишж емоу. хвалааше его. / тако къ црѣвн Римьстѣн работж всрѣдно тавн / [та]ко прѣмждрости и разоумоу причашннкъ. го/(дѣ?). же си бышж папѣ. и швонма ржкамл блгѣвн е/(го?). бѣше часто на нъ вьзнраж. старъшѣтѣн / [та]ко мна красотѣ днваса и тврѣдостн. и рѣ. тако / ѡ сѣына твоеа повелѣнне приждомъ. къ сѣы/ма твонма ногамл принти. си рѣ. сѣѣмъ

⁹ Утрачено начало слова. Вероятно: [сжс]ѣдомъ или [сѣс]ѣдомъ.

¹⁰ Заглавная буква в ркп.

¹¹ нже или нже.

¹² Так вм.: црѣвн [= цесаревн]

¹³ Заглавная буква в ркп.

¹⁴ Далее утрачена большая часть строки.

¹⁵ Конец строки утрачен.

¹⁶ Заглавная буква в ркп.

¹⁷ Далее утрачены 1—2 буквы.

¹⁸ В начале утрачены 3—4 буквы.

бо / крѣпннн вѣ призвахомъ. и хоцѣмъ ѡ семъ вѣвѣри[т]и са. прѣднуженне давь вѣши и жеданне. / з[а]не не вѣхъ вси кардинални. глѣше бо. поне/ж[е] ѡ вѣрѣ въпрашанне бы. хошж братни мое / и [к]ардинални пождати пришествна. въ събранни же мѣждъ собож. множанше латиннѣ / събрашж са тоу ѿ всѣхъ языкъ. скръвенжж¹⁹ / ѡбличити злобж. тымади прѣднужѣше бе/сѣдь. ѿ нсхож денни стго дѣа. ѡ женнвшн/хса нереевъ. и ѡ мнозѣхъ инѣхъ. яже нѣ ль/зѣ писати ннѣ. нж сн начинанни далече ѿ бѣ/гохомъ поржтенжж кннгж вѣдѣнннмъ н/гоуменомъ нлжше. и исти нѣ тымади изнесе/нѣ. просто бо слово истинное ни велѣнни ни при/тымади прѣмждрецъ. нлнже мждрствож/тъ паче мѣры. и се кардиналнелъ прѣдъ папе/жемъ сжщелъ. снче старецъ кротко же и / тнхо ѿ Грькъ творѣше моабж тако нлжшж. / Прѣѡсщѣнн²⁰ ѡтѣ. съборныа цркви прѣвсто (fol. 2v) лнен части крѣпнннстѣ съ блѣ зас(тжпнн)/че блгопослоушннво м²¹ оухо дажъ равоу твоє/моу. моабж ѡ правовѣрныхъ крѣпнннхъ всѣ/ко праведнѣ и строннѣ твора. сего радн та и / бжтвнын промыслъ състола велнкаго прѣ/стола створн. яко застжпннкоу тебѣ бы/ти всѣмъ крѣпннномъ нелицемѣрно. скръбл/шнмъ же ятѣшенне. и ѡбиднмымъ помощн[н]/ка. и поржтеннѣн тебѣ цркви право пра(ва?)ша въ тнхо привести станище ÷ ѡ(соу)д(н)мн сжтъ Грецн. нѣкымн архнереимн. (и н)ж/днмн сжтъ ѡтѣское прѣданне нлж законоп[о]/ложение ѡврѣшн. ѿ дрѣвннхъ лѣтъ д(ос)елѣ / држннное. и сѣымн ѡцѣ извѣстное²². ... о пра/вила же нжднмн сжтъ покрѣпнн са да не...²³ / деть са сѣын блко. нн правовѣрннхъ Грь(ческон) / цркви. и тѣмн въсен въселенѣи възр(астає)/тъ блазнъ. да не бждемъ поношение (жнд?)о/мъ и невѣрннмъ. ннчтоже бо снхъ ново. и / се кратко вѣрѣ приноснть са. не по нав(ыкн?)жтъ тѣлкованна. не приносать ѡ прнтнл/хъ. не прѣвращажтъ бжтвнаго писанна / нн еднож трѣти прѣходать. оуставы вѣ/тны положншж ѡцн нхъ. непоколѣблемы / же и непрѣложны. прѣслоушанна же запрѣ/щенна ябоашжса. да постѣнтъ же се сѣы/ны твоя извѣстн. въ тебѣ бо нѣ лицемѣ/рна. нж неправедное зрншн. внждъ кнн/гы нѣ. не разгласоужт²⁴ бо. яко нѣцнн глѣжж. ятол сен помыслъ. ѡпачь бо всн прѣхо/дѣ бжтвннхъ прѣданнн же и тннѣ. аще ли / ѿ латннѣ разнѣствоужтъ языкомъ (fol. 3г)²⁵ ...не развмоу...²⁶ / ²⁷о еднаа нѣ...²⁸ / ²⁹...вѣра и ед[н]...³⁰ / ...[ѣ]³¹ Грнгорнн д(вое)словци. аще и [н]...³² / квн. разлнчннмы дары т.../ж[т]са. нж еднаа нѣ вѣра. и та.../лннкъ и велнкы архнереи. прѣг.../тоа тобож владнко сѣын. раздрѣ.../теѣ и приношеннн възвѣлнтса. (хо)шж кннгы вашж видѣти. и прѣво.../лѣствѣ кннгы. велнкаго днсон[н](сна Яреопагн)та. велнкаго Баснла. Златовст(аго Іоанна гла?)бы. и ннѣхъ бѣноснѣ ѡцѣ. на срѣ.../бышж. и прѣвое повелѣ. еже ѡ бж.../велнкаго Баснла. протѣстн. въ по(оу)ченне тоу сжшн/мъ кардиналелъ. по стнхъ мѣтѣ(оу).../ тѣковати. бѣ же часто

¹⁹ Так в ркп., вм.: скръвенжж.

²⁰ Заглавная буква в ркп.

²¹ ѿ исправлено писцом из н.

²² Далее утрачено 2 буквы.

²³ Утрачен конец строки.

²⁴ Так, в ркп., вм.: не разгласоужт.

²⁵ Начало строки утрачено.

²⁶ Большая часть строки утрачена.

²⁷ Начало строки утрачено.

²⁸ Большая часть строки утрачена.

²⁹ Начало строки утрачено.

³⁰ Большая часть строки утрачена.

³¹ Начало строки утрачено.

³² Здесь и до конца страницы конец строки (около четверти) утрачен.

възра[ж].../ж. нбо гласныиъ и быстрииъ прот(лъкованнеи?) / двлѣдъ. потенкоу ѿвѣтоуж.../ж
 нж идеже гл[ε]тъ. Н³³ ѿвѣщава... (вѣ)/рѣж въ единого б[а]. тинноу рещи по.../папа къ Нект[а]рпоу.
 весь лн ѿв[р].../ нан тѣкмо вѣ(р)оуж въ единого б[а]...³⁴ /трици весь п[л]мъ глѣмъ. и папа ...
 <н>/же ѿ ѿца и ѿ с[н]а исходаишь. ни.../цъ не добръ бо³⁵ ...емъ. нж такоже.../ ны навти. и нѣ(ц)ы
 ѿ кардинали (въпросиша н? тто) / збо не исповѣ[а] еши тако ѿ с[н]а д[х]ъ).../ иен рѣ съгласоу...³⁶
 тако и ѿ с[н]а поси[ла]/етса. и прѣхо[а] <н>тъ. нж ино е мж[а] <ро>е исхоженне п...³⁷ въскомоу.
 и н.../ ѿ папа. семь...³⁸ [т]ъ. цн едно бо[ε]...³⁹ (fol. 3v.)⁴⁰ ...еки тако на...⁴¹ /... прочнта-
 жш.../... крѣаеть и.../крѣаетьса рабъ бжн? н)⁴² мж рекъ. въ нмъ ѿца и с[н]а и ст[т]о д[х]а)⁴³ /
 ...писанне са ть⁴⁴. ѿ семь иѣ глѣ. л...⁴⁵ /... тако бо томоу с[а] <о>вешн възгла(ш)а/... развмѣтн
 са догжть лица. еже/... дож⁴⁶. нан тобож. нан ѿ оного. и /... нна еже крѣаетьса глѣ преме/...
 [и]влетъ. не авлѣж же лица въ бε/... аетса тако глжшин. цн бо не ннѣ/... въ бжтвнѣмъ крѣинн
 нмѣтн д.../... [т]ѣкмо еже ѿ л[а] апломъ прѣданы /... ннъ свож въздвнзж в[н]кы шед/ше про-
 свѣт)нте вса жзыки крѣающе ж въ н/ <мъ ѿца и с[н]а н) ст[т]о д[х]а. и прочее. крѣающе /... жтса.
 нбо прчтастн его. ѿ сло/...ъ дѣнстввна. еже крѣаж. тѣ /... о рѣшж с[а] овеса. крѣахоу вса /...
 [ε]законно бо иѣ <т>оמוу себе крѣтн/⁴⁷ ...ет бо са ст[т]н пр(а)вны. въ сложе/... о крѣинна. бѣд(а)
 вываетъ к[р]ша/...аго и водж. ст[а] <и б>о Рильскага цр/... есь нмать лѣв. <п>рншеш. же крѣ/...
 [в]прашаеть и ст[а]ль) глѣ. хоцешн /... ѿвѣщаеть он(ъ н) глѣ хоцш. волъ/... жно е крѣинне. <с>гль.
 азъ та крѣ/ <шж въ нмъ) ѿца и с[н]а и ст[т]о д[х]а. мы бо есмн / ... [и]ко слоугы лѣв⁴⁸ ... ст[т]ль
 апломъ / ... ще бо ѿ въпро(ш)еннн ѿвѣтѣ / ... [н]на состожтъ. <ко>мн пате / ... сотоннны слв(гы)
 и ѿвѣща // (fol. 4r.) вшнцса л[о]у. такова словеса. възглашати вѣ/[а]но. и свѣтелъ смлъ смлъ
 Прѣдетелъ глѣ. нже на / [I]орданьстѣн рѣцѣ. Недеж крѣаж глѣше азъ / крѣаж ва. и сен чинъ
 похвалень. а еже рещи / [кр]ѣаетьса. лице не авлѣеть тако авѣ иѣ. дль/ <ж>ное ѿ бѣды авлѣати.
 и сказати. тако извѣ/стенъ намъ нмѣтн развмѣ. и сего радн мннт цн / са исправленнъ пѣнтн са
 вешн тако подражаж / вѣрж. не рѣ бо лѣ. рцѣте жзыкомъ крѣтн са. / нж вы крѣанте. и си збо папа.
 Касоульскын⁴⁹ / же слышахомъ рѣ стын в[а]ко. прѣдложенаа. / и добръ вноушнхомъ. молж же са
 смотрѣлы внѣ / слышати. шо Грѣци къ коемъжѣ вѣщагъ. и ѿ / глѣмьхъ не дообѣствоуи. глжбнна
 бо ст[т]ъ писа/ннн непрѣходна. и не нмашннн змъ ѿ всекож / млѣвы тѣ. не нслѣднма. бжтвна

³³ Заглавная буква в ркп.

³⁴ С этой строки лист разорван посредине.

³⁵ Далее утрачена 1 буква (в?).

³⁶ Далее утрачена 1 буква.

³⁷ Далее утрачено 2—3 буквы.

³⁸ Далее утрачено 3—4 буквы.

³⁹ Конец строки (около четверти текста) утрачен.

⁴⁰ В первых трех строках утрачено начало (около трети текста).

⁴¹ В первых трех строках далее утрачена большая часть текста.

⁴² Здесь и до конца страницы утрачено начало строк (около четверти текста).

⁴³ Утрачен конец строки.

⁴⁴ Или с[а]гъ (= с[а]тъ)?

⁴⁵ Утрачен конец строки.

⁴⁶ Так в ркп., вм.: инож.

⁴⁷ Отсюда страница разорвана посредине.

⁴⁸ Далее утрачено 1—2 буквы.

⁴⁹ Заглавная буква в ркп.

бо всѣленѣн / свѣтлаа. безъ дѣа. дѣовнаа не провѣшаша. нж / всн бжтвнаго дѣа выше исплнѣнъ. вѣрж враснншж. / истннѣ навчншж. цркѣвж вкрасншж. нж не съпро/ста ти а са лоутнтѣ. всѣцѣм же извъѣстнѣмъ ѡ/мъ писаннѣмъ и съказаннѣмъ съблюдашж. тако/ и еще навыкнжти и ѿ рѣнаго словесе. еше крѣа/нтѣ. ѿ на⁵⁰ бо сен глѣ лице явлѣеть. тако еаннѣскы/мъ сжщѣ прогласнѣмъ. нмже рѣнн сжтѣ тако ѡбра/зннн глѣн. възглашаемн. еже множ вѣдно прнмѣл/мо съпослашастса. еже ѣѣ ѿ възглашающаго. / и крѣенне поспѣважщѣ. ѿ вѣды же множ къ пове/лѣннѣноу послѡушаемолоу. нн едноу бы разанчнне глѣа/щн крѣаѣтса множ. азъ та крѣаѣж. аще бо кто / рѣтѣ зѣа Ннколаа. а Ннколае зѣннѣмъ ѣѣ ѿ мене/ не съгрѣшаеть. правостнж слово ѡдаеть. и / свон зѣмъ прѣдѣставлѣеть. снрѣтѣ. еже крѣаѣ // (fol. 4v.) вса по еаннѣскомоу словж. всн нашн прнлѣплѣж/т са фнлософн. еже мно вѣдно слоушастса. е/да лице явлѣеть и дѣнство. лице же явлѣж / въ безаконна не влѣѣщаемса. и пакуы. смотр(ѣ)⁵⁰/тн побаетѣ. что рѣ чннѣ и зставѣ. и крѣаѣт(ѣ) / стѣл глѣа снще. всѣко бо грѣтѣскын стѣл крѣаѣт(ѣ)/тѣ. и такж нматѣ мѣслѣ⁵¹ и любовѣ. тако крѣаѣт(ѣ)тѣ. снрѣтѣ крѣаѣеть тако лѣвѣ слоуга. слоужнтѣ бо/жѣствнѣноу крѣеннѣноу. аще лн крѣаѣж слоужнтѣ / и прѣданын ѿ лѣа зставѣ и чннѣ глѣа съхранѣ/тѣ. и вѣрж не подражѣеть. не разѣражѣж же н/справленна вещь стронма тако рѣноу бы. и пакуы. / въ словесн еже ѿ Прѣтчн рѣнѣмъ. на срѣдѣж нзнѣстн нѣ вѣдно. азъ крѣаѣж ва възпнжннмъ. лѣпше / же патѣ смотрнтн зѣмъ лежжщнн въ словесехъ е/го. азъ крѣаѣж вы рѣ въ водѣ. азѣжтѣ⁵². равно ра/въ есмъ и побенѣ стрѣтѣмн. градѣтѣ крѣпаѣн / мене. тон вы крѣнтѣ дѣомъ стѣмъ и огнемъ. е/же бо азъ смѣренѣномыслѣнож волеж рѣ. тако бжн/нмъ писаннѣмъ нзнѣснтса. такоже и Авраамъ / възлюбелѣннн влѣѣ. азъ есмъ рѣ земѣ и пепель. и / вѣоуѣѣ. азъ ѣмъ чрѣвь а не члѣвкъ. рабскы смѣ/ренѣ. ѿ члѣвкъ же азъ възглашаж. ѿ ба⁵³ же. фѣ/ствнне его и влѣѣство явлѣеть. тако еже азъ / збнж и жнтн створж. азъ есмъ снн. азъ даж фа/раоноу Оуафрнн. и црѣтво егѣпетѣско. ѡдано / въ ржцѣ врагомъ его. и лѣс. се азъ посналаж вы ш/ко овца посрѣ влѣвкъ. и азъ есмъ свѣтъ мнрѣ. / и пакуы. азъ есмъ свѣтъ и истннна. и многа тако/ва лежжтѣ въ бжтвнѣмъ писаннн. и нмашѣ/моу разѣмъ не зѣѣгнетѣ смѣшленне. нж не / Нѣванѣноу крѣенне крѣаѣемса. еда како помѡ/(fol. 5r.)аннса. тако [ѡ]⁵³... ого⁵⁴...а и т[р]⁵⁵.../аша чнщенна. въ сврѣшено творное...⁵⁶ <крѣ>/шенне крѣаѣемса. намн бо еже по нменн възгла/шаемѣо не помѣшленна ѣѣ смѣренѣномыслѣна. / и не тѣщелавна. и съкрѣшена на мнозѣ тако ѿ / бжтвнаго Авраамн. тако ѿ поустыннаго Нѣвана и ннѣ тако сказано ѣѣ. нж надѣжщннмса на / на. и повелѣважщннмъ фѣскы. и не рабскы смѣре/нѣ. и пакуы. еже крѣаѣтса глѣа ѡ себѣ нстазанѣ / въ блѣго видѣнне прнводнтѣ зѣмъ. глѣтѣ бо стѣл крѣаѣтса рабѣ бжнн множ хѣдѣмъ. множ недѡн/нмъ. на слоужѣв бжтвнаго крѣенна. тако ѡва/вленоу бы стѣнн влѣко. прочѣтѣнож ннѣ млтѣвож. юн / же зачало. млѣдын и млтѣвын бѣ. надежѣ рѣ. и въ/ѡбразн лѣа твоего въ хоташннмъ породнтн са / х[в]дѣстнж моеж. не рѣ велнкын вселенѣн / свѣтннннж его же азъ хошѣ породнтн. нж смѣ/ренѣнословѣ. рѣ. хѣдѣстнж моеж. нмашѣ же велн/каго Васнана сказѣжщн тн. ѡвавлѣемѣо мно/ж еже крѣаѣтса глѣа. тако не нжжѣа нн вѣда. са/мѡволенно же и благовѣмно прнметѣтѣ крѣенне хотѣа/н крѣнтн са. явлѣжщѣ же и крѣаѣемолоу любовѣ / и дѣнство. ѿ крѣнтнкъ бо нѣчннн нжднмн вѣхж / крѣнтн сѡ по обытѣю нѣ. и ѿ Маннхѣн. явѣ тако / и ѿ

⁵⁰ Заглавная буква в ркп.

⁵¹ Так в ркп.

⁵² Так в ркп.

⁵³ Далее утрачено 1—2 буквы.

⁵⁴ Далее утрачена часть строки.

⁵⁵ Конец строки утрачен.

⁵⁶ Конец строки утрачен.

єдномыслѣнникъ ѿ авлаѣж же стѣлѣ прѣсто/жницѣ коумоу. нже и послоуши наричатса хотѣ/нноу
 крѣтити са волашаго. кемоу же ѿ того въ врь/ма оглашенна его навъиче. тако шрѣса сотоны. / и всеа
 слоужбы его. и шбѣща са лѣоу. по въпроше/нни и швѣтѣ всего шбѣщанна. нзвѣстна / и потрѣбѣнѣша.
 тако са. крѣщѣтса въ сжци / нма рекъ. авѣ тако безъ всекож вѣды и нжѣа // (fol. 5v.)
 57...ож[ε]⁵⁸ ...присѣнѣншии ѿ / <в>ѣща.ж. и нзвѣ[с]тѣнѣншии ска/занин⁵⁹ ѿ вѣтнаго писа-
 нна. смотрѣнвно ви/жѣ еже ѿ стѣлѣствѣ кннги. велнкаго Дниоши/сна Арсѣпагита. въ патѣн главѣ.
 надеже/ ѿ стѣлѣствѣ съврѣшенни. високо вѣщаеть. / Не⁶⁰ пѣбаеть са стѣлю самодвнжно сѣнѣнныа /
 слоужбы и слоуженна. нж бѣи сна възложити. и/же самодвнжно нѣно и стѣлно сѣнодѣнствоу/еть.
 тако бо и Мосни законодавецъ. браѣ свое/го Арона. не на стѣлско съврѣшенне прнводѣ/ше. аще не би
 прѣвѣе стѣлское съврѣшенне / прналь. и помалоу рѣ. тако бо и лѣ прѣвыи стѣлѣ. / не себе прослави.
 нж главныи к немоу ты еси. / Іерен⁶¹ въ вѣкъ по чинноу Мелхиседекѣоу. и сего раѣ / шѣвѣн его. нбо
 началномоу дѣовн. прѣвостѣл/наа слоужба сѣнѣно възложена бы. поржѣа в/чнкмѣ своимѣ. Нкѣрма
 не ѿ лжѣтн са. нж жѣ/тн шбѣтованна шѣа. еже слышасте ма. тако / вы крѣтити са дѣомѣ стѣлѣ :
 Блажнныи⁶² же Иова / Златостын. въ словесн еже ѿ сен бесѣдѣ / створн. дѣанна апѣлскаа съповѣ-
 даж. сицѣ / рѣ. не рѣ бо лѣ. азъ крѣта ва дѣомѣ стѣлѣ нж крѣ/стнте са. оуѣа на сѣрѣно быти. нбо
 тѣ вѣ / крѣщѣан. тако Прѣтѣа рѣ. тон. сиѣрь. лѣ крѣтитѣ на. / Авне⁶³ же вниж прнѣмѣ велнкын Баснне.
 и сѣрѣреннн оуѣа на. крѣщѣтса велнтѣ нма рекъ. ѿ хв/достн моеж. ѿ мене недѣннаго. а еже тацнн/
 гѣн нзвытѣно съзнаемоу нзвѣстнемѣ...⁶⁴ /ми сжтѣ. ѿ многа мало нѣто и потрѣбно събрав/ше
 нзвѣстно нмамы сказати. рѣ бо лѣ. вѣчннкомѣ своимѣ. нже вѣрж ндетѣ. и крѣтитса...

⁵⁷ Начало строки утрачено.

⁵⁸ Далее утрачена большая часть строки.

⁵⁹ Далее зачеркнуто слово шѣщѣа, написанное по ошибке.

⁶⁰ Заглавная буква в ркп.

⁶¹ Заглавная буква в ркп.

⁶² Заглавная буква в ркп.

⁶³ Перед словом в рукописи стоит крест. Оно написано с заглавной буквы.

⁶⁴ Далее утрачено 3—4 буквы.

б) Сербия

КАКИЕ «МНОГИИ ЗАКОННЫЕ КНИГИ» ПЕРЕПИСАЛ В 1219 Г. СВ. САВВА СЕРБСКИЙ?

В исследовательской литературе на протяжении столетия (кон. XIX — кон. XX вв.) высказываются разноречивые суждения по поводу упоминания в гл. 16 пространного жития прп. Саввы Сербского Доментиановой редакции (не исключено при этом, что опосредованно оно является свидетельством русско-сербских культурных связей на рубеже XII—XIII вв.). Там говорится, что после поставления в архиепископы, по пути из Никеи в Сербию, Савва остановился в Салониках, «и тако иде в манастирь свои Филокаль, идеже имеше испрѣва пребывание..., и ту пребывъ, елико хоте, и книги многии преписа законные о исправлении вере, их же требоваше съборнаа ему цркъвы...»¹. Суть вопроса заключается в том, что понимать в данном случае под «книгами многими... законными» — несколько списков Номоканона с толкованиями («Святосавской кормчей»), предназначенных для вновь учреждаемых кафедр автокефальной Сербской церкви (в соответствии с их числом?), или же ряд списков разных церковно-юридических и/или канонических сборников (включая сюда, разумеется и Кормчую)? Публикаторы новейшего издания жития склонны, кажется, к первой из точек зрения, во всяком случае, в комментарии к данному пассажи фигурирует только Кормчая с толкованиями². Напротив, еще в 1898 г. А. И. Соболевский выдвинул гипотезу, что в упоминаемом известии речь идет не только о Кормчей св. Саввы, но и об известной по русским спискам начиная с раннего XV компиляции под названием «Книги законные», включающей, в частности, перевод византийского «Земледельческого закона»³. Исследователь отмечал в статье древность языка и южнославизмы перевода компиляции и близость изложения содержания ряда статей к Святосавской Кормчей, что наряду с названием дало ему основание предположить связь «Книг законных», известных на Руси, с упоминаемыми в сочинении Доментиана. Аргументация Соболевского была разобрана В. Чоровичем при подготовке издания сочинений св. Саввы и вполне обосновано признана им недостаточно убедительной⁴. Дополнительным (хотя и не имеющим решающей силы) аргументом против атрибуции Соболевского служит существование сербского перевода «Земледельческого закона», независимого от предшествующего перевода «Книг законных»⁵ и содержащегося в хиландарской рукописи № 466, датируемой 1420—1430-ми гг.⁶ Сравнительно недавно сербский ученый Д. М. Калезич предположил, что в рассматриваемом пассаже речь может идти не только о Кормчей, но также и о кратком епитимийном Номоканоне⁷, подоб-

ном изданному в 1874 г. И. В. Ягичем⁸. В гипотезе есть свой определенный резон, поскольку еще ранее на возможную связь этого епитимийника с архипастырской деятельностью св. Саввы указывали в связи с сербским обычаем «крестной славы» (не приводя, впрочем, аргументов) Р. Груич⁹ и Д. Богданович¹⁰. К сожалению, и Калезич ограничивается соображениями самого общего характера (типа того, что св. Савва был крупнейшим сербским канонистом и литургистом в XIII в., и если не он, то кто же?). Допуская возможность участия св. Саввы в составлении или редактировании краткого епитимийного Номоканона, более уместным представляется, однако, датировать его создание уже после поставления сербских епископов на кафедры, возможно, в связи с обличением богомилов после повторной коронации Стефана Первовенчанного, упоминаемым в Феодосиевом житии святого¹¹.

Если же отвлечься от уже высказанных гипотез о возможном содержании «Книг законных» в Доментиановом житии св. Саввы Сербского, придерживаясь при этом точки зрения, что речь в нем идет не только о Номоканоне с толкованиями, то наиболее вероятным кандидатом на эту роль оказываются Пандекты Никона Черногорца в древнейшем (восточнославянском) переводе, точнее, та их сокращенная разновидность, которая представлена несколькими сербскими списками конца XIII — третьей четверти XIV в.¹² Значимость и объем церковно-юридической части этого сборника не вызывает сомнений¹³. В то же время памятник несомненно был известен сербским книжникам (и в их числе первому сербскому архиепископу) не позднее первой четверти XIII в. На это однозначно указывает послание («светование») «старца Святой горы» Иоакима ученику св. Саввы Сербского игумену Студеницкого монастыря Спиридону, содержащееся в конвое двух списков Пандект (РНБ, Q.п.I.27 и Ф.п.I.121) и включенное в их архетип непосредственно этим последним («им же уставлено бысть си zde»)¹⁴. Один из вариантов наименования Пандект в славянской традиции — «Толкование заповеди Господне»¹⁵ — вполне заслуживает того, чтобы определить памятник как «книги законные». Русские книжники также смотрели на Пандекты Никона как на сборник прежде всего церковно-юридический (несмотря на обилие в них литературных текстов, уже в XII в. послуживших источником учительной части Пролога)¹⁶. Как убедительно показала недавно Л. В. Мошкова, Пандекты Никона Черногорца¹⁷ (возможно, в сочетании с другим произведением того же автора — Тактиконом) именуются «правилами» наравне с различными редакциями и списками Кормчей книги при указании источников в Кормчей Вассиана Патрикеева¹⁸. При этом в Сербии XIII в. Пандекты, являвшиеся (наряду с дисциплинарной частью Хиландарского и Студеницкого уставов Св. Саввы) своеобразным регулятором монастырской жизни, вполне могли восприниматься как эквивалент Кормчей, предназначенный для обителей, не являвшихся кафедральными. Центрами епархий новоучрежденной автокефальной церкви в силу особенностей исторического развития страны долгое время были не малочисленные города, а именно монастыри, но при этом далеко не все из них были центрами епископий¹⁹. Возможно, с деятельностью св. Саввы и его ближайшего окружения следует связывать создание особой сербской версии Пандект Никона Черногорца, существенно сокращенной за счет учительных и патериковых статей и тем самым приближенной по составу к Кормчей²⁰. Сле-

дует, однако иметь, в виду, что сербская традиция древнейшего перевода Пандект (при общей тенденции к сокращению) неоднородна, разные их списки имеют не одинаковое число глав. Списки РНБ, Ф.п.І.121 (единственный полный) и Q.п.І.27 (оба бесспорно связанные архетипом с окружением св. Саввы) содержат 45 «слов» (1—38, 51—57)²¹, опубликованный хиландарский (привлеченный к изданию вполне случайно — только из-за наличия у публикаторов его микрофильма) дефектен (обрывается на «слове» 32-м, разделом «Того ж (Иоанна Златоуста. — А. Т.) от епископии к Филиппийцам»)²², в оглавлении Плевальского списка значится 31 «слово»²³. Поэтому выводам о принципах и исторических обстоятельствах сокращения должно предшествовать сопоставление дошедших сербских списков Пандектов.

Примечания

¹ См. последнее издание текста: *Доментијан. Житије светог Саве* / Предговор, превод дела и комент. Л. Лухас-Георгиевска; издање на српскословенском — Т. Јовановић. Београд, 2001. С. 212. Следует заметить при этом, что в более поздней (кон. XIII — нач. XIV вв.) редакции жития св. Саввы, созданной учеником Доментиана иеромонахом Феодосием и содержащей во многих случаях большее число исторических подробностей, эпизод с перепиской книг отсутствует, говорится лишь, что св. Савва «книги законные с собою возьмь... в землю людей своих шьствие творить» (*Теодосије Хиландарац. Живот светог Саве* / Издање Ђ. Даничића, приреднио и предговор написао Ђ. Трифуновић. Београд, 1973 (репринт изд.: Живот светог Саве. Написао Доментијан / Трудом Ђ. Даничића. У Биограду, 1860). С. 136).

² *Доментијан. Житије...* С. 470—471. Надо заметить, что данная точка зрения вполне имеет право на существование, поскольку (хотя в комментарии это и не отмечено) далее в тексте жития «книги законные» упоминаются еще раз именно в связи с поставлением св. Саввой епископов на кафедры («И расписавь страны отчъства своего, и посла кождо их в енорию свою... и предавь комуждо книги законные...») — Там же. С. 224; ср.: «От ученикь своих, их же достоины и подобны знаше, и кождо стране апостольскы учителя нарицае поставляше... Дасть же имь книги законные, по преданию светыхъ апостоль и светыхъ отць исправляше учить люди в веру... И тако... въ свою страну коеждо благословивь посилаеть...» — *Теодосије Хиландарац. Живот...* С. 140—141).

³ *Соболевский А. И.* Из истории русской переводной литературы // Вестник археологии и истории. СПб., 1898. Вып. 10. С. 19—28; то же (с учетом небольших изменений в разд. 1 по изд.: *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 178—182) // *Соболевский А. И.* Труды по истории русского языка. М., 2006. Т. 2 (Статьи и рецензии). С. 208—215 (ссылки на 2-е изд.). Издание текста «Книг законных» по русскому списку: *Павлов А. С.* «Книги законные». СПб., 1885; *Литвиц Е. З., Медведев И. П., Пиотровская Е. К.* Византийский земледельческий закон. Л., 1984.

⁴ *Горовић В.* Списи светог Саве. Сремски Карловци, 1928. С. 49—50.

⁵ Новейшая работа об этом переводе (с предшествующей библиографией): *Марковић Б.* Аграрни односи у средњовековној Србији према хиландарским рукописима Землорадничког закона и Закона цара Јустиниана // Проучавање средњовековних јужнословенских рукописа / Зборник радова са III Међунар. Хиландарске конф. Београд, 1995. С. 251—258. Текст данного перевода издан Дж. Сп. Радоичичем (Зборник радова Византолошког института. Београд, 1955. Књ. 3. С. 15—29).

⁶ Краткое описание рукописи: *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 178.

⁷ *Калезић Д. М.* О могућности да је св. Сава писац номоканунца? // Проучавање средњовековних јужнословенских рукописа... С. 159—165.

⁸ *Jagić V.* Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovenskih rukopisa // *Starine*. Zagreb, 1874. Knj. VI. S. 133—146.

⁹ *Груић Р.* Црквени елементи крсне славе // Гласник Скопскога научног друштва. Скопље, 1930. Књ. 7—8. С. 35—37.

¹⁰ *Богдановић Д.* Крсна слава као светосавски култ // Гласник Српске православне цркве. Београд, 1960. Књ. 42. С. 200—207.

¹¹ См.: *Теодосије Хиландарац.* Живот... С. 144—151.

¹² В настоящее время известны списки: 1) Афон, монастырь Хиландарь, № 175, кон. XIII или рубеж XIII—XIV вв. (опубликован — см. примеч. 20); 2) Черногория, монастырь Св. Троицы близ Плевли, № 87 (13 л. из этого кодекса — СПб., РНБ, собр. А. Ф. Гильфердинга, № 78; 4 л. — Белград, Патриаршая библиотека, № 318), кон. XIII — нач. XIV в.; 3) СПб., РНБ, Q.п.1.27, кон. XIII — нач. XIV в. (Сводный каталог славяно-русских книг XIV в., хранящихся в России, странах СНГ и Балтии (СК XIV). М., 2002. Вып. 1. Прилож. 2. С. 639—641, № д47); 4) Москва, ГИМ, Хлуд. 114 (отрывок — 2 л. — защитные листы при Сборнике смешанного содержания), кон. XIII — нач. XIV в. (Там же. С. 635, № д45); 5) СПб., РНБ, Ф.п.1.121, другие части рукописи — СПб., БРАН, 24. 4. 20 (31 л.), 24. 4. 23 (5 л.); Белград, НБС, Рс 708 (1 л.), третья четв. XIV в. Дополнительные сведения об этих рукописях см.: *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения) // *Славянские литературы / XI Междунар. съезд славистов: Докл. рос. делегации.* М., 1993. С. 32, 35—36; *Он же.* «Поучение Моисея» и Сборник игумена Спиридона (новгородский памятник XII в. в контексте русско-южнославянских литературных связей) // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика / К 60-летию А. А. Зализняка.* М., 1996. С. 89—92 (см. также наст. изд.).

¹³ См.: *Максимович К. А.* Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII в. (юридические тексты). М., 1998.

¹⁴ *Турилов А. А.* Памятники... С. 89—92; СК XIV. Прилож. 2. С. 640—641.

¹⁵ См.: *Мошин В.* Ћирилски рукописи манастира Св. Троице код Плевља // *Историски записи.* Цетинье, 1958. Књ. 14, № 1—2. С. 242, № 22; Пергаменные рукописи БАН СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976. С. 175.

¹⁶ См., к примеру: *Давыдова С. А.* Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога // *ТОДРЛ.* Л., 1990. Т. 43. С. 263—281; *Прокопенко Л. В.* Источники Пролога за сентябрьскую половину года (краткой и пространной редакции) по четырем спискам XII—XIV вв. // *Словарь древнерусского языка (XII—XIV вв.).* М., 2008. Т. 8. Прилож. С. 701—762; *Она же.* Состав и источники Пролога за сентябрьскую половину года по спискам XII — нач. XV в. // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2006—2009.* М., 2010. С. 158—312; *Чистякова М. В.* Текстология вильнюсских рукописных прологов: сентябрь-ноябрь. Вильнюс, 2008. С. 241—253.

¹⁷ *Мошкова Л. В.* Кормчие особого состава // *Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА.* М., 2006. Вып. 1. Прилож. С. 458—459. Довольно показательно в этом смысле также ошибочное наименование особой русской сокращенной редакции Пандектов, известной в списках XVI в. и отличной по составу от сербской версии — «Пандок Никейский» (см. «Никонский»). См.: *Максимович К. А.* Новонайденная сокращен-

ная переработка Пандектов Никона Черногорца в списке XVI в. // *Byzantinogussica*. М., 1994. № 1. С. 136—145; *Мошкова Л. В.* Кормчие... С. 459. В данном случае невольная ошибка или же ложное осмысление писцов также заметно повышает статус книги, воспринимаемой таким образом целиком как продукт творчества вселенских церковных соборов.

¹⁸ Хотя в этом случае речь идет о другой (среднеболгарской) редакции перевода памятника, возникшей в XIV в., для его характеристики это значения не имеет.

¹⁹ См.: *Марковић В.* Православно монаштво и манастири у средњовековној Србији. Сремски Карловци, 1920 (репринт: Горни Милановац, 2002). С. 31—82.

²⁰ См.: *Die Pandekten des Nikon vom Shwarzen Berge (Nikon Černogorec) in der ältesten slavischen Übersetzung / Ed. von R. Pavlova und S. Bogdanova. Mit einem Aufsatz von R. Pavlova, aus dem Bulgarischen von R. Belentschikow.* Frankfurt am Main, 2000 (*Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen*. Bd. 6). Teil 1—2. Второй том публикации содержит восполнения по русским спискам механических утрат и редакционных сокращений хиландарской рукописи, позволяющие проследить объем и направленность сокращений.

²¹ См. примеч. 12 и 14.

²² *Die Pandekten... Teil 1.* S. 427.

²³ См.: *Цернић Л.* О атрибуцији средњовековних српских ћирилских рукописа // *Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности*. Београд, 1981. С. [374]. Сл. 22.

МИЛЕШЕВСКИЙ ПАНЕГИРИК И ГОМИЛИАРИЙ МИХАНОВИЧА — К ДАТИРОВКЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЮ ДВУХ ДРЕВНЕЙШИХ СЕРБСКИХ СПИСКОВ ТОРЖЕСТВЕННИКА ОБЩЕГО

В литературе, посвященной истории древнейшего славянского Гомилиария, присутствует мнение¹, что два исключительно важных для его реконструкции сербских кодекса — получивший известность только к концу XX в. Милешевский Панегирик (Черногория, Цетинский монастырь, № 50; далее — МП²) и без преувеличения хрестоматийный Гомилиарий Михановича (Хорватия, Загреб, Архив ХАЗУ, Шс19, далее — ГМ³) — могут являться частями годовых комплектов Торжественника общего (содержащего как минейные, так и триодные чтения), переписанными в одном крупном (по всей вероятности, королевском или архиерейском) скриптории. Оснований для подобного предположения вполне достаточно. Обе рукописи современны друг другу (датируются в литературе с некоторыми колебаниями около рубежа XIII—XIV вв.⁴), следуют одним и тем же правописным нормам⁵, в отношении содержания охватывают в совокупности (насколько можно судить при существующих лакунах в МП и ГМ⁶) все важнейшие праздники неподвижного и подвижного календарных циклов. Оба кодекса имеют близкие размеры листов: МП 31,7 × 24 см (площадь текста 23 × 17 см), ГМ — 32,7 × 23 см (площадь текста 24,1 × 17 см). Текст в обоих случаях написан в 2 столбца. Заметно отличается только число строк на странице — 28 в МП и 35—36 в ГМ, однако само по себе это не имеет, разумеется, определяющего значения при решении вопроса их происхождения. Известные отличия наблюдаются и в иллюминации рукописей (например, в МП отсутствуют маргинальные украшения-указатели при заголовках, имеющиеся в ГМ⁷), но это также не может быть отнесено к приметам первостепенной важности.

При этом попыток атрибутировать рукописи МП и ГМ определенным писцам (известным по имени, либо анонимным) до самого последнего времени, насколько я знаю, не было⁸, равно как и не было сопоставления письма рукописей между собой. Почерк МП до сих пор, насколько известно, не репродуцировался⁹, тогда как ГМ свыше полувека назад издан полностью фототипически¹⁰, не говоря уже об отдельных репродукциях¹¹.

Даже при беглом сопоставлении почерка МП с обоими почерками ГМ становится ясно, что речь не может идти об отождествлении писцов этих кодексов. Гораздо более продуктивным оказывается поиск аналогий за пределами данной пары рукописей.

Первый писец ГМ, как недавно удалось установить¹², надежно отождествляется с монахом Николой, который, «быв игумен светые лавры Студеничские»¹³,

переписал в 1329 г. большеформатное пергаменное Евангелие апракос полный, хранившееся до начала XX в. в библиотеке монастыря Св. Павла на Афоне¹⁴. Ему же с уверенностью могут быть атрибутированы еще два пергаменных кодекса — Евангелие тетр из старого собрания Народной библиотеки Сербии, № 102 (45 по каталогу Л. Стояновича), обнаруженное недавно в одном из собраний г. Эрфурта (ФРГ) А. Ю. Чернодаровым¹⁵, и том, включающий Евангелия от Луки и от Иоанна (Печ, № 1)¹⁶. В качестве книгописца Никола (не говоря уже о том, что какое-то время он являлся настоятелем Студеницы, где лежали мироточивые мощи св. Симеона Сербского) был связан с самыми верхами сербской церковной иерархии. Евангелие 1329 г. он начал писать по заказу архиепископа Даниила «оу Светых Апостолехъ оу Пеке оу Ждрелу», а завершил эту работу «въ епископии Сръбскаго Дьбра» для епископа Николы¹⁷ (о причинах смены заказчика и переезда книжник не сообщает). Таким образом, атрибуция ему первого почерка ГМ вполне подтверждает высказанное в литературе мнение о связи кодекса с крупной книгописной мастерской.

Второй писец ГМ продолжает оставаться анонимным, однако в последнее время обнаружился еще один образец его продукции. Речь идет о пергаменном листе сербской рукописи из собрания П. П. Вяземского (РНБ, Вяз. 124/6а), к последнему владельцу он попал от С. Верковича¹⁸. Почерк отрывка несомненно отождествляется с почерком второго писца ГМ¹⁹, и по содержанию это отрывок неустановленной гомилии, вероятнее всего, на Рождество Христово²⁰. В сочетании с кодико-логическими признаками (размер листа примерно 31,3 × 22 см, площадь текста приблизительно 24 × 17 см²¹, 35 строк в 2 столбца на странице) отрывок РНБ, Вяз. 124/6а может с полным основанием претендовать на роль остатка второго (а точнее, первого — осенне-зимнего) тома ГМ. Возможно, происхождение отрывка Верковича-Вяземского из Пшинского монастыря²² проливает свет и на судьбу и местонахождение кодекса самого ГМ (по крайней мере, в XIX в.).

В свою очередь писец МП при ближайшем рассмотрении оказывается лично-стью в истории сербского книгописания времени короля Милутина (1282—1321) ничуть не менее (а, пожалуй, и более) значительной, чем Никола, в особенности принимая во внимание, что последний — главным образом по причине гибели евангельского кодекса 1329 г. — был основательно забыт исследователями²³. Почерк МП вне всяких сомнений отождествляется с письмом так называемого «Евангелия дьяка Бунила» (Афон, Хиландарь, № 23)²⁴, одного из трех сербских евангельских кодексов, содержащих в качестве предисловия стихотворный «Проглас» Константина Философа²⁵. В письме хиландарского Евангелия и МП совпадают до мелочей начерки всех букв²⁶, форма титл и надстрочных знаков.

При этом отождествление почерка хиландарского Евангелия № 23 и МП имеет немаловажное значение не только для второго, но и для первого, поскольку выясняется, что сведения о нем в литературе (в частности, о датировке и о писце) страдают существенными неточностями. Не будет преувеличением сказать, что Евангелие Хил. 23 в последней четверти прошлого века пало жертвой исследовательского стремления к предельно точной датировке (далеко не всегда достижимой для пергаменных рукописей²⁷), явившегося, в свою очередь следствием широкого

распространения методов филигранологического датирования рукописей XIV столетия (и также в предельно узких хронологических рамках).

До второй половины 1970-х гг. хиландарское Евангелие с «Прогласом» принято было датировать XIII в.²⁸ В изданном в 1978 г. каталоге хиландарских рукописей Д. Богданович сузил датировку кодекса до третьей четверти этого столетия²⁹. Там же он связал написание рукописи (хотя бы частично — «бар и делимично») с дяком Бунилом, оставившим запись в нижней части л. 209³⁰. К сожалению, при этом в альбоме была помещена не страница с этой припиской — автографом Бунила, а довольно стандартный снимок начала «Прогласа» (л. 2). В сочетании это не могло не производить впечатления, что репродуцируется именно почерк этого дьяка.

Несколько лет спустя исследователь вновь обратился к этому Евангелию в статье, посвященной истории кириллического письма в Сербии в XI—XV вв.³¹ Здесь была повторена та же датировка, с уточнением — «ближе к 1280-м гг.». Подкрепленная безусловным исследовательским авторитетом Д. Богдановича, она получила распространение в позднейшей литературе³².

Между тем запись Бунила (не имеющая, как уже сказано, фотовоспроизведения)³³ при внимательном прочтении порождает ряд вопросов, неразрешимых в рамках предложенных Д. Богдановичем датировки и атрибуции почерка. Привожу ее в упрощенной орфографии и с модернизированной пунктуацией: «Коньць Богословцоу и еуангелию 11 вскрсьномуу. Рабь Христовь дякъ Боунило написахь синаксарь речью господина митрополита Дамияна. Да аше что и прегрешено — пращайте, а не кльните, ере не³⁴ писань типик едънга³⁵ посреде, нь се после приписа, да гледай добре». Из записи явно следует, что Бунило написал не всю рукопись, а «приписал» к уже готовому кодексу («после») некий «синаксарь» или «типикь». И этот «синаксарь» («типикь»), по логике вещей, не может быть отождествлен с обычно именуемыми так месяцесловом³⁶ или указателем чтений триодного цикла, поскольку запись об окончании работы над ним предшествует в кодексе месяцеслову (соответственно лицевая и оборотная сторона л. 209). Не придав должного значения Д. Богданович и митрополичьему сану заказчика, между тем этот архиерейский титул получает в сербской церкви распространение только с учреждением патриаршества (1346 г.)³⁷ и посему служит важным датирующим признаком хотя бы для установления нижней хронологической границы³⁸. Поэтому после отождествления почерков МП и Евангелия Хиландарь, № 23 возникла насущная необходимость разобраться с числом писцов последнего и объемом работы каждого из них³⁹. По моей просьбе коллега Снежана Елесиевич посмотрела микрофильм «Бунилова Евангелия», находящийся в Археографическом отделении НБС в Белграде⁴⁰, и в результате выяснилось следующее.

Основная часть рукописи написана двумя писцами, ни один из которых не может быть отождествлен с Бунилом. Текст, предшествующий записи Бунила на л. 209 (окончание Евангелия от Иоанна) и следующий за ней на обороте (месяцеслов), написан одним почерком 2-го (основного) писца кодекса, несомненно отличным от почерка приписки. Эта разница заключается не только в заметных полууставных элементах (например, высокое Т), присутствующих в письме последней и, в принципе, не служащих препятствием для отождествления. Дьяк

Бунило употребляет начертания ряда букв, отсутствующие в письме собственно Евангелия — широкие варианты Е и О (последнее — со штришком-«засечкой» в плоском основании буквы), З с хвостом в форме пологой дуги разной длины (порой очень короткой), Р с достаточно длинным и толстым, почти вертикальным, хвостом, достаточно широкое У, по начертанию представляющее соединение С и узкой «стигмы». Почерк Бунилы — в полном соответствии с содержанием его записи — в основной части кодекса отсутствует. Им выполнены исключительно литургические указания на полях рукописи⁴¹ (имевшей до этого только разбивку на «аммониевы главы»), отмечающие приуроченность чтений к дням минейного и триодного циклов церковного календаря. Это объясняет одновременно и значение, которое Бунило вкладывал в понятия «синаксарь» и «типикъ»⁴², и кажущуюся скромность его самооценки как писца. Графические особенности почерка Бунилы (в особенности употребление широкого Е и широкого (не «очного») О) не соответствуют традиционной датировке кодекса, но вполне согласуются с упоминанием в записи митрополита (не ранее середины 1340-х гг.)⁴³. Таким образом, дяк Бунило должен быть безусловно исключен из числа сербских книгописцев XIII в., а следы его деятельности нужно искать в рукописях второй — третьей четверти XIV столетия.

Что же представляют собой писцы самого кодекса Хиландарь, № 23? Первый отождествляется с попом Георгием, приписавшим на л. 242—242 об. обязательство хвостненскому епископу⁴⁴. Им, помимо этого, написаны два небольших текста вспомогательного характера — разрешительная молитва на л. 1—1 об. и указатель воскресных Евангелий и апостольских чтений на л. 241—241 об. С большой степенью вероятности с Георгием может быть отождествлен также писец первого экземпляра грамоты краля Милутина хиландарскому пиргу Хрусия с подтверждением архиепископа Саввы III (Архив Хиландаря, 139/141), датированной предположительно концом 1313 г.⁴⁵ или 1313—1316 гг.⁴⁶

Это обстоятельство заставляет датировать кодекс Хиланд. 23 концом XIII — первой третью XIV в. и рассматривать его в круге памятников сербского книгописания эпохи Милутина⁴⁷.

Сейчас, после исчезновения «фантома Бунилы», ситуация с основным писцом хиландарского Евангелия № 23 и датировкой кодекса (и, соответственно, МП) приобретает вполне определенный характер. Становится ясно, что этот писец с полным основанием может быть отождествлен с одним из самых прославленных и продуктивных книгописцев эпохи короля Милутина — дяком Георгием Радославом⁴⁸. Последний известен в литературе прежде всего как писец Евангелия тетр (Хиландарь, № 23)⁴⁹, изготовленного в 1316 г. по королевскому заказу для Карейской келии св. Саввы, но помимо этого ему к настоящему времени атрибутирован еще ряд рукописей и их отрывков⁵⁰. Соответственно, это: 1) Евангелие тетр начала или первой четверти XIV в. (Афон, Пантелеймонов монастырь, Слав. 2; 2 л. из рукописи — Москва, РГБ, собр. В. И. Григоровича, № 12. II / М. 1694. II)⁵¹; 2) То же, отрывок (52 л., окончание Евангелия от Луки и начало Евангелия от Иоанна). Первая четверть (треть?) XIV в. (Афон, Зограф, № 51; старый — I, д. 4)⁵². 3) То же, отрывок (1 л. из Евангелия от Луки). Первая четверть (треть?) XIV в. (Пловдив,

Народная библиотека «Иван Вазов», № 140)⁵³. 4) Грамота Милутина и Драгутина монастырю св. Стефана в Баньской, ок. 1318 г. (Стамбул, библиотека Серала)⁵⁴. К сожалению, хотя Радославом написано в общей сложности 6 кодексов, опорными при датировке могут служить только два из них, практически современные друг другу — Карейское (Милутиново) Евангелие и Святостефанский хрисовул (Баньская грамота). Поэтому уместно датировать его книгописную деятельность в радиусе от рубежа 1280—1290-х гг. до начала 1340-х.

Таким образом, в результате атрибуций почерков 1-й писец ГМ и основной писец МП оказываются вполне современными друг другу⁵⁵ книгописцами примерно равного (и при этом очень высокого) статуса, которые при определенных условиях, вероятно, могли работать совместно либо по общему заказу. Однако для дальнейших допущений нет достаточных оснований, учитывая ограниченность наших знаний об организации работы и деятельности в целом сербских (и кириллических вообще) скрипториев на рубеже XIII—XIV вв., за исключением окказионального характера книгописания и ведущей роли (судя по данным ономастики) мирян и представителей белого духовенства в нем⁵⁶ (игумен Студеницы Никола составляет в этом смысле довольно редкое исключение). Нельзя ничего с уверенностью сказать и о том, для каких храмов или монастырей предназначались эти торжественники⁵⁷, поскольку бытование рукописей не прослеживается далее середины XIX в.

При этом из наблюдения о высоком статусе писцов ГМ и МП, связанных с королевским и архиепископским дворами⁵⁸, следует непротиворечивый вывод, не имеющий отношения к палеографии и кодикологии, но достаточно важный для истории церковной и культурной жизни Сербии в рассматриваемый период. Не будет насильем над фактами предположить, что в Торжественнике подобного состава (во всяком случае минейной его части⁵⁹) мы имеем дело с одним из двух основных типов гомилиария (вторым являлось, очевидно, Учительное Евангелие, составленное Константином, епископом Преславским⁶⁰), употреблявшихся в Сербии в XIII — первой половине XIV в. (до начала широкого распространения Иерусалимского устава) в кафедральном соборном богослужении.

Примечания

¹ *Иванова Кл.* Неизвестни преписи от творби на Климент Охридски в книгохранилищата на Югославия // *Palaeobulgarica*. 13. 1989. № 4. С. 53—55; *Она же.* *Bibliotheca hagiographica balcano-slavica*. София, 2008. С. 159—160.

² Описание рукописи см.: *Capaldo M.* Contributi allo studio delle collezioni agiografico-omiletiche in area slava. Struttura e preistoria del «Panegirico di Mileseva» // *Europa Orientalis*. 8. 1989. P. 209—252; *Момировић П., Васильев Љ.* Тириличке рукописне књиге Цетињског манастира. XIV—XVIII в. Цетиње, 1991. С. 199—200; *Иванова Кл.* *Bibliotheca...* С. 159—160.

³ Описание см.: *Mošin V.* *Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije*, 1 (Opis rukopisa). Zagreb, 1955. S. 95—100 (№ 49).

⁴ *Ibid.* S. 95—96; *Иванова Кл.* Неизвестни преписи... С. 53 (кон. XIII — нач. XIV в.); *Она же.* *Bibliotheca...* С. 159 (то же); *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI—XVII в.). Београд, 1982. С. 77, № 1037—1038 (датировки, соответственно, посл. четв.

XIII и кон. XIII — нач. XIV в.); *Capaldo M. Contributi...* P. 210 (кон. XIII или нач. XIV в.); *Момировић П., Васиљев Љ.* Тириличке рукописне књиге... С. 199 (кон. XIII — XIV в.).

⁵ Ср.: *Mošin V. Ćirilski rukopisi...* S. 95; *Capaldo M. Contributi...* P. 211.

⁶ Об утратах в рукописях см.: *Mošin V. Ćirilski rukopisi...* S. 96; *Иванова Кл.* Цикл великопостных гомлий в гомилиарии Михановича // ТОДРЛ. 32. Л., 1977. С. 219—234; *Она же.* Неизвестни преписи... С. 53—54; *Capaldo M. Contributi...* P. 234—241; *Момировић П., Васиљев Љ.* Тириличке рукописне књиге... С. 199.

При этом в статьях 1989 г. К. Ивановой (с. 53) и М. Капальдо (р. 211) высказывалось осторожное предположение, что фрагмент МП, изъятый из кодекса (согласно записи на л. 94 — см.: *Момировић П., Васиљев Љ.* Тириличке рукописне књиге... с. 200) в 1893 г. жичским епископом Никанором Ружичем для Библиотеки Сербской академии наук, в реальности может находиться в Патриаршей библиотеке в Белграде. Определенным основанием для этого служило указание «Инвентара» Д. Богдановича (с. 42, № 406) на наличие в этом собрании под № 318 отрывка (4 л.) «Златоуста», датируемого концом XIII — началом XIV в. В позднейших работах данный отрывок не фигурирует, из чего следует, что исследователи, по всей видимости, установили (хотя бы на основании явной разницы кодикологических характеристик — размеров листов и того обстоятельства, что фрагмент, в отличие от кодекса, написан в один столбец), что он не имеет отношения к МП. Чтобы расставить точки над *i*, следует сказать, что наименование отрывка Патриаршей библиотеки № 318 «Златоустом» является недоразумением. По содержанию это Пандекты Никона Черногорца (отрывок слов) в древнейшем (восточнославянском) переводе, при этом листы вне всякого сомнения происходят из кодекса, основная часть которого находится в Троицком монастыре близ Плевля (№ 87) в Черногории (определение содержания и атрибуция автора этих строк), а 13 л. в собрании А. Ф. Гильфердинга (№ 78) в Российской Национальной библиотеке в Петербурге (эти две части кодекса были отождествлены еще 30 лет назад Л. Цернич (Нека запажања о српским рукописима у збиркама Лењинграда // АП, 2. Београд, 1980. С. 364, № 14; *Она же.* О атрибуцији средњовековних српских ћирилских рукописа // Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности. Београд, 1981. С. 344—345 (Кат. 4—5), сл. 22—29). Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить коллег О. В. Ладу и Ж. Л. Левшину, предоставивших мне снимки белградского отрывка рукописи, и Р. Пилиповича, любезно проверившего размер его листов.

⁷ Ср.: *Mošin V. Ćirilski rukopisi...* S. 96; *Момировић П., Васиљев Љ.* Тириличке рукописне књиге... С. 200.

⁸ В. А. Мошин в описании ГМ (*Mošin V. Ćirilski rukopisi...* S. 95—96) в качестве аналогии первому писцу приводит письмо Иловицкой Кормчей 1262 г., не разделяя здесь двух ее писцов. Однако в данном случае речь идет не об атрибуции почерков, а лишь о датировке по палеографическим признакам.

⁹ Снимок, помещенный в описании П. Момировича и Л. Василев на с. 200 (сл. 142), судя по характеру почерка (неумелый полуустав XVIII (?) в.), содержанию и номеру листа в правом верхнем углу, к МП явно не относится. Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить Кл. Иванову, предоставившую мне образец почерка МП и тем самым инициировавшую сопоставительное изучение письма обеих рукописей, оказавшееся на редкость плодотворным.

¹⁰ *Aitzetmüller R. Mihanovic Homiliar. Graz, 1957.*

¹¹ См., например: *Mošin V. Ćirilski rukopisi...*, 2 (Reprodukcije), s. 22—23 (repr. 18—19); *Климент Охридски.* Събрани съчинения. 1, София, 1970. С. 762—765; 2, София, 1977. С. 398—403 (образцы почерка второго писца).

¹² *Турилов А.* О датировке и происхождении рукописи Гомилиария Михановича // *Slavia. Praha, 2009. Roč. 78. Seš. 3—4. S. 461—468.*

¹³ Запись писца, представляющая целое небольшое литературное произведение изда-на (с известными погрешностями в орфографии): *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. Казань, 1848. С. 18—22 (2-е изд. М., 1877 (репринт — С., 1978), с. 21—22); *Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям.* Казань, 1915. С. 63—65; *Леонид (Кавелин), архим.* Славяно-сербские книгохранилища на святой Афонской горе в монастырях Хиландаре и св. Павле // Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1. М., 1875. С. 35—36; *Он же.* Словено-српска књижница на св. Гори Атонској у манастиру Хиландару и св. Павлу // Гласник Српског ученог друштва. 44. Београд, 1877. С. 284—286. На изданиях 1877 г. Григоровича и Леонида основана (с соответствующими исправлениями) и публикация: *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи, 1. Београд, 1902 (репринт — 1982). С. 25—26, № 55.

¹⁴ Рукопись погибла в начале XX в. (1908 г.?) во время пожара, уничтожившего монастырскую библиотеку (см.: *Лауров П. А.* Палеографическое обозрение кирилловского письма. Петроград, 1914 (Энциклопедия славянской филологии. 4,1). С. 178). Отрывки кодекса, вывезенные с Афона в середине XIX в., находятся в собрании В. И. Григоровича (Москва, РГБ, ф. 87, № 11.VIII / М. 1693. VIII, 11.IX / М. 1693. IX) и в Британской библиотеке (Add. Ms 19, 393). Как части одной рукописи они отождествлены Л. Васильев (*Васильев Љ.* Три рукописных фрагмента из Лењинове библиотеке у Москви // Археографски прилози. 9. Београд, 1987. С. 32—34, 38—49) и Н. Б. Тихомировым, связь их с погибшим кодексом 1329 г. убедительно обосновал последний (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV в., хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. 1, М., 2002 (СК XIV). С. 235—237, № 117—118). Снимки почерка московских и лондонских отрывков Евангелия см.: *Djurova A., Dujcev I.* Slavonic Manuscripts from the British Museum and Library. London, 1977. Tabl. XXV; *Стефановић Д.* Палеографске белешке о старим српским и неким другим рукописима у Великој Британији // Археографски прилози. 6—7. Београд, 1984—1985. С. 102—103, сл. 11—12; *Васильев Љ.* Три рукописных фрагмента... С. 38—49.

¹⁵ Атрибуция почерка автора этих строк.

¹⁶ Почерк атрибутирован акад. Александром Младеновичем и коллегой Ясиной Неделькович, любезно указавшими мне на эту рукопись в 2008 г.

¹⁷ *Стојановић Љ.* Стари српски записи... С. 25—26.

¹⁸ На обложке имеется помета рукой последнего владельца: «...из монастыря св. Прохора Пчиньского, в 4-х часах от г. Враньи. Стефан Веркович из Сереза в Македонии». О собирательской деятельности С. Верковича и судьбе его коллекции см.: *Станојевић С.* Историја српског народа у средњем веку. 1. Извори и историографија, 1 (О изворима). Београд, 1937. С. 11, 12, 14, 103, 110, 112—114, 125—129, 133, 269, 279, 334, 353; *Кувев К.* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. 2-о изд. София, 1986. С. 102—104, 143 (с предшествующей библиографией); *Турилов А. А.* К истории второй (македонской) рукописной коллекции А. Ф. Гильфердинга // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 133—135.

¹⁹ Эта атрибуция сделана мной уже после окончания работы над статьей о датировке и происхождении рукописи Гомилиария Михановича (см. примеч. 12), где этот факт не был учтен.

²⁰ Содержание отрывка до недавнего времени неточно определялось в справочной литературе как «Беседа на Новый Завет» (см.: [Гранстрем Е. Э.]. Описание русских и славянских пергаменных рукописей [ГПБ]: Рукописи русские, болгарские, молдо-влахийские, сербские. Л., 1953. С. 101), или как «Беседа на Евангелие» (СК XI—XIII. С. 343—344, № 429). Начало и окончание связанной части текста, читающегося по краям фрагментарно, см.: СК XIV. Прилож. 1, с. 588.

²¹ Некоторая условность приводимых параметров вызвана тем, что лист пострадал от влаги и покоробился.

²² См. примеч. 18.

²³ Достаточно сказать, что он не фигурирует в перечне студеницких книгописцев, составленном Н. Синдик (*Синдик Н. Библиотека // Благо манастира Студенице* (каталог изложбе). Београд, 1988. С. 171—222).

²⁴ Образцы почерка см., к примеру: Хиландарски рукописи о постанку словенске писмености. Нови Сад, 1963. С. 1—5; *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара (Палеографски албум). Београд, 1978, репр. 10; *Ђорђевић П.* Историја српске ћирилице. Београд, 1971 (2е изд. 1987). С. 164 (сл. 39); *Турилов А. А.* Сербские отрывки XIII—XVI вв. в собрании Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне (Ч. 1: Рукописи XIII—XIV вв.) // *Археографски прилози*, 28. Београд, 2006, С. 81—83 (ил. 3—5). Недавно было установлено, что из этого кодекса происходит пергаменный лист, хранящийся в собрании Пантелеймонова монастыря на Афоне под номером Слав. 78 (Там же. С. 56—57, 67—68).

²⁵ См.: *Турилов А. А.* К изучению южнославянской рукописной традиции «Прогласа» Константина Философа // «Пение мало Георгию»: Сб. в честь на на 65-годишнината на проф. д. ф. н. Георги Попов. София, 2010. С. 348—352.

²⁶ Особенно характерным представляется начертание буквы Х, у которой толстая линия, идущая слева направо, слегка изогнута и заканчивается внизу перпендикулярной засечкой, а идущая справа налево тонкая — косым штрихом, создающим завершение, напоминающее по форме елмань сабли, либо украшена в нижней части точкой.

²⁷ Известно, что при отсутствии дополнительных аргументов наиболее надежной для пергаменных рукописей является широкая датировка, составляющая половину столетия (см.: *Зализняк А. А.* Внестратиграфическое датирование берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте, X (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000. С. 423).

²⁸ См., например: *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание сербской царской лавры Хиландаря // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 4. М., 1867. С. 119; *Дучић Н.* Старине хиландарске // Гласник Српског ученог друштва. 56. Београд, 1884. С. 111—112; *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 196; *Иванов Й.* Български старини из Македонија. 2-е изд. София, 1931 (репринт — 1970). С. 338; Хиландарски рукописи о постанку... С. [99] (послесловие Дж. Сп. Радоничича); *Ђорђевић П.* Историја... С. 86, 164; ср. также: Старобългарска литература: Енциклопедичен речник / Съст. Д. Петканова. София, 1992. С. 370.

²⁹ *Богдановић Д.* Каталог... С. 60.

³⁰ Приписка охарактеризована в каталоге как запись писца, отличающаяся от текста Евангелия только более мелким размером букв — «Запис писара..., само ситнијим дуктусом него основни текст» (Там же).

³¹ *Богдановић Д.* Развој ћирилског писма у Србији до XV в. // *Paleographie et diplomatique slaves / Славянская палеография и дипломатика*. 2. София, 1985. С. 68 (То же // *Богдановић Д.* Студије из српске средњовековне књижевности. Београд, 1997. С. 142).

³² Славянские рукописи афонских обителей / Сост. А. А. Турилов, Л. В. Мошкова; под ред. А.Э. Н. Тахиаоса. Фессалоники, 1999. С. 61, № 109; *Станчев К., Велинова В.* Проглас към Евангелието // КМЕ. 3. София, 2003. С. 336; ср.: *Турилов А. А.* Сербские отрывки XIII—XVI вв... С. 56—57, 67—68.

³³ Издана: *Стојановић Љ.* Старе српски записи и натписи. 2. Београд, 1903 (репринт — 1983). С. 404, № 4177; *Богдановић Д.* Каталог... С. 60.

³⁴ Стојановић Љ. Старе српски записи... С. 2: 404, № 4177, ошибочно: «же».

³⁵ Богдановић Д. Каталог... С. 60, ошибочно: «едьнага».

³⁶ О вариантах наименования месяцеслова в славянских рукописях Евангелий и Апостолов см. (преимущественно на древнерусских примерах): Лосева О. В. Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 24—26.

³⁷ Иречек К. Историја Срба / Превео и допунио Ј. Радонић. 2. Београд, 1978. С. 64.

³⁸ К сожалению, по другим источникам имя Дамиана неизвестно.

³⁹ Замечу, что в справочнике 1999 г. (Славянские рукописи афонских обителей. С. 61—62, № 109) я некритически повторил датировку и атрибуцию Д. Богдановича, что в известной мере объясняется характером книги (сводный каталог, составленный по преимуществу на основании печатных источников). В более поздней работе (Турилов А. А. Сербские отрывки XIII—XVI вв. ... С. 56—57, 66—68; № 2) я попытался разрешить отмеченные противоречия в рамках сведений хиландарского каталога, предположив, что рукопись написана в Скопской епархии (в древности имевшей ранг митрополии — Снегаров И. История на Охридската архиепископия. 1. София, 1924 (репринт — 1995). С. 183) после ее присоединения к Сербии (1282 г.), и соответственным образом датировать кодекс. Однако в источниках времени короля Милутина скопский архиерей носит епископский титул (см., к примеру: Мошин В. Крал Милутин според неговата биографија от Данило II, неговото «Житие по свиток» и неговата аутобиографија // Споменници за средновековната и поновата историја на Македонија. 2. Скопје, 1977. С. 354).

⁴⁰ Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить ее за это, а коллегу Владана Триича из Археографического отделения НБС за изготовление ряда снимков с микрофильма.

⁴¹ Образцы почерка собственно Бунила (литургические пометы) см.: Турилов А. А. Сербские отрывки XIII—XVI вв. ... С. 81—83 (ил. 3—5).

⁴² Обстоятельство, представляющее, на мой взгляд, несомненный интерес для исследователей средневековой сербской (и славянской в целом) лексикографии.

⁴³ Попутно следует напомнить, что датировку первой половиной — серединой XIV в. именно на основании письма литургических помет предлагал в свое время Н. Б. Тихомиров для отрывка пергаменного Евангелия тетр из собрания афонского Пантелеймонова монастыря, Слав. 78 (см.: Славянские рукописи афонских обителей... С. 70, № 134), отождествленного позднее (см. примеч. 24, 39) как часть «Бунилова Евангелия».

⁴⁴ Почерк, которым написано обязательство, отличается большей небрежностью, но основные начертания всех букв совпадают.

⁴⁵ См.: Мошин В. Монастирот Св. Никита во Скопска Црна Гора и хиландарскиот пирг Хрусија. XII // Споменници за средновековната и поновата историја на Македонија, I. Скопје, 1975. С. 324—332 (снимки грамоты (табл. 34, 35) на вклейках между с. 324—325 и 332—333).

⁴⁶ Синдик Д. Српска средновековна акта у манастиру Хиландару // ХЗ. 10. Београд, 1998. С. 117—119. Большой близостью к почерку попа Георгия (не доходящей, однако, по всей видимости, до уровня тождества) отличается также почерк грамоты 1343—1345 гг. короля Стефана Душана (Хиландарь, архив, 146/148; Свт. 9) Хтеговскому монастырю Богородицы (см.: Манастир Хиландар / Приредило Г. Суботић. Београд, 1998. С. 129—130).

⁴⁷ Предлагаемая здесь датировка «Бунилова Евангелия» вполне согласуется с наметившейся в исследовательской литературе с середины 1980-х гг. (см., например: Васильев Љ. Геометријски иницијал од средине XIII до двадесетих година XIV в. и његов палеографски значај у датирању српских пергаментних рукописа // АП. 6—7. Београд, 1984—1985. С. 131—156) тенденцией к некоторому омоложению сербских книжных почерков второй половины XIII — первой половины XIV в. по сравнению с работами предшествующего периода.

⁴⁸ Особенно показательны для сопоставления наиболее тщательно выписанные начальные листы Евангелий.

⁴⁹ Описание рукописи: *Богдановић Д.* Каталог... С. 53—54; лучшее воспроизведение почерка: Манастир Хиландар / Приредило Г. Суботић. С. 117. 1 л. из рукописи находится в собрании В. И. Григоровича (№ 11. IV / М. 1693. IV) в РГБ (Москва) — см.: СК XIV. С. 374—375, № 236.

⁵⁰ Из существующего перечня атрибутируемых ему рукописей (СК XIV. С. 371, 398) необходимо исключить Евангелие тетр РНБ, Гильф. 2. Эта рукопись датируется в реальности второй четвертью — серединой XIV в. Ошибочно также указание СК XIV на то, что эта атрибуция принадлежит В. М. Загребину (см. подробнее: *Турилов А. А.* К изучению южнославянской рукописной традиции «Прогласа»...).

⁵¹ Отождествление отрывка Григоровича и афонского кодекса и атрибуция почерка Н. Б. Тихомирова. Описание рукописи см.: *Tachiaos A.-E. N.* The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981. P. 23 (ошибочно определено здесь как Евангелие апракос — Evangelistarion). Славянские рукописи афонских обителей... С. 57, № 126; СК XIV. С. 370—371, № 232; образец почерка: *Tachiaos A.-E. N.* The Slavonic Manuscripts... tabl. [1].

⁵² Атрибуция автора этих строк. Описание и образцы почерка см.: *Кодов Х., Райков Б., Кожухаров С.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света гора. 1. София, 1985. С. 64—65, 168 (табл. 56), 234 (табл. 122); № 27; *Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света гора. София, 1994. С. 51, 196, табл. 50; Славянские рукописи афонских обителей... С. 69, № 131.

⁵³ Описание отрывка и образец почерка см.: *Станчев К.* Опис на славянските ръкописи в Пловдивската Народна библиотека «Иван Вазов», постъпили след 1920 год. София, 1982. С. 12—13, табл. 3. Атрибуция автора этих строк.

⁵⁴ Атрибуция автора (см.: *Турилов А. А.* Книжное письмо в сербских грамотах XIV—XV вв.: проблемы писцов, подлинности и датировки актов (предварительные наблюдения) // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона / Мат-лы Междунар. науч. конф. М., 2008. С. 198—199). Впрочем, это мнение поддерживается не всеми исследователями — к примеру, против такого отождествления решительно возражает проф. Дж. Трифунович, считая почерки Радослава и писца грамоты лишь сходными. Образцы почерка см., к примеру: *Борчић П.* Историја српске ћирилице. Београд, 1971 (2-о изд. — 1987). С. 283, сл. 69; *Недељковић Ј.* Наставак генитива множине именица у Светостефанској хрисовуљи // АП. 26—27. Београд, 2004—2005. С. 159—160.

⁵⁵ В этом, Впрочем, было мало сомнений и раньше (см. выше).

⁵⁶ См.: *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000 (2-е изд. — 2004). С. 130—131 (примеч. 1).

⁵⁷ Некоторые гипотезы в отношении ГМ (достаточно, Впрочем, неопределенные) см.: *Турилов А.* О датировке и происхождении рукописи Гомилярия Михановича... С. 466.

⁵⁸ Разумеется, из того факта, что Никола и Радослав работали в других случаях по архиепископскому или королевскому заказу, не следует непременно, что ГМ и МП также являются заказом представителей верховной власти, но в равной мере нельзя настаивать и на противоположном.

⁵⁹ Ситуация с триодным циклом обстоит более сложно, поскольку известны сербские списки и иных вариантов древнего гомилярия, современные ГМ и МП, таких как «Хлудовский Златоуст» (Москва, ГИМ, Хлуд. 55 — см.: *Благова Э. Я.* Значение Хлудовского сборника № 55 для изучения состава древнейших славянских гомилетических сборников //

Археографический ежегодник за 1978. М., 1979. С. 163—170) или Торжественник, помещаемый в ряде сербских пергаменных рукописей Триоди, как, например, Белград, НБС, Рс 645, 1328 г. и Рс 644, первая треть XIV в. (см.: *Иванова К.* Неизвестна редакция на триодния панегирик в състава на триода // *Старобългарска литература*. 20. София, 1987. С. 20—39). Здесь особо следует отметить, что по палеографическим признакам кодекс ГИМ, Хлуд. 55 датируется отнюдь не концом XIV в., а никак не позднее второй четверти этого столетия.

⁶⁰ Сербские списки памятника вполне синхронны ГМ и МП и даже имеют более широкий хронологический диапазон. Древнейший точно датированный (С.-Петербург, РНБ, собр. А. Ф. Гильфердинга, № 32) написан в 1286 г. Возможно, к несколько более раннему времени (третья четверть XIII в.?) относится список на бумаге в составе кодекса Вена, Австрийская Нац. библиотека, Слав. 12, л. 166—265. Младший (Афон, Хиландарь, № 385 (так называемый «Златоуст из Баньской»); 1 лист — РНБ, Ф.п.1. 89) датируется 1344 г. Кроме того, 11 бесед триодной части цикла (в соединении с поучениями Феодора Студита — см.: *Турилов А. А.* Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы // *Славянский альманах* 1998. М., 1999. С. 22, 28) включены в торжественник при Триоди Постной и Цветной конца XIII (?) — начала XIV в. — Загреб, Архив ХАЗУ, IV d 4 (описание см.: *Mošin V.* *Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije, dio 1 (Opis rukopisa)*. Zagreb, 1955. S. 215—216).

К отождествлению частей некоторых фрагментированных сербских рукописей конца XIII — XIV в.

Собиратели, исследователи и торговцы-антиквары XIX — начала XX вв. (а до них средневековые переплетчики, использовавшие старые рукописи на защитные листы) основательно позаботились о том, чтобы археографы позднейших времен не остались без работы¹. Сейчас, когда древнейший корпус славянских рукописей хотя бы в самых общих чертах учтен, думается, не менее чем на 90%, одной из насущных задач является отождествление отрывков и связанная с этим реконструкция (хотя бы частичная) фрагментированных (порою жестоко) кодексов². В ходе этого отождествления можно лишь изумляться тому, с какой причудливостью отрывки рассеялись в итоге по современным хранилищам и фондам³.

Один из самых сложных в этом отношении случаев представляет отождествление отрывков, если так можно выразиться, «вторичного отложения», длительное время служивших защитными листами (вариант почти оптимальный), обложками или покрытием переплетов других книг и рукописей (порою иноязычных), а затем извлеченных, снятых и вновь обретших статус (но теперь уже в качестве фрагментов) самостоятельных и самоценных памятников. При этом зачастую оказывается нарушенной (незафиксированной) связь этих отрывков не только с «материнским» кодексом (обстоятельства создания), но и с книгой-«мачехой» (история бытования). Тем не менее хотя бы для статистики рукописной книги подобные отождествления несомненно имеют значение, не говоря уже о том, что порой они позволяют уточнить тип книги, из которого эти фрагменты происходят.

Наибольшее число атрибуций (как разрозненных фрагментов одних и тех же кодексов, так и почерков писцов в разных рукописях), выполненных в последней четверти XX — начале XXI столетия, приходится, безусловно, на сербские рукописи⁴. Этому, несомненно, способствовало сочетание ряда обстоятельств. Во-первых, это общая численность сербских рукописей (вкуче с отрывками) XIV в. (большинство атрибуций по не вполне понятным причинам⁵ приходится на рукописи именно этого столетия), по существу равная совокупности болгарских и русских⁶. Во-вторых, весьма большое число публикаций образцов почерков сербских рукописей сравнительно с другими кириллическими, позволяющих делать отождествления, не обращаясь непосредственно к кодексам (едва ли не большинство атрибуций, предложенных в данной работе, сделано таким образом). И, наконец (последнее по очередности, но не по значимости), неустанная деятельность в этом направлении именно сербских ученых — учеников и последователей В. А. Мошина⁷.

Единственной «негативной» стороной подобных отождествлений является значительное сокращение числа реально сохранившихся рукописей (например, в нашем случае с 25 (или с 23, учитывая предшествующее отождествление Н. Б. Тихомирова в отношении московских отрывков Евангелия тетр раннего XIV в. — см. ниже разд. 4) до 10), что в конечном итоге заставляет вносить коррективы и в суммарные подсчеты общего числа сохранившихся славянских рукописей.

Настоящая работа родилась в процессе подготовки Сводного каталога славяно-русских рукописных книг в хранилищах России, стран СНГ и Балтии, однако в результате знакомства с рукописями собраний за пределами бывшего СССР (и как следствия этого — новых отождествлений, не всегда связанных со Сводным каталогом) приобрела со временем более широкий характер. Она не дублирует сведений, вошедших в вып. 1 Сводного каталога XIV в. и в статьи, посвященные сербским рукописям собрания А. И. Хлудова (ГИМ), привезенным А. Ф. Гильфердингом в 1868 г. из Македонии, и отрывкам XIII—XIV вв., хранящимся в библиотеке Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне⁸. Автор стремился (насколько это возможно в каждом конкретном случае) не ограничиваться только отождествлением отрывков, а по возможности вводить их в исторический и культурный контекст эпохи. Поэтому наряду с отождествлением отрывков одних и тех же кодексов в статье предлагается в ряде случаев (№ 1, 2, 4—7) также отождествление их письма с почерками других рукописей.

1. Евангелие тетр. Конец XIII (?) — первая треть XIV в. [1332 г.?] (Любляна, *Zoiss 368*; Лондон, *Британская библиотека, Add. Ms. 26.839*).

В 1971 г. В. А. Мошин выпустил в свет описание кириллических рукописей библиотеки Люблянского университета⁹, выполненное за 11 лет до этого¹⁰. При этом помимо основной коллекции, принадлежавшей некогда Ернею (Варфоломею) Копитарю¹¹, сюда вошли сведения об отрывках сербского Евангелия тетр (вынесенных даже на титул издания), принадлежавшего некогда барону Цойссу¹². От кодекса большого формата (размер наиболее хорошо сохранившегося листа 310 × 225 мм), написанного в 2 столбца несомненно одним из лучших сербских каллиграфов последней четверти XIII — первой трети XIV в., сохранилось 7 неполных листов. Почерк рукописи (один на всех сохранившихся листах)¹³ — очень красивый торжественный крупный (высота букв без выносных элементов 5 мм) устав с необычайно устойчивыми начерками букв, напоминающий в этом отношении скорее манерный печатный шрифт. Иллюминация на сохранившихся листах отсутствует (нет даже крупных киноварных инициалов), тем не менее при этом рукопись выглядит вполне нарядной. Помимо каллиграфичности почерка это достигается за счет устойчивого широкого применения декоративных штрихов-«засечек», пересекающих горизонтали букв И, П, А «иотированного» (реже Е «иотированного»), наклонные линии Ж (нижние) и Л, а О «широкое очное» вверху и внизу; строчная «омега» в начале строки (в левом столбце) и в конце (в правом) украшается обычно (соответственно слева и справа) декоративным отростком с одним или двумя зубчиками (такие же зубчики украшают уходящий влево короткий хвостик малых инициалов В).

Через полтора десятилетия после описания отрывков Цойсса вышла в свет большая статья Д. Стефановича, посвященная сербским рукописям в английских собраниях (Кембридже, Лондоне и Оксфорде)¹⁴. Заметное место в ней уделено большеформатному пергаменному Евангелию тетр Британской библиотеки Add. MS 26. 839¹⁵, датированному второй четвертью XIV в.¹⁶ Описание сопровождается двумя снимками (лицевая сторона л. 173 и 182)¹⁷. Обращение к ним не оставляет сомнений, что люблянские отрывки и лондонский кодекс написал один и тот же писец. В рукописях совпадают до мелочей начерки всех букв¹⁸ (за исключением того, что на снимках лондонского Евангелия не представлен декоративный вариант «омеги», О «широкое очное» есть только в литургической помете, а Ж не столь регулярно украшено засечками), набор и форма надстрочных знаков (особенно показательны паерок в форме цифры 2), письмо литургических помет (выполненных, вероятно, самим писцом, но более тонким, «полууставным» почерком)¹⁹. Сопоставительный материал по орнаментике в люблянских отрывках отсутствует (за исключением уже упоминавшихся малых киноварных инициалов и заглавных букв с зубчиками). В лондонской рукописи сохранились 2 заставки и 2 инициала византийского стиля (л. 78 об. (сильно повреждена) и 182), ближайшая (за исключением фланкирующих тератологических наверший) аналогия второй (хотя и менее тщательная по исполнению) находится в Богдановом Евангелии раннего XIV в. (Загреб, Архив ХАЗУ, III с 20)²⁰.

Другие формальные признаки также не противоречат отождествлению люблянской и лондонской рукописей как частей одного кодекса. Лондонская часть имеет размер листов примерно 290 × 220 мм²¹, они обрезаны при переплетении во второй половине XIX в., перед тем как рукопись была подарена в библиотеку. Колебание в количестве строк на странице (19 в люблянских отрывках, 21 в лондонской рукописи) вполне допустимо в пределах одного кодекса. Люблянские отрывки представляют листы из разных частей рукописи (отрывки чтений от Матфея, Луки и Иоанна)²², листы лондонского кодекса переплетены беспорядочно²³. Их правильная последовательность представлена в обстоятельном формализованном описании Р. Клеменсона²⁴, из которого видно, что содержание лондонских и люблянских отрывков не дублируется. Лондонская рукопись сильно пострадала от воды (текст размыт во многих местах)²⁵, пятна сырости (правда, значительно меньших размеров) есть и на люблянских листах²⁶.

Судя по времени поступления рукописи Add. MS 26893 в Британский музей, Лондонско-Люблянское Евангелие было разделено на части не позднее середины 1865 г., однако обстоятельства этого (равно как и более ранняя история кодекса) остаются неизвестными.

В связи с предложенным отождествлением встает вопрос о согласовании датировок объединенного кодекса, поскольку его части датированы в литературе по-разному: рубежом XIII—XIV вв. (люблянская) и второй четвертью XIV в. (лондонская)²⁷. Естественно, эти датировки (разница между которыми составляет около 35 лет) не слишком противоречат друг другу и вполне укладываются в продолжительность жизни даже средневекового человека²⁸. Разумным компромиссом представляется датировать этот некогда роскошный кодекс первой третью XIV столетия.

И дело здесь не только в дате 1332 г., содержащейся в старом каталоге Британского музея, источник которой неизвестен, но которая выглядит весьма правдоподобной. Два связанных между собою обстоятельства склоняют чашу весов в пользу именно такой датировки. С одной стороны, десятилетнее правление Стефана Уроша III Дечанского (1321—1331) в области книгописания и оформления рукописей не отмечено заметными новациями и представляет в этом отношении естественное продолжение сорокалетней эпохи короля Милутина (1282—1321)²⁹. При этом по чисто возрастным показателям по крайней мере ряд книжных писцов, начинавших свою деятельность даже у истоков правления последнего, мог работать практически до конца дней его сына. С другой стороны (и это немаловажно), в сербской археографии 1950-х — начала 1980-х гг. (т. е. прежде всего в исследованиях и описаниях В. А. Мошина) наблюдается явная тенденция к удревнению южнославянских письменных памятников³⁰, в значительной мере вызванная стремлением к предельно узкой датировке, редко достижимой на практике при работе с пергаменными рукописями³¹. В случае с сербскими рукописями (о болгарских следует говорить особо) степень этого удревнения сравнительно невелика — обычно в пределах четверти века³².

Реконструируемое таким образом Люблянско-Лондонское Евангелие тетр не является, по всей видимости, единственной сохранившейся рукописью этого замечательного (хотя и безымянного) сербского каллиграфа. Ближайший аналог его почерку обнаруживается среди каллиграфических почерков сербских рукописей конца XIII — XIV вв. без большого труда (вопрос заключается лишь в том, идет ли речь об идентичности, или же только о чрезвычайной близости письма двух кодексов). Это пергаменное Евангелие тетр из собрания Вука Стефановича Караджича, хранящееся ныне в Гос. Библиотеке (Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz) в Берлине под шифром Вук 5 и датированное в литературе тем же временем что и люблянские отрывки³³. Почерк берлинской рукописи Вука Караджича № 5 в целом вполне соответствует почерку люблянско-лондонского кодекса (только малый размер снимков, которыми я в данный момент располагаю³⁴, не позволяет мне со всей определенностью высказаться в пользу их тождества). Письму берлинского Евангелия Вук 5 свойственны все те же графические признаки, что и почерку люблянско-лондонского кодекса: те же строчные буквы (Ж, Л, Н, П, Ф — а среди малых инициалов также Б, Г) украшены в нем декоративными засечками³⁵. В рукописи сохранилось 6 заставок (византийского, балканского и тератологического стилей) и 1 тератологический инициал (л. 3). Между рукописями можно усмотреть определенные черты сходства и в оформлении, хотя заставка в форме арки, расположенная в берлинской рукописи на л. 2 (перед оглавлением Евангелия от Матфея)³⁶, имеет в сравнении с лондонской³⁷ более сложное заполнение и завершение — с зооморфными и орнитоморфными мотивами.

Представляется, что берлинская рукопись не старше по возрасту, чем люблянско-лондонская (возможно, это уже 1330-е гг.). На это указывает, в частности, отмеченная исследователями разностильность орнаментики³⁸.

2. *Минея служебная на сентябрь-октябрь (Минеи служебные на сентябрь и октябрь?). Конец XIII (?) — первая четверть XIV в. (Пловдив, Народная библиотека «Иван Вазов», № 145 (682); София, НБКМ, № 518, № 1369).*

Выход в свет в 1996 г. очередного (5-го) тома описания славянских рукописей Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии³⁹, снабженного альбомом репродукций хорошего качества, имел одним из следствий (как это обычно бывает) ряд атрибуций отрывков и почерков. Одной из первых на выход в свет этого важного справочника откликнулась Р. Станкова (Трифонова)⁴⁰. На основании черно-белого снимка⁴¹, формальных кодикологических признаков, и редкой структурной особенности служб (помещение кондака и икоса не только после 6-й, но и после 3-й песни канона) в отрывке (2 л.) сербской Минеи служебной на октябрь № 1369⁴², она убедительно атрибутировала его как часть рукописи № 518 того же собрания (77 л.), описанной Б. Цоневым (с датировкой XIII—XIV в.) еще в 1923 г.⁴³ Исследовательница придерживается той же датировки, что и новейшие описатели (первая четверть XIV в.) и это, по всей видимости, вполне обосновано (см. ниже).

Однако объединением двух фрагментов октябрьской Минеи в собрании НБКМ реконструкция рукописи (или части комплекта Минеи служебных) явно не ограничивается. За полтора десятилетия до публикации тома 5 Каталога НБКМ в свет вышло составленное К. Станчевым описание славянских рукописей Пловдивской Народной библиотеки, поступивших после 1920 г.⁴⁴ Под № 145 в нем достаточно подробно описаны отрывки Минеи служебной на сентябрь (6 л. — 3 двойных листа из разных тетрадей, содержат части служб на 1—4 дни месяца — преп. Симеону Столпнику, муч. Маманту, священномуч. Анфиму, епископу Никомидийскому и Вавиле, епископу Антиохийскому), поступившие в хранилище между 1937 и 1939 гг. из архива Иоакима Груева и датированные XIII—XIV вв.⁴⁵ Обращение к снимку почерка⁴⁶, хотя и не очень качественному, не оставляет сомнений, что пловдивские листы написаны тем же писцом, что и софийские отрывки октябрьской Минеи⁴⁷. Особенно показательны в этом смысле начертания букв З с хвостом, сначала горизонтальным, а затем под острым углом уходящим влево вниз; Р с каплевидной головкой, завершающейся волосным штрихом-«носиком», направленным вправо вверх, и с изогнутым хвостом, заметно скошенным влево; несимметричное Х, у которого черта, идущая слева направо, имеет нередко дугообразную или ломаную форму и становится ниже строки вертикальной, а идущая справа налево — тонкая и пересекает строку под острым углом; Ы с перечеркнутой левой частью. В качестве знака препинания, отмечающего окончание больших разделов, в обеих рукописях используется крест из 4-х точек. Совпадают в основном (или, во всяком случае, находятся в пределах допустимых колебаний) и формальные кодикологические критерии: размер листа (248 × 195 мм — пловдивские отрывки, 247 × 190 — софийские), площадь текста (180 × 116 и 182 × 130 соответственно), количество строк на странице (28), размер букв (2 мм). Из описания нельзя, к сожалению, заключить, присуща ли службам пловдивской сентябрьской Минеи та же нестандартная композиционная особенность, что и октябрьской софийской — дополнительные кондак и икос после 3-й песни канона.

В настоящее время невозможно однозначно решить вопрос, как же именно соотносятся между собой софийские и пловдивские отрывки Минеи служебных — являются ли они частями одного кодекса (двухмесячного, квартального, или полу-годового) или же двух отдельных томов одного комплекта. Добавочную трудность в этом смысле составляет отсутствие переплета (и даже его остатков) у самого большого отрывка — НБКМ, № 518⁴⁸. Разумеется, самостоятельная нумерация тетрадей в каждом месяце⁴⁹ вовсе не является препятствием для первого варианта. К сожалению, какие-либо свидетельства о происхождении и истории комплекта ранее факта поступления в хранилище части НБКМ, № 518 от Стефана Георгиева, доставившего ее из с. Белово близ Самокова⁵⁰, отсутствуют. При существующем уровне каталогизации сербских рукописей в хранилищах Болгарии достаточно велика вероятность, что основная часть (или части) сентябрьской Минеи могут быть со временем обнаружены в одном из них.

Как и в предыдущем случае, почерк вероятного писца пловдивской и софийской минеи обнаруживается и вне рассмотренных отрывков, причем на этот раз он известен по имени. Речь идет об анагносте Георгии, переписавшем пергаменную Триодь постную (Загреб, ХАЗУ, III b 18)⁵¹, датируемую в литературе началом или первой четвертью XIV в.⁵² и даже 1330-ми гг.⁵³ Общий облик письма Георгия⁵⁴ и пловдивско-софийских минеи и начертания большинства букв (см. выше) совпадают. Некоторая разница в начерках Х (которое в Триоди часто украшено точкой на левой «ножке») и Ч (у Георгия преобладает начерк с очень короткой ножкой и не вполне симметричной чашечкой, хотя имеются и другие) могут объясняться вариативностью письма, свойственной как Триоди так и минеям, однако вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

3. *Евангелие тетр («Евангелие анагноста Радина»). 1308—1311 (?) гг. (ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 13; РГБ, собр. В. И. Григоровича (ф. 87), № 11. III / М.1693. III).*

В историко-филологической литературе свыше 130 лет известен пергаменный лист (РГБ, собр. В. И. Григоровича, № 16. III / М.1693. III) с пространном послесловием писца («анагноста» Радина, привезенный В. И. Григоровичем из Предтеченского Слепченского монастыря⁵⁵. Весной 2007 г. автору посчастливилось установить, что этот лист с записью писца несомненно происходит из Евангелия тетр со стихотворным предисловием («Прогласом») Кирилла Философа (ГИМ, собр. Хлудова, № 13; СК XIV, № 230), привезенного А. Ф. Гильфердингом из поездки в Македонию в 1868 г.⁵⁶ Кодекс, являющийся незаурядным памятником сербского книгописания и книжной орнаментики, получил тем самым надежную узкую датировку и локализацию⁵⁷. Подробному обоснованию этой атрибуции посвящена особая статья⁵⁸.

4. *Евангелие тетр. Первая треть (четверть?) XIV в. (Вена, Библиотека Института славянской филологии, без №; Москва, РГБ, М. 11030; ГИМ, Соколов 147; Одесса, ГНБ, 1/99 (534); София, НБКМ, № 1358; Москва, ГИМ, Музейск. 44).*

В 1978 г. Г. Биркфельнер, издавший за три года до того сводный каталог глаголических и кириллических рукописей австрийских собраний⁵⁹, выпустил статью, посвященную не включенным в него отрывкам пергаменного сербского Евангелия тетр, хранящимся в библиотеке Института славянской филологии Венского университета. Описание отрывков сопровождалось публикацией текста набором и снимками всех четырех страниц рукописи⁶⁰. Публикация странным образом не привлекла внимания археографов ни в Сербии, ни в Болгарии, ни в СССР, или же осталась им неизвестна, о чем нельзя не сожалеть, поскольку в противном случае целая серия отождествлений была бы сделана существенно раньше⁶¹. Венские университетские отрывки (номера рукопись не имеет) представляют два листа кодекса большого формата (330 × 225 мм), написанного чрезвычайно крупным уставом — размер букв (без выносных элементов) ок. 8 мм, на странице 16 строк, размер текстового поля ок. 210 × 180 мм. Размеры листов не являются первоначальными: у них полностью утрачено правое внешнее поле и частично пострадали также верхнее и нижнее. Содержание отрывка — Евангелие от Матфея (Мт. XX,33—XXI,9; XXII,13—23). Происхождение и время поступления фрагмента в библиотеку Института неизвестны.

История моего знакомства с этой незаурядной рукописью началась с другого ее фрагмента. В 1995 г. в томе 5 Каталога славянских рукописей Софийской Народной библиотеки им. свв. Кирилла и Мефодия под № 1358 появилось описание отрывка (2 л. из середины тетради) сербского пергаменного Евангелия тетр, снабженное снимком первой страницы⁶². Размер листов — 250 × 205 мм (нижнее и правое поля утрачено целиком (нижнее с частью последней строки), частично утрачено и верхнее), текстового поля (без уставного указания) — ок. 215 × 175 мм. Размер букв без выносных элементов — 7—8 мм. Число строк (включая литургическое указание на верхнем поле) — 17. Содержание — Евангелие от Иоанна (Ин. VIII, 21—40). Происхождение и время поступления отрывка в библиотеку неизвестны⁶³. Обращение к снимку не оставляет сомнений, что датировка этих листков, предложенная в каталоге (первая четверть XV в.), сильно и неоправданно омоложена⁶⁴ — по почерку и орфографии ее следует датировать никак не позднее первой половины XIV в. В декабре 2002 г., работая в Одесской Государственной научной библиотеке над описанием славянских рукописей XIV в. для выпусков 2 и 3 СК XIV, я попутно просмотрел также все кодексы и отрывки XIII—XIV вв. Среди прочего мое внимание привлекло явно не рядовое по облику сербское пергаменное Евангелие тетр (1/99), к тому времени уже кратко описанное в вып. 1 СК XIV (№ 253). Размеры листов (327 × 257 мм), текстового поля (ок. 210 × 180 мм) и букв (ок. 8 мм) и количество строк (16—17) в сочетании с особенностями почерка⁶⁵ не оставляли сомнений в том, что софийские листки происходят из этого кодекса. Наконец, два года спустя, в декабре 2004 г., в Вене мне посчастливилось ознакомиться сначала со снимками, а затем и с самими листками, описанными и опубликованными Г. Биркфельнером.

Отождествление софийских и венских отрывков с кодексом ОГНБ навело меня на несколько запоздалую (уже после выхода в свет вып. 1 СК XIV) мысль — поискать другие части рукописи в хранилищах Москвы и/или Петербурга, ориентируясь на размеры листов и необычно крупный почерк. В результате выяснилось,

что еще три отрывка этого кодекса (общим объемом в 6 листов), уже в процессе создания Сводного каталога отождествленные между собою Н. Б. Тихомировым⁶⁶ и датированные им первой четвертью XIV в., хранятся в двух хранилищах Москвы (ил. 3). Соответственно это РГБ, Музейное собрание (ф. 178), № 1130 (1 л.: Мф. XXI, 17—24), ГИМ, собр. М. И. Соколова, № 147 (2 л.: Мф. XXIV, 27—34; XXV, 3—13), ГИМ, Музейское собр., № 44 (3 л.: Ин. XVIII, 32—39; XIX, 9—16, XX, 12—19); СК XIV. Вып. 1, № 239, 238 и 240. При колебаниях в размерах сохранившихся листов, происходящих из-за того, что поля рукописи в разной мере пострадали от грызунов и гнили⁶⁷ либо просеклись по линиям разлиновки, устойчивым остается размер текстового поля, количество строк и величина букв. Почерк во всех частях рукописи, вероятнее всего, один. На первый взгляд может показаться, что письмо первого листа венских отрывков заметно отличается от почерка других частей, но это объясняется, скорее всего, сменой пера еще при переписке Евангелия от Матфея⁶⁸. Основные начерки букв и надстрочных знаков совпадают (ср., например, начертания выносных Д и Ч, форму титла и паерка), варианты не превышают колебаний, допустимых внутри одного почерка. Из рукописей первой половины XIV в. чрезвычайно близким (настолько, что уместен вопрос об отождествлении) и (с середины кодекса) также крупным (размер букв ок. 6 мм), но менее каллиграфическим, почерком написано сербское Евангелие тетр София, НБКМ, № 446⁶⁹, не имеющее, к сожалению, указаний на время и место создания. Заметную близость письмо нашей рукописи (в особенности, его вариант на первом венском листе) обнаруживает также к почерку «Бунилова» Евангелия тетр с Прогласом Константина-Кирилла Философа (Хиландарь, № 23)⁷⁰.

Реконструируемый таким образом одесско-венско-московско-софийский кодекс состоит из 218 л. Это составляет около половины первоначального объема рукописи, состоявшей никак не менее чем из 440 листов⁷¹. Ни один из отождествленных отрывков не восполняет утрат внутри одесского кодекса, все находятся вне его объема; отрывок РГБ по содержанию должен находиться между листами венского. В дошедшей части рукопись практически лишена иллюминации, поскольку утрачены все начала Евангелий, где могли находиться миниатюры, заставки и большие инициалы; облик ее страниц разнообразят лишь киноварные заглавные буквы, не отличающиеся по размеру от строчных, да длинные «хвосты» букв последней строки, выходящие на нижнее поле. Однако, судя по письму, рукопись была явно не рядовой, она представляет один из наиболее каллиграфических кодексов своего времени (хотя и не столь красивый по письму, как люблянско-лондонское Евангелие, о котором речь шла выше), несомненно созданный в очень крупном (королевском, архиепископском или епископском) скриптории. Создание рукописи Г. Биркфельднер относил к началу XIV в., Н. Б. Тихомиров — к первой четверти этого столетия, одесская часть кодекса широко датирована первой его половиной. Из этих вариантов (об ошибочности датировки софийских листков уже говорилось) наиболее вероятным представляется второй. Я бы лишь немного (до первой трети XIV в.) расширил эту датировку, поскольку (как уже сказано выше) рукописи, написанные в правление Стефана Дечанского, не имеют принципиальных отличий от созданных в эпоху Милутина⁷².

Некоторые сведения по истории рукописи сохранились лишь применительно к ее одесской части (СК XIV, № 253). Она поступила в Историко-филологическое общество при Новороссийском университете (Одесса) около 1890 г. от российско-го генерального консула в Салониках, известного историка-слависта и этнографа И. С. Ястребова (известного в Сербии едва ли не больше, чем в России)⁷³, который вывез ее из Македонии (более конкретное место не названо). Учитывая, что до назначения в 1886 г. в Салоники Ястребов несколько лет был консулом в Призрене, нельзя исключить и возможности, что рукопись происходит с юга Косова, хотя вероятнее, конечно, что местом приобретения кодекса в этом случае была бы указана Старая Сербия.

5. Минея служебная, декабрь — февраль. 1330-е гг. (Афон, Русский Пантелеймонов монастырь, Слав. 11; Ягодина, Завичайни музей, собр. Б. Тирича, № 1).

В 1994 г. в «Археографских прилогах» была опубликована снабженная многочисленными палеографическими снимками (к сожалению, не очень высокого качества) статья Б. Цветковича о пергаменных и бумажных отрывках рукописей афонского происхождения XIV—XVI вв. (общим числом 6) из собрания Б. Тирича, хранящихся в Завичайном музее г. Ягодина⁷⁴. Автору удалось убедительно обосновать связь с конкретными кодексами (находящимися в Хиландаре) для трех отрывков (при этом два, очевидно, происходят из одной рукописи) из шести. Такой явно неполный успех (учитывая, что хиландарское собрание с 1893 г., когда Тирич ездил на Афон, не понесло существенных утрат⁷⁵) объясняется рядом причин. Главная заключается в том, что Б. Цветкович ограничил круг поисков исключительно современным собранием Хиландарского монастыря, не учитывая той возможности, что Тирич мог брать листки и из рукописей других собраний Афона. Кроме того, установив (через посредство работы Л. Цернич) для фрагмента (Дамианов Октоих) наличие еще одной части рукописи в коллекции А. А. Дмитриевского (С.-Петербург, БАН, Дмитр. 42), он не попытался продолжить поиск в этом направлении, которое на деле оказывается вполне перспективным (см. ниже, разд. 7). Применительно к первому из отрывков — шестилистной пергаменной тетради (первоначальные л. 2 и 7 утрачены), содержащей каноны пророку Науму (1.12), Амвросию Медиоланскому (7.12), мч. Патапию (8.12), пророку Аггею (16.12), мученикам Севастьяну (18.12) и Вонифатию (19.12)⁷⁶ — кодекс, из которого он происходит, обнаруживается без труда. Это пергаменная Минея служебная на декабрь-февраль, происходящая (судя по помете на л. 254 об.) из карейской келии св. Саввы, хранящаяся ныне в библиотеке Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне (Слав. 11)⁷⁷ и имеющая довольно подробное печатное описание⁷⁸. Сопоставление отрывка Тирич 1 с пантелеймоновской рукописью убеждает, что это бесспорно части одного кодекса. У них совпадают формат (290 × 220 мм), площадь текста (ок. 212 × 135 мм), обе написаны в два столбца по 36 строк на странице, при этом явно одним и тем же почерком⁷⁹; наконец, в пантелеймоновской минее отсутствует первая тетрадь⁸⁰. Датировать рукопись следует концом 1320-х — 1330-ми гг. с учетом определения филиграней бумажных хиландарских томов в новейшем справочнике⁸¹. К сожалению

нию, не удастся установить, где находилась рукопись в то время, когда Б. Тирич изъясил из нее начальную тетрадь — еще в Карее, или уже в Русском монастыре.

Имя писца пантелеймоновско-ягодинской Минеи, к сожалению, неизвестно, но его почерк хорошо представлен в хиландарских рукописях. Кроме бумажных томов Минеи служебных из того же комплекта (Хиландарь, № 145, 147), обоснованно атрибутированных этому писцу еще Л. Цернич⁸² и Д. Богдановичем⁸³, той же рукой, несомненно, написано пергаменное Евангелие апракос Хиландарь, № 31⁸⁴ и часть пергаменной Псалтыри (там же, № 453)⁸⁵, современные Минеям (датируются, соответственно, второй четвертью и концом первой трети XIV в.)⁸⁶ и также происходящие из Карейской келии⁸⁷. Кроме почерка в первом случае совпадает и орнаментика рукописей: киноварная заставка византийского стиля на начальном листе отрывка Тирича находит весьма близкую аналогию в Евангелии⁸⁸. Налицо, таким образом, значительная группа современных друг другу литургических рукописей, написанных одним писцом и предназначенных для одного храма. Уместен поэтому вопрос — нельзя ли приурочить их создание к определенному историческому событию и тем самым уточнить их датировку? Получение Карейской испостницы в 1348 г. царской жалованной грамоты от Душана произошло явно позже написания комплекта (во всяком случае, Минеи). Храмовое строительство в карейской келии в 1330-х гг. не велось, ее обновление после каталанского разорения начала XIV в. завершилось к середине 1320-х гг.⁸⁹ Однако начало 1330-х гг. отмечено здесь двумя знаменательными взаимосвязанными событиями в истории испостницы. В 1332 г. игумен Хиладаря Гервасий получил от короля Душана средства (1000 перпер) на приобретение третьего адельфа для карейских келиотов и 16 июля того же года братский собор монастыря утвердил эту продажу⁹⁰. В этом случае переписка новых литургических книг для келии должна была начаться не ранее конца лета 1332 г. и продлиться, с учетом каллиграфичности письма (даже если один человек писал только сохранившиеся 4 книги и имел возможность заниматься этим делом регулярно) не менее полутора лет. Работа, вероятнее всего, должна была начаться с пергаменного Евангелия апракос, за которым последовали квартальные тома Минеи (недошедший том на сентябрь-ноябрь, скорее всего, тоже был пергаменным), с середины годового комплекта писец перешел на бумагу. В случае достоверности гипотезы, дошедшие части карейского комплекта следует датировать первой половиной — серединой 1330-х гг.

Кроме литургических рукописей этот писец участвовал также (как установила еще Л. Цернич, отождествившая его почерк с письмом упомянутой выше хиландарской Псалтыри № 453)⁹¹ в переписке начальной части (л. 1—222) в составе сборника-конволюта Хиландарь, № 475 (в частности, Пандектов Антиоха Черноризца)⁹², не имеющего указания на происхождение. В литературе писцу Псалтыри и Пандектов атрибутируют также (по крайней мере, частично) 2 хиландарских минеинных Торжественника — № 644 (Л. Цернич)⁹³ и № 473 (Б. Цветкович)⁹⁴.

В обоих случаях вопрос об этом нуждается в дополнительном исследовании: почерк первой из рукописей действительно очень близок к письму Псалтыри и Пандектов, однако (насколько можно судить по снимку)⁹⁵ здесь писец употребляет 3 сильно отличное по начерку. Несомненно, очень близким почерком написан и

второй из Торжественников, но здесь существует сложность иного сорта. До последнего времени эта бумажная рукопись считалась полностью написанной во второй четверти XIV в.⁹⁶, хотя и разными писцами. Однако сравнительно недавно Р. Станкович уточнил, что рукопись состоит из двух разновременных частей, при этом первая (л. 1—105 и 287), где находится рассматриваемый почерк, датируется по водяным знакам между 1360 и 1370 гг.⁹⁷ Разумеется, такой хронологический диапазон вполне укладывается в продолжительность человеческой жизни даже в XIV в., однако теперь проблему следует рассматривать под другим углом. В заключение стоит также обратить внимание на чрезвычайную близость этого почерка к почерку Евангелия тетр короля Стефана Душана (Хиландарь, № 15), написанного в Великой лавре — на снимке в альбоме Д. Богдановича его отличает только регулярное начертание М с ланцетовидной серединой⁹⁸.

6. Евангелие апракос и Апостол апракос. Первая половина — середина XIV в. (София, Библиотека Болгарской АН, № 5 и № 8).

В вышедшем 40 лет назад описании собрания славянских рукописей Библиотеки Болгарской академии наук в Софии под близкими, хотя и не соседними, номерами (5 и 8) помещены сведения о двух неотожествленных здесь частях несомненно одного и того же сербского кодекса⁹⁹; снимки почерка даны на соседних таблицах (хотя и не на развороте)¹⁰⁰. Под № 5 здесь описана основная часть рукописи (167 л.), содержащая краткие Евангелие (без начала (утрачено 19 л.), с понедельника 5-й седмицы после Пасхи) и Апостол апракос (без конца — обрывается на воскресном чтении 2-й недели по Пятидесятнице). Это довольно редкий в южнославянской традиции тип последовательного размещения чтений Евангелия и Апостола — в XIII—XIV вв. здесь более распространено так называемое Апостол-Евангелие с перемежающимися текстами этих книг¹⁰¹. Рукопись датирована в описании концом XIII или началом XIV в., написана на листах размером 275 × 190 мм, одним почерком (который охарактеризован как «въездър изправен полуустав, почти устав»), на странице 23 строки¹⁰².

Рукопись № 8 представляет отрывок (6 л.) Евангелия апракос¹⁰³ (чтения с пятницы 2-й до вторника 4-й седмицы по Пасхе), датированный первой половиной XIV в. Размер листов 280 × 185 мм, почерк один («среден правилен полуустав от доста опитна ръка»), на странице 23 строки¹⁰⁴. Таким образом, обе рукописи имеют очень близкие размеры, одинаковую площадь текста и равное число строк на странице. При взгляде на снимки и сопоставлении письменных характеристик почерков (см. выше) лишний раз убеждаешься, насколько субъективным и варьирующимся бывает их восприятие у одного и того же человека. Почерк в рукописях БАН Болгарии № 5 и № 8, несомненно, один — довольно крупный, но не вполне каллиграфический устав с очень характерным начертанием ряда букв. Полностью совпадают также система и начертания надстрочных знаков и форма титл. Точка в обоих случаях ставится на строке или (обычно при цифрах) чуть выше нее. Почти полностью совпадают и воспроизведенные инициалы Р.

Особенно показательны начертания букв З и Х (обе представлены в почерке несколькими вариантами). У первой наиболее индивидуален следующий: головка

буквы пишется в форме цифры 7 с изогнутой наклонной линией, «хвост» представляет вертикальный полуoval; соединение «хвоста» с головкой может находиться ниже уровня строки и имеет отчетливую клювообразную форму. У X обе линии изогнуты (имеют сигмообразную форму), идущая слева направо заметно толще другой и завершается внизу засечкой.

Совпадают начертания и всех остальных букв. Д обычно пишется с очень узкой верхней частью (порой это просто толстая вертикальная черта, чуть расширяющаяся книзу). М достаточно узкое, с петлей, опускающейся порой ниже строки. Выносное С «заваливается» влево. У Т «крышка» нередко слегка наклонена вправо. Ч отчетливо одностороннее, с достаточно глубокой (обычно округлой) чашкой. Ы может писаться с перечеркнутой правой частью. «Ять» с высокой мачтой, порою вдвое превышающей высоту основной части буквы. «Омега» курсивного рисунка, с высокой серединой, пишется в один прием. Горизонталы П (изредка) и А «иотированного» (регулярно) украшены точкой.

Таким образом, можно считать установленным, что отрывок Евангелия апракос БАН Болгарии, № 8 представляет часть рукописи того же собрания № 5 (происходит из тетради, непосредственно предшествовавшей основной части кодекса). В дальнейшем вполне возможны атрибуции других частей этой рукописи.

Довольно надежно решается вопрос о датировке восстанавливаемого кодекса. Первая из датировок описания Х. Кодова (конец XIII — начало XIV в.) представляется излишне ранней (хотя связь почерка с традициями эпохи короля Милутина не вызывает сомнений). В то же время достаточно широкая датировка отрывка № 8 первой половиной XIV в. может быть принята и несколько уточнена благодаря двум обстоятельствам.

Инициалы рукописи, украшенные внизу зубчиками¹⁰⁵, хорошо известны по сербским рукописям второй половины XIII — первой трети XIV в. и даже составляют для них хронологическую примету¹⁰⁶. Однако флорально-геометрические мотивы, продолжающие петлю буквы слева от мачты, для означенного периода — насколько знаю — не засвидетельствованы, и это дает основание датировать кодекс БАН Болгарии, № 5 + 8 не ранее 1320-х — 1330-х гг.

Большой близостью к почерку нашей рукописи отличается письмо пергаменной жалованной грамоты короля Стефана Душана Хтетовскому (Тетовскому) монастырю Богоматери (Афон, архив Хиландаря, Свт. 9)¹⁰⁷, датируемой 1342—1345 гг.¹⁰⁸ Она такова, что допустимо поставить вопрос о тождестве ее писца с писцом софийской рукописи. Отличия между ними весьма немногочисленны, они находятся на уровне допустимых вариантов и заключаются в следующем. Писец грамоты регулярно употребляет О широкое «очное» с засечками вверху и внизу, отсутствующее на снимках софийского кодекса, «омега» имеет у него уставное начертание с относительно низкой серединой, завершающейся горизонтальным штришком, в лигатуре «от» Т пишется не с прямой горизонтальной, а с асимметричной волнообразной «крышкой». В целом письмо грамоты (как это ни странно) более каллиграфично, чем в софийском кодексе, буквы более широкие, мачты и «хвосты» короче.

Если кодекс и грамота действительно написаны одним писцом, то создание софийской рукописи следует связывать с одним из сербских скрипториев север-

ной Македонии (писец грамоты почти несомненно не принадлежал к королевский канцелярии Душана) — либо непосредственно с Хтетовским монастырем, либо с владычной кафедрой в Скопле. В любом случае, датировать эту рукопись следует в пределах второй четверти — середины XIV в.

7. Триодь цветная. Отрывки. Первая половина — середина XIV в. (С.-Петербург, БАН, Дмитр. 47; Ягодина, Завичайни музей. Тирич, 2) и Триодь постная. Отрывки (Афон, Русский Пантелеймонов монастырь, Слав. 81).

Второму из отрывков, привезенных Б. Тиричем в 1893 г. с Афона (см. выше, № 5), и представляющему половину листа, разрезанного вдоль (1 столбец), из двухстолбцовой рукописи Триоди цветной¹⁰⁹, обнаруживается ближайшее соответствие (как и в случае с упомянутым Дамиановым Октоихом — Тирич, 3—4¹¹⁰) среди рукописей коллекции известного русского литургиста А. А. Дмитриевского (С.-Петербург, БАН, Дмитр. 47). Это двойной лист (л. 4—5) из середины тетради, содержащий заключительную часть утрени в пятницу недели 4-й по Пасхе, стихиры на вечерне в тот же день и начало субботней утрени¹¹¹; на л. 1 имеется помета последнего владельца: «Из Хиланд. библ.» и № 10. У петербургского и ягодинского отрывков примерно совпадает размер листа (соответственно, 300 × 228 мм и (по предположительной реконструкции Б. Цветковича) 290 × 210 мм), и полностью размер столбца (220 × 71 мм), число строк (30) и размер букв (ок. 3 мм). Оба отрывка¹¹² написаны, несомненно, одним почерком, каллиграфическим уставом хиландарской школы середины XIV в. Б. Цветкович в своей статье справедливо отмечает сходство этого почерка с письмом Евангелия Николы Станевича (Хиландарь, № 14), Повести о Варлааме и Иоасафе (там же, № 422) и Сборника слов и житий (там же, № 471)¹¹³ (не меньшую близость к нему обнаруживают также почерки Романа (Романа I — по классификации Л. Цернич)¹¹⁴ и писца хиландарского списка (№ 174) Слов Григория Богослова¹¹⁵), однако ближайšie аналогии письму Триоди обнаруживаются в более раннем времени. Не исключено, что писца отрывков Дмитриевского и Тирича можно отождествить с Дамианом, переписавшим в 1324 г. в Печи Шишатовачкий апостол (Белград, Патриаршая библиотека, № 322), во всяком случае, близость их почерков превосходит все остальные приведенные аналогии¹¹⁶. Это обстоятельство заставляет датировать отрывки Триоди цветной более широко, в пределах первой половины (вероятнее всего, второй четверти) — середины XIV в. Судя по тому, что другие части рукописи отсутствуют в настоящее время в собрании Хиландаря, она представляла фрагмент уже в конце XIX в. и, скорее всего, служила защитными листами какого-то кодекса¹¹⁷. Если № 10, поставленный А. А. Дмитриевским на его листках, относится не непосредственно к ним, а к хиландарскому кодексу, из которого они были взяты, то они могли быть форзацем при Евангелии монаха Дионисия 1356 (Хил. 10 — № 10 по каталогу Саввы Хиландарца 1908 г.), или (что менее вероятно), при Евагелии апракос XIII в. (Хил. 8 — № 10 по каталогу 1897 г.)¹¹⁸. Интересно, что в последнее время отыскан и фрагмент Триоди постной, почти несомненно входившей в один комплект с Триодью цветной, от которой сохранились листки Дмитриевского и Тирича. Это лист пергамена¹¹⁹, находящийся в собрании Русского Пантелей-

монова монастыря на Афоне (Слав. 81) и обнаруженный в числе других отрывков южнославянских рукописей XIII—XVI вв. в монастырской библиотеке в 1983 г. Н. Б. Тихомировым и автором этих строк¹²⁰. Отрывок содержит службу в пятницу 4-й седмицы Великого поста¹²¹. Длительное время листы служили обложкой, поэтому сторона, бывшая внешней, у них сильно загрязнена. Их максимальный размер 312 × 250 мм, площадь текста, написанного в 2 столбца, 220 × 160 мм. На странице 30 строк, высота букв около 3 мм. Сравнение почерка отрывков с письмом Триоди Цветной не оставляет сомнений в том, что они написаны одной рукой. Дата рукописи и несомненная принадлежность текста к новому («святогорскому») переводу¹²² заставляют полагать, что это именно два тома комплекта, написанные одним писцом, а не части одной, включавшей и Постную, и Цветную Триоди. В свете отмеченных палеографических аналогий речь идет о весьма раннем списке нового, правленого текста.

8. Часослов или Псалтырь с Часословом. Отрывки. Середина — третья четверть XIV в. (С.-Петербург. БАН, Дмитр. 46; Париж. Нац. библиотека, Слав. 56).

Листок из пергаменного Часослова середины XIV в., хранящийся в том же собрании А. А. Дмитриевского под соседним с предыдущей рукописью № 46 и содержащий отрывок молитв Великого повечерия¹²³, имеет на себе помету последнего владельца о происхождении из кодекса, принадлежавшего афонскому монастырю Св. Павла. Писец связан с хиландарской книгописной школой середины — второй половины XIV в., его письмо обнаруживает явную близость почеркам Феоктиста, Романа I¹²⁴, анагоста Иоанна и его сотрудников¹²⁵, одного из писцов Венского Евангелия 1372 г. (Вена, Нац. Библиотека, Слав. 52)¹²⁶, а также (до некоторой степени) Дионисия¹²⁷ и писца Мюнхенской лицевой Псалтыри¹²⁸ (последних сближает с писцом отрывка Дмитриевского написание X особой формы, с непропорционально большим верхом). Бесспорно из того же кодекса происходит пергаменная восьмиллистная тетрадь, хранящаяся в Парижской Национальной библиотеке (Слав. 56) и содержащая псалмы 64—68 (кафизма 9)¹²⁹. Эта тетрадь входит в число сербских рукописей собрания, представленных исключительно отрывками¹³⁰ и не учтенных, к сожалению, в описании Т. Йовановича 1981 г.¹³¹ У отрывков совпадают помимо почерка размеры листа (210 × 170 мм), текстового поля (135 × 85 мм) и количество строк (15—16 в парижском отрывке, 16 в петербургском). Атрибуция позволяет установить происхождение парижской тетради, об истории которой до настоящего времени ничего не было известно¹³².

9. Поучения аввы Дорофея. Третья четверть XIV в. (Тверь, Музей-заповедник, инв. 3062; София, Центр славяно-византийских исследований им. И. Дуйчева, Cod. D. Slavo 16).

Случай представляет пример сложной, многоступенчатой атрибуции — сначала определение писца, затем содержания и, наконец, отождествление частей кодекса. В 1989 г. в библиотеку Центра славяно-византийских исследований им. Ивана Дуйчева в Софии в дар от А. Радужева поступили четыре листка из бумажной сербской рукописи XIV в. Отрывки получили печатное описание¹³³, но их содер-

жание не было определено — рукопись охарактеризована здесь как «монашеский сборник»¹³⁴. Вскоре после этого с листками работала И. Шпадиер, которая вполне обоснованно отождествила их писца с известным хиландарским книгописцем середины — третьей четверти XIV в. «таха монахом» Марком¹³⁵ и поместила при статье воспроизведение всех 8 страниц рукописи¹³⁶. Вопрос содержания отрывков не интересовал исследовательницу специально, поэтому в ее работе они также фигурируют под именем «монашеского сборника». По счастливой случайности я смог ознакомиться со статьей о софийских отрывках почти сразу после ее публикации (в августе 2002 г. в Белграде) и был поражен сходством их внешних признаков (почерк, размер листов и текстового поля) с отрывком сербской рукописи, содержащей Поучения аввы Дорофея, из собрания Тверского музея-заповедника¹³⁷. При проверке выяснилось, что софийские листки действительно содержат текст этого памятника, а именно отрывки «слов» 9 (л. 3), 13 (л. 1—2) и 14 (л. 4) Поучений Дорофея; попутно удалось установить правильный порядок листов. Тверской отрывок состоит из 48 листов и содержит житие Дорофея, повесть о его ученике Досифее и три первых поучения¹³⁸; таким образом, между сохранившимися частями кодекса значительный разрыв. При некоторой разнице в размере листов (тверская часть обрезана при переплетении в XIX в.), они имеют одинаковую площадь текста (142 × 82 мм) и равное число строк на странице (18). Бумага тверской и софийской частей имеет разные, но современные друг другу филигранные: в первой это «груша с двумя листьями», широко датируемая И. В. Поздеевой в рамках 1330—1360-х гг.¹³⁹, во второй — «трезубец» (ок. 1366/7 г.)¹⁴⁰. История и обстоятельства разделения кодекса остаются невыясненными (тверская часть находилась в России уже в 1870-х гг.)¹⁴¹.

10. Псалтырь с воследованием, написанная по латинскому палимпсесту. Конец XIV(?) — начало XV в. (Москва, РГБ, собр. П. И. Севастьянова (ф. 270) разд. II, № 6 / М. 1435; Париж, Нац. библиотека, Слав. 44; Вена, Нац. библиотека, Слав. 141).

Основная часть рукописи (253 л. размером 203 × 145 мм), содержащая собственно Псалтырь, Часослов, Тропарник, с 1874 г. находится в Московском публичном и Румянцевском музеях (ныне РГБ), куда поступила в составе собрания П. И. Севастьянова. В 1881 г. вышло описание собрания, в котором кодекс был датирован XV в.¹⁴² В вышедшей одновременно сводке архимандрита Леонида, посвященной сербским рукописям в собраниях Москвы и Подмосковья¹⁴³, она упоминается с датировкой XIV в. Предшествующая история кодекса нигде не зафиксирована, т. е. последний владелец в равной мере мог приобрести его как на Афоне, так и во время путешествия в западную часть Балканского полуострова¹⁴⁴. Особенности начерков букв достаточно подробно рассмотрены П. А. Лавровым¹⁴⁵, опубликовавшим в палеографическом альбоме снимок одной страницы рукописи¹⁴⁶, которую он вслед за А. Е. Викторовым датировал XV в. Редкость славянских рукописей, написанных по смытому латинскому письму¹⁴⁷, делает эту особенность важнейшей приметой при отождествлении разрозненных частей кодекса, хотя и ее почерк (ил. 8) тоже трудно с чем-либо перепутать. В 1976 г. в сводном каталоге славянских

рукописей австрийских хранилищ, составленном Г. Биркфельнером, появилось описание отрывка пергаменной сербской Псалтыри (датированного XIV в.), написанной по латинскому палимпсесту (Вена, Нац. б-ка, Слав. 141)¹⁴⁸. Венский отрывок был приобретен Императорской Придворной библиотекой в 1891 г. в числе рукописей, оставшихся после смерти Ф. Миклошича¹⁴⁹. За давностью времен и отсутствием каких-либо сведений не удастся установить, поступил ли отрывок к венскому слависту от П. И. Севастьянова (что в принципе вполне возможно), или же попал независимо иным путем. Венский отрывок не был учтен в существующих на сегодняшний день сводках славянских палимпсестов¹⁵⁰. При просмотре фрагмента в декабре 2004 г. у меня не возникло ни малейших сомнений в его происхождении из севастьяновского кодекса. Окончательно убеждает в принадлежности к нему венской тетради (содержащей Пс. XXXIX.6—XLVII.15) то, что она имеет № 6 кириллической цифирью и без остатка заполняет лауну между листами 38 и 39 московской части. Еще одна полная восьмилистная тетрадь (№ 4) из севастьяновской рукописи хранится в Парижской Национальной библиотеке под шифром Слав. 44¹⁵¹. В московской части она целиком восполняет лауну между л. 23 и 24 (содержит Пс. XXV.4—XXXIII.14). Честь отождествления парижской и московской частей принадлежит К. Станчеву, который видел первую в 1980 г. Сам он, к сожалению, так и не собрался написать о славянских рукописях Парижской библиотеки неболгарского происхождения, хотя и намеревался сделать это¹⁵², но о палимпсестном отрывке сообщил Т. Крыстанову, который поместил информацию о нем в своей статье¹⁵³. С атрибуцией, как видно по снимкам (ил. 9), невозможно не согласиться¹⁵⁴. Формальные параметры всех частей совпадают. Об истории парижской тетради ничего не известно. Нельзя исключить, что и она представляет подарок П. И. Севастьянова Национальной библиотеке¹⁵⁵.

Примечания

¹ В исследовательской литературе с давних пор традиционно принято осуждать ученых путешественников XIX в. (в особенности русских, и прежде всего В. И. Григоровича и еп. Порфирия Успенского) за привычку изымать (а попросту говоря — красть) отдельные листы и тетради из древних рукописей монастырских хранилищ, отмечая при этом как особый цинизм их собственноручные пометы с указанием на место «приобретения» (см., например: *Антонин (Капустин), архим.* Записки поклонника Святой Горы. Киев, 1864 (где буквально на протяжении всего повествования разбросаны выпады в адрес В. И. Григоровича и отчасти Порфирия); *Дмитриевский А. А.* Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В. И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) // *Byzantinorussica*. М., 1994. № 1. С. 166). Между тем, значение подобной информации оказывается по прошествии времени буквально неоценимым во многих смыслах (см., например, разделы 7 и 8 настоящей работы, а также: *Турилов А. А.* К истории второй (македонской) рукописной коллекции А. Ф. Гильфердинга // *Славянский альманах 2002*. М., 2003 (далее — *Турилов А. А.* К истории второй (македонской) рукописной коллекции...). С. 130—143), потому что многие рукописи, даже надежно реконструированные, нередко лишены истории бытования. Кстати, сам А. А. Дмитриевский, как нетрудно убедиться даже из настоящей статьи (кроме того, см. также: *Пергаменные рукописи Библиотеки Академии*

наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976. С. 15, 102, 113, 121, 123, 163, 177), также постоянно честно отмечал происхождение отрывков в своей коллекции, нимало не отличаясь в этом смысле от критикуемых им предшественников.

² Наиболее продуктивными в плане отождествления отрывков оказываются обычно обобщающие археографические предприятия — составление сводных каталогов и их предварительных списков (инвентарей), когда активизируется большой материал и естественным образом возрастает «насмотренность» исследователей в почерках. Так, только в процессе подготовки Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XI—XIII вв., хранящихся в СССР (СК XI—XIII), были отождествлены части 21 рукописи, находящихся в хранилищах разных стран (СК XI—XIII. М., 1984. № 103—104, 107 и 139, 115—116, 124—125, 130—132, 133—134, 153—154, 156—157, 166 и 304—305, 202—203, 215—216, 222, 321—322, 336, 345 и 400, 365—366, 378, 389—390, 398, 405—410, 420, 421—424, 445—448, 461—462, 473—474), в том числе 4 сербских (№ 215—216, 336, 345 и 400, 461—462). При подготовке первого выпуска Сводного каталога XIV в. (СК XIV. Вып. 1) были отождествлены части 40 рукописей (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. М., 2002. Вып. 1. № 2, 18, 49—50, 62, 78, 91—92, 117—118, 121—122, 147, 158 и 212, 161—163, 193—194, 232, 238—240, 262, 265—267, 290, 291, 304—305, 317—319, 336—337; дб, д41, д13—14, д39, д69; Приложение 1, № 28, 34—35, 36, 71, 166, 229 и 308, 269, 317, 321—322, 348, 362, 377, 405—410, 477), в том числе 13 сербских (№ 2, 49—50, 62, 117—118, 232, 238—240, 262, 265—267, 290, 291, 317—319, дб, д41).

³ Остановлюсь лишь на двух вполне показательных примерах с пергаменными сербскими Четвероевангелиями. Части первого из них, разделенного ныне между БАН Румынии в Бухаресте (Слав. 177 — 138 л.), Республиканской библиотекой Казахстана (№ 2. 417 — 78 л.), собр. П. И. Шукина в ГИМ, № 861 (60 л.), и Псковским музеем-заповедником (ф. архиеп. Арсения (Стадницкого), № 2483 — 3 л.), отождествлены в процессе подготовки вып. 1 СК XIV (№ 317—319). Судьба псковских и московского отрывков достаточно ясны: архиепископ (позднее митрополит) Арсений занимался историей румынской церкви и неоднократно посещал страну (см.: Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 409, 410, 415), А. И. Яцимирский, о занятиях которого в румынских хранилищах говорить излишне, не только описал рукописное собрание П. И. Шукина, но и служил, вероятно, одним из важных источников его пополнения. Достаточно сказать, что простые, обтянутые холстом переплеты двух шукинских сборников (№ 369 и 370), состоящих из отрывков кодексов, основная часть которых и доныне находится в Румынии, имеют ближайшую аналогию среди переплетов рукописей собрания Яцимирского (напр.: СПб., БАН, Основное собр., 13. 3. 21 и 13. 3. 36). Напротив, история алма-атинской части в XX в. покрыта мраком неизвестности. Описание А. И. Яцимирского — судя по указанному в нем количеству листов (216), равному совокупности современных алма-атинского и бухарестского фрагментов — еще фиксирует ее присутствие в Музее древностей в Бухаресте в конце XIX столетия (*Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905. Национальный музей древностей, № 8). Возможно, рукопись каким-то образом разделилась во время эвакуации 1916—1917 гг. и позднее вернулась в Бухарест лишь частично. Попутно хочу коснуться вопроса датировки этого незаурядного кодекса. В современной сербской литературе он (точнее, его бухарестская часть) датируется второй четвертью XV в. (см.: *Васиьев Л., Гроздановић-Пајић М., Јовановић-Ститчевић Б.* Ново датирање српских рукописа у Библиотеци Румунске Академије наука // Археографски прилози. Београд, 1980. Бр. 2. С. 51, № 26). С этим, однако, не вполне согласуется следующее обстоятельство. Рукопись несомненно написана тем же писцом (образец почерка и орнаментики, правда, не

очень высокого качества, и при этом с ошибочной датировкой и атрибуцией кодекса умершему в 1501 г. Феодору Маришеску, см.: *Drăguț V. Dicționar enciclopedic de artă medievală românească. București, 1976. P. 201*), что и пергаменное Евангелие тетр из собрания НБКМ в Софии, № 24 (образцы почерка и орнаментики см.: *Стоянов М. Украса на славянските ръкописи в България. София, 1973. С. 81—82, № 95*), датируемом в литературе рубежом XIV—XV вв. (*Цонев Б. Опис на ръкописите и старопечатни книги на Народната библиотека в София. София, 1910. [Т. 1]. С. 24—25; Стоянов М. Украса... С. 81*). Чуть позже (началом XV в.) датируется по филиграммам хиландарская (№ 2) бумажная рукопись того же содержания (*Богдановић Д. Каталог Хирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 54; Matejic P. Watermarks of the Hilandar Slavic Codices / A Descriptive Catalog. Sofia, 1981. P. 1*), написанная хотя и не идентичным, но чрезвычайно близким почерком (образцы см.: *Богдановић Д. Каталог... Палеографски албум. Табл. 87; Максимовић Ј. Српске средњовековне минијатуре. Београд, 1983. Ил. 147—149; Шнадијер И. Рукописно наслеђе // Манастир Хиландар / Приредио Г. Суботић. Београд, 1998. С. 118—119*). В совокупности это и определило предложенную в СК XIV датировку. Второй пример представляет рассмотренное здесь под № 4 Евангелие тетр первой трети XIV в., разделенное между 6-ю собраниями 5-ти хранилищ 4-х городов 4-х стран.

⁴ Это заметно, даже если оставить в стороне атрибуции, выполненные сербскими учеными (см. примеч. 7). Так, в вып. 1 СК XIV отождествления отрывков сербских рукописей (количество которых достигает здесь примерно 25 %) составляют треть от общего числа идентификаций (см. примеч. 2). Отождествления частей сербских рукописей появляются время от времени и в болгарской исследовательской литературе — см., напр.: *Стефанов П. Неизвестные рукописи XII—XVIII вв. // Études balkaniques. Sofia, 1982, № 3. С. 109—113, № 1—2; Станкова Р. Идентификация на един фрагмент от служебен миней за октомври в НБКМ // В памет на Петър Диневков: Традиция. Преємственост. Новаторство. София, 2001. С. 171—177 (далее — *Станкова Р. Идентификация...*).*

В связи с атрибуцией почерков рукописей конкретным писцам хотелось бы исправить досадную оплошность, возникшую при недавней публикации каталога выставки «Древности монастырей Афона в России: Из музеев, библиотек, архивов Москвы и Подмоскovie» (М., 2004). Она возникла в результате спешки при подготовке издания и невозможности проверить соответствие отснятого иллюстративного материала данным описательных статей. Так, на с. 169 (№ III. 6) помещен образец почерка писца Романа II по классификации Л. Цернич (см.: *Церний Л. О атрибуции средњовековних српских хирилских рукописа // Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности. Београд, 1981. С. 349—350. Сл. 36—37*), в то время как основная часть кодекса написана Романом I (кстати, в настоящий момент это единственная известная рукопись, написанная обоими соименными писцами). По странному совпадению на с. 176 (№ III. 12) вместо начального (бумажного) листа рукописи ГИМ, Син. 82, содержащей Житие Панкратия Тавроменийского и написанной хиландарским писцом «грешным» Михо (которым переписан также кодекс Одесса, ГНБ, 1/97 (СК XIV. Вып. 1. № 333); образцы почерка см.: *Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914. С. 231—233, сн. 249—252*), помещен первый защитный (пергаменный) лист того же кодекса, взятый из Евангелия тетр середины XIV в., переписанного именно Романом I (о рукописи см.: СК XIV. Вып. 1. № 262, 332; образцы почерка Романа I — *Церний Л. О атрибуции... С. 348—349. Сл. 34, 35*). И наконец, на с. 192 (№ III.22) в качестве иллюстрации к статье, посвященной отрывку восточнославянского Евангелия тетр (РГБ, собр. П. И. Севастьянова, II.16/2) помещен снимок сербского Евангелия, хранящегося под соседним номером (II.16/1).

⁵ Одна из них может состоять в том, что бумажные рукописи (окончательно возобладав-шие после этого столетия) в значительно меньшей мере, чем пергаменные, использовались на защитные листы и обложки. Возможно также, что XIV в. составляет определенный рубеж в безудержном фрагментировании рядовых по содержанию рукописей (прежде всего, литургических) еще и потому, что пергамен и бумага подспудно ассоциировались у исследователей и коллекционеров соответственно с понятиями «древность» и (хотя бы относительная) новизна (здесь уместно напомнить, что едва ли не большинство бумажных рукописей, относимых ныне к XIV столетию, до конца XIX в. датировалось (во всяком случае, в русской научной литературе) XV в.

⁶ Инвентаризация и каталогизация славянских рукописей, предпринятые в течение последних десятилетий в разных странах, позволяют говорить, что в мире хранится в настоящее время не менее 1000 сербских рукописей XIV в. (включая отрывки), не считая погибших или пропавших во время Второй мировой войны (не менее 104 — *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI—XVII века). Београд, 1982. С. 191—222). Подсчеты выполнены по преимуществу на основании сводных справочников, с учетом уточнений существующих датировок. Наибольшее число сербских рукописей этого столетия (не менее 320) находится, естественно, в хранилищах бывшей Югославии (*Богдановић Д.* Инвентар... С. 17—140; *Штављанин-Ђорђевић Љ.* Нови ћирилски рукописи у збирци Народне библиотеке Србије // Археографски прилози. Београд, 1989. Бр. 10/11. С. 65—66; *Ступчевић Б.* Средњовековно писано наслеђе у заоставштини Лубомира Ковачевића // Там же. С. 75—78; *Цветковић Б.* Тирићеви хиландарски одломци из збирке Завичајног музеја у Јагодине // Там же. Београд, 1994. Бр. 16. С. 91—140). Как минимум 284 сербских рукописи, датируемых XIV в., хранится в собраниях бывшего СССР (СК XIV. Вып. 1. С. 682; Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 215—265; Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV вв., хранящихся в СССР. М., 1986. Приложение. С. 368—373; Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (М., 1986)». М., 1993. С. 43—47), свыше 174 — в Греции, преимущественно на Афоне (Славянские рукописи афонских обителей / Сост. А. А. Турилов, Л. В. Мошкова; Под ред. А. Э. Н. Тахиаоса. Фессалоники, 1999), и, вероятно, никак не менее 100 в Болгарии. Остальные собрания существенно меньше: около 40 рукописей в Палестине и на Синае (*Розов В. А.* Српски рукописи Јерусалима и Синаја // ЈФ. Београд, 1929. Бр. 5. С. 118—129; *Недомачки В.* О српским рукописима у библиотеци Грчке православне патријаршије у Јерусалиму // АП. Београд, 1980. Бр. 2. С. 71—118; *Tarnanidis J.* The Slavonic Manuscripts discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988), свыше 25 в Румынии (*Васиљев Љ., Гроздановић-Пајућ М., Јовановић-Ступчевић Б.* Ново датиране... С. 41—70), 25 в Австрии (*Birkfellner G.* Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975), около 20 в Германии (Katalog der slavischen Handschriften in Bibliotheken der Bundesrepublik Deutschland / Bearbeitet von E. Matthes. Wiesbaden, 1990), примерно по десятку в Великобритании с Ирландией (A Union Catalogue of Cyrillic Manuscripts in British and Irish Collections / Compiled by R. Clemenson. London, 1988; далее — A Union Catalogue...) и во Франции (*Јовановић Т.* Инвентар српских ћирилских рукописа Народне библиотеке у Паризу // АП. Београд, 1981. Бр. 3 (далее — *Јовановић Т.* Инвентар...). С. 299—331). Отдельные рукописи имеются также в Чехии, Италии (включая Ватикан), Венгрии, США и Словакии. Следует, правда, иметь в виду, что в это число входит большое число отрывков, с учетом идентификации которых общее количество может сократиться до 20 % (если не больше). Тем не менее цифра оказывается весьма внушительной. Поэтому сейчас в высшей мере удивительно читать слова одного из классиков славянской кириллической палеогра-

фии: «Сербская письменность вообще была невелика, а в конце XIV в., после разгрома югославян турками, она еще больше уменьшилась» (*Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 (репринт — М., 1979). С. 319).

Обращение к корпусу древнерусских (восточнославянских) рукописей XIV в. (в предшествующем столетии безусловно преобладающих в кириллической традиции — см.: СК XI—XIII и СК XIV. Вып. 1. Прилож. 1 и 2) дает иную картину. Здесь подавляющее большинство (порядка 95 %) рукописей сосредоточено в собраниях бывшего СССР, отдельные рукописи зарубежных хранилищ существенно на ситуацию не влияют (наибольшее число их находится в архивах и библиотеках Швеции, но все это отрывки кодексов, представленных, как правило, другими частями и в коллекции «Финляндских отрывков» БАН в Петербурге). ПС XI—XIV (с. 182) приводит цифру 645 рукописей восточнославянского извода до рубежа XIV—XV вв. (это превышает совокупное число сербских рукописей в хранилищах бывших Югославии и СССР — см. выше), однако в реальности она существенно меньше — едва ли достигает 550. Дело в том, что в процессе подготовки СК XIV большое число (не менее 150) восточнославянских рукописей, учтенных в ПС XI—XIV, было передатировано в XV в. (см.: СК XIV. Вып. 1. С. 8, 15), а 15 в XII и XIII вв. (Там же. Прилож. 2. С. 598, 604, 608, 610, 618, 620, 621, 623—625, 635, 641, 653, 664). Это существенное уменьшение корпуса рукописей не компенсируется в полной мере ни вновь выявленными рукописями, ни передатировками. О причинах и критериях столь масштабных передатировок см.: *Турилов А. А.* Предисловие (опыт авторцензии) // Дополнения к «Предварительному списку...». С. 12—13, 30—33; СК XIV. Вып. 1. С. 12—13, 16.

⁷ Прежде всего речь идет о работах Л. Цернич, а также о статьях Л. Василев, К. Манозиси, Б. Стипчевич и И. Шпадиер, многие из которых опубликованы на страницах «Археографских прилогов».

⁸ *Турилов А. А.* К истории второй (македонской) рукописной коллекции...; *Он же.* Сербские отрывки XIII—XVI вв. в собрании Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне (Ч. 1: Рукописи XIII—XIV вв.) // Археографски прилози. Београд, 2006. Бр. 28 (далее — *Турилов А. А.* Сербские отрывки...). С. 53—104. Из новейших работ, посвященных отождествлению отрывков сербских рукописей XIV в. см. также: *Ostapczuk J.* Nezidentyfikowane cerkiewnoslowianske rękopisy Ewangellii ze zbiorów Biblioteki Patriarszej w Belgradzie // Rocznik Teologiczny. W-wa, 2007. Rok 49. Zesz. 1—2. S. 59—60, 67, zd. 3 (автор здесь исследовал и опубликовал снимок почерка пергаменного боснийского Евангелия, который позднее (в письме ко мне) определил как отрывок Врутоцкого Евангелия — ср. образцы почерка: *Kuna H.* Srednjovekovna bosanska književnost. Saraevo, 2008 (= Forum Bosnae, 45/08). S. 194—198); *Sergeev A. G.* Атрибуция некоторых сербских рукописей XIV в. из собрания БАН // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона / Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2008. С. 165—168.

⁹ *Мошин В.* Тирилски рукописи у Повијесном музеју Хрватске. Копитарева збирка словенских рукописа и Цојсов ћирилски одломак у Лублани. Београд, 1971 (= Опис јужнословенских ћирилских рукописа. Т. 1; далее — *Мошин В.* Ћирилски рукописи...). С. 117—182.

¹⁰ Там же. С. 117.

¹¹ Наряду с кириллическими рукописями, преобладающими в коллекции, здесь были описаны также глаголический (С. 174, № 25) и два написанных латиницей (С. 179, № 28; 182, № 34) кодекса.

¹² Там же. С. 121, № 1.

¹³ Образцы почерка см.: Там же. Палеографски албум. Табл. 12—15.

¹⁴ *Стефановић Д.* Палеографске белешке о старим српским и неким другим рукописима у Великој Британији // Археографски прилози. Београд, 1984—1985. Бр. 6—7. С. 51—129 (далее — *Стефановић Д.* Палеографске белешке...).

¹⁵ Там же. С. 63—65, № 6.

¹⁶ В определенной мере эта датировка базируется на сведениях английского каталога, в котором рукопись на неизвестном основании отнесена к 1332 г. (Там же. С. 64).

¹⁷ Там же. С. 104—105. Сл. 13—14.

¹⁸ Описание палеографических особенностей лондонской рукописи см.: Там же. С. 64.

¹⁹ Ср. *Мошин В.* Ћирилски рукописи... Палеографски албум. Табл. 12—15, и *Стефановић Д.* Палеографске белешке... С. 104—105. Сл. 13—14.

²⁰ Ср.: *Стефановић Д.* Палеографске белешке... С. 105. Сл. 14, и *Mošin V.* Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije. Zageb, 1952 (далее — *Mošin V.* Ćirilski rukopisi...). Dio 2 (Reprodukcije). S. 28, гер. 25; *Максимовић Ј.* Српске средњовековне минијатуре. Београд, 1983 (далее — *Максимовић Ј.* Српске средњовековне минијатуре...). Ил. 51.

²¹ A Union Catalogue... P. 78 (№ 62). Размер листов (350 × 275 мм), указанный в заметках Д. Стефановича (с. 63) относится к рамке паспарту, в которую древние листы были помещены при переплетении в XIX в.

²² *Мошин В.* Ћирилски рукописи... С. 121.

²³ *Стефановић Д.* Палеографске белешке... С. 64.

²⁴ A Union Catalogue... P. 78—80.

²⁵ *Стефановић Д.* Палеографске белешке... С. 64; A Union Catalogue... P. 78.

²⁶ См., к примеру, л. 6 люблянской части — *Мошин В.* Ћирилски рукописи... Палеографски албум. Табл. 14—15.

²⁷ Р. Клеменсон (A Union Catalogue... P. 78) широко датирует лондонскую рукопись XIV в.

²⁸ О примерах продолжительности жизни и творческой активности славянских книгописцев XIV—XV вв. см.: *Турилов А. А.* Мастер Яковишко — малоизвестный новгородский книгописец середины XV в. // Хризограф: Сб. статей к юбилею Г. З. Быковой. М., 2003. С. 166—167, 179—180.

²⁹ См., например, такие памятники эпохи краля Стефана Уроша III как хрисовулы Дечанского монастыря (*Ивић П., Грковић М.* Дечанске хрисовуље. Нови Сад, 1976; *Грковић М.* Прва хрисовула манастира Дечани. Београд, 2004. С. [107—146]), поразительная по архаичности письма (вполне XIII-векового по облику) грамота этого правителя монастырю Петра и Павла на Лиме, датируемая 1324—1331 гг. (см.: *Тријућ В.* Повельа краља Стефана Дечанског манастиру светих апостола Петра и Павла на Лиму // Стари српски архив. Београд, 2006. Књ. 5; цветная вклейка между с. 54 и 55), или Евангелие апракос 1329 г. Павлова монастыря на Афоне. Большая часть последней рукописи погибла при пожаре монастырской библиотеки в начале XX в., однако сравнительно недавно Н. Б. Тихомиров установил (СК XIV. Вып. 1, № 117 и 118), что из нее происходят отрывки РГБ, собр. В. И. Григоровича, № 11. VIII и 11. IX, а также Лондон, Британская библиотека, Add. MS 19, 393 (лучшие воспроизведения см.: *Dzurova A., Dujcev I.* Manuscripts from the British Museum and Library. Sofia, 1977. Pl. XXV; *Васильев Л.* Три рукописних фрагмента из Лењинове библиотеке у Москви // Археографски прилози. Београд, 1987. Бр. 9. С. 38—49, сл. 1—12; Древности монастырей Афона в России. М., 2004. С. 183; Кат. № III.16). Показательно при этом, что Л. Васильев (Три рукописних фрагмента... С. 33, 38—49) датировала рукопись началом XIV в., а Д. Стефанович, широко датирующий лондонские отрывки Add. MS 19, 393 первыми десятилетиями XIV в., определяет их письмо как «уједначени крупни устав Милутинова доба» (Палеографски белешки... С. 63).

³⁰ Пишу это вовсе не для того, чтобы в какой-то мере подвергнуть сомнению авторитет и научное значение работ В. А. Мошина, по праву считающегося одним из столпов и классиков кириллической палеографии середины — второй половины XX в.

³¹ На это обстоятельство еще в начале 1970-х гг. справедливо обратила внимание Л. П. Жуковская, отождествившая между собой две части Евангелия апракос полного из собрания Архива ХАЗУ в Загребе, описанные в каталоге В. А. Мошина (*Mošin V. Ćirilski rukopisi... Dio I. S. 122—123 и 126; № 65, 68*) как две отдельные рукописи («Калинниково» и «Лесновское» Евангелия) с различающейся узкой датировкой — соответственно, конец XIII — начало XIV в. и первая половина XIV в. (*Жуковская Л. П. О правомерности «широких дат» для пергаменных рукописей (на материале рукописей III b 22 и IV d 12 Югославянской Академии) // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 39—53.*

³² Так, В. А. Мошин датировал последней четвертью XIII в. Евангелие № 1 из собрания Печской патриархии (*Мошин В. Рукописи Пећке патријаршије // Старине Косова и Метохије. Приштина, (1968)—1971. Књ. 4—5. С. 6*), написанное столь крупным почерком, что на 402 листах размером 355 × 255 мм поместились только тексты от Луки и Иоанна. Между тем, недавно сербские коллеги акад. А. Младенович, К. Мано-Зиси и Я. Неделькович убедительно отождествили писца рукописи со студеницким архимандритом Николой, переписавшим в 1329 г. Евангелие апракос (см выше, примеч. 29). Печскую рукопись, таким образом, трудно датировать раньше самого конца XIII в. (см. об этом подробнее статью «Милешевский Панегирик и Гомилиарий Михановича — к датировке и происхождению двух древнейших сербских списков Торжественника общего» в настоящем сборнике). Число таких примеров вовсе не трудно умножить — см. также предшествующее примечание. С 1980-х гг. названная тенденция начала преодолеваться — см., к примеру: *Васиљев Љ. Геометријски иницијал од средине XIII до двадесетих година XIV в. и његов палеографски значај у датирању српских пергаментних рукописа // Археографски прилози. Београд, 1984—1985. Бр. 6—7 (далее — Васиљев Љ. Геометријски иницијал...).* С. 131—156. Ср. также датировки, основанные на художественных критериях: *Максимовић Ј. Српске средњовековне минијатуре... С. 90—118 (Грађа. № 3—37).*

³³ См.: *Харисијадис М. Пергаментни рукописи Државне библиотеке у Берлину // Сборник за ликовне уметности. Нови Сад, 1977. Бр. 13 (далее — Харисијадис М. Пергаментни рукописи...).* С. 178—180; *Matthes E. Katalog der slavischen Handschriften in Bibliotheken der Bundesrepublik Deutschland. Wiesbaden, 1990. S. 17—18, № 19 (рукопись датирована XIV в.; здесь же предшествующая библиография).*

³⁴ См.: *Харисијадис М. Пергаментни рукописи... Сл. 1—6.*

³⁵ Там же.

³⁶ См.: Там же. Сл. 1.

³⁷ Ср.: *Стефановић Д. Палеографске белешке... С. 105. Сл. 14.*

³⁸ *Харисијадис М. Пергаментни рукописи... С. 178—180.*

³⁹ *Христова Б., Караджова Д., Вутова Н. Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. София, 1996. Т. 5 (далее — Христова Б. и др. Опис...).*

⁴⁰ *Станкова Р. Идентификация... С. 171—172.*

⁴¹ *Христова Б. и др. Опис... Табл. 30.*

⁴² Описание отрывка (с датировкой первой четвертью XIV в.) см.: Там же. С. 42.

⁴³ *Цонев Б. Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. София, 1923. Т. 2 (далее — Цонев Б. Опис... Т. 2). С. 50. Снимка рукописи в этом описании, к сожалению, не приложено.*

⁴⁴ *Станчев К. Опис на славянските ръкописи в Пловдивската Народна библиотека «Иван Вазов», постъпили след 1920 год. София, 1982 (далее — Станчев К. Опис...).*

⁴⁵ Там же. С. 19—20.

⁴⁶ Там же. Табл. 10.

⁴⁷ См.: *Христова Б. и др.* Опис... Табл. 30.

⁴⁸ См.: *Цонев Б.* Опис... Т. 2. С. 50—51.

⁴⁹ О самостоятельной нумерации тетрадей софийской Минеи см.: Там же. С. 51.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Описание рукописи см.: *Mošin V. Ćirilski rukopisi... Dio 1. S. 214, № 148; Максимовић Ј.* Српске средњовековне минијатуре... С. 98 (Грађа, № 15). Й. Максимович в примечании сообщает, что в Сопочанах была найдена надгробная плита с именем анагноста Георгия, однако нельзя с уверенностью сказать, относится ли она к писцу Триоди.

⁵² В «шапке» описательной статьи и в подписи к репродукции В. А. Мошин датирует рукопись началом XIV в. В самом описании датировка определяется как первая четверть этого столетия, отмечаются черты сходства с почерками рубежа XIII—XIV вв.

⁵³ Датировка загребской рукописи у Й. Максимович выглядит довольно несогласованной. В подписях к снимкам она датирована первой четвертью XIV в., однако в тексте исследования (С. 40, 54) и в описании (С. 98. Грађа, № 15) Триодь Георгия (возможно, из-за близости заставки-рамки в форме храма на л. 1 к аналогичной конструкции в Паренесисе Ефрема Сирина 1337 г. — Белград, Архив САНУ, № 60) рассматривается в круге памятников 1330-х гг., что представляется излишне поздним.

⁵⁴ Образцы почерка Георгия см.: *Mošin V. Ćirilski rukopisi... Dio 2. S. 29, регр. 26; Максимовић Ј.* Српске средњовековне минијатуре... Ил. 66—69; *Понов Г.* Триодни произведения на Константин Преславски. София, 1985 (= КМС. Кн. 2). С. 632—633, сн. 12—13.

⁵⁵ Библиографию см.: СК XIV. С. 379—380, № 242.

⁵⁶ Подробнее об этом см.: *Турилов А. А.* К истории второй (македонской) рукописенной коллекции... С. 132, 140.

⁵⁷ О датировке см.: СК XIV. С. 379, № 242.

⁵⁸ *Турилов А. А.* Из какого евангельского кодекса происходит послесловие анагноста Радина? // *Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов.* СПб., 2010. С. 117—127. Рис. 50—52.

⁵⁹ *Birkfellner G.* Glagolitische und kyrillische Handschriften...

⁶⁰ *Idem.* Ein unbekanntes serbisch-kirchenslavisches Pergamentfragment // *Wiener slavistischer Almanach.* 1978. Bd. 2. S. 269—277.

⁶¹ Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить коллегу проф. Йоханнеса Райнхарта, уклавшего мне этот отрывок и публикацию о нем.

⁶² *Христова Б. и др.* Опис... С. 19, 231 (табл. 11).

⁶³ На лицевой стороне л. 1 имеются старые инвентарные номера (7455 и 10100), но их происхождение не устанавливается.

⁶⁴ О том, что это не опечатка, свидетельствует тот факт, что описание отрывка помещено в каталоге после Евангелия (№ 1457), датированного серединой XIV в. (Там же. С. 17, № 1357).

⁶⁵ К сожалению, я не смог получить снимок одесского кодекса.

⁶⁶ Хотя я просматривал *de visu* подавляющее большинство рукописей (никак не меньше 75 %) при подготовке выпуска 1 СК XIV, это не относилось к рукописям РГБ, которые описывал Н. Б. Тихомиров. Этим и объясняется запоздалое отождествление венской, одесской и софийской частей кодекса с московскими.

⁶⁷ Интересно отметить, сколь по-разному пострадали листы, находящиеся близко друг от друга. У венских листков утрачено нижнее поле, у ближайших к ним, находящихся в начале одесской части, заметно пострадало верхнее поле. У софийских листков утрачен низ с ча-

стью последней строки, у находившихся неподалеку музейских отрывков — верх с частью первой. Все это свидетельствует, что перед разделением на части рукопись находилась в разбитом виде, со смещением тетрадей и листов относительно друг друга.

⁶⁸ Письмо второго листа венских отрывков полностью совпадает с тем, которым написана основная часть рукописи (см.: *Birkfellner G.* Ein unbekanntes serbisch-kirchenslavisches Pergamenfragment. S. 276—277).

⁶⁹ Образец почерка (известного мне только по этому воспроизведению) см.: *Цонев Б.* Опис... Т. 2. Табл. 5. В описании (Там же. С. 13—14) рукопись излишне рано датирована XIII в.

⁷⁰ Образцы почерка Бунила см., например: Хиландарске рукописи о постанку словенске писмености. Нови Сад, 1963. С. 1—5; *Богдановић Д.* Каталог... Палеографски албум. Сл. 10; *Ђорђевић П.* Историја српске ћирилице. 2-е изд. Београд, 1987. С. 264. Сл. 39. Один лист из Бунилова Евангелия находится в собрании Руского Пантелеймонова манастира на Афоне — Слав. (см.: *Турилов А. А.* Сербские отрывки... С. 56—57 (№ 2), 67—68, 81—83 (ил. 3—5); здесь же предложено обоснование датировки кодекса около 1282 г.).

⁷¹ 3-й лист отрывков ГИМ, Музейск. 44, которым почти заканчивается Евангелие от Иоанна, был последним в первоначальной 53-й тетради кодекса, о чем свидетельствует кириллический номер на обороте (СК XIV. Вып. 1, № 240). Следующие за этим в литургическом Евангелии тетр тексты должны были занимать еще не менее двух тетрадей.

⁷² См. выше, примеч. 29.

⁷³ О И. С. Ястребове см., напр.: *Станојевић С.* Историја српскога народа у средњем веку. Београд, 1937. I. Извори и историографија. Кн. 1 (О изворима). С. 119—120 (с предшествующей библиографией); *Славяноведение в дореволюционной России / Библиографический словарь.* М., 1979. С. 385—386.

⁷⁴ *Цветковић Б.* Тирићеви хиландарски одломци... С. 91—140.

⁷⁵ См.: *Богдановић Д.* Каталог... С. 39—40.

⁷⁶ *Цветковић Б.* Тирићеви хиландарски одломци... С. 92—96, 113—124. Сл. 1—12.

⁷⁷ Предварительно (без аргументации) об этом отождествлении уже сообщалось ранее (*Славянские рукописи афонских обителей...* С. 158, № 386).

⁷⁸ *Tachiaos A.-E. N.* The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981. P. 38—39. При этом следует отметить, что хотя Л. Цернич, консультировавшая Б. Цветковича (*Цветковић Б.* Тирићеви хиландарски одломци... С. 93) и не установила конкретный кодекс, из которого происходит отрывок Тирич 1, она совершенно справедливо констатировала связь последнего с карейским комплектом Миней служебных, частично хранящимся в Хиландаре (№ 145, 147 — тома на март-май и июнь-июль). К аналогичным выводам (о принадлежности Пант. Слав. 11 (отрывок Тирича в то время еще не был известен) к одному комплекту с хиландарскими томами) пришел и Н. Б. Тихомиров во время работы на Афоне в 1983 г. (*Славянские рукописи афонских обителей.* С. 158, № 386).

⁷⁹ Ср. образцы почерка на снимках в статье Б. Цветковича (С. 113—124) и в каталоге А. Э. Н. Тахиаоса (черно-белый сн. [12]).

⁸⁰ *Tachiaos A.-E. N.* The Slavonic Manuscripts... P. 38.

⁸¹ См.: *Станковић Р.* Водени знаци хиландарских српских рукописних књига XIV в. // Археографски прилози. Београд, 2000—2001 (далее — *Станковић Р.* Водени знаци...). Бр. 22—23. С. 27—28.

⁸² См.: *Богдановић Д.* Каталог... С. 93—94 (№ 145, 147); *Цветковић Б.* Тирићеви хиландарски одломци... С. 93, 106, 107. Некоторые отличия в облике почерка пантелеймоновской и хиландарских миней объясняются разницей писчего материала.

- ⁸³ *Богдановић Д.* Најстарија служба светом Сави. Београд, 1980. С. 8—9, примеч. 20.
- ⁸⁴ Образцы почерка рукописи см.: Там же. Сл. 32; *Максимовић Ј.* Српске средњовековне минијатуре. Ил. 71—74. Ср.: *Tachiaos A.E. N.* The Slavonic Manuscripts... (черно-белый сн. [12]).
- ⁸⁵ См.: *Богдановић Д.* Каталог... С. 174. Образец почерка — Альбом. Репр. 23.
- ⁸⁶ См.: *Богдановић Д.* Каталог... С. 62—63 (Евангелие), 174 (Псалтырь); *Максимовић Ј.* Српске средњовековне минијатуре. Ил. 71—74 (Евангелие).
- ⁸⁷ *Богдановић Д.* Каталог... С. 29, 62—63 (№ 31).
- ⁸⁸ Ср.: *Цветковић Б.* Тирићеви хиландарски одломци... С. 113. Сл. 1; *Максимовић Ј.* Српске средњовековне минијатуре. Ил. 73.
- ⁸⁹ *Живојиновић М.* Историја Хиландара. Београд, 1998. [Књ]. 1 (Од оснивања манастира 1198. до 1335 г.). С. 143—144, 181—182.
- ⁹⁰ Там же. С. 184.
- ⁹¹ См.: *Богдановић Д.* Каталог... С. 96.
- ⁹² См.: Там же. Палеографски албум. Репр. 26.
- ⁹³ *Богдановић Д.* Каталог... С. 96. Образец почерка — Палеографски албум. Репр. 27.
- ⁹⁴ *Цветковић Б.* Тирићеви хиландарски одломци... С. 106, примеч. 9. Образец почерка см.: *Богдановић Д.* Каталог... Палеографски албум. Репр. 33.
- ⁹⁵ Случай представляет идеальный вариант для сопоставления — снимки расположены на развороте.
- ⁹⁶ *Богдановић Д.* Каталог... С. 180; *Matejic. P.* Watermarks of the Hilandar Slavic Codices: A Descriptive Catalog. Sofia, 1981 (= *Balkanica*, III. Etudes et documents, 2). P. 172—173.
- ⁹⁷ *Станковић Р.* Водени знаци... С. 73—74; *Иванова К.* Bibliotheca Hagiografica Balcano-Slavica. София, 2008. С. 149, № 162.
- ⁹⁸ См.: *Богдановић Д.* Каталог... Палеографски албум. Репр. 31.
- ⁹⁹ *Кодов Х.* Опис на славјанските ръкописи в Библиотеката на Българската Академия на науките. София, 1969 (далее — *Кодов Х.* Опис...). С. 20—21 (№ 5), 23—25 (№ 8). Случай представляется если не загадочным, то весьма трудно объяснимым. Вероятнее всего, автор работал с разными частями рукописи не одновременно, а при сведении описательных статей в единый корпус не соотнес их данные между собой.
- ¹⁰⁰ Там же. Табл. 7 и 8.
- ¹⁰¹ См.: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 17—18.
- ¹⁰² *Кодов Х.* Опис... С. 20—21.
- ¹⁰³ Более точно тип книги на этом календарном отрезке не определяется.
- ¹⁰⁴ *Кодов Х.* Опис... С. 23—25.
- ¹⁰⁵ См. там же. Табл. 7 и 8.
- ¹⁰⁶ *Васиљев Љ.* Геометријски иницијал... С. 131—156.
- ¹⁰⁷ Лучший по качеству цветной снимок грамоты в кн.: Манастир Хиландар / Приреднио Г. Суботић. Београд, 1998. С. 129—130.
- ¹⁰⁸ О датировке грамоты см. подробнее: *Кораћ В.* Повельа краља Стефана Душана манастиру Свете Богородице у Тетову // Сборник радова Византолошког института. Београд, 1984. Бр. 23. С. 141—165; *Синдик Д.* Српска средњовековна акта у манастиру Хиландару // Хиландарски зборник. Београд, 1998. Бр. 10. С. 125, № 146/148.
- ¹⁰⁹ *Цветковић Б.* Тирићеви хиландарски одломци... С. 96, 125—126. Сл. 13—14.
- ¹¹⁰ Там же. С. 96—98.
- ¹¹¹ Подробное описание петербургской части см.: Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук... С. 120—121. Рис. 29.
- ¹¹² Ср. также: Там же. Рис. 29.

¹¹³ Цветковий Б. Тирићеви хиландарски одломци... С. 96.

¹¹⁴ См.: Церний Л. О атрибуцији... Сл. 34—35 (Кат. 30—31); Богдановић Д. Каталог... Палеографски албум. Сл. 29, 68.

¹¹⁵ Там же. Сл. 35.

¹¹⁶ Образец почерка см., например: Ђорђић П. Историја... С. 285. Сл. 72. Единственное различие между почерками состоит в том, что в Апостоле М пишется с округлой петлей, а в Триоди — с заостренной.

¹¹⁷ Учитывая, что отрывки Дмитриевского и Тирича происходят из разных частей кодекса (последние содержат отрывок канона на утрени в Неделю всех святых), они уже в конце XIX в. могли служить защитными листами в разных рукописях.

¹¹⁸ Богдановић Д. Каталог... С. 56—57, 319. Меньшая вероятность вторичной принадлежности листов Дмитриевского к кодексу Хил. 8 объясняется тем, что это рукопись по размеру (368 × 295 мм) значительно превосходит отрывки Триоди, но при этом не настолько, чтобы они могли помещаться в кодексе в развернутом виде. Евангелие Дионисия (300 × 210 мм) уже, чем Триодь, однако с нею по размеру могли соотноситься крышки переплета, в настоящее время отсутствующего.

¹¹⁹ В первом издании статьи ошибочно говорилось о двух листах.

¹²⁰ Краткие сведения о всех этих отрывках см.: Славянские рукописи афонских обителей... С. 49, 69—70, 71, 97, 119, 147, 160, 206, 232, 239, 334, 392, 398, 408—409; № 67, 133, 134, 139, 196, 271, 358, 390, 504, 599, 619, 891, 988, 1007, 1043. Рассматриваемый отрывок Триоди постной помещен здесь под № 1007 (С. 398). Более подробно об отрывках сербских рукописей XIII—XIV вв. собрания см.: Турилов А. А. Сербские отрывки... С. 53—104 (об отрывке Триоди — С. 61—62, 72—74; № 6). Вообще же вся эта небольшая коллекция несомненно заслуживает подробного описания и исследования.

¹²¹ Содержание отрывков определено Н. Б. Тихомировым.

¹²² Наблюдение Н. Б. Тихомирова.

¹²³ Описание рукописи см.: Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук... С. 123.

¹²⁴ См. примеч. 108—109.

¹²⁵ Образцы почерка см.: Мано-Зиси К. Анагност Јован, хиландарски писар друге половине XIV в. // Проучавање средњовековних јужнословенских рукописа. Београд, 1995 (Ил. между с. 240 и 241); Она же. Хиландарске писари книга из времена Српског царства // Осам векова Хиландара: Историја, духовни живот, књижевност, уметност и архитектура. Београд, 2000 (Сл. 7—11 между с. 392—393).

¹²⁶ А именно писца Евангелия от Марка и от Луки. См., например: Максимовић Ј. Српске средњовековне минијатуре... Ил. 142—143.

¹²⁷ См.: Богдановић Д. Каталог... Палеографски албум. Сл. 47.

¹²⁸ Образцы почерка см., например: Дџурова А. Томичов Псалтир. София, 1990. Т. 1. С. 163, 167, 168, 205, 206, 209—212.

¹²⁹ Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить коллегу К. Цукермана (College de France) за заботу и помощь во время работы в Отделе рукописей Парижской Национальной библиотеки и в получении снимков с ряда кодексов.

¹³⁰ Помимо рассматриваемых здесь отрывков Часослова (Слав. 56) и Псалтыри (Слав. 44), написанной по латинскому палимпсесту (см. разд. 10), к ним относится отрывок (2 л.) Октоиха (Слав. 28) конца XIII (?) — первой половины XIV в., содержащий субботнюю службу гласа 5, и начальный лист Канонника первой пол. XIV в. (Слав. 65, л. 2) основная часть которого (68 л.) находится в РНБ, Q. п. I. 58 (см.: СК XIV. Вып. 1, № 347).

¹³¹ Јовановић Т. Инвентар ... С. 299—331.

¹³² Следует заметить, что за последнее время это уже третий случай атрибуции славянских рукописей из погибшего в начале XX в. монастырского собрания, бывшего в XIX столетии одним из значительнейших на Афоне. Другие примеры представляют Евангелие апракос 1329 г. (см. примеч. 29) и болгарский Видинский Апостол 1365—1369 гг., отрывок которого (под № 43) сохранился также в коллекции А. А. Дмитриевского (см.: СК XIV. Вып. 1, № 18).

¹³³ *Христова Б., Джурова А., Велинова В.* Опис на славянските ръкописи от Центъра на славяно-византийските проучвания «Проф. И. Дуйчев» към СУ «Климент Охридски», XIV—XIX в. София, 2000 (Series catalogorum. Vol. I). № 15.

¹³⁴ В данном случае это вовсе не упрек коллегам-предшественницам, поскольку искать вслепую источник отрывков, не имеющих даже ни одного киноарного заголовка, занятие неблагодарное, а порой и вовсе бесперспективное. Мне удалось это только потому, что я почти наверняка представлял направление поисков на основании формальных признаков рукописи.

¹³⁵ *Шнадиџер И.* Софијски рукопис хиландарског писара таха Марка // ПКЖИФ. Београд, 2002. Кн. 67. Св. 1—4. С. 116—118.

¹³⁶ Там же. С. 119—126.

¹³⁷ К сожалению, я не имею возможности привести здесь образец почерка тверского фрагмента. Наиболее подробные сведения о нем (с предшествующей библиографией) см.: *Pozdeeva I. V., Turilov A. A.* New Discover and Identification of Manuscripts of the Hilandar Scriptorium // *Monastic Traditions: Selected Proceeding of the Fourth International Hilandar Conference / Ch. E. Gribbl, P. Matejic* (eds.). Bloomington (Indiana), 2003 (далее — *Pozdeeva I. V., Turilov A. A.* New Discover...). P. 244—261. Хочу заметить, что мой вклад в данную работу ограничивается исключительно отнесением тверского списка Поучений аввы Дорофея к хиландарской книгописной школе.

¹³⁸ *Сперанский М. Н.* Описание рукописей Тверского музея. М., 1891. С. 136; *Pozdeeva I. V., Turilov A. A.* New Discover... P. 246.

¹³⁹ Ibid. P. 245—246.

¹⁴⁰ *Шнадиџер И.* Софијски рукопис... С. 116.

¹⁴¹ *Pozdeeva I. V., Turilov A. A.* New Discover... P. 256—257. К этому следует добавить, что самый большой фрагмент рукописи (77 л.) обнаружен недавно В. Велиновой в собрании Национального литературного музея в Софии (инв. № 7446/87), куда он поступил в 1987 г. (см.: *Велинова В.* Няколко бележки върху ръкописите от сбирката на Национален литературен музей в София // «Пение малое Георгию»: Сб. в чест на 65-годишнината на проф. д-р. Георги Попов. София, 2010. С. 552—555).

¹⁴² *Викторов А. Е.* Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881. С. 39—40.

¹⁴³ *Леонид (Кавелин), архим.* Рукописи сербского письма XIII—XVIII вв., находящиеся в библиотеках Московской губернии // ЧОИДР. 1881. Кн. 2. С. 5—6.

¹⁴⁴ См.: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина // Указатель. М., 1983. Т. 1. Вып. 1. С. 139—143.

¹⁴⁵ *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914 (на обложке — 1915). С. 265, № 17.

¹⁴⁶ *Он же.* Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916. Табл. 71.

¹⁴⁷ Помимо данной Псалтыри известен только еще один кириллический палимпсест по латинице — датируемая тем же временем тетрадь из 4 листов, восполняющая утрату в сербском Апостол-Евангелии апракос первой трети XIV в. (ГИМ, Хлуд. 117, л. 205—208 об.). См.: СК XIV. Вып. 1. Прилож. 2. С. 658, № д65; *Турилов А. А.* Хлудовский глаголический

палимпсест — отрывок болгарской Минеи праздничной XI—XII вв. (предварительные наблюдения) // «Пътн достѣтъ»: Сб. в памет на Стефан Кожухаров. София, 2003. С. 25—28.

¹⁴⁸ *Birkfellner G.* Glagolitische und kyrillische Handschriften... S. 78—79, № II/5. Еще ранее отрывок был описан (без идентификации А. И. Яцимирским (с датировкой XV в.) и Б. Цоневым (*Яцимирский А. И.* Описание южнославянских и русских рукописей зарубежных библиотек. Пг., 1921. Т. 1. С. 1, № 1; *Цонев Б.* Славянски ръкописи във Виена // *Годишник на Софийския университет. София, 1928—1929. Год. 25. Историко-филологически факултет, № 9. С. 6*).

¹⁴⁹ *Birkfellner G.* Glagolitische und kyrillische Handschriften... S. 79.

¹⁵⁰ См.: *Гранстрем Е. Э.* Славяно-русские палимпсесты // *Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 218—222*; *Кръстанов Т.* Славянските палимпсести // *Description et catalogue des manuscrites medievales / Описание и каталогизирование средневековых рукописей. Sofia, 1984. С. 48—60.*

¹⁵¹ Томиславу Йовановичу эта тетрадь (как и отрывок святопавловского Часослова) осталась, к сожалению, неизвестной (см.: *Јовановић Т.* *Инвентар... С. 299—331*).

¹⁵² *Станчев К.* Неизвестные и малоизвестные болгарские рукописи в Париже // *Palaeobulgarica. 1981. № 3. С. 85.*

¹⁵³ *Кръстанов Т.* Славянските палимпсести... С. 51, 59. № 19.

¹⁵⁴ Я отождествил парижский отрывок с московской рукописью во время работы в Национальной библиотеке, не зная в тот момент об атрибуции К. Станчева, что несомненно только повышает надежность последней.

¹⁵⁵ Известно, что П. И. Севастьянов делал щедрые подарки как российским, так и зарубежным хранилищам и научным учреждениям (*Рукописные собрания... С. 144—145*).

СЕРБСКИЕ ОТРЫВКИ XIII—XIV вв. в СОБРАНИИ РУССКОГО ПАНТЕЛЕЙМОНОВА МОНАСТЫРЯ НА АФОНЕ

В сентябре 1983 г., во время работы в библиотеке монастыря Св. Пантелеймона (Руссик) первой (и, как впоследствии оказалось, последней) советской научно-исследовательской экспедиции на Афон, ее участниками в одном из письменных столов в читальном зале была обнаружена бумажная папка большого формата, содержащая значительное количество отрывков южнославянских (в большинстве своем сербских) пергаменных и бумажных рукописей. Какая-либо сопроводительная информация (за исключением написанного на некоторых года поступления и/или датировки — см. ниже № 1—3, 5) при них отсутствовала, они не упоминались в кратком рукописном каталоге (или, скорее даже, инвентаре) славянских рукописей собрания, составленном в начале XX столетия и хранящемся в монастырской библиотеке. Отрывки были разобраны и систематизированы (все пергаменные и бумажные литургического содержания Н. Б. Тихомировым (1927—2000)¹, остальные — А. А. Туриловым, скопировавшим также филигранные новонайденных рукописей) и получили (в соответствии с установленной хронологической последовательностью) инвентарные номера, продолжающие нумерацию печатного описания А. Э. Н. Тахиаоса.

Отрывки имеют разное происхождение и уже в силу этого разную сохранность. Часть из них (Пант. Слав. 76, 80, 81) служила обложками или покрытием переплетов, внешняя сторона этих листов особенно пострадала. Другие (например, Пант. Слав. 79) были, как удалось установить, защитными листами, третьи изъяты непосредственно из кодексов, некоторые из последних удается отождествить.

Библиотечные номера с указанием года поступления поставлены на отрывках, по всей вероятности, той же рукой, что и на целых кодексах собрания², т. е. одним из монастырских библиотекарей второй половины XIX — начала XX вв. — судя по датам о. Матфеем³, либо кем-то из его помощников. Достаточно интересны карандашные пометы на отрывках Пант. Слав. 76, 77 и 78 с указанием их датировки. Их почерк из-за незначительности объема надежно не определяется, но они свидетельствуют о том, что хранители библиотеки Руссика обращались за консультацией по этому поводу⁴ — вероятнее всего к приезжавшим на Афон специалистам. Хотя в одном случае из трех (Пант. Слав. 76) датировка прямо ошибочна (если только это не описка — «начало XIII в.» написано вм.: «начало XIV») ⁵, но две другие вполне согласуются с представлениями российских палеографов конца XIX — начала XX в. о развитии сербского кириллического письма (см. ниже).

Несколькими днями спустя после этой находки в книгохранилище было перенесено — по инициативе тогдашнего антипросопа монастыря Св. Пантелеимона

о. Николая (Генералова) — небольшое рукописное собрание (состоящее из книг и их отрывков) из скита Богородицы (он же Ксилургу, Мариинский скит), составившее на новом месте отдельный фонд⁶. Древнейшими среди этих рукописей (большинство которых представляют церковнославянские и новоболгарские списки XVIII—XIX вв.) были использованные в качестве обложки и защитных листов отрывки пергаменной Псалтыри середины — третьей четверти XIV в. сербского извода (см. ниже № 7).

Краткие сведения обо всех этих отрывках помещены в сводном каталоге славянских рукописей Афона⁷. Представляется, однако, полезным описать их (и в особенности древнейшие) более подробно, обосновав приведенную ранее краткую информацию, а в ряде случаев и уточнить или исправить ее; кроме того, в процессе подготовки описания появились дополнительные атрибуты, позволяющие связать пантелеймоновские отрывки с уже известными рукописями других собраний (в первую очередь, афонских) и/или установить их писцов. Ниже отрывки описываются в хронологической последовательности; в случае, если их датировка совпадает, они располагаются по алфавиту. Не будучи лингвистом, я ограничиваюсь лишь кратчайшей правописной характеристикой памятников.

1. Минея служебная с проложными житиями, февраль. Кон. XIII (кон. XIII — нач. XIV?) в. Слав. 76.

2 листа (двойной лист — середина восьмилистной тетради) размером 29,5 × 22,4 см. Пергамен. Листы продолжительное время служили обложкой греческой книги, причем (судя по современному их расположению и степени сохранности) были вывернуты в обратной последовательности. Левый нижний угол объеден грызунами, с незначительной утратой текста. Другие углы вырезаны (без повреждения текста) при изготовлении обложки. Л. 1 об. и 2 сильно загрязнены и затерты (в особенности второй), текст невооруженным глазом читается здесь лишь на отдельных участках. Правое и нижнее поля сохранили след сгиба при изготовлении обложки.

Устав одного почерка, мелкий (ок. 2 мм без выносных элементов), характерный для рукописей времени краля Милутина, в два столбца, на л. 40 строк, площадь текста 22 × 16 см. Из достаточно близких аналогий почерку отрывков (не на уровне тождества) можно указать письмо сербских Минеи служебной на март-август кон. XIII — нач. XIV в. (Москва, ГИМ, Щук. 48; Хлуд. 156)⁸ и отрывка Минеи праздничной со службами Троицы второй пол. XIII в. (Пловдив, Народная б-ка «Иван Вазов», № 140)⁹. Правописание старшее рашское (см. снимки 1—2 в 1-м изд.). На л. 2 между столбцами неразборчивая запись на греческом языке (читается лишь начало (название книги?): «Βίβλιν...»), на верхнем поле карандашом помета библиотекаря (?) с ошибочной датировкой: «Начало XIII в.».

Рукопись в начале песнопений и проложных житий украшена малыми (размером от одной до трех строк) киноварными инициалами с «зубчиками» (подобные характерны для сербских рукописей последней четверти XIII — первой трети XIV в., времени правления кралей Милутина и Стефана Дечанского¹⁰). В заголов-

ках служб (л. 1 об., 2 об.) — декоративное письмо с элементами вязи, состоящее из таких же инициалов.

Содержание: Минея служебная с проложными чтениями¹¹ на февраль (учитывая размер почерка и особенности организации других сербских служебных миней этого времени, нельзя исключить возможности, что листы происходят из полугодового или квартального тома), отрывки служб на 24, 25 и 26 числа. Структура службы: стихиры, канон, включающий (предположительно) седален¹² по третьей песни, и кондак, икос и проложное житие (в редакции Пролога Константина Мокисийского) по 6-й, стихиры (в службе патриарху Тарасию стихир в конце нет). В песнях канона на 24 февраля по три тропаря, на 25 — по два, у ирмосов приведены только начальные слова. Текст начинается в столбце 1А последним тропарем песни 4-й канона 6-го гласа («Грядете языком хвальном и сильным»)¹³ на Обретение главы Иоанна Предтечи (24 февраля). В столбце 1Г начинается служба Тарасию, патриарху Константинопольскому (25 февраля), она сохранилась целиком, но текст хорошо читается только на обороте л. 2, с середины проложного жития. 22 строки столбца 2Г занимает начало службы (3 стихиры и неполные 2 тропаря песни 1-й канона гласа 8-го) Порфирию, епископу Газскому (26 февраля); текст обрывается на словах второго тропаря: «Ѡъѡ ѡ(т)... бѣ Г(с)вн прѣ(д)ложнѡ ксн и тог...».

2. Евангелие тетр (Отрывок «Бунилова Евангелия»). Вторая пол. (кон.?) XIII в.¹⁴ (ок. 1282 г.?) Слав. 78.

1 л. размером 26,5 × 21 см (максимальный размер). Утрачена (обгнила) большая часть левого (незначительно задет текст) и нижнего поля, частично пострадали также (без утраты текста) правое и верхнее поля. Края и низ листов загрязнены. Пергамен. Устав одного почерка в 2 столбца, размер букв без выносных элементов ок. 3,5 мм, 21 строка на странице, площадь текста 19,5 × 14,5 см. Правописание старшее рашское. Почерк отрывка идентичен письму основного писца¹⁵ пергаменного Евангелия с «Прогласом» Константина-Кирилла Философа в начале (Хиландарь, № 23)¹⁶; в литературе кодекс именуется по писцу, оставившему на л. 209 запись о написании «синаксаря» «Евангелием дьяка Бунила», и датируется третьей четвертью XIII в.¹⁷ (точнее речь должна идти скорее о начале 1280-х гг.)¹⁸. Весьма близок он также почеркам безымянного писца Богданова Евангелия рубежа XIII—XIV вв. (Загреб, Архив ХАЗУ, III с 20) и дьяка Георгия Радослава, переписавшего Карейское или Милутиново Евангелие 1316 г. (Хиландарь, № 1) и ряд других рукописей¹⁹, но отличается от последнего заметно меньшими устойчивостью начерков букв и каллиграфичностью²⁰. Рукопись имеет разбивку на «аммониевы главы» (нумерация принадлежит основному писцу) и снабжена литургические пометами с указанием зачал (на полях и в пространстве между столбцами), выполненные более поздним почерком (первой половины — середины XIV в.?)²¹. На верхнем поле л. 1 карандашная помета библиотекаря (?): «Конца XIII».

Содержание отрывка: Евангелие от Луки, I, 37—61 (см. снимки).

В связи с определением почерка встает закономерный вопрос — не является ли листок Пант. Слав. 78 просто отрывком Бунилова Евангелия, поскольку в кодексе среди прочих утрат отсутствует тетрадь 14, содержащая конец Евангелия от Марка

и начало Евангелия от Луки²²? Листок несколько отличается от кодекса размерами (он меньше)²³, но количество строк на странице и площадь текстового поля у них совпадают. Особенно показательно то обстоятельство, что литургические указания (вероятно, как уже сказано, более поздние) в кодексе Хиландарь 23 и отрывке Пант. 78 выполнены одним почерком (см. снимки 3—5 в 1-м изд.), отличным от почерка писца. При сопоставлении отрывка с микрофильмом Бунилова Евангелия, хранящимся в Археографическом отделении НБС в Белграде²⁴ выясняется, что соответствующий текст в нем отсутствует²⁵. Таким образом, Пант. Слав. 78 является предпоследним (7-м) листом утраченной 14-й тетради кодекса²⁶ и должен находиться в рукописи Хиландарь 23 между современными л. 102 и 103.

3. Евангелие тетр. Перв. треть XIV в. Слав. 77.

3 л. размером 28—28,3 × 21—21,4 см. Основная часть рукописи (96 л.) — Афон, Великая Лавра, Z-47²⁷; 4 л. — София, НБКМ, № 28 (392)²⁸ (датировка и отождествление частей Н. Б. Тихомирова²⁹). Л. 3 сильно загрязнен. Пергамен³⁰. Устав одного почерка (на л. 3 более мелкий), высота букв без выносных элементов 4 и (л. 3) 3 мм. На странице 22 (собственно Евангелие) и 28 (месяцеслов) строк, площадь текста 19,4 × 12,9 см. Заголовок месяца августа на л. 3 об. написан декоративным письмом с элементами вязи, по обе стороны от него маргинальные украшения-указатели византийского стиля, в форме трехзубцовой короны, положенной на бок. Заглавные буквы (ок. 8 мм), украшенные зубчиками, что характерно для сербских рукописей последней четверти XIII — первой трети XIV в.³¹

Содержание: Евангелие от Иоанна, чтения Ин. VI, 1—46 (л. 1—2 об.), месяцеслов (л. 3—3 об.) с уставными указаниями и началами евангельских чтений на 7 июля (окончание «памяти» Поликарпа, еп. Смирнского) — 14 августа (памяти мч. Маркелла и прор. Михея). Под 31 июля месяцеслов содержит редкую память «священия Иоанна Экзарха»³². Под 1 августа Елеазар («Елеазор») ошибочно назван отцом (вм. «учителя») братьев Маккавеев.

Согласно помете на л. 1, отрывок поступил в библиотеку Пантелеймонова монастыря в 1885 г. и получил здесь № 240. На верхнем поле л. 3 помета карандашом с неточной датой: «XIII»³³. Отрывок НБКМ, № 28 нашел в Лозенграде (совр. Кыркларели, Турция) священник Ст. Павлов у одного из своих «енориян», а доставил в библиотеку (через училищного инспектора) кваклийский учитель Ст. Тютюнджиев³⁴.

4. Евангелие тетр. Втор. четв. — сер. XIV в. Слав. 79.

4 л. (2 двойных листа из середины восьмилистной тетради) размером 29 × 18,8 см. Пергамен. Устав хиландарской школы сер. XIV в. одного почерка, в 2 столбца, высота букв (без выносных элементов) — ок. 5 мм. Площадь текста 18,2 × 12,2 см., на странице 20 строк. Писец бесспорно отождествляется с хиландарским книгописцем монахом Романом (Романом I по терминологии Луции Цернич³⁵), переписавшим Устав церковный Иерусалимский 1331 г. (Берлин, Вук. 49), Евангелие апракос 1337 г. (Хиландарь, № 9)³⁶, Минею служебную на март (Там же, № 160)³⁷, литургический свиток (Там же, № 3/1)³⁸, пергаменное Евангелие тетр

ГИМ, Хлуд. 19 (возможно, совместно с Романом II)³⁹, а также, вероятно, Апостол РНБ, Гильф. 13⁴⁰, и пергаменная часть (л. 1—266) Устава церковного Иерусалимского (ГИМ, Воскр. 9-перг.)⁴¹. Правописание рашское.

Содержание: Евангелие от Матфея: Мф. XVI, 16 — XVIII, 10 (см. снимки).

Еще 4 л. из этой рукописи, содержащие отрывки Евангелия от Иоанна (Ин. III, 1—29, Ин. IV, 24—54) являются защитными (л. I—II, III—IV) при сербском бу-мажном кодексе Москва, ГИМ, Син. 82 (Житие Панкратия, епископа Тавроменийского)⁴², приобретенном Арсением Сухановым в 1654 г. на Афоне и доставленном в Москву хиландарским монастырским посольством в 1655 г.⁴³ Поэтому можно думать, что и отрывок Пант. Слав. 79 служил защитными листами (нумерация на них отсутствует) в начале и конце неустановленной рукописи. Евангельский кодекс, из которого происходят пантелеймоновские и московские листы, был разделен, вероятно, в XVI в. (время, которым датируется переплет синодальной рукописи)⁴⁴, и, во всяком случае не позднее середины XVII в. (время привоза синодального кодекса в Москву). Отождествление писца отрывка с Романом Н. Б. Тихомирова и А. А. Турилова, частей рукописи (в процессе подготовки выпуска 1 СК XIV) — А. А. Турилова.

5. Миняя служебная, сентябрь. Перв. пол. — сер. XIV в. Слав. 80 (Отрывки кодекса НБС, Рс 5).

2 л. (1 неполный лист и отрезок (около половины) второго) размером соответственно 31,2 × 20,2 и 16,7 × 21 см. Обрезано внешнее поле и часть (6—7 букв) столбца Б-В. Л. 1 очень сильно загрязнен с обеих сторон и затерт от продолжительного использования, на лицевой стороне текст невооруженным глазом разбирается с трудом. Лист использовался в качестве обложки — он был согнут вдвое, а затем загнуты верхнее и нижнее поля. Пергамен. Не вполне каллиграфический устав одного почерка с элементами полуустава⁴⁵, в 2 столбца, высота букв без выносных элементов — ок. 2,5 мм. Площадь сохранившегося текста без выносных элементов 24,1 × 15,1 см (ширина полного столбца без заглавной буквы 8,1—8,5 см) на странице 32 строки (л. 1). На нижнем поле оборота л. 2 почерком писца № тетради: Д (4). Почерк рукописи достаточно близок к письму современной ей сербской пергаменной Минее праздничной на сентябрь-февраль с проложными житиями (Украина, Одесса, ГНБ, 1/101)⁴⁶. Однако пантелеймоновские отрывки не могут происходить из начальной части одесского кодекса, хотя там в соответствующем месте имеется лакуна⁴⁷. Еще большую близость письмо отрывка обнаруживает к почеркам, которыми написаны Миняя служебная с проложными житиями на сентябрь-октябрь середины XIV в. НБС, Рс 5⁴⁸ и Триодь постная и цветная первой трети XIV в. того же собрания, Рс 644⁴⁹. Близки у белградской Минее Рс 5 и пантелеймоновских отрывков и другие сопоставимые формальные параметры: размер листа по вертикали (соответственно 33 и 31,2 см), площадь полного столбца (24 × 8,5—8,7 и 24,1 × 8,1—8,5), ширина внешнего поля (ок. 5 см), размер букв и количество строк (30—32 и 32). Т. е., вероятнее всего, отрывки Пант. Слав. 80 происходят из начальной части кодекса НБС, Рс 5, чему не противоречит и их содержание. Правописание отрывков рашское.

На лицевой стороне л. 1, на нижнем поле некаллиграфическим полууставом начало алфавита — от А до S (перевернут по отношению к тексту); ему предшествует знак «легиона» (100.000) — буква А в круге из точек. На обороте, на верхнем поле номер с датой поступления в библиотеку: «605 / 1883» (ср. выше № 3). Левее даты, тем же почерком: «3 ок[тября] или «Зог» (т. е.: «Зограф»?). На лицевой стороне л. 2, на правом поле и между столбцами беглым полууставом первой половины XIX в. с элементами скорописи (восходящим к традиции XVIII в.), написаны имена (для поминания?): «Димитриа» (дважды). «Велко». «Нешо». «Димо». «горгиа». «Деоора»(?). «Гизо».

Содержание: Минея служебная по Иерусалимскому уставу, сентябрь. Отрывки служб на 6 (Чудо архангела Михаила в Хонех) и 7 (предпразднество Рождества Богородицы) сентября (соответственно, л. 1 и 2). Текст службы архангелу Михаилу начинается на л. 1А с 3-го (троичного) тропаря песни 6-й первого канона, можно разобрать только начало: «Горѣ стѣа Трѣце...» (проложного чтения перед 7-й песнью нет); обрывается в столбце 1Г богородичном 1-й песни второго канона, на словах: «...тебѣ поємъ и славимъ... съ агглы ѣдно г(с)а...». Служба на предпразднество Рождества Богородицы начинается на л. 2А стихирой перед седальном на первой стихологии, словами: «творца... того мѣсци за ны... мѣни се. нже за ны...», обрывается в столбце 2Б на третьем тропаре песни 3-й канона (текст тропаря сохранился полностью), на словах: «мѣше въноу л(с)а бѣ нашего. спѣи се дшаи». Начинается в столбце 2В последней строкой богородична 4-й песни, словами: обрывается в столбце 2Г в начале первого тропаря 8-й песни канона, на словах: «Прѣсть мѣре рожѣв... тебѣ бѣса вѣдъ блг(д)т...».

По содержанию и номеру тетради пантелеймоновские листы предшествуют сохранившейся части кодекса НБС. Судя по объему и содержанию текста, между л. 1 и 2 пантелеймоновских отрывков утрачен 1 л. Между л. 2 отрывков и л. 1 белградской части кодекса утрачено, по всей видимости, 2 или 3 листа⁵⁰.

К сожалению, установление происхождения отрывка (определение «материнского» кодекса) мало что проясняет в истории обеих частей. О белградской части рукописи до момента ее поступления в НБС в 1943 г. неизвестно ничего, кроме имени прежней владелицы и дарительницы (Наталия Шушкалович)⁵¹. Листы пантелеймоновской коллекции отрывков вполне могли попасть на Святую Гору не вместе с «родным» кодексом (хотя, разумеется, не исключен и этот вариант), а уже в качестве обложки келейной монашеской книги. С уверенностью можно говорить лишь о том, что они оказались на Афоне не позднее 1883 г. (дата поступления в библиотеку Русского монастыря), а извлечены из кодекса (судя по их загрязненности) существенно раньше — не позднее середины XIX в.

6. Триодъ постная. Перв. пол. — сер. XIV в. Слав. 81.

1 л.⁵² размером 31,2 × 25 см. Утрачена верхняя часть (до половины листа) правого поля вместе с последними (1—2) буквами столбца Б и начальными столбца В. В нижней части листа у правого поля, вдоль позднейшего сгиба пергамен разрушился и выкрошился почти без повреждения текста. Лист потемнел и загрязнен, Поля загнуты при изготовлении обложки.

Пергамен. Каллиграфический устав хиландарской школы первой половины — середины XIV в. одного почерка⁵³, в 2 столбца, высота букв (без выносных элементов) — ок. 3 мм. На странице 30 строк, площадь текста — 22 × 16 см. Правописание рашское (см. снимки).

Содержание. Триодь Постная (редакция перевода афонская («святогорская») XIV в.⁵⁴), отрывок службы на утрени в пятницу 4-й седмицы Великого поста. Текст на лицевой стороне начинается тропарем песни 5-й трипеснца, словами: «...отръпцѣмъ ѿщенникомъ славо. прпо(д)внѣмъ шграж(д)енекъ...», обрывается на обороте ирмосом после песни 8 на словах: «Вса дѣла бжнѣи и вса тварь, ва(с)внѣтѣ Гѣ, прпо(д)внѣи и смиреннѣи...».

Безымянный писец рукописи, несомненно, отождествляется со столь же анонимным каллиграфом, переписавшим пергаменную Триодь Цветную, сохранившуюся в отрывках (Петербург, БРАН, собр. А. А. Дмитриевского, № 47 — 2 л.; Сербия, Ягодина, Завичайни музей, Тирич, № 2 — половина листа, разрезанного по вертикали)⁵⁵ и, по всей вероятности, происходящую из одного комплекта с кодексом, от которого сохранились листки Пант. Слав. 81⁵⁶. Вдобавок к уже сделанному отождествлению писцов Триодей следует указать еще один богослужебный кодекс, написанный (во всяком случае, частично — см. ниже) очень близким письмом. Это Минея служебная на январь из собрания БАН Болгарии (София), Слав. 19⁵⁷ (один лист из кодекса, восполняющий в нем лауну между л. 167 и 168, хранится, как установила Л. Цернич⁵⁸, в РНБ, Ф.п.1 62⁵⁹, куда он попал в числе рукописей, собранных А. Ф. Гильфердингом в 1868 г. в Македонии⁶⁰). Основная часть кодекса датирована описателем (Х. Кодовым) излишне рано — началом XIV в.⁶¹ Без непосредственного обращения к кодексу я затрудняюсь сказать, к чему ближе этот почерк — к письму ли обеих Триодей или же к почерку Романа I⁶². Можно отметить также значительную близость (но, несомненно, не идентичность) письма отрывков Триодей и первого (основного) почерка Триоди постной 1328 г. из собрания НБС, Рс 4⁶³.

7. Псалтырь с литургическими дополнениями (с воследованием?). Середина — третья четверть XIV в. Собр. скита Богородицы (Ксилургу), № 1—2.

7 л. (5 полных и 2 обрезка) размером 20 × 13,1 см (максимальный размер л. 3—6 отрывков СБК 1). Л. 1—2 СБК 1 представляют нижнюю часть (около трети) двойного листа (средние листы тетради) с 9 строками текста. Л. 3—6 отрывка СБК 1 служили обложкой, в нижней части листов сохранились остатки бумаги, к которой они были приклеены, правый верхний угол вырезан (почти без утраты текста), вертикальные поля загнуты. Они представляют двойные листы, вероятно, внешние (1—2 и 7—8) листы тетради (см. содержание). Между л. 6 СБК 1 и отрывком СБК 2 судя по объему текста утрачен 1 л. (см. содержание). У отрывка СБК 2 частично обрезаны верхнее и нижнее поля (без утраты текста), он согнут вдвое, наполовину приклеен (нижней частью лицевой стороны) к обороту верхней крышки печатного Молитвослова. Листы загрязнены, потемнели.

Пергамен. Устав одного почерка, близкий к письму сербских рукописей середины — третьей четверти XIV в.⁶⁴, высота букв (без выносных элементов) ок. 3 мм.

На странице 22 строки, площадь текста $16 \times 10,7$ см. На л. 3 отрывка СБК 1 заставка жгутового плетения, под нею (в «нише») декоративным письмом с элементами вязи написан заголовок.

Содержание: Псалтырь с литургическими дополнениями (с воследованием?). СБК 1, л. 1—2 об. — Пс. LXIX—LXX (из «Чина, како поются 12 псалмов особь?»). Текст начинается на л. 1 словами: «҃и подоши днѣ потьци се...» (Пс. LXIX, 2), обрывается на словах: «ншүщен тебѣ бѣ ꙗко възвелчнт се ꙗко...» (Пс. LXIX, 5); на обороте начинается словами «ѡко оутвърж(д)еннїе мое и прїебѣжнїе...» (Пс. LXX, 3), обрывается на словах «...покрывтель. Ѡ тебѣ пѣннїе мое выноу...» (Пс. LXX, 6). На л. 2 начинается словами «...авлаіе ю. бѣ мон не оудали се от мене...» (Пс. LXX, 11—12), обрывается на словах «...правда твою. въ съ днѣ сп(с)ннїе твоє» (Пс. LXX, 15), на обороте начинается словами «н обрашѣ живнль де юсн...» (Пс. LXX, 20), обрывается на словах «...оутне мон юг(д)а пою тебѣ» (Пс. LXX, 23).

Л. 3. Тропари воскресны по «непорочнах» — окончание, со слов: «въ єдиномѣ сошүствѣ. съ серафимн зовошүе...». Л. 3—6 об. — Служба Акафисту Богородицы (заголовков под заставкой на л. 3 не читается). На л. 3—4 об. стихиры, тропарь и начало канона, текст обрывается в начале икоса песни 3 на словах: «Твоє пѣснословце бѣѣ. живын и нетьлнны ист...». Текст акафиста начинается на л. 5 икосом 4 (без нач.), словами: «Ра(д)ун се ѡко земьлнаѣ лнкоуть. (!) съ нб(с)н...», обрывается на обороте л. 6 икосом 8 на словах: «Ра(д)ун се невѣрны(х) вѣрно слышаннїе...».

СБК 2 — продолжение Акафиста Богоматери. Текст начинается окончанием 10-го икоса, словами: «Ра(д)ун се ты бо ошновнла юсн зачетье...» (окончание кондака 11 и начало икоса находится на приклеенной части листа), обрывается на икосе 12 на словах: «Ра(д)ун се, ковчеже позлащенъ дѣомь...».

Редакция перевода Акафиста⁶⁵ с уверенностью не определяется, поскольку на сохранившуюся его часть приходится лишь малое число контрольных чтений.

8. Псалтырь (отрывок Псалтыри Хиландарь, № 612). Третья четв. XIV в. Слав. 84.

1 л. размером $26,3 \times 17,9$ см, последний лист тетради 16 (на нижнем поле оборота листа почерком писца написан ее номер). Утрачена часть нижнего поля, прилегающая к корешку. Бумага с широкими вержеками (3—4 на сантиметр), филигрань «три горы со стержнем» (см. снимок 26) очень близка к знакам начальной части (л. 1—41) сербской Псалтыри хиландарской библиотеки, № 612 (что устанавливается благодаря альбому филиграней сербских рукописей XIV в. этого собрания, составленному Р. Станковичем⁶⁶). Устав хиландарской школы одного почерка, площадь текста — $17,4 \times 14,8$ см, высота букв без выносных элементов 3—4 мм, на странице 19 строк. Писец может быть вполне надежно отождествлен с хиландарским книгописцем середины — третьей четверти XIV в. монахом Иаковом⁶⁷. Правописание младшее рашское.

На правом поле лицевой стороны листа мелким почерком, рукою писца лексические варианты к тексту: «Ѡ(т) прѣвшннхъ» — «Ѡ(т) прѣвшнспрнн(х)»; «н травъ» — «н злакъ». На обеих сторонах листа пробы пера почерками развитого XIX в.

Содержание: Псалтырь, Пс. 103, 9—25 (см. снимки в 1-м изд.).

Близость филиграни отрывка Псалтыри Пант. Слав. 84 к одному из водяных знаков рукописи Хиландарь, № 612, содержащей тот же памятник, близкой по размеру листов (26,5 × 19 см)⁶⁸ и имеющей ту же площадь текста и число строк на странице, делают вполне естественным предположение о происхождении листка из этого кодекса, сохранившегося в весьма фрагментированном состоянии⁶⁹. И в данном случае это удалось установить благодаря любезности коллеги Снежаны Елесиевич⁷⁰, взявшей на себя труд проверить это предположение по микрофильму, хранящемуся в Археографическом отделении НБС (рукопись, к сожалению, не репродуцировалась). Пантелеймоновский листок без разрыва следует за современным л. 33 хиландарской рукописи, а — судя по последующей лакуне — между ним и л. 34 утрачен еще 1 лист⁷¹; эти листы Хиландарь, № 612 написаны (насколько можно судить по микрофильму весьма невысокого качества) тем же почерком.

Примечания

¹ К сожалению, Николай Борисович не оставил связного описания отрывков, однако его замечания и наблюдения (относящиеся прежде всего к датировке и содержанию фрагментов и отчасти к их языковым особенностям) зафиксированы им на ксерокопиях, изготовленных во время экспедиции.

² Ср., например, с аналогичными номерами (сделанными, правда, карандашом) на кодексах Пант. Слав. 18, 44 и 68 (см.: *Tachiaos A.-E. N. The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981*; чернобелые снимки [23], [44], [58]).

³ Об о. Матфее см. подробнее: *Соколов П. Русские монахи-археологи на Афоне // Московские ведомости. 1890. № 25 (25 января); Дмитриевский А. А. Русский самородок на св. Афонской горе / Незабвенной памяти схимонаха Матфея, библиотекаря русского Пантелеймоновского монастыря // Сообщения имп. Православного Палестинского общества. СПб., 1912. Т. 23. Вып. 1. С. 122—141.*

⁴ Здесь уместно напомнить, что перед Первой мировой войной библиотека Пантелеимонова монастыря (во многом именно благодаря заботам и стараниям о. Матфея и его предшественника о. Азарии) по оснащенности научно-справочным аппаратом и литературой занимала едва ли не первое место на Афоне. Достаточно сказать, что здесь имелись даже альбомы филигрanei (правда, только русские — К. Я. Тромонина и Н. П. Лихачева). Не исключено, что именно этими экземплярами справочников пользовался в 1900-х гг. Савва Хиландарец при составлении второго (оставшегося в рукописи) каталога собрания Хиландарского монастыря (см.: *Богдановић Д. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 16—17, примеч. 47).*

⁵ Ошибка при записи даты могла возникнуть в том случае, если помета делалась непосредственно вслед за пометами на отрывках Пант. Слав. 78 и 79, датированных XIII в.

⁶ Краткое описание части этих рукописей, датируемых не позднее конца XVIII — начала XIX вв. (остальную часть фонда составляют кодексы XIX — начала XX столетий) см.: *Славянские рукописи афонских обителей / Сост. А. А. Турилов, Л. В. Мошкова; Под ред. А.-Э. Н. Тахиаоса. Фессалоники, 1999. С. 57, 228—229, 237, 281, 284, 285—286, 289—290, 335, 349, 426 (№ 97, 587, 613, 614, 716, 723, 726, 727, 737, 834, 878, 1093).*

⁷ Там же. С. 49, № 67 (Слав. 91); 69, № 133 (Слав. 77); 70, № 134 (Слав. 78); 71, № 139 (Слав. 79); 92, № 196 (Слав. 92); 119, № 271 (Слав. 90); 147, № 358 (Слав. 80); 160, № 390

(Слав. 76); 206, № 504 (Слав. 89); 226, № 579 (Слав. 82); 232, № 599 (Слав. 87); 237, № 613, 614 (Ксилургу, 1, 2); 239, № 618, 619 (Слав. 83, 84); 354, № 891 (Слав. 88); 392, № 988 (Слав. 86); 398, № 1007 (Слав. 81); 408—409, № 1043 (Слав. 85).

⁸ Подробнее о рукописи см.: *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Моравские земле велеи гражданин» (неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию) // *Славяноведение*. 1998. № 4. С. 3—5; СК XIV. М., 2002. Вып. 1. Прилож. 1. С. 575, № 279; Прилож. 2. С. 628—632, № д41.

⁹ Наблюдение Н. Б. Тихомирова. Образец почерка см.: *Опис на славянските ръкописи в Пловдивската Народна библиотека «Иван Вазов», постъпили след 1920 год / Съст. К. Станчев.* София, 1982. Табл. 9 (описание — С. 17—18).

¹⁰ См.: *Васильев Л.* Геометријски иницијал од средине XIII до двадесетих година XIV в. и његов палеографски значај у датирању српских пергаментних рукописа // *АП. Београд*, 1984—1985. Бр. 6—7. С. 131—156.

¹¹ В объеме отрывка на каждый день дается одно житие.

¹² Из-за плохой сохранности текста на лицевой стороне л. 2 проследить наличие (либо отсутствие) седальна не удастся.

¹³ Глас канона и начало определены по изд.: *Ильина книга (Рукопись РГАДА, Тип. 131) / Лингвистическое изд., подгот. греч. текста, коммент., словоуказатели В. Б. Крысько.* М., 2005. С. 594—610. Опубликованный текст сокращен по сравнению с содержащимся в *Пант. Слав. 76* — в нем отсутствуют последние тропари в каждой из песней.

¹⁴ Раздел отражает ситуацию до исследования автором вопроса о писцах и датировке Бунилова Евангелия в 2010 г. (см. об этом статьи «К изучению южнославянской рукописной традиции “Прогласа Константина Философа”» и «Милашевский Панегирик и Гомилиарий Михановича» в наст. изд.). Н. Б. Тихомиров, первоначально работавший с отрывком, был склонен (хотя и с известными колебаниями) относить листок к значительно более позднему времени (второй четверти XIV в.). Основанием для такой датировки явились для него палеографические особенности литургических помет, которые он считал близкими по почерку письму одного из писцов Евангелия учительного Константина, епископа Преславского 1344 г. (Хиландарь, № 385 — см.: *Лавров П. А.* Альбом снимков с южно-славянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916 (Приложение к ЭСФ. Вып. 4.1). Табл. 55), хотя и сомневался по поводу их современности самому кодексу. Датировка Н. Б. Тихомирова была принята и при составлении сводного каталога афонских рукописей (*Славянские рукописи...* С. 70, № 134).

¹⁵ Вопрос о числе писцов рукописи в литературе окончательно не решен (см.: *Богдановић.* Каталог... С. 60), все приводимые образцы почерка (см. примеч. 16) относятся к начальной части рукописи, в то время как запись Бунила, в которой он говорит о написании не всего кодекса, а только воскресных Евангелий и синаксаря, находится на обороте л. 209.

¹⁶ Образцы почерка см., напр.: *Хиландарски рукописи о постанку словенске писмености.* Нови Сад, 1963. С. 1—5; *Богдановић.* Каталог / Палеографски албум. Београд, 1978. Сл. 10; *Ђорђевић П.* Историја српске ћирилице. Београд, 1987. С. 264; Сл. 39.

¹⁷ *Богдановић.* Каталог... С. 60.

¹⁸ Основание говорить о более поздней датировке кодекса дает титул его заказчика — «господина митрополита Дамиана» (см.: *Стојановић Л.* Стари српски записи и натписи. Београд, 1903 (репринт — 1983). Кн. 2. С. 404, № 4177; *Богдановић.* Каталог... С. 60). Случай употребления митрополичьего титула сербскими иерархами до учреждения в стране в 1346 г. патриаршества, насколько знаю, неизвестны. Ближайшей к Сербии митрополией в XIII в. было Скопле. Поэтому уместно связывать написание рукописи с присоединением этого города к сербской державе кралем Милутином в 1282 г. (имя скопльского иерарха.

современника событий по другим источникам неизвестно) и с официальным введением в епархии славянского богослужения (последним, возможно, объясняется и необыкновенно пышный формуляр памяти св. Саввы в месяцеслове Бунилова Евангелия — см.: *Богдановић*. Каталог... С. 60). Такая версия объясняет и архаический состав Евангелия (см. там же), включая и наличие в нем «Прогласа» Кирилла Философа, и отсутствие характерных признаков «милутиновой эпохи» (геометрических инициалов — см. примеч. 10) в его орнаментике.

¹⁹ Образцы письма Богдана см., напр.: *Mošin V. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije*. Zagreb, 1952. Dio 2 (Reprodukcije). S. 27—28, tabl. 24—25 (датирована здесь началом XIV в.); *Максимовић Ј.* Српске средњовековне минијатуре. Београд, 1983. Ил. 48—54. О рукописях, переписанных Радославом и атрибутируемых ему, см.: *Славянские рукописи...* С. 64, 67; № 116, 126; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии (СК XIV). М., 2002. Вып. 1. С. 371, № 232; Воспроизведения почерка многочисленны — см., напр.: *Богдановић*. Каталог... Палеографски албум. Сл. 25; *Tachiaos. The Slavonic Manuscripts...*, цв. сн. 1; *Станчев К.* Опис на славянските ръкописи в Пловдивската народна библиотека «Иван Вазов», постъпили след 1920 г. София, 1982. Фототипни приложения, табл. 3; *Кодов Х., Райков Б., Кожухаров С.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1985. С. 168, табл. 56; *Ђорђевић П.* Историја српске ћирилице: Палеографско-филолошки прилози. 2-е изд. Београд, 1987. С. 283—284, сл. 69—70; Манастир Хиландар / Приредило Г. Суботић. Београд, 1998. С. 117.

²⁰ Приводя аналогию почерку отрывка нельзя не обратить также внимания и на явную близость к нему (хотя и не идентичность) письма Ковинского списка Иерусалимского типака первой половины XIV в. (Белград, Архив САНУ, № 294; образцы почерка см.: *Месецеслов Јерусалимскога типака (Рукопис Архива САНУ) / Приредило В. Савић*. Ниш; Манастир Сопотани, 2003. Прилози). В литературе рукопись принято датировать второй четвертью XIV в. (Изложба српских писаних речи. Београд, 1973. С. 35, № 91; *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI—XVII в.). Београд, 1982. С. 107, № 1534), однако возможно, что отмеченное сходство позволяет отнести Ковинский типик к несколько более раннему времени — первой трети или даже четверти столетия (т. е. лишь немного позже погибшего списка Типика архиепископа Никодима 1319 г.).

²¹ Письмо этих литургических приписок, на мой взгляд, достаточно близко с одной стороны почерку писца Апостола 1312—1316 гг. (Хиландарь, № 47) иеромонаха Гервасия (образцы см.: *Богдановић*. Каталог... Албум. Сл. 24), с другой — к письму Евангелия Стефана Душана (Хиландарь, № 15) 1348 г. (образцы — Там же. Сл. 31). См. также выше, примеч. 14.

²² *Богдановић*. Каталог... С. 60.

²³ Там же. Размер листов Бунилова Евангелия — 29,3 × 22 см. Значительная разница в размере листов по вертикали объясняется утратой примерно двух третей нижнего поля (см. выше).

²⁴ Первоначальную проверку по микрофильму провела по моей просьбе коллега Снежана Елесиевич, за что я ей сердечно признателен.

²⁵ Тетрадь 13 (л. 102 об.) Бунилова Евангелия обрывается на чтении Мр. XV, 46, на словах: «...и съидъ и ѡбн плащаницю. и въложн и въ грѣбъ. нже...»; тетрадь 14 (л. 103) начинается чтением Лк. II, 22, словами: «...Дѣне ѡтщениа юю по закону Моссокоу...».

²⁶ Разрыв между отрывком Пант. 78 и тетрадью 15 (Лк. I, 61 — 2, 22) равен по объему тексту на пантелеймоновском листке, т. е. составляет 1 лист.

²⁷ Описание рукописи см.: *Matejić M., Bogdanović D.* Slavic Codices of the Great Lavra Monastery. Sofia, 1989. P. 461—464; снимок почерка — P. 465.

²⁸ Описание отрывка см.: *Цонев Б.* Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София. София, 1910. С. 28; образец почерка — табл. 7. Листки очень сильно обрезаны со всех сторон — вплоть до того, что срезанной оказалась нумерация чтений.

²⁹ Первоначально Н. Б. Тихомиров (едва ли не сразу после возвращения с Афона в Москву, в октябре 1983 г.) отождествил между собою пантелеймоновские и софийские отрывки, а позднее — с выходом в свет описания М. Матеича и Д. Богдановича — установил их происхождение из кодекса Великой Лавры.

³⁰ В описании славянских рукописей Великой Лавры (*Matejić, Bogdanović. Slavic Codices...* Р. 461) ошибочно указано, что рукопись написана на бумаге, при этом сведения о водяных знаках не приведены (здесь следует напомнить, что описания для этого издания были выполнены составителями преимущественно на основании микрофильмов, хранящихся в Патриаршем институте патристических исследований (монастырь Влатадон) в Салониках). Данное обстоятельство служило известным препятствием для отождествления частей рукописи, хотя не исключало его полностью (поскольку для кодекса XIV в. вполне возможно сочетание бумаги и пергамена). Летом 1996 г., работая над подготовкой сводного каталога славянских рукописей Афона и памятуя просьбу Н. Б. Тихомирова, я имел возможность, благодаря активному бескорыстному содействию коллеги К. Нихоритиса (Салоники), ознакомиться с рукописью *de visu* (к сожалению, это относится к тому немногому, что по не зависящим от нас обстоятельствам удалось тогда сделать в Лавре Св. Афанасия) и убедился, что хранящаяся здесь основная часть кодекса целиком написана на пергамене довольно хорошей выделки.

³¹ Достаточно сказать, что в известной большой содержательной статье Д. Стефановича (Прилог проучавању месецослова XIII и XIV в. // *Јужнословенски филолог.* Београд, 1989. [Кн]. 45. С. 137—160), специально посвященной южнославянским месецесловам Евангелий и Апостолов, данная память не фигурирует. О. В. Лосева отмечает ее редкость, указывая на присутствие в месецесловах двух (Дечаны-Црколез, № 1; София, НБКМ, № 844) сербских Евангелий XIII в. (*Лосева О. В.* Русские месецесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 79—80), и высказывает сомнения в болгарском ее происхождении (Там же. С. 53—54, 79—80).

³² См.: *Цонев.* Опис... С. 28.

³³ Такая датировка рукописи, несомненно представляющаяся в настоящее время излишне ранней, находит, тем не менее, полное соответствие в системе палеографических представлений конца XIX — первой четверти XX вв., да и более позднего времени. Достаточно напомнить, что концом XIII в. датировалось в старой литературе типологически близкое по письму рассматриваемой рукописи Евангелие тетр, РНБ, Гильф. 3, ныне (СК XIV. Вып. 1. С. 415, № 276) относимое к середине (или первой половине) XIV столетия (см.: *Лавров.* Палеографическое обозрение... С. 209—211; здесь же образцы почерка). Даже В. А. Мошин в 1958 г. еще придерживался старой датировки (*Мошин В. А.* К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной Публичной библиотеки // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 411), с которой кодекс вошел и в ПС XI—XIV (№ 284).

³⁴ *Цонев.* Опис. С. 28.

³⁵ О Романа I и переписанных им рукописях см.: *Церний Л.* О атрибуцији средњовековних српских ћирилских рукописа // *Текстологија јужнословенских књижевности.* Београд, 1981. С. 338, 348—349, № 28—31; Сл. 34—35; СК XIV. Вып. 1. С. 403, № 262; С. 406—408, № 265—267.

³⁶ Образец почерка см., напр.: *Максимовић.* Српске средновековне минијатуре. Ил. 100; *Ђоровић В.* Света Гора и Хиландар. Београд, 1985, оборот вклейки между с. 128 и 129.

³⁷ Образцы почерка см.: *Богдановић*. Каталог... Албум. Табл. 29; *Цернић*. О атрибуцији... Сл. 34. Последняя тетрадь кодекса находится в РНБ, Q.п.I. 41 (отождествление Л. Цернич).

³⁸ Образцы почерка см.: *Богдановић*. Каталог... Албум. Табл. 68; *Цернић*. О атрибуцији... Сл. 35.

³⁹ В каталоге выставки «Древности монастырей Афона X—XVII вв. в России. Из музеев, библиотек, архивов Москвы и Подмосковья» (М., 2004. С. 169, III. 6) ошибочно помещена страница с образцом почерка первого писца.

⁴⁰ Образцы почерка см.: *Лавров*. Палеографическое обозрение... С. 229, сн. 244—246. В СК XIV. Вып. 1 (С. 107, № 12) отмечена близость письма рукописи к почерку Георгия Радослава, однако с почерком Романа черт сходства в данном случае значительно больше.

⁴¹ В существующих описаниях рукопись ошибочно датируется XV в. (см.: *Щеткина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольишенко В. С.* Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1965. М., 1966. С. 300). Представляется также вполне уместным поставить вопрос об атрибуции этому писцу среднеболгарского по орфографии (употребляются только Ъ и «юс малый») пергаментного Евангелия тетр второй четверти XIV в. (София, НБКМ, № 1356). Описание кодекса см.: *Христова Б., Караджова Д., Вутова Н.* Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. София, 1996. Т. 5. С. 15—18; образцы почерка — Там же. С. 228—229 (Табл. 8, 9), 423—424 (Прил. 3—4).

⁴² Описание московских отрывков с атрибуцией почерка и отождествлением с афонскими см.: СК XIV. Вып. 1. С. 402—403, № 262. Образец почерка (воспроизведенный здесь ошибочно, вместо письма основной (бумажной) части кодекса, написанной другим хиландарским книгописцем этого времени — «грешным Михо») см.: *Древности монастырей Афона ...* С. 176, III. 12.

⁴³ См.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 77—80, 103.

⁴⁴ См.: СК XIV. Вып. 1. С. 484, № 332.

⁴⁵ История рукописи и обстоятельства ее поступления в хранилище неизвестны — во всяком случае, она не принадлежит к числу книг, найденных В. И. Григоровичем во время путешествия 1844—1845 гг. по Балканскому полуострову. Краткие сведения о ней см.: *Копыленко М. М., Рапопорт М. В.* Славяно-русские рукописи ОГНБ им. А. М. Горького // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 550; *Королькова Е. Г., Кравченко Ж. Н.* Славянские рукописи нерусского происхождения ОГНБ им. А. М. Горького // Известия на НБКМ и библиотеката на Софийския дръжавен университет. София, 1963. Т. 3. С. 31; *Васильев Љ.* Орнаментика, повез и ново датирање српских рукописа Универзитетске библиотеке «А. М. Горког» у Одеси // Зборник Музеја примењене уметности. Београд, 1976. Св. 19/20. С. 161, 170 (ошибочно датирована 70—80-е гг. XIV в.). В настоящее время подробное описание кодекса подготовлено автором этих строк для второго выпуска СК XIV.

⁴⁶ Случай представляет наглядный пример субъективности эстетических оценок (на предпочтительности своей я не настаиваю). Тот же самый почерк (см. ниже) в описании рукописей НБС характеризуется как принадлежащий к лучшим образцам своего времени (*Штавянин-Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Цернић Л.* Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Београд, 1986. Књ. 1. С. 7—8).

⁴⁷ В одесской рукописи служба на Рождество Богородицы (8 сентября) приходится на конец второй — третью тетради, между тем, судя по нумерации на л. 2 пантелеймоновского отрывка, здесь на тетрадь 4 приходились службы на 6—7 сентября.

⁴⁸ Образец почерка рукописи см.: *Штављанин-Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Цернић Л.* Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Палеографски албум / Припремила Л. Цернић. Београд, 1991. С. 42, сл. 39.

⁴⁹ Там же. С. 43, сл. 40. Чрезвычайная близость (и даже — предположительно — идентичность) почерков Миней и Триоди отмечена уже описателями собрания (*Штављанин-Ђорђевић, Гроздановић-Пајић, Цернић*. Опис... С. 7—8, 331, 333). Мне, однако, трудно согласиться с их мнением (см. там же), что тем же писцом может быть написана и Триодь НБС, Рс 645, датируемая по Пасхалии 1328 г.; на мой взгляд, речь в данном случае может идти только о близости письма, но не об идентичности (образцы почерка см.: *Штављанин-Ђорђевић, Гроздановић-Пајић, Цернић*. Опис...: Палеографски албум / Припремила Л. Цернић. С. 44, сл. 41; *Попов Г.* Триодни произведения на Константин Преславски. София, 1985 (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 2). С. 631—632, сн. 11—12). Следует также обратить внимание исследователей на еще одну рукопись, весьма близкую по письму к перечисленным выше (на мой взгляд начерки букв здесь существенно ближе к НБС, Рс 5 и Рс 644, чем в Триоди 1328 г., хотя письмо более плотное и вытянутое). Это кодекс, содержащий Апостол и Евангелие апракос, из собрания БАН Болгарии (Слав. 5 и 8; второй из номеров представляет отрывок на 6 листах из начальной части первого), описанный Х. Кодовым (Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската Академия на науките. София, 1969. С. 20—21; 23—25) без отождествления частей (атрибуция моя), при этом основная его часть датирована, на мой взгляд, излишне рано — рубежом XIII—XIV вв. (отрывок Слав. 8 отнесен к XIV в. без уточнения). Единственное заметное отличие почерка софийской рукописи (образцы см. там же. Табл. 7, 8) от письма белградских заключается в отсутствии в первом начертания 3 в форме цифры 3; не исключено впрочем, что этот вариант просто не пришелся на репродуцированные страницы.

⁵⁰ Современный л. 1 рукописи НБС, Рс 5 происходит из первоначальной 5-й тетради и содержит фрагмент службы на Рождество Богородицы (8 сентября), начиная с ирмоса 1-й песни первого канона — *Штављанин-Ђорђевић, Гроздановић-Пајић, Цернић*. Опис... С. 7, 8.

⁵¹ Там же. С. 10.

⁵² В своей недавней статье, где упоминается эта рукопись (см.: *Турилов А. А.* К отождествлению частей некоторых фрагментированных сербских рукописей XIV в. // Археографски прилози. Београд, 2004—2005. Бр. 26—27. С. 130, 141. Примеч. 41) я ошибочно указал количество листов (2 вместо 1), т. к. был введен в заблуждение количеством ксерокопий отрывка, выполненных в разном режиме.

⁵³ Мнение исследователей о связи отрывка с хиландарской книгописной традицией можно считать единодушным. Н. Б. Тихомиров в пометах на ксерокопиях отмечает особую близость письма этой Триоди к почерку Романа I и к хиландарскому литургическому свитку 3/1 (атрибутированному Л. Цернић (см. примеч. 35) тому же Роману), в качестве более отдаленных аналогий указывая письмо Евангелия монаха Дионисия 1356 г. (Хиландарь, № 10). Позднее Б. Цветкович (на материале Триоди Цветной, написанной тем же писцом — см. ниже) указал на близость письма отрывка к почеркам таких хиландарских книгописцев второй — третьей четверти XIV в. как Роман I, Феоктист, Марко и др. (*Цветкович Б.* Тирићеви хиландарски одломци из збирке Завичајног музеја у Јагодине // АП. Београд, 1994. Бр. 16. С. 125—126). Известные аналогии указал и я при отождествлении почерка листка пантелеймоновской Триоди Постной и афонских отрывков Триоди Цветной (*Турилов*. К вопросу... С. 129—131, № 3). В настоящее время можно специально выделить троих книгописцев, почерк которых особенно близок письму отрывков Триодей. В хронологической последовательности это писец Шишатовачкого Апостола 1324 г. Дамиан (см.: *Ђорђевић*. Историја... С. 285. Сл. 72), Роман I и первый писец бумажной Миней служебной на август из собрания

Библиотеки АН Болгарии, № 20, переписанной между 1346 и 1356 гг. по заказу и, возможно, при участии хиландарского игумена Иоанна (см.: *Кодов. Опис...* С. 40—41; Табл. 11; *Церний Л.* Белешке о писарима неких српских рукописа у манастиру Свете Катарине на Синају // Археографски прилози. Београд, 1982. Бр. 4. С. 32, 54—55. Ст. 28—29; *Мано-Зиси К.* Хиландарски писари книга из времена Српског Царства // Осам векова Хиландара: Историја, духовни живот, књижевност, уметност и архитектура. Београд, 2000. С. 389). Однако при всем их несомненном сходстве однозначно отождествить одного из них с писцом пантелеймоновского отрывка Триоди представляется затруднительным. Последний устойчиво (практически без вариантов) пишет сравнительно узкую букву М с остроконечной галочкой между вертикалями, лишь немного и не всегда опускающуюся ниже уровня строки. Дамиан употребляет сходный вариант, но со скругленной дужкой-перемычкой. У Романа начертание буквы отличается большей шириной, а перемычка (которая может быть и скругленной и заостренной) обычно асимметрична и опускается заметно ниже строки. У писца софийской Минеи начертание перемычки варьируется, но преобладает округлый ее вариант.

⁵⁴ Наблюдение Н. Б. Тихомирова, сделанное на основании сопоставления отрывка с сербской Триодью постной 1359 г. (Пант. Слав. 29), содержащей текст «нового извода».

⁵⁵ Образцы почерка отрывков этой Триоди цветной несколько раз публиковались. См.: Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР / Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976. Рис. 29; *Цветковић.* Тирихеви хиландарски одломци... С. 125—126. Ст. 13—14; *Турилов.* К отождествлению... С. 149. Ил. 4.

⁵⁶ Там же. С. 129—131, 149—150; Ил. 4—5.

⁵⁷ Образец почерка см.: *Кодов. Опис...* Табл. 10.

⁵⁸ *Церний Л.* Нека запажања о српским рукописима у збиркама Ленинграда // АП. Београд, 1980. Бр. 2. С. 362, № 9. Исследовательница отмечает наличие в софийской рукописи нескольких почерков. Отрывок РНБ написан несомненно другой рукой (см.: *Лавров.* Альбом снимков... Табл. 56; *Мошин В.* Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966. С. 98. Табл. 96).

⁵⁹ До того как Д. Богданович установил, что лист РНБ представляет отрывок службы св. Савве Сербскому (*Богдановић Д.* Ленинградски одломак Службе светом Сави // Библиотекар. 1968. Бр. 1—2. С. 84—87), он в течение почти столетия ошибочно упоминался в научной литературе как фрагмент Октоиха (Отчет имп. Публичной библиотеки за 1872 г. СПб., 1873. С. 12—13; *Лавров.* Палеографическое обозрение... С. 217, № 8; *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 (репринт — М., 1979). С. 40, № 30; [*Гранстрем Е. Э.*] Описание русских и славянских пергаменных рукописей [ГПБ]: Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские. Л., 1953. С. 99; *Мошин В. А.* К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной Публичной библиотеки // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 416; *Он же.* Палеографски албум... С. 98. Табл. 96; ПС XI—XIV. С. 217, № 502.

⁶⁰ Об этой остающейся во многих отношениях загадочной поездке исследователя в Македонию и Болгарию см.: *Кувев К.* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. 2-е изд. София, 1986. С. 78, 83—84, 85—96; *Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л.* Българското средновековно културно наследство в збирката на А. Хлудов в Държавния Исторически музей в Москва. София, 1999. С. 10—11; *Турилов А. А.* К истории второй (македонской) рукописной коллекции А. Ф. Гильфердинга // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 130—143. Рукопись, из которой происходит отрывок, судя по помете на нем, находилась в то время в Охриде.

⁶¹ *Кодов. Опис...* С. 39. Несомненно следует согласиться с Л. Цернич, датирующей рукопись серединой XIV в. (*Цернич Л. Нека запажања...* С. 362).

⁶² Л. Цернич в своих заметках (Там же. С. 362) не отмечает близости одного из почерков рукописи письму Романа, вероятно потому, что в тот момент ее прежде всего интересовал вопрос отождествления частей кодекса.

⁶³ См.: *Штавланин-Ђорђевић, Гроздановић-Пајић, Цернич. Опис...*: Палеографски албум / Припремила Л. Цернич. С. 44, сл. 41; *Попов. Триодни произведения...* С. 631—632, сн. 11—12.

⁶⁴ Достаточную близость к письму отрывков обнаруживают почерки приписки 1359/60 г. в Евангелии 1337 г. монаха Романа (Хиландарь, № 9, л. 235 — см.: *Богдановић. Каталог...* Албум. Табл. 28) и Устава церковного Иерусалимского из собр. П.-Й. Шафарика (Прага, Народный музей, IX F 23) — характеристику и снимки почерка см.: *Лавров. Палеографическое обозрение...* С. 219, сн. 234; *Ђорђић. Историја...* С. 289, сл. 76. Следует заметить, что существующие в литературе датировки последней рукописи 1356—1367 гг. (*Сперанский М. Н. Рукописи Павла Иосифа Шафарика (ныне Музея Королевства Чешского) в Праге // ЧОИДР. 1894. Кн. 1. С. 37—39; Лавров. Палеографическое обозрение...* С. 219; *Карский. Славянская кирилловская палеография. С. 40; Vašica J., Vajs J. Soupis staroslovjanských rukopisů Národního Musea v Praze. Praha, 1957. S. 240, № 119) и 1357 г. (*Ђорђић. Историја...* С. 289) восходят еще к мнению П.-Й. Шафарика (*Vašica, Vajs. Soupis...* S. 241—242) и базируются исключительно на том факте, что запись о смерти Стефана Душана в месяцеслове Титоникона сделана почерком писца, а известие о кончине царя Уроша представляет приписку, сделанную в уже готовом кодексе. При этом некритически повторяется ошибочная дата смерти Уроша (1367 г. вм. 1371), принятая в историографии XIX в. Однако и по водяным знакам кодекс датируется 1360-ми гг. (*Гроздановић-Пајић М. Ново датирање српских ћирилских рукописа Шафарикове збирке у Прагу // Библиотекар, 1968. С. 452, № 15*). Это заставляет несколько «омолодить» датировку отрывков (первая половина XIV в.), первоначально предложенную Н. Б. Тихомировым и зафиксированную в каталоге афонских рукописей (*Славянские рукописи...* С. 237, № 613—614). К сходной датировке склонился в последнее время и сам Тихомиров, указав в пометах на ксерокопиях близость почерка отрывков к письму пергаментной хиландарской (№ 78) Псалтыри третьей четверти XIV в. (см.: *Богдановић. Каталог...* Албум. Табл. 65).*

⁶⁵ См. об этом: *Момина М. А. Славянский перевод ΥΜΝΟΣ ΑΚΑΘΗΣΤΟΣ // Полата књигописњая. Nijmegen, 1985. № 14—15. С. 132—160.*

⁶⁶ *Станковић Р. Водени знаци хиландарских српских рукописних књига XIV в. // АП. Београд, 2000—2001. Бр. 22—23. С. 80, 97. Сл. 18—19.*

⁶⁷ В кратком каталоге афонских рукописей почерк отрывка предположительно (и, как сейчас выясняется, неверно) был атрибутирован мной другому хиландарскому книгописцу, современнику Иакова иеромонаху Иову (*Славянские рукописи афонских обителей...* С. 239, № 619). Об Иакове как книгописце см.: *Мано-Зиси. Хиландарски писари...* С. 395 (образцы почерка — Сл. 10, 11); *Она же. Писар монах Јаков и негови сарадници у хиландарском скрипторијуму (трећа четвртина XIV в.) // Хиландарски зборник. Београд, 2004. Кн. 11. С. 227—246 (образцы почерка — Сл. 1—8, 10, 11, 14—16, 19).* Кроме того, в последнее время А. Г. Сергеев убедительно атрибутировал Иакову также сборник смешанного содержания (Петербург, БРАН, собр. Текущих поступлений, № 13), известный в старой литературе как Сборник М. П. Петровского (см.: *М. П. П-ий [Петровский М. П.] Поучения, приписываемые Илариону, митрополиту Киевскому // УЗ Казанского ун-та. Казань, 1865. Т. 1. С. 53—79; Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. 206; Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писа-*

телей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 75—76; *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 18), и по составу в значительной мере совпадающий (как установила покойная О. П. Лихачева) со сборником НБС, Рс 26.

⁶⁸ *Богдановић.* Каталог... С. 214.

⁶⁹ Там же. С. 214—215.

⁷⁰ См. примеч. 24.

⁷¹ Текст на л. 33 об. обрывается на словах Пс. СIII, 8: «въ дѣсто ѿже ѿси основаль идь..., на л. 34 начинается окончанием Пс. CIV, 5: «...днвса ѿго и соудбы оусть ѿго» — остающаяся лакуна, судя по объему текста пантелеймоновского отрывка, составляет 1 лист.

ИЗ КАКОГО ЕВАНГЕЛЬСКОГО КОДЕКСА ПРОИСХОДИТ ПОСЛЕСЛОВИЕ АНАГНОСТА РАДИНА?

Пергаменный лист из сербского Евангелия с послесловием церковного чтеца («анагноста») Радина Нагоричанина (РГБ, собр. В. И. Григоровича (ф. 87), № 11.3 / М. 1693.3), привезенный исследователем из его «ученого путешествия» на Балканы в 1844—1845 гг., известен в историко-филологической литературе по крайней мере 130 лет¹, начиная с публикации В. Ягича 1877 г.² С тех пор текст послесловия неоднократно издавался набором³, а весь лист фототипически (лицевая сторона) либо литографически (оборот)⁴. Интерес исследователей и к почерку отрывка⁵ и к тексту послесловия (см. ил. 2—3) вполне объясним: фрагмент достаточно точно датирован в пределах 1308—1311 гг.⁶ (хотя по поводу интерпретации даты в литературе по вине писца существует достаточно широкий диапазон мнений — от 1292 до 1342 г.⁷) и надежно локализован. Это тот редчайший для средневековой славянской палеографии случай, когда известно не только место написания рукописи (село Сушица к востоку от Скопье), но и не совпадающее с ним место жительства книгописца (село Нагоричино в жупе Жеглигово, расположенное на значительном расстоянии к северу от Сушицы)⁸. Евангелие, переписанное Радином, составляло лишь часть заказа безымянного «попа загоранина» (т. е. жившего за горой или за хребтом по отношению к книгописцу), в который, согласно записи, входили также Триодь (скорее всего, обе книги в одном переплете), четий Апостол («праксъ») и Псалтырь. Заключительная часть послесловия (5 строк на оборотной стороне листа), выделенная и абзацем и более мелким письмом, представляет моление писца за всех помогавших ему в работе (вплоть до стиравшей ему белье попадьи с прямо-таки раблезианским именем Утеха)⁹, с упоминанием имен и рода занятий большинства из них¹⁰.

Собственно послесловию, занимающему нижнюю часть (8 строк) лицевой стороны и весь оборот листа, предшествует указатель утренних воскресных Евангелий (без начала, начиная со второго), что позволяет с уверенностью определить тип книги, из которой происходит отрывок, как Евангелие тетр (в апракосе чтения были бы даны целиком).

На фоне внимания, существующего в историко-филологической литературе к послесловию Радина, загадочным выглядит полное отсутствие попыток ученых-палеографов отыскать кодекс, из которого он происходит¹¹. Возможно, главная причина этого чисто психологическая — листок воспринимался и воспринимается исследователями как случайно уцелевший отрывок погибшей рукописи, спасенный владельцем из «мерзости запустения» в одном из полузаброшенных славянских монастырей или храмов Македонии (либо Болгарии), в большом числе упо-

минаемых на страницах «Очерка путешествия» и «Донесений» В. И. Григоровича¹². Помета на листке, сделанная рукой ученого путешественника («Слепче»)¹³, пожалуй, лишь усиливает ощущение фрагментарности памятника уже в середине XIX в., поскольку в Слепченском Предтеченском монастыре, в «незапертой комнате над самую конюшню» Григорович «по полкам и на полу» обнаружил «60 запчанных рукописей и кусков рукописей»¹⁴. Однако такое заочное предположение рассеивается при обращении хотя бы к снимку в альбоме П. А. Лаврова 1916 г.¹⁵: на нем видно, что лист хорошей сохранности, за исключением пятна в нижней части (обычный дефект начальных и конечных листов кодекса, долгое время находившегося в употреблении). Более того, вид неровного обреза непропорционально узкого левого поля (явно не просекшегося по линии разлиновки) практически не оставляет сомнений в том, что лист был весьма решительно, но не очень аккуратно вырезан из целого (по крайней мере, относительно) кодекса. «Операция» по изъятию послесловия¹⁶ из рукописи была произведена, скорее всего, при помощи остро заточенного перочинного ножа — почти неотъемлемого атрибута регулярно пишущего человека еще и в середине XIX в., до широкого распространения в обиходе стальных перьев¹⁷. Отрывок Радина, таким образом, вносит еще один дополнительный штрих в характеристику В. И. Григоровича как собирателя, ставшую в определенном смысле притчей во языцех¹⁸.

Как это нередко бывает при отождествлении почерков и частей рукописей, кодекс, к которому относится послесловие Радина, обнаружился вполне случайно, причем выяснилось (на страницах этой статьи еще не раз придется говорить о странных совпадениях), что эти две части одной рукописи, проделавшие весьма сложные путешествия, уже 130 лет находятся в одном городе, причем больше 80 даже в соседних древлехранилищах, на расстоянии около километра друг от друга. Нет сомнений, что отрывок Григоровича был когда-то последним листом основной части¹⁹ Евангелия тетр Хлудовского собрания ГИМ, № 13. В кодексе после л. 292 сохранился фальц²⁰ с неровным обрезом, конфигурация которого совпадает с левым полем листа с послесловием Радина. Текст в Хлудовской рукописи обрывается на начале указателя утренних воскресных Евангелий и без разрыва продолжается на отрывке РГБ, что хорошо видно даже по СК XIV²¹. Совпадают и основные формальные показатели: размер листа по вертикали (260 мм)²², почерк и декоративное письмо заголовков (см. прилагаемые снимки 1—2). По ширине (Хлуд 13 — 185 мм; листок Григоровича на сантиметр уже)²³ листы разнятся на размер фальца, оставшегося в Хлудовской рукописи. Разница в количестве строк (см. снимки 1 и 2) объясняется тем, что послесловие написано Радином более мелким почерком.

Вполне подтверждает атрибуцию и история Хлудовского кодекса. Он происходит из второй коллекции А. Ф. Гильфердинга, собранной им во время поездки в центральную часть Балканского полуострова в 1868 г.²⁴ На рукописи, сохранившей древний (очевидно, рубежа XV—XVI вв.)²⁵ переплет (что большая редкость для Хлудовского собрания) отсутствуют пометы о месте приобретения, однако факт ее нахождения в середине XIX в. именно в Слепченском Предтеченском монастыре надежно засвидетельствован. За три года до Гильфердинга (и, соответственно, через 20 лет после Григоровича) рукопись видел там в 1865 г. архимандрит Антонин

(Капустин), сделавший ее краткое описание, вполне пригодное для идентификации²⁶.

Отождествление кодекса, переписанного Радином, с Евангелием тетр ГИМ, Хлуд. 13 составляет, в свою очередь, загадку, неразрешимую в рамках представлений об исследователе, внимательно просматривающем кодекс от начала до конца. Дело в том, что это Евангелие отнюдь не является рядовым по составу, а входит (наряду с рукописями Хиландарь, № 23 (Бунилово Евангелие)²⁷ и РНБ, Гильф. 2²⁸) в число трех сербских евангельских кодексов XIII—XIV вв., содержащих в начале (в нашем случае на л. 3—5) знаменитое стихотворное предисловие (Проглас) славянского первоучителя Константина-Кирилла Философа²⁹, опубликованное только в 1858 г.³⁰, но уже известное В. И. Григоровичу по списку, находившемуся в то время в типикарнице св. Саввы в Карее³¹. Такое стечение обстоятельств выглядит почти невероятным, поскольку известно, с каким энтузиазмом и жадностью В. И. Григорович собирал даже малейшие свидетельства о жизни, деятельности и почитании Кирилла и Мефодия³². Можно лишь предположить, что просматривая книгу в спешке, ученый не заметил текста, расположенного (в отличие от двух других списков) не в начале кодекса, а после «Сказания вкратце» о четырех евангелистах; к тому же Проглас в Хлудовской рукописи в нижней части листа, а его заголовок написан хотя и киноварью, но строчным письмом (при том что крупное декоративное представлено в кодексе весьма изобильно). В любом случае казус представляет пример поразительного научного невезения, которое является как бы зеркальным отражением столь же поразительного везения А. Ф. Гильфердинга, нашедшего и привезшего в Россию два из трех древнейших списков Прогласа.

Стоит, вероятно, упомянуть, что кодекс еще раз пострадал от энтузиазма собирателей и после В. И. Григоровича, хотя уже и не так сильно. В настоящее время в рукописи отсутствуют защитные листы в начале, в то время как в конце имеются, как уже говорилось, два пергаменных листа хорошей сохранности из сербской Минеи служебной с проложными житиями на октябрь первой половины XIV в., входящие в общий счет листов кодекса (л. 293—294) и содержащие отрывки служб на 26 и 28 октября³³. Им, по всей видимости, предшествовал еще один лист, от которого сохранился лишь узкий неровный (с зазубренным краем) фальц. Если судьба этого листа неизвестна (он, во всяком случае, не прослеживается в хранилищах бывшего СССР), то листы, служившие защитными в начале кодекса, отождествляются с большой степенью вероятности. Это два одинарных листа из той же самой октябрьской Минеи, находящиеся ныне в собрании П. П. Вяземского в РНБ, № 124/7. Председатель ОЛДП подарил их С. Веркович, вывезший листки из Македонии, о чем свидетельствует помета: «Два листа из Слепченского монастыря близ Крушева, приобретены Верковичем в 1857 г.»³⁴.

Установление происхождения послесловия Радина из кодекса ГИМ, Хлуд. 13 имеет целый ряд последствий для изучения этой рукописи. Во-первых, тем самым полностью подтверждена датировка хлудовской рукописи началом XIV в., предложенная в СК XIV (ранее она датировалась просто XIV в.³⁵, серединой³⁶ и первой половиной³⁷ этого столетия). С отождествлением кодекса получил надежную узкую датировку и локализацию. В связи с этим хлудовский список Прогласа оказывается

вторым по древности и единственным локализованным. Теперь с полным основанием можно говорить о Хлудовском Евангелии № 13 не просто как о сербской рукописи, а как о рукописи сербского извода, написанной в северной Македонии. Кодекс представляет определенную дату в истории распространения рашской орфографии в данном регионе (разумеется, об этом можно было говорить и ранее применительно к послесловию Радина, но теперь это можно утверждать и по отношению к целой рукописи).

Место создания рукописи объясняет отличия ее письма и оформления от классических (переписывавшихся в собственно Рашке и в Хиландаре)³⁸ образцов книжной культуры времени короля Милутина (1282—1321), к которому она несомненно принадлежит.

Наконец, в новом свете предстают и приписки на л. 12 и 152, выполненные глаголицей переходного типа, близкой к классической хорватской³⁹, и современные, на мой взгляд, кодексу⁴⁰. Они представляют редчайший образец использования такой глаголицы⁴¹ в это время книгописцами, использующими кириллическую графику (независимо от места работы), и заставляют предполагать (как уже отмечалось в литературе)⁴² существование каких-то связей (вероятнее всего, опосредованных) с Хорватией.

Название «Евангелие Радина» представляется целесообразным закрепить в дальнейшем не только за листком из собрания Григоровича, но и за кодексом в полном его объеме.

Примечания

¹ Библиографию см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. М., 2002. Вып. 1 (далее — СК XIV). С. 378—380, № 242.

² *Jagić V. Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovenskih rukopisa // Starine. Zagreb, 1877. Knj. 9. S. 126—130 (XII: Odlomak Radinova srpskoslovenskog Jevangelija od god. 1308).*

³ *Викторов А. Е. Собрание рукописей В. И. Григоровича // Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1876—1878 гг. М., 1879. С. 9 (первая — «историческая» — часть записи); Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Београд, 1902 (репринт — 1982). Књ. 1. С. 15—16, № 34—35; Поп-Атанасов Ѓ., Велев И., Јакимовска-Тошиќ М. Скрипторски центри во средновековна Македонија. Скопје, 1997. С. 225 (первая часть).*

⁴ Лицевая сторона листа: *Лавров П. А. Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916 (Энциклопедия славянской филологии (ЭСФ). Вып. 4,1. Прилож.), табл. 51; оборот: Он же. Палеографические снимки с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. СПб., 1905. Вып. 1, № 48; Мошин В. Палеографски албум на јужнослоvensкото кирилско писмо. Скопје, 1966. С. 77, № 73; Поп-Атанасов Ѓ., Велев И., Јакимовска-Тошиќ М. Скрипторски центри... С. 224. Последние два издания представляют пересъемку с литографии в альбоме П. А. Лаврова 1905 г. и поэтому несколько искажают облик письма.*

⁵ Характеристику почерка Радина см.: *Лавров П. А. Палеографическое обозрение славянского кирилловского письма (= ЭСФ. Вып. 4,1). Пг., 1914 (на обложке — 1915). С. 214—215.*

⁶ Обоснование датировки см.: СК XIV. С. 379, № 242.

⁷ Обзор мнений см. там же, а кроме того: Поп-Атанасов Ѓ., Велев И., Јакимовска-Тошиќ М. Скрипторски центри... С. 225—226.

⁸ Подробнее о локализации этих сел см. там же. С. 225—226.

⁹ Эта часть записи представляет старший известный в настоящее время образец моления о помощниках — своеобразного микрожанра, совершенно не представленного в древнерусской традиции, но достаточно широко распространенного в южнославянских рукописях XIV—XV вв.

¹⁰ Исключение составляет поминание безымянных учителей Радина («и учивших меня»).

¹¹ В процессе работы над вып. I СК XIV я обратил внимание на достаточную близость к почерку Радина письма сербского Прилепского Евангелия тетр раннего XIV в. (Киев, Ин-т рукописей НБ Украины им. В. И. Вернадского, ЦАМ КДА, № 554п), однако разница в размерах листов и текстового поля полностью исключает возможность считать московский отрывок частью киевского кодекса (см.: СК XIV. № 242, 252). Образцы почерка Прилепского Евангелия см.: Слов'янські рукописи XI—XIV ст. у фондах Відділу рукописів ЦНБ АН Української РСР (Огляд, опис, публікації) / Склад М. В. Геппенер за участю М. П. Визира та Й. В. Шубинського. Київ, 1968. С. 149; Табл. 19; *Гнатенко Л.* Слов'янська кирилична рукописна книга XIV ст. (З фондів Інституту рукопису НБ України ім. В. І. Вернадського). Київ, 2007. С. 213. Табл. 8).

¹² См.: *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. 2-е изд. М., 1877 (репринт — София, 1978). С. 95—96, 99, 107, 110, 113—114, 115, 118, 136, 144, 155—157, 159—161; *Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям.* Казань, 1915. С. 143, 150, 152, 157, 159, 183, 196—199, 201—204.

¹³ *Петрунь Ф. [Е.]* Рукописна збірка В. І. Григоровича // Праці Одеської Центральної наукової бібліотеки. Одеса, 1927. Т. 1. С. 49, № 58; СК XIV, № 242. С. 379.

¹⁴ *Григорович В. И.* Очерк путешествия... С. 115, 159—160; *Донесения В. И. Григоровича...* С. 157, 202. С краткостью характеристики монастырского собрания (автор счел нужным особо упомянуть лишь здешний помянник XVI в.) явно диссонирует качество привезенных оттуда рукописей. Всего из Слепченского монастыря только в московской части собрания Григоровича происходит еще не менее четырех кодексов и отрывков, при этом все они далеко не рядовые. В хронологическом порядке это: 1) отрывок (6 л.) Слепченского Апостола XII в. (РГБ, Григ. 14 / М. 1696; СК XI—XIII, № 111); 17 л. из сербского епитимийно-канонического сборника XIV в. (№ 25 / М. 1709 — текст опубликован целиком: *Jagić V.* Opisi i izvodi... // *Starine.* Zagreb, 1874. Knj. 6. S. 133—146); 3) отрывок (76 л.) сербского пергаменного Требника XIV в. (№ 35 / М. 1714); 4) Слепченский Письмовник XVI в. (№ 52.1 / М. 1743.1 — текст издан (полностью): *Радонић Ј.* Епистоляр манастира Продрома (Слепче) из XVI в. // *Споменик СК.* Београд, 1910. Књ. 49. С. 56—66, а также (частично): *Иванов Й.* Български старини из Македония. 2-е изд. София, 1931 (репринт — 1970). С. 484—487, № 59). См. также: *Петрунь Ф. [Е.]* Рукописна збірка... С. 137—163.

¹⁵ См. примеч. 4.

¹⁶ В. И. Григорович вообще питал исследовательско-собираТЕЛЬскую слабость к иностранным послесловиям книгописцев, справедливо видя в них и своеобразные литературные произведения, и (в особенности) важный источник по истории и истории языка. Свою собираТЕЛЬскую программу он так описал в письме М. П. Погодину: «Это была цель моя: если нельзя было отыскать чего-либо оригинального — запастись по крайней мере рукописями, для истории языка необходимыми...» (цит. по: *Рукописные собрания ГБЛ / Указатель.* М., 1983. Т. 1. Вып. 1. С. 163). В московской части его собрания помимо послесловия Радина имеется еще три аналогичных памятника. Это дополнительные статьи и

послесловие писца (дьяка Дмитрия Кратовца) к Синтагме Матфея Властаря 1466—1468 гг. (РГБ, ф. 87, № 27 / М. 1707 — текст опубликован: *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, сръбска и руска литература. София, 1967. Кн. 2. С. 260—267), послесловия к «Книге премудрого Соломона» 1412 г. (там же, № 52, 2) и Мардария Рыльского к «Шестодневу» (Беседам Иоанна Златоуста на книгу Бытия) 1481 г. (№ 52, 3 — текст опубликован: *Ангелов Б. С.* Из старата... С. 255—256). Определить кодекс, из которого были изъяты эти послесловия, удалось пока лишь применительно к последнему (Болгария, Рыльский монастырь, № 4/2 — *Христова Б., Караджова Д., Икономова А.* Български ръкописи от XI до XVIII в., запазени в България / Своден каталог. София, 1982. Т. 1. С. 82, № 183; *Кувев К. М.* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. 2-е изд. София, 1986. С. 67). Известную пикантность ситуации придает то обстоятельство, что именно этот отождествленный фрагмент в силу плохой физической сохранности с наибольшим правом мог бы претендовать на роль «спасенных от гибели остатков». О происхождении послесловия к «Книге премудрого Соломона» см. примеч. 21 к статье «Ранний славянский список календарных эпиграмм Николая Калликла» в наст. изд.

¹⁷ См., напр.: *Рейсер С. А.* Некоторые вопросы палеографии нового времени // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. 10. С. 399—407; *Он же.* Палеография и текстология Нового времени. М., 1970. С. 20—30.

¹⁸ По этому вопросу в научной литературе, начиная, пожалуй, уже с «Записок поклонника Святой горы» архимандрита Антонина (Капустина), вышедших в свет в 1861—1862 гг., сложилась целая историография — см., к примеру: *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 38—39; *Дмитриевский А. А.* Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг проф. В. И. Григорович, еп. Порфирий (Успенский) и архим. Антонин (Капустин) // *Byzantinorussica*. М., 1994. № 1. С. 166—167, 171—173. Последний из авторов особенно суров в оценке деятельности Григоровича, приписывая ему (как хорошо показали публикаторы) и чужие грехи (*Фонкич Б. Л., Поляков Ф. Б. А. А.* Дмитриевский и его работа о собирателях рукописей и старопечатных книг // Там же. С. 192, 194—196); при этом собирательские приемы самого Дмитриевского в целом ряде случаев ничем не отличались от столь осуждаемых им предшественников (см. напр.: *Турилов А. А.* К отождествлению частей некоторых фрагментированных сербских рукописей XIV в. // *Археографски прилози*. Београд, 2004—2005. [Бр.] 26—27. С. 129—131, № 3—4). При этом, разумеется, не следует забывать, что подобная практика до первой четверти XX в. являлась скорее правилом, чем исключением, а значение находок (включая хищения) В. И. Григоровича для развития славистики не подлежит сомнению (наиболее объективная и взвешенная характеристика его собирательской деятельности и коллекции принадлежит Н. Б. Тихомирову — *Рукописные собрания ГБЛ*. С. 161—178). Не были безосновательными и опасения за сохранность рукописей в монастырских хранилищах Балкан — достаточно напомнить, что второе по значению славянское собрание Афона в XIX в., принадлежавшее монастырю Св. Павла, погибло при пожаре в начале прошлого столетия и ныне представлено лишь отрывками в собраниях Григоровича, Дмитриевского, и Британской библиотеки (СК XIV, № 18, 117, 118; *Турилов А. А.* К отождествлению частей... С. 130—131, № 4). В конечном итоге претензии исследователей к собирателям подобного типа относятся прежде всего не к их поведению, а к практике «депаспортизации» памятников, вырыванию их из культурно-исторического контекста без должной документации.

¹⁹ Помимо текста Евангелия с предисловиями, оглавлениями, синаксарем и месяцесловом, кодекс включает также 2 защитных листа (293 и 294) из Миней служебной на октябрь первой половины XIV в. сербского извода (см. ниже).

²⁰ Собственно, после л. 292 в рукописи имеется 3 фальца, относящихся к Евангелию, но два из них принадлежат одинарным листам последней тетради.

²¹ См.: СК XIV. С. 369 (№ 230) и 379 (№ 242).

²² Там же. С. 368 и 378.

²³ Там же.

²⁴ Подробнее о истории этого собрания см.: *Кувев К. М. Съдбата... С. 48, 83—95; Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л.* Българското средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Държавния исторически музей в Москва. София, 1999. С. 10—11; *Турилов А. А.* К истории второй (македонской) рукописной коллекции А. Ф. Гильфердинга // *Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 130—143.*

²⁵ В научной литературе, по крайней мере со времени монографии З. Янц, его принято датировать XIV в. на том основании, что его доски имеют сплошные (не прерывающиеся на углах) желобки по периметру обреза (*Янц З.* Кожни повез српске ћирилске књиге од XII до XIX в. Београд, 1974. С. 89, № 18). Датировка со знаком вопроса принята и в СК XIV, однако она не учитывает присутствие в кодексе вставного бумажного листа 88, датируемого не ранее последней четверти XV в. Вероятно, в это время заново обтянутые кожей старые доски переплета были использованы вторично.

²⁶ *Антонин (Капустин), архим.* Поездка в Румелию. СПб., 1869. С. 288—289. Важнейшим аргументом в пользу идентичности этих пергаменных рукописей является сделанная на обороте л. 82 запись 1457 г. о смерти молодого венгерского короля Владислава Габсбурга Постума («Владислава Альбертовича»), приводимая Антонином (*Турилов А. А.* К истории... С. 132—133, 139—141). Пользуюсь случаем, чтобы исправить высказанное до идентификации отрывка Григоровича суждение (Там же. С. 140) о том, что запись была сделана в Далмации или Боснии. Рукопись, написанная в начале XIV в. под Скопье и находившаяся до конца 1860 гг. в Слепенском монастыре, явно не покидала в промежутке пределов Македонии.

²⁷ Описание рукописи см.: *Богдановић Д.* Каталог... С. 60. Кроме того, 1 лист из кодекса находится, как удалось установить автору этих строк, в библиотеке Пантелеймонова монастыря на Афоне, Слав. 78 (см.: *Турилов А. А.* Сербские отрывки XIII—XVI вв. в собрании Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне (Ч. 1: Рукописи XIII—XIV вв.) // *Археологски прилози.* Београд, 2006. [Бр.]. 28. С. 56—57, № 2).

²⁸ СК XIV. С. 396—398, № 258. Следует лишь исправить две неточности этого описания. Рукопись датируется серединой (самое раннее — второй четвертью) XIV в., и ее почерк никак не может быть отождествлен с почерком писца Евангелия 1316 г. Радослава-Георгия.

²⁹ Об авторстве текста и его изданиях см.: *Станчев К., Велинова В.* Проглас към Евангелието // *Кирило-Методиевска енциклопедия.* София, 2003. Т. 3 (П—С). С. 336—340.

³⁰ *Гильфердинг А. Ф.* Предисловие св. Кирилла, просветителя славянского к переводу Евангелия // *Русская беседа.* 1858. № 1. С. 108—116; *Срезневский И. И.* Блаженного учителя нашего Константина Философа слово: из Печского Евангелия XIV в. // *ИОРЯС.* 1858. Т. 7. С. 143—148.

³¹ *Григорович В. И.* Очерк путешествия... С. 27; *Донесения... С. 70* («Евангелие в 4^о пр[остой] б[умаги]. Здесь вместо предисловия Константина Философа слово»). Это упоминание остается практически неизвестным в истории изучения памятника, открытие которого традиционно связывается с находкой А. Ф. Гильфердингом в 1857 г. печского списка (см., напр. *Станчев К., Велинова В.* Проглас... С. 336). В то же время, сообщаемая Григоровичем информация довольно загадочна. Если воспринимать текст буквально, то это не может быть современный список Хиландарь, № 23. Последний написан на пергамене и датируется XIII в., тогда как «простой» (в отличие от «хлопчатой» или «бомбицины») исследователи

XIX в. именовали бумагу, получившую распространение не ранее XV в., однако никакие другие списки «Прогласа» при евангельских кодексах, помимо перечисленных выше, неизвестны. Это заставляет думать, что в сведения, сообщаемые Григоровичем, здесь вкралась ошибка уже на этапе составления донесений (в этом нет ничего невероятного, т. к. выше (Очерк путешествия... С. 27; Донесения... С. 69) среди карейских рукописей фигурирует как два отдельных кодекса (№ 1, 3) Евангелие короля Милутина 1316 г. — совр. Хил. 1). Отождествляет рукопись, упомянутую в перечне Григоровича с «Евангелием Бунила» (Хил. 23) и составитель современного каталога хиландарского собрания (см.: *Богдановић Д. Каталог...* С. 29).

³² См., напр.: *Григорович В. И. Очерк путешествия...* С. 17, 21, 26, 27, 84, 88, 95, 96, 98—99, 101, 103, 104—105, 106—107, 108, 109—110, 111—112, 114, 120, 128, 154, 156—157, 158—159; *Донесения...* С. 47, 59—60, 63, 70, 129, 133, 139, 140, 141—143, 144, 146—148, 149, 151, 152, 153—154, 156, 157, 161—162, 169, 193—194, 197—199, 200, 220, 235, 237, 254. Правда, с этим диссоциирует никак не откомментированное упоминание «Прогласа» в карейской рукописи (см. примеч. 31).

³³ Листки из Миней представляют собой еще один раритет: здесь (на столбцах 293А—294Б) содержится отрывок службы Арсению, архиепископу Сербскому, особой редакции, не засвидетельствованной другими списками (см.: *Турилов А. А. К истории...* С. 142. Примеч. 38).

³⁴ Подробнее см. там же. С. 135—136, 142.

³⁵ О предшествующих датировках рукописи см. библиографию при описательной статье в СК XIV (с. 370).

³⁶ *Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма*. Л., 1929 (= ЭСФ. Вып. 4.2). С. 8. Примеч. 3.

³⁷ *Турилов А. А. Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения // Славянские литературы / XI Междунар. съезд славистов: Докл. рос. делегации. М., 1993. С. 39; Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л. Българското средновековно културно наследство...* С. 21, № 9.

³⁸ См.: *Васильев Љ. Геометријски иницијал од средине XIII до двадесетих година XIV в. и његов палеографски значај у датирању српских пергаментних рукописа // Археографски прилози. Београд, 1984—1985. [Бр.] 6—7. С. 131—156.*

³⁹ Кириллическую транслитерацию обеих записей см.: СК XIV. С. 368, 369.

⁴⁰ В предшествующей литературе их принято датировать XV в. (*Сперанский М. Н. Тайнопись...* С. 8).

⁴¹ Подобного рода приписка (при этом несомненно рукой писца) находится и в современном хлудовской рукописи сербском пергаменном Евангелии тетр (Афон, монастырь св. Пантелеймона, Слав. 2, л. 31), но здесь она выполнена глаголицей вполне округлой. В существующем печатном описании (*Tachiaos A.-E. N. The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981. P. 23*) ее наличие не отмечено, ее обнаружил в 1983 г. при работе с монастырским собранием Н. Б. Тихомиров. Почерк рукописи надежно атрибутирован тем же исследователем писцу Карейского (Милутинова) Евангелия дьяку Георгию-Радославу (СК XIV. С. 371, № 232).

⁴² *Сперанский М. Н. Тайнопись...* С. 8.

**ЗАМЕТКИ О СЕРБСКИХ ГРАМОТАХ XIV—XV вв.,
НАПИСАННЫХ КНИЖНЫМ ПИСЬМОМ:
ПРОБЛЕМЫ ПИСЦОВ, ПОДЛИННОСТИ И ДАТИРОВКИ АКТОВ
(из предварительных наблюдений)¹**

Тема, вынесенная в заголовок сообщения, в исследовательском отношении попала в «зазор» между двумя весьма развитыми направлениями сербской историко-филологической науки — дипломатикой и палеографией.

Общеизвестно, что Сербия в XIII—XV вв. обладала наиболее развитой канцелярской культурой среди православных славянских стран. Древнейшие из созданных здесь актов, сохранившихся в подлиннике (жалованные грамоты великого жупана Стефана Немани (св. Симеона Сербского) и его сына Стефана Первовенчанного), относятся к рубежу XII—XIII вв., со второй половины XIII столетия грамоты, дошедшие в оригинале, следуют практически непрерывно. Несомненное воздействие сербской традиции испытали на себе документы славянских канцелярий Венгрии и Османской империи, под ее влиянием в значительной степени сформировалась канцелярская культура Валахии и (в меньшей степени) Молдавии конца XIV—XVII вв. В Сербии рано (еще в XIII в.) вырабатывается деловое письмо, которым до середины XIV в. пишутся (за редчайшим исключением) только акты. При этом, однако, довольно часты случаи, когда сербские грамоты² пишутся книжным письмом (уставом, а с XIV в. полууставом). Этот аспект канцелярской культуры не привлек должного внимания и не получил объяснения в сербском актовом источниковедении (на современном этапе развития вопросы палеографии вообще занимают в нем достаточно скромное положение)³. С другой стороны, нет заметного интереса к проблеме и у исследователей, занимающихся сербскими книжными почерками⁴, хотя именно в области их атрибуции за последние десятилетия достигнуты (прежде всего, усилиями учеников и последователей В. А. Мошина — Л. Цернич, Л. Василев, К. Мано-Зиси, и др.)⁵, вне сомнения, наибольшие успехи в сравнении с другими национально-региональными вариантами славянской кириллической палеографии⁶. Может показаться неожиданным, но письмо грамот (т. е. материала по определению более точно датированного) лишь в очень малой степени привлекается палеографами для обоснования датировки рукописных книг. Это, вероятно, объясняется тем, что в отношении значительного числа грамот в литературе существуют сомнения по поводу либо их подлинности⁷, либо датировки копий (примеры см. ниже).

Причины, по которым грамоты писались книжным письмом, в разных случаях могли быть разными, но основными представляются три:

1. Отсутствие в данном месте (например, в монастыре или при дворе церковного иерарха) и/или в данное время нотариия-профессионала, владеющего навыками канцелярского письма;

2. Стремление (свойственное прежде всего грамотам светских правителей) придать акту более торжественный облик (в известной мере сакрализовать его), уподобив библейским и/или литургическим книгам⁸;

3. Третий случай представляет своеобразную комбинацию из двух первых, его специфика заключается в том, что он относится к ранним (средневековым) фальсификатам или интерполированным грамотам, достаточно широко представленным в сербской традиции.

Опыт, накопленный исследователями сербской рукописной книги прежде всего в сфере атрибуции почерков, оказывается весьма плодотворным в отношении актов, написанных книжным письмом. Диапазон его применения оказывается достаточно широк — от простого установления личности писца той или иной грамоты до нового взгляда на проблему ее подлинности или неподлинности и уточнения (порой весьма значительного) времени изготовления фальсификата или интерполяции текста. Последнее имеет особое значение в том случае, если для написания интерполированного документа использовался пергамен и к нему нельзя применить филигранологический анализ. Однако и установление личности писца, при всей кажущейся скромности значения этого момента, не следует преуменьшать, поскольку продукция сербских канцелярий (в отличие от далматинских) в рассматриваемый период по преимуществу безымянна. Исследователям известен ряд имен правителей властительских канцелярий (логофетов), но не исполнителей⁹. Атрибуция почерков (хотя бы и только книжных) в какой-то мере позволяет заполнить эту лауну.

Разумеется, определение писца далеко не всегда вносит ясность в ситуацию, нередко напротив — существенно усложняет ее (особенно когда речь идет о фальсифицированных (либо интерполированных) актах или даже просто о копиях). Если акт при этом получает новую обоснованную хронологическую привязку, его приходится вводить в новый исторический контекст.

Датирующий потенциал атрибуций не очень высок, что объясняется общим состоянием славянской средневековой кириллической (как, впрочем, и глаголической)¹⁰ письменности. От подавляющего большинства писцов сохранилось (во всяком случае, до XV в.) не более одной-двух датированных и подписанных рукописей, обычно недалеко отстоящих друг от друга во времени. Это обстоятельство, по сути, исключает возможность изучения динамики развития и изменения почерка (если таковые имеются) на протяжении жизни писца и ограничивает сферу разысканий стабильными вариантами письма.

Исследования последних десятилетий, предпринятые на материале новгородских берестяных грамот¹¹ либо посвященные деятельности продуктивных книгописцев молдавского (Гавриил Урик)¹² и восточнославянского (кирилло-белозерский инок Ефросин, новгородцы Яковишко и игумен Закхей и др.¹³) происхождения XV—XVI вв., свидетельствуют, с одной стороны, о поразительной устойчивости их почерков на протяжении всей жизни пишущих, с другой же, о том, что они мог-

ли заниматься книгописанием свыше 30 и даже 40 лет¹⁴. Такое сочетание создает известные трудности для датировки атрибутируемых рукописей, поскольку в большинстве случаев исследователь имеет дело лишь с одной датированной рукописью конкретного книгописца и не знает конечной даты его жизни. Приходится поэтому жертвовать точностью датировки ради ее надежности, датируя атрибутируемый памятник (если не имеется дополнительных оснований внепалеографического, по преимуществу, характера) в пределах 20—25 лет раньше или позднее рукописи того же писца, время создания которой надежно засвидетельствовано.

Попутно стоит отметить одну частную деталь, в литературе (насколько знаю) не отмечавшуюся. Книжное письмо бесспорно подлинных сербских грамот XIII—XIV вв. практически всегда более архаично по облику в сравнении с письмом современных им рукописных книги довольно часто может быть датировано на четверть века старше¹⁵. Из этого проистекают два вероятных заключения: 1) в качестве писцов хрисовулов выступали обычно люди, как минимум, зрелого возраста, обладавшие большим писцовым опытом; 2) относительная «молодость» облика письма грамоты по сравнению с современными ему книжными почерками служит сигналом для постановки вопроса, является ли данный акт действительно подлинником, а не копией (хотя бы и аутентичной и достаточно ранней).

Ниже рассматривается несколько примеров, отнюдь не исчерпывающих материал, заслуживающий исследования¹⁶, но, как кажется, наглядно демонстрирующий перспективы разысканий в этой области.

1. Атрибуция почерков грамот писцам, известным по имени

а) дьяк Георгий-Радослав (жалованная грамота королей Драгутина и Милутина ок. 1318 г. монастырю св. Стефана в Баньской).

Грамота, написанная уставом на пергамене в форме книги, давно и хорошо известна в научной литературе¹⁷. Ее оригинал хранится в Библиотеке Сералия в Стамбуле, а полная фотокопия имеется в Археографическом отделении Народной б-ки Сербии в Белграде (№ А 1781). Она написана одним почерком, хотя в конце, быть может, и несколько менее каллиграфическим¹⁸. Сопоставление письма грамоты с почерками сербских рукописных книг конца XIII — первой трети XIV в. не оставляет сомнений в том, что ее писцом был дьяк Георгий Радослав, переписавший в 1316 г. по заказу короля Милутина Евангелие тетр (Афон, Хиландарь, № 1; 1 л. — Москва, РГБ, собр. В. И. Григоровича, № 11.IV¹⁹), вложенное этим правителем в Карейскую келию св. Саввы Сербского. В почерках грамоты и Евангелия²⁰ вполне совпадают начертания букв и надстрочных знаков. Радослав был весьма продуктивным книгописцем — ему до последнего времени помимо Евангелия 1316 г. было надежно атрибутировано не менее трех пергаменных евангельских кодексов и отрывков из них²¹, сейчас же к этому добавились еще две рукописи, причем весьма значимые в историко-культурном отношении²². Факт написания им Святостефанской грамоты свидетельствует, что он был связан с королевским двором еще более тесно, чем можно было полагать, исходя из заказа ему Милутином кодекса Карейского Евангелия.

б) Данилец «Левоокий» и приписка конца XIV в. к 3-му Дечанскому хрисовулу.

Данилец, уничижительно именующий себя (очевидно, из-за физического дефекта) «левоокиим», известен в истории сербского книгописания, пожалуй, не менее Радослава. Еще 30 лет назад Л. Цернич убедительно атрибутировала ему — помимо единственной подписной рукописи (Устава церковного Иерусалимского 1416 г. — НБС, № 649) — еще 12 кодексов последней четверти XIV — первой четверти XV в., переписанных им полностью или частично²³. Половина из них связана происхождением с Дечанским монастырем, ктиторами которого были в то время вдова погибшего в Косовской битве князя Лазаря Милица с сыновьями Стефаном и Вуком. Поэтому совсем не удивительно, что одним из вариантов некрасивого и весьма вариативного (судя по атрибуциям Л. Цернич), но при этом очень характерного почерка Данильца²⁴ написана (между 1389 и 1402 гг.) и подтвердительная грамота с дополнительными пожалованиями от имени княгини и ее сыновей на л. 76 об. — 77 об. третьего (самого позднего по времени) экземпляра хрисовула короля Стефана Уроша III Дечанского, данного основанному им монастырю (т. н. «второй хрисовул в форме кодекса» — Белград, Архив САНУ, собр. рукописей и старопечатных книг, № 360).

2. Отождествление анонимных писцов грамот между собой

Эти примеры по случайности все связаны с грамотами деспота Стефана Лазаревича (1389—1427), но они представляются весьма показательными для оценки общей ситуации с сербскими актами, написанными книжным письмом.

Как уже сказано выше, в своем недавнем издании грамот и писем деспота академик А. Младенович надежно установил принадлежность перу одного писца трех грамот Великой Лавре²⁵. Еще одну микрогруппу актов, переписанных также одним писцом (но, безусловно, не тем, который писал грамоты для Великой Лавры) составляют 2-й (или Б) экземпляр жалованной грамоты княгини Милицы (монахини Евгении) и ее сыновей Пантелеймонову (Русскому) монастырю на Афоне и договор с ними игумена Никодима о учреждении 20 адельфатов.

Первый (А) и второй (Б) экземпляры жалованной и подтвердительной грамоты (с датами, соответственно, 8 июня 1395/6903 г.²⁶ и 8 июня 1400/6908 г.²⁷; оба с подтверждением патриарха Даниила) монахини Евгении (княгини Милицы) и ее сыновей Стефана и Вука афонскому монастырю св. Пантелеймона написаны, безусловно, разными писцами²⁸. В то же время не вызывает сомнений, что писец экземпляра Б переписал также договор (датирован 1395—1396/6904 г.) игумена этой обители Никодима с названными сербскими правителями об учреждении 20 адельфатов — почерк этих двух актов (литургический полуустав) совпадает до мельчайших деталей²⁹. Косвенно это служит дополнительным свидетельством, что экземпляр Б является копией, изготовленной в самом монастыре. Можно отметить также, что между июнем 1400 и 1422 гг. в Пантелеймоновом монастыре сменился, по всей видимости, нотариус-книгописец: договор игумена Илариона с деспотом Стефаном, датируемый 1402—1422 гг., написан хотя и довольно близким, но явно другим почерком³⁰.

Рассмотренные отождествления внутри групп актов, выданных одному и тому же монастырю, оказываются единственными в сравнительно небольшом (19 документов, один из которых представлен двумя экземплярами) корпусе грамот деспота Стефана (а также его родственников), написанных книжными почерками³¹. Общие писцы для грамот, данных разным монастырям и общинам, не обнаруживаются³². Косвенно (но довольно надежно) это свидетельствует, что дошедшие экземпляры деспотских грамот, написанные книжным письмом, созданы, скорее всего, не в его канцелярии, а в самих монастырях.

3. Датировка

а) Сводная (сборная) грамота Милутина Хиландарю и пиргу Хрусия 1303 (?) г. (Хиландарь, № 144/146) и писец 3-го Дечанского хрисовула.

Экземпляр грамоты, хранящийся в хиландарском архиве под № 144/146, обособленно считается в литературе фальсификатом³³. В статье 1971 г. В. А. Мошин относил создание этой компилятивной грамоты ко времени после 1380 г.³⁴ В середине 1970-х гг. исследователь полагал, что «хотя писец этого экземпляра тщательно подражал письму подлинной грамоты первой трети XIV в., однако он не избежал проявлений более поздних правописных признаков, а акцентуация в отдельных местах (следуют примеры) более соответствует уже середине столетия»³⁵. Первая из этих датировок засвидетельствована и в каталоге Д. Синдика³⁶, второй датировке там почему-то не придано значения (она просто не упоминается). В новейшей работе М. Марковича, посвященной истории Никитского монастыря близ Скопле³⁷, вопрос о датировке списка не рассматривается, автор удовлетворяется констатацией факта, что грамота не аутентична.

Палеографические особенности грамоты не позволяют согласиться с ее поздней (после 1380 г.) датировкой, но вполне соответствуют характеристике, данной В. А. Мошиным в публикации 1975 г. Более того, атрибуция почерка³⁸ — хотя и безымянному писцу — делает излишним крайне маловероятное предположение о том, что переписчик грамоты подражал письму первой трети XIV в. Подражать ему не было надобности, поскольку речь идет явно о писце 3-го Дечанского хрисовула³⁹ (САНУ, собр. рукописных и старопечатных книг, № 360), датируемого в литературе между маем 1343 и концом декабря 1345 гг.⁴⁰ Графические навыки этого писца восходят несомненно к эпохе Милутина, его почерк весьма напоминает почерк неоднократно упоминавшегося уже Георгия Радослава⁴¹. Можно думать, что подобно последнему наш писец был сложившимся мастером уже к 1310-м гг.

На раннюю датировку списка бесспорно указывают и элементы его декоративного оформления. Начальный инициал грамоты (В)⁴² имеет очень близкую аналогию в инициале П, открывающим Евангелие от Луки в уже упоминавшемся Карейском (Милутиновом) Четвероевангелии 1316 г. (Хиландарь, № 1), переписанном дьяком Георгием Радославом⁴³, и в инициале М, которым начинается грамота «господина Стефана» (будущего Дечанского короля) Дубровнику не позднее 1321 г.⁴⁴ Письмо «королевской подписи» достаточно близко к соответствующим подписям

на дечанских хрисовулах, хотя и проще их по рисунку. С учетом всех этих обстоятельств верхнюю границу создания фальсификата не следует выводить, по всей видимости, за 1340-е гг.

Если придерживаться вполне вероятного тезиса о том, что фальсификаты создавались в монастырях в первую очередь при смене верховной власти с целью расширить льготы или получить новые пожалования, то данную сводную грамоту следует датировать около 1321, 1331 или 1346 г.

б) Грамота царя Стефана Душана старцу Иоанну 1342 г.

В последней публикации этот акт из комплекса документов, относящихся к Никольскому Мрачскому монастырю (Архив Хиландаря, № 130; А 11/4) определяется как аутентичная копия XIV в. без уточнения времени списка⁴⁵. Собственно, с точки зрения палеографии нет серьезных препятствий считать документ оригиналом. Широкая палеографическая датировка грамоты ограничивается второй третью — третьей четвертью XIV в. Ближайший аналог ее письму⁴⁶ представляет почерк сербского Устава церковного Иерусалимского из Хлудовского собрания ГИМ в Москве, № 122⁴⁷ (вопрос о возможности отождествления писцов требует дополнительного исследования). Кодекс написан на бумаге с водяными знаками середины 1350-х — середины 1360-х гг.⁴⁸ Уточнить датировку рукописи ГИМ, Хлуд. 122 позволяет помещенное на обороте л. 2 моление за «царя нашего Стефана Уроша» (1356—1371)⁴⁹. Это не означает, однако, что и список грамоты Душана старцу Иоанну непременно следует относить к первой половине царствования Уроша — вполне возможна и более ранняя датировка. Типологически письмо грамоты и хлудовского Устава весьма близки почерку известного хиландарского книгописца второй четверти — второй трети XIV в. Романа (Романа I по классификации Л. Цернич)⁵⁰, хотя, возможно, и не тождественны ему⁵¹.

в) «Большая» Прилепская грамота царя Стефана Душана Карейской келии 1348 г.

В последней публикации этот акт (архив Хиландаря, 149/151; Свт. 11) рассматривается как сравнительно поздний (вероятно, последней четверти XIV в.) список⁵². С подобной датировкой невозможно согласиться. Палеографически грамота как нельзя лучше соответствует именно второй трети XIV столетия⁵³, эпохе Душана и — самое позднее — его преемника на престоле царя Уроша. Ближайшую аналогию (не доходящую до уровня отождествления) письму акта представляет почерк безымянного, но весьма продуктивного книжного писца второй — третьей четверти XIV вв., по стечению обстоятельств работавшего для Карейской келии⁵⁴. Напротив, в почерках конца столетия ей практически невозможно подобрать аналогии.

г) Интерполированная грамота князя Лазаря афонскому Русскому Пантелеймонову монастырю с датой 1381 г.

За последнее время грамота из архива Русского монастыря дважды публиковалась факсимильно⁵⁵. В обоих случаях экземпляр датирован концом XV — началом XVI вв. Однако есть достаточно оснований полагать, что интерполи-

рованный список изготовлен весьма задолго до этого времени. Думается, что писец грамоты может быть отождествлен (по крайней мере предположительно) с безымянным книгописцем, переписавшим во второй четверти XV в. бумажный кодекс, содержащий Апостол (Афон, монастырь св. Пантелеймона, Слав. 23)⁵⁶. Кроме того, очень большую степень близости к почерку этой грамоты обнаруживает письмо пергаменной грамоты Гргура Бранковича с матерью и братьями монастырю Св. Павла, датируемой 1403 (?) г. (Афон, монастырский архив, № 16/2)⁵⁷. Соответственно, интерполированную грамоту князя Лазаря Пантелеймонову монастырю можно датировать в пределах первой половины — середины того же XV столетия.

д) Экземпляр Б Договора между монастырями Ксиропотам и Св. Павла.

Пример занимает в данной статье исключительное положение по двум причинам. Во-первых, документ из архива афонского монастыря Св. Павла⁵⁸ написан не на пергамене, а на бумаге и не датирован по филиграням лишь из-за своей труднодоступности. Во-вторых, он — в отличие от других рассмотренных здесь грамот — написан не уставом или литургическим полууставом, а беглым книжным письмом (полууставом) с элементами скорописи, употребляемым обычно в четырех книгах.

Ксиропотамско-Святопавловский договор, датируемый ноябрем 1409 г., возможно, не сохранился в греческом оригинале⁵⁹, и представлен двумя отличающимися по орфографии славянскими (сербскими) списками, из которых экземпляр А считается по всей видимости современным подлиннику⁶⁰, а экземпляр Б «значительно более поздним» (датируется предположительно XVII в.)⁶¹. Палеографические особенности не позволяют согласиться с последним мнением. Хронологическая дистанция между славянскими списками договора отнюдь не так велика, более того, нельзя исключить возможности их современности друг другу. Все приметы почерка экземпляра Б вполне укладываются в первую половину — середину XV в. Такая поздняя, на первый взгляд, особенность как «лежачее» начертание буквы Б (характерное для позднейшей «босанчицы») засвидетельствована уже совместной грамотой Стефана Лазаревича с матерью княгиней Милицей и братом Вуком Хиландарю (1389—1402 г.; ок. 1392 г.)⁶²; даже в существенно более консервативной эпиграфике можно указать пример до 1475 г. (надпись Радоя, сына воеводы Степана)⁶³.

В качестве весьма близкой аналогии письму грамоты можно указать (без отождествления) почерк сборника библиотеки Зографского монастыря, содержащего особую переделку Хроники Зонары и фрагмент древнейшего списка Жития деспота Стефана Лазаревича (Зограф, № 105 (старый — II.д.4); 4 л. — Москва, РГБ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3070)⁶⁴, датируемого по записи писца на московском отрывке 1433 г.⁶⁵ Разумеется, окончательно вопрос о датировке экземпляра Б договора между Ксиропотамом и монастырем Св. Павла будет решен на основании анализа филиграней, и это даст прекрасную возможность проверить предложенные здесь палеографические наблюдения.

4. Оригинал или копия?

а) Грамота короля Милутина 1317—1318 г. Карейской келии св. Саввы — интерполированная копия или оригинал?

Грамота, написанная на пергамене, также находится в хиландарском архиве (140/142; Свт. 2) и неоднократно публиковалась⁶⁶. Вопрос о ее подлинности или интерполированности является предметом многолетней полемики⁶⁷. По мнению последнего исследователя и издателя грамоты Д. Живоиновича, она представляет дважды (после 1332 г. и во второй половине 1340-х гг.) интерполированный список. О чем в данном случае свидетельствует палеография? Грамота написана изящным, округлым литургическим полууставом, более известным исследователям по болгарским рукописям (ранний вариант «тырновского» литургического полуустава)⁶⁸, чем по сербским (хотя не представляющий редкости и в последних)⁶⁹. Писца можно бесспорно отождествить с хиландарским иеромонахом Гервасием, переписавшим между 1312 и 1316 гг. Апостол (Хиландарь, 47)⁷⁰. Таким образом, экземпляр грамоты почти несомненно написан в Хиландаре, но вопрос об интерполяциях оказывается весьма спорным, во всяком случае, вторая полностью исключена. Дело в том, что Гервасий уже в 1316 г. стал монастырским экономом, а год спустя игуменом, и умер в 1335 г.⁷¹ Применительно же к 1332 г. уместно, думаю, задаться вопросом, была ли нужда игумену такого монастыря как Хиландарь (пусть даже и признанному каллиграфу) собственноручно заниматься подлогом? Видимые следы правки текста (не говоря уже о вставках пергамена) в акте отсутствуют, неизбежно возникающие при этом потертости писчего материала на снимках не заметны. То есть, речь в этом случае может идти только об изготовлении полностью нового экземпляра грамоты, интерполированного необходимыми для создателя (или создателей — автора и реализатора замысла) данными. Если бы средневековые изготовители интерполированных актов и несомненных фальсификатов хоть в малой степени заботились о подражании письму подлинных грамот, содержание которых они «улучшали», то переписку пожалования Милутина в 1332 г. игуменом Гервасием можно было бы объяснить тем, что оригинал 1317—1318 г. был написан его же рукою. Однако многочисленные факты наглядно свидетельствуют, что «факсимильности» облика новоделов интерполяторы и фальсификаторы XIV—XVI вв. (да и более позднего времени, вплоть до XIX столетия), пользовавшиеся кириллицей, не придавали никакого значения. Едва ли убедительно будет и предположение, что настоятель лично занялся интерполяцией акта с целью максимально ограничить круг посвященных, поскольку вряд ли это могло делаться без ведома (и одобрения) соборных старцев. Но независимо от окончательного решения вопроса о подлинности или подложности (интерполированности) грамоты, 1335 г. составляет для нее «terminus post quem».

б) Грамота короля Стефана Уроша III Дечанского Хиландарю 9 июля 1327 г. — оригинал или копия конца XIV — первой половины XV в.?

Прямо противоположную картину представляет, на мой взгляд, грамота Стефана Дечанского Хиландарскому монастырю с датой 9 июля 1327 г. (архив Хиландаря, № 9; А 3/4), опубликованная недавно С. Мишичем⁷². В литературе грамота

рассматривается как подлинная, однако более вероятно, что речь идет о копии (возможно, вполне аутентичной) конца XIV (?) — первой половины XV в.

Документ написан одним почерком — монументальным округлым литургическим полууставом с подчеркнутым (почти утрированным) различием толстых и тонких линий. Особенно показательны два начертания — вполне одностороннее (практически современной формы) Ч с глубокой чашечкой, и «омега» с высокой прямой серединой, достигающей уровня боковых полуокружий. Хотя тип почерка безусловно представлен в южнославянских (и в том числе сербских) рукописях первой трети — второй четверти XIV в., данная его разновидность датируется достаточно поздно — не ранее рубежа XIV—XV вв. Так, хотя Ч на протяжении второй — третьей четвертей XIV столетия и представлено в значительной мере односторонними начертаниями, все они являют еще не вполне асимметричный вариант со смещенной влево чашечкой и/или скошенной ножкой (порой в виде плоской дуги, обращенной влево). «Омега» с высокой серединой представлена в это время почти исключительно полукурсивным начертанием.

Ближайшую аналогию общему облику письма грамоты (при том что писцы несомненно разные) представляет почерк бумажного сербского Евангелия тетр (София, Б-ка Болгарской АН, Слав. 12)⁷³, датируемого по филиграммам второй четвертью — серединой XV в.⁷⁴ Единственное существенное отличие между ними (не имеющее в данном случае значения для датировки) состоит в том, что писец Евангелия употребляет распластанный вариант «омеги» с совершенно плоской серединой.

На достаточно позднюю дату написания грамоты указывает и растительный отросток, которым украшена буква З в слове ЗЕМЛЪ в «королевской подписи». Подобные орнаментальные мотивы не встречаются в подлинных документах «королевского» и даже «царского» времени, но известны в актах последнего периода существования сербского государства⁷⁵.

в) Пространная и краткая версии грамоты Стефана Уроша Дечанского Хиландарю с датой 8 февраля 1327 г.

Сходным образом обстоит дело со списком пространной версии другой, формально более ранней, грамоты короля Стефана Дечанского тому же афонскому монастырю (архив Хиландаря, № 8; А 3/3). В литературе по этому поводу существуют два противоположных мнения. В каталоге хиландарских актов экземпляры фигурирует как предположительный оригинал, правда, со знаком вопроса⁷⁶. Последний публикатор документа придерживается справедливой точки зрения, что это поздний фальсификат (правда, без уточнения времени написания)⁷⁷. По палеографическим признакам⁷⁸ грамоту следует датировать не ранее конца XIV в., еще более вероятно первая половина следующего столетия. Писец в настоящее время не отождествляется по другим памятникам, ближайшие аналоги его почерку (без отождествления) представляет письмо уже упоминавшегося выше (раздел 2.г) Апостола из собрания афонского Русского Пантелеймонова монастыря, Слав. 23, и интерполированной грамоты князя Лазаря этой же обители (там же).

Иначе обстоит дело с краткой версией той же грамоты (архив Хиландаря, № 7; А 4/2). В каталоге хиландарских актов она значится как предположительный оригинал⁷⁹, последний издатель считает ее (как и пространный вариант), по всей веро-

ятности, интерполированной, хотя и стоящей ближе к оригиналу⁸⁰ (время интерполяции, как и для пространной версии, в публикации не определяется).

Почерк грамоты (свободное письмо с сокращенными начертаниями «хвостов» и верхних частей мачт) в настоящее время не отождествляется с почерками конкретных (известных по имени либо анонимных) книгописцев. По палеографии он хорошо вписывается в картину сербских книжных почерков времени даже не Стефана Дечанского, а скорее (хотя четкая граница в данном случае отсутствует) его предшественника Милутина (1282—1321). В качестве аналогий ему можно привести почерки рукописей, которые принято датировать концом XIII — началом XIV вв.: хиландарского (№ 175) списка Пандектов Никона Черногорца⁸¹, Троице-Плевальского⁸² (Черногория, № 87) кодекса того же содержания (2-й писец)⁸³, Лобановского сборника с Пандектами Никона (С.-Петербург, РНБ, Q.п.I.27) конца XIII — XIV в.⁸⁴, отрывка поучения того же времени из собрания Народного музея в Праге, 1 Dc 2/10⁸⁵ (известную параллель представляет также почерк дьяка Георгия Радослава — см. выше, раздел 1.а). Меньше в этом смысле сходства с почерками второй четверти — середины XIV в., такими как одного из писцов Минеи служебной на январь (София, БАН Болгарии, Слав. 19 — до 1346 г.⁸⁶), Ковинского списка Иерусалимского устава второй четверти XIV в. (Белград, Архив САНУ, № 294)⁸⁷, Торжественника триодного (Москва, ГИМ, Хлуд. 55)⁸⁸, и, до некоторой степени, третьего списка (ок. 1343—1345 гг.) Дечанской грамоты⁸⁹.

Таким образом, с одной стороны ситуация соответствует высказанному выше наблюдению о достаточной архаичности облика книжного письма грамот в сравнении с современными им кодексами. С другой стороны, если непременно оставаться на позиции неаутентичности данного экземпляра грамоты Стефана Уроша III, то интерполяцию текста, носителем которого он является, следует датировать (с учетом особенностей почерка) максимально ранним временем, вероятнее всего, началом правления его преемника Стефана Душана (1331 г.?).

Примечания

¹ В основу статьи положены материалы доклада на международной конференции, проходившей в Институте всеобщей истории в Москве в мае 2008 г. — см.: *Турилов А. А.* Книжное письмо в сербских грамотах XI — XV вв.: проблемы писцов, подлинности и датировки актов (из предварительных наблюдений) // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона. М., 2008. С. 195—202 (далее — *Турилов А. А.* Книжное письмо в сербских грамотах...).

² Здесь и далее речь идет только об актах, созданных на территории собственно Сербского государства¹ либо в монастыре Хиландарь на Афоне. В грамотах, вышедших из славянских канцелярий далматинских городов-коммун (прежде всего Дубровника), используется исключительно деловое письмо (ранняя скоропись). Напротив, боснийские акты XIV — середины XV в. написаны, как правило, книжными почерками (уставом), столь же своеобразными, как и письмо боснийских рукописей этого времени.

³ См., напр., материалы роскошного специализированного продолжающегося издания «Стари српски архив» (Београд, 2002—2008. Кн. 1—7; далее — ССА), без которых, к слову сказать, данная статья была бы невозможна. В качестве отрядного исключения из этого

правила можно отметить публикации В. Триича (см. ниже, примеч. 15), в которых палеографическому аспекту уделено значительное место.

⁴ Мне известны лишь три случая отождествления сербских книгописцев с писцами грамот (см.: *Церний Л.* О атрибуции средневековых српских ћирилских рукописа // Текстологија средневековних јужнословенских књижевности. Београд, 1977 (далее — *Церний Л.* О атрибуцији...). С. 356—358; Кат. № 72—74, 75—77; 80—82), причем во втором из них речь идет о безымянном писце конца XIV — начала XV в., использовавшем канцелярское письмо в книгах. Особо следует отметить недавнее отождествление А. Младеновичем (на мой взгляд, абсолютно бесспорное) книжного почерка (каллиграфического полуустава) в трех сербских грамотах начала XV в., выданных монастырю Великая Лавра на Афоне (*Младеновић А.* Повеле и писма деспота Стефана: Текст. Коментари. Превод. Београд, 2007 (далее — *Младеновић А.* Повеле и писма...). С. 238, 249, 275—277, 279—281, 283.

⁵ См., например: Списак објављених радова Луције Цернић // Археографски прилози (далее — АП). 16. Београд, 1994. С. 445—446, № 4, 5, 8, 9, 16, 18; *Васильев Љ.* Три рукописна фрагмента из Лењинове библиотеке у Москви // АП. 9. Београд, 1987. С. 31—59; *Он же.* Непознати рукописи Инока из Далше // Проучавање средњовековних јужнословенских рукописа. Зборник радова са III међународне хиландарске конф., одржане од 28 до 30 марта 1989, САНУ. Београд, 1995. С. 463—468; *Он же.* Ко је Инок из Далше, хиландарски писар из прве половине XV в. // Осам векова Хиландара. Историја, духовни живот, књижевност, уметност и архитектура, САНУ, Научни скупови. Књ. ХCV. Одељење историјских наука. Књ. 27. Београд, 2000. С. 399—402; *Мано-Зиси К.* Преписивачка делатност у Полимљу прве половине XVI в. // АП. 16. Београд, 1994. С. 307—351; *Он же.* Анагност Јован, хиландарски писар друге половине XIV в. // Проучавање средњовековних јужнословенских рукописа... С. 231—243; *Он же.* Писар поп Оливер // АП. 18. Београд, 1996. С. 81—111; *Он же.* Још један рукопис јеромонаха Сави из 1537 г. // АП. 19. Београд, 1997. С. 135—149; *Он же.* Четворојеванђеље попа Никодима из рукописне збирке манастира Хиландара // АП. 20. Београд, 1998. С. 75—91; *Он же.* Хиландарски писари књига из времена Српског Царства // Осам векова Хиландара... (далее — *Мано-Зиси К.* Хиландарски писари књига...). С. 387—397; *Он же.* Писар монах Јаков и његови сарадници у хиландарском скрипторијуму (трећа четвртина XIV в.) // Хиландарски зборник (далее — ХЗ). 11. Београд, 2004. С. 227—246; *Јовановић-Ступчевић Б.* Писар Карејског типика // Свети Сава у српској историји и традицији. Међународни научни скуп. Београд, 1998. С. 127—133; *Шпадијер И.* Још једно дело хиландарског писара Јова // АП. 20. Београд, 1998. С. 56—66; *Он же.* Софијски рукопис хиландарског писара таха Марка // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 67/1—4. Београд, 2002. С. 113—129.

⁶ Кроме того, немало в этом направлении было сделано российскими исследователями в процессе работы над Сводными каталогами славянских рукописей в хранилищах бывшего СССР XI—XIII вв. и XIV в. (см.: *Турилов А. А.* К отождествлению частей некоторых фрагментированных сербских рукописей XIV в. // АП. 26—27. Београд, 2004—2005 (далее — *Турилов А. А.* К отождествлению частей...). С. 124—125, 135—137; *Он же.* Сербские отрывки XIII—XVI вв. в собрании Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне (Ч. 1: Рукописи XIII—XIV вв.) // АП. 28. Београд, 2006. С. 53—77).

⁷ Порою случаи использования письма грамот в качестве палеографических образцов оказываются действительно весьма неудачными. Например, в альбоме, сопровождающем курс палеографии П. Джорджича (*Ђорђић П.* Историја српске ћирилице. 2-е изд. Београд, 1987 (далее — *Ђорђић П.* Историја...). С. 287, сл. 74) под датой 1347 г. помещен снимок грамоты Стефана Душана Хиландарскому монастырю, представляющей собой копию, на-

писанную по всей вероятности тем же писцом, что и фальсификат о Стонском трибунате (см. ниже, примеч. 16).

⁸ Сходными причинами, вероятно, объясняется обычай вписывать грамоты на чистых листах напрестольных Евангелий (практика, хорошо известная для XIV—XVI вв. по западнорусским памятникам, начиная с Лаврашевского Евангелия нач. XIV в., но в более раннее время имевшая, возможно, и более широкое распространение), либо помещать их текст на стене храма (глаголическая «Башанская плита» (ок. 1100 г.) с записью пожалованной грамоты св. Луции на о. Крк, известная грамота XII в. о покупке «Бояновой земли» в южной внешней галерее Софийского собора в Киеве (см.: *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. XI—XIV вв. 1. Киев, 1966. С. 60—61), грамоты короля Стефана Прерожденного на стенах собора в Жиче, дошедшая в копии (также настенной) Милутинова времени и др.). См. также: *Ивић П., Ђурић В., Ђирковић С.* Есфигменска повеља деспота Ђурђа. Београд; Смедерево, 1989. С. 20—55.

⁹ Ср.: *Ђирковић С.* Повеље кнеза Лазара и његова канцеларија (поводом књиге: *Младеновић А.* Повеље кнеза Лазара. Текст. Коментари. Снимци. Београд, 2003) // ССА. 2. 2003. С. 214.

¹⁰ См.: *Ђурилов А. А.* Перспективы «большого пасьянса» для хорватской глаголической палеографии // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 538—551; *Он же.* Проблемы и перспективы отождествления хорватских глаголических книжных почерков // *Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zbornik radova sa medunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske Akademije i 50. obljetnice Staroslavenskog Instituta.* Zagreb; Krk, 2004. С. 285—294.

¹¹ *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте, 10 (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000. С. 423—424.

¹² *Паскаль А. Д.* Итоги и задачи изучения рукописей Гавриила Урика как ранних источников по истории славяно-молдавской книжности XV в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1989. С. 4—32; *Он же.* Новые данные о книжной деятельности Гавриила Урика Нямецкого // *Ђурновска книжовна школа.* 5. Велико Ђурново, 1994. С. 409—414; *Иванова К.* Два новооткрыта автографа на Гавриил Урик (Предварительно сообщение) // *Ђугаристични студии.* София, 2004. С. 104—113; *Ђурилов А. А.* Гавриил // *Православна енциклопедија* (далее — ПЭ). 10. М., 2005. С. 207—209.

¹³ См.: *Шибачев М. А.* Евфросин // ПЭ. 17. М., 2008. С. 489—490; *Он же.* Новые данные о книгописной деятельности Евфросина Белозерского // *Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь,* СПб., 2008. С. 173—182; *Охотина-Линд Н. А.* Рукописное наследие Валаамского монастыря XV — нач. XVII вв. // *ТОДРЛ.* 49. СПб., 1996. С. 444—457, 464—468; *Она же.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 120—130, 141—146; *Ђурилов А. А.* Мастер Яковишко — малоизвестный новгородский книгописец середины XV в. // *Хризотроф:* Сб. статей к юбилею Г. З. Быковой. М., 2003. С. 166—167, 179—180; *Он же.* Закхей // ПЭ. 19. М., 2009. С. 576—578.

¹⁴ Так, старший из подписных кодексов, созданных Гавриилом (Москва, РГАДА, ф. 196, оп. 1, № 1494), датируется 1412—1413 г., младший (РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 462) — 1451 г. Закхей занимался книгописанием не менее 45 лет. На сербско-болгарской почве показателен пример Владислава Грамматика, работавшего как минимум 25 лет (см.: *Христов Б.* Опис на ръкописите на Владислав Грамматик. Велико Ђурново, 1996).

¹⁵ Так, например, грамоту Милутина монастырю Петра и Павла на Лиме, датируемую 1317—1321 гг. (см.: *Ђурић В.* Повеља краља Стефана Уроша II Милутина манастиру Светих апостола на Лиму // ССА. 4. Београд, 2005, вклейка между с. 6 и 7) и грамоту Стефана Дечанского той же обители 1321 г. (*Он же.* Повеља краља Стефана Дечанског манастиру

светих апостола Петра и Павла на Лиму // ССА. 5. Београд, 2006, вклейка между с. 54 и 55) исходя из чисто палеографических признаков можно было бы отнести ко второй половине XIII в. или (самое позднее) к рубежу XIII—XIV вв.

¹⁶ Так, к примеру, я не рассматриваю здесь вопрос о датировке фальсифицированной грамоты царя Уроша о Стонском трибуте. На мой взгляд она вполне может быть датирована по палеографическим признакам первой половиной — серединой XV в. (см.: Турилов А. А. Книжное письмо... С. 200—201), однако для окончательного решения проблемы необходим палеографический анализ акта в сопоставлении с грамотой царя Стефана Душана Хиландарю с датой 1347 г. (см. примеч. 7), а также с подложной грамотой Мары Бранкович о том же трибуте. Полноценными сопоставительными материалами для этого я в данный момент не располагаю.

¹⁷ Библиографию публикаций грамоты и посвященных ей исследований см., напр.: Неделькович Ј. Наставак генитива множине именица у Светостефанској хрисовуљи: Друга деценија XIV в. // АП. 26—27. Београд, 2004—2005. С. 157—158.

¹⁸ Образцы почерка даны в приложении к изд.: Ковачевич Јб. Светостефанска хрисовуља // Споменик Српске Краљевске Академије. 4. Београд, 1890. С. 1—22; См. также: Борћич П. Историја... С. 283. Стр. 69; Неделькович Ј. Наставак... С. 159—160.

¹⁹ Атрибуция Н. Б. Тихомирова (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. 1. М., 2002 (далее — СК XIV). № 236.

²⁰ Лучший образец почерка Евангелия 1316 г. см.: Манастир Хиландар / Приред. Г. Суботић. Београд, 1998 (далее — *Манастир Хиландар*...). С. 117; см. также: Богдановић Д. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара / Палеографски албум. Београд, 1978 (далее — *Богдановић Д.* Палеографски албум). Репр. 25.

²¹ Соответственно, это: 1) Евангелие тетр первой четверти (нач?) XIV в. (Афон, Пантелеймонов монастырь, Слав. 2; 2 л. — РГБ, собр. Григоровича, № 12. II — атрибуция Н. Б. Тихомирова); 2) отрывок (52 л.) Евангелия тетр (Афон, Зограф, № 51 (старый I. д. 4) — атрибуция моя); 3) отрывок (1 л.) Евангелия тетр (Пловдив, НБ «Иван Вазов», № 140 (602) — атрибуция моя). Образцы почерка этих рукописей: *Tachiaos A.-E. N. The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981. Pl. [1] (в цвете); Кодов Х., Райков Б., Кожухаров С.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. 1. София, 1985. Табл. 56 (№ 27); *Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994 (далее — *Райков Б. и др.* Каталог...). С. 186 (табл. 50); *Станчев К.* Опис на славянските ръкописи в Пловдивската НБ «Иван Вазов», постъпили след 1920 г. София, 1982. Табл. 3. О атрибуции см.: *Славянские рукописи афонских обителей / Сост. А. А. Турилов, Л. В. Мошкова; под ред. А.-Э. Н. Тахиаоса.* Фессалоники, 1998. С. 63—64, 67 (№ 116, 126); СК XIV, 371, 375 (№ 232, 236); Следует заметить, что из числа рукописей, атрибутируемых Радославу в последнем справочнике, безусловно следует исключить Евангелие тетр с «Прогласом» Константина Философа — РНБ, Гильф. 2 (СК XIV, № 258). Рукопись почти несомненно принадлежит представителю хиландарской писцовой школы, однако безусловно не Радославу, и датируется по палеографии второй четвертью — серединой XIV в.

²² Так, совсем недавно мне удалось атрибутировать Георгию Радославу основную часть так называемого «Евангелия дьяка Бунила» (Хиландарь, № 23), известное в первую очередь тем, что в нем в качестве предисловия помещен (л. 2—4) стихотворный «Проглас» Константина Философа (см.: Хиландарски рукописи о постанку словенске писмености. Нови Сад, 1963. С. 1—5). До последнего времени считалось, что рукопись написана (по крайней мере частично) дьяком Бунилом, оставившим на л. 209 приписку о том, что он

«написах синаксарь» (*Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 60). Датировалось это хиландарское Евангелие третьей четвертью XIII в. (Там же). Изучение почерков рукописи показывает, что рукой Бунила выполнена (вероятно, около середины XIV в.) литургическая разметка кодекса («синаксарь», «тплик»), а основная его часть написана Радославом (см. об этом подробнее: *Турилов А. А.* К изучению южнославянской рукописной традиции «Прогласа Константина Философа» // «Мало пение Георгию»: Сб. в чест на проф. Георги Попов, за неговата 65-годишнина. София, 2010). Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить коллег Снежану Елесиевич и Владана Триича за оказанную помощь. Еще ранее я атрибутировал писцу «Бунилова Евангелия» (по снимкам, присланным коллегой Кл. Ивановой) минейный Торжественник архаического состава (библиотека Цетинского монастыря, № 50), так называемый Милешевский Панегирик (именно эта последняя атрибуция и заставила меня обратиться к вопросу о писцах хиландарской рукописи).

²³ Церний Л. О атрибуции... С. 354—356, № 59—71; образцы почерка — сл. 54—66.

²⁴ Снимок грамоты см.: *Ивић П., Грковић М.* Дечанске хрисовуље. Нови Сад, 1976 (далее — *Ивић П., Грковић М.* Дечанске хрисовуље...). С. 280—282; *Младеновић А.* Повеле и писма деспота Стефана: Текст. Коментари. Превод. Београд, 2007 (далее — *Младеновић А.* Повеле и писма...). С. 399—401.

²⁵ См. выше, примеч. 4.

²⁶ В настоящее время последняя цифра на снимке практически не видна (см.: *Actes de Saint-Panteleemon / Edition diplomatique par P. Lemerle, G. Dagron, S. Ćirković* Texte. Album. Paris, 1982, Tabl. 56; *Младеновић А.* Повеле и писма... С. 301, 336—338), обоснование датировки — *Actes de Saint-Panteleemon*. P. 185; *Младеновић А.* Повеле и писма... С. 301.

²⁷ Буква обозначающая цифру единиц в дате, может быть прочитана и как В (2), и как И (8). Предпочтение отдается второму варианту — *Младеновић А.* Повеле и писма... С. 301.

²⁸ Ср. почерки на снимках: Там же. С. 335—338 (экземпляр А) и 339 (экземпляр Б).

²⁹ Ср.: Там же. С. 339 (экземпляр Б жалованной грамоты) и 340—342 (договор).

³⁰ Ср.: Там же. С. 339 (экземпляр Б), 340—342 (договор 1396 г.), и 343 (договор 1402—1422 гг.).

³¹ Таковы опубликованные и репродуцированные в последнем издании (*Младеновић А.* Повеле и писма... С. 223—228 (III.1); 163—173, 202—204 (II.2); 293—298, 335—338 (IV.1); 391—402 (X); 299—313, 339 — IV.2) грамоты княгини Милицы (монахини Евгении) с сыновьями: 1) Великой Лавре (1394/95 г.), 2) хиландарскому пиргу св. Василия (1394—1402 гг.), 4—5) Пантелеймонову монастырю (2 экз. — 8 июня 1395 г. и 8 июня 1400 г.), 6) монастырю Вычокие Дечаны (1397—1402 гг.), и собственно деспота Стефана (Там же. С. 175—182, 207—208 (II.3); 43—51, 114—115 (I.28); 351—357 (VI); 183—190, 210—211 (II.4); 237—252, 275—277, 279—281 (III.3); 191—199, 214—217 (II.5); 361—368 (VII); 253—257, 283 (III.5), 371—382 (VIII); 259—266, 285—288 — III.6): 1) Хиландарю о даровании деспотицей монахиней Евфросинией села (1404/5 г.), 2) Дубровнику (2 декабря 1405 г.), 3) монастырям Тисмане и Волице в Валахии (1406 г.), 4) Хиландарю о ежегодной выдаче серебра из Нового Брда (1406/7 г.), 5—6) Великой Лавре о вкладе 4-х сел (5 января 1407 г., 2 экз.), 7) Хиландарю о обмене ряда сел на 6 аделъфатов (8 июня 1411 г.), 8) монастырю Милешева (1413 или позднее), 9) Великой Лавре о «замене» 4-х сел (1414/15 г.), 10) Ватопеду (2 июля 1417 г.), 11) Великой Лавре о вкладе 3-х сел (20 января 1427 г.), а также: личная грамота монахини Евгении (Там же. С. 229—235, 271—273 — III.2) Великой Лавре (1 августа 1398 г.), и договоры об аделъфатах (Там же. С. 315—328, 340—342 (IV.3); 329—334, 343 — IV.4): 1) между Милицей-Евгенией с детьми и Пантелеймоновым монастырем (1396 г.) и 2) между деспотом и Пантелеймоновым монастырем (1402—1422 гг.).

³² Можно отметить черты значительной близости между почерками грамот деспота Дубровнику 1405 г. (Там же. С. 114—115, I.28), монастырям Тисмане и Водице 1406 г. (Там же. С. 357, 431, VI), и Хиландарю 1411 г. (Там же. С. 214—217, II.5) с одной стороны, и Пантелеймонову монастырю 1400 г. (Там же. С. 339, IV.2) и Хиландарю 1406/1407 г. (Там же. С. 210—211, II.4) — с другой, однако ни в одном из случаев это сходство отнюдь не достигает уровня тождества.

³³ Характеристику содержания и археографическое описание см.: *Мошин В.* Повеља краља Милутина — дипломатичка анализа // ИЧ. XVIII. Београд, 1971 (далее — *Мошин В.* Повеља...). С. 62—63; *Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија*. I. Скопје, 1975 (далее — *Споменици...*). С. 297—300; *Синдик Д.* Српска средњовековна акта у манастиру Хиландару // ХЗ. 10. Београд, 1998 (далее — *Синдик Д.* Српска средњовековна акта...). С. 123.

³⁴ *Мошин В.* Повеља... С. 83.

³⁵ *Споменици...* С. 300.

³⁶ *Синдик Д.* Српска средњовековна акта... С. 123.

³⁷ *Марковић М.* Прилози за историју Светог Никите код Скопља // ХЗ. 11. Београд, 2004. С. 63—129.

³⁸ Уменьшенные снимки почерка начала и конца сводной грамоты см.: *Споменици...*, вклейка между с. 296 и 297, табл. 30.

³⁹ Образцы почерка см.: *Ивић П., Грковић М.* Дечанске хрисовуље... С. 143—277; *Бубало Ђ.* Почетак треће Дечанске хрисовуље // ССА. 6. Београд, 2007 (далее — *Бубало Ђ.* Почетак...), вклейки между с. 72 и 73, 74 и 75, 76 и 77.

⁴⁰ *Благојевић М.* Када је краљ Душан потврдио Дечанску хрисовуљу? // ИЧ. XVI—XVII. Београд, 1970. С. 79—86; *Ивић П., Грковић М.* Дечанске хрисовуље... С. 30—31; *Бубало Ђ.* Почетак... С. 69—82.

⁴¹ Основные устойчивые отличия между этими почерками заключаются в следующем. Писец 3-го Дечанского хрисовула пишет З с более округлой нижней частью, устойчиво употребляет узкое начертание У, правая и левая сторона которого соединяются без горизонтальной перемычки (встык или полностью слитно).

⁴² *Споменици...*, вклейка между с. 296 и 297, табл. 30 (верхний снимок).

⁴³ См.: *Манастир Хиландар...* С. 117.

⁴⁴ См., к примеру: *Лавров П. А.* Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916 (Энциклопедия славянской филологии. 4.1. Приложение), сн. 93 (ошибочно датирована здесь 1195—1228 гг. из-за отождествления «господина Стефана» подписи с «первовенчанным» королем Стефаном Неманичем); *Ђорђевић П.* Историја... С. 284, сл. 71.

⁴⁵ *Марјановић-Душанић С.* Повеља краља Стефана Душана старцу Јовану // ССА. 3. Београд, 2004. С. 35—36, 43—44 (здесь же обзор предшествующих мнений).

⁴⁶ Хорошее воспроизведение документа см. там же, на вклейке между с. 36 и 37. В то же время невозможно согласиться с характеристикой письма грамоты как полуустава (Там же. С. 35). Это еще в полной мере устав.

⁴⁷ Снимки почерка см.: *Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л.* Българско средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Държавния исторически музей в Москва. София, 1994 (далее — *Николова С. и др.* Българско средновековно културно наследство...). Обр. 90—92.

⁴⁸ *Дианова Т. В.* Особенности бумаги рукописей XIV в. // Историческому музею — 125 лет. М., 1998 (Труды ГИМ, 100), 131 (предложенные здесь крайние филигранодаты 1340—1355 представляются излишне ранними; датировка на основании моления за царя

(см. ниже) осталась автору работы неизвестной); *Панкова М. М.* Письмо сербских рукописей XIV в. // Русская книжность: Вопросы источниковедения и палеографии. М., 1998 (Труды ГИМ, 95). С. 149. В болгарском каталоге собрания (*Николова С. и др.* Българско средновековно културно наследство... С. 65; № 60) по неизвестным причинам рукопись датирована последней четвертью XIV в. (ср. ниже).

⁴⁹ Авторы болгарского каталога (Там же) считают почему-то, что речь идет о короле Стефане Уроше III (Дечанском), что никак не согласуется с их собственной датировкой кодекса.

⁵⁰ Образцы почерка Романа см.: *Богдановић Д.* Палеографски албум... Репр. 29, 68; *Цернић Л.* О атрибуцији... Сл. 31—32; *Ђоровић В.* Света Гора и Хиландар до шеснаестог века. Београд, 1985 (вклейка между с. 128 и 129); Древности Афона XI—XVII вв. в России: Из музеев, библиотек, архивов Москвы и Подмосковья / Каталог выставки. М., 2004. С. 176; *Миодраг П.* Молитвени записи на хиландарским литургијским свицима // ХЗ. 11. Београд, 2004. Сл. 9—13 (вклейка между с. 172 и 173); *Турилов А. А.* Сербские отрывки... С. 88—90, сн. 10—12. Помимо сербских по правописанию рукописей Роману с уверенностью можно атрибутировать западноболгарское по орфографии пергаменное Евангелие тетр (София, НБКМ, № 1356). См.: *Христова Б., Караджова Д., Вутова Н.* Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. 5. София, 1996. Табл. 8—9, прил. 3—4.

⁵¹ Основные отличия почерков состоят в следующем. Писец грамоты пишет буквы У и Х значительно более узкими, чем Роман (писец Хлудовского устава занимает в отношении последней из букв как бы промежуточное положение) и «яты» с очень высокой мачтой. Впрочем, последняя особенность (равно как и более длинные «хвосты» букв) может объясняться большим междустрочным пространством в грамоте.

⁵² *Живојиновић Д.* Велика прилепска хрисовуља цара Стефана Душана Карејској келији Светог Саве (Хил. 149) // ССА. 7. Београд, 2008. С. 72—73 (здесь же обзор предшествующих мнений). В новейшем каталоге хиландарских актов (*Синдик Д.* Српска средњовековна акта... С. 127) список не датирован, констатируется лишь, что текст грамоты интерполирован.

⁵³ А отчасти даже и более раннего времени. К примеру, письмо грамоты мало отличается по своему характеру (за исключением, пожалуй, начертания буквы З) от почерка хиландарского книгописца иеромонаха (позднее игумена) Гервасия, умершего в 1335 г. (см. ниже, раздел 4.а); речь не идет, разумеется, о тождестве почерков.

⁵⁴ Им написаны пергаменное Евангелие апракос второй четверти XIV в. Хиландарь, № 31 (снимки почерка см.: *Богдановић Д.* Каталог... Албум. Репр. 32; *Максимовић Ј.* Српске средњовековне минијатуре. Београд, 1983. Ил. 71—74), частично сохранившийся комплект Миней служебных 1330—1340-х гг. (Афон, Пантелеймонов монастырь, Слав. 11 (декабрь-февраль); начальная тетрадь — Сербия, Ягодина, Завичайни Музей, собр. Б. Тирича, № 1; Хиландарь, № 145 (март-май), 147 (июнь-июль) — снимки почерка см.: *Tachiaos A.-E. N.* The Slavonic Manuscripts... Pl. [20]; *Богдановић Д.* Каталог... Албум, репр. 48), и начальная часть (л. 1—105) Торжественника минейного Хиландарь, № 473 (образец почерка см.: Там же. Репр. 33; о датировке рукописи — *Станковић Р.* Водени знаци хиландарских српских рукописних књига XIV в. // АП. 22—23. Београд, 2000—2001. С. 73—74.

⁵⁵ См.: *Actes de Saint-Panteleemon / Edition diplomatique... Tabl. LI, V; Младеновић А.* Повеље кнеза Лазара: Текст. Коментари. Снимци. Београд, 2003. С. 287—290.

⁵⁶ Образцы почерка см.: *Tachiaos A.-E. N.* The Slavonic Manuscripts... Pl. [3] (снимок в цвете), [36] (черно-белый); описание рукописи — *Ibid.* P. 66—68.

⁵⁷ *Синдик Д.* Српске повеље у светогорском манастиру Светог Павла // Мешовите грађе. VI. Београд, 1978. С. 191—192, № 3 (снимок [17] на вклейке между с. 192 и 193).

⁵⁸ См.: Там же. С. 187—188, № 2; вклейка между с. 191—192, снимок [16].

⁵⁹ Там же. С. 188.

⁶⁰ Снимок см.: Там же. Вклейка, № [2].

⁶¹ Там же. С. 188.

⁶² См.: *Ђорђић П.* Историја српске ћирилице... С. 351, сл. 149; *Младеновић А.* Повеље и писма...; о датировке грамоты — *Синдик Д.* Српска средњовековна акта... С. 74.

⁶³ См.: *Томовић Г.* Морфологија ћириличких натписа на Балкану. Београд, 1974. С. 118, № 120; табл. 22.

⁶⁴ Образцы почерка см.: *Куев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки: Изследване и текст. София, 1986 (далее — *Куев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки...). С. 553 (датировка XVII в. (с. 326) ошибочна); *Рајков Б. и др.* Каталог... С. 253, табл. 107; Музейное собрание: Описание. 2. М., 1997. С. 471 (ил. 8).

⁶⁵ Показательно, что вплоть до середины 1980-х гг. зографский сборник также датировался XVII в. (см.: *Ильинский Г. А.* Рукописи Зографского монастыря на Афоне // Известия РАИК. 13. 1908. № 105; *Куев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки... С. 326).

⁶⁶ Последнее издание см.: *Живојиновић Д.* Интерполирана хрисовула краља Милутина за Карејску келију Светог Саве Јерусалимског // ССА. 5. Београд, 2006. С. 11—42 (на вклейке между с. 16 и 17 фотовоспроизведение). Хороший снимок в цвете нижней части грамоты (с королевской подписью и печатью) см. также: *Манастир Хиландар.* С. 38.

⁶⁷ Обзор мнений см.: Там же. С. 14—16.

⁶⁸ Не могу не вспомнить, что когда я впервые увидел образец почерка грамоты в публикации В. А. Мошина (см.: *Мошин В.* Повеља краља Милутина Карејској ћелији 1318 г. // Гласник Скопског научног друштва. 19. Скопље, 1938. С. 69), то невольно подумал прежде всего о писце болгарского Евангелия царя Георгия Тертера 1322 г.

⁶⁹ Помимо Апостола 1312—1316 гг. (Хиландарь, № 47), о котором идет речь ниже, см., например, Паренесис Ефрема Сирина начала XIV в. (Там же, № 384), Евангелие апракос второй четверти XIV в. (Там же, № 31), комплект Миней служебных из Карейской келии св. Саввы 1330—1340-х гг. (Там же, № 145, 147; Русский Пантелеймонов монастырь, Слав. 11 — см.: *Турилов А. А.* К отождествлению частей... С. 128—129, 140—141; № 2).

⁷⁰ Образец почерка см.: *Богдановић Д.* Палеографски албум. Репр. 24.

⁷¹ См.: *Живојиновић М.* Историја Хиландара. 1. Београд, 1998. С. 167—197. Разумеется, можно допустить, что Гервасий-книгописец и Гервасий-игумен являются просто современниками и тезками, жившими в одном монастыре. За примером подобного совпадения (при этом хиландарским) не нужно далеко ходить, достаточно вспомнить двух книгописцев по имени Роман, работавших во второй четверти — середине XIV в. (см.: *Церний Л.* О атрибуции... С. 348—350, табл. 34—39). Однако, насколько мне известно, отождествление Гервасиев является в литературе общепринятым.

⁷² *Мишић С.* Хрисовула краља Стефана Уроша III Хиландару // ССА. 2. Београд, 2003. С. 29—40 (фотовоспроизведение на вклейке между с. 32 и 33).

⁷³ *Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската Академия на науките. София, 1969. Табл. IX.

⁷⁴ Там же. С. 28.

⁷⁵ См., к примеру, грамоту 1445 г. деспота Гюрга Бранковича Дубровнику (Поглед у нашу прошлост. Документи из приморских архива од X—XIX века: Дубровник, Задар, Котор. Београд, 1957. Табл. 24).

⁷⁶ *Синдик Д.* Српска средњовековна акта... С. 23. Непонятно, на каком основании грамота датирована здесь 6 сентября 1321 г. (данное обстоятельство справедливо отмечено уже С. Мишичем — см. примеч. 53).

⁷⁷ Мишић С. Повеља краља Стефана Уроша III манастиру Хиландару. 8 фебруара 1327 // ССА. 5. Београд, 2006. С. 65; черно-белый снимок грамоты там же, на вклейке между с. 72 и 73. См. также хороший цветной снимок: *Манастир Хиландар*. С. 41 (здесь она, судя по контексту (с. 40), трактуется как подлинник).

⁷⁸ В каталоге хиландарских актов (*Синдик Д. Српска средњовековна акта... С. 23*) письмо грамоты охарактеризовано как «уставное, хотя и не столь красивое, как в № 7» (краткой версии документа). Вероятно, точнее будет определить его как не слишком каллиграфическую версию литургического полуустава.

⁷⁹ *Синдик Д. Српска средњовековна акта... С. 22—23.*

⁸⁰ Мишић С. Повеља краља Стефана Уроша III... С. 65. 66.

⁸¹ Образец почерка см.: *Богдановић Д. Палеографски албум... Репр. 15* (с датировкой конец XIII в.).

⁸² 13 листов из этой рукописи, датируемой рубежом XIII—XIV вв., находятся в Российской национальной библиотеке (С.-Петербург), в собрании А. Ф. Гильфердинга, № 78 — см. *Цернић Л. Нека запажања о српским рукописима у збиркама Лењинграда* // АП. 2. Београд 1980. С. 364, № 14; *Она же. О атрибуцији средњовековних српских ћирилских рукописа* // *Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности*. Београд, 1981. С. 337 344—345 (Каталог, № 4—5).

⁸³ Образец почерка см.: Там же. Сл. 26.

⁸⁴ См.: СК XIV. Приложение 2, 639, 641, № д47.

⁸⁵ Образец почерка см.: *Vašica J., Vajs J. Soupis staroslovanských rukopisů Národního muzea v Praze*. Praha, 1957, obr. 17 (описание — с. 446—447, № 209).

⁸⁶ Конкретно, того из них, которым написан отрывок (С.-Петербург, РНБ, Ф.п.1. 62), содержащий службу св. Савве Сербскому — см.: *Лавров П. А. Альбом снимков... Табл. 56* *Мошин В. Палеографски албум на јужнословенското ћирилско писмо*. Скопје, 1966. С. 98 (табл. 96). Содержание определено здесь ошибочно как Октоих. По поводу уточнения содержания и атрибуции частей рукописи см.: *Богдановић Д. Лењинградски одломак Службе светом Сави* // *Библиотекар*. Год. XX. Бр. 1—2. Београд, 1968. С. 84—87; *Цернић Л. Нека запажања...* // АП. Београд, 1980. Бр. 2. С. 362. № 10.

⁸⁷ Образцы почерка см.: *Месецослов Јерусалимског типика: Рукопис Архива САНУ*. Приредило В. Савић. Ниш; Манастир Сопотани, 2003 (Прилози).

⁸⁸ Образец почерка (хотя и не слишком хорошего качества) см.: *Николова С. и др* *Българско средновековно културно наследство... Обр. 66. Датировка кодекса, обычно относимого в литературе ко второй половине — концу XIV в. (см., к примеру, там же, с. 85 № 78), уточнена автором этих строк в процессе подготовки Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в. в хранилищах России, стран СНГ и Балтии.*

⁸⁹ См.: *Ивић П., Грковић М. Дечанске хрисовуље... С. 143—277; Бубало Ђ. Почетак*. Вклейки между с. 72 и 73, 74 и 75, 76 и 77.

ПОСЛЕДНИЙ ОТГОЛОСОК ИДЕИ «ЦАРСТВА СЕРБОВ И ГРЕКОВ» (ГРАДОЗДАННАЯ НАДПИСЬ ВУКА БРАНКОВИЧА 1378—1379 ГГ.)

1. Историко-политический фон

Марицкая битва (29 сентября 1371 г.) и последовавшая вскоре за ней смерть царя Уроша (2 или 4 декабря того же года) ознаменовали новый этап в разделе северной части «царства Сербов и Греков» Стефана Душана¹. Предшествующий период (1356—1371) фактического раздела территории между вельможами Душана при сохранении формального верховенства «несильного» Уроша V², соправителем которого выступал в последние годы возведенный царем в королевское достоинство Вукашин³, завершился с уходом с исторической сцены главных (хотя бы номинально) персонажей. Династия Стефана Немани за два века своего существования страдала скорее от избытка наследников престола, чем от их недостатка — достаточно вспомнить почти регулярные переходы престола не от отца к сыну, а от брата к брату на протяжении XIII в. (Стефан — Вукан — Стефан; Радослав — Владислав — Урош; Драгутин — Милутин), или борьбу за власть наследников Милутина после его смерти в 1321 г. Собственно, само понятие Сербского государства на протяжении этого времени ассоциировалось во многом с династией Неманичей, поэтому смерть последнего из них⁴ поставила перед «диадохами» и «эпигонами» Душана проблему легитимизации их прав и претензий. В значительной степени кризис верховной власти был порожден стечением обстоятельств. Проживи Урош несколько дольше, он, скорее всего, обрел бы нового соправителя в лице сильнейшего на тот момент из сербских великашей. Идеей преемственности верховной власти и легитимности собственной династии был, по-видимому, весьма озабочен Вукашин (как бы предвидя посмертные обвинения в узурпации титула, ставшие почти общим местом и в нарративных источниках, и в исследовательской литературе вплоть до последней четверти позапрошлого века)⁵. Как выяснилось около 40 лет назад (с обнаружением ктиторской надписи в церкви Введения в Призрене)⁶, его старший сын Марко получил титул наследника-соправителя («молодого короля») между 1 сентября 1370 г. и 31 августа 1371 г. Возможно, после смерти старшего из соправителей царь Урош — в целях сохранения status quo — успел пожаловать Марку королевское достоинство⁷. В данном случае неважно, от кого исходила последняя инициатива, так как в сохранении стабильной ситуации были равно заинтересованы обе стороны. Однако новый король после трагического для сербов исхода Марицкой битвы не обладал сколь-либо значительной военной силой и не имел, в отличие от отца, поддержки могущественного дяди, поскольку деспот Угleshа тоже пал в битве, а его обширные владения были захвачены турками и византийцами. Мирный переход верхов-

ной власти к новой династии, возможный в стабильной ситуации, в экстремальных условиях не состоялся. Марко не был признан формальным верховным главой страны другими правителями⁸, и в народной памяти остался — несмотря на огромную популярность в масштабе всего Балканского полуострова — прежде всего лишь «королевичем» (вполне возможно, что этот титул, зафиксированный фольклором, косвенно свидетельствует об отношении к претензиям сына Вукашина со стороны других фактических наследников Душана и Уроша).

Но непризнание верховной власти Марка не было проявлением лишь сепаратистских тенденций других сербских правителей. В политической истории Сербии до распада империи Душана традиции сепаратизма по существу отсутствовали, а пятнадцатилетний временной отрезок от смерти первого сербского царя до смерти последнего был явно недостаточен для их устойчивого оформления. Они могли развиваться именно в условиях длительного существования областных правителей, чисто формально признающих верховную власть слабого царя, но этот процесс прервался со смертью Уроша. В обстановке нового передела владений традиционного сепаратизма могли придерживаться лишь самые мелкие из правителей, не могущие рассчитывать на значительные территориальные приращения. О них, как правило, известен лишь самый факт их существования и — при благоприятном стечении обстоятельств (например, упоминании в грамотах более крупных правителей, либо в иностранных источниках) — приблизительное местоположение владений. Крупнейшие же правители претендовали (хотя бы номинально) если не на все царство Душана, то на сербские земли перед началом его завоеваний⁹. Наиболее яркое свидетельство этих претензий — развернутая титулатура правителей, помещаемая в начальной части документов и/или в подписях к ним¹⁰.

На фоне этих подчеркнуто пространных территориальных претензий особенно скромно и непритязательно выглядят властительские титулы в собственном смысле слова. По сути их нет. Носители византийских по происхождению царских придворных чинов, пожалованных Душаном и (реже) Урошем — деспоты, кесари, севастократоры, игравшие заметную роль в правление Уроша, к рассматриваемому времени сошли со сцены¹¹, а по наследству эти чины обычно не передавались. Носители традиционных сербских воинских и административных чинов и званий — воеводы, чельники, жупаны — тоже не преуспели в борьбе за власть, оказавшись в 70-е гг. XIV в. в лучшем случае на вторых и третьих ролях.

Придворный чин самого удачливого из «диадохов» Душана — Лазаря Хребеляновича — был (по молодости носителя) невысоким, и в официальных документах он его не использовал, употребляя традиционный славянский титул князя (возможно и потому, что его жена происходила из рода старшего сына Стефана Немани Вукана). Но этот титул в Сербии эпохи Неманичей являлся принадлежностью правителей небольших областей (примеры тому брат Немани Мирослав и его сын хумский князь Андрей, известный по грамотам 1230—1240 гг. Дубровнику, и т. п.)¹². Лишь иногда, преимущественно в конце своего правления, Лазарь именуется великим князем¹³. В этом тоже можно усмотреть связь с Вуканом Неманичем, носившим титул — согласно родословам — «князь великий вьсой Зеть»¹⁴.

Непритязательный и как бы необязательный титул «господин», употреблявшийся весьма значительными правителями (Балшичами, младшими детьми севастократора Бранка Младеновича)¹⁵, был, возможно, призван напомнить о додушановых временах — так титуловались дети верховных правителей до введения в употребление титула «молодого короля» либо не наследовавшие престола (см., к примеру грамоту (до 1321 г.) Стефана Дечанского Дубровнику)¹⁶. На оказавшийся вакантным после смерти Уроша императорский (царский) титул никто из правителей не претендовал. Ситуация весьма сходна с отношением к этому титулу варварских королей после падения Западной Римской империи. Для полноты аналогий не хватает лишь отправки Душановых регалий (судьба которых неизвестна) в Константинополь. Само принятие титула Душаном было осуждено в историко-генеалогических сочинениях конца XIV — начала XV столетия, и само пресечение династии трактовалось их авторами как наказание за это («сей Душан преступи пределы отец своих, и поставляется самовластно царь, и Урош не има дети, и оста без памяти лоза тем»)¹⁷.

Показательно и отношение к традиционному до Душана верховному королевскому титулу, Несмотря на непризнание главенства Марка Вукашиновича, никто из других правителей до 1377 г. (когда Марко, по всей видимости, признал зависимость от султана)¹⁸ не высказывал претензий на него. Принятие в этом году королевского титула Твертком Котроманичем применительно к собственно Сербии осталось по преимуществу претензией — титул «короля Сербов» подкреплял его права на верховную власть в Боснии¹⁹. Куда большее значение, чем рангу правителя, властители северной части распавшегося царства придавали суверенитету, подчеркиваемому указанием в титуле на самодержавность его обладателя (в чем также нельзя не увидеть связи с додушановой традицией)²⁰.

В ситуации, когда общей тенденцией стало обращение к доцарским временам, претензии на призрачный уже титул правителя «Сербов и Греков» должны были отойти в историю, поскольку еще в правление Уроша он был по большей части лишь данью традиции²¹. Исследователи, однако, согласны, что (при определенности основных тенденций) источниковая база для изучения этой весьма непростой и бурной эпохи столь скудна, что любой новонайденный источник (даже в объеме записи на рукописи или памятной надписи) может существенно обогатить (и порой не только частными деталями) картину реальных событий²².

К числу таких источников принадлежит — на мой взгляд — и публикуемый текст, связанный с именем Вука Бранковича²³.

2. Кодикологические и палеографические сведения о памятнике

Исследуемый и публикуемый текст находится в рукописи, хранящейся в библиотеке Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне, Греч. 1187. По содержанию это сборник вопросов и ответов преп. Анастасия Синаита на греческом языке. Кодекс форматом in-quarto написан на бумаге и имеет запись писца с датой 1343 (6851) г. Рукопись не фигурирует в печатном каталоге С. Ламброса (судя по библиотечному шифру, она поступила в монастырскую библиотеку уже после выхода справочника в свет²⁴, поэтому информация о ней в научной литературе от-

XX в. сделались читаемы (пусть и с трудом) даже невооруженным глазом (хотя для детальных палеографических наблюдений несомненно требуется съемка в ультрафиолетовых лучах и/или сканирование)³¹.

Интересующий нас текст занимает в рукописи две неполные страницы — оборот л. 6 и лицевую сторону л. 7, в свободном от греческого текста пространстве между окончанием оглавления и приведенным выше славянским заголовком собственно текста кодекса. Текст написан развитым сербским канцелярским письмом («скорописью»), со значительным числом выносных букв (см. ниже). Можно отметить некоторые характерные особенности начерков букв (далеко не все, поскольку верхний слой чернил мешает рассмотреть отдельные детали), известные, впрочем, в большинстве и по другим сербским грамотам этого времени:

А пишется с высокой и длинной вертикальной спинкой;

В в форме квадрата;

Д в виде курсивной буквы Р с изогнутым влево хвостом и треугольной головкой, от нижней части которой отходит вправо короткий крючок;

И двух разновидностей: 1) обычной формы, похожее на Н, от которого оно отличается лишь горизонтальной перекладной; 2) с длинными вертикалями, выходящими сверху и снизу за средний уровень строки;

У пишется только как лигатура ѡ , с «усиками», расходящимися от высокого стебля, при этом правый из них имеет дополнительный изгиб вправо³²;

ь с очень маленькой, часто затекшей петлей, приближающийся по начертанию к простому горизонтальному штриху (влияние глаголической традиции, где эта буква имеет такую форму), но в отличие от І без точек сверху;

ѣ с высокой мачтой, перечеркнутой примерно посередине;

Из выносных употребляются (с разной частотой) В, Д, Л, М, Ч. Особенностью графики всех славянских памятников рукописи (включая заголовок к греческому тексту «Вопросов и ответов Анастасия Синаита») является регулярное употребление выносных гласных — Е «широкого» и ѡ (см. ниже). Очень часто употребляется также «крестовое» ѣ, как в соединении с буквами, имеющими петлю, так и в качестве свободной выносной над такими буквами. Из редко встречающихся лигатур можно отметить ѡг и ѡд³³ (примеры см. в примечаниях к публикации).

Писец не употребляет букв І (что вполне типично для сербских грамот), к (заменяет ее Е широким), Ъ (применение которой характерно для актов боснийских и далматинских канцелярий). В целом облик письма вполне характерен для сербских канцелярских почерков середины XIV — начала XV вв., нет никаких оснований датировать его позднее рубежа этих столетий. Разумеется, весьма полезно было бы сравнить почерк записи с почерками других документов, связанных с Вуком Бранковичем, но во время работы в монастырской библиотеке в 1983 г. сопоставительного материала не было под рукой³⁴. Большое число выносных гласных (Е широкое и ѡ), отмеченное для публикуемого памятника, находит аналогии скорее не в канцелярском письме грамот³⁵, а в декоративном письме эпиграфических памятников³⁶, «подписей правителей»³⁷ и в развитой книжной вязи.

3. Типологическая и жанровая принадлежность памятника. Черновик или копия?

Тип памятника — градозданная надпись — определяется достаточно бесспорно, но близкие типологические аналогии в этом «жанре» ему отсутствуют. Дело прежде всего, разумеется, в размерах. Такие градозданные надписи как древняя (1015—1017 гг.) битольская³⁸, и тем более позднейшая смедеревская (1430 г.)³⁹, несравненно меньше по объему. Типологические параллели тексту легко обнаруживаются в актовых источниках — это литературные аренги жалованных грамот, получившие в сербской письменности широкое распространение, начиная с самых ранних актовых памятников⁴⁰. При этом, по всей видимости, нет оснований считать текст в Пант. Греч. 1187 аренгой недошедшей грамоты Вука Бранковича Приштине, поскольку он имеет вид вполне законченный — с датой в конце, доксологией и словом «аминь».

Можно указать и другую — более отдаленную — параллель описанию города и похвале строительной деятельности Вука Бранковича (при этом, разумеется, в более развернутом и художественном виде). Это памятники сербской агиографии начала — первой трети XV в.: описание Дечанского монастыря⁴¹ в житии короля Стефана Дечанского, написанном Григорием Цамблаком, и описания Белграда и Ресавы в житии деспота Стефана Лазаревича, созданном Константином Философом Костенечским⁴². Во втором случае одним из источников описания города могла, как считают, служить аренда жалованной грамоты деспота, о существовании которой упоминает автор жития⁴³.

Труднее определить, что представляет собой запись в Пантелеймоновской рукописи — отредактированный черновик текста, предназначенный для монументального воплощения, или же не очень аккуратную копию с уже высеченной в камне надписи, сверенную затем писцом с оригиналом, в результате чего на полях появились восполнения пропусков? Правка в тексте очень велика. Первая из вставок находилась на верхнем поле и почти целиком срезана при переплетении (остатки не читаются). Поскольку в тексте знак вставки помещен после имени отца Вука — Бранка — можно полагать, что она содержала его отчество («Младеновича»), либо слова «сына Младена» («-ова»), или же относящиеся к Вуку — «внука (унука) Младена» («-ова»). Несомненно, перепутаны местами части текста в строках 4 и 6, в результате чего традиционное, практически официальное, наименование св. Симеона Сербского (Стефана Немани) «новый мироточец» отнесено к св. Савве, о мироточении от мощей которого источники не сообщают⁴⁴. Вслед за словами «нового мироточца» выскоблено слово — вероятнее всего, это было повторено имя св. Симеона. В то же время, над именем Симеона (в строке 5) отчетливо виден косой крест, который не может быть выносной буквой X или ђ. Возможно, на верхнем поле здесь читалась вставка «новаго мироточца», отнесенная в данном случае к правильному месту. Вставки в текст имеются и дальше (см. примечания к публикации). Наконец, правка присутствует и в дате — ω (800), дублирующая следующее за ней слово «осмошьтно», написана отличающимися по цвету чернилами, а за датой выскоблено слово⁴⁵.

К сожалению, ни объем, ни характер правки не позволяют однозначно решить, что же именно находится на чистых листах кондекса Пант. Греч. 1187 — черновик

градозданной надписи или же ранняя копия с нее (здесь следует оговорить, что черновики славянских сочинений, современные рассматриваемому, попросту неизвестны, и механизм составления и редактирования окончательного текста можно представить лишь ретроспективно, опираясь на значительно более поздние примеры⁴⁶).

Палеографических противопоказаний датировать текст 1378/79 г. (и даже несколько более ранним временем), как уже сказано, нет. На бытование кодекса в славянской (сербской) среде в последние десятилетия XIV в. указывает и проба пера с обращением к патриарху Спиридону (1380—1389). Однако, как бы ни велико было искушение признать славянский текст в Пант. Греч. 1187 черновым оригиналом градозданной надписи в Приштине, от этой гипотезы следует отказаться. В этом случае никак нельзя объяснить, почему черновик столь важного декларативно-политического документа, свидетельствующего о больших амбициях и претензиях владетеля и строителя Приштины, был по «плюшкински» записан на свободном месте в рукописи. Едва ли причина этого состоит в острой нехватке бумаги или пергамента.

Напротив, причин для изготовления копии (при всей нетипичности копирования текстов такого рода)⁴⁷ могло быть несколько. Одна из них — наименее определенная — так сказать, «литературно-археологическая». Текст мог привлечь внимание книжника как возможный образец (хотя бы и «про запас»), добавочным стимулом могло служить то обстоятельство, что оригиналу угрожала гибель. Кроме того, после смерти Вука Бранковича (ок. 1398 г.), ранее признавшего себя вассалом султана (ок. 1392 г.), текст надписи мог служить для обоснования прав его сына Георгия (Гюрга) на отцовское наследие. Возможно, в пользу копийного характера списка говорят и вставки, сделанные на полях кодекса и свидетельствующие о трудности прочтения текста на каменной плите, с обилием лигатур, выносных и подчиненных букв⁴⁸. Не стоит, однако, непременно относить на счет копируемого оригинала обилие выносных гласных. Широкое использование того же приема в славянском заголовке кодекса и в копии жалованной грамоты монастырю св. Георгия указывают на то, что это скорее прием самого писца (писцов?). Временной разрыв между созданием оригинала градозданной надписи и написанием копии был, как уже сказано, небольшим.

4. Значение надписи как исторического источника

Вопрос о значении публикуемого текста как исторического источника напрямую зависит, разумеется, от вопроса о ее подлинности. В нашем случае лучшим доказательством подлинности служит полная нефункциональность подделки — невозможно установить, какую практическую выгоду мог извлечь для себя гипотетический фальсификатор, сочиняя подложную градозданную надпись (о значении, которое со временем могла приобрести копия с реального памятника, уже говорилось выше).

Безусловно, едва ли не самым важным с исторической точки зрения элементом текста является приведенный здесь владетельский титул Вука Бранковича. В столь

развернутой и пышной форме он нигде более не встречается. Обычно он титулуется куда более скромно: «азь, рабь Христу Влькъ» (1376—1377 г.); «по милости Божией, я, Влькъ Бранковичь» (ок. 1389 г.); при чем не всегда употребляется даже титул «господин»⁴⁹. Наиболее близка к нашему тексту титулатура правителя в подписи к грамоте Хиландарю 1392 г.: «Вь Христа Бога благоверны Влькъ Бранковикь, господарь Срьблемь и Подунаю»⁵⁰.

Бросается в глаза и чрезвычайно редкое для Вука употребление тронного имени Неманичей — Стефан (в данном случае в народной форме Степан, так же как назван выше и небесный покровитель родоначальника династии — мученик и архидиакон Стефан). Помимо копии приштинской надписи оно встречается только в подтверждении Вуком («Вь Христа Бога благоверны господинь Стефань Влькъ») жалованной грамоты его старшего брата кесаря Гргура тому же Хиландарскому монастырю⁵¹. В отличие от других правителей, также включавших это имя в титулатуру, — боснийского короля Твртка Котроманича и князя Лазаря — правитель Приштины употребляет его здесь в качестве второго (если только это не ошибка копииста — в подтверждении грамоты Гргура порядок имен обратный). Развернутостью отличается и титулование отца Вука — «благоверный севастократор вьсемь Срьблемь». Употребление почетной характеристики «всем Сербам» носителями придворных званий засвидетельствовано для эпохи Душана (ее использовал, к примеру, Иоанн Оливер)⁵², но употребление прилагательного «благоверный» (а не «великий» — как в грамоте братьев Бранковичей 1369 г.)⁵³ явно свидетельствует о желании его суверенизировать. Однако при такой широте претензий Вук не именуется себя (в отличие от князя Лазаря)⁵⁴ «самодержцем». Возможно, эта особенность титула восходит к формулировке, употреблявшейся царем Урошем, не именовавшим себя самодержцем (хотя братья Бранковичи все в той же грамоте 1369 г. так его титулуют)⁵⁵. Вообще титулатура Вука Бранковича в разных памятниках требует — в силу ее вариативности — самостоятельного исследования относительно времени и обстоятельств употребления, здесь же остановимся на вопросе соответствия конкретного титула реальной исторической обстановке. На первый взгляд может показаться (особенно учитывая известную неясность даты — см. выше), что титулатура Вука и его территориальные претензии, сформулированные в надписи, больше соответствуют (хотя бы по аналогии с жалованной грамотой 1392 г.) ситуации 1389—1392 гг., между Косовской битвой и признанием вассальной зависимости от султана. Однако ряд деталей содержания надписи заставляет отклонить такое предположение и придерживаться ее датировки сентябрьским 6887 г. (сентябрь 1378 — август 1379). Если слова о турецкой угрозе («видевше по оставлению Божиему иноплемених воеване на род христиански безбожных Турок») могут относиться в равной мере к последствиям как Марицкой, так и Косовской битвы, то свидетельство об отсутствии «от века» крепости («твръжде») в Приштине может быть отнесено лишь к первой ситуации. После битвы на Косовом поле Вуку Бранковичу явно некогда было заниматься крепостным строительством, а не обладая опорой на «твръжде», он не мог пытаться сохранить суверенитет в течение трех лет.

Текст градозданной надписи свидетельствует, таким образом, что в конце 1370-х гг. Вук был — несмотря на брак с дочерью князя Лазаря — фигурой в по-

литическом смысле более независимой, чем это принято считать (или, во всяком случае, сам считал себя таковой)⁵⁶. Известны и другие факты политической амбициозности этого правителя (хорошо сочетающиеся с претензиями, выраженными в надписи), например, использование «царских» красных чернил для подписи на грамотах⁵⁷. Надо сказать, что основания для претензий у Вука Бранковича были. К этому времени он, при сравнительно скромных размерах своей государственной территории⁵⁸, обладал не только весьма значительной и важной частью державы Неманичей в Косове, но и тремя «столицами» Душана — Призреном, Приштиной и Скопле. На территории его княжества находился ряд митрополий — Липлянская, Звечанская, Призренская, Положская, Скопльская. Претензии же на господство над «Греками» (помимо обитавших в Вуковой части Македонии) были в тот момент, по всей вероятности, совершенно безопасными. Византия еще не оправилась от очередного приступа борьбы за императорский престол (1376—1379), и сам исход ее летом 1379 г. был еще не вполне ясен⁵⁹, так что опасаться каких-либо санкций (даже в том случае, если бы вести о претензиях дошли до Константинополя) не приходилось.

Сложнее обстоит вопрос взаимоотношений приштинского владетеля с князем Лазарем. Сейчас еще трудно говорить, дает ли новый источник основания для пересмотра известия Мавро Орбини, что Приштина в 1371 г., после гибели короля Вукашина, была занята Лазарем⁶⁰ (от которого в этом случае должен был получить ее Вук Бранкович). Возможно (поскольку последний не сообщает в надписи о получении города от тестя), в источнике, использованном Орбини, под войсками главного правителя (Лазаря) могли пониматься и войска его союзника (т. е. Вука), хотя нельзя полностью исключать возможности такой передачи, т. к. в политике понятие «благодарности» (тем более долгосрочной) весьма относительно.

Можно полагать, что высказывавшиеся в тот момент Вуком Бранковичем претензии на Душаново наследие оказались недолговечными и ограничились, так сказать, внутренним использованием в форме градозданной надписи. Вероятно, вскоре после создания надписи князь Лазарь победил (1379 г.) Рагислаличей и завладел сербским Подунавьем⁶¹, составлявшим один из предметов претензий Вука. В сложившейся ситуации настаивать на употреблении титула, зафиксированного надписью, означало вооруженное столкновение со значительно более сильным противником. Отказ от претензий произошел, скорее всего, достаточно мирно: Вук признал себя «сыном» верховного правителя, хотя честолюбивых устремлений — как явствует из дальнейших событий — не оставил. Так за 10 лет до Косовской битвы тихо и незаметно угасла окончательно идея державы «Сербов и Греков».

Помимо историко-политического значения приштинская надпись Вука Бранковича представляет интерес еще в целом ряде аспектов. Она сообщает, в частности, неизвестную другим источникам дату сроительства городских укреплений в Приштине, предшествовавших турецким⁶². Указание на украшение построенной ранее (до 1331 г.) соборной митрополичьей церкви (в Липляне) дает основание несколько уточнить датировку росписей этого храма, вполне справедливо относимых в литературе ко времени около 1380 г.⁶³ Сам же текст надписи интересен еще и как литературный памятник (пусть и небольшой) периода между Марицкой и

Косовской битвами (1371—1389) — времени, для которого оригинальное сербское книжное творчество представлено весьма скудно⁴⁶ (в особенности что касается области Вука Бранковича). И, наконец, завершая статью, нельзя не упомянуть, что публикуемый текст лишний раз свидетельствует о том значении, которое продолжают сохранять рукописные сокровища Святой горы для истории южнославянской литературы и письменности⁶⁵.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: *Михаљчић Р.* Крај Српског Царства. Београд, 2000 (= *Михаљчић Р.* Сабрана дела. Књ. 1 (1-е изд. — 1975); далее — *Михаљчић Р.* Крај... С. 206—261); *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975 (далее — *Наумов Е. П.* Господствующий класс...). С. 279—303.

² См.: *Михаљчић Р.* Крај... С. 39—205.

³ О пожаловании Вукашину королевского титула см.: *Острогорски Г.* Серска област после Душанове смрти // *Острогорски Г.* Сабрана дела. Београд, 1970. Књ. 4 (Византија и словени). С. 440—447 (далее — *Острогорски Г.* Серска област...); *Михаљчић Р.* Крај... С. 101—122, 126—131.

⁴ В это время еще был жив двоюродный брат царя Уроша Иоанн Урош — сын Симеона, «полубрата» (т. е. сводного брата) Душана (ум. ок. 1422—123 гг.). Он, однако, в 1372 г. принял монашество и тем самым «умер для мира» (см.: *Суботић Г.* Почеди монашког живота и црква манастира Срећења у Метеорима // ЗМС за ликовне уметности. Нови Сад, 1966. [Књ.]. 2. С. 127—181.

⁵ См.: *Острогорски Г.* Серска област... С. 440—442.

⁶ См.: *Ивановић М.* Натпис младог краља Марка са цркве св. Недеље у Призрену // Зограф. Београд, 1967. Књ. 2. С. 20—21; *Наумов Е. П.* Южнославянский эпос и проблемы сербского средневековья // Славянский и балканский фольклор. М., 1971. С. 41; *Томовић Г.* Морфологија ћириличких натписа на Балкану. Београд, 1974 (далее — *Томовић Г.* Морфологија...). С. 77. № 63, сл. 63; *Михаљчић Р.* Крај... С. 120—121, 210—211; *Он же.* Владарске титуле обласних господара. Београд, 2001 (= *Михаљчић Р.* Сабрана дела. Књ. 6; далее — *Михаљчић Р.* Владарске титуле...). С. 247—265.

⁷ *Михаљчић Р.* Крај... С. 210—211.

⁸ Там же. С. 211.

⁹ См.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс... С. 290—292; Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995 (далее — Этническое самосознание...). С. 161—162.

¹⁰ *Динић М.* Српска владарска титула за време Царства // ЗРВИ. Београд, 1958. Књ. 5. С. 9—19.

¹¹ *Михаљчић Р.* Крај... С. 206—261. Он же.

¹² О титуле князя («кнеза») в сербском средневековье см.: *Михаљчић Р.* Владарске титуле... С. 88—103.

¹³ См.: *Острогорски Г.* Автократор и самодржац // *Острогорски Г.* Сабрана дела... (далее — *Острогорски Г.* Автократор...). С. 336.

¹⁴ *Јагић В.* Константин Философ и његов Живот Стефана Лазаревића, деспота српског // ГСУД. Београд, 1875. Књ. 42 (репринт — Горни Милановац, 2004; далее — *Јагић В.* Константин Философ...). С. 257; *Куев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки / Изследване и текст. София, 1986 (далее — *Куев К., Петков Г.* Събрани съчинения...). С. 357, 360, 372.

¹⁵ *Јиречек К.* Историја Срба / Предео и допунио Ј. Радонић. 2-о, испр. и доп. изд. Београд, 1978. Књ. 2. С. 24; *Острогорски Г.* Серска област... С. 447; *Михаљчић Р.* Владарске титуле... С. 104—113. Старшии сын Бранка Младеновича Гргур имел титул кесаря.

¹⁶ *Стојановић Љ.* Старе српске повеље и писма. Београд; Сремске Карловци, 1929. Књ. 1/1, № 45.

¹⁷ *Јазић В.* Константин Философ... С. 257; *Куев К., Петков Г.* Събрани съчинения... С. 372.

¹⁸ *Михаљчић Р.* Крај... С. 206—207.

¹⁹ Подробнее о значении королевского титула Твертка и причинах его принятия см.: Этническое самосознание... С. 182—183 (здесь же обзор предшествующих мнений по этому вопросу).

²⁰ Об употреблении сербскими правителями этого времени титула «самодержец», «самодержавный господин» см.: *Острогорски Г.* Автократор... С. 336—337.

²¹ Об употреблении в правительском титуле преемников Душана (Уроша, Вукашина и деспота Углеши) формулы «...Сербов и Греков» см.: *Он же.* Серска област... С. 454—455; *Михаљчић Р.* Крај... С. 126—128, 138.

²² См., к примеру: *Наумов Е. П.* Господствующий класс... С. 281.

²³ Первое упоминание памятника в связи с особенностью титулатуры Вука см.: Этническое самосознание... С. 162, примеч. 4. К сожалению, здесь допущена досадная оплошность в датировке — 1386 г. в.м.: 1378/79.

²⁴ См.: *Lambros Sp.* Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Cambridge, 1900. Vol. 2. P. 280—461 (описание включает 1028 номеров греческих рукописей собрания).

²⁵ В новейшем исследовании греческой рукописной традиции «Вопросов и ответов Анастасия Синаита» (*Бибииков М. В.* Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.). М., 1994. С. 244) дана лишь ссылка на сведения, полученные от автора этой статьи.

²⁶ О рукописях и книжных собраниях, связанных с семейством Бранковичей, см., напр.: *Радојичић Ђ. Сп.* Творци и дела старе српске књижевности. Титоград, 1963. С. 389—391; *Цернић Л.* Писари Грачаничког (Липланског) пролога-минеја (Атрибуција рукописа као могућност реконструкције грађе скрипторија) // АП. Београд, 1979. Бр. 1. С. 133—138; *Приватни живот у српским земљама средњег века / Припремили С. Марјановић-Душанић, Д. Поповић.* Београд, 2004. С. 464.

²⁷ О связях монастыря с Бранковичами см.: *Ђоровић В.* Света Гора и Хиландар до шеснаестог века. Београд, 1985. С. 150—151, 169, 175—178; *Суботић Г.* Обнова манастира Светог Павла у XIV в. // ЗРВИ. Београд, 1983. Бр. 22. С. 250—260; *Кораћ Д.* Света Гора под српском влашћу (1345—1371). Београд, 1992 (= ЗРВИ. Бр. 31). С. 133.

²⁸ В настоящее время в библиотеке Пантелеймонова монастыря находятся две сербские рукописи, происходящие из собрания обители Св. Павла: Слав. 17 (Хроника («Летовник») Георгия Амартола, переписанная в 1387 г. для Вука Бранковича), и Слав. 28 (Сборник аскетический 1364 г.). Их описание см.: *Tachiaos A.-E. N.* The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981. P. 47—49, 77—79; о происхождении из монастыря Св. Павла: *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. 2-е изд. Казань, 1877. С. 23—24; *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Београд, 1902 (репринт — 1982). Књ. 1, № 157 (Хроника); Ср. Карловци, 1923 (репринт — Београд, 1986). Књ. 4, № 6043 (Сборник).

²⁹ В графике и орфографии обоих текстов много общего (например, характерное употребление выносных букв Е и ѿ), но писец второго часто употребляет к, которое в первом не встречается.

³⁰ Всеми комплексу славянских текстов и записей в рукописи Пант. Греч. 1187 был посвящен мой неопубликованный доклад «Сербские тексты эпохи Косовской битвы» на традиционной конференции «Вуковы дни» в Белграде в сентябре 1989 г.

³¹ Осенью 1983 г. ни автор, ни экспедиция в целом не имели, разумеется, такой возможности.

³² Нельзя исключить, впрочем, что в последнем случае в рукописи написан не просто х, а выносная лигатура с точкообразной нижней частью. Если это так, то пример следует причислить к сведениям о выносных гласных.

³³ О графических особенностях сербских канцелярских почерков XIV в. см.: *Чремошник Г.* Српска дипломатска минускула // Slovo. Zagreb, 1963. Knj. 13. С. 119—137; *Ђорђевић П.* Историја српске ћирилице. Београд, 1987 (далее — *Ђорђевић П.* Историја...) С. 123—125, 139—142, 148—150.

³⁴ Можно лишь с уверенностью сказать, что текст на л. 6 об. — 7 в Пант. Греч. 1187 и грамоту Вука Бранковича (до 1390 г.) общине Дубровника (см.: *Ђорђевић П.* Историја... С. 350, сл. 148) писали разные люди.

³⁵ Выносное Э можно встретить несколько раз в грамоте деспота Иоанна Оливера 1337 г. монастырю св. Димитрия «в Кочанах» (Там же. С. 339, сл. 137), но это тоже не слишком характерный пример.

³⁶ Например, в уже упоминавшейся надписи 1370—1371 гг. «молодого короля» Марка в Призрене (Там же. С. 301, сл. 89; *Томовић Г.* Морфологија... С. 77. № 63, сл. 63; *Михальчић Р.* Крај... С. 120—121).

³⁷ В особенности это относится к «подписям» царя Уроша на грамотах мелничкому митрополиту Кириллу 1356 г. (см.: *Михальчић Р.* Хрисовуља цара Уроша Мелничком митрополиту Кирилу (1356, мај) // ССА. Београд, 2003. Књ. 2, вклейка между с. 88 и 89), властелям Котора 1357 г. (*Он же.* Мљетске исправе цара Уроша (10. и 24. април 1357. године) // Там же. Београд, 2004. Књ. 3, вклейка между с. 74 и 75), Дубровнику того же года (Там же, вклейка между с. 80—81), и Хиландарю 1361 г. (*Ђорђевић П.* Историја... С. 345, сл. 143).

³⁸ Подробнее см. о ней: *Заимов Ђ.* Битолски надпис на Иван-Владислав, самодржец български / Старобългарски паметник от 1015—1016 г. София, 1970; *Томовић Г.* Морфологија... С. 33, № 4, сл. 4а.

³⁹ Там же. С. 110, № 107, сл. 107.

⁴⁰ Ср., напр., аренгу в жалованной грамоте короля Стефана Уроша III Дечанскому монастырю 1330 г. (*Ивић П., Грковић М.* Дечанске хрисовуље. Нови Сад, 1976. С. 62, 63, 75). О литературных и жанровых особенностях аренг в памятниках средневековой сербской дипломатики см.: *Трифуновић Ђ.* Азбучник српских средњовековних књижевних појмова. 2-е изд. Београд, 1990. С. 24—26; *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980. С. 180—182; Лексикон српског средњог века. Београд, 1999. С. 15.

⁴¹ См.: *Давидов А., Данчев Г., Дончева-Панайотова Н., Ковачева П., Генчева Т.* Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. София, 1983. С. 100—106, 112.

⁴² *Јагић В.* Константин Философ... С. 285—287 (гл. 51, описание Белграда), 288—289 (гл. 52, описание Ресавы); *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения... С. 393—395, 396—397.

⁴³ «Даст же и освобождение граду тому от всачьскихъ вещей. Даст же и завет сиим с всакиим утврждением не поколебатисе, в нем же и благодати Божие, еже на нем бывшее свободи от порабошениа пишет. И печать злату, имущию образ града, подает» (*Јагић В.* Константин Философ... С. 287; *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения... С. 395).

⁴⁴ См.: Павловић Л. Култови лица код Срба и Македонаца: Историјско-етнографска расправа. Смедерево, 1965. С. 56—71.

⁴⁵ Правку цифры в данном случае можно объяснить по аналогии с другой рукописью, также связанной с Вуком Бранковичем, но несколько более поздней — 1387 г. Это уже упоминавшаяся (см. примеч. 27) Хроника Георгия Амартола Пант. Слав. 17. Здесь в записи писца на л. 252 об., в дате 6895 последние три цифры (ω̄ῑ) написаны им самим по выскобленному. При внимательном рассмотрении оказывается, что писец первоначально написал букву Ц (стандартное числовое значение — 900) и лишь потом исправил ее на ω; а поскольку последняя значительно шире Ц, ему пришлось сдвинуть вправо также цифры десятков и единиц. Подобное исправление описки может иметь несколько объяснений. Самое простое: ω в южнославянской традиции может иметь двойное числовое значение — 700 (влияние глаголической цифровой системы) и (в соответствии с греческим алфавитом) 800 (см.: Симонов Р. А. Об особенностях цифровой системы, употреблявшейся в кириллических рукописях XI—XIV вв. // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 213). Писец знал о колебании в числовом значении ω и сначала написал следующую за ней по порядку Ц (подробнее о случаях употребления в славянских кириллических памятниках XIV в. Ц вместо ω см.: Калугин В. В. Ошибался ли дяк Куземка Попович (числа 800 и 900 в русской письменности XIV в.) // Русская речь. 1990. № 2. С. 109—113; Турилов А. А. К вопросу датировки и происхождения складня мастера Лукиана // Нечерпаемость источника: К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 153—154, 158—160). Но поскольку Ц и в глаголице, и (в большинстве случаев) в кириллице означает 900, он затем исправил цифру на ω. Возможно, однако, и другое объяснение, возможно, лучше подходящее к нашей ситуации: ω здесь не просто вписана другими чернилами по выскобленному, но и дублирует слово «осмосьтно». Поскольку в христианском мире, в том числе у славян, существуют две системы счета столетий — одна, жестко связанная с цифровым порядком даты, учитывающим число веков, уже прошедших, и другая (более обиходная), оперирующая порядковым номером текущего столетия (напр., современное «двадцатый век»), то вполне возможно влияние второй на первую. В этом случае при цифровой записи число веков будет обозначать текущее столетие и читать его следует с поправкой на единицу в сторону уменьшения (в случае с Хроникой Георгия Амартола — лето «шесть тысяч девятого ста девяносто пятое»). Отсюда можно предположить, что первоначально в Пант. Греч. 1187 стояла дата «лета шеститышное, девятого ста девяносто, осмосьтно, 87». Позднейший ретивый читатель привел цифру и слово в соответствие друг с другом.

⁴⁶ Единственный сопоставимый по возрасту с нашим текстом образец славянского черновика представляет старший список так называемой «Книги Фотиос» — сборника посланий и поучений митрополита Фотия (СПб., БАН, собр. Текущих поступлений, № 1103) — составная рукопись из отдельных тетрадей 1410—1420-х гг. (см.: Фотий, митр. Киевский и всея Руси. Сочинения: Книга, глаголемая Фотиос. М., 2005. С. 14—16, 23—70). Объем правки здесь очень велик, но она отличается от правки в Пант. Греч. 1187, т. к. отчасти она носит стилистический характер, отчасти же, вероятно, отражает сверку славянского текста с греческим (тоже правленным?).

⁴⁷ По сути, известен только один ранний пример бытования в средневековой славянской рукописной традиции копии с памятника эпиграфики — эпитафия на мраморной стеле («столбе»), установленной на Косовом поле в память битвы 1389 г., дошедшая в списке XVI в. (см.: Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Београд, 1905 (репринт — 1984). Књ. 3, № 4946).

⁴⁸ См., напр., уже упоминавшуюся надпись «молодого короля» Марка в Призрене (примеч. 35) или ктиторскую надпись (1403—1415 гг.) деспота Стефана Лазаревича из соборной

церкви в Белграде (*Ђорђевић П.* Историја... С. 313, сл. 103; *Томовић Г.* Морфологија... С. 96, № 89, сл. 89).

⁴⁹ Примеры титулатуры Вука в актах см.: *Мошин В.* Грамоти на монастирот св. Георги — Горг Скопски // Споменници за средновековната и поновата историја на Македонија. Скопје, 1975. Т. 1 (далее — *Мошин В.* Грамоти...). С. 239—240, примеч. 1.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² См.: *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи... Књ. 1, № 72; *Ђорђевић П.* Историја... С. 339. Сл. 137.

⁵³ См.: *Острогорски Г.* Автократор... С. 336. Об употреблении атрибута «великий» — *Михаљчић Р.* Владарска титула... С. 169—176.

⁵⁴ *Острогорски Г.* Автократор... С. 336. Возможно, впрочем, что формула, употребленная Лазарем, отражает более поздний этап оформления княжеской титулатуры, поскольку приводимые здесь примеры относятся уже к 1380-м гг.

⁵⁵ Там же. С. 335—336.

⁵⁶ См.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс... С. 291.

⁵⁷ Там же. С. 291.

⁵⁸ О наследственных и приобретенных владениях Вука см.: *Динић М.* Област Бранковића // ПКЈИФ. Београд, 1960. Књ. 26. Св. 1—2. С. 3—6; *Мошин В.* Грамоти... С. 174.

⁵⁹ О событиях 1376—1379 гг. в византийской столице см.: *Острогорски Г.* Историја Византије. Београд, 1969 (= Сабрана дела. Књ. 6). С. 503—504; *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 61—64; *Радић Р.* Време Јована V Палеолога (1332—1391). Београд, 1993.

⁶⁰ См.: *Михаљчић Р.* Крај... С. 269—270.

⁶¹ Там же. С. 273—275; *Наумов Е. П.* Господствующий класс... С. 290; *Веселиновић А.* Североисточна Србија у средњем веку // ИГ. Београд, 1987. Бр. 1—2. С. 43—74; Подробнее о княжестве Растислаличей см.: *Динић М.* Растислаличи (Прилог историји распадања Српског царства) // ЗРВИ. Београд, 1953. Књ. 2. С. 139—144.

⁶² См.: *Динић М.* Област Бранковића... С. 5—8.

⁶³ *Ђурић В.* Византијске фреске у Југославији. Београд, 1975. С. 83—84.

⁶⁴ См.: *Богдановић Д.* Историја... С. 182—189; *Кашанин М.* Српска књижевност у средњем веку. Београд, 1975. С. 276—304.

⁶⁵ Один из крупнейших знатоков средневековых южнославянских литератур, покойный академик Д. Богданович, для того чтобы подчеркнуть это значение, прибег однажды к полукосноушественному, но по сути справедливому, замечанию: «Если бы в случае какого-то несчастья все сербские рукописи вне Хиландаря пропали, а остались бы лишь хиландарские, древняя сербская литература могла бы быть реконструирована в полном объеме» (*Богдановић Д.* Перспективи књижевноисторијских истраживања у збиркама словенских рукописа Свете горе // АП. Београд, 1980. Бр. 2. С. 35). Тем более эти слова применимы к святогорскому книжному фонду в совокупности.

* * *

Текст надписи публикуется с сохранением орфографии и пунктуации оригинала, выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках. Неясные и предположительно читаемые места приводятся в квадратных скобках.

Афон, библиотека Русского Пантелеймонова монастыря, Греч. 1187, л. 6 об. — 7^а.

ω χ(с)ε̄ бѣ̄ азъ благовѣрнн г(д)нь вль(к) стѣпань^б, сннѣ благовѣрнгоω севастократора вьсе(м) срьбле(м) бранка^с. изьволенне(м) и мностинω(м) господа бѣ̄а вседръжителя, и прѣтнстне бѣ̄це, и бжѣствнн(х) стѣ̄н(х) црѣкѣ(ѣ)^д срьпскн(ѣ)^е, стѣ̄г(ω) стѣпана. и стѣ̄г(ω) снмѣона, въ ар(х)ерарсе(х)^ф трнблагенн(ω)г(ω) ѿца. хтителя и наставннка и крѣстителя все(м) срьбле(м), архнепнскѣпа стѣ̄г(ω) саве. новаг(ω) мнрото(т)ца^г, навѣшѣ мн сьвнше господхатъ и повѣлева(т) севернн(м) страна(м), градовω(м) и зѣмла(м), срьбле(м), и грѣкω(м), и подхнавнх. внде(в)шн по оставленнх бжнѣцѣх нноплѣмнн(к) воеване на род хрнстннанскн безьбωжнн(х) тѣрокѣ, не бнвшн ω(д) века х се(м) мест(е) прнчнн(е) прнбѣжнщ(е), нн т(в)рьж(д)е, госпо(т)скон главѣ, и жнвещн(м) з(д)е, и окръсть все(м) сега и места, разьмотрн(в)^в, ѣко не подобно естъ внт(н) так(ω) снѣ прекрасное местω, сто(л) бждѣшнн все(м) господω(м) снхъ странѣ. помощнω(м) вншнне десннцѣ вседръжителя господа^и бѣ̄а потѣща(в) се, потѣ(х) ω(д) основанна глѣбнн(е), и созндахъ. и доврѣшн(х) до кѣнца снн бѣ̄гзданнн прѣкраснн гра(д) како(в) и показзѣтъ с(е) окрашенъ всемъ внденне(м) и делω(м) и всакω(м) велелепотω(м), хнхътрннω(м) и надворнω(м)^ж, т(в)рьго(м)^к млогокрѣ(п)кω(м)^л, висотω(м) пр(ѣ)вншннω(м)^м, днвнω(м) и разлнтннω(м) знданне(м) [м]ωгокраснн(м)^н патѣ ннн(х) млоги(х) градω(в)^о на мѣже внше всега хъвь[дн](х) ...не(м)^п и велнкω(м) собωрнω(м) [л. 7] црѣкѣω(м) мнтрополнω(м), и бжѣствнн(м) стѣ̄тнтелѣ(м)^р, пр[ѣбшн]нн(м) мнтрополнтω(м),

^а Текст написан на свободном месте, оставшемся между греческим оглавлением «Вопросов и ответов Анастасия Синаита» и самим сочинением. На верхнем поле л. 6 об. видны нечитаемые остатки записи сербским канцелярским письмом XIV—XV вв.

^б Так в рукописи.

^с Далее в рукописи следует знак выноса (?) в виде буквы Г с длинной скошенной мачтой. Возможно, к этому знаку относилась срезанная запись на верхнем поле листа (см. примеч. а).

^д Так в рукописи.

^е То же.

^ф Слово читается с трудом, чтение предположительное.

^г Далее в тексте выскоблено одно слово. Возможно, здесь было повторено имя Симеона, из-за предшествующих слов новаг(ω) мнрото(т)ца, традиционно связанных с культом св. Симеона (Стефана Немани).

^в Так в рукописи.

^ж То же.

^з Далее в рукописи знак выноса в форме прямого равноконечного креста.

^к Слово фланкировано знаками выноса в виде вертикальной черты с точками, крестообразно расположенными посередине.

^л Перед словом знак выноса в виде перечеркнутого титла.

^м Буквы ѣѣ образуют лигатуру.

^н Две начальные буквы утрачены. Менее вероятно чтение: млогокраснн(м).

^о Текст написан почерком писца на нижнем поле. Ввиду того что он не сопровождается знаками выноса, идентичным помещенным в строке, место его включения по смыслу несколько условно.

^п Начало слова утрачено, видны выносные буквы х (или ѣ?), а и г (менее вероятно в или п).

^р Выносная буква утрачена.

и стѣнии црѣквалии[†] и монасти[ра]и, и благодѣтелии съвещеници нерен, и славосло[виемь] бжѣи(и). и окрепи(х) всеи закони(и) бжѣствинни, црѣскии и црѣковинни[‡], како бгъ въ не(и) славн(т) се. и госпо(т)скон гла[вѣ] крепость и ст(в)ръждение да бжде(т) и родъ христаньскомъ пр[и]бежище[†].

сеиъ тако б(г)зкрепленьнии делн доврши(в)[шѣ се] въ лето 5^и ѿ осмосьти(о) пз^в, бгъ славъ въдаем(ѿ) въ вѣки векоу. аминь.

1

[†] Так в рукописи.

[‡] То же.

[†] Далее в рукописи знак креста, подобный букве А в хорватской глаголице (перекладина с отворотами).

^и Цифра написана по выскобленному, другими чернилами.

^в Далее выскоблено слово.

Когда краль Марко менялся женами?
(к датировке сербской Минеи праздничной из собрания
А. И. Хлудова (ГИМ), № 164)

В последние два с половиной десятилетия пергаменная Минея праздничная последней трети XIV в. сербского извода № 164 из Хлудовского собрания ГИМ привлекает особое внимание исследователей-палеославистов богатым набором памятников древнейшей (IX—X вв.) славянской гимнографии¹. Помимо давно уже отмеченного списка службы Константину-Кириллу Философу² она содержит также канон Димитрию Солунскому 4-го гласа, традиционно относимый к начальному этапу славянской гимнографии (так называемый «Мефодиев»)³, предпраздничные стихирьы Рождеству со славянским азбучным акростихом⁴ и «ямвический» канон празднику Константина Преславского⁵, цикл предпраздничных стихирь с азбучным акростихом⁶ и канон на Богоявление гласа 2 со славянским текстовым акростихом⁷; часть канона Симеону Богоприимцу Климента Охридского⁸, служба Ахиллию, еп. Ларисскому⁹, комбинированный канон гласа 4-го, включающий песнопения канона Климента (с именованным акростихом КЛИМ в 9-й песни) на Успение Богородицы¹⁰. Архаизм состава Праздничной Минеи Хлуд. 164, следующей за Студийским уставом, но переписанной в эпоху широкого распространения на славянском Юге Иерусалимского типика, отражает консерватизм, присущий части продукции скрипториев Македонии (преимущественно, очевидно, малых) второй половины XIV—XV вв., использующих сербскую орфографию¹¹.

С палеографической точки зрения кодекс достаточно хорошо охарактеризован П. А. Лавровым¹² и М. М. Панковой¹³, но датировка по письму¹⁴, разумеется, не может быть более узкой, чем покоящаяся на исторических свидетельствах, тем более что к палеографическому анализу памятник привлекался как относительно точно датированный (в пределах четверти века).

Рукопись приобрела широкую известность среди историков и филологов-сербистов задолго до того как тема гимнографического творчества учеников Кирилла и Мефодия заняла свое достойное место в палеославистике. Причина этому заключается в «выходной» записи одного из писцов¹⁵ кодекса, дьяка Добре, ставшей хрестоматийной буквально с момента ее публикации А. Н. Поповым в 1872 г. С тех пор она издавалась по подлиннику, перепечатывалась и пересказывалась бесчисленное количество раз¹⁶, вновь и вновь привлекая к себе внимание нестандартной ситуацией, описанной в начальной ее части, которая, судя по всему, потрясла и воображение книгописца, посчитавшего казус достаточным для определения времени своей работы. Приведем и мы эту начальную часть, которая, по словам

сербского исследователя, представляет «более чем забавное свидетельство о психологии средневековых вельмож, и специально о личности краля Марка»¹⁷:

писа се сна книга оу порѣти. оу селѣ зовомь калогерець. въ дны бѣговѣрнаго крѣла
марка. кг(д)а ѿдаде фодору гръгоровоу женоу хлапену. а оузе женоу свою. прьвовѣнтанну.
клену хлапенову дѣщере¹⁸.

Сюжет, что и говорить, скандальный, и сам собой напрашивается в песенный цикл о фольклорном Марке королевиче (что-нибудь вроде: «Марко меняется женами» или «Марко мирится с тестем»), куда он как раз и не попал.

Сведения, сообщаемые записью, относительно датируют рукопись с точностью до четверти века на основании упоминания краля Марка, ставшего самостоятельным правителем после гибели отца (краля Вукашина) в битве с турками на Марице (26 сентября 1371 г.) и сложившего голову при Ровинах (Валахия) в битве с войском валашского воеводы Мирчи Старого (17 мая 1395 г.)¹⁹ как вассал султана Баязида²⁰. Обычно датой 1371—1395 (1394) гг. исследователи и удовлетворяются²¹, однако она может быть существенно сужена, при этом не на основании спекулятивных построений, а исходя из надежных, хотя и косвенных, свидетельств. Датирующий потенциал имен, содержащихся в записи, задействован до настоящего времени не полностью. Речь не идет, разумеется, о писце, его родственниках и заказчике (не говоря уже о двух кузнецах — Ф(е)одоре и Мирославе, которых писцы благодарят в особых маргиналиях за качество перочинных ножей²²). Не лучше обстоит дело и с обеими женами краля Марка. Ф(е)одора пережила Марка, ее имя фигурирует в дубровникском документе 1398 г.²³; о существовании Елены известно лишь из данной записи (хотя, разумеется, нельзя исключать полностью возможность того, что когда-нибудь будет найдена ее надгробная плита — см. также ниже). Упоминание первого мужа Ф(е)одоры Гргура (о котором ниже) имеет в данном случае лишь второстепенное значение. Иное дело тесть Марка Радослав Хлапен — вельможа царя Душана, а в рассматриваемое время владетель Верии (Бера), Водена и Кастории (Костура) в Македонии²⁴. О времени его смерти имеется косвенное свидетельство (*terminus post quem*), позволяющее опустить верхнюю планку датировки Миней сразу на десятилетие. Дело в том, что Марко не был его единственным зятем, вторым был происходивший из знатного влашского семейства Багашей Никола Балдовин²⁵, брат одного из двух основателей афонского монастыря Св. Павла — Арсения (в монашестве Антония) Багаша²⁶. Как свидетельствует греческая жалованная грамота Николы этому монастырю, датированная 6893 г. (сентябрь 1384 г. — август 1385 г.), он дал вкладом в святогорскую обитель монастырь Богоматери (Месо) Нисиотиссы (ныне Мавриодиссы) в Кастории, возобновленный его тестем²⁷. Это может означать только одно — по крайней мере к августу 1385 г. Хлапен был мертв и его ктиторией распоряжался зять-наследник²⁸. Еще одно обстоятельство позволяет думать, что это произошло несколько ранее — не позднее начала 1385 г. Сравнительно недавно обнаружен и опубликован отрывок без даты славянской жалованной грамоты Николы Балдовина на два «селища» самому монастырю Нисиотиссы, которая по времени может только предшествовать греческой святопавловской²⁹ (едва ли между ними не было никакого временного промежутка).

Внутри существенно сократившегося теперь хронологического отрезка датировки Минеи ГИМ, Хлуд. 164 (после 26 сентября 1371 — 1384 гг.) наиболее предпочтительной выглядит середина — вторая половина 1370-х гг. Ф(е)одора, вероятно, овдовела не позднее начала 1370-х гг.³⁰, ее муж Гргур Бранкович³¹ упоминается последний раз в источниках между 1365 и 1371 гг.³², однако это определяет в первую очередь время ее брака с Марком, а не вынужденного развода. Молчание писца Хлуд. 164 об отце Марка указывает, скорее всего, что после битвы на Марице (26 сентября 1371 г.), в которой погиб Вукашин, уже прошло какое-то время. Повторный брак Марка с дочерью Хлапена (в отличие от союза с Ф(е)одорой), вероятно, еще более, чем в первый раз, был продиктован необходимостью военно-политического союза с областными правителями в Македонии³³, и это позволяет предположить наиболее вероятное время «обмена женами». После гибели отца и дяди (серрского деспота Углеши) в сентябре 1371 г. Марк остался по сути королем без войска (во всяком случае, достаточного, чтобы удерживать все отцовские владения), однако последствия этого сказались не сразу даже после смерти царя Уроша в декабре того же года. Основные военно-политические события на территории северной половины бывшего царства Душана разворачивались первоначально севернее державы Марка, где шла борьба между князем Лазарем и его союзниками с одной стороны и Николой Алтомановичем — с другой³⁴. Ситуация изменилась после окончательного разгрома Николы в 1373 г. Ко второй половине 1370-х гг. Марк был вытеснен победителями из северной части отцовской державы в Македонию, утратив (по свидетельству Мавро Орбини) в 1375 г. Приштину³⁵, а в 1377 г. и Призрен. Около этих дат (начало и конец периода в данном случае практически равновероятны) он и должен был, скорее всего, искать себе союзников (порой, как видим, весьма экстравагантным путем), что в конечном итоге и определяет предполагаемую узкую датировку Хлудовской Минеи Праздничной № 164.

Примечания

¹ Описание кодекса см.: *Попов А. Н.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати А. И. Хлудова. М., 1872 (далее — *Попов А. Н.* Описание...). С. 345—347; *Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л.* Българското средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Държавния исторически музей в Москва: Каталог. София, 1999 (далее — *Николова С. и др.* Българското средновековно културно наследство). С. 46—48, № 40 (с библиографией).

² Текст издан: *Мирчева Б.* Препис на Службата за Кирил в ръкопис № 164 от сбирката на А.И. Хлудов в Държавния исторически музей в Москва // *Palaeobulgarica*. 1998. № 4. С. 42—49.

³ *Николова С. и др.* Българското средновековно културно наследство... С. 47; Список использован в разночтениях в критическом издании текста: *Matejko L.* Život stredovekého textu. O tzv. Metodovom kánone sv. Dimitrovi Solúnskemu. Bratislava, 2004. S. 48—83.

⁴ *Попов Г.* Триодни произведения на Константин Преславски. София, 1985 (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 2; далее — *Попов Г.* Триодни произведения...). С. 47; *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1988 (далее — *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски...). С. 145—147.

⁵ Попов Г. Канон за Рождество Христово от Константин Преславски // *Palaeobulgarica*. 1998. № 4. С. 15—16.

⁶ Николова С. и др. Българското средновековно културно наследство... С. 47.

⁷ Попов Г. Триодни произведения... С. 51. Атрибуция этого анонимного текста Клименту Охридскому (Николова С. и др. Българското средновековно културно наследство... С. 47) произвольна. Перу Климента принадлежит канон на Богоявление гласа 4 с традиционным акростихом-«подписью» КЛИМ в 9-й песни, недавно обнаруженный автором этих строк в сербской Минее праздничной кон. XIII — нач. XIV в. (ГИМ, Муз. 2835).

⁸ Станчев К., Попов Г. Климент Охридски... С. 145—147.

⁹ Николова С. и др. Българското средновековно културно наследство... С. 47.

¹⁰ Мошкова Л. В., Турилов А. А. Неизвестный памятник древнейшей славянской гимнографии (канон Климента Охридского на Успение Богородицы) // *Славяноведение*. 1999. № 2. С. 24, 26; Мошкова Л. В. Два комбинированных канона на Успение Богородицы (принципы объединения) // *Palaeobulgarica*. 2000. № 1. С. 53—76.

¹¹ Достаточно упомянуть здесь рукопись 1435 г. София, НБКМ, № 122, содержащую Минею Праздничную и Общую (см.: Цонев Б. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София. София, 1910. [Т. 1]. С. 89—91; Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. Кн. 3. С. 21): первая из них включает единственный известный список древнейшей славянской службы Клименту Охридскому, а вторая представляет авторский вариант этого богослужебного сборника, созданный Климентом (Станчев К., Попов Г. Климент Охридски... С. 114, 135—138). О специфике сохранения в регионе древнейших славянских литературных памятников см.: *Turilov A. La letteratura slava ecclesiastica delle origini. Storia e geografia della tradizione manoscritta* // *Incontri linguistici*. Pisa; Roma, 2005. Vol. 28. P. 21—22, 24—25 (а также соответствующий русский текст этой статьи — «Судьба древнейших славянских литературных памятников в средневековых национально-региональных традициях» — в наст. сб.).

¹² Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма, Пг., 1914 (= ЭСФ. Вып. 4.1). С. 222—223, № 21.

¹³ Панкова М. М. Письмо сербских рукописей XIV в. // *Русская книжность: Вопросы источниковедения и палеографии*. М., 1998 (= Труды ГИМ. Вып. 95). С. 145 (таблица), 149. Впрочем, как это нередко бывает, разнесенные по графам начертания отдельных букв, дают слабое представление об общем характере письма.

¹⁴ Образец одного из почерков см.: Николова С. и др. Българското средновековно културно наследство... Обр. 121.

¹⁵ П. А. Лавров (Палеографическое обозрение... С. 223) выделяет в рукописи особый почерк, которым переписаны службы Цветной Триоди на л. 171—184. Основная часть кодекса на предмет количества почерков детально не исследована, однако упоминание в маргиналиях (л. 110 об. и 126 об. имен двух кузнецов (Ф(е)одора и Мирослава), ковавших перочинные ножи, свидетельствуют как минимум о двух переписчиках.

¹⁶ См., например (перечень публикаций далеко не полон): Попов А. Н. Описание... С. 346; Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Београд, 1902 (репринт — 1982). Књ. 1 (далее — Стојановић Љ. Стари српски записи...). С. 58—59, № 189; Снегаров И. История на Охридската архиепископия. София, 1924 (репринт — 1995). Т. 1. С. 345; Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольшиенко В. С. Описание пергаментных рукописей ГИМ (Ч. 2. Рукописи болгарские, сербские, молдавские) // *Археографический ежегодник* 1964. М., 1965. С. 297—298; Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 293—294; Поп-Атанасов Ѓ., Велев И., Јкимовска-Тошиќ М. Скрипторски центри во средновековна Македонија. Скопје, 1997. С. 86;

Николова С. и др. Българското средновековно културно наследство... С. 47. К сожалению, большинство из этих публикаций страдают неточностями в прочтении и передаче текста.

¹⁷ *Кашанин М.* Српска књижевност у средњем веку. Београд, 1975. С. 304.

¹⁸ *Николова С. и др.* Българското средновековно културно наследство... С. 47.

¹⁹ Майская датировка сражения в 1395 г. обоснована Дж. Сп. Радоичичем (*Радојичић Ђ. Сп.* Откуда летописима 10 октобар као датум битке на Ровинама // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1936. Књ. 16. Св. 2. С. 322—323). До того в литературе была распространена дата 10 октября (с колебаниями — 1394 или 1395 г.), восходящая к известию ряда сербских летописей (обзор мнений см.: *Куев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки. Изследване и текст. София, 1986 (далее — *Куев К., Петков Г.* Събрани съчинения...). С. 465—466). Этим объясняется датировка 1371—1394 гг. записи в Хлуд. 164 у Л. Стояновича (см. примеч. 16), и разницей в датах на с. 441 и 445—446 в исследовании К. Куева и Г. Петкова.

²⁰ См., например: *Куев К., Петков Г.* Събрани съчинения... С. 441, 465—466.

²¹ Это относится, собственно, к работам южнославянских исследователей (см., напр. примеч. 16, 17), в отечественных публикациях (см. примеч. 12 и 16) запись дается обычно без хронологического комментария. Мне известны только два исключения: М. М. Панкова (см. примеч. 13) датирует рукопись 1371—1372 гг., не приводя аргументации; в статье Л. В. Мошковой (Два комбинированных канона... С. 53) приведена дата 1371—1377 гг. со ссылкой на мнение автора этих строк. Ее обоснованию и уточнению и посвящена данная статья.

²² См.: *Стојановић Љ.* Стари српски записи... С. 58—59, № 189—191; *Николова С. и др.* Българското средновековно културно наследство... С. 47.

²³ См.: *Jorga N.* Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades. Paris, 1899. Vol. 2. P. 63; *Динић М.* Област Бранковића // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1960. Књ. 26. Св. 1—2. С. 29.

²⁴ Подробнее о нем см.: *Михаљчић Р.* Крај Српског царства. Београд, 2001 (= *Михаљчић Р.* Сабрана дела. Књ. 1; далее — *Михаљчић Р.* Крај...). С. 19, 22—23, 107, 109, 130, 140—141, 189—190, 206, 214, 299.

²⁵ О нем см.: *Радојичић Ђ. Сп.* Феудална породица Багаш из Врања (XIV и почетком XV в.) // Врањски гласник. Врање, 1965. Књ. 1 (далее — *Радојичић Ђ. Сп.* Феудална породица...). С. 20—21; *Михаљчић Р.* Крај ... С. 94—95, 175.

²⁶ *Радојичић Ђ. Сп.* Феудална породица... С. 20—21.

²⁷ *Vinon S.* Les origines legendaires et l'histoire de Xeropotamou et Saint Paule de l'Athos. Louvain, 1942. P. 265—268; *Каждан А. П.* Два поздние-византийских акта из собрания П. И. Севастьянова // Византийский временник. М.; Л., 1949. Вып. 2. С. 319—320; *Радојичић.* Феудална породица... С. 21—22; *Синдик Д.* Српске повеље у светогорском манастиру Светог Павла // Мешовите грађе Историјског Института. Београд, 1978. Књ. 6 (далее — *Синдик Д.* Српске повеље...). С. 183.

²⁸ То обстоятельство, что Никола Балдовин единолично распоряжался судьбой монастыря, может служить косвенным свидетельством, что к моменту смерти Хлапена он был его единственным зятем — т. е. жена Марка Елена к тому времени тоже умерла.

²⁹ *Синдик Д.* Српске повеље... С. 186—187, № 1. К сожалению, для датировки грамоты ничего не дает такое важное свидетельство, как констатация в ней вассальной зависимости ктитора от султана Баязида («хотещу ми ити к великому самодержцу султану» — с. 187), поскольку дата подчинения Кастории (Костура) османам надежно не установлена (см.: *Попов Б.* Охрид и Охридска област во XIII-от и XIV-от век // Годишен зборник на Филозофски факултет на универзитетот — Скопје. Скопје, 1984. Кн. 11 (37). С. 48. Скорее.

наоборот, грамота Николы Балдовина Багаша монастырю Нисиотиссы, составляет *terminus ante quem* при определении этого события. Возможно, это случилось одновременно с завоеванием турками Серр, которое как предполагает Г. Острогорский (Византија и словени. Београд, 1970 (= Сабрана дела. [Књ. 4]). С. 256) произошло в 1384 г.

³⁰ Хотя Ф(е)одора названа в записи женой, а не вдовой («вдова», «вдовица») Гргура, нет оснований сомневаться в ее вдовственном положении. Едва ли Марк (даже если он по характеру соответствовал своему фольклорному отражению) рискнул бы испортить отношения сразу с двумя могущественными семействами — бывшего тестя и Бранковичей, уведя жену от живого мужа.

³¹ О том, что речь идет о Гргуре Бранковиче, а не соименном ему Голубиче, свидетельствуют материалы дубровнического архива (см. примеч. 23).

³² В записи писца на Апостоле апракос (РНБ, собр. А. А. Титова, № 3365) сообщается, что Гргур дрѣжаше... пологъ... въ днѣ влъкашна краля (*Стојановић Љ.* Стари српски записи... Сремски Карловци, 1923 (репринт — Београд, 1986). Књ. 4. С. 14, № 6054), т. е. между летом 1365 г. (о времени принятия Вукашином королевского титула см.: *Острогорски.* Византија и словени. С. 443—447) и осенью 1371 г. Вполне вероятно, что Гргур и погиб вместе с союзером на Марице, хотя не исключено, что он умер еще раньше.

³³ Об обширных родственных связях Хлапена (и, соответственно, потенциальных союзниках для Марка) см.: *Радојичић Ђ. Сп.* Феудална породица... С. 21—22; *Наумов Е. П.* Свидетельства исторических источников о Марке Кралевице // Прилози Оделения за општествени науки Македонске Академије за науките и уметностите. Скопје, 1979. Кн. 9/2. С. 39—40. Но, на мой взгляд, Е. П. Наумов необоснованно относит ко времени после Марицкой битвы не только повторный, но и первый брак Марка с дочерью Хлапена (Там же. С. 40).

³⁴ См., напр.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975. С. 290.

³⁵ См.: *Михальчић Р.* Крај ... С. 233, 254; Факт перехода Приштины около этого времени под власть союзника Лазаря — Вука Бранковича косвенно подтверждается градозданной надписью последнего, дошедшей в современной событиям копии (см.: *Турилов А. А.* Последний отголосок идеи «Царства Сербов и Греков» (Градозданная надпись Вука Бранковича 1378—1379 г.) // Славяне и их соседи. М., 1998. Вып. 8 (Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы). С. 134—135 (здесь опечатка: 1371 вм. 1375).

**Ранний славянский список календарных эпиграмм
Николая Калликла («Птохопродрома»):
к вопросу о времени перевода**

Стихотворные календарные эпиграммы (монологи месяцев с медицинско-диетическими рекомендациями византийского медика («архиятра» и «наставника врачей») и поэта XI—XII в. Николая Калликла¹ для средневековой православной славянской книжности (и прежде всего русской) представляют довольно нетипичное, почти экзотическое, явление². Из литературного конвоя памятника в содержащих его сборниках (см. ниже), видно, что этот небольшой текст воспринимался славянскими книжниками не как образец высокой календарно-медицинской поэзии (о стихотворной природе текста книгописцы (во всяком случае, позднейшие), кажется, не вполне догадывались), а скорее как полуапокрифический (не вполне канонический, но и не до конца запретный) текст из разряда прогностической и околоастрологической литературы, относящийся к сфере «внешней мудрости»³. Рукописная традиция текста изучена весьма слабо, однако с достаточной уверенностью можно сказать, что у южных славян памятник широкой известности не получил — ни в обобщающих трудах и справочниках по истории болгарской⁴ и сербской⁵ литератур, ни в исследованиях и хрестоматиях, посвященных «естественнонаучной» проблематике в книжности южных славян⁶, этот цикл, насколько знаю, не упоминается. В древнерусской традиции ситуация может существенно отличаться — даже без дополнительных разысканий помимо двух списков XV в., опубликованных Н. С. Тихонравовым⁷ (РГБ, собр. ТСЛ фонд., № 177 и 762), можно предполагать значительное их число в рукописях XVII в. (последние, правда, едва ли представляют интерес для ранней истории текста).

Текст стихотворного цикла — как установил В. К. Былинин — представлен в славянских списках двумя редакциями, восходящими к одному переводу⁸. Старшая — южнославянская — представлена списком второй четверти XVI в. (РГБ, Музейное собр., № 921)⁹, младшая — русская — содержится в уже упоминавшихся списках из собрания Троице-Сергиевой Лавры, привлеченных к изданию Н. С. Тихонравовым. Русские списки анонимны, в монологах отдельных месяцев отсутствуют (вероятно, из-за невнимательного копирования) отдельные стихи¹⁰. В Музейной рукописи авторство цикла приписано Птохопродрому («Петьхопродромови стихове»), текст в целом соответствует греческому оригиналу.

Южнославянское происхождение перевода не вызывает особых сомнений (хотя с учетом датировки списков восточнославянский вариант может, в принципе, показаться и не таким уж невероятным) — настолько текст цикла в Музейном

списке сохраннее, чем в обоих Троицких. Более точно определить место перевода в пределах балканского региона, пользующегося церковнославянским языком и кириллической письменностью (включающего помимо Болгарии и Сербии также Молдавию и Валахию), можно лишь с достаточной долей условности, во всяком случае, уверенное отнесение В. К. Былининым перевода этого стихотворного цикла к числу сербских никак не аргументировано. Кодекс РГБ, Муз. 921 несомненно славяно-румынского происхождения. Правописание рукописи — выдержанное среднеболгарское (что при ее датировке практически исключает территорию собственно Болгарии и Македонии, где во второй четверти XVI в. пользовались преимущественно сербской ресавской орфографией¹¹), почерк — каллиграфический литургический полуустав тырновского типа¹² — более характерен для молдавских рукописей, чем для валашских¹³ (хотя состав сборника, наоборот, указывает скорее на Валахию¹⁴ — возможно, речь идет о молдавском списке с промежуточного валашского кодекса). Однако румынские земли из числа кандидатов на место перевода стихов Калликла можно с уверенностью исключить, поскольку для XV—XVI вв. неизвестно ни одного достоверного примера перевода древних текстов, выполненных здесь с греческого на славянский. Состав кодекса, несмотря на его среднеболгарскую орфографию, указывает скорее на сербское происхождение архетипного списка. Основную часть рукописи занимает Хроника Георгия Амартола в среднеболгарском переводе XIV в. (так называемый «Летовник»), широко распространенном в сербских списках этого столетия¹⁵, но неизвестным в собственно болгарских; то же следует сказать и о дополнительных астрологических и прогностических статьях¹⁶. Но даже при сербском происхождении переводчика местом перевода была скорее всего не Сербия, а Афон — традиционный центр книгописной и переводческой деятельности православных славян в XIII — середине XV в.

Еще меньше на основании известных списков можно сказать о времени перевода. Наличие русского списка третьей четверти XV в., содержащего уже сокращенную редакцию текста, позволяет датировать его не позднее середины этого столетия.

Поэтому во всех отношениях важным оказывается выявление сербского списка, хотя и дефектного (сохранилось менее трети текста), но более чем на полвека отстоящего от старшего из известных до сих пор. Более того, список хотя и не имеет даты написания, но датируется по существу с точностью до года, а его писец (устанавливаемый на основании надежной атрибуции почерка) давно известен как авторитетный афонский книгописец рубежа XIV—XV столетий.

Новый список календарных эпиграмм Николая Калликла входит в состав дополнительных статей Служебника ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 114, где занимает оборот листа 265. Кодекс принадлежит, по всей вероятности, к числу рукописей, привезенных А. Ф. Гильфердингом из поездки в Болгарию и Македонию в 1868 г.¹⁷, и имеет довольно подробное (хотя и не исчерпывающее) печатное описание¹⁸. Уже в наши дни М. М. Панкова (Черниловская) опубликовала работу, в значительной мере посвященную палеографии и кодикологии рукописи¹⁹. Она датировала кодекс по филиграммам началом XV в. и надежно атрибутировала основной почерк (кото-

случае вполне оправданное и понятное «шипок»³⁰. Напрашивается предположение, не был ли первоначальный перевод эпиграмм ученическим опытом на маленьком тексте, позднее решительно исправленным наставником-редактором? Однако столь соблазнительная версия представляется чересчур поспешной, поскольку в славистике недостаточно исследован сам принцип отбора лексических вариантов при переводе. Остается ограничиться пока замечанием, что судьба славянского перевода календарных эпиграмм Николая Каллика оказывается более сложной, чем предполагалось до настоящего времени, а сам он был выполнен, по всей вероятности, сербами на Афоне не позднее рубежа XIV—XV вв.³¹ И хотя все известные списки памятника встречаются в окружении календарных и астрономо-астрологических статей, в будущем, вероятно, стоит исследовать его связи с сербским переводом византийской «Ятрософии», сохранившейся в хиландарской рукописи XV в.³²

* * *

Текст хлудовского отрывка календарно-медицинских эпиграмм публикуется ниже с сохранением правописания оригинала.

ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 114. Л. 265 об.

птохопродро(м)вн стнховѣ о м(с)ц...*

азь вонны на вьсесоружьство нзвж(д)оу.
 мьче же оцроу н прнвлатю къ бране(м).
 н землю страну любьзную даваю вонно(м).
 ен оубо оутю ва(с) н наказоую такоже до(с)нтъ.

н вьсѣ(м) повелѣваю приндати на всакъ днь
 пншоу сла(д)коу н вино сѣло благовонно.
 н сладко нзѣдати.

азь агнце оутльшава(м) на снѣд** тлѣкω(м).
 н пасцѣ пншоу вѣрныиь прншоу.
 радо(с) провьзвѣшаю вьстаня радн множак.
 глѣю же вьсѣ(м) бѣжатн ѿ репчюгь.
 нбо пльна соутъ ѿда.
 н раж(д)ает се ѿ ннхъ жльть сннпа.
 н мелаас** еже ж(с) чрѣна жльть н не ѿж(д)ь репанидь.

азь*** трдесетолннстое даваць
 еже ползоуе(т) малодоушоу
 н кринь...****

* Окончание заголовка утрачено; ** Так в рукописи; *** Начальная буква утрачена; **** Далее утрачены листы.

Примечания

¹ Подробнее см. о нем: *Бухвалд В., Холвек А., Принц О.* Речник грчких и латинских писаца Антикe и Средьег века (Тускулум лексикон). Београд, 1984. С. 237; *Былинин В. К.* Календарные эпиграммы Николая Калликла в южнославянской и русской письменности XV—XVI вв. // Естественнo-научные представления Древней Руси. М., 1988 (далее — *Былинин В. К.* Календарные эпиграммы...). С. 39—51.

² Ближайшую аналогию циклу в этом отношении представляют календарно-медицинские советы, приписываемые Авиценне («Мистр Авиценна рече...»), переведенные с латыни (в Западной Руси) или с польского не позднее первой четверти XVI в. и включенные в лицевой (украшенный копиями бургундских миниатюр XV в.) календарь великорусского (вероятно, московского) происхождения — РГБ, собр. ОИДР, № 229 (см.: *Турилов А. А.* Переводы с латинского и западнославянских языков, выполненные украинско-белорусскими книжниками в XV — начале XVI в. // Культурные связи России и Польши XI—XX вв. М., 1998. С. 60, 68 (№ 6); То же (с расширенной библиографией) // *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. Прилож. 3. С. 471, 477.

³ Так, судя по всему, смотрел на памятник и первый его публикатор и исследователь — Н. С. Тихонравов, поместивший его среди текстов отреченных книг (*Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. М., 1863 (далее — *Тихонравов Н. С.* Памятники...). Т. 2. С. 122—126); см. также: *Былинин В. К.* Календарные эпиграммы... С. 44—45.

⁴ См.: История на българска литература. София, 1963. Т. 1 (Старобългарска литература); *Петканова Д.* Старобългарска литература. София, 1986—1987 (4-е изд., 2001). Ч. 1—2; Старобългарска литература: Енциклопедичен речник / Съст. Д. Петканова. София, 1992 (далее — Старобългарска литература...); *Podskalski G.* Theologische Literatur des Mittelalters in Bulgarien und Serbien (865—1459). München, 2000; История на българската средновековна литература / Съст. А. Милтенова. София, 2008.

⁵ См.: *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980 (2-го изд., 1991); *Трифуновић Ђ.* Азбучник српских средњовековних књижевних појмова. 2-го изд. Београд, 1990. С. 333—339; *Он же.* Стара српска књижевност: Основе. 2-о изд. Београд, 1995.

⁶ Естествознанието в средновековна България / Съст. И. Дуйчев. София, 1954; *Катић Р.* Медицина код Срба у средњем веку. Београд, 1958 (далее — *Катић Р.* Медицина код Срба...); *Чолова Ц.* Естествонаучните знания в средновековна България. София, 1988; *Стара българска литература.* София, 1992. Т. 5 (Естествознание).

⁷ *Тихонравов Н. С.* Памятники... Т. 2. С. 122—126.

⁸ *Былинин В. К.* Календарные эпиграммы... С. 44.

⁹ Сведения о рукописи см.: Описание рукописей Музейного собрания ГБЛ. М., 1961 (далее — Описание рукописей...). Т. 1. С. 122—126.

¹⁰ Ср. издания текста: *Тихонравов Н. С.* Памятники... Т. 2. С. 202—204 и *Былинин В. К.* Календарные эпиграммы... С. 49—50.

¹¹ См., к примеру: *Райков Б.* Към историята на ресавски правопис в България // Сборник Владимира Мошина. Београд, 1977. С. 213—223; *Христова Б., Караджова Д., Икономова А.* Български ръкописи от XI до XVIII в., запазени в България: Своден каталог. София, 1982. Т. 1. № 224—411, 790, 791; Старобългарска литература... С. 352—353; История... С. 621—622.

¹² Образец письма приведен при описании — см.: Описание рукописей... Т. 1. С. 125.

¹³ О письме молдавских рукописей см., например: *Турилов А. А.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв. // Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С. 142—144, 163—165.

¹⁴ Сербские сочинения и переводы, за редким исключением, не характерны для молдавских рукописей, ориентированных главным образом на среднеболгарскую тырновскую традицию середины — второй половины XIV в. (Там же. С. 141—142, 157—161).

¹⁵ Точно датированные сербские списки: ГИМ, Синадальное собр., № 148 (1386 г.); Афон, Пантелеймонов монастырь, Слав. 17 (1387 г.); Прага, Народный музей, IX. D. 32 (1389 г.). Число недатированных списков середины — конца XIV в. существенно больше (см., например: *Турилов А. А.* К истории второй (македонской) рукописной коллекции А. Ф. Гильфердинга // *Славянский альманах* 2002. М., 2003 (далее — *Турилов А. А.* К истории...). С. 133—134, 140—142).

¹⁶ См. примеч. 9.

¹⁷ Об истории этого собрания см. подробнее: *Кувев К.* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. 2-о изд. София, 1986. С. 84—96; *Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л.* Българското средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Държавния исторически музей в Москва / Каталог. София, 1999 (далее — *Николова С. и др.* Българското средновековно културно наследство...). С. 10—12; *Турилов А. А.* К истории... С. 130—143.

¹⁸ *Попов А. Н.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 271—273. К сожалению, в новейшее описание южнославянских рукописей собрания (*Николова С. и др.* Българското средновековно културно наследство...) кодекс не вошел.

¹⁹ *Черниловская М. М.* Об идентификации почерков трех сербских рукописей XV в. с Афона // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987 (далее — *Черниловская М. М.* Об идентификации почерков...). С. 39—41, 94—95 (рис. 1—2).

²⁰ О Гаврииле и переписанной им рукописи ГИМ, Син. 202 см. подробнее: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1857. Отд. 2. Ч. 1. С. 53—59, № 63; *Трифунувий Ђ.* Записи инока Гавриила, преводиоца тумачења књиге о Јову // Литературознание и фолклористика: В чест на 70годишнината на акад. П. Динев. София, 1983. С. 108—111; *Христова-Шомова И.* Два славянски превода на катената на книга Йов // *Palaeobulgarica*. 2006. № 2. С. 3—26; *Она же.* Книга Йов с тълкувания в славянски превод. София, 2007. С. 17—20.

²¹ Этот перевод Гавриила долгое время был известен лишь по послесловию безымянного писца (РГБ, собр. В. И. Григоровича, № 52.11) к неустановленному кодексу — см.: *Викторов А. Е.* Описание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879. С. 40; *Ангелов Б. С.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. Кн. 3. С. 200, 202. Однако летом 2011 г. болгарская исследовательница М. Димитрова надежно установила, что это послесловие происходит из кодекса Рыльского монастыря (Болгария) № 2/24 (последняя четверть XV в.) и относится к переводу «Песни песней» с толкованиями (благодарю коллегу Димитрову за эти сведения).

²² А. Н. Попов в своем описании (С. 271) датировал рукопись XVI в., М. В. Щепкина (как сообщается в статье М. М. Панковой (Черниловской) справедливо исправила датировку на XV в. Последняя указывает для рукописи следующие водяные знаки: 1) «ножницы»; 2) «башня», идентичные знакам в Син. 202, и (неотождествленный) «голова барана» (*Черниловская М. М.* Об идентификации почерков... С. 40—41).

²³ В статье М. М. Черниловской (Там же. С. 40) ошибочно указаны л. 263—264.

²⁴ Там же. С. 40.

²⁵ См. о них: *Романова А. А.* К проблеме уточнения датировки рукописей XIV—XVI вв. по таблицам и текстам пасхалий // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книж-*

ность: Археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 186—199; ср.: Турилов А. А. Проблемы и перспективы отождествления хорватских глаголических книжных почерков // *Glagolica i hrvatski glagolizam / Zbornik radova sa Međunarodnoga znanstvenoga skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske Akademije i 50. obljetnice Staroslavenskog Instituta*. Zagreb;Krk, 2004. С. 291—292.

²⁶ Романова А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. СПб., 2002. С. 92.

²⁷ Или, в крайнем случае, между 1404 и 1412 гг.

²⁸ См.: Былинин В. К. Календарные эпитаграммы... С. 50.

²⁹ Там же. Примеры перевода «*μελας*» как «синий» см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 356.

³⁰ Былинин В. К. Календарные эпитаграммы... С. 50.

³¹ Напомню, что В. К. Былинин (Там же. С. 44) предположительно датировал перевод стихотворного цикла не ранее начала XV в.

³² Катић Р. Медицина код Срба... С. 60—62.

Кому «единоименен» Раннокисум?

(Глоссы как элемент первоначального замысла и оформления текста Жития деспота Стефана Константина Костенецкого)

Известно, что практически все списки Жития деспота Стефана Лазаревича, как пространные так и сокращенные¹, содержат ряд глосс, располагающихся с главы 19 по главу 93 основной части памятника². В изданиях XIX в. эти глоссы включались в текст в скобках или давались в подстрочных примечаниях³. В новейшем же болгарском издании сведения о них помещены среди вариантов и разночтений после текста⁴, что нельзя признать удачным, поскольку в этом случае весьма ослабевает их информационная связь с соответствующими главами (если заранее не знать о существовании этих глосс, на них просто можно не обратить внимания). Как единое целое, насколько мне известно, глоссы никогда не рассматривались, и вопрос о времени их появлении в списках памятника не решен.

Глоссы весьма однородны по характеру. За исключением одного (последнего из приводимых) примера, все они представляют имена собственные, относящиеся к лицам, упомянутым, но не поименованным в основном тексте. Соответственно это **Милош** (Обилич или Кобилич [Кобылич] — герой Косовской битвы, убивший турецкого султана Мурада) — гл. 19 («некто благороден зело, своему господину его оболгаху завидешей»⁵); **Радослав** (вероятно, один из послов деспота Стефана к Тимуру после Ангорской битвы) — гл. 40⁶; **Авраниез** (Эвраниез бег — видный турецкий полководец, участник Марицкой битвы, сопровождавший Вука Лазаревича в походе против брата) — гл. 53 («иже испрѣва крѣвем христанским пролиател, иже и Исмаилитом в бранех тѣзоименитый, иже и в велицей брани на реце, глаголемей Марица, крѣвем излитиа виновник»⁷); **Каралюк** (бывший полководец Стефана Лазаревича, на свой страх и риск воевавший с турками) — гл. 55⁸; **Асалхан** (турок, пытавшийся организовать побег из османского плена Вука Лазаревича и его племянника Лазаря Бранковича и давший им перед казнью яблоко, которым они причастились — «ни бо бе кто причешаеи тогда сиих, ... того ради и яблѣко, в место крѣвы и тела Господня нарекша, вѣкусиста») — гл. 62⁹; загадочный **Раннокисум** (полководец султана Мусы, преградивший войсками путь из Солуни Гюргу Бранковичу) — гл. 70¹⁰; **Владис(л)ав** (юноша, любимый слуга деспота, убитый взбунтовавшимися рудокопами в городе Сребреница) — гл. 84¹¹; **Иеремия** (воевода Стефана Лазаревича, наместник города Голубец, сдавший его туркам) — гл. 91¹². Наконец, последняя глосса (гл. 92) — название города (**Београд**)¹³ — не нуждается в комментариях.

На фоне остальных (вполне прозрачных) глоссированных славянских, турецких и библейских имен **Раннокисум** выглядит особенно непонятно. Слово не объ-

ясняется не только из славянских или греческого языка (что вполне понятно), но равным образом из турецкого, арабского и персидского¹⁴, не вызывает оно ассоциаций и с кавказскими языками. Обращение к тексту главы лишь усиливает недоумение. О персонаже там сказано: «Тъ же (Гюрг Бранкович. — *А. Т.*) слышит послана некоего единоименна царю Мусии, поущенна от него, и поуе съдръжешаа и блю(д)шаа, и страны, съ всакыим оутврѣждением»¹⁵. Из пассажа явствует, что полководца звали Муса, как и его султана. Что же в таком случае означает «Раннокисум»?

Если от издания текста обратиться непосредственно к рукописям, то в отношении написания глосс можно проследить следующую закономерность. В старшем полном списке пространной редакции памятника, датированном началом XVI в.¹⁶ — РГБ, ф. 113 (собор. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 655, л. 123—221 — глоссы написаны на полях вертикально, при этом на лицевой стороне листа сверху вниз (**Радославъ** — л. 162¹⁷; **Каралюкъ** — л. 180; **Београд**¹⁸ — л. 214), а на оборотной — снизу вверх (**Милошъ** — л. 143 об.; **Иеремиа** — л. 213 об.); единственная опущенная здесь глосса это **Владис(л)авъ**. Исключение из этого составляют имена **Авранез** (л. 178 об.) и **Асалханъ** (л. 185 об.), написанные сверху вниз; примеры написания имен снизу вверх на лицевой стороне листа отсутствуют. **Раннокисум** написано на л. 191 об. и дополнительным аргументом в пользу чтения слова снизу вверх является то, что буква М в нем явно выделена размером, препятствием же этому служило, вероятно, отсутствие знака конечного редуцированного. Однако и прочтенное в направлении, определяемом его местоположением, слово не становится, на первый взгляд, более вразумительным — **Мусиконнар**. Слова Жития, что воевода был тезкой султана, заставляет предположить здесь два слова — это антропоним, **Муси коннар**. Если в отношении первого все относительно ясно, то второе (по всей видимости имя нарицательное), в сущности, не более понятно, чем **Раннокисум**, и так же не находит объяснения ни в славянских, ни в греческом, ни в восточных языках, что заставляет предполагать испорченное чтение. Самым простым объяснением является смешение Н и И, очень близких по начертаниям в южнославянских (как болгарских, так и сербских) полууставных и скорописных почерках XIV—XV вв. — они отличаются лишь горизонтальной (И) или наклонной (Н) перекладиной, причем угол ее наклона обычно весьма невелик¹⁹. Классический пример такого смешения присутствует в русских списках родословия сербских правителей в составе Хронографа редакции 1512 г. Здесь Вукан, старший сын Стефана Немани, носит несколько загадочный титул «князь великий Восон Зяти»²⁰. И если в «Зяте» без особого труда с учетом исторических реалий опознается Зета, то предшествующее слово становится ясным лишь при обращении к сербским спискам родословов, где речь идет о князе «всей Зеты» («вьсьи Зети» или «вьсой Зети») ²¹. В нашем случае, однако, чтение испорчено как в русских, так и в ресавских списках. Итак, предполагаемая реконструкция — **Муси кониар** — где второе слово означает должность (придворный чин) тезки султана: «коняр» (совр. сербск. «коњар» — человек, причастный к уходу за лошадьми или их разведению)²²; конюх (разумеется, в значении «конюший», т. е. лицо заведующее конюшней владельца, а отнюдь не ухаживающее за ними непосредственно).

Сравнение системы глосс в разных списках (и сербских и русских) пространной редакции памятника (сокращенная восходит непосредственно к Волоколамскому сборнику и самостоятельного интереса в этом смысле не представляет²³) позволяет с уверенностью говорить, что они восходят к общему архетипу, если не к протографу текста. Волоколамский список, вероятно уже в силу старшинства, сохранил их наибольшее количество (утрачено лишь имя Владислава). Имя Милоша опущено в русском Кирилло-Белозерском списке²⁴ (который, несомненно восходит непосредственно к архетипу Волоколамского, и за немногими исключениями (в частности, глоссами) является наиболее полным и исправным списком памятника, хотя орфография здесь сильно русифицирована), имена Радослава и Авранеза отсутствуют в сербском списке Кухарского²⁵. Вместо **Каралюк** в том же списке стоит имя **Новак**²⁶, в Кирилло-Белозерской рукописи эта глосса опущена²⁷. Имя Асалхана отсутствует на поле в списках Богишича и Кирилло-Белозерском, а в последнем — также и «Раннокисум»²⁸. При всех вариантах набора глосс в разных списках они бесспорно имеют общее происхождение (т. е. разница в их наборе отражает варианты разложения первоначального комплекса), а не внесены в них индивидуально. Следовательно, они появились в Житии как минимум не позднее рубежа XV—XVI вв., поскольку читаются уже в русском списке начала XVI столетия.

Рассматриваемые в совокупности глоссы с очевидностью выдают в их авторе современника событий. Конечно, в принципе имя Асалхана могло попасть на поле списка из его упоминания в тексте, а подвиги Каралюка сохраняться какое-то время в героических песнях. Даже о султанском «коняре» Мусе память могла сохраняться достаточно долго, поскольку избежавший столкновения с ним Гюрг Бранкович, ставший наследником владений и титула своего дяди Стефана, дожил до 1456 г. Но едва ли десятилетия спустя (через 70—80 лет) кто-то (кроме, разумеется, его родственников) мог вспомнить имя убитого рудокопами «миньона» Стефана Лазаревича (и еще труднее представить человека, отыскивающего это имя в помяннике деспотовой «задужбины», чтобы написать его на поле Жития)²⁹. Кроме того, само размещение глосс на страницах Жития и их графическое оформление менее всего напоминает припоминание имен случайным переписчиком. Наиболее естественно предположить, что вся система глосс относится, наряду с акростихами и двойной нумерацией глав, к авторскому замыслу Константина Костенецкого, дополнительно усложнившего текст памятника внешними книгописными приемами. С большой степенью вероятности можно полагать, что Волоколамский список, в котором за двумя исключениями (см. выше) выдержана последовательная особенность написания глосс на лицевой и оборотной сторонах листов, вполне соответствует протографу Основной пространной редакции Жития деспота Стефана как форматом, так и плотностью текста на странице. В этом смысле показательны даже «сбои» в написании в этом списке глосс «Асалхан» и «Авранез» (см. выше). Обе они находятся в верхней части оборотной стороны листа. В оригинале эти глоссы, по всей видимости, располагались на лицевой стороне и передвинулись (с сохранением написания сверху вниз) из-за небольшого смещения текста при переписке.

Вывод об исконности глосс в Житии немаловажен для вопроса о достоверности героя Косовской битвы, попытавшегося убийством султана Мурада изменить

ход сражения. Известно, что имя Милош едва ли не впервые (наряду с Анонимной болгарской хроникой) надежно фиксируется — при отсутствии его в самом тексте — именно глоссой Жития Стефана. Пока глоссы не рассматривались с учетом всей их рукописной традиции, это свидетельство можно было если не игнорировать, то предельно маргинализировать, что неоднократно порождало сомнения в персонификации «косовского юнака»³⁰. Теперь же можно с уверенностью говорить о письменной фиксации имени младшим современником событий, каковым несомненно являлся Константин Костенецкий, родившийся ок. 1380 г. И если нельзя безоговорочно датировать пространную редакцию (вместе с глоссами) 1431—1433 гг.³¹, то в ее создании не позднее середины 1430-х годов, кажется, не следует сомневаться³². Таким образом, глоссу с именем Милоша отделяет от времени Косовской битвы (1389 г.) в любом случае не более 45 лет, т. е. даже в момент ее непосредственного написания были еще живы младшие из непосредственных участников события. Это обстоятельство если и не делает персонификацию подвига абсолютно достоверной (хотя, на мой взгляд, нет особых оснований в ней сомневаться), то, по крайней мере, фиксирует связь предания с именем Милоша уже при жизни его современников.

Примечания

¹ О редакциях и списках текста см.: *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенеcki: Изследване и текст. София, 1986. С. 319—327. Неясно лишь, имелись ли эти глоссы в древнейшем списке памятника, датированном 1433 г. и представляющем особую (возможно, авторскую) редакцию. Два сохранившихся фрагмента текста (местонахождение основной части, изъятая из зографского кодекса В. И. Григоровичем, в настоящее время неизвестно) — Афон, Зограф, № 105 (151 по каталогу Г. А. Ильинского). Л. 175—182 об. и РГБ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3070 — относятся, соответственно, к самому началу и к самому концу текста, где глосс нет и в других списках.

² Житие имеет две отдельные нумерации глав: десять вводных (так называемое «десятисловие» — при этом последняя глава из-за больших размеров разбита позднейшими переписчиками на четыре части с продолжением нумерации) и 94 основных, сопровождаемых помимо нумерации текстовым акростихом.

³ См.: *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских статей и сочинений, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 92—130; *Шафарик Ж.* Живот деспота Стефана Лазаревића, великог кнеза српског // Гласник Српског ученог друштва, 1870. Кн. 11(28). С. 366—428; *Јагић В.* Константин Философ и његов Живот Стефана Лазаревића деспота српског по двијема српско-словенским рукописима // Гласник Српског ученог друштва, 1875. Књ. 42 (репринт в виде отдельного издания: Горни Милановац, 2004). С. 244—338.

⁴ *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения... С. 426—429.

⁵ Там же. С. 375.

⁶ Там же. С. 387, 427 (в комментарии на с. 449 имя не отражено).

⁷ Там же. С. 397, 428.

⁸ Там же. С. 398—399, 428.

⁹ Там же. С. 402—403, 431.

¹⁰ Там же. С. 407, 427, 449.

¹¹ *Кувев К., Петков Г. Събрани съчинения...* С. 418, 429 (в комментариях имя не отражено).

¹² Там же. С. 421, 436.

¹³ В этом издании (С. 422) данная глосса опущена и не упомянута.

¹⁴ Пользуюсь случаем поблагодарить Д. А. Морозова за консультацию по данному вопросу.

¹⁵ *Кувев К., Петков Г. Събрани съчинения...* С. 407.

¹⁶ Рукопись (включающая помимо Жития деспота Стефана Лазаревича также «Паралипомен» хроники Иоанна Зонары, выписки из «сербской» Александрии, послание Иоанна, митрополита Китрошского к драчскому епископу Кавасилле и Жития Стефана Дечанского и Илариона, епископа Мегеленского) написана на бумаге с водяными знаками: 1) «Р готическое» — типа Брике № 8534 (1502 г.), 8764—8766 (1493—1503 гг.); Лихачев № 4041 (1504 г.), 1452—1459 (1514 г.); 2) «кувшинчик одноручный» — типа Брике № 1262, 1263 (1495—1503); Лихачев № 2632 (нач. XVI в.); 3) то же (основная филигрань) — типа Брике № 12497, 12499 (1488, 1492 гг.); Лихачев № 3057 (1482 г.); 4) «единорог» — типа Брике № 10026 (1477 г.), Лихачев № 1442 (1514 г.); 5) «рука с розеткой» — типа Брике № 11423 (1496 г.) и 11424 (1502—1508 гг.); последние два знака представлены единичными примерами (ср.: *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2005 г. // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 2005. Т. 22 (Русский Хронограф — 1-е изд.: СПб., 1911). С. XIV).

Попутно следует, по-видимому, напомнить, что Житие деспота Стефана представляет тот весьма редкий для истории межславянских связей XV—XVI вв. и не вполне объяснимый случай, когда русские списки памятника (включая сокращенную его редакцию, возникшую на Руси), заметно старше сербских. Как известно, второй русский список пространной редакции (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 3/1270) датируется по филиграням концом первой трети — началом второй четверти XVI в. (см.: *Розанов С. П.* Житие сербского деспота Стефана Лазаревича и Русский Хронограф // Известия ОРЯС. СПб., 1906. Т. 11. Кн. 2. С. 64; То же (по отдельному оттиску с особой нумерацией страниц) // *Јагић В.* Константин Философ и његов Живот Стефана Лазаревича деспота српскога по двијема српско-словенским рукописима. Горни Милановац, 2004. С. 3). В то же время сербский одесский (или Цетинский) список жития в составе сборника, принадлежавшего А. Кухарскому (ОГНБ, 1/119, л. 450—544), датируется не ранее начала последней четверти XVI в. (ср.: *Трифунувић Ђ.* Константиново Житије деспота Стефана: Археографски оглед // Там же. С. 07—08). Рукопись является конволютом, старшая часть которой датирована Л. Василев по филиграням первой четвертью XVI в., а младшая (куда входит и житие) — последней четвертью этого столетия (*Василев Љ.* Орнаментика, повез и ново датирање српских рукописа универзитетске библиотеке «А. М. Горког» у Одеси // Зборник Музеја примењене уметности. Београд, 1975—1976. Бр. 19—20. С. 167, 170). Такая датировка нуждается, однако, в некотором уточнении, поскольку сборник включает сербскую летопись, последнее известие которой (смерть печского патриарха Антония) относится к 1574 г. (см.: *Јагић В.* Ein Beitrag zur serbischen Annalistik // Archiv für slavische Philologie. 1877. Bd. 2. S. 76, 102; *Стојановић Љ.* Стари српски родослови и летописи. Београд; Сремски Карловци, 1927 (= Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. 1 од. Књ. 16). С. 268, № 932). Цавтатский список в сборнике Богишича также представляющем (как установлено в последнее время М. Бошков) конволютом из частей 1560-х гг. и начала XVII в. (*Бошков М.* Вест о Деспотовој гробници у Београду и рукописна традиција Константиновог житија // Српска књижевност у доба Деспотовине. Деспотовац, 1998. С. 215—217; *Трифунувић Ђ.* Константиново житије... С. 08—09).

¹⁷ В Волоколамском списке слово написано вертикально, но не по буквам, а по слогам: Ра-до-сла-вь.

¹⁸ В Волоколамском списке передано как Белорад, с некоторым нарушением последовательности букв: Д написано над А (как выносное), Л — над Б (вероятно, писец считал, что оно пропущено в оригинале).

¹⁹ Образцы таких начертаний в изобилии представлены в палеографических альбомах. См., например: *Лавров П. А.* Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма (= Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1916. Вып. 4, 1. Приложение); *Мошин В.* Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966; *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара: Палеографски албум. Београд, 1978; *Джурова А.* 1000 години българска ръкописна книга. Орнамент и миниатюра. София, 1981. К слову сказать, подобные сближенные начертания И и Н широко представлены и у писцов самого Волоколамского сборника.

²⁰ См.: ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 338. Показательно, что при возвращении текста на Балканы в составе Русского хронографа искаженное чтение не было опознано и реконструировано сербскими книжниками. Непонятное слово было исключено и заменено предлогом: «...кнеза въ Зеты» (*Novaković S.* Članci hronografa-troadika o Srbima i Bugarima // *Starine*. Zagreb, 1878. Кнј. X. С. 52).

²¹ О сербских летописных источниках Русского хронографа см.: *Наумов Е. П.* Свидетельства сербских летописей в составе Русского хронографа (К истории русско-сербских культурных связей XV в.) // *Советское славяноведение*, 1976, № 1. С. 50. Именно наличие географического детерминатива при титуле Вукана заставляет предполагать в данном случае дополнительный сербский источник Хронографа, поскольку в родослове, входящем в состав Жития деспота Стефана, и в родственных ему текстах это уточнение отсутствует. См.: *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения... С. 354, 372; *Stojanović Lj.* Nekoliko srpskih ljetopisa // *Starine*. Zagreb, 1881. Кнј. XIII. S. 173, 176, 178; *Стојановић Љ.* Стари српски родослови... С. 22—23, 28, 38—39, 40, 44, 47, 50, 52, 57; *Новаковић Р.* Бранковићев летопис. Београд, 1960. С. 42, 47.

²² Пользуюсь случаем поблагодарить Р. В. Булатову за консультацию по данному вопросу. Определенным (но не безусловным) препятствием для такой реконструкции выглядит лишь написание слова через И восьмеричное (а не десятеричное) перед гласной, как ожидалось бы в южнославянском памятнике XV в., да еще и написанном таким пуристом и нормализатором как Константин. При этом слово явно относится к числу редких (во всяком случае в Средневековье) в южнославянских языках — так, словарь Дж. Даничича его не знает (см.: *Даничић Ђ.* Рјечник из књижевних старина српских. У Биограду, 1863—1864 (репринт — 1975). Дно 1. С. 470—471; Дно 3. Додатак. С. 5).

²³ *Турилов А. А.* Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // *Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории*. М., 1978. С. 47.

²⁴ В первом издании статьи по досадному недоразумению указано, что глосса опущена и в сербских списках.

²⁵ *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения... С. 428.

²⁶ Там же. С. 428.

²⁷ Причина замены имени в данном случае не вполне понятна. Во всяком случае, едва ли обосновано предположение, что имя Новак появилось здесь под влиянием гл. 29, где фигурирует Новак Белоцерквич («Белоцърквичкѣ») — один из вельмож Стефана, пытавшийся (наряду с Николой Зоичем) с турецкой помощью стать независимым от деспота правителем (*Розанов С. П.* Житие... С. 83; отд. отт. С. 22). Обзор других мнений см.: *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения... С. 439.

²⁸ Там же. С. 449; С. П. Розанов, приводя разночтения Кирилло-белозерского списка с сербскими (*Розанов С. П.* Житие... С. 64—68; отд. отт. С. 3—7) об этой глоссе не упоминает.

²⁹ Пожалуй, самое неудачное истолкование глоссы с этим именем принадлежит С. П. Розанову, который вопреки контексту повествования, не вызывающего сомнений, к кому относится имя Владислав (см.: *Кувев К., Петков Г. Събрани съчинения...* С. 417—418, 429; в именной указатель (С. 432) имя не включено), предполагал, что речь может идти об известном южнославянском книжнике Владиславе Грамматике, с деятельностью которого исследователь предположительно связывал позднейшее редактирование текста жития (*Розанов С. П. Житие...* С. 95; отд. отт. С. 34).

³⁰ *Павловић Ј. Култови лица код Срба и Македонаца (Историјско-етнографска расправа)*. Смедерево. 1965. С. 191; Српски народ у другој половини XIV и у првој половини XV в.: Зборник радова, посвећених шестогодишници Косовске битке. Београд, 1989. С. 69—75; *Михаљчић Р. Јунаце Косовске легенде*. Београд, 2001 (= *Сабрана дела*. Књ. 3). С. 9—32 (1-е изд. — 1989). Ср.: *Радојичић Ђ. Сп. Књижевни збивања и стварања код Срба у средњем веку и у турско доба*. Нови Сад, 1967. С. 217 (в данном случае неразделение по времени собственно текста жития и глосс к нему в свете последних изысканий представляется более правильным).

³¹ Житие деспота Стефана дошло в двух пространных, по всей видимости, авторских редакциях — Основной и Особой (или Зографской, которая сохранилась фрагментарно); их взаимоотношение изучено пока недостаточно. В послесловии обеих говорится о создании памятника «в четвертое лето к Господу отшествия» (*Кувев К., Петков Г. Събрани съчинения...* С. 424; РГБ, ф. 178. № 3070. л. 1) деспота Стефана (умер в июле 1427 г.). Список Особой (Зографской) редакции (подробнее о нем см.: *Birnbaum D. Textual and accentual problem of Muz. 3070 and Zogr. 151. Cambridge, 1988*) датируется не позднее 17 июня 1433 г. (запись о затмении солнца, сделанная на поле писцом в самом конце текста Жития). Соответственно, Основная пространная редакция могла быть создана либо ранее (между 1431 и 1433 гг.), либо после 1433 г.

³² В любом случае, Основная редакция не могла возникнуть позднее конца 1430-х годов, поскольку ничего не сообщает о завоевании Сербии османами в 1439 г. Серединой 1430-х годов ее ограничивает упоминание в заголовке в качестве заказчика (имеющееся, правда, и в особой редакции) патриарха Никона, умершего в 1435 г.

КИЧЕВСКИЙ СБОРНИК С «БОЛГАРСКОЙ АПОКРИФИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСЬЮ» (Датировка, состав и история рукописи)

Публикуя в 1890 г. «као бугарски летопис» («Сказание Исаяи пророка, како вознесен бысть ангелом до 7-го небеси»), Л. Стоянович лишь кратко упомянул рукопись, содержащую памятник¹, и после этого кодекс надолго выпал из научного оборота. Попытки исследователей отыскать рукопись, содержащую единственный список этого важнейшего памятника болгарской истории и литературы, не дали положительных результатов, поэтому публикация Л. Стояновича, к которой восходят все позднейшие издания текста², приобрела значение подлинника.

Несмотря на кажущуюся предельную ясность сведений о рукописи, приведенных первым публикатором («рукопись сербской редакции, Преображенского старообрядческого монастыря в Москве, № 123 собрания Гильфердинга»)³, они, в сущности, довольно неконкретны и могут быть отнесены сразу к трем московским рукописным собраниям конца XIX в. (правда, в то время находившимся в одном месте) — собственно Преображенского старообрядческого молитвенного дома⁴, Никольского Единоверческого монастыря⁵ и Алексея Ивановича Хлудова, поступившее в 1876 г. согласно его завещанию как отдельный фонд в монастырскую библиотеку⁶. Благодарность, которую публикатор приносит в предисловии «старообрядческому» (т. е. единоверческому. — А. Т.) архимандриту Михаилу⁷, свидетельствует о том, что сербский ученый имел в виду именно монастырское собрание (Преображенская община объединяет старообрядцев-беспоповцев, не имеющих церковной иерархии и монашества), а упоминание А. Ф. Гильфердинга указывает на то, что рукопись находилась, скорее всего, в основной части собрания А. И. Хлудова, приобретшего большую часть коллекции после смерти известного слависта⁸.

В таком случае номер, указанный Стояновичем, несмотря на двусмысленность формулировки («123 собрания Гильфердинга» может означать и номер в коллекции слависта, и номер рукописи, происходящей из этого собрания, но уже в новой библиотеке), может быть отнесен только к тому собранию, в котором кодекс находился около 1890 г. (т. е. собрания А. И. Хлудова в библиотеке Никольского Единоверческого монастыря на Преображенском старообрядческом кладбище), поскольку большинство рукописей, купленных после смерти Гильфердинга, получили в хлудовском собрании новые переплеты, и прежняя нумерация (если она существовала последовательно) их была утрачена. Из этого следует, что Л. Стоянович опубликовал текст Апокрифической летописи по сербской рукописи собрания А. И. Хлудова № 123. К этому следует добавить, что собрание почти целиком

поступило в ГИМ в 1917—1923 гг.⁹, а его нумерация не менялась со времени выхода в свет печатного описания, составленного А. Н. Поповым (1872).

Как это ни парадоксально, следует сказать, что успешному разысканию списка Апокрифической летописи все время мешало существование авторитетного и достаточно подробного печатного описания, поскольку рукопись, значащаяся в нем под № 123, исключает, на первый взгляд, возможность такой идентификации¹⁰. Однако Болгарская апокрифическая летопись действительно находится в рукописи ГИМ, Хлуд. 123, где занимает листы 400г—403а.

Блестящий (и не только для своего времени) знаток славянской хронографии, полемической и апокрифической литературы, А. Н. Попов не любил работать с богослужебными текстами (слабость, свойственная как многим из его современников-археографов, так и исследователям нашего столетия, однако в большей мере искупавшаяся в XIX в. существованием немалого числа исследователей, специализировавшихся именно в пренебрегаемой их коллегами области). Печать этого отношения лежит на всем описании хлудовского собрания, в котором большинству литургических рукописей (в особенности бумажных XV—XVII вв.) посвящено буквально по несколько строк¹¹. В случае же с Хлуд. 123 можно с полным основанием утверждать, что описатель даже не досмотрел кодекс до конца, пролистав его не далее середины (в противном случае эта описательная статья могла стать одной из самых пространных в каталоге).

Судьба продолжала оставаться неблагоприятной к рукописи и в дальнейшем. Летом 1914 г. в библиотеке Никольского Единоверческого монастыря занимались Й. Иванов и В. Н. Златарский (преимущественно с рукописями, происходящими от Гильфердинга)¹². Однако целенаправленность поисков болгарских ученых, связанная с предполагавшимся изданием сочинений Климента Охридского, и большой объем работы чисто технической (фотосъемка) явились причиной того, что Й. Иванов, уделивший впоследствии немало внимания Апокрифической летописи, сборника с нею так и не увидел (в своих работах он ссылается лишь на публикацию Л. Стояновича). В 1920-х гг. (вероятно, в 1928—1929, когда было составлено описание рукописей А. И. Хлудова, не вошедших в каталог А. Н. Попова и прибавление к нему)¹³ М. Н. Сперанский, заведовавший тогда Отделом рукописей ГИМ, уточнил и дополнил сведения о целом ряде рукописей из основной части хлудовского собрания (экземпляр печатного описания с рукописными дополнениями на полях и вклеенных листах хранится в ОР ГИМ), но Хлуд. 123 эта работа не затронула. Записи на рукописи не получили отражения ни в сводах Л. Стояновича и Й. Иванова, ни в материалах М. Н. Тихомирова¹⁴.

Вероятно, единственным исследователем, работавшим с рукописью после Стояновича, был А. М. Селищев, использовавший ее в двух своих работах¹⁵. Датировки и содержания кодекса известный филолог не касался, полагаясь на сведения А. Н. Попова. Рукопись интересовала его как источник по истории жизни и творчества известного деятеля национального Возрождения Кирилла Пейчиновича, которому она принадлежала в конце XVIII — первой половине XIX в., и для изучения особенностей болгарских говоров Полога. Селищев опубликовал по этой рукописи ряд записей, сделанных рукой Кирилла (в том числе одну (на л. 125 об.) фототипи-

чески)¹⁶ и его учеников, и установил, что просветитель пользовался одним из текстов сборника (апокрифической молитвой Трифону) в качестве источника своего сочинения «Огледало душевное»¹⁷.

В 1960-х гг. кодекс просматривал В. А. Мошин¹⁸, по наблюдениям которого датировка в рабочем экземпляре ОР ГИМ печатного описания Попова изменена с XV в. на XVI в.

Кодекс ГИМ, Хлуд. 123 — рукопись без начала, форматом в 4° (193 × 13,5), на 457 л. Бумага с филигранями: 1) якорь (в один контур) в круге под трилистником, с контрмаркой BG (*Гроздановић-Пајић М., Станковић Р.* Датирање и водени знаци српских ћирилских књига Пећке патриаршије (Археографски прилози. 13. Београд, 1991. С. 93, № 99 — 1610 г.); 2) литеры АВ(?), соединенные вертикально, вероятно, контрмарка к № 1 или 3 — в справочниках знак не обнаружен¹⁹; 3) арбалет с литерами GB по сторонам, в круге — сходен с Брике, № 755 (1592—1594); 4) литеры AS в круге — знак не обнаружен; 5) литеры SP в круге — сходен с Брике № 9703 (1584 г.), меньше с № 9704 (1592—1600) — здесь (в отличие от рукописи) круг увенчан крестом; 6) литеры BV под трилистником: в качестве контрмарки знак встречается не ранее 1570-х гг. (см.: *Васильев Л.* Албум... № 31 (1590/1600), 191 (1575/1585) и др.). На основании такого сочетания знаков кодекс следует датировать началом XVII в., датировка рубежом XVI и XVII вв. менее вероятна.

Рукопись написана в 2 столбца (площадь текста 14,4 × 8,6) очень мелким каллиграфическим полууставом²⁰ (35—36 строк — 144 мм) одной руки. Письмо изобилует лигатурами (в первую очередь тв, тр, в конце слов — выносное и в соединении с редуцированным в строке, «крестовое» ђ в соединении с буквами, имеющими петлю) и выносными буквами. Редуцированные часто заменяются паерком («ериком»). Правописание сербское, со следами ресавского (что хорошо видно и по публикации Л. Стояновича). Очень развитая акцентуация. Листы 125 об. (за исключением полутора строк) и 457 об. первоначально текста не имели.

Переплет современен кодексу (что в Хлудовском собрании большая редкость, поскольку для большинства манускриптов новым владельцем были заказаны новые русские переплеты старообрядческого типа) — доски в коже с тиснением. Обрез окрашен в темно-коричневый цвет, застежки утрачены. В начале кодекса утрачено несколько листов. Л. 230 должен следовать за л. 231.

На корешке и обороте верхней крышки переплета наклеены ярлычки с номерами Хлудовского собрания. На обороте верхней крышки, подклеенном русской бумагой второй пол. XIX в., есть запись рукой А. Ф. Гильфердинга: «Лешокъ близъ Тетева» и номера: «63» (или 65) — зачеркнут, и «53». На л. 125 об. запись рукой Кирилла Пейчиновича: «Там (каа?) книга за продаванѣ конхѣ та сака нека готвн вощѣ грошѣ нѣкаа кзпн шѣпопа Кирилла шѣднѣръ Прѣто Крѣно глаголеци Белакици н вощѣ на десетѣ даеѣ пакѣ ѣ малѣ спротѣ неа како еѣ(!) она бѣа кнѣжнѣа. Кириль Геромонѣ»²¹. На л. 272 той же рукой запись: «На нѣвн да пѣшѣ, на баѣча, на лозѣе, на садѣ. кога ѣде цѣта»²² (запись относится к службе мученику Трифону, содержащей апокрифические молитвы против вредителей сельскохозяйственных угодий).

На л. 277 об. полууставом XVIII—XIX вв. написано имя: «Гнсто». На нижнем поле л. 400 запись полууставом XIX в.: «Какѣ писа сѣ писѣш азѣ Исана поѣ Гавриловиѣ»

ω̄ село Лешокъ. 1854»²³. На нижнем поле л. 418 об. — 419 поминальная запись полууставом XVIII(?) в.: «Петко, Петко, Ристо, Кирнль, Митре, Милошъ (!)».

По л. 441 об. — 445 подстрочная запись о возобновлении Лешковского Успенского монастыря: «Во лето гднѣ во аѡкб (так! — 1826), во Хадн Раманъ пашано време соградна во Лешокъ манастиръ Оупение Прѣветна Бци. Тоа молтвади Бжѣ поднави. Ядинъ»²⁴. Далее следуют записи учеников Кирилла: «Азъ писахъ Тимофеа монахъ»²⁵ (л. 445 об.); «Писахъ Тимофеа монахъ» (л. 446); «Арсеня монахъ» (л. 446 об.)²⁶; «Поменн, Гдн, Иеромонаха Арсеня во царствн своемь. 1839»²⁷.

На л. 451 об. запись почерков XIX в.: «Сен стн манастиръ стн Анасна»²⁸. На л. 456 об. номинальная запись XIX в.: «Ристо, Милославъ, Попеко, Стефанъ».

На нижнем поле л. 456 об. хозяйственная запись (перечень должников?) полууставом XVIII в.: «За жатва. Пео Хальтъ б днн. Белѣ б днн. Пенке б днн. Богданъ врокъ б днн. Калина б днн».

На обороте л. 457 запись полууставом XVIII(?) в.: «Сна книга е коапнаъ Дндо. Стоаша докати б̄ за доша». Ниже и на обороте нижней крышки переплета полууставом XVIII в. (?) написана кириллическая азбука и слоги от ба до -флг-.

Ниже на обороте нижней крышки хозяйственные записи, сделанные, вероятно, тем же почерком, что и на л. 456 об.: «Пека г̄ до[катн]... чно на Бера в Тозьлокъ г̄. Годнна а̄. Мнта. Карьто а̄ до[катъ]. Сарьто Дольпетн (доль Петн?) а̄. Станъ. Хрсто. б̄г̄. Калина г̄. дока[тн] шъчнь Калина г̄ до[катн]. Бало а̄. Вьльто. Станьто к̄г̄ дока[тн]. Пео ... Хо... г̄ дока[тн]. Драганъ е̄ дока[тн]».

И, наконец, следует отметить, что рукой Кирилла Пейчиновича написаны колонтитулы текстов, содержащихся в рукописи.

Записи позволяют проследить судьбу рукописи лишь на протяжении последнего столетия до приобретения ее А. Ф. Гильфердингом. Судя по орфографии записей, кодекс все это время находился в Македонии. Первым его устанавливаемым владельцем был безвестный Димо, очевидно, давший книгу позднее вкладом вместе с деньгами «за доша» (значительность упомянутой суммы — 260 дукатов — не позволяет считать ее ценой кодекса, в особенности в сравнении с 8 грошами, заплаченными позднее Кириллом Пейчиновичем), возможно, непосредственно в Кринский (Кичевский) монастырь Пречистой. Здесь у своего тезки священника сборник приобрел Кирилл Пейчинович, в собственности которого рукопись находилась почти полвека, до его смерти в 1845 г. Кирилл, несомненно, приобрел книгу не позднее 1800 г., в бытность иеромонахом Кичевской обители, поскольку уже в 1801 г. он стал игуменом Маркова монастыря²⁹. Вероятно, рукопись путешествовала с владельцем (который был не только ее держателем, но и внимательным читателем, снабдившим кодекс колонтитулами, и даже публикатором входящих в нее текстов, издавшим апокрифические молитвы мученику Трифону в «Огледале душевном»³⁰) сначала в Марков монастырь, затем на Афон, и, наконец, в Лешок³¹, где оставалась и после его смерти в 1845 г. и была там приобретена А. Ф. Гильфердингом. Еще при жизни Кирилла книгу читали его ученики — Арсений и Тимофей, оставившие на ее страницах свои автографы. По одному из местонахождений сборника его можно называть Кичевским или Лешковским.

Иллюминация рукописи скромна, но выполнена вполне профессионально. Сохранились 3 «больших» плетеных заставки (л. 5, 32, 126) балканского стиля — прямоугольные, шириной в один столбец (последняя — контурный рисунок пером и чернилами без раскраски)³². На л. 258 узкая заставка-разделитель жгутового плетения на черном фоне. Инициалы киноварные тонкие, иногда с орнаментальными отростками растительных форм. В заголовках разноцветная вязь (одновременно киноварь, синяя и зеленая краски).

По содержанию рукопись ГИМ, Хлудовское 123 отчетливо разделяется на две части: богослужбную (л. 1—283 об.) и четью (л. 284—457), но также связанную с богослужбной практикой и церковным и монастырским обиходом. По сути это целая церковная библиотечка. Ввиду сложности состава целесообразно привести поstateйную роспись этого сборника:

І. СБОРНИК БОГОСЛУЖЕБНЫЙ:

1. Часослов (л. 1а—31б), в начале которого седальны, тропари и кондаки по кафизмах (л. 1а—4г), без начала, кафизмы 13—20, нач. с седальна к кафизме 13: «...ню възвр.. дню блажных азъ. млардіе ште и снне еднородных...». Включает «Тропарн и бѣгородных и кондакы прѣзь нѣлю» (18б—20в), «Бѣгородных осмидь гѣсомъ, пѣваемы с тропаремъ стѣмоу» (20в—22в), «Светилане прѣ нѣлю» (22в—25а).

2. Чнь трапезны нзшѣше нзъ лнтвр'гю. и хотешн'внн' въ трапезв. 31б—32б.

3. Молитвы Кирилла Туровского (Млѣтвы прѣзь нѣлю). 21 молитва, по три (на вечерне, по утрени и «по часех») на каждый день недели, начиная с воскресения (в сѣботу вечерь). (О составе цикла см.: Николова С. Кирил Туровски и южнославянската книжнина // *Palaeobulgarica*. 1988. № 3. С. 45—50). 32б—53а.

4. Канѣ ма'внь въ скрѣбы къ спѣш ѡ дѣш. 53б—55г.

5. Канонъ. мольбнь къ своємъ агѣл, хранителю и покровителю дѣш и тѣлв. Твореніе прѣбнаго ѡца нѣшо Іоан'на Дамаскуна. немѣ краєгранесе. агѣла пою те хранителя моего. 55г—57г.

а) Тѣ м' сію (Аггале Л'въ. к' теѣ прѣпѣю и млѣ се хранителю мое). 57г—58.

6. Акафист Богоматери (снче починаемъ акафистъ). 58а—64г.

7. Молитвы по акафисте:

а) Млѣтва гѣема по акафистѣ, къ гѣ нѣшмъ Іс Хоу (!). (Влѣко гн нѣсѣ лѣ бѣже нашъ...). 64г—65б.

б) Млѣтва бѣродн (ѡ прѣстѣла моя блдч'е гпже бѣе. спнне родоу хрѣтиан'ск'моу...). 65б.

в) Млѣтва, гѣема по нкошѣ акафиста прѣстѣе бѣе (Приндн в'сѣблагодарна прѣстѣла влѣце...). 65б—в.

г) Млѣтва в'тораа томвжѣ. (Прѣстѣла влѣце бѣе зпованіе всѣмъ концемъ земл...). 65в—г.

д) Млѣтва и друугаа, къ прѣстѣн бѣродницъ мльбнаа. (Азъ оубо вѣдѣ и надѣ се извѣстнѣ прѣстѣла бѣе...). 65г—66б.

8. Слѣба акафистъ къ слѣкомъ вмлненію тѣвоу. Стыхеры... гѣб .ѣ. ... Ісе слѣкы дѣш мое оутѣшеніе... 66б—72а.

а) Млѣтва по несѣлномъ канонѣ, къ гѣ нѣшемъ Ісѣу Хв. (Гн оуслышн млѣвоу мою. тако азъ знаю врѣ'банз' соуцѣне...). 72б—73б.

9. Последование сѣтые кыпины въ сѣтѣхъ горѣ Синаисѣхъ. поетъ же въ всякъ соудбоу... (песнь ѿ Блжноу морскоу съкрывша древле...). 736—766.

10. Воскресная служба 1-го гласа (Въ субботу верѣ на величѣхъ вернѣхъ стрѣхъ въскрѣхънѣхъ глѣ ѿ.). 76в—84в.

11. Свѣтлннн въскрѣсны съ еульскѣхъ и самогланнн. 84в—876.

12. Акафист живоносному гробу господню и Воскресению. 876—92г.

13. Акафист архангелам. 93а—99б.

14. Служба с акафистом Иоанну Предтече. 99б—105а.

15. Акафист апостолам Петру и Павлу. 105а—113а.

16. Служба с акафистом Николаю Чудотворцу (л. 113а—117г), в ее составе (113в—114в, 117б—г) Канонъ сѣмоу Николѣ, кѣмоу же краегранѣльнице. Принашаю ти радунъ се Николѣе (текст соответствует изданному: Србляк. Београд, 1970. Књ. 3. С. 421—433).

17. Акафист Кресту Господню. 117г—123г.

18. Последование ѿ въквшеннн сѣеннне воды ѿбѣаемые на Бѣгѣвление (уставные указания, тропарь и молитва). 124а.

19. Канон молебн архангелам Михаилу и Гавриилу. Текст недописан, обрывается на 2-м тропаре 3-й песни. 124а—125в.

20. «Тропарник» (тропари и кондаки в порядке месящеслова и триодных служб):

а) Месящеслов с тропарями и кондаками (Последование сѣбранн въсвѣтнаѣ. натнѣше ѿ мѣсѣца сѣктѣбра...). 126а—168г. (из славянских святых и праздников помешены: Покров Богородицы (1.X) — 131а—в (тропарь и кондак); Прѣплѣбнне мѣре наше Петкы (14.X) — 133а—б (кондак); Н прѣплѣбнаго ѿца нашего Иѡанна Рнльскаго (19.X) — 133г—134а (тропарь и кондак); Н прѣнесенне мощемъ сѣго Нларнѡна епѣкѣпа Мегленскаго (21.X) — 134а—б (тропарь и кондак); Въ тѣже днѣ. нже въ сѣтынѣ ѿца ншего Арьсѣна архнѣпа Срѣскаѣ (28.X) — 135а—б (тропарь и кондак); Въ тѣже днѣ память, сѣго славнаго великоднѣка въ црѣхъ Стефана нже въ дѣтахъ (11.XI) — 137а—в (2 тропаря и кондак); Савва Сербскнй (14/I) — 148а—в (2 тропаря и кондак); Симеон Сербскнй (13.II) — 152а—153а (тропарь и кондак); Кирилл Философ (14.II) — 153а—б (тропарь и кондак); перенесение мощей Николы Чудотворца из Мир Ликийских в Барград (9.V) — 158г (только память); Вндовѣ днѣ (14.VI) — 161а (помета писца киноварью на верхнем поле); Иоаким Сарандапорскнй (Осоговскнй) — 167а (только память — 16.VIII).

б) Тропари и кондаки Постной и Цветной Триоди (Начало сѣаго и великаго поста...). 169а—204б.

21. Еула втрнннн въскрѣсна дѣ. 204в—207в.

22. Аплы и евангелн презнѣлю. 207в—213г.

23. Кондаки и икосы воскресные 8 гласов (без особого заголовка). 213г—215а.

24. Сказанне како побѣаетъ тѣстн еула въскрѣсна ѿ пасхѣ до сѣтые пѣдѣнн... 215а—в.

25. ѿ бѣгороднннхъ, прѣсѣтые бѣцн. на павѣрннннн канонъ пѣваемы. ѿ осмы гласовѣ нзѣбранѣ на молѣвъ прѣсѣтые бѣце. глѣ ѿ. пѣ ѿ. рѣмо. Лютые работн нзѣбывѣ Ирѣль... 215в—217б.

26. Служба усопшнм (Въ петкѣ всѣрѣ на гнѣ възваѣ страѣ къ бѡу ншемоу Ісѡу Хѣ. глѣ б.). 217б—221в.

27. Светильны общие (пророкам, апостолам, святителям, преподобным, мученицам, мученикам), пророку Илии и св. Неделе. 221в—г.
28. Мѣа то дѣльврне ꙗ зѣтне стые бѣомѣре Анны. 222а—224а.
29. Мѣа юліа кѣ вспеніе стые Анны мѣре бѣн... 224а—227а.
30. Мѣа сектѣвриа ꙗ днь стѣ правед'нынѣ бѣошѣцъ Іоакѣма и Ан'ны. и стѣо мѣнка Севвриа. 227а—229г, 231а—б.
31. Мѣа мана .б. днь стѣго и праведнаго Іова. 231б—г, 230а—г.
32. Ѡктонхъ по вса дѣнн (заголовок написан рукою К. Пейчиновича) — Октоих сокращенный (Шестоднев служебный), содержащий службы с понедельника (глас 3) по пятницу (глас 7). 232а—255б.
33. «Пасхалиа Кѣлова зрн сице (2 пасхальные таблицы). 255б.
34. Послѣдованіе и знаменіе Рожь.,ства Хринстова(!). 255б—257г.
35. Я се имена агѣлом' прывыцѣ, и ар'хагѣлом' велыкыцѣ. я Мнхань... Салатнль. 257г.
36. Служба на вечерни в Великую субботу. 258б—261в.
37. Мѣа Івліа. лѣ. прѣ.,праз.,нство ѣтнаго и животворещаго крѣта. 261г—266а.
38. Служба Алексію человеку Божию. 266а—267г.
39. Канон 40 мученикам Севастийским. 267г—271г.
40. Служба мученику Трифону (Мѣтва стѣо Трѣфона, глѣма ѡ іереа въ виноградѣх'. Хотен прочитати, прывеке сътворити ѡщѣніе водѣ по обычаю. и тако кропи водѣю и пон канонь. и стхерн стѣомъ). 272а—273в.
41. Апокрифические молитвы св. Трифона:
- а) Та же мѣтва я. съше.,ше стые агѣлы и шьвьствпне стѣо Трѣфона... 274а—в.
- б) Мѣтва .б. стѣо Трѣфона. Въ нде ѡца и сѣна и стѣо дѣха азъ раб бѣжн Трифонь... 274в—275а.
- в) Мѣтва третя стѣо Трѣфона. Вл.,ко гн вседрьжителю. тебѣ припадаю и молю се... 275а—г.
42. Чин малого освящения воды (1.VIII). 276а—280г.
43. Чин богоявленского освящения воды (без конца?). 280г—283г.

II. ЧЕТИЙ СБОРНИК СМЕШАННОГО СОДЕРЖАНИЯ:

1. Прѣпо.,ена ѡца нѣшго Дорѣфеа слѣо ѡчнтел'ное ѡ постѣ (Въ законѣ повелѣ бѣ сѣно ісрѣво да ꙗ коуж.,о лѣто ѡдѣтствыют'... ÷ ...не тѣню ѡ повѣдѣ еже повѣды ѡ на, нь н о нѣ же повѣданхольмы о немъ мѣтвами всѣ стѣ...). 284а—285б.
2. В' петькъ .я. не.,лю по Іован'а архепѣпа Константинаграда Златѣоста. слово ѡ постѣ. (Гредѣ врѣ в'сакон вѣшн къ плов., събранію... ÷ ...такѣ да н мы нз'бавим' се ѡ налѣца гнѣва. и полъчн црѣтва нѣнааго. влг.,тню и члѣколюбїемъ гѣ нѣше.... 285б—286б.
3. Слово непо.,ани за дѣше скѣпости радн: — (Въ дны Іованна Мѣтнѣва. архїепѣпа Алекс'са "д'рска" бѣ члѣкъ богат' нменѣ Тронль... ÷ ...ег.,а приндѣ правед'нин сѣдїа въздати коуж.,о по дѣломъ его...). 286б—г.
4. Въ не.,лю вторюю по нже въ стѣѣ ѡца нѣшго Іован'на Злѣвстаго слѣо къ ѡстающнмъ ѡ бжѣв'ныне слѣубы. и ѡ сѣн'нѣн трапезѣ и сѣдѣ. (Нѣкоже сѣющнмъ ннкааже поза ег.,а при пѣтн сѣю семѣна... ÷ ...такѣ да н настоящее жнзны насладнм' се. и вѣчннхъ влѣгъ полъчнмъ...). 286г—288а.

5. Слово ниши и во богат и во мнлостныи. б. не, лю поста. (іко трѣв'ныци имѣ пьстрин и разлычнн цвѣты... ÷ ...нзрѣд'нѣе же еже къ нскр'нема любовь да дръжнма. како да вѣтныи спо.,быи се жнзны...). 288а—290г.

6. Слово Іоан'на Златѣстаго во ѣ шба всѣе цетет' се всакъ чловекъ (!) жнвын. (Понвж.,аѣ н нѣдро гл'бын'ное рнеловца. ег.,а мрѣжъ в'вр'гъ... ÷ ...послнкъ сътворнсте єдинома ѿ сн^(х) м'вшн братн мон, мнѣ сътворнсте рече гъ...). 290г—293б.

7. Мѣца маа .а. днь повѣсти во платн и рнданн пр'рка Іерем. во Іерлцѣ. н запвстѣнн єдъ. н во нствпаєнн Явнмѣховѣ. (Іеремъ съ велнкын пр'ркъ ѿ Наафора сълоуѣе се весн. н во Іерлцѣ, н во Бавулонѣ... ÷ ...прншствѣа же хба вѣдѣ знаменнє. ег.,а в'сн єзычн дрѣвъ поклонет се, славецє н блѣвецє бга, како томъ слава въ веки. адннь). Л. 293в—299б. Особая редакция текста, включающая без отдельного заголовка Откровение Варуха (л. 294г—297б).

8. Жития, повести и слова из Стишного Пролога. Л. 299б—356в. Житие мучеников Галактиона и Епистимии. Л. 299б—в (5.XI). Память праха, выпавшего с неба при императоре Льве Великом. Л. 299в—г (6.XI). Жития: преп. Феоктисты (л. 299г—300б; 9.XI); Милия епископа и обоих учеников его (л. 300б—301б; 10.XI); великомученика Мины (л. 301б—303а; 11.XI, со стихами); Иоанна Милостивого, архиепископа Александрийского (л. 303а—б; 12.XI); Мартина епископа (303б—в; 12.XI); Иоанна Златоуста (303в—304а; 13.XII); апостола Филиппа (304а—307а; 14.XI, сх.); евангелиста Матфея (307а—308в; 16.XI); Григория чудотворца (308в—г; 17.XI); Иоанна Усмаря и Захария (308г—309г; 17.XI); Мѣца тѣ, кѣ. вспеннє стго н праведнаго Мнханаа конна (Тѣ бжн стын Мнханлъ бѣ въ лѣта блготннваго црѣ Мнханаа. ѿ грд Потквы. рѣм' сынь българнн'... ÷ ...н положн'нєго въ вслцѣн цркви Ызнѣнн патрархн въ рацѣ новн бѣ ншѣма слѣа) Л. 309г—310в; Повесть о видении Иоанна некоего юноши, зело полезна (л. 310г—311в; 23.XI); житие Климента Папы Римского, с чудом об отроке, не выделенным заголовком (311в—313а; 25.XI); свщмч. Петра Александрийского (312а—б; 25.XI); прп. Акакия, «иже в Лествице» (312б—в; 26.XI); прп. Иакова Отходника (312в—313а; 26.XI); апостола Андрея Первозванного (313а—в; 30.XI); Фрументия, архиеп. Индийского (313в—314б; 30.XI); Феодула епарха (314б—315а; 3.XII); Иоанна Молчальника (315а—г; 3.XII) Варвары влкмч. (315г—317а; 4.XII); прп. Павла Повинника (317а—318а; 7.XII); прп. Патапия (318а; 8.XII); св. мучеников, во Африкии скончавшихся от ариан (318а—в; 8.XII); Зачатие св. Анны, «егда зачатъ св. Богородицѣ» (318в—319а; 9.XII); житие Анны, матери пророка Самуила (319а—в; 9.XII); Бѣсѣда во вѣрѣ Ян'ны н во кротостн кє. н во почѣстн еже въ сѣнныкы. н во еже пѣбаєтъ нчннающъ во вѣдъ прѣстающъ мннтн се. (заголовок помещен на л. 319а, вслед за заголовком жития). Л. 319в—327в (Нчтѣо збо рав'но млтвы възлоу єлен'ны, нѣе вѣры бы что дожет' снл'нѣнше. шобн покѣ намъ Ян'на... ÷ ...н здѣшна тѣмъ, какоже ѿ нсточныкъ прндоуѣ. н бга възымаю млтѣа настоєщенє н воуѣщенє въспрндоуѣ славы, єе же боудн в'сѣмъ намъ полѣтн... — из Маргарита Иоанна Златоуста); житие прп. Стефана Новосиятеля (327в—328б; 9.XII); мучеников Мины, Ермогена и Евграфа (328б—г; 10.XII); прп. Фомы Нового (328г—330в; 10.XII); мучеников Миракса и Даниила (330в—331в; 11.XII); Спиридона, еп. Кипрского (331в—332а; 12.XII); Александра, еп. Иерусалимского (332а—в; 12.XII); мчч. Евстратия, Авксентия, Мардария и Ореста (332в—333б; 13.XII); мчч. Фирса и Левкия (333в—334а; 14.XII); мчч. Филимона и Аполлония (334а—в; 14.XII); свщмч. Елевферия (334в—335а; 15.XII);

стих Керевору епарху (335а—б; 15.ХІІ); мч. Елевферия кувикулария (335б—г; 15.ХІІ); пророка Аггея (335г; 16.ХІІ); царицы Феофании, супружницы Льва Премудрого (335г—336г; 16.ХІІ); «Бѣ нѣлю стынъ прѣщѣъ» (336г—337б); память праотцев от Адама до Иосифа (337б—338а); стих праведной Сусанне (338а); память св. трех отрок и Даниила пророка (338а—в; 17.ХІІ); житие прп. Михаила Синкелла (338в—339б; 18.ХІІ); Модеста, патриарха Иерусалимского (339б—340а; 18.ХІІ); мч. Вонифатия (340а—б; 19.ХІІ); прп. Григентина (340б—г; 19.ХІІ); свщмч. Игнатия Богоносца (340г—341а; 20.ХІІ); мчч. Евгения и Марка (341а; 20.ХІІ); прп. Филогония (341а—б; 20.ХІІ); мчч. Улиании (341б—в; 21.ХІІ); мч. Фемистоклия (341в—г; 21.ХІІ); мчч. Анастасии Узорешительницы (341г—342а; 22.ХІІ, сх.); мч. Хрисогона (342а—б; 22.ХІІ, сх.); мчч. Феодотия (342б; 22.ХІІ); 10 мчч. «иже в Крите» (342в—г; 23.ХІІ); прп. Павла Кесарийского (342г—343б; 23.ХІІ); прпмчч. Евгении (343б—г; 23.ХІІ); стихи св. Евгении (343г—344г); прп. Николая мниха, «иже от воин бывшего» (344г—345б; 23.ХІІ); Рождество Христово (345б—г; 25.ХІІ); Стихи на поклонение волхвов (345г—346б); стихи на Собор Богородицы (346б—в; 26.ХІІ); житие прп. Евареста (346в—347а; 26.ХІІ); Евфимия Исповедника (347а—б; 26.ХІІ); прп. Константина, «иже от иудей» (347б—г; 26.ХІІ, сх.); первомч. архидиакона Стефана (347г—348б; 27.ХІІ, сх.); прп. Феодора Константиноградского (348б; 27.ХІІ); стих 20.000 мчч. сожженных (348б—в; 28.ХІІ); стих мчч., «нзбвнѣвдъ огъня нзвѣставъшнхъ» (348в—г; 28.ХІІ); мчч. Домны (348г—349а; 28.ХІІ); прп. Феодора Начертанного (349а—б; 28.ХІІ, сх.); апостола Никанора (349б, 28.ХІІ); память 14.000 младенцев, избивенных Иродом (349б—в; 29.ХІІ); житие прп. Маркелла «обители Неусыпающих» (349в—г, 29.ХІІ, сх.); Фаддея исповедника (349г—350б; 29.ХІІ); мчч. Анисии (350б—в, 30.ХІІ, сх.); прп. Феодоры Кесарийской (350—351а, 30.ХІІ, сх.); мч. Филетера (351а—352а, 30.ХІІ, сх.); прп. Мелании Римляныни (352а—б, 30.ХІІ, сх.); мч. Зотика (352б—353в, 30.ХІІ, сх.); память Иосифа Обручника в неделю по Рождестве Христовом (353в—г, сх.); обретение главы Иоанна Предтечи (с четырьмя чудесами) — 353г—356б (24.ІІ); житие Мирона, еп. Критского (356б—в, 8. VIII); свщмч. Афиногена и прп. Марины (356в, 17. VII).

III. ТРИОДНЫЙ ТОРЖЕСТВЕННИК СО СТАТЬЯМИ СИНАКСАРЯ:

1. Синаксарь в неделю мытаря и фарисея. 356в—358а.
2. Синаксарь в неделю о блудном. 358а—г.
3. Слѣ же въ стынъ ѿца ншоу Іоанъна архіепіпа Костантинграда Златовстаго. Слѣ ѿ всъпшнхъ соуѣ дѣлѣна. о богатнхъ н нищнхъ. (Памѣ, нже ѿ вѣка блгоутно скончавъшнсе члѣвоу всѣ... ÷ ... за тѣ радн выны. дшамъ памѣтворнць, нхъ же въ праведнынъ селеннхъ стыннн блго, подлвн н на еднне бесмыртнѣ). 358г—360г.
4. Синаксарь в неделю мясопустную. 360г—361г.
5. Синаксарь в субботу сыропустную. 362а—в.
6. Синаксарь в неделю сыропустную. 362в—364б.
7. Синаксарь Федоровой субботы (Бѣ свѣотъ пръввю поста стго великоіѣнка Феѡбра Трона память творнць, н о кятнѣ...) 364б—в; 365а—б (столбец 364г оставлен без текста).

8. Синаксарь в Неделю православия. 365б—367б.
9. Синаксарь в неделю 3-ю поста (перед заголовком указание: Въ нѣлю в'торую пишн в' натло главизнама назадаь). 367б—368а.
10. В нѣлю четврьтую поста повчѣние стѣднѣтово, блѣн шѣе. (Приндѣте нѣна црковна тѣда, да шѣыгное повчѣние сѣтвор. пѣ и дѣленіе къ вашемъ събранію... Обычно встречается с именем Иоанна Златоуста в заглавии. Текст издан: *Климент Охридски. Събрани съчинения*. Т. 2. С., 1977. С. 757—760. О списках других слов этого цикла с именем Студита в заглавии см. там же, с. 642—643). 368а—369б.
11. Синаксарь Великого канона Андрея Критского. 369б—370б.
12. Синаксарь Акафистой субботы. 370б—371а.
13. Повчѣние въ свету стѣго и правед'на ѡлѣта. (Гѣу нѣшема Ісѣу Хѣѣ. по землы шѣствіе творещъ, спѣна ради рода нѣшо...) — Ср.: Евангелие учительное. Вильна, 1802 (7032). Л. 62об. — 66; 1-е изд. — Заблудов, 1569). 371а—373в.
14. Повчѣние в нѣлю цвѣтѣню еѣліе ѡ Іѡан'на. слово аї. (Днѣ зѣо намъ еѣльскѣй истѣтннк' воды нѣзѣвнѣныи... — Там же. Л. 66 об. — 70 об.). 373в—375г.
15. Въ четврьтк' вельѣ слово ѡ стѣртн гнѣ. (Нѣна приндѣ Хѣ на стѣртъ. н на ада сѣшѣ. Бѣ нѣкто ѡлѣр ѡмеры въ Бѣфанін... ÷ ... тако порѣганъ ѣл. помозы цн затворитн дѣвер. да не в'нндѣ самъ всѣ, да не нѣзѣтъ всѣ же гѣ прнходѣт, сѣмъ же слава въ вѣкы. аминь). 375г—377а.
16. Въ свѣотъ велнкю, повчѣние цнрѣ. (Нѣна братіе прнстоупнп' хотеще. къ стѣн страшнѣн таннѣ... — Слово о причастии; см.: *Климент Охридски. Събрани съчинения*. Т. 2. С. 522—545). 377б—378а.
17. Въ нѣле повчѣние на стѣоу Пасхѣ. (Въ вѣрѣ свѣотнынъ свѣтаюшн свѣоте. въ пр'вѣю свѣотъ прнндаше жены рано на грѣв' и мѣтн исѣа... ÷ ... тѣтымъ срѣцель рѣѣюшн ѡ вскрѣніе Хѣвѣ вскрѣ третн днѣ ѡ грѣба). 378а—в.
18. В' пнѣл'ныѣ стѣліе нѣліе повчѣние цнрѣ ѡ вскрѣніи Хѣвѣ. (Вскрѣ гѣ жнзнь цнровн дарова вскрѣ гѣ до ада нде прѣвѣ немъ тетаста два аїгла... ÷ ... вскрѣ ѡдамы і вѣ'ва. н цнога тѣса стѣнхъ всѣ, прѣвѣдаше стѣе трнднѣв'ное вскрѣніе, бѣ нѣшема слава въ вѣкы.). 378в—379г.
19. Въ втор'нык' стѣліе нѣліе повчѣние цнрѣ. (Нѣна братіе прнндѣ послѣушанте повчѣние стѣткннѣ. снѣ стѣвю нѣлю хрѣнтте стѣе трнднѣв'ное вскрѣніе... ÷ ... дрѣззы на ложѣ не вѣсташе. тогда ннчто сѣвѣ члѣвѣк' не помозеть доboro тн прннестн къ гѣѣу н бѣ нѣшема слава въ вѣкы. аминь). 379г—380б.
20. Нѣліе по пасѣѣ. стѣго аїгла фѣомы. оувѣрѣніе. ѡ вскрѣ Хѣвѣ. (Нѣна зѣо днѣ гѣ нѣшо сѣѣ Хѣ прославѣлаше вскрѣніе гнѣ. всн братіе радостно прѣзнѣвѣ... ÷ ... вскрѣшѣ Хѣ бѣга нѣше на радн. за грѣхы нѣше прѣтѣрпѣ гѣ стѣртъ вол'нью. н бѣ нѣшема слава въ вѣкы. аминь). 380б—г.
21. Въ нѣлю цнроносцнма поувѣніе цнрѣ. ѡ Іѡсѣфѣ н цнроносцнма. (Нѣна братіе възлюбленна. слѣнце пѣ ѡблакомъ красѣет се. любнмо всема видѣшнма... ÷ ... за на прѣтѣрпѣвшн прннѣмаѣ тако ж рѣтѣв чѣтнѣншъ нѣшо блѣгодаренна. н похѣваленнѣ вѣчнѣ блѣг' спѣбѣн на тако блѣг' члѣвѣколюбѣцъ. н бѣ нѣшема сла.). 380г—381в.
22. Нѣ. а. по пѣцѣ. ѡ раслаблѣн'нѣмъ. (Члѣвѣколюбѣцъ блѣгы гѣ бѣ нашъ Ісѣ Хѣ не тѣкмо дѣшѣлѣ н тѣломъ вратъ... ÷ ... разнѣчно сѣдѣла. н тако сего Іѡан'на блнзѣ тако помѣнѣн. ннзѣтѣтен'ною мѣтню твоѣю Хѣ бѣжѣ помѣлан н на. аминь. — Ср.: *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 224). 381в—382в.
23. Синаксарь Преполовения. 382в—383а.
24. Синаксарь в неделю о самаряныне. 383б—384в.

- з) Старъць бѣ неки въ лаврѣхъ Пергѣнцѣхъ именѣ Мирогѣ иже въ толноко жестоко житиѣ достигше...
 ÷ ... азъ бо за такового тръпе недоуга и длю се бѣхъ. 405а.
- и) Бѣ некто ѿхѣнникъ въ вртпахъ Іоѿданскыи. именѣ Барна... ÷ ... елико нзвѣ въ стражѣхъ тлѣкъ. толноко въ нѣтрѣ цвѣтеть. 405а—б.
- к) Старъць нѣкын бѣше и често болѣхъ... ÷ ... забвѣ ли бѣхъ и не посла посѣтити мѣ. 405б.
- л) Видѣе многа авѣа Агафонъ въ градьхъ продати малн съсѣдн... ÷ ... бѣше агглы гнѣхъ прише нскышаше его. 405б.
- м) Въпроси бра. нѣкоего старъца. Глѣ, рѣчи ли единѣхъ вещь, да съхраню и живѣ боу. и рѣ ели старъць. аще възможешн досажѣне приети и тръпеніе. 405б—в.
- н) Рѣ ѿць Ісана. аще призовешн ница зпоконтн его бѣа радн... ÷ ... еже сътвористе братіамъ нициамъ лиѣ створиште. 405в.
- о) Повѣдахъ старъци ѿ бѣн Макаринъ вѣланцѣхъ, тако некогда ходещѣ ели по пѣстинн, собрѣте на землю лежашѣ главѣхъ тлѣчу... ÷ ... н по семь възѣ старъць главѣхъ сонѣхъ и погрѣю въ земли и прослави бѣа ѿ члѣ. 405в—г.
- п) Придоу къ авѣ Стефанъ Капдокъ, на Синанскую гору. и повѣда на глѣ... ÷ ... н ходеще прѣндоше ѿвонъ поль моря тако по свѣхъ. 405г—406а.
- р) Слыша некто ѿ стынѣ тако выпаде некин бра въ бладь... ÷ ... просе ѿ бѣа мѣтн ѿ семь слъзе и трѣде велѣн. 406а.
- с) Повѣда намѣ нѣкы ѿ ѿць свѣнѣхъ въ вгуптѣхъ градѣ. тако възыдоу въ гору Синанскую... ÷ ... ѿнда вѣли блѣгодаривѣ бѣа спѣльшаго мѣ видѣти таковое. 406а—б.
- т) Стѣго НСАІЕ. Подышала на къждо днѣхъ въ чьсомъ сьгрѣшн еси, и аще поминшѣ о ниѣ. бѣхъ простити ти... ÷ ... раждѣетъ смѣрене и смѣрене прашаетъ всаки грѣхъ. 406б—в.
- у) ѿ СТЪЧЕСКАГО. Бра въпроси ѿца Пина глѣ. сътвори грѣхъ великъ... ÷ ... н въ три дни приидѣ его бѣхъ. 106в.
- ф) И глѣ братъ, что е покатиѣ грѣха... ÷ ... тако ѿставише грѣхы и праведни быше. Рѣ паки еже повѣнскрѣнѣ, пѣвно е ѿвѣченію. 406в.
- х) Въпросѣ бы ѿць Моусѣн ѿ нѣкоего вонна... ÷ ... аще вѣо ти ризѣ свою щедниш, бѣхъ свое създѣне не пощѣити ли. 406в.
- ц) Пѣ ѿбрау соу покатиѣ зазрѣне сьгрѣшенѣ... ÷ ... н ѿ мѣтнѣ и ѿ смѣреноидра. 406в.
5. Выписки из житий, творений отцов церкви, канонических и аскетических сочинений и патериков:
- а) ѿ ЖИЯ СТѢГО ПАИСІА. Приде многа къ священномъ Пасию нѣкын ѿ старъць, Іоанъ именѣ... ÷ ... н повѣждѣ мѣтѣю сщѣннаго Пасіа крѣпоу въсприемѣ. 406в—407а.
- б) ѿ ЖИЯ СТѢГО ПАХОМІА. Сѣдѣшѣ стѣмъ Пахомію бѣхъ ншѣмъ въ пещѣхъ. тавнѣ емоу агглы гнѣхъ... ÷ ... н сего рѣи оубо и мы прославихомѣ подвизавшѣ о гнѣ. 407а—б.
- в) ѿ ЖИЯ ІОАННА МЛТНВАГО. Повѣле вели Іоаннъ слоубѣхъ ѿ оумрѣшн без лѣности и бѣ смѣнѣна сътворѣти... ÷ ... н сего радн о ниѣ творимѣ сьжѣбы. еже и въ дѣланѣхъ апльскыи слыши бывше. 407б—в.
- г) ѿ ПРИЧЕШЕНІ СЛО СТѢГО ВАСНАІА. Я еже видѣхъ се колы не соу иерею причѣшеніе своею рѣкою възидати никакоѣ бытѣшко... ÷ ... н пиѣ мою кровь прѣбываѣ въ мѣхъ и азъ въ немѣ. 407в—г.
- д) Въ Фивандѣ гора е нѣкаа въ нен же сѣдѣхъ мноци мнози и тамо свѣнѣмъ намѣ... ÷ ... н рождна, на нен же творѣхъ метаніе мое и та съжена. 407г—408а.
- е) ѿ ПРИШЕН. Бжѣтѣнынъ Златовствѣ въ тьковани еже ѿ Матфеѣ. въ осмѣдѣти и вторѣмъ быбнѣмъ... ÷ ... н ѿ своелѣ тьшанинѣ и еже ѿ ннѣхъ прилежани, мнозию приидѣмъ мѣтѣу. 408а—г.

6. Ѡ ПРАЊНИКѠ И ПОСТЕѠ, Н КОЛНОПРЪКЛОНЫИ. ВЪЗЪБРАЕНЫ ИЛИ ПОВЕЛЯНЫ БЫВАТИ: Ѡ БЖТЪВНАГО И ПОКЛАНАЕМАЯ ДѠА, БГОНОСНЫ ѠЦИ НА ПРЪДАНЫ.

а) Ѡ ЗАПОВЕДИ СТЫ АПЛЪ. АЗЪ ПЕТРЪ И ПАВЛЪ ЗАПОВЕДАЕ ВСЕЪ ЛЮДЕМЪ ПЕТЪ ДНИ ДѠЛАТИ... ÷ ...ТА ПРИШЕСТВІА ДНЕ НА ДѠЛАНІЕ ДѠЛА СВѠТА. 408Г—409а.

б) Ѡ ПРАВНА СТЫИ АПЛЪ. ПРАВНО ЗД. АЩЕ КТОРЫИ ПРИСТНЫКЪ СВРЪЩЕТЪ СЕ ВЪ НЕДАНЫИ ДНИ ПОСТЕ СЕ ИЛИ ВЪ СВБОТУ РАЗВЪ ЕДИННОУ ТЪКМО ДА ИЗЪВРЪЖЕТЪ СЕ. 409а—б.

в) ТЪХ ЖЕ ПРАВНО ЗФ. АЩЕ КТОРЫИ ЕПЪКЪ ИЛИ ПРЕЗВЫТЕРЪ ИЛИ ДІАКОНЪ... ÷ ... АЩЕ ЛИ МИРСКИИ Е ЧЛѠВЪКЪ ДА ѠЛЧУИТЪ СЕ. 409б.

г) Ѡ ЗАПОВЕИ СТЫИ АПЛЪ. ДНИ ГНИХЪ ПРАЗНИКЪ ХРАНИТЕ... ÷ ... ГНИА. ПОГРЪВЕНІА. ЮЖЕ ПОСТИ ЛѠПО КЕ А НЕ ПРАЗНОВАТИ. 409б—г.

д) Ѡ ЖИЯ СТГО НИКОЛИ. БЕЛЫ ЗВО ВЪ СТИЕЪ НИКОЛАЕ СЪ ДНОГЫ ЧЮДЕСИ... ÷ ... Ѡ МЛАДЕНСТВА ПРЪБЫВАНІЕ ЧЮНО ПРЕПОКАЗУЕТЪ СЕ. 409г—410а.

е) АГГІАН СЪ ИЖЕ ВЪ КОНЦѠ ЦРКВИ ПРЪПНСОУЮЩЕН ПОСТЕЩЕНСЕ... ÷ ... Ѡ БЪГЛНВА ВОИНА НАПИСАНІЮ ВОЕВОДСТВОВАВЪШЪ ОУСТРОИШИ. 410а.

ж) СТГО ПЕТРА АЛЕКСАНДРСКАЯ ПРАВНО ЕИ. НЕ ПОНОСИТЪ НИКТОЖЕ ЖЕНАМЪ СЪБЛЮДАЮЩИМЪ СРЪДА И ПЕТЪКЪ... ÷ ... ВЪ НЕИ ЖЕ НИ КОЛЕНЪ ПРЪКЛАНИАТИ ПРЪХОДОМЪ. 410а.

з) СТГО ИГНАТИА. АЩЕ КТО ЧИСТОТСТВОУЕТЪ И ВЪЗРЪЖАЕТЪ СЕ ДА НЕ ВЪЗНОСИТЪ СЕ... ÷ ... ИЖЕ ВЪ СВБОТУ ИЛИ ВЪ НЕДЕЛУ ПОСТИТЪ СЕ РАЗВЪ ЕДИННОЕ СВБОТЫ. ХОВБИЦА Е. 410а—б.

и) Ѡ ЛАВСАНКА. ГЛАШЕ СТЫИ АПОЛОСЪ ИАКО ПЪБАЕЪ ПРИХОДЕЩИМЪ БРАТИАМЪ ПОКЛАНАТИ ТИ... ÷ ... ДА НЕ ИЗДАШИ ЕГО. ѠВЪЩЕ БО НИМАМЪ ПРЪДАНИЕ. 410б.

к) ІѠАННА ЗАЛЪУСТА. ГЪ ЖЕ СМЪЮЩИ СЕ ЗВО ѠКАЗАНИ НАРЧЕТЕ... ÷ ... Ѡ БЛГОДЕТИ ѠПАДОСТЕ. ХС ВА ИНИТОЕ ПОЛЪЗУЕТЪ. 410б—411в.

л) СТГО ДІОНИСИА АРЕОПАГИТА: Ѡ ИСПОВЕДАНИИ. АЗЪ ГІАЮ ПОСАДЪВЮЩЕ БЖТЪВНЫМЪ СЛОВЕСЕМЪ... ÷ ... СЪ ТЪ ИАКО Ѡ БІА ПРИИДЕТЕ ѠСТАВЛЕНІЕ ГРЪХОМЪ. 411в.

м) Ѡ СЩЕННОНАЛІЕ ГІАЕ. АЩЕ КТО СЩЕННОНАЛІЕ ИЛИ НИИ НЪКОТОРЫИ ЧИНЫ ОСТАВНВЪ... ÷ ... Е БО И СЕ БГОНАЛНЫМЪ ВЕНІЕМЪ ВЪЗАКОНЕНО. 411в.

н) ЗАЛЪУСТАГО Ѡ МАТИНЫ. РЕ ГЪ АЛЧЮЩИМЪ И ЖЕЖОУЩИМЪ И НАГЫМЪ. А НЕ ПРЪСЩЕННЫИМЪ СЪТВОРИ МАТИНЮ. Ѡ ТАКОВЪ ГІАЕ ИАКО ВІНА ТЪ НА ДОЛОБ ДАДАНІЕ БЫВАЕ... ÷ ... АЩЕ БО ТИ НЕ СВѠШИ ЕГО, НЕРАСТРЪЗЕМЫЕ ТО ЖОУТЬ ЗДЫ. 411в—г.

о) СТГО АФІАСІА АЛЕКСАНДРСКАГО. ШЫСТВОУЮЩЕ НЕПРЪЛЫСТНЫИ И ЖИВОНОСИ ПОУ. ѠКО ЗВО ДА ИЗВРЪЖЕМЪ... ÷ ... ИАКО ЛЮТА И НЕСЪИДСАНА ЧЛѠВКА. ДА ЦРКОВЪ СЪВІРАЕМА БЪ СЪБЛАЗНА ХРАНИТЪ СЕ. 411г—412а.

п) СТГО АНАСТАСІА СИНАНСКАЯ. АЩЕ ОКО ТВОЕ ИЛИ РЪКА ТВОА СЪБЛАЖИАЕТЪ ТЕ, ИЗЪВРЪДИ Ѡ СЕ... ÷ ... СЪБГАТИ Ѡ НИ ЛѠПО Е И СМАТРЕТИ СЕ ИАКО Ѡ ЗЪМА. 412а.

р) Ѡ СТАРЧЬСКАЯ. БРА СЪГРЪШНВЪ, ѠЛЧЕ ЖЕ БИВААШЕ ПРЕЗВЕНТОРОМЪ Ѡ ЦРКВЕ. ѠЦЪ ЖЕ БИСАРИСОНЪ ВЪСТАВЪ ИЗЫДЕ С НИМЪ ГІАЕ. ИАКО И АЗЪ ГРЪШЕНЪ ЕСМЪ. 412а.

с) БЫ ИНОГА СЪВОРЪ ВЪ СКАТЪ. И ГЛАХУ ѠЦИ Ѡ СЪБЛАЗНИВЪШЕИ СЕ БРАТЬ... ÷ ... ЖЕ ПЪБАЕТЪ ЖЕ СИЦЕ ТВОРИ, НИ ПАЧЕ СВОИ ПРЪ СОВОЮ ПОЛАТИ. И СЛЫШАВЪШЕ ВСИ ПОЛЪЗ ПРИЕШЕ. 412а—б.

т) Ѡ СТАРЧЕСКАЯ. ѠШАЛНИКЪ НЪКОЕМЪ ПРИДЕ ПРЪЗВЕНТЕРЪ Ѡ ПРИЧТА. ТВОРЕ ЕМУ СТЫ ТАНИ ПРИНОШЕНІЕ... ÷ ... ПРИЗЫВАЕЪ ПРЕЗВЫТЕРА И СЪТВОРИ ЕМУ ИАКО И ПРЪЖЕ СТЫ ТАНИ ПРИНОШЕНІЕ. 412б.

у) Ѡ СТАРЧЕСКАГО. ПРИДЕ НЪКЫИ БРАТЪ КЪ ѠЦЪ СЛАВІАНЪ ВЪ ГОРЪ СИНАНСКЮ. И ВИДЕ БРАТИУ ДѠЛАЮЩЪ РЪ... ÷ ... ВЪСАКО ТРЪВЕЗЕТЪ МАРИА И МАРЪФ. МАРЪФ БО РАДИ, И МАРИА ПОХВАЛЕМА Е. 412б—в.

ф) Ѡ ЛЕСТВЕНЧНИКО. МОЩНО ЗВО СВЪЗАНЪ СВШЪ ЖИТЕНСКЫ ВЕЩМИ И ЖЕЛЕЗНЫИ ПОПЕИИ ХОДИТЪ... ÷ ... СЛЫША НЪКІЕ ВЪ МИРЕ НЕРАДИВЕ ЖИВЪЩЕ. РЪКШЕ КЪ МИЕ КАКО МОЖЕМЪ СЪ ЖЕНАМИ ЖИВЪЩЕ

и мирскимъ попѣнемъ полѣще... Притѣцелъ съ радостію и божазнію къ добромъ подвигъ... ÷ ... аби ѿ наѣла на тѣ рати попвстн. вѣнчати тѣ въскорѣ хоте. 412в—г.

х) **ЗЛАУСТАГО ЕЖЕ ѿ МАФ.** Вся кнѣиць наоучивъ се црѣвию небомъ... ÷ ... нзноситъ ѿ кровнища своего нова и ветхаа. Книжника зѣ глѣтъ прилежнѣишъ прочитаниемъ бжтвнѣишъ писанин... ÷ ... н тародѣ прѣспѣю на горшеє. льстеше и прѣшашемъ. 412г—413б.

ц) **ТО ЖЕ ѿ ЕЖЕ КЪ ФНПНСЕѦМЪ.** Се е оучитѣство сице оученика възвести можѣ... ÷ ... аще лѣи вѣитъ дѣлы добродѣль съврѣшашемъ, не имѣ такова глати. 413б.

ч) **ТО ЖЕ ѿ ТАЛКОВАНІА ДѢЯНИѦМЪ.** Не мене бы мнозѣ священникъ спѣемъ, нь пате множаишн погыбаемъ... ÷ ... мнозъ възѣванте нѣмъ почьсть. бде бо о дшѣ вашѣ. 413б.

ш) **ѿ СТАРЧЬСКЯ.** Нстеза бдетъ кождо, нмже облѣаетъ засвѣтелствовати... ÷ ... не нзбавляет се. не погнаетъ и тѣ с нимъ тако нерадивъ и лѣннвъ: — 413б.

щ) **ЗЛАУСТА, ЕЖЕ ѿ МА.** Нже ѿ едноо слова не послышаша, не нуди съ любопрнемъ... Пѣбаше ти вдати сребро мое трѣжнникомъ... ÷ ... нмшоимъ бо да се нзвнтѣствоуѣ, а ѿ немлѣща. и еже имѣ ѿнмст се ѿ него. 413в.

ъ) **ТО ѿ ЕЖЕ НА ЮДЕЮ.** Яше збо вѣишн ко трѣвзюща дшѣвна или тѣсна нсцѣленіа... ÷ ... ѿ падшн братен подмышлан и непшвн и кровнище бы еже ѿ онѣ попѣнне. 413в—г.

ы) **ѿ ЗАВѢЩАНІА СТѦХ АПЛЪ.** Оучен аще и мирѣнннъ бде... ÷ ... боуѣть рѣ вси навчени бгомъ. Тѣлѣ. Зри збо се, като повѣлеаетъ мирѣномъ вѣишн... ÷ ... н словесъ бжннхъ неправомъ заповѣданію. 413г.

ь) **СТЫИ АПЛЪ ПРАВНО ИФ.** Епкпа или прѣзвѣтера и диакона вноща съгрѣшающѣ... ÷ ... не въклѣтавшѣ, стражѣ не прѣшаше. 413г.

э) **ЗЛАУСТАГО ѿ ПОСЛАНИА КЪ ТИМОФЕЮ, ПРѢВАГО КОРИНТЬСКАГО.** Слычатъ се бо простнмъ людемъ въ блгоусти жнѣ. священникѣ же въ лжкавствѣ... ÷ ... радн спеніа ншо въсѣ дѣствоуен тако же самъ въств. 413г—414а.

ю) **ВЪПРО СТГО ЯНАТАСІА СИННАСКАГО...** Знаменіа и чудотвореніа прорѣсна... ÷ ... ѿ коеє слны творима сѣтъ. ѦТВѢТЬ. Знаменіа чудотвореніа и прорѣчаніа множицею... ÷ ... никога же те вѣидѣ. ѿнде ѿ мѣ дѣлателю безаконіа (ср.: Симеонов изборник. София, 1991. Т. 1. С. 429, № 98). 414а—в.

я) **СТЫИ АПЛЪ.** Ннже всакъ прорѣствоуѣтъ стѣ и прѣбнѣ. нн всакъ вѣсн нзганан стѣ... ÷ ... ѿ сн нсхоженіа прѣбннн боуѣтъ. ѡ и последнн и моу поидоутъ. 414в.

аа) **ѿ ЖНЯ СТГО ПАХОМІА.** Бдещъ некога ѡцъ Паломъ съ стѣмъ Пахомемъ и огнь възгнѣшьшемъ... ÷ ... въврже его вѣ въ печь баннью и съгорѣ тало. 414в—г.

бб) **МНИ НѢКЫН ДѢЛАШЕ ВЪ ДНѢ МѢНКА.** вѣдѣвъ же его дрыгын... ÷ ... н азъ не дльже ли іемъ мало въ дѣлѣ днѣ. 415а.

вв) **Хрстолобець нѣкын мирѣнннъ въпроси ѡца Іоанна Пррка...** ÷ ... а нже прѣобндѣнемъ и лхондствомъ дѣлающнмъ грѣіе. 415а.

гг) **Сло възвнженн прѣстѣе бца.** (Повѣдаше нѣкто глѣ. како евреннъ нѣкын приквѣи се съ Итали нѣкыннн... ÷ ... на мнѣ недѣннѣмъ. како истннна и велнка е вѣра правосавнѣи хрстіанъ. 415а—в.

дд) **ѿ СТАРЧЬСКАЯГО.** Рѣ нѣкын ѿ старць. ѿ стѣн ннн и стын постѣ, како прѣдвѣріе іе вѣчнѣ блѣ... ÷ ... нареши въобразнѣл вѣка ѡно. нь тчю едннѣ днѣ. 415в—г.

7. **ОУСТАВЪ ИЗВѢНЪ ѿ ГРЬСКИЕ КНЫ ѿ БЖТВЪНЪИ ЛУРГІИ.** Зри священнн. и въннман ѡпаснѣ. Бжтвнаа литургіа, ѿ сицевн. аще оубо кто съ нже блгоговѣнемъ и вѣроу сътворяю сню. Яше иже кто грѣ дѣств... ÷ ... такоже за стое копнце, и за стѣю звѣздоу, ꙗ, мѣ. 415г—416в.

8. **Ω. ̄. ТАННЬСТВО ЦРКВНЫ .А. КРШЕНИЕ...** ÷ ... **̄. ННОСКИН** ѡбразъ. исповѣданіе, и покааніе. 416в.

9. Наставление священнику (продолжение Устава?). **Ω СШЕННИЧЕ.** Да бо не прѣподашь. ни прѣтѣаешь мѣжа н̄ женѣ, кон нѣ св вѣнчанн, ни нмѣ мѣжа н^(*)... ÷ ... съ в'сѣмн сты. тако днвнъ бгъ въ стын̄ своѣ по проркѣ выпюшѣ. 416в—г.

10. **СКАНІЕ Ω СТЪН ЛУРГИН. КОГѦ ПОБАЕ КЛЕПАТИ, В' ВТОРИН ЧѦ ДНЕ...** ÷ ... н сѣа испльнѣ слобѣ прѣжесщн̄на. 416г.

11. Выписки из «Церковного сказания» Константина Преславского: о церкви, скинии завета, св. трапезе, проскомидии, ступенях (степенях) алтаря (ср.: *Кувев К.* Иван-Александровият сборник от 1348 г. София, 1981. С. 345—350). 416г—417б.

12. О поставлении пресвитера. **НЖЕ В' НОВЕ КЕСАРИН СТГО СЪБОРА.** Аще исповѣ прѣзвнтеръ. тако съгрѣшн прѣже поставленіа... ÷ ... нъ да нмѣ вкѣаніе спво кршение. 417б.

13. **ОУСТАВЛЕНІЕ СТЫН ѠЦЪ Ѡ ЖН' ВСЕГО ЛѢТА. ИЗЛОЖЕНО В' КРАТЦѢ.** Братіе хлѣбомъ и водю повѣно намъ бы жн̄... ÷ ... ннѣ прѣзвнтеръ, ннѣ диаконъ заеже не ѡмьстн̄ дваши ѡ томъ же. (в тексте указание: **Въ прѣннкы Пртые Блѣце наше Бцѣ, егѣ прннесѣ в црквѣ и в прѣдннкъ прѣбнаго и бгоноснаго ѡца ншго Савы**). 417б—418б.

14. Статьи епитимийного Номоканона:

а) **ЗАПРѢЩЕНІЕ ИСПОВѢДАЮЩИМ СЕ.** Сн̄ оубо прѣвин запрѣщеніа в'сѣх'. кромѣ рабѣ, и рабынѣ... ÷ ... да разѣлетъ ю ншцимъ и лургиѣ да мѣ пою, колнко нмѣ вѣдѣ въз'мѣно. 418б—419б.

б) **Ω СКѠЛОСТѢ.** Аще кто с скѠмъ блажен̄ н̄ еднною, н̄ многаши... Аще кто растантѣ двѣцѣ, в̄ лѣѣ прѣшненіа ѡлѣтае... ÷ ... н в пѣх̄ не пн̄вно. н в то' не іастн месо. 419б.

в) **ПРАВНО Ω ВЪРЗУШН ВЪ ГАДИ І ЗВЕРЕ. Ω ЧАСОВЕ.** нмѣши днн̄ ѡвы добры ѡвы злы. соу'збо нѣцы въ хрѣтанѣ еже еретнцскаа дѣла дръжеше... ÷ ... дафанъ и явронъ въ раселнѣхъ землн̄нъ жн̄ пога'шени быше. 419б—г.

г) **О РОДИТЕЛЕ И Ω ЧЪДѢ ПРАВНО.** Роднтелн̄ чедомъ своимъ рав'но да раздѣлаю' нмѣ свѣта стежаніа... ÷ ... аще на рабнню, ꙗ. лѣѣ поклон бѣ. 419г—420б.

д) **КРЪВОСМЕШЕНІА ЖЕ СОУ'Н.** Првое крѣвосмешеніе тежчѣнше еже ѡбрѣстн̄ на свою мѣрѣ... ÷ ... на всѣ же дн̄ и ношъ мнѣтн̄ бгоу ѡ се' и ѡ тѣдѣ своѣ дх̄овнѣ. 420в—421а.

е) **ЗАПОВѢДЬ Ω ОУБННСТВНЫ ГРѢСѢ.** Нже волею своєю ѡбннство сѣтворнтѣ. н прндет' къ стѣн црквы... ÷ ... н соу'тѣ н̄ нзю по Пѣцѣ. сн̄ бо рѣ вѣрвемъ ѡбрѣстн̄ нмѣ ѡ грѣсѣхъ разрѣшеніе. 421а—422б.

ж) **Ω МРЦННА.** Повѣлеваемъ збо ѡ ѡдавленн̄нъ и мрцннѣ. тако не вкѣшатн̄... ÷ ... не пето даеъ и снѣдаю. таковн да ѡлѣнт' се ꙗ лѣѣ покло' ꙗ. на всакъ дн̄. 422б—423в.

з) **СЕ ПАКЫ О ІЕРЕѢ.** Аще кому прѣнзчнт се. заклатн̄ что н хошѣ прѣчестнтн се стнхъ танн̄... ÷ ... я нже ѡстанет' ѡ втр̄не, покло' ꙗ. 423в—425а.

15. Молитва в бездождие (**МЛТВА БЕЗЪЖНЮ**). 425б—в.

16. Молитва (апокрифическая) на дьявола (**МНРЪ ВСѢ. МЛТВА Ѡ ЗЛА ДЪЖА**). да се чѣтѣтъ на Гѡвнѣвъ дн̄ и на Възнѣніе Гне. и на съшьствіе стго дха. и да се чѣтѣ на четнрн странѣ сѣла по трн̄. въ нстннъ добно и праведно и праволѣпно Глѣб нашн̄ Іу Хлѣб поставлѣ Мнчанла арханг'ла... ÷ ... да прѣтъ вѣдет' прнлежаніемъ и исповѣданіемъ...; далее доксология). 425в—426в.

17. Тропарь, «слава и ныне» Богородице **ВХОДЕШЕ ВЪ ЦРКВЬ. РАУН СЕ ДѢВРН БЖІА, РАУН СЕ РАЮ ДВО ЧТАА...** ÷ ... радости и покровѣ дша ншн̄). 426а—б.

18. ПРѢСЛОВІЕ С҃ГГО ВЕЛНКОМ'НКА ЕУСТАТІА. (Ѡ ИСКУШЕНІА Б҃ЖІА ЗЛА И НАПАСТИ. ИЖЕ ВЬХОДЕТ' ВЪ ТЛѢЦѢХЪ Ѡ ТРѢ ВѢЩЕ БЫВАЮ... ÷ ...И УСЛЫТЕ КАКО БЫ ИСПР'ВА НАЧЬЛО НХ'). 426б—г.

19. МЦА СЕКТЕВРІА .К. М'НІЕ СТЫИХЪ М'НКЪ. ЕУСТАФІЕ И ЖЕНИ ЕГО ФЕОПИСТИ И ЧЬ ЕЮ. АГАПІА, И ФЕОПИСТЯ. (ВЪ ДНИ ТРАНАНА ЦРТА НДОСЦѢН ЖРТВЫ ОДР'ЖЕШЕН БЫ НѢКЫМ СТРАТНЛА ИМЕНЕМЪ ПЛАКІДА... ÷ ...И ТАѢ ТАКОЖЕ ТВОРИТЕ БРАТЕ, ЯКО ДА ПОЛУЧИТЕ ЦРТВА НЕБАГО...; далее доксология). 426г—432а.

20. Вопросы и ответы (9) Анастасия Синаита:

а) ВЪПРО С҃ГГО АНАСТАСІА СІНАНСКЯ. ДОБРО ЛИ ЈЕ ИСПОВѢДАТИ ГРѢ СВОИ ДХОВ'НЫИ МЖЕМЪ. И ПОМЫШЛЕНІА СР'ЦЯ. ѠВѢ. Добро па и многопользно, нь же неисквашен'нымь... ÷ ...И ОЧИЩАЕТ' ПРѢГРѢШЕНІА ИСПОВЕДАЮЩЕГО СЕ. 432—432г.

б) ВЪПРО. КОЛНКО ДѢЛА СОУ СПАЮШИ СЕ. И ПРОШЕНІЕ Ѡ БГА ПРИЕМАЮЩИМЪ... ТРИ ДѢЛА СОУТЪ ТАЖЕ НА СПІЕ ПРИВОДЕТ'... ÷ ...И БЕС ТРВА ТАКОѢ Ѡ МЫТАРЫ И РАЗБОНИКЪ БЫ. 432г—433а.

в) ВЪПРО. КАКО МОЖЕТ' ОУВѢТИ ЧЛѢКЪ. ЯКО ПРОСТНА ЈЕ ЕМУ БГЪ ПРѢГРѢШЕНІА ЕГО. И ЯКО ОВРѢСТИ ИМА МЛТЪ В' ДНѢ СЪДА. ѠВТ. Ѡ своеие съвѣсти познаванѣ и Ѡ др'зновения... ÷ ...ИЗВѢЩАШЕ Ѡ ПРОШЕНИИ ГРѢ СВОИ. 433б—в.

г) ВЪПРО. КТОРА ПРѢГРѢШЕНІА ПРОШЕНА БЫВАЮТ' ПО СМР'ТЫ(!) АНТХРГІИ РАДИ; И МЛТ'ВЪ И МЛТНЕ. ЕЖЕ Ѡ УМР'ШН ТВОРЕТ СЕ, КТОРА ЛИ НЕ ПРОШЕНА БЫВАЮ. ѠВѢ. И Ѡ семь велн Дионисіе Гліе, тако аще мала прѣгрѣшения... ÷ ...аще во самн себе не помлвемъ, кто на помлвати нма. 433б—в.

д) ВЪПРО. АШЕ КТО СТАРЪ ЈЕ, И НЕМОШЕ, И МАЛОДШНЪ, И НЕ МОЖЕТ' МНИШЕСТВОВАТИ. И ДЕЛА ПОКАІАНІЮ, ДОБНА ТВОРИ. КАКО МОЖЕ СЫПТИ СЕ. ѠВѢТЪ. Гоу глѡущъ. тако нго мое блго... ÷ ...нго мое блго и брѣ мое льгко је. 433в—434а.

е) ВЪПРО. АШЕ ЧЛѢКЪ СЫГРѢШНЪ ПОКАЕТ СЕ. ТАЖЕ ПАКЫ ВЪ ГРѢ ПАДНѢ ТРОУД' ѠНѢ ЈЕДА ПОГУБН ЈЕ. И АШЕ ВЪ ГРѢСЪ ТОМЪ ПА' УМРѢТИ ЕМУ СЛХ'Т СЕ. ѠВѢ. есть грѣ нже может' расыпати блга дѣла... ÷ ...кое ли же съглашение лво к лвакомъ. 434а—б.

ж) ВЪПРО. КАКО ЗБО ПА' БЛОУДНА ГРѢХА, ЕРЕТНЧЬСКОЕ ХВАЛЕНІЕ, БОЛШЕЕ ѠСЪЖЕНІЕ ИМАТ'... ÷ ...БЛОУДНАГО ЖЕ ѠТАУЧАЕТ' Ѡ ПРИЧЕШЕНІЕ БРѢ НЕКОЕ ѠВѢ. Поне бо се волно сыгрѣшение је. еретнчское же по невѣнію... ÷ ...приходит тлѣкы дхъ стын, такоже свѣтѣствують дѣбана апльска. 434б—в.

з) ВЪПРО. АШЕ СЫГРѢШН ЧЛѢКЪ ЧЛОВЕКЪ ГРѢ ВЕЛИ... еда и Ѡ ПРОШЕНІЕ ПРИНМЕТЪ Ѡ ГРѢСЕ СЕМЪ. ѠВѢ. Аше проститъ је емоу сыгрѣшна велию пол'зоу оврѣтаеть... ÷ ...нь и по ѠнѢ ПРОШЕНІЮ, БГОУ ПРИЛЕЖНО ДА ПОКАЕМ' СЕ. 434в—г.

и) ВЪПРО. КАКО МОЖЕМЪ НЕСЪБЛАЗНО ПРИЧЕШЕТИ БЖТВЫНИИ И СТЫИХЪ ТАНИИ. АШЕ УСЛЫШНМЪ ИЛИ САМИ ВІИМЪ ІЕРЕЯ ВЪ НѢКЫЕ ГРѢХЫ ПЛѢННЕ ВЪПЯША ѠВѢ. ЕЖЕ СДАН, И ИСТЕЗАТИ СЦЕН'НИКА, ЈЕКПЪ ЈЕ ДОБНО... ÷ ...И ЧИСТИ Ѡ ПРОКАЖЕНІА ПРѢБЫВАЮ. И СЛЫШН Ѡ СЕМЪ ДШЕПОЛЬЗНО ПОВѢДАНІЕ. 434г—435б.

21. ВЪ ЛѢТА АРКАДІЕВА. МѢСТО НѢКОЕ ИМЕНЕМЪ ТРОХІАДА. Ѡ ГРАКОСТАТНА, НПОПРИЩ ѠСТОЕЩИ... ÷ ...И СЪТВОРИ РАДОСТЬ СЛАННОМЪ И ВРАГОМЪ КРТА. И ИМѢНІЕ ЕГО ТАКО ЕДИННИКА 435б—г.

22. С҃ГГО ВАСИЛА Ѡ БОГАТЕШИ СЕ НЕПРАВЕДНО, И ХОТЕШНХЪ МЛТ ТВОРИТИ. ВѢТИ СЕ ПѢБАѢ, ТЛѢКЪ ВСАКОМЪ, ХОТЕЩОМЪ ТВОРИТИ МЛТНИЮ... ÷ ...ПРѢБЫВАЮЩЪ В' НЕПРАВДѢ, ТАВЪ ЗБО ТАКО ПОВИНА СЕБЕ ѠСЪЖЕНІЮ ТВОРИТЬ. 435г—436б.

23. ТОГОЖЕ Ѡ АНХОНМѢНИИ. АНХОНМѢНИА ГОРШЕ ЈЕ ДѢЛО, ЈЕЖЕ НИ ТЛѢН ДАВАТИ... ÷ ...ТАКО ТОЛНЦѢ ѠБЫШН, САНЦѢМЪ ВЪЗМОЖНО ТИ Ё ДАВАТИ И НЕ ДАЕШН 436в—г.

СѢПСЪ БѢШЕ НА СЕДМЕМЪ СВЪБОРѢ АНДРИАНЪ ПАПА Римскыи... ÷ ... по седмемъ свѣборѣ, ꙗко и вторыи патриархъ. по стѣмемъ фактѣ. 451а—454б.

VI. УСТАВНЫЕ И ЕВХОЛОГИЧЕСКИЕ СТАТЬИ, ВЫПИСКИ ИЗ ПАТЕРИКОВ:

1. **О ПРАЙНИКОѢ В НЫ ЖЕ ПОЕ СЕ БГЪ ГЪ.** Подобаесть вѣстѣ ꙗко на три чинны лѣтъ празднѣ... ÷ ... ѡбаче не вѣмъ ѡ бѣзѣ же развѣмъ имееи да просвѣтитъ на. 452в—454б. (из славянских святых отмечены Стефан Дечанский (11.X), Савва Сербский (14.I) и Симеон Сербский (13.II)).
2. **ИСАИЕ ОШЛ'НИКА.** Брате съхрани себе ѡ вниена. то ꙗко погвѣблѣѣ плод' мннхъ... ÷ ... аще дѣлалъ не ѡнь вѣще те ꙗко ни ти вѣще ѡного. 454б—в.
3. **ЧННЪ НСПОВѢДАНЮ.** 454в—457б.

* * *

При всем литературном богатстве репертуара Кичевского сборника и культурно-историческом значении входящих в него памятников текстом № 1 в нем несомненно является все же Болгарская апокрифическая летопись. Поскольку этот замечательный литературный памятник в течение столетия был известен лишь по изданию, нелишне сопоставить печатный текст с оригиналом. Точнее, речь должна идти о двух печатных вариантах, т. к. с выходом в свет монографии Й. Иванова editio princeps Л. Стояновича стало использоваться в значительно меньшей степени: здесь несомненно сыграли свою роль исследование и комментарии болгарского ученого, сопровождающие публикацию.

В целом переиздание Иванова передает текст, изданный Стояновичем, весьма точно. Несколько изменена организация текста (введена рубрикация и деление на главы). Специального внимания заслуживает лишь одна опечатка, где замена одного типографского знака другим сказывается на смысле текста. В главе VIII (Стоянович, с. 192; Иванов, с. 285) число городов, основанных царем Константином в Болгарии, у Иванова обозначено как 9 (ѣ), тогда как у Стояновича — 70 (ѣ), Едва ли это сознательная конъектура болгарского ученого, вызванная сомнением в излишне большом числе городов (во всяком случае в публикации это не оговорено). Скорее всего это ошибка наборщика, смешавшего сходные по рисунку знаки (литера ѣ могла попасть в кассу более употребительного о случайно при разборке прежнего набора). Издание Стояновича в данном случае следует за рукописью. Число городов (70) вызывает в памяти другую цифру, также характеризующую древнюю Болгарию как «страну городов» — известие Повести временных лет под 967 г. о том, что Святослав взял 80 болгарских городов на Дунае³⁴. Совпадение цифр будет полным, если предположить для Апокрифической летописи глаголический оригинал (для Македонии XI в. в этом нет ничего невероятного), поскольку в глаголице о имеет числовое значение 80³⁵.

Другие разночтения изданий малозначительны. Й. Иванов справедливо исправил название реки (Затноуѣа — II, с. 281), ошибочно переданное у Стояновича (Затисоуѣа — с. 191), удачно восстановил в скобках слово нѣе во фразе и на'ре нѣе едѣ Нзотъ (Иванов, III, с. 282, ср.: Стоянович, с. 191) и форму еште вм. оште же (Иванов,

VII, с. 284, строка 2; Стоянович, с. 192): еще же и Гръкомъ; в то же время неверно заменил праведны (в ркп.: правед'ни) доужь на праведень (Стоянович, с. 192, Иванов, с. 284—285). Остальные примеры относятся к области орфографии.

Сопоставление же публикаций с рукописью дает следующую картину. Налицо значительная орфографическая правка текста в изданиях. В соответствии с сербской издательской практикой XIX в. в кириллических текстах щ рукописей передается через шт (в подлиннике такое написание, естественно, не встречается), лигатура ъ, абсолютно преобладающая в кодексе, заменяется в издании на диграф оу. Существеннее, однако, не это. При большой плотности письма в Хлуд. 123, как уже отмечалось выше, вероятно, в целях экономии места часто употребляется паерок («ерик»), заменяющий редуцированный. В издании же в большинстве случаев значок опущен, изредка (обычно в конце слов) он заменяется на ъ. Учитывая уникальность списка, его следовало бы опубликовать с сохранением орфографии³⁶.

Особо следует оговорить явные ошибки издания. Так, в процессе копирования текста для публикации (менее вероятно, что это произошло при наборе) в главе один была опущена целая фраза, заключенная между одинаковыми словами (типичная ошибка переписчика): ѿць нѣнъ дѣомъ стѣмъ совнѣ сказа (днѣ н азъ же ваьмъ сказью, ѿ же се снѣ тѣа гѣ блговсрдѣ совнѣ пронзволн на) днѣ. тогѣ посла стѣо аггѣл (л. 400г, ср.: Иванов, с. 280, I, строка 2 здесь и далее пропущенный текст выделяется скобками). Бѣѣ ме пакы (400г) передано в издании как въведе... (Иванов, с. 280, I, 11). В словах тогѣ (азъ выпроси аггѣл (401а) пропущено местоимение (Иванов, с. 280, I, 18) Слово дѣтре (ѿ трѣва дѣтре цоее — 401а, Иванов, с. 280, I, 19) в рукописи написано другой рукой над строкой. Важный, хотя и мелкий, издательский пропуск обнаруживается в главе III (Иванов, с. 282, III, 11) — в словах Ѡ по ѡмртѣ Нспора, цѣра бѣлгарскаго, нарекоше Коуцманн Бѣлгарн (401б — в выносная буква с обозначающая возвратную частицу, опущена, что изменило смысл фразы³⁷. На предпоследней строке столбца 401в (Иванов, с. 283, VI, 5) изданный текст не учитывает исправлений, сделанных писцом в рукописи. Он передан как: Царьствова лѣтъ .ѿл. н родн светаго Петра. Первоначально же здесь было написано: Цртвова лѣмѣ(лѣмѣ?), затем л было исправлено на Ѡ, а лѣ превращено в ѷ.

В основном к пропускам, преимущественно мелким, сводятся и другие различия между рукописью и изданиями текста:

Хлуд. 123	Изд. ³⁸
скаѣти ѣхоцеть быти (400г)	...ещте доштеть... (280, I, 3)
вѣк'ы град' Прѣславъ ѡн' създа (401в)	...създа... (283, VI, 2—3)
н Прѣслав' градн н съзйда (за) кн лѣ' (401в)	нет (283, VI, 4)
данькъ ѿ всен земан (401г)	...отъ всею... (283, VI, 8)
ѿ земле него (н) ѿ лѣего (401г)	нет (284, VI, 1)
цѣрь Бѣлгаромъ ешеѣ (н) Гръкомъ (401г)	нет (284, VII, 2)
лѣ'.бѣ. (401г)	бѣ. лѣтъ (284, VII, 3)
нзѡбьмѣа (401г)	нзобмѣа (284, VII, 5)
меда же (н) мѣлка н вина (401г)	нет (284, VII, 6)
нет () 401г. нзѡбеньство	ситость (н) нзобильство (284, VII)
Краннеево мѣсто (402а)	Кра'ннеево... (284, VII, 23)

(Н) поѣмъ въставъ ннѣ ѿрѣ (402а)	нет (285, VIII, 1)
порадытъ н палицею нѣвидною (402б)	...полницею невѣднкою (285, VIII, 15—16)
Коураторъ (же) зли (402б)	нет (285, VIII, 16)
създа (402б)	създа (285, VIII, 22)
Н по немъ же пакы (402в)	Н потоць же пакн (286, X, 1)
Днлотнкъ (402в)	Мотнкъ (286, X, 3)
Н бы (же) ѿ него штроче (402в)	Н бы () нет... (286, XI, 1)
възъвахуѣ всн люде (на) сѣмешна (402в)	възъвахуѣ всн люде сѣмешна (286, XI, 4)
обрѣте се (ѿ) нно трѣсла ѿрѣ (402в)	нет (286, XII, 1)
многа бѣга бѣше (402в)	многа блага бѣша (286, XII, 25)
браѣ написано над строкой другим почерком (402в)	обрѣте ѿрѣ три браѣ (286, XIII, 1)
Моусен и Аронь саломаль (402в)	Моусен и Аронь и саломаль (286, XIII, 2)
слова свѣа въ написаны по выскобленному тексту (402в)	вста ннѣ царь соушта вдовнца (286, XIV, 1)
пакн ѿ тогозы трѣсла (402г)	пакы отъ тогази... (286, XV, 1—2)
Н прѣбѣ въ црѣвѣ си Романъ (црѣ) ѿ лѣтъ (402г)	...прѣбѣ... () нет (287, XV, 3—4)
невѣрнин безаконн (403а)	невѣрнин и безаконнцн (287, XIX, 6)

В сборнике «Апокрифическая летопись» занимает достаточно обособленное положение. Она, как нетрудно заметить по описанию, не входит ни в один из календарных или тематических комплексов. Апокрифов в рукописи мало (лишь «Повесть о плаче Иеремии» и молитвы мученика Трифона), они разножанровы, целостной группы не образуют, напротив — разбросаны далеко друг от друга, соседние же с «Летописью» статьи явно не составляют ее литературного конвоя. Состав сборника, таким образом, не проливает света на более раннюю историю бытования памятника. Исследователи должны быть благодарны воле случая и неизвестному сербскому книжнику рубежа XVI—XVII вв., проявившему интерес к древнему тексту и тем спасшему его от забвения. Случай с «Апокрифической летописью» — лишнее свидетельство той роли, которую сыграли в сохранении болгарского доевфимиевского литературного и книжного наследия западноболгарская и сербская традиции.

Второй большой апокриф сборника — «Повесть о плаче и рыдании Иеремии», помещенный в нем как чтение на память пророка (1 мая) — представлен здесь уникальной редакцией, включающей в себя полностью такой редкий (и тоже апокрифический) текст, как «Откровение Варуха». «Откровение» включено в «Плач» по принципу «шкатулочной повести», как большой вводный сюжет. Компилятор опустил заголовок и начальные слова Откровения (в объеме одной фразы) и тексты плотно соединились: Н надѣше Иереѣна съ людѣи въ плѣ Бавлонѣстѣмь. Баро же нзъше вѣнѣ // гра прѣбѣ. сѣдѣ на грѣвѣ и плѣ (переход, слово принадлежит обоим текстам) се немалыно и глѣхъ — л. 294г—295а. Соединение текстов произошло несомненно на славянской почве (поскольку оба они известны и в самостоятельных списках), но о времени составления этой компиляции судить трудно. Несмотря на достаточно позднюю дату сборника, текст апокрифа (а точнее обоих, входящих в компиляцию) обнаруживает несомнен-

ную связь со значительно более ранней традицией, являя в этом смысле аналогию «Апокрифической летописи». Текст «Плача» весьма близок к русским спискам XV в. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры. I., № 765 и 751), изданным Н. С. Тихонравовым³⁹. Кичевский список занимает промежуточное положение между двумя троицкими: там, где он отклоняется от основного (Тр. 765), он сближается с используемым в вариантах (Тр. 751). Приведу лишь несколько примеров: Тр. 765 — *Варѣ снѣ ѿвнрѣ* (Тихонравов 273, с. 4) Хл., Тр. 751 — *Пахорѣ снѣ ѿвнровѣ* (л. 293в); Тр. 765 — *изъ срѣца своего изрннжѣвѣ* (274, II), Хлуд. 293г, Тр. 751 — *изъ срѣца твоего изрннжѣвѣ*; Тр. 765 (257, I) — *сен в рѣкахъ вашн ѣ*, Хл. (294а) — *се в' роуѣ* вашей сн, Тр. 751 — *сен в рѣкахъ вашу*; Тр. 765 (275.20) — *лжею же*, Хл. (294а) — *блѣдн ѣ*, Тр. 751 — *блѣдн же*, и т. п.

«Откровение Варуха», включенное в «Плач», наиболее близко в текстологическом отношении к списку в «Сборнике попа Драголя» (Белград, НБ Сербии, Р 651) XIII в., совпадая в ряде случаев со списком XVI в. составе Панагюрского сборника (София, НБКМ, № 433)⁴⁰. Ангел, сопровождающий пророка Варуха в его странствиях, именуется здесь, как и в большинстве южнославянских списков, Фануилом. Приведу пример из начала текста:

Хлуд. 294г	Драг.	Пан.
(нач.) <i>плаѣ се немалыно н глааше гнѣ что се правед'но бѣ. потто Навьходьносорѣ црѣ не пощѣ ндѣ града твон славнѣ. что се тако створн гнѣ.</i>	<i>...плакахъ се немалыно н глахъ гнѣ что ти праведнь бѣ Навьходьносорѣ црѣ н потто не пощедѣ града твоего Юрсѣла ндѣже градъ твон славнѣ. что се тако створн.</i>	<i>... немалыно глахъ гнѣ что праведень бѣ Навьходьносорѣ црѣ потто не пощадѣ. града твоего ѿрѣла. н нѣже же виногради своѣ. славнѣ потто ли сѣ створн гнѣ дои славннн.</i>
<i>Н се платюшѣ ли се⁴¹ се аггль гнѣ прѣдѣста н рѣ ли⁴². змалын мѣ Бароше ѿ жалостн своеѣ. тако побаше Юрсѣла прѣстн.</i>	<i>Н се платюшоу ли се. н се аггль гнѣ прѣдѣста рете ли. оумалын моужю ѿ жалостн своеѣ. тако бо побаше Юрсѣлоу прѣстѣ.</i>	<i>Вѣ се платюшомѣ сѣ аггль гнѣ прѣде. н н ста н рѣ ли. оумалын мѣжа желаннѣ его. тако бо побашѣ прѣстн ѿрѣлоу.</i>
<i>Нѣ тако глѣт' гѣ вседръжнтелѣ. н посла мѣ прѣ анцѣм' твонм', да ти скажѣ в'се таннн бѣжѣ. зане сл'зи твое н глѣ твон вннѣ прѣ вѣа вседръжнтелѣ.</i>	<i>Нѣ тако глѣтѣ ти гѣ вседръжнтелѣ. н посла мѣ прѣдѣ анцѣмъ твонмъ да ти скажю все таннн бѣжнѣ. зане н слѣзѣ твое н гласъ твон вннде въ оушн вседръжнтелѣвѣ бѣ.</i>	<i>Тако глѣтѣ гѣ. вседръжнтелѣ н посла мѣ прѣ анцѣмъ твоим'. н да скажѣ ти таннн бѣжнѣ. зане слѣзи твоеѣ н глѣи твон вьнндошѣ, въ оушн бѣжнѣ дрѣжнтелѣвѣ.</i>
<i>Нѣ р'ци да ни приложнѣ ни ѣтаншн. н осажѣ ти в'се таннн бѣжѣ. нх' же не вндѣ 'лѣбк' ннѣ ннкто ннколнѣ.</i>	<i>Нѣ рци ли да ни приложншн ни оуложншн. н скажю ти таннн многѣ. нхѣже не вндѣ 'лѣбкѣ ннколнѣ.</i>	<i>Нѣ рѣ да не приложншн н скажѣ ти танна многа нже не вндѣ ннколнѣ 'лѣбкѣ.</i>
<i>Н рѣ азѣ Баро кѣ аггль, жнвѣ гѣ вѣ дои. аще покажешн' н внжѣ. не трѣбою, ни приложѣ словесе едннѣ. да приложнтѣ гѣ ѿ мнѣ свѣдѣ. аще приложѣ едннѣ слова.</i>	<i>Н рѣх аз Барохѣ кѣ агглю жнвѣ гѣ бѣ. аще покажешн ли н слышо. не трѣбою ни приложю словесе едннѣ. аще ли не оуложн ти приложю. приложнтѣ ли гѣ соудѣ.</i>	<i>Н рѣ азѣ Барохѣ кѣ агглю. жнвѣ гѣ дои. н не скажешн ли н оусаншѣ непрѣстанно моуж бѣ. едннѣго заповѣдетн. аще оуложѣ то. приложнтѣ ли гѣ бѣ въ днѣ сѣднн.</i>

Наиболее значительные отклонения нового списка до Драг. обнаруживаются во второй половине текста. Здесь имеется несколько значительных пропусков: в главе VI опущен текст от слов: славоу вѣнѣ до слов: слоунице по неѣти⁴³; в гл. VIII опущены слова от и вѣ на нен ѳезеро до се голѣмо зѣло⁴⁴ и от то како глѣть чловѣци до начала гл. IX⁴⁵. Напротив, в гл. X после слов син соут' грѣшнн⁴⁶ в Хлудовском списке читается значительная вставка, отсутствующая в других списках: нже не исповѣдаше и вдрѣше въ грѣсѣхъ своихъ, дрззи ѣ исповѣдаше на смѣртнынъ часъ и не подаше ѿ твѣда своихъ исквпн се ѿ грѣхъ своихъ, ни въ цркви антоур'гидь, ни млтне къ збогымъ то радн мѣтн'сѣ. Ѡ горе нды и родъ нѣ. по нн, нже твѣд' н задр'жаше и не даше за дше нѣ. Ѡ горе и тел' и живымъ нѣ, тако сквпостно прѣкоше ѿ жнвота, такоже и шедь, зане и ти въ горьшене мѣкты выпадоут (Хлуд. 123, 297а—б).

При общем сходстве нового списка «Откровения Варуха» со списками Драг. и Пан. особый интерес представляют те случаи, когда Хлуд. 123 сближается чтениями с другими ветвями традиции, в первую очередь — с русскими списками. Число таких примеров невелико, но они имеются. Так, в рассказе о всемирном потопе Хлуд., расходясь в одном месте с Драг., совпадает с русским списком кон. XV — нач. XVI в. РГБ, Син. (ф. 272), №363:

Хлуд.	Син.	Драг.
сѣтворн бѣ въ попь на земан и попп .д. ста и ѣ мѣжн велнкѣхъ	створн бѣ потопъ. потопн всакого первѣнца. .д. ста и ѣ тысящъ велнкѣхъ доуѣ	створн бѣ потопъ на земан. н .бѣ. ѣ тисоушь исполь погоубѣн ⁴⁷ .

В перечне великих рек (гл. IV) на 9-м месте в Хлуд. назван Тигр (в Драг. — Пернкоула), что совпадает со списком, изданным Ст. Новаковичем. Тигр назван и в Син., но на третьем месте. Наконец, в рассказе о фениксе (гл. VI) Хлуд. сближается в одном месте с глаголическим списком 1468 г. (Петрисов сборник):

Хлуд.	Петр.	Драг.
Н рѣ дн аггль нде нѣ ен финнза	Н рѣ дн нде бѣ ен поуннза	Н рече дн англь. иде кестъ птнци сен финнзъ

Известно, что текст «Откровения Варуха» изобилует цифрами, весьма разнящимися в отдельных списках. Значительная часть числовых разночтений объясняется ошибками и неточностями, возникшими при кириллической транслитерации глаголического оригинала. Ошибки эти могут быть трех видов: 1) смешение близких по начертанию глаголических букв, имеющих разное числовое значение (Ѣ (Ѣ) — 3 и д (д) — 5; Н (Н) — 20 и ѣ (ѣ) — 200; П (П) — 70 и П (П) — 90⁴⁸); 2) ошибки, вызванные кириллической траслитерацией глаголических букв, без учета разницы их числового значения в этих азбуках (Ѣ в глаголице — 3, в кириллице — 2 и т. п.); 3) ошибки, вызванные перенесением глаголических букв в кириллический список и позднейшим осмыслением их как сходных по начертанию кириллических (Н (70) или П (90) как Р (100), М (Ѣ) — 60 как Т (300) или л под двойным титлом (30) и т. п.)⁴⁹. Какова же в этом смысле ситуация в Хлудовском списке и как он соотносится с уже известными?

В гл. II, когда ангел возносит Варуха на небо, говорится следующее: и в'ндохомъ. и ндохомъ тако шгствѣ дѣн. П. Списки Драг., Пан. и древнейший Синайский дают цифру 7(З), глаголический — 50 (Ѓъ — л), что в числовом отношении соответствует Хлуд. Причина отклонений в других списках, возможно, кроется в том, что древнее начертание глаголического л (например в таких рукописях, как Киевские листки, главный почерк Мариинского Евангелия, главные почерки Сборника Клоца и Синайской глаголической Псалтыри)⁵⁰ имеет много сходства (за исключением левой нижней петли) с начертаниями кириллического З в таких рукописях XI и XII вв., как Супрасльский сборник, Хиландарские листки, Листки Ундольского⁵¹, Слепченский апостол⁵², сербские отрывки XII в. с Житием Иоанна Богослова (Петербург, БАН, 24.4.18)⁵³.

Подобным же образом, вероятнее всего, объясняется и различие во всех южнославянских списках (включая и Хлуд.) в гл. III, где речь идет о путешествии на второе небо. Южнославянские списки дают цифру 7 (З), глаголический — вновь 50 (Ѓъ). Цифра 8 (Н) в русском Синодальном списке появилась, очевидно, на месте правильного 50 (Н), т. к. в полууставных почерках XV в. эти буквы очень близки по начертанию и в незнакомых писцу словах (либо как здесь — в числовом значении) легко могут смешиваться⁵⁴.

Большой разброс цифр в параметрах Вавилонской башни в той же главе III требует специального исследования. Здесь же далее число языков, возникших в результате вавилонского столпотворения, определяется в Хлуд. (л. 295г) и Пан. традиционной цифрой 72 (Ѡ.Ѣ.), а в Драг. — 52 (Н.Ѣ.). Последнее безусловно объясняется невнимательным копированием глаголического списка, т. к. Н (Ф) имеет в глаголице числовое значение 70 (ср. Петр.: РѢ). Синодальный и Синайский списки этого пассажи не имеют.

Много вариантов представляют и цифры в гл. IV, в начале рассказа о великом змее, пьющем воду из моря. Продолжительность полета Варуха с ангелом до змея равняется 40 дням (М) в Синодальном, 187 (Р и П и З) в Синайск., 32 (ЛѢ) в Хлуд. и Драг., 70 в Пан. (Ѡ). Цифра в Синайск. наиболее близка греческому тексту, где она равняется 185 (ϩπε)⁵⁵, цифры в Синод. и Пан. не поддаются однозначному объяснению. Вариант же Хлуд. и Драг. соотносится, хотя и с характерной ошибкой, с хорватским глаголическим списком — 52 (ЃъѢ = ЛѢ).

Различается в большинстве списков и число «великих рек» в той же главе. В Синод. и Пан. оно равняется 373 (ТѠГ), в Синайск. — 353 (ТНГ), в Драг. 343 (ТМГ), наконец в Хлуд. (295в) — 333 (ТЛГ). Греческий текст содержит цифру 360⁵⁶, глаголический — 363 (ѠѢѢР), что по набору букв соответствует Драг. (с характерной ошибкой транслитерации в последнем). Правильность варианта 363 подтверждается общим для Синод., Синай. и Пан. указанием, что число рек, помимо 9 перечисленных, составляет 354 (ТНД): 363—9 (в Драг. здесь повторено общее число рек, в Хлуд. вместо числа сказано: и ннѣ рѣкъ ѣ много, в Пан. чтение испорчено: Н и Г). Вариант Хлуд. возник, возможно, в результате того, что глаголическое М (Ѣ) было прочитано писцом как кириллическое л с двумя титлами (Л)⁵⁷.

В той же главе продолжительность поста Ноя после потопа в Драг. указана в 20 дней (К), тогда как в остальных, включая Хлуд., — 40 (М). В глаголическом списке здесь стоит К (Ѣ), имеющее числовое значение 40.

В гл. VI при описании солнечной колесницы в Драг. сказано, что ее носят 20 (K) ангелов. В Синод., Синай. и Хлуд. это число равняется 40 (M) в Пан. — 4 (здесь чтение, вероятно, испорчено, следует читать, как в изд. Новаковича: 4 ста)⁵⁸. Сравнение с глаголическим списком, где стоит цифра 40 (Ѡ — K) обнаруживает традиционную ошибку транслитерации в Драг.

При описании же колесницы луны в гл. VII все кириллические списки кроме Хлуд., называют число 20 (K) ангелов, Хлуд. же — 40 (M). В данном случае ошибка транслитерации отразилась во всех списках, кроме новонайденного, поскольку глаголический текст содержит цифру 40 (Ѡ — K).

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют, что при всей редакционной и текстологической близости нового списка «Откровения Варуха» к Драг. он либо восходит к глаголическому оригиналу, независимо от последнего (разумеется, опосредованно), либо текст в Хлуд. отражает влияние другого списка, привлеченного для сверки. В любом случае, новый список «Откровения» (как и вся апокрифическая компиляция, в которую оно входит) заслуживает специального изучения и издания. В языке списка встречаются следы опосредованного отражения среднеболгарского архетипа (нѣ рѣци да ни приложѣни ѡтанши — 295a).

Собственно, этими апокрифическими текстами и ограничивается древнейший южнославянский литературный пласт Кичевского сборника. Другие памятники в нем, созданные до XIV в., прямо (местом возникновения) или косвенно (ранней историей бытования) связаны с восточнославянской книжной традицией и у южных славян получают известность и распространение не ранее конца XV в. Остальные тексты и их комплексы — Тропарник по Иерусалимскому Уставу, Стишной Пролог (включающий и болгарский текст XIII в. — житие Михаила из Потуки), Триодный Синаксарь, антилатинский полемический сборник, включающий тексты, написанные в XIII в. на греческом языке, относятся к числу переводов XIV столетия.

Значительное число текстов сборника ГИМ, Хлуд. 123 (как в богослужебной, так и в четвѣй части) связано, как уже отмечалось выше, с древнерусской книжной традицией. В этом смысле рукопись является важным памятником связей восточных и южных славян эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени («второе восточнославянское влияние»), хотя входящие в нее тексты относятся по преимуществу к эпохе Киевской Руси⁵⁹. Это, в первую очередь, полный цикл (21) седмичных молитв Кирилла Туровского, не известный в южнославянских списках ранее середины XVI в.⁶⁰, и Слово того же Кирилла на Вознесение в составе Триодного Торжественника, также не известное в южнославянской (сербской) традиции до XVI в.⁶¹

В Тропарнике помещены указания на два праздника восточнославянского (для православного славянского мира) происхождения: Покров Богородицы (1 октября) и Перенесение мощей Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари (9 мая). Но если бы не присутствие в месяцеслове первого из них, то не было бы абсолютной уверенности, что появление здесь второго связано с русско-южнославянскими связями. В болгарских и сербских рукописях XIII—XIV вв. (месяцесловы Евангелий и Апостолов) память перенесения мощей Николая в Бари обычно встречается

вместе с памятниками собственно русских святых: Бориса и Глеба, Феодосия Печерского⁶². Для столь же позднего времени в принципе нельзя исключать возможности проникновения праздника перенесения мощей Николы в Сербию через Далмацию, в силу традиционных связей южноитальянского Бари и южнодалматинского Бара (античных Вари и Антивари) и даже вследствие своеобразного *qui pro quo* из-за сходства названий этих городов. Упоминание же в месяцеслове Хлудовского сборника Покрова Богородицы является одним из ранних свидетельств почитания этого праздника у южных славян⁶³. Ранее этого времени имеется только фреска с изображением чуда Покрова (в его московском иконографическом изводе) в стенописях притвора монастыря Грачаница (1570)⁶⁴.

Имеется также достаточно оснований видеть «русский след» в Триодном Торжественнике особого состава, помещенном на л. 356в—398в. Слово Кирилла Туровского на Вознесение, содержащееся в нем (л. 385в—387в), попало сюда, вероятно, вместе со словами из Учительного Евангелия (во все сербские списки которого XVI—XVII вв. оно входит)⁶⁵ — в Торжественнике их по крайней мере 4 (см. описание), при этом два из них следуют непосредственно за словом Кирилла. Но и кроме этого здесь есть тексты, более тесно связанные (независимо от вопроса об их происхождении)⁶⁶ с восточнославянской традицией, чем с южнославянской. Таковы, например, Поучение в неделю 4-ю Великого поста (л. 368а—369б), приписанное здесь Феодору Студиту, и «Слово о причастии», приуроченное в Хлуд. к Великой субботе (л. 377б—378а). Первое из них известно в довольно раннем (1434 г.) сербском списке (ГИМ, Хлуд. 139)⁶⁷, однако употребление в начале нашего списка слова «пост» (а не «алчба») указывает, что он, скорее всего, относится к позднейшей «почаевской» редакции текста, представленной только восточнославянскими списками XV—XVIII вв. и старообрядческими изданиями XVIII—XIX вв.⁶⁸

Второе из поучений в различных списках восточнославянских Триодных Торжественников бывает приурочено к разным дням. В археографическом введении к публикации текста указан ряд рукописей, где слово отнесено к четвергу Страстной седмицы⁶⁹. Но имеется и группа рукописей XV—XVI вв., весьма близких по составу и явно отражающих общий протограф, где поучение, как и в Хлуд. 123, приурочено именно к Великой субботе⁷⁰ (правда, другие совпадения в составе этой группы сборников и Кичевского отсутствуют).

Состав рукописи дает и некоторые основания для ее локализации (либо создания ее протографа). Бросается в глаза значительное число различных текстов, связанных с почитанием святых жен, носящих имя Анна. Это службы Зачатию Богородицы (Зѣтнѣ стѣе Боготѣ Анны — л. 222а—224а), на успение св. Анны, матери Богородицы (224а—227а), на день памяти Богоотец Иоакима и Анны (227а—229г, 231а—б). В выборке из Стишного пролога помещен текст на Зачатие Богородицы (318в—319а), а житие Анны, матери пророка Самуила, сопровождается пространной беседой «о вере Анны (пророчицы. — А. Т.) и кротости ее», в Пролог отнюдь не входящей, а заимствованной из Маргарита. Связь текстов, посвященных Зачатию Богородицы, именно с культом св. Анны подтверждается в данном случае тем, что служб на другие богородичные праздники (кроме Акафиста) в составе сборника нет. Почитание святых Анн имеет для Сербии Неманичей исконный харак-

тер, поскольку это имя носила прародительница династии, жена Стефана Немани (в иночестве Анастасия)⁷¹.

Наиболее вероятны поэтому два места создания сборника (или же его протографа). Во-первых, разумеется, это Студеница — «задужбина» Стефана Немани и вероятное место погребения Анны-Анастасии⁷². Здесь уже с 1314 г. существовала церковь Иоакима и Анны («Кралевска»), построенная Стефаном Урошем II Милутином. Второй такой центр — афонский скит Св. Анны, расположенный на южной оконечности святогорского полуострова. Со второй половины XIV в. скит был тесно связан с возобновленным сербами афонским монастырем Св. Павла⁷³. В XVII в. эта связь продолжалась, и пустынное прибежище являлось, очевидно, значительным центром сербского книгописания⁷⁴. К сожалению, нет возможности провести палеографическое сопоставление почерка Хлуд. 123 с образцами книжной продукции святоаннинского скриптория, т. к. в основном они погибли при пожаре библиотеки монастыря Св. Павла в начале нашего века⁷⁵, уцелевшие же в других местах такого сходства не обнаруживают⁷⁶.

О книгописании XVII в. в Студенице свидетельств сохранилось значительно меньше⁷⁷, но это не значит, что следует отдать однозначное предпочтение афонской Св. Анне.

Наконец, таким центром почитания Анны-Анастасии, жены и матери основателей обители, являлся на протяжении своего существования Хиландарский монастырь⁷⁸. В «Уставе о житии и пощении всего лета» в Хлудовском сборнике (л. 417г—418а) имеется указание: *Въ прѣдникѣ прѣтѣ влѣце наше бѣе. кѣга принесе въ црѣвь и в прѣдникѣ прѣбнаго и бѣгоноснаго ѡца ншго Саввы ѡцѣстѣ дваши ѡ томъ же*. Это прямо напоминает о Хиландаре с его престольным праздником Введения Богородицы и патронатом св. Саввы Сербского. С этой великой афонской лаврой в равной степени были связаны и Студеница, и скит. Св. Анны.

В то же время, нельзя умолчать о свидетельствах (прямых или косвенных — *ad silentio*), которые мешают однозначно связать сборник одним из названных центров. И Студеница, и Хиландарь имеют главные храмы, посвященные Богородице (в Студенице древний храм Успения (в притворе которого и погребена Анна-Анастасия), в Хиландаре — Введения), тогда как в сборнике статьи богородичной тематики несопоставимы по объему с аннинской; нельзя, правда, исключить и ту возможность, что Хлуд. 123 связан непосредственно с причтом Королевской церкви Иоакима и Анны в Студенице. Упоминание в статьях о причастии женщины имеющей мужа-турка (л. 416в), говорит скорее против святогорского происхождения кодекса (в силу того, что евхологические и епитимийные вопросы, связанные с женщинами, в принципе не актуальны для Афона), но делать на основании этого категорический вывод означало бы явно преувеличивать редакторские устремления и амбиции писца.

Другие тексты Кичевского сборника дают еще менее оснований для сравнительно узкой его локализации. Так, служба и апокрифические молитвы мученику Трифону, помещенные в рукописи, несомненно свидетельствуют о его почитании в качестве защитника сельскохозяйственных угодий. Первоначальное его почитание, безусловно, связано с современным черногорским приморьем, поскольку

мощи его находились в Которе. Списки апокрифических молитв Трифону со среднеболгарской орфографией (юсовой), либо ресавские, но несомненно болгарские по происхождению (например, этропольские), насколько я знаю, неизвестны⁷⁹. Но уже в конце XV в. в его широком почитании в Македонии вряд ли стоит сомневаться — те же тексты, посвященные Трифону, что и в Кичевском сборнике, находятся в сборнике смешанного содержания 1498 г. из библиотеки Греческого патриархата в Иерусалиме (рукопись сербская, но в орфографии встречаются как общеполгарские, так и македонские особенности)⁸⁰. В связи с этим нелишне еще раз напомнить, что именно эти апокрифические молитвы использовал в первой половине XIX в. Кирилл Пейчинович при создании своего «Огледала душевного»⁸¹.

Остается надеяться, что в будущем удастся отождествить почерк писца Кичевского сборника, и это прольет свет на историю его возникновения. В судьбе же самой рукописи в известной мере виден замкнутый круг. Протографами древнейших входящих в нее текстов (Апокрифическая летопись и Откровение Варуха) она связана с болгарской книжной традицией Македонии. Здесь же в Македонии, в Пологе, находилась она последние десятилетия перед тем как попасть в руки ученых и изменить свой статус — из богослужебной книги и сборника душевспасительного чтения превратиться в объект научного собирательства и исследования.

Примечания

¹ Споменик Српске краљевске академије. Београд, 1890. Књ. III. С 190.

² *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. София, 1925 (репринт — 1970). С. 280—287. О новоболгарских переводах памятника см. примечания редакции во 2-м изд. книги (с. 399), а также: *Стара българска литература.* София, 1983. Т. 3 (Исторически съчинения). С. 360—362.

³ Споменик... С. 190. Указание Л. Стояновича на происхождение рукописи из коллекции А. Ф. Гильфердинга вводит иногда в заблуждение исследователей, далеких от вопросов археографии, которые на основании этого полагают, что рукопись находится в собрании Гильфердинга. См., например: *Алексова Б.* Крстовидните цркви по Брегалница // — *Историја* (Списание на Сојузот на друштвата на историчарите на СР Македонија). 1983. № 2 (80 години од Илинденското востание. 1903—1983). С. 273, примеч. 30.

⁴ Собрание, вероятно, не сохранилось целиком. Значительное число происходящих из него рукописей и старопечатных книг находится в коллекции известного московского собирателя-старообрядца М. И. Чуванова, большая часть которой в 1980 г. была приобретена Гос. библиотекой СССР им. В. И. Ленина (см.: Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова. (Каталог). М., 1981. С. 154); Собрание рукописных книг М. И. Чуванова (краткие сведения). (Записки Отдела рукописей. ГБЛ. М., 1983. Вып. 44. С. 114—115), а остатки после смерти коллекционера в 1989 г. — Библиотекой АН СССР. Южнославянские рукописи в собрании Чуванова отсутствуют.

⁵ О собрании см.: *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н.* Сокровища древней письменности и старой печати. (Обзор рукописей..., а также книг старой печати ГИМ.) М., 1958. С. 68.

⁶ О собрании см.: *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н.* Сокровища... С. 40—42; [*Рыков Ю. Д.*]. Собрание рукописей, поступивших от А. И. Хлудова (ф. 394). // Рукописные собрания Гос. бки СССР им. В. И. Ленина. Указатель. М., 1983. Т. 1. Вып. 1. С. 102—104.

⁷ Споменик... С. 190.

⁸ [Рыков Ю. Д.] Собрание рукописей... С. 103.

⁹ Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища... С. 40.

¹⁰ Попов А. Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 287: «Устав Церковный, в 4-ку, мелким полууставом XV века, в два столбца, на 457 л. Правописание сербское. Письмо очень тщательно и красиво. Для образца правописания приводится выписка» (опущена мной. — А. Т.). Трудно заподозрить, что за столь лаконичной характеристикой скрывается сборник, постатейное описание которого занимает несколько десятков машинописных страниц.

¹¹ В ряде случаев это привело к неверной датировке и определению содержания памятников. Так, известно, что Струмицкий Октоих 1-й пол. XIII в. (Хлуд. 136) был датирован описателем XIV—XV вв., а по содержанию определен как Триодь Цветная (Попов А. Н. Описание... С. 293). Первая часть конволюта Хлуд. 117 названа Литургией Иоанна Златоуста и также датирована XIV—XV вв. (Попов А. Н. Описание... С. 277), хотя в действительности это полный Служебник (включающий тексты не только всех трех литургий, но и чина агрипнии), который по палеографическим особенностям (столь архаичным, что близкие аналогии обнаруживаются в почерке второго писца Охридского апостола и особенно в почерке отрывка Цветной Триоди РНБ, Ф.п.1.75, датируемых XII в.) и по упоминанию в молитвословии имени краля Стефана Уроша (л. 56 об.), вероятнее всего — Милутина (1282—1321), может быть отнесен к концу XIII в. См.: СК XIV. Вып. 1. С. 656—661, № д65. Число подобных примеров нетрудно умножить. См. также раздел о кондаке на перенесение мощей Николая Чудотворца и примечания к нему в очерке «Из истории русско-южнославянских книжных связей» в наст. изд.

¹² Доклад от В. Н. Златарски и Йордан Иванов за научната обиколка в Руси през 1914 г. // Летопис на Българската академия на науките. Кн. (за 1914 г.). С., 1916. С. 101—102; то же // Иванов Й. Избрани произведения. С., 1982. С. 47—48.

¹³ См.: Кузьмина В. Д. Хронологический список трудов акад. М. Н. Сперанского. Разд. III (Рукописи), № 320 // Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963. С. 252.

¹⁴ См.: Стояновић Љ. Стари српски записи и натписи. Београд, 1902 — Сремски Карловци, 1926. Кн. 1—6 (репринт: Београд 1982—1988); Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1931 (репринт: София, 1970); Тихомиров М. Н. Южнославянские и молдово-валашские записи на рукописях ГИМ // Он же. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 285—335.

¹⁵ Селищев А. М. Кирилл Пейчинович // Сборник в чест на Васил Н. Златарски по случай на 30-годишната му научна и професорска дейност. С., 1925. С. 389—405; Он же. Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки Северо-Западной Македонии. С., 1929 (репринт — С., 1981). С. 141—142, 145, 159, 180.

¹⁶ Селищев А. М. Полог... С. 142, рис. 28.

¹⁷ Там же. С. 180.

¹⁸ Сообщено Т. В. Диановой.

¹⁹ Ср. контрмарки: Васильев Љ. Албум водених знакова у рукописима Цетињског манастира // Момировић П., Васильев Љ. Ђириличке рукописне књиге Цетињског манастира (XIV—XVIII в.). Цетиње, 1991. № 198 (ок. 1615), 349 (ок. 1630).

²⁰ Образцы почерка писца опубликованы к настоящему времени в достаточном объеме. См.: Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л. Българското средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Държавния исторически музей в Москва. София, 1999. Обр. 93—99; Билярски И. Сказания на Исая пророка и формирането на политическата идеология на ранносредновековна България. София, 2011. С. 24—29.

²¹ Издана: Селищев А. М. Полог... С. 141, 142. Первое слово прочтено: «овал».

²² См.: Там же. С. 180.

²³ Издана: Там же. С. 159.

²⁴ Там же. С. 157. У Селищева издана лишь часть записи, со слова «пашано» (в публикации дано исправленное чтение — «пашино»). Публикатор считает, что запись продолжается и на л. 445 об. (см. ниже), являясь автографом ученика Кирилла — иеромонаха Тимофея. На мой взгляд, это две отдельные записи, сделанные разными почерками. Упомянутый в записи «Хади-Раман-паша», очевидно тетовский правитель Абдиль (Абдул) Рахман (Абдурахман), сын паши Реджеба от жены славянки, покровительствовавший, как и его отец, Кириллу Пейчиновичу (см.: *Селищев А. М. Полог...* С. 148—150). Любопытно отметить, что в записи даты допущено не только смешение двух числовых систем (первые три цифры написаны кириллицей, а последняя — арабская), но и систем летосчисления. Из других источников (надпись на надгробной плите Кирилла, заготовленной им еще при своей жизни. См. там же, с. 148) известна другая дата возобновления монастыря — 1818 г. Вероятно, писец записи в сборнике, переводя дату «от сотворения мира» (7326) на счет лет от Рождества Христова, забыл отнять число единиц (8).

²⁵ А. М. Селищев (Там же. С. 157) считает эту запись окончанием предыдущей.

²⁶ Издана: Там же. С. 159.

²⁷ Издана: Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Там же. С. 141—142; *Селищев А. М. Кирилл Пейчинович*. С. 391—392.

³⁰ *Селищев А. М. Полог...* С. 180—181.

³¹ Там же. С. 148—152.

³² Близкие по типу заставки можно указать в рукописях Хиландарской библиотеки № 27 (Евангелие тетр нач. XVI в.), № 491 («Фикара», 1668/1669 г.). См.: *Богдановић Д. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара*. (Албум) Београд, 1978. Табл. 119 и 193. Ср. также заставку на л. 2 (восполнение утрат кодекса в XVII в.) в рукописи НБКМ № 771 (381) — Софийска илюстрована Александридра. (Фототипско издање.) Београд, 1987. С. 2.

³³ Далее оставлено чистыми 22 строки.

³⁴ *шодолъ стѣславъ Болгародль* (Болгары — Радз., Моск.-Акад.) и *взга городъ .п̄. по дѹнаевн* (гародовъ по дѹнаю п̄ — Радз.; ... *осцѣ десѣтъ* — Моск.-Акад.) — Полное собрание русских летописей. Л., 1926 (репринт — М., 1962). Т. 1 (Лаврентьевская летопись). Вып. I (Повесть временных лет). Стб. 65; М., 1989. Т. 38 (Радзивилловская летопись), с. 33; *шодолъ стѣславъ Болгародль и взга гародовъ* (городъ — Хлебн., Пог.) .п̄. по дѹнаю — Полное собрание русских летописей, СПб., 1908 (репринт — М., 1962). Т. 2 (Ипатьевская летопись) Стб. 53.

³⁵ Такое предположение не означает, разумеется, призыва к поискам следов глаголического оригинала во всех, довольно многочисленных цифровых данных памятника, преимущественно продолжительности царствований, поскольку это вряд ли сблизит легендарную хронологию «Летописи» с реальной исторической.

³⁶ За время, прошедшее с первой публикации работ (1995), текст был дважды издан фототипически (см. примеч. 20) и дважды набором (*Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжина в Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 195—198; Билярски И. Сказание на Исаяя пророка... С. 15—23).

³⁷ Это исправление текста уже было учтено С. А. Ивановым в его работе «“Болгарская апокрифическая летопись” как памятник этнического самосознания болгар» (Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 72).

³⁸ При указании отклонений от текста рукописи, общих для изданий Л. Стояновича и Й. Иванова, ссылки даются лишь на последнее, как более доступное и распространенное.

³⁹ Тихонравов Н. С. Памятники отреченной литературы. М., 1863. Т. 1. С. 273—297.

⁴⁰ О редакциях и изданиях памятника см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 282—283; Старобългарска литература. Енциклопедичен речник. С., 1992. С. 304—305. Апокрифи старозаветни према српским преписима / Приредно и на савремени језик превео Т. Јовановић. Београд, 2005 (Стара српска књижевност у 24 књ. Књ. 23. Т. 1). С. 126—133. Я пользуюсь для сопоставления изданием: *Gaylord H. The Slavic Version of III Varuch. (Synoptic Edition). (Groningen, 1984)* и публикацией Й. Иванова.

^{41—42} Текст написан дважды, затем первый пример зачеркнут.

⁴³ См.: *Иванов Й. Богомилски книги... С. 197—198.* Здесь и далее нумерация глав по этому изданию.

⁴⁴ Там же. С. 199.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 200.

⁴⁷ См.: *Иванов Й. Богомилски книги... С. 195, прим. 6.*

⁴⁸ Речь в данном случае идет о древнейшей (круглой) глаголице, в угловатой хорватской эти буквы, за исключением Н и П, значительно разнятся начертаниями.

⁴⁹ Подробное рассмотрение примеров различного рода ошибок, возникающих при транслитерации кириллицей глаголического оригинала, см.: *Турилов А. А. О датировке и месте создания календарно-математических текстов — «семитысячники» // Естественно-научные представления Древней Руси. М., 1988. С. 34—38 (То же // Он же. От Кирилла Философа до Крнстантина Костенецкого... С. 77—79).*

⁵⁰ См. сводную таблицу начерков глаголических букв в древнейших рукописях: *Добрев И., Икономова Ж., Тотманова А. М. Старобългарски език (X клас на НГДЕК). София, 1983. С. 22.*

⁵¹ См.: Там же. С. 24.

⁵² См.: *Джурова А. 1000 години българска ръкописна книга: Орнамент и миниатюра. София, 1981. Сн. 60—63.*

⁵³ См.: *Пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. Л., 1976. Сн. 8.*

⁵⁴ См.: *Щепкин В. Н. Русская палеография. 2-е изд. М., 1967. Рис. 58.*

⁵⁵ *Иванов Й. Богомилски книги... С. 195, примеч. 4.*

⁵⁶ То же. С. 195, примеч. 5.

⁵⁷ Ср. подобный пример в русском «семитысячнике» — *Турилов А. А. О датировке... С. 36.*

⁵⁸ *Иванов Й. Богомилски книги... С. 197. Примеч. 3.*

⁵⁹ См.: *Турилов А. А. Памятники письменности восточных славян в южнославянской рукописной традиции XIII—XIV вв. // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению и распространению славянских культур. М., 1991. Вып. 25. С. 89—90, 94—95.*

⁶⁰ *Николџва С. Кирил Туровски и южнославянската книжнина // Palaeobulgarica. 1988. № 3. С. 45.*

⁶¹ Там же. С. 39—40.

⁶² *Miklas H. Kyrrillomethodianisches und nachkyrrillomethodianisches Erbe im ersten ost-slawischen Einfluß auf die südslavische Literature // Simposium Methodianum. Neurid, 1988. S. 456—457.*

⁶³ *Петковић С. Руски утицај на српско сликарство XVI и XVII в. // Старианар. Београд, 1961. Нова серија. Бр. 12. С. 96—97.*

⁶⁴ Там же, с. 96.

⁶⁵ *Николова С.* Кирил Туровски... С. 39—40; *Турилов А. А.* Памятники письменности... С. 91—96.

⁶⁶ Хотя оба текста, о которых идет речь ниже, изданы в составе сочинений Климента Охридского, вопрос об их авторстве, по существу, остается открытым. Обзор мнений см.: *Климент Охридски.* Събрани съчинения. Т. 2. С. 522—524, 623—634. Дополнительные аргументы против авторства Климента: *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. Живот и творчество. С., 1988. Гл. 2.

⁶⁷ *Климент Охридски.* Събрани съчинения. Т. 2. С. 639—640, 643—665.

⁶⁸ Там же. С. 634—635, 643—665.

⁶⁹ Там же. 626—627. См. также: *Čertorickaja T. V.* Vorläufiger Katalog Kirchenslavicher Homilien des beweglichen Jahreszyklus. Opladen, 1994 (Patristica Slavica. Bd. 1). S. 286, № 11.4.06.

⁷⁰ Таковы, к примеру, рукописи: 1) ГИМ, Единоверческое собр., № 67. Кон. XV — нач. XVI в. Л. 63г—656 (кодекс не имеет печатного описания, некоторые сведения о составе см.: *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений: X—XI вв. СПб., 1906. С. 163, 180; *Турилов А. А.* Памятники письменности... С. 95); 2) Гос. архив. Нижегородской обл., № 36247. Нач. XVI в. Л. 786—796. (См.: *Čertorickaja T. V.* Vorläufiger Katalog... S. 642—644); 3) Белград, Музей Сербской Православной церкви, № 218, из м-ря Велика Ремета. Втор. пол. XVI в. Рукопись сербского извода, но несомненно отражает восточнославянский оригинал XV—XVI вв. (см.: *Турилов А. А.* Памятники письменности... С. 95). Рукопись не имеет печатного описания, пользуюсь материалами, любезно предоставленными К. Ивановой.

⁷¹ О почитании Анны-Анастасии в Сербии см.: *Павловић Л.* Култови лица код Срба и Македонаца: Историјско-етнографска расправа. Смедерево, 1965. С. 188.

⁷² *Петковић В.* Манастир Студеница. Београд, 1924. С. 42; *Павловић А.* Култови лица... С. 188.

⁷³ *Ђоровић В.* Света Гора и Хиландар до шеснаестог века. Београд, 1985. С. 150.

⁷⁴ Известен целый ряд рукописей, написанных там в XVII в.: 1) Миния служебная, ок. 1617 г. в б-ке м-ря Св. Павла; 2) Миния служебная, 1627 г. в б-ке Хиландаря, № 251; 3) Сборник житий, 1629 г. б-ка м-ря Св. Троицы близ Плевли, № 5; 4) Апостол 1638 г. в б-ке м-ря Св. Павла; 5) Богородичник 1641 г. там же; 6) Сборник 1642 г. в б-ке Хиландаря № 509; 7) Миния служебная на сентябрь, 1648 г. в Архиве САНУ, № 285; 8) Панегирик 1648 г. в б-ке Хиландаря, № 487 (см.: *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Књ. 1. Београд, 1901 (репринт — 1982), номера 1050, 1131 (и кн. 4, Ср. Карловци, 1923 / Београд 1986, № 6676), 1201, 1308, 1346, 1355, 1423 и 1424). Ограничиваюсь здесь лишь примерами до середины XVII в.

⁷⁵ *Οι Ἐπιγραφὲς τοῦ Ἁγίου Ὄρους.* Σειρά Α'. Τομὸς Γ. 'Αθήναι, 1979. С. 203.

⁷⁶ См., напр., образцы почерка писца в Панегирике 1648 г. (Хиланд. 487) — *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. (Албум) Београд, 1978, табл. 183. Образец почерка Миние 1627 г. (Хиланд. 251) не приведен.

⁷⁷ Таковы, например, Псалтырь 1618 г. — С.-Петербург, РНБ, 0.1.90; Студеничский Типик 1619 г. — Нар. Музей в Праге, IX H 8 (Š 10); Беседы на Евангелие 1615 г. — РНБ F.I.763 (соответственно, *Стоянович.* Записи и натписи. Кн. 1, № 1059, 1066; кн. 4, № 6552). Последняя рукопись написана, собственно, на Афоне для Студеницы известным книжником первой половины XVII в. Ивом Шишатовцем (образцы его почерка см.: *Ангелов Б.* Книжовна дейност на Йов Шишатавац // Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности. (Међународни научни скуп). Београд, 1981. С. 331—334). Псалтырь 1618 г., вероятно, из-

за каллиграфического почерка первые описатели приняли приписку писца, сделанную курсивом, за более позднюю, датировали XV в. (см.: *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание славянороссийских рукописей... графа Ф. А. Толстого. М., 1825. Отд. II. С. 359, № 208; Предварительный список, XV, № 3024; исправление датировки — Предварительный список, XV в. С. 52). Ни одна из этих студенических рукописей не похожа по почерку на Хлуд. 123.

⁷⁸ *Павловић Л.* Култови лица... С. 188.

⁷⁹ См., напр.: *Мошин В. и др.* Словенски ракописи во Македонија. Кн. 1. Скопје, 1971; *Христова Б., Караджова Д., Икономова А.* Български ръкописи от XI до XVIII в., запазени в България. (Своден каталог) София, 1982. Т. 1.

⁸⁰ Пользуюсь случаем поблагодарить Кл. Иванову за возможность ознакомиться с фотокопией этой чрезвычайно интересной и во многих отношениях (не в последнюю очередь именно в отношении языка и орфографии) загадочной рукописи.

⁸¹ *Селищев А. М.* Полог... С. 180.

IV

**«ВТОРОЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ» И
РУССКАЯ КУЛЬТУРА XIV—XVI вв.**

Восточнославянская книжная культура конца XIV — XV в. и «второе южнославянское влияние»

Понятием «второе южнославянское влияние» в историко-филологической науке принято обозначать совокупность изменений, происшедших в восточнославянской книжной культуре на протяжении конца XIV и XV столетий. Характеристика этих перемен была в общем виде сформулирована свыше столетия назад в речи А. И. Соболевского¹, включенной позднее в том его библиографических материалов «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.»², и до сих пор она остается наиболее исчерпывающей³. Перемены эти заключаются в следующем: 1) увеличение корпуса текстов за счет новых переводов (и новых редакций), выполненных южнославянскими книжниками на протяжении второй половины XIV — первой половины XV в. (прежде всего, это тексты, связанные прямо или косвенно с заменой в церковной практике Студийского устава богослужения Иерусалимским, и значительное число сочинений, относящихся к монастырской жизни и аскетической практике); 2) изменения в языке и орфографии восточнославянских рукописей — появление и распространение в них⁴ южнославянских (в первую очередь среднеболгарских) языковых и орфографических особенностей; 3) повсеместное распространение южнославянских по происхождению полууставных почерков («младший» полуустав), на протяжении XV в. вытеснивших из употребления почерки, связанные с восточнославянской традицией XIV в. — устав и «старший» полуустав. С этим процессом связано также распространение системы надстрочных знаков и изменение знаков пунктуации (появление запятой и точки с запятой); изменения в оформлении восточнославянских рукописей: замена тератологического орнамента балканским и неовизантийским; распространение вязи в заголовках; фигурное завершение текстов («воронка», полукруг, крест)⁵. К этому нужно добавить стилистические новации в оригинальных древнерусских сочинениях XV—XVI вв. (стиль «плетения словес»). Чисто зрительное отличие типичной восточнославянской рукописи XIV в. от типичной же XV в. по совокупности даже внешних признаков (почерк, оформление, орфография, пунктуация) столь разительно, что происшедшие перемены не могут вызывать сомнений (кстати, бесспорно, эта наглядность и определила (учитывая специфику жанра — речь) порядок перечисления признаков явления А. И. Соболевским). Завершает контраст различие в писчем материале: синхронно «второму южнославянскому влиянию» (но, очевидно, без непосредственной связи с ним) у восточных славян пергамен в этом качестве вытесняется бумагой (в Северо-Восточной Руси процесс завершился полностью во второй четверти XV в., в Новгороде и Пскове — в третьей четверти столетия; для Украины и Белоруссии ситуация неясна по причине плохой

сохранности и малой изученности памятников письменности, но пергаменные рукописи второй половины XV в., которые можно было бы надежно связать с этими регионами, не известны)⁶.

Оценка явления на протяжении столетия в значительной мере трансформировалась. А. И. Соболевский, констатируя факт влияния и суммируя происшедшие перемены, видел причину явления прежде всего в восстановлении во второй половине XIV в. культурных связей восточных славян с южными, прерванных более чем на столетие неблагоприятными историческими обстоятельствами (монголо-татарское нашествие и владычество над Русью), и до некоторой степени в деятельности южнославянских выходцев на Руси, хотя и немногочисленных, но авторитетных в силу своего положения в церковной иерархии (митрополиты Киприан и Григорий Цамблак) либо личных (в первую очередь, литературных) дарований (Пахомий Логофет)⁷. Для современных историков литературы «второе южнославянское влияние» обусловлено единством историко-культурных процессов в Юго-Восточной и Восточной Европе⁸. Историки языка полагают, «что основные стимулы так называемого второго южнославянского влияния лежали в собственном развитии русской книжной традиции»⁹; в работах Л. П. Жуковской 1980 — начала 1990-х годов сам факт «второго южнославянского влияния» в области языка отрицается, признаки же явления относятся ко времени не ранее середины XV в.¹⁰ Здесь уместно напомнить, что в свое время А. И. Соболевский не придавал большого значения языковому и графическому аспектам феномена («замена одних начертаний букв другими и одной орфографии другою не имеет ценности»)¹¹, хотя при описании признаков поместил графические и орфографические новации в начале¹². Существенно изменился среди языковедов и взгляд на источники «влияния»¹³: в области орфографии отрицается (хотя едва ли вполне обоснованно) факт тырновской книжной реформы¹⁴; если не отрицается, то существенно принижается роль южнославянских выходцев¹⁵ (при этом отрицание факта массовой эмиграции южных славян в Россию безусловно следует принять); распространение исихазма и связанных с ним литературных памятников (прежде всего аскетических сочинений) ставится в зависимость от «второго южнославянского влияния», а не наоборот¹⁶.

Для того чтобы оценить эти и другие перемены во взглядах на природу и ход «второго южнославянского влияния», нужно еще раз обратиться к признакам явления, обобщенным А. И. Соболевским. Не только потому, что с того времени «наши знания об этом событии увеличились ненамного»¹⁷, но и просто в силу надежности этого комплекса наблюдений, который в дальнейшем может корректироваться, уточняться и обобщаться в деталях, но будет оставаться базой всех дальнейших исследований¹⁸.

Наиболее существенный недостаток обобщений А. И. Соболевского (вполне, впрочем, объяснимый уровнем современной ему археографии) заключается в статичности картины явления, ограниченной констатацией состояния восточнославянской книжной культуры накануне и в результате «влияния» (середина XIV в. и середина XV в.), без уточнения хронологии отдельных его компонентов, взаимоотношений между ними и их региональных особенностей. Для такой детализации в

течение столетия накоплен материал, хотя и далекий от исчерпывающей полноты, но достаточный для постановки вопроса¹⁹. В свою очередь эта детализация позволяет, как кажется, разрешить целый ряд спорных вопросов о причинах, ходе и масштабах явления в целом.

При всей важности различных аспектов «второго южнославянского влияния» главным из них, несомненно, является распространение в восточнославянской письменности корпуса новых текстов, что отмечал уже А. И. Соболевский²⁰. Оригинальные южнославянские сочинения занимают среди них весьма скромное место, особенно если не включать в их число тексты, созданные южнославянскими авторами на Руси — Житие, служба и похвальное слово митрополиту Петру митрополита Киприана; Слова Григория Цамблака («Книга, глаголемая Цамблак»); жития и службы, написанные Пахомием Логофетом). Данное обстоятельство не является особенностью «второго южнославянского влияния», напротив, оно характерно для всей традиции литературных связей православных славян в средневековье — аналогичную картину дает «первое» (XII—XIII вв.) и «второе» (XVI—XVIII вв.) «восточнославянское влияние» на южнославянскую письменность²¹. Обмен текстами между православными славянскими литературами происходит почти исключительно в рамках круга памятников с общехристианской либо общеправославной тематикой (литературный «пласт-посредник», по терминологии А. Наумова)²². Оригинальные памятники участвуют в процессе литературного обмена, если они посвящены соответствующей тематике, либо входят в макротекст устойчивого состава (службы в составе служебных Миней, краткие жития в составе Пролога, похвальные слова в составе Торжественника), или, наконец, являются вспомогательными (служебными) текстами (предисловие, послесловие) при каком-то крупном памятнике, либо входят в его устойчивый традиционный конвой (возможны и комбинации этих вариантов)²³.

Корпус переводных текстов, вошедших в восточнославянскую книжность в конце XIV — XV в., представлен в работах Соболевского с очень большой степенью полноты²⁴ и нуждается лишь в известных корректировках и уточнениях²⁵ (речь идет, разумеется, именно о круге памятников, а не об отдельных списках (и даже не о разных переводах одних и тех же текстов²⁶), число которых по сравнению с перечнем Соболевского можно увеличить многократно)²⁷.

Именно появление корпуса новых текстов и знаменует собой начальный этап «второго южнославянского влияния»²⁸, тексты предшествуют всем прочим признакам явления. Старшие восточнославянские списки новых переводов (приблизительно до рубежа 1400—1410-х гг.) написаны русским уставом либо восходящим к нему старшим полууставом²⁹, лишь иногда с вкраплениями новых начерков («зело» в форме латинского S, Ы с Ъ, а не с Ь) и знаков препинания (запятая, точка с запятой)³⁰, орфография достаточно последовательно (в соответствии, разумеется, со способностями и вниманием переписчиков к копируемому тексту) русифицируется. Отношение восточнославянских писцов к орфографии южнославянских оригиналов в последней четверти XIV — начале XV в. аналогично отношению южнославянских книжников к орфографии восточнославянских оригиналов в период «первого» и «второго восточнославянского влияния» на письменность

и культуру балканских славян: происходит (с разной степенью последовательности и интенсивности) замена орфографии копируемых списков на правописные нормы, привычные для писца³¹. Особо следует отметить, что традиционные для восточнославянской письменности XIV в. графико-орфографические черты наблюдаются даже в рукописях, переписанных не только с южнославянского оригинала, но и вне восточнославянской территории, где «давление» новых норм на древнерусского писца должно было ощущаться сильнее (Константинополь, Афон)³². Не менее показательны и следование старым нормам московских рукописей 1380—1400-х гг.³³, хотя в условиях страшного урона, нанесенного книжному фонду этого центра пожаром в нашествие Тохтамыша (1382 г.)³⁴, картина могла быть прямо противоположной.

Значительно большую сложность представляет для начального периода вопрос об отношении восточнославянских книжников к собственно языковым (выходящим за рамки чисто орфографических) особенностям копируемых южнославянских оригиналов. Из-за почти полного отсутствия необходимых для исследования пар — оригинал—копия³⁵ — решение вопроса упирается в сопоставление большого числа восточно- и южнославянских списков одного и того же текста. А priori, однако, можно предполагать, что правка, если она имела место, не достигала в данном случае размеров орфографической.

Положение решительным образом меняется около рубежа 1400—1410-х гг. В это время появляется значительное число восточнославянских рукописей, написанных «младшими» полууставными почерками нескольких типов: литургическим полууставом, восходящим к каллиграфическим почеркам тырновских рукописей середины XIV в. (таких, как Лондонское Евангелие царя Иоанна Александра, Псалтирь Томича и др.), и менее монументальными — хотя порой и не менее каллиграфическими — почерками, связанными, очевидно, с монастырскими скрипториями Афона и Болгарии. Первый более характерен для библейских литургических (Евангелие, Апостол, Псалтирь)³⁶ и богослужебных книг, остальные для четых, в первую очередь, аскетического содержания³⁷. Одновременно получают распространение гибридные почерки, соединяющие в себе черты восточно- и южнославянской традиции XIV в.³⁸

С новыми почерками неразрывно связано и распространение новой (среднеболгарской тырновской) орфографии. Для этого времени и этого круга памятников нередки случаи, когда среднеболгарское правописание выдерживается русскими писцами чрезвычайно последовательно, порою до такой степени, что списки, не имеющие указания на время и место написания, вводят исследователей в заблуждение относительно своего происхождения (восточнославянские рукописи могут приниматься за среднеболгарские)³⁹. В подобной ситуации резко нивелируются (практически исчезают) региональные языковые различия списков⁴⁰, что отмечал уже А. И. Соболевский⁴¹. Судя по датированным и локализованным рукописям, первоначально этот процесс был связан с деятельностью восточнославянских книжников в Константинополе и на Афоне⁴² и с «новыми» общежительными монастырями Северо-Восточной Руси: Троице-Сергиевым и дочерними обителями, в первую очередь — Кирилло-Белозерским монастырем⁴³. Аналогичные образ-

цы, происходящие из Новгорода, относятся к рубежу 1420—1430-х гг.⁴⁴ и связаны здесь — как и ранние списки новых переводов — с пригородным Лисицким монастырем⁴⁵.

Резкий разрыв этой группы памятников с предшествующей восточнославянской традицией затрудняет исследование местных особенностей явления для отдельных центров⁴⁶: особенно большую сложность представляет изучение рукописных книг, созданных на территории Белоруссии и Украины — здесь выявленные точно датированные и локализованные манускрипты до середины столетия представлены считанными единицами⁴⁷, критерии же (кроме языково-орфографических, обычно выраженных к тому же не ярко) для выделения этих рукописей первой половины века из общей массы современной им восточнославянской книгописной продукции отсутствуют.

Более сложную картину, хотя в значительной степени сходную с переменами в графике и орфографии, дает история орнамента (и книжной иллюминации в целом)⁴⁸. Уже в 1390-е гг. наряду с тератологическим орнаментом в рукописях, связанных с новой книжно-литературной традицией, появляются и украшения нового типа. Важнейшие из них — тонкие киноварные инициалы, нередко с орнаментальными отростками растительных форм⁴⁹. Они становятся неотъемлемой чертой восточнославянской книжной орнаментики по XVII в. включительно, а с началом славянского кириллического книгопечатания составляют обязательный элемент оформления изданий конца XV — XVII в. (начиная с краковской типографии Швайтмпольта Феола 1490-х гг.). Первые датированные образцы таких инициалов находятся в Онежской Псалтири 1395 г. В ранних восточнославянских списках южнославянских переводов встречаются также стилистически не выраженные киноварные заставки, такие, как в Тимофеевской Лествице 1402 г.⁵⁰ или пергаменном Триодном Синаксаре конца XIV (?) — начала XV в. (ЯМЗ, № 15470а, л. 1 об.). Их принято рассматривать как ранний вариант балканского стиля⁵¹, но вероятнее видеть в них упрощенный вариант киноварной разновидности неовизантийского. Художественного значения он не имеет и хронологически не выходит за рамки конца XIV — первой четверти XV в.

Особняком стоит группа роскошных пергаменных рукописей конца XIV — первой четверти XV в., таких как Киевская Псалтирь 1397 г., Евангелие Хитрово, «Морозовское» Евангелие Успенского собора, Евангелие Федора Кошки, Спасо-Андрониковское Евангелие, Апостол ГРМ, Др. гр. 20, и др.⁵², украшенных заставками неовизантийского стиля и неовизантийскими же (в том числе зооморфными) инициалами. Хотя аналогии подобным заставкам известны уже по роскошным болгарским и сербским образцам середины — третьей четверти XIV в., таким, как Евангелие Иакова Серрского 1354—1355 гг. (Британская библиотека, Add. Ms. 39629), Евангелие патриарха Саввы I (Б-ка монастыря Хиландарь, 14), Псалтирь Томича, пергаменное Евангелие тетр третьей четверти XIV в. (РГБ. ОИДР, № 31 — СК XIV, № 292), хиландарские сборники того же времени № 471 и 472, и др. (неовизантийские зооморфные инициалы в них, напротив, практически не встречаются), распространение этого стиля в московской рукописной орнаментике связано, очевидно, в большей степени с непосредственной ориентацией русских мастеров на греческие иллюминированные кодексы⁵³.

Однако и в этом отношении рубеж 1400—1410-х гг. являет зримую границу. С этого времени в восточнославянских рукописях получают широкое распространение образцы орнамента балканского стиля⁵⁴ (плетеные заставки, в южнославянской традиции представленные близкими аналогиями уже со второй половины XIII в.⁵⁵, хотя широко — с XIV столетия) и менее роскошные варианты неовизантийского стиля (киноварный и полихромный без применения золота)⁵⁶. Несколько ранее, уже с первого десятилетия XV в., заметной частью русского книжного декора становится вязь⁵⁷; распространяются и примеры фигурного завершения текста⁵⁸.

Асинхронность проявления отдельных элементов «второго южнославянского влияния», наиболее ранним среди которых являются новые тексты (в южнославянских переводах), не оставляет сомнений в причинах явления. Оно вызвано потребностями новых общежительных монастырей в аскетической литературе и монашеских руководствах и сменой церковного устава. Факт, казалось бы, требующий доказательств, если бы не парадоксальное мнение Б. А. Успенского, что «не исихазм как идеологическое течение принес второе южнославянское влияние, но второе южнославянское влияние, как струя, связанная с Византией, принесло в Россию ту идеологию, экспансия которой входила в задачи Византии»⁵⁹. Хронологический разрыв между появлением в восточнославянской письменности новых текстов и распространением в ней последовательных образцов южнославянской (среднеболгарской) орфографии (равный приблизительно четверти века — возраст одного поколения) свидетельствует, что распространение это было не механическим, а вполне осознанным явлением (в противном случае ничто не мешало писцам первой четверти XV в. продолжать традицию русификации списков, успешно осуществляемую старшим поколением книгописцев), во всяком случае для части переписчиков. На сознательный характер следования русских писцов южнославянским (прежде всего, среднеболгарским) нормам в рукописях первой трети XV в. указывают и ранние образцы болгаризации правописания — относящиеся, вопреки высказанному сравнительно недавно мнению⁶⁰, не ко второй половине столетия, а именно к указанному времени⁶¹ — причем даже в текстах, не связанных со «вторым южнославянским влиянием», а унаследованных от предшествующей древнерусской традиции⁶². Очевидно, в течение 1390—1400-х гг. в тех же кругах русских книжников, в которых распространялись и новые тексты, в результате продолжающихся и упрочившихся контактов со славянским монашеством Афона и Константинополя⁶³ утверждается представление (не получившее, правда, зафиксированного письменно теоретического обоснования, но, судя по результатам, близкое к взглядам их южнославянского современника Константина Костенечского, изложенным в его трактате «Сказание изъявлено о писменах») о нормализации языка и орфографии текстов (и даже их графики!) как необходимом условии их ортодоксальности⁶⁴.

В связи с этим нельзя не вернуться к вопросу о роли южнославянских выходцев (и в первую очередь — церковных иерархов) в распространении «второго южнославянского влияния» на Руси. Самый показательный пример, очевидно, митрополит Киприан. Роль его в этом не следует преувеличивать (здесь нельзя не

согласиться с мнением И. Талева и Б. А. Успенского), но не стоит также и преуменьшать. Человек, тесно связанный с афонской и тырновской традицией, он находился и действовал в совершенно иных политических условиях, чем его единомышленники в Тырнове, — ситуацию скорее можно сопоставить с современной ей сербской, где широкомасштабные результаты святогорской реформы в области орфографии несколько запаздывают и имеют свою специфику по сравнению с Болгарией. Киевская митрополия была разделена между многими политическими образованиями, порою устойчиво враждовавшими между собой (противостояние Москвы и Литвы), зачастую обладавшими прочными региональными традициями (Новгород, Псков). Русские монастыри той поры отнюдь не представляли собой однородного явления. Новые киновии и пустынножительства еще только набирали силу, их подлинный расцвет пришелся на XV столетие. Старые городские обитатели, тесно связанные со своими патронами — индивидуальными и коллективными (например, кончанские монастыри Новгорода), не то чтобы были сознательными противниками реформы монашеской жизни, а скорее не испытывали в ней потребности. Поэтому в свободное от политико-дипломатической (которой ему пришлось заниматься, может быть, больше, чем он того хотел) и административной деятельности время митрополит мог лишь распространять идеи монашеского обновления среди единомышленников. Результаты сказались уже во времена питомцев этого «гнезда».

Нельзя не согласиться с тезисом, что основные стимулы «второго южнославянского влияния» «лежали в собственном развитии русской книжной традиции» и что его «исторический контекст» — «попытки создания православной ойкумены, объединенной общей идеологией и стандартизированным литературным языком, которые предпринимаются в Византии, афонских монастырях и православных славянских государствах во второй половине XIV — начале XV в.»⁶⁵. В случае с восточнославянской традицией это стремление к стандартизации доведено до предела, поскольку распространяется здесь даже на графику и иллюминацию рукописей, которые в южнославянской письменности (откуда они были заимствованы древнерусскими книжниками) явились результатом исторического развития⁶⁶.

Не случайным представляется и выбор среднеболгарских орфографических норм как образца для подражания⁶⁷. Если ресавским нормам принадлежало большое будущее в книжной продукции славянских Балкан XV—XVII вв., то к моменту начала «второго южнославянского влияния», отмеченного наибольшей активностью русско-южнославянских контактов, они еще не обрели своего обоснования в труде Константина Костенецкого (хотя памятники, следующие этим нормам, известны с последней четверти XIV в.⁶⁸). Вероятно, в силу сложной историко-политической ситуации (раздробленность Сербии после смерти Стефана Душана, феодальные усобицы, турецкое нашествие после Косовской битвы 1389 г.) централизованное проведение реформы здесь было затруднено и смогло осуществиться только в Моравской Сербии в первой четверти XV в. Но даже и при более благоприятных условиях ресавские правописные нормы не могли бы претендовать на то, что в полном объеме возрождают древнее правописание: и для Константина Костенецкого идеалом служила тырновская орфография⁶⁹. Болгарская книгопис-

ная традиция (хотя об узаконении норм патриархом Евфимием известно лишь из позднейшего свидетельства все того же Константина) во второй половине XIV в. — до взятия Тырнова турками в 1393 г. — дала блестящий пример замены корпуса текстов и правописания в масштабах целого государства (что особенно заметно на комплексе памятников, тиражировавшихся в славянских скрипториях Молдавии XV—XVI вв., тырновском как по орфографии, так и по репертуару)⁷⁰. Авторитет патриарха-исихаста соединился в данном случае с авторитетом книжников Святой горы, поэтому, хотя результаты реформы определились в средне-болгарской книжности еще в доевфимиевское время⁷¹, в ее масштабах и окончательной реализации немалая заслуга последнего патриарха, и наименование книжной «справы» афоно-тырновской, вероятно, наиболее соответствует исторической истине. Подчеркнутая (даже во внешнем облике рукописей) ориентация русских книжников на новом этапе «влияния» на афоно-тырновские образцы выразилась и в отборе текстов, уже ставших к тому времени достоянием русской книжности. Показательно в этом смысле заметное невнимание к собственным восточнославянским опытам перевода и редактирования текстов (пусть и немногочисленным), шедшим в общем с южнославянскими русле⁷². Новый Завет в переводе митрополита Алексия, значение которого для истории русского книжного языка не подлежит сомнению, положил начало лишь нескольким спискам отдельных новозаветных книг рубежа XIV и XV вв.⁷³ То же относится к переводу Триоди с новозаветными чтениями по алексиевской редакции⁷⁴ (пергаменный список начала XV в. — РГБ, ТСЛ, № 25⁷⁵ — как кажется, троицкого происхождения).

Много неясного остается в судьбе локальных вариантов «второго южнославянского влияния», в реальности, безусловно, существовавших⁷⁶. По сути, если попытаться проанализировать картину явления в целом, неясность здесь преобладает (говоря, разумеется, прежде всего о книжном репертуаре, поскольку графико-орфографический аспект проблемы плодотворно разрабатывался в 1990-е гг. М. Г. Гальченко, а вопросы книжной иллюминации подробно рассмотрены в монографиях Г. И. Вздорнова (Северо-Восточная Русь) и Э. С. Смирновой (Новгород) и в сочинениях других исследователей). Из немногочисленных исторических свидетельств русско-южнославянских связей большинство относится если не непосредственно к Москве и Подмосквью, то к северо-востоку Руси (Тверь, Нижний Новгород, Кирилло-Белозерский монастырь); даже на долю Новгорода (кроме факта работы там Пахомия Логофета) приходится лишь известие о святогорском оригинале Тактикона Лисицкого монастыря 1397 г.⁷⁷ Между тем на материале случайных фактов такие варианты, безусловно, прослеживаются и свидетельствуют о различиях в источниках «влияния» для разных регионов и центров (установить это соотношение общего и отличного — одна из насущных задач будущих исследований). Так, в новгородских служебниках середины XV в. встречается поминание Саввы и Симеона Сербских в Чине проскомидии (РГАДА, ф. 196, оп. 1, № 539, л. 6, 7)⁷⁸, что для московской практики не характерно⁷⁹. Показателен и пример Стишного Пролога, где в московской, новгородской и белорусско-украинской традициях существенно различается набор южнославянских житий⁸⁰. Сложение общерусского (великорусского) варианта растянулось, по всей видимости, на всю вторую половину XV в. и заверши-

лось окончательно уже к середине следующего столетия, ко временам митрополита Макария. Особенно неясна картина явления в книжности Литовской Руси, с ее плохо сохранившейся и еще хуже выявленной и изученной рукописной традицией. Если в XVI в. здесь (во всяком случае на украинских землях) отчетливо прослеживается ориентация (это относится к орфографии, оформлению и почеркам) на продукцию молдавских скрипториев, следующих в свою очередь тырновской традиции (отсюда частое определение в описательской практике, особенно зарубежной, таких украинских рукописей, как молдавские)⁸¹, то на рубеже XIV—XV вв. и в первой половине XV в. ситуация едва ли была аналогичной, поскольку в это время устойчивая традиция книгописания в самой Молдавии только складывается⁸².

Картина «второго южнославянского влияния» на восточнославянскую книжную культуру была бы достаточно сложной, даже если бы рассматриваемая тенденция была в ней единственной. Однако в реальности тенденция эта была лишь одной из составляющих более сложного процесса. Наряду с рукописями, следующими южнославянским образцам в почерке, орфографии и оформлении, в первой половине XV в. (и даже позднее) продолжают писаться и кодексы, восходящие к более ранней русской традиции, хотя число их постепенно сокращается. Особенно это заметно на примере Новгорода, Пскова и их земель, где наиболее поздние образцы (очевидно, провинциального происхождения), продолжающие местные традиции XIV в., встречаются вплоть до рубежа третьей и последней четверти XV столетия⁸³. Обычно признаки старой или новой традиции наличествуют в определенной рукописи в комплексе (почерк, орфография и орнаментика), хотя на примере того же Новгорода можно указать и исключения — например, сочетание тератологического орнамента с новыми, или гибридными, почерками⁸⁴. Между этими двумя полюсами существует масса смешанных и переходных типов, но статистика такого рода затруднительна из-за числа сохранившихся восточнославянских рукописей⁸⁵.

Середина XV в. рассматривается исследователями как несомненный рубеж в истории восточнославянского книгописания, книжного языка и орфографии, независимо от исходной позиции. Для А. И. Соболевского это время развертывания результатов «второго южнославянского влияния» в полном объеме, для Л. П. Жуковской, не признававшей самого феномена, — начальный период архаизации орфографии, вызванной складыванием представлений об исключительной роли и исторических судьбах Руси. Оба представления ориентированы в значительной мере на внешнее по отношению к собственно русской истории (хотя в перспективе несомненно имевшее исключительное общественно-политическое и культурно-историческое значение) обстоятельство — взятие Константинополя турками в 1453 г. (и как следствие этого — для А. И. Соболевского — резкое сокращение русско-южнославянских связей). Однако в реальности этот рубеж, вероятно, достаточно условен.

Падение Византии не означало еще прекращения культурных контактов православных славян. Взятие Константинополя османами уменьшало значение столицы империи как центра интернациональных контактов православного монашества, хотя имеются (пусть и немногочисленные) свидетельства пребывания там русских монахов вскоре после перехода города к туркам⁸⁶. В подобной ситуации должна

была резко возрасти роль Афона, сохранившего определенную автономию и в составе Османской империи⁸⁷. Не могла служить серьезным препятствием и принципиальная разница позиций Москвы и Константинополя в отношении к Ферраро-Флорентийской унии и к созданию автокефальной церкви в Московском княжестве. В отрицательном отношении к унии Москва солидаризировалась с Афоном (непримиримая позиция которого, выраженная в послании святогорцев великому князю Василию Темному⁸⁸, оказала решающее воздействие на выбор великого князя и великорусской церковной иерархии); с другой стороны, для Украины и Белоруссии, оставшихся в подчинении Константинопольского патриарха, едва ли правомерно говорить о более впечатляющих результатах «влияния» в XV в., чем для Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Скорее наоборот: несмотря на соседство с наследницей тырновской Болгарии — Молдавией и позднейшие контакты западнорусских книжников с сербами в Венгрии и на Афоне⁸⁹, корпус южнославянских текстов в украинско-белорусской книжности зримо беднее, чем в Московской Руси⁹⁰.

Пожалуй, более ощутимую верхнюю границу второго этапа «влияния» создает прекращение притока новых текстов на Русь со славянского юга, которое относится, по-видимому, самое позднее к рубежу 1430—1440-х гг.⁹¹ Корпус переводов, выполненных южнославянскими книжниками в более ранний период (в основном до начала XV в.)⁹², был к тому времени прочно усвоен на Руси, а нестабильная и все ухудшающаяся внешнеполитическая обстановка на Балканах не могла не оказать отрицательного воздействия на активность переводчиков (даже если корпус переводов, уже выполненных к тому времени, не считался достаточным) на Афоне, а тем более на их заказчиков из числа светских и духовных владык Сербии⁹³.

Прекращение притока новых текстов не вызвало перемен в других аспектах «влияния», продолжающего распространяться вширь (увеличение числа списков сочинений, пришедших на Русь в течение 1380—1430-х гг.) и вглубь (распространение среднеболгарских орфографических норм на литературные памятники, со «вторым южнославянским влиянием» не связанные)⁹⁴. Именно в середине — третьей четверти столетия распространение новых орфографических и языковых норм в древнерусских рукописях достигает такого размаха, что вне зависимости от объяснения причин не может игнорироваться даже противниками понятия «второе южнославянское влияние»⁹⁵. Для историко-литературной сферы это время деятельности эталонного в будущем агиографа серба Пахомия Логофета и период широкого распространения гомилетического наследия авторов «тырновской школы», в первую очередь, Григория Цамблака (именно от этого времени⁹⁶ дошел целый ряд списков сборника его поучений — «Книги, глаголемой Цамблака»)⁹⁷. В истории книжного письма это один из самых темных и неизученных в XV в. периодов (по некоторым признакам можно судить, что пестрота картины, характерная для предшествующего периода, продолжает сохраняться)⁹⁸.

Среднеболгарская орфографическая система не осталась, однако, и не могла остаться в восточнославянской книжности середины — второй половины XV в. просто одной из синхронно существующих. Имелся целый ряд обстоятельств, обеспечивших ей покровительствуемое и привилегированное положение. Афонская

традиция продолжала пользоваться высочайшим авторитетом в среде русского монашества (достаточно вспомнить хотя бы Нила Сорского). В течение XV в. авторитет Святой горы как центра и опоры православия еще более возрос и укрепился благодаря непримиримому отношению к унии. Известную роль сыграло, вероятно, и начавшее формироваться во второй половине столетия представление о Руси (главным образом Московской) как единственной хранительнице православия и славянской культуры после падения Константинополя и гибели славянских государств на Балканах⁹⁹, хотя взятие турками Смедерева — столицы сербского деспотства — в 1459 г. не нашло отклика в русской книжности (сербская тема появится широко только в следующем столетии, на страницах Русского Хронографа)¹⁰⁰. Немалое значение имело в данном случае и обращение к собственному прошлому (хотя и не слишком отдаленному — первой трети века — для Северо-Восточной Руси¹⁰¹; в Новгороде 1430—1470-х гг. эта линия развития представляется непрерывной) — книжной продукции Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей, осененных славой их основателей. К концу века среднеболгарская орфография была уже освящена и стариной собственно русской традиции. Одну и ту же тенденцию к ориентации на образцы книжной продукции великокняжеской Москвы времени Василия Дмитриевича либо (в зависимости от региона) новгородских владычных мастеров второй трети столетия можно обнаружить и в книжном письме (разумеется, в качестве образцов для книгописцев конца столетия выступают лишь почерки, бывшие новыми в его начале)¹⁰², и в иллюминации кодексов (новое распространение орнаментики неовизантийского стиля в роскошном полихромном варианте с применением золота, использование зооморфных инициалов, восходящих к роскошным кодексам рубежа XIV—XV вв. для Москвы¹⁰³, заметное число случаев обращения к этому стилю — для Новгорода¹⁰⁴). Как и в первой трети века (но в более широких масштабах), в последней четверти XV столетия получают распространение каллиграфические кодексы (в первую очередь, Евангелия, Апостолы, Псалтыри) со столь последовательно выдержанной среднеболгарской орфографией, что они (если ориентироваться исключительно на правописание) могут быть приняты (и довольно регулярно принимаются — преимущественно, правда, зарубежными исследователями) за южнославянские (т. е. применительно к эпохе, естественно, молдавские и валашские)¹⁰⁵. Для Литовской Руси (в первую очередь для Украины) это время ориентации на книжную продукцию молдавских скрипториев в письме, вязи и орнаментике¹⁰⁶. Рубеж XV и XVI столетий не представляет в этом отношении выраженной границы, ситуация в орфографии характерна и для позднейшего времени, вплоть до середины XVI в.¹⁰⁷

Последняя четверть столетия отмечена также появлением небольшой группы южнославянских переводных текстов, неизвестных в более ранней восточнославянской традиции (переводы XIII—XIV вв.). Среди них «сербская» Александрия, возможно, также «Сказание об Индийском царстве». Значительнее корпус южнославянских переводов (Хроника Манассии, «Паралипомен» Хроники Зонары) и оригинальных сочинений (болгарских и сербских житий XIII—XV вв.), пришедших в русскую книжность на рубеже XV—XVI вв. или в начале XVI в. и послуживших источником Русского Хронографа. Однако этот эпизод представляет особый этап

русско-южнославянских культурных взаимоотношений, связанный с осознанием идеологами Московского государства места своей страны и культуры в поствизантийском мире¹⁰⁸.

Подводя итоги сказанному выше, стоит подчеркнуть следующее.

«Второе южнославянское влияние» представляет сложное многоаспектное явление, которое может быть правильно оценено лишь с учетом совокупности всех его проявлений. В то же время оно является лишь составной частью развития восточнославянской книжной культуры конца XIV — XV вв. наряду с синхронным возрождением местной книжной традиции, восходящей к эпохе Киевской Руси.

Отдельные аспекты «влияния» (тексты, графика и орфография, вязь, орнаментика) не синхронны в своем появлении (последние отстают от первого) и распространении в восточнославянской письменности¹⁰⁹. Не синхронны и региональные варианты «влияния» (Москва (и Северо-Восточная Русь в целом), Новгород, Псков)¹¹⁰.

Совокупность неязыковых (палеографическо-кодиковых) признаков, позволяющих отличать памятники украинско-белорусского происхождения от великорусских, формируется, очевидно, не ранее середины — второй половины XV в. Влияние продукции молдавских скрипториев на западнорусскую книжную традицию проявляется не ранее последней четверти столетия.

Асинхронность проявления признаков «влияния» позволяет предложить следующую периодизацию:

последняя четверть XIV — первое десятилетие XV в. (для Новгорода¹¹¹ и Пскова — 1420-е гг.): период распространения новых текстов, переведенных южными славянами, в восточнославянской книжности (прежде всего в новых общежительных монастырях);

рубеж 1400—1410-х — 1430-е гг. (для Новгорода и Пскова вторая — третья четверть столетия): появление и распространение новых почерков и среднеболгарской орфографии в восточнославянских рукописях (первоначально в текстах, пришедших с «влиянием»);

1440—1470-е гг.: период сосуществования старых и новых графико-орфографических норм, с постепенным преобладанием среднеболгарских. Дальнейшее распространение среднеболгарской орфографии в текстах, не связанных с «влиянием»;

1470-е гг. — первая половина XVI в.: преобладание среднеболгарских орфографических норм в памятниках восточнославянской письменности, созданных в значительных книжных центрах.

Примечания

¹ *Соболевский А. И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. СПб., 1894 (далее — *Соболевский. Южнославянское влияние...*); то же // *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л., 1989. Прилож. 2. С. 147—158.

² *Он же.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903 (= СОРЯС. Т. 74. Кн. 1 (репринт: Leipzig, 1989); далее — *Соболевский. Переводная литература...*). С. 1—37.

³ Ср.: Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 269 (1-е изд.: München, 1987; далее — Успенский. История...).

⁴ Критический обзор языковых (графико-орфографических) признаков, традиционно связываемых с явлением, был наиболее полно обобщен в последнее время в работах М. Г. Гальченко (см.: Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах древней Руси: Избранные работы [= Труды Центрального Музея древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева. Т. 1]. М.; СПб., 2001. С. 325—425 (далее — Гальченко. Книжная культура...)). См. также: Wort D. S. The «Second South Slavic Influence» in the History of the Russian Literary Language // American Contribution to the Ninth International Congress of Slavists. Columbus, 1983. Vol. 1 (Linguistics). P. 349—372 (далее — Worth. The «Second South Slavic Influence»...).

⁵ Наиболее подробное и систематичное изложение суммы формальных признаков «влияния» см.: Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. С. 44—46, 71—72, 129—132 (1-е изд.: Учебник русской палеографии. М., 1918).

⁶ Турилов А. А. О времени и месте создания пергаменного Евангелия «Мемнона книгописца» (БАН, Доброхот. 26) // Информационный бюллетень Междунар. ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК). М., 1992. Вып. 26. С. 24—25, 39—40, примеч. 52; с. 41—42, примеч. 55 (далее — Турилов. О времени и месте создания...); Он же. Предисловие (Опыт авторецензии) // Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986). М., 1993. С. 12—13; 27—28, примеч. 44; с. 32—33, примеч. 48 (далее — Турилов. Опыт авторецензии...).

⁷ Соболевский. Переводная литература... С. 8—12.

⁸ Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958 (то же // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 7—56; ссылки на 2-е изд. далее — Лихачев. Некоторые задачи...); Он же. Развитие русской литературы X—XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 79, 89, 101, 112, 113 (далее — Лихачев. Развитие русской литературы...); Пикио Р. «Плетение словесъ» и литературные стилове на православните славяне в епохата на късно Средновековието // Пикио Р. Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993. С. 531—560 (далее — Пикио. «Плетение словесъ»...).

⁹ Живов В. М. Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XV—XVI вв. // Славянское языкознание: XI Междунар. съезд славистов: Докл. российской делегации. М., 1993. С. 118 (далее — Живов. Гуманистическая традиция...); Гальченко. Книжная культура... С. 327—328. Ср.: Жуковская Л. П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 144—176 (далее — Жуковская. Грецизация и архаизация...); Она же. Предисловие // Там же. С. 5—7; Успенский. История... С. 275—279.

¹⁰ Жуковская Л. П. К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность (Житие Анисьи по спискам 1282—1632 гг.) // История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982. С. 227—287; Жуковская. Грецизация и архаизация... С. 144—176; Она же. Эволюция книжного письма от митрополита Ионы до патриарха Иова // 400-летие учреждения патриаршества в России. Рим, 1991. С. 253—256 (далее — Жуковская. Эволюция книжного письма...). Тех же взглядов придерживаются и ученики Л. П. Жуковской — см., например: Иванова М. В. Второе южнославянское влияние: термин и сущность // Древняя Русь и Запад. Резюме науч. конф. М., 1996. С. 99—101; Она же. Древнерусские жития кон. XIV — XV вв. как источник истории древнерусского литературного языка. М., 1998.

С. 198 (критический разбор мнения последнего автора см.: *Гальченко*. Книжная культура... С. 326—327, примеч. 2).

¹¹ *Соболевский*. Переводная литература... С. 13.

¹² Там же. С. 1—4.

¹³ Подробную историографию вопроса см.: *Станков Р.* Второто южнославянско влияние в Русия през XIV—XV в.: Преглед на литература. Проблеми и перспективи // *Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски»: Факултет по славянски филологии*. 1992. Т. 84, кн. 1 (Езикознание). С. 69—106; *Гальченко*. Книжная культура... С. 325—382, 486—493.

¹⁴ *Talev I.* Some Problems of the Second South Slavic Influence in Russia. München, 1973. P. 162, 174, 178, 181, 183 (далее — *Talev*. Some Problems of the Second South Slavic Influence...); *Успенский*. История... С. 273—274.

¹⁵ *Talev I.* Some Problems of the Second South Slavic Influence... P. 75—80; *Worth*. The «Second South Slavic Influence»... P. 349, 368; *Успенский*. История... С. 269—270.

¹⁶ *Успенский*. История... С. 280.

¹⁷ Там же. С. 269. К слову сказать, за 20 с небольшим лет, прошедших со времени первого издания учебника Б. А. Успенского, объем знаний о «втором южнославянском влиянии» изменился весьма значительно — достаточно посмотреть на упоминаемую здесь литературу 1990-х — начала 2000-х гг.

¹⁸ При этом постоянно следует помнить, что «второе южнославянское влияние» было лишь одним из процессов, определявших развитие восточнославянской книжной культуры конца XIV — первой половины XVI в. Другим было возрождение древнейшего пласта книжной традиции, восходящего ко временам Киевской Руси (а в его составе и всего корпуса текстов, пришедших на Русь с принятием христианства). XV век — первое столетие в истории русской книжности, которое в сохранившихся списках представляет всю предшествующую и большую часть современной литературной традиции (о значении эпохи для оригинальных восточнославянских памятников см.: *Седельников А. Д.* Несколько проблем по изучению древней русской литературы: Методологические наблюдения // *Slavia*. Praha, 1929. Roč. 8. Zeš. 3. С. 503—525 (далее — *Седельников*. Несколько проблем...); *Лихачев*. Развитие русской литературы... С. 113—120), но это наблюдение применимо почти ко всему корпусу текстов, в том числе и к древним переводам и оригинальным памятникам, созданным в Великой Моравии, Болгарии и Чехии еще до крещения Руси (ср.: *Диневков П. Н.* О распространении древнеболгарской литературы на Руси // *Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции*. М., 1976. С. 27—31; *Турилов А. А.* Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв. (Заметки к оценке явления) // *Славяноведение*. 1995. № 3. С. 29—43; *Он же*. К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской рукописной традиции (на материале минейных служб) // *Старобългарска литература*. София, 2006. Кн. 35—36. С. 22—37). Об этом недвусмысленно свидетельствуют и сделанные в последние десятилетия именно в восточнославянских рукописях XV в. находки неизвестных ранее текстов, как русских XI в. (*Рыков Ю. Д.*, *Турилов А. А.* Неизвестный эпизод болгаро-византийско-русских связей XI в. (Киевский писатель Григорий Философ) // *Древнейшие государства на территории СССР* 1982. М., 1984. С. 170—176; *Православная энциклопедия* (далее — ПЭ). М., 2006. Т. 13. С. 71—74; *Турилов А. А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание» // *Славяне и их соседи*. М., 2004. Вып. 11 (Славянский мир между Римом и Константинополем). С. 211—262), так и относящихся к древнейшему этапу болгарской литературы (см.: *Лифшиц А. Л.* Фрагмент сочинения Иринея Лионского

Protiv eresей в собрании Виленской публичной библиотеки // Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne. Kraków, 2001. Т. 3. С. 61—71).

Именно этот процесс, синхронный «второму южнославянскому влиянию», позволяет при тенденциозном отборе источников игнорировать последнее, апеллируя к большому числу списков тех памятников, которые связаны с древней традицией (Пролог Константина Мокисийского в работах Л. П. Жуковской; Торжественник в исследовании ее ученика Л. Г. Панина; см.: *Панин Л. Г.* Лингвотекстологическое исследование минейного Торжественника (рукописи XV—XVI вв.). Новосибирск, 1988). Последствия данного явления не были вполне учтены А. И. Соболевским, который в перечень переводных текстов (*Соболевский.* Переводная литература... С. 15—23. Прилож. 1), известных в русских рукописях XV в., наряду с южнославянскими переводами XIV—XV вв. включил целый ряд памятников более древнего происхождения, в том числе представленных более ранними списками (см. примеч. 25).

¹⁹ Речь идет в первую очередь об уточнении датировки и происхождения целого ряда восточнославянских (и до некоторой степени — южнославянских) рукописных книг XIV и XV вв., позволяющем более четко определить хронологию отдельных аспектов явления (см.: *Турилов.* Опыт авторцензии... С. 7—13, 21—37).

²⁰ *Соболевский.* Переводная литература... С. 13—14.

²¹ См.: *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и югославянской литератур (русские памятники на юге славянства) // ИОРЯС. Пг., 1921—1923. Т. 26. С. 143—200 (то же // *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 7—54); *Он же.* Русские памятники письменности в югославянской литературе XIV—XVI вв. // *Сперанский М. Н.* Из истории... С. 55—103; *Адрианова-Перетц В. Н.* Древнерусские литературные памятники в южнославянской письменности // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 5—27; *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // Там же (далее — *Мошин.* О периодизации...). С. 28—106 (переизд.: 1) Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рожд. В. А. Мошина (1894—1987). СПб., 1998; 2) Из истории русской культуры: Статьи по истории и типологии русской культуры. М., 2002. Т. 2. Кн. 1 (Киевская и Московская Русь). С. 805—887); *Miklas H.* Kyrillomethodianishes und nachkyrillomethodianisches Erbe im ersten ostslavischen Einfluss auf die südslawische Literatur // Symposium Methodianum: Beitrage der internationale Tagung in Regensburg. Neurid, 1988. S. 437—471 (далее — *Miklas.* Kyrillomethodianishes und nachkyrillomethodianisches Erbe...); *Турилов А. А.* Памятники письменности восточных славян в южнославянской рукописной традиции XIII—XIV вв. // Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1991. Вып. 25. С. 87—97 (далее — *Турилов.* Памятники письменности...); *Он же.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения) // Славянские литературы: XI Междунар. съезд славистов: Докл. российской делегации. М., 1993. С. 27—42 (далее — *Турилов.* Памятники древнерусской литературы...); ПЭ. М., 2007. Т. 16. С. 162—171.

²² *Naumow A. E.* Apokryfy w systemie literatury cerkiewno-słowiańskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1976. S. 25—29 (далее — *Naumow.* Apokryfy...); *Турилов А. А.* Древнерусская культура в контексте средневековых славянских (на материале книжности) // Древнерусская культура в мировом контексте: Мат-лы конф. М., 1999. С. 96—105.

²³ К первой группе относятся похвальные слова патриарха Евфимия Тырновского Константину Великому и его матери Елене и на Обновление храма Воскресения Господня (могут рассматриваться и во второй группе) и его же Послание к Киприану мниху (может быть отнесено и к третьей группе). С известной долей условности сюда можно причислить и древнейший Письмовник (см.: *Плигузов А. И., Турилов А. А.* Древнейший письменник

южнославянской редакции третьей четверти XIV в. // Русский феодальный архив. М., 1988. Вып. 3. С. 554—570), если только он не был создан в окружении митрополита Киприана уже на Руси.

Ко второй принадлежат проложные жития и повести в составе Стишного Пролога (болгарские: Иоанна Рыльского, Параскевы-Петки Тырновской, перенесение мошей Илариона Мегленского, Михаила Воина из Потоуки; сербские: архиепископа Арсения (только стих ему), Саввы и Симеона (см.: Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // Теория и практика источниковедения отечественной истории. М., 1978. С. 40—43 (далее — Турилов. Оригинальные южнославянские сочинения...); *Он же*. Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV — первой четверти XVI в.: Автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 1980. С. 8—12; далее — Турилов. Болгарские и сербские источники...), службы Иоанну Рыльскому, Арсению и Савве Сербским в Минеях, тропари и кондаки всем перечисленным святым (кроме Михаила Воина), а также Иоакиму Осоговскому («Сарандапорскому») в месяцесловах Уставов церковных и Псалтырей следованных, начиная с так называемой Псалтыри митрополита Киприана (Турилов. Оригинальные южнославянские сочинения... С. 41—42; о памятнике в целом см.: Князевская О. А., Чешко Е. В. Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Тырновского // Тырновская книжовна школа. София, 1980. Кн. 2. С. 282—292; далее — Князевская, Чешко. Рукописи...). Сюда же можно отнести и памяти южнославянским святым в месяцесловах Евангелий, Апостолов, Уставов и Псалтырей с восследованием (наиболее полный, хотя и далеко не исчерпывающий перечень см.: Смирнов С. Н. Сербские святые в русских рукописях // Юбилейный сб. Русского археологического общества в Королевстве Югославии. Белград, 1936. С. 161—264).

Наконец, к третьей группе относятся такие тексты, как послесловия старца Исайи к переводу сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита (1371 г.) и инока Григория к «Паралипомену» Зонары (1408 г.).

История бытования и распространения этих текстов в восточнославянской традиции должна рассматриваться в совокупности с историей корпуса всех новых текстов.

Особое место среди оригинальных южнославянских текстов, появление которых на Руси связывается со «вторым южнославянским влиянием», занимает группа пространных житий XIII—XV вв.: болгарских (Илариона Мегленского, Параскевы-Петки Тырновской (в сопровождении повести Григория Цамблака о перенесении ее мошей в Видин и Сербию), и Филофеи Темничной («Темнишской») — патриарха Евфимия Тырновского) и сербских (Саввы Сербского (вместе с похвальным словом Савве и Симеону) — Феодосиевской редакции, краля Стефана Уроша III Дечанского, написанное Григорием Цамблаком, и деспота Стефана Лазаревича — Константина Костенецкого). Появление в восточнославянской письменности этой группы текстов, практически не имеющее аналогов в истории средневековых русско-южнославянских связей, выходит за хронологические рамки «второго южнославянского влияния» в классическом значении этого термина и связано с осознанием роли Московской Руси как преемницы и наследницы всех православных держав после падения Константинополя. Старшие русские списки этих памятников относятся к концу XV — первой четверти XVI в. (о Житии Саввы Сербского известно, что оно было принесено с Афона в 1517 г.), основная часть их связана происхождением с Иосифо-Волоколамским (где большинство из них между 1516 и 1522 гг. послужили источниками Русского Хронографа), Троице-Сергиевым и Кирилло-Белозерским монастырями, в письменной традиции Новгорода и Литовской Руси они почти не получили известности (Турилов. Болгарские и сербские источники... С. 12—23; *Он же*. Южнославянские памят-

ники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI вв.: парадоксы истории и географии культурных связей // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 252—254, 272—274 — см. также настоящее издание).

²⁴ *Соболевский*. Переводная литература... С. 4—5, 15—23 (Прилож. 1).

²⁵ Можно лишь упрекнуть автора в непоследовательности, так как он включил в перечень не только южнославянские переводы XIII — начала XV вв., но и просто тексты, неизвестные в восточнославянских (а в южнославянских тем более) списках до XV в., т. е. синхронные «второму южнославянскому влиянию», но связанные не с ним, а с возрождением домонгольской книжной традиции. К числу их относятся:

1) *Епиктета Философа* «Главизны» с толкованиями (точнее, в обработке. — А. Т.) Максима Исповедника (*Соболевский*. Переводная литература... С. 15). Текст относится к числу болгарских переводов эпохи Первого царства (см.: *Буланин Д. М.* Неизвестный источник Изборника 1076 г. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 166—168). Список ГИМ, Син. 644, датируется концом XIV в. (см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV в., хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. М., 2002. Вып. 1, № 89 (далее — СК XIV)) и содержит только памятники древнейшей эпохи; ГИМ, Хлуд. 10Д — второй половиной XIII в., а не XV в. (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. № 229 (далее — СК XI—XIII)), часть этого кодекса с сочинением Епиктета — БАН, Никольск. 323 (*Буланин Д. М.* Реконструкция древнерусского сборника XIII в. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 342—345 (далее — *Буланин*. Реконструкция...)).

2) *Илариона* «Об отвержении мира» (*Соболевский А. И.* Переводная литература... С. 17). Текст, вероятно, принадлежит Илариону, митрополиту Киевскому (см.: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. Мюнхен, 1991. С. 242 (далее — *Буланин*. Античные традиции...); *Турилов*. Памятники письменности... С. 90—91; *Он же*. Памятники древнерусской литературы... С. 32—33); аргументация Д. М. Буланина в пользу славянского происхождения текста осталась, очевидно, неизвестна новейшему исследователю памятника, относящего его к числу переводных (см.: *Алексеев А. И.* «Наказание к отречшимся мира» Илариона Великого в контексте полемики о монастырском «стяжании» XVI в. // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2000. Вып. 3. (Редактор и текст) С. 16—22). Старшие списки с надписанием в заголовке «Илариона, митрополита Киевского» — сербские, датируются третьей четвертью XIV в. — БАН, собр. Текущих поступлений, № 13 (см.: *Сергеев А. Г.* Атрибуция некоторых сербских рукописей XIV в. из собрания БАН // Кодикология и палеография: 300 лет после Монфокона: Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2008. С. 167—168); Белград, Народная библиотека Сербии, Р-26 (см.: *Штавьанин-Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Цернић Л.* Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Београд, 1986. Књ. 1. С. 45—52, № 27).

3) *Максима Исповедника* Главы о любви к Елпидию попу (*Соболевский*. Переводная литература... С. 17). Речь в данном случае может идти лишь о новом переводе. Список ГИМ, Син. 644, содержит древнейший перевод (см. выше), тот же текст — ГИМ, Хлуд. 10Д (XIII в.).

4) *Нила Философа* «Разные сочинения» (Там же. С. 17). Наличие списков в ГИМ, Хлуд. 10Д и Син. 644 свидетельствует в пользу древности перевода.

5) *Феодора Студита* Слова (Там же. С. 19). Древнейший перевод относится, вероятно, к киевскому времени (*Ищенко Д. С.* Поучения огласительные Феодора Студита // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 224—225).

6) *Севериана Гавальского* Шестоднев (*Соболевский*. Переводная литература... С. 21). Перевод относится, по всей видимости, к числу болгарских эпохи Первого цар-

ства (Баранкова Г. С. Шестодневы повествовательные // Методические рекомендации... С. 167; Старобългарска литература: Енциклопедичен речник. София, 1992. С. 403, 513—514).

7) *Сильвестра и Антония* Вопросы и ответы («Диалоги Псевдо-Кесария») (Соболевский. Переводная литература... С. 22). Перевод относится к числу болгарских эпохи Первого царства (см.: Леонид, архим. (Кавелин). Четыре беседы Кесария или вопросы святого Сильвестра и преподобного Антония. СПб., 1890 (Изд. ОЛДП, № 95)). Южнославянские списки неизвестны, новейшее исследование и издание памятника: Милтенев Я. Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция. София, 2006.

8) *Феофилакта, архиепископа* (у Соболевского ошибочно — патриарха) *Болгарского (Охридского)*, Толковое Евангелие (Соболевский. Переводная литература... С. 22). Речь может идти лишь о новом переводе, так как текст известен уже в отрывках XIII в., БРАН, 4.9.11 / Финл. 11 (Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Записки имп. Академии наук. СПб., 1871. Т. 20. Кн. 1. Прилож. 3. С. 11; Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1976. С. 27—28; Рис. 14), при этом, несомненно, первой половины столетия и ростовского происхождения (те же по черки есть в Университетском Евангелии начала XIII в. и Толковом Апостоле 1220 г. — см.: Турилов А. А. К истории ростовского владычного скриптория XIII в.: старые факты и новые данные // Хризограф. М., 2009. Вып. 3. С. 238—244). Несомненно, к концу XIII в. (или, самое позднее, к рубежу XIII и XIV столетий) относится и упоминаемый А. И. Соболевским отрывок древнерусского происхождения из Виленской Публичной библиотеки (ныне БАН Литвы, ф. 19, № 13 — см.: СК XIV. Прилож. 2. С. 618, № д31). Пергаменный список РГАДА, МГАМИД, № 761 относится к первой трети XV в. (не ранее 1410-х гг. — Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА. М., 2000. С. 68—70, № 16; далее — Каталог РГАДА...). Старший список правленного перевода — среднеболгарский, 1348 г., ГИМ, Барс. 115, с автографом тырновского патриарха Феодосия (СК XIV, № 323); известен и современный ему сербский перевод (см.: Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 178—179, 190).

9) *Хронографический перечень «Цари, царствующие в Константине граде, православные и еретики»* (Соболевский. Переводная литература... С. 23) неизвестен в южнославянской традиции.

10) *Апокрифическое «Никодимово Евангелие»* (Там же) известно на славянской почве как минимум в двух версиях-переводах, старшая из которых, представленная в сборниках РНБ, Софийск. 1264 (датируемом в настоящее время первой пол. XV в.) и РГБ, ТСЛ, № 145, относится к числу древнейших славянских переводов с латыни (см.: Grabar B. Über das Problem des längeren Fassung des Nikodimusevangeliums in der älteren slavischen Literatur // Byzance et les Slaves. Etudes de Civilisation / Melanges Ivan Dujčev. Paris, 1979. S. 201—206; СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 120—123) и не имеет, таким образом, отношения к теме. Перечень, вероятно, можно дополнить.

Из раздела «Разные сочинения» в перечне А. И. Соболевского (Переводная литература... С. 20—23) можно выделить достаточно однородные группы памятников:

1) связанные с монашеством и монастырской жизнью, хотя и не являющиеся в полном смысле аскетическими, но близко примыкающие к ним: Тактикон Никона Черногорца (издание которого готовит в настоящее время К. Ханник), Диоптра Филиппа Монотропа (см.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987. С. 60—87 (далее — Прохоров Г. М. Памятники...)); «Диоптра» Филиппа Монотропа: Антропологическая энциклопедия православного средневековья / Изд. подгот. Г. М. Прохоров, Х. Миклас, А. Б. Бильдюг. М., 2008. С. 7—51);

2) полемические сочинения патриарха Германа, Григория Паламы, Нила Кавасиллы, Давида Дисипата (см.: *Прохоров Г. М.* Сочинения Давида Дисипата в древнерусской литературе // ТОДРЛ. Л., 1978. Т. 33. С. 32—54);

3) сборники поучений, связанные с богослужебным обиходом («уставные чтения»), такие как «Маргарит» Иоанна Златоуста, рекомендуемый для чтения в Великий пост Иерусалимским уставом (см.: *Христова Б.* Опис на ръкописите на Владислав Грамматик. Велико Търново, 1996. С. 30—32; *Сергеев А. Г.* Наблюдения над сборником гомилий РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 116/241 // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 100—135; *Он же.* Рукописная традиция «Дионисиева Маргарита» // *Slavia Orthodoxa: Език и култура / Сборник в чест на Р. Павлова.* София, 2003. С. 351—358; *Он же.* К проблеме существования сербского «Маргарита» // *Љубав према образвању и вера у Бога у православним манастирима / Love of Learning and Devotion to God in Orthodox Monasteries: Сборник изабраних радова.* Београд; Columbus. 2006. Књ. 1. С. 313—317), Учительное Евангелие патриарха Каллиста («Патриарший гомилярый»), старшие (пергаменные) русские списки которого, неизвестные А. А. Соболевскому (ГИМ, Чуд. 21; РГАДА, ф. 357, № 2), относятся, соответственно, к концу XIV и первой четверти XV в. (Каталог РГАДА. С. 259—264, № 92). Сюда можно добавить лишь упомянутый у Соболевского (Переводная литература... С. 5) Стишной Пролог (новейшее исследование см.: *Петков Г.* Стишний Пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV—XV вв.): Археография, текстология и издание на проложни стихове. Пловдив, 2000. С. 17—106) и вовсе не упомянутый Триодный Синаксарь — сборник текстов, объясняющих памяти и праздники триодного цикла (подробнее о нем и его славянской традиции см.: *Taseva L.* Die Sinaxarien zum Triodion und Pentikostarion in südslavischen Übersetzungen des 14. Jahrhunderts // *ZfSPh.* 2002. Bd. 61, № 1. S. 25—40; *Taseva Л.* Триодните синаксари у јужните славјани през 14 в. (Постен цикл) // *Славјанска филологија.* София, 2003. Кн. 23. С. 5—17; *Она же.* Книжне взаимоотношения между Святой горой и Тырново в свете текстовой традиции Триодного синаксаря // *Преводи през XIV столетие на Балканите.* София, 2004. С. 185—203; *Она же.* Анонимный сербский переводчик XIV в. и его современники // *Iter philologicum: Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag.* München, 2006. S. 209—221; *Она же.* Параллельные южнославянские переводы Стишного пролога и триодных синаксарей // *Byzantinoslavica.* Praha, 2006. Т. 44. С. 169—184; существенно меньшее значение в этом смысле имеет, к сожалению, более ранняя статья С. А. Давыдовой и Т. В. Черторицкой (ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 158—163) «К истории синаксаря», составленный в конце XIII в. Никифором Каллистом Ксанфопулум и в первой половине следующего столетия переведенный на славянский (старшие русские списки, датируемые концом XIV(?) — началом XV вв., — Ярославский музей-заповедник, № 15470 а (пергаменный); ГИМ, Уваров, 54-F; РНБ, Пог. 872). Здесь же надо упомянуть столь значительные памятники, как минейный и триодный Торжественники, составленные у южных славян в XIV в. из новых переводов (о составе см.: *Юфу 3.* За десеттомна колекција Студион (из архива на румњанскиа изследвач Ѓ. Јуфу) // *Studia balcanica.* София, 1970. Кн. 2 (Проучвания по случаи II конгрес по балканистика). С. 299—344); *Hannick Ch.* Maximos Holobolos in der kirchenslavischen homiletischen Literatur. Wien, 1981. S. 59—255; о судьбе у южных и восточных славян см.: *Иванова К.* Структурно-типология на характеристика на чети-минейни зборници в јужнославјанската и руската литература (XIV—XVI вв.) *Славјанска филологија.* София, 1978. Кн. 16 (Литературознание и фолклор). С. 66—77).

Из мелких текстов, действительно проходящих по разряду «Разные сочинения», можно упомянуть такие, как медицинские статьи «Галиново на Иппократа» и «Александрово», известные в русской книжности с первой четверти XV в. (см.: Энциклопедия русского игуме-

на XIV—XV вв.: Сборник преподобного Кирилла Белозерского (Российская Национальная библиотека, Кирилло-Белозерское собрание, № XII. СПб., 2003. С. 139—142, 339—340 (далее — Энциклопедия...)) и мелкие космологические и космографические тексты (Там же. С. 142—148, 340—341); о южнославянских списках этого комплекса см.: *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. 2. С. 163—183; *Радошевић Н.* Козмографски и географски одломци Горичког зборника // ЗРВИ. Београд, 1981. Т. 20. С. 171—180; *Она же.* Византијски космолошки чланци у словенском преводу позног средњег века // Българија и Србија в контекста на византијската цивилизација / Сб. статии от българио-србски симпозиум. София, 2005. С. 393—412; *Ломагистро Б.* Астрономски и астролошки текстове у српској и грчкој књижевности // Српска књижевност и балканске књижевности. Историја и историчари српске књижевности. Београд, 2004 (= Научни састанак слависта у Вукове дане. Књ. 32/2). С. 31—38), календарно-медицинские стихи Николая Калликла (старший сербский список, около 1404 г., дефектный — ГИМ, Хлуд. 114 (см.: *Турилов А. А.* Ранний славянский список календарных эпиграмм Николая Калликла («Птохопродрома»): к вопросу о времени перевода // Проблемы источниковедения истории книги: Межвед. науч. сборник. М., 2000. С. 78—83); о позднейшей русской и южнославянской традиции см.: *Былинин В. К.* Календарные эпиграммы Николая Калликла в южнославянской и русской письменности XV—XVI вв. // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 39—51), возможно, также «прогностическая Пасхалия» (если только это не оригинальный продукт творчества южнославянских книжников) на 1409—1492 гг., с апокалиптическими предсказаниями под определенными годами (см.: *Турилов А. А.* О датировке и месте создания календарно-астрономических текстов — «семитысячников» // Там же. С. 33; *Романова А. А.* Эсхатологические ожидания XV в. и записи в пасхалии // Российское государство в XIV—XVII вв.: Сб. статей, посвящ. 75-летию Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 217—242; *Она же.* Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. СПб., 2002. С. 90—114).

Появление в Московской Руси переводов хроник Константина Манассии и Иоанна Зонары (западнорусским книжникам они, по всей видимости, остались неизвестны), использованных между 1516—1522 гг. в Иосифо-Волоколамском монастыре при составлении Русского Хронографа, хронологически совпадает с появлением здесь же пространных житий болгарских и сербских святых (см. выше, примеч. 23).

²⁶ Во времена А. И. Соболевского еще не было достаточно известно, что при наличии двух и более редакций южнославянских переводов конца XIII — первой трети XV в. одних и тех же памятников (например, Иерусалимского устава, Пандектов Никона Черногорца, Слов постнических Исаака Сирина, Стишного Пролога, триодного Синаксаря, цикла басен «Стефанит и Ихнилат», и др.) на Руси в конце XIV — XV вв., как правило, получала известность лишь одна из них — в большинстве случаев болгарская по происхождению и при этом распространенная на Афоне. Ряд аспектов проблемы рассмотрен в статьях сборника «Многократни преводи в южнославянското средновековие», изданном в 2006 г. в Софии по материалам одноименной конференции 2005 г. (см. также работы Г. Петкова и Л. Тасевой в примеч. 25). Переводам и рукописной традиции Слов постнических Исаака Сирина посвящены в последнее время большие работы: *Гранстрем Е. Э., Тихомиров Н. Б.* Сочинения Исаака Сирина в славяно-русской письменности // Вестник церковной истории. 2007. № 1 (5). С. 134—197 (далее — *Гранстрем, Тихомиров.* Сочинения Исаака Сирина...), цикл статей А. Минчевой (см.: *Минчева А.* За еден ръкопис от XV в. със слова на Исак Сирин // Български петнадесети век. София, 1993. С. 229—247; *Она же.* Постнические слова Исаака Сирина в рукописном собрании Хиландарского монастыря // Проучавање средњовековних јужнословенских рукописа: Зборник радова са III међународне Хиландарске конференције. Београд, 1995. С. 301—311;

Она же. «Постническите слова» на Исак Сирин между преводите от XIV в. // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004, С. 359—386) и статья М. С. Федотовой (К вопросу о славянском переводе «Постнических слов» Исаака Сирина (по рукописям XIV — начала XVI вв. петербургских собраний) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 498—511).

²⁷ Современное состояние археографии (в особенности описания рукописей хранилищ Болгарии, Сербии и Афона, вышедшие в последние годы, а также материалы Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в. в хранилищах России и других бывших союзных республик) лишь подчеркивает хронологический разрыв между старшими южно- и восточно-славянскими списками памятников.

²⁸ Число южнославянских рукописей, попавших на Русь не позднее XVI в. и сохранившихся до наших дней, сравнительно невелико. Помимо Лествицы митрополита Киприана (РГБ, МДА, фонд., № 152; СК XIV, № 375), переписанной им в 1387 г. в Константинополе (о происхождении и датировке двух других рукописей, долгое время традиционно считавшихся автографом митрополита, см.: *Князевская О. А., Чешко Е. В.* Рукописи... С. 282—292), это (в хронологической последовательности) следующие кодексы:

а) среднеболгарские

1) Лествица и Поучения аввы Дорофея середины XIV в., с русскими пометами и дополнениями начала XV в. (РНБ, Погод. 1054; СК XIV, № 365); 2) Псалтырь (псалмы 1—54) с толкованиями Никиты, митрополита Ираклийского, середины XIV в. (РГБ, МДА, фонд., № 18); 3) Евангелие тетр третьей четверти XIV в. (ГИМ, Воскр. 1-бум; СК XIV, № 279), вложенное в 1436 г. в тверской монастырь Богородицы на Перемере; 4) Римский патерик третьей четверти XIV в. (РГБ, МДА, Фонд. № 34); 5) «О постничестве» Василия Великого, второй половины XIV в. (РГБ, ТСЛ, № 129) — А. И. Соболевский (Переводная литература... С. 15. № 3) ошибочно считал рукопись русской; 6) Поучения аввы Дорофея с дополнительными статьями, последней трети XIV в. (РГБ, ТСЛ, № 164); 7) Сборник житий, слов и патериковых повестей последней трети XIV в. (РГБ, ТСЛ, № 744); 8) Слова постнические Исаака Сирина 1381 г. (РГБ, ТСЛ, № 172) — 2-я редакция перевода (см.: *Гранстрем, Тихомиров.* Сочинения Исаака Сирина... С. 140, № 7); 9) Поучения аввы Дорофея и Житие Василия Нового последней четверти XIV в. (Гос. архив Нижегородск. обл., № 17531) с восточнославянскими пометами XV в. (*Кучкин В. А.* Древнейшая болгарская рукопись из собраний г. Горького // Советское славяноведение. 1972. № 5); 10) Сборник со Сводным патериком последней четверти XIV в. (ГИМ, Син. 949 — *Николова С.* Патеричните раскази в българската средновековна литература. София, 1980. С. 385), с восполнением утраченных листов русским полуавтомом на бумаге XVI в. (Описание рукописей Синаодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1973. Ч. 2. С. 41, № 885); 11) Пандекты Никона Черногорца (3-я редакция перевода), конец XIV в. (РГБ, Егор., 18) — судя по записям, кодекс уже в первой четверти XV в. был на Руси; 12) Сборник антилатинских полемических сочинений конца XIV в. (ГИМ, Епарх. 376 — см.: *Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности.* Л., 1991. С. 385—386 (далее — *Книжные центры...*); 13) Псалтырь с воследованием конца XIV — начала XV в. (РГБ, ТСЛ, № 309) с русскими дополнениями XV и XVI вв.

б) сербские

1) «Воспоминания к своей ему души» Петра Дамаскина третьей четверти (второй трети?) XIV в. (РГБ, ТСЛ, № 179) — судя по пробам пера (см.: СК XIV, № 86), кодекс не позднее середины XV в. находился в Москве, по всей видимости, в Симоновом монастыре; 2) Лествица (в переводе особой редакции) третьей четверти XIV в. (РГБ, Волок. 463), с русскими добавлениями рубежа XIV—XV вв. (подробнее см.: *Саенко Л. П.* К истории сла-

вянского перевода текста «Лествицы» Иоанна Синайского // *Palaeobulgarica*. София, 1980. № 4. С. 21—24 (далее — *Саенко*. К истории...); СК XIV, № 370); 3) «Повесть о Варлааме и Иоасафе» третьей четверти XIV в. (ГИМ, Новоспасск. № 11) с древнерусскими тайнописными маргиналиями первой половины (?) XV в. (см.: *Сперанский М. Н.* Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929 (= ЭСФ. Вып. 4.3). С. 86, рис. 54); 4) Сборник аскетических сочинений и слов на великие праздники третьей четверти XIV в. (РНБ, Кир.-Бел. 32/1109 — см.: *Скарпа М.* У истоков восточнославянской рукописной традиции Слова на Успение Богоматери (Рукопись Санкт-Петербург, РНБ, Кир.-Бел. 32/1109) // *Palaeobulgarica*. 2008. № 3. С. 23—35); 5) Сборник полемических антилатинских сочинений Григория Паламы и Нила Кавасилы (ГИМ, Син. 383) последней трети XIV в. (см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2. Ч. 2. С. 471—476, № 175 (датирован XV в.) (далее — *Горский, Невоструев*. Описание...); *Прохоров Г. М.* Прение Григория Паламы «с хионы и турки» и проблема «жидовская мудрствующих» // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 332—333 — датировка и образцы почерка). Включение этой рукописи в данный перечень, впрочем, достаточно условно, поскольку она попала в Москву, вероятнее всего, только в царствование Ивана Грозного (*Горский, Невоструев*. Описание... С. 475; Библиотека Ивана Грозного: реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин; подгот. к печати, примеч. и доп. А. А. Амосова. Л., 1982. С. 33—34, № 17).

Еще одна сербская рукопись, с которой в первой четверти XV в. работали на Афоне русские книжники и которая по праву могла бы служить украшением этого списка, была доставлена в Россию только в середине XIX в. Речь идет о списке первой редакции перевода Слов постнических Исаака Сирина первой четверти XIV в. (РГБ, МДА фонд., № 151. II), привезенном в 1849 г. с Афона А. Н. Муравьевым и подаренном им в библиотеку Московской духовной академии (см.: *Гранстрем, Тихомиров*. Сочинения Исаака Сирина... С. 139, 162; № 2). Сама рукопись написана, скорее всего, хиландарским писцом (образцы почерка см.: Древности монастырей Афона X—XVII вв. в России: Из музеев, библиотек, архивов Москвы и Подмосковья / Каталог выставки. М., 2004. С. 180—181; Кат. III.15), которому я атрибутирую также пергаменное хиландарское Евангелие тетр № 12 (почерк см.: *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Палеографски албум. Београд, 1978. Ил. 21; Манастир Хиландар / Приреднио Г. Суботић. Београд, 1998. С. 300) и первую часть (л. 1—205) пергаменного Апостола НБКМ, № 89 (почерк см.: *Христова-Шомова И.* Службеният Апостол в славянската ръкописна традиция. София, 2004. С. 819. Прилож. 7). На необычно широких (изначально предназначенных для глоссирования?) полях кодекса русским писцом XV в. (которого Б. М. Клосс в 2004 г. обоснованно отождествил с монахом Евсевием-Ефремом, работавшим на Афоне и в Константинополе в первой четверти столетия — см.: *Гранстрем, Тихомиров*. Сочинения Исаака Сирина... С. 139) сделаны многочисленные весьма обширные приписки, дополняющие текст до 2-й редакции перевода.

Стоит упомянуть также две сербские рукописи, не дошедшие до наших дней, но хорошо известные русским книжникам XV в.: Сборник 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, принесенный иноком Кассианом Румянцевым в конце XIV в. «из Сербской земли», известие о котором сохранилось в списке, РНБ, Пог. 989, переписанном в 1479 г. для Кириллова Белозерского монастыря (см.: *Лихачев Н. П.* Летописи и надписи в рукописях и на книгах как генеалогический материал. СПб., 1899; *Иванова К.* Историјата на един јужнославјански рѣкопис в руската книжнина през XV в. // Старобългарска литература. София, 1977. Кн. 2. С. 158—168; *Загребин В. М.* Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. СПб., 2006. С. 277—278), и кодекс, из которого кирилло-

белозерский (?) писец Сборника канонических и церковно-обиходных текстов (РНБ, Кир.-Бел. XIII) в первой четверти XV в. выписал устав Петровского поста, оставив об этом помету на л. 348: «Сие написах с сущаго сербьскаго, глаголя из самыа Горы Святыя» (*Прохоров Г. М., Розов Н. Н.* Перечень книг Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 371).

Едва ли этот перечень значительно увеличится в будущем. Влияние перечисленных кодексов на восточнославянскую книгописную традицию (за исключением Лествицы митрополита Киприана, см.: *Саенко*. К истории... С. 19—21; *Она же*. Палеография, графика и орфография Тверской лествицы 1402 г.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984 (далее — *Саенко*. Палеография...)) остается неизученным.

Из рукописей, считавшихся до последнего времени болгарскими и датированных не позднее рубежа XIV—XV вв., в перечень не включены: 1) Псалтырь из Епархиального собрания ГИМ, № 144 (см.: *Книжные центры...* С. 222—223), так как, несмотря на последовательно выдержанную среднеболгарскую орфографию, это не болгарская рукопись конца XIV в. (при близости рисунка бумага рукописи заметно отличается от аналогий в справочниках частотой сетки), а восточнославянская первой четверти XV в. (образцы почерка — которому равно трудно подобрать аналогии и среди болгарских и среди русских — см.: *Гальченко*. Книжная культура... С. 350—351). По той же причине исключена из первоначального перечня 1998 г. Миней Четья начала XV в., частями дошедшая в составе нескольких рукописей Троице-Сергиева монастыря (РГБ, ТСЛ, № 678, 758), см.: *Дыбо В. А., Кучкин В. А.* Болгарский текст в русской Минее XVI в. // *Byzantinobulgaria*. София, 1966. Т. 2. С. 279—301; *Молдован А. М.* К истории составления Троицкой минеи № 678 (Значение ее для текстологического исследования произведений митрополита Илариона) // *ЗОР (ГБЛ)*. М., 1981. Вып. 42. С. 64—76).

Стоит также напомнить, что, несмотря на существующее устойчивое мнение о южнославянском происхождении Сборника болгарских и сербских житий с Хроникой Зонары в начале (РГБ, Волок. 655) (см.: *Шахматов А. А.* Пахомий Логофет и Хронограф // *ЖМНП*. 1899. Ч. 321, № 1. С. 72—73; *Соболевский А. И.* Переводная литература... С. 25—26; *Дмитриева Р. П.* Четьи сборники XV в. как жанр // ТОДРЛ. 1972. Т. 27. С. 169), это русская рукопись начала XVI в., написанная частично в Иосифо-Волоколамском монастыре иноком Ферапонтом Обуховым — см.: *Турилов А. А.* Русский сборник конца XV — начала XVI в., содержащий южнославянские сочинения XIV—XV вв. // Конф. по истории средневековой письменности: Тезисы докл. Ереван, 1977. С. 95—96; (далее — *Турилов*. Русский сборник...); *Рукописные собрания ГБЛ: Указатель*. М., 1986. Т. 1. Вып. 2. С. 142; *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2005 г. // *ПСРЛ*. М., 2005. Т. 22 (репринт издания 1911—1914 гг.). С. XII—XIV (здесь Б. М. Клосс в свойственной ему, ставшей притчей во языцех, манере приписывает себе заслугу атрибуции Ферапонту 4-х рукописей, не имеющих подписи писца, между тем это справедливо только в отношении одной (ГИМ, Епарх., № 118) — обо всех остальных было сообщено еще почти за 20 лет до этого).

Наиболее полный перечень восточнославянских рукописей XIV—XV вв., написанных в Константинополе и на Афоне с южнославянских оригиналов и дошедших в подлинниках или копиях, приведен у Г. И. Вздорнова (*Вздорнов Г. И.* Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // ТОДРЛ. 1968. Т. 23. Прилож. С. 183—198 (То же // *Из истории русской культуры: Статьи по истории и типологии русской культуры*. М., 2002. Т. 2. Кн. 1 (Киевская и Московская Русь). С. 919—937) (далее — *Вздорнов*. Роль славянских монастырских мастерских...); см. также: *Турилов А. А.* Забытые русские святогорцы — Каллиник и «филадельф» (Страничка истории русского книгописания на Афоне в конце XIV — начале XV в.) // *МОСХОВИА: Проблемы византийской и новогреческой*

филологии. М., 2001. Вып. 1 (К 60-летию Б. Л. Фонкича). С. 431—447 (далее — *Турилов. Забытые русские святогорцы...*).

²⁹ Характеристику почерков см.: *Соболевский. Переводная литература...* С. 4—5; *Щепкин В. Н. Русская палеография. 1967. С. 116—120; Костюхина Л. М. Палеография русских рукописных книг XV—XVII вв.: Русский полуустав. М., 1999 (далее — *Костюхина. Палеография...*). С. 7—8. Примеры таких списков новых текстов с русифицированной орфографией, написанных традиционными для восточнославянской книжности XIV в. почерками, дают рукописи, созданные в разных местах и включающие памятники различного содержания. Таковы, например, Пандекты Никона Черногорца (2-я редакция перевода), написанные в 1381 г. в серпуховском Высоцком монастыре (ГИМ, Син. 193), Евангелие тетр, написанное в 1383 или в 1393 г. в Константинополе (ГИМ, Син. 742; СК XIV, № 297), написанная там же в 1388 г. Диоптра Филиппа Пустынника (ГИМ, Чуд. 15; СК XIV, № 95), «Книга о постничестве» Василия Великого, написанная в 1388 г., возможно, в Чудовом монастыре (ГИМ, Чуд. 10), Псалтирь 1397 г., написанная в Киеве для смоленского епископа протодеяконом московского митрополита (РНБ, ОЛДП, Ф. 6 — см.: *Киевская Псалтирь из ГПБ. М., 1978; Вздорнов Г. М. Искусство книги...* Кат. № 49), Тактикон Никона Черногорца, переписанный в том же году в новгородском Лисицком монастыре с афонского оригинала (РНБ, Ф.п. I. 41 — см.: *Гальченко. Книжная культура...* С. 149—154, 388, № 14; снимки почерка — *Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря // Книжные центры Древней Руси. XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 80—81 (далее — *Бобров. Книгописная мастерская...*). В начале XV в. это два тверских списка Лествицы (1402 г., БАН, Тим. 1; 1404 г., ГИМ, Чуд. 219) с рукописи митрополита Киприана 1387 г. (о степени надежности известия см.: *Саенко. К истории...* С. 19—21; *Она же. Палеография...*; образцы почерка, соответственно — *Вздорнов. Роль славянских мастерских...* Рис. 1; *Костюхина. Палеография...* С. 100—101, илл. 20—21), «Книга о постничестве» Василия Великого, созданная между 1401—1406 гг. в московском Спасо-Андрониковом монастыре (ЦМиАР, КП. 952; см.: *Гальченко М. Г. Книгописание в Спасо-Андрониковом монастыре и проблема второго южнославянского влияния на Руси в конце XIV — XV вв. М., 1994. С. 3—17 (здесь рукопись датирована 1393—1402 гг.); Она же. Книжная культура...* С. 15—27).**

Из рукописей, не имеющих даты написания, в этом отношении показательны: пергаменный Триодный Синаксарь (ЯМЗ, № 15470а) конца XIV (?) — начала XV в., Пролог Стишной, мартовская половина, на пергамене (ГИМ, Чуд. 17), того же времени, Сборник смешанного содержания с Учительным Евангелием патриарха Каллиста в начале (ГИМ, Чуд. 21, пергамен, конец XIV в. и (вероятно, непосредственный список с чудовского) РГАДА, ф. 357, № 2, пергамен, начало XV в. — см.: *Каталог РГАДА...* С. 259—265, № 92); Сербская Кормчая особой (Мазуринской) редакции (ГИМ, Чуд. 168) конца 1400 (?) — 1410-х гг. (образцы почерка см.: *Мазуринская Кормчая: Памятник межславянских культурных связей XIV—XVI вв. М., 2002. Рис. 7—12). Послание Евфимия, патр. Тырновского Киприану мниху в дополнениях к Алфавитному патерику первой четверти XV в. (ЯГМЗ, № 15479) (орфография однородна во всей рукописи).*

Из перечня 1998 г. следует исключить русские маргиналии на полях сербских Слов постнических Исаака Сирина (РГБ, МДА, Фунд. 151. II) — см. выше, примеч. 28 (о почерке и правописании Евсевия-Ефрема см.: *Гальченко. Книжная культура...* С. 127—146).

³⁰ Вероятно, самым ранним примером употребления запятой в датированной рукописи, написанной на Руси восточнославянским уставом конца XIV в., является Онежская Псалтирь 1395 г. (ГИМ, Муз. 4040), созданная скорее всего в Москве (по прозвищу писца — Луки Смолянина — называется также Смоленской); образцы почерка см., к примеру: *Костюхина. Палеография...* С. 83—86, илл. 3—6.

³¹ Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914. (= ЭСФ. Вып. 4.1.) С. 131—137 (далее: Лавров. Палеографическое обозрение...); Сперанский. К истории взаимоотношений... С. 49—53; Райнхарт Й.-М. Восточнославянское влияние в древнесербской Кормчей. Вена, 1983; Турилов. Памятники древнерусской литературы... С. 29—31.

³² Таковы упомянутые выше (примеч. 29) Евангелие 1383 или 1393 г., написанное в Константинополе, и созданная там же Диоптра 1388 г. Исключения из этого правила довольно немногочисленны (во всяком случае известные на данный момент). Таковы, к примеру, «Книга о постничестве» Василия Великого (ГИМ, Увар. 506-F), переписанная в 1397 (?) г. на Афоне, второй из писцов которой (Каллиник) в значительной мере следовал среднеболгарским правописным нормам (Турилов. Забытые русские святогорцы... С. 438—439; Гальченко. Книжная культура... С. 328, 388, № 15) и пергаменный «Римский патерик» (Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 3), характеризующийся редчайшим сочетанием безупречного русского уставного письма, традиционной тератологической орнаментики (образец почерка и орнамента см.: Никалаеў М. Палата кнігапісная: Рукапісная кніга на Беларусі ў X—XVIII стагоддзях. Мінск, 1993. С. 149; (далее — Никалаеў. Палата кнігапісная...)) и столь выдержанной среднеболгарской орфографии, что А. И. Соболевский (Переводная литература... С. 5, примеч. 1) ошибочно считал кодекс южнославянским. Для вильнюсского Патерика не исключена, впрочем, датировка началом XV в., что, однако, не делает этот пример менее экзотическим.

³³ См. выше примеч. 29.

³⁴ Согласно часто цитируемому летописному известию, восходящему к московскому своду 1408 г., при нашествии 1382 г. погибли и пропали книги, свезенные в каменный Кремль «съ всего града и из загороδια и ис сельъ» в таком количестве, что, сложенные в соборных церквях, они доходили до сводов («до стропа наметано». ПСРЛ. Л., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стлб. 144—145). Даже с возможной поправкой на преувеличение летописца факт катастрофы не вызывает сомнения, так как рукописи бесспорно московского происхождения более раннего времени (Сийское Евангелие, Евангелие Симеона Гордого) происходят из собраний, находившихся вне зоны нашествия.

³⁵ За исключением, пожалуй, Лествицы митрополита Киприана 1387 г. и тверских списков с нее 1402 и 1404 гг. (см.: Саенко. Палеография... С. 4—20).

³⁶ Особенно показательны в этом смысле письмо пергаменной Псалтыри с литургическими дополнениями, так называемой «Псалтыри старца Пафнутия» (РГБ, собр. ТСЛ фонд., № 3 — электронный ресурс: <http://www.stsl.ru/manuscripts>), написанной в первой четверти XV в. (существующая в литературе датировка кодекса концом столетия (см.: Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1986 (далее — ПС XV), № 2193) ничем не обоснована и отражает представления XIX в.). Рукопись украшена в начале (л. 5) роскошной заставкой и инициалом неовизантийского стиля с применением золота, и если бы не русские особенности правописания, ее легко можно было бы принять за работу одного из тырновских книгописцев середины XIV столетия — например, Лаврентия, переписавшего в 1348 г. Сборник (РНБ, Ф. I. 376) для царя Иоанна Александра (см.: Джурова А. 1000 години българска ръкописна книга: Орнамент и миниатюра. София, 1981. Табл. 175—176 (далее — Джурова. 1000 години...)) или ватиканского лицевого списка Хроники Манассии (Там же. Табл. 167—170, 173). Первым писцом рукописи, вероятно, переписана также пергаменная Троишь Постная в двух томах (РГБ, собр. ТСЛ фонд., № 28, 29; электронный ресурс тот же).

³⁷ Первые датированные примеры представлены 2-м, 3-м и 9-м писцами Златоуструя 1407 г., переписанного в московском Спасо-Андрониковом монастыре (Гальченко. Книжная

культура... С. 82, 339), и списками Лествицы (РГБ, ТСЛ фонд., № 156 — 1411 г. (ПС XV, № 23); РГБ, Больш. 289 — 1412 г. (Там же, № 25); РГБ, Унд. 192 — 1412 г. (Там же, № 26) и др.) и других аскетических сочинений в новых южнославянских переводах: например, Поучения аввы Дорофея 1414 г. (РГБ, ТСЛ фонд., № 165); Слова постнические Исаака Сирина 1416 г. (РНБ, Q. I.207).

Недатированные (датируемые по филиграммам) рукописи с тем же набором признаков также создаются около этого времени — см., например: ЯГМЗ, № 15488 — Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР». М., 1993 (далее — ПС XVд), № 70; РГАДА, ф. 188, № 88 — Каталог РГАДА... С. 290—291, № 100; в обоих случаях Слова постнические Исаака Сирина, ранее кодексы датировались рубежом XIV—XV вв. — ПС XV. Прилож., № 70, 71); Сборник смешанного содержания 1410-х (?) гг. — РНБ, Кирилло-Белоз. собр., XII (Энциклопедия... С. 430—446). Более ранние примеры неизвестны, и это не позволяет отодвинуть явление далеко вглубь от указанной даты. К сходным выводам приходит и Л. М. Костюхина (*Костюхина Л. М.* Книжное письмо в России XV в. // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 5; *Она же.* Палеография... М., 1999. С. 13) и М. Г. Гальченко (Книжная культура... С. 85—113, 333—334, 339).

³⁸ Один из самых ранних образцов — Слова Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского (ЯМЗ, № 15473) датируется 1406—1410 гг. См.: *Вздорнов.* Искусство книги... Кат. № 94; *Турилов А. А.* Малоизвестные письменные источники о ярославских князьях конца XIV — первой половины XV в. // Краеведческие записки. Ярославль, 1991. Вып. 7. С. 133—134 (далее — *Турилов.* Малоизвестные письменные источники...); рукопись написана в Спасо-Преображенском ярославском монастыре монахом пригородного ростовского Белогостицкого монастыря. Практически современна ему пергаменная Триодь Постная (РГАДА, ф. 181, № 760), написанная в 1409 г. в Вологде (образцы письма — Каталог РГАДА..., № 119, вклейка между с. 272 и 273). По всей видимости, не ранее второго десятилетия XV в. следует датировать роскошное пергаменное Евангелие Федора Кошки (РГБ, ТСЛ, ризница, № 4 — см.: *Попов Г. В.* Евангелие апракос боярина Федора Андреевича Кошки. Соображения о судьбе рукописи (1392—1428/1432 гг.) // Хризограф. М., 2003. С. 156, 158, 164 (далее — *Попов.* Евангелие апракос...); ср.: *Вздорнов.* Искусство книги... С. 102—105; Кат. № 57), обремененное в драгоценный оклад 1392 г.; в работе над ним, возможно, принимал участие (2-й — «младший» писец Андрониковского Евангелия (во время работы над первоначальным вариантом статьи я полагаю, что кодекс и оклад современны друг другу и датировал их ок. 1406 г., предполагая, что дата на окладе (6900 г.) не дописана).

³⁹ Наиболее показательные примеры смешения восточнославянских рукописей первой половины XV в. со среднеболгарскими (когда первые принимаются за вторые) см.: *Турилов.* О времени и месте написания... С. 15—46; *Он же.* Опыт авторецензии... С. 21, примеч. 14; С. 33—34, примеч. 49—50. Возможна (а в прошлом довольно широко была распространена) и обратная ошибка, когда южнославянские рукописи XIII—XIV вв. принимались за русские XV в. — см.: *Турилов А. А.* Сборник отрывков пергаменных рукописей из Уваровского собрания ГИМ // *Palaeobulgarica*, 1994. № 4. С. 15—22 (далее — *Турилов.* Сборник отрывков...).

⁴⁰ Этим объясняются колебания в определении происхождения рукописей. Так, лицевую Лествицу первой трети XV в. (РГБ, колл. В. А. Десницкого. Кат. 21, № 1) относят то к Москве (*Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI вв. М., 1975. С. 20—21 (далее — *Попов.* Живопись и миниатюра...); *Вздорнов.* Искусство книги... Кат. 43; *Попова О. С.* Русская книжная миниатюра XI—XV вв. // ДРИ: Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 46 (далее — *Попова.* Русская книжная миниатюра...)), то к Новгороду

(Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода: XV в. М., 1994. С. 45—48, 189—202. Кат. 2 (далее — Смирнова. Лицевые рукописи...)). Аникеевское Евангелие первой четверти или трети XV в. (БАН, 34.7.3) связывают с Москвой (Смирнова Э. С. Аникеево Евангелие: малоизвестный памятник московской книжной миниатюры и орнамента первой трети XV в. // ДРИ: Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 171—191) или с Тверью (Л. И. Лифшиц). Новгородское пергаменное Евангелие апракос второй трети XV в. — вероятно, 1430-х гг. (ГИМ, Муз. 364; Смирнова Э. С. Роль иконографической традиции в новгородском искусстве XV в. // Русское искусство позднего средневековья. М., 1993; Она же. Лицевые рукописи... С. 76—82, 233—249. Кат. 4), недавно атрибутированное каллиграфу Яковишко, работавшему во времена архиепископов Евфимия II и Ионы (Турилов А. А. Мастер Яковишко — малоизвестный новгородский книгописец середины XV в. // Хризограф: Сб. статей к юбилею Г. З. Быковой. М., 2003. С. 165—182) до последнего времени считалось московским (Вздорнов. Искусство книги... Кат. 69; Попова. Русская книжная миниатюра... С. 70). Миниатюра Лествицы первой четверти XV в. (НГИИМЗ, КП-32725-1), происходящей из Кирилло-Новоезерского монастыря, рассматривается в круге новгородских памятников (Смирнова. Лицевые рукописи... С. 45—48, 180—189. Кат. 1), но почерк рукописи (см.: Там же. С. 182—183) обнаруживает весьма близкое сходство с письмом современных ей кодексов Кирилло-Белозерского монастыря — ср.: Вздорнов. Искусство книги... Кат. 103 (Евангелие 1416—1417 гг., РГМ, Бк 3268); № 104 — Огласительные поучения Феодора Студита 1417 г., РГБ, М. 8460); о возможной атрибуции писца см.: Турилов А. А. К истории библиотеки и скриптория Кирилло-Белозерского монастыря в первой трети XV в. (Проблема Христофора) // ДРИ: Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. СПб., 2004 (далее — Турилов. К истории библиотеки и скриптория...). С. 385, 389. Атрибуции памятников принадлежат историкам искусства, что свидетельствует о неустойчивости критериев для данного времени и в этой области.

⁴¹ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 3—4.

⁴² Практически все примеры в перечне: Вздорнов. Роль славянских монастырских мастерских... Прилож. С. 183—198.

⁴³ Примеры см.: Вздорнов. Искусство книги... Кат. № 104—107, 110, 111; Гальченко. Книжная культура... С. 167—299.

⁴⁴ Поучения Исаака Сирина и аввы Дорофея 1431 г. (РГБ, ТСЛ фонд., № 175), Лествица того же года (РГБ, Рум. 200). См.: Бобров. Книгописная мастерская... С. 88—92; Гальченко. Книжная культура... С. 120—122, 154—166.

⁴⁵ Бобров. Книгописная мастерская... С. 84, 88—92; Гальченко. Книжная культура... С. 154—166.

⁴⁶ В Твери, по всей вероятности, процесс был синхронен Москве, см., например, тверское Евангелие 1417 г. (Вздорнов. Искусство книги... Кат. № 27). Для Пскова ранние (вплоть до второй четверти столетия) примеры отсутствуют, напротив, существующие образцы весьма традиционны (см. также: Турилов А. А. Заметки о палеографической датировке некоторых псковских икон XIV—XVI вв. // ДРИ: Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи / К 1100-летию Пскова. М., 2008. С. 209—216). Вероятно, это связано с особенностями развития монастырской жизни региона, новое монастырское движение в котором относится уже ко второй половине столетия.

⁴⁷ Большую роль в такой неопределенности ситуации сыграло, бесспорно, то обстоятельство, что для Литовской Руси (в отличие от Северо-Восточной) мы не располагаем значительными монастырскими собраниями этого времени; старшие (хотя и сохранившиеся не в полном объеме) относятся лишь к самому концу столетия (библиотеки Супрасльского и Жировицкого монастырей). В данном случае неоценим ущерб для науки, нанесенный

библиотеке Киево-Печерского монастыря крымским набегом 1482 г. и пожаром 1718 г. Ср.: *Визирь Н. П.* Собрание книг XV столетия в Отделе рукописей ЦНБ АН УССР // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 64 (далее — *Визирь. Собрание...*). Большое значение в этом отношении могло бы иметь Евангелие Пустынно-Никольского монастыря с «выходной» записью 1411 г. (Киев, НБ Украины, ф. 308, № 548п), но этот кодекс, как известно, в реальности датируется серединой — третьей четвертью XV в., а записи 1411 и 1427 гг. (ныне утраченные) в нем подложны (*Визирь. Собрание...* С. 67—69 (датовано XVI в.); ср.: *Гнатенко Л.* Слов'янська кирилична рукописна книга XV ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського: Каталог. Київ, 2003. С. 35—39, № 6; илл. 26, 27). Немногочисленные же сохранившиеся датированные рукописи 1420—1440-х гг., такие как: Евангелие апракос 1422 г. (Тульская обл. краеведческий музей, № 304), написанное в Онуфриевском «на Сергиевой горе» монастыре (почерк см.: *Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. Львів, 1995. С. 293; Кат. № 61 (далее — *Запаско. Пам'ятки...*); Толковое Евангелие (от Луки и Иоанна), созданное в 1434 г. в Киево-Печерском монастыре (РНБ, Ф.1. 73 — см. там же. С. 294. Кат. № 62); Пролог, написанный там же между 1441 и 1454 гг. (РНБ, Погод. 615), и, наконец, запись 1440 г. Никона, «местича Виленского», в пергаменном Друцком Евангелии (не позднее 1400—1401 г.) из собрания М. Н. Тихомирова (Новосибирск, ГПНТБ СО РАН), № 1, л. 188 об. (см.: *Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 11; *Покровский Н. Н.* Путешествие за редкими книгами. 2-е изд. М., 1988. С. 11) — не обнаруживают существенных отличий от современных им великорусских. Ту же картину дают и немногочисленные известные рукописи раннего XV в., датируемые по филиграням, а локализуемые на основании языковых данных, например, старший список Жития Андрея Юродивого 1410-х гг. (ГИМ, Син. 925), содержащий украинскую редакцию В (см.: *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 49—55, 634—646).

Попутно стоит упомянуть две мифические даты западнорусского книгописания конца XIV — начала XV вв. Первую представляет Королевское (или Нелабское) Евангелие тетр (Украина, Ужгород, Закарпатский краеведческий музей, Арх. 798), написанное в 1400—1401 (6909) г. в «Нелабском граде» (совр. Закарпатская обл. Украины) Станиславом Грамматиком (образцы почерка и орнамента см.: *Запаско. Пам'ятки...* С. 285—287. Кат. № 59). В украинской исследовательской литературе (библиографию см.: Там же. С. 286) памятник принято считать украинским, однако нет сомнений в том, что эта (среднеболгарская по орфографии) рукопись представляет собой редчайший пример (при этом никак не связанный с зарождающееся молдавской традицией) работы болгарского книгописца вдали от этнической территории (см.: СК XIV. С. 462—463, № 313). Другим фантомом (ныне, по счастью, уже преодолеваемым — см.: *Щавинская Л. Л.* Литературная культура белорусов Подляшья XV—XIX вв.: Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря. Минск, 1998. С. 107—108, примеч. 11; *Морозова Н., Темчин С.* Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500—1532) // *Z dziejów monasteru Supraskiego / Materiały międzynarodowej konferencji naukowej. Białystok, 2005. С. 127—128, № 4*) является датировка 1406 г. (вм. 1496 г.) Стишного Пролога на март-август из собрания БАН Литвы (ф. 19, № 100). Хотя эта дата (при наличии правильной) — 7004 г. от сотворения мира) возникла в результате элементарной опечатки в каталоге Ф. Н. Добрянского (Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882. С. 198), которых там немало, она (в результате невнимательности авторов) с завидной последовательностью тиражировалась в работах последней четверти прошлого века, посвященных разным аспектам восточнославянского книгописания (см., например:

Розов Н. Н. Книга в России в XV в. Л., 1981. С. 28, 127, 135; *Никалаеў*. Палата кнігапісная... С. 93).

Также не имеет отношения к книгописанию на украинских землях в начале XV в. (ср.: *Запаско*. Пам'ятки... С. 288—292. Кат. № 60) пергаменная Мукачевская Псалтырь (Украина, Ужгород, Закарпатский краеведческий музей, Арх. 2641; 4 л. — СПб., БАН, 4.5.4) первой половины столетия, представляющая типичный образец ранней продукции молдавских скрипториев.

⁴⁸ Наиболее четкая и разработанная характеристика орнаментальных стилей и их палеографического значения дана в учебнике В. Н. Щепкина (*Щепкин*. Русская палеография. С. 55—96).

⁴⁹ См.: *Неволин Ю. А.* Описание украшений южнославянских и древнерусских иллюминированных рукописей по XIV в. включительно // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 172; Прилож. 1, табл. 11.

⁵⁰ *Вздорнов*. Роль славянских монастырских мастерских... Рис. 1.

⁵¹ Там же. С. 174; *Он же*. Искусство книги... Кат. 21.

⁵² Там же. Кат. 49, 57, 59, 61, 66 и др.

⁵³ О связях иллюминации этой группы рукописей с комниновским и палеологовским искусством см.: *Вздорнов Г. И.* Неовизантийский орнамент в южнославянских и русских рукописных книгах до начала XV в. // ВВ. 1973. Т. 34. С. 214—243; *Он же*. Искусство книги... С. 90—111; *Попова*. Русская книжная миниатюра... С. 52—62; Евангелие Спасо-Андроникова монастыря — московская рукопись начала XV в. М., 1999; *Понов*. Евангелие Успенского собора — памятник московского искусства конца XIV — начала XV в. // Евангелие Успенского собора Московского Кремля. М., 2002. С. 15—26; *Он же*. Евангелие апракос... С. 154—163; Возможно, с ориентацией на греческую рукописную традицию связано и широкое распространение в восточнославянских рукописях (вплоть до начала XVI в.) крупных пышных киноварных инициалов, в южнославянской традиции почти не встречающихся.

⁵⁴ Примеры см.: *Вздорнов*. Искусство книги... Кат. 42, 43, 74, 103, 111; *Смирнова*. Аникеево Евангелие... С. 171—191.

⁵⁵ Наиболее ранний датированный образец — Тырновское Евангелие 1273 г. (см.: *Джурова*. 1000 години... Табл. 128).

⁵⁶ Примеры полихромного неовизантийского орнамента без золота дает Переславль-Залесское Евангелие (РНБ, Ф.п.1.21; *Вздорнов*. Искусство книги... Кат. 86), датируемое по записи писца правлением великого князя Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.), но относящееся, по всей видимости, уже ко второй его половине — ср.: *Лифишиц А. Л.* К вопросу о центрах книгописания Древней Руси // АРИ. М., 1995. Вып. 6. С. 183—184 (вероятно, 1407—1409 гг.). Киноварный вариант представлен заставками в Лествице 1422 г., написанной повелением Кирилла Белозерского (РНБ, Кир.-Бел. XI; *Вздорнов*. Искусство книги... Кат. 105) и в ряде пергаменных рукописей, не имеющих даты написания. Таковы Требник (ГИМ, Син. 900), Поучения аввы Дорофея (ГИМ, Увар. 374-Q), Псалтырь с дополнениями (РГАДА, ф. 201, № 76), в создании которой принимал участие по крайней мере один из писцов кирилло-белозерской Псалтыри 1424 г. (ГРМ, Др. гр. 17). Образец почерка, общего для обеих Псалтырей, см.: *Вздорнов*. Искусство книги... Кат. № 108 (первый почерк). Заставка на л. 3 в Псалтыри Оболенского восходит к единому образцу с Лествицей 1422 г., рукописи также кирилло-белозерской. Стоит, наконец, упомянуть и еще одну Псалтырь (ГИМ, Увар. 922-Q). Исполнение заставки здесь весьма примитивно, но это обстоятельство ценно как свидетельство распространения нового орнаментально-го стиля «вглубь».

Все эти кодексы датируются 1410—1420-ми гг. Несомненная связь Псалтыри Оболенского со скрипторием Кирилло-Белозерского монастыря 1410—1420-х гг. (см.: *Турилов*. К истории библиотеки и скриптория... С. 388. Примеч. 45) свидетельствует, что ее датировка рубежом XIV—XV вв. (Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 2. С. 293—294, № 150) излишне удревлена. Напротив, датировка Поучений аввы Доротея концом XV в. (*Строев П. М.* Рукописи славянские и российские, принадлежавшие... И. Н. Царскому. М., 1846. С. 27; *Леонид (Кавелин)*, *архим.* Систематическое описание... славяно-русских рукописей графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 57, № 204) или даже началом XVI в. (*Щепкина М. В. и др.* Описание пергаменных рукописей ГИМ. Ч. 1. // АЕ за 1964. М., 1965. С. 227—228; (далее — *Щепкина и др.* Описание...) представляется неоправданно поздней (о причинах погрешностей в датировках восточнославянских рукописей XV в. см.: *Турилов*. О времени и месте создания... С. 29, 40—41; *Он же*. Опыт авторецензии. С. 32—34). Уваровская Псалтырь отнесена описателями к числу молдавских кодексов (*Щепкина и др.* Описание... Ч. 2 // АЕ за 1965. М., 1966. С. 302) на основании вкладной записи конца XVI в. сучавского митрополита Георгия Могилы (1589—1600), но в действительности это восточнославянская рукопись.

⁵⁷ В первом издании статьи в качестве предельно ранней нижней границы употребления книжной вязи на Руси (не считая окказиональных примеров Рязанской Кормчей 1284 г. и «Воскресенской Кормчей» (ГИМ, Син. 131; СК XIV. Прилож. 2. С. 620, № д34) рубежа XIII—XIV вв.) назывались 1380-е гг. Столь значительный сдвиг в датировке палеографической приметы объясняется тем, что за прошедшее время был передатирован ключевой в этом отношении памятник — пергаменный Троицкий Стихирарь (РГБ, собр. ТСЛ фонд., № 22). Традиционно рукопись, в «выходной» записи которой буквы-цифры, обозначающие десятки и единицы лет, не читаются, датировалась 1380 г. (библиографию и образец почерка и декора см.: *Вздорнов*. Искусство книги... Кат. № 70), однако в последнее время предложена более обоснованная датировка кодекса 1403 г. (*Лифищц А. Л.* О датировке Стихираря из библиотеки Троице-Сергиевой Лавры // *Хризограф*. М., 2003. С. 96—100). Новейшее издание образцов декоративного письма заголовков (в том числе вязи) в русских рукописях рассматриваемого периода см.: *Заглавное письмо древнерусских рукописных книг XIV—XV вв.*: Альбом зарисовок М. Г. Гальченко. М., 2004.

⁵⁸ *Соболевский*. Переводная литература... С. 2—3.

⁵⁹ *Успенский*. История... С. 280.

⁶⁰ *Жуковская Л. П.* О втором южнославянском влиянии // *Die slavische Sprachen*. Salzburg; Wien, 1982. S. 131—144; *Она же*. Грецизация и архаизация... С. 144—176.

⁶¹ См.: *Гальченко*. Книжная культура... С. 339.

⁶² Таковы, например, Поучения Кирилла Туровского в Торжественнике первой четверти XV в. РНБ, ОЛДП. Ф. 215 (попытку иного объяснения болгаризмов орфографии поучений, не кажущуюся мне сейчас убедительной, см.: *Турилов*. Памятники древнерусской литературы... С. 33). Особенно показателен в этом смысле пример орфографии комплекта Стишного Пролога Троице-Сергиева монастыря (РГБ, ТСЛ фонд., № 715, 717, 720), первые две части которого написаны в 1429 г. и около этой даты «мирским человеком» Евстафием Шепелем (третья современна этим двум, но написана другим писцом). В существующем виде эта русская редакция Стишного Пролога восходит к трем неоднородным в правописном отношении источникам. Его житийная часть отражает болгарский (тырновский) перевод Стишного Пролога, прошедший через сербское посредство (см.: *Турилов А. А.* К вопросу о сербском компоненте во «втором южнославянском влиянии» // *Russica Romana*. Pisa; Roma, 2008. Vol. 14 (2007). С. 33—35), а учительная сочетает в себе тексты, традиционные для нестишного Пролога (но помещенные в данном случае

под другими днями) с фрагментами аскетических сочинений, появившихся на Руси со «вторым южнославянским влиянием» (см.: *Петков*. Стишният Пролог... С. 468—520; *Турилов А. А.* К истории Стишного Пролога на Руси // ДРВМ. 2006. № 1. С. 73—75). При этом орфография внутри томов комплекта вполне однородна и соответствует в целом среднему набору признаков «влияния» (*Гальченко*. Книжная культура... С. 402, № 77, 80, 81). Этот комплект Пролога вызывал особое раздражение Л. П. Жуковской тем, что при существующей датировке не соответствовал ее построениям, в связи с чем ею была предпринята попытка передатировки рукописей (*Жуковская Л. П.* О якобы датированных списках Стишного Пролога (Троицкое собр. ГБЛ) // История русского языка: Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. С. 74—121).

⁶³ О значении и интенсивности данного периода в истории русско-южнославянских культурных связей (прежде всего, монастырских по характеру) см.: *Мошин*. О периодизации... С. 101—104; *Дуйчев И. С.* Центры византийско-славянского общения и сотрудничества // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 107—129; *Вздорнов*. Роль славянских монастырских мастерских...; *Он же*. Искусство книги... С. 287—288; *Кистерев С. Н.* Русские книги Афона и Константинополя в Москве, Твери и Новгороде в конце XIV — первой трети XV в. // МОСХОВІА: Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2001. Вып. 1 (К 60-летию Б. Л. Фонкича). С. 219—228 (далее — *Кистерев*. Русские книги...). Об отдельных неизвестных и малоизвестных до последнего времени фактах этих связей см. также: *Турилов*. Забытые русские святогорцы...; *Он же*. Афанасий Русин // ПЭ. М., 2002. Т. 4. С. 68—69; *Он же*. Досифей, архимандрит Печерский // Там же. М., 2007. Т. 16. С. 54—55; *Он же*. Игнатий Смольнянин // Там же. М., 2009. Т. 20.

⁶⁴ См.: *Goldblatt H.* Orthographie and Orthodoxy. Firenze, 1987; *Лукин П. Е.* Письмена и Православие: Историко-филологическое исследование «Сказания о письменах» Константина Философа Костенецкого. М., 2001.

⁶⁵ *Живов*. Гуманистическая традиция... С. 118.

⁶⁶ *Богдановић Д.* Развој ћирилског писма у Србији до XV в. // Славјанска палеографија и дипломатика. Софија, 1985. [Кн.] 2 (= Balcanica III: Etudes et documents. Vol. 4). С. 63—93 (То же (без иллюстраций) // *Он же*. Студије из српске средњовековне књижевности. Београд, 1997. С. 128—166); *Коцева Е.* Развитието на българското кирилско писмо през XIV—XV вв. // Славјанска палеографија... С. 23—47.

⁶⁷ Не следует, правда, упускать из виду то обстоятельство, что вопрос о влиянии на русские рукописи ресавских в языковедческой литературе остается практически неизученным (ср.: *Турилов*. К вопросу о сербском компоненте... С. 35—37).

⁶⁸ Например, Диоптра Филиппа Пустынника (ГИМ, Муз. 3795 — см.: *Прохоров*. Памятники ... С. 61; СК XIV, № 93), отрывок поучения о браке и любодееании в составе сборника отрывков XIV—XIX вв. (РНБ, Вяз. Ф. IX. Ч. 1, № 5. Л. 16—17). Однако большинство сербских рукописей вплоть до первой четверти XV в. следуют старой (рашской) орфографии. Достаточно показателен в этом смысле пример собрания Хиландарского монастыря на Афоне (т. е. исторически сложившейся коллекции). Здесь, по моим подсчетам, из 92 сербских рукописей последней четверти XIV — первой четверти XV в. (см.: *Богдановић*. Каталог...), 76 с рашской орфографией (из них 2 относятся к рубежу веков и 6 — к первой четверти XV в.), 11 — с ресавской (1 — конца XIV в.), 5 — со смешанным (рашко-ресавским) правописанием (1 — конца XIV в.).

⁶⁹ *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки: Изследване и текст. София, 1986. С. 93—94.

⁷⁰ См.: *Constantinescu R.* Manuscrise de origine româneasca din colecții străine: Repertoriu. București, 1986; *Паскаль А. Д.* Источники по истории славяно-молдавской книжности

XV—XVI вв. (по материалам хранилищ Москвы и Ленинграда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Турилов А. А.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв. // *Хризограф*. М., 2005. Вып. 2 С. 141—142, 157—161 (далее — *Турилов*. Критерии...).

⁷¹ *Успенский*. История... С. 274 (со ссылкой на И. Талева).

⁷² В первом издании статьи этим словам предшествовала фраза, что в XV в. на Руси перестает переписываться первая редакция перевода Слов постнических Исаака Сирина. Это является недоразумением, поскольку, по всей видимости (см.: *Гранстрем*, *Тихомиров*. Сочинения Исаака Сирина... С. 139—142), данная редакция текста в полном виде вообще не получила здесь известности. Только отдельные слова из нее помещены в дополнении к списку Пандектов Никона Черногорца 1381 г. (ГИМ, Син. 193).

⁷³ *Успенский*. История... С. 282—283; *Алексеев*. Текстология... С. 194—195. К числу этих списков, вероятно, относится также миниатюрное пергаменное Евангелие тетр кон. XIV (?) — нач. XV в. из Кирилло-Белозерского монастыря (ГРМ, Др. гр. 13).

⁷⁴ Наблюдение Н. Б. Тихомирова. А. А. Алексеев (Текстология... С. 194) ошибочно указывает, что исследователем было обнаружено Евангелие апракос с чтениями по Алексиевскому кодексу.

⁷⁵ В первом издании статьи было ошибочно указано, что новозаветные чтения содержат также пергаменные списки троицких Триодей начала — первой четверти XV в. ТСЛ 5 (опечатка в м. 25), 26, 27, 29, и МДА фонд. № 116.

⁷⁶ Ср., впрочем: *Кистерев*. Русские книги...

⁷⁷ *Вздорнов*. Роль славянских монастырских мастерских... Прилож., № 11; *Бобров*. Книгописная мастерская... С. 82.

⁷⁸ См.: Каталог РГАДА... С. 132, № 35. Рукопись происходит из пригородного Вяжицкого монастыря, а судя по времени и роскошному тератологическому оформлению, вполне может быть вкладом туда архиепископа Евфимия II.

⁷⁹ Ср.: *Горский*, *Невоструев*. Описание... М., 1869. Т. 5. Отд. 3. Ч. 1. С. 13, № 344 (так наз. «Служебник митрополита Киприана» — ГИМ, Син. 601); 29, № 347 (так наз. «Служебник Сергия Радонежского» — ГИМ, Син. 952).

⁸⁰ См.: *Турилов*. Оригинальные южнославянские сочинения... С. 40—43; *Он же*. Болгарские и сербские источники... С. 8—10; *Он же*. Южнославянские памятники... С. 254—258, 275—277.

⁸¹ Так, в качестве молдавских описаны следующие несомненно украинско-белорусские рукописи: Апостол, первая половина XVI в. (Ватиканская б-ка, Слав. 24 — см.: *Джурова А.*, *Станчев К.*, *Япунджич М.* Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека. София, 1985. С. 96—97. Табл. XVIII, XIX); Евангелие тетр, 1550 г., написанное Лукой, «попом Вишненским» (Б-ка Зографского монастыря на Афоне, № 38; см.: *Кодов Х.*, *Райков Б.*, *Кожухаров С.* Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1985. Т. 1. С. 78—80. Табл. 73; *Райков Б.*, *Кожухаров С.*, *Миклас Х.*, *Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994. С. 42, № 30. Табл. 30; прозвище писца в обоих случаях прочтено неверно — в «Описании» 1985 г. как «Винницкий», в «Каталоге» 1994 г. как «Липецкий»); Апостол второй четверти XVI в. (Печ, Б-ка Патриархата, № 24 — см.: *Мошин В.* Рукописи Пећке патријаршије // *Старине Косова и Метохије*. Приштина, 1968—1971. Књ. 4—5. С. 29), написанный и иллюминированный несомненно украинским каллиграфом и художником Андрейчиной (см.: *Турилов А. А.* К истории украинско-болгарских художественных связей XVI в. // *Исследования по истории Украины и Белоруссии*. М., 1995. Вып. 1. С. 11, примеч. 31 (далее — *Турилов*. К истории...); образцы почерка и ор-

наментики — *Mošin V. Ćirilski rukopisi // Minijatura u Jugoslaviji: Katalog izložbe. Zagreb, 1964. S. 99; Шакота М. Ризнице манастира у Србији. Београд, 1966. Табл. 55*); Апостол начала XVI в. (Хиландарь, № 104) и Евангелие середины XVI в. (Там же, № 32) — см.: *Богдановић. Каталог... С. 82, 63; Албум. Табл. 221, 224*). Число этих примеров без труда можно умножить. Причина такого смешения кроется, в первую очередь, в неразработанности внеморфографических критериев разграничения собственно молдавских и связанных с ними украинско-белорусских рукописей (см.: *Турилов. К истории... С. 6—7, 11; Он же. Критерии... С. 139—167*).

⁸² Собственно славянское книгописание в Молдавии первой половины — середины XV в. изучено лишь в отношении деятельности книгописца Гавриила Урика, которому посвящена большая исследовательская литература (см., напр.: *Паскаль А. Д. Итоги и задачи изучения рукописей Гавриила Урика как ранних источников по истории славяно-молдавской книжности // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1989*).

⁸³ См.: *Турилов. Опыт авторцензии... С. 30—31. Примеч. 46*.

⁸⁴ См.: *Смирнова. Лицевые рукописи... С. 28—31, 64—69, 267*, а кроме того, *Службеник (Литургия Василия Великого) 1440-х гг., РГАДА, ф. 196, оп. 1, № 539 (Каталог РГАДА... С. 131—133, № 35); сборник «Златая Матица» (РГБ, НСРК, 1946, № 35/2 F) рубежа 1470—1480-х гг. псковского происхождения (см.: *Бобров А. Г., Черторицкая Т. В. К проблеме Златой матицы // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 363—364; образец почерка и орнаментики — Красноречие Древней Руси (XI—XVII вв.) / Сост., вступит. ст. и коммент. Т. В. Черторицкой. М., 1987, фронтиспис*).*

⁸⁵ По предварительным данным, только в хранилищах бывшего СССР насчитывается около 3000 восточнославянских рукописей XV в. — см.: *ПС XV; ПС XVд*.

⁸⁶ Один из таких монахов переписал в Константинополе в 1478 г., как в добрые старые времена, традиционную Лествицу (ГИМ, Хлуд. 58) — см.: *Попов А. Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 51—53*.

⁸⁷ *Ђоровић В. Света Гора и Хиландар. Београд, 1985. С. 183*.

⁸⁸ Издание текста см.: *ЛЗАК за 1864 г. СПб., 1865. Вып. 3. Прилож. С. 28—32; Ангелов Б. Руско-южнославянски книжовни връзки. София, 1980. С. 108—116; Ранние русские источники по истории Ферраро-Флорентийской унии и ее восприятия в православном мире // *Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. Прилож. 2. С. 462—464*.*

⁸⁹ *Радојичић Ђ. Сп. Стара српска књижевност у Средњом Подунављу од XV до XVIII в. // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. 1957. [Књ.] 2. С. 243—246; Он же. Стари српски писци руске народности од краја XV до краја XVIII в. // Там же. 1960. [Књ.] 5. С. 199—200*.

⁹⁰ Подробнее см. об этом: *Турилов. Южнославянские памятники... С. 248—254, 258—262, 266—275, 279—283 (ср.: *Naumow A. Wiara i historia: Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polsko-litewskich. Kraków, 1996 (= Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne. Т. 1). С. 45—62*).*

⁹¹ Южнославянские рукописи XV в., достаточно рано (до миссии Арсения Суханова) попавшие на Русь (за исключением написанных в Константинополе и на Афоне, в создании которых могли принимать участие и южнославянские книжники), в отличие от кодексов XIV в. (см. примеч. 27), в собраниях бывшего СССР не учтены либо не выявлены. Наиболее поздний пример рукописи, скопированной русским писцом с южнославянской на Афоне, относится к 1431—1432 (6940) г. — это *Сборник житий РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 543 (Вздорнов. Роль славянских монастырских мастерских письма... С. 197—198. Прилож.,*

№ 17). Распространение в восточнославянской книжной традиции середины XV столетия таких текстов, как послание афонских старцев великому князю Василию Темному, переводы послания восточных патриархов и завещания св. Марка, митрополита Эфесского, вызваны реакцией на Флорентийскую унию (см.: *Ломизе Е. М.* Письменные источники сведений о Флорентийской унии на Московской Руси в середине XV в. // *Россия и христианский Восток.* М., 1997. Вып. 1. С. 79—84) и составляют самостоятельный эпизод, лишь косвенно связанный с проблемой «второго южнославянского влияния».

⁹² Несомненно, нуждается в объяснении практически полное отсутствие в корпусе текстов «второго южнославянского влияния» редакций переводов, выполненных болгарскими и сербскими книжниками (в том числе на Афоне) в первой трети XV в. для сербского деспота Стефана Лазаревича (1402—1427), среди которых преобладали толковые версии ветхозаветных библейских текстов: «Песнь Песней», Книги Царств, Иов, Беседы на книгу Бытия Иоанна Златоуста, и др. (см.: *Алексеев.* Текстология... С. 189—191; *Гагова Н.* Деспот Стефан Лазаревич, Птолемей Филадельф и карьера на придвория философа Константин Костенечки // *Старобългарска литература.* София, 2006. Кн. 35—36. С. 113—118). С одной стороны, вполне можно допустить, что библейские книги не привлекали внимания русских книжников, больше интересовавшихся аскетическими сочинениями и кругом богослужебных и четьих книг, связанных с Иерусалимским церковным уставом (здесь уместно напомнить, что и более ранний (болгарский) опыт редактирования ветхозаветных книг, представленный кодексом РНБ, F.1.461, не получил на Руси известности). С другой стороны, нельзя исключить, что эти вновь переведенные и/или отредактированные тексты не получили в тот момент сколь-либо широкого распространения и на Афоне, на первых порах оставшись компонентом сербской придворной культуры.

⁹³ Косвенным свидетельством снижения, если не прекращения, переводческой деятельности южнославянских (сербских) книжников на Афоне (не говоря уже о собственно Сербии) после рубежа 1420—1430-х гг. служат ложные (частично восходящие, возможно, к известиям протографов) указания книгописцев на новые переводы (явление, неизвестное, как кажется, в предшествующее время). Так, большая и давно известная в литературе запись писца на Браничевской Лествице 1434 г. (Белград, МСПЦ, № 97 / Крушедол, Ы.V.16), написанной для деспота Гюрга Бранковича, подробно рассказывает о процедуре редактирования текста мужами «святолепными священными и словесными честными иноками», призванными «от Святыя горы Афона» под руководством браничевского митрополита кир Савватия и о поисках «въ различныхъ изводехъ, яже соуть болша» (*Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Београд, 1902 (репринт: 1982; далее — *Стојановић.* Стари српски записи и натписи...). Књ. 1. С. 86, № 262). Исследования, однако, показывают, что Лествица 1434 г. содержит достаточно стандартный текст среднеболгарской редакции перевода XIV в. (*Саенко.* К истории славянского перевода... С. 22—23; *Мострова Т.* Към въпроса за Лествицата в славянската ръкописна традиция // *Palaeobulgarica.* 1991. № 3. С. 72—73). В «Шестодневе Иоанна Златоуста» (т. е. в Беседах этого автора на книгу Бытия) 1451 г. (Белград, Патриаршая б-ка, № 120) сказано, что «книга преписасе в Светей горе Афона от езика елладскаго на език наш словенскийи всесвятеишему патриарху Срьблем и Поморию кир Никодиму» (*Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи... С. 92, № 293). Между тем, в Хиландаре имеется более ранняя (1447 г.) двухтомная рукопись этого же «Шестоднева», переписаная для сына деспота Гюрга Бранковича Гргура, в записях писцов которой о новом переводе ничего не сказано (Хиландарь, № 402, 403; см.: *Богдановић.* Каталог... С. 157, 158; *Стојановић.* Стари српски записи и натписи... С. 90, № 284). Вероятнее всего, оба этих списка восходят к двухтомному комплекту 1425—1426 г. (ГИМ, Син. 36, 37) из монастыря Святого Павла на Афоне, присланному в Москву Арсением Сухановым в 1655 г. (*Горский,*

Невоструев. Описание... М., 1858. Отд. 2. Ч. 1. С. 45—49, № 61, 62). Формуляр записи писца списка 1451 г. за исключением имени и титула заказчика и даты полностью совпадает с формуляром записи на рукописи ГИМ, Син. 36 (Там же. С. 45—46).

⁹⁴ При этом возможны различные уровни восприятия новой орфографии книгописцами (широчайший диапазон примеров см.: *Гальченко*. Книжная культура... С. 401—420, № 74—164): последовательное воспроизведение всего комплекса среднеболгарских орфографических особенностей (*Щепкин*. Русская палеография... С. 106) и создание компромиссных графико-орфографических норм, в том числе в какой-то мере восточнославянских аналогов ресавского правописания (степень знакомства древнерусских книжников с ним остается практически неисследованной), со среднеболгарской передачей сочетаний *-trbt-*, *-tbt-*; *жд* — из *dj*, отсутствием йотации после гласных, но (при сохранении традиционного для восточнославянских рукописей «юса малого») без «юса большого». Такое правописание встречается, например, в восточнославянских списках раннего XVI в. с ресавских, по всей видимости, оригиналов: РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 644 (Житие Параскевы-Петки), 655 (Житие деспота Стефана Лазаревича).

В связи с распространением среднеболгарской орфографии на тексты, не связанные со «вторым южнославянским влиянием», возникает уникальная и в известной мере парадоксальная ситуация: среднеболгарская орфография, взятая в отдельности, не может служить надежным аргументом в пользу болгарского происхождения памятников в списках XV—XVI вв. (иначе и многие русские летописи, начиная с Рогожского летописца середины XV в., следовало бы возводить к среднеболгарским оригиналам) — обстоятельство, которое, к сожалению, зачастую игнорируется исследователями (в первую очередь болгарскими) при национальной атрибуции литературных сочинений.

Игнорирование активного использования среднеболгарской орфографии русскими книжниками может приводить порой и к неправильной оценке характера русско-южнославянских связей. Так, А. И. Соболевский (Переводная литература... С. 11) считал, что сербские жития получили на Руси известность через болгарское посредство. Основанием для этого была среднеболгарская орфография рукописи РГБ, ТСЛ, № 686 (содержащей жития Саввы Сербского, деспота Стефана Лазаревича, короля Стефана Дечанского и Илариона Мегленского), которая в то время датировалась XV в. В реальности рукопись датируется первой четвертью (или третьей) XVI в. (см.: *Ухова Т. Б.* Каталог миниатюр, орнамента и гравюры в собрании Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии // ЗОР (ГБЛ). М., 1960. Вып. 22. С. 140), при этом последние три жития в ней, почти несомненно, восходят к сборнику РГБ, Волок., № 655 (см.: *Турилов*. Болгарские и сербские источники... С. 18—20). Волоколамский сборник, однако, не следует тырновской орфографии — в житии деспота Стефана правописание несколько русифицированное ресавское, в житиях Стефана Дечанского и Илариона Мегленского оно последовательно русифицировано волоколамским иноком Ферাপонтом Обуховым, переписавшим эту часть рукописи (см. выше, примеч. 28). Равным образом в южнославянской традиции неизвестны списки Жития Саввы Сербского, следующие тырновским правописным нормам (а только ресавским, либо более старым рашским); неизвестно оно и в молдавских (т. е. тырновских по орфографии) списках (*Он же*. Критерии... С. 141). Таким образом, среднеболгарская орфография Троицкого сборника № 686 могла возникнуть только на русской почве.

⁹⁵ См.: *Жуковская*. Грецизация и арханзация... С. 144—176.

⁹⁶ Сборник начал складываться, возможно, еще при жизни Цамблака. Старший список его ядра (РНБ, Погод. 1026) датируется 1410—1420-ми гг. (*Иванова К.* Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981. С. 467),

однако широкое распространение в рукописной традиции он получает не ранее середины столетия.

⁹⁷ Подробнее о рукописной традиции сборника см.: *Дончева-Панайотова Н.* Сборниците «Книга Григорий Цамблак» — възникване, съдържание, разпространение // Търновска книжовна школа. София, 1984. Кн. 3 (Григорий Цамблак. Живот и творчество). С. 29—50; *Она же.* Григорий Цамблак и българските литературни традиции в Източна Европа XV—XVII вв. Велико Търново, 2004. С. 246—281.

⁹⁸ См.: *Турилов.* Опыт авторецензии... С. 30—31.

⁹⁹ Ср.: *Жуковская.* Арханзация и грецизация... С. 144—176; *Она же.* Эволюция книжного письма... С. 253—256.

¹⁰⁰ См.: *Турилов.* Болгарские и сербские источники... С. 16—17; *Он же.* К вопросу о периодизации... С. 71.

¹⁰¹ При этом собственно московская книжная культура до последней четверти столетия остается, к сожалению, весьма слабо исследованной. Некоторые наблюдения над этим материалом см.: *Костохина.* Палеография... С. 10—17, 108—152, илл. 28—72; *Гальченко.* Книжная культура... С. 97—99, 404—420.

¹⁰² Эта ориентация книгописцев последней четверти столетия на полууставные почерки рукописей раннего XV в. (южнославянские по происхождению) послужила причиной многочисленных ошибок и колебаний в датировках кодексов, относящихся к этому столетию. Основой для таких ошибок является нигде, кажется, обстоятельно не сформулированное, но тем не менее устойчивое представление о постепенном последовательном нарастании числа южнославянских графических элементов в русских книжных почерках XV в., что не соответствует действительности, поскольку уже рукописи 1410-х гг. содержат весь набор графических новаций (см. также: *Турилов.* О времени и месте создания... С. 40—41, примеч. 52). Речь идет прежде всего о пергаменных рукописях, к которым неприменим филигранологический метод, либо о рукописях на бумаге, получивших описание до широкого распространения этого метода (т. е. в основном до начала прошлого столетия). Характерным примером столкновения двух принципов датировки (традиционного, основанного на впечатлении от общего облика письма, без детализации палеографических примет и указания близких аналогий и филигранологического) явилось расхождение во мнениях Н. П. Попова и Н. П. Лихачева по отношению к сборнику с Рогожским летописцем (ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. С. II—VIII). Первый считал, что «основой состав рукописи (включая в него и Рогожский летописец) принадлежит к концу XV в., или, при допущении архаичности почерка, первой четверти XVI в.» (Там же. С. III). Второй же (Там же. С. V—VIII) на основании тщательного анализа семи филиграней кодекса убедительно показал, «что рукопись написана на исходе первой половины XV столетия, а именно в 1440-х гг.», справедливо заметив при этом, что «архаизмы и новшества в почерках понятия относительные» (уточню лишь: без проверки данными филигранологии. — *А. Т.*), «а темный период русской истории во второй четверти XV столетия в области культурного процветания, может быть, окажется интереснее, чем это казалось».

За девять десятилетий, прошедших со времени этого столкновения мнений и методик, ситуация изменилась меньше, чем хотелось бы (*Турилов.* Опыт авторецензии... С. 6—13). О датировке славянских рукописей XV в. на пергамене и хронологических рамках употребления этого писчего материала в восточнославянском книгописании см.: *Он же.* О времени и месте создания... С. 24—27, 37—43 (примеч. 47—65).

¹⁰³ См.: *Попов Г. В.* Орнаментация рукописи 1499 г. из Московского Успенского собора // ДРИ: Рукописная книга. М., 1972. [Сб. 1.]. С. 226—246 (то же // *Попов Г. В.* Рукописная книга Москвы: Миниатюра и орнамент второй половины XV — XVI столетий. М., 2009. С. 171—188 (далее — *Попов.* Рукописная книга)); *Он же.* Живопись и миниатюра...

С. 45—46, 66—72 (то же // *Попов*. Рукописная книга... С. 9—26); *Он же*. Рукописная книга... С. 165—170; *Костюхина Л. М.* Нововизантийский орнамент // ДРИ: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 265—294; *Гальченко*. Книжная культура... С. 302—309.

¹⁰⁴ До последней четверти столетия (что хронологически совпадает с присоединением Новгорода к Москве) этот стиль представлен в заставках рукописей, написанных в городе на Волхове, лишь единичными примерами, такими как пергаменный литургический свиток 1430-х (?) гг., РНБ, Ф.п.1. 33 (*Smirnova E.* Fonti della Sapienza: Le miniature di Novgorod del XV secolo / *Смирнова Э.* Источники Премудрости: Новгородская миниатюра XV в. Milano, 1996. С. 23—24, илл. 13), или бумажное Евангелие тетр второй четверти XV в., ГИМ, Увар. 95-F (Там же. С. 24—25, илл. 15, 17; *Она же*. Лицевые рукописи... С. 82—87, 249—262, Кат. № 5); последний пример представляет, впрочем, не классический вариант стиля.

¹⁰⁵ Перечень примеров см.: *Турилов*. Опыт авторецензии... С. 37—38. Примеч. 59; *Он же*. Сборник отрывков... С. 80. Примеч. 9; *Он же*. Критерии... С. 155—156, 164 (примеч. 51). Сюда же, по всей видимости, следует прибавить Евангелие тетр второй четверти XV в. (София, Народная б-ка Кирилла и Мефодия, № 1140), описанное как среднеболгарская рукопись (см.: *Стоянов М., Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. София, 1971. Т. 4. С. 7—8. Табл. III; *Христова Б., Караджова Д., Икономова А.* Български ръкописи от X до XVIII в. запазени в България. София, 1982. С. 74, № 168). Кроме того, по наблюдениям О. А. Князевской и А. А. Гиппиуса, полностью отсутствуют русизмы в правописании московской — судя по всему — рукописи Евангелия тетр последней трети XV в. НБ МГУ, 2Ag78 (см. о ней — *Попов*. Рукописная книга... С. 55—69), хотя последнюю за молдавскую до сих пор никто не принимал.

¹⁰⁶ *Свенціцькі І.* Прикраси рукописів в Галицької України XVI в. Жовква, 1922—1923. Вип. 1—3; *Щепкин*. Русская палеография... С. 133; *Запаско*. Пам'ятки... Кат. № 64, 67, 68, 70, 72, и др.

¹⁰⁷ *Щепкин*. Русская палеография... С. 133.

¹⁰⁸ См.: *Турилов*. Оригинальные южнославянские сочинения... С. 44—48; *Он же*. Болгарские и сербские источники... С. 12—25; *Он же*. К вопросу о периодизации... С. 68—74; *Он же*. К вопросу о болгарских источниках Русского Хронографа // *Летописи и хроники*, 1984. М., 1984. С. 20—24.

¹⁰⁹ Ср.: *Гальченко*. Книжная культура... С. 328, 333—334, 339—340. Некоторое отличие в оценке хронологического разрыва между появлением на Руси новых текстов и других признаков «влияния» между мной и автором последнего исследования («Начальный этап изменений в графика-орфографических системах древнерусских рукописей по времени довольно близок к моменту появления новых текстов. Интервал... по нашим наблюдениям, составляет около десяти лет...») — Там же. С. 333) объясняется тем, что М. Г. Гальченко, будучи лингвистом, берет за точку отсчета появление отдельных графика-орфографических новаций, в то время как я — систематическое их употребление в сочетании с новыми почерками.

¹¹⁰ Ср.: Там же. С. 339—341.

¹¹¹ За исключением Лисицкого монастыря, где процессы шли синхронно с монастырями Северо-Восточной Руси (см.: Там же. С. 340).

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ XIV—XV вв. И КОРПУС ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ НА РУСИ (К 110-летию выхода в свет труда А. И. Соболевского)

Публикуя том со скромным подзаголовком «Библиографические материалы»¹ (столетнему юбилею которого была посвящена прошедшая осенью 2004 г. в Пушкинском доме конференция), А. И. Соболевский едва ли предполагал в то время, что его труд останется действующим справочным изданием на протяжении целого века², а по прошествии восьми с половиной десятилетий даже будет репринтирован. Такова, однако, судьба большинства фундаментальных справочников: они — даже когда сильно устаревают — остаются «в строю», пока на смену им не приходят более совершенные новые. Полноценной замены «Переводной литературе Московской Руси» (во всяком случае — первой ее части, посвященной южнославянским переводам XIV—XV вв.)³ в ближайшее время явно не предвидится (при том что отдельные сюжеты проблемы на протяжении последних десятилетий непрерывно и весьма активно разрабатываются и для нового справочника, безусловно, уже накоплен большой — в особенности южнославянский — материал)⁴. Подготовленный ныне О. В. Твороговым фундаментальный каталог репертуара древнерусской книжности⁵ ограничен в данном случае чисто хронологически — он закачивается XIV в., в то время как большинство списков памятников, о которых идет речь у Соболевского, относится уже к следующему столетию.

Южнославянский раздел «Переводной литературы Московской Руси» характеризуют особенности (ставшие с течением времени безусловными недостатками), в значительной мере отражающие состояние отечественной и мировой историко-филологической науки на рубеже XIX—XX столетий, отчасти же несущие на себе отпечаток личности исследователя и стиля его работы. Это относится прежде всего к объему сведений о болгарских и сербских рукописях, содержащих тексты, пришедшие на Русь со «вторым южнославянским влиянием», датировке списков, отражающей еще представления дофилигранологической эпохи (в особенности в отношении к южнославянским кодексам, в большинстве своем уже в XIV в. написанным на бумаге), и, наконец (пожалуй, самое важное), к составу корпуса — при чем не только к его неполноте, но и к неоправданной порою избыточности⁶.

Данные южнославянских списках переводов XIV—XV вв. привлечены для справочника в весьма ограниченном количестве (хотя, вопреки мнению Д. М. Буланина⁷, он учитывает не одни только русские рукописи) — всего для 20 произведений из 57 (т. е. немногим более трети включенных в перечень)⁸, при этом не более одного-двух для каждого примера⁹, к тому же в большинстве случаев они не старше русских (во всяком случае при датировке, принятой в начале XX в.). Подобная «неразведенность» во времени, отсутствие хронологической дистанции между

датировкой южнославянского перевода и его русских списков, заметно смазывает (и в какой-то мере даже искажает) картину русско-южнославянских культурных связей данного периода. В них практически отсутствует динамика — автор характеризует ситуацию (при чем только для Руси) на «входе» и «выходе» в столетнем диапазоне (от середины («половины») — по терминологии того времени) XIV в. — до середины XV в.)¹⁰. К этому можно добавить, что большинство среди указанных южнославянских рукописей составляют сербские¹¹ (при том, что работа посвящена прежде всего болгарским переводам и русско-болгарским связям).

Мнение А. И. Соболевского об исключительно большом значении корпуса южнославянских переводов XIV—XV вв. для древнерусской литературы не вызывает сомнений в целом, однако представления о объеме этого корпуса и его распространении на Руси нуждаются в ряде существенных уточнений, поскольку за прошедшее столетие исследователями проанализирован большой материал по конкретным памятникам. В первую очередь следует отметить, что далеко не все сочинения, перечисленные в Приложении 1 этой части «Переводной литературы», действительно представляют южнославянские переводы, неизвестные на Руси до середины XIV в., причем число их довольно значительно. В разделе «Аскетические сочинения» оно составляет треть (8 примеров из 24) — правда, в других существенно меньше. В некоторых случаях речь идет о памятниках, никак не связанных со «вторым южнославянским влиянием» («Главизны» («Енхиридион») Епиктета¹², «Об отвержении мира» Илариона¹³, «Сильвестра и Антония вопросы и ответы»¹⁴), основную же массу составляют сочинения, переведившиеся на славянский язык в период Средних веков дважды и даже трижды, причем их первые переводы попали на Русь еще в домонгольское время и сохранились исключительно в восточнославянских списках¹⁵. К числу таких памятников принадлежат, например, «Поучения аввы Дорофея»¹⁶, «Главы о любви» Максима Исповедника¹⁷, «Послание к проту Святой горы» с ответами на его вопросы константинопольского патриарха Николая III Грамматика¹⁸, «Главы» Нила Философа¹⁹, «Главы добродетельные» Феодора Едесского²⁰ и его житие²¹, Поучения Феодора Студита²², «Шестоднев» Севериана Гавальского²³, Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского²⁴, «Историческая Паллея»²⁵, апокрифическое «Никодимово Евангелие»²⁶. Эта группа текстов (равно как и перечень на с. 4—5 работы А. И. Соболевского) свидетельствует, что одни и те же памятники в разновременных переводах и редакциях в русской традиции XV в. сосуществовали и/или конкурировали, причем преимущество не всегда было на стороне новых (подробнее см. ниже).

Помимо этого есть основания думать, что появление на Руси ряда текстов, представленных восточнославянскими списками не ранее конца XV в., связано не со «вторым южнославянским влиянием» в его классическом понимании (последняя четверть XIV — первая треть XV в.; или «половина» XIV — «половина» XV в. по Соболевскому), а с русско-сербскими (преимущественно через посредство монастырей Афона) книжными контактами последней четверти XV — первой четверти XVI в.²⁷ К их числу принадлежат прежде всего переводы византийских хроник Константина Манассии²⁸ и Иоанна Зонары (последняя в сокращенной редакции — «Паралипомен») ²⁹, использованные (наряду с житиями болгарских и

сербских святых) в первой четверти XVI в. при составлении Русского Хронографа³⁰, а также «сербская» редакция Александрии³¹, легендарное «Воспоминание отчасти Святыя горы Афонские» (связанное с Иверским монастырем сказание о посещении Афона Богоматерью), переведенное с греческого на Святой горе протом Гавриилом в 1508 г.³² Сюда, вероятно, относятся также «Беседы на Андрианты» Иоанна Златоуста³³. До последнего времени к этой группе предположительно можно было причислять (исходя из даты известных списков) и полемические сочинения Давида Дисипата против Варлаама и Акиндина, однако сейчас появилось достаточно оснований связывать их появление на Руси если не с классическим периодом «второго южнославянского влияния», то — самое позднее — с московско-афонскими контактами 1440-х гг. после Ферраро-Флорентийской унии³⁴ (см. ниже о Послании трех вселенских патриархов).

Вероятно, еще позднее (не ранее первой четверти XVI в.) были принесены в Москву антилатинские сочинения Григория Паламы и Нила Кавасиллы, входящие в составе одного сборника³⁵.

Подобное частичное сокращение перечня А. И. Соболевского вполне компенсируется его исходной неполнотой, вполне осознававшейся, впрочем, как уже говорилось, и самим исследователем³⁶. Список может быть расширен за счет текстов, по каким-то причинам пропущенных автором «Переводной литературы Московской Руси», или же введенных исследователями в научный оборот позднее. В их числе следует упомянуть сербскую редакцию перевода Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского, частично использованную в Великих Минеях-Четых³⁷, сокращенную Мазуринскую редакцию Сербской Кормчей (с тематическим расположением правил), созданную в Болгарии³⁸, Номоканон Псевдо-Зонары («Зинарь», «Зонара»)³⁹, Скитский устав⁴⁰, сборник из 7 синаксарных чтений (по типу синаксарей Триоди) для Октоиха⁴¹, «Беседы на Андрианты» Иоанна Златоуста⁴², послание патриарха Константинопольского Каллиста 1355 г. Феодосию Тырновскому⁴³, послание трех вселенских патриархов по поводу Флорентийской унии⁴⁴ и предсмертные слова («завещание») Марка, митрополита Эфесского⁴⁵, календарно-медицинские эпиграммы Николая Калликла (в славянской традиции приписываемые Птохопродрому)⁴⁶, болгарский перевод «Пчелы»⁴⁷, «прогностическая» Пасхалия на 1409—1492 гг., включающая апокалиптические предсказания на 1427 (1428), 1445, 1459, 1470, 1482, 1485, 1487, 1489 (1490), 1491 и 1492 гг.⁴⁸, перечень епархий, подвластных Константинопольскому патриарху (так наз. «Notitia episcopatum») в поздней редакции, созданной между 1282 и 1328 гг.⁴⁹, легендарное «Сказание об Индийском царстве»⁵⁰, и, возможно (если только это не оригинальные сочинения), «Хождение» Арсения Солунского⁵¹, древнейший письменник⁵² и аскетические толкования на «Стефанит и Ихнилат»⁵³. Список этот в будущем несомненно будет продолжен.

Надо сказать, что перечисленные дополнения вовсе не исчерпывают круг южнославянских переводов XIV — первой половины XV в. В отличие от болгарских переводов (в первую очередь четых текстов) эпохи Первого царства, львиная доля которых сохранилась исключительно в русских списках XI—XV в. и неизвестна в южнославянских⁵⁴, здесь ситуация складывается по иному. Применительно к южнославянскому переводному наследию XIV—XV вв. восточнославянская тра-

диция выглядит одной из равноправных младших ветвей (и при этом не самой богатой среди них и наиболее «усредненной»), наряду с общебалканской ресавской и славяно-румынской (в валашском и молдавском вариантах⁵⁵). Большинство переводов сохранилось в собственно южнославянских (а также славяно-румынских) списках XIV — первой половины XV в. и позднейшего времени. Памятники, дошедшие исключительно в восточнославянской традиции, довольно немногочисленны и представляют, как правило, тексты относительно небольшого объема, не составляющие (за исключением разве что второго и четвертого из приводимых ниже примеров) целого тома: таковы, к примеру, уже упоминавшиеся «Прение с хионы и турки» Григория Паламы⁵⁶ и «Шестоднев» Георгия Писиды⁵⁷, «О еже не впасть в ересь Варлаама и Акиндина» Давида Дисипата⁵⁸, «Паралипомен» Хроники Зонары⁵⁹, краткая хроника «Цари, царствующие в Константинополе»⁶⁰, послание константинопольского патриарха Каллиста Феодосию Тырновскому⁶¹, «Notitia episcopatum»⁶². Существенный противовес этому представляет несколько групп переводных текстов (в том числе весьма крупных), не получивших известности на Руси ни в это время, ни позднее. Сюда входят:

а) Новая редакция перевода ветхозаветных библейских книг, известная в южнославянских (а с XV в. и в славяно-молдавских) списках второй половины XIV—XVI в.⁶³

б) Толкования на библейские и святоотеческие тексты: 1) Беседы (67) на книгу Бытия Иоанна Златоуста («Шестоднев»), переведенные в 1426 г. на Афоне «таха иноком» Иаковом для иеромонаха Венедикта⁶⁴; 2) «Песнь Песней» с толкованиями в переводе Константина Философа Костенецкого (следы использования памятника при редактировании в 1581 г. текста Библии для печати объясняются, по всей вероятности, культурными контактами с Афоном «острожского кружка» во время, близкое к изданию)⁶⁵; 3) два перевода Книги Иова с толкованиями дьякона Олимпидора и др. авторов (каждый дошел в двух списках) — 1-й сделан на Афоне в 1412 г. монахом Гавриилом, второй содержится в рукописи Владислава Грамматика 1456 г. и в списке библиотеки Рыльского мон-ря 1/14 последней четверти XV в.⁶⁶; 4) толкования на Апостол (Деяния и соборные послания), выполненные в Болгарии в правление царя Иоанна Александра⁶⁷ и сохранившиеся в списке 1516 г. (РНБ, Ф. I. 516) и более поздних⁶⁸; 5) особая (практически не исследованная) редакция перевода толкований на Апокалипсис, представленная западно-болгарским списком середины XIV в. (Белград, МСПЦ, № 43)⁶⁹; 6) так называемые «особые» толкования (на основе толкований Псевдо-Нонна Панолийского) на 16 слов Григория Богослова, известные по сербским отрывкам последней трети XIV в. (защитные листы при «Шестодневе» Иоанна Экзарха — ГИМ, Син. 35, л. 1—2 об.) и компилятивному «Сказанию о скверных бозех еллинских» в составе сербского же Требника ГИМ, Син. 307, ок. 1423 г. (датируется по Пасхалии)⁷⁰.

в) Богословские сочинения: 1) Полный южнославянский перевод «Богословия» («Небес») Иоанна Дамаскина (с посланием Козме Маюмскому в качестве предисловия), сделанный не позднее 1360-х гг.⁷¹; 2) «Догматики паноплиа» («Богословиям всеоружество» или «Догматическое всеоружество») иеромонаха Евфимия Зигабена — обличение ересей в 28 главах («титлах»), написанное по заказу императора

Алексея I Комнина, снабженное в начале стихами Георгия Памфила и самого автора, перевод не позднее начала XV в.⁷²; 3) компиляция «Пределы с Богом различны по преданию и вере святые съборные и апостольские церкви глаголеми, срани от Климентя же и инех преподобных и блаженных отец», переведенная сербскими книжниками не позднее рубежа XIV—XV вв. в конвое «Шестоднева» Василия Великого⁷³.

г) Полемические сочинения: 1) «Собеседование» Николая-Нектария Отрантского («Идрунтского», «Касульского»), настоятеля греческого монастыря в Казоле (Калабрия) с кардиналами папы Григория IX в 1232 г. по поводу каноничности православного обряда крещения. Оригинал текста, принадлежащего перу Иоанна Грассо, ученика Нектария и имперского нотариуса в Отранто, пока не найден, славянский перевод представлен в настоящее время среднеболгарскими отрывками кодекса третьей четверти или последней трети XIV в. (БАН, 12. 7. 31 / Калужняк. 28; Нов. 6011)⁷⁴; 2) Сборник полемиических сочинений императора Иоанна Кантакузина (монаха Иоасафа), включающий четыре апологии в защиту христианства от мусульман, четыре же обличительных слова против Мухаммеда («на Моамефа»), стихотворную похвалу автору латинского епископа Фив Симеона⁷⁵ и 9 слов против иудеев в форме диалога христианина Христодула с евреем Ксеном⁷⁶. Славянский перевод представлен в двух сербских списках — конца XIV в., происходящем из Хиландаря (Вена, Нац. б-ка Австрии, Слав. 34)⁷⁷, и в кодексе № 25 Музея Шкеянской церкви св. Николая в Брашове (Румыния)⁷⁸, а также в среднеболгарском, переписанном в 1591 г. в Валахии (Манчестер, Б-ка Джона Рэйландса, Гастер 2082)⁷⁹; 3) Сборник сочинений Иосифа Вриенния (между 1340 г. и 1350 г. — ок. 1431 г.), включающий 18 антилатинских полемиических бесед о Троице (в связи с вопросом о исхождении Св. Духа) и гомилии на двенадцатые праздники. Сербский перевод выполнен очень рано (особенно применительно ко времени жизни автора) — не позднее второй четверти XV в. Мне известен по библиографии единственный список середины XV в. (возможно, афонского происхождения) — Бухарест, БАН Румынии, Слав. 147⁸⁰.

д) Канонические и церковно-юридические памятники: 1) Синтагма Матфея Властаря (как полная, так и сокращенная редакции) в сербском переводе середины XIV в., широко распространенная (нередко в одном кодексе с Законником Стефана Душана) как в собственно южнославянских (преимущественно сербских)⁸¹, так и в славяно-румынских (молдавских и валашских)⁸² списках. Известно, что даже выполненная в Молдавии по заказу Ивана Грозного в 1556—1560 гг. романским митрополитом Макарием переработка Синтагмы с расположением статей в порядке славянского алфавита не достигла Москвы: направленный царю кодекс по неизвестной причине задержался во Львове, где хранится и до сих пор⁸³. Использование этого сборника в юридической практике западнорусской митрополии связано уже с вполне самостоятельной темой молдавско-украинских книжных связей второй пол. XV — XVI в.; 2) «Земледельческий закон» в сербском переводе, представленном в списке первой трети — второй четверти XV в. (Афон, Хиландарь, № 466)⁸⁴; 3) так называемый «Закон Юстиниана», входящий в сербские и славяно-румынские юридические сборники XV—XVIII вв. вместе с Синтагмой и Законником Стефана Душана⁸⁵; 4) Историко-канонический трактат Каллиста Ксанфопула

«О перемещениях», представленный сербским отрывком третьей четверти XIV в. (окончание текста в объеме полутора страниц), вплетенным в пергаменную рукопись Требника с Номоканоном (ГИМ, Хлуд. 118, л. 42—42 об.)⁸⁶; 5) «Завет Первой Юстинианы» — славянский перевод грамоты 1282 г. императора Михаила VIII Палеолога Охридской архиепископии, сохранившийся в ресавском списке 1433 г. (РГБ, М. 3070, л. 3—4 об.)⁸⁷.

е) Заметные отличия между русской и южнославянской (собственно, сербской) традицией наблюдаются в области переводной агиографии. Русским книжникам, в частности, остался совершенно неизвестен перевод корпуса житий метафрастовской редакции (сборник «Метафраст»), выполненный в Сербии или на Афоне не позднее середины — третьей четверти XIV в.⁸⁸ Из переведенных южными славянами памятников *агиографии* XIV в. на Русь не попали такие крупные, связанные с практикой исихазма сочинения, как жития преп. Ромила Видинского, принадлежащее перу Григория Доброписца⁸⁹, и Феодосия Тырновского, написанное константинопольским патриархом Каллистом I⁹⁰. Но особенно загадочно отсутствие в русских списках Слова похвального виленским мученикам, написанного в последней четверти XIV в. Михаилом Вальсамоном⁹¹ и дошедшего в двух славяно-молдавских сборниках XV—XVI вв.: Бухарест, БАН Румынии, Слав. 164 (1438 г.)⁹²; Там же, Б-ка Св. Синода III.26 (XVI в. — список с предыдущего)⁹³.

ж) Из памятников византийской хронографии, переведенных в XIV в. на славянском Юге, на Руси не получили известности Хроники Георгия Амартола («Летовник») ⁹⁴ и Симеона Логофета⁹⁵, полный текст Хроники Иоанна Зонары⁹⁶ и ее особая переделка, дошедшая в списке 1433 г. (Афон, Зограф, № 151)⁹⁷.

з) «Естественно-научная» литература: Шестоднев Василия Великого (в сопровождении послания Григория Нисского епископу Петру «О лике человеческом») ⁹⁸, Космографический трактат Симеона Сифа, отрывочно представленный в рукописи Ватиканской библиотеки Греч. 1748⁹⁹; «Описание святых мест Иерусалима» в составе сербского Бдинского сборника¹⁰⁰.

Из других небогослужебных памятников в русской книжности не представлен перевод «Физиолога», сохранившийся в сербском (ресавском по орфографии) сборнике первой четверти XV в. из библиотеки Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (Слав. 22, л. 283 об. — 311 об.)¹⁰¹, и «Салернского кодекса здоровья», известный в сербском списке XVI в. (Афон, Хиландарь, № 517; так называемый «Хиландарский медицинский кодекс») ¹⁰².

и) Гадательные книги: «Сонник» («Сновник всему»), организованный в алфавитной последовательности (начало которого («Ангел» — «Вол») сохранилось в ресавском по орфографии сборнике Одесской ГНБ, № 1/112 первой пол. XVI в. (л. 48 об.), привезенном В. И. Григоровичем из путешествия 1844—1845 гг.); геомантическое «Гадание пророка Самуила» («Благовестытельное древнее и не льжно хытрость сиа пророку Хаилу (!) открывена бысть аггеломь господнымь») ¹⁰³.

Весьма значителен также перечень переводов с греческого, представленных на Руси только одной (или, по крайней мере, не всеми) редакцией из нескольких, известных в южнославянской традиции. Таковы Слова постнические Исаака Сирина (две редакции) ¹⁰⁴, Маргарит (две редакции) ¹⁰⁵, Иерусалимский типик (не ме-

нее трех редакций)¹⁰⁶, Стишной Пролог (три редакции)¹⁰⁷, триодный Синаксарь (то же)¹⁰⁸, «Стефанит и Ихниллат» (две)¹⁰⁹.

Наконец, в добавление к этому следует отметить и разницу на уровне организации типов отдельных книг, в первую очередь богослужебных. Так, на Руси не получили распространения (а вероятно, и сколь-либо широкой известности) праздничные и служебные Минеи, включающие помимо гимнографических текстов также проложные жития (в редакции Стишного пролога), тогда как в южнославянских списках они хорошо известны начиная со второй половины XIV в.¹¹⁰ Соединение гимнографической и синаксарной частей в южнославянской традиции может осуществляться двояко: жития либо включаются в состав службы после песни 6-й канона (при этом здесь помещается не только текст, соответствующий службе, но весь состав чтений этого дня), либо в конце кодекса прилагается Стишной пролог на данный месяц (последний принцип применим, естественно, к Минеям служебным, в то время как первый в равной мере присущ и Минеям праздничным). В древнерусских списках проложными житиями по 6-й песни канона могут снабжаться лишь отдельные службы, входящие в минеи, при этом они все без исключения принадлежат перу южнославянских авторов, работавших на Руси (прежде всего это митрополит Киприан и Пахомий Логофет) либо по русскому заказу. Отсутствие в русской традиции отмеченного типа служебных и праздничных Минеи особенно заметно на фоне широкого распространения здесь Триодей с синаксарями Никифора Каллиста Ксанфопула, при этом в двух (аналогично минеям) вариантах — в составе служб и в конце кодекса. Впрочем, случай с минеями выходит за рамки чисто типологического различия традиций, поскольку, по наблюдениям болгарских исследователей, синаксарные чтения в части их представляют особую редакцию перевода, отличную от двух известных в самостоятельных списках Стишного пролога¹¹¹. В западнорусской традиции с XVI в. можно встретить служебные и праздничные Минеи, содержащие проложные жития в составе служб (при этом не в стихной, а в древнейшей редакции)¹¹², что объясняется, вероятнее всего, региональными молдавско-украинскими связями¹¹³, отчетливо прослеживающимися приблизительно с последней четверти XV столетия¹¹⁴.

Применительно к этому отсутствующему в русской традиции корпусу южнославянских переводов можно выявить определенные закономерности. Входящие в него памятники в большинстве своем не получили широкого распространения и в южнославянской (включая славяно-румынскую) традиции, и/или относятся, как правило, либо к числу ранних (в рамках XIV в.) переводов, вытесненных из обихода на славянском Юге не позднее третьей четверти этого столетия младшими, либо являются сербскими по происхождению (в целом ряде случаев эти показатели совпадают). Первый признак (ранние переводы), по всей видимости, определяется временем достаточно масштабного проникновения (или, точнее, возвращения) русского монашества на Афон и в Константинополь и вполне согласуется с датами наиболее ранних русских списков южнославянских переводов и редакций (1381 г. — Пандекты Никона Черногорца (ГИМ, Син. 193), 1388 г. — Диоптра, ГИМ, Чуд. 15). Второе обстоятельство нуждается в осмыслении и специальном объяснении, поскольку позиции сербского монашества на Афоне были в XIV в. (по сравнению с болгарскими и русскими)

длительное время преобладающими¹¹⁵, а дошедшая продукция сербских скрипториев едва ли не равна совокупности болгарских и русских книг этого столетия¹¹⁶.

Причины, почему тот или иной памятник из перечисленных выше не получил известности на Руси, могут быть различными и должны рассматриваться применительно если не к каждому из памятников, то к каждой из жанрово-тематических групп в отдельности. Легче всего вопрос решается, как кажется, в отношении хроник. Хроника Симеона Логофета, известная в единственном молдавском списке XVII в., будучи переведенной в Тырнове, возможно, просто не попала на Афон, уцелев лишь в достаточно изолированной монастырской книжной традиции Молдавии. Иначе выглядит ситуация с «Летовником» Георгия Амартола и двумя редакциями (из трех) Хроники Зонары. Появление южнославянских переводов византийских хроник на Руси относится ко времени существенно более позднему, чем классический период «второго южнославянского влияния» (посл. четв. XIV — первая треть XV в.) и скорее всего напрямую связано с собиранием в начале XVI в. в Иосифо-Волоколамском монастыре источников для Русского хронографа (см. выше). В условиях, когда на протяжении всего XV в. (в особенности с середины столетия) в разных регионах Руси заново распространился древний перевод хроники («Временник»)¹¹⁷, привлечение позднейшего могло показаться излишним. В выборе из трех версий хроники Зонары силен, вероятно, элемент случайности. К этому стоит также добавить, что зографская переделка памятника составляет такую же редкость, как и дошедший до Руси «Паралипомен» (оба текста известны в единственном списке), но последний обладал в глазах средневекового книжника немаловажным преимуществом перед двумя другими редакциями. Он восходит к авторитетному списку официального происхождения, снабженному пространной «выходной» записью писца, подробно излагающего историю создания редакции¹¹⁸.

Иными могут быть причины «невключенности» в русско-южнославянские связи перечисленных выше переводов догматических и полемических сочинений. Надо сказать, что данная тематика вообще занимает скромное место в литературном корпусе «второго южнославянского влияния», как видно уже из перечня А. И. Соболевского. Русских книжников, трудившихся в столице Византии и на Святой горе, явно в большей степени занимали аскетические сочинения, пособия по обустройству монастырской жизни и круг паралитургических текстов, рекомендуемый Иерусалимским уставом. Кроме того, судя по единичным дошедшим экземплярам, указанные памятники не имели широкого распространения и в самой южнославянской (собственно сербской) традиции, что безусловно сильно ограничивало возможность знакомства с ними русских иноков. Если же какие-то из этих переводов были выполнены не на Афоне, а в монастырях самой Сербии, то при столь слабом тиражировании они просто могли не достигать скрипториев и библиотек Святой горы¹¹⁹ в наиболее активный период русско-южнославянских связей¹²⁰.

Существенно труднее объяснить отсутствие на Руси сербских редакций текстов, связанных с кругом уставных чтений по Иерусалимскому уставу (триодные синаксари, Стишной пролог, Маргарит и др.), и самого этого типика, известного в двух вариантах перевода. Следует, правда, иметь в виду, что и в самой сербской традиции эти редакции существуют наряду с болгарскими, которые пользовались

здесь несомненным авторитетом и по числу списков явно преобладают¹²¹. При этом проникновение текстов в обратном направлении (из сербской традиции в болгарскую) не наблюдается, либо прослеживается в несравненно меньшей степени. Причину последнего уместно видеть в достаточно раннем формировании у (восточно)болгарских книжников представления, письменно зафиксированного лишь к 1420-м гг. Константином Костенецким, о неисправности сербских книг (во всяком случае, написанных по рашской орфографии) как следствии удаления от исходных кирилло-мефодиевских правописных норм. При всей ограниченности дошедших известий следует отметить полное отсутствие сведений о работе русских книжников в Хиландаре и Пантелеймоновом, бывшем в XIV в. также сербским по составу насельников (а «русским» лишь по традиционному названию)¹²². Ареал обитания русских иноков на Афоне в последней четверти XIV — первой трети XV в. совпадает в большей степени с расселением здесь болгарского монашества — это крупнейшие греческие монастыри (Великая Лавра, Ватопед) и скиты при них¹²³.

В то же время было бы неверно полностью игнорировать (и даже излишне маргинализировать) для этого времени сербско-русские связи (напомню, что именно такой точки зрения придерживался в свое время А. И. Соболевский)¹²⁴. Известен ряд сербских кодексов XIV в. из старых монастырских библиотек России (Троицкая, Кирилло-Белозерская, Иосифо-Волоколамская), попавших туда несомненно в эпоху «второго южнославянского влияния»¹²⁵. Показательно также полное отсутствие болгарских списков Творений Дионисия Ареопагита вплоть до рубежа XV—XVI вв. и слабая известность текста в славяно-молдавской традиции (см. выше). В русскую книжность вошли в XV в. сербские переводы жития Григория (Григентия) Омиритского¹²⁶ и, возможно, Беседы на Андрианты Иоанна Златоуста, а также (наряду с болгарской) сербская редакция перевода Повести о Варлааме и Иоасафе¹²⁷. Болгарская редакция перевода Стишного пролога, по меньшей мере дважды (если не более) пришедшая на Русь, на каком-то этапе непременно должна была пройти через сербское посредство — иначе невозможно объяснить устойчивое присутствие в русских списках житий Симеона и Саввы Сербских¹²⁸. Можно полагать, что реформированная архаизирующая ресавская орфография, широко распространяющаяся в сербских рукописях примерно с рубежа XIV—XV вв., воспринималась русскими книжниками (в отличие от старой рашской), вероятнее всего, как вполне приемлемый упрощенный вариант тырновской¹²⁹.

Таким образом, русский вариант корпуса южнославянских переводов служит в значительной мере показателем их репрезентативности в книжных собраниях монастырей и скитов Афона и (до какой-то степени) славянских монашеских колоний Константинополя в последней четверти XIV — первой трети XV в.

На Руси появление корпуса новых переводов не привело (по крайней мере до середины XVI в.), в отличие от Болгарии, к полному разрыву с предшествующей традицией (в Сербии процесс замены (в отношении четых текстов) шел более замедленными темпами и содержал элементы синтеза¹³⁰) даже в отношении одних и тех же текстов и функционально-типологических дублетов. Специального исследования заслуживают, несомненно, региональные особенности и варианты этого процесса в русской книжности.

Примечания

¹ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. (Библиографические материалы). СПб., 1903 (репринт: Leipzig, 1989).

² Напротив, начиная уже с упомянутого подзаголовка автор постоянно подчеркивает неполноту сообщаемых сведений («... мы не имеем в виду дать читателю что бы то ни было полное...» — Там же. С. VII; «Предлагаем небольшой список литературных произведений, появившихся в нашей литературе после половины XIV в. — Там же. С. 15).

³ Нельзя не отметить здесь в качестве положительного явления выхода в свет нового справочника, посвященного русским переводам XVI—XVIII вв. с польского (занимающим — в хронологических рамках до конца XVII в. заметное место и в книге А. И. Соболевского). См: *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008.

⁴ Одно из лучших свидетельств этому — вышедшие недавно (по материалам конференций, проходивших в июне 2003 г. и в июле 2005 г. в Софии) сборники «Преводите през XIV столетие на Балканите» (София, 2004) и «Многократни преводи в Южнославянското средновековие» (София, 2006); в последнем, правда, очень многие статьи посвящены сугубо частным вопросам.

⁵ См.: *Творогов О. В.* Древнерусская книжность XI—XIV вв. (О Каталоге памятников) // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История: Сб. статей к IX Междунар. съезду славистов. Л., 1983. С. 5—18; *Он же.* Древнерусская книжность XI—XIV вв.: Каталог памятников // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 3—45; Там же. СПб., 2006. Т. 57. С. 368—430 (в настоящее время справочник готовится отдельным изданием в изд-ве «Дмитрий Буланин»); *Он же.* Переводные жития в русской книжности XI—XV вв.: Каталог. М.; СПб., 2008.

⁶ По последнему поводу я уже высказывал ранее ряд замечаний и соображений. См.: *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV—XV вв. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 331—332. Примеч. 25.

⁷ См.: *Буланин Д. М.* Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII в. СПб., 1995. Т. 1 (Проза). С. 57.

⁸ Соответственно, это: 1) «О постничестве» Василия Великого (Соболевский. Переводная литература... С. 15); 2) Слова Григория Синаита (Там же. С. 15—16); 3) Поучения аввы Дорофея (Там же. С. 16); 4) Слова постнические Исаака Сирина (С. 16—17); 5) «Сотницы» и др. сочинения Максима Исповедника (Там же); 6) «Слова душеполезна» Исихия к Феодулу (С. 17); 7) Сочинения Нила Философа (С. 17—18); 8) «Воспоминание к своей ему души» Петра Дамаскина (С. 18); 9) Сочинения патриарха Германа против латинян (С. 20); 10) Сочинения Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника (Там же); 11) «Маргарит» Иоанна Златоуста (С. 21); 12) «Тактикон» Никона Черногорца (Там же); 13) Сочинения Симеона Нового Богослова (С. 18); 14) «Главы» Фаласия (С. 18—19); 15) «Шестоднев» Севериана Гавальского (С. 21—22); 16) «Диоптра» Филиппа Монотропа (С. 22); 17) Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского (Там же); 18) «Стиси» императора Льва Премудрого (С. 23); 19) «Стефанит и Ихнилат» (Там же); 20) «Громник» (С. 23). В одном случае (Полемические сочинения Григория Паламы и Нила Кавасиллы — с. 20) указан сербский список без упоминания русских, хотя в реальности они имеются (см. ниже, примеч. 34). Не вполне понятно, на чем основан принцип отбора примеров южнославянских списков для перечня. Большинство крупных зарубежных собраний не имели в то время хороших печатных описаний, но неясна причина (только поздняя датировка списков в

то время?), по которой автор игнорирует одно из богатейших отечественных — коллекцию А. Ф. Гильфердинга в Публичной библиотеке, описанную еще в 1860-х гг. (Отчет ИПБ за 1868 г. СПб., 1869. С. 10—159).

⁹ При этом для трех аскетических текстов (Слова Исихия к Феодулу, Сочинения Симеона Нового Богослова, Главы Фаласия) ссылки даются на одну болгарскую рукопись XV (?) в. — так называемый «Сборник деспота Стефана Лазаревича 1421 г.», погибший в 1941 г. (Белград, старое собрание Народной библиотеки, № 320 — см.: *Стојановић Љ.* Каталог Народне библиотеке у Београду. Београд, 1903 (репринт — 1982). Књ. 4 (Рукописи и старе штампане књиге). С. 197—200, № 439; запись с датой находилась на обороте крышки переплета и представлялась описателю весьма сомнительной — см. там же. С. 200; *Он же.* Стари српски записи и натписи. Београд, 1905 (репринт — 1984). Књ. 3. С. 47, № 4952), а для трех сочинений из раздела «Разное» («Стиси Льва Премудрого», «Стефанит и Ихнилат», «Громник») на сборник XVI в. РГБ, собр. Севастьянова. II, № 44 (М. 1472).

¹⁰ В целом работа А. И. Соболевского отражает общее состояние отечественной археологии рубежа XIX—XX вв. в изучении южнославянских (прежде всего бумажных) рукописей XIV—XVI вв. (исключение составляет лишь Н. П. Лихачев). Здесь уместно напомнить, что и вышедший позднее классический труд П. А. Лаврова по южнославянской палеографии (Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914) и справочник Е. Ф. Карского (Славяно-русская кирилловская палеография. Л., 1928) для означенного периода изобилуют колебаниями, неточностями, и прямыми ошибками в датировке, нередко превышающими столетие. Перечисление всех их заняло бы здесь слишком много места — достаточно сопоставить содержащиеся в упомянутых трудах сведения с данными пособия В. А. Мошина (Палеографски албум на јужнославянското кирилско писмо. Скопје, 1966). Известно, правда (на примере Лицевого летописного свода), что именно А. И. Соболевский особенно упорствовал в неприменении филигранологического метода для датировки бумажных рукописей (см.: *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 67—68, 73, 85—89; ср. также: *Соболевский А. И.* Славяно-русская палеография: Лекции. 2-е изд. СПб., 1908 (репринт — Лейпциг, 1970). С. 42—43). Систематическое использование данных филигранологии (со ссылкой на конкретные номера в справочниках) начинается в славянской кириллической археологии только с середины XX в. — одной из первых ласточек явились изданные в 1955 г. в Загребе «*Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije (I dio: Opis rukopisa)*» В. А. Мошина. Всю глубину проблемы для советских хранилищ наглядно продемонстрировала статья того же автора «К датировке рукописей собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной публичной библиотеки» (ТОДРЛ., М.; Л., 1958. Т. 15. С. 409—417), однако за исключением ОР ГБЛ она в тот момент нигде не была воспринята как руководство к действию. Результатом явилась заведомая неполнота сведений о числе южнославянских рукописей XIII—XIV вв. по большинству хранилищ в «Предварительном списке славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР» (АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 199—271), восполнять которую пришлось при составлении ПС XV и в процессе непосредственной работы над СК XIV (в частности, при составлении ПС XI—XIV было проигнорировано большинство детально обоснованных датировок, предложенных еще в 1899 г. Н. П. Лихачевым в его труде «Палеографическое значение бумажных водяных знаков»).

¹¹ Для 11 памятников (см. выше — примеч. 7, № 2, 5, 8—12, 17—20) указаны сербские списки, для 5 (№ 6, 7, 14—16) — болгарские, для 4 (№ 1, 3, 4, 13) и те и другие. При подсчетах учтено то обстоятельство, что рукопись ГИМ, Увар. 373-Q / Леонид, № 203 (№ 3) имеет смешанное болгаро-сербское правописание, а 2 списка Сочинений Дионисия Ареопитага (№ 12), определяемые А. И. Соболевским как болгарские, являются в реальности русскими

с болгаризированной орфографией (см.: *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987. С. 49—50).

¹² Памятник представляет преславский перевод X в. (переведен вместе с «главизнами» («сотницами») Максима Исповедника как «сотница 5-я» — см.: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. Мюнхен, 1991 (= *Slavistische Beiträge*. Bd. 278). С. 96—113; издание текста — С. 301—320), представлен русскими списками начиная с XIII в. (Сборник ГИМ, собр. Хлудова, № 10Д; СК XI—XIII, № 229 (у Соболевского — вслед за А. Н. Поповым — рукопись ошибочно датирована XV в.), и отрывок из нее — БАН, собр. Никольского, № 323 (СК XI—XIII, № 308); отождествление частей — *Буланин Д. М.* Реконструкция древнерусского сборника XIII в. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. В XIV в. новый славянский (болгарский) перевод «Сотниц» Максима был сделан с рукописи, не включавшей сочинения Эпиктета.

¹³ «Об отвержении мира» (или «Послание к брату столпнику») Илариона также представляет текст, никак не связанный со «вторым южнославянским влиянием». Старшие списки (сербские по изводу и датируемые третьей четвертью XIV в.) именуют автора митрополитом Киевским (см., например: *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения // *Славянские литературы / XI Междунар. съезд славистов: Докл. рос. делегации.* М., 1993. С. 33), отождествляя его тем самым с прославленным церковным деятелем и писателем XI в. Вопрос об авторстве сочинения является в литературе дискуссионным (см.: *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X—XI вв. СПб., 1906. С. 90—122, 511—517; *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 17—19; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237). СПб., 1996. С. 150—151; *Алексеев А. И.* «Наказание к отрекшимся мира» Илариона Великого в контексте полемики о монастырском «стяжании» XVI в. // *Опыты по источниковедению / Древнерусская книжность.* СПб., 2000. Вып. 3 (Редактор и текст). С. 16—19). Некоторое время назад Д. М. Буланин (Античные традиции... С. 242) привел дополнительные аргументы в пользу славянского происхождения текста, косвенно подтверждающие надписание сербских списков.

¹⁴ Древность перевода памятника (подробнее см. о нем: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. М., 1859. Отд. 2. Ч. 2. С. 142—155, 159—160; *Леонид, архим. (Кавелин).* Библиографические разыскания в области древнейшего периода славянской письменности IX—X вв. // *ЧОИДР*, 1890, Кн. 3. С. 17—18; *Он же.* Четыре беседы Кесария или вопросы святого Сильвестра и ответы преподобного Антония. СПб., 1890 (изд. ОЛДП, № 95); *Dujčev I.* La versione paleoslavica del Dialogo dello Pseudo-Cesario // *Rivista di studi bizantini e neoellenici.* Roma, 1957. Vol. 9. P. 98—100; *Милтенов Я.* Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция. София, 2006) отмечает и сам А. И. Соболевский (Переводная литература... С. 22. Примеч. 1).

¹⁵ Т. е. объективности ради они должны быть упомянуты скорее на с. 5—6, где речь идет о разных редакциях переводов одних и тех же текстов, бытовавших на Руси до середины XIV в. и позднее, чем в Приложении 1. Проблеме многократных переводов текстов на славянский язык на Балканах была посвящена специальная конференция, состоявшаяся летом 2005 г. в Софии (см.: *Димитрова А.* Многократни преводи в южнославянското Средновековие — международна конференция // *Palaeobulgarica.* 2006. № 1. С. 109—114; Многократни преводи в южнославянското Средновековие / Доклады от междунар. конф. София, 2006).

¹⁶ О существовании двух переводов (древнейшего преславского и XIV в.) «Поучений аввы Дорофея» в русской традиции см.: *Горский, Невоструев.* Описание... С. 224; *Христова И.*

Славянские переводы на монашеские поучения на авва Доротея // *Palaeobulgarica*. 2001. № 2. С. 36—53. К сказанному в этих работах следует лишь добавить, что датированный до последнего времени XIII—XIV вв. берлинский список древнего перевода (Hamilton, 381) относится в реальности к концу XIV столетия (пользуюсь случаем поблагодарить Т. И. Афанасьеву, предоставившую мне образцы почерка этой рукописи).

¹⁷ История и рукописная традиция старшего перевода памятника целиком совпадает с судьбой «Энхиридиона» на славянской почве (см. примеч. 12).

¹⁸ Старший перевод содержится уже в Рязанской Кормчей 1284 г. (см.: Отчет ИПБ за 1882 г. СПб., 1883. Приложение. С. 55—72; *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. София, 1987. Т. 2. С. 101).

¹⁹ См. примеч. 17.

²⁰ То же.

²¹ Наличие русских списков древнего перевода жития Феодора Эдесского (в рукописи РГБ, собр. В. М. Ундольского, № 1081) отмечает и сам А. И. Соболевский (Переводная литература... С. 19, примеч. 1).

²² Об истории переводов Огласительных поучений Феодора Студита на славянский язык в Средние века см.: *Ищенко Д. С.* Поучения огласительные Феодора Студита // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1876. Вып. 2. Ч. 1. С. 224—235; *Он же.* Славянские переводы Малого катехизиса Феодора Студита в Отделе рукописей ГБЛ // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1978. Вып. 39. С. 95—100; *Он же.* «Список А. И. Соболевского» и переводческая деятельность в Киевской Руси // А. И. Соболевский и русское историческое языкознание (к 150-летию со дня рожд. ученого). Тезисы док. М., 2007. С. 25.

²³ Подробнее о судьбе памятника на южнославянской и русской почве см.: *Баранкова Г. С.* К вопросу о переводах Шестоднева Севериана Гавальского в древнеславянской и древнерусской книжности // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2001. М., 2002. С. 5—46.

²⁴ О судьбе перевода Толкового Евангелия Феофилакта на славянской почве подробнее см.: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 178—179. Старший русский список (отрывок Евангелия от Матфея — БАН, 4. 9. 11; СК XI—XIII, № 259) датируется домонгольским временем (его первый почерк совпадает с почерком одного из писцов Толкового Апостола 1220 г. (ГИМ, Син. 7) — см.: СК XIV. Вып. 1. Прилож. 1. С. 574; *Турилов А. А.* К истории ростовского владычного скриптория XIII в.: старые факты и новые данные // Хризограф. М., 2009. Вып. 3 (Средневековые книжные центры: местные традиции и региональные связи). С. 238—250). Включение памятника в перечень необъяснимо, поскольку Соболевский не мог не знать работы И. И. Срезневского, посвященной отрывку БАН (*Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Сб. ОРЯС. СПб., 1874. Т. 12, № 1. № XLI. 11. С. 11, 22). Кроме того, к рубежу XIII—XIV вв. относится ныне отрывок Евангелия от Луки (Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 13), вероятно, галицко-волынского происхождения (см.: *Князевская О. А., Лифшиц А. Л., Турилов А. А.* Пергаменные рукописи собрания Виленской публичной библиотеки (Библиотека Академии наук Литовской республики, ф. 19) // *Krakowsko-wielęskie studia slawistyczne*. Kraków, 2001. Т. 3. С. 29; СК XIV. Вып. 1. Прилож. 2. С. 618, № д31), датированный у Соболевского (Переводная литература... С. 22) XIV в., очевидно, вслед за каталогом Ф. Н. Добрянского (см.: *Добрянский Ф. Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, славянских и русских. Вильна, 1882. С. 24—27, № 13).

²⁵ Вероятно, данный пример следует исключить из перечня, поскольку древнейший славянский перевод Исторической палеи датируется первой пол. XIII в. См.: *Сумникова Т. А.*

К проблеме перевода Исторической палеи // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 38—39; *Reinhart J.* Die älteste Bezeugung der Historischen Paläa in slavischer Übersetzung (Cod. Slav. Vidob. Nr. 158) // ПКЖИФ. Београд, 2008. Књ. 73 (2007). S. 57—58 (ср.: *Станков Р.* Лексика Исторической Палеи. Велико Търново, 1994). О памятника в позднейшей традиции см.: *Сперанский М. Н.* Югославянские тексты Исторической Палеи и русские ее тексты // *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 104—147.

²⁶ Сам А. И. Соболевский относил древнейший перевод Никодимова Евангелия, представленный в рукописи РНБ, Софийск. 1264 (датируемой ныне 1460-ми гг. — [*Шварц Е. М.*]. Новгородские рукописи XV в. / Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1989. С. 68, 70, 71, 76, 79, 84, 90, 92), к великоморавской эпохе (Переводная литература... С. 23, примеч. 2; ср.: *Grabar B.* Über das Problem der langeren Fassung des Nikodemusevangeliums in der ältesten slavischen Literatur // *Byzance et les Slaves. Etudes de civilization (Melanges I. Dujčev).* Paris, 1979. S. 201—206; *Mareš F. W.* An Anthologie of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. München, 1979 (= Slavische Propylaen, N 127). P. 31—40; *Idem.* Cirkevněslovanské písmenictví v Čechách // *Mareš F. V.* Cyrilometodějská tradice a slavistika. Praha, 2000. S. 273; *Минчева А.* Никодимово евангелие // *Palaeobulgarica.* 1985. № 4. С. 30—44; *Ziffer G.* La tradizione glagolitica croata del *Vangelo di Nicodemo* // *Glagoljica i hrvatski glagolizam / Zbornik radova s Međunarodnoga znanstvenog skupa.* Zagreb; Crk., 2004. P. 261—269).

²⁷ Подробнее об этом периоде русско-южнославянских культурных связей, не выделявшемся как самостоятельный во времена А. И. Соболевского, см.: *Турилов А. А.* Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV — первой четверти XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. С. 4—5, 12—23; *Он же.* К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV — начала XVI в. // Русско-балкански културни врѝзки през Средновековието / Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья. София, 1982. С. 68—74; *Он же.* Восточнославянская книжная культура... С. 328—329; *Он же.* Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // *Славянский альманах 2000.* М., 2001. С. 250—254, 268—270; *Он же.* Культурные связи Московской Руси и Сербии в XIV—XVI вв. // Москва — Сербия, Белград — Россия / Сб. документов и материалов. Београд; М., 2009. Т. 1 (Общественно-политические связи XVI—XVIII вв.). С. 99—109.

²⁸ Русская традиция памятника представлена только списками последней трети XVI — XVII вв. (см.: *Салмина М. А.* Новонайденные тексты Хроники Константина Манассии // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 355—359; Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988. С. 44—49, 97—102), однако его более раннее (в первой четверти XVI в.) бытование на Руси надежно засвидетельствовано фактом использования хроники при создании между 1516—1522 гг. Русского Хронографа (см.: *Творогов О. В.* Русские хронографы. Л., 1975. С. 180—181).

²⁹ Сохранилась в единственном списке начала XVI в. (последовательно передающем черты южнославянского оригинала), в составе сборника РГБ, Волоколамское собр., № 655 (*Творогов О. В.* Русские хронографы. С. 181—183; СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 493—494). В настоящее время новое издание памятника готовится О. В. Твороговым.

³⁰ См. примеч. 28—29.

³¹ Старшие русские списки: РНБ, Кир.-Бел. собр., № 11/1088, 1491 г., л. 20—194 об. (сокращенная русская переделка текста, выполненная известным книжником Ефросином —

издание см.: Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.; Л., 1965); РГБ, Волок. собр., № 655, нач. XVI в., л. 238 об. — 262 (выписки, последовательно передающие особенности сербского языка и правописания и несколько превосходящие по объему текст, использованный при создании Русского Хронографа).

³² Точнее, в это время он был еще нотарием Протата — «нотарием съборные цркве Светые горы, иже в Протато». См.: *Радоичић Ђ. Сп.* Два примера Руварчеве тачности // Споменица Илариону Руварцу. Нови Сад, 1955. С. 125—127; *Он же.* Стари српски писци руске народности од краја XV до краја XVII в. // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1960. Бр. 4. С. 203—202; ПЭ. М., 2005. Т. 9. С. 467—468; Старший сербский список с указанием на перевод памятника Гавриилом (упоминаемый без шифра Дж. Сп. Радоичичем) находится в сборнике сер. (?) XVI в. из собрания Л. Ковачевича (ныне Белград, НБС, Рс 733, л. 115—128), старший русский (без сведений о переводе) — при Сборнике житий сербских и болгарских святых первой трети XVI в. — РГБ, собр. ТСЛ фонд., № 686. Сведения о времени и обстоятельствах перевода легенды (равно как и факт существования южнославянской ее традиции), по всей видимости, остались неизвестны А. Г. Боброву, предположительно связывающему появление «Воспоминания» на Руси с деятельностью Пахомия Логофета (*Бобров А. Г.* «Повести древних лет» // ТОДРЛ., СПб., 2003. Т. 54. С. 148). Предложенную им версию в отношении всех текстов, посвященных Афону, в составе сборника РГБ, Волок. 659 приходится, к сожалению, классифицировать как проявление безудержной исследовательской монопропоминания.

³³ Это один из наиболее поздних южнославянских переводов рассматриваемого периода, выполненный около второй четверти XV в. (см.: ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 410). Русские списки известны с XVI в. — см.: *Мушинская М. С.* Адрианты Иоанна Златоуста в южнославянских и русских памятниках // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002—2003. М., 2004. С. 27—74.

³⁴ Число русских списков XV—XVII вв. сочинений этого автора в настоящее время приближается к десятку. Г. М. Прохоров исследовал и опубликовал их по 5 рукописям конца XV — конца XVII в. Старшие из них: 1) РНБ, Q.XVII.88. 1495 г., Москва. Л. 72 об. — 81 об.; 2) Там же, собр. Погодина, № 1941. 1497 г., Новгород. Л. 22 об. — 31 об. (тексту предшествует искаженная славянская копия греческой записи); 3) РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского м-ря), № 513. Кон. XV — нач. XVI в. Л. 373—383 (*Прохоров Г. М.* Сочинения Давида Дисипата в древнерусской литературе // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 43—46). В настоящее время стал известен более ранний (1470-х гг.) список текста — РГАДА, ф. 201 (собр. М. А. Оболенского), № 93, л. 25 об. — 44 (Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА. М., 2000. С. 253, № 90; ПЭ. М., 2006. Т. 13. С. 586).

Кроме того, еще два списка сочинений середины XVI в., оставшиеся неизвестными Г. М. Прохорову, входят в состав полемиического антилатинского сборника, включенного в Успенский и Царский списки Великих Миней-Четых под 31 августа (*Иосиф, архим.* Подробное оглавление Великих Четних Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриархии (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892. Стб. 469 2-го счета; ПЭ. М., 2006. Т. 13. С. 586). По-прежнему неразысканным остается список XV—XVI вв. Б-ки Московской Синодальной типографии (ныне РГАДА, ф. 381), указанный А. И. Соболевским (Переводная литература... С. 20) с ошибочным шифром.

³⁵ Старший русский список (ГИМ, Син. 45) нуждается в специальном исследовании. Он датируется второй — третьей четвертью XVI в. (написан на бумаге с филигранью «кабан» («вепрь»), которая плохо поддается узкой датировке) и связан происхождением с каким-то крупным скрипторием — вероятнее всего, владычным или царским (описание

см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славяно-русских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1859. Отд. 2. Ч. 2. С. 477, № 176). Не вполне ясна и судьба полностью совпадающего с ним по составу сербского сборника ГИМ, Син. 383 последней трети XIV в. (о датировке см.: *Прохоров Г. М.* Прение Григория Паламы «с хионы и турки» и проблема «жидовская мудрствующих» // ТОДРЛ., Л., 1972. Т. 27. С. 332, примеч. 23; здесь же на с. 333 даны образцы почерка), упоминаемого А. И. Соболевским (С. 20 — с датой XIV—XV в.); в описании Горского и Невоструева (Описание... Отд. 2. Ч. 2. С. 471, № 175) рукопись отнесена к XV в. Отсутствие на начальном листе рукописи пометы «Арсений» не позволяет видеть в кодексе одну из рукописей, привезенных в середине XVII в. с Афона Арсением Сухановым. Описатели Синодального собрания (Там же. С. 474—475) высказали осторожное предположение о возможном тождестве Син. 383 с книгой «на римскую ересь о собрании папы на осьмой собор», присланной в 1558 г. из Константинополя царю Ивану Грозному новгородским архидьяконом Геннадием и упоминаемой в описях 1631 и 1633 гг. библиотеки патриарха Филарета (см.: *Роспись книгам святейшего патриарха Филарета Никитича...* 7140 г. // ВМОИДР, 1852. Кн. 12. С. 4—5; *Викторов А. Е.* Опись патриаршей ризницы 1631 г. М., 1875. С. 105; Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин. Л., 1982. С. 19, г; 33—34, № 17). На достаточно позднее появление этих полемических сочинений в Москве косвенно указывает то обстоятельство, что они не были включены в Великие Минеи Четьи ни под 14 ноября (память Григория Паламы), ни под 31 августа, где в числе дополнений помещен сборник антилатинских сочинений.

³⁶ См. примеч. 2.

³⁷ См.: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 190. Согласно записи, сопровождающей поздний список фрагмента текста, перевод был сделан в 1347 г. на Афоне для царицы Елены, жены Стефана Душана (*Яцимирский А. И.* Описание южнославянских и русских рукописей зарубежных библиотек. Пг., 1921. Т. 1. С. 538).

³⁸ Единственный южнославянский (западноболгарский) список памятника — РГАДА, ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина), оп. 1, № 1696, датируется третьей четвертью XIV в.; русские списки известны с начала XV в. (ГИМ, Чуд. 168). Подробнее об этой редакции Кормчей и ее списках см.: *Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV—XVI вв.: Исследование. Тексты* / Изд. подгот. Е. В. Белякова, К. Илиевская, О. А. Князевская, Е. И. Соколова, И. П. Старостина, Я. Н. Щапов. М., 2002. С. 43—69. В последнее время выявлен еще один список этой редакции Кормчей в дополнение к уже известным: БАН, Арханг. С. 55, 1512 г. (атрибуция Е. В. Беляковой, Б. Н. Морозова и А. А. Турилова), по всей вероятности, либо восходящий к одному протографу с Уваровским списком 1510 г. (подробнее см. о нем там же, с. 94—96), либо списанный непосредственно с этого последнего (оба списка выполнены одним писцом — Васюком, поповым сыном Гавриловым, вычегжанином). Ранее рукопись не вполне точно характеризовалась как «Сборник канонических правил» (см.: *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV—XIX вв.: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 343).

³⁹ Южнославянские списки известны со второй четверти XIV в., например: 1) ГИМ, Хлуд. 76, л. 5—90 об. (среднеболгарский, втор. четв. XIV в. — почерк кодекса идентифицичен почерку 1-го (анонимного) писца Сборника 1345 г. с Хроникой Константина Манассиев (ГИМ, Син. 35) — см.: *Турилов А. А.* К истории тырновского «царского» скриптория XIV в. // Филологические исследования в чест на К. Иванова, за нейната 65-годишнина. София, 2005 (= Старобългарска литература. Кн. 33—34), С. 317—323; атрибуция текста — Е. В. Беляковой); 2) РНБ, Q.П.90 («Порфирьевский Номоканон»), среднеболгарский, третья четв. XIV в. (описание: Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1883 г. СПб.,

1884. С. 39—42) — ряд текстов по данному списку издан с комментариями: *Смирнов С. И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912. С. 136—137 (№ 21), 397—398 (§ 24); 143—149 (№ 25), 404—412 (§ 28); 3) София, Церковный историко-археологический музей, № 1160 («Номоканон иеромонаха Симеона»), среднеболгарский, посл. треть XIV в. (см.: *Христова Б., Караджова Д., Икономова А.* Български ръкописи от XI до XIV в., запазени в България: Своден каталог. София, 1982. Т. 1. С. 55—56, № 115; *Архивски Номоканон: Български ръкопис от XIV в.* / Фототипно издание. Шумен, 2007; на этот список любезно обратила мое внимание в декабре 2006 г. в Софии Д. Найденова); 4) РГБ, ф. 178, М. 3169 (среднеболгарский, посл. треть XIV в., бумага и пергамен), с большими утратами (см.: Музейное собрание [РГБ] / Описание. М., 1997. Т. 2. С. 62, № 541). Русские списки с первой четверти XV в. (около рубежа первого и второго десятилетий), например, выписки в датируемом этим временем Сборнике РНБ, Кирилло-Белозерское собр., XII (см.: Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв.: Сборник преподобного Кирилла Белозерского (РНБ, К-Б. XII). СПб., 2003); один из наиболее последовательно передающих (в отношении содержания) болгарский оригинал — РНБ, Соловецкое собр., № 858/968. Кормчая. 1493 г. (по сведениям Е. В. Беляковой).

⁴⁰ Старшие южнославянские списки относятся к третьей четверти XIV в. (Афон, Хиландарь, 640, л. 4 об. — 19). Русские списки примерно с рубежа первого и второго десятилетий XV в.: РНБ, собр. М. П. Погодина, № 876, л. 296—312 (орфография среднеболгарская с редкими русизмами — список, возможно, имеет афонское происхождение); Ярославль, Музей-заповедник, инв. 15479, л. 281—304; РНБ, Кирилло-Белозерское собр., XII, л. 255—273 об.; Там же, XV, л. 69—100. Исследование текста см.: *Белякова Е. В.* Славянская редакция Скитского устава // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 28—36; издание первоначальной редакции: *Она же.* Устав по рукописи РНБ, Погод. 876 // Там же. 2003. № 1 (11). С. 63—95; см. также: Энциклопедия русского игумена... С. 158—166, 345—353.

⁴¹ Южнославянские списки в настоящее время неизвестны, русский представлен в Сборнике богослужебном последней четверти XV в. — РГБ, собр. МДА фонд., № 77 (описание: *Леонид, архим. (Кавелин).* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящиеся в библиотеке Московской духовной академии. М., 1887. Вып. 2. С. 323—333)). Четыре текста кодекса (включая и упомянутый цикл чтений) скопированы полностью в третьей четверти XVI в. — РГБ, собр. ТСЛ фонд., № 804 (см.: *Иларий, Арсений, иером.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 3. С. 244—250).

⁴² См. примеч. 33.

⁴³ Южнославянские списки неизвестны, восточнославянские представлены как минимум в двух западнорусских рукописях последней четверти XV в. (РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 474, л. 333—339) и рубежа XV—XVI вв. (РНБ, Ф.1.211, л. 414—421), в которых они сопровождают Патерик скитский. Текст издан по второму из списков: *Палаузов С. Н.* Грамота патриарха Каллиста как новый источник по истории болгарской церкви // Изв. II Отд. Имп. АН. СПб., 1858. Т. 7. С. 149—160 (То же // *Палаузов С. Н.* Избранные труды. София, 1974. Т. 1. С. 343—359).

⁴⁴ Восточнославянская традиция перевода, выполненного в 1443 г. (см.: *Яцимирский А. И.* Из истории славянской проповеди в Молдавии. СПб., 1906. С. LXVIII, 78—83) представлена списками начиная с 1460-х гг. (РГБ, собр. ТСЛ фонд., № 177, л. 108 об. — 111 об.), южнославянская известна по молдавскому списку XVII в., изданному А. И. Яцимирским (там же). О тексте см.: РФА. М., 1987. Вып. 3. С. 576; *Ломизе Е. М.* Письменные источники

сведений о Флорентийской унии на Московской Руси в середине XV в. // Россия и христианский Восток. М., 1997. Вып. 1. С. 79—82.

⁴⁵ Старший русский список в том же сборнике (РГБ, собр. ТСЛ фонд., № 177, л. 111 об. — 113), что и грамота вселенских патриархов, издание и исследование текста см.: *Ломизе. Письменные источники...* С. 83—85. Южнославянская традиция текста не изучена.

⁴⁶ Подробнее о памятнике и его славянском переводе см.: *Былинин В. К.* Календарные эпиграммы Николая Калликла в южно-славянской и русской книжности XV—XVI вв. // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 39—50; *Турилов А. А.* Ранний славянский список календарных эпиграмм Николая Калликла («Птохопродрома») // Проблемы источниковедения истории книги: Межвуз. науч. сб. М., 2000. С. 78—83 (перевд. в наст. изд.).

⁴⁷ Единственный известный болгарский список (Париж, Нац. б-ка, Слав. 26) датируется по филиграням («литера Р под крестом» — знак очень близок к № 8458 альбома Ш. М. Брике: 1369 г., варианты до 1377 г.), почерку (полуустав тырновского типа) и орнаментике (заставка на л. 1, представляющая киноварный вариант византийского стиля) последней трети XIV в. (наблюдения автора осенью 2000 г.). Встречающаяся обычно в литературе датировка кодекса XV в. (*Черепнин Л. В.* Славянские и русские рукописи Парижской национальной библиотеки // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 222; *Станчев К.* Неизвестные и малоизвестные болгарские рукописи в Париже // *Palaeobulgarica*, 1981, № 3. С. 94; *Старобългарска литература / Энциклопедичен речник.* София, 1992. С. 382) ошибочна (для Черепнина как русского исследователя (к тому же не смотревшего филиграней кодекса) подобная ошибка вполне закономерна, но у Станчева здесь явно какая-то путаница: сказано, что «филигрань — буква R (плохо заметна, трудно восстановить), схожая с типами первой половины XV в.»), тогда как в реальности знак представляет латинскую литеру Р и вполне надежно отождествляется — см. выше). Наиболее подробно данная редакция перевода «Пчелы» была изучена и частично опубликована М. Н. Сперанским (Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исследование и тексты. М., 1904. С. 346—370; Прилож 4. С. 117—154). К слову, М. Н. Сперанский не исключал полностью возможности датировки кодекса концом XIV в. («Письмо — XV в., много, если конца XIV...») — Там же. С. 347), хотя почему-то считал, что его бумага не имеет водяных знаков (Там же). Русские списки этой редакции флорилегия, насколько знаю, пока не обнаружены, но ее оглавление находится в известном сборнике волынского происхождения третьей четверти XV в. (РГАДА, ф. 181, № 279, л. 9 об.), содержащем также Архивский хронограф и Летописец Переславля Суздальского (см.: Там же. С. 352—353; СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 386). Об отражении этой редакции «Пчелы» в позднейших южнославянских эротапокритических сборниках см.: *Кузидова И.* Южнославянска антология със сенценции «Панарет» // *Старобългарска литература.* София, 2005. Кн. 33—34 (Филологически изследвания в чест на Кл. Иванова, за нейната 65-годишнина). С. 341—355. Здесь уместно напомнить, что «Панарет» в восточнославянской традиции не известен.

⁴⁸ Наиболее полные сведения о памятнике (с предшествующей библиографией) см.: *Романова А. А.* Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. СПб., 2002. С. 93—114; *Она же.* Эсхатологические ожидания XV в. и записи в пасхалии // Российское государство в XIV—XVII вв.: Сб. статей, посвящ. 75-летию Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 217—242.

⁴⁹ О греческой редакции перечня см.: *Darrouzes J.* Notitia episcopatum Constantinopolitanae. Paris, 1981. P. 398, 401, 413; *Щанов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси. XI—XIII вв. М., 1989. С. 26. Славянский перевод дошел в составе Софийской I летописи, включен в статью 6395 г. (см.: ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 11; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 19—20). Его создание уместно связывать предположительно с митрополитом Фотием (1410—1431).

⁵⁰ Старший сербский список — София, НБКМ, № 771, л. 194—200 об. (издан факсимильно: Софијска илустрована Александрида / Фототипско издање. Београд, 1987. С. 194—200); старшие русские — РНБ, Кир.-Бел., № 11/1088 (Сборник Ефросина), 1490е гг., л. 198—204; РГБ, Волок., № 390, кон. XV — нач. XVI в., л. 1—5 (см.: *Казан М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 172—173, 175).

⁵¹ О памятнике и его авторе см.: ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 440—441.

⁵² Старшие русские списки эпистолярия, содержащего образцы 6 посланий (ГИМ, Музейск. № 1009, л. 75—77 об., 117—117 об.; Ярославль, Музей-заповедник, инв. 15231, л. 259—260 об.), датируются 1410-ми гг., описаны и изданы (*Плигузов А. И., Турилов А. А.* Древнейший южнославянский письмовник третьей четверти XIV в. // Русский феодальный архив. М., 1987. Вып. 3. С. 555—556, 563—566; 556—561, 566—568). К тому же (и даже несколько более раннему) времени относятся первые примеры его практического использования на Руси. По формуляру послания «к старцу велику» написано послание «грешного Фоки» архимандриту Дионисию (вероятно, спасо-каменскому — не позднее 1389 (?) — до июля 1418 г.), скопированное писцом пергаменной Триоди Постной 1409 г. (РГАДА, ф. 181, № 760. Л. 148); текст издан (как «послесловие, переписанное из оригинала»): *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV вв. М., 1980. Кат. № 99 (определение содержания см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА. М., 2000. С. 346—347). Формуляру послания «к царю или князю» следует послание Григория Цамблака, извещающего великого князя Тверского Ивана Михайловича о своем избрании на киевскую кафедру (1415 г.), дошедшее в списке последней четверти XVII в. — ГИМ, Музейск. № 1209 (*Турилов А. А.* Послание митр. Григория Цамблака великому князю Ивану Михайловичу Тверскому (1416): Формуляр, смысл, контекст эпохи // Търновска книжовна школа / Шести международен симпозиум: Тезиси. Велико Търново, 1994. С. 6). Южнославянская (точнее — славяно-молдавская) традиция представлена единственным списком второй половины (?) XVI в. (Бухарест, БАН Румынии, Слав. 219. Л. 260 об. — 261 об.), однако ее связь с русской, как я понимаю теперь, достаточно проблематична (скорее можно говорить о типологическом и структурном сходстве этих эпистоляриев) и нуждается в специальном исследовании (текст издан: *Яцимирский А. И.* Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. СПб., 1908. Вып. 1. С. 88—91; переизд.: *Плигузов, Турилов.* Древнейший южнославянский письмовник... С. 569—570 — при публикации указан старый шифр). В настоящее время у меня вызывает сильнейшие сомнения сербское происхождение этого письмовника (хотя на момент написания статьи я принял точку зрения А. И. Плигузова, предложившего данную версию), поскольку в сербской традиции XIV—XVII вв. с ее развитой канцелярской и эпистографической культурой нет никаких следов знакомства с ним. Более вероятно, что это либо болгарский памятник второй половины (скорее даже последней четверти) XIV в., либо он создан (или переведен) непосредственно в канцелярии митрополита Киприана.

⁵³ Перевод или составление этих толкований (греческая традиция которых не выявлена) датируется временем между первой половиной XIV в. (болгарская редакция перевода сборника *басен*) и 1470-ми гг. (дата старших дошедших русских списков). Южнославянские списки «Стефанита и Ихнилата» с толкованиями неизвестны. По русским текст издан: «Стефанит и Ихнилат»: Средневековая книга *басен* по русским рукописям XV—XVII вв. Л., 1969. С. 7—26, 44—45 (см. также с. 178, 179, 182—183, 198—199).

⁵⁴ Легче, пожалуй, перечислить здесь памятники, которые хотя бы фрагментарно присутствуют в южнославянской традиции XI—XIV вв. Это, например (помимо житий и гомилией в составе торжественников): Поучения огласительные Кирилла Иерусалимского,

Лествица Иоанна Лествичника, Паренесис Ефрема Сирина, Пандекты Антиоха Черноризца, Исповедание веры с именем Константина Философа в заглавии, «Церковное сказание» патриарха Германа, Златоструй краткой редакции (не в полном объеме), часть Изборника царя Симеона, обширное житие-«роман» Панкратия, еп. Тавроменийского, житие Иоанна Милостивого, ответы Афанасия Александрийского на вопросы Антиоха, апокрифическое Никодимово Евангелие и ряд других.

⁵⁵ Подробнее о специфике репертуара славяно-румынской (преимущественно славяно-молдавской) книжной традиции XV—XVI вв. см.: *Mihăilă G. Langue et culture roumaines dans l'espace Sud-Est Europeen / Румынский язык и культура в Юго-Восточной-Европе.* Бухарест, 2001. P. 291—348, 390—397; *Паскаль А. Д.* Источники по истории славяно-молдавской книжности XV—XVI вв. (по материалам хранилищ Москвы и Ленинграда): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991; *Турилов А. А.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв. // *Хризограф.* М., 2005. Вып. 2. С. 141—142, 157—161; *Mircea I. R. Repertoire des manuscrits slaves en Roumanie: auteurs byzantines et slaves.* Sofia, 2005 (данная работа учитывает, впрочем, в большей степени репертуар не собственно славяно-румынских рукописей, а славянских рукописей (независимо от их происхождения) в хранилищах Румынии); *Иванова К.* *Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica.* София, 2008 (перечень источников).

⁵⁶ Об орфографических особенностях старших русских списков, указывающих на южнославянское (болгарское) происхождение архетипа, см.: *Прохоров Г. М.* Прение Григория Паламы... С. 348.

⁵⁷ Хотя памятник известен только в русских списках, южнославянское происхождение если не перевода, то переводчика (Димитрия Зографа) не вызывает сомнений у исследователей (см.: *История русской литературы.* М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 184—186; СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 196; о языке перевода подробнее см.: *Радюшев И.* Шестоднев Георгија Писиде и његов словенски превод. Београд, 1979. С. 99—124). При этом следует иметь в виду, что устойчивое (не имеющее в дошедших списках XV—XVII вв. вариантов) свидетельство приписки о переводе сочинения на «русский» язык может иметь тройное объяснение: 1) перевод был сделан южным славянином на Руси; 2) он был выполнен на Балканах, но для русского заказчика; 3) определение языка перевода как «русский» появилось в восточнославянских списках вм. первоначального «словенский» или даже «болгарский» (ср.: *История русской литературы...* С. 185); примеры такой «национализации» церковнославянского языка известны и по другим средневековым памятникам. Правда, ни одна из этих версий не объясняет в полной мере причины отсутствия южнославянских (и славяно-румынских) списков «Шестоднева» Георгия Писиды.

⁵⁸ В южнославянской (ресавской по орфографии) рукописной традиции XV—XVI вв. известен лишь перевод «Сказания..., како Варлаам изобрете и состави свою ересь» (ПЭ. М., 1906. Т. 13. С. 586). См. также примеч. 34.

⁵⁹ История редактирования текста памятника в промежутке между 1402 и 1427 гг. зафиксирована в пространном предисловии к нему сербского книжника инока Григория, работавшего в Хиландарском монастыре на Афоне (*Бодянский О.* Паралипомен Зонарин // ЧОИДР, 1847. Кн. 1. С. а—е; *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Београд, 1905 (репринт — 1984). Кн. 3. С. 47—50, № 4953); см. также: СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 493.

⁶⁰ О судьбе памятника в славянской традиции см.: *Пиотровская Е. К.* Византийские хроники IX в. и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора) // ППС. СПб., 1998. Вып. 97 (34). С. 1—174; Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 49—51, № 13; а также: *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы... С. 28, 118, 147, 191; Летописец

Еллинский и Римский. СПб., 2001. Т. 2 / Комментарий и исследование. О. В. Творогова. С. 114, 116, 191—192, 199.

⁶¹ История славянского перевода текста рассмотрена С. Н. Палаузовым (см. выше, примеч. 44).

⁶² См. выше, примеч. 49.

⁶³ См. о них: *Алексеев*. Текстология... С. 133—140. Старший из них — так называемая «Евфимиевская Библия» (или «Библия Евфимия, патриарха Тырновского») — РНБ, Ф.1.461 (СК XIV. Вып. 1, № 64), среднеболгарского извода, датируется третьей четвертью XIV в., остальные существуют (лет на 100) моложе. В настоящее время в Болгарии начато издание этого текста, в свет вышло 2 тома («Старобългарският превод на Стария Завет» / Под общата ред. и с въведение на С. Николова. София, 1998. Т. 1 (*Златанова Р.* Книга на дванадесетте пророци с тълкования); София, 2003. Т. 2: Книга на пророк Иезекиил с тълкования / Изд. е подгот. от Л. Тасева, М. Йовчева). К этой же версии восходят, как считается в литературе (см.: *Николова С.* К истории текста книг Царств в славянской письменности // *Jews and Slavs*. Jerusalem, 1995. Vol. 3. С. 54—68; *Алексеев*. Текстология... С. 190; ср.: *Булатова Р. В.* К диалектной характеристике рукописи 1418 г. «Книги Царств» на основе акцентологического анализа // Проучаване средновековних јужнословенских рукописа. Београд, 1995. С. 53—70), и дополнительно отредактированные сербскими книжниками по заказу деспота Стефана Лазаревича ок. 1416—1418 гг. Книги Царств (Одесса, ГНБ, 1/106), в русской традиции также не получившие известности.

⁶⁴ Старшие сербские (ресавские по орфографии) списки: 1) ГИМ, Син. 36 (ч. 1) и 37 (ч. 2), 1426 г., привезены Арсением Сухановым из монастыря Св. Павла на Афоне (*Горский, Невоструев*. Описание... М., 1858. Отд. 2. Ч. 2. С. 45—46, 47—48; № 61, 62); 2) Хиландарь, № 402 (ч. 1) и 403 (ч. 2), переписаны в 1447 г. для Гргура Бранковича, сына деспота Гюрга (см.: *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 157—158); 3) Белград, Патриаршая б-ка, № 120, 1451 г., переписан для сербского патриарха Никодима (Изложба српске писане речи. Београд, 1973. С. 58, № 189); 4) Болгария, Рильский монастырь, 4/2 (1 л. — РГБ, собр. В. И. Григоровича, № 52. 3 / М. 1734. 3), 1480—1481 г. (*Христова, Караджова, Икономова*. Български ръкописи... С. 82, № 193; *Ангелов Б. С.* Из старата българска, руска и србска литература. София, 1967. Кн. 2. С. 254—258). О языке перевода (который «вообще очень хорош») см.: *Горский, Невоструев*. Описание... С. 50—53. Те же авторы (С. 45—46) однозначно отождествляют переводчика с соименным ему «кир Иаковом доброписцем», переведшим (также на Афоне) в 1425 г. для русского монаха Евсевия-Ефрема «от греческа на русииски» Слово Максима Исповедника «по вопросу и ответу» (*Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // ТОДРЛ., Л., 1968. Т. 23. С. 178, 195—196, № 12). Вздорнов также отождествляет двух Иаковок и считает, что переводчик работал в афонском монастыре Св. Павла. Вопрос, однако, нуждается в углубленном специальном изучении, даже если оставить в стороне определение языка, на который был сделан перевод (ср. выше пример с другим «Шестодневом» — поэмой Георгия Писиды). Дело в том, что один из старших списков Слова Максима Исповедника (РГБ, собр. ТСЛ, № 175, 1431 г.) имеет выдержанное среднеболгарское (тырновское) правописание (см.: *Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 162—165, 403, № 85), тогда как писец «Шестоднева» 1426 г. последовательно пользуется сербской ресавской орфографией (разумеется, нельзя исключить возможности болгаризации правописания Троицкого списка 1431 г. его русским писцом — монахом новгородского Лисицкого монастыря Серапионом).

⁶⁵ *Алексеев*. Текстология... С. 190, 209—210. Перевод сохранился в ряде ресавских списков XVI—XVII вв. (см.: *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки: Изследване и текст. София, 1986. С. 527—529). Издание текста см. там же. С. 532—545.

⁶⁶ Факт существования двух южнославянских переводов, отличных от древнейшего, содержащегося в пергаменной русской рукописи 1393—1394 г. (ГИМ, Чуд. 6), установлен в последнее время И. Христовой-Шомовой (см.: *Христова-Шомова И.* Двата славянска превода на катената на Книга Йов // *Palaeobulgarica*. 2006. № 2. С. 3—26; *Она же.* Книга Йов с тълкувания в славянски превод. София, 2007. С. 11—20). Старший сербский список (1412 г.) первого из новых переводов — ГИМ, Син. 202 (описание см.: *Горский, Невоструев*. Описание... Отд. 2. Ч. 2. С. 53—59, № 63), младший — Бухарест, БАН Румынии, Слав. 96, 1503 г.; подробнее о особенностях перевода и рукописной традиции — *Христова-Шомова И.* Двата славянска превода... С. 3—26; ср.: *Алексеев*. Текстология... С. 36, 190—191).

⁶⁷ Новейшее издание копийной записи, содержащей сведениями о переводе, с комментариями, см.: *Христова Б., Караджова Д., Узунова Е.* Бележки на българските книжовници. X—XVIII в. София, 2003. Т. 1 (X—XV в.). С. 57—58, 171; № 80.

⁶⁸ *Алексеев*. Текстология... С. 188—189.

⁶⁹ Там же. С. 190.

⁷⁰ Подробнее о памятнике см.: *Горский, Невоструев*. Описание... Отд. 2. Ч. 1. С. 30—31, № 55 (список датирован здесь XV в.); То же. М., 1869. Отд. 3. Ч. 1. С. 163—164, 197—198; № 374; *Буланин*. Античные традиции... С. 159—161.

⁷¹ Старший список сербский — Белград, МСПЦ, № 176 / Крушедол Ж IV 43 (описание рукописи — *Петковић С.* Опис рукописа манастира Крушедола. Сремски Карловци, 1914. С. 119—131, № 63; датировка — *Станковић Р.* Рукописне книге Музеја Српске Православне Цркве у Београду: Водени знаци и датирање. Београд, 2003. С. 56), младшие (ресавские по орфографии) в сборниках известного южнославянского книжника XVI в. Виссариона Дебрского (София, Б-ка Болгарской АН, Слав. 82; НБКМ, № 311). О памятнике и его списках см.: *Ангелов Б. С.* Страници из историята на старобългарската литература. София, 1974. С. 143—149; *Она же.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. С. 190—195 (XII), 215—217 (XIX). К сожалению, из существующих описаний трудно понять, как соотносится с этой группой списков современный старшему из них среднеболгарский из собрания Зографского монастыря, № 125 (П.д.12; 1 л. из рукописи — РНБ, F.1.641 — СК XIV, № 70), не упоминаемый в связи с данным переводом (описание рукописи см.: *Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994. С. 86, 273; табл. 127).

⁷² О памятнике и его славянском переводе см.: *Иванова К.* О славянском переводе «Паноплии догматики» Евфимия Зигабена // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 101—105. *Георгиева-Гагова Н.* Един вероятен преводачески автограф от първата четвърт на XV в. (Оште веднъж за ранния славянски превод на «Догматическо всеоръжие» от Евтимий Зигавин) // *Palaeobulgarica*. 2001. № 1. С. 79—94. Текст известен в сербских (ресавских по орфографии) списках: 1) Одесса, ГНБ, № 1108/P556, л. 1—36 (о датировке см.: *Василев Л.* Орнаментика, повез и ново датиране српских рукописа Универзитетске библиотеке «А. М. Горког» у Одеси // Сборник Музеја применене уметности, 1975—1976, св. 19—20. С. 163—164); основная часть рукописи — Бухарест, БАН Румынии, Слав. 296, перв. четв. XV в., без кон., текст обрывается на титле 22 (отождествление частей К. Ивановой). Описание бухарестской части кодекса см.: *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905 (Нац. музей древностей, № 141); *Panaiteescu P.* Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR. Bucureşti, 1959. Vol. 1. P. 395—396; о датировке — *Васильев Љ., Гроздановић М., Јовановић Б.* Ново датирање српских рукописа у Библиотеци

Румунске Академије наука // Археографски прилози, 1980. [Књ.] 2. С. 56, № 60; 2) Загреб, Архив ХАЗУ, III а 47, 1469 г. (Сборник Владислава Грамматика), л. 739 об. — 752 (только предисловие — см.: *Mošin V. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije*. [Zagreb], 1955. Dio 1. S. 61, 67, № 31; *Христова Б.* Опис на ръкописите на Владислав Граматик. Велико Търново, 1996. С. 25—26, 41); 3) там же, III с 16 (Миханович 18), сер. XVI в. (*Mošin. Ćirilski rukopisi...* S. 111—113, № 56); 4) Хиландарь, № 186, сер. XVI в. (*Богдановић.* Каталог... С. 104).

⁷³ См. ниже, примеч. 98.

⁷⁴ Описание рукописи и издание славянского перевода см.: *Турилов А. А., Ломизе Е. М.* Неизвестный памятник греко-латинской полемики XIII в. в болгарской рукописи XIV в. (отрывки сочинения Иоанна Грассо о собеседовании Николая-Нектария Отрантского с римским папой) // Византийские очерки / Труды рос. ученых к XIX Междунар. конгрессу византистов. М., 1996. С. 245—257. В творчестве Иоанна Грассо это сочинение занимает изолированное место — см., напр.: *Бухвалд В., Хольег А., Принц О.* Речник грчких и латинских писаца Антике и Средњег века (Тускулум лексикон). Београд, 1984. С. 140.

⁷⁵ Греческий текст и славянский перевод похвалы (по венскому списку) изданы: *Прохоров Г. М.* Иоанн Кантакузин. Диалог с иудеем. Славянский XIV в. и современный переводы. Слово 1 // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 332—333.

⁷⁶ Средневековый сербский перевод издан по тому же списку: То же. Слово 2 // Там же. Л., 1989. Т. 42. С. 200—227; Слово 3 // Там же. Л., 1990. Т. 43. С. 305—323; Слово 4 // Там же. Л., 1990. Т. 44. С. 226—245; Слово 5 // Там же. СПб., 1992. Т. 45. С. 390—398; Слово 6 // Там же. СПб., 1993. Т. 46. С. 270—286; Слово 7 // Там же. СПб., 1993. Т. 47. С. 164—199; Слово 8 // Там же. СПб., 1993. Т. 48. С. 151—186; Слово 9 // Там же. СПб., 1996. Т. 49. С. 339—355.

⁷⁷ Описание рукописи см.: *Яцимирский А. И.* Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек. Пг., 1921 (= Сб. ОРЯС. Т. 98. Кн. 2). С. 146, № 112 (34); *Birkfellner G.* Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975. S. 124—126, № II/39; *Проловић Ј.* Српски рукописи XIII и XIV в. у Бећу и манастир Хиландар // Хиландарски зборник. Београд, 1986. [Бр.] 6. С. 213—215.

⁷⁸ См.: *Mircea. Repertoire...* P. 81—82, № 359. Иными сведениями о рукописи я не располагаю и пользуюсь случаем поблагодарить коллегу проф. Й. М. Райнхарта (Венский университет), указавшего мне этот список. Кроме того, в сербском сборнике второй четверти XV в., принадлежавшем до XVIII в. афонскому монастырю Св. Павла (Бухарест, БАН Румынии, Слав. 157, л. 53—56) содержится 5 поучений с именем того же автора: «О тречистом душе и о естествах», «О вере», «О законе нечестивых», «О истине», «О немощи различия душ и тела». См.: *Яцимирский.* Славянские и русские рукописи... (Нямец, № 92); *Rapaitescu. Manuscrisele slave...* P. 233—234; *Mircea. Repertoire...* P. 82, № 360—364. О датировке рукописи (относительной предшествующими исследователями к XVI в.) см.: *Васильев, Гроздановић, Јовановић.* Ново датирање... С. 51, № 22.

⁷⁹ Описание см.: *A Union Catalogue of Cyrillic Manuscripts in British and Irish Collections / Compiled by R. Cleminson.* London, 1988. P. 205—206, № 135.

⁸⁰ Описание рукописи: *Яцимирский.* Славянские и русские рукописи... (Нямец, № 80); *Rapaitescu. Manuscrisele slave...* P. 183—188 (датирована XVI в.); *Mircea. Repertoire...* P. 125, № 649—653; о датировке см.: *Васильев, Гроздановић, Јовановић.* Ново датирање... С. 49, № 15.

⁸¹ О ранних (не позднее середины XV в.) сербских списках памятника см., к примеру: ПС XI—XIV, № 730; *Богдановић Д.* Каталог... С. 129, № 299, 300; *Он же.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI—XVII в.). Београд, 1982. С. 99—100, № 1415—1419; Древнейший известный мне болгарский список Синтагмы (РГИА, ф. 834, оп. 3, № 2037) датируется по филиграммам последней трети XIV в. Подробнее о нем см.: *Бенешевич В. Н.*

Два списка славянского перевода Синтагмы Матвея Властаря, хранящиеся в Санкт-Петербургской синодальной библиотеке. Описание их и тексты неизданных статей // ИОРЯС. СПб., 1901. Т. 6. Кн. 4. С. 150—227.

⁸² См., напр., только в хранилищах России: ГИМ, Барс. 151 (1444 г., с Законником Душана); РНБ, Ф. II. 152 (1451 г.); РГБ, Егор. 742 (1474 г.); РНБ, Погод. 254 (1495 г.).

⁸³ См.: *Калужницкий Е. И.* Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в библиотеках и архивах львовских // Труды IV Археологического съезда в Киеве. Киев, 1878 Т. 2 (отд. оттиск — Киев, 1877) С. 258—262; Библиотека Ивана Грозного... С. 20, 53 (№ 94), 83 (примеч. 73).

⁸⁴ Издание текста со вступительной статьей: *Радочичић Ђ. Сп.* Српски рукопис Земљорадничког закона // Сборник радова САН. Београд, 1955. Т. 44 (Византолошки институт САН. Књ. 3). С. 15—28; о памятнике см. также: *Марковић Ј.* Земљораднички закон // Сборник Правног факултета у Ријеци. Ријека, 1983. К 3. С. 85—121; *Марковић Б.* Аграрни односи у средњовековној Србији према хиландарским рукописима Земљорадничког закона и Закона цара Јустиниана // Проучавање средњовековних јужнословенских рукописа. Београд, 1995. С. 251—260.

⁸⁵ См.: *Sarkić S.* Quellen des mittelalterlichen serbischen Rechts // Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. Zagreb, 1989. Br. 2. S. 173—186; *Марковић.* Аграрни односи...

⁸⁶ О греческом тексте см., напр.: *Poppe A.* Państwo i Kosciół na Rusi w XI w. W-wa., 1968. S. 29—32. Славянский перевод не известен, в литературе не издан. Единственное упоминание о нем (со ссылкой на автора этих строк как источник информации и на тот же отрывок): *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 349. Примеч. 4. Удивительным образом сохранившийся фрагмент начинается с известия о перемещении «в Русию» севастиийского митрополита Феофилакта.

⁸⁷ Издание и лингвистическое исследование текста см.: *Селищев А. М.* «Завет первой Юстиниани» // Македонски преглед. София, 1934. Кн. 2. С. 9—16; Листы, на которых содержится памятник (см.: Музейное собрание: Описание. М., 1997. Т. 2 (№ 3006—4500). С. 33—34, № 484), происходят из сборника Зографского монастыря на Афоне, № 105 (II. д. 4); см. также: Славянские рукописи афонских обителей. С. 323—324, № 811.

⁸⁸ До последнего времени эти переводы метафрастовских житий были известны в сербских ресавских списках не ранее середины XV в. (старший (1456 г.) — Загреб, ХАЗУ, IIIb20; см.: *Иванова К.* Bibliotheca hagiographica... С. 170—171). Однако ок. 2000 г. в Афинскую Нац. библиотеку был предложен для покупки сербский Торжественник, состоящий по всей видимости, целиком из новопереведенных агиографических текстов в редакции Метафраста, исключительный по каллиграфии и датируемый по почерку не позднее третьей четверти XIV в. Кодекс не был приобретен библиотекой и его современное местонахождение, к сожалению, неизвестно, однако благодаря снимкам, любезно предоставленным автору этих строк Д. Е. Афиногеновым, известно время его написания и определена (К. Ивановой) редакция текстов. Специфике корпуса переводных житий в средневековых южно- и восточнославянской традициях был посвящен доклад К. Ивановой «Житийно-панегирический репертуар балканский календарных сборников в сравнении с составом Великих Миней-четьих митрополита Макария» на традиционной конференции журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», проходившей в конце сентября — начале октября 2009 г. (текст будет опубликован в одном из ближайших номеров журнала). См. также: *Иванова К.* Житийно-панегиричното наследство на Търновската книжовна школа в балканската ръкописна традиция // Търновска книжовна школа. София, 1980. Кн. 2. С. 193—214; *Она же.* Агиографските произведения на Симеон Метафраст в състава на южносла-

вянските календарни сборници // Преводи през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 249—268.

⁸⁹ Издание и исследование текста см.: *Сърку П. А.* Монаха Григория Житие преподобного Ромила. СПб., 1900 (ПДПИ, № 136); о греческом тексте памятника — *Halkin F.* Un ermite de Balkans au XVIe siecle. La vie greque inedite de saint Romylos // Byzantion, 1961. P. 111—147.

⁹⁰ Издание славянского текста см.: *Златарски В. Н.* Житието на св. Теодосия Търновски // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1904. Кн. 2 (20). С. 1—41; исследования: *Радченко К. Ф.* Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898. С. 169—232; *Сърку П. А.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1. С. 141—241; *Киселков В. С.* Житието на св. Теодосий Търновски като исторически паметник. София, 1926; *Иванова К.* Някои моменти на българо-византийските литературни връзки през XIV в. // Старобългарска литература. София, 1971. Кн. 1. С. 209—242.

⁹¹ Издание и исследование греческого текста см., напр.: *Сперанский М. Н.* Сербское житие литовских мучеников // ЧОИДР, 1909. Кн. 1. С. 1—48; *Baronas D.* Trys vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija. Vilnius, 2000. P. 200—243 (с параллельным переводом на литовский яз.); см. также: *Огицкий Д. П.* К истории виленских мучеников // БТ. М., 1984. Сб. 25. С. 238—242. Славянский перевод похвального слова Михаила Вальсамона остался неизвестен М. Н. Сперанскому, так как сборник Гавриила 1438 г., содержащий этот текст, не был ранее описан А. И. Яцимирским среди рукописей Немецкого монастыря (кодекс в то время отсутствовал на месте — был выслан в Бухарест), а кодекс из Библиотеки Синода Румынской Православной Церкви был введен в научный оборот лишь сравнительно недавно. К сожалению, и в наше время новейший литовский исследователь памятника Д. Баронас не смог получить копий ни одного из списков из Бухареста.

⁹² Краткое описание рукописи: *Panaitescu P.* Manuscrisele slave... P. 245—248; *Иванова.* Bibliotheca hagiografica... С. 117—118, № 112.

⁹³ Описание см.: *Томова Е.* Сборник БСС, III, 26 от библиотеката на Светия Синод в Букурещ // Старобългарска литература. София, 1994. Кн. 28—29. С. 119—124; *Иванова.* Bibliotheca hagiografica... С. 54—55, № 6.

⁹⁴ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси (СККДР). Л., 1987. Вып. 1 (XI—XIV в.). С. 469; *Трифунувий Ђ.* Азбучник српских средњовековних књижевних појмова. 2-е изд. Београд, 1990. С. 365; *Стара българска литература: Энциклопедичен речник.* София, 1992. С. 499—500.

⁹⁵ СККДР. С. 474—475; *Стара българска литература...* С. 502—503.

⁹⁶ СККДР. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2 (Л—Я). С. 492—494; *Иванова К.* Агиографските произведения на Симеон Метафраст в състава на южнославянските календарни сборници // Преводи през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 249—268. *Бошков М.* О словенској редакцији хронике Јована Зонаре (О рукописима, редакцијама и именувању њеног жанра // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза X—XX в. Нови Сад, 1993. С. 105—132.

⁹⁷ *Лавров П. А.* Южнославянская переделка Зонары // Византийский временник. СПб., 1894. Т. 4. Вып. 3—4. С. 452—460.

⁹⁸ *Радосевич Н.* Словенски превод «Шестоднева» Василија Великог // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1985. Књ. 14/1. С. 157—165; *Она же.* Григорија Ниског посланица епископу Петру «О лику човечем» у хиландарском рукопису 405 // Осам векова Хиландара: Историја, духовни живот, књижевност, уметност и архитектура. Београд, 2000. С. 371—380.

⁹⁹ См.: *Джурова А., Станчев К., Янунджич М.* Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека. София, 1985. С. 193—195, № 100.

¹⁰⁰ О памятнике и его изданиях см.: *Горова С.* Словога за светите места в Бдинския сборник: Текстологичен анализ // Старобългарска литература. София, 1990. Кн. 22. С. 64—89.

¹⁰¹ *Александров А.* Физиолог // УЗ Казанского унта. 1893. Т. 10, № 3. С. 43—74; № 4. С. 81—104 (здесь рукопись ошибочно датирована XVI в.); о современной датировке см.: *Tachiaos A.-E. N.* The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981. P. 59.

¹⁰² См.: *Катић Р.* Хиландарски медицински кодекс бр. 517 // Сборник радова Института за медицинска истраживања САНУ. Београд, 1960. Бр. 8. С. 71—118; *Грмек М. Д.* Садржај и порекло хиландарског медицинског кодекса бр. 517 // Споменик САНУ. Београд, 1961. Бр. 110. С. 31—44; Хиландарски медицински кодекс бр. 517 (Фототипно изд.). Београд, 1980.

¹⁰³ Старший список содержится в дополнениях к сербской лицевой «Александрии» второй четверти XV в. (София, НБКМ, № 771, л. 200 об. — 204 об.). Текст по данному списку неоднократно издавался: 1) *Цонев Б.* Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. София, 1923. Т. 2. С. 433—434; 2) Софијска илустрована Александрида: Фототипско издание. Београд, 1987. С. 200—204; 3) *Турилов А. А., Чернецов А. В.* Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ, Л., 1985. Т. 40. С. 342—344 (Прилож.). О других списках и изданиях текста см.: Там же. С. 262; *Сперанский М. Н.* Из истории отреченных книг. СПб., 1899. Вып. 1 (Гадания по Псалтыри). Прилож. С. 15—20.

¹⁰⁴ Подробнее о славянской рукописной традиции Слов постнических Исаака Сирина см.: *Гранстрем Е. Э., Тихомиров Н. Б.* Сочинения Исаака Сирина в славяно-русской письменности // ВЦИ. 2007. № 1 (5). С. 134—197. Строго говоря, следы знакомства русских книжников с 1-й редакцией перевода памятника имеются, но они подчеркнута изолированы на фоне развитой традиции, отражающей 2-ю редакцию (Там же. С. 165. Примеч. 56). Сербский список первой четверти XIV в. (РГБ, МДА фонд., № 151.П), на широких полях которого известный русский книгописец первой трети XV в. Евсевий-Ефрем поместил все разночтения этой редакции со второй, был привезен с Афона в Россию только в 1840-х гг. А. Н. Муравьевым (Там же. С. 139, 162). Список третьей редакции (совмещающий в себе особенности обеих предшествующих) нач. XV в. (ГИМ, Увар. 54-F — см.: Там же. С. 140, 149—150, 163, 171) не отразился в последующей традиции. Наконец, в списке 1485 г. (Архив СПб Ин-та истории, колл. Н. П. Лихачева, оп. 1, № 360), относимом к первой редакции (см.: *Федотова М. С.* К вопросу о славянском переводе Постнических слов Исаака Сирина (по рукописям XIV — начала XVI вв. петербургских хранилищ) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 502, № 3), текст ее представлен отнюдь не в чистом виде (*Гранстрем, Тихомиров.* Сочинения Исаака Сирина... С. 170. Примеч. 97а).

¹⁰⁵ См., напр.: *Сергеев А. Г.* 1) Наблюдения над сборником гомилий РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 116/241 // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 100—135; 2) Рукописная традиция «Дионисиева Маргарита» // *Slavia Orthodoxa: Език и култура / Сборник в чест на проф. Румяна Павлова.* София, 2003. С. 351—357; 3) К проблеме существования сербского Маргарита // *Љубав према образовању и вера у Бога у православному манастирима / Love of Learning and Devotion to God in Orthodox Monastery.* Београд; Columbus, 2006. Књ. 1. С. 313—318.

¹⁰⁶ См.: *Пентковский А.* Иерусалимский устав и его славянские переводы в XIV столетии // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 153—172.

¹⁰⁷ О переводах Стишного пролога см.: *Богдановић Д.* Две редакције Стишовног пролога у рукописној збирци манастира Дечана // Упоредна истраживања. Београд, 1976. [Књ.] 1.

С. 37—72; Петков Г. Стишният Пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV—XV в.): Археография, текстология и издание на проложни стихове. Пловдив, 2000; Стойкова А. Чудесата на св. Георги от Стишния пролог в балканската кирилска традиция // КМС. София, 2001. Кн. 14 (Език и история на българските средновековни текстове: Сборник в чест на Е. Дограмаджиева). С. 152—164; Тасева Л. Параллелни южнославянски преводи Стишного пролога и триодних синаксарей // *Byzantinoslavica*. Praha, 2006. Vol. 64. С. 169—184.

¹⁰⁸ См.: Тасева Л. (*Taseva L.*). 1) Die Synaksarien zum Triodion und Pentikostarion in süd-slawischen Übersetzungen des 14. Jahrhunderts // *Zeitschrift für slavische Philologie*, 2002. Bd. 61. № 1. S. 25—40; 2) Триодните синаксари у южните славяни през 14 в. (Постен цикл) // Славянска филология. София, 2003. Кн. 23. С. 5—17; 3) Книжните взаимоотношения между Святий горой и Тырново в свете текстовой традиции Триодного синаксаря // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 185—204; 4) Лесикалната вприативност в преводите на триодните синаксари от XIV в. // *Palaeobulgarica*. 2004. № 4. С. 43—68; 5) Единство и многообразието на преводачките норми през XIV в. (По материал от два южнославянски преводи на триодните синаксари) // Старобългарска литература. София, 2005. Кн. 33—34 (Филологически изследвания в чест на Климентина Иванова за нейната 65-годишнината). С. 445—457; 6) Анонимный сербский переводчик XIV в. и его современники (Лексическая инновативность как признак индивидуального стиля) // *Iter philologicum: Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag*. München, 2006 (= *Welt der Slaven*. Bd. 28). С. 209—221; 7) Параллелни южнославянски преводи...; 8) Третиат южнославянски превод на триодните синаксари (атрибуция на няколко синаксарни текста) // Манастир Бањска и доба краља Милутина. Ниш; Косовска Митровица; Манастир Бањска. 2007. С. 337—349.

¹⁰⁹ Лихачева О. П. «Стефанит и Ихнилат» в русской рукописной традиции // «Стефанит и Ихнилат»... С. 189—190. В новейшем справочнике по древнерусской литературе (СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 417—421) факт существования двух редакций перевода этой книги басен, хорошо известный и А. И. Соболевскому (Переводная литература... С. 23), почему-то не отмечен.

¹¹⁰ Уместно напомнить, что этому предшествовал у южных славян почти столетний период использования служебных и праздничных Миней с чтениями из нестишного Пролога (в русском богослужебном обиходе также неизвестных).

¹¹¹ Стойкова. Чудесата на св. Георги от Стишния пролог...; Тасева. Параллелни южнославянски преводи... Стоит отметить также, что на этот факт еще ранее неоднократно указывала в устных выступлениях К. Иванова.

¹¹² Таковы, к примеру, Миней служебная на февраль и июль конца XVI в. — РГБ, Музейное собр., № 3176 (см.: Музейное собрание: Описание. Т. 2. С. 64—65) и Миней праздничная XVI в. — Брашов (Румыния), Шкеянский музей при церкви св. Николая, № 10 (Николова С. За возникването на проложното Методиево житие // Литературознание и фолклористика: В чест на 70-годишнината на акад. Петр Динев. София, 1983. С. 90—92). Вопреки мнению автора последнего исследования брашовская рукопись по происхождению не молдавская, а украинская.

¹¹³ Разумеется, в данном случае речь идет не о копировании молдавских рукописей, а об ориентации на представленную в них модель.

¹¹⁴ См.: Турилов А. А. Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв. // Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С. 143—144, 165.

¹¹⁵ См., напр.: Коран Д. Света Гора под српском влашћу (1345—1371). Београд, 1992 (= ЗРВИ. Кн. 31).

¹¹⁶ Турилов А. А. К отождествлению частей некоторых фрагментированных сербских рукописей XIV в. // Археографски прилози. Београд, 2004—2005. Бр. 26—27. С. 137—139. Примеч. 6.

¹¹⁷ Подробнее об этом см.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 98—110; Анисимова Т. В. Распространение и бытование древнерусских списков Хроники Георгия Амартола в XIV—XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005; Она же. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV—XVII вв. М., 2009. С. 20—275.

¹¹⁸ См. выше, примеч. 59.

¹¹⁹ Интересные наблюдения по этому поводу см.: Гагова Н. Деспот Стефан Лазаревич, Птолемей Филадельф и карьерата на придворния философ Константин Костенечки // Старобългарска литература. София, 2006. Кн. 35—36. С. 97—124.

¹²⁰ Например, книги из деспотских библиотек Стефана Лазаревича и Гюрга Бранковича вполне могли оказаться в собраниях сербских монастырей Хиландарь и Св. Павла на Афоне уже после завоевания Сербии османами (1459), через посредство покровительствовавшей им дочери Гюрга, султанши Мары Бранкович.

¹²¹ См. выше примеч. 106—108.

¹²² Бошков М. О односима Светог Пантелејмона са Русијом (до средине XVI в.) // Зборник Матице српске за славистику. Нови Сад, 2000. Бр. 58—59; Турилов. Культурные связи Московской Руси и Сербии... С. 85—86.

¹²³ Вздорнов. Роль славянских мастерских... С. 178, 180; Турилов А. А. Забытые русские святогорцы — Калинин и «филадельф» (Страничка истории русского книгописания на Афоне рубежа XIV—XV вв.) // МОСХОВІА: Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2001. [Т.] 1 (Сб. к 60-летию Б. Л. Фонкича). С. 431—440.

¹²⁴ Некоторые наблюдения и соображения по этому поводу см.: Турилов А. А. К вопросу о сербском компоненте во «втором южнославянском влиянии» // *Russica Romana*. Roma; Pisa, 2008. Vol. 14 (2007). С. 23—37.

¹²⁵ Перечень их см.: Он же. Восточнославянская книжная культура конца XIV—XV вв. С. 332. Примеч. 27, № 1, 2, 13. К этому следует добавить сборник третьей четверти XIV в. (*Скарпа М. У истоков восточнославянской рукописной традиции Слова на Успение Богоматери Григория Паламы* (Рукопись С.-Петербург, РНБ, Кир.-Бел. 32/1109) // *Palaeobulgarica*. 2008. № 3. С. 23—35) и русский список первой половины — середины XV в. с сербского Евангелия тетр — РГБ, собр. ТСЛ фонд., № 107 (см.: Ухова Т. Б. «Балканский» стиль в орнаментике рукописных книг из мастерской Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство: XIV—XV вв. М., 1984. С. 148, 150).

¹²⁶ Турилов. К вопросу о сербском компоненте... С. 33—34.

¹²⁷ Повесть о Варлааме и Иоасафе... С. 61, 63.

¹²⁸ Турилов. К вопросу о сербском компоненте... С. 34—37.

¹²⁹ Там же. С. 35—37.

¹³⁰ См.: Он же. Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения) // Славянские литературы: XI Междунар. съезд славистов / Докл. рос. делегации. М., 1993. С. 29; ср.: Иванова К. Структурно-типологична характеристика на чети-минейните сборници в южнославянската и руската литература (XIV—XVII в.) // Славянска филология. София, 1978. Т. 16 (Литературознание и фолклор). С. 66—77.

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ РУССКО-ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ XV — НАЧАЛА XVI в.

Культурные связи Руси с южными славянами в XV в. давно привлекли к себе внимание ученых различных специальностей: историков, литературоведов, искусствоведов, лингвистов и палеографов. Однако в основном их внимание сосредоточено на первой половине столетия — времени наиболее активного усвоения русской культурой так называемого «второго южнославянского влияния» и творчестве крупнейших культурных деятелей — выходцев со славянского Юга: митрополита Киприана, Григория Цамблака и Пахомия Логофета.

Иная картина наблюдается в отношении второй половины XV в. и начала следующего столетия. Хотя известно, что в это время в русскую книжность попадает ряд переводных (Сербская Александрия, «Притча о кралех» — «Сказание о создании и по пленении Тройском»)¹ и оригинальных (например, житие Саввы Сербского)² сочинений, однако они не рассматриваются в комплексе. Между тем при внимательном рассмотрении источников становится ясно, что именно во второй половине XV в. и начале следующего столетия происходит знакомство русских книжников не только с южнославянскими переводами светских произведений, но и с большей частью оригинальных болгарских и сербских сочинений XIII—XV вв.

В научной литературе установилось мнение, что пространные жития Иоанна Рыльского, Илариона Мегленского, Параскевы-Петки, Саввы Сербского, Стефана Дечанского и Стефана Лазаревича попали в русскую книжность уже в первой половине XV в.³, однако оно основывается на двух устаревших к настоящему времени положениях:

1. На датировке Волоколамского сборника (ГБЛ, ф. 113, № 655), содержащего жития Стефана Лазаревича, Стефана Дечанского и Илариона Мегленского, серединой XV в.⁴

2. На гипотезе А. А. Шахматова о том, что Русский хронограф, для которого многие из этих памятников послужили источником, был составлен в 1442 г. Пахомием Логофетом⁵.

В настоящее время, когда установлено, что Хронограф был создан не ранее 1512 г. (по всей видимости, в 1516—1522 гг.)⁶ и уточнена датировка Волоколамского сборника⁷, нет более оснований относить появление этих сочинений на Руси к столь раннему времени.

Действительно, нет ни одного русского списка этих сочинений, который датировался хотя бы серединой (или даже третьей четвертью) XV в., в то время как переводные аскетические сочинения получили к этому времени широкое распростране-

ние⁸. Нет этих памятников и в рукописях, привезенных на Русь из Константинополя и с Афона в конце XIV — первой трети XV в. и сохранившихся в оригиналах и копиях⁹.

Не следует связывать появление пространных болгарских и сербских житий на Руси с именами митрополита Киприана¹⁰ и Пахомия Логофета (в особенности с первым). Такому заманчивому на первый взгляд предположению противоречит целый ряд обстоятельств. Например, пространное житие Иоанна Рыльского в русской книжности XV—XVI вв. встречается лишь в редакции XII в.¹¹, составленной Георгием Скилицей (перевод с греческого)¹². Трудно предположить, чтобы митрополит Киприан, друг и последователь патриарха Евфимия, привез с собою на Русь не его сочинение (в русских списках неизвестное)¹³, а старую переводную версию¹⁴.

Другое болгарское житие — преподобной Параскевы-Петки — не могло попасть с Киприаном на Русь чисто хронологически. Все известные русские списки этого памятника относятся ко второму виду распространенной редакции по классификации Э. Калужняцкого¹⁵, т. е. содержат помимо собственно жития, составленного Евфимием Тырновским, написанную Григорием Цамблаком повесть о перенесении мощей преподобной в Видин и Белград и сербскую обработку похвалы ей, датируемую по упоминанию деспота Георгия (Гюрга) Бранковича 1428—1456 гг.¹⁶

Таким образом, наиболее вероятно связывать с именем Киприана лишь появление на Руси кратких болгарских и сербских житий, известных в русских списках Стишного пролога с первой половины XV в.¹⁷

Появление этих памятников на Руси связывалось и с именем Пахомия Логофета¹⁸. Однако деятельность Пахомия протекала и в Москве, и в Новгороде, тогда как в последнем многие из южнославянских сочинений явно не были известны и в первой трети XVI в.¹⁹

Окончательно убеждает в отсутствии на Руси до конца XV в. этих сочинений описание библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, составленное около 1480 г.²⁰ Отдаленный заволжский монастырь поддерживал тесные связи с Москвой и с Афоном, в Кириллове жил и Пахомий Логофет, составивший житие основателя монастыря. Библиотека монастыря была, несомненно, одним из лучших книжных собраний своего времени²¹, однако в ее описании, составленном в конце XV в., нет никаких сведений о южнославянских пространных житиях и переводных повестях²².

Ситуация меняется в конце XV в. К этому времени относятся первые русские списки южнославянских житий и переводных повестей²³, наибольшее же число первых относится уже к первой половине XVI в., когда появляются и целые сборники, состоящие из этих сочинений²⁴. Интерес к ним не ограничивался простой перепиской. В первой половине XVI в. создаются сокращенные редакции житий Саввы Сербского²⁵, Стефана Дечанского (в составе посмертных чудес Николая Мирликийского)²⁶ и Стефана Лазаревича²⁷. Возникают русские проложные жития Саввы Сербского²⁸ и Стефана Дечанского²⁹. Житие последнего, написанное Григорием Цамблаком, использовал в своих сочинениях в защиту монастырских имуществ Иосиф Волоцкий³⁰. Обличение армянской ереси, извлеченное из жития Илариона Мегленского, вошло в состав ряда списков Кормчих книг XVI в.³¹ Почти

все эти сочинения послужили источниками русского всемирно-исторического свода — Хронографа редакции 1512 г. (исключение составляет лишь житие Иоанна Рыльского, так как составитель хронографа пользовался не редакцией Скилицы, а проложной³²). Целый ряд южнославянских житий вошел в состав московских комплектов Великих Четий-Миней митрополита Макария³³.

Быстрое распространение названных памятников в русской книжности конца XV — первой половины XVI в. при полном их отсутствии в первой половине XV столетия заставляет искать прежде всего внутренние причины этого явления. Интерес к южнославянскому культурному наследию возникает в условиях формирования идеологии централизованного государства, на начальном этапе которого естественно обращение к чужому опыту, зафиксированному в источниках, разнообразных по характеру. Если исторический опыт Византии был зафиксирован в многочисленных хрониках, то на славянских Балканах, где летописный жанр не получил достаточного распространения, их роль играли жизнеописания государственных и церковных деятелей. Болгарский и сербский опыт был использован и церковью в борьбе с ересями конца XV в. (житие Илариона Мегленского в составе хронографа) и в спорах по вопросу о монастырском землевладении (житие Стефана Дечанского в посланиях Иосифа Волоцкого).

Вероятнее всего, южнославянские переводные повести и пространные жития попадают на Русь в 80-е гг. XV в., так как в кирилловской описи, составленной около 1480 г., они еще не значатся, а в начале 1490-х гг. уже встречаются первые списки. Судя по первоначальному кругу распространения (Волоколамский, Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев и связанный с ними Соловецкий монастыри), сочинения эти были в первую очередь известны в Москве³⁴.

При сопоставлении русских списков этих сочинений с южнославянскими выясняется, что русские списки каждого из памятников, вне сомнения, восходят к общему протографу³⁵. Откуда же и каким путем эти памятники попали на Русь?

Основными культурными связями Руси и Балкан принято считать XIV—XV вв. русско-болгарские³⁶. А. И. Соболевский полагал даже, что сербские памятники стали известны на Руси через болгарское посредничество³⁷. Свое заключение он основывал на отсутствии сербизмов в языке сербских житий рукописи Троицкого собрания (ныне в ОР РГБ, ф. 304.I, № 686), которая ошибочно датировалась концом XV в.³⁸ В действительности же этот сборник относится уже к первой четверти (или даже трети) XVI в.³⁹ Отсутствие сербизмов в этом списке не может служить показателем.

Напротив, старшие русские списки большинства южнославянских сочинений, попавших в русскую книжность в конце XV в., изобилуют сербизмами. В первую очередь, конечно, следует упомянуть знаменитый Волоколамский сборник, об отдельных частях которого (Паралипомен Зонары, житие Стефана Лазаревича, Александрия), существовало даже мнение, что они написаны сербом⁴⁰.

По обилию сербизмов с ним может сравниться старейший русский список жития Параскевы-Петки (ГБЛ, ф. 113, № 644, л. 224—244, кон. XV (?) — нач. XVI вв.). В позднейших списках памятника (ГБЛ, ф. 113, № 629, 1537 г.; ф. 173.I, № 89 (сер. XVI в.); ф. 292, № 54, сер. XVI в.) число их значительно меньше, но они присутствуют. Полностью исчезают они только в Великих Минеях Четых.

Труднее сказать что-либо определенное по поводу оригинала русских списков жития Иоанна Рыльского в редакции Скилицы (так как старший из них — Волоколамский (РГБ, ф. 113, № 591, кон. XV в.) — явных следов орфографии протографа не содержит). Можно лишь предполагать, что список, попавший на Русь, не был тырновского происхождения, так как там этот древний памятник был вытеснен евфимиевской редакцией жития.

В старшем русском списке жития Стефан Дечанского и в одном из старейших списков жития Илариона Мегленского (ГБЛ, ф. 113, № 655, л. 263—367) сербизмы отсутствуют, но орфография этой части сборника практически вообще не содержит южнославизмов. Это обстоятельство можно объяснить индивидуальными особенностями писца — волоколамского инока и книгописца Ферапонта Обухова⁴¹, чрезвычайно последовательно проводившего русские нормы правописания в копируемых текстах⁴².

Впрочем, для жития Стефана Дечанского можно указать два примера, свидетельствующие, что оригинал этого списка, вероятнее всего, был сербским. Усвоив, что сербское *ε* во многих случаях соответствует общеславянскому *а*, переписчик следовал этому правилу зачастую механически. Так, город, куда Стефан Душан сослал своего отца, в русских списках назван *Звъацень* (ГБЛ, ф. 113, № 655, л. 307) вместо *Звцань*. Фраза текста протографа: *нѣкто Нвоѣ... чланнкъ* в русском варианте выглядит: *нѣкто вол... начланнкъ* (там же, л. 317). Сербский чин чельника русскому книжнику был неизвестен. Показательно дальнейшее осмысление текста. В Хронографе редакции 1512 г. в соответствующем отрывке фигурирует уже просто *нѣкто ѿ воеводѣ*⁴³ (*воначланнкъ* — *военачланнкъ* — *воевода*).

Итак, в конце XV — начале XVI в., в отличие от конца XIV — первой половины XV столетия, основными культурными связями Руси со славянскими Балканами являлись, очевидно, русско-сербские. Каким же образом они осуществлялись? Последняя четверть XV в. — время в истории русско-южнославянских отношений достаточно темное и неясное.

Здесь можно предполагать, к примеру, посредничество западнорусской книжности. Таким путем попала на Русь переводная повесть о Бове Королевиче⁴⁴. Представляется, однако, что в этом случае старшие списки южнославянских сочинений дошли бы в более русифицированном (в языковом отношении) виде.

Конец XV в. — время активных взаимоотношений Руси и Молдавии, скрепленных браком сына великого князя Московского Ивана III, Ивана Ивановича Молодого, и дочери воеводы Стефана Великого, Елены (1483 г.). Это время отмечено целой серией посольств⁴⁵. Молдавия в XV в. играла чрезвычайно важную роль в продолжении традиций южнославянской книжности⁴⁶, и хотя она была связана по преимуществу с болгарской культурой, есть тем не менее факты, свидетельствующие и о сербско-молдавских контактах⁴⁷.

В 1482 г. из Москвы в Венгрию было отправлено посольство Федора Курицына, вернувшееся в 1486 г. В литературоведении принято связывать с этим посольством «Повесть о мутьянском воеводе Дракуле»⁴⁸. Венгрия второй половины XV в. была одной из стран, где оседало большое число сербских эмигрантов. Поэтому возможен и такой путь.

Хотя известия о связях Москвы с Афоном в последней четверти XV в. крайне немногочисленны, тем не менее они продолжались. В 1489 г. с Афона приходил в Москву старец Исая, рассказ которого о Святой горе известен в нескольких списках XVI в.⁴⁹ В 1497 г. вместе с молдавским посольством в Москву приезжал игумен Пантелеймонова монастыря Паисий⁵⁰. Святогорское происхождение памятников тем более вероятно, поскольку несомненно афонское происхождение жития Саввы Сербского⁵¹.

Наконец, не исключается и прямой контакт с Белградской митрополией. В послании митрополита Феофана, принесенном в Москву в 1509 г., говорится о поддержке, оказывавшейся митрополии еще Иваном III⁵².

Каким именно путем пришли на Русь эти памятники, сказать трудно. Весьма вероятно, что разные сочинения шли различными путями.

Вопрос русско-южнославянских культурных связей конца XV — начала XVI вв. требует внимательного изучения, так как в нем еще много неясного. В сущности не определен до конца самый круг памятников, попавших в это время на Русь. Мы рассматривали этот вопрос в основном на примере памятников агиографии, совершенно не затрагивая гимнографических творений южных славян. Этот вопрос продолжает оставаться белым пятном в истории русско-южнославянских культурных отношений. Вероятно, при внимательном исследовании можно расширить и круг переводных сочинений, попавших в это время в русскую книжность. Один момент кажется нам, однако, несомненно установленным: в конце XV в. наблюдается активизация русско-южнославянских культурных связей, причем связи эти, как мы старались показать, были преимущественно сербско-русскими. Этот факт является лишним свидетельством того, сколь тесными и одновременно сложными были связи культур болгарского, сербского и русского народов в эпоху Средневековья.

Примечания

¹ См., например: Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 322—325.

² «В лето 7025 привезл к великому князю Василию старец Исаия из Святыя горы, из Ватопеда монастыря книгу Житие святого Савы, прьваго архиепископа српьскаго...» — ГПБ (ныне — РНБ), Кир.-Бел. собр., № 30/1269, л. 1—3 (подстрочная запись); *Богдановић*. Нека запажања о руској редакцији Теодосијевог житија светог Саве // ЗМСКЈ. Нови Сад, 1975. Књ. 23/2. С. 249—251 (далее — *Богдановић Д.* Нека запажања...).

³ История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 175.

⁴ Данная датировка принадлежит О. М. Бодянскому. В предисловии к изданию (по данному списку) «Паралипомена» Зонары он писал: «Всматриваясь в бумажные знаки этого списка, видим, что все они принадлежат половине (т. е., по терминологии XIX в., середине. — А. Т.) XV века» (ЧОИДР, 1847. Кн. 1. С. VII 2-й пагинации). В описаниях монастырской библиотеки рукопись датировалась концом XV — началом XVI в. (*Строев П. М.* Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина Сторожевского и Пафнутьева Боровского. СПб., 1891. С. 193; *Иосиф, иером.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 303—304); впрочем тот же П. М. Строев датировал ее и просто XV в., без уточне-

ний (Библиологический словарь и черновые к нему материалы П. М. Строева. СПб., 1882. С. 65, 178—179 (= Сб. ОРЯС. Т. 29. № 4; далее — *Строев*. Библиологический словарь...)).

⁵ *Шахматов А. А.* Пахомий Логофет и Хронограф // ЖМНП. 1899. Ч. 321, № 1. С. 200—207 (далее — *Шахматов*. Пахомий Логофет...); *Он же*. К вопросу о происхождении Хронографа // Сб. ОРЯС. СПб., 1900. Т. 66. Прилож. 8. С. 1—121; *Он же*. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 133—134 (далее — *Шахматов*. Обзорение...).

⁶ Этой датировки придерживается О. В. Творогов (Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 192, 205). Б. М. Клосс в рецензии на эту книгу (История СССР. 1977. № 3. С. 181—184) относит составление Русского хронографа к 1518—1522 гг.

⁷ В машинописном дополнении к печатному описанию рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря, составленном Л. В. Тигановой (хранится в ОР ГБЛ) сборник датируется началом XVI в.

⁸ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 4—5 (далее — *Соболевский*. Переводная литература...).

⁹ *Вздорнов Г. И.* Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 184—190.

¹⁰ *Дылевский Н. М.* Жития Иоанна Рыльского русских древлехранилищ и их болгарские источники // Там же. С. 281 (далее — *Дылевский*. Жития Иоанна Рыльского...).

¹¹ В первом издании ошибочно был указан XI в.

¹² Великие Четьи-Минеи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1874 (далее — ВМЧ). Октябрь, дни 4—18. Стлб. 1515—1530. Старшие русские списки: ГБЛ (РГБ), ф. 113 (Волоколамск. собр.), № 591 (кон. XV в.); ф. 173.1 (собр. МДА фонд.), № 89 (сер. XVI в.); ф. 292 (собр. С. П. Строева), № 54 (сер. XVI в.); Ярославский музей-заповедник, № 410 (сер. XVI в.) и др.

¹³ Мнение Н. М. Дылевского о том, что в Соловецкой Четье-Минее на октябрь 1491—1492 гг. (ГПБ (РНБ), Соловецкое собр., № 619/503) содержится Евфимиевская редакция жития (*Дылевский Н. М.* Жития Иоанна Рыльского... С. 289) основано на ошибке описателей собрания (*Порфирьев И. Я., Красносельцев Н. Ф., Вадковский А. В.* Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 368—375). В действительности, как указал еще в начале XX в. Э. Калужняцкий (*Kaluźniacki E.* Die Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymies (1375—1393). Wien, 1901. S. CXX (далее — *Kaluźniacki. Die Werke...*)), это тоже редакция Скилицы. Ошибочной является в описании и датировка рукописи — в действительности основная ее часть относится к середине XVI в., а листы, на которых написано житие Иоанна датируются рубежом XVI—XVII вв. (во время написания статьи (1977—1978 гг.) я еще не знал этого и датировал кодекс след за Дылевским — ошибка была исправлена только в автореферате диссертации, увидевшем свет, впрочем, раньше задержавшегося в печати сборника — *Турилов А. А.* Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV — первой четверти XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 1980. С. 15 (далее — *Турилов*. Болгарские и сербские источники...)). Причина ошибки кроется в том, что казанские описатели собрания несколько поспешно отождествили расплетенный надвое сентябрьско-октябрьский том Минеи Четьих (Соловецкое собр., № 617/500 и 619/503) с вложенными в монастырь в названном году игуменом Досифеем отдельными томами на сентябрь и октябрь («А се Досифеева данья книг, игумена бывшаго... дал две Минеи четьих — октябрьская да сентябрьская» — Описи Соловецкого монастыря XVI в.: Комментированное изд. / Сост. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, М. И. Мильчик. СПб., 2003. С. 33). Местонахождение октябрьского «досифеевского» тома в настоящее время не известно, од-

нако сентябрьский сохранился (РГБ, ф. 711 (собр. А. П. Гранкова), № 63 — издателям соловецких описей (см. с. 291, 294) осталась неизвестной и эта книга) и украшен характерным «эклибрисом» заказчика (см.: *Безунов Ю. К.* Книгописная деятельность игумена Досифея // *Die Welt der Slaven*. Köln; Wien, 1972. Jahrgang 17. Hft. 2. P. 255—264).

¹⁴ В пользу того, что житие Иоанна в редакции Георгия Скилицы принадлежит к памятникам, новым для русской книжности конца XV — XVI в., свидетельствует его отсутствие в первом (Софийском) комплекте Великих Миней Четьих.

¹⁵ *Kalužniacki. Die Werke...* S. LXXV—LXXX, CXIV—CXVII.

¹⁶ ВМЧ. Октябрь, дни 4—18. Стлб. 1021—1042. Старшие русские списки: ГБЛ (РГБ), ф. 113 (Волоколамск. собр.), № 644 (кон. XV (?) — нач. XVI вв.), № 629 (1537 г.), ф. 292 (собр. С. П. Строева), № 54 (сер. XVI в.), и др.

¹⁷ О южнославянских проложных житиях в русской книжности см. подробнее: *Турилов А. А.* Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // *Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории*. М., 1978. С. 39—44; *Болгарские и сербские источники...* С. 8—12; *Он же.* К вопросу о болгарских источниках Русского хронографа // *Летописи и хроники* 1984. М., 1984. С. 20—24 (далее — *Турилов.* К вопросу о болгарских источниках...).

¹⁸ *Шахматов А. А.* Обзорение... С. 133—134.

¹⁹ В Софийском комплекте ВМЧ, составленном в Новгороде в 1529—1541 гг., отсутствуют пространные жития Иоанна Рыльского (19 октября) и Параскевы-Петки (14 октября). Из-за утраты январского тома комплекта нельзя сказать с уверенностью, имелось ли в нем житие Саввы Сербского Феодосиевской редакции и похвальное слово Симеону и Савве.

²⁰ *Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897 (далее — *Никольский.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря...).

²¹ О значении библиотеки в конце XV в. свидетельствует письмо новгородского архиепископа Геннадия к ростовскому владыке Иоасафу (1489 г.) с просьбой выяснить наличие антиеретических сочинений в собраниях Кириллова, Ферапонтова и Спасо-Каменного монастырей (ЧОИДР., М., 1847. Кн. 3. С. 56).

²² Из сочинений южнославянских авторов в описи значится лишь сборник торжественных и похвальных слов Григория Цамблака: «книга Григорья Самблак» (*Никольский.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря... С. 13), но вопрос о распространении проповедей киевского митрополита относится скорее к области связей Северо-Восточной и Юго-Западной Руси.

²³ ГБЛ (РГБ), ф. 113 (Волоколамское собр.), № 591 (житие Иоанна Рыльского) (кон. XV в.); № 644 (житие Параскевы-Петки) (кон. XV (?) — нач. XVI вв.); № 655 (жития Стефана Лазаревича, Стефана Дечанского, Илариона Мегленского, отрывки Сербской Александрии) (кон. XV (?) — нач. XVI вв.); Кирилло-Белозерское собр. № 11/1088 (Сербская Александрия) (1490—1491 гг.). В первом издании в перечне фигурировала также (с датой 1491/92 г.) Минея Четья на октябрь (ГПБ (РНБ), Соловецкое собр., № 619/503), содержащая житие Илариона Мегленского. Однако в реальности она датируется серединой XVI в. (см. примеч. 13) и должна рассматриваться как пример, скорее, в следующем примечании.

²⁴ ГБЛ (РГБ), ф. 304.1 (собр. Троице-Сергиевой Лавры фонд.), № 686 (перв. четв. XVI в. — жития Саввы Сербского, Стефана Лазаревича, Стефана Дечанского, Илариона Мегленского); Одесса, ГНБ им. А. М. Горького, № 1/102 (перв. пол. XVI в.), состав тот же; ГБЛ (РГБ), ф. 113 (Волоколамское собр.), № 620 (сер. XVI в. — жития Саввы Сербского, Стефана Лазаревича и Стефана Дечанского).

²⁵ ГИМ, Син. 639 (перв. пол. XVI в.); Одесская ГНБ, № 1/102 (перв. пол. XVI в.). См.: *Богдановић Д.* Нека запажања о руској редакцији Теодосијевог житија светог Саве // *Зборник Матице Српске за књижевност и језик.* Нови Сад, 1975. Књ. 23/2. С. 249.

²⁶ ВМЧ. М., 1904. Декабрь, дни 6—17. Стлб. 645—659. Подробнее о списках и старопечатных изданиях текста см.: *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 379, 380, 531; *Давидов А., Данчев Г., Дончева-Панайотова Н., Ковачева П., Генчева Т.* Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. София, 1983. С. 59—62; ср. также: *Петровић Д.* Једна мало позната прерада Цамблаковог Житија Стефана Дечанског // *Научни састанак слависта у Вукове дане.* Београд, 1985. Књ. 14/1. С. 189—194; *Кенанов Д.* Сочинения Григория Цамблака в старопечатной славянской книге // *Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства и літаратуразнаўства: Матэрыялы XXV Міжнароднай навуковай канф.* Віцебск, 1997. Ч. 2. С. 228—230.

²⁷ ГБЛ (РГБ), ф. 304.1 (собр. Троице-Сергиевой Лавры фонд.), № 686 (перв. четв. XVI в.); ф. 113 (Волоколамское собр.), № 620 (сер. XVI в.); ГПБ (РНБ), собр. М. П. Погодина № 887 (XVI в. — см.: *Куев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки: Изследване и текст. София, 1986. С. 323—324); Одесская ГНБ, № 1/102 (перв. пол. XVI в.). Троицкий список издан А. Н. Поповым (Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 92—130), одесский — Я. Шафариком (Гласник Српског ученог друштва. Београд, 1870. Књ. 28. С. 366—428).

²⁸ ГБЛ (РГБ), ф. 92, (собр. С. О. Долгова) № 39, л. 364—365 об. Текст опубликован: *Богдановић Д.* Пролошко житије светог Саве у руском рукопису XVI в. // *Зборник Матице Српске за књижевност и језик.* Нови Сад, 1975. Књ. 23/2. С. 256—258.

²⁹ ГБЛ (РГБ), ф. 92 (собр. С. П. Долгова), № 39 (ок. сер. XVI в.), л. 358 об. — 360. Без начала, текст механически соединен с началом жития Стефана Сурожского, начинающегося на л. 358. См.: *Богдановић Д.* Житије Стефана Дечанског у руској редакцији XVI в. // Там же. Нови Сад, 1977. Књ. 25/3. С. 441—449 (а кроме того: *Турилов А. А.* Сцена убийства Стефана Дечанског в лицевом Житии Николы XVI в. и ее источник // *Древнерусское искусство.* Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 228—231).

³⁰ См.: *Наумов Е. П.* Из истории русско-сербских средневековых связей (Второе житие Стефана Дечанского в сочинениях Иосифа Волоцкого) // *УЗ Института славяноведения.* М., 1963. Т. 26. С. 37—47.

³¹ См.: *Строев П. М.* Рукописи славянские и российские... принадлежащие И. Н. Царскому. М., 1848. С. 190.

³² См.: *Турилов.* К вопросу о болгарских источниках... С. 20—24.

³³ См. примеч. 19.

³⁴ *Турилов А. А.* Памятники южнославянской книжности в составе русских библиотек конца XV — XVII вв. // *Советское славяноведение.* 1977. № 1. С. 67—82.

³⁵ Для житий Параскевы-Петки и Илариона Мегленского, к примеру, это легко устанавливается по подстрочным вариантам в издании Э. Калужняцкого (*Kalužniacki. Die Werke...* S. 27—58, 59—77, 432—436). См. также: *Турилов.* Болгарские и сербские источники... С. 15, 18, 20.

³⁶ См.: *Соболевский.* Переводная литература... С. 15; *Дыбо В. А., Кучкин В. А.* Болгарский текст в русской Минее XVI в. // *Byzantinobulgarica, Sofia.* 1966. Vol. 2. С. 279, 299—300.

³⁷ *Соболевский.* Переводная литература... С. 11. Ср.: *Турилов А. А.* К вопросу о сербском компоненте во «втором южнославянском влиянии» // *Russica Romana. Pisa; Roma,* 2008. Vol. 14 (2007). С. 23—37 (и наст. изд.).

³⁸ *Иларий и Арсений, иеромонахи.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1879. Ч. 3. С. 50.

³⁹ Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой Лавры и Московской Духовной Академии // Записки Отдела Рукописей [ГБЛ], 22. М., 1960. С. 140.

⁴⁰ *Строев*. Библиологический словарь... С. 178—179; О. М. Бодянский в предисловии к изданию Хроники Зонары (ЧОИДР. М., 1847. Кн. 1. С. III второй пагинации); *Шахматов*. Пахомий Логофет... С. 204.

⁴¹ Почерк этой части сборника тождествен почерку, которым написаны два тома «Толкований на послания апостола Павла» (ГБЛ (РГБ), ф. 113, № 426 и 427—1512 и 1514 гг.), содержащих послесловие писца — Ферапонта Обухова. Последний был весьма продуктивным книгописцем — о других переписанных им книгах см.: *Турилов А. А.* Русский сборник конца XV — начала XVI в., содержащий южнославянские сочинения XIV—XV вв. // Конференция по истории средневековой письменности и книги: Тезисы докл. Ереван, 1977. С. 95—96; Рукописные собрания Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина: Указатель. М., 1986. Т. 1. Вып. 2. С. 142; *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2005 г. // ПСРЛ., М. 2005 (репринт изданий: СПб., 1911; 1914). Т. 22 (Русский Хронограф. Ч. 1—2). С. xii—xiv (следует иметь в виду, что Б. М. Клосс в свойственной ему манере несколько преувеличивает свой вклад в атрибуцию рукописей этого писца — им отождествлена только рукопись ГИМ, Епарх. 118 (№ 4 перечня), все остальные отождествления были сделаны еще за 20 лет до него).

⁴² Ср. его правописание в рукописях ГБЛ, ф. 113, № 426, 427.

⁴³ ПСРЛ. СПб., 1911 (репринт: М., 2005). Т. 22 (Русский Хронограф). Ч. 1 (Хронограф редакции 1512 г.). С. 408.

⁴⁴ См.: *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси. М., 1964. С. 21—24.

⁴⁵ См., к примеру, Никоновскую летопись под 1490, 1491, 1492, 1493, 1497 гг. (ПСРЛ. СПб., 1901 (репринт: М., 1965). Т. 12. С. 223, 228, 230, 232, 237, 244).

⁴⁶ *Яцимирский А. И.* Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904.

⁴⁷ См.: *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 94.

⁴⁸ *Соболевский*. Переводная литература... С. 233.

⁴⁹ Там же. С. 332.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 12. С. 244 (в первом издании здесь ошибочные данные).

⁵¹ См. примеч. 2.

⁵² См.: *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1885. Т. 1. С. 15.

ADDENDA ET CORRIGENDA

Статья представляет одну из ранних работ автора, написанную свыше 30 лет назад, однако основные ее выводы остаются в силе, хотя некоторые детали нуждаются в уточнении.

Датировка начальной редакции Русского Хронографа 1516—1522 гг. является в настоящее время общепринятой и практически хрестоматийной¹. Поэтому верхней границей появления в русской книжности списков житий южнославянских святых (Илариона Мегленского, Параскевы-Петки Тырновской, Стефана Дечанского и деспота Стефана Лазаревича²) и переводных хроник (помимо переработки («Па-

ралипомена») Хроники Иоанна Зонары речь идет также о Хронике Константина Манассии, русские списки которой датируются не ранее рубежа XVI—XVII вв.³) служит первое — начало второго десятилетия XVI в., но и нижняя недалеко отстоит от этого времени.

В то же время нужно сказать, что переводное житие Иоанна Рыльского, написанное Георгием Скилицей, явно стоит особняком среди других южнославянских агиографических текстов, получивших известность на Руси. И дело здесь в первую очередь не в том, что памятник — в отличие от других — не был использован при создании Русского Хронографа. Несомненно иным выглядит контекст его распространения в русской книжности. Древнейшие его списки (посл. четв. XV — середина XVI в.) входят в состав Миней Четых домакарьевского состава (т. е. сразу имеют более высокий статус)⁴, тогда как все другие жития — в сборники. Вдобавок группа старших его списков (за исключением древнейшего Волоколамского) устойчиво сопровождается службой святому, принадлежавшей перу того же автора. Вопрос об этом житийно-гимнографическом комплексе следует рассматривать отдельно.

Несравненно более определенной представляется в настоящий момент ситуация с путями, которыми южнославянские памятники на рубеже XV—XVI столетий приходили в Московскую Русь. Два варианта из предполагавшихся четверть века назад можно с полным основанием вычеркнуть (в немалой степени благодаря изысканиям самого автора) — западнорусский и молдавский. Первый отпадает уже в силу того, что в западнорусской традиции (даже существенно более поздней) отсутствует большинство этих текстов, за исключением жития св. Саввы Сербского, написанного хиландарским иноком Феодосием, и принадлежащего перу тырновского патриарха Евфимия жития Параскевы-Петки в сопровождении повести Григория Цамблака о перенесении мощей преподобной в Сербию⁵. Оставаясь на точке зрения о западнорусском посредничестве в сербско-московских литературных связях, мы должны предполагать, что оно носило сугубо транзитный характер.

Аналогичная ситуация наблюдается в отношении второго (молдавского) варианта. Сербские сочинения и переводы представлены в рукописной традиции Молдавского княжества лишь как редкое исключение: хотя известны славяно-молдавские списки сербских церковно-канонических и юридических памятников (Синтагма Матфея Властаря, сокращенная редакция Законника Душана), однако к житийной литературе это не относится⁶.

Собственно венгерский вариант (посольство Федора Курицына) должен, по всей вероятности, рассматриваться в качестве потенциально возможного, но сугубо маргинального. Во всяком случае, связывать с ним появление в Москве целого корпуса сербских текстов представляется мне сейчас весьма мало вероятным.

Поэтому единственно реальными вариантами путей проникновения этой группы сочинений и переводов на Русь в настоящий момент представляются афонский и собственно сербский (связи с Белградской митрополией и последними (сремскими) Бранковичами (точнее, речь должна идти о сербско-венгерском варианте, поскольку и Белград и Срем в рассматриваемое время входили в состав Венгерского королевства). При этом, конечно, более предпочтительным (в силу, с одной

стороны, несомненно большей интенсивности связей Москвы со Святой горой, а с другой богатства ее славянских книжных собраний) выглядит именно афонский⁷.

Примечания

¹ См.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 157—177; *Он же.* Предисловие к изданию 2005 г. // ПСРЛ. М., 2005 (репринт изд.: СПб., 1911). Т. 22 (Русский Хронограф). Вып. 1—2. С. IV—XIV; СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 499—502, 505.

² Относительно же жития Саввы Сербского ничто теперь не мешает считать (поскольку его сведения используются в заключительной части Хронографа), что оно действительно появилось в Москве только в 1517 г.

³ О памятнике см.: *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 180—181, 196—200; *Салмина М. А.* Хроника Константина Манассии как источник Русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 279—287; *Она же.* Русский извод Хроники Константина Манассии // Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии. София, 1988. С. 97—102; СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 494—496.

⁴ При этом в последней четверти XV в. житие Иоанна Рьльского являлось на Руси новым (по крайней мере, относительно) текстом, поскольку в Волоколамском списке оно носит явно вставной характер. Хотя оно написано здесь (л. 128—139) на той же бумаге и тем же писцом, что и основная часть кодекса, его включили в октябрьский том комплекта взамен жития апостола Луки, зачеркнутые заголовок и начальные строки которого (л. 127 об.) непосредственно предшествуют в кодексе сочинению Георгия Скилицы. Из новейшей литературы о памятнике см., к примеру: *Томова Е.* Пространного житие на свети Иван Рилски от Георги Скилица в ръкописните сборници от XV—XVIII в. // Традиция. Преемственность. Новаторство. В памет на Петър Диневков. София, 2003. С. 146—157; *Она же.* Болгарский святой Иоанн Рьльский (культ и агиография) // Slovo: Towards a Digital Library of South Slavic Manuscripts / Proceedings of the international conference. Sofia, 2008. С. 150—151, 155—156.

⁵ См.: *Турилов А. А.* Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 251—253 (см. также настоящий сборник). К этому следует добавить, что единственный западнорусский список пространного Феодосиева жития св. Саввы (Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 104, л. 109—208) стоит совершенно изолированно в восточнославянской рукописной традиции. В частности, только он имеет в заголовке имя Феодосия (см.: *Добрянский Ф. Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882. С. 220—221), тогда как во всех великорусских XVI—XVII вв. (равно как и в целом ряде сербских) из-за пропуска в заглавии автором назван Доментиан (см.: *Турилов А.* Южнославянские памятники... С. 253).

⁶ *Турилов А. А.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв. // Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С. 141, 159—160 (см. также наст. изд.). Ср.: *Mircea I.-R.* Repertoire des manuscrits slaves en Roumaine: Auteurs byzantines et slaves. Sofia, 2005.

⁷ О связях славянских монастырей Афона (прежде всего Хиландаря и Пантелеймонова (Русского) монастыря, который уже с XIV в. был, несмотря на название, практически чисто сербским) с московским великокняжеским двором и митрополией на рубеже XV—XVI вв. см.: *Бошков М.* Руски летописи о доласку старца из атонског Св. Пантелејмона

у Москву крајем XV в. // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1999. Књ. 27. С. 119—128; *Она же*. О односима Св. Пантелејмона са Русијом (до средине XVI в.) // Зборник Матице Српске за славистику. Нови Сад, 2000. Бр. 58—59. С. 35—56; *Фотић А.* Света Гора и Хиландар у Османском царству XV—XVII в. Београд, 2000. С. 207—208; *Турилов А. А.* Культурне везе Московској Руси и Србији у XIV—XVI вв. // Москва — Србија, Белград — Русија: Сборник докумената и материјала. Београд; Москва, 2009. Т. 1: Друштвено-политичке везе XVI—XVIII вв. С. 95—103.

К ВОПРОСУ О СЕРБСКОМ КОМПОНЕНТЕ ВО «ВТОРОМ ЮЖНОСЛАВЯНСКОМ ВЛИЯНИИ»

На протяжении последних 110 с лишним лет, со времени произнесения и выхода в свет речи А. И. Соболевского¹, включенной в 1903 г. в его «Переводную литературу Московской Руси»², основными связями в период «второго южнославянского влияния» (вторая половина XIV—XV в.) — во всяком случае, в филологической (и в особенности в языковедческой) литературе — считаются русско-болгарские³. Речь, произнесенная историком языка, явилась переломным моментом в оценке ситуации, где до этого царил по преимуществу неразбериха с дефинициями, восходящая, в конечном итоге, еще к XVI в., когда митрополита Киприана называло сербом его проложное житие, написанное в связи с канонизационными соборами середины столетия⁴, а его книжный язык характеризовал как «сербский» (приводя при этом примеры орфографических болгаризмов) ученик Максима Грека инок Нил Курлятев⁵. Разумеется, и после работ Соболевского смешение по инерции продолжалось⁶, но сохранялось оно теперь уже обычно в нелингвистической литературе⁷. В целом же его точку зрения можно считать вполне возобладавшей в научной литературе (во всяком случае, русской и болгарской)⁸, если, конечно, ограничиваться сферой переводов и не касаться вопроса деятельности южнославянских книжников на Руси, где невозможно пройти мимо без преувеличения огромного творческого наследия Пахомия Логофета⁹, существенно превышающего объем литературной продукции митрополита Киприана и «русский» сегмент творчества Григория Цамблака даже в совокупности.

Представляется, что в настоящее время тезис Соболевского — при всей его правомочности — нуждается в известной корректировке. Картина русско-южнославянских книжно-литературных связей последней четверти XIV — XV в. в результате исследования рукописной традиции отдельных памятников (как переводных, так и оригинальных) выглядит более сложной, чем это виделось в конце XIX столетия. Так, можно считать вполне установленным, что появление и распространение на Руси пространых болгарских (Илариона Мегленского, Параскевы-Петки) и сербских (архиепископа Саввы, Стефана Дечанского и деспота Стефана Лазаревича) житий XIII—XV вв. и переводов византийских хроник («Паралипомен» Зонары, Хроника Манассии), а также «сербской» Александрии, не связано с классическим периодом «второго южнославянского влияния», завершающимся не позднее середины XV в., а обусловлено культурно-исторической ситуацией Московской Руси конца XV — первой четверти XVI столетия (восстановление связей с афонскими монастырями, работа над созданием Русского Хронографа, в котором Русь выступала исторической преемницей православных стран, включая и юж-

нославянские)¹⁰. Период имеет и свой (правда, несравненно более скромный по масштабам) аналог Пахомию Логофету — афонского монаха-агиографа сербского происхождения Аникиту Льва Филолога¹¹.

Выделение этого позднейшего этапа связей имеет, на первый взгляд, мало значения для характеристики предыдущего, однако ряд его особенностей позволяет по-новому взглянуть на некоторые стороны эпохи собственно «второго южнославянского влияния», в частности, на тезис А. И. Соболевского о болгарском посредничестве между сербской и русской традициями. Последний, в частности, аргументировал свое мнение примером среднеболгарской орфографии жития деспота Стефана, написанного Константином Костенецким, в сборнике библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ныне — РГБ, ф. 304.1), № 686 (кодекс датировался в то время XV в.)¹². Однако В. Ягич задолго до речи Соболевского убедительно показал, что рукопись содержит русскую (сокращенную) редакцию текста¹³, а троицкий сборник № 686 датируется в настоящее время по филиграммам 1520-ми гг.¹⁴ Старший же русский список памятника (в составе сборника начала XVI в. РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 655, л. 123—221) написан по ресавской орфографии с непоследовательным (идушим явно от русского копииста) употреблением «юса малого». Еще более показателен пример содержащихся в том же троицком сборнике № 686 и написанных тем же писцом и по той же орфографии, что и сочинение Константина, жития Саввы Сербского и похвального слова Савве и Симеону иеромонаха Феодосия¹⁵. Установлено, что все великорусские списки памятников восходят к принесенному с Афона в 1517 г. старцем Исайей¹⁶, причем другие ранние копии (например, РНБ, Кир.-Бел., № 27/1266) в орфографическом отношении свободны от среднеболгаризмов. Последнее отнюдь не удивительно, поскольку болгарские списки жития Саввы и похвального слова Савве и Симеону, как XV в., так и более раннего (и даже более позднего) времени, попросту неизвестны в природе. Для рассматриваемого периода еще более важно, пожалуй, полное отсутствие славяно-молдавских (среднеболгарских по орфографии) списков обоих текстов¹⁷. В подобной ситуации болгаризмы орфографии упомянутых выше текстов могли возникнуть лишь под пером московского книжника XVI в., и это лишнее свидетельство того, сколь ненадежным является для периода XV—XVI вв. сам по себе, без учета других факторов, орфографический критерий именно в отношении среднеболгарского правописания¹⁸.

Другие южнославянские тексты, получившие известность на Руси в конце XV и первой четверти XVI в. делятся на две группы: одни из них сохранили в старших списках следы сербского (ресавского) правописания (житие Параскевы-Петки, написанное патриархом Евфимием, и повесть о перенесении ее мощей в Сербию Григория Цамблака¹⁹, «Паралипомен» хроники Зонары²⁰, «сербская» Александрия²¹), об орфографии оригиналов других (жития Стефана Дечанского и Илариона Мегленского, хроника Манассии) в силу разных обстоятельств²² трудно сказать что-то определенное, хотя исключить того же отнюдь нельзя и для них. В целом картина вполне соответствует орфографической ситуации на славянских Балканах, где рукописи с юсовой орфографией (даже непоследовательной) на рубеже XV — XVI вв. встречаются лишь как редчайшее исключение. Болгарские памят-

ники предшествующих эпох в это время приходят на Русь через сербское (прежде всего, святогорское) посредство.

Заметно усложняются детали картины связей и для классического периода «второго южнославянского влияния», хотя основной тезис А. И. Соболевского о преобладании болгаро-русских по-прежнему остается в силе. В определенном смысле его даже можно усилить. Констатация Соболевским неполноты корпуса сербских переводов и сочинений в русской традиции²³ в настоящее время может быть подтверждена и дополнена большим числом дополнительных примеров²⁴. Наблюдается известная ревизия оценок и в сфере изучения русско-южнославянских связей второй половины XIV в., непосредственно с письменностью не связанных (но при этом, несомненно, под воздействием изучения именно памятников письменности) — ряд живописных произведений (стенописей и икон), которые ранее рассматривались историками искусства как созданные на Руси сербскими мастерами, в новейшее время менее конкретно характеризуются как «балканские»²⁵.

С другой стороны, ряд положений А. И. Соболевского может быть оспорен. Это относится, в частности, к вопросу о болгарском посредничестве в сербско-русских связях. Между тем с успехами славянской археографии в последней четверти XX в. (в особенности в деле каталогизации и описания южнославянских рукописей в хранилищах Болгарии, бывшей Югославии и Афоне) выявились обстоятельства, заставляющие рассматривать ситуацию под другим углом. Взаимоотношение болгарской (собственно тырновской или афоно-тырновской)²⁶ и сербской книжно-письменных традиций XIV в. (как, впрочем, и в более раннее время)²⁷ носит явно асимметричный характер. Если сербская открыта для болгарских памятников на уровне простой переписки²⁸, то болгарская для сербской практически закрыта — в ней почти не распространяются не только оригинальные сербские сочинения, но и сербские переводы, относящиеся к общеправославному корпусу текстов и связанные со сменой богослужебного устава²⁹. Сербский перевод может войти в болгарскую традицию лишь после его дополнительного редактирования. Примечательно, что подобный изоляционизм наблюдается в XIV в. в условиях существования интернациональных монашеских общин, участия писцов разных национальностей, пользующихся разной орфографией, в написании рукописей, случаев одной и той же каллиграфической выучки у писцов с разными правописными нормами³⁰. Учитывая достаточную легкость (сравнительно с русско-южнославянскими связями) контактов между болгарскими и сербскими книжниками, в особенности на Афоне, и очевидное для всех (во всяком случае, на взгляд современного исследователя) значение богатейшего книжного собрания Хиландарского монастыря (а со второй половины XIV в. и монастыря Св. Павла) такая замкнутость может носить только неслучайный, вполне осознанный характер (о возможных причинах этого см. ниже). В подобной ситуации болгары — за редчайшими исключениями³¹ — никак не могли выступать посредниками в распространении сербских переводов на Руси.

Примеры непосредственных сербско-русских книжно-литературных контактов в конце XIV — первой половине XV в., известные в настоящее время, за пределами деятельности Пахомия Логофета, действительно, довольно немногочисленны. Так, сохранились четыре сербские (рашской редакции) рукописи третьей четверти

XIV в.³², попавшие на Русь не позднее первой четверти XV в. — «Воспоминание к своей ему души» Петра Дамаскина с русскими записями рубежа XIV—XV вв. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 179)³³, Лествица из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря с русскими дополнениями конца XIV (?) — начала XV в. (РГБ, ф. 113, № 463)³⁴, пергаменный список Повести о Варлааме и Иоасафе с русской тайнописной записью «полусловицей» рубежа XIV—XV вв. (ГИМ, Новоспасское собр., № 11)³⁵ и, наконец, выявленный недавно сборник аскетических сочинений и слов на великие праздники (РНБ, Кирилло-Белоз. собр., № 32/1109)³⁶. Еще один важный памятник русско-сербских культурных контактов первой четверти XV в. в то время до Руси так и не добрался, оставшись на Святой горе почти до середины XIX столетия. Речь идет о втором по древности (первая четверть XIV в.) списке первоначального перевода «Слов постнических Исаака Сирина» (РГБ, собр. МДА, фонд., № 151. II), привезенном с Афона в 1849 г. А. Н. Муравьевым. На чрезвычайно широких полях этого кодекса in folio рукой русского писца (которого в 2004 г. Б. М. Клосс убедительно отождествил³⁷ с работавшим в Константинополе и на Афоне в первой четверти XV в. монахом Евсевием-Ефремом³⁸) «младшим» полууставом приписаны тексты разного объема, дополняющие первую редакцию перевода до второй³⁹. Стоит, наконец, упомянуть и известную запись сербского инока-агиорита Евсевия о его драматической судьбе, сделанную не ранее 1402 г. (после Ангорской битвы султана Баязита с Тимуром) на русском пергаменном списке Диоптры Филиппа Монотропа (ГИМ, Чудовское собр., № 15), переписанном в 1388 г. в Константинополе⁴⁰.

Немногочисленны и выявленные на сегодняшний день примеры переписки русскими писцами сербских рукописей. Наиболее известный из них представляет, несомненно, случай копирования принесенного в конце XIV в. непосредственно из Сербии в Спасо-Каменный монастырь под Вологдой сборника 16 слов Григория Богослова, засвидетельствованный книгописцем Олешкой Палкиным в послесловии к списку 1479 г. (РНБ, собр. Погодина, № 989)⁴¹. В русских списках, хотя и немногочисленных (например, в пергаменном — РНБ, Софийское собр., № 1365, л. 1—135 об.)⁴², известна и сербская редакция перевода Повести о Варлааме и Иоасафе⁴³ — редкий случай, когда на Русь пришли две разные южнославянские редакции одного и того же текста.

К числу таких памятников относится, по всей вероятности, и пространное житие Григения (в славянском переводе Григория), епископа Химьяра («Омиритского»), сопровождающееся в рукописях его «Прением» (в 4-х «беседах») с еретиком Ерваном. Перевод всего комплекса выполнен в сербском афонском монастыре Св. Павла монахом Антонием (в миру Арсений Багаш) в последней четверти XIV в.⁴⁴ (старший сербский список 1380—1390-х гг. — Сербия, монастырь Высокие Дечаны, № 98)⁴⁵. Весьма многочисленные русские списки восходят к этому переводу⁴⁶. Известны и среднеболгарские (молдавские по происхождению) списки текста, например, в сборнике прославленного книгописца Гавриила (Урика) 1441 г. (Бухарест, БАН Румынии, Слав. 165)⁴⁷, однако молдавская рукописная традиция по существу не играет в классический период «второго южнославянского влияния» в русско-южнославянских связях никакой роли⁴⁸.

Небесспорно происхождение перевода «Слова постнического Максима Исповедника по вопросу и ответу», представленного в русских списках с конца первой трети XV в. Согласно заметке, сохранившейся при старших из них, перевод был сделан в 1425 г. на Афоне кир Иаковом Доброписцем для неоднократно упоминавшегося уже Евсевия-Ефрема⁴⁹. Переводчика в литературе принято отождествлять с соименным сербским книжником, переведшим и переписавшим в 1426 г. на Афоне первый том Бесед Иоанна Златоуста на книгу Бытия (ГИМ, Син. 36)⁵⁰. Этому в значительной мере противоречит то обстоятельство, что в новгородском списке 1431 г. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 175) «Слово» (как и вся рукопись, в которую оно входит) написано с выдержанной среднеболгарской орфографией, включая регулярное употребление «юса большого»⁵¹. Нельзя, однако, исключить, что в данном случае мы имеем дело с весьма ранним примером сознательной болгаризации орфографии русским писцом⁵² — иноком новгородского Лисицкого монастыря Серапионом⁵³.

Особый случай составляет судьба славянского перевода сочинений Дионисия Ареопагита, выполненного старцем Исайей в 1371 г. Существование древнейшего сербского Колашинского (или Архангельского) списка памятника, датируемого 1370-ми гг. (РНБ, Гильф. 46), в котором не без оснований подозревают частичный автограф переводчика⁵⁴, не оставляет, на мой взгляд, сомнений в национальной принадлежности последнего.

Рукописная традиция текста по начало XVI в. включительно отчетливо распадается на три группы. Первую составляют 4 списка сербского извода, созданные не позднее первой половины XV в. Помимо перечисленных Г. М. Прохоровым⁵⁵ сюда относится также дефектный список афонского происхождения из собрания Народной б-ки в Праге, XVII Е 56⁵⁶. Во вторую входят русские списки второй четверти — конца XV в.⁵⁷ К третьей относится единственная рукопись первой четверти XVI в. с непоследовательно выдержанной среднеболгарской орфографией, написанная молдавским полууставом (Вена, Национальная библиотека Австрии, Слав. 14)⁵⁸. Эта последняя является единственным надежным свидетельством существования болгарской традиции списков памятника в более раннее время. Переписавший кодекс монах Виссарион Хиландарский (атрибуция Б. С. Ангелова) владел и тырновской и ресавской орфографией⁵⁹, однако заметные погрешности в использованной им здесь первой свидетельствуют, по всей видимости, о копировании среднеболгарского оригинала⁶⁰.

В русскую рукописную традицию перевод старца Исайи — судя по разнице в расположении толкований в разных списках⁶¹ — на протяжении конца XIV—XV в. приходил как минимум дважды.

Существование промежуточного болгарского списка по крайней мере для одной ветви восточнославянской традиции весьма вероятно, однако это промежуточное звено максимально персонифицировано и сводится к единственному списку-посреднику, изолированному в собственно болгарской традиции. Речь идет о протографе так называемого «Киприановского» списка (РГБ, собр. МДА фонд., № 142). Известно, что сохранившаяся рукопись не является автографом митрополита Киприана и отстоит от времени его кончины (1406 г.) не менее чем на треть

века⁶². Однако существование устойчивого предания, связывающего кодекс с именем Киприана, делает весьма вероятной версию о том, что он восходит к рукописи, принадлежавшей митрополиту или переписанной им⁶³.

Как же согласовать существование этого архетипного Киприановского списка с отсутствием болгарской традиции копирования перевода старца Исаяи вплоть до начала XVI в.? Ответ на этот вопрос кроется, возможно, в константинопольском эпизоде биографий переводчика и будущего митрополита. В 1375 г. оба они находились в столице Византийской империи: первый в составе сербского посольства, участвовавшего в переговорах о примирении церковей⁶⁴, второй вернулся после церковно-дипломатической миссии в Великом княжестве Литовском и привез частицы мощей новоявленных виленских мучеников⁶⁵. В столице империи Киприан мог получить от Исаяи экземпляр его перевода⁶⁶, еще являвшегося новинкой, или (что более вероятно) скопировать его для себя. В декабре того же года он был поставлен митрополитом на литовскую и польскую часть киевского диоцеза⁶⁷ и увез рукопись с собой. Так мог возникнуть один из источников русской традиции памятника, среднеболгарский по орфографии⁶⁸, но не связанный с болгарскими книгописными центрами.

Нестандартная ситуация наблюдается в отношении Стишного Пролога, неоднократно приносимого на Русь со славянского Юга в конце XIV — первой половине XV в. Очевидно, на его примере мы можем проследить довольно редкий (если не уникальный) случай, когда болгарские тексты в период классического «второго южнославянского влияния» приходили на Русь через сербское посредство.

По поводу происхождения перевода этой редакции Пролога в сербской и болгарской исследовательской литературе высказывались различные суждения. Д. Богданович в статье на эту тему относил перевод к числу сербских первой половины XIV в. (или даже несколько более раннего времени)⁶⁹, Г. Петков в вышедшей позднее специальной монографии, посвященной данному вопросу, выделяет два перевода — болгарский и сербский — первый из которых получил широкое распространение во всех православных славянских традициях⁷⁰. По всей видимости следует признать правоту Г. Петкова, привлечшего к исследованию значительный (хотя и не исчерпывающий) круг источников, принадлежащих к разным языковым изводам. Согласно его наблюдениям, на Руси получила известность и распространение тырновская редакция перевода⁷¹. Применительно к теме статьи нас интересует прежде всего набор и состав оригинальных болгарских и сербских статей памятника. Он колеблется в разных ветвях восточнославянской традиции, однако нигде не ограничивается только болгарскими или только сербскими. Наиболее полно он представлен в старшей группе списков, включающей комплекты, переписанные в 1429 г. и около этой даты для Троице-Сергиева монастыря (РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 715, 717, 720), и в 1478—1479 гг. по заказу удельного вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого для расположенного в его владениях Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере (Петербург, РГИА, ф. 834, оп. 2, № 1261, 1264, 1267, 1278). В них содержатся жития и болгарских (Параскева-Петка Тырновская, Иоанн Рьльский, перенесение мощей Илариона, еп. Мегленского, Михаила Воина из Потуки) и сербских (Симеона и Саввы) святых.

Меньшее число болгарских статей включают новгородские списки XV—XVI вв. (старший известный написан в 1479 г. в пригородном Спасо-Хутынском монастыре — РГИА, ф. 834, оп. 3, № 3933—3936). В них отсутствуют жития Параскевы-Петки и повесть о Михаиле Воине из Потуки, но имеется проложный стих Арсению Сербскому⁷².

Промежуточный вариант между ними (есть стих Арсению, нет повести о Михаиле, житие Параскевы дано не под 14, а под 13 октября) представляют западно-русские списки этого календарного сборника, известные с конца XV в.⁷³

Уместно поставить вопрос, где могло возникнуть подобное сочетание болгарских и сербских житий. Пытаясь дать на него ответ, в своих ранних работах я высказывал предположение о связях редакции, представленной троицким и спасо-каменским комплектами, с Тырновом⁷⁴. Большое значение для меня в тот момент имело мнение А. И. Соболевского о преобладании в XIV—XV вв. русско-болгарских связей и гипотеза С. П. Розанова о создании проложного жития Саввы Сербского в столице Второго Болгарского царства⁷⁵, а также невозможность в ту пору работать с южнославянскими списками Стишного пролога, находящимися в зарубежных собраниях. Однако уже просмотр существующих к настоящему времени описаний ранних (XIV—XV вв.) южнославянских списков памятника показывает, что болгарские рукописи, содержащие жития сербских святых, отсутствуют в природе⁷⁶. Напротив, сербские по орфографии списки (как рашские, так и ресавские) с болгарскими житиями (хотя бы и с неполным их комплектом) представляют довольно обычное явление⁷⁷. Это обстоятельство заставляет думать, что в основе разных ветвей восточнославянской традиции Стишного пролога лежат какие-то сербские (вероятнее всего, ранние ресавские или предресавские — см. ниже) списки⁷⁸. Дополнительным немаловажным аргументом в пользу сербского происхождения архетипов всех этих восточнославянских редакций Стишного Пролога служит то обстоятельство, что в заключительной части жития Иоанна Рьльского (присутствующего во всех них) содержится молитва о заступничестве не только за болгар, но и за сербов⁷⁹. Существенно сложнее решить вопрос об относительно узкой локализации списков, легших в основу восточнославянской традиции сборника. Наиболее вероятно, как кажется, предполагать их афонское происхождение.

Приведенные примеры, хотя и немногочисленные, свидетельствуют, что непосредственные русско-сербские связи в период «второго южнославянского влияния» все же существовали, хотя и уступали по интенсивности русско-болгарским. Причину этой разницы следует объяснять, очевидно, не отсутствием контактов русских инок с сербскими, а иными обстоятельствами. Решающее значение имел, разумеется, сознательный выбор восточнославянскими книжниками текстов для переписки — во «втором южнославянском влиянии» (как и во всех культурных «влияниях» до эпохи массовых коммуникаций) в качестве активной стороны выступала воспринимаящая. Русских монахов-книжников, работавших в Константинополе и на Афоне, интересовали прежде всего переводы аскетических сочинений и богослужебных книг по Иерусалимскому уставу. Переводы библейских книг и толкований на них, независимо от происхождения, привлекали их куда меньше —

так, на Руси не получила известности редакция ветхозаветных книг, связанная с Тырновом (так называемая «Евфимиевская Библия»⁸⁰). Весьма умеренным был и интерес к полемической литературе. В условиях моноконфессионального общества в будущей Великороссии, при ограниченных контактах с католиками и мусульманами и отсутствии еврейского населения переводы соответствующих полемических сочинений явно не были здесь востребованы, в отличие от Балкан. Актуальность антикатолических сочинений возрастает, пожалуй, только в 1410-х гг. в Литовской Руси в связи с планами унии⁸¹, но здесь, в отличие от северо-восточных княжеств, практически отсутствовали новые общежительные монастыри, выступавшие основными проводниками «второго южнославянского влияния».

Нельзя упускать из виду и следующее обстоятельство. Списки переводов библейских книг, толкований на них и полемических сочинений, о которых шла речь выше, немногочисленны (во всяком случае, ранние) и в самой южнославянской (сербской) традиции. Часть из них связана возникновением с придворными кружками сербской Деспотовины времени Стефана Лазаревича и (в меньшей степени) Гюрга Бранковича. Определенная элитарность этих переводов препятствовала их распространению даже среди южнославянских книжников и ограничивала возможности знакомства с ними русских.

Безусловно, играли свою роль и богословско-орфографические установки эпохи⁸². Вероятно, в среде славянского монашества (при этом не только болгарского) в Константинополе и на Афоне бытовало (в качестве устного предания) представление о особой исправности списков со среднеболгарской тырновской орфографией сравнительно с сербскими, хотя в окончательном виде оно нашло выражение лишь под пером Константина Костенецкого.

В связи с этим следует обратить внимание и на неоднозначность и даже недостаточность определения «сербский» применительно к орфографическим нормам рукописей конца XIV и в особенности первой трети XV в. А. И. Соболевский явно понимал под этим (в какой-то мере вслед за составителями описей монастырских библиотек XV—XVI вв.) рукописи с рашской орфографией. Между тем уже с последней четверти XIV столетия, и чем дальше, тем в большей степени, сербские книжники начинают использовать нормализованное и архаизированное ресавское правописание⁸³. Поскольку этот процесс хронологически совпадает со «вторым южнославянским влиянием», уместно задаться вопросом, не нашло ли отражения ресавское правописание в восточнославянских рукописях конца XIV—XV вв.? Известно, что наиболее распространенным орфографическим признаком этого феномена в русских памятниках является написание сочетаний редуцированных с плавными в соответствии с южнославянскими нормами, замена ЪI на ЫI, упорядочение написания И и I и употребление диграфа ОУ либо лигатуры «УК» независимо от позиции⁸⁴. Эти признаки в равной мере свойственны как тырновской, так и ресавской орфографии. Разница между ними заключается в первую очередь в употреблении «юсов» в первой и «Е йотированного» во второй. Отражение «мены юсов» в русских рукописях не может служить однозначным и бесспорным указанием на болгарское происхождение протографа, поскольку в ряде случаев оно может восходить к промежуточному сербскому (ресавскому). Поэтому орфографию

русских рукописей, сложившуюся под воздействием «второго южнославянского влияния», в принципе, равно можно рассматривать не только как упрощение тырновской (исключение «юса большого»), но и как усложнение ресавской (добавление «юса малого»). Русские списки с сербских рукописей раннего XVI в. (см. выше) дают тому достаточно примеров. Тема, во всяком случае, вполне достойна внимания лингвистов.

Примечания

¹ *Соболевский А. И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. СПб., 1894.

² *Он же.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903 (= Сборник ОРЯС. Т. LIV, № 1; репринт: Leipzig, 1989). С. 6, 11 (далее — *Соболевский.* Переводная литература...).

³ См., например: *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958 (То же // *Он же.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 7—56); *Он же.* Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 82—112; ср.: *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV — XV вв. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 321—338 (далее — *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура...); *Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб., 2001 (= Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Т. 1). С. 73—442.

⁴ См., напр.: РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 1299, Пролог на сентябрь-февраль, под 16 сентября.

⁵ См., напр.: *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 342—343. Обзор исследовательских мнений XIX—XX вв. о национальной принадлежности митрополита Киприана см.: *Дончева-Панайотова Н.* Григорий Цамблак и болгарские литературные традиции в Восточной Европе XV—XVII в. Велико Търново, 2004. С. 55—56.

⁶ Показательны в этом смысле некоторые характеристики палеографов — современников А. И. Соболевского, увидевшие свет 20—30 лет спустя после издания речи о южнославянском влиянии. Так, Е. Ф. Карский (Славянская кирилловская палеография. Л., 1928; репринт: М., 1979) в перечне датированных источников относит к числу сербских памятников Лествицу, переписанную в 1383 г. в Константинополе митрополитом Киприаном (с. 41, № 58) и среднеболгарский же список (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 172) Слов постнических Исаака Сирина 1381 г. (с. 50, № 78); в последнем случае имеется следующий комментарий: «Русский памятник писан сербским письмом и правописанием».

⁷ Весьма причудливыми представлениями о языковых нормах южнославянских рукописей (вполне согласными, впрочем, с воззрениями исследователей XIX в.) отличается, к примеру, опубликованная в 1968 г. статья историка искусства Г. И. Вздорнова. Говоря о преобладании среди попавших на Русь южнославянских рукописей сербских, он, в частности, писал: «Следует, однако, иметь в виду, что рукописи сербского происхождения по изводу и правописанию (так! — А. Т.) часто оказываются болгарскими» (*Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских письма Афона и Константинополя в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. //

ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 181, примеч. 42 (То же // Из истории русской культуры: Статьи по истории и типологии русской культуры. М., 2002. Т. 2. Кн. 1 (Киевская и Московская Русь). С. 904—937); (далее — *Вздорнов*. Роль славянских монастырских мастерских...; ссылки на 1-е изд.)).

⁸ Особняком стоит в этом смысле мнение сербских исследователей (прежде всего В. А. Мошина), предпочитающих говорить о русско-южнославянских связях без выделения национальных традиций (*Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // *Русь и южные славяне*: Сб. статей к 100-летию со дня рожд. В. А. Мошина (1894—1987). СПб., 1998. С. 95—100 (1-е изд. — ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 28—106)).

⁹ Основную библиографию работ о Пахомии см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1989 (далее — СККДР). Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI вв.). Ч. 2 (Л—Я). С. 176—177.

¹⁰ Подробнее об этом: *Турилов А. А.* Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV — первой четверти XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 12—21; *Он же*. К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV—XVI вв. // *Русско-балкански културни врѝзки през Средневековието / Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья* (далее — *Русско-балкански културни врѝзки...*). София, 1982. С. 68—74.

¹¹ О нем см.: СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 3—6.

¹² *Соболевский*. Переводная литература... С. 11, примеч. 4.

¹³ *Јагѝћ В.* Константин Философ и његов Живот Стефана Лазаревића, деспота српскога // ГСУД. 1876. Кн. 42. С. 223—228 (репринт: Горни Милановац, 2004).

¹⁴ См.: *Ухова Т. Б.* Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря // *Записки Отдела рукописей [ГБЛ]*. М., 1960. Т. 22. С. 140.

¹⁵ Из-за механического пропуска в заглавии (возникшего, по всей вероятности, еще на стадии архетипа) авторство жития во всех восточнославянских (великорусских по происхождению) списках ошибочно приписано Доментиану. Исключение составляет единственный список из библиотеки Супрасльского монастыря (Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 104), восходящий явно к другому сербскому оригиналу (см.: *Турилов А. А.* Южнославянские памятники в литературе и книжности Московской и Литовской Руси XV—XVI вв.: парадоксы истории и географии культурных связей // *Славянский альманах 2000*. М., 2001 (далее — *Турилов*. Южнославянские памятники...). С. 251, 253).

¹⁶ *Богдановић Д.* Нека запажања о руској редакцији Теодосијевог Житија светог Саве // *Зборник Матице Српске за књижевност и језик*. Нови Сад, 1975, Књ. 23/2. С. 256—258; *Гаврюшина Л. К.* Русская рукописная традиция жития Саввы Сербского // *Советское славяноведение*. 1984. № 1. С. 68—82.

¹⁷ См.: *Турилов А. А.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв. // *Хризограф*. М., 2005. Вып. 2. С. 141.

¹⁸ Примеры ошибочной атрибуции восточнославянских рукописей XV—XVI вв., следующих среднеболгарской орфографии, см.: *Турилов А. А.* О времени и месте создания пергаменного Евангелия «Мемнона книгописца» (БАН, Доброхот. 26) // *Информационный бюллетень МАИРСК*. 26. М., 1992. Вып. 26. С. 15—46.

¹⁹ Старший список обоих текстов в составе сборника начала XVI в., РГБ, Волоколамское собрание, № 644, л. 224—244. Лишним подтверждением происхождения архетипного списка служит включение в завершающую текст похвалу имени сербского деспота Гюрга Бранковича (1428—1456), которое содержится почти во всех восточнославянских копиях (см.: *Рогов А. И.* Петка Тырновская в восточнославянской письменности и искусстве //

Руско-балкански културни врѝзки... С. 175; Турилов. Южнославянские памятники... С. 269, примеч. 41.

²⁰ Единственный (как в восточнославянской, так и в южнославянской традиции) список входит в волоколамский сборник № 655 вместе с житием деспота Стефана (переписан одним из писцов последнего текста). В настоящее время текст подготовлен к новому изданию О. В. Твороговым. Уместно напомнить, что в литературе XIX — середины XX в. рукопись считалась просто сербской (см., например: *Шахматов А. А.* Пахомий Логофет и Хронограф // ЖМНП. 1899. № 1. С. 204).

²¹ В особенности это относится к отрывку в составе все того же Волоколамского сборника № 655 (л. 238 об. — 262), который по правописанию очень легко принять за сербский.

²² Старшие списки житий в составе Волоколамского сборника № 655 написаны рукой волоколамского монаха Ферапонта Обухова (см. о нем: *Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель.* М., 1986. Т. 1. Вып. 2. С. 142), последовательно проводившего в своих рукописях восточнославянские правописные нормы. Хроника Манассии представлена только поздними (второй половины XVI и XVII вв.) списками (см.: *Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах.* София, 1988. С. 98—102), орфография которых в данном случае не показательна.

²³ См.: *Соболевский.* Переводная литература... С. 11, примеч. 3.

²⁴ К их числу относятся, к примеру, почти все переводы и редакции, выполненные сербами и (или) для Сербии в конце XIV — первой половине XV в., в том числе такие крупные, как ряд библейских книг и толкований на них (см.: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 185—191), «Догматики паноплия» Евфимия Зигабена, антилатинские полемические сочинения Григория Паламы и Нила Кавасиллы (получившие известность в Москве, вероятно, только в середине XVI в.), Иосифа Вриенния, антимусульманские и антииудейские Иоанна Кантакузина, и др. Подробнее ситуация рассмотрена выше, в очерке «Южнославянские переводы XIV—XV вв. и корпус переводных текстов на Руси».

²⁵ Так, к примеру, вопреки установившемуся в искусствоведческой литературе мнению (*Лазарев В. Н.* Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV в. // *Ежегодник Института истории искусств АН СССР.* М., 1957. С. 233—278), вызывает большое сомнение сербское происхождение мастеров, выполнивших фрески новгородской церкви Спаса на Ковалеве (1380), поскольку орфография надписей на них (с употреблением Ъ и «юсов»), при этом явно не объясняемым только возможным влиянием русской традиции) свидетельствует о болгарском правописании художников, происходивших, скорее всего, из Македонии (это, разумеется, не отрицает их связи с сербской художественной культурой). Надписи на долгое время считавшихся сербскими (*Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи [ГТГ]. М., 1963. Т. 1. № 337—338) иконах раннего XV в. из села Кривое на Северной Двине выполнены русским уставом (*Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Древнерусское искусство X — начала XV вв.* М., 1995. Т. 1. С. 180—183, № 85—88; *Гальченко М. Г.* Надписи на древнерусских иконах XII—XV вв.: Палеографический и графико-орфографический анализ. М., 1997. С. 156—159); то же можно сказать об остатках надписей на иконе рубежа XIV—XV столетий «Похвала Богоматери со сценами Акафиста» из Успенского собора Московского Кремля, иногда относимой к работам сербских художников (Византия. Балканы. Русь. Иконы конца XIII — первой половины XV в.: Каталог выставки. М., 1991. С. 223, № 36; ср.: *Громова Е. Б.* Проблема иконографии Акафиста Богоматери в искусстве Византии и Древней Руси XIV в.: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1990).

²⁶ Ситуация в скрипториях Македонии безусловно отличалась от восточноболгарской, сближаясь в этом смысле с сербской.

²⁷ См., например, очерк «Судьба древнейших славянских литературных памятников в средневековых национально-региональных традициях» в наст. изд., с. 18—38).

²⁸ Этим объясняется бытование в ней болгарских переводов даже тех памятников, которые существовали и в сербских — Лествицы (*Мострова Т.* Към въпроса за Лествицата в славянската ръкописна традиция // *Palaeobulgarica*. 1991. № 3. С. 70—90), триодно-го Синаксаря (*Тасева Л.* Триодните синаксари у южните славяни през XIV в. (Постен цикл) // *Славянска филология*. София, 2003. Кн. 23. С. 5—17; *Она же.* Единство и многообразие за преводачки норми през XIV в. (По материал от два южнославянски превода на триодните синаксари) // *Старобългарска литература*. София, 2005. Кн. 33—34 (В чест на Климентина Иванова). С. 445—456), Стишного Пролога (*Петков Г.* Стишнийят пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV—XV в.): Археография, текстология и издание на проложни стихове. Пловдив, 2000. С. 17—25; далее — *Петков Г.* Стишнийят пролог...), и др.

²⁹ Для периода существования Второго Болгарского царства можно привести, насколько мне известно, лишь два примера такого перехода, причем оба относятся к каноническим и церковно-юридическим памятникам. Первый — это Сербская Кормчая, бытование которой в Болгарии засвидетельствовано ее присылкой отсюда на Русь в 1262 или 1270 г. (см.: *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 135—155) и сокращенной редакцией, представленной списком третьей четверти XIV в. (Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV—XVI вв.: Исследования. Тексты. М., 2002). Второй — Синтагма Матфея Властаря, сохранившаяся в рукописи последней четверти XIV в. (РГИА, ф. 834, оп. 3, № 2037 — *Бенешевич В. Н.* Два списка славянского перевода Синтагмы Матфея Властаря, хранящихся в Санкт-Петербургской синодальной библиотеке // *ИОРЯС*. СПб., 1901. Т. 6. Кн. 4. С. 150—227). Все остальные среднеболгарские списки сербских переводов XIV—XV вв. (Сочинения Дионисия Ареопажита с толкованиями Максима Исповедника, Житие Григория Омиритского (см. ниже), сборник полемических сочинений Иоанна Кантакузина, и др. представлены в славяно-молдавских рукописях второй четверти XV — XVI в., т. е. они могут отражать уже не собственно болгаро-сербские контакты, а молдаво-афонские, либо церковные и культурные связи Молдавского княжества, с 1430-х гг. находившегося в юрисдикции сербского патриарха.

³⁰ Особенно показателен в этом смысле казус Симона-Симеона, заключающийся в том, являются ли соименные писцы середины XIV в., один из которых написал знаменитое лицевое Лондонское Евангелие царя Иоанна Александра, а второй сербский Служебник (РНБ, Погодин, № 37), привезенный В. И. Григоровичем с Афона, одним и тем же лицом? В пользу их отождествления высказывался ряд русских и сербских ученых (см.: *Харисиџадис М.* Раскошни византијски стил у орнаментици јужнословенских рукописа XIV и XV в. // *Моравска школа и њено доба*. Београд, 1972. С. 211—227), у болгарских исследователей отношение к этой атрибуции в целом отрицательное (*Иванова К.* Български, сръбски и молдовлахийски кирилски ръкописи в бирката на М. П. Погодин. София, 1981. С. 199; *Джурова А.* Томичов Псалтир. София, 1990. Т. 1. С. 37, примеч. 36). Кроме этих двух подписных рукописей Симону-Симеону на основании почерка атрибутируется еще несколько болгарских и сербских рукописей (*Харисиџадис М.* Раскошни византијски стил... С. 211—227). Не вдаваясь здесь в сложную проблему идентификации весьма унифицированных каллиграфических почерков, к каковым относится «тырновский» литургический полуустав, нельзя не констатировать, что сам спор мог возникнуть лишь при условии их чрезвычайной близости.

³¹ См. ниже примеры с житием Григория Омиритского и сочинениями Дионисия Ареопажита.

³² Для сравнения, болгарских рукописей, попавших на Русь приблизительно в то же время, в хранилищах России известно свыше дюжины — см.: Турилов. Восточнославянская книжная культура... С. 332—333, примеч. 27 (при этом № 6 (фрагменты Минеи Четьей — РГБ, ТСЛ фонд., № 678, 758) следует исключить из перечня, т. к. это русский список начала XV в. со среднеболгарского оригинала).

³³ Подробнее о рукописи см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. М., 2002. Вып. 1 (далее — СК XIV). С. 193—195, № 86.

³⁴ См. там же. С. 534—537, № 370.

³⁵ См.: Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929 (= ЭСФ. Вып. 4. 3). С. 86, рис. 54.

³⁶ См.: Скарпа М. У истоков восточно-славянской рукописной традиции Слова на Успение Богоматери Григория Паламы (Рукопись Санкт-Петербург, РНБ, Кир.-Бел. 32/1109) // *Palaeobulgarica*. 2008. № 3. С. 23—35.

³⁷ Устное сообщение во время конференции, посвященной русско-афонским связям, в мае 2004 г. Снимки листов рукописи с приписками см.: Древности монастырей Афона X—XVII вв. в России (Из музеев, библиотек, архивов Москвы и Подмосковья): Каталог выставки. М., 2004. С. 180—181 (III. 15).

³⁸ О Евсевии-Ефреме см. подробнее: *Вздорнов*. Роль славянских монастырских мастерских... С. 177—179, 193—196; Православная энциклопедия. М., 2008. С. 277 (далее — ПЭ).

³⁹ Подробнее о кодексе см.: Гранстрем Е. Э., Тихомиров Н. Б. Сочинения Исаака Сирина в славяно-русской письменности // *Вестник церковной истории*. 2007. № 1. С. 139, 162.

⁴⁰ О кодексе и записи в нем Евсевия Сербина см. подробнее: СК XIV. С. 205—207, № 95.

⁴¹ О рукописи и записи в ней см.: Иванова К. История на един южнославянски ръкопис в руската книжнина през XV в. // *Старобългарска литература*. София, 1977. Кн. 2. С. 158—168; Загребин В. М. Исследование памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб., 2006. С. 277—278.

⁴² Описание рукописи: *Абрамович Д. И.* Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1910. Вып. 3 (Сборники). С. 51—54. Часть кодекса, в которую входит Повесть, в литературе принято датировать концом XIV в., однако, принимая во внимание консерватизм новгородских почерков, вполне возможна и датировка ее первой третьей следующего века.

⁴³ Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1985. С. 59.

⁴⁴ *Трифуновић Ђ.* Стара српска књижевност: Основе. Београд, 1995. С. 238—241; ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 616 (ср.: *Христова Б.* Опис на ръкописите на Владислав Граматик. Велико Търново, 1996. С. 26—27). В ресавских списках XV в. (Бухарест, БАН Румынии, Слав. 137 — переписан в 1462 г. в Ксиропотаме; Загреб, Архив ХАЗУ, III а 47 — Сборник Владислава Грамматика 1469 г.), сохранивших молитву о переводчике, сообщается о переводе книги на сербский «извод». В первом из них, помимо этого, переводчик Антоний назван «ктитором места сего святого» (*Panaitescu P.* Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR. București, 1959. Vol. 1. P. 172). В восточнославянских списках указание на ктиторовство переводчика опущено, а определение языка перевода заменено на «русский» (см., например: *Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских... С. 197) либо также исключено.

⁴⁵ О датировке рукописи см.: *Гроздановић-Пајић М., Станковић Р.* Рукописне књиге манастира Високи Дечани. Београд, 1995. Књ. 2 (Водени знаци и датирање). С. 36, № 100.

⁴⁶ Старший (известный по копийной записи в рукописи XV в., РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 45/1284, л. 225 об. — *Вздорнов*. Роль славянских монастырских мастерских... С. 197—198, № 16) был сделан в 1432 г. в Великой Лавре на Афоне известным монахом-кинописцем Афанасием Русиним (о нем см.: Там же. С. 180, 197—198; ПЭ. М., 2002. Т. 4. С. 68—69); см. также: *Соболевский*. Переводная литература... С. 19.

⁴⁷ *Panaitescu P.* Manuscrisele slave... P. 248.

⁴⁸ См.: *Турилов*. Южнославянские памятники... С. 264; *Он же*. Критерии... С. 141—142. Прямо противоположной точки зрения придерживался германский исследователь Э. Фёлькль (см.: *Völkl E.* Die Moldau und der «Zweite südslavische Einfluß» // *Revue des études sud-est europeennes*. Bucarest, 1973. Vol. XI, № 3. P. 475—486), однако его построения носят сугубо кабинетный характер, базируясь почти исключительно на неоспоримом факте географического положения Молдавии между южными и восточными славянами.

⁴⁹ *Вздорнов*. Роль славянских монастырских мастерских... С. 178—179, 195—196.

⁵⁰ *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1854. Отд. 2. Ч. 1. С. 45—46; *Вздорнов*. Роль славянских монастырских мастерских... С. 178.

⁵¹ *Гальченко*. Книжная культура... С. 162—165, 403 (№ 85).

⁵² О более поздних см. выше, в связи со списками раннего XVI в. житий сербских святых.

⁵³ Так, по наблюдениям М. А. Шибаева (ОР РНБ), Серапионом переписан также Торжественник триодный первой четверти XV в. (РНБ, ОЛДП, F. 215), в котором болгарские орфографические нормы проведены даже в цикле слов Кирилла Туровского (о рукописи см.: *Турилов*. Восточнославянская книжная культура... С. 335, примеч. 37; *Гальченко*. Книжная культура... С. 293).

⁵⁴ *Трифуновић Ђ.* Писац и преводилац инок Исаја. Крушевац, 1980. С. 33—46 (далее — *Трифуновић*. Писац и преводилац...); *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987. С. 43—49 (далее — *Прохоров*. Памятники переводной и русской литературы...); *Он же*. Автограф старца Исайи // *Преводите през XIV столетие на Балканите*. София, 2004. С. 309—314.

⁵⁵ *Прохоров*. Памятники переводной и русской литературы... С. 43—44.

⁵⁶ *Vašica J.* Z cirkevněslovanských rukopisů Národní knihovny v Praze a Slovanské knihovny. Praha, 1995. S. 16—21 (№ 2), 125—128 (снимки почерка). В описании рукопись датирована началом XVI в., однако на основании водяных знаков (латинская строчная курсивная буква В — вероятно, возникшая при повреждении филигранны «три горы» небольшого размера) и почерка ее создание можно отнести ко времени не позднее второй четверти — середины XV в.

⁵⁷ *Прохоров*. Памятники переводной и русской литературы... С. 43—44.

⁵⁸ См. о ней: *Яцимирский А. И.* Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек. Пг., 1921. Т. 1. С. 141—147, № 111 (= Сборник ОРЯС. Т. ХСVIII; далее — *Яцимирский*. Описание южнославянских и русских рукописей...); *Birkfellner G.* Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975. S. 139—141, № II/43 (далее — *Birkfellner*. Glagolitische und kyrillische Handschriften...); *Ангелов Б. С.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. Кн. 3. С. 278—281.

⁵⁹ Там же. С. 265—281.

⁶⁰ *Яцимирский*. Описание южнославянских и русских рукописей... С. 141—142.

⁶¹ *Прохоров*. Памятники переводной и русской литературы... С. 45, 48—56.

⁶² *Князевская О. А., Чешко Е. В.* Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Тырновского // *Търновска книжовна школа*. София,

1980. Кн. 2 (Ученици и последователи на Евтимий Търновски). С. 282—292 (далее — *Князевская, Чешко*. Рукописи митрополита Киприана...).

⁶³ *Прохоров*. Памятники переводной и русской литературы ... С. 49—51.

⁶⁴ *Богдановић Д.* Измирење српске и византијске цркве // О кнезу Лазару. Београд, 1975. С. 81—91; *Трифунковић*. Писац и преводилац... С. 11—13.

⁶⁵ См., например: Словарь книжников и книжности Древней Руси (СККДР). Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 405.

⁶⁶ В какой-то мере применительно к данному случаю можно говорить о культурном взаимодействии. Возможно, именно Исая получил от Киприана славянский текст жития виленских мучеников, известный в нескольких сербских списках в составе Стишного пролога (см.: *Сперанский М. Н.* Сербское житие литовских мучеников // ЧОИДР. 1909. Кн. 1. С. 1—48; *Baronas D.* Trys vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija (Istorine studija ir saltiniai). Vilnius, 2000. P. 149—154; *Баронас Д.* По поводу литературной истории Мучения трех виленских мучеников // *Krakowsko-wileńskie studia slavistyczne*. Kraków, 2001. Т. 3. С. 73—75).

⁶⁷ *Соколов П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 451.

⁶⁸ Известно, что «Киприановский» список сочинений Дионисия Ареопажита МДА, фонд. 142 отличается смешанным правописанием, в котором присутствуют и сербизмы, и болгаризмы, и русизмы (*Князевская, Чешко*. Рукописи митрополита Киприана... С. 286—288). Данное обстоятельство может объясняться рядом причин и нуждается в дополнительном исследовании. Так, если принять во внимание наблюдение Г. М. Прохорова, что при создании списка были использованы как минимум три кодекса с разным расположением толкований (*Прохоров*. Памятники переводной и русской литературы... С. 49—51), то часть сербизмов может отнесена на счет дополнительно привлекавшихся (при этом не обязательно Киприаном) рукописей. В то же время и болгаризмы существующего кодекса не обязательно должны восходить к первоначальному митрополичьему списку, они могли возникнуть и под пером русского копииста второй четверти XV в.

⁶⁹ *Богдановић Д.* Две редакције стиховног пролога у рукописној збирци манастира Дечана // Упоредна истраживања. Београд, 1976. Књ. 1. С. 37—72.

⁷⁰ *Петков*. Стишњина пролог... С. 17—25.

⁷¹ См. также: *Турилов А. А.* К истории Стишного Пролога на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1. С. 70—75 (далее — *Турилов*. К истории Стишного Пролога...).

⁷² Подробнее см. об этом: *Он же*. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // Теория и практика источниковедения и историографии отечественной истории. М., 1978. С. 40—44; *Он же*. Болгарские и сербские источники... С. 8—11.

⁷³ Об этой редакции см.: *Турилов*. Южнославянские памятники... С. 254—257.

⁷⁴ См. выше, примеч. 72.

⁷⁵ *Розанов С. П.* Феодосиевская редакция жития Саввы Сербского // Сб. ОРЯС. СПб., 1911. Т. 16. Кн. 1. С. 172.

⁷⁶ К сожалению, это наблюдение не может быть проконтролировано сведениями, касающимися славяно-молдавской (тырновской в своей основе) традиции XV—XVI вв., поскольку в ней отсутствует Стишной пролог как отдельная книга (см.: *Турилов*. Критерии... С. 142), а наличествуют только проложные жития в составе служебных Миней, представляющие особую редакцию перевода (сербских житий в их составе, впрочем, тоже нет).

⁷⁷ См., например, список последней четверти XIV в. из Прилепа (церковь в с. Ропотово, М 3), содержащий жития Параскевы-Петки и Иоанна Рьльского (*Мошин В.* Словенски

ракописи во Македонија. Скопје, 1971. Кн. 1. С. 205—206) и второй четверти XV в. Австрийской национальной библиотеки в Вене, Слав. 53 (*Birkfellner. Glagolitische und kyrillische Handschriften...* S. 250—277, № II/193).

⁷⁸ Этому не противоречит, на мой взгляд, и орфография старшего полного русского списка Стишного Пролога — Троицкого (ср.: *Гальченко. Книжная культура...* С. 402, № 77, 80, 81).

⁷⁹ См., например: РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 717, л. 397; РГИА, ф. 834, оп. 1, № 203.

⁸⁰ См.: *Алексеев. Текстология...* С. 133—139. Нельзя исключить, впрочем, что ряд сербских переводов (например, выполненных по заказу деспота Стефана Лазаревича — см.: *Гагова Н. Деспот Стефан Лазаревич, Птолемей Филадельф и карьерата на придворния философ Константин Костенечки // Старобългарска литература. София, 2006. Кн. 35—36. С. 97—124*) был в момент наиболее активных русско-южнославянских связей (до конца первой трети XV в.) просто недоступен (и даже неизвестен) русским книжникам.

⁸¹ По всей вероятности, этим временем следует датировать написание западнорусского пергаменного полемического сборника «Книга списана бысть на ересь латинскую» (РНБ, О.п.1.7). См.: *Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875. С. 155, 176; Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 331.*

⁸² См. об этом: *Goldblatt H. Orthography and Orthodoxy. Constantine Kostenecki's Treatise on the Letters («Skazanie izъjavlenno o pismenex»).* Firenze, 1987; *Лукин П. Е. Письмена и православие. Историко-филологическое исследование «Сказания о письменах» Константина Философа Костенецкого. М., 2001.*

⁸³ См., например: *Богдановић Д. Студије из српске средњовековне књижевности. Београд, 1997. С. 157—158, 162—163.*

⁸⁴ См., например: *Гальченко. Книжная культура...* С. 383—420.

О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ СОЗДАНИЯ ПЕРГАМЕННОГО «ЕВАНГЕЛИЯ МЕМНОНА-КНИГОПИСЦА»

Пергаменное Четвероевангелие, написанное книгописцем-каллиграфом Мемноном (БАН, собр. П. Н. Доброхотова (архиепископа Павла), № 26 (Осн. собр. 11.9.7))¹, было введено в научный оборот вскоре после поступления его в публичное хранилище². Замечательный во многих отношениях кодекс, бесспорно, заслуживал срочного сообщения о нем, однако первая информация породила научную легенду, до настоящего времени не вызывавшую сомнений. К области легенд принадлежит датировка Доброхотовского Евангелия концом XIII — началом XIV в. и разделяемое всеми исследователями, писавшими о рукописи, мнение, что она является болгарским списком с русского оригинала.

Появление научных легенд может быть вызвано разными причинами: общим состоянием изученности вопроса на определенном этапе, недостаточным знакомством исследователя с материалом или недостаточным вниманием к нему, наконец — тенденциозностью подхода. Однако независимо от исходного момента, дальнейшая судьба таких легенд удивительно сходна. Сходство состоит в первую очередь в их необыкновенной живучести, трудности преодоления сложившегося стереотипа, — так что впору говорить о магии первого сообщения или первой публикации.

Справедливости ради следует заметить, что писец рукописи сделал почти все, что от него зависело, чтобы сбить исследователей с правильного пути, хотя, конечно, вовсе не задавался такой целью. Кроме того, в какой-то степени (и тоже без задней мысли) этому способствовали и владельцы рукописи, у которых она находилась до того, как в 1848 г. попала к архиепископу Павлу (тогда еще иеромонаху, проректору Виленской духовной семинарии)³.

В настоящем своем виде рукопись представляет остаток роскошного кодекса, о былом великолепии которого можно только догадываться по сохранившимся узким прописанным золотом заставкам неовизантийского стиля на л. 1 и 63, заглавиям, написанным золотой вязью, и золотым же заглавным буквам. Хотя в процентном отношении к числу сохранившихся листов утраты и невелики (около 10%)⁴, они полностью исказили облик рукописи. Расположение утрат в кодексе свидетельствует о том, что в большинстве они не случайны. Утрачены в первую очередь начальные и конечные листы каждого из Евангелий, имевшие, вероятно, миниатюры и большие заставки (или же составлявшие пару с иллюминированными листами).

Время изъятия листов можно определить лишь приблизительно. К иеромонаху Павлу в 1848 г. рукопись попала, несомненно, не только с утратами, но и с

их восполнениями на бумаге, сделанными старообрядческим полууставом XIX в. В пользу такого предположения говорит переплет — старообрядческий (доски в коже) и далеко не шегольской, с очень нечетким тиснением. Утраты восполнены на бумаге со штемпелем фабрики Хлюстиных, употреблявшейся во второй половине 1830-х гг.⁵, но такое уточнение может быть принято в значительной мере лишь условно, т. к. при индивидуальном пользовании (а не в канцелярии) залежность бумаги и в XIX в. достигает десятилетия и даже больше. В любом случае миниатюры были изъяты из кодекса не позднее 1830-х — 1840-х гг., и это — пример проявления коллекционерского интереса к славянской миниатюре, а также показатель высоких художественных достоинств пропавших изображений, т. к. отделение миниатюр от кодекса не очень типично для русской коллекционерской практики и, вероятно, вызывалось невозможностью приобрести рукопись целиком⁶. Местонахождение этих миниатюр в настоящее время неизвестно, во всяком случае отождествление их с существующими отдельными листами (см. примеч. 6) не представляется возможным.

Нарушение целостности облика кодекса не могло не наложить известного отпечатка на восприятие его первыми исследователями: памятник (хотя, может быть, и подсознательно) воспринимался как фрагмент. Практика же показывает, что для первого этапа исследования бывает свойственна (насколько позволяет материал) преувеличенная оценка научного значения фрагмента сравнительно с сохранным памятником, к которому применим более широкий комплекс методов анализа. При этом, если результаты исследования дают основания для сомнений, последние обычно решаются в пользу завышенной оценки (для традиционных памятников письменности, каким является Доброхотовское Евангелие, это обычно означает удревнение датировки).

В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский в своем описании охарактеризовали Евангелие Мемнона как среднеболгарский памятник конца XIII в. На первый взгляд, основания для такой атрибуции наличествуют в избытке. Орфография кодекса в большинстве случаев следует правописным нормам среднеболгарского периода, известным по рукописям XIII—XIV вв., созданным в Восточной Болгарии; общий облик каллиграфического письма обнаруживает сходство с почерками рукописей, либо датируемых втор. пол. XIII в. (Тырновское Евангелие 1273 г. (Загреб, Архив ХАЗУ, III.а.30); Тырновский Апостол 1277 г. (там же, IV.d. 106); Погодинская Псалтырь (РНБ, Пог. 8); Добрианова (или Григоровичева) Минея (БАН, 24.4.12 и ОГНБ, Р 4/17 и Р 5/24) и др.), либо относимых ныне к более позднему времени, но датированных так в начале XX в. (Ягичев Златоуст (РНБ, Q. п. I. 56) перв. пол. XIV в.⁷; Берлинский сборник перв. пол. XIV в.⁸; Севастьяновский сборник перв. пол. (втор. четв. ?) XIV в.⁹ (РГБ, ф. 238, № 41/М.1467)), представляющих то направление в развитии болгарских почерков, на основании которого в середине XIV в. сформировался тырновский литургический полуустав.

П. А. Лавров в своем «Обзоре» поместил Доброхотовское Евангелие среди «рукописей болгарского правописания, списанных с русского оригинала или заключающих русские черты правописания»¹⁰. По сравнению со Срезневским и Покровским он датировал рукопись несколько более поздним временем («скорее

XIV века») и отметил следы восточнославянской орфографии (гонѣщѣ вм. гонѣщѣж; цннѣштѣ вм. цннѣштѣ; лѣжѣщѣ вм. лѣжѣщѣ; вѣрѣжѣ съ вм. вѣрѣжѣ ѣж; голоубѣи вм. голѣбѣи). Автор дал подробную характеристику графических особенностей почерка, к которым предстоит обратиться далее.

Наличие следов восточнославянской орфографии в среднеболгарском по правописанию памятнике П. А. Лавров однозначно объяснял влиянием русского оригинала (возможно, через посредство промежуточных списков). Вторая возможность (рукопись является восточнославянским списком со среднеболгарского оригинала, с редкими исключениями последовательно передающим его орфографию) даже не упоминается. Впрочем, если бы у автора возникли сомнения по этому поводу, рукопись просто не попала бы в работу, посвященную палеографии южнославянских памятников.

Практически все ученые, писавшие о Евангелии Мемнона, позднее ссылались на наблюдения первых описателей и П. А. Лаврова. М. Н. Сперанский отметил в статье, посвященной русским памятникам у южных славян в XIII—XIV вв., что не располагает о рукописи иными сведениями, кроме сообщаемых в печатных работах¹¹. Начиная с этой работы Сперанского кодекс прочно вошел в число памятников, упоминаемых в исследованиях о русско-южнославянских литературных связях старшего периода¹². Рукопись использовалась как источник в монографии Л. П. Жуковской по текстологии и типологии славянского Евангелия¹³ и в монографии В. А. Дыбо по славянской акцентологии¹⁴.

В предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв. кодекс попал с датировкой XIII в.¹⁵ В литературе последних лет утвердилась в основном датировка кодекса, предложенная П. А. Лавровым. Она принята в описании пергаменных рукописей БАН, содержащем самую подробную на сегодняшний день археографическую характеристику кодекса¹⁶, и в обзоре славянских пергаменов академической библиотеки, принадлежащем перу Н. Ю. Бубнова¹⁷.

Целый небольшой раздел посвятил Евангелию Мемнона и К. М. Куев во втором издании своей книги, посвященном судьбе болгарских средневековых рукописей¹⁸. Он однозначно считает кодекс восточноболгарским по происхождению¹⁹, не затрагивая вопроса об орфографических русизмах (как, впрочем, не идет речь о них и в описании славянских пергаменов БАН и в обзоре Н. Ю. Бубнова).

На фоне достаточно широкой известности памятника особенно заметно невнимание (или настороженное отношение?) к нему исследователей, практически занимающихся вопросами южнославянской палеографии, кодикологии, орнаментики. Памятник не включен ни в палеографический альбом В. А. Мошина²⁰ (в этом смысле Мошин-палеограф противостоит Мошину-историку культурных связей), ни в роскошный иллюстративный ряд при работе А. Джуровой²¹, хотя безусловно достоин такого репродуцирования. Очевидно, при внимательном знакомстве (даже чисто визуальном) с памятником выявлялись такие особенности, которые не позволяют поместить его в хронологический и типологический ряд с другими среднеболгарскими рукописями²².

Каковы же эти особенности, и о чем может свидетельствовать их совокупность?

Первая из них не имеет отношения к палеографическим и кодикологическим характеристикам, но при учете ее все внешние признаки складываются в совершенно иную систему. Как это ни парадоксально, никто из исследователей, начиная с первоописателей, не обратился к содержанию кодекса (точнее к редакции перевода евангельского текста), хотя к моменту выхода в свет первого тома описания Рукописного отделения БАН (1910 г.) известное исследование Г. А. Воскресенского²³ давно уже не было научной новинкой. Обращение же к сопоставительному материалу в указанной монографии однозначно свидетельствует, что текст Евангелия от Марка в рукописи Мемнона безусловно относится к четвертой редакции перевода (и даже последовательно совпадает в пределах материала исследования (кроме трех случаев — Мр. III. 12; V. 14 и VI. 28) с текстом Острожской Библии 1581 г.). В доказательство привожу примеры:

Л. 64 (Мр. I. 21): «н агне въ сѣботы вшедь въ сѣднице оуташе» (ср.: Воскресенский (далее — В.). С. 142; ОБ, л. 17в 3-й пагинации) (Мр. I. 22): «бѣ бо оутѣ нѣхъ, тако власть нѣхъ и не тако книжницъ» (В 142; ОБ 17в)

Л. 64 об. (Мр. I. 27): «такъ стазати сѣ нѣхъ къ себѣ глѣшѣмъ» (В 142; ОБ 17в)

(Мр. I. 34): «н не оставѣше глати вѣсы, тако вѣдѣхъ его хлѣ сѣща» (В 142; ОБ 17в)

Л. 65 (Мр. II. 10): «нѣ да оувѣсте тако вла(с)тъ нѣмѣтъ сѣхъ глѣшкын на земли шпущати грѣхы» (В 142; ОБ 17г)

Л. 65 об. (Мр. II. 18): «н вѣхъ оутенниці Іоанновн и фарисенстин постаще сѣ» (В 142; ОБ 18а)

«почто оутенниці Іоанновн и фарисенстин постат сѣ» (В 142; ОБ 18а)

Л. 66 об. (Мр. III. 8): «н ш Тѣра и Сидона множество много» (В 142; ОБ 18б)

(Мр. III. 11): «н зваахъ глѣше тако ты еси сѣхъ бѣжин» (В 142; ОБ 18б)

(Мр. III. 12): «да не авалена его творать» (В 142; ОБ 18б: сътворать)

(Мр. III. 13): «н призва нѣхъ же хотѣаше самъ и придошѣ къ нему» (В 142; ОБ 18б)

Л. 67 (Мр. III. 16): «н нарече Сидоноу нѣмѣ Петръ » (В 142; ОБ 18в)

(Мр. III. 20): «н придошѣ въ домъ и събрасѣ пакы народа» (В 142—143; ОБ 18в)

Л. 67 об. (Мр. III. 28): «Аминь глѣ вамъ, тако всѣ шпоустат сѣ съ грѣшения сѣномъ глѣшкымъ» (В 143; ОБ 18в)

(Мр. III. 30): «заче глѣахъ, доухъ неинствѣ нѣмѣтъ» (В 145; ОБ 18в)

(Мр. III. 32): «и сѣдѣше народъ о немъ» (В 145; ОБ 18в)

(Мр. III. 35): «сѣ братъ мѣн и сестра мѣа, и шти мѣн е(с)» (В 145; ОБ 18в)

Л. 69 (Мр. IV. 21): «еда свѣтланикъ приходитѣ да по(д) спждомъ положѣтъ его» (В 145; ОБ 19а)

(Мр. IV. 22): «нѣ(с) бо тanno еже не авитсѣ» (В 145; ОБ 19а)

Л. 69—69 об. (Мр. IV. 30—31): «чесо муу оупо(д)внѣмъ шр(с)твѣне бѣже или коен при(т)чн приложнѣмъ е. тако зрѣно гороушнѣно» (В 145—146; ОБ 19а)

Л. 70 (Мр. IV. 41): «кто убо сѣ есть, тако вѣтръ и море послушаѣ(т) его» (В 146; ОБ 19б: и вѣтръ)

(Мр. V. 3): «н ни веригади никтоже можааше его свазати» (В 146; ОБ 19б)

(Мр. V. 4): «н никтоже можааше его оуджнѣти» (В 146; ОБ 19б)

Л. 70 об. (Мр. V. 9): «н ш(т)вѣща глѣа, легешнѣ нѣмѣ» (В 146; ОБ 19б)

(Мр. V. 10): «н молѣше его много» (В 146; ОБ 19б: и молнша...)

(Mr. V. 11): «вѣ же тоу при горѣ стадо свиное велне пасомо» (В 146; ОБ 19б: свино)

(Mr. V. 14): «и изыдоша видѣти бывшее» (В 146—147; ОБ 19б: ...что есть бывшее)

(Mr. V. 15): «и видѣшъ бѣсновавшаго сѧ, сѣдѧща и шобльчена» (В 147; ОБ 19б)

(Mr. V. 18): «и възвѣзшоу емоу въ корабль, молѣше его бѣсновавыи сѧ. дабы была с нимъ» (В 147; ОБ 19в)

Л. 71 (Mr. V. 23): «да пришьде възложши на на рѣцѣ, како да спасет сѧ и жива блдет» (В 147; ОБ 19в)

Л. 71 об. (Mr. V. 30): «и агне ꙗ разоумѣ въ себѣ снаж нзше(д)шъ ω(т) него» (В 147; ОБ 19в)

Л. 73 об. (Mr. VI. 28): «и дасть ж дѣци. и дѣца дѣтрн своен» (В 293; ОБ 20б: и дѣца дасть ю дѣтрн своен)

Л. 74 (Mr. VI. 30): «и възвѣстншъ емоу въсѣ и санка сътвориша и наоучнша» (В 293; ОБ 20б)

Л. 75 (Mr. VII. 18): «не разоумѣете ли како въсе нже нзъ въкоу входилое въ тѣвка. не можеть оскврѣнитн его» (В 293; ОБ 20г: еже)

Тот факт, что Евангелие Мемнона-киногописца содержит 4-ю редакцию перевода евангельского текста, коренным образом сказывается на датировке кодекса. Поскольку сама 4-я редакция перевода возникла около первой трети XIV в. (создание ее связано с деятельностью святогорского переводчика болгарина старца Иоанна, «прѣложившаго», согласно записи его ученика Мефодия в Октоихе Синай, Слав. 19: «въ вѣтон горѣ ѿфонѣстѣн и лаврѣ вѣноснаго ѿца наше(г) ѿанасіа... тетраев(г) ль...» и другие книги²⁴, не ранее этого времени следует датировать и список Мемнона. Такая датировка находит, на первый взгляд, подтверждение в элементах оформления Доброхотовского Евангелия (тонкие золотые заставки, вязь золотом в заголовках, золотые инициалы, заглавные буквы и точки), сближающих его с кругом роскошных рукописей эпохи царя Иоанна Александра (Софийский «Песнивец» 1337 г., Лондонское Евангелие и Псалтырь Томича). Однако, как постараюсь показать ниже, причина такого сходства не хронологическая, а генетическая — оформление кодекса Мемнона восходит к роскошным болгарским рукописям второй-третьей четверти XIV в.²⁵ (либо византийским того круга, на который были ориентированы и они).

Небольшое, на первый взгляд, изменение датировки кодекса на основании данных текста коренным образом меняет решение вопроса о его происхождении. Если при старой датировке рукописи русизмы в орфографии можно было объяснить влиянием предшествующего (или одного из предшествующих) списков, то при новой это невозможно. Следы русизмов в орфографии южнославянских рукописей наблюдаются в памятниках, восходящих к русской литературной и киногописной традиции, но и здесь они прослеживаются только до начала XIV в. (например, Врачанское Евангелие). В данном же случае речь идет о новом афонском переводе периода максимального ослабления русско-южнославянских культурных контактов²⁶, поэтому предполагать, что список Мемнона восходит к русскому списку, списанному на Афоне или в Константинополе в свою очередь с болгарской рукописи нового перевода (подобно тому, как убедительно объяснены в последнее время Л. Цернич лексические и орфографические русизмы Иловичской Кормчей 1262 г.)²⁷, значит,

вероятно, просто усложнять картину. Русизмы Доброхотовского Евангелия — не следы русского оригинала в болгарской рукописи, а «погрешности» русского писца, точно передававшего орфографию копируемого среднеболгарского списка.

Примеры орфографических русизмов, приводимые П. А. Лавровым (число которых можно умножить) могут быть объяснены двояко. Однако имеется и случай (правда, единственный) исправления писцом южнославянской орфографии на русскую: на л. 110 Мемнон исправил первоначальное дрѣждаах на дрѣждаах, написав букву *e* над строкой.

В пользу русского происхождения Доброхотовского Евангелия свидетельствуют и некоторые особенности графики Мемнона-книгописца²⁸. Хотя тип письма восходит к тырновским почеркам середины XIV в., отдельные детали характерны только для восточнославянских почерков конца XIV или раннего XV в. К их числу относятся:

1) Особое начертание *e* широкого. Писец употребляет две разновидности широкого *e*, первая из которых (преобладающая) отмечена П. А. Лавровым: «...*e* с язычком, загнутым вниз, не выступающее из строки»²⁹. Гораздо менее употребительна другая разновидность, с язычком, отходящим от нижней части (и даже основания) дуги, направленным вверх и образующим дугу меньшего радиуса со стрелообразным завершением. Это так называемое «язычковое *e*», характерное для русских рукописей, начиная с первой половины XIV в. — крайней формой его развития является лежачее *e* «якорное»³⁰, в южнославянских почерках подобный начерк буквы не встречается. Мемнон употребляет эту разновидность *e* очень ограниченно. Подавляющее число случаев ее употребления приходится в рукописи на л. 185—190 об., где находятся указатели евангельских чтений. Буква выступает здесь в роли заглавной и пишется золотом или киноварью, однако эту особенность начерка нельзя считать чисто декоративным приемом (заглавные буквы у Мемнона отличаются лишь незначительно большим размером и цветом — киноварь или золото), тем более что в южнославянских почерках он не встречается и в заглавных буквах. Но и на этих листах буквы располагаются неравномерно. На лицевой стороне л. 185 за исключением одного случая встречается только этот начерк, на обороте он преобладает; на л. 186 лиц. в равной мере представлены обе разновидности *e* широкого, на обороте язычковое *e* употреблено только один раз; на л. 187 лиц. преобладает основная разновидность, на обороте язычкового *e* нет вовсе. На л. 188 лиц. два случая его употребления, на обороте оно преобладает. На л. 189 оба начерка употребляются в равном числе, а на обороте листа и обеих сторонах л. 190 язычковое преобладает.

Кроме этих листов начерк этот встречается в качестве строчной буквы по одному разу на л. 46 об., 90, 92 и заглавной киноварной на л. 193.

2) «Земля». П. А. Лавров так описывает эту букву: «У з узкая головка и хвостик направлен изогнутой прямой вправо». Характеристику можно несколько уточнить. Хвост буквы, направленный вправо, образует плоскую дугу. В месте соединения головки с дугой иногда (вероятно, при нажиме пера) образуется небольшое утолщение — «горбик». Точно тем же приемом пишется и з «молоточковое» в значении *s*. Такой начерк буквы почти не встречается в южнославянских почерках XIV в. (в них,

если з не пишется в соответствии с тырновской традицией в виде арабской цифры «три», то хвост либо вертикально уходит вниз, либо, будучи повернут вправо, завершается крючком влево), но характерен для рукописей из Северо-Восточной Руси кон. XIV — нач. XIV в.: Киевская Псалтырь 1397 г.³¹, Евангелие Хитрово³², Евангелие НБ МГУ³³, Воскресенское Евангелие ГИМ, (Воскр. 2)³⁴, Евангелие Федора Кошки (РГБ, ф. 304. III., № 4)³⁵, Киево-Печерский патерик 1406 г., написанный в Твери³⁶, и другие.

3) Изредка в почерке Мемнона встречается *м* особой формы, не отмеченное П. А. Лавровым³⁷. *М* (в конце строк) изображается в виде *л* (левая черта жирная, правая тонкая), с длинным горизонтальным хвостом, завершающимся крючком влево. Рисунок в целом напоминает букву *з*, опрокинутую влево. В южнославянских почерках такой рисунок буквы не наблюдается. В восточнославянских рукописях подобный начерк составляет немаловажную хронологическую примету, но в качестве таковой почти не изучен³⁸. Между тем с конца XIV в. в рукописях первоначально, в основном, московского происхождения, преимущественно двухстолбцовых, в конце строк для экономии места и в то же время, вероятно, как своеобразный графический декоративный прием наряду с лигатурами начинает применяться сокращенное написание букв: *а* в виде только петли без мачты³⁹, *м* в виде *л* с «хвостом» или (чаще) с «хоботом»⁴⁰, *оу*, в котором *у* передается только правой длинной чертой, соединенной с *о*, и без соединения⁴¹ (Евангелие Федора Кошки), *ъ* в виде зеркального *г* с высокой мачтой, только левая часть «юса малого»⁴². В XV в. названные особенности получают распространение и в других восточнославянских регионах⁴³. Наконец, именно к этому времени относятся первые сохранившиеся восточнославянские опыты создания «полусловицы» — криптографии, основанной на своеобразной графической манере — использовании отдельных элементов букв вместо целых⁴⁴.

Следует отметить, что все рукописи, в которых использованы сокращенные начертания букв, написаны русским уставом или старшим полууставом. Для почерка Евангелия Мемнона — крупного литургического полуустава тырновского типа, этот графический прием представляется уже архаичным. Малое число случаев его применения не удивительно — рукопись написана в один столбец, и писец не ограничивал себя рамкой разлиновки, постоянно вторгаясь на правое поле. Специалисты-книговеды, занимающиеся первопечатной продукцией, несомненно сказали бы, что он не владеет «выключкой строк».

Наконец, следует отметить еще одно начертание, которое в начале XIV в. типично для всей кириллической традиции, но к концу столетия встречается только в восточнославянском регионе — «зело» (только как числовое обозначение) с головкой, повернутой влево⁴⁵.

С признанием Доброхотовского Евангелия восточнославянским памятником вновь встает вопрос о его датировке. Рассмотренные выше графические особенности, как свидетельствуют аналогии из других памятников, характерны для рубежа XIV—XV вв., но они, несомненно, самая архаичная особенность почерка Мемнона, который в остальном, безусловно, является младшим (южнославянским по происхождению) полууставом, восходящим к каллиграфическим тырновским почеркам

середины XIV в. Таким образом, нижняя граница написания Доброхотовского кодекса определяется временем распространения южнославянских почерков в восточнославянской письменности. Верхнюю определяет писчий материал — пергамен; будь кодекс бумажным, изложенные выше недоразумения просто не возникли бы⁴⁶.

Вопрос о хронологии обеих этих границ разработан в специальной литературе весьма слабо. В особенности это относится к определению верхней границы использования пергамена на Руси⁴⁷ в качестве писчего материала для книг⁴⁸. Причины этого видятся в следующем: 1) до последнего времени отсутствовала сводка сведений о пергаменных рукописях XV в.; 2) не учитывалась особенность использования пергамена именно в книгописании. Документальные материалы дают другую хронологию. Хотя для написания грамот бумага начала использоваться раньше, чем в книгописании⁴⁹ — уже с 40-х гг. XIV в. (грамоты Симеона Гордого 1340 г. и Василия Давидовича Ярославского («Грозные Очи») до 1345 г.), но особо важные документы продолжали писаться на пергамене и в XVII в.⁵⁰ По хронологии употребления пергамена как писчего материала к грамотам примыкает такой своеобразный полудокументальный тип памятника, как Синодики или Помянники (независимо от того, написаны ли они в форме книги или свитка)⁵¹; 3) легендарные даты в восточнославянском книгописании XV в.⁵² С учетом всех этих особенностей о восточнославянском книгописании на пергамене можно сказать следующее. Среди 248 кодексов⁵³ достаточно велико количество датированных (не менее 20—25 %) ⁵⁴ и локализованных. Простое сопоставление хронологии и географии восточнославянских датированных рукописей XV в. на пергамене позволяет выявить определенную закономерность для отдельных регионов⁵⁵. Самые поздние рукописи на пергамене, созданные в скрипториях Москвы и Подмосковья (а также новых заволжских монастырях), относятся к 1420-м гг. (1428 г. датируется Устав Иерусалимский, написанный в Саввино-Сторожевском монастыре под Звенигородом — РГБ, Рум. 445, ПС-XV, № 72). От следующего десятилетия дошло еще два списка Церковного Устава — 1436 г., написанный в монастыре под Галичем Мерьским (ГИМ, Увар. 181-8°, ПС-XV, № 93) и 1437/38 г., тверской (ГИМ, Син. 331, ПС-XV, № 96). По одному примеру, естественно, нельзя заключить, имеем ли мы в случае с Тверью сознательную архаизирующую тенденцию, подобную новгородской⁵⁶ (что до галицкой рукописи, то она происходит из малого центра и явно провинциальная по облику).

Пергаменные рукописи XV в., созданные в других центрах Северо-Восточной Руси, представлены совсем уже случайно (за исключением Кирилло-Белозерского монастыря, книгописная традиция которого, однако, генетически неразрывно связана с Москвой и Подмосковьем)⁵⁷ и не достигают отмеченной хронологической границы. Для Ростова (или его епархии) это уже упоминавшийся комплект типографских Миней⁵⁸ (РГАДА, ф. 381, № 88, 95, 102, 109, 115) 1415 или 1426 г. Для Нижнего Новгорода кроме Евангелия 1408 г. (ПС-XV, № 17)⁵⁹ можно указать пергаменный сборник, написанный в 1423/1424 г. в Печерском монастыре при архимандрите Иосифе и князе Данииле Борисовиче, к настоящему времени утерянный (либо утративший выходную запись), но известный старообрядческим полемистам первой четверти XVIII в.⁶⁰

Северо-Западные территории (Псков и Новгород) дают иную картину, при этом внутри региона хронологических отличий между Новгородом и его меньшим братом практически нет. Самая поздняя новгородская рукопись на пергамене написана в 1468 г. (Евангелие апракос, МОКМ, 7344, ПС-XV, № 190), самая поздняя псковская — в 1463 г. (РНБ, Пог. 18, Евангелие апракос, ПС-XV, № 170).

Поскольку процент датированных восточнославянских пергаменных рукописей от общего их числа достаточно репрезентативен (как было показано выше, не менее 20 без усиленных дополнительных изысканий) и нет основания полагать, что хронология недатированных рукописей на пергамене отличается от хронологии датированных, приведенные крайние даты можно достаточно уверенно считать верхней границей (с допуском в 5—10 лет в позднем направлении) употребления пергамена как книгописного материала в разных регионах будущей Московской Руси (т. е. вторая четверть XV в. для Северо-Востока и третья для Северо-Запада).

Если сопоставить эти крайние даты русского книгописания на пергамене в XV в. с хронологической шкалой политической истории, обнаруживаются совпадения, которые вряд ли могут быть случайными. Для Северо-Восточной Руси верхний предел совпадает с началом московско-галицкой феодальной войны и смертью митрополита Фотия (1431 г.), за которой последовал период «нестроенный» в верховном руководстве митрополией, вызванных назначением на кафедру митрополита Исидора и позицией, занятой им по вопросу Ферраро-Флорентийской унии. Для Новгорода это поход 1471 г. Ивана III, ставший началом семилетней агонии феодальной республики. Автор далек от мысли связывать напрямую перемены в культурной жизни с социально-политическими факторами, тем более в традиционном обществе, каким являлось русское в XV в., но игнорировать их воздействие целиком тоже едва ли дальновидно. Речь в данном случае идет о книгописании как ремесле, связанном с работой на заказ. В XV в. сфера применения пергамена как писчего материала в книгописании заметно сужается, в основном он идет на рукописи чисто литургического содержания (по данным ПС-XV, число русских четких книг на пергамене не превышает 15%)⁶¹. Среди них могут быть как роскошные (напрестольные Евангелия, Апостолы), так и весьма скромные по оформлению (Минеи служебные, Октоихи, Триоди, Уставы). Рядовые рукописи этого времени на пергамене происходят (или происходили до XIX в., когда в результате коллекционерского бума значительное число их изменило свое местонахождение)⁶² в большинстве случаев из соборов и крупнейших монастырей Москвы и Новгорода, куда делали богатые вклады церковные иерархи, светские правители и знать, следовательно, уже сам писчий материал стал признаком ценности. Длительная нестабильность политической ситуации мало способствует таким работам на заказ. В силу ограничения церковного строительства уменьшается нужда в основных богослужебных книгах (тем более роскошных), заздравные, заупокойные и обетные вклады в существующие храмы и обители приобретают, вероятно, более материальный характер (земля, деньги, драгоценности). Одновременно с прекращением книгописания на пергамене (и это лишний раз указывает на неслучайный характер хронологической грани) из московского книгописания надолго (практически на полвека — до 1470-х гг.) уходят лицевые рукописи⁶³.

В этом тоже видно нарушение традиции, вызванное политическими катаклизмами. Для Новгорода 1470-х гг. ситуация не выглядит столь определенной (возможно, здесь мы сталкиваемся с естественным отмиранием традиции); показательно, что два комплекта богослужбных книг (для Николо-Гостинопольского и Балаамского монастырей) пишутся около 1475 г. уже на бумаге⁶⁴. Более дешевый писчий материал (хотя книги были написаны по инициативе владыки Феофила) можно было бы объяснить относительно малой значимостью отдаленных монастырей, но дело, вероятно, в другом. Практически одновременно с написанием последнего по времени пергаменного комплекта 1463—1464 гг. для Хутынского монастыря в Новгороде пишется комплект Миней на бумаге (по наблюдениям Е. М. Шварц — около 1463 г.) для кремлевской церкви Сергия Радонежского, построенной тем же архиепископом Ионой⁶⁵. Вероятно, с течением времени сфера употребления пергамена в книгописании еще более сужается, и его используют лишь для Евангелий и Апостолов. События же 1470-х гг. дали последний толчок к слому традиции. Обычные заказчики более раннего времени — бояре и «жители люди» после присоединения территории республики к Московскому великому княжеству выселяются из Новгорода, важнейшие организаторы книгописного дела — архиепископы — с 1478 г. назначаются Москвой и (по крайней мере на первых порах своего пребывания на кафедре) не связаны с местной традицией. В такой обстановке закономерно прекращается новгородское книгописание на пергамене, угасавшее на протяжении предшествующей четверти столетия.

Тенденция к сокращению использования пергамена как писчего материала в восточнославянском регионе на протяжении XV в. особенно ясно видится на примере Пскова. Этот центр в отличие от Москвы и Новгорода в XV столетии не испытывал крутых политических потрясений, на треть века пережив в качестве самостоятельной республики своего «старшего брата», однако последние написанные здесь пергаменные рукописи не моложе новгородских (Служебник 1461 г. — Нац. б-ка Украины, Лавра, № 21/П9, ПС-XV, № 166 (как удалось выяснить автору в последнее время, в реальности кодекс написан новгородским мастером Яковишком для Пскова) и Евангелие апракос 1463 г. — РНБ, собр. Погодина, № 18 — ПС-XV, № 170). Возможно, в последней четверти столетия известное воздействие мог оказать пример Новгорода, с новыми вкусами церковной администрации, в юрисдикции которой находился и город на р. Великой, но для Пскова, с его необычайной устойчивостью и зримой архаичностью традиций культурной жизни преобладание внутренних причин тех или иных перемен представляется наиболее очевидным. Определенную роль могло играть и пограничное положение города, облегчавшее получение нового писчего материала из Западной Европы.

Итак, по писчому материалу, Евангелие Мемнона-книгописца следует датировать в зависимости от места создания: Северо-Восточная Русь или Новгород и Псков — не позднее второй (1430-е гг.) или третьей (1470-е гг.) четверти XV в.; в случае московского происхождения кодекса верхний предел можно ограничить и первой третью столетия. Установить нижнюю границу в известной степени позволяют наблюдения над почерком Мемнона. Естественно, что и здесь не избежать зависимости от географического фактора.

О ряде датирующих графических признаков уже говорилось выше, в связи с установлением восточнославянского происхождения Доброхотовского Евангелия. Начерки большинства букв у Мемнона достаточно нейтральны — они в равной мере могут встретиться и в восточно- и в южнославянских почерках XIV в. От русских почерков конца XIV в. письмо Мемнона отличает в первую очередь свободное расположение букв в строке: ширина буквы равняется примерно двум расстояниям между знаками. Из новых (южнославянских по происхождению) начерков букв можно отметить следующие: *e* широкое с язычком, опущенным вниз, *m* с округлой, оканчивающейся ниже строки заостренной перемычкой (выносной вариант — в виде трех дуг)⁶⁶; *o* «очное»; одностороннее высокое *m* в форме цифры 7 в конце строки; *y* в виде воронки с хвостом, с короткой прямой жирной левой и тонкой длинной саблевидной правой частью; высокий «ук» в виде несколько расширенного строчного *y*, венчающего круглое основание; широкое *φ* со слегка изогнутой вертикальной чертой и головкой, повернутой вправо; *x*, состоящее из жирной плоской дуги слева направо и тонкой саблевидной линией справа налево; *ѣ* «крестовое» в сочетании с буквами, имеющими петлю; *psi* стреловидной формы с вертикальной чертой в виде длинного узкого клина острием вниз. К новым тырновским по происхождению начеркам относится, очевидно, и двустороннее *ч* с плоской чашечкой⁶⁷. Из других особенностей, связанных с южнославянской традицией, стоит отметить употребление запятой и точки с запятой⁶⁸.

Если отдельные признаки, характерные для письма Доброхотовского Евангелия (употребление «полубукв», запятая и точка с запятой в качестве знака препинания) известны по рукописям (преимущественно московского происхождения) с конца XIV в. (о чем говорилось выше), то совокупность их свидетельствует в пользу более поздней датировки кодекса. Евангелие Мемнона по характеру письма занимает промежуточное положение в ряду роскошных пергаменных рукописей, таких как написанные русским уставом конца XIV в. Евангелие 1393 г., Онежская Псалтырь 1395 г., Киевская Псалтырь 1397 г., Евангелия Хитрово и «Морозовское», с одной стороны, и написанные новым полууставом, к сожалению, не имеющие даты написания Евангелия: Андрониковское, Троицкое ризничное № 5, ГИМ Усп. 2-перг. По сочетанию архаизмов и новаций (как в графике почерка, так и в оформлении) Евангелие Мемнона находит достаточно близкую аналогию в группе рукописей второй половины 1410-х — 1420-х гг., связанной с Кирилло-Белозерским монастырем: Христофорово Евангелие 1416—1417 гг. (ГРМ, Бк. 3268)⁶⁹, Часослов 1423 г. (РГБ, ф. 304. I, № 16)⁷⁰, Канонник 1423 г. (ГРМ, Др. гр. 14)⁷¹, Псалтырь 1424 г. (ГРМ, Др. гр. 17)⁷², Канонник не позднее 1427 г. (ГИМ, Муз. 377)⁷³. Рукописи из обители преп. Кирилла Белозерского, тесно связанной с митрополичьей кафедрой и Троице-Сергиевым монастырем и с книгописной традицией, формировавшейся в период «второго южнославянского влияния», нельзя, разумеется, рассматривать для этого времени в качестве провинциальных и «запаздывающих» в отношении новшеств, но предельно раннюю границу создания Доброхотовского Евангелия (в случае его связи с московским в широком смысле понятия книгописанием) можно отодвинуть к рубежу 1400—1410-х гг. Именно к этому времени относится появление рукописей (в первую очередь списков аскетических сочине-

ний) скромных по оформлению, написанных на бумаге полууставными почерками южнославянского происхождения и с достаточно последовательной среднеболгарской орфографией⁷⁴. Вероятно, аналогичная ситуация складывалась и в Твери, где при всей скудости сохранившихся памятников можно указать (далеко не первоклассное по оформлению) Евангелие 1417 г., написанное новым полууставом⁷⁵. Для письменности Новгорода подобные памятники известны лишь с рубежа 1420-х — 1430-х гг.⁷⁶, но здесь им почти синхронны роскошные рукописи, написанные новым литургическим полууставом⁷⁷. Промежуточные же типы почерков, сочетающие подобно почерку Мемнона архаические черты с новыми графическими особенностями, для новгородской письменности не выявлены, во всяком случае, этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

В то же время следует отметить, что сочетание архаизмов графики с южнославянскими по происхождению новациями в почерке Мемнона отнюдь не означает его промежуточного положения между кодексами рубежа XIV—XV вв. и 1400—1410-х гг. в хронологическом отношении. Это было бы возможно в том случае, если бы число южнославянских (среднеболгарских) графико-орфографических черт нарастало в русских рукописях конца XIV — начала XV в. постепенно. Между тем этого не наблюдается, точно датированные рукописи аскетического содержания первой половины 1410-х гг. являют пример выдержанной среднеболгарской орфографии и южнославянского полуустава со всеми его характерными особенностями. Это дает основание считать рукописи со смешением графических элементов и орфографических норм не переходными, а гибридными, и датировать, соответственно, не ранее времени достаточно широкого распространения младшего из «родителей» (в данном случае это рубеж 1400-х — 1410-х гг.) для Северо-Восточной Руси и грань 1420-х — 1430-х гг. для Новгорода.

Известные основания для региональной локализации, а отсюда, учитывая широкий хронологический разброс палеографических примет для разных книгописных центров, и для датировки, дают (несмотря на их скудость) остатки орнаментики в Евангелии Мемнона. Речь идет о тонких заставках, выполненных золотом, которые в более скромных по оформлению кодексах рисуются кинovarью (л. 1 и 63). Такие золотые тонкие заставки усложненного рисунка характерны для роскошных кодексов конца XIV — первой трети XV в., связанных с книгописной и художественной культурой Москвы: Евангелие Федора Кошки, Спасо-Андрониковское Евангелие, лицевой Апостол Русского музея, Псалтырь, написанная в 1424 г. в Кирилло-Белозерском монастыре^{77а}, и др. Эта, на первый взгляд, незначительная деталь оформления рукописи позволяет связать ее происхождение с Северо-Восточной Русью и датировать соответственно 1410—1420-ми гг.

Такая локализация и датировка подтверждается существованием другой рукописи, созданной тем же Мемноном (но не имеющей записи писца и атрибутированной ему автором данной статьи лишь в последнее время), дата и происхождение которой из-за ее хорошей сохранности и косвенных исторических свидетельств не вызывали серьезных разногласий исследователей (колебания в датировке разных специалистов не превышают четверти века). Речь идет о знаменитом лицевом пергаменном Апостоле (ГРМ, Др. гр. 20), происходящем из Кирилло-Белозерского

монастыря⁷⁸. Наиболее поздняя датировка этой рукописи (середина XV в.) встречается у В. Н. Лазарева⁷⁹ и поддержана Н. Е. Мневой⁸⁰. Первой третью столетия Апостол датируют Г. Н. Бочаров и В. П. Выголов⁸¹, Г. И. Вздорнов⁸², О. С. Попова⁸³, 1420—1430-ми гг. — Г. В. Попов⁸⁴. Дополнительным аргументом в пользу такого хронологического ограничения служит книгохранительская помета XVI—XVII вв. на рукописи: «ученика чудотворца Христофора» (второй игумен Кириллова монастыря, умер в 1434 г.)⁸⁵. Свидетельство не зафиксировано более ранними источниками (так, его нет в описи монастырской библиотеки конца XV в.)⁸⁶, но оно могло долго существовать как устное предание. Обосновано и еще большее сужение датировки, до первой четверти XV в., которой придерживаются Т. Б. Ухова⁸⁷, Г. М. Прохоров и Н. Н. Розов⁸⁸ и И. Д. Соловьева⁸⁹. В ее основе лежит наблюдение Т. Б. Уховой о том, что первая из заставок Апостола скопирована в Псалтыри, созданной в 1424 г. в самом монастыре (ГРМ, Др. гр. 17); первая из рукописей, таким образом, создана ранее этого времени. Внутри этой датировки мнения исследователей расходятся. Т. Б. Ухова помещает Апостол между Христофоровым Евангелием 1416 г. (ГРМ, БК. 3268) и Псалтырью 1424 г.⁹⁰ И. Д. Соловьева считает, что Апостол создан раньше Христофорова Евангелия⁹¹. Но в любом случае это 1410-е или начало 1420-х гг.

Принадлежность почерка Апостола Русского музея именно книгописцу Мемнону несомненна: достаточно сопоставить воспроизведения почерков. Ему присуща вся сумма графических особенностей Доброхотовского Евангелия, указанных П. А. Лавровым⁹² и дополненных в настоящем исследовании. Основные отличия наблюдаются в соблюдении среднеболгарских орфографических норм в обеих рукописях. Апостол содержит большее число орфографических русизмов, чем Евангелие, хотя и он в целом следует тырновским нормам; не столь последовательно, по наблюдению В. А. Дыбо, выдержана здесь и акцентуация⁹³. Отличия эти, однако, не так уж велики, и, безусловно, не они вызвали разницу во мнениях о датировке и месте создания двух кодексов, выполненных одним писцом. Если Апостол воспринимался исследователями в тесной связи с местом своего многовекового бытования, то Евангелие к моменту введения в научный оборот было вещью без биографии, подобно случайной, непаспортизованной находке в археологии. Разнятся и круг исследователей, занимавшихся каждым из кодексов: если с Апостолом работали преимущественно историки искусства, то с Евангелием языковеды и палеографы. Разумеется, правильная датировка и определение происхождения Апостола не свидетельствуют о преимуществе искусствоведческих методов перед историко-филологическими. Кодекс Русского музея сохранился как целостный памятник, и по отношению к нему существовала гораздо большая возможность сопоставить различные кодикологические данные. Случай с парой рукописей Мемнона лишний раз показывает, какое значение для датировки и локализации кодекса могут иметь приметы, не относящиеся к разряду собственно палеографических. В особенности важность их возрастает для периодов, сложных в графико-орфографическом отношении, к числу которых принадлежит, несомненно, и эпоха «второго южнославянского влияния».

Высокие художественные достоинства лицевой рукописи Апостола дают основания исследователям (прежде всего искусствоведам) связывать ее создание с

одной из столичных книгописных мастерских (скорее всего митрополита Фотия)⁹⁴. Оформлению соответствует и каллиграфический уровень Мемнона, несомненно, одного из лучших книгописцев своего времени.

Отождествление почерков Доброхотовского Евангелия и Апостола Русского музея имеет значение не только для датировки и локализации первого из них. Апостол в свою очередь получает конкретного писца и попутно избавляется от одной легенды о своем происхождении.

Еще архимандрит Варлаам в 1860 г. высказал мнение, что лицевой Апостол, Евангелие 1417 г. и Псалтырь 1424 г. написаны одним писцом — учеником и преемником Кирилла Белозерского Христофором⁹⁵. Если отождествление представляется справедливым по отношению к Евангелию и Псалтыри⁹⁶, то Апостол резко отличается от них. Достаточно указать разницу в начертаниях букв *з* (с пологим, уходящим вправо хвостом, в Апостоле и в форме цифры 3 в двух других рукописях), *т* (с длинными несимметричными плечами (почти трехмачтовое) в Евангелии и Псалтыри, и с маленькими отростками по краям перекладки в Апостоле), *ч* (почти без ножки, расщепом в рукописях 1417 и 1424-го гг., и симметричное с плоской чашечкой в Апостоле). Несомненно, Варлаам исходил из записи XVI—XVII вв. на рукописи («ученика чудотворца Христофора»), считая ее указанием на писца книги, в то время как она свидетельствует о владельце. Гораздо ближе почеркам Евангелия и Псалтыри почерк Каноника 1407 г. (ГРМ, др. гр. 14)⁹⁷, настолько, что целесообразно ставить вопрос об их идентификации (Евангелие и Псалтырь имени писца не имеют, писец Каноника называет себя Мартинианищем⁹⁸, вероятно, это еще один ученик Кирилла — Мартиниан⁹⁹).

Мнение Варлаама нашло поддержку и в нашем столетии. Все три рукописи атрибутировала Христофору Т. Б. Ухова, со ссылкой на устное мнение Н. Н. Розова¹⁰⁰. Последний безоговорочно придерживался аналогичной точки зрения в монографии¹⁰¹, в одновременно же опубликованной (совместно с Г. М. Прохоровым) статье привел только мнение архимандрита Варлаама, никак его не комментируя¹⁰². При этом не рассматривается вопрос о соотношении рукописей, атрибутируемых Христофору, с почерком Евангелия начала XV в. (ГРМ, др. гр. 9), единственного, имеющего помету XVI—XVII вв. (воспроизведенную в перечне Прохорова и Розова): «Христофорово письмо (разр. моя. — А. Т.), ученика чудотворца Кирилла»¹⁰³.

Против атрибуции Апостола Русского музея Христофору справедливо возражают Г. И. Вздорнов¹⁰⁴ и И. Д. Соловьева¹⁰⁵.

В этом смысле отождествление писца Апостола с Мемноном-книгописцем окончательно разрешает этот спор. Разница между почерками Апостола, с одной стороны, и Евангелия 1417 г. и Псалтыри 1424 г., с другой, особенно очевидна с появлением рукописи, несомненно написанной тем же почерком, что и Апостол. По аналогии с Евангелием Мемнона-книгописца Апостол Русского музея для индивидуализации можно именовать в дальнейшем Апостолом Мемнона.

К сожалению, установить хронологическую последовательность двух кодексов Мемнона на существующем материале не представляется возможным. Больше или меньшее отклонение от среднеболгарской орфографии и акцентуации не

может служить здесь показателем, поскольку сам механизм возникновения таких отклонений индивидуален и требует исследования в каждом конкретном случае.

Доброхотовское Евангелие следует признать современным лицевому Апостолу и датировать с большой долей вероятности, как уже сказано выше, 1410—1420 гг.

Существует соблазн видеть в остатках некогда роскошного Евангелия пару к роскошно иллюминированному Апостолу того же писца. Свидетельств в пользу такого предположения нет (равно как нет и против). Сведения о пергаменных Евангелиях в описи кирилло-белозерской библиотеки конца XV в. кратки и не содержат индивидуальных характеристик¹⁰⁶. Проследить судьбу Евангелия Мемнона до второй четверти XIX в. не представляется возможным. Оно могло попасть в Литву, где было куплено последним владельцем, со старообрядцами, но могло оказаться там и раньше, например, в начале XVII в., когда с участниками интервенции большое число великорусских книг попало в Белоруссию и на Украину, или сразу после изготовления; могло даже быть изготовлено по указанию митрополита для одного из духовных владык или православных монастырей в Литовской Руси либо заказано ими у прославленного каллиграфа.

Таким образом, основываясь на всестороннем изучении памятника, можно с уверенностью утверждать, что Евангелие Мемнона-книгописца является русской по происхождению рукописью, созданной в Москве, вероятнее всего, в окружении митрополита Фотия в первой четверти (или самое позднее — первой трети) XV в. Частный вопрос датировки и локализации списка массового для Средневековья памятника в случае с Евангелием Мемнона приобретает значительно более широкое значение. В нем как в зеркале отразился весь комплекс проблем, связанных с историей русского книгописания XV в., в особенности вопросы периодизации локальных вариантов второго южнославянского влияния в области графики и орфографии книжного письма, а также (в меньшей степени) иллюминации рукописей.

Примечания

¹ Известно также под номерами Воскр. 28 (поскольку собрание поступило в библиотеку в дар от душеприказчика архиепископа Павла — П. А. Воскресенского (см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. II (XIX—XX вв.). С. 114) и (ошибочно) под № 11.9.3. — у П. А. Лаврова — см. ниже). Запись писца находится на л. 191.

² *Срезневский В. И., Покровский Ф. И.* Описание рукописного отделения библиотеки Имп. Академии наук. СПб., 1910. Т. I. С. 381—382. Судя по тому, что описание рукописи помещено в дополнении, она поступила в БАН со второй частью собрания в 1908 г. (см.: Исторический очерк... С. 114).

³ О времени приобретения рукописи П. Н. Доброхотовым свидетельствует его запись на л. 191: «Проректора иеромонаха Павла Доброхотова. Вильна 1848 г. Отметим здесь неточности прочтения записи в монографии К. Куева: «Профессора» вместо «проректора» и «куплена» вместо «Вильна» (см.: *Куев К.* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през векове. 2-о изд. София, 1986. С. 235).

⁴ Рукопись содержит в настоящее время 186 пергаменных листов. Первоначально же кодекс состоял более чем из 209 листов (если считать, что все тетради были 8-листными), поскольку

л. 184 (пергаменные и бумажные листы, вставленные взамен утраченных, имеют сплошную нумерацию), был последним листом 25-й тетради, а между л. 184 и 185, 190 и 191 утрачено по одному листу (см.: Пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР. Л., 1976. С. 96). Неясно, входили ли листы с миниатюрами в состав тетрадей, или размещались на отдельных листах.

⁵ *Клепиков С. А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства. М., 1958. № 211 — 1836, 1837 гг. На л. 63 видны следы «белой даты» — цифры 18..., что, возможно, соответствует дате 1836, указанной в справочнике в примечании.

⁶ Для рукописей XIV—XV вв. на пергамене можно привести, пожалуй, лишь три таких примера: 1) миниатюра «Поклонение волхвов» из Сийского Евангелия, находившегося в момент изъятия листа с изображением в Антониевом Сийском монастыре (см.: *Вздорнов Г. И.* Из истории искусства русской рукописной книги XIV в. // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972 (Сб. I). С. 148—152; *Он же.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV в. М., 1980, каталог № 29); 2) миниатюры евангелистов из русского пергаменного Евангелия XIV в. — ГИМ, Шук. 10а (см.: *Яцимирский А. И.* Описание старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. М., 1896. Ч. I. С. 13; *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольштенко В. С.* Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. I. Русские рукописи // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 209); 3) миниатюра и начальный лист Евангелия от Марка — НБ Гос. Эрмитажа, Кабинет редкой книги, № 139711 (*Бударгагин В. П.* Древнерусские рукописи Кабинета редкой книги Научной библиотеки Эрмитажа // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 423).

⁷ О датировке рукописи см.: *Димитрова М.* Из кодиколожно-палеографската проблематика на среднобългарските ръкописи (Ръкопис Q. п. I. 56 — ГПБ «Салтиков-Шчедрин») // Помощни исторически дисциплини. София, 1986. Т. 4. С. 115—146. В «Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг XI—XIII вв., хранящихся в СССР (М., 1984. С. 325—326, № 392) принята старая датировка кодекса втор. пол. XIII в.).

⁸ См.: *Berlinski Sbornik / Vollständige Studienausgabe im Originalformat von Ms. (Slav.) Wuk 48 aus dem Besitz der Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz. Berlin... Elngelertet und herausgegeben mit Ergänzungen aus Weiteren Quellen von Heinz Miklas... Graz 1988 (Codices Select. Phototypische Impressi Vol. LXXIX). S. 53—100.*

⁹ Датировка Севастьяновского сборника XIV в. надежно контролируется тем, что существует рукопись на бумаге (Апостол, ГИМ, Хлуд. 40), написанная тем же писцом, что и пергаменный сборник. Бумага кодекса без водяных знаков, но по характеру сетки она относится уже к XIV в. (первая треть — втор. четв. См.: *Лихачев.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Т. I. С. XX—XXVII).

¹⁰ *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914 (= Энциклопедия славянской филологии). Вып. 4.1. С. 134—137.

¹¹ *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (русские памятники письменности на юге славянства) // Изв. ОРЯС. Пг., 1921—1923. Т. XXVI. С. 203—204; То же // *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 51.

¹² *Мошин В. А.* К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей в X—XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 19. С. 78; *Miklas H.* Kyrillomethodianisches und nachkyrillomethodianisches Erbe im ersten ostslavischen Einfluss auf die südslavische Literatur // Simposium Methodianum / Beiträge der Internationalen Tagung in Regensburg Neuried, 1988 (= Selecta slavica 13). S. 457. Ac (5).

¹³ *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 355.

¹⁴ *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. М., 1981. С. 265 (список источников). По поводу датировки рукописи автор выражает сомнение, но языковая принадлежность возражений у него не вызывает.

¹⁵ Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР до конца XIV в. включительно») // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 205. № 283.

¹⁶ Пергаменные рукописи... С. 96—97.

¹⁷ *Бубнов Н. Ю.* Русские и славянские пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. Л., 1978. С. 213.

¹⁸ *Кув. Съдбата...* С. 234—235.

¹⁹ «За мен обаче няма съмнение, че паметникът е от търновската книжовна практика и че негова родина са българските предели». Там же. С. 235.

²⁰ *Мошин В.* Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966.

²¹ *Джурова А.* 1000 години българска ръкописна книга: Орнамент и миниатюра. София, 1981.

²² Показательно, что Евангелие Мемнона не было включено Б. Райковым и Б. Христовой в готовящийся каталог болгарской рукописной книги в хранилищах СССР. Благодарю О. П. Лихачеву, сообщившую нам об этом в беседе.

²³ *Воскресенский Г. А.* Характеристические черты четырех редакций евангельского перевода Евангелия от Марка по ста двенадцати рукописям XI—XVI вв. М., 1896.

²⁴ См.: *Сърку П. А.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1898. Т. I. Вып. 1 (Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского). С. 456; *Попов Г.* Новооткрыто сведение за преводачка дейност на български книжовници от Света гора през първата половина на XIV в. // Български език. 1978. Кн. 3. С. 402; (*Лебедева И. Н.*). Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской одной литературы XI—XII вв. Л., 1985. С. 64—65 (здесь приведена вся предшествующая библиография). Впервые запись опубликована архиепископом Порфирием Успенским (Первое путешествие на Синай. СПб., 1856. С. 215—216).

²⁵ Блискую датировку (посл. четв. XIV в.?) предлагает для Доброхот. 26 X. Миклас (*Miklas.* Kyriilomethodianisches und nachkyriilomethodianisches Erbe... S. 457. Ac (5).), однако в отношении происхождения он придерживается традиционной точки зрения.

²⁶ См.: *Marti R.* Slavia orthodoxa als literar- und sprachliches Begriff // *Studia slavico-bizantina et medievalla Europensia.* Sofia, 1989. Vol. I (Памяти Ивана Дуйчева). P. 196—197.

²⁷ См.: *Церний Л.* Нека запажана о писарима Иловичке Крмчије // Археографски прилози. Београд, 1981. Бр. 3. С. 49—64.

²⁸ О характеристике почерка в целом см.: *Лавров.* Палеографическое обозрение... С. 135—137. См. также воспроизведения снимков почерка — там же, с. 136, сн. 129 и 130; Пергаменные рукописи... Рис. 35; *Кув. Съдба...* (снимок в альбоме репродукций между с. 144 и 145).

²⁹ *Лавров.* Палеографическое обозрение... С. 136.

³⁰ См.: *Щенкин В. Н.* Русская палеография. 2-е изд. М., 1967. С. 118—119; *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 (репринт: М., 1979). С. 184—185.

³¹ Воспроизведение см. в факсимильном издании: Киевская Псалтирь 1397 г. М., 1978, а также: *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси // рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV вв. М., 1980. Каталог, № 49.

³² *Вздорнов Г. И.* Искусство книги. Каталог, № 58.

³³ Там же. № 53.

³⁴ Там же. № 54.

³⁵ Там же. № 57.

³⁶ Там же. № 23.

³⁷ Я насчитал 10 случаев употребления буквы М этого начерка: л. 9: пои-Ме(т); л. 32: и Ма/ло рыбнцъ; л. 32 об.: знаМе/на ищеть; л. 46: подножне ногама твоиМа; л. 55: по въскрѣни же Мо/емъ; л. 56: нинѣ оуМо/лнтн; л. 59: ГлѣМо/Краниево цѣто; л. 59 об.: ве Мон; л. 67 об.: цѣн Ми е(с); л. 83: выглашасте Ма.

³⁸ Е. Ф. Карский приводит вариант буквы из Ипатьевской летописи (около 1425 г. Псков?) едва ли не в качестве курьеза (Славянская кирилловская палеография. С. 195). В пособии Л. В. Черепнина (Русская палеография. М., 1956. С. 244, табл. 4, левый столбец (XIV в.), последняя буква в строке) воспроизведен правый вариант (л с «хоботом»), источник не указан (Таблицы переизданы: Палеографический альбом // Учебный сборник снимков с рукописей русских документов XIII—XVIII вв. Л., 1968. С. 9).

³⁹ Евангелие апракос НБ МГУ 2 Вг 42. См.: *Вздорнов. Искусство книги. Каталог № 53; Служебник «царевича Алексея Петровича» — БРАН, 17.12.1. См.: Пергаменные рукописи... Рис. 40. Датировка рукописи в описании (Там же. С. 115) представляется излишне ранней — почерк кодекса очень близок к почеркам рукописей круга Киевской Псалтыри (хотя Служебник — новгородского происхождения); Переславское Евангелие 1389—1425 гг., вероятно, нач. XV в. (РНБ, Ф. п. I. 21) — *Вздорнов. Искусство книги. Каталог № 86; Миная служебная; январь-февраль (РГАДА, ф. 381, № 102), около 1415 г. или 1426 г., Северо-Восточная Русь (возможно, Переславль-Залесский или Ростов), л. 5в. Встречается и более сложный вариант — в виде вытянутого строчного скорописного з (правая половина «альфы») — Миная служебная на март-апрель (РГАДА, ф. 381, № 109, л. 1 об. а, 2а, 3б, 8а, 12б, 32г, 35а, 38а и в, 39а и г, 49а, 53а, 54а, 64в, 67в, 70а, 71а, 73б, 74в, 75в, 78а); Миная служебная на май-июнь (Там же, № 115, л. 6в, 8а и в (2 примера) и г (2), 9а, б и г, 13а и в, 15а и в, 16а и б, 17а, 18в и г, 19а, в и г (2), 20а и г, 21в и г, 22в, 23а, б и в, 24а-г, 25а, в и г, 26а и г, 27в). Последние две рукописи происходят из одного комплекта с РГАДА, ф. 381, № 102 — см.: *Лифшиц А. Л. К вопросу о центрах книгописания Древней Руси: рукописи начала XV в. из Переславля-Залесского // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 181—195; Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА. М., 2000. С. 137—140, 146—148, 150—154, 155—157 (№ 39, 44, 46, 48, 50).***

⁴⁰ ГИМ, Воскр. 2, кон. XIV — нач. XV в. (*Вздорнов. Искусство книги. Каталог № 54*), правый вариант; Евангелие Федора Кошки (Там же. № 57). РГАДА, ф. 381, № 102 (см. примеч. 39), л. 3а, 20а, 27а, 31в, 33в, 37б, 38б, 40а, 41в, 46в (2 примера), 47в, 50в (правый вариант); № 109: л. 4г (левый вариант), 3а, 9а, 12б, 28а, 103а (правый вариант); № 115, л. 6в (правый вариант). В Типогр. 102 встречается также в конце строк особое начертание м в виде латинского N прописного (л. 3а, 43в), но, вероятно, из-за опасности смещения с n вариант не получил распространения.

⁴¹ Микулино Евангелие конца XIV в. (БРАН, 34.5.20) — Пергаменные рукописи... Рис. 36. О датировке см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. М., 2002 (СК XIV). № 298.

⁴² Служебник «царевича Алексея Петровича» (см. примеч. 39); Пролог 1410—1425 гг. — ГИМ, Усп. 3 перг. (Жития Кирилла и Мефодия. М.; София, 1986. С. 263; *Костюхина Л. М. Палеография русских рукописных книг XV—XVII вв.: русский полуустав. М., 1999. С. 102—103; датировка здесь не учитывает исторических реалий в записи писца). Типографские Миние первой трети XV в. (№ 102 и 109), как обычно (см. примеч. 39 и 40), дают более сложные варианты начерков — с крючком наверху, повернутым влево (подобно а, см. примеч. 40). В Типогр. 109, кроме того, над горизонтальной чертой, от которой отходят «ножки» буквы, рисуется еще одна, более короткая (№ 102 — л. 5в, 7в, 33в, 39а, 51а,*

53в, 56в, 58в; № 109 — л. 1 об. в, 4в, 5в, 6в, 86, 156, 16г, 176, 18а, 19в, 216, 28г, 32г, 35а и в, 37в, 38г, 42а (2 примера), 52в, 556, 58в, 69а, 72а и в, 73в, 80г, 103а.

⁴³ Выше (примеч. 38) уже упоминалось сокращенное написание *м* в Ипатьевской летописи (около 1425 г., Псков?). Указанные выше начертания *м* и *л* находим в рукописях БАН, Археогр. ком. 171 и ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Карельское собр., № 476, датируемых первой пол. XV в., и являющихся частями одного богослужебного сборника особого состава. Отождествление частей мое (описание см.: Жуковская Л. П. Пергаменные рукописи Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 377—379; Пергаменные рукописи... С. 113—115). Рукописи происходят с Северо-Запада России (Л. П. Жуковская (с. 378) предлагает локализацию рукописи ИРЛИ: «Псков или юго-западнее»). Отмечу для этой пары рукописи также особое начертание *ъ* в конце строки — с заворотом верхней горизонтали вверх и вправо.

⁴⁴ Таковы Ватиканская псалтырь (Slav. 8) конца XIV — нач. XV в. и приписка в сборнике ГИМ, Син. 951 (Горский и Невоструев, 316). См.: Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. С. 214; Сперанский М. Н. Тайнопись в югославянских и русских памятниках. Л., 1929 (ЭСФ. Вып. 4. 3.) С. 78—87; Джурова А., Станчев М., Ялунджич М. Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека. София, 1985. С. 72, № 8, табл. CLXI.

⁴⁵ Лавров. Палеографическое обозрение... С. 136.

⁴⁶ В этом случае, в начале XX в., до широкого внедрения в практику филигранологических методов, скорее могла возникнуть поздняя дата — рукопись могли счесть молдавской и отнести к концу XV в. — времени создания роскошных молдавских рукописей. В том же каталоге, где помещено первое описание Евангелия Мемнона, как рукопись среднеболгарского извода кон. XV в. описано бумажное лицевое Аникеево Четвероевангелие (Срезневский, Покровский. Описание... С. 7—8). Описатели в данном случае следовали за А. Х. Востоковым, посвятившим рукописи отдельную статью, где она рассматривается как классический пример среднеболгарской орфографии в рукописи молдавского происхождения (Востоков А. Х. Филологические наблюдения. СПб., 1865. С. 190—191). Правописание памятника, действительно, последовательно среднеболгарское, но сама рукопись не только русская, но и несомненно московская, и при этом не позднее 1420-х гг. (см. также: Смирнова Э. С. Аникеево Евангелие — малоизвестный памятник московской книжной миниатюры и орнамента первой трети XV в. // Древнерусское искусство: Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 171—191).

⁴⁷ Для южнославянской кириллической традиции (хорватская глаголическая дает самостоятельную картину) ситуация представляется более определенной. Верхний предел употребления пергамена в собственно болгарской и сербской письменности — начало XV в. Самый поздний точно датированный памятник — хронологически тесно связанный с предшествующей традицией — боснийский «Хвалов сборник» 1404 г. (Б-ка Болонского университета № 3575 В, см.: Карский. Славянская кирилловская палеография... С. 94; библиография: Capaldo M. Les manuscrits slaves et leur etude en Italie // Полата књигописњая. Nijmegen, 1978. № 1. P. 24). Позднее южнославянские рукописи на пергамене почти не встречаются (см.: Богдановић Д. Инвентар ћирилских рукописа у Југославији. XI—XVII вв. Београд, 1982 (= Сборник за историју, језик и књижевност српског народа. Од. 1. Књ. XXX); Български ръкописи от XI до XVIII в., запазени в България // Своден каталог. София, 1982. Т. 1. С. 60—91), где пергаменные рукописи XV в. практически отсутствуют. Непонятно, на чем основано замечание В. Н. Щепкина (Русская палеография. С. 36), «что в Сербии роскошные рукописи часто пишутся на пергаменте в XV в.», можно указать лишь два Евангелия: 1424 г. (РНБ, Ф. п. I. 120) и 1454 г. (отрывок — ГБЛ, собр. П. И. Севастьянова, II. 48). Для времени позднее нач. XV в. широкое употребление пергамена характерно лишь для молдавской книгописной традиции (древнейшая рукопись — Евангелие тетр 1428 г. Бодлеанской библиотеки в Оксфорде

№ MS Canon Gr. 122, а основная масса относится к концу XV — началу XVII вв.).

Известно также, что часть тиража сербских изданий типографии Божидара и Виченцо Вуковичей в Венеции (Октоих 1537 г., Минея праздничная 1538 г., Сборник 1560 г., а также, возможно, и Сборник 1536 г.) печатались на пергамене (см.: *Медаковий Д.* Графика српских штампаних књига XV—XVII века (= Српска академија наука. Посебна издања. Књ. CCCIX; Одељење друштвених наука. Књ. 29). Београд, 1958. С. 73—74), однако этот факт, вероятно, следует связывать скорее с традицией не сербского книгописания, а раннего европейского книгопечатания.

Выводу о том, что пергамен как книгописный материал вышел в начале XV в. из употребления у южных славян, противоречат, на первый взгляд, данные «Предварительного списка славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986), где отмечено 29 рукописей среднеболгарского (№ 186, 198, 201, 357, 474, 540, 559, 789, 805, 922, 962, 1004, 1024, 1032, 1241, 1264, 1265, 1531, 1532, 1544, 1693, 1865, 1866, 2031, 2134, 2154, 3230, 3370 и 3399) и 18 сербского (№ 59, 136, 372, 406, 471, 538, 544, 579, 580, 804, 1038, 1058, 1327, 1520, 1536, 1774, 3226) извода, написанных на пергамене (данные об изводе уточнены в ходе работы над Предварительным списком Сводного каталога XI—XV вв. славянских рукописей балканского происхождения, составляемого СИБАЛ, и Сводным каталогом славяно-русских рукописных книг XIV в., хранящихся в СССР). Однако это объясняется несовершенством датировки южнославянских рукописей — PC-XV в данном случае следует за датировкой печатных описаний, между тем в последних датировка именно южнославянских рукописей (как пергаменных, так и бумажных) оставляет желать лучшего (в особенности это относится к рядовым, не роскошным манускриптам). Хотя славянская кириллическая палеография в XIX — начале XX в. как специальная дисциплина формировалась в первую очередь трудами русских ученых (и в этом смысле для южнославянской палеографии труд П. А. Лаврова остается до сих пор последним словом, т. к. позднейшие очень важные наблюдения над отдельными рукописями и группами кодексов остаются не обобщенными в целостную систему), она постоянно сохраняла отчетливо выраженный восточнославянский характер в систематике и палеографических критериях оценок, при перенесении которых на памятники южнославянской традиции (последняя со второй половины XIII в. резко разошлась с восточнославянской, а затем, на рубеже XIV—XV вв. оказала на нее сильнейшее воздействие в графике, орфографии и орнаментике) погрешности в датировке последних были неизбежны. Положение изменяется лишь в начале нашего века в результате распространения филигранологического метода датировки (который по мере накопления палеографических примет в бумажных рукописях внес коррективы и в датировку пергаменных) и вследствие работ, прежде всего, А. И. Соболевского (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 2—5) и В. Н. Щепкина (Русская палеография. С. 125—135), указавших на большой хронологический разрыв в развитии южно- и восточно-славянских почерков. Большинство печатных описаний славянских рукописей, хранящихся в СССР, вышло в свет до этих работ или одновременно с ними, и их результаты не были учтены. Эти, ставшие уже традиционными, датировки переключались в каталоги пергаменных рукописей крупнейших хранилищ страны (ГПБ (РНБ), ГИМ, БАН), вышедшие в свет в 1950—1970-х гг., исключение составляет лишь ГБЛ (РГБ), где в результате работы по Справочнику-указателю и Сводному каталогу датировка рукописей была последовательно уточнена и исправлена столь высококлассным специалистом, как Н. Б. Тихомиров. В датировку рукописей собраний ГПБ большие коррективы внесли работы В. А. Мошина, К. Ивановой и В. М. Загребина, часть которых была учтена уже в процессе составления PC-XV (с. 367—374. Приложение: Рукописные книги XIII—XIV вв., не пошедшие в PC XI-XIV).

Реальная картина с южнославянскими пергаменными рукописями XV в. в хранилищах СССР выглядит следующим образом. Из 29 среднеболгарских кодексов, указанных в ПС-XV, три (№ 922, 1032 и 1532) относятся к концу XIII в. Для № 922 (ГИМ, Ув. 1176-4°) все сведения в «Описании пергаменных рукописей ГИМ» (ч. 1. АЕ за 1965 год. С. 227) ошибочны: это Минея на сентябрь (а не на март), не русская, а среднеболгарская, написанная почерком писца «Добриановой минеи» («Минеи Григоровича»). 9 — (№ 357, 805, 1241, 1265, 1532, 1643, 1866, 2154) датируются XIV в. (№ 1866 попал сюда по ошибке, т. к. уже помещен в ПС XI—XIV, № 1010), 1 — (№ 1024) болгарская нач. XV в. (или рубежа XIV—XV столетий), 2 — (№ 540 и 789) русские рукописи перв. пол. XV в., 3 — молдавские рукописи XVI в. (№ 1544, 3220 и 3370), остальные — молдавские XV в.

Из 17 сербских рукописей кроме уже упоминавшихся Евангелий 1424 г. и 1454 г. (№ 59 и 136) остальные датируются более ранним временем: № 3226 (пергаменные листы) — кон. XIII — нач. XIV в., а все прочие — XIV столетием. № 1038 и 1058 попали в ПС-XV ошибочно, т. к. уже включены в ПС XI-XIV под общим № 1353.

⁴⁸ См.: *Соболевский А. И.* Славяно-русская палеография: Лекции. 2-е изд. СПб., 1908 (репринт: Лейпциг, 1972). С. 40—41; *Щепкин.* Русская палеография... С. 35—36; *Карский.* Славянская кирилловская палеография. С. 94—96.

⁴⁹ Исключение составляет галицко-волинская Лествица втор. пол. XIII в. (РГАДА, ф. 181, РО б-ки МГАМИД, № 452), написанная «впрокладку» на пергамене и бумаге без водяных знаков, однако не исключено, что она была создана вне территории Руси. См.: *Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. М.; СПб., 2001. С. 46—59; *Морозов Д. А.* Древнерусская рукопись на среднеазиатской бумаге // *Архив русской истории.* М., 1994. Вып. 5. С. 193—200.

⁵⁰ *Соболевский.* Славяно-русская палеография. С. 40.

⁵¹ См., например: 1) Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 17. Помянник («Субботник») рода Сангушек, до 1500 г. (свиток); 2) Там же, № 19/7. Помянник неустановленного рода, отрывок. Кон. XV — нач. XVI в. (столбец); 3) Стокгольм, Королевская библиотека, А 787а + Гос. архив Швеции, Prov. Östersjoprovinserna, 1609—1613 + Там же, без номера (отрывок обнаружен в 1996 г. среди других пергаменных листов при расклейке обложки дела). Втор. пол. XV — нач. XVI в. (свиток); 4) ГИМ, Епарх. собр., № 1. Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря. Перв. четв. XVI в. (кодекс); 5) РГБ, ф. 304.1. № 40. Синодик Троице-Сергиева монастыря. Втор. пол. XVI в. (кодекс) и др. В первом издании статьи был ошибочно указан другой волоколамский синодик. (ИРЛИ, оп. 23, № 52, 1479 г.) — это бумажная рукопись.

⁵² Одной из таких легенд, теперь, к счастью, преодоленной (Рукописные книги собрания М. П. Погодина // *Каталог.* Л., 1988. Вып. I. С. 60—61; СК XVI. Прилож. 2. С. 644—646, № д51; *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Плоды ливанского кедра». М., 2003. С. 48—51; ср. впрочем: *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М., 2000. С. 120—122), является датировка пергаменного Паренесиса Ефрема Сирина Погод. 71а 1492 г. Действительно, запись писца на л. 229 дает известные основания для такой датировки, т. к. начинается словами: «В лето семое тысяще написашася книги сия...», однако, как считал еще И. И. Срезневский (Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. Т. 1. Вып. 1. С. 27—81), это в данном случае формула, указывающая не год, а именно тысячелетие («В год седьмое тысячелетия») от сотворения мира, т. к. дальше следует указание на волинского князя Владимира Васильковича (1269—1288 гг.), при котором книга была написана («при царстве благоверного царя Володимера, сына Василкова, унука Романова»). Ярким сторонником датировки Погодинского Паренесиса 1492 г. выступал А. И. Соболевский (Очерки по истории русского языка. Киев, 1884. Ч. I. С. 50—58; Славяно-русская палеография. С. 40).

Причина этого видится прежде всего в том, что в орфографии рукописи необыкновенно ярко проявились особенности галицко-волыньских говоров (примеры см. в издании текста: *Bojkovski G. Paraenesis. Die Altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers.* Freiburg, 1984—1987. Bd. 1—3 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Т. XX, XXII, XXIV, что для конца XIII в., по мнению исследователя, было невозможно. В действительности, однако, именно яркая диалектная окрашенность орфографии свидетельствует в пользу древности рукописи, тогда как в восточнославянских рукописях XV столетия местные особенности полностью нивелированы господствующей среднеболгарской орфографией (что на западе Украины подкреплялось авторитетом книгописных традиций Молдовы (тырновских в своей основе), оказывавших сильнейшее воздействие на графику, орфографию и оформление рукописей южной части Великого княжества Литовского — см. далее статью «Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв.»).

Мнение А. И. Соболевского получило безоговорочную поддержку ряда позднейших исследователей, включая и украинских, обычно склонных к удревнению своих памятников (см., например: *Запаско Я. П. Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга.* Львів, 1995. С. 62 (миниатюра), 71, 301—303; Кат. 66). В силу этого рукопись не вошла в ПС XI-XIV и СК XI-XIII, а включена лишь в дополнения к СК XIV (№ д51).

Между тем памятник, безусловно, не имеет аналогий в XV в. Письмо рукописи — русский устав без следов влияния южнославянского полуустава (хотя бы и литургического тырновского) в графике. Можно указать лишь одну индивидуальную особенность, которую иногда трактуют как новацию XV в. — одностороннее Ч. Но это отнюдь не стандартный начерк начала XV в., скорее можно сказать, что это двусторонне Ч со скошенной влево ножкой. Сходный начерк буквы можно указать в одном из начерков современного Паренесису кодекса — Рязанской кормчей 1284 г. (СК XI-XIII, № 198, образцы почерков в точно датированных рукописях, табл. г; ср. также: *Щепкин В. Н. Русская палеография.* М., 1967. С. 115).

Орнаментика Погодинского Паренесиса (образец см.: *Запаско. Пам'ятки... С. 303*) — не очень умелая тератология — не обнаруживает однако сходства ни с деградирующими провинциальными образцами XV в. в пергаменных рукописях, ни с суховатыми (хотя графически и безупречными) раритетами вроде Рязанской псалтыри втор. пол. XV в. (Рязань, Музей-заповедник, инв. 5653). Неуклюжесть тератологии Паренесиса — свидетельство не времени, а не очень высокого мастерства иллюминатора.

Миниатюра с изображением Василия Великого и Ефрема Сирина (см.: *Запаско. Пам'ятки... С. 62*) не несет на себе отпечатка палеологовского стиля (что почти неизбежно для высоких образцов XV в., напротив, находит довольно близкие соответствия в домонгольском искусстве (стенописи Рождественского собора в Суздале 1220-х гг.).

Другим мифом является датировка пергаменного Евангелия РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 2/2 1473—1480 гг. (*Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских рукописей (ГПБ).* Л., 1953. С. 66). Она основана уже на чистом недоразумении (к сожалению, некритически повторенном и в ПС XV (209) в новейшем учебнике — см.: Специальные исторические дисциплины: Учеб. пос. СПб., 2003. С. 120—123). Рукопись имеет помету казначая: «По Никите по Семешкове дали». В указанные годы Никита был епископом Коломенским, но вкладом по нему (т. е. не ранее 1480 г.) была дана рукопись значительно более раннего времени — приблизительно первой трети XV в. (вероятно, 1410—1420-х гг., образец почерка см. при описании Е. Э. Гранстрем и на с. 120, 122 указанного учебника). Вероятно, рукопись отнесли ко втор. пол. XV в. потому, что она написана уже очень развитым младшим полууставным почерком. Однако этот почерк может показаться поздним только в том случае, если

считать процесс развития восточнославянского книжного письма прямолинейным. В действительности же появление новых (южнославянских по происхождению) полууставных почерков носило спонтанный характер. Они появляются как законченная сложившаяся система, и на протяжении XV в. не претерпевают сколь-либо заметных изменений (но зато к концу столетия широко распространяются и становятся преобладающими). Практически все палеографические приметы (в особенности это относится к набору выносных), относимые обычно к рубежу XV—XVI вв., существуют в комплексе уже в рукописях аскетического содержания 1410—1420-х гг. (например, Лествицы 1411 г. (РГБ, ф. 304. I. № 156; *Вздорнов*. Каталог № 74) и 1412 г. (РГБ, ф. 310, № 192; *Вздорнов*. Каталог № 42), Поучения Аввы Дорофея 1414 г. (РГБ, ф. 304. I, № 165; Каталог № 75), Коломенская Лествица 1421 г. (РНБ, Пор. 73; Каталог № 90), Лествица Десницкого (РГБ, ф. 439, кар. 21, е. хр. 1; *Вздорнов*. Каталог № 43) и др., к которым близко по времени и Кирилло-Белозерское Евангелие.

В этом смысле серьезного уточнения требуют отдельные положения учебника В. Н. Щепкина, параграф 87 которого гласит: «В XV в., в первой половине, находим без титла только надстрочное Д над любой буквой и надстрочное Т над омегой в предложе ѿ, над другими буквами надстрочное Т без титла очень редко и всегда сохраняет свою ножку. Во второй половине без титла находим надстрочные Д, Ж, З, И, Т, Х, причем к Д может присоединяться О, а Т иногда теряет свою ножку» (*Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967. С. 134; ср.: *Творогов О. В.* О выносных буквах в русских рукописях XV—XVI вв. // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 162—175). Сказанное может быть отнесено только к торжественным литургическим полууставным почеркам (и то не ко всем), которыми картина русской письменности XV в. отнюдь не исчерпывается. Весь перечисленный Щепкиным набор признаков довольно систематически употребляется в почерках отмеченных выше рукописей аскетического содержания 1410—1420-х гг. К ним можно добавить также выносные соединения букв ДИ, МО. Набор признаков, проявившихся в почерках этого времени, использовался позднее не в полном объеме. Так, в русских почерках XV—XVI вв. гораздо реже, чем в южнославянских, употребляется полувыносное ꙗ «крестовое», представляющее верхнюю часть этой буквы, написанную над строкой (в исходных вариантах над буквой, имеющей петлю). Невнимание классика палеографической науки к этой группе полууставных почерков довольно трудно объяснить, поскольку они известны в рукописях старых, исторически сложившихся собраний и отражают деятельность наиболее продуктивных книгописных центров своего времени — новых общежительных монастырей Москвы и Подмоскovie (во главе с Троице-Сергиевым), Заволжья (прежде всего Кирилло-Белозерский монастырь), а несколько позднее и Новгорода (рукописи рубежа 1420—1430-х гг. из Лисицкого монастыря).

⁵³ Кроме рукописей, учтенных в ПС-XV, в это число входят 19 кодексов и их фрагментов, вошедших в ПС XI-XIV и к настоящему времени отнесенных к XV в. (№ 283 (Евангелие Мемнона), 445, 882, 975, 1211, 1229, 1301, 1303, 1308, 1310, 1324, 1340, 1370, 1404; 1408, 1421, 1474) и рукописи, не учтенные в ПС-XV (РГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 88, Миняя служебная на сентябрь-октябрь, 1415 г. или 1426 г. и ГИМ, собр. Уварова, 922-4°, Псалтырь нач. XV в., ошибочно описанная как молдавская — см. Описание пергаменных рукописей ГИМ. Ч. 2. С. 302).

⁵⁴ Помимо 39 рукописей, учтенных в ПС-XV, к их числу относятся также упомянутая выше Типографская Миняя № 88. Это число следует увеличить еще на 4 книги, происходящих из того же комплекта (ПС-XV, № 870, 901, 927, 947). Но число датированных пергаменных кодексов нельзя ограничивать 43, оно возрастет за счет рукописей, образующих комплекты с точно датированными. В первую очередь это относится к Миньям служебным, которых можно реконструировать (хотя бы частично) не менее трех комплектов: 1425 г.

(ПС-XV, № 64), 1438—1443 гг. (№ 97, 105—107, 110), 1454 г. (№ 137) и 1463—1464 гг. (№ 172 и 177). Как установлено недавно, к комплекту 1438—1443 гг. принадлежат также рукописи РНБ, Соф. 190 и 210 (ПС-XV, № 854 и 990), а к комплекту 1463—1464 гг. рукописи БРАН 16.14.14 (ПС-XV, № 849) и РНБ, Соф. 192 и 195 (ПС-XV, № 2758 и 2776), а также, вероятно, РГАДА, Син. тип., № 86 и 108 — см.: [Шварц Е. М.] Новгородские рукописи XV в. : Кодикологическое исследование Софийско-Новгородского собрания ГПБ. М.; Л., 1990. С. 19—27; Каталог славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в РГАДА. С. 140—142, 154—155. К комплекту 1425 г. относится, вероятно, Минейя на март-апрель (ГИМ, Син. 172). Число датированных восточнославянских пергаменных рукописей возрастает таким образом до 51.

⁵⁵ Разумеется, существуют и регионы, для которых в этом отношении нельзя говорить определенно. Такова Белоруссия, где до последнего времени самой поздней датированной рукописью на пергамене могло считаться «Друцкое» Евангелие апракос (Новосибирск, ГПНТБ СО РАН, Тих., Р-1). Автор датировал кодекс 1400/01 г. (обоснование датировки см.: СК XIV. Вып. 1. С. 330—331, № 187), поскольку в литературе существовало утверждение, что жалованная грамота Друцкого князя Василия Михайловича на л. 188 об. написана почерком писца (Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 9—11; ср.: Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей акад. М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965. М., 1966. С. 162—163). Однако в настоящее время, при существовании фототипического (хотя и не очень качественного) издания памятника (Друцк летapisны. Друцкае Евангелле. Минск, 2001), можно с уверенностью говорить, что грамота была вписана в готовый новгородский кодекс второй пол. (?) XIV в., причем (случай достаточно редкий) почерком значительно более каллиграфическим, чем письмо самого Евангелия. Об орфографических новгородизмах писца кодекса см. также: Лосева О. В. Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 37—38).

Мало данных сохранилось и для Украины — только одна рукопись: Евангелие 1421 г., написанное в Онуфриевском монастыре (Тульский краеведческий музей, № 304; ПС-XV, № 48). Редкие более поздние опыты (напр., Пересопницкое Евангелие 1556—1561 гг.), вероятно, связаны с влиянием молдавской традиции на западе Украины.

⁵⁶ Памятники тверского книгописания XV в. (как, впрочем, и предшествующих столетий) вообще известны весьма в небольшом числе. Помимо 8 точно датированных рукописей (см.: Вздорнов. Каталог. № 21—23, 25—28 и ПС-XV, № 240) сохранились сведения еще о двух рукописях кон. XIV или нач. XV в. (Вздорнов. Каталог. № 24) и 1442 г. (запись писца дошла в списке XVIII в. — ГПНТБ СО АН, Тих. Р-304. См.: Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания. С. 91—92), и ряда кодексов, созданных уже после падения независимого Тверского княжества (см.: Попов Г. В. Позднетверская рукописная орнаментика: Четвероевангелие конца XV — начала XVI в. из Иосифо-Волоколамского монастыря // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 92—108). Выявление недатированных и нелокализованных рукописей тверского происхождения затруднено отсутствием локальных особенностей в орфографии, графике и оформлении рукописей. Существование консервативных архаизирующих тенденций в книжной культуре Твери можно предполагать на основании общего облика Евангелия-апракос 1463 г. (РНБ, собр. Погодина, № 18), созданного в Пскове писцом Борисом шестником Тверитином (см.: Бетин Л. В. Псковская миниатюра 1463 г. и проблемы псковской живописи XV в. // Древнерусское искусство / Рукописная книга. М., 1972. (Сб. 1). С. 196—217 и иллюстрация на вклейке). Это, безусловно, одна из самых архаичных по письму и орфографии русских рукописей XV в. (не будь в ней записи писца, ее можно спокойно было бы отнести к началу столетия), однако что в этой архаичности идет от тверского происхождения писца и что от псковских особенностей — сказать трудно.

В то же время в облике Устава 1438 г. (как и других тверских рукописей перв. пол. XV в.) нет каких-либо заметных архаических черт — он похож на современные ему московские рукописи и письмом и оформлением (и в этом еще одна трудность выявления книгописного наследия Твери XV в.). Возможно, несколько более продолжительное употребление пергамена для книгописания в Твери по сравнению с Москвой объясняется более стабильной политической и экономической ситуацией в княжестве, не подвергшемся изнурительной феодальной усобице (см. ниже).

⁵⁷ См.: *Вздорнов*. Искусство книги... Каталог № 103, 105—109 — 1416—1424 гг.

⁵⁸ Основанием для такой локализации комплекта типографских миней служит в первую очередь то обстоятельство, что каноны ростовским святым в полутоме на май (№ 115) помещены в службах 23 (Леонтий) и 28 (Игнатий) мая на первом месте — несомненное указание на их особое почитание (наблюдение принадлежит Л. В. Мошковой). В последнее время, впрочем, надежно обосновано создание этих Миней в Переславле-Залесском — см.: *Лифшиц*. К вопросу о центрах книгопечатания... С. 181—195; Каталог славяно-русских рукописных книг XV в. ... С. 137—140 (№ 39); ПЭ. М., 2009. Т. 20. С. 156—157.

⁵⁹ См.: *Вздорнов*. Искусство... № 102.

⁶⁰ См.: *Беляева О. К.* К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 15.

⁶¹ См. указатель рукописей, написанных на пергамене в ПС-XV и примечания 47 и 53.

⁶² Для роскошных кодексов процесс перемещения принял широкий размах еще в XVII в., когда среди представителей церковных и светских властей возникла своеобразная мода вкладывать в крупнейшие монастыри и кремлевские храмы роскошные пергаменные кодексы (царская фамилия, Б. И. Морозов, Б. М. Хитрово, в особенности патриарх Никон). К этому времени относится и формирование единой на первом этапе коллекции пергаменных кодексов того же патриарха Никона, вошедшей позднее частями в Синодальную, Типографскую и Новоиерусалимскую (Воскресенскую). Это, конечно, отнюдь не исключает миграции рукописей в предшествующее время.

⁶³ Материал, привлеченный Г. В. Поповым (*Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI вв.* М., 1975), наглядно свидетельствует об отсутствии не только роскошных, но и вообще лицевых рукописей московского происхождения между 1420-ми и 1470-ми гг. Встречающиеся в литературе указание на лицевую московскую пергаменную рукопись середины XV в. (ГИМ, Музейск. 364 (*Попов Г. В.* Живопись и миниатюра... С. 29, 30; *Ророва О.* Les miniatures russes du XIe au XVe siecle. L., 1975. P. 156; *Вздорнов*. Искусство книги... С. 111. Каталог. № 69 (втор. четв. XV в.); *Попова О. С.* Русская книжная миниатюра XI—XV вв. // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 70) основано на неверной атрибуции памятника. В действительности, как убедительно показала Э. С. Смирнова, рукопись эта действительно второй четверти — середины XV в., но создана в Новгороде (см.: *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода XV в. М., 1994. С. 74, 76—82, 233—248 (Кат. № 4); ср.: *Турилов А. А.* Мастер Яковичко — малоизвестный новгородский книгописец середины XV в. // *Хризограф*: Сб. статей к юбилею Г. З. Быковой. М., 2003. С. 165—182. Существуют мнения о более позднем происхождении рукописи (библиографию см.: *Вздорнов*. Искусство книги... Каталог № 69).

⁶⁴ См.: [*Шварц Е. М.*]. Новгородские рукописи... С. 27—29.

⁶⁵ Там же. С. 30—60.

⁶⁶ См.: *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение... С. 134—137, снимки 129 и 130. Пергаменные рукописи... Рис. 35.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. В русских рукописях запятая появляется в 1390-х гг. К числу случаев ее употребления относится Онежская (Смоленская) Псалтырь 1395 г. (ГИМ, Муз. 4040).

⁶⁹ См.: *Вздорнов Г. И.* Искусство книги... Каталог, № 103.

⁷⁰ Там же. № 106.

⁷¹ Там же. № 107.

⁷² Там же. № 108.

⁷³ Там же. № 109.

⁷⁴ Таковы, например Лествицы 1411 г. (РГБ, собр. ТСЛ, № 156 — *Вздорнов. Каталог № 74*) и 1412 г. (там же, собр. Большакова № 289 и собр. Ундольского № 192 — *Вздорнов. Каталог № 42*), Поучения аввы Дорофея 1414 г. (РГБ, ТСЛ, № 165 — *Вздорнов. Каталог № 75*) и др. См.: *Вздорнов Г. И.* Книгописание и художественное оформление рукописей в московских и подмосковных монастырях до конца первой трети XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22; *Он же.* Роль славянских мастерских письма Афона и Константинополя в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV и XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1968. Т. 23 (в особенности — приложение).

⁷⁵ См.: *Вздорнов. Искусство книги... Каталог, № 27.*

⁷⁶ Таковы Лествица (ГБЛ, Рум. 200) и Сборник аскетический (РГБ, ТСЛ, № 175), написанные в 1431 г. в Лисицком монастыре под Новгородом. Об этом книгописном центре см.: *Бобров А. Г.* Из истории книгописания Лисицкого Новгородского монастыря в конце XIV — начале XVI в. // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах ОРРК: Сб. науч. трудов ГПБ. Л., 1985. С. 10—16; *Он же.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV — первая половина XV в.) // Книгописные центры Древней Руси XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78—98.

⁷⁷ Очевидно, ко времени Евфимия II относится (как убедительно показала Э. С. Смирнова) лицевое пергаменное Евангелие (ГИМ, Муз. 364), ранее считавшееся московским по происхождению (см. примеч. 63).

^{77a} *Вздорнов. Искусство книги... Каталог, № 57, 61, 68, 108.*

⁷⁸ Наиболее полный обзор существующих мнений искусствоведов (исследователи других специальностей к кодексу по существу не обращались) о рукописи Русского музея приведен в статье И. Д. Соловьевой: «Художественное оформление рукописей первой четверти XV столетия из Кирилло-Белозерского монастыря в собрании Русского музея» // ПКНО 1982. Л., 1984. С. 224—227, 230, 232. Краткое описание кодекса ГРМ Др. гр. 20, воспроизведение отдельных страниц с миниатюрами и заставками и предшествующую библиографию см.: *Вздорнов. Искусство книги... Каталог, № 68.*

⁷⁹ *Лазарев В. Н.* Дионисий и его школа // История русского искусства. М., 1955. Т. III. С. 536—537.

⁸⁰ *Мнева Н. Е.* Искусство Московской Руси второй половины XV—XVI вв. М., 1965. С. 52—53.

⁸¹ *Бочаров Г. Н., Выголов В. П.* Вологда, Кириллов, Фералонтово, Белозерск. М., 1969. С. 150 (3-е изд.: М., 1979. С. 173, 219).

⁸² *Вздорнов Г. И.* Неовизантийский орнамент в южнославянских и русских рукописных книгах до начала XV в. // ВВ. М., 1973. Т. 34. С. 235; *Искусство книги... Каталог № 68.*

⁸³ *Ророва О.* Les miniatures... Р. 126; *Попова О. С.* Русская книжная миниатюра... С. 60.

⁸⁴ *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра... С. 15.

⁸⁵ *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. Вып. V. С. 26.

⁸⁶ «Апостол в дещь на хараты, з золотом, тетр». — *Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1987 (ОЛДП 113). С. 4, № 53.

⁸⁷ *Ухова Т. Б.* Орнамент неовизантийского стиля в московских рукописях конца XIV — первой четверти XV в. // Андрей Рублев и его эпоха. Л., 1971. С. 234—235. Описание, воспроизведение отдельных страниц и библиографию см.: *Вздорнов.* Искусство книги... Каталог, № 108; *Прохоров Г. М., Розов Н. Н.* Перечень книг Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 359, № 3.

⁸⁸ *Прохоров, Розов.* Перечень... С. 353, 354, № 4; *Розов Н. Н.* Книга в России в XV в. Л., 1981. С. 66, 113.

⁸⁹ *Соловьева.* Художественное оформление... С. 224—226.

⁹⁰ *Ухова.* Орнамент... С. 234, 235.

⁹¹ *Соловьева.* Художественное оформление... С. 230.

⁹² *Лавров.* Палеографическое обозрение... С. 134—137.

⁹³ Сообщено В. А. Дыбо в устной беседе с автором. Отметим кстати, что мнение о русском происхождении Евангелия Мемнона получило наконец признание и у лингвистов (см.: *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990. С. 269).

⁹⁴ *Попов.* Живопись и миниатюра... С. 15. Попутно нельзя не высказать замечания относительно источников миниатюр Апостола Русского музея, поскольку О. С. Попова видит в них связь «с искусством Молдаво-Валахии» (Русская книжная миниатюра... С. 60). Основанием для этого служит несомненная близость изображений апостолов в кодексе Русского музея с миниатюрами евангелистов в пергаменном Тетраевангелии 1429 г. Бодлеанской библиотеки в Оксфорде (Col. Can. gr. 122), написанном для молдавского воеводы Александра Доброго.

Оставим в стороне несомненно неудачное определение «Молдаво-Валахия», хотя его значение в данном случае неясно: что это — Молдавия и Валахия или же Молдовлахия в средневековом значении термина (собственно Молдавия в отличие от Угровлахия — Валахия). Нелишне однако напомнить, что Молдавия в первой половине XV в. не обладала сколько-либо устойчивыми художественными традициями (в равной степени это относится и к Валахии, разрозненные художественные памятники которой не обнаруживают заметного единства с молдавскими); миниатюры Евангелия 1429 г. стоят не столько даже особняком, сколько в одиночестве. Складывание прочных местных художественных традиций относится уже к последней трети столетия — времени Стефана Великого. Аналогичная картина наблюдается и в области книжной культуры. Деятельность книгописца Гавриила в 1410—1440-х гг. (кстати, писца Бодлеанского Евангелия) стоит особняком в истории славянского книгописания в Молдавии, предшествуя появлению классических по графике письма и оформлению молдавских кодексов второй половины столетия. В то же время известно, что именно в Молдавию на рубеже XIV и XV вв. попал ряд болгарских лицевых рукописей из Тырнова и Видина после падения Второго Болгарского царства: в их числе Лондонское Четвероевангелие царя Иоанна Александра и Псалтырь Томича. Первое в XVI — начале XVII вв. неоднократно копировалось молдавскими мастерами (см.: *Щепкина М. В.* Болгарская миниатюра XIV в. (Исследование Псалтыри Томича). М., 1963. С. 89—94). Скорее всего и Евангелие 1429 г. тоже копирует тырновский либо видинский оригинал XIV в., восходящий в свою очередь к константинопольскому, если только не является произведением византийского мастера, оказавшегося в Молдавии. В любом случае Апостол Русского музея и Евангелие 1429 г. связаны через палеологовский образец, а не в силу московско-молдавских художественных контактов первой по-

ловины XV в., о которых (в отличие от времени Ивана III и Стефана Великого) ничего неизвестно.

⁹⁵ *Варлаам*, архим. Обзорение рукописей собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского // ЧОИДР. 1860. Кн. II. Отд. III. С. 10—12; *Он же*. Описание историко-археологических древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. Отд. IV, № 1. Подробное о современном состоянии вопроса см.: *Турилов А. А.* К истории библиотеки и скриптория Кирилло-Белозерского монастыря в первой трети XV в. (Проблема Христофора) // Древнерусское искусство: Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. СПб., 2004. С. 373—390.

⁹⁶ Ср. почерки: *Вздорнов*. Искусство книги... Каталог, № 103 и 108 (лист с заставкой, на предшествующем снимке почерк отличается).

⁹⁷ Воспроизведения см.: *Вздорнов*. Искусство книги... Каталог, № 107; *Прохоров, Розов*. Перечень... С. 360.

⁹⁸ *Прохоров, Розов*. Перечень... С. 360, 361.

⁹⁹ О Мартиниане см.: *Вздорнов*. Искусство книги... С. 129; *Шевченко Е. Э.* Книжник XV в. Мартиниан (Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев, Вожеозерский и Ферапонтов Монастыри) // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1951. С. 283—299.

¹⁰⁰ *Ухова Т. Б.* Орнамент... С. 234—235; *Ухова Т. Б., Писарская Л.* Лицевая рукопись Успенского собора. Л., 1969 (Публикация одного памятника). Комментар. 1.

¹⁰¹ *Розов*. Книга... С. 66, 112.

¹⁰² *Прохоров, Розов*. Перечень... С. 359, № 3; 374, № 4, 5.

¹⁰³ Там же. С. 374.

¹⁰⁴ *Вздорнов*. Неовизантийский орнамент... С. 236; *Искусство книги*... С. 128.

¹⁰⁵ *Соловьева*. Художественное оформление... С. 230.

¹⁰⁶ *Никольский*. Описание... С. 3—4.

К истории Стишного пролога на Руси в XIV—XV вв.

История Стишного пролога на Руси насчитывала ко времени начала работы по составлению Великих Миней Четых (куда он был включен полностью) около полутора столетий. Сборник принадлежит к числу переводов, выполненных южнославянскими книжниками в XIV в., и попал на Русь не ранее последней четверти этого столетия, в эпоху «второго южнославянского влияния»¹. Ранняя (до конца XIV в. у южных славян и до последней четверти XV в. на Руси) история Стишного пролога как календарного сборника в болгарской, сербской и восточнославянской традиции в настоящее время достаточно подробно освещена (при том, что, разумеется, остается целый ряд нерешенных вопросов разной степени сложности) благодаря исследованию Г. Петкова². В частности, можно считать установленным, что на Руси получила известность только одна редакция перевода, наиболее распространенная и у южных славян (Тырновская (Т) по терминологии исследователя), хотя в составе отдельных групп списков обнаруживаются различия, восходящие явно к архетипному уровню³.

Древнейший сохранившийся восточнославянский список (и единственный пергаменный) — том на мартовское полугодие (ГИМ, Чудовское собр., № 17) — написан уставом и датируется, скорее всего, самым началом XV столетия⁴ (менее вероятно датировка рубежом XIV—XV вв.). Практически современны ему старшие выписки житий и предисловий в составе сборников⁵.

На протяжении XV — первой четверти XVI в. новый календарный сборник получил на Руси достаточно широкую известность. Помимо Чудовского списка (если и не написанного в стенах этой обители, то, во всяком случае, издавна находившегося ней), до наших дней дошли рукописи, созданные для подмосковного Троице-Сергиева, северных Кирилло-Белозерского и Спасо-Каменного, новгородского Спасо-Хутынского, западнобелорусского Супрасльского и западноукраинского Уневского монастырей⁶. Правда, на этом фоне заметно почти полное отсутствие комплектов или отдельных томов Стишного пролога, связанных с митрополией и кафедральными соборами епархиальных центров⁷ — возможно, в этот период употребление памятника было ограничено по преимуществу монастырским обиходом.

Ко времени составления ВМЧ можно отметить и факт использования памятника (точнее, входящих в него житий и повестей) не только для богослужебных нужд. Между 1516—1522 гг. тексты Стишного пролога (при этом, как будет показано ниже, вполне определенной редакции) послужили одним из источников Русского хронографа, созданного, как теперь установлено, в Иосифо-Волоколамском монастыре⁸. Круг проложных сюжетов, включенных в Хронограф, представляет

тему самостоятельного исследования: если об использовании в этом всемирно-историческом своде известий житий южнославянских (в первую очередь болгарских) святых в литературе хорошо известно (хотя их связь именно со Стишным прологом установлена сравнительно недавно)⁹, то такие переводные повести, как «О иверах, како приидоша в богоразумие»¹⁰ или «О Николае мнихе, иже от воин бысть»¹¹, содержащиеся в том же Стишном прологе (соответственно под 27 октября и под 24 декабря), в числе таких источников даже не упоминаются.

Несмотря на то что памятник получил на Руси достаточно широкую известность, он не вытеснил здесь из обращения (в отличие от Болгарии и Сербии) древнейшую редакцию Пролога (так называемую редакцию Константина Мокисийского) и даже далеко не сравнялся с ней (во всяком случае, к началу XVI в.) по числу списков¹². Вероятно, данным обстоятельством объясняется включение в ВМЧ сразу обоих этих сборников — традиционного и сравнительно нового.

Практически сразу после появления на Руси Стишной пролог начал дополняться новыми статьями — отсутствовавшими в нем житиями и (главным образом) некалендарными текстами: патериковыми повестями, поучениями и притчами. В этом, несомненно, сказалось влияние многовековой традиции, поскольку уже в домонгольское время Пролог стал восприниматься здесь не только как чисто житийный, но именно как житийно-учительный сборник.

Ранний этап трансформации Стишного пролога на русской почве в житийно-учительный сборник воплощает уже древнейший Чудовской список на март-август¹³, Г. Петковым к исследованию, к сожалению, не привлеченный. Дополнения здесь встречаются лишь под отдельными числами. Это повесть о перенесении мощей князя Вячеслава Чешского 4 марта (л. 5г—6а), приписываемые в литературе Клименту Охридскому поучения на предпразднество Благовещения (л. 33г—34б; нач.: «Да есте ведуще, братие, яко в сий день...») и на сам праздник (л. 34в—35б; нач.: «Ныне подобно есть, братие, к вам велегласно изрещи...»), повесть о воинетаксиоте (л. 79б—г) и сказание св. Патрикия об огне, исходящем из земли (оба 29 апреля), и, наконец, поучение Ефрема Сирина «о сделовании благих дел» 30 апреля (л. 81б—г; нач.: «Се время нас приводит на соделование вечные жизни, нерушимые славы...»). Сентябрьский полутом комплекта, аналогичный по характеру дополнений учительными статьями пергаменному Чудовскому (мартовскому), представлен пока списком значительно более позднего времени (первой трети XVI в.) — НБ МГУ, Верещагинское территориальное собр., № 818. Кодекс также не привлёк внимания Г. Петкова, но, по счастью, он подробно описан еще четверть века назад¹⁴. Здесь — как и в древнем томе на март-август — бросается в глаза минимальная учительная часть: патериковые повести и поучения тоже даются лишь на отдельные, весьма немногочисленные, дни (хотя здесь их и больше)¹⁵, при этом принцип отбора статей (за исключением, быть может, поучений на праздники) явно не прослеживается. Источником всех этих дополнений для обоих полугодных томов была, несомненно, вторая редакция Пролога Константина Мокисийского (достаточно сопоставить набор текстов и их распределение по числам с оглавлением ВМЧ).

Позднейшая русская (в широком смысле слова) рукописная традиция Стишного пролога дает в отношении учительных статей весьма сложную картину. С разной

степенью распространения здесь представлены три варианта соединения стихшной и нестишной редакций: 1) присоединение к Стишному прологу готовой учительской части из нестишного; 2) присоединение стихов (взятых из стихшной редакции или же написанных заново) к нестишному; 3) создание нового набора учительских статей, частично с использованием традиционного.

Первый вариант в наиболее завершенной форме представлен Великими Минеями Четвыми, в которых учительская часть включенных в них стихшной и нестишной редакций Пролога совпадает по составу до такой степени, что в томах, изданных в XIX — первой четверти XX в. Археографической комиссией, даются (в случае вторичного помещения текста) лишь инципиты дублирующихся статей. Восприятие ВМЧ исследователями как эталонного памятника оказало безусловное воздействие на их отношение к учительской части Стишного пролога в целом. Молчаливо предполагалось, что ситуация аналогична во всей русской рукописной традиции, и для классификации списков (в том числе автором этих строк) использовались лишь данные житийной части сборника (в первую очередь южнославянские и отчасти русские жития)¹⁶. С публикацией Г. Петковым сводного указателя к учительской части Стишного пролога¹⁷ (куда не вошли данные ВМЧ) стало ясно, что она обладает значительным классификационным потенциалом, позволяющим существенно уточнить систематизацию на основе житийного материала. Сопоставление Стишного пролога в составе ВМЧ с другими списками памятника убеждает, что присоединение к этому житийному сборнику учительской части, в полном объеме заимствованной из 2-й редакции Пролога Константина Мокисийского, происходило в XV—XVI вв. на Руси (и в том числе в Новгороде) неоднократно. Так, например, только на протяжении первой декады марта ВМЧ обнаруживает целый ряд отличий в составе от учительской части Стишного пролога, переписанного в 1478—1479 гг. в новгородском Хутынском монастыре (СПб., РГИА, ф. 834, оп. 3, № 3933, 3934, 3935 и 3936¹⁸), которые прежде всего могут объясняться варьированием набора статей в положенных в их основу списках нестишной редакции. На то, что ВМЧ не представляют в этом отношении совершенно новой редакции учительской части сборника, указывают более ранние западнорусские списки Стишного пролога (например, Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 100, 1496 г.), почти полностью совпадающие в этом отношении (и на этом календарном отрезке) с ними, а не с хутынским Прологом (при том, что набор южнославянских и русских житий западнорусского Пролога отличается от совпадающих между собой новгородских)¹⁹.

Второй вариант (состоящий в дополнении житий нестишного Пролога предваряющими их стихами) известен в настоящее время по единственному списку на март-август первой четверти XVI в., по всей вероятности, псковского происхождения (Рим, Папский восточный институт, Слав. 5)²⁰. Стихи, судя по всему, написаны специально для этой цели между рубежом 1470—1480-х и 1510-ми гг.²¹

Наконец, третий, наиболее радикальный вариант представлен — как и первый — несколькими опытами. Самый ранний из них дошел в комплекте из трех томов (разбит на неравные трети: март-май, июнь-октябрь, ноябрь-февраль), написанных в 1429 г.²² и около этой даты²³ для Троице-Сергиева монастыря (РГБ,

собр. ТСЛ, № 715, 717, 720); первые два тома написаны одним писцом, который в приписке к № 715 назван мирским человеком Евстафием Шепелем. О составе учительных статей ныне можно судить по росписи, опубликованной Г. Петковым²⁴.

В этой редакции учительные статьи (поучения, патериковые повести и извлечения из пространных житий) по одной на день, при этом не на каждое число месяца. Учительная часть в данном случае явно составлена заново. Хотя в ней активно использован набор некалендарных статей, традиционных для нестишной редакции Пролога (например, патериковые повести), они расположены здесь под другими числами²⁵. Но еще более показательно для датировки данной редакции включение в состав учительной части отрывков аскетических сочинений, пришедших на Русь со «вторым южнославянским влиянием»: аввы Дорофея, Бесед Зосимы о ярости, Исаака Сирина, Никиты Стифата, Симеона Нового Богослова и др.²⁶ Для некоторых текстов (например, Бесед Зосимы) присутствие в составе комплекта 1429 г. является наиболее ранним датированным свидетельством их известности на Руси²⁷.

Позднейшая судьба данной редакции Стишного пролога не изучена, но, во всяком случае, еще один полный (за исключением механических утрат) ее комплект XV в. известен — насколько я мог судить по материалу сентября. Это четыре квартальных тома, переписанные в 1477—1478 гг. в Вологде по заказу удельного князя Андрея Васильевича Меньшого для Спасо-Каменного монастыря (РГИА, ф. 834, оп. 2, № 1261, 1264, 1267, 1278), которые совпадают с троицкими и по набору южнославянских житий²⁸. Другие списки данной редакции (кроме восходящего непосредственно к списку 1429 г. троицкого же по происхождению комплекта 1523—1529 гг. — РГБ, ф. 304.1, № 716, 718, 721) пока не выявлены, но можно полагать, что к началу XVI в. она была известна в монастырях Москвы и Подмоскovie, например, в Симоновом и Иосифо-Волоколамском. Так, в «Слове о еретиках» полемиста-«нестяжателя» князя-инока Вассиана Патрикеева встречается ссылка на содержащееся в Прологе Симонова монастыря под 19 августа «Слово о златокузнеце, молитвою повелевшем горе низвергнуться в Нил»²⁹. Помещение данного слова под этим числом составляет особенность именно троицкой редакции Стишного пролога³⁰. Использование в Русском хронографе повести о крещении Грузии (см. выше) указывает, очевидно, на то, что данная редакция Пролога была в начале XVI в. и в Иосифо-Волоколамском монастыре, поскольку в новгородских списках этот текст отсутствует³¹.

По крайней мере, еще один опыт создания новой редакции учительной части Стишного пролога был предпринят не позднее середины XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре или в Ростовской епархии, в которую входила обитель. Она известна по списку на декабрь-февраль (РНБ, Кир.-Бел. 1/1240), написанному в 1452 г. в стенах этого монастыря повелением игумена Кассиана неким Порфирийском³². Рукопись также не привлечена Г. Петковым к сравнительному исследованию. По набору учительных статей у нее мало точек соприкосновения с обоими (и хутынским, и в составе ВМЧ) новгородскими комплектами. Более сложная картина наблюдается при сопоставлении кирилловского списка с троицкой редакцией Стишного пролога. В них для дополнений явно использован один круг источников (см. выше), но при этом разнится распределение по месяцам и

числам; полные совпадения довольно редки, например, 22 декабря, когда в обоих случаях помещена повесть «О Редемпте епископе Ферентинистем» из Римского патерика³³. Сопоставим, к примеру, три дня троицкого и кирилловского списков (из начала каждого месяца):

1 декабря. К—Б: л. 2 об. — 6. «Слово о целомудрьнеи Сусане и о велицем пророце Даниле» (нач.: «Бысть некий муж живый в Вавилоне, именован Иоаким...»); л. 6—8. «Слово о Даниле пророце, како боги вавилонския (!) Вила съкруши и змиа умертви» (нач.: «Сии Даниль велики в пророцех наречены и любим баше вавилоньскими цесари...»)³⁴; л. 8—8 об. «Слово от патерика о мужи милостивем» (нач.: В Антиохии Велицеи бысть муж некий, творя милостыня многа...). В *Тр.* читается только этот последний текст³⁵.

2 января (на 1-е в *Тр.* нет чтения). К—Б: л. 136 об. — 137 об. Чудо св. Сильвестра, папы Римского, «и о прении з жида» (нач.: «По крещении великаго царя Константина слух бысть всем еллиномь и жидомь...»); л. 137 об. — 139 об. «Слово Евагрия мниха о умилении и о страсе будущих мук и о покаании» (нач.: «Охь, душе, увы, ужико, о горе, съпряжница моя...»). В *Тр.* здесь читается только первый из этих текстов³⁶, второй помещен под 18 июня³⁷.

1 февраля. К—Б: л. 250 об. — 252 об. «Слово о некоем отроце, гусаре именован» (нач.: «Есть градец мал, отстоящ от Царяграда близ...»)³⁸; *Тр.*: «Слово Ефрема Сирина о суде и о покаании» (нач.: «Послушайте, братие, добраго совета моего...»)³⁹.

Разница в дополнительной части троицкого и кирилло-белозерского Стишных прологов особенно примечательна на фоне тесных связей (и в том числе книжных) обоих монастырей в XV—XVI вв. Для внимательного их сопоставления (равно как и для их сопоставления с новгородской редакцией), обладающих «стандартной» (по отношению к нестишному Прологу) учительной частью, предварительно необходимо составить алфавитный инципитарий, чтобы иметь возможность ориентироваться в вариантах комбинаций размещения одних и тех же слов и поучений.

Учительная часть Стишного пролога (равно как и памятник в целом) безусловно нуждается в дальнейшем углубленном исследовании, однако даже известные на сегодняшний день факты позволяют с уверенностью говорить, что ее история на протяжении XV—XVI вв. в отдельных частях восточнославянского региона была очень сложной и не прямолинейной. Версия, представленная в ВМЧ, является лишь одним из вариантов, занявшим в этой истории центральное место именно в силу включения в этот грандиозный свод.

Примечания

¹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 5; Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 39—43; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 379.

² Петков Г. Стишният пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV—XV в.): Археография, текстология и издание на проложни стихове. Пловдив, 2000.

³ См.: Там же. С. 143—190, 467—520.

⁴ Подробного описания рукопись не имеет, краткое см.: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 12 (датирована концом XIV в.).

⁵ Таковы, к примеру, житие преподобной Феофании (16 декабря) в почти целиком совпадающих по составу пергаменных сборниках рубежа XIV—XV вв. (ГИМ, Чуд. 21) и начала XV в. (РГАДА, ф. 357 (собр. Саровской пустыни), № 2) (см.: *Творогов О. В.* Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв. (статья первая) // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 202, 203, № 13, 18; Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА / Сост. И. Л. Жучкова, Л. В. Мошкова, А. А. Турилов. М., 2000. С. 261, № 92) и «Предисловие о марте месяце» в бумажном сборнике первой четверти XV в. РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII (см.: *Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского / Изд. подгот. Е. В. Крушельницая, Н. Н. Невзорова, Г. М. Прохоров, А. А. Романова, Е. Э. Шевченко.* СПб., 2003. С. 185—186, 356—357).

⁶ См.: *Турилов.* Оригинальные южнославянские сочинения... С. 39—44; *Он же.* Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // *Славянский альманах 2000.* М., 2001. С. 254—258 (и настоящий сборник).

⁷ Можно привести лишь два неявных примера, при этом уже второй четверти XVI в. Первый относится к Новгороду, где на использование Стишного пролога в практике соборного богослужения косвенно может указывать (хотя и не обязательно) факт включения памятника в состав ВМЧ. Второй связан с Луцком, где для кафедрального собора Иоанна Богослова в 1530—1531 гг. по повелению епископа Макария был переписан комплект Пролога особой редакции (с сильно расширенной учительной частью) на основе стишной (Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 96—98, 101). См.: *Турилов.* Южнославянские памятники... С. 255—257, 276.

⁸ См., например.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 157—177.

⁹ См., к примеру: *Турилов А. А.* К вопросу о болгарских источниках Русского Хронографа // *Летописи и хроники 1984.* М., 1984. С. 20—24.

¹⁰ См.: *Петков.* Стишний пролог... С. 476; ср.: ПСРЛ. СПб., 1911 (репринт: М., 2005). Т. 22. Ч. 1 (Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 г.). С. 266.

¹¹ *Петков.* Стишний пролог... С. 160; Ср.: ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 329.

¹² Достаточно показательны в этом смысле данные «Предварительного списка славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986; далее ПС XV), содержащего сведения о 30 восточнославянских списках Стишного пролога (№ 73, 76, 110, 188, 236—238, 246, 249, 253, 290, 291, 324, 305, 1228, 1230—1239, 2189, 2809, 2970—2972) при 87 нестишного (№ 13, 14, 65, 81, 82, 118, 143, 1191—1197, 1199—1205, 1207—1216, 1223, 1226, 1227, 1229, 2159—2182, 2184—2188, 2937, 2938, 2940, 2941, 2943, 2944, 2946—2948, 2950, 2954, 2955, 2958—2960, 2962—2967, 3419). Соответственно 2 (190, 281) и 29 (8, 44—51, 162—189, 278, 280) номеров содержат Дополнения к ПС XV (М., 1993); подсчеты выполнены с учетом исправления датировок и уточнения содержания. Разница будет еще более значительной, если принять во внимание, что нестишной Пролог представлен полугодными томами, а стишной преимущественно трехмесячными. О позднейших русских списках Стишного пролога см. также: *Жуковская Л. П.* Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи // *Славянское языкознание: IX Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации.* М., 1983. Табл. 2 (списки сентябрьского полугодия); *Петков.* Стишний пролог... С. 138—140, № 94—173.

¹³ Список, вероятно, содержит также (судя по наличию житий без стихов) следы дополнения житийной части статьями нестишной редакции (например: 3 марта (л. 3в—г) — жи-

тие мученика Василиска; 4 (л. 5в—г) — мучеников Исихия и Саврила; 5 (л. 7г) — Исихия постника; 9 (л. 12г—13в) — мученика Веспасиана; 10 (л. 13г—14) — Анастасия патрикия, и т. д.), однако этот вопрос нуждается в специальном исследовании, т. к., по наблюдениям Г. Петкова (Стишният пролог... С. 29—32), подобный процесс наблюдается уже на южнославянской почве.

¹⁴ Славяно-русские рукописи XV—XVI вв. Научной библиотеки Московского университета / Сост. Н. А. Кобяк, И. В. Поздеева. М., 1981. С. 43—55, № 8.

¹⁵ С учетом утрат кодекса (он не имеет начала, текст начинается с чтений 2 сентября; утрачены чтения с конца 26 сентября по конец 4 октября, конец чтения на 30 ноября и начало на 1 декабря) они помещены под 2—6, 8 сентября, 5, 15, 27, 31 октября, 4, 6, 17, 23 ноября, 11, 20, 24, 25 декабря. Кроме того, ряд повестей и поучений помещен в дополнении (л. 549—556), но с указанием календарной приуроченности.

¹⁶ *Турилов*. Оригинальные южнославянские сочинения... С. 39—44; *Он же*. Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV — первой четверти XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 8—11 (предложенный здесь принцип деления русских списков Стишного пролога на московскую и новгородскую редакции принят и в книге Г. Петкова); *Он же*. Южнославянские памятники... С. 254—258; *Жуковская*. Текстологическое и лингвистическое исследование... Табл. 2.

¹⁷ *Петков*. Стишният пролог... С. 467—520.

¹⁸ Различия наблюдаются в составе и/или календарной приуроченности чтений 1 (ВМЧ. С. 37—38; *Петков*. Стишният пролог... С. 495), 3 (ВМЧ. С. 64—65; *Петков*. С. 495), 4 (ВМЧ. С. 83—84; *Петков*. С. 495), 5 (ВМЧ. С. 89—90; *Петков*. С. 495—496), 6 (ВМЧ. С. 125—126; *Петков*. С. 496), 7 (ВМЧ. С. 139—140; *Петков*. С. 496), 8 (ВМЧ. С. 145—146; *Петков*. С. 496), 9 (ВМЧ. С. 185—186; *Петков*. С. 496) и 10 (ВМЧ. С. 202—203; *Петков*. С. 496) марта.

¹⁹ См.: *Турилов*. Южнославянские памятники... С. 254—258.

²⁰ Подробное описание рукописи (без определения редакционных особенностей) см.: *Джурова А., Станчев К.* Описание славянских рукописей Папского восточного института в Риме. Roma, 1997 (= *Orientalia Christiana Analecta*. Vol. 255). С. 22—25.

²¹ См.: *Турилов А. А.* Рец.: *Джурова А., Станчев К.* Описание славянских рукописей Папского восточного института в Риме. Roma, 1997 // *Славяноведение*. 2002. № 4. С. 117—125; *Он же*. К ранней истории общерусского почитания преп. Ефимия Суздальского // Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России. Владимир; Суздаль, 2003. С. 21—25.

²² О датировке рукописи см.: *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. 94—95. Ср.: *Жуковская Л. П.* О якобы датированных списках Стишного пролога XV в. // *История русского языка. Памятники XI—XVIII вв.* М., 1982. С. 74—121.

²³ В печатном описании (*Иларий и Арсений, иером.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1879. Ч. 3. С. 111) кодекс ошибочно датирован 1469 г. на основании пробы пера, содержащей указанную дату.

²⁴ *Петков*. Стишният пролог... С. 467—520.

²⁵ Ср.: *Петков*. Стишният пролог... (С. 467—520) с росписью патериковых повестей в составе Пролога Константина Мокисийского (*Давыдова С. А.* Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога // *ТОДРЛ*. Л., 1990. Т. 43. С. 268—280). Уместно также заметить, что учительная часть троицкого комплекта Стишного пролога практически не имеет точек соприкосновения и с более поздней особой редакцией нестишного Пролога, составленной на основе так называемой первой и представленной списками (по всей вероятности, псковского происхождения) с рубежа XV—XVI вв. (см.: *Фет Е. А.* Новые факты к истории древнерусского Пролога // *Источниковедение литературы Древней Руси*. Л., 1980. С. 53—70).

²⁶ Перечень авторов (и псевдоэпиграфов), чьи сочинения вошли в состав этой редакции Стишного пролога см.: *Петков. Стишний пролог...* С. 102—104.

²⁷ См.: *Соболевский. Переводная литература...* С. 17.

²⁸ О наборе южнославянских житий в разных по происхождению восточнославянских комплексах Стишного пролога см.: *Турилов. Оригинальные южнославянские сочинения...* С. 39—44; *Он же. Южнославянские памятники...* С. 254—258.

²⁹ *Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 273. Примеч. б.*

³⁰ *Петков. Стишний пролог...* С. 519.

³¹ Там же. С. 476.

³² Имя писца скрыто в большой записи числовой тайнописью на л. 359 об. — 360 (см.: Записи писцов в датированных древнерусских рукописях XIII—XV вв. (из архива М. Г. Гальченко) // *Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. 11. С. 44*). Коньектуры к прочтению записи — А. А. Турилова и О. Б. Страховой (Там же. Примеч. 44).

³³ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 1/1240. Л. 89 об. — 90 об.; *Петков. Стишний пролог...* С. 484.

³⁴ В новгородских списках Стишного пролога эти тексты даны в обратном порядке под 17 декабря (см.: *Петков. Стишний пролог...* С. 483).

³⁵ Там же. С. 481.

³⁶ Там же. С. 486.

³⁷ Там же. С. 511. В новгородских списках слово помещено под 1 марта (Там же. С. 495).

³⁸ Помещение здесь этого слова под 1 февраля объясняется, вероятно, тем, что составитель данной редакции как-то соотносил между собой героя сюжета — гусяного пастуха («гусаря»), которого Иоанн Богослов выучил писать иконы — с мучеником Трифоном, одно из прозвищ которого «гусопаш», или «гусятник».

³⁹ Там же. С. 491.

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИХ РУКОПИСЕЙ XV—XVI вв.

Славяно-румынская рукописная книга XV—XVII вв. представляет интереснейший феномен славянского позднесредневекового кириллического книгописания. На протяжении более трех столетий (до широкого распространения в XVII в. делопроизводства, книгописания и книгопечатания на румынском языке кириллицей)¹ в регионе с неславянским (восточнороманским) населением существовала и динамично развивалась церковнославянская письменная культура. Подобная культурно-историческая ситуация на румынских землях в Средние века определялась прежде всего сочетанием их конфессиональной принадлежности к православной Церкви и ближайшим соседством и устойчивыми связями со славянскими странами (в промежутке между IX и концом XIV в. отдельные области современной Румынии нередко входили в состав болгарской державы (как Первого, так и Второго царств) и Галицко-Волынского княжества), а также наличием на этой территории наряду с романским значительного славянского населения, оказавшего заметное влияние на лексику молдавского и румынского языков.

Значение славяно-румынской книжно-письменной традиции в историко-культурном отношении не ограничивается только регионом ее создания и бытования. В рассматриваемый период в княжествах — в силу их независимого, а позднее вассального статуса по отношению к Османской империи — существовали значительно более благоприятные условия для сохранения славянской культуры (в частности, книжности), чем на территории завоеванной турками и лишенной церковной автономии Болгарии² (ситуация в Сербии (особенно после восстановления в 1557 г. патриаршества) и на славянских территориях Охридской архиепископии по крайней мере до середины XVII в. была не столь критической³).

По ряду признаков (о которых отчасти ниже) славяно-румынская книжная традиция распадается на две четко выраженные региональные: славяно-валахскую и славяно-молдавскую. Такое деление последовательно находит соответствие и параллели и в других областях культурной жизни: достаточно упомянуть типы храмов (пятиглавые крестовокупольные в Валахии и одноглавые триконховые базилики в Молдавии)⁴, систему их росписи (наружные росписи молдавских церквей, совершенно нехарактерные для валахских), прочные, хотя и довольно скромные, традиции летописания в Молдавии в XV—XVII вв.⁵ при его отсутствии в Валахии, и, напротив, ранние (с начала XVI в.) традиции книгопечатания в Валахии⁶ при позднем (во второй четверти XVII в., при этом сразу на румынском языке) его появлении в Молдавии⁷. В основе этих региональных отличий, превышающих, пожалуй, различия между культурными вариантами отдельных древнерусских княжеств и

земель XII—XV вв., лежат особенности истории обоих румынских княжеств, бывших со времени возникновения и до середины XIX в. двумя самостоятельными, хотя и тесно связанными между собой государствами, со своей церковной организацией каждое⁸. Поэтому не вполне удачным (недифференцированным и уместным лишь в исключительно трудных случаях) следует признать использование в научной литературе термина «молдаво-валашский» для обозначения славянских румынских рукописей и других памятников культуры. Еще более неуместно употребление понятия «молдовлахийский» (и существительного «Молдовалахия») в значении «средневековый румынский» и «Молдавия и Валахия как культурно-историческая совокупность»⁹. Последнее проистекает из непонимания исконного значения терминов, поскольку географическое понятие «Молдовалахия» («Молдовлахия») в греческих и славянских средневековых и более поздних источниках обозначает Молдову в ее средневековых границах, в отличие от «Угровлахии» (или «Негровлахии») — Валахии¹⁰. Не лишним, вероятно, будет напомнить, что «Волохи» и «волошский» русских средневековых источников обозначают не «Валахия» и «валашский», а «Молдавия» и «молдавский» («Стефан воевода Волошский» — господарь Молдавии Стефан Великий и т. п.¹¹, «Петр, воевода Волошский» — молдавский господарь Петр Рареш в сочинениях Ивана Пересветова), а валашский определяется как «мутьянский» [от Мунтения — восточная Валахия] (например, известный «мутьянский воевода» Дракула).

Славянская рукописная (и тесно связанная с нею старопечатная) традиция Валахии представляет более сложное и неоднородное явление по сравнению с молдавской¹², ее полноценное исследование невозможно без непосредственного обращения к рукописям хранилищ Румынии, где сосредоточено большинство кодексов валашского происхождения. Напротив, молдавские рукописи широко представлены и в собраниях за пределами Румынии и Молдовы (хранилища Афона, Болгарии, бывшей Югославии и в особенности бывшего СССР¹³, не говоря уже об отдельных экземплярах, присутствующих практически во всех сколь-либо значительных коллекциях славянских кодексов). Поэтому в данной работе целесообразно остановиться на кодикологических особенностях именно молдавских рукописей.

Вероятно, каждому исследователю, достаточно много работавшему с описаниями рукописей, в особенности зарубежных собраний, снабженными образцами почерков и орнаментики, знакомо двойственное чувство, возникающее при просмотре описательных статей, посвященных славяно-молдавским памятникам. Они существуют здесь как бы в двух ипостасях. Если речь идет о датированных и локализованных кодексах, перед глазами встает устойчивая (и даже несколько однообразная) картина каллиграфических почерков (будь то литургический полуустав или курсивное письмо), достаточно сильно унифицированных или стандартизированных¹⁴, сопровождающихся столь же типичной иллюминацией (см. ниже). Совсем иная картина предстает, если обратиться к рукописям, не имеющим записей писцов и атрибутированным как молдавские описателями. Эти атрибуции отражают исследовательские представления о молдавских рукописях, порой весьма пестрые и даже причудливые¹⁵. Признаками, характерными для первой группы, обладает лишь часть входящих во вторую. Общим для обе-

их групп является среднеболгарская тырновская орфография, относительно последовательно выдержанная (хотя степень этой выдержанности и отклонения от нее могут надежно и полно быть проверены лишь в монографическом описании, которого ни один из этих кодексов не имеет). Другим общим признаком является хотя бы относительная каллиграфичность почерков, пусть они и не во всех случаях типологически соответствуют тем, молдавское происхождение которых бесспорно документировано. Таким образом, за основу при отнесении рукописей к числу молдавских берется почти исключительно языково-орфографический принцип, большинство же кодикологических признаков (за исключением каллиграфичности почерка) остается по сути без внимания¹⁶. Между тем, в свете того, что известно на сегодняшний день о распространении среднеболгарской орфографии в восточнославянских рукописях¹⁷, такой подход оказывается весьма поверхностным.

Учитывая, что молдавские рукописи, содержащие указание на место их создания, представляют зачастую роскошные экземпляры, нередко написанные на пергамене и вполне могущие служить эталоном книжного письма и иллюминации, уместно применить к остальной продукции, атрибутируемой исследователями скрипториям этого княжества, те же достаточно жесткие критерии. К сожалению, они до сих пор не сформулированы даже в румынской литературе¹⁸, хотя многие ценные наблюдения на эту тему, до сих пор не утратившие своего значения, разбросаны еще на страницах старых работ А. И. Яцимирского¹⁹, а ближе всего подошел к решению этого вопроса (в статьях и неопубликованной диссертации) А. Д. Паскаль²⁰.

Кодикологические особенности славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв. определяются не совсем обычным образом — в основном не за счет присущих им характерных отличительных черт и моментов, а за счет отсутствия таковых. Это объясняется в первую очередь тем, что молдавская книгописная традиция представляет реплику среднеболгарской в ее тырновском варианте XIV в.²¹ (и даже, скорее всего, не в полном объеме)²², причем репликой весьма консервативной, так что применительно к ней уместна характеристика если не «герметичная», то «квазигерметичная». Замкнутость при этом в значительной степени проистекает из особенностей самой реплицируемой модели, для которой свойственна последовательная ориентация (во всяком случае, в отношении репертуара) на афонско-тырновские переводы XIV в. и литературное творчество патриарха Евфимия и его окружения при заметном разрыве с предшествующей традицией²³. Консерватизм же является, вероятно, следствием того, что в неславянской по языку Молдавии основными центрами славянского книгописания были монастыри.

В соответствии с тырновской моделью в молдавских рукописях XV—XVI вв. практически нет памятников (как оригинальных, так и переводных) старше первой половины XIV в.²⁴, поэтому уже их присутствие дает серьезный повод усомниться в происхождении (а иногда и датировке) кодекса²⁵. Знакомство молдавских книжников с сербской традицией ограничивается Синтагмой Матфея Властаря²⁶ (при отсутствии более раннего церковно-юридического сборника — Сербской («Святосавской») Кормчей с толкованиями Алексия Аристина и Иоанна Зонары²⁷), Законником Стефана Душана²⁸ да памятными Симеона и Саввы Сербских

в месяцесловах Евангелия и Апостола; в молдавских рукописях нет ни житий сербских святых (даже проложных), ни служб им. Нет здесь (как и в тырновской традиции XIV в.) и сербских переводов XIII—XV вв., таких как Евергетидский устав, творения Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника²⁹, полемические сочинения Григория Паламы, Иоанна Кантакузина (монаха Иоасафа) и Иосифа Вриенния, «Паноплия» Евфимия Зигабена³⁰, хроника Иоанна Зонары, «Шестоднев» Василия Великого и Беседы Иоанна Златоуста на книгу Бытия и др. Восточнославянские памятники представлены здесь, пожалуй, лишь «Словом о вере варяжской» Феодосия Печерского (и, возможно, Волинским изводом Кормчей русской редакции³¹), при этом обстоятельства появления текста в молдавских рукописях нуждаются в дополнительном изучении³². На уровне репертуара литургических и паралитургических книг для славяно-молдавской традиции характерно отсутствие некоторых их типов. Так, к примеру, неизвестны отдельные молдавские списки Стишного пролога — проложные жития входят здесь в Минеи служебные, при этом возможно два варианта: 1) они распределены по службам, где весь комплекс житий на соответствующий день месяца помещается после шестой песни канона³³; 2) даны в конце книги в объеме соответствующего месяца³⁴. Соответственно, нет и молдавских служебных Миней без проложных чтений (за исключением, разумеется, тех случаев, когда при втором варианте их соединения с Прологом в томе на тот или иной месяц утрачено окончание, содержащее житийную часть). Кроме того (в полном соответствии с предшествующей болгарской традицией³⁵), крайне редко встречаются молдавские списки Устава церковного Иерусалимского, т. к. все необходимые уставные указания включены непосредственно в богослужебные книги³⁶.

В то же время существует небольшой, но показательный набор текстов, известных в настоящее время исключительно в славяно-молдавских списках. Это, разумеется, славяно-молдавские летописи (естественно, кроме включенной в состав русской Воскресенской)³⁷, а также житие Варвара Мироточца (Битольского или Пелагонийского)³⁸ и перевод похвального слова Михаила Вальсамона виленским мученикам в составе двух сборников, датируемых XV и XVI вв.³⁹ К числу таких маркирующих текстов можно отнести (с известным допущением) также житие Иоанна Нового Сучавского, похвальное слово и службу ему⁴⁰.

Характерной чертой молдавских рукописей XV—XVII вв. (можно сказать — их хрестоматийным признаком), как уже говорилось, является выдержанная среднеболгарская (тырновская) орфография⁴¹. Именно эта их особенность (в сочетании с их каллиграфическими почерками и длительным — вплоть до первой четверти XVII в. — использованием в Молдавии пергамента в качестве писчего материала — см. ниже) на протяжении XIX — начала XX вв. неоднократно порождала в историко-филологической науке ситуации, когда за молдавские рукописи принимались более ранние собственно болгарские⁴², и наоборот⁴³. Рукописи с выдержанным сербским (ресавским и, в особенности, более ранним рашским) или восточнославянским (древнерусским) правописанием, созданные в это время в молдавских скрипториях, неизвестны⁴⁴ (в Валахии же, где с конца XIV в. присутствовала значительная сербская эмиграция⁴⁵, кодексы с ресавской и сме-

шанной рашско-ресавской орфографией встречаются⁴⁶). Присутствие в рукописи, определяемой исследователем или описателем как молдавская, следов восточнославянской орфографии может иметь — при наличии других признаков (прежде всего каллиграфического почерка молдавского типа и оформления) — два варианта объяснения:

1) Рукопись содержит текст (оригинальный или переводной), восходящий к древнерусскому оригиналу, и представляет молдавский список с него. В силу ничтожного числа текстов, заимствованных молдавскими книжниками из древнерусской традиции (см. выше), такие списки представляют исключительную редкость.

2) Рукопись является восточнославянским (украинско-белорусским) списком с молдавского кодекса, передающим его правописание с отклонениями, выдающими происхождение писца (вариант наиболее распространенный).

Столь же неотъемлемой чертой славяно-молдавских рукописей, как и среднеболгарская орфография, является литургический полуустав⁴⁷, восходящий к тырновским каллиграфическим почеркам второй — третьей четверти XIV в.⁴⁸, но обладающий при этом рядом специфических особенностей. К числу таких малозначительных на первый взгляд, но определяющих в реальности общий облик письма, черт можно отнести следующие:

«З» в форме цифры 3 с плоским верхом («красивая “земля” тырновского происхождения» по определению В. Н. Щепкина⁴⁹). В классических тырновских почерках середины XIV в. буква имеет длинный хвост, дуга которого образует под строкой полуокружие (либо стремится к таковому). В молдавских почерках этот хвост уменьшен и приобретает более вертикальное положение; при наличии других вариантов начертания (например с длинной «шеей», полностью написанного в строке) отсутствует начерк «калачиком», с петелькой посередине, хорошо известный по великорусским рукописям со второй половины XV в., а позднее по московским печатным изданиям. Заметно варьируется написание «М» — встречается начертание как практически современное строчное, так и с достаточно узкой петлей, сильно опускающейся под строку (в тырновских почерках преобладает вариант с широкой петлей, порой «провисающей», но не столь заметно, как в молдавских). «Т одномачтовое» нередко пишется несимметрично — с заметным смещением ножки влево. «Ч» одностороннее с почти плоской чашкой, приближающееся по начертанию к цифре 7. «Омега» представлена несколькими вариантами, среди которых преобладает начертание с плоской или почти плоской серединой; наряду с ним распространено не вполне симметричное, в котором правое полуокружие представляет почти овал, незамкнутый примерно на четверть в левой верхней части, а низ ее пишется с характерным изломом и даже может завершаться ограничителем-«засечкой» (традиционный «тырновский» начерк с высокой серединой обычно встречается только в лигатуре «от»).

Все перечисленные особенности молдавского литургического полуустава⁵⁰ присутствуют уже в рукописях Гавриила Нямецкого начиная с 1410-х гг. (16 слов Григория Богослова (1412—1413 гг.) — РГАДА, ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина, оп. 1, № 1494, л. 149 об. — 355 об.) и в дальнейшем почти не меняются. Гавриил выступает таким образом в роли родоначальника и эталонного писца всей славяно-молдавской

традиции⁵¹. Из-за отсутствия более ранних датированных рукописей, переписанных в Молдавском княжестве до начала XV в.⁵², предшествующая история местного книгописания по сути не может быть реконструирована. Какое-то представление о болгарском книгописании к северу от Дуная на рубеже XIV—XV вв. могут дать лишь так называемое Королевское (или Нелабское) Евангелие (Ужгород, Закарпатский краеведческий музей, Арх. 798), написанное Станиславом Грамматиком в Закарпатье в 1400—1401 г.⁵³, и Лествица, входящая в один кодекс с древнейшей рукописью Гавриила (л. 1—148, писец поп Доментиан)⁵⁴. На их примере видно, что быстро обладавший в Молдавии облик книжного письма и орнаментики был первоначально лишь одним из принесенных сюда из Болгарии. Особенно показательно в этом смысле Королевское Евангелие с его некаллиграфическим полууставом, орнаментированной вязью и соединением зооморфно-«тератологического» стиля с неовизантийским в орнаментике.

И орфография, и графика (а до некоторой степени также и оформление) славяно-молдавских рукописей по крайней мере с последней четверти XV в. оказывали весьма заметное воздействие на облик восточнославянской рукописной книги, создававшейся на территории Украины и отчасти Белоруссии⁵⁵ а также продукции первой кириллической типографии Швайпольта Фиоля в Кракове (1491—1493). Шрифты и орнаментика этой последней⁵⁶ настолько близки молдавским рукописным образцам, что А. И. Соболевский подозревал (хотя и необоснованно)⁵⁷, что ее заказчиками были молдавские господа⁵⁸. Одну из вероятных причин популярности молдавских образцов у восточнославянских книжников Галичины и Великого княжества Литовского в поствизантийский период, достигавшей таких размеров, что для этого региона⁵⁹ уместно говорить о новом этапе «второго южнославянского влияния», можно усматривать в окончательном разделении Киевской митрополии в середине XV в.

Характерной чертой художественного оформления собственно молдавских рукописей является крайне узкий стилевой диапазон. В роскошных кодексах эта ограниченность художественных средств маскируется обильным (почти неумеренным) применением творенного золота в орнаментике⁶⁰. Большие заставки представлены здесь только балканским стилем, в большинстве случаев — из переплетающихся кругов (другие варианты балканской плетенки (квадраты, ромбы, «восьмерки») если и известны в этой традиции, то встречаются в ней несравненно реже⁶¹). Исключительно редко в оформлении молдавских рукописей (например, в Евангелии 1503 г. воеводы Богдана — Вена, Австрийская Нац. библиотека, Слав. 7)⁶² используются большие плетеные арабесковые заставки (относимые одними исследователями к балканскому, а другими к неовизантийскому стилю), характерные преимущественно для сербских рукописей начиная со второй половины XIV в. и для многочисленных кодексов XV—XVII вв. с ресавской орфографией⁶³.

Неовизантийский стиль (как в полихромном, так и в киноварном его вариантах) играет в молдавских рукописях явно вспомогательную роль. Он применяется в малых заставках перед второстепенными или служебными разделами кодексов (оглавления и предисловия, месяцесловы и указатели триодных чтений в Евангелиях и Апостолах, начало библейских песней в Псалтыри и т. п.)⁶⁴ и, наряду с балканским,

в инициалах и в обрамлении миниатюр⁶⁵. Исключение составляет группа лицевых Евангелий тетр конца XVI — начала XVII вв., представляющих копии с Лондонского Евангелия царя Иоанна Александра 1356 г.⁶⁶ В них скопированы не только миниатюры, но и роскошные (полихромные с золотом) большие неовизантийские заставки оригинала. Такая ориентация молдавских иллюминаторов почти исключительно на балканский стиль лишней раз подчеркивает монастырский характер местного книгописания и монастырские его источники в предшествующей болгарской традиции.

Полностью отсутствует в иллюминации классических молдавских кодексов тератологическая орнаментика, хотя в научной литературе (во всяком случае болгарской) можно встретить прямо противоположное утверждение⁶⁷. Наличие в рукописи тератологической орнаментики или ее элементов (как в заставках, так и в инициалах) в сочетании даже с выдержанной среднеболгарской орфографией служит надежным свидетельством ее восточнославянского происхождения⁶⁸. К числу тератологических элементов, безусловно, нельзя относить изображения мелких четвероногих и птиц, порой включаемые в арабесковые заставки (см. выше), в том числе и в молдавских рукописях, в которых они, впрочем, как уже говорилось, встречаются весьма нечасто⁶⁹. Случаи, когда в несомненно молдавских кодексах обнаруживается тератологическая орнаментика, представляют образцы антикварной фальсификации XIX в., выполненные без учета региональной специфики. К их числу относится, по всей очевидности, полихромная с золотом заставка новгородского типа с изображением двух лошадей в пергаменной Триоди Цветной XV или XVI в. (РНБ, Ф.п.1.117)⁷⁰. Образец довольно грубого фальсификата представляет и тератологическая заставка в рукописи Поучений аввы Дорофея первой половины XVI в. (ГИМ, Щук. 360), снабженной на л. 152 об. подложной вкладной записью 1475 г.⁷¹ В то же время лишь по недоразумению в искусствоведческой литературе⁷² отнесен к числу молдавских пергаменных список Римского патерика конца XIV (?) — начала XV в. из собрания Виленской публичной библиотеки (Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 3) с тератологической заставкой и инициалом в начале. Кодекс отличает редчайшее сочетание типичного русского устава конца XIV в. (нимало не похожего на литургический полуустав молдавских рукописей⁷³) с последовательно выдержанной среднеболгарской орфографией.

Не встречаются в молдавских рукописях и заставки простого ременного или циновочного плетения, широко распространенные в украинских и белорусских XV—XVI вв.⁷⁴, то же относится к инициалам в рамках, на цветном либо орнаментированном фоне⁷⁵. Неизвестны здесь (во всяком случае до XVII в.) также и восходящие к западноевропейским позднеготическим образцам инициалы с огромными орнаментальными отростками растительного стиля, охватывающими иногда всю нижнюю половину листа, а порой и значительную часть правого поля⁷⁶, широко распространенные в украинско-белорусской традиции с рубежа XV—XVI вв.⁷⁷

Заметной особенностью, отличающей собственно молдавские рукописи — во всяком случае до последней четверти XVI в. — как от южнославянских и валашских, так и от восточнославянских, является отсутствие в них вязи в строгом понимании этого термина. Молдавские книгописцы XV—XVI вв. употребляют

в заголовках декоративное письмо с высоким показателем (отношение высоты к ширине), достаточно свободной расстановкой букв (с заметно уменьшенной верхней частью) и с минимальным числом (не более 5—6 на строку, чаще 2—3) штамбовых лигатур и подчиненных литер⁷⁸; только с последней трети XVI в. (первоначально в рукописях, созданных в окружении митрополита Анастасия Кримки) число лигатур в письме заголовков заметно возрастает⁷⁹. Это декоративное письмо характеризуется также равной толщиной линий (обычно весьма небольшой), практически без разделения на толстые и тонкие, и отсутствием дополнительных орнаментальных деталей (декоративных отростков), за исключением, быть может, точек и стреловидных наверх в середине М и «омеги»⁸⁰. Поэтому наличие в рукописях XV — середины XVI в. заголовков, выполненных толстыми линиями или с четким различием толстых и волосяных, и/или с большим числом штамбовых соединений и подчиненных литер, служит достаточным свидетельством в пользу немолдавского происхождения кодекса⁸¹ (при том, что заголовки декоративным письмом молдавского типа достаточно распространены в украинско-белорусских рукописях)⁸². Ситуация с книжной вязью (точнее, ее отсутствием) находит полное соответствие в оформлении грамот молдавской воеводской канцелярии, где — в отличие от Валахии — отсутствует понятие «правительской» (княжеской или воеводской) подписи, выполненной вязью, порою весьма развитой, с высоким показателем и дополнительно усложненной орнаментальными деталями⁸³.

Последний из признаков может быть использован при атрибуции лишь двух типов рукописных книг — Евангелия тетр и Апостола — однако, принимая во внимание количество списков этих памятников, датируемых XV—XVI вв., его никак нельзя причислить к маловажным. Кроме того, он является надежным индикатором при различении не только восточнославянских и молдавских рукописей, но и восточнославянских и южнославянских (но, соответственно, не может быть критерием в отделении молдавских от собственно среднеболгарских). Речь идет о названии дней недели, помещаемых на поле, при начале каждого из евангелий в Евангелии тетр и в начале Деяний в Апостоле. В древнерусских рукописях с рубежа XIV—XV вв. (старшие известные мне примеры: ГРМ, Др. гр. 13, Евангелие Кирилла Белозерского, кон. XIV (?) — нач. XV в.; РГБ, Рум. 118, Зарайское евангелие, 1401 г.; РНБ, Ф.п.1.21, Переславль-Залесское евангелие, 1406—1410 гг.; ГИМ, Усп. 3-бум, рубеж первого и второго десятилетий XV в.)⁸⁴, преимущественно великорусских, эти названия помещаются в рамках, то же наблюдается и в отношении заголовка первой главы, написанного на поле. Уровень исполнения такой рамки может заметно колебаться — от простого кружка кинноварью и/или чернилами (иногда с раскраской фона) до изящного квадрифолия, порой усложненного дополнительными выступами (более короткими или же узкими длинными диагональными «лепестками») и увенчанного крестиком — общим остается сам принцип применения такой рамки. В середине XVI в., с началом книгопечатания в Москве, прием получает распространение и в соответствующих печатных книгах, начиная с безвыходных изданий 1550-х гг. и Апостола Ивана Федорова⁸⁵.

Думается, что сформулированные и проиллюстрированные выше критерии помогут с надежностью разграничить продукцию собственно молдавских скрипто-

риев и рукописи (прежде всего украинско-белорусские), следующие в русле этой традиции и отражающие книжные и художественные связи Молдавии и православных земель Речи Посполитой.

Примечания

¹ См., напр.: *Калужняцкий Е.* Кирилловское письмо у Румын (= ЭСФ. Вып. 4. 2). Пг., 1915. С. 1—3 (далее — *Калужняцкий 1915*); *Соболевский А. И.* Румыны среди славянских народов. СПб., 1916 (далее — *Соболевский 1916*).

² О значительном упадке славянского книгописания в Болгарии в XV—XVI вв. (за исключением македонских территорий) наглядно свидетельствует репертуар переписанных здесь в это время книг, ограниченный, по сути, минимумом текстов, необходимых для совершения богослужения (см., напр.: *Христова Б., Караджова Д., Икономова А.* Български ръкописи от XI до XVIII в., запазени в България: Своден каталог. София, 1982. С. 60, 61, 65—75, 77, 79, 80, 84—87, 89, 90, 94, 96—106, 108—125, 127—138, 140—152; № 125, 126, 136, 137—139, 141, 144—148, 152, 158—160, 164, 168, 172, 177, 178, 184, 185, 186, 200, 203, 204, 206, 208—210, 217, 218, 229, 235, 236, 239—241, 243, 245—251, 253, 254, 258, 260—263, 269—273, 276—280, 283—297, 300, 302—305, 308, 309, 313—316, 318—320, 322, 323, 325, 331, 333, 335—346, 348—359, 361, 362, 364—367, 372—376, 378—380, 382—385, 388, 389, 390—403, 406, 409—412 (далее — *Христова и др. 1982*).

³ См., напр.: *Поп-Атанасов Г., Велев И., Jakимовска-Тошиќ М.* Скрипторски центри во средновековна Македонија. Скопје, 1997; *Суботин-Голубовиќ Т.* Српско рукописно наслеђе од 1557. године до средине XVII века. Београд, 1999.

⁴ Всеобщая история архитектуры: В 12 т. М., 1966. Т. 5; *Drăguț V.* Dictionar enciclopedic de artă medievală românească. București, 1976.

⁵ См., напр.: *Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв.* / Сост. Ф. А. Грекул. М., 1976. С. 3—22 (далее — *Славяно-молдавские летописи 1976*).

⁶ Первая славянская книга (Служебник) была напечатана в Валахии (в Тырговиште) в 1508 г. См., напр.: *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964. С. 88.

⁷ Инициаторами создания в 1641 г. первой типографии на территории Молдавии (в монастыре Трех святителей в Яссах) были митрополит Варлаам и воевода Василий Лупу. Типографское оборудование для нее (вместе с печатниками) было прислано киевским митрополитом Петром Могиллой (см.: *Коляда Г.* Из истории книгопечатных связей России, Украины, Румынии в XVI—XVII вв. // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 88—89).

⁸ См., напр.: *Голубинский Е. Е.* Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской (молдо-влахийской). М., 1871; *Dobrescu N.* Istoria bisericii române. Ed. 2. București, 1923; *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия-патриаршия. София, 1932 (репринт: 1995). Т. 2. С. 11—18, 162, 163, 170, 171, 232—234, 244—246, 253, 254 (далее — *Снегаров 1932*).

⁹ См., напр.: *Иванова К.* Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981 (только в заглавии и во вступительной статье; далее — *Иванова 1981*); *Попова О. С.* Русская книжная миниатюра XI—XV вв. // ДРИ: Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 60.

¹⁰ См., например, титулатуру правителей и архиереев в переписке 1465 г. Стефана Великого с охридским архиепископом Дорофеем (ЧОИДР, 1866. Кн. 4. С. 56—57; *Снегаров 1932*. Прилож. 25).

¹¹ Ср.: *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 298 (возможно, опечатка — в других случаях господарь правильно назван молдавским либо, вслед за источниками, «Волошским» или «Волосским»). О примерах смещения понятий «валашский» и «волошский» в отечественной научной литературе см. также: *Двойченко-Маркова Е. М.* Из истории русско-румынских культурных связей XVI в. // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967 С. 116. Примеч. 59 (далее — *Двойченко-Маркова 1967*).

¹² В то же время, в известном смысле, ситуация с нею более проста, поскольку валашская рукописная книга — в отличие от молдавской — не играла столь заметной роли в православных культурно-исторических связях XV—XVI вв. Следует сказать, что примеров смещения валашских (в первую очередь каллиграфических) и молдавских рукописей в научной литературе (особенно не румынской) вполне достаточно (и это проистекает в известной мере из-за малой известности первых за пределами Румынии). Укажу лишь два. В. А. Мошин описывает как валашский отрывок несомненно молдавского (в заставку включен герб Молдавии — голова быка) Евангелия тетр из библиотеки Честер Битти в Дублине, W 159 (*Мошин В.* Рукописи бивше Београдске Народне библиотеке у Даблину и Загребу // Библиотекар. 1968. № 5. С. 355—356; табл. 13). Д. Богданович характеризует как валашские же Апостол № 100 и Евангелие № 111 библиотеки Хиландарского монастыря (*Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 81, 85(далее — *Богдановић 1978*); Палеографски албум. Табл. 217, 220), между тем Апостол содержит запись о написании в 6971 г. «в дни благочестивого господара Стефана воеводы» (т. е. Стефана Великого); Евангелие не имеет указаний на происхождение, но по облику это типичная молдавская рукопись.

¹³ См.: *Constantinescu R.* Manuscrise de origine românească din colecții străine: Repertoriu. București, 1986 (далее — *Constantinescu 1986*); *Паскаль А. Д.* Источники по истории славяно-молдавской книжности XV—XVI вв. (По материалам хранилищ Москвы и Ленинграда): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. С. 3—6, 8—10 (далее — *Паскаль 1991*).

¹⁴ Образцы их см., например: [*Калужняцкий Е., Соболевский А. И.*] Альбом снимков с кирилловских рукописей румынского происхождения // ЭСФ. Пг., 1916. Вып. 4.2. Приложение. Сн. 99, 101, 117, 119—129 (далее — *Калужняцкий, Соболевский 1916*); *Богдановић 1978*. Палеографски албум. Табл. 217, 220, 222).

¹⁵ Перечень наиболее ярких примеров ошибочных атрибуций восточнославянских рукописей XV—XVI вв. как «молдавских» (реже «валашских») см.: *Турилов А. А.* Предисловие (Опыт авторецензии) // Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986)». М., 1993 С. 34. Прим. 54; С. 35—36. Прим. 59 (далее — *Турилов 1993*); *Он же.* К истории украинско-болгарских художественных связей XVI в. // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1. С. 4—12 (далее — *Турилов 1995*); *Он же.* Восточнославянская книжная культура конца XIV—XV вв. и «второе южнославянское влияние» // ДРИ: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 335—336. Примеч. 53, 70 (далее — *Турилов 1998*). Из отечественных описаний своеобразный печальный рекорд ошибочных атрибуций «молдавских» (а также «южнорусских») рукописей и элементов их письма и украшения представляет, к сожалению, каталог Чудовского собрания ГИМ, составленный Т. Н. Протасевой (Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 17, 20, 22, 26, 28, 42, 121, 135, 154—155; № 26, 27, 31, 33, 39, 43, 48, 58, 221, 238, 269). Исходя только из свидетельств данного каталога, можно было бы предположить, что этот кремлевский монастырь был на протяжении XV—XVI вв. главным центром русско-молдавских и русско-украинских книжных связей. Между тем в собрании нет ни одной собственно молдавской рукописи, и имеется только один украинский кодекс, бытовавший какое-то время в Молдавии (№ 36).

Естественно, что подобная ситуация не может не сказываться на библиографических сводках общего характера. Так, например, в справочнике Р. КонстантINESКУ, в разделе, посвященном хранилищам СССР (*Constantinescu 1986*. № 347—867) не менее 15 % от общего числа рукописей (минимум 60 из 408 — № 352, 367, 377—379, 381, 398, 406, 410, 416, 450—452, 455—457, 471, 505, 510, 514, 520—523, 525, 541—543, 557, 595, 631, 645, 646, 655, 657—661, 709, 712, 739, 740, 745—750, 756, 768, 769, 771, 776, 782, 811, 837, 847, 848, 852) не являются молдавскими по происхождению.

¹⁶ Само представление о многообразии облика (почерка и оформления) молдавских («молдовлахийских») рукописей уходит корнями в эпоху становления кириллической палеографии в России, превращения ее из знаточества в научную дисциплину. Это происходило, как нередко бывает, методом проб и ошибок. А поскольку данная тема явно не находилась для российских палеографов во главе угла, то целый ряд предубеждений, возникших на раннем этапе, мог сохраниться надолго (см., напр.: *Турилов 1993*. С. 9—12, 243—26).

¹⁷ См., напр.: *Турилов А. А.* О времени и месте создания пергаменного Евангелия «Мемнона книгописца» (БАН, Доброхот. 26) // Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1992. Вып. 26. С. 15—47; *Он же 1998*. С. 323—324, 334; *Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 325—442.

¹⁸ См.: *Bogdan D. P.* Paleografia româno-slavă. București, 1978 (далее — *Bogdan 1978*).

¹⁹ *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905 (далее — *Яцимирский 1905*); *Он же.* Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904 (далее — *Яцимирский 1904*); *Он же.* Из истории славянской проповеди в Молдавии и Валахии. СПб., 1906.

²⁰ *Паскаль 1991*; *Он же.* Итоги и задачи изучения рукописей Гавриила Урика, как ранних источников по истории славяно-молдавской книжности XV в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1989. С. 4—32; *Он же.* Новые данные о книжной деятельности Гавриила Урика Нямецкого // Търновска книжовна школа. Велико Търново, 1994. Т. 5 (Паметници. Поетика. Историография). С. 409—414.

²¹ Перефразируя известную формулу румынского историка Н. Йорги «Византия после Византии» («Byzance après Byzance»), ставшую заглавием его книги, применительно к славянской книжности в Молдавии XV—XVI вв. (а в значительной мере и XVII в.) вполне уместна характеристика «Търново после Търнова». См.: *Turdeanu E.* La litterature bulgare du XIV siècle et sa diffusion dans les Pays Roumains. Paris, 1947; *Русев П., Давидов А.* Григорий Цамблак в Румыния и старата румынска литература. София, 1966 (далее — *Русев, Давидов 1966*); *Юфу З.* За десеттомната колекция Студион (из архива на румынския изследвач Ион Юфу // Проучвания по случай II Конгрес по балканистика. София, 1970 (*Studia balcanica* 2). С. 299—344; *Бойчева П.* Евтимий Търновски и църковно-културният живот в двете румынски княжества през XIV—XVIII вв.: Автореф. на канд. дисертация. София, 1976; *Она же.* Молдова — центр румынско-болгарского церковного и культурного общения в XV столетии // *Études balcaniques*. Sofia, 1977, № 1. С. 83—97; *Она же.* Традициите на Търновска школа и делото на Гаврил Урик // Търновска книжовна школа. София, 1980. Т. 2. С. 177—182; *Михаил Г.* Рукописи Гавриила Урика Нямецкого и их литературное значение // Там же. С. 81—88; Старобългарска литература: Енциклопедичен речник. София, 1992. С. 445—446.

²² Только очень небольшое число текстов (как оригинальных, так и переводных), не зафиксированных в собственно болгарской традиции XIV в., представлено славяно-молдавскими списками XV—XVII вв. В их числе житие Варвара Мироточца (о памятнике см.: *Иванова К.* Житието на Варвар Мироточец Пелагонийски (Битолски) // *Palaeobulgarica*, 2000. № 2.

С. 40—60 (далее — *Иванова 2000*)) и перевод Хроники Симеона Логофета. Возможно также, что наличие славяно-румынских списков XVI в. собрания полемических сочинений Иоанна Кантакузина [монаха Иоасафа] (Великобритания, Манчестер, Б-ка Дж. Рэйландса, MS Gaster 2082, 1591 г.), Шестоднева Севериана Гавальского, ряда астролого-прогностических сочинений и Хроники («Летовника») Георгия Амартола (все в составе сборника втор. четв. XVI в. РГБ, ф. 178, М. 921), отсутствующих в собственно болгарской традиции, служит аргументом (для Хроники, впрочем, лишь дополнительным) болгарского происхождения их переводов. Описание первой из рукописей см.: *A Union Catalogue of Cyrillic Manuscripts in British and Irish Collections / Comp. by R. Cleminson. London, 1988. P. 205—206, № 135; Pl. XII; второй* — Музейное собрание рукописей: Описание. М., 1961. Т. 1. С. 122—126, № 114 (далее — Музейное собрание 1961). Впрочем, происхождение (молдавское или валашское) как манчестерского, так и московского кодексов нуждается в уточнении.

²³ См.: *Иванова К. Агиографско-хомилетичните сборници с устойчив състав в южно-славянските литератури // Cyrillomethodianum. Thessalonique, 1981. Vol. 5. С. 11—22. Она же. Болгарская переводная литература X—XIV вв. в контексте «Slavia Orthodoxa» // Studia slavica medievalia et humanistica Riccardo Piccio dicata. Roma, 1986. Vol. 2. С. 361—371; Она же. Новоизводните търновски сборници и въпросът за роля на патриарх Евтимий в техния превод // Старобългарска литература. София, 1991. Кн. 25—26. С. 124—134; *Турилов А. А. Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения) // Славянские литературы. XI Междунар. съезд славистов: Докл. рос. делегации. М., 1993. С. 28—29.**

²⁴ Известное исключение составляют лишь немногие тексты эпохи Первого Болгарского царства («Сказание о письменах» Черноризца Храбра, похвала архангелам Михаилу и Гавриилу Климента Охридского) и группа кратких агиографических памятников XII—XIII вв. («Успение Кирилла», проложные жития и повести о перенесении мошей святых (Иоанна Рыльского, Параскевы-Петки, Илариона Мегленского, Михаила Воина) в Тырнов при первых Асенидах). Однако происхождение списков Сказания Храбра, традиционно считающихся молдавскими (Вроцлавский (Б-ка университета, № 1318А — см.: *Naumow A. Wiaga i historia. Kraków, 1996. S. 58—59*), Хиландарский № 481 (т. н. «Молдавский») — см.: *Кувев К., Петков Г. Събрани съчинения на Константин Костенечки: Изследване и текст. София, 1986. С. 248, № 11*), нуждается в дополнительном изучении (в частности, хиландарский сборник, включающий Сказание, согласно записи 1591 г. был привезен на Афон игуменом Быстрицкого монастыря в Молдавии, однако место создания рукописи неизвестно). Тексты же второй группы (кроме «Успения Кирилла») были включены в состав Стишного пролога при служебных минеях еще в Болгарии в XIV в.

²⁵ Трудно, например, признать молдавской рукописью Минею служебную на май XVI в. (Брашов, церковь-музей св. Николая, № 10), содержащую проложное житие Мефодия (см.: *Николова С. За възникванието на Проложно Методиево житие // Литературознание и фолклористика / В чест на 70-годишнината на акад. П. Диневков. София, 1983. С. 89—92; Она же. К истории текста Проложного жития Мефодия // Symposium Methodianum / Beitrage der Internationalen Tagung in Regensburg zum Gedanken an den 1100. Todestag des hl. Method. Neurid, 1988. С. 474*). Исследовательница исходит в своей атрибуции исключительно из орфографического принципа (среднеболгарское правописание), хотя сама отмечает наличие правописных русизмов. Для молдавских богослужебных рукописей абсолютно нехарактерно использование в качестве проложных чтений по шестой песни канона (каким является в брашовской рукописи житие Мефодия) текстов из нестишного Пролога — в них представлен только переведенный в XIV в. Стишной пролог (см. примеч. 24). Напротив, практика включения в текст служб житий нестишного Пролога (типологически, вероятно, объясняе-

мая ориентацией на молдавские книги) для XVI в. известна в украинско-белорусских служебных Минеях (см., например: РГБ, ф. 178 (Музейное собр., № 3176 (Минья на февраль и июль, посл. четв. XVI в.); описание: Музейное собрание [ОР РГБ]. Описание. М., 1997. Т. 2. (№ 3006—4500). С. 64—65, 474; № 548, илл. 11; рукопись в известном смысле составляет параллель брашевской, поскольку содержит проложное житие брата Мефодия — Константина-Кирилла). Тезис С. Николовой о том, что проложное житие Мефодия написано в Болгарии в XII или XIII в. в настоящее время полностью утратил силу, т. к. теперь известен текст так называемого «Успения Мефодия» — памятника действительно болгарского происхождения, относящегося к начальному периоду Второго царства (см.: *Иванова К.* «Успение Методиево» // *Palaeobulgarica*. 1999. № 4. С. 7—24).

Еще более невероятна атрибуция в качестве молдавской рукописи Минее праздничной из собрания Б-ки Румынской АН в Бухаресте, Слав. 717 (*Стойкова А.* Бележки върху историята и структурата на ранните служби на Кирил Философ (По повод на еден новооткрит молдавски препис) // Кирило-Методиевски студии. София, 2000. Кн. 13. С. 219—228). Этому противоречит уже тот факт, что службы в этой Минее даются по Студийскому уставу — особенность, в настоящих молдавских литургических книгах (следующих за тырновской богослужебной практикой, ориентированной на устав Иерусалимский) никогда не встречающаяся. Окончательно убеждает в немолдавском происхождении кодекса облик его письма — неумелого корявого полуустава, не имеющего ничего общего с каллиграфической продукцией молдавских скрипториев (образец см.: Там же. С. 230). Рукопись происходит из какой-то глубокой валашской провинции либо из Марамуреша — области в северо-восточной Трансильвании со значительным восточнославянским населением (сюда входит и современное украинское Закарпатье), являющейся обширной провинциальной контактной зоной между румынами («волохами», «влахами») и Галицией. Вызывает возражение и датировка Слав. 717 XVII в. Водяные знаки рукописи исследовательницей не приведены (похоже, что все сообщаемые ею немногочисленные сведения восходят к машинописному описанию П. П. Панайтеску (Там же. С. 219. Примеч. 17), не отличающемуся надежностью информации (см. ниже раздел о правописании)). По палеографии эту Минее можно датировать XVI или даже самым концом XV в.

²⁶ Старший датированный список 1474 г. — РГБ, собр. Е. Е. Егорова (ф. 98), № 742. Синтагма известна и в собственном болгарских списках более раннего времени — например, РГИА, ф. 834 (Архив Синода), оп. 3, № 2037, посл. треть XIV в. (см.: *Бенешевич В. Н.* Два списка славянского перевода Синтагмы Матфея Властаря, хранящиеся в СПб. Синодальной библиотеке // Изв. ОРЯС. 1901. Т. 6. Кн. 4. С. 150—227; *Никольский А. И.* Описание рукописей, хранящихся в Архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 2. Вып. 2. С. 73—74). На широкое распространение этого канонического сборника в Молдавии в XVI в. указывает тот факт, что царь Иван Грозный в 1556 г. в поисках списка с тематическим расположением статей в порядке славянского алфавита обратился к молдавскому воеводе Александру Лэпушняну (см.: *Сырку П. А.* Из исторических сношений русских с румынами // Изв. ОРЯС. СПб., 1896. Т. 1. Кн. 3. С. 517—519; *Двойченко-Маркова 1967*. С. 115—116; *Православная энциклопедия*. М., 2001. Т. 2. С. 64).

²⁷ Здесь уместно напомнить, что бухарестский (или «Милешевский») список этой Кормчей (Б-ка АН Румынии, Слав. 285) первой четверти XVI в. (о датировке см.: *Васильев Л., Грозданович М., Јованович Б.* Ново датирање српских рукописа у Библиотеци Румунске Академије наука // Археографски прилози. Београд, 1980. [Књ]. 2. С. 55, № 53 (далее — *Василев и др. 1980*)) является собственно сербским или валашским (но не молдавским) по происхождению (см.: *Троицки С.* Како треба издати Светосавску Крмчију (Номоканон са тумачењима). Београд, 1952. С. 62, № 10; *Panaitescu P. P.* Manuscrisele

slave din Biblioteca Academiei RPR. București, 1959. Vol. 1. P. 383 (далее — *Panaitescu 1959*)); при этом следует иметь в виду, что среднеболгарские особенности орфографии кодекса, читающиеся в каталоге П. П. Панаитеску (С. 379—382) отражают не правописание кодекса (где они отсутствуют), а произвольное раскрытие румынским археографом сокращенных написаний слов под титлами. Примечательно при этом, что в Болгарии эпохи Второго царства сербская Кормчая бытовала, хотя и не имела широкого распространения. На это указывают орфографические особенности Рязанского списка 1282 г., восходящего к рукописи, присланной в 1262 г. из Болгарии киевскому митрополиту Кириллу II деспотом Яковом Святославом, и послесловие писцов этой последней, сохранившееся в других русских списках XV—XVII вв. (см.: *Щанов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 135—155, 263—270 (далее — *Щанов 1978*)), а также среднеболгарская рукопись третьей четверти XIV в. (РГАДА, ф. 196, № 534), содержащая особую сокращенную («Мазуринскую») редакцию памятника (см.: Мазуринская кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV—XVI вв. М., 2002. С. 53—54, 103—492).

²⁸ Старший датированный список в составе сборника 1444 г. — ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 151.

²⁹ Единственный южнославянский список сочинений Дионисия Ареопагита (начала или первой четверти XVI в.) со среднеболгарской орфографией (все остальные сербские — рашские или ресавские) — Вена, Австрийская Национальная библиотека, Слав. 14 — связан с Молдавией лишь весьма относительно. Его писец, афонский инок Виссарион, работавший в Зографском и в Хиландарском монастырях, был (как следует из его записи в другой рукописи) учеником сучавского митрополита Феокиста (см.: *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. С. 266, 278, 279).

³⁰ Применительно к этим полемическим сочинениям аналогичная картина наблюдается и в восточнославянской рукописной традиции конца XIV—XVI вв.

³¹ Список библиотеки Арадской епископии № 21 (Арад, Румыния) рубежа XV—XVI вв. (описание см.: *Iufu I.* Manuscriesele slave în bibliotecile din Transilvania și Banat // *Romanoslavica*. București, 1963. Vol. 8. P. 452—453, 464—466; *Смокина Н. П., Смокина Н. Н.* Вновь найденный фрагмент древнего евангелия // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 68—79; *Щанов 1978*. С. 160, 163, 207, 210, 212, 246, 271, № 45). Однако, несмотря на сообщаемые сведения, нельзя исключать возможности, что список только бытовал на территории Молдавии (где был снабжен глоссами на румынском языке), переписан же он был где-то на территории Украины.

³² М. Н. Сперанский относил памятник к числу сочинений, попавших в Болгарию в домонгольский период и оттуда перешедших в Молдавию (*Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 19—20). Однако в равной мере вероятна возможность появления «Слова» Феодосия в Молдавии непосредственно из восточнославянской книжности во второй четверти XV в. в связи с реакцией местного православного общества на принятие Флорентийской унии (см.: *Турилов А. А.* Памятники письменности восточных славян в южнославянской рукописной традиции XIII—XIV вв. (Проблемы и перспективы изучения) // Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1992. Вып. 25. С. 94—95. Примеч. 17).

³³ См., например, комплект 1466—1467 гг., переписанный в монастыре Путна: РГАДА, ф. 188, № 1379, октябрь (описание: Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА. М., 2000. С. 143—145, № 42 (далее — Каталог РГАДА 2000)); РГБ, собр. В. М. Ундольского, № 78 (январь-февраль), № 81 (апрель); Румыния, б-ка м-ря Путна, № 564 (ноябрь) и № 557 (август).

³⁴ Например, Минея служебная на август второй четверти XVI в. — РНБ, собр. М. П. Погодина, № 562 (описание: *Иванова 1981*. С. 110—115, № 22).

³⁵ Хотя перевод Иерусалимского устава (Типика) был осуществлен болгарским книжником старцем Иоанном на Афоне еще в первой половине (если не в начале) XIV в. (см.: *Потов Г.* Новооткрыто сведение за преводаческа дейност на български книжовници от Света гора през првата половина на XIV в. // *Български език*. 1978, № 3. 402), известно лишь два сравнительно поздних болгарских списка памятника — София, ЦИАМ, № 201 и № 44, соответственно конца XIV в. и рубежа XIV—XV вв. (см.: *Христова и др. 1982*. С. 57, № 119; 58—59, № 123).

³⁶ См.: *Славяно-молдавские летописи 1976*. С. 4—6, 13—20, 21—22.

³⁷ О репертуаре славяно-молдавской рукописной книги в рассматриваемый период на вполне репрезентативном материале московских и петербургских хранилищ см.: *Паскаль 1991*. С. 9—10.

³⁸ О списках памятника см.: *Иванова 2000*. С. 40—60. Попутно пользуюсь случаем исправить ошибку, допущенную в предыдущей работе (см.: *Турилов А. А.* Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // *Славянский альманах 2000*. М., 2001. С. 252, 253, 272—273, примеч. 58 (далее — *Турилов 2001*)) — восточнославянские (как великорусские, так и западнорусские) списки жития Варвара неизвестны, сборник РГАДА, ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина), оп. 1, № 652, оставшийся неизвестным болгарской исследовательнице, также молдавский по происхождению.

³⁹ Кодексы: Бухарест, Б-ка Румынской АН, Слав. 164 (1438 г., писец Гавриил (Урик), описание: *Panaitescu 1959*. Р. 245—248); Б-ка св. Синода Румынской Православной церкви, III. 26 (XVI в., описание: *Томова Е.* Сборник БСС, III. 26 от Библиотеката на Свети Синод в Букуреш // *Старобългарска литература*. София, 1994. Т. 28—29. С. 119—124); сборники целиком совпадают друг с другом по составу, второй, по всей видимости, списан с первого. Текст похвального слова до настоящего времени остается неопубликованным (см.: *Baronas D.* *Trys vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija*. Vilnius, 2000. Р. 149; *Турилов 2001*. С. 252).

⁴⁰ По наблюдениям новейшего исследователя славяно-молдавской рукописной традиции, оба эти памятника встречаются в молдавских рукописях не так уж и часто (*Паскаль 1991*. С. 18—19; *Турилов 2001*. С. 259). Вероятно, это свидетельствует, что культ святого в XV—XVI вв. ограничивался прежде всего столицей княжества — Сучавой. Однако сама редкость молдавских списков этих текстов не уменьшает их маркирующего значения, поскольку они отсутствуют как в валашской, так и в собственно южнославянской и украинско-белорусской традициях (см.: *Турилов 2001*. С. 251—252, 269—270). Великорусские же списки жития и службы (похвала, написанная в 1574 г. немецким игуменом Феодосием на основе жития (см.: *Паскаль 1991*. С. 19) в России не была известна), которых, несомненно, значительно больше, чем молдавских, и которые дошли, начиная с первой трети XVI в. (*Турилов 2001*. С. 252, 273), по счастью, нельзя спутать с последними. О житии и службе Иоанну Новому подробнее см.: *Русев, Давидов 1966*; *Темчин С. Ю.* Гимнографическое творчество Григория Цамблака: вильнюсский список службы с житием Иоанну Новому Сучавскому // *Krakowsko-wileńskie studia slawistyczne*. Kraków, 1997. Т. 2. С. 143—203).

⁴¹ См., например: Музейное собрание 1961. Т. 1. С. 126—128; № 115, 116 (характеристика языково-правописных особенностей Н. Б. Тихомирова); *Иванова 1981*. С. 32—33, 34, 84, 86, 89, 91, 113—114, 128, 137, 151, 184, 189, 193, 202—203, 224, 264; № 2, 3, 13, 14—16, 22, 26, 29, 30, 32, 38, 40, 42, 44, 48, 57. Развернутое описание правописных норм молдавских рукописей (на примере переписанных Гавриилом) дано А. И. Яцимирским (*Яцимирский 1904*. С. 345—378).

⁴² Так, молдавскими долгое время считались (соответственно, с более поздней датировкой) пергаменный Служебник перв. пол. XIV в. (ГИМ, Увар., № 46-8°/Царск. 556 — *Строев П. М.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие... И. Н. Царскому. М., 1848. С. 628; *Леонид (Кавелин), архим.* Систематическое описание... славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 2. С. 10, № 628), Евангелия тетр втор. пол. XIV в. (РГБ, собр. ОИДР, № 31 (пергаменное) и Рум. № 122 (СК XIV. Вып. 1, № 292, 300) — *Строев П. М.* Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. М., 1845. С. 12; *Востоков А. Х.* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 185), пергаменный Сборник патериковых изречений и повестей (РГАДА, ф. 196, собр. Ф. Ф. Мазурина, оп. 1, № 1703) того же времени (см. вклеенную в кодекс записку М. Н. Сперанского — Каталог РГАДА 2000. С. 386. Прилож. № 9) и др. Дополнительным основанием для причисления этих рукописей к числу молдавских служило, несомненно, наличие на них славяно-румынских или собственно румынских кириллических записей, свидетельствующих о бытовании книг в дунайских княжествах.

⁴³ Наиболее яркий пример обратного смещения представляет так называемое Елисаветградское лицевое Евангелие конца XVI — начала XVII в. на пергамене (РГБ, Музейное собр. (ф. 178), № 9500), являющееся одной из молдавских копий с Лондонского Евангелия царя Иоанна Александра 1356 г., возможно, созданной в мастерской сучавского митрополита Анастасия Кримки (1578—1631). В последней четверти XIX в. кодекс (принадлежавший в то время Покровскому единоверческому монастырю в Елисаветграде) рассматривался историками искусства как памятник XIV—XV вв. (см.: *Покровский Н. В.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византизм и русской. СПб., 1892. С. XXII—XXVII), современные датировка и атрибуция принадлежат М. В. Щепкиной (*Щепкина М. В.* Болгарская миниатюра XIV в. (Исследование Псалтыри Томича). М., 1963. С. 92—100 (далее — *Щепкина 1963*); фототипическое издание рукописи — Евангелие. XVI в.: Факсимильное изд. М., 2009). Южнославянской (болгарской) рукописью XIII—XIV вв. считалось также до недавнего времени молдавское пергаменное Евангелие тетр кон. XV или, вероятнее, уже XVI в. (СПб., РГИА, ф. 834 (собр. Архива Синода), оп. 4, № 1266 — ПС XI—XIV, № 427; ср.: *Бегунов Ю. К.* Древнерусские рукописи фонда Синода в Центральном Государственном историческом архиве СССР в Ленинграде // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 333; *Турилов 1993*. С. 7). Новейшим отголоском подобных старых заблуждений является также досадная погрешность СК XIV, куда под № 299 включено описание (в качестве болгарской рукописи второй пол. XIV в. на бумаге без водяных знаков) молдавского Евангелия тетр (Одесса, ГНБ, 1/98) первой трети XVI в. (филигрань — «лестница в круге под шестиконечной звездой» типа *Mareş A.* Filigrani hirtiei întrebuintarte în țările Române în secolul al XVI-lea. Bucureşti, 1987. № 1504, 1505, 1508—1512: 1508—1525 гг. (далее — *Mareş 1987*)). Данные, присланные из Одессы, были включены в СК без проверки (проверены de visu в декабре 2002 г. автором этих строк). Исходным источником ошибок является прикрепленная к кодексу этикетка второй пол. XIX — нач. XX вв. с записью: «Четвероевангелие, рецензии среднеболгарск. XIV ст. Рукопись важна по акцентуации. Доставлена из Балкан...».

⁴⁴ Встречающиеся в каталоге П. П. Панаитеску (*Panaitescu 1959*. P. 176, 178, 179, 188, 191, 210, 396; № 141, 142, 144, 147, 148, 152, 296) указания на молдавские рукописи с сербской орфографией («Scris (probabil) în Moldova. Slaviă bisericească de redacție sirbească») абсолютно произвольны, поскольку никаких данных для подобной атрибуции нет, единственным формальным основанием является принадлежность большинства (кроме № 296) этих кодексов в прошлом крупному исторически сложившемуся собранию — библиотеке Вознесенского Нямецкого монастыря на севере румынской Молдовы. Однако в этом собрании имелось

большое число южнославянских (и в том числе сербских) рукописей, привезенных во второй половине XVIII в. с Афона преп. Паисием Величковским. Связь этих последних со Святой горой устанавливается лишь на основании писцовых записей и помет средневековых книгохранителей на начальных защитных листах кодексов (см. там же: С. 125, 127, 200, 216, 225, 233, 303; № 97, 99, 135, 137, 151, 153, 155—158, 207), тогда как во всех перечисленных выше рукописях утрачено начало либо защитные листы (на № 147 имеется помета о принадлежности Поляно-Воронской пустыни, где обитали ученики Паисия — см. там же, с. 188).

Непонятно также, на чем основаны утверждения В. А. Мошина, что «Валахия стала сферой болгарской иммиграции», а «сербская иммиграция двигалась на восток через Карпаты и Молдавию, ставшую в XVII в. транзитной зоной между Сербией и Украиной. Постоянные связи с сербской церковью, с одной стороны, и с Украиной, с другой, привели к образованию молдавской редакции в церковнославянской письменности, с графикой, близкой к валахской, и с правописанием, сохраняющим употребление болгарского большого юса... и отражающим смесь сербского и русского влияний...» (*Мошин В. А. Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 71*). «Транзитной зоной» на протяжении XV—XVI вв. скорее должна была являться Трансильвания (с сербским населением на юго-западе и восточнославянским на северо-востоке — в Марамуреше и современном украинском Закарпатье), к тому же с 1557 г. в церковном отношении подчинявшаяся сербскому (Печскому) патриарху.

⁴⁵ О сербско-валахских связях см., например: *Яцимирский А. И.* Из истории культурных и литературных сношений румын с сербами // *Славянские известия*, 1906, № 4; *Radović Dj. Sr. Srpsko-rumunski odnosi XIV—XVII veka // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*, 1956. Т. 2. С. 13—24; *Двойченко-Маркова 1967*. С. 105—107, 112—114.

⁴⁶ К их числу относятся уже такие ранние для местной традиции памятники, как пергаменное Евангелие тетр 1405 г. игумена Тисманского монастыря Никодима (Бухарест, БАН Румынии, Слав. 176/177 — см.: *Яцимирский 1905*. Разд. III (Национальный музей древностей), № 7) или пергаменное же Евангелие тетр (Загреб, Исторический музей Хорватии, Р-40) рубежа XIV—XV вв. из монастыря Лепавина (*Мошин В.* Ђирилски рукописи Повијесног музеја Хрватске и Копитареве збирке. Београд, 1971. Т. 1. С. 11—12, № 3 (далее — *Мошин 1971*); *Палеографски албум*. Табл. 1—2; большая часть кодекса (л. 14—230) написана вторым писцом по среднеболгарской орфографии). Известны местные писцы, в равной мере владевшие и среднеболгарским и сербским правописанием. Так, иеромонах Василий из Тырговища переписал в 1590 г. Минею служебную на июнь (Афон, Иверский монастырь, Слав. 15) по среднеболгарской орфографии, а в 1599-м Евангелие тетр (Загреб, Исторический музей Хорватии, Р-47) по сербской (образцы почерка и орнаментики см.: *Трифуновић Ђ.* Словенски рукописи у манастиру Ивируну на Светој Гори // Библиотекар, 1968, бр. 5. С. 430, табл. 8; *Мошин 1971*. Палеографски албум... Табл. 44; об отождествлении писцов см.: *Славянские рукописи афонских обителей / Сост. А. А. Турилов, Л. В. Мошкова; Под ред. А.-Э. Н. Тахиаоса. Фессалоники, 1999. С. 170, № 418*).

Попутно следует заметить, что отмечаемое в каталоге П. П. Панаитеску валахское происхождение ряда сербских по правописанию рукописей (прежде всего относящихся к XIV в.) далеко не бесспорно (*Panaiteacu 1959*. № 254, 271, 287, 288, 293, 299 — здесь они датированы более поздним временем, без учета данных флигранологии, обоснование правильной датировки см.: *Васильев и др. 1980*. С. 53—56; № 41, 50, 55, 56, 59, 61); своеобразный шедевр ошибочной датировки и локализации представляет атрибуция Толкового Евангелия (Бухарест, БАН Румынии, Слав. 97), принадлежавшего (по записи на л. 376) сербскому де-

споту Стефану Лазаревичу (1402—1427), как рукописи, написанной в Венгрии между 1520—1535 гг. (*Panaitescu 1959*. P. 124—125).

⁴⁷ Наряду с ним в чetyх рукописях, не связанных впрямую с литургическим обиходом, а также в приписках и записях писцов употребляется курсивное письмо, именуемое «александрийским» либо (в болгарской литературе) «попгерасимовым» (см.: *Коцева Е.* Александрийско-попгерасимово писмо в български ръкописи от втората половина на XIV в. // *Старобългарска литература*. София, 1976. Кн. 1. С. 396—401; *Она же.* Развитие на българското кирилско писмо през XIV—XV в. // *Славянска палеография и дипломатика*. София, 1985. Кн. 2. С. 42—43 (далее — *Коцева 1985*); *Старобългарска литература: Энциклопедичен речник...* С. 105). Однако молдавский его вариант (представленный уже в рукописях Гавриила Нямецкого, например, в Сборнике 1448 г. (БАН, 13.3.19 — см.: *Сводный каталог молдавских рукописей, хранящихся в СССР. Коллекция Ново-Нямецкого монастыря (XIV—XIX вв.)*. Кишинев, 1989. Альбом, илл. 10—11 (далее — *Сводный каталог 1989*)) не обладает заметными отличиями ни от более раннего болгарского (ср., например, почерк митрополита Киприана в Лествице 1387 г. (РГБ, собр. МДА фонд. (ф. 173.1), № 152 — *Рукописные собрания ГБЛ: Указатель*. М., 1985. Т. 1. Вып. 2. С. 105), ни от современного и более позднего русского (напр., почерк кирилло-белозерского книгописца Гурия Тушина — см.: *ТОДРЛ. М.; Л.*, 1961. Т. 17. С. 173).

⁴⁸ О тырновском литургическом полууставе (по другой терминологии — уставе) см. подробнее: *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение кирилловского письма. СПб., 1914 (ЭСФ. Вып. 4. 2). С. 152—157; *Коцева 1985*. С. 31—33, 35—37, 41—42; *Мищенко Ж.* Някои особености на тырновски устав от XIV в. // *Palaeobulgarica*. 1986. № 1. С. 6—19; 1987. № 2. С. 74—84. Стоит заметить, что почерки ряда валашских рукописей XV—XVI вв. восходят несомненно к значительно менее калиграфической болгарской традиции, истоки которой прослеживаются не столь однозначно — см., например, болгарскую по изводу часть пергаменного Евангелия из монастыря Лепавина в собрании Исторического музея в Загребе (см. примеч. 46), пергаменное же Евангелие 1470 г. РНБ, собр. ОЛДП, Ф. 136 (*Мошин В.* Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966. Сн. 135 (далее — *Мошин 1966*); *Bogdan 1978*. Pl. XX), Евангелие Зографского монастыря на Афоне, № 271 (старый — I.6.7), переписанное в 1544 г. в валашском монастыре Бистрица (*Кодов Х., Райков Б., Кожухаров С.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1985. Т. 1. Табл. 71, 72 (далее — *Кодов и др. 1985*)).

⁴⁹ *Щепкин В. Н.* Русская палеография. 2-е изд. М., 1967. С. 133.

⁵⁰ Следует еще раз подчеркнуть, что облик почерка имеет весьма важное значение для установления происхождения рукописей XV—XVI вв. с выдержанной среднеболгарской тырновской орфографией, поскольку сейчас можно считать надежно установленным, что уже с первой четверти XV в. она получила самое широкое распространение не только в Молдавии, но и во всем восточнославянском регионе (см. примеч. 15). На основании даже одного почерка (не говоря уже о других признаках) из числа молдавских можно безоговорочно исключить такие несомненно восточнославянские (несмотря на правописание) рукописи, как пергаменный список Римского патерика начала XV в. (Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 3 — снимок почерка см.: *Нікалаеў М.* Палата кнігапісная: Рукапісная кніга на Беларусі ў X—XVIII стагоддзях. Мінск, 1993. С. 149 (далее — *Нікалаеў 1993*)), Аникеевское Евангелие (БАН, 34.7.3) первой трети XV в. (см.: *Смирнова Э. С.* Аникеево Евангелие: малоизвестный памятник московской книжной миниатюры и орнамента первой трети XV в. // *ДРИ. Исследования и атрибуции*. СПб., 1997. С. 174—191; молдавской считал рукопись А. Х. Востоков), пергаменную Псалтырь того же времени (ГИМ, Увар. 922-4°), находившуюся в XVII в. в Молдавии (*Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаменных

рукописей ГИМ. Ч. 2. Рукописи болгарские, сербские, молдавские // АЕ за 1965. М., 1966. С. 302), Апостол и Евангелие конца XV в. РНБ, собр. Погодина, № 106 (см.: *Иванова 1981*. С. 99. Обр. 19), новгородский по всей видимости Апостол конца XV в. из собрания Зографского монастыря, № 203 (*Кодов и др. 1985*. С. 102—104, № 55, табл. 104, 105, 143), Евангелие тетр конца XV — начала XVI в. Народного музея в Праге, IX D 13, привезенное Й. Добровским из Москвы (*Vašica J., Vais J. Soupis staroslovanských rukopisů Narodního musea v Praze. Praha, 1957*. S. 110—111, № 40. Tabl. 3; *Bogdan 1978*. Pl. 39 — считает рукопись валашской). Список, разумеется, нетрудно продолжить.

⁵¹ См.: *Паскаль 1991*. С. 11—17.

⁵² Сходная ситуация наблюдается и в книгописании Валахии, хотя там традиции славянской письменности на материале эпиграфики прослеживаются с X в., эпохи Первого Болгарского царства (см.: *Смядовски С. Българска кирилска епиграфика (IX—XV в.)*. София, 1993. С. 25, 28—29).

⁵³ В украинской исследовательской литературе памятник рассматривается как украинский по современной (с 1945 г.) территориальной принадлежности Закарпатья. Однако во время создания рукописи (как и до и после этого) регион, населенный восточными славянами, не входил, тем не менее, в состав Польского королевства и никогда не подчинялся в церковном отношении киевскому митрополиту (епископская кафедра была здесь учреждена Константинопольским патриархом по инициативе владшских князей). Орфография кодекса — выдержанная среднеболгарская, почерк — полуустав южнославянского типа. Рукопись не обнаруживает точек соприкосновения с современной ей древнерусской (восточнославянской) традицией, на болгарское происхождение писца Станислава указывает и его прозвище Грамматик. Образцы почерка и иллюминации рукописи см.: *Логвин Г. Н. З глибин: Давня книжкова мініатюра XI—XVIII ст. Київ, 1974*. С. 55, рис. 22 (далее — *Логвин 1974*); *Запаско Я. П. Пам'ятки книжкового мистецтва. Українська рукописна книга. Львів, 1995*. С. 294—297. Кат. № 59 (далее — *Запаско 1995*).

⁵⁴ Образец почерка и письма заголовка см.: Каталог РГАДА 2000. Табл. 28.

⁵⁵ Образцы письма и оформления таких «молдавско-украинских» и «молдавско-белорусских» рукописей см., например: *Нікалаєў 1993*. С. 165, 167, 182—183, 234—237; *Запаско 1995*. С. 309, 310, 314, и др.; Кат. № 70, 71, 73. Нередко такие рукописи отличаются от собственно молдавских меньшей каллиграфичностью при общем сходстве начерков, но происхождение некоторых из них (в особенности не имеющих развитой орнаментации) можно с надежностью установить лишь при наличии записи писца. Таково, например, Евангелие 1550 г. библиотеки Зографского монастыря № 30, переписанное иереем Лукой Вишненским в Перемышльской епархии (См.: *Кодов и др. 1985*. С. 78—80, № 38, табл. 73; рукопись описана как молдавская).

⁵⁶ Образцы шрифтов и украшений краковских кириллических изданий 1490-х гг. см., например: Описание изданий типографии Швайпольта Фиоля / Сост. Е. Л. Немировский. М., 1979; *Gesamtkatalog der Frühdrucke in kyrillischer Schrift. Baden-Baden, 1996*. Bd. 1 (Inkunabeln).

⁵⁷ Месяцеслов краковского Часослова содержит памяти русских святых и праздников (князя Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, Покрова Богородицы, митрополита Петра — *Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания*. М., 1971 (далее — *Немировский 1971*). С. 135—137), что невозможно в молдавской (или южнославянской) рукописи конца XV в. Это, однако, не дает оснований видеть в изданиях Швайпольта Фиоля московский заказ, как это делает Е. Л. Немировский (Там же), а еще ранее П. В. Владимиров (*Владимиров П. В. Начало славянского и русского книгопечатания в XV—XVI вв. // ЧОИИЛ*. Киев, 1894. Кн. 8. С. 24—25), поскольку память митрополита Петра (не говоря уже о более

ранных святых) с кратким «некрологом» столь же широко распространена в белорусско-украинских рукописях, как и в московских.

⁵⁸ *Соболевский А. И.* Заметки о языке печатных изданий Фиоля и Скорины // ЧОИИЛ. Киев, 1888. Кн. 2. С. 192—193.

⁵⁹ На продукцию великорусских скрипториев молдавская рукописная книга (несмотря на активные политические связи государств в правление Ивана III и Стефана Великого) никакого воздействия не оказала.

⁶⁰ Например, в таких рукописях, как Мукачевская Псалтырь второй четв. XV в. (Ужгород, Закарпатский краеведческий музей, Арх. 2641 — см.: *Логвин 1974*. С. 57, рис. 23; *Запаско 1995*. С. 290, 291. Кат. № 60), Евангелие 1492 г., данное воеводой Стефаном Великим вкладом в Зографский м-рь на Афоне (ГИМ, Муз. 3641), Сучавское Евангелие 1529 г. (Болгария, Нац. музей Рыльский м-рь, № 1/1 — см.: *Джурова А.* 1000 години българска ръкописна книга. София, 1981 (далее — *Джурова 1981*). Табл. 243, 245) и др.

⁶¹ К слову, совершенно неизвестны в молдавской традиции ступенчатые плетеные заставки (представляющие стилизованное изображение храма?), широко распространенные в сербских рукописях с рашской орфографией начиная с рубежа XIII—XIV вв. (например, Хиландарь, № 52 (Евангелие и Апостол кон. XIII в.), л. 2; № 160 (Миней монаха Романа, сер. XIV в.), л. 1 — *Богдановић 1978*. Палеографски албум. [Сн]. 12, 29) и в позднейших ресавских (см. там же, [сн]. 154). В XVI в. они перешли и в сербскую печатную книгу (см.: Молитвенник и Псалтырь Божидара Вуковича. Венеция, 1540, 1546 — *Медаковић Д.* Графика српских штампаних књига XV—XVII века. Београд, 1958. Табл. 56/1, 60/2).

⁶² Снимок начального листа Евангелия от Иоанна (л. 192) с такой заставкой см.: *Birkfellner G.* Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975. Abb. 9.

⁶³ Древнейший известный мне пример представлен в сербском списке 1387 г. (л. 1) Хроники Георгия Амартола (Афон, Русский Пантелеймонов м-рь, Слав. 17), в XIX в. принадлежавшем афонскому м-рю Св. Павла (см.: *Tachiaos A.-E. N.* The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981. Pl. [24]). Позднейшие образцы см., напр.: *Стоянов М.* Украса на славянските ръкописи в България. София, 1973. С. 15, 17, 89 (№ 108), 92 (№ 120), 114 (№ 191), 120—121 (№ 199, 200), 129 (№ 215), 132 (№ 221), 152 (№ 261), 154 (№ 262), 169 (№ 323), 181 (№ 372), 195 (№ 411); *Богдановић 1978*. Палеографски албум. [Сн]. 124, 127, 157, 159, 164; *Джурова 1981*. Приложения. Сн. 229—231, 235, 237, 239, 247, 253, 265, 266, 293; *Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994. Табл. 5, 70, 71, 74—76, 102, 213. В болгарских рукописях с юсовой орфографией примеров подобного орнамента, насколько мне известно, нет, но в восточнославянских западнорусского происхождения отдельные его образцы изредка встречаются — см.: Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 27, Евангелие тетр сер. (?) XVI в. (*Никалаеу 1993*. С. 234, левый верхний снимок).

⁶⁴ См., например: РНБ, собр. М. П. Погодина, № 4. Псалтырь монаха Кассиана. 1470 г., л. 163 (*Иванова 1981*. С. 498, обр. 3); РНБ, собр. М. П. Погодина, № 22. Евангелие Томы логофета. 1534 г. (Там же. С. 509, обр. 20).

⁶⁵ См., например: РГБ, Собр. Отдела рукописей (ф. 218), № 178. 16 слов Григория Богослова. 1424 г. Л. 1 (Сводный каталог 1989. Альбом, № 8); БАН, 13.3.19. Сборник слов, житий, апокрифов и патериковых повестей. 1448 г. Л. 1 (Там же, № 10); НБ МГУ, Ветковское собр., № 339. Евангелие тетр. Третья четв. XV в. Л. 15 (Славяно-русские рукописи XV—XVI вв. Научной библиотеки МГУ. М., 1981. Илл. 17).

⁶⁶ Таковы, например, пергаменные кодексы библиотек румынских м-рей Сучевица, № 23 и 24 (см.: *Щеткина 1963*. С. 89—91; *Popescu-Vilcea G.* Un manuscris al voievodului Alexandru

al II-lea. București, 1984; *Idem*. Un manuscris al voievodului Ieremia Movilă. București, 1984), и Драгомирна, № 354/27, 354/28, 354/29 (*Щепкина* 1963. С. 91—92; *Popescu-Vilcea G. Anastasie Crimca*. București, 1972; *Idem*. Miniatura românească. București, 1981), а также уже упоминавшееся выше (прим. 43) Елисаветградское Евангелие.

⁶⁷ См.: *Райков Б.* Украса на българските ръкописи от 15—18 в. // Славянска палеография и кодикология. София, 1980. С. 216. Причиной такого утверждения, несомненно, служит смешение собственно молдавских рукописей с «молдавизирующими» украинскими, написанными по тырновской (хотя и не всегда выдержанной) орфографии (см.: *Турилов* 1995. С. 4—12).

⁶⁸ Не касаясь здесь таких хрестоматийных примеров, как новгородская тератология первой половины — середины XV в. (см.: *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV в. М., 1994. С. 26—32, 64—69) и рязанские рукописи конца XV — начала XVI вв. — Псалтырь с воследованием из собрания Рязанского музея-заповедника и Евангелие, вложенное в 1544 г. в Боголюбский монастырь (ВСМЗ), отмечу скромные ее образцы западнорусского происхождения: Житие Феодосия Печерского (РГАДА, ф. 201, № 19, л. 1) конца XV — начала XVI в. и Пролог (РГАДА, ф. 181, № 710, л. 59 об.) того же времени (см.: Каталог РГАДА 2000. С. 89, № 23; С. 180—181, № 66), Стрыйского Евангелия 1594 г. Львовской НБ, № П. 26 (*Запаско* 1995. С. 375, кат. № 94) или Евангелие конца XVI в. того же собрания, № П. 36 (Там же. С. 393, кат. № 102). Образцы тератологии изредка встречаются даже в орнаментике западнорусских печатных книг: инициал С этого стиля имеется в краковских изданиях 1490-х гг. (см.: *Немировский* 1971. С. 173), вполне традиционными тератологическими инициалами украшен виленский Часослов типографии Мамоничей 1617 г. (см.: *Зернова А. С.* Типография Мамоничей в Вильне (XVII в.) // Книга: Исследования и материалы. М., 1959. Сб. 1. С. 215—217. Рис. 9—11).

⁶⁹ См. прим. 63.

⁷⁰ См.: *Мошин* 1966. С. 134, 117.

⁷¹ Начальная часть кодекса (л. 1—152), содержащая Поучения аввы Дорофея, к которой и относится запись на л. 152 об., написана на бумаге с водяным знаком «топор в гербовом щите под короной», близким к № 1560—1563 в альбоме А. Мареша (*Maréş* 1987. Р. 329 — 1551—1556 г.); вторая часть рукописи (тоже XVI в.) написана на другой бумаге и другим писцом. «Выходная» запись на л. 152 об. выполнена «дрожащим» подражательным курсивом (кистью?), не имеющим ничего общего с почерками подлинных молдавских средневековых рукописей, и весьма напоминает подложную же запись якобы 1514 г. в Евангелии НБ МГУ, № 1304 (см.: *Славяно-русские рукописи XIII—XVII вв.* НБ МГУ (Описание). М., 1964. С. 31). В рамке, окружающей запись, использовано «золото» очень бледного оттенка, не встречающегося в подлинных рукописях. Истинную дату заставки на л. 1 надежно определяет ее «киноварный» контур, сделанный теми же красными чернилами, что и владельческая запись 1879 г. на защитном листе.

⁷² См., например: *Некрасов А. И.* Очерки из истории славянского орнамента. СПб., 1913 (ПДПИ. Вып. 183). С. 68; впрочем, еще ранее считал кодекс южнославянским А. И. Соболевский (*Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 5).

⁷³ См. примеч. 51.

⁷⁴ Примеры см.: *Богдановић* 1978. № 32, 104. Палеографски албум. Сн. 221, 224 (кодексы описаны как молдавские); *Запаско* 1995. С. 333, 335, 386; *Джурова А., Станчев К.* Описание славянских рукописей Папского Восточного института в Риме. Roma, 1997. Фиг. 1.

⁷⁵ См.: *Богдановић* 1978. Палеографски албум. Сн. 221, 226; *Запаско* 1995. С. 325, 326, 333, 349, 357, 359, 384, 385.

⁷⁶ Фигурирующий иногда в литературе как молдавский или валашский (*Вуксан Д.* Рукописи манастира Пећке патријаршије // *Зборник за историју јужне Србије и суседних области.* Скопље, 1936. Књ. 1. С. 151, № 30; *Мошин В.* Рукописи Пећке патријаршије // *Старине Косова и Метохије.* Приштина, 1971. Књ. 4—5, № 29) богато украшенный (в том числе и подобными инициалами) Апостол 1530-х гг. библиотеки Печской патриархии (образец почерка и украшений см.: *Шакота М.* Ризнице манастира у Србији. Београд, 1966. Табл. 75), в действительности написан и украшен вольнским или холмским книгописцем и иконописцем второй — третьей четверти XVI в. Андрейчиной (см.: *Турилов 1995.* С. 11. Примеч. 31). О других работах этого мастера см.: *Запаско 1995.* С. 340—351, кат. № 84—86 (здесь же предшествующая библиография).

⁷⁷ См., напр.: *Запаско 1995.* С. 316, 325, 326, 329, 335, 365 и др.

⁷⁸ См., например: *Калужняцкий, Соболевский 1916.* Табл. 99, 119, 123, 127, 130; *Bogdan 1978.* Pl. XVI, XXX, XXXII, XXXV; *Иванова 1981.* Обр. 3, 12, 15, 20, 55; *Сводный каталог 1989.* Альбом. Табл. 8, 10, 12, 14, 17, 18, 21.

⁷⁹ Таковы, к примеру, заголовки Службеника 1574 г., ГИМ, Хлуд. 113 — см.: *Калужняцкий, Соболевский 1916.* Табл. 124; *Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л.* Българско средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Държавния исторически музей в Москва. София, 1999. Обр. 21, 22.

⁸⁰ К XVII в. вязь, украшенная орнаментальными растительными отростками, возможно, под влиянием валашских, украинских и южнославянских рукописей и старопечатных изданий, проникает и в заголовки молдавских кодексов — см., напр.: *Bogdan 1978.* Pl. LXI (Евангелие 1641 г. — Бухарест, Музей искусств Румынии, Ms. 20).

⁸¹ См. примеры в примеч. 51.

⁸² См., например: *Запаско 1995.* С. 329, 333 (кат. № 79, 81).

⁸³ Ср. оформление заключительной части молдавских и валашских грамот XV—XVII вв.: *Калужняцкий, Соболевский 1916.* Табл. 100, 105, 115, 116; *Ionescu-Nișcov T., Soveja M.* Acte de cancelarie domnească. Ornamente și miniaturi. București, 1974. Pl. IV, V, XIV; *Bogdan 1978.* Pl. VI—X, XII—XV, XVII—XIX, XL, XLVI, XLVII, LIII, LVII, LIX, LXIII—LXVI.

⁸⁴ Снимки листов этих рукописей (кроме первой) с рассматриваемыми рамками-указателями см.: *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV вв. М., 1980. Кат. № 50, 67, 86. Такие же маргинальные украшения-указатели имеются и во всех якобы молдавских Евангелиях и Апостолах, перечисленных в примеч. 51.

⁸⁵ См.: *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI в.: Сводный каталог. М., 2003. Кн. 1—2, № 3, 9, 30, 31 и т. д.

**ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ЛИТЕРАТУРЕ
И КНИЖНОСТИ ЛИТОВСКОЙ И МОСКОВСКОЙ РУСИ
XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.:
ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ**

Книжно-литературные связи Западной и Юго-Западной Руси (православных областей Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Польского королевства) с южными славянами в XV—XVI вв. до последнего времени редко были предметом специального исследования. В работах болгарских и сербских ученых они обычно рассматривались в рамках общих восточно-южнославянских связей без регионального вычленения¹. Отечественные историки и филологи обычно не затрагивали этой темы, ограничиваясь великорусским (московским, реже новгородским) аспектом проблемы, существенно лучше обеспеченным источниками². На фоне этого отрядным исключением выглядят несколько статей 1970—1980-х гг. А. И. Рогова, которые могут рассматриваться как заявка на обобщающее многопрофильное исследование, во всяком случае, на материалах Белоруссии (конкретнее — Супрасльского монастыря с его крупнейшим в регионе рукописным собранием, возникшим на рубеже XV—XVI вв., фресками, выполненными в середине XVI в. сербскими мастерами, наконец, самой историей обители, в создании которой принимали участие афонские иноки, в первую очередь сербы)³.

Однако этот монументальный замысел так и остался, к сожалению, нереализованным. Поэтому нельзя не приветствовать внимания к теме, наметившегося в самые последние годы в работах польских и литовских славистов. Речь идет в первую очередь о главе (очерке) в книге краковского исследователя А. Наумова «Вера и история»⁴ и о постановочной статье Н. А. Морозовой и С. Ю. Темчина⁵.

Теме «южнославянского субстрата» в книжности будущих белорусско-украинских земель в этих работах придается очень большое значение, и это вполне оправданно, поскольку южнославянские сочинения и переводы на протяжении всего Средневековья (или по крайней мере до XVI в.) составляют весьма существенный компонент репертуара древнерусской (в широком смысле слова) книжной культуры, по сути одну из ее основ⁶. Не вызывает возражений и привлекаемый в этих работах круг источников — рукописные книги польских и вильнюсского собраний. Коллекция бывшей Виленской публичной библиотеки (современный ф. 19 БАН Литвы), включающая книги двух крупнейших средневековых собраний региона — Супрасльского и Жировицкого монастырей⁷, — вполне в этом смысле репрезентативна (несмотря на ощутимые потери, вызванные частичным распылением фонда во второй половине XIX в.)⁸, а большинство почти неизбежных лагун в значительной мере покрывается дополнениями из рукописей польских хранилищ. В этом смысле обширный очерк А. Наумова (и в особенности примечания к нему)

представляет собой весьма полный библиографический справочник по южнославянскому репертуару западнорусской книжности, и в этом качестве он, безусловно, полезен всем исследователям, интересующимся проблемой.

Однако тезис, который эти пространные списки памятников и шифров содержащих их рукописей призваны обосновать, не может не вызвать удивления у непредвзятого и мало-мальски знакомого с ситуацией читателя. Южнославянские литературные памятники («южнославянский субстрат») рассматриваются в очерке А. Наумова как специфическая особенность, отличающая западнорусскую книжность от великорусской («московской»)⁹. В статье Морозовой и Темчина данное положение фигурирует уже почти как аксиома, с отсылкой к книге Наумова¹⁰. При этом о реальной ситуации в книжности Московской Руси (в границах Московского государства начала XVI в. или отдельно для Москвы и Новгорода) ни в той, ни в другой работе не сказано ни слова. Авторы либо не представляют ее, либо сознательно игнорируют (в принципе одно не исключает другого), задавшись целью подчеркнуть особый характер западнорусской церковной литературы и западнорусского православия от их «московского» варианта с максимально раннего времени¹¹, как бы забывая о том, что констатация любого отличия является результатом предварительного сопоставления. Создается впечатление, что авторы сочли вполне достаточной географическую презумпцию: белорусско-украинские земли расположены западнее и юго-западнее Москвы (с этим не поспоришь), ближе к Балканскому полуострову (с Молдавским княжеством, которое в культурном отношении, подражая Н. Йорге, так и хочется назвать «Тырновом после Тырнова», украинские земли на юго-западе просто соседят), и уже поэтому сильнее должны были быть связаны с южными славянами. К тому же формально географический фактор подкрепляется и церковно-юридическим, поскольку с третьей четверти XV в. западная часть единой некогда Киевской митрополии продолжала, в отличие от восточной, провозгласившей свою автокефалию, подчиняться константинопольскому патриарху, что создавало дополнительно благоприятные условия для ее балканских контактов.

Если обратиться непосредственно к корпусу южнославянских памятников, рассматриваемому А. Наумовым и вильнюсскими славистами, то видно, что он состоит из двух отдельных хронологических пластов: текстов времени Первого Болгарского царства (конец IX — X в.) и болгарских и сербских сочинений XIII — первой четверти XV в., среди которых особое место занимают творения Григория Цамблака, недолгое время (и неканонически) возглавлявшего Киевскую митрополию (1416—1419). При этом, разумеется, первая из групп представляет для аргументации сугубо вспомогательный характер, поскольку отражает (хотя Наумов об этом и не пишет) не живые связи Западной Руси с южными славянами в XV—XVI вв., а лишь незначительные региональные особенности корпуса текстов, известного русским книжникам еще с домонгольских времен¹². При этом сам набор текстов, встречающихся в западнорусских списках XV—XVI вв., настолько хрестоматичен и присущ всей, без различия регионов, древнерусской традиции (служба Константину-Кириллу Философу, Азбучная молитва Константина Преславского, Сказание черноризца Храбра, слова и поучения Климента Охридского (в том числе в составе Пролога), Иоанна Экзарха и Петра Черноризца)¹³, что поневоле возни-

кает желание дополнить (и в какой-то мере украсить) его примерами, характерными именно для западнорусской традиции. Таких в этой части перечня А. Наумова только один — известная запись пресвитера Григория о переводе библейских книг при князе Симеоне, дошедшая в составе так называемого Иудейского хронографа¹⁴, неизвестного в великорусских списках. В связи с этим можно отметить особую судьбу в западнорусской традиции таких памятников, как Пространное житие Константина-Кирилла, Слово на Рождество Богородицы (нач.: «Всяк человек, хотяй похвалите что любо, и хвалить, ином добрейшим прилагая...»), великоморавский текст, пришедший на Русь через Болгарию¹⁵, и Сказание инок Христула о чудесах великомученика Георгия («Сказание о железном кресте») — византийское сочинение начала X в., основанное на устных болгарских рассказах и вскоре после создания переведенное на славянский¹⁶. Житие Константина в западнорусских списках XVI—XVII вв.¹⁷ представлено особой редакцией, по мнению ряда исследователей, наиболее близкой архетипному тексту¹⁸; последние три главы текста (начиная с полемики в Венеции) сопровождают краткое житие Философа в западноукраинских списках пролога XVI—XVII вв.¹⁹ «Слово» представлено в украинско-белорусской традиции XVI — первой половины XVII в. особой редакцией, неизвестной в великорусских списках (в последних оно соединено в заключительной части со словом Иоанна Дамаскина на тот же праздник)²⁰, а также открытым мною недавно в списках второй половины XV в. проложным сокращением, приуроченным к празднику Введения²¹. Еще любопытнее судьба Сказания инок Христула. Западнорусским (волынским?) по происхождению является его старший (середина XVI в.) и наиболее исправный полный список, изданный Б. Ст. Ангеловым²². Отдельные повести цикла в рукописях украинско-белорусского происхождения («двойное» чудо Николы и Георгия о пленном критском сарацине в составе минейных торжественников, чудо о Филофее, перенесенном из сарацинского плена к отцу-священнику во время литургии, в западнорусской редакции Пролога) явно восходят к архетипному тексту, не сохранившемуся в полных списках²³. В тех же Прологах, что и упомянутое выше Слово на Введение, устойчиво содержится под 26 ноября («Юрий осенний») сокращенная редакция двух чудес («О кресте и болгарине» и «О жене»)²⁴, не позднее рубежа XV—XVI вв. включенная в Измарагд «юго-западной редакции», а в XVII в. переведенная на «просту мову»²⁵.

И, напротив, в западнорусской книжности XV—XVI вв. отсутствуют, как кажется, такие важные (и большие по объему) догматические и полемические тексты, как Слова Афанасия Александрийского против ариан, переведенные в 907 г. Константином Преславским²⁶, и полный текст «Беседы против богумилов» Козьмы Пресвитера²⁷, тиражирование которых в Московской Руси начиная с 1480-х гг. было вызвано полемикой с «жидовствующими»²⁸. В хронографии великорусскую особенность, своего рода параллель к записи пресвитера Григория в Иудейском хронографе, составляет Именник болгарских ханов, включенный в Летописец Еллинский и Римский I редакции, западнорусскими списками не представленный²⁹.

Перечисленные особенности корпуса древнейших болгарских текстов в книжности польско-литовской и Московской Руси не выходят в целом за рамки региональных вариантов книжно-письменной традиции³⁰. Безусловно, иначе обстоит

дело с болгарскими и сербскими памятниками XIII — начала XV в., явно отражающими специфику самостоятельных связей разных восточнославянских регионов с южными славянами и с Молдавией в XV—XVI вв. Здесь простое сопоставление корпуса текстов, известных московским и западнорусским книжникам, приводит к результатам, парадоксальным с точки зрения школьного географического атласа. Число текстов (не говоря уже о количестве списков) южнославянского происхождения, известных в Московской Руси, существенно богаче и разнообразнее своего польско-литовского аналога.

Начнем с того, что в украинско-белорусской традиции неизвестны списки южнославянских переводов XIV в. хроник Иоанна Зонары и Константина Манассии. Правда, они не получили широкого распространения и в Руси Московской. Первая представлена единственным во всей славянской традиции списком особой редакции начала XVI в. («Паралипомен Зонары») в составе сборника (РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 655)³¹, вторая — тремя списками XVII в.³², но ее известность в Московской Руси не позднее первой четверти XVI в. надежно засвидетельствована Русским Хронографом, созданным согласно последним исследованиям между 1516 и 1522 гг. в стенах Иосифо-Волоколамского монастыря³³: обе хроники, как известно, послужили для него источником по византийской истории. Тот же Русский Хронограф в своих сербских известиях обнаруживает явные следы знакомства с краткими сербскими летописями³⁴; возможно, их же отражением являются отрывочные летописные известия при некоторых русских списках пространного жития Саввы Сербского. Наконец, нельзя не упомянуть славяно-молдавскую хронику начала XVI в. в составе Воскресенской летописи³⁵. В западнорусской книжности южнославянский (сербский) и молдавский летописный материал практически неизвестен³⁶: специально упоминаемый А. Наумовым львовский список «Житий кралей и архиепископов сербских» архиепископа Даниила (памятника, как известно, стоящего на грани житийного и летописного жанров), находящийся ныне в Национальной библиотеке в Варшаве (Акс. 10780)³⁷, является сербской рукописью, обстоятельства и время появления которой во Львове не вполне ясны³⁸. В лучшем случае применительно к ней можно говорить о продолжительном бытовании на западноукраинских землях уже в Новое время, возможно, об известности текста, но отнюдь не о тиражировании или использовании.

Более сложная картина наблюдается в отношении агиографических памятников, однако и здесь великорусская традиция оказывается неизмеримо богаче. Для этого жанра нет практически ни одного примера, чтобы какой-то из памятников, наличествующий в западнорусских списках, отсутствовал в великорусских, тогда как обратных достаточно³⁹. По сути, в украинско-белорусских рукописях встречаются только три пространных южнославянских агиографических текста. Это житие преподобного Саввы, архиепископа Сербского, в редакции инока Феодосия (БАН Литвы, ф. 19, № 104, л. 109—208)⁴⁰ и житие преподобной Параскевы (Петки) Эпиватской (Тырновской, Сербской)⁴¹, написанное Евфимием, патриархом Тырновским, вместе с повестью о перенесении ее мощей в Видин и Сербию Григория Цамблака (там же, № 70, л. 401 об. (отрывок); № 79, л. 315—365). Уже относительно еще одного текста — мучения Иоанна Нового (Белградского или Сучавского),

написанного тем же Григорием Цамблаком в его бытность в Молдавии⁴², — существуют серьезные сомнения, во всяком случае в отношении списка БАН Литвы, ф. 19, № 169, о котором сообщают Наумов⁴³ и вильнюсские авторы⁴⁴ (сведений о других списках в их работах не имеется). Служебная Миней XVI в., в которой находится необычайно полный комплекс сочинений, посвященных Иоанну Новому и принадлежащих перу Цамблака (служба, включающая два жития — пространное и проложное)⁴⁵, происходит из витебского Маркова монастыря, но она явно не западнорусского происхождения. Ни в почерке, ни в орфографии кодекса нет ничего, что позволяло бы связать его создание с белорусско-украинскими скрипториями. Напротив, это обычная великорусская рукопись, и косвенно это находит подтверждение даже в ее формате. Как и другие тома этого комплекта (ф. 19, № 140, 141, 144, 148, 152, 153, 158, 162, 166), она форматом в 4°, тогда как украинско-белорусские служебные и праздничные Миней всегда листового формата, в соответствии с южнославянской и молдавской традицией XIV—XVI вв.⁴⁶; необходимо заметить, что великорусские служебные Миней могут писаться форматом в лист⁴⁷, но западнорусские размером в 4° неизвестны. Подобный кодикологический аргумент может показаться малозначимым, но он опирается на длительную традицию. Кроме того, этим доказательства вовсе не ограничиваются⁴⁸.

Кроме этих житий западнорусская книжная традиция знает также два похвальных слова южнославянским святым — общее Савве и Симеону Сербским, написанное во второй половине XIII в. Феодосием (ф. 19, № 102, л. 2—11 об., первая половина XVI в.)⁴⁹, и Евфимию, патриарху Тырновскому Григория Цамблака (ф. 19, № 104, л. 24—42 об., первая половина XVI в.)⁵⁰. Поразительной представляется судьба еще одного похвального слова, связанного с южнославянской традицией, правда, только весьма условно. Речь идет о похвале виленским мученикам Антонию, Евстафию и Иоанну, написанной на греческом языке в последней четверти XIV в. Михаилом Вальсамоном и не позднее 1430-х гг. переведенной на славянский, возможно, в Молдавии. Памятник известен в двух славяно-молдавских списках: 1438 г., в сборнике, переписанном известным молдавским книгописцем XV в. Гавриилом (Бухарест, БАН Румынии, Слав. 164)⁵¹, и XVI в., в рукописи, полностью копирующей предыдущую (Бухарест, Б-ка Св. Синода, Ш.26)⁵². Несмотря на тесные связи западнорусской книжной традиции с Молдавией (примерно с последней четверти XV в.) и на особую значимость культа виленских мучеников для Киевской митрополии, этот славянский перевод, в отличие от греческого оригинала, по сути, остался неизвестным не только книжникам XV—XVI вв., но и современным исследователям⁵³.

Южнославянский житийный репертуар великорусских (в первую очередь московских) рукописей существенно богаче (во избежание недоразумений отсылаю к примерам из старых монастырских собраний, содержащим несомненные великорусские списки памятников). Из болгарских здесь известны пространные жития: преподобного Иоанна Рыльского, написанное в середине XII в. на греческом Георгием Скилицей и дошедшее только в славянском переводе (старший список в составе Миней четъей на октябрь последней четверти XV в. — РГБ, Волоколамское собр., № 591)⁵⁴, написанные патриархом Евфимием жития Илариона, епископа Мегленско-го (старший список в сборнике начала XVI в. — РГБ, Волоколамское собр., № 655)⁵⁵,

преподобной Параскевы-Петки (как и в западнорусской традиции с повестью Цамблака о перенесении мощей — старший список в сборнике начала XVI в., РГБ, Волок. 644)⁵⁶ и преподобной Филофеи Темничской⁵⁷. По крайней мере, с первой трети XVI в. с ними соседствует и написанное Цамблаком житие Иоанна Нового⁵⁸.

Особенно большими текстами представлена в Московской Руси сербская агиография. Время принесения в Москву жития Саввы Сербского и похвалы Савве и Симеону в отличие от Западной Руси достоверно известно — с афонским посольством в 1517 г. (запись о принесении сохранилась в значительном количестве списков)⁵⁹. Рукописная традиция этого жития (о похвальном слове в настоящий момент трудно сказать что-либо определенное) в белорусско-украинской и в московской книжности вполне независима. Вильнюсский список памятника уникален особой системой заголовков, разбивающих текст на главы, а кроме того, его отмечает такая редкая (даже в собственно сербских списках более раннего времени) деталь, как наличие имени Феодосия в заглавии (в большинстве списков опущены последние слова — «списано Феодосием мнихом того же монастыря», и текст в результате этого оказывается приписан Доментиану, упоминаемому ранее: «сказано преподобным Доментианом презвитером»)⁶⁰. Все великорусские списки XVI—XVII вв. восходят в конечном итоге к архетипу, принесенному в 1517 г. с Афона, и имеют в заголовке имя Доментиана, при этом (в отличие от одинокого супрасльского) они так многочисленны, что существенно превышают по числу сербские⁶¹.

С начала же XVI в. (несколько ранее даже, чем житие Саввы) в великорусской (собственно московской) книжности получают известность житие сербского король-мученика Стефана Дечанского, написанное Цамблаком, и чрезвычайно пространное, богатое историческими сведениями житие деспота Стефана Лазаревича, созданное вскоре после его смерти (между 1431 и 1434 гг.) Константином Костенечским (старшие списки все в том же волоколамском сборнике № 655 начала XVI в.)⁶².

Особенность включения этих пространных житий (за исключением житий Иоанна Рьльского и Филофеи) в книжность Московской Руси состоит в их активном литературном использовании (хотя многозначителен уже факт переписки таких крупных текстов, как жития Саввы Сербского и Стефана Лазаревича). Известно, что все они были использованы как источники по византийской и южнославянской истории при составлении Русского хронографа⁶³. Во второй четверти XVI в., вероятно, в связи с канонизационными соборами, на основании пространных текстов были созданы особые проложные редакции житий Саввы и Стефана Дечанского⁶⁴. В целом ряде списков (старший РГБ, собрание Троице-Сергиевой Лавры, № 686, первая четверть XVI в.) получил распространение несколько сокращенный (хотя и весьма пространный) русский вариант жития деспота Стефана⁶⁵. Житие Стефана Дечанского послужило не позднее 1530-х гг. (включены в Великие Минеи Четьи митрополита Макария) источником двух пространных повестей для цикла чудес Николая Мирликийского, в составе которого в XVII в. они были напечатаны⁶⁶. Житие Иоанна Нового в 1538—1539 гг. было положено в основу русского жития болгарского мученика Георгия Нового Софийского. Аналогов этому в западнорусской книжности не обнаруживается. Целый ряд агиографических сюжетов получил известность в украинско-белорусских землях через московское

посредство и в московской обработке. Речь идет о младшей, так называемой западнорусской редакции Хронографа. Название она получила по происхождению списков, однако последние ее исследования, предпринятые О. В. Твороговым, убедительно показали, что если она и не была создана в том же центре, что и старшая, так называемая редакция 1512 г. (т. е. в Иосифо-Волоколамском монастыре), то во всяком случае работавшие над нею книжники повторно обращались к тем же источникам (в том числе хроникам и южнославянским житиям, в западнорусской традиции отсутствовавшим)⁶⁷.

Вполне сопоставим по объему и набору в обеих больших частях восточнославянской книжной традиции только корпус южнославянских кратких (проложных) житий. Эта тема неразрывно связана с историей распространения на Руси стишной (или метрической) редакции Пролога, переведенной в XIV в. у южных славян⁶⁸. Такие небольшие по объему (обычно не более двух листов большого формата) тексты, как проложные жития, распространялись не самостоятельно, а в составе макротекстов; обычно прологов, реже служб соответствующим святым (второй случай более характерен для собственно южнославянской либо молдавской традиции, где включение жития после 6-й песни канона представляет достаточно обычное явление). Отдельно от Стишного пролога (в сборниках) эти тексты встречаются в русских списках не ранее конца XV в., когда сам этот календарный сборник стал обычным памятником в книжности восточных славян.

История Стишного пролога на Руси изучена пока еще недостаточно. Можно считать установленным, что здесь получил известность тырновский вариант перевода сборника (наиболее распространенный и у южных славян)⁶⁹. На Руси Стишной пролог очень рано, не позднее рубежа XIV—XV вв., вошел во взаимодействие с широко распространенной здесь с домонгольского времени более ранней редакцией памятника (так называемым Прологом Константина Мокисийского), представленной рядом вариантов⁷⁰. Уже древнейший пергаменный русский список Стишного пролога, конца XIV или начала XV в. (ГИМ, Чудовское собр. 17), включает отдельные статьи, заимствованные из нестишного⁷¹. Более поздние списки сильно расширяются за счет учительных статей, характерных для русской традиции Пролога Константина Мокисийского⁷². Поэтому для Московской Руси в XV—XVI вв. обычным является деление годового комплекта Стишного пролога на четыре квартальных тома⁷³ в отличие от полугодовых южнославянских⁷⁴ (и, добавим, ранних западнорусских). Состав дополнительных статей (как житийных, так и особенно учительных) может существенно различаться в разных списках и их группах. Эти различия, которые в списках XV — начала XVI в. отражают региональные особенности, до последнего времени не были предметом специального исследования⁷⁵.

Определенные наблюдения существуют преимущественно по теме, непосредственно связанной с данной статьей, а именно о корпусе южнославянских житий в московских и новгородских списках Стишного пролога XV в.⁷⁶ В списках, связанных происхождением с Москвой (РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 715, 717, 720 — 1429 г. и ок. этой даты, писец первых двух кодексов — «мирской человек» Евстафий Шепель, для Троицкого монастыря)⁷⁷ и Северо-Восточной Русью (РГИА, ф. 834, оп. 1, № 1261, 1264, 1267, 1278 — комплект написан в 1477—1478 гг. в Во-

логде по заказу князя Андрея Васильевича Меньшого для Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере)⁷⁸, наличествуют жития Параскевы-Петки (14 октября), Иоанна Рыльского (19 октября), повесть о перенесении в Тырнов мощей епископа Илариона Мегленского (21 октября) и жития Михаила, воина Болгарского из Потуки (22 ноября), Симеона (13 февраля) и Саввы (14 января) Сербских⁷⁹. В новгородских списках (РГИА, ф. 834, оп. 3, № 3933—3936⁸⁰, комплект написан в 1478—1479 гг. в Спасо-Хутынском монастыре) отсутствуют жития Параскевы-Петки и Михаила Воина, но под 28 октября помещен «стих» — память Арсению, архиепископу Сербскому. Если отсутствие здесь первого из житий с какой-то степенью правдоподобия (хотя и неубедительно) можно было бы объяснить популярностью в Новгороде культа соименной великомученицы Параскевы (житие которой в отличие от московских комплектов читается в новгородском под 28 октября), то отсутствие повести о Михаиле может иметь лишь одну причину. Ее (равно как и жития Параскевы-Петки) не было уже в южнославянском оригинале новгородских стихшных прологов, отличавшемся по составу болгарских житий от архетипа московских.

Судьба Стишного пролога в западнорусской книжности являлась до самого последнего времени попросту белым пятном⁸¹. Правда, по счастью, мы располагаем несколькими его списками конца XV — первой половины XVI в., в том числе имеющими указание на точное время и место написания. Для сентябрьской половины года это списки ГИМ, Увар. 56-1^о, ок. 1496 г.⁸² и РГБ, собр. Егорова, № 214 (1518—1519 г., переписан в Перемышльской епархии для Уневского монастыря)⁸³. Мартовская половина представлена списком 1496 г. (БАН Литвы, ф. 19, № 100)⁸⁴ из библиотеки Супрасльского монастыря, написанным по заказу бельского наместника Солтана Солтановича, т. е., вероятно, неподалеку от обители. Кроме того, существует годовой комплект Пролога, созданного путем слияния стихшной и нестишной редакций (вторая расширена за счет поучений, заимствованных из Златоструя, Измарагда и других сборников), переписанный в 1530—1531 гг. в Луцке повелением епископа Макария (БАН Литвы, ф. 19, № 96, 97, 98, 101)⁸⁵. Подборка, таким образом, получается достаточно репрезентативная, во всяком случае охватывающая значительный по протяженности с севера на юг ареал.

Набор южнославянских житий во всех списках (речь идет, разумеется, о сентябрьской половине, т. к. на весенне-летние месяцы эти памяти не приходятся) совершенно одинаков. Здесь читаются, соответственно, жития Параскевы-Петки (но не под 14 октября, как в московских списках, а под 13 — Увар. 56-1^о, л. 128 об — 130; БАН Литвы, ф. 19, № 96, л. 271 об. — 273 об.)⁸⁶, Иоанна Рыльского со стихом (Увар. 56-1^о, л. 149 об. — 152; БАН Литвы, ф. 19, № 96, л. 310 об. — 314 об.), повесть о перенесении мощей Илариона Мегленского (Увар. 56-1^о, л. 156—156 об.; ф. 19, № 96, л. 322—322 об.), стих Арсению Сербскому (Увар. 56-1^о, л. 177; ф. 19, № 96, л. 368), жития Саввы (Увар. 56-1^о, л. 420—421; БАН Литвы, ф. 19, № 97, л. 291—292) и Симеона (Увар. 56-1^о, л. 504—504 об.; БАН Литвы, ф. 19, № 97, л. 460—461 об.). Житие Михаила Воина в списках отсутствует. Таким образом, эта редакция занимает по составу статей в какой-то мере промежуточное положение между московской и новгородской версиями Стишного пролога. Тем более интересным представляется ее происхождение.

Разумеется, первая мысль, которая приходит в голову, это то, что данная редакция представляет новгородскую, дополненную житием преподобной Параскевы-Петки, распространение культа которой в польско-литовской Руси принято относить к временам Григория Цамблака и связывать с его деятельностью⁸⁷. При этом можно предположить три варианта: 1) новгородская и западнорусская редакции Стишного пролога независимо друг от друга восходят к общему архетипу; 2) Стишной пролог, еще не дополненный житием преподобной Параскевы, попал в Новгород через Западную Русь; 3) кажущийся не самым вероятным, но в принципе отнюдь не исключенный — Стишной пролог попал в Западную Русь (где был дополнен житием Параскевы) через Новгород.

Все эти версии, однако, приходится отодвинуть в сторону после знакомства с русскими статьями данной редакции Стишного пролога. Хотя календарный сборник подобного состава и неизвестен в настоящее время в списках московских (либо, по крайней мере, происходящих с Северо-Востока Руси), это до известной степени может объясняться уже упоминавшейся недостаточно изученной рукописной традицией памятника. На материале русских житийных статей его связь именно с Москвой и с митрополией кафедрой представляется мне наиболее вероятной (вплоть до того, что напрашивается даже реальная кандидатура на роль редактора-составителя, он же автор отдельных статей — см. ниже). И напротив, практически исключена возможность связать создание этой редакции с западнорусской митрополией кафедрой или же с каким-то крупным епархиальным центром (Новгородом или Тверью). Среди русских житий сборника нет ни одного тверского (даже великого князя Михаила Ярославича), а из новгородских помещено лишь посвященное одному из древнейших местных святых — Варлааму Хутынскому (со стихом, при этом под 5, а не под 6 ноября — Увар. 56-1°, л. 200—201; БАН Литвы, ф. 19, № 96, л. 422 об. — 424). Против связи этой редакции Пролога с западнорусской митрополией (равно как и с Новгородом и Тверью) свидетельствует включение в нее таких чисто московских (во всяком случае, до середины XV в.) памятников, как житие Сергия Радонежского со стихом (к тому же помещенное под 25 сентября на первом месте: Увар. 56-1°, л. 63—66; ф. 19, № 96, л. 151 об. — 155 об.), житие Алексия митрополита (12 февраля (Увар. 56, л. 501—502; БАН Литвы, ф. 19, № 97, л. 455—457)) и в особенности открытие («перенесение») его мощей (со стихом и чудесами) 20 мая (ф. 19, № 98, л. 340—341; № 100, л. 221 об. — 222 об.). Наличие в этих Прологах житий западнорусских святых (виленских мучеников под 14 апреля, Авраамия Смоленского 20 августа)⁸⁸ отнюдь не противоречит московской версии. Они, как и жития святых киевской эпохи⁸⁹ и повести Киево-Печерского патерика (едва ли не целиком включенного в эту редакцию, естественно, с разнесением по дням года), призваны свидетельствовать единство и целостность Киевской митрополии (идея, актуальная для Москвы середины XV в., но отнюдь не для Вильно и Новогрудка)⁹⁰.

Присутствие в этой редакции снабженных стихами жития Сергия Радонежского⁹¹ и особенно сказания о обретении мощей митрополита Алексия (празднование установлено митрополитом Ионой в 1448 г.)⁹² в сочетании с датировкой Уваровского-Виленского списка 1496 г. позволяет относить ее создание к сере-

дине — второй половине столетия. Значительное число проложных стихов⁹³ при русских памятях (произведений жанра весьма нетипичного для средневековой русской литературы) заставляет предполагать причастность к созданию редакции какого-то южнославянского книжника, жившего в тот момент на Руси. Для рассматриваемого периода им вполне мог быть Пахомий Логофет (прибыл на Русь не позднее 1438 г., умер после 1484 г.), имевший опыт проложного стихотворчества (например, стих при кратком житии Сергия Радонежского), хотя, несомненно, эта гипотеза нуждается во всесторонней аргументации.

Исходя из времени создания этой редакции Стишного пролога и датировки наиболее ранних ее списков, представляется допустимым предположить один из возможных вариантов проникновения этого макротекста в западнорусскую книжность. Речь идет о свидетельстве давно известного памятника московско-западнорусских книжных связей XV в., так называемого «Послания от друга к другу» (название текста дано составителем митрополичьего формулярника, в составе которого он сохранился) — ответа известного московского купца, архитектора-подрядчика и книжника Василия Дмитриевича Ермолина на послание писаря короля и великого князя Казимира Якуба⁹⁴. В этом ответе Ермолин частично пересказывает обращенное ему послание, из чего явствует, что Якуб просил своего корреспондента приобрести для него ряд книг, в том числе богослужебных⁹⁵. Среди их перечня особого внимания заслуживает в данном случае «Прилог (т. е. Пролог)⁹⁶ со всемы, полон, на весь год, во единех досках»⁹⁷. Учитывая, что фрагмент текста, содержащий названия книг, основательно испорчен при невнимательной переписке — возможно, потому что он не имел отношения к формуляру (чего стоит, например, такая книга, как «два творца (!) в единех досках») — можно полагать порчу и в отношении характеристики Пролога. На мой взгляд, наиболее удачная конъектура, имеющая графическое обоснование, состоит в чтении «со стисеми» (т. е. стихами) вм.: «со всемы»⁹⁹, т. е. речь идет о Стишном прологе¹⁰⁰.

Разумеется, это лишь один из возможных вариантов перемещения сборника из Москвы в ВКЛ. Не в меньшей степени возможны и официальные церковные каналы в период архипастырства митрополита Ионы, когда его права на Киевскую митрополию признавались королем и великим князем Казимиром¹⁰¹ и в определенный период нахождения на кафедре Феодосия (1461—1464)¹⁰². В любом случае ясно, что проложные жития пришли в это время в Западную Русь не прямо с Балкан, а через московское посредство. Другие версии Стишного пролога, которые можно было бы связать с западнорусской книжностью, в настоящее время неизвестны.

Тема южнославянской гимнографии разработана для западнорусской традиции (особенно за последнее время)¹⁰³ явно лучше, чем для великорусской. В этом смысле в главе монографии А. Наумова в отношении репертуара приведены, по сути, исчерпывающие сведения, позволяющие вполне объективно сопоставить западнорусскую и великорусскую ситуации.

В отношении полных служб (содержащих стихиры, канон, седален, кондак и икос) для обеих ветвей имеется небольшой общий корпус: Арсений Сербский, Параскева-Петка, Савва Сербский¹⁰⁴ (не затрагиваю здесь вопроса единства или различия редакций, ограничиваясь исключительно констатацией наличия или от-

сутствия службы тому или иному святому). Естественно, что даже в совокупности обе части восточнославянской традиции XV—XVI вв. содержат лишь небольшую часть южнославянского средневекового гимнографического корпуса¹⁰⁵.

Наиболее заметное отличие между двумя ветвями восточнославянской традиции состоит в отсутствии великорусских списков службы Симеону Сербскому (Стефану Немане) и белорусско-украинских Иоанну Рыльскому. Применительно ко второй ситуация меняется только в последней трети XVII в., когда в Киево-Печерском монастыре выходит в свет (1671 г.) издание службы и жития Иоанна на средства казацкого полковника румынского происхождения Думитрашка Рача¹⁰⁶, но этот факт выходит уже далеко за хронологические рамки нашей темы. В России служба рыльскому преподобному (с переводным канонем, написанным в середине XII в. на греческом Георгием Скилицей¹⁰⁷) известна по крайней мере со второй четверти XVI в.¹⁰⁸ Во многом сходная ситуация наблюдается и в отношении службы Иоанну Новому Сучавскому после исключения июньской Минеи витебского Маркова монастыря из числа западнорусских рукописей (см. выше). Вся украинская традиция текста, судя по фактам, сообщаемым А. Наумовым, возникает лишь после молдавского похода Яна Собеского и перенесения мощей Иоанна Нового в галицийский Стрый (1686 г.)¹⁰⁹, о белорусской же (насколько можно судить по вильнюсской коллекции) ничего не известно. Отсутствие служб обоим Иоаннам в ранней западнорусской традиции может показаться неожиданным, учитывая ее связи с Молдавией (для Украины) и с Афоном (Супрасль)¹¹⁰. Однако и в самой южнославянской (и в молдавской) традиции включение служб национальным святым в служебные Минеи не носило столь систематического характера, как это наблюдается в отношении соответствующих житий в Стишном прологе (хотя и в этом случае, как показано выше, наблюдаются известные колебания), — здесь имеется достаточно примеров, когда службы Иоанну Рыльскому нет в октябрьском томе, а Иоанну Новому — в июньском¹¹¹. При этом нельзя исключать возможности (по аналогии с великорусскими рукописями), что обе службы могут присутствовать в западнорусских Минеях праздничных (в том числе и под «московским» влиянием).

Особенность великорусской рукописной традиции службы Иоанну Рыльскому состоит в том, что на раннем этапе она входит в Минею новым чудотворцам (см. выше) или сопровождает житие святого, написанное Георгием Скилицей при февральских томах Минеи Четьх¹¹². С середины XVI в. текст службы входит и в новый вариант Минеи новым чудотворцам, вместе со службами святым, канонизированным на церковных соборах 1547 и 1549 гг.¹¹³ Служба Иоанну Новому, сопровождаемая, как показывают списки новгородского Антониева и витебского Маркова монастырей (скорее всего тоже новгородский), проложным житием по шестой песни канона, не позднее рубежа XV—XVI вв. вошла сначала в Минею новым чудотворцам¹¹⁴, а вскоре и в служебную Минею (хотя чаще она, как и служба Иоанну Рыльскому, встречается в первом из этих богослужебных сборников), что свидетельствует о внимании к культуре обоих Иоаннов верховных властей Московской митрополии.

Служба преподобной Параскеве (Петке) Тырновской, по всей видимости, действительно распространена была в западнорусской книжности значительно шире.

чем в великорусской¹¹⁵ (это вполне согласуется с другими проявлениями популярности культа этой святой в православных землях Польско-Литовского государства)¹¹⁶. В последней она не вошла в Минею новым чудотворцам и встречается в отдельных списках праздничных Миней XVI в.¹¹⁷

В то же время пример службы Параскеве-Петке дает хороший повод поставить вопрос о региональных особенностях почитания южнославянских святых в православных областях ВКЛ и Польского королевства. Все списки службы тырновской преподобной, указанные А. Наумовым, происходят из хранилищ Польши, куда попали, по всей вероятности, с западноукраинских земель¹¹⁸. В то же время в рукописях вильнюсского собрания, где представлены служебные Минеи белорусских монастырей, текст не встречается¹¹⁹. Вполне вероятно, что более широкому распространению литургического почитания Параскевы-Петки на православных землях Речи Посполитой (и одновременно повышению литургического статуса ее культа) способствовало издание в 1610—1650-х гг. Анфологиона (Минеи праздничной)¹²⁰, куда вошла и служба преподобной.

В связи с такой неравномерностью распространения почитания тырновско-сербской святой в различных православных областях Польско-Литовского государства в XV—XVI вв. уместно, думается, поставить вопрос о достоверности предания, связывающего установление здесь культа Петки с митрополитом Григорием Цамблаком в первой четверти XV в. Похоже, что исследователи, принимающие на веру это достаточно позднее известие, оказываются в плену ходячих заблуждений и недооценивают искусственность учений западнорусских монахов XVII в., отождествляя их с бесхитростными книжниками предшествующих эпох, буквально и без рассуждений переписывающими сведения из не дошедших до наших дней источников. А. И. Рогов цитирует по этому поводу «Каталог киевских митрополитов» св. Димитрия Ростовского («...и уставил в киевской иерархии праздновать память ее октября 14»), отмечая, что источник автором не указан, но не доверять известиям нет оснований¹²¹. Недавно А. Наумов указал этот источник, которым оказалась изданная в 1617 г. на польском языке в Вильно «Оборона церковного единства» униатского писателя-полемиста Льва Кревзы (сведения повторены и в «Патериконе» Сильвестра Коссова, вышедшего в Киеве в 1635 г. также на польском), свидетельства эти он также считает несомненными¹²². На мой взгляд, в основе всей этой семнадцативековой традиции лежит логическая реконструкция Льва Кревзы (впрочем, не будь его, аналогичное заключение Сильвестр Коссов и святитель Димитрий вполне могли бы сделать и самостоятельно). Будущий смоленский архиепископ прекрасно знал православную книжность западнорусских собраний¹²³, занимаясь для нужд полемики настоящими источниковедческими изысканиями (в этом отношении его «Оборона» сопоставима с «Палинодией» Захарии Копыстенского). Он вполне логично сопоставил два факта — авторство Цамблака в отношении Повести о перенесении мощей Параскевы (отмеченное в заглавии)¹²⁴ и его пребывание на киевской кафедре, из чего сделал формально непротиворечивое заключение¹²⁵.

Если же оставить свидетельство Кревзы — Коссова — св. Димитрия в стороне, то можно говорить об известности Параскевы-Петки как святой на территории

единой Киевской митрополии начиная с конца XIV в.¹²⁶ На это указывает присутствие тропаря и кондака ей в Псалтыри митрополита Киприана, известной в раннем списке первой четверти XV в. (РГБ, МДА фонд., № 142)¹²⁷, и упоминание о ее мошах, находящихся в Тырнове (т. е. не позднее 1393 г.), в «Списке русских городов, ближних и дальних» («Тернов, ту лежит святая Пятница»)¹²⁸, составленном в конце XIV в. в окружении того же иерарха. Кандидатура Киприана в этом смысле ничем не уступает Цамблаку (ни происхождением, ни саном), хотя, разумеется, говорить об официальном установлении им празднования Петке на Руси не приходится¹²⁹.

Упоминание «Киприановой» Псалтыри, в месяцеслове которой содержатся тропари и кондаки не только Петке, но также Иоанну Рыльскому, Илариону Мегленскому, Арсению, Симеону и Савве Сербским и Иоакиму Осоговскому (Сарандапорскому)¹³⁰, составляет естественный переход к теме южнославянских памятней (независимо, снабженных песнопениями или без них) в русских рукописях XV—XVI вв. Число примеров в великорусских кодексах для этого времени столь велико (и это несмотря на то, что более половины рукописей не имеют подробных печатных описаний), что только перечень их шифров занял бы, без преувеличения, несколько страниц¹³¹. Словом, на этом уровне ситуация в Западной и Московской Руси представляется вполне симметричной (при том, что великорусские списки в целом старше), сходную картину дает и распределение памятней по типам книг — наибольшее число их приходится на тропарники Уставов и Псалтырей с воследованием, для Евангелий и Апостолов обычны упоминания Симеона и Саввы Сербских¹³².

Еще один значительный комплекс южнославянских текстов в русской книжности начиная с XV в. составляют похвальные и учительные слова болгарских авторов общехристианским святым и праздникам, а также их некалендарные сочинения (послания). В великорусской традиции XV в. встречается пространное похвальное слово патриарха Евфимия равноапостольным Константину и Елене¹³³ (и русское извлечение из него — Слово на обновление храма Воскресения)¹³⁴, а послание его к Киприану переписывается с самого начала этого столетия¹³⁵. В Торжественнике минейном Супрасльского монастыря 20—30-х гг. XVI в. (БАН Литвы, ф. 19, № 105) это слово патриарха Евфимия помещено дважды — под 7 мая в сокращенной редакции, в качестве похвалы на память явления на небе Креста Господня в Иерусалиме в 351 г. (л. 142—149 об.), и в пространной, на память св. Константина и Елены (л. 177—207)¹³⁶. В обоих случаях текст не имеет имени Евфимия в заголовке: под 7 мая он анонимен, под 21 приписан Иоанну Златоусту. В этом видится свидетельство продолжительного бытования текста в традиции, для которой имя тырновского патриарха ничего не говорило либо не пользовалось в ней престижем. Послание к Киприану списками вильнюсского и польских собраний, как кажется, не засвидетельствовано, что, впрочем, отнюдь не исключает находок западнорусских списков этого небольшого текста в будущем. Взамен его можно пока указать обратный пример значительно более редкого памятника, переведенного с греческого, но непосредственно связанного с церковной ситуацией в Болгарии середины XIV в. (болгарские и вообще южнославянские списки неизвестны). Речь идет о послании константинопольского патриарха Каллиста (декабрь 1355 г.)

в Тырнов священноиноку Феодосию (будущему патриарху) и иноку Роману о недопустимости применения для церковных таинств мира от мощей св. Димитрия Солунского и св. Варвара Пелагонийского (Битольского).¹³⁷ Оба известных в настоящее время списка XV в. западнорусского происхождения¹³⁸.

Здесь относится также большой корпус слов Григория Цамблака разных периодов его творчества. Применительно к его гомилетическому наследию рукописей вильнюсского и польских хранилищ явно оказывается недостаточно, так как все ранние их списки, включая все ранние авторские сборники («Книга, глаголемая Цамблак»)¹³⁹, находятся в хранилищах Москвы и Петербурга¹⁴⁰.

Несмотря на то что этот автор несравненно более тесно был связан с Западной Русью, чем с Московской (хотя бы уже в силу того, что три года занимал киевскую митрополичью кафедру), в книжной традиции последней он представлен вполне репрезентативно. Разумеется, по вполне понятным причинам здесь отсутствует похвала участникам Констанцкого церковного собора 1418 г.¹⁴¹, однако все другие слова весьма широко распространены¹⁴², в чем нет ничего удивительного. В Москве отнюдь не ставили знака равенства между Цамблаком как церковным деятелем, неканонически поставленным в киевские митрополиты, и как писателем, чьи литературные дарования не вызывали сомнений¹⁴³. Смерть митрополита Фотия в 1431 г. окончательно убрала препятствия личного характера для распространения во вновь объединенной митрополии гомилетических творений его соперника, если даже они не исчезли ранее, со смертью Цамблака (1419 г.).

Много неясного остается (и, по-видимому, останется навсегда) в истории авторского сборника календарных сочинений — «Книги, глаголемой Цамблак»¹⁴⁴, представленной списками не ранее второй четверти XV в.¹⁴⁵ Скорее всего (как можно предположить по аналогии с собранием поучений и посланий митрополита Фотия — «Книгой Фотиос») ¹⁴⁶, он был составлен по инициативе автора в период его пребывания на киевской кафедре (1416—1419), хотя нельзя, разумеется, исключить причастности к кодификации кого-то из «цамблаковых епископов» уже после его смерти¹⁴⁷, либо митрополита Герасима (1433—1435), занимавшего общерусскую кафедру, но обитавшего (отчасти, вероятно, из-за неурядиц в Москве, вызванных династической войной, а также по причине давних и прочных связей с Западной Русью — епископствовал на Волыни и в Смоленске с 1415 г.) в ВКЛ. Старшие списки сборника недостаточно изучены в плане их происхождения. Относительно же старших списков отдельных слов можно с достаточной степенью надежности предполагать их западнорусское происхождение (что неудивительно), хотя критерии для различения западнорусских и «московских» рукописных книг первой четверти XV в. (в отличие от современных им памятников деловой письменности) отсутствуют, особенно принимая во внимание влияние в данном случае среднеболгарского по орфографии оригинала¹⁴⁸. Но связь с Москвой самого старшего списка (РНБ, Погодин, 1026, л. 48—113) маловероятна уже чисто хронологически, поскольку по времени он едва ли не прижизненный¹⁴⁹, а несколько более младший, датируемый серединой XV в. (БАН, 33.20.14), явно связан по составу кодекса (Киево-Печерский патерик, служба, житие и похвальное слово Феодосию Печерскому, послание митрополита Фотия в Киево-Печерский монастырь)¹⁵⁰ с «матерью монастырей рус-

ских». Достоверно великорусские списки отдельных слов Цамблака относятся к последней четверти XV в.¹⁵¹, не позднее рубежа 1500—1510-х гг. великопостные гомилии включаются в особую редакцию Торжественника триодного — «Книгу Рай» (старший список — ИРЛИ, собр. В. В. Величко, № 1 — переписан в 1510 г. в Ферапонтовом монастыре)¹⁵², списки XVI в. носят массовый характер¹⁵³.

Кажется, приведенных примеров вполне достаточно, чтобы показать, что литературные памятники южнославянского происхождения и почитание болгарских, сербских и молдавских святых в XVI—XVI вв. отнюдь не являются характерной (и даже преимущественной) особенностью западнорусской книжно-литературной традиции, отличающей ее от «московской» великорусской, которая по большинству показателей в данном смысле как раз лидирует. Разница в этой части репертуара двух постепенно расходящихся (и при этом постоянно контактирующих) ветвей единой книжной традиции для XV — первой половины XVI в. состоит (за исключением переводов византийских хроник и отчасти пространных болгарских и сербских житий) не в контрастах, а в нюансах.

Столь же сложная, далекая от хрестоматийной ясности картина складывается и в отношении других аспектов книжной культуры этого времени разных регионов Руси, в первую очередь восприятия восточнославянскими книгописцами среднеболгарских орфографических норм, которое также нельзя объяснить, руководствуясь лишь географическим фактором¹⁵⁴. Пожалуй, наибольшая определенность (приблизительно с последней четверти XV в.) наблюдается лишь в сфере графики книжного письма (распространение в книгописании Западной Руси, с одной стороны, литургического полуустава молдавского типа, а с другой — влияние канцелярского письма — западнорусской скорописи) и отчасти в художественном оформлении рукописей и первопечатной продукции краковской типографии Швайпольта Феоля (начало 1490-х гг.)¹⁵⁵.

Причина рассмотренной выше парадоксальной на первый взгляд ситуации коренится в первую очередь в характере книжно-литературных связей восточных и южных славян в эпоху Средневековья (при этом следует учитывать, что синхронные им художественные связи отличались собственной спецификой). Их главная особенность заключается в том, что они не являлись следствием и спутником политических и церковных связей православных славянских государств между собой, а осуществлялись в подавляющем большинстве случаев через Константинополь и интернациональные православные монашеские центры (для XIV—XVI вв. это прежде всего Афон). При этом в большинстве случаев они носили неофициальный и полуофициальный характер, осуществляясь силами низшего и среднего духовенства (по преимуществу черного), иногда с участием епископата¹⁵⁶. В подобных условиях фактор географической близости того или иного восточнославянского региона к Балканам (или, напротив, отдаленности от них) не играет существенной роли в интенсивности этих связей и в их продуктивности¹⁵⁷. С последней трети XIV в. мощное монастырское движение в Северо-Восточной Руси (аналога которому в ВКЛ и православных областях Польского королевства не обнаруживается до последней четверти следующего столетия) определяет и область наиболее активного освоения южнославянского книжного наследия¹⁵⁸. При этом Молдавия, роль которой в русско-

южнославянских литературных связях принято преувеличивать в силу ее географического положения¹⁵⁹, несмотря на то что унаследовала тырновскую книжную традицию еще на рубеже XIV—XV вв., развивает ее в продукции своих монастырских скрипториев в значительной мере герметически. Роль крупного центра межславянских книжных связей (при этом тем не менее несомненно уступающего Афону) княжество приобретает уже лишь в поствизантийский период, начиная со времени правления Стефана Великого (1456—1504); при этом его роль в распространении на Руси южнославянского житийного комплекса (за исключением, естественно, жития Иоанна Нового), была минимальной. С рубежа XV—XVI вв. существенным элементом в культурных связях всего восточнославянского региона с южными славянами становятся монастырские посольства, прибывающие за «милостыней» как с Афона, так и непосредственно из Сербии и Болгарии, но это скорее тема, связанная с распространением восточнославянских памятников на Юге славянства.

Примечания

¹ См., например: *Ангелов Б. Ст.* Из историята на русско-български културни връзки. София, 1972. [Кн. 1]; *Он же.* Русско-южнославянски книжовни връзки. София, 1979; *Дылевский Н. М.* Жития Иоанна Рьльского русских древлехранилищ и их болгарские источники // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 276—292; *Он же.* Рьльский монастырь и Россия-Украина в XVI—XVII вв. София, 1974; *Радојичић Ђ. Сп.* Јужнословенско-руске културне везе до почетка XVIII в. // Зборник Матице српске за књижевност и језик. Нови Сад. 1965. Књ. 2. С. 261—309.

² Эта традиция восходит по крайней мере к А. И. Соболевскому (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 1—34).

³ *Рогов А. И.* Литературные связи Белоруссии с балканскими странами в XV—XVI вв. // Славянские литературы: XVIII Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1976. С. 182—194; *Он же.* Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами // Славяне в эпоху феодализма: К столетию В. И. Пичеты. М., 1978. С. 321—334; *Он же.* Фрески Супрасля // Древнерусское искусство: Монументальная живопись XI—XVII вв. М., 1979. С. 343—358; *Он же.* Петка Тырновская в восточнославянской письменности и искусстве // Руско-балкански културни връзки през Средновековието. София, 1982. С. 160—181. Недостатком перечисленных несомненно интересных и важных работ является то, что применительно к истории литературных связей они базируются почти исключительно на данных печатных описаний рукописей XIX в., изобилующих неточностями датировок, и это обстоятельство нередко приводит автора к неверным заключениям (примеры см. ниже).

⁴ *Naumow A.* Wiara i historia. Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polskoliteńskich. Kraków, 1996 (= Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne [KWSS]. Т. 1). S. 45—62.

⁵ *Морозова Н. А., Темчин С. Ю.* Об изучении церковнославянской письменности Великого княжества Литовского // KWSS. Kraków, 1997. Т. 2. S. 23—35.

⁶ О других ее компонентах см.: *Турилов А. А.* Переводы с латинского и западнославянских языков, выполненные украинско-белорусскими книжниками в XV — начале XVI вв. // Культурные связи России и Польши XI—XX вв. М., 1998. С. 58, 64—65 (расширенный вариант статьи — в кн.: *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. Приложения. С. 468—479.)

⁷ Третье монастырское собрание вильнюсской коллекции, происходящее из витебского Маркова монастыря, невелико по объему — около двух десятков (№ 23, 47, 117, 118, 128, 129, 140, 141, 144, 148, 152, 153, 162, 166, 169, 213, 215, 245, 265 по каталогу Ф. Н. Добрянского). При этом номера со 140 по 169 представляют неполный комплект Минеи служебных великорусского происхождения (см. ниже), возможно, попавших в Витебск в XVII в., а среди оставшихся около половины составляют рукописи XVII—XVIII вв.

⁸ Наиболее значительная компактная часть фонда находится в собрании еп. Павла (П. Н. Доброхотова) в Библиотеке РАН в Петербурге (ф. 37), отдельные рукописи разбросаны в хранилищах России и Украины от Петербурга (например, РНБ, F.I.476 — Слова постнические Исаака Сирина 1428 г. из Жировицкого монастыря) вплоть до Новосибирска (ГПНТБ СО РАН, собр. М. Н. Тихомирова, Р-11, Богородичник из Жировицкого м-ря, переписанный в 1545 г. в Вильне) и Харькова (Исторический музей, инв. 21129, Кормчая волинского извода русской ред. XV в., также из Жировиц, подарена в 1892 г. все тем же еп. Павлом Волинскому братству).

⁹ *Naumow. Wiara i historia...* S. 47—62.

¹⁰ *Морозова, Темчин. Об изучении...* С. 30—31.

¹¹ *Naumow. Wiara i historia...* S. 47—49; *Морозова, Темчин. Об изучении...* С. 30—33.

¹² О судьбе этого корпуса в великорусской книжности XV—XVI вв. см.: *Турилов А. А. Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв. (заметки к оценке явления) // Славяноведение. 1995. №3. С. 29—43; ср.: Он же. Древнерусская культура в контексте средневековых славянских (на материале книжности) // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: Мат-лы конф. М., 1999. С. 96—105 (см. также наст. изд.).*

¹³ *Naumow. Wiara i historia...* S. 57—60.

¹⁴ О списках памятника см.: Кирило-Методиевска энциклопедия (КМЕ). София, 1985. Т. 1. С. 545; *Томова Е. Варшавски хронограф с превод на старобългарския книжовник Григорий Презвитер // Литературна мисъл. 1991. Кн. 3. С. 137—140; Naumow. Wiara i historia...* S. 59; «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004. Т. 1. С. 39—47.

¹⁵ О происхождении и рукописной традиции памятника см.: *Турилов А. А. К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян (Слово «О похвале Богородице Кирилла Философа» в рукописной традиции XV—XVII вв.) // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 253—269. Ср. иную точку зрения на происхождение текста: *Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237). СПб., 1996. С. 405—406; Podskalsky G. Theologische Literatur des Mittelalters in Bulgarien und Serbien (863—1459). München, 2000. S. 173. Здесь хотелось бы изложить некоторые исправления и дополнения к истории рукописной традиции текста. Так, теперь я уверен, что болгаризмы орфографии западнорусских Барсовского и Вильнюсского списков объясняются не среднеболгарским (молдавским) протографом, а правописными установками самих писцов этих кодексов (ср.: *Турилов. К истории...* С. 264). Можно указать и новые списки этой редакции памятника, также белорусско-украинского происхождения, в составе минейных Торжественников: 1) Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 79. Первая четверть XVI в., л. 73—76 (описание рукописи см.: *Добрянский Ф. Н. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882. С. 106—115; в отличие от списка 1569 г. в сборнике № 103 того же собрания, данный не был отмечен описателем особо); 2) Белград, Патриаршая б-ка, № 67, XVI в., текст приурочен к Рождеству Богородицы (некоторые сведения о кодексе см.: *Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1970. Т. 1. С. 257, № 105; 380, № 9 (в первом случае рукопись ошибочно****

названа Прологом влашко-молдавского происхождения, во втором указан старый шифр); *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI—XVII в.). Београд, 1982. С. 140, № 2205). Украинско-белорусской, а не молдавской (ср.: *Турилов А. А.* К истории... С. 265, примеч. 9) является и рукопись минейного Торжественника из бывшего собрания Крушедольского монастыря (ныне — Белград, МСПЦ, № 25), точнее, старшая ее часть датируемая ок. 1550—1560 гг. (*Станковић Р.* Рукописне књиге Музеја Српске Православне Цркве у Београду: Водени знаци и датирање. Београд, 2003. С. 10), куда входит и Слово. Текст относится к той же редакции, что и в других западнорусских списках.

¹⁶ О происхождении и датировке памятника см.: *Турилов А. А.* Византийский и славянский пласты в Сказании инока Христодула (к вопросу о происхождении памятника) // *Славяне и их соседи.* М., 1996. Вып. 6. С. 81—99; *Он же.* К изучению Сказания инока Христодула: датировка цикла и имя автора // *Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флория.* М., 2000. С. 412—427.

¹⁷ 1) БАН Литвы, ф. 19, № 80, перв. треть — втор. четв. XVI в. (в описании Ф. Н. Добрянского (с. 115) кодекс ошибочно (или в результате типографской опечатки, что в этом издании не редкость) датирован XVII в.), л. 488—505; 2) РНБ, Отдел редкой книги, I. 1. 29, 1595 г., в конволюте с печатным Евангелием Василия Тяпинского (оба списка из Супрасльского м-ря); 3) Ватикан, Слав. 12, перв. четв. XVII в., л. 82—105 (см.: *Джурова А., Станчев К., Япунджич М.* Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека. София, 1985. С. 79—82). Очевидно, к концу XVII столетия списки памятника в Речи Посполитой представляли большую редкость и были малодоступны, во всяком случае для православных, которые были вынуждены обращаться к афонской сербской традиции, представленной Минеей четвей на февраль-апрель 1626 г. иеромонаха Аверкия (Хиландарь, № 444). Указание на это («Списано з библиотеки Хиландарской лавры сербской») находится в заглавии 2-го львовского списка жития (Львов, НБ НАН Украины им. В. Стефаника, собр. А. С. Петрушевича, № 9, л. 1 — см.: *Климент Охридски.* Събрани съчинения. София, 1973. Т. 3. С. 44 (№ 46), 747) и в сборнике подготовительных материалов «Календарь или жития святых» св. Димитрия, митрополита Ростовского (РГАДА, ф. 381, № 57, л. 182 — см. там же. С. 44, № 45).

¹⁸ *Ziffer G.* La traditione russa sud-occidentale della Vita Constantini // *Studi Slavistici offerti a Alessandro Ivanov nei suo 70. compleanno.* Udine, 1992. P. 370—397.

¹⁹ Кроме списков, перечисленных в статье Дж. Дизифера (*La traditione...* P. 384—385) и в монографии А. Наумова (*Wiara i historia...* S. 56, примеч. 39), это также Прологи из собраний Петербурга: 1) БАН, 13.8.2, втор. пол. XVI в.; 2) РНБ, собр. Ю. А. Яворского, № 4, конец XVI — начало XVII в.; 3) там же, № 5, перв. треть XVII в.

²⁰ См.: *Турилов.* К истории... С. 254—255. О новых списках памятника см. выше, примеч. 15.

²¹ 1) Киев, Нац. б-ка Украины, собр. Киево-Софийского собора, № 273с /131. Пролог, сентябрь-февраль, посл. четверть XV в. (описание см.: *Гнатенко Л.* Слов'янська кирилична рукописна книга XV ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського: Каталог. Київ, 2003. С. 109—111, № 39); 2) Там же, собр. Михайло-Златоверхого м-ря, № 529п/1643; То же. Посл. четв. XV в. (описание см. там же. С. 111—113, № 40; рассматриваемый здесь текст в описании в обоих случаях не отмечен); 3) Москва, РГАДА, ф. 181 (РО б-ки МГАМИД), № 710. Пролог, сентябрь-декабрь, конец XV — начало XVI в. (описание см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2000. С. 25, 180—182, № 66); 4) РГБ, собр. Е. Е. Егорова (ф. 98), № 720. Пролог, сентябрь-февраль. Ок. 1600 г.

- ²² ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 434-1° (Царск. 717), л. 55—79. Образец почерка см.: *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. Кн. 3. С. 70.
- ²³ См.: *Турилов А. А.* Византийский и славянский пласты... С. 87—89.
- ²⁴ Там же. С. 97. Примеч. 8; *Гнатенко Л., Бабалиевска С.* Проложного житие на св. Кирил Философ в три ръкописа от края на XV в. // *Palaeobulgarica*. 1998. № 1. С. 39, 42; в новейшем описании киевских рукописей (см. примеч. 22) наличие этих текстов не отмечено.
- ²⁵ Вильнюс; БАН Литвы, ф. 19, № 82, 1664 г., л. 185 об. — 187; Москва, РГБ, собр. Н. П. Румянцева, № 325, втор. пол. XVII в., л. 224 об. — 225 (см.: *Турилов.* Византийский и славянский пласты... С. 97. Примеч. 8).
- ²⁶ О рукописной традиции сборника см.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 30—36; *Попконстантинов К., Константинова В.* Към въпроса за черноризец Тудор и неговата приписка // *Старобългарска литература*. София, 1984. Кн. 15. С. 106—118; *Лалева Т.* Так нареченото четвърто слово на Атанасий Александрийски срещу арианите в превод на Константин Преславски // Там же. София, 1989. Кн. 22. С. 108—109.
- ²⁷ Все полные списки памятника — великорусского происхождения (см.: *Бегунов Ю. К.* Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973. С. 74—80, 87—93, 483—526), в украинско-белорусской традиции XV—XVI вв., при наличии пергаменного отрывка XIII в. галицко-волинского происхождения (Там же. С. 34—38, 400—401), встречаются лишь отдельные статьи из сочинения (о списках см.: *Naumow. Wiara i historia...* S. 59; кроме того — БАН Литвы, ф. 19, № 99. Пролог на март-август, конец XV (?) — начало XVI в., л. 31 об. — 33 и 340 об. — 342 об. («Слово Козьмы о хотящих отити в черные ризы», помещенное дважды — под 20 марта и 28 июля); № 100. Пролог стихной, март-август, 1496 г., л. 86—88 об. — то же, под 20 марта) в составе Пролога, куда они, естественно, были включены уже на Руси (*Бегунов.* Козма Пресвитер... С. 41—50).
- ²⁸ Применительно к Словам Афанасия Александрийского об этом сообщает непосредственно писец списка 1489 г. (РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского м-ря, № 437) Тимофей Вениаминов (см.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи... С. 32). «Беседа» специально упоминается в послании новгородского архиепископа Геннадия к ростовскому архиепископу Иоасафу 1489 г. (*Макарий, митр. (Булгаков).* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. 1. С. 300).
- ²⁹ О «Именнике» см.: *Каймакамова М.* Българска средновековна историопис (От края на VII — до първата четвърт на XV в.). София, 1990. С. 59—65. О «Летописце Еллинском и Римском» и его рукописной традиции: *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 111—112, 119—141; Летописец Еллинский и Римский. СПб., 2001. Т. 2 (Комментарий и исследование О. В. Творогова). С. 117—123.
- ³⁰ Здесь, в частности, уместно напомнить, что Слова Афанасия Александрийского в переводе Константина Преславского и «Беседа» Козьмы Пресвитера становятся доступными московским книжникам лишь на рубеже 1480—1490-х гг. До тех пор они хранились в древних списках в Новгороде и, очевидно, практически не тиражировались.
- ³¹ О памятнике см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси (СККДР)*. Л., 1989. Вып. 2 (втор. пол. XIV — XVI вв.). Ч. 2 (Л—Я). С. 492—494.
- ³² О русских списках памятника см.: *Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассия в славянских литературах*. София, 1988. С. 97—102.
- ³³ СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 499—501.
- ³⁴ *Наумов Е. П.* Свидетельства сербских летописей в составе Русского хронографа (К истории русско-сербских культурных связей XV в.) // *Советское славяноведение*. 1976. № 4. С. 44—56.

³⁵ Славяно-молдавские летописи XV—XVII вв. М., 1976. С. 6—13, 55—59.

³⁶ Можно говорить лишь о бытовании (с неустановленного времени) на западно-украинских землях славяно-молдавского сборника второй половины XVI в., содержащего ряд южнославянских и молдавских хроник — Киев, Нац. б-ка Украины, собр. Почаевской лавры, № 116 (Славяно-молдавские летописи... С. 15—17, 19, 20).

³⁷ *Naumow. Wiara i historia...* S. 55.

³⁸ Судя по записям на кодексе, в XVI — начале XVIII в. он бытовал на украинско-молдавском пограничье и в северной Молдове — куплен в 1574 г. в Хотине, вложен в 1718 г. в Сучевцу (см.: *Калужняцкий Э., Соболевский А. И.* Альбом снимков с кирилловских рукописей румынского происхождения. Пг., 1916 (Энциклопедия славянской филологии (ЭСФ), Вып. 4, 2. Приложение). Табл. 102).

³⁹ Кажется, единственное исключение из этого (при этом выходящее за хронологические рамки данной работы) составляет сокращенная редакция жития Параскевы-Петки, содержащаяся в сборнике XVII в. БАН Литвы, ф. 19, № 107, л. 3—8 (см.: *Добрянский.* Описание... С. 231) и восходящая, как установил Д. Кенанов, к одному из печатных венецианских изданий типографии Вуковичей — Молитвеннику 1521, 1536, или 1547 г. (*Кенанов Д.* За три вильнюски преписа на Евтимијевога житие за света Петка Тръновска // KWSS. Т. 2. S. 232—233). Весьма вероятно, однако, что связь данного списка с изданиями Вуковичей опосредована через украинскую печатную традицию первой половины XVII в., чего не отрицает и Кенанов, указывая публикацию текста во львовском Анфологионе 1643 г. (Там же. С. 233).

Кроме того, не ранее рубежа XVII—XVIII вв. и только в старообрядческой традиции известны великорусские списки историко-полемической Повести об афонском Ксиропотамском монастыре (старший известный мне — РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 673, сер. XVIII в. — тщательно копирует правописание западнорусского оригинала, изобилующее среднеболгаризмами), принесенной, как явствует из ее заголовка, в 1546 г. в Супрасльский монастырь святогорскими монахами. Старшие западнорусские списки: 1) БАН, Доброхотов, № 31, третья четв.(?) XVI в., л. 41—43; 2) Киев, Нац. б-ка Украины, собр. Михаило-Златоверхого м-ря, № 475/1656, конец XVI — начало XVII в., л. 21 об. — 26 (издан: *Иван Вишенский.* Сочинения. М.; Л., 1955. С. 332—335). О памятнике см. также: *Турилов А. А.* Малоизвестный источник по истории идеи «Третьего Рима» у южных славян (Повесть о Ксиропотамском монастыре) // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 137—139.

⁴⁰ Описание см.: *Добрянский.* Описание... С. 219—221.

⁴¹ Там же. С. 90—92, 106—115; *Кенанов.* Три преписа... С. 231—232. Справедливо отмечаемое авторами сербское посредничество в появлении текста на Руси, отразившееся в замене имени и титула болгарского царя в заключительной похвале жития на имя сербского деспота Гюрга Бранковича (Там же. С. 231—232; *Морозова, Темчин.* Об изучении... С. 30), не является исключительно западнорусской спецификой, а характерно для всех русских списков этой редакции (см.: *Турилов А. А.* К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV — начала XVI вв. // Руско-балкански културни врзки през Средновековието. София, 1982. С. 70).

⁴² Подробнее о памятнике см.: *Русев П., Давидов А.* Григорий Цамблак в Румыния и в старата румънска литература. София, 1966.

⁴³ *Naumow. Wiara i historia...* S. 51—52.

⁴⁴ *Морозова, Темчин.* Об изучении... С. 28; Ср.: *Темчин С. Ю.* Гимнографическое творчество Григория Цамблака: вильнюсский список службы с житием Иоанну Новому Сучавскому, 2 VI // KWSS. Т. 2. S. 143—171. В последней, очень обстоятельной и содержательной статье автор, анализируя правописные особенности списка (S. 163—169), не

настаивает на обязательно западнорусском происхождении рукописи, с чем нельзя не согласиться.

⁴⁵ Текст целиком издан С. Ю. Темчиным (Гимнографическое творчество... С. 173—203).

⁴⁶ См. описания южнославянских и молдавских служебных и праздничных Миней XIV—XVII вв. в собраниях Болгарии (*Христова Б., Караджова Д., Икономова А.* Български ръкописи от XI до XVIII в., запазени в България: Сведен каталог. София, 1982. Т. 1. № 107, 108, 120, 121, 128, 129, 134, 141—145, 153—158, 170, 182, 183, 205—208, 218, 219, 225—227, 230, 231, 234, 253, 264—268, 295, 324, 347—353, 372, 389—393, 413, 415, 416, 418—420, 424, 425, 441, 444, 445, 449, 450, 453, 455, 461, 475—479, 486—491, 498—505, 527, 528, 551—554, 591, 792), Румынии (*Panaiteacu P.* Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR. Bucureşti, 1959. Vol. 1. № 53—64, 120—127, 254—266, 269—273), Югославии (*Богдановић.* Инвентар... № 525—832), афонских монастырей Зограф (*Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994, № 34, 35, 62, 64—69, 71—76, 102) и Хиландарь (*Богдановић Д.* Каталог Хирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. № 141—153, 228—237, 239—253, 609, 610, 665, 758/IV, V, 759/VI).

⁴⁷ Таковы, например, служебные Минеи пергаменных комплектов новгородского Софийского собора 1438—1441 гг. и Хутынского монастыря 1463—1464 гг. (см.: [*Шварц Е. М.*] Новгородские рукописи XV в. Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания ГПБ. М.; Л., 1989. С. 19—27), однако уже среди бумажных списков XV в. формат в 4° явно преобладает (см.: ПС XV. № 833—996, 2000—2082, 2736—2836).

⁴⁸ Дополнительные аргументы в пользу великорусского происхождения вильнюсской июньской Минеи № 169 возникают при рассмотрении всего минейного комплекса из Маркова монастыря как единого целого. Из 10 томов (отсутствуют месяцы июль и август, сентябрь представлен двумя экземплярами (№ 140 и 141), март тоже — один раз под одной крышкой с февралем (№ 158), второй (№ 162) — с апрелем) только на одном имеются записи на польском языке (№ 162), указывающие на бытование книги в Речи Посполитой, но очень поздние — 1756 г. и XVIII в.; здесь же (тоже единственный раз) сделана запись XVII в. кириллицей о принадлежности Троицкому Маркову монастырю. Тома сильно разновременны, хронологический разброс между ними достигает почти полутора веков (№ 141, сентябрь, датируется третьей четвертью XV в., а № 148 (ноябрь-декабрь) — началом XVII в.), только январская и октябрьская Минеи (№ 152 и 144) написаны, возможно, одним почерком. Но при этом одинаковый формат книг (хотя один из сентябрьских томов несомненно лишний) указывает скорее всего на то, что комплект не складывался в самом монастыре «самотеком», а был приобретен там, где Минеи форматом в 4° были обычным явлением. Два тома (январь, № 153 и май, № 166) явно связаны с Новгородом, если не происхождением, то своей ранней историей.

На майском томе есть запись (подстрочная — л. 1—4) скорописью XVII в. о принадлежности Спасо-Ковалеву монастырю, на январском — запись о принадлежности церкви Козьмы и Дамиана на Козьмодемьяне улице (в Неревском конце Новгорода?). Последняя из записей определяет время, ранее которого книга не могла попасть в Витебск. Она сделана тем же почерком, что и восполнение утрат текста на подклейках из бумаги, датированной ок. 1667 г. (герб Германсдорфа — Лауцвицус, № 3435). Это исключает две вероятные возможности появления книг в Витебске в более раннее время: 1) военный трофей эпохи Смуты в Московском государстве; 2) пожалование монастырю со стороны русской администрации в период, когда Белоруссия была занята московскими войсками (в 1667 г. Витебск уже был возвращен Речи Посполитой, а кроме того, пожалованы бы, несомненно, были издания Московского

Печатного двора). Поэтому вероятнее всего предположить, что рукописные Минеи были приобретены монастырскими властями в Новгороде после заключения русско-польского перемирия. Весьма вероятно, что к новгородским покупкам принадлежит и июньский том со службой Иоанну Новому, поскольку его переплет XVII в. сходен с переплетом майского (пользуясь случаем поблагодарить Л. В. Мошкову за сообщенные ею кодикологические наблюдения над комплектом Маркова монастыря, сделанные в процессе описания служебных Миней вильнюсского собрания).

В наличии в Новгороде в начале XVI в. службы и жития Иоанну Новому нет ничего неожиданного, поскольку лишь немного позже пространное житие сучавского святого именно там послужило источником написания жития нового мученика — Георгия Софийского (см.: *Калиганов И. И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000. С. 61, 65, 66). В то же время новгородское происхождение кодекса не противоречит языковым наблюдениям С. Ю. Темчина (*Темчин.* Гимнографическое творчество... С. 163—169), поскольку в Новгороде (или для Новгорода) мог работать и пскович. Создание рукописи в Новгороде, помимо этого, гораздо лучше объясняет присутствие в томе службы Кириллу Белозерскому, чем исключительно смелая гипотеза о мифических связях Западной Руси через Новгород с северорусскими монастырями (*Морозова, Темчин.* Об изучении... С. 31). Связи Новгорода с «заволжскими» обителями устанавливаются лишь в последней четверти XV в., уже после присоединения этого центра к Москве, т. е. в те времена, когда «включенная в московский контекст новгородская традиция удаляется от литовско-польской церковнославянской культуры» (Там же. С. 32). При этом авторы абсолютно правы, говоря о бедности московской гимнографической традиции западнорусских рукописей (с. 31). Более того, это их наблюдение (на материале вильнюсской коллекции) можно существенно усилить. Как отмеченные ими примеры (службы Сергию Радонежскому и Кириллу Белозерскому, последняя из которых, разумеется, никакая не новгородская, а такая же «московская», как и первая, и при этом отнюдь не в «одном из наиболее ранних списков», как они думают — с. 31), так и по каким-то причинам пропущенные (службы Федору Ростиславичу Черному («Смоленскому», как известно, лишь по происхождению) в сентябрьской Минее № 140 и Исаяе, еп. Ростовскому, в майской Минее № 166) содержатся только в великорусских рукописях собрания. При этом ситуация в гимнографии решительно диссонирует с агиографической традицией, но этот вопрос, безусловно, требует самостоятельного исследования.

⁴⁹ Присутствие в этой рукописи (датируемой первой половиной XVI в., а не XV в., как сказано у Добрянского) большого числа житий великорусских святых (см.: *Добрянский.* Описание... С. 201—205) делает весьма вероятной (хотя и не обязательной) возможность того, что и похвала Симеону и Савве отражает здесь «московский» список, восходящий к оригиналу, принесенному вместе с житием Саввы в 1517 г. в Москву с Афона.

⁵⁰ О списках этого редкого в рукописной традиции памятника см.: *Русев П., Гъльбов И., Давидов А., Данчев Г.* Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София, 1971. С. 91—110.

⁵¹ Описание рукописи см.: *Panaitescu.* Manuscrisele slave... P. 245—248.

⁵² О рукописи см.: *Томова Е.* Сборник БСС, III, 26 от Библиотеката на Светия Синод в Букуреш // *Старобългарска литература.* София, 1994. Кн. 28—29. С. 119—124.

⁵³ В отличие от греческого оригинала похвалы ее славянский перевод остался неизвестен М. Н. Сперанскому (Сербское житие литовских мучеников // ЧОИДР. 1909. Кн. 1. С. 1—48) и Д. П. Огицкому (К истории виленских мучеников // Богословские труды. М., 1984. Т. 25. С. 226—246). Причина состоит прежде всего в том, что список 1438 г. был недоступен А. И. Яцимирскому во время его работы по описанию румынских хранилищ. Только в новейшей монографии, посвященной литовским мученикам (*Baronas D.* Trys

vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija. Vilnius, 2000. P. 149) памятник упомянут со ссылкой на автора этих строк, но текст остается неопубликованным.

⁵⁴ О памятнике и его русских списках см.: *Ангелов Б. Ст.* Из историята на старобългарската и възражденската литература. София, 1977. С. 57, 58, 60; *Турилов*. К вопросу о периодизации... С. 69. Примеч. 11; *Кукушкина М. В.* Произведения болгарских авторов в книжных центрах Северной Руси XVI—XVII вв. // Кирило-Методиевски студии (КМС). София, 1986. Кн. 3. С. 209.

⁵⁵ Другие списки памятника: РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, фонд., № 686, перв. четв. XVI в.; РГБ, Волоколамское собр., № 629, 1537 г.; Одесса, Гос. Научная б-ка, № 1/120, перв. пол. XVI в.; РГБ, собр. С. П. Строева, № 54, середина XVI в.; РНБ, Соловецкое собр., № 619/503; см. также: *Турилов*. К вопросу о периодизации... С. 71.

⁵⁶ О других списках см.: Там же. С. 70.

⁵⁷ Старший список в сборнике второй четверти XV в. — РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, фонд., № 754. О других списках см.: *Сергий, архиеп. (Спасский)*. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901 (репринт: М., 1997). Т. 1. Прилож. 13. С. 534. Примеч. 29; *Кукушкина*. Произведения... С. 209. Далее в первом издании статьи (с. 252, 272—273, примеч. 58) в числе болгарских житий, получивших известность в великорусской традиции XV—XVI вв. ошибочно упоминалось анонимное житие Варвара Мироточца, написанное в XIV в. (см. о нем: *Иванова К.* Житието на Варвар Мироточец Пелагонийски (Битолски) // *Palaeobulgarica*. 2000. № 2. С. 40—60), которое не следует смешивать с опубликованной (*Лопарев Х. М.* Описание рукописей Общества любителей древней письменности. СПб., 1892. Ч. 1. С. 344—346) проложной повестью. В реальности памятник сохранился только в славяно-молдавских списках XV—XVI вв., молдавским по происхождению является и неучтенный в работе К. Ивановой список XVI в. РГАДА, ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина), оп. 1, № 652, л. 202 об. — 246 об.

⁵⁸ Включено уже в Софийский список Великих Миней Четрых, законченный в 1539—1541 гг. (См.: *Казакевич А. Н.* Произведения старинной болгарской литературы в Четьях-минейх митрополита Макария (К изучению новгородского наследия в ВМЧ) // Руско-балкански културни връзки... С. 156.). Несколько более ранним временем датируется список в составе Миней витебского Маркова монастыря — БАН Литвы. Ф. 19. № 169 (см. выше).

⁵⁹ О записи см.: *Богдановић Д.* Њека запажања о руској редакцији Теодосијевог житија св. Саве // ЗМС за књижевност и језик. Нови Сад, 1975. Књ. 23. № 1. С. 249—251. Старший список записи — РНБ. Кир.-Бел. 30/1269 (см.: *Касакова Н. А.* Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 181. Примеч. 56; *Синицына Н. В.* Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. [Сб. 1]. С. 300; *Творогов*. Древнерусские хронографы... С. 185).

⁶⁰ По этой причине, например, житие св. Саввы, написанное Феодосием, в первом издании было приписано Доментину. См.: Живот светого Саве: Написао Доментијан / Трудом Ђ. Даничића. У Биограду, 1860 (репринт: *Теодосије Хиландарац*. Живот светого Саве / Издање Ђ. Даничића; Приредило и предговор написао Ђ. Трифуновић. Београд, 1973).

⁶¹ Только Д, Богданович (Њека запажања... С. 249—251) указывает 31 список в московских хранилищах. Значительно расширен этот перечень в статье Л. К. Гаврюшиной «Русская рукописная традиция жития Саввы Сербского» (Советское славяноведение. 1984. № 1. С. 68—82), где отмечено 80 полных списков памятника, не считая сокращений и перделок. Русские списки жития имеются даже в хранилищах Сербии, например: Белград, НБС, Рс 54. Сер. XVII в. (описание см.: *Штавьанин-Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Цернић Л.* Опис ћирилских рукописа Народне Библиотеке Србије. Београд, 1986. Књ. 1. С. 120—121, № 55).

⁶² Другие полные русские списки жития Стефана Дечанского: 1) РГБ, собр. ТСЛ, фонд., № 686, перв. четв. XVI в.; 2) Волоколамское собр. № 629, 1537 г.; 3) Там же. № 620, перв. пол. XVI в.; 4) Одесса, ГНБ. № 1/120, перв. пол. XVI в. Попутно отмечу неполноту сведений о русских списках и неточность их датировок в издании: *Давидов А., Данчев Г., Дончева-Панайотова Н., Ковачева П., Генчева Т.* Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. София, 1983. С. 57 (указаны лишь Одесский и Троицкий списки). О русской рукописной традиции жития деспота Стефана Лазаревича см.: *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки: Изследване и текст. София, 1986. С. 320—323 (№ 2, 4—7). Из них к пространной редакции помимо Волок. 655 относится еще Кирилло-Белозерский список № 31/1270 (см.: *Розанов С. П.* Житие сербского деспота Стефана Лазаревича и Русский Хронограф // Изв. ОРЯС. СПб., 1906. Т. 11. Кн. 2. С. 62—97; репринт: Константин Философ и ъегов Живот Стефана Лазаревича, деспота Српскога / По движема српско-словенским рукописима издао В. Јагић. Горни Милановац, 2004. Додатак 2. С. 1—36).

⁶³ См.: *Творогов.* Древнерусские хронографы... С. 182—185; *Наумов Е. П.* Сербские главы и разделы Русского Хронографа (Итоги и задачи исследования сербских источников хронографа редакции 1512 г.) // Руско-балкански културни врѝзки... С. 102—122 (исключительно полный историографический обзор проблемы по середине 1970-х гг. включительно); *Турилов А. А.* 1) Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 46—48; 2) Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV — первой четверти XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 1980. С. 12—21; 3) К вопросу о болгарских источниках Русского Хронографа // Летописи и хроники 1984. М., 1984. С. 20—24.

⁶⁴ См.: *Богдановић Д.* 1) Пролошко житије светог Саве у руском рукопису XVI в. // ЗМС за књижевност и језик. Нови Сад, 1975. Књ. 23. № 2. С. 256—258; 2) Житије Стефана Дечанског у руској редакцији XVI в. // Там же. Нови Сад, 1979. Књ. 25 (1977). № 2. С. 441—449 (То же // *Богдановић Д.* Студије из српске средњовековне књижевности. Београд, 1997. С. 273—284); *Турилов А. А.* Сцена убиения Стефана Дечанског в лицевом Житии Николы XVI в. и ее источник // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983. С. 230—231; *Ковачевић П.* Прилог проучвању пролошког житија Светог Саве у руској рукописној традицији // АП. Београд, 1988—1989. Књ. 10—11. С. 115—124.

⁶⁵ О списках см.: *Кувев, Петков.* Събрани съчинения... С. 320, 321, 323 (№ 2, 3, 7). Текст издан там же. С. 472—515. К этой редакции относится также список первой половины XVI в. РГБ. Волок. 620.

Сходная картина (с разницей лишь в том, что пространная редакция здесь несомненно преобладает) наблюдается и в отношении Феодосиева жития св. Саввы Сербского. Наличие сокращенной редакции памятника в русских списках отмечено еще в XIX в. (*Наумов.* Сербские главы... С. 108, 116); о списках см.: *Богдановић.* Њека запажања... С. 249. О влиянии текста жития на памятники русской литературы XVI—XVII вв. помимо Хронографа см.: *Гаврюшина Л. К.* 1) Из истории русско-сербских литературных связей (Житие Саввы Сербского и русские агиографы XVI в.) // Советское славяноведение. 1985. № 1. С. 76—81; 2) Житийные повести о Савве Сербском и сербско-русские литературные связи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.

⁶⁶ В ВМЧ чудеса помещены (в соответствии с двумя праздниками в честь св. Николая Мирликийского) дважды — под 6 декабря (Великие Минеи Четии... Декабрь, дни 6—17. СПб., 1904. Стлб. 645—660) и под 9 мая (*Казакевич А. Н.* Произведения... С. 156). Наиболее полный перечень списков и старопечатных изданий этих чудес при житии Николы см.: *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочине-

ний (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 379, 380, 531; *Иванова К.* Български, сръбски и молдоволахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981. С. 442, 449, 460; *Давидов, Данчев, Дончева-Панайотова, Ковачева, Генчева.* Житие... С. 58—61, № 9—16; *Петровић Д.* Једна мало позната прерада Цамблаковог Житија Стефана Дечанског // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1985. Књ. 14/1. С. 189—194; *Кенанов Д.* Сочинения Григория Цамблака в старопечатной славянской книге // Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовознаўства и літаратуразнаўства: Матэрыялі XXV Міжнароднага канф. Віцебск, 1997. Ч. 2. С. 228—230.

⁶⁷ *Творогов.* Древнерусские хронографы... С. 188—207 (Гл. VII).

⁶⁸ О памятнике см.: *Петков Г.* Стишнийят пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV—XV вв.): Археография, текстология и издание на проложни стихове. Пловдив, 2000. С. 21—58, а из более ранних работ: *Яцимирский А. И.* Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам // Изв. ОРЯС. СПб., 1916. Т. 21. Кн. 1. С. 28—44; *Богдановић Д.* Две редакције Стишовног пролога у рукописној збирци манастира Дечана // Упоредна истраживања. Београд, 1977. Књ. 1. С. 37—72.

⁶⁹ *Петков.* Стишнийят пролог... С. 46—47.

⁷⁰ Подробнее см. об этом: Там же. С. 38—40, 89—100, 128—134, 143—190, 468—520; *Турилов А. А.* К истории Стишного пролога на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2006. № 1. С. 70—75 (см. также наст. изд.).

⁷¹ Например, повесть о перенесении мощей Вячеслава Чешского (4 марта), поучение Климента Охридского на предпразднество Благовещения и на Благовещение, и др. Но дополнения проведены здесь непоследовательно (см. подробнее: *Турилов.* К истории Стишного пролога... С. 72).

⁷² Старший список-комплект РГБ, собр. ТСЛ, фонд., № 715, 717, 720 (ок. 1429 г.). О составе дополнительных статей см. подробнее: *Петков.* Стишнийят пролог... С. 143—190, 468—520; *Турилов.* К истории Стишного пролога... С. 73—74.

⁷³ Старший пример дает, очевидно, кирилло-белозерский список 1452 г. (РНБ, Кир.-Бел. 1/1240), представленный хотя и единственным, но несомненно кварталным (декабрь-февраль) томом (троицкий комплект состоит из неравных третей).

⁷⁴ Это свойство всей южнославянской традиции XIV—XVII вв.

⁷⁵ См. подробнее: *Петков.* Стишнийят пролог... С. 143—190, 468—520; *Турилов.* К истории Стишного пролога... С. 72—75.

⁷⁶ См.: *Турилов.* Оригинальные южнославянские сочинения... С. 40—44; *Петков.* Стишнийят пролог... С. 143—190; Ср.: *Жуковская Л. П.* Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание. IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1983. Табл. 2.

⁷⁷ Другое мнение о датировке списка: *Жуковская Л. П.* О якобы датированных списках стишного пролога XV в. // История русского языка: Памятники XIV—XVIII вв. М., 1982. С. 74—121. Образцы почерка рукописей см.: *Петков.* Стишнийят пролог... С. 551—555, а также (под соответствующими номерами) на сайте <http://www.stsl>

⁷⁸ Краткое описание рукописей см.: *Никольский А. И.* Описание рукописей, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1906. Т. 2. Вып. 1. С. 29, 31—33 (южнославянские статьи в описании не отмечены). При этом следует иметь в виду, что спасо-каменный комплект не однороден в отношении набора учительных статей — Г. Петков (Стишнийят пролог... С. 133—134, 508—520) справедливо констатирует его со-владение в этом отношении (по крайней мере, для весенне-летних томов, лишенных южнославянских житий) с новгородской разновидностью.

⁷⁹ См.: Турилов. Оригинальные южнославянские сочинения... С. 41—43; Петков. Стишний пролог... С. 38—39.

⁸⁰ Краткое описание комплекта см.: *Никольский*. Описание... СПб., 1910. Т. 2. Вып. 2. С. 747—751 (не отмечено, что это стилизованная редакция); роспись статей за сентябрь-февраль приведена Г. Петковым (Стишний пролог... С. 143—169). По составу южнославянских статей комплект совпадает со списком 1532 г. (РНБ, Соф. № 1327), положенным в основу Великих Миней Четых (см.: *Казакевич*. Произведения... С. 159).

⁸¹ В монографии Г. Петкова данная редакция, к сожалению, не учтена. Некоторые наблюдения, в связи с классификацией списков, содержатся в работе Л. П. Жуковской «Текстологическое и лингвистическое исследование...», табл. 2: «Уваровско-хутынский вид» (вильнюсские списки здесь не использованы, и для исследования привлечена только сентябрьская половина Пролога). Принадлежность Уваровского и Егоровского списков (см. ниже) к одной редакции с положенным в основу вильнюсского (луцкого) комплекта 1530—1531 гг. (см. ниже) установлена автором этих строк (некоторые наблюдения см.: Турилов. К истории Стишного пролога... С. 72—73). Ряд ценных наблюдений в отношении списка 1530 г. БАН Литвы, ф. 19, № 96 см.: *Чистякова М. В.* Текстология вильнюсских рукописных Прологов (сентябрь-ноябрь). Вильнюс, 2008. С. 84—96.

⁸² В первом издании статьи я, вслед за Л. П. Жуковской, датировал кодекс 1470-ми гг. Сейчас, однако, нет сомнений, что рукопись составляет единый комплект с мартовским полугодием из собрания БАН Литвы, ф. 19, № 100, датируемом на основании записи писца (см. ниже). Они написаны на бумаге с одним водяным знаком — «голова быка под пятилепестковой розеткой, с треугольником под подбородком» (см.: *Морозова Н.* Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: Каталог. Вильнюс, 2008. С. 163, табл. 53); С. Ю. Темчин (устное сообщение) отождествляет и почерки рукописей. На связь уваровской рукописи с Супраслем указывает еще один памятник рубско-западнорусских связей — находящееся на вставных листах середины XVI в. (л. 478—479) житие Антония Супрасльского, афонского инока, замученного турками в Салониках за оскорбление ислама, неизвестное до последнего времени сочинение первой четверти XVI в. (об Антонии и его житии см. подробнее: Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 680. Новейшее исследование уваровского списка см.: *Чистякова М. В.* Текстологические особенности стишного пролога ГИМ, Увар. 56 // *Slavistica Vilnensis*. Vilnius, 2010. Kalb. 55 (2). S. 46—62.

⁸³ Некоторые данные о рукописи см.: *Мицько І.* Святоуспенська лавра в Уневі (кін. XIII ст. — кін. XX ст.). Львів, 1998. С. 58. Попутно пользуюсь случаем исправить здесь свою собственную оплошность. В статье 1995 г. (Турилов. Болгарские литературные памятники... С. 39) я упомянул кодекс как пример отсутствия в западнорусских стишных прологах учительной части. В реальности она имеется, и достаточно развитая.

⁸⁴ Краткое описание рукописи см.: *Добрянский*. Описание... С. 198—199. Здесь не отмечено, что Пролог относится к стишной редакции, а в дату рукописи, переведенную на летосчисление от РХ, вкралась опечатка — 1406 вм. 1496. Несмотря на то, что кириллическая дата «от сотворения мира» приведена правильно (7004 г.), ошибочная кочует по страницам работ, посвященных истории рукописной книги (см.: *Розов Н. Н.* Книга в России в XV в. Л., 1981. С. 28, 127, 135; *Никалаеў М.* Палата кнігапісная: Рукіпісная кніга на Беларусі у X—XVIII ст. Мінск, 1993. С. 93).

⁸⁵ Краткое описание комплекта см.: *Добрянский*. Описание... С. 195—198, 199—201. Запись о написании декабрьско-февральского тома (№ 97), с датой и местом создания и окончанием последней февральской статьи приплетена к майско-августовскому (№ 101 — см.: Там же. С. 199—200). Тома написаны на одной бумаге, но разными писцами. Написание в Луцке сентябрьско-ноябрьского тома (№ 96) указывает доксологическая формула

на л. 580 с упоминанием Иоанна Богослова (Там же. С. 196), которому посвящен городской кафедральный собор. Ф. Н. Добрянский отождествлял писца маргзовской половины комплекта (№ 98, 101) с дьяконом Иоакимом, участвовавшим в 1512 г. в Новогрудке в написании нестишного Пролога на сентябрь-февраль (Там же. С. 196—199) в той редакции, которая наряду со стишной была положена в основу луцкого комплекта. Нельзя согласиться с недавно высказанным вильнюсскими исследователями мнением (*Морозова Н., Темчин С.* Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500—1532 гг.) // *Z dziejów monasteru Supraskiego: Materiały międzynarodowej konferencji naukowej «Supraski monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy I jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej I dziejach państwa».* Supraśl; Białystok, 2005. С. 129, 139, примеч. 56), что № 101 относится к комплекту 1512 г. В данном случае они руководствуются прежде всего формальными подсчетами на основании монастырской описи 1557 г., не учитывая того обстоятельства, что новогрудский комплект 1512 г. и луцкий 1530 г. содержат разные редакции Пролога (см. выше).

⁸⁶ В описании Ф. Н. Добрянского статья не отмечена. У меня, к сожалению, не отмечены листы егоровского списка, поскольку ОР РГБ на протяжении последних лет был недоступен для посещения.

⁸⁷ См.: *Рогов.* Петка... С. 165; *Naumow.* Wiara i historia... S. 51. Вопрос о достоверности этой гипотезы рассмотрен ниже.

⁸⁸ В Стишном прологе этой редакции отсутствует житие Евфросинии Полоцкой (23 мая). В луцкую компилятивную редакцию (№ 98) житие попало из нестишного Пролога — ср. список первой половины XVI в. БАН Литвы. Ф. 19. № 99. Л. 188 об. — 190.

⁸⁹ Русские статьи этой редакции Пролога, включая повести из Киево-Печерского патерика, отмечены в описании Ф. Н. Добрянского. См. с. 195—201.

⁹⁰ Здесь уместно вспомнить ситуацию с избранием Григория Цамблака киевским митрополитом, когда с той же целью на «большом» саккосе митрополита Фотия были помещены изображения (древнейшие из известных) виленских мучеников как символ единства митрополии (см.: Средневековое лицевое шитье: Византия, Балканы, Русь / Каталог выставки. М., 1991. С. 45—51, № 10).

⁹¹ Эта редакция жития Сергия датируется в современной литературе не ранее 1443—1445 гг. (См.: *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского: Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты. М., 1998. (= Избранные труды. Т. 1.) С. 190, 170). Попутно, в связи с наличием памятника в уваровском списке ок. 1496 г., следует отметить неточность автора, констатирующего отсутствие этого жития в составе Пролога до XVI в. (Там же. С. 190.).

⁹² *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. 2-е изд. М., 1903. С. 70—71.

⁹³ Всего стихами в этой редакции сопровождаются 18 русских житий (перечисляю их по вильнюсскому комплекту): 1) Убиение кн. Глеба (5 сентября); 2) Убиение князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора (19 сентября); 3) житие Сергия Радонежского (25 сентября); 4) житие Варлаама Хутынского (5 ноября); 5) житие виленских мучеников (14 апреля); 6) перенесение мощей Бориса и Глеба (2 мая); 7) житие Феодосия Печерского (3 мая); 8) перенесение мощей Николы в Бари (9 мая); 9) перенесение мощей митр. Алексия (20 мая); 10) житие Леонтия Ростовского (23 мая); 11) житие Антония Печерского (10 июля); 12) житие княгини Ольги (11 июля); 13) житие варягов-мучеников (12 июля); 14) житие князя Владимира (15 июля); 15) убийство Бориса и Глеба (24 июля); 16) перенесение мощей Феодосия Печерского (14 августа); 17) житие Авраамия Смоленского (20 августа). Стоит отметить, что двустишие Варлааму почти полностью соответствует первым двум (из трех) стихам Сергию, а двустишие на память князя Глеба целиком включено в стихи братьям-мученикам 24 июля.

⁹⁴ Текст послания издан: *Седельников А. Д.* «Послание от друга к другу» и западнорусская книжность XV в. // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. гуманитарных наук. Л., 1930. № 4. С. 223—225; Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. М., 1960. С. 610—611; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. (РФА) М., 1986. Ч. 1. С. 196—197. № 56. Памятник принято датировать временем между 1462 и 1472 гг. (РФА. Ч. 5. М., 1992. С. 1007). Показательно, что в статье Н. А. Морозовой и С. Ю. Темчина этот текст даже не упоминается, что вполне соответствует общей направленности работы, призванной продемонстрировать кардинальные отличия в книжной традиции Москвы и ВКЛ и отсутствие каких-либо связей между ними. Вопрос о книжных связях Западной Руси с Северо-Восточной (не только с Москвой, но и с такими центрами, как Тверь, Нижний Новгород, Рязань) на материале оригинальных русских сочинений и переводных не входит в задачи данной статьи, хотя свидетельств о них (демонстрирующих, что они были по крайней мере не менее интенсивными, чем западнорусские связи с Новгородом) имеется вполне достаточно (см.: *Рогов А. И.* Супрасль... С. 327—328; *Пацуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 153, 158, 159, 169—171).

⁹⁵ Из этой просьбы не следует, конечно, что ситуация с книгописанием в ВКЛ на рубеже второй и последней трети XV в. была столь безнадежной, что одно из значительнейших лиц в администрации княжества вынуждено было искать обычные богослужебные книги за пределами своей страны (да, кажется, никто из исследователей таким образом ее и не трактовал). Показательно, однако, направление поисков Якубом исправных и авторитетных списков (Москва, а не, к примеру, Молдавия), предвосхищающее аналогичные акции XVI в., такие как миссия Исайи Каменчанина или просьба о присылке списка Геннадиевской библии при подготовке к печати Острожской.

⁹⁶ Такая (ложноэтимологизированная) форма названия этой книги отсутствует в словарях древнерусского языка (таких как «Материалы» И. И. Срезневского и Словарь русского языка XI—XVII вв.), но встречается в памятниках письменности по крайней мере с XVI в. См., например: «Сию книгу Прилог приказал дати...» — РГАДА. Ф. 181. № 710, запись второй половины XVI в. (Каталог XV в. С. 181); «...книгу Прилог Введению Пречистой...» — Там же. № 651, вкладная конца XVI — начала XVII в. (Каталог XV в. С. 70); ср.: «Прелог» в записи писца луцкого Пролога 1530—1531 гг. (*Добрянский.* Описание... С. 196).

⁹⁷ РФА. Ч. 1. С. 197.

⁹⁸ Примеры истолкования этого испорченного текста см.: *Немировский Е. Л.* Начало славянского книгопечатания. М., 1971. С. 17; РФА. Ч. 5. С. 1008.

⁹⁹ В скорописи буква С, начинающая слово «стисеми», могла быть написана выносной, под крышкой высокого (возможно, одностороннего — в форме цифры 7) Т. В этом случае верх Т мог быть воспринят копиистом как титло, а следующая буква (И) как прямоугольное (составленное из двух треугольников) В.

¹⁰⁰ Следует заметить, что в Западной Руси в XV—XVI вв. переписывались и нестишные Прологи, несомненно восходящие к великорусским. Таков, например, Пролог, положенный наряду со Стишным в основу комбинированной луцкой редакции (см. выше). В вильнюсской коллекции он представлен сентябрьским томом, переписанным в 1512 г. в Новоградке или Вильне (Ф. 19, № 95), и мартовским примерно того же времени (№ 99), происходящими из разных комплектов. Работая в 1997—1998 гг. с сентябрьским томом, я полагал, что имею дело с памятником, представляющим сугубо местную традицию. Позднее, при обращении к мартовской части, стало ясно, что редакция имеет более сложное происхождение. № 99 содержит не только домонгольское житие Леонтия Ростовского (хотя и оно до XV в. представлено только списками из Северо-Восточной Руси), но и житие ростовского же епископа

на Игнатия, скончавшегося в 1288 г. (Л. 201—202), памятник уже вполне региональный, написанный, по всей видимости, вскоре после преставления святителя (ср.: СККДР. Т. 1. С. 150—151). Разумеется, более чем двухсотлетний интервал между созданием этого жития и включающим его списком Пролога не позволяет сколь-либо надежно датировать время перехода сборника с северо-востока на запад Руси. Помещенное здесь же в мае (23) житие Евфросинии Полоцкой (Л. 188 об. — 190) было внесено в Пролог уже на новом месте. Конечно, учитывая полоцко-тверские (Андрей, епископ Тверской) и ростовско-тверские (брак князя Михаила Ярославича с ростовской княжной) связи рубежа XIII—XIV вв., нельзя полностью исключить возможности, что это произошло еще в Северо-Восточной Руси, но против этого свидетельствует отсутствие жития полоцкой княжны в бесспорно северо-восточной традиции Пролога. Однако ростовское происхождение архетипа этой редакции отнюдь не ставит под сомнение интенсивную компилятивную деятельность западнорусских книжников на рубеже XV—XVI вв., связанную с расширением учительной части сборника.

¹⁰¹ См.: *Макарий, митр. (Булгаков)*. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 5 (Т. 9). С. 28—30.

¹⁰² В собрании бывшей Виленской публичной библиотеки (БАН Литвы. Ф. 19) хранится сборник первой трети XVI в. (но не XV в., как полагал Ф. Н. Добрянский), восходящий к рукописи, написанной при митрополите Феодосии и даже содержащий многолетие этому святителю (*Добрянский*. Описание... С. 202—203, № 102).

¹⁰³ Библиографию работ см.: *Naumow. Wiara i historia...* S. 52, 54, 56.

¹⁰⁴ Служба Савве Сербскому (с двумя канонами, написанными хиландарским монахом Феодосием), вопреки мнению А. Наумова (*Naumow. Wiara i historia...* S. 54), представлена западнорусскими списками, во всяком случае белорусскими. Старший из известных (БАН Литвы. Ф. 19. № 156. Л. 69г—78г) датируется ок. 1487 г. и происходит из Жировицкого монастыря. Рукопись не имеет записи писца, но еще Ф. Н. Добрянский справедливо отождествил его с дяком Сенькой из Смоленска, переписавшим том на март-апрель (№ 161) того же собрания (*Добрянский*. Описание... С. 287). Служба помещена под 12 января и, возможно, поэтому в описании Добрянского (с. 285) не отмечена (пользуюсь случаем поблагодарить Л. В. Мошкову, указавшую мне на нее). Другой достаточно ранний западнорусский список находится в Минске на январь (ГИМ. Син. 185), переписанной в 1504 г. в Полоцкой епархии (*Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 3 (Книги богослужебные). Ч. 2. М., 1917 (= ЧОИДР. Кн. 4). С. 107—108. № 455; под 14 января). Любопытно, что в супрасльском комплекте Минеи служебных второй четверти XVI в. из вильнюсского собрания, восходящем к ресавскому оригиналу афонского происхождения (см. ниже), служба отсутствует. Наиболее полные сведения о службах Савве и Арсению Сербским в великорусской (и восточнославянской в целом) традиции см.: *Смирнов С. Н.* Сербские святые в русских рукописях // Юбилейный сборник Русского Археологического общества в Королевстве Югославия. Белград, 1936. С. 161—261.

¹⁰⁵ В целом корпус южнославянских гимнографических текстов, содержащийся в восточнославянских рукописях XV—XVI вв., отражает некую максимально усредненную ситуацию. Среди них практически отсутствуют памятники, не зафиксированные болгарскими и сербскими списками или редкие в них. Это свидетельствует об отсутствии прямых связей русских книжников с центрами локальных культов на Балканах и о движении гимнографических сочинений на Русь через интернациональные монашеские центры (т. е. прежде всего через Афон), где региональные особенности были уже сильно нивелированы.

¹⁰⁶ См.: *Дылевский Н. М.* Рыльский монастырь... С. 60—111.

¹⁰⁷ О памятнике см.: *Ангелов*. Из историята... С. 60—65.

¹⁰⁸ Старший из известных мне русских списков находится в Минее новым чудотворцам конца XV — начала XVI в. (РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 3811. Л. 69—78 об.). Описание рукописи см.: *Никольский*. Описание... Ч. 2. Вып. 2. С. 598—600; о датировке — *Булаков М. Б.* О датировке рукописей XIV—XVI вв. ЦГИА СССР // Советские архивы. 1974. № 1. С. 100. Кодекс происходит из собрания новгородского Антониева монастыря.

¹⁰⁹ *Naumow. Wiara i historia... S. 52.*

¹¹⁰ Практически неисследованным памятником связей Супрасльского монастыря с Афоном является комплект Миней служебных второй четверти XVI в. вильнюсского собрания (Ф. 19. № 142, 145, 154, 163, 170, 173 — сентябрь, октябрь, январь, апрель, июль, август). В орфографии все они (в разной степени — порой буквально) следуют ресавскому оригиналу, что для восточнославянской традиции (в отличие от воспроизведения тырновских норм) довольно большая редкость. Свидетельство афонского происхождения архетипа этих Миней носит косвенный, но неопровержимый характер. На это, в частности, недвусмысленно указывает приписка в октябрьском томе, в конце службы мч. Иерофею (№ 145. Л. 19), автоматически перенесенная из оригинала: «Сию не писаше изво(д) лаврськыи, но исписах от стихираре, темь и бо(г) не имать» (обнаружена Л. В. Мошковой при описании кодекса). То, что здесь имеется в виду афонская Великая Лавра Св. Афанасия (а не Киево-Печерский монастырь, как можно было бы предполагать (хотя и с натяжкой, игнорируя, в частности, особенности орфографии), учитывая связи Супрасля с Киевом), подтверждается наличием той же записи (возможно, тоже копийной), сделанной писцом на поле служебной Миней на сентябрь-октябрь первой трети XV в. (так называемая «Миней попа Милоша» — Z-55. Л. 139) из библиотеки этого святогорского монастыря (см.: *Huxorputic K.* Нови сведения за неизвестни южнославянски книжовници, ръкописи и преписи от атонските манастири // КМС. София, 1986. Кн. 3. С. 198). К сожалению, в каталоге славянских рукописей Великой Лавры эти сведения не учтены (см.: *Matejić M., Bogdanović D.* Slavic Codices of the Great Lavra Monastery. Sofia, 1989. P. 527—536), к слову, хуже здесь прочитана и запись писца. Возможно, столь же копияный характер носит и киноварная помета на сентябрьском томе супрасльского комплекта (БАН Литвы, ф. 19, № 142. Л. 81 об.), также обнаруженная Л. В. Мошковой: «Зде почах писати от извода Вениаминова». Афонский и супрасльский кодексы имеют сходство и различие в составе. В обоих служба Арсению Сербскому (28 октября) приписана в самом конце, но в афонском лаврском есть служба Параскеве-Петке, помещенная между сентябрем и октябрем, а в супрасльском комплекте ее нет ни в сентябрьском, ни в октябрьском томах.

¹¹¹ Таковы, к примеру, для октября миней: Афон, Зограф, № 62, третья четверть XVI в., среднеболг. (*Райков, Кожухаров, Миклас, Кодов*. Каталог... С. 56; славянские статьи отсутствуют); уже упоминавшаяся (см. примеч. 110) Миней попа Милоша; РГАДА. Ф. 188. № 1379, 1466—1467 г., Молдавия (Каталог РГАДА... С. 143—145; служба Петке, проложное житие Иоанна Рьльского, повесть о мошах Илариона Мегленского); РГБ. Ф. 178. № 3739. Ок. 1525—1526 г., Молдавия (Музейное собрание рукописей: Описание. М., 1997. Т. 2. С. 217—218; проложное житие Иоанна); София, НБКМ. № 906, нач. XVI в., ресавск. (*Христова, Караджова, Икономова*. Български ръкописи... С. 106. № 264; службы Петке и Арсению Сербскому); София, Церковный историко-археологический музей. № 1485. 1602 г., ресавск. (Там же. С. 152. № 413; совпадает с рукописью РГАДА). Служба Иоанну Новому в собственно южнославянских рукописях, вне славяно-молдавской традиции, не встречается. Наличие в минеях проложных житий при отсутствии соответствующих служб объясняется тем, что в Минее служебные по Иерусалимскому уставу после 6-й песни канона включались все статьи Стишного пролога, приходящиеся на этот день.

¹¹² Списки второй четверти XVI в. — РГБ. Ф. 218. № 144 (Ангелов. Из историята... С. 60—61) и Ярославль, Музей-заповедник, № 410 (Турилов. К вопросу... С. 69. Примеч. 11) — восходят, несомненно, к общему архетипу. Нестандартность помещения этой службы в Минее Четвѣй указывает на особое внимание к культуре святого в том центре, где писался этот архетипный кодекс.

¹¹³ См., например: ГИМ. Син. 677. Л. 110—120; № 317. Л. 60—66; № 885. Л. 76 об. — 84 (Горский, Невоструев. Описание... Отд. 3. Ч. 2. С. 174. № 485; С. 195. № 486; С. 211. № 488).

¹¹⁴ См. примеч. 108. Л. 368 об. — 383.

¹¹⁵ На это указывает хотя бы количество списков в относительно небольшом кириллическом рукописном фонде Польши (см.: *Naumow. Wiara i historia...* S. 49).

¹¹⁶ Весьма показательна разница в судьбах иконографии этой святой на западнорусских землях и в Московской Руси (см.: *Рогов. Петка...* С. 165—181).

¹¹⁷ О великорусских списках службы см.: *Смирнов. Сербские святые...*

¹¹⁸ См.: *Naumow. Wiara i historia...* S. 49—50.

¹¹⁹ Исключение составляет список последней четверти XV в. в составе Минее праздничной (РГАДА. Ф. 181. № 626. Л. 222—225), несомненно западнорусской по письму, которую Н. Н. Дурново считал южновеликорусской или восточнобелорусской (*Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. 2-е изд. М., 1969. С. 82. № 216*). Однако наличие в Минее служб Сергию Радонежскому, Варлааму Хутынскому и митрополиту Алексию (см.: Каталог РГАДА... С. 165. № 55) свидетельствует, что рукопись либо восходит к великорусскому оригиналу, либо написана в Московской Руси выходцем из ВКЛ.

Картину, сходную с рукописной традицией службы, дают и западнорусские иконы с изображением Параскевы-Петки, среди которых (западно)украинские по меньшей мере преобладают (См.: *Рогов. Петка...* С. 165—174).

¹²⁰ Вышли издания: Киев, 1619; Львов, 1632, 1638, 1643, 1651 (см.: *Запаско Я., Исаевич Я. Памятки книжкового мистецтва. Каталог стародруків, виданих на Україні Львів, 1981. Кн. 1. № 120, 227, 259, 313, 378*), не говоря о более поздних.

¹²¹ *Рогов. Петка...* С. 165.

¹²² *Naumow. Wiara i historia...* S. 51.

¹²³ См., например: *Флоря Б. Н. Кирилло-мефодиевские традиции и униатская иерархия первой половины XVII в. // Слово и культура: Памяти Н. И. Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 387—393.*

¹²⁴ Заголовок Жития Параскевы с повестью в рукописях: «Житие и жизнь преподобные матери нашея Парасковгеи съписаное Еуфимием патриархом Тръновским. К концу же слова и перенесена бысть во славную Срьбскую землю, съписано Григорием Цамблаком» (*Добрянский. Описание...* С. 92. № 70).

¹²⁵ Располагая Кревза (или его последователи) об этом точными сведениями, он непременно сделал бы ссылку на конкретный источник. Мнение о недостоверности этого свидетельства XVII в. высказывает и Ф. Томсон (см.: *Thomson F. J. Gregory Tsamblak: The Man and the Myths. Gent, 1998 (= Slavica Gandensia. Vol. 25/2). P. 72.*

¹²⁶ Свидетельством более ранней (по крайней мере локальной) известности Параскевы-Петки в Галицко-Волынской Руси служит ее память в месяцеслове, прибавленном в конце XIII или начале XIV в. к Галицкому Евангелию 1144 г. — ГИМ. Син. 404. Л. 245 (см.: *Турилов А. А. Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. // Palaeobulgarica. 1999. № 1. С. 16. Примеч. 2; Лосева О. В. Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 82*). Однако ее появление здесь (равно как и памяти Иоанна Рыльского на том же листе) объясняется тем, что писец попросту скопировал месяцеслов из болгарской ру-

кописи — в дальнейшем это не имело для восточнославянской традиции никаких последствий (Там же. С. 82—83).

¹²⁷ См.: *Леонид, архим. (Кавелин)*. Сведения о славянских... рукописях, поступивших... в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. М., 1887. Вып. 2. С. 306—310; *Турилов*. Оригинальные южнославянские сочинения... С. 42.

¹²⁸ См.: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 94.

¹²⁹ Такому установлению почитания обязательно должно было предшествовать прине- сение на Русь если не мощей преподобной (как в случае с Сербией), то по крайней мере каких-то связанных с нею реликвий. Об этом, однако, в источниках нет никаких известий.

¹³⁰ См. примеч. 127.

¹³¹ Наиболее полный, хотя, разумеется, далеко не исчерпывающий перечень сведе- ний приведен в работе С. Н. Смирнова «Сербские святые в русских рукописях» (см. при- меч. 104), где собраны также данные и о болгарских святых.

¹³² *Naumov. Wiara i historia...* S. 54, 55.

¹³³ Старший список (вместе с житием преп. Филофеи — см. выше) — РГБ, собр. ТСЛ, № 754, втор. четв. XV в.

¹³⁴ Старший известный мне список — РГБ., Волок. 644, конец XV (?) — начало XVI в.

¹³⁵ Старшие списки: 1) РНБ, собр. Погодина, № 876, в дополнениях к Патерику Азбучному и Иерусалимскому, начало XV в. Л. 314 об. — 321. Происхождение кодекса неизвестно, орфография с очень сильным среднеболгарским влиянием (*Иванова*. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи... С. 451—452; рукопись датирована здесь концом XIV в.); 2) Ярославль, Музей-заповедник, № 15479. Рукопись аналогичного состава того же времени. Л. 301—304. Происходит из собрания ярославского Спасо-Преображенского монастыря, для которого, судя по косвенным данным, и писалась. В печатном описании (*Лукьянов В. В.* Краткое описание коллекции Ярославского областного краеведческого музея. Ярославль, 1958 (= Краеведческие записки. Вып. 3). С. 187. № 746 — датирована второй половиной XIV в.) наличие послания не отмечено. Число позднейших восточно-славянских списков текста с трудом поддается учету.

¹³⁶ Исследованию текстов по этим спискам посвящена статья Д. Кенанова «Небесните знамения на Честния Кръст: Евтимиевото похвално слово за светите Константин и Елена в супрасълски ръкопис» (KWSS. Т. 2. S. 204—216; публ. текста — S. 217—229).

¹³⁷ Текст издан по списку из собрания Ф. А. Толстого (РНБ. F.I.211. Л. 414—421): *Палаузов С. Н.* Грамота патриарха Каллиста как новый источник по истории болгарской церкви // Известия II Отделения имп. АН. СПб., 1858. Т. 7. С. 149—160 (То же // *Палаузов С.* Избрани трудове. София, 1974. Т. 1. С. 343—359). О содержании подробнее см.: *Сърку П. А.* К истории исправления книг в Болгарии. СПб., 1899. Т. 1. Вып. 1. С. 278—292; *Златарски В.* История на Българска държава през Средните векове. София, 1971. Т. 3. С. 596—602.

¹³⁸ 1) РНБ. F.I.211. Л. 414—421 (Описание рукописи см.: *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание словено-российских рукописей... Ф. А. Толстого. М., 1825. Отд. 1. С. 125); 2) РГБ, собр. Е. Е. Егорова (ф. 98). № 470, посл. четверть XV в., л. 333—339 (печатного описания рукопись не имеет).

¹³⁹ О списках сборника см.: *Дончева-Панайотова Н.* Сборниците «Книга Григория Цамблака» — възникване, съдържание, разпространение // Търновска книжовна школа. София, 1984. Кн. 3 (Григорий Цамблак. Живот и творчество). С. 29—50; *Она же*. Григорий Цамблак и българските литературни традиции в Източна Европа XV—XVII в. Велико Търново, 2004. С. 246—281.

¹⁴⁰ О петербургских списках см.: *Иванова*. Български, сръбски и молдо-влахийски кирил- ски ръкописи... С. 442, 445—448, 450, 452, 454—455, 457—460, 472, 473, 484; *Трифорова А.*

Слова на Григорий Цамблак в ленинградските хранилища // Старобългарска литература. София, 1984. Кн. 16. С. 97—120; о рукописной традиции в целом — *Бегунов Ю. К.* Творческое наследие Григория Цамблака. Велико Търново, 2005. С. 86—121.

¹⁴¹ Текст известен в единственном списке первой половины XVI в. — БАН Литвы. Ф. 19. № 105. Л. 364—367 об. Описание см.: *Добрянский.* Описание... С. 221—228. Издание текста: *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сб. ОРЯС. СПб., 1907. Т. 82. Кн. 4. С. 148—152; новейшее исследование (с библиографией): *Thomson. Gregory Tsamblak...* P. 89—94.

¹⁴² Общее число списков, с первой четверти XV в. и до поздней старообрядческой традиции, исчисляется без преувеличения сотнями (см. примеч. 140).

¹⁴³ Здесь уместно напомнить эпитафию Григорию в Никоновской летописи: «книжен зело, изучен убо книжной мудрости всяцей из детства, и много писания сотворив» (ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11 [репринт: М., 1965]). С. 235.

¹⁴⁴ Новейшее исследование сборника см.: *Дончева-Панайотова.* Григорий Цамблак... С. 246—281.

¹⁴⁵ Старший список (РГБ, собр. Никифоровых, № 31) датируется по филиграммам 1440ми гг. (Там же. С. 251).

¹⁴⁶ О памятнике и его списках см.: *Фотий, митр. Киевский и Всея Руси.* Сочинения («Книга глаголемая Фотиос»). М., 2005. С. 7—73.

¹⁴⁷ См.: *Дончева-Панайотова.* Григорий Цамблак... С. 246—281.

¹⁴⁸ Отчасти это объясняется также чрезвычайно малым числом выявленных бесспорно западнорусских рукописей до третьей четверти XV в.

¹⁴⁹ Анализ этого списка, отражающего, возможно, начальный этап формирования «Книги Цамблак», был посвящен доклад А. Бояджиева и К. Ивановой на конференции в августе 1999 г. в Софии (см.: *Йорданова М.* Международна конференция «Григорий Цамблак — исихаст, писател, църковен деятел» // Старобългарска литература. София, 1999. Кн. 31. С. 133—134. О рукописи см. также: *Иванова К.* Български, сръбски и молдоволахийски кирилски ръкописи... С. 467).

¹⁵⁰ Краткое описание кодекса см.: *Čertorickaja T. V.* Vorläufiger Katalog kirchenslavischen Nomilien des beveglichen Jahrescyklus. Kleve, 1994. S. 549. № 9.003.

¹⁵¹ Выписка «Григория Самбака (!) от слова цветного» (т. е. из Слова в Неделю ваий) читается в Торжественнике триодном (ГИМ, собр. Уварова, № 894-4^о. Л. 354 об.), переписанном в 1473—1477 гг. известным кирилло-белозерским книжником Ефросином (см.: *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 215—242). В описи библиотеки этого монастыря конца XV в. помимо книги «Григорьи Самблак» значилось десять слов этого автора в составе разных сборников (см.: *Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897. С. 7, 20, 38, 66, 69, 76, 80, 88).

¹⁵² О сборнике см.: СККДР. Т. 2. Вып. 2. С. 307—309; *Čertorickaja T. V.* Vorläufiger Katalog... S. 672—673, № 11.046. Слово на Вознесение включено в лицевой Торжественник триодный конца XV в. из собрания Гос. архива Тверской обл. (№ 1028), также названный в заглавии «Книга Рай». См.: *Попов Г. В.* Пути развития тверского искусства в XVI — начале XVI в. // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв. М., 1970. С. 353—355.

¹⁵³ См.: *Бегунов Ю. К.* С. Достаточно сказать, что его творения (и в том числе «Книга Цамблак» как единый комплекс) были включены в Великие Минеи Четьи — см.: *Казакевич.* Произведения... С. 156—157 (разумеется, автор заблуждается, полагая, что список «Книги Цамблак» в составе ВМЧ является «единственным ранним сборником произведений зна-

менитого проповедника, дошедшим до нашего времени», т. к. только списков XV в. сейчас насчитывается 4 — см.: ПС XV. № 1500, 2137, 3206, 3207; *Дончева-Панайотова*. Григорий Цамблак... С. 251, 255, 259, 261—262).

¹⁵⁴ О наборе среднеболгарских орфографических признаков в западнорусских рукописях XV—XVI вв. см.: *Naumow*. *Wiara i historia...* S. 47—49. Из-за почти полного отсутствия белорусско-украинских памятников первой половины XV в. их синхронное сопоставление с великорусской традицией возможно лишь в весьма ограниченных рамках. Можно лишь предполагать, что ситуация на православных землях ВКЛ и Польши была ближе к Северо-Восточной Руси, чем к Новгороду и Пскову с их устойчивой непрерывной традицией книгописания. Важнейшие за последнее время исследования «второго южнославянского влияния» в графике и орфографии великорусских рукописей конца XIV — XV вв. выполнены безвременно ушедшей М. Г. Гальченко (см.: *Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 15—27, 73—442); см. также: *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV — XV вв. и «второе южнославянское влияние» // *Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв.* СПб., 1998. С. 321—337 (публикуется в настоящем сборнике).

¹⁵⁵ Следствием распространения молдавского каллиграфического полуустава (в сочетании со среднеболгарской орфографией) в книгописании Западной Руси (наиболее ранний датированный пример дают шрифты краковских изданий 1490-х гг.) являются постоянные ошибки описателей (особенно зарубежных), относящих украинско-белорусские рукописи, написанные этим почерком, к числу молдавских (см.: *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура... С. 335—336. Примеч. 70; *Он же.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв. // *Хризграф*. М., 2005. Вып. 2. С. 140—141, 151, 157. Примеч. 16—18). Уместно вспомнить также (при всей его необоснованности) мнение А. И. Соболевского, считавшего, что издания Фиоля были выполнены по заказу молдавских воевод (*Соболевский А. И.* Заметки о языке печатных изданий Фиоля и Скорины // *Чтения в Историческом обществе Нестора летописца (ЧИОНЛ)*. Киев, 1888. Кн. 2. С. 192—193).

¹⁵⁶ См.: *Турилов А. А.* О специфике книжно-литературных связей православных славян в эпоху Средневековья // *Славяне и их соседи: Межславянские отношения и связи: Сб. тезисов 18-й конф. памяти В. Д. Королюка*. М., 1999. С. 166—169.

¹⁵⁷ Здесь уместно напомнить, что и в XII—XIII вв. не менее заметную роль, чем южно-русские княжества (как следовало бы ожидать на первый взгляд), в русско-южнославянских связях играл Новгород. На это указывают дошедшие южнославянские списки русских сочинений и переводов (житие князя Федора-Мстислава, Слово о бездождии («Поучение игумена Моисея»), житие Андрея Юродивого), а также участие новгородца в переписке сербской Иловичской кормчей 1262 г. (См.: *Церний Л.* Њека запажања о писарима Иловичке Крмчије // *Археографски прилози*. Београд, 1981. [Књ.] 3. С. 49—51).

¹⁵⁸ В конце XV — первой половине XVI в. (время наиболее интенсивного распространения пространых южнославянских житий на Руси) дополнительным стимулом для московских книжников служит идея создания истории православного мира, включая историю Руси, воплотившаяся в Русском Хронографе.

¹⁵⁹ В крайней форме, рассматривающей Молдавию как основное связующее звено между Югом и Востоком славянства и центр межславянских культурных контактов, эта точка зрения высказана Э. Фёльклем (*Völkl E.* Die Moldau und der «Zweite Südslawische Einflüss» // *Revue Etudes sud-est Europeens*. Bucarest, 1973. № 3. С. 475—486).

К ВОПРОСУ О БОЛГАРСКИХ ИСТОЧНИКАХ РУССКОГО ХРОНОГРАФА

Интерес, возникший в историко-филологической литературе последних лет к Русскому Хронографу, возродил к новой жизни проблему его южнославянских источников. Это обстоятельство, безусловно, объясняется тем, что в работах Б. М. Клосса¹ и О. В. Творогова², являющих собой новый этап в изучении этого всемирно-исторического свода, вопросу о южнославянских сочинениях уделен минимум внимания, исследование их осталось практически на уровне 60-х годов XIX в., почти в том виде, как это сформулировал в своем труде А. Н. Попов³. В последнее время в свет вышли статьи Л. В. Гориной⁴, Е. П. Наумова⁵ и автора данной работы⁶, посвященные отдельным аспектам этой проблемы. Автор первой статьи убедительно связала включение в Хронограф обширной выборки из болгарского жития Иллариона Мегленского с реакцией определенных кругов русского общества на ересь «жидовствующих», на новом материале подтвердив датировку Хронографа⁷, предложенную Клоссом и Твороговым. Наумов исследовал сложнейший вопрос об использовании составителем Хронографа известий сербских летописей, расширив тем самым круг южнославянских сочинений, бытовавших на Руси. В нашей работе среди прочего рассматривается вопрос об одном из важнейших сербских источников Хронографа — Житии деспота Стефана Лазаревича, его редакциях, известных на Руси, устанавливается источник некоторых не идентифицированных исследователями фрагментов свода⁸ — странная редакция Жития.

Предлагаемая статья посвящена двум забытым (в исследованиях последних лет о Хронографе они даже не упоминаются)⁹ болгарским источникам свода — житиям Иоанна Рыльского и Параскевы-Петки. Еще Попов установил, что основным источником по истории Балкан (не только собственно Сербии, но и Болгарии и Византии) конца XII — первой трети XV в. для составителя Хронографа служили сербские жития¹⁰. Роль болгарских была гораздо более скромной¹¹ за исключением Жития Иллариона Мегленского, использованного прежде всего как антиеретическое сочинение, известия из них вошли лишь в состав двух статей Хронографа¹². Тем не менее изучение этого вопроса имеет немаловажное значение как для уточнения круга источников Хронографа, так и для определения южнославянского репертуара русской книжности XV—XVI вв.

Обратимся прежде к статье «Царство Асана Ивана, царя Болгарьскаго», поскольку первый из отрывков представляет собой лишь одну фразу. Заключительная часть статьи со слов «...и поиде подо иныа грады...» восходит к известиям из Жития Саввы Сербского¹³. Предшествующий этим словам текст повествует о возрож-

дении болгарской державы и о перенесении в Тырнов мощей Иоанна Рыльского и Параскевы-Петки. Заметим, что составитель Хронографа, возможно по причине бедности источников, обнаруживает плохое знание болгарской истории, помещая царя Иоанна Асеня I (1186—1196) «по Бориле... цари», т. е. после времени царей Калояна (1197—1207) и Борила (1207—1218), о которых говорилось выше, в статье «О Болгарском царствии», основанной на житии Саввы Сербского¹⁴; перенесение же мощей приурочено ко времени правления Иоанна Асеня II (1218—1241), тогда как в действительности мощи Иоанна Рыльского были перенесены в 1195 г. при Иоанне Асене I.

Автор первого фундаментального труда, посвященного Хронографу, Попов, предполагал, что источниками этого фрагмента послужили жития Иоанна Рыльского и Параскевы-Петки, написанные в XIV в. тырновским патриархом Евфимием¹⁵. Попов придерживался точки зрения о южнославянском происхождении Хронографа, и в данном вопросе у него не было никаких сомнений, но в настоящее время, когда давно установлено, что Хронограф возник на Руси, с этим выводом нельзя согласиться полностью. Дело в том, что русские списки Евфимиева Жития Иоанна Рыльского неизвестны¹⁶, а достаточно широко распространенное в русской рукописной традиции переводное пространное житие, написанное Георгием Скилицей¹⁷, не содержит необходимых сведений, так как возникло до описываемых событий¹⁸.

Таким образом, единственным источником начальной части статьи «Царство Асана Ивана, царя Болгарскаго» может быть признано краткое, так называемое «первое проложное» Житие Иоанна Рыльского¹⁹ (использованное и при создании Евфимиевской редакции памятника), пришедшее на Русь в составе Стишного пролога в конце XIV в. (очевидно, при митрополите Киприане)²⁰ и известное в русских списках по крайней мере со второй четверти XV в.²¹ Сопоставим тексты проложного жития и хронографической статьи (см. следующую с.).

Как видим, пересказ выполнен составителем Хронографа довольно близко к тексту жития. Упоминание в нем Борила восходит к статье «О Болгарском царствии»²², источником которой послужило Житие Саввы Сербского, определение Иоанна Асеня II как сына «старого Асана» содержится в Житии Параскевы-Петки. Не вполне ясно лишь происхождение отрывка (не отмеченного исследователями)²³ со слов «...в нем же обычай...» до «...той бяше град...»; очевидно, здесь мы имеем дело с творчеством самого составителя Хронографа, человека достаточно осведомленного в истории церковных соборов²⁴. К проложному житию восходит и фраза в 174-й главе: «При сем царе Константине бысть Иоанн Рыльский и при болгарском царе Петре»²⁵. Это почти дословное повторение начала жития: «Святый Иоанн бяше в царство... Петра царя Болгарскаго, а Греческаго Константина Диогена...»²⁶. Таким образом, происхождение известий Хронографа об Иоанне Рыльском и начале Второго Болгарского царства можно считать выясненным.

«Память преподобного отца нашего Иоанна Рыльского»	«Царство Асана Ивана, царя Болгарьскаго»
<p>«...Внегда благоволи бог воздвигнута падшуюся скинию — обновити Болгарскую власть, обетшавшую Греческим насилием... при христолобивом царе Асане, ему же имя... Иван, и тои убо в начале царствия своего падшаяся грады Болгарский обнови и подтверди, и хождаше, покаяря страны и приемля грады. И дошед же до Средыца, того покорив... повеле взяти всеславную раку и со мноюю честию понести... до царьскаго града Тернова...»²⁷</p>	<p>«По Бориле убо цари убысть в Болгарех царь старый Иван Асан, и по нем сын его Иван Асан бысть царем в Болгарех и в начале царства своего понови грады Болгарские обетшавшая насилием Греческим, и многи грады Греческия покори себе. Покори же и Сардикию град, еже есть Середец, в нем же обычай имяху искони на собор збиратися восточнии и западнии епископи, сиречь Греческия и Римския, яко среди обоих земель бяше тои град. Взят же царь Асан в нем мощи Иоанна Рыльского и пренесе в свои настольный град, в Тернов...»²⁸</p>

Сложнее обстоит дело с источником сведений о перенесении мощей Параскевы-Петки. В отличие от Жития Иоанна Рыльского, Евфимиевская редакция которого в русской книжности известна не была, Житие Параскевы-Петки представлено русскими списками как Евфимиевской (в сербской обработке второй четверти XV в.²⁹), так и проложной³⁰ редакции. Незначительность использованного в Хронографе редакции 1512 г. отрывка не позволяет определеннее говорить о его происхождении: он в равной мере может восходить к каждому из названных памятников³¹. В пользу проложной редакции может свидетельствовать использование проложного же Жития Иоанна Рыльского, а также тот факт, что составитель Хронографа, обладая лишь скудными сведениями по болгарской истории, не использовал данных о турецком нашествии на Болгарию в конце XIV в., содержащихся в «Повести о перенесении мощей Параскевы», написанной Григорием Цамблаком и включенной во все русские списки Евфимиевской редакции жития (хотя в библиотеке Иосифо-Волоколамского монастыря, где был создан Хронограф, имелся список Евфимиевской редакции жития, переписанный, очевидно, в той же обители на рубеже XV—XVI вв.³²).

В Хронографе Западнорусской редакции имеется чтение, отсутствующее в проложном житии: «...к сим же и Святую Гору и Солунь и Македонию и ины многи...», восходящее, несомненно, к Евфимиевской редакции³³. Этот отрывок свидетельствует в пользу пространной редакции, но, учитывая вывод Творогова о том, что составитель Хронографа Западнорусской редакции повторно обращался к источникам свода³⁴, можно предположить поочередное использование обеих редакций жития: проложной при создании Хронографа редакции 1512 г. и (дополнительно) Евфимиевской для Хронографа Западнорусской редакции.

Таким образом, исследование текста Хронографа с учетом данных о бытовании южнославянских житий в русской книжности позволяет сделать вывод, что

болгарские источники, которыми располагал составитель свода, были еще более скудными, чем предполагал Попов, сводясь в значительной мере к известиям проложных житий.

Примечания

¹ Клосс Б. М. О времени создания Русского хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 244—255; Он же. Иосифов Волоколамский монастырь и летописание конца XV — середины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып. VI. С. 107—125.

² Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

³ Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 196—212; М., 1869. Вып. 2. С. 26—53.

⁴ Горина Л. В. Антиеретическое сочинение Евфимия Тырновского в Русском хронографе редакции 1512 г. // Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976. С. 265—274.

⁵ Наумов Е. П. Свидетельства сербских летописей в составе Русского хронографа // Советское славяноведение. 1976. № 4. С. 44—56.

⁶ Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // Теория и практика источниковедения и историографии отечественной истории. М., 1978. С. 39—50.

⁷ Горина Л. В. Указ. соч. С. 271—272.

⁸ Творогов О. В. Указ. соч. С. 184—185.

⁹ Клосс В. М. О времени создания...; Он же. Иосифов Волоколамский монастырь...; Творогов О. В. Указ. соч. С. 183—186.

¹⁰ Попов А. Н. Указ. соч. Вып. 2. С. 40—53.

¹¹ Причина этого состоит в том, что средневековые болгарские жития, в отличие от сербских, представляющих собой идеализированные биографии государственных и церковных деятелей, как правило, посвящены жизни подвижников и обладают слабо развитой исторической канвой.

¹² ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. Хронограф редакции 1512 г. С. 359, гл. 174, «Царство второе Коньстянтина Багренороднаго, сына Львова»; с. 392—393, гл. 193.

¹³ Попов А. Н. Указ. соч. Вып. 2. С. 39.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 389—390; Попов А. Н. Указ. соч. Вып. 2. С. 39.

¹⁵ Попов А. Н. Указ. соч. Вып. 2. С. 32—34.

¹⁶ Встречающееся в литературе указание на то, что в рукописи ГПБ, Соловецк., № 619/503 содержится Евфимиево Житие Иоанна Рыльского (*Дьялеский Н. М. Жития Иоанна Рыльского русских древлехранилищ и их болгарские источники* // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 288—289), основано на ошибке описания (*Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 388*), составителей которого, очевидно, ввела в заблуждение приписка к заглавию (содержащаяся, впрочем во всех русских списках памятника): «...иже в Трапезици лежащего...», которая не могла появиться ранее 1195 г., когда мощи Иоанна были перенесены в Тырнов. В действительности это список жития в редакции Георгия Скилицы, что отмечал еще Э. Калужняцкий (*Kalužniacki E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymies. Wien, 1900. S. CXX*).

¹⁷ Болгарский исследователь Б. С. Ангелов указывает 11 русских списков памятника конца XV — XVIII вв. только в хранилищах Москвы и Ленинграда (*Ангелов Б. Съчинения*

за Иван Рилски // *Ангелов Б.* Из историята на старобългарската и възрожденската литература. София, 1977. С. 56—60) К этому можно прибавить еще пять списков XVI в.: октябрьские тома Успенского и Царского комплектов Великих Миней Четий (текст опубликован — ВМЧ. СПб., 1874, октябрь, дни 4—18, стб. 515—530) — ГИМ, Син. № 175 и 987; ГБЛ ф. 98 (Собр. Егорова), № 89, Торжественник; ф. 292 (Собр. Строева), № 54, Минея Четья на октябрь; Ярославский музей-заповедник, № 410, Минея Четья на февраль с дополнениями. Шифр рукописи № 9 в списке Б. С. Ангелова — ГИМ, Син. № 170.

¹⁸ О нем см.: *Златарски В.* Георги Скилица и написаното от него житие на св. Ивана Рилски // Известия на Историческо дружтво. София, 1933. Кн. 13. С. 49—80; *Иванов Й.* Жития на Иван Рилски // Годишник на Софийски университет. Историйско-филозофски факултет. София, 1936. 32. С. 8.

¹⁹ О нем см.: *Иванов Й.* Указ. соч. С. 22—24.

²⁰ О появлении и бытовании памятника на Руси см.: *Турилов А. А.* Оригинальные южнославянские сочинения... С. 41—44.

²¹ Старший русский список — ГБЛ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 717, л. 394—397, ок. 1429 г.

²² Там же. С. 389—390.

²³ *Попов А. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 192; Вып. 2. С. 39; *Творогов О. В.* Указ. соч. С. 184.

²⁴ Сведения для этого отрывка могли быть заимствованы из статьи «И еще о всех святых соборах», помещаемой в Кормчих (см.: Кормчая. М., 1653. Л. 17—17 об.), и непосредственно из заглавия «Правил Сардакийского собора» (Там же. Л. 107 об.).

²⁵ ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 359.

²⁶ ВМЧ, октябрь, дни 19—31, стб. 1537.

²⁷ ВМЧ. СПб., 1880, октябрь, дни 19—31, стб. 1539—1540.

²⁸ ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 392.

²⁹ По классификации Э. Калужняцкого, «третий вид пространной редакции» (*Kalužniacki E.* Op. cit. S. LXXV—LXXX; CXIV—CXX — перечень русских списков). О судьбе памятника в русской книжности см.: *Турилов А. А.* К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV—начала XVI в. // Руско-балкански културни врзки през Средновековието. София, 1982. С. 68—74.

³⁰ *Турилов А. А.* Оригинальные южнославянские сочинения... С. 41—44.

³¹ «Фрязом же дрѣжащим Царьград... испроси от сущих Фряг в Цариграде мощи преподобные мученици Парасковгии и принесе во град Тернов...» (ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 392—393).

³² ГБЛ, ф. 113, № 644, л. 224—244. Л. 1—169 этого сборника написаны волоколамским иноком и книгописцем Ферапонтом Обуховым (ср. его почерк в рукописях ГБЛ, ф. 113, № 426, 427).

³³ ПСРЛ. Пг., 1914. Т. 22, ч. 2. Хронограф Западнорусской редакции, с. 185. Ср.: «...все Македонское объем одрѣжание... и с всею... Святою Горою. К сим же и... Солунь» (ВМЧ, октябрь, дни 4—18, стб. 1032).

³⁴ *Творогов О. В.* Указ. соч. С. 199—200.

**«ГАРУН-АР-РАШИДОВСКИЙ» СЮЖЕТ
В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ XV—XVI вв.
(сербский деспот Стефан Лазаревич и
великий князь Московский Иван Калита)**

Рассказ Волоколамского патерика, благочестиво объясняющий не слишком симпатичное прозвище родоначальника династии московских великих князей и царей безграничным нищелюбием Ивана Даниловича, ходившего по стегнам своего града и одарявшего нуждающихся милостыней из пресловутой калиты¹, занимает в русской литературе XV—XVI вв. достаточно обособленное место. С одной стороны, анекдот не воспринимается исследователями как полноценный исторический источник уже в силу принадлежности к «бродячему» (или «мировому») сюжету, наиболее ярко воплотившемуся в ночных прогулках багдадского калифа Гаруна ар-Рашида, тем более, что сюжет не засвидетельствован ни летописями (даже откровенно апологетической Степенной книгой)², ни житием митрополита Петра. С другой же стороны, его яркость и необычность в качестве бытового эпизода применительно к историческому персонажу XIV в.³, подкрепленная к тому же ссылкой на авторитет преп. Пафнутия Боровского, делают рассказ незаурядным литературным памятником.

Есть, однако, достаточно оснований полагать, что рассказ этот (даже в случае существования первоначального устного ядра) приобрел свою литературную форму под воздействием конкретного агиографического текста, появившегося на Руси не ранее рубежа XV—XVI вв. (если не на грани 1500—1510-х гг.), и гораздо более широко распространенного в русской рукописной традиции, чем его боровско-волоколамская обработка. Вопрос о возможных литературных источниках рассказа до последнего времени не то чтобы не слишком интересовал исследователей, скорее, пожалуй, они ощущали неясность направления и перспективы поисков. Жития правителей (за исключением равноапостольного императора Константина) в византийской агиографии отсутствуют как жанр, нет подобного анекдота и в переведенных на славянский язык хрониках. Поэтому круг поисков сюжета на греческой почве заведомо ограничен житиями церковных иерархов. В качестве известной аналогии рассказу о Калите издатели Волоколамского патерика в серии «Литературные памятники» отмечают эпизод из жития Иоанна Милостивого⁴. Подобную параллель содержит и еще одно житие, переведенное на славянский уже в глубокой древности — папы Григория Великого (Двоеслова)⁵. Однако сходство обоих житийных эпизодов с рассказом Волоколамского патерика ограничивается лишь мотивом троекратного искушения героя нищим⁶, в них отсутствует центральный момент укоризны попрошайке и его дерзко-льстивый ответ-пророчество.

Между тем в средневековом православном мире существует литература, для которой жития правителей составляют скорее правило, чем исключение — сербская⁷. В пространном житии сербского деспота Стефана Лазаревича, написанном между 1431 и 1434 гг., выдающимся южнославянским книжником Константином Костенецким, в главе 77 содержится рассказ⁸ сюжетно полностью совпадающий с Волоколамским патериком (тремякратный приход нищего за милостыней, укоризна ему со стороны правителя и дерзко-льстивое заявление в ответ). Приведем оба текста параллельно:

О великом князе Иване Даниловиче	Житие деспота Стефана
<p>...нарицаху же его Калитою сего ради. Бе бо милостив зело и ношаше при поясе калиту, всегда насыпану сребрениц. И куда шествуя, даяше нищим, сколько вымется. Един же от нищих взем от него милостыню, и по мале той же прииде, он же и вторицею дасть ему. И паки, отинуду зашед, просяше. Он же и третие дасть ему, рече: «Възми, несытныи зеници». Отвещав же он, рече ему: «Ты несытныи зеницы — и zde царствуеши, и тамо хочещи царствовати». И от сего яве есть, яко от Бога послан бьяше, искушая его и извещая ему, яко по Бозе бьяше дело его, еже творить⁹.</p>	<p>...Дръжавныи же елико день дне на болшаа подвизаше се, ... и бе дело его милостиня непрестаннаа... И толико убо издасть себе нищим, елико сам исходити в нощи по стегнах и халугах, еже сиих милостине своєю рукою испльняти, и тьчию носещаго злато и ли сребро, яково убо и беше. Единого тьчию с собою вернеиша поемляше, многаши и сам се творе беше. Некогда же пришъд един нищъ, и дасть сему. Паки же предтек, прошааше, его ж блаженныи познав, множае дасть ему. Он же третицею предтек. Егда и множайшее дасть ему, рек: «Хыщниче и влъхвао». Тъ же отвеща: «Не азъ хыщник, ни влъхва е[с]мъ — страсти належет ми. Нъ ты, иже земльным царствуеи и небеснаа крадеши и всъхыщаеши...»¹⁰.</p>

Между рассказами заметна, впрочем, разница стилистики (русский текст выглядит существенно менее книжным, что, впрочем, вполне соответствует жанру патерика), отсутствуют между ними и прямые текстуальные совпадения. Безусловно, в русском памятнике более выразительна и экспрессивна характеристика назойливого попрошайки: «зеница ненасытная» при «хыщниче и волхвао» жития. В то же время сербский текст отличается большей разработанностью и одновременно каноничностью сюжета (либо русский в этом отношении редуцирован): деспот Стефан подобно калифу арабских сказок ходит по городу ночью со спутником (анонимный аналог визира Джаффара Бармакида) и творит милостыню тайно. Калита же в этом смысле более прост и незатейлив — он одаривает нищих деньгами, не скрывая, кто он такой.

Эпизод исключен из сокращенной русской редакции жития¹¹, еще в XIX в. изданной А. Н. Поповым в его «Изборнике»¹², и вслед за ним Я. Шафариком¹³, но вошел в Русский Хронограф¹⁴ и — через его посредство — в Никоновскую летопись («И повсегда сам нощию по улицам града ходя и нищим одежа и златица подаваа,

и некто един многожды, зашед, милостыню взят, и паки, пришед, просяше; он же дав ему и рече: “возми, татю и хищнице!” — Он же отвеща ему: “не аз, но ты тать и хищник, со здешним царством и будущее крадеш и восхищаеши”»¹⁵. Отсутствие внимания к нему со стороны исследователей (русисты — литературоведы и историки — не знают о тексте в житии деспота, специалистам по южнославянским литературам неизвестен рассказ Волоколамского патерика) объясняется, очевидно, хронологической и географической «разведенностью» и персонажей и памятников в сознании ученых.

На вопрос о том, какой из рассказов послужил источником другого, может быть, по всей видимости, лишь один ответ. Первичным является в данном случае текст жития. Напрашивающаяся (прежде всего по причинам хронологическим) альтернативная версия (влияние устного рассказа о Калите на житие деспота Стефана) целиком исключена в силу специфики русско-южнославянских литературных связей конца XIV — первой трети XV в. (эпохи «второго южнославянского влияния»). И дело не в том, что само появление патерикового рассказа связано с мором 1427 г., и поэтому для его использования в памятнике, созданном в Сербии между 1431 и 1434 гг. нужны были какие-то чрезвычайно благоприятные обстоятельства¹⁶. Важнее то, что на протяжении Средневековья и раннего Нового времени культурные связи между православными славянами практически никогда не были взаимными и обоюдными, а представляли ряд чередующихся «влияний» разной продолжительности¹⁷. И для периода «второго южнославянского влияния» мы не располагаем даже единичными примерами движения литературных памятников от восточных славян к южным¹⁸ — только в обратном направлении¹⁹.

Совершенно по иному выглядит ситуация в Московской Руси первой четверти XVI в. Эпоха выходит далеко за пределы периода классического «второго южнославянского влияния», но именно в это время на Руси получают известность пространные южнославянские жития и в том числе — деспота Стефана Лазаревича²⁰. Старший его список (как для русской, так и для сербской традиции), содержится в составе сборника начала XVI в. (РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 655), который, по крайней мере частично, и писался в обители на Волоке (один из его писцов надежно отождествляется с волоколамским иноком Ферапонтом Обуховым)²¹. Пространный текст, написанный Константином Костенечским, был прочитан составителем Хронографа весьма внимательно и послужил источником не только собственно сербских, турецких и византийских сюжетов XIV—XV вв. этого всемирно-исторического свода²². Исследования последних лет показали, что из того же памятника в Хронограф попал такой казалось бы далекий от него (и хронологически и географически) текст как особая («хронографическая») редакция «Пророчеств еллинских мудрецов»²³. А поскольку сейчас можно считать установленным, что Хронограф и Волоколамский патерик не только создавались в одном центре и в очень близкое время, но и при самом активном участии одного и того же автора (Досифея Топоркова)²⁴, то связь между эпизодом жития (особенно учитывая включение сюжетца в Хронограф) и патериковой повестью не может быть случайной. Первый текст повлиял на второй по крайней мере в процессе его письменного оформления. Это делает излишним поиск греческого источника, обще-

го для обоих рассказов, хотя применительно к самому житию такие разыскания, безусловно, представляются бесполезными.

Примечания

¹ Волоколамский патерик // Древнерусские патерики. М., 1999. С. 97.

² Истоки русской беллетристики: возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 413.

³ В редуцированном виде сюжет (только для объяснения прозвища, без рассказа о нишем) упоминает уже Н. М. Карамзин (см.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 143). Позднее к нему (уже целиком) обращался и В. О. Ключевский (Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1937. Ч. 2. С. 25—26).

⁴ Волоколамский патерик... С. 441.

⁵ См.: Die Grossen Lesemenaen des Metropolitzen Makarij. Uspenskij Spisok / Великие Минеи четьи митрополита Макария. Успенский список. Marz / Март, 1—11. Freiburg i Br., 1997 (MLS, XXXIX). S. 204.

⁶ Это отмечают и сами исследователи. См.: Волоколамский патерик... С. 441.

⁷ Жития составляют подавляющее число сербских средневековых прозаических произведений (см., например: *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980), при этом монашеское среди них лишь одно — преподобного Петра Коришского — все остальные либо властительские, либо архиепископские. Цикл житий сербских королей и архиепископов, написанный в 1310—1330-х гг. архиепископом Даниилом II (так называемый Даниилов сборник) представляет типологически аналог позднейшей русской Степенной книги, при том что генетическая связь между сочинениями отсутствует.

⁸ См.: *Кувс К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки. Изследване и текст. София, 1986. С. 411—412.

⁹ Волоколамский патерик... С. 967.

¹⁰ *Кувс, Петков.* Събрани съчинения на Константин Костенечки... С. 411—412.

¹¹ Там же. С. 510—511. Редакция представлена исключительно русскими списками XVI в. (см. о них там же. С. 320, 321—322, 323, № 2, 4, 7), старший из которых (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 686, л. 171—215) датируется первой четвертью или третьей этого столетия (*Ухова Т. Б.* Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях Троице-Сергиева монастыря // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1960. Вып. 22. С. 140. Возникновение этой редакции уместно связывать с Иосифо-Волоколамским монастырем (см. ниже).

¹² *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 92—130 (текст издан по упомянутому выше троичному списку).

¹³ *Шафарик Ј.* Живот деспота Стефана Лазаревића, великог кнеза српског // Гласник Српског ученог друштва. Београд, 1870. Кн. 11 (св. 28 старог реда). С. 363—428.

¹⁴ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1 (Хронограф редакции 1512 г.). С. 427.

¹⁵ ПСРЛ. СПб., 1901 (репринт — М., 1965). Т. 12 (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью). С. 4.

¹⁶ Положение не изменится и при допущении, что устный рассказ о Калите относится к более раннему времени. Период до последней четверти XIV в. отмечен полным отсутствием каких-либо литературных контактов между южными и восточными славянами, после их перерыва в XIII в. в результате монгольского нашествия. Непонятно, на чем основана гипотеза В. А. Мошина (признающего, что «русские источники ничего не говорят о тог-

дашних дипломатических сношениях со славянскими Балканами») о русско-сербских церковных контактах в царствование Стефана Душана (*Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // Русь и южные славяне. СПб., 1998 (первое изд. — ТОДРЛ., М.; Л., 1963. Т. 19). С. 102—103).

¹⁷ См.: *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 7—103; *Мошин.* О периодизации... С. 7—113; *Турилов А. А.* Древнерусская культура в контексте средневековых славянских (на материале книжности) // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. М., 1999. С. 96—105.

¹⁸ Разумеется, в качестве такого примера нельзя рассматривать встречающееся в сербских списках Стишного пролога житие виленских мучеников, канонизированных ок. 1374 г., поскольку оно написано греком или южным славянином (будущим митрополитом Киприаном?) и связано с Киевской митрополией лишь местом жительства героев. Его появление в сербской традиции объясняется не русско-сербскими контактами, а связано по всей очевидности с происшедшим в это время примирением Константинопольского патриархата с сербской церковью после разрыва отношений в начале царствования Душана (о памятнике см.: *Сперанский М. Н.* Сербское житие литовских мучеников // ЧОИДР. 1909. Кн. 1. С. 1—48; *Баронас Д.* По поводу литературной истории Мучения трех виленских мучеников // *Krakowsko-Wilenskie studia slawistyczne.* Kraków, 2001. Т. 3. С. 73—98; об истории канонизации: *Огицкий Д.* К истории виленских мучеников // Богословские труды. М., 1984. Т. 25. С. 226—246; *Baronas D.* Trys vilniaus kankinai: gyvenimas ir istorija. Vilnius, 2000).

¹⁹ О корпусе переводных и оригинальных памятников, пришедших в этот период на Русь, см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 4—5, 15—23; *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV — XV вв. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 322, 323, 331—333.

²⁰ См.: *Турилов А. А.* Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 39—50; *Он же.* К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV — начала XVI в. // Русско-балкански културни врзки през Средновековието. София, 1982. С. 68—74.

²¹ *Турилов А. А.* Рукописный сборник кон. XV — нач. XVI в., содержащий южнославянские сочинения XIV—XV вв. // Конференция по истории средневековой письменности и книги / Тезисы докл. Ереван, 1977. С. 95—96; Рукописные собрания Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель. М., 1986. Т. 1. Вып. 2. С. 142.

²² Наиболее полный их перечень см.: *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 183. К тому же источнику восходят и отмеченные автором (с. 184—185) фрагменты, происхождение которых он не смог определить. Причина этого заключается в том, что на время написания книги исследователю не была известна пространная редакция жития, содержащаяся в волоколамском сборнике № 655, и он использовал текст сокращенной, изданный А. Н. Поповым.

²³ См.: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. Мюнхен, 1991. С. 55.

²⁴ См., например: *Седельников А. Д.* Досифей Топорков и Хронограф // Изв. АН СССР. Сер. VI. Л., 1929. № 9. С. 755—773; *Творогов.* Древнерусские хронографы... С. 205—207; *Клюсс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 168—169; СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 201—203; Древнерусские патерики... С. 320—324, 326—333, 335, 339—350.

**О ЛИТЕРАТУРНОМ ИСТОЧНИКЕ СЮЖЕТОВ ГРУППЫ КЛЕЙМ
ИКОНЫ ПАРАСКЕВЫ-ПЯТНИЦЫ XVI в.
ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ**

Ростовая житийная икона великомученицы Параскевы Иконийской (Параскевы Пятницы) второй половины XVI в. (ГТГ, инв. 143028) отличается от других, современных ей и более ранних древнерусских изображений этой популярной в восточно-христианском мире святой¹ необычным набором клейм в заключительной части цикла. Сюжеты последних четырех клейм не находят соответствия в ее житии. Первое из них изображает явление перед ракой Параскевы ангела, извещающего ее о пришествии войска иноплеменников к городу, второе — осаду крепости, третье — избиение вражеского войска по молитве великомученицы огнем и камнями, падающими с небес; на заключительном видна процессия, несущая мощи (очевидно, перенесение или переложение в новую раку). Авторы каталога древнерусской живописи Третьяковской галереи определяют в качестве источника этих композиций славянское житие соименной византийской преподобной жены XI в. (в южнославянской традиции калькировано именуемой обычно Петкой), называемой по месту позднейшего пребывания ее мощей Тырновской или Сербской, точнее, повесть о перенесении ее мощей в Видин и Крушевец, написанную на рубеже XIV—XV вв. Григорием Цамблаком². Эту точку зрения на литературный источник перечисленных клейм рассматриваемой иконы поддержал и развил позднее А. И. Рогов в наиболее полной работе, посвященной культуре Параскевы-Петки у восточных славян³. Им же было высказано предположение, что отражение этого литературного памятника в произведениях иконописи связано с актуализацией борьбы с «агарянами» (татарами и турками) в Московской Руси XVI в.⁴

Факты смешения и контаминации культов этих соименных святых хорошо известны и на греческой и на славянской почве⁵, а для Руси к этому можно добавить еще и дополнительные свидетельства. Так, в ряде списков так называемой 3-й (или Псковской) редакции нестишного Пролога⁶, написанных в XVI в. (т. е. современных иконе ГТГ), под 28 октября читается житие Параскевы-Пятницы, завершающееся рассказом (заимствованным из Стишного пролога под 14 октября) о перенесении мощей Параскевы-Петки из Эпивата в Тырнов⁷ в 1235 г. при болгарском царе Иоанне Асене II⁸. Поэтому смешение персонажей и сюжетов в клеймах иконы ГТГ можно было бы признать вполне закономерным, если бы оно действительно находило соответствие в тексте повести Цамблака. Однако в данном случае это явно не так. Как наглядно показал сам А. И. Рогов, в указанной повести имеется лишь одна фраза («места убо сего твердость zde, якоже есть стръмниннами

гор и холмов высоких затворено и стенами укреплено, отвнутри же преподобных многочисленными мощми трегубо утвержден»⁹), которую только с натяжкой (как намек) можно соотнести с четырьмя перечисленными клеймами иконы¹⁰. Чтобы разрешить это противоречие, оставаясь в рамках предложенной атрибуции, исследователь предположил существование особой редакции повести, где эти сведения содержались в достаточном объеме¹¹. Однако — даже в принципе — вероятность этого чрезвычайно мала, во всяком случае, на восточнославянском материале. Повесть дошла в достаточно большом количестве списков¹² и текст ее отличается редкой устойчивостью, а на русской почве все списки памятника несомненно восходят к одному архетипу, принесенному со славянского Юга не ранее последней четверти XV в.¹³ Поэтому (в особенности с учетом того обстоятельства, что названные сюжеты отсутствуют и в клеймах украинско-белорусских житийных икон Параскевы-Петки XVI—XVII вв.¹⁴) уместнее было бы предположить, что иконография, отразившаяся в иконе ГТГ, сложилась в XV в. в Сербии¹⁵ и достаточно рано (поскольку в живописи образа нет и намек на какие-то балканские реалии и прототипы) перешла на Русь.

Однако в действительности все эти предположения оказываются совершенно излишними, поскольку литературная основа описанных клейм надежно определяется и не имеет к повести о перенесении мощей Параскевы-Петки (и даже к русско-южнославянским литературным связям XV—XVI вв. в целом) никакого отношения (предложенную в каталоге ГТГ 1963 г. атрибуцию в этом смысле следует расценивать как своеобразную «атрибуцию от отчаяния», когда исследователь в силу каких-то обстоятельств не желает признаться, что не смог установить источник). Речь идет о достаточно распространенном в русской рукописной традиции XVI—XVII вв. (в южнославянской памятник, насколько знаю, неизвестен, равно как и пространное житие Параскевы Иконийской¹⁶), хотя и не включенном в Великие Минеи Четьи, чуде великомученицы «Об Амуре (или Амуре — т. е. эмире), царе сарацинском». Текст встречается (под 28 октября) в ряде списков Пролога 3-й (псковской) редакции — например, Минск, Нац. б-ка Беларуси, № 52¹⁷, сер. XVI в., л. 185 об. — 188¹⁸) и в некоторых списках Четых Минеи на октябрь (как домакарьевских (например, РНБ, Соф. 1355¹⁹; перв. пол.? XVI в.), так и в позднейших Милютинских — ГИМ, Син. 798²⁰; 1646—1654 гг.) и повествует об осаде Иконии арабами и чудесном заступничестве великомученицы за свой город. К сожалению, в данном случае вполне надежная атрибуция литературного источника заключительных клейм иконы не является основанием для подтверждения или опровержения ее локализации (напомню, что историки древнерусского искусства относят памятник к Поволжью)²¹, поскольку текст «чуда об Амуре», судя даже по отрывочным на данный момент сведениям²², мог быть известен на всем пространстве от Пскова до Предуралья.

В заключение следует отметить, что выдвинутый А. И. Роговым тезис о связи появления этих сюжетов в русской иконописи XVI в. с антиатарской и антиосманской темами²³ в полной мере сохраняет свою силу и в новой ситуации.

Примечания

¹ См., например: *Павлова-Сильванская М. П.* Житийная икона Параскевы-Пятницы с восемнадцатью клеймами // Древнерусское искусство. М., 1968. С. 127—136; *Родникова И. С.* Псковская икона XIII—XVI вв. Л., 1990. С. 301. Кат. 39 (сер. — третья четв. XV в.); *Евсеева Л. М., Сорокатый В. М.* Иконы Твери, Новгорода, Пскова XV—XVI вв. М., 2000 (Каталог собрания [ЦМИАР]. Серия: Иконы. Вып. 1). С. 95—100 (№ 15; перв. пол. XVI в.); *Abel U., Moore V.* Icons. Stockholm, 2002. P. 58—59, № 53 (перв. пол. XVI в.); Шесть веков русской иконы: Новые открытия / Выставка из частных собраний к 60-летию Музея им. Андрея Рублева. М., 2007. С. 65, 175 (№ 47; сер. — третья четв. XVI в.).

² *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи [ГТГ]. М., 1963. Т. 2. С. 198 (№ 608). Примеч. 1.

³ *Рогов А. И.* Параскева-Петка Тырновская в восточнославянской письменности и искусстве // Руско-балкански културни връзки през Средновековието / Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья. София, 1982. С. 179, 181; см. также исследования, дополняющие и уточняющие его наблюдения: *Турилов А. А.* Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV — первой четверти XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. С. 8—11, 15—16; *Он же.* К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV — начала XVI в. // Руско-балкански културни връзки... С. 70, 72; Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 251—252, 255—256, 259—261, 269, 281—282; *Он же.* К истории Стишного пролога на Руси в XIV—XV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1. С. 7—12 (статья переиздана (первая и вторая в уточненном и дополненном виде) в наст. изд.); *Naumow A.* Wiara i historija: Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polsko-litewskich. Kraków, 1996 (Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne (KWSS). Т. 1). S. 41, 49—51, 54, 63; *Кенанов Д.* За три вильнюски преписа на Евтимиевото житие на света Петка Тръновска // KWSS. Kraków, 1997. Т. 2. С. 230—233.

⁴ *Рогов А. И.* Петка Тырновская... С. 179.

⁵ Там же. С. 160—161, 177—179.

⁶ Подробнее о ней см.: *Фет Е. А.* Новые факты к истории древнерусского Пролога // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 53—65; *Чистякова М. В.* О трех нововыявленных списках Псковской редакции простого Пролога // Slavistica Vilnensis. Vilnius, 2004. Kalb. 53 (2). С. 155—160; *Она же.* Текстология вильнюсских рукописных Прологов: сентябрь-ноябрь. Вильнюс, 2008. С. 19—21.

⁷ См., к примеру: РГАДА, ф. 187 (собр. ЦГАЛИ), № 117 (третья четв. XVI в.), л. 157—158 (подробное описание рукописи, выполненное Л. В. Мошковой, в скором времени будет опубликовано во 2-м вып. Каталога славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА, № 145); РГБ, собр. Е. Е. Егорова (ф. 98), № 1299 (третья четв. XVI в.; подробнее о датировке и составе рукописи см.: *Фет Е. А.* Новые факты... С. 61, 65). Наиболее полные сведения об этом варианте проложного жития Параскевы собраны в неопубликованной статье М. В. Чистяковой «Псковская проложная редакция жития великомученицы Параскевы Иконийской» // Dziedzinstwo kulturowe Wielkiego Księstwa Litewskiego. W 440 rocznice Unii Lubelskiej. Lublin, 2010 (в печ.). Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить автора за возможность познакомиться с текстом статьи до ее выхода в свет.

⁸ В первом издании работы по ошибке было указано, что это событие произошло в 1207 г. при царе Калояне.

⁹ Текст публиковался многократно — см., например: *Kalužniacki E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius*. Wien, 1901 (репринт — Велико Търново, 2010). S. 432; Великие Минеи четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь, дни 4—18. СПб., 1874. Стб. 1034; *Иванов Й.* Български старини из Македония. 2-е изд. София, 1931 (репринт — 1970). С. 434.

¹⁰ *Рогов А. И.* Петка Тырновская... С. 171, 179.

¹¹ Там же. С. 181.

¹² Наиболее полные на сегодняшний день сведения о совокупной рукописной традиции и изданиях памятника см.: *Безунов Ю. К.* Творческое наследие Григория Цамблака. Женева; В. Тырново, 2005 (Новые издания и переиздания по славистике. № 3/367). С. 86—87 (учтено 20 списков XV—XVII вв. южно- и восточнославянского происхождения); ср.: *Иванова К.* *Bibliotheca hagiographica balkano-slavica*. София, 2008. С. 248—249 (учтено 6 южнославянских списков XV—XVI вв., 2 из которых не отмечены в предшествующем справочнике).

¹³ См.: *Турилов А. А.* К вопросу о периодизации... С. 70, 72; *Он же.* Южнославянские памятники... С. 251—252, 269.

¹⁴ *Рогов А. И.* Петка Тырновская... С. 166—174.

¹⁵ При этом сразу следует заметить, что в сербских памятниках, даже существенно более поздних (таких, к примеру, как ростовая сербская икона 1720 г. с 9 клеймами жития, находящаяся в Пече), подобная иконография тоже не прослеживается — см., к примеру: *Шакота М.* Ризнице манастира у Србији. Београд, 1966. Ил. 71 (несмотря на позднюю датировку икона лежит в иконографическом и стилистическом плане целиком в русле средневековой традиции). Ср. также: *Bakalova E.* La vie de sainte Parasceve de Timovo dans l'art balcanique du bas moyen age // *Byzantinobulgarica*. Sofia, 1978. Vol. 5. P. 175—207.

¹⁶ См., к примеру: *Иванова К.* *Bibliotheca hagiographica*... С. 275 (под 28 октября отмечена лишь память Арсения, архиепископа Сербского); ср.: *Hannick Ch.* Maximos Holobolos in der kirchenslavischen homiletischen Literatur. Wien, 1981. S. 129 (чтения на этот день отсутствуют).

¹⁷ *Чистякова М. В.* Текстология вильнюсских рукописных Прологов... С. 76—78, 311—312; Прилож. 1. С. 398; *Она же.* Псковская проложная редакция жития великомученицы Параскевы Иконийской...

¹⁸ Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: Каталог / Сост. Н. Морозова. Вильнюс, 2008. С. 35.

¹⁹ *Чистякова М. В.* Псковская проложная редакция...

²⁰ См.: *Сергий (Спаский), архиеп. Владимирский.* Полный месяцеслов Востока. 2-е изд., испр. и много доп. Владимир, 1901 (репринт: М., 1997). Т. 1 (Восточная агиология). Прилож. 13. С. 503, примеч. 28.

²¹ *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог... Т. 2. С. 197—198; *Рогов А. И.* Петка Тырновская... С. 181.

²² *Чистякова М. В.* Псковская проложная редакция...

²³ *Рогов А. И.* Петка Тырновская... С. 181.

РАССКАЗЫ О ЧУДОТВОРНЫХ ИКОНАХ МОНАСТЫРЯ ХИЛАНДАРЬ В РУССКОЙ ЗАПИСИ XVI в.

Летом 1558 г. в Москву прибыло посольство афонского Хиландарского монастыря во главе с архимандритом Прохором¹. Это было уже третье монастырское посольство, приходившее в российскую столицу за «милостыней», начиная с 1550 г.² Во время предыдущего посольства 1555—1557 гг. сербский монастырь на Афоне получил от царя Ивана IV большие пожалования. Кроме того (что, пожалуй, еще более важно) царь согласился стать ктитором Хиландаря и защитником его интересов перед турецким султаном³. Новое посольство (менее, чем через два года после предыдущего) было вызвано нуждами монастырского строительства, связанного с большими денежными затратами. Стены, башни и келии Хиландаря к тому времени обветшали и пришли в негодность⁴, а между тем угроза разбойничьего нападения с моря или с суши была на Афоне вплоть до XVIII в. печальной повседневностью⁵. Как обычно, прошениям посольств предшествовали принесенные ими к царскому двору дары. Не обошлось без них и на этот раз. Самому Ивану Грозному была преподнесена серебряная панагия с частицей древа креста Господня, царице Анастасии Романовне — икона Богоматери в серебряной позолоченной ризе и образ сербского патриарха Спиридона (1380—1389), царевичу Ивану — образ Спасителя и резная каменная икона великомученика Георгия, обложенная золотом и жемчугом⁶. Дальнейшая судьба этих драгоценных подарков неизвестна (во всяком случае, в новейшем каталоге святынь царского Благовещенского собора Московского Кремля ни одна из них не фигурирует⁷), но участники посольства принесли с собою еще один драгоценный дар — устные рассказы о своем монастыре и хранящихся в нем чудотворных иконах и других реликвиях. И этот невещественный дар на московской земле был воплощен на бумаге неизвестным русским книжником, сохранившим тем самым для потомков свидетельства современников, другими источниками не зафиксированные.

Эти рассказы — под общим заглавием «Повесть страшна и ужаса исполнена и душеполезна верным, споведание о святых чудотворных иконах, еже суть в Святей горе Афонстей, в монастыре глаголемем Хиландарь, како и что чюдодействуют, сказание сице» — известны в настоящее время в единственном, практически современном записи, списке⁸, в составе сборника ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 147Д. Рукопись свыше 100 лет имеет подробное печатное описание⁹ и это позволяет не рассматривать в деталях вопрос о ее составе. Здесь достаточно упомянуть, что сборник изобилует редкими, а иногда и уникальными текстами. Таковы «Моление к царю» Ермолая-Еразма, и «Летописец и сказание ко учению и рассуждение о Фонианде вкратце», написанный в 1558 г. монахом Дорогобужского Троицкого Ге-

расимова монастыря Иосифом¹⁰. В литературе высказывалось предположение, не восходит ли ряд текстов сборника непосредственно к царскому архиву¹¹. Подобное собрание литературных раритетов давно привлекало к себе внимание исследователей¹², однако наша повесть не стала предметом изучения¹³, хотя нет сомнений, что она входит в кодекс на равных правах с другими редкостями.

Несмотря на то, что афонская традиция лежала уже у истоков русского монашества (согласно преданию, на Святой горе подвизался еще преподобный Антоний Печерский) и русский монастырь существовал там в XI в., литературные памятники, посвященные здешним святыням и преданиям, появляются в древнерусской литературной традиции достаточно поздно. Это особенно хорошо заметно на фоне хождений в Святую Землю (начиная с игумена Даниила — начало XII в.) и в Константинополь (Добрыня Ядрейкович (будущий архиепископ Антоний) — около 1200 г.). Даже хождения первой четверти XV столетия, времени активных связей русских общежительных монастырей с Афоном, такие как путешествие дьякона Зосимы и Игнатия Смольнянина, ограничиваются простым перечнем святогорских обителей¹⁴ либо краткими летописными заметками о событиях на «монашеском полуострове»¹⁵.

В известном смысле Святая гора замещает собой вселенскую столицу в литературе хождений (да и то явно не в полной мере) лишь со второй половины XV в., после взятия Константинополя османами в 1453 г., наибольшее же число рассказов об Афоне в древнерусской книжности (в литературах южных славян (в особенности болгарской) жанр проскинитариев не получил заметного распространения¹⁶) приходится уже на XVI в.¹⁷ Однако и они не могут сравниться по информативности и подробности сообщаемых сведений с более ранними и современными им хождениями в Святую Землю и Константинополь — недаром главным русским источником сведений об Афоне на переломе от Средневековья к Новому времени является памятник середины XVIII в. — описание путешествия Василия Григоровича-Барского¹⁸. Наряду с краткими описаниями святогорских монастырей в русской книжности второй половины XV — XVI в. получают достаточное распространение афонские легенды и предания как общего характера (такие как «Воспоминание отчасти Святыя горы Афонския»¹⁹), так и относящиеся к отдельным монастырям (различные рассказы о св. Савве Сербском²⁰, дохиарское Чудо о юноше-пастухе, нашедшем древний клад²¹, повести о чудотворных иконах Ватопедского²² и Иверского монастырей²³, краткие рассказы, связанные с монастырем Св. Павла²⁴).

На фоне этих последних текстов, повествование которых (за исключением, естественно, посвященных св. Савве) носит, как правило, по сути вневременной характер, повесть о хиландарских святынях в сборнике Хлуд. 147Д выделяется богатством сведений и многообразием сюжетов, имеющих хронологическую привязку от второй четверти XIV до середины XVI в. Подобные рассказы совмещают в себе как бы два взгляда: изнутри — от повествователя, повествующего о хорошо знакомых ему вещах и событиях, и извне, поскольку он рассказывает это людям, мало знакомым с реалиями и ситуацией. Такое повествование посла о своей родине (либо пленника или перебежчика) составляет, по всей видимости, особый полудокументальный жанр, «зеркальный» по отношению к хождениям и статей-

ным спискам (своего рода «распросные речи»). Наиболее развернутые образцы его представляют применительно к Сербии «Записки янычара», а для России — рассказы Дмитрия Герасимова, обработанные и опубликованные Паоло Джовио (Павлом Иовием Новокомским) в «Записках о Московии», и написанное в Швеции столетие спустя после «Повести» сочинение беглого московского подьячего Григория Котошихина. Вероятно, подобных рассказов существовало некогда значительно больше (а отчасти они и до сих пор не выявлены в массе документальных источников XVII в.). Известен, к примеру, подобный текст о Сербии, ее истории и святых, записанный в Москве в конце XVII в., в правление царевны Софьи Алексеевны, со слов даскала Афанасия²⁵, возможно, к таким же устным свидетельствам восходят также подробные сведения о сербских (и вообще южнославянских) святых в «Палинодии» Захарии Копыстенского (1621 г.)²⁶. Правда, наша повесть не является собственноручной записью кого-то из членов монастырского посольства (из них в тексте по имени названы его глава архимандрит Прохор и старец Анастасий, бывший непосредственным участником чуда от иконы Богоматери во время крестного хода), поэтому рассказы несут на себе несомненный отпечаток языкового и литературного редактирования московским книжником, соединившего их в дошедший до нас текст. Орфография списка (см. публикацию) не отражает каких-либо следов сербского (ресавского) извода, традиционного для большинства южнославянских рукописей (как сербских, так и болгарских) этого времени; это характерное для русских рукописей XVI в. (хотя для конца 1550-х гг., пожалуй, уже несколько архаичное, что, возможно, указывает на возраст писавшего) сильно болгаризированное правописание, с обильным и не всегда правильным употреблением «юса большого» (примеры см. в тексте). Нельзя не отметить попутно и каллиграфического почерка писца повести²⁷, изобилующего курсивными элементами, гречизированными начертаниями отдельных букв и сложными лигатурами²⁸. В языке «Повести страшной» содержится значительное число примеров греческой и южнославянской лексики, идущей от рассказчиков («дохия» — помещение, «магерия» — поварня, «пирг» — донжон, крепостная башня, характерная деталь архитектуры афонских монастырей и скитов, и др.), но столь же несомненен и восточнославянский языковой пласт, выдающий происхождение «редактора»-составителя (к примеру, в описании украшений, приложенных сербской царицей, женой Душана, к Серрской иконе Богоматери, фигурирует «жемчуг», а не «бисер»). Следы литературной обработки заметны и в ряде сообщаемых сведений. Так, здесь несомненно объединены известия о двух хиландарских посольствах (1555—1557 и 1558—1559 гг.) — в заключительной части повести говорится о завесе-катапетазме, вложенной царем Иваном Грозным в монастырь, но из других источников известно, что этот факт связан с предыдущим посольством²⁹, дата в заголовке относится не к приезду, а к отъезду делегации.

Структурно «повесть» состоит из следующих частей; 1) Пролог с похвалой чудотворным иконам; 2) описание крестного хода в Хиландаре с литийными иконами и совершающихся при этом «обыденных» чудес, когда носимые и стоящие в различных монастырских строениях и помещениях иконы приветствуют друг друга поклонами; 3) сказание о чуде Серрской (Евхайтской) иконе Богоматери;

4) сказание о иконе Богоматери Троеручица; 5—6) краткие рассказы о Старческой и Евнуговской иконах Богоматери; 7) два чуда от иконы архангела Михаила; 8—17) чудеса различных хиландарских икон, преимущественно о неверующих и непослушных иноках; 18) исторические сведения о других монастырских реликвиях; 19) перечень и описание крестных ходов, совершаемых в Хиландаре на протяжении года; 20) эпилог с описанием пожалований монастырю царя Ивана Грозного.

Пространный текст, записанный в Москве со слов участников хиландарского посольства, представляет интерес сразу во многих смыслах. Излагаемые в нем предания о чудотворных иконах (и в первую очередь о Серрской (Евхаитской) иконе Богоматери) заметно обогащают историю сербской литературы XVI столетия и в хронологическом и (в особенности) в жанровом отношении. Жанр сказаний об иконах не типичен для средневековых южнославянских литератур, являясь отличительной чертой древнерусской. При этом на Святой горе заметно стремление к устной передаче преданий о чудотворных иконах афонских обителей и других монастырских реликвиях. Поэтому ситуацию с рассказами монастырского посольства 1558 г. в Москве следует признать необыкновенной удачей. Сербские святогорские сюжеты совместились в данном случае с давно сложившейся в русской литературе традицией сказаний о чудотворных иконах (хотя на тот момент ещё не слишком изобилующей памятниками, но уже вполне репрезентативной)³⁰. Кроме того, большинство содержащихся в нем сведений либо уникально, либо представляют древнейшие сохранившиеся письменные свидетельства. Понятно, что полноценный анализ известных «Повести зело страшной» может быть выполнен лишь историком сербской литературы и/или византийского и сербского искусства³¹ (либо при его активном участии), поэтому дальнейшее изложение в значительной мере представляет лишь предварительные материалы к нему, представляющиеся автору, однако, весьма небесполезными.

Евхаитская икона. Центральное место в цикле бесспорно занимает история Евхаитской (Сересской, Серрской)³² иконы Богоматери. В самом сюжете много загадочного. Икона с таким названием (в отличие от прославленной хиландарской святыни — Троеручицы) неизвестна по другим источникам — будь то рассказы паломников, монастырских посольств³³ (показательно, к примеру, что о ней ни словом не упоминает в своем рассказе-отчете всего полтора-два года спустя игумен Пантелеймонова монастыря Иоаким³⁴) — при том, что в «Повести зело страшной» она явно выступает как главная монастырская святыня. На момент первой публикации памятника³⁵ казалось почти несомненным (хотя во вступительной статье об этом и не было сказано), что икона не сохранилась до нашего времени (и это на первый взгляд прекрасно объясняло уже упомянутое молчание источников). Однако через некоторое время после издания текста автор этих строк и Б. Милькович³⁶ независимо друг от друга, основываясь на приблизительной датировке (согласно повествованию, не позднее середины XIV в.) и на достаточно редкой иконографической особенности (изображении Илии пророка в пустыне на обороте двусторонней иконы) отождествили с Евхаитской иконой выносной литийный образ и донныне хранящийся в монастырской ризнице, хотя и сильно пострадавший от времени (боковые поля иконы опилены (современный размер — 117 × 67 см), на

обеих ее сторонах большие утраты живописи, в частности, почти полностью утрачена голова пророка)³⁷. При этом выяснилось, что хотя в «Повести зело страшной» икона устойчиво именуется Одигитрией, в реальности она не относится к этому иконографическому изводу в современном его понимании, представляя собою левый вариант «Взыграния младенца», известный под именем Пелагонитиссы, указывающим на связь образа с македонским городом Битоль (греч. Бутелиос или Пелагония)³⁸. Ближайшую аналогию ему составляет серия сербских икон и фресковых изображений середины XIV — первой четверти XV в.³⁹: литийная икона из церкви св. Георгия в Призрене и небольшой образ в Хиландаре (оба середины столетия)⁴⁰, датируемые до 1371 г. фресковые изображения в аркосолиях над гробницами кесаря Воихны и его внука, сына серрского деспота Иоанна Углеши, в Хиландаре⁴¹, литийная икона второй половины XIV в. из Дечан⁴² и, наконец, широко известный образ 1421/1422 г. работы зографа Макария из монастыря Зрзе⁴³. Перечисленные изображения (кроме самого позднего из них) связаны со столицей Душана (призренская икона), с Хиландарем (хиландарский образ), с Хиландарем и Серром⁴⁴ одновременно (фрески над гробницами тестя и сына Углеши), наконец, с Дечанами, одним из ктиторов которых был Душан. Хиландарские фрески свидетельствуют также о почитании иконы в кругу «диадохов и эпигонов» первого сербского царя. В совокупности это указывает, по всей вероятности, на всплеск почитания иконы в Сербской державе и на Афоне около середины XIV в. на самом высоком уровне, что косвенно подтверждает сведения «Повести зело страшной» о прославлении образа в 1345 г. (см. ниже). В то же время этот культ, несомненно, имел более ранние корни: изображение иконы (при том, что эпитет «Пелагонитисса» считается в данном случае приписанным позднее) имеется в росписях Старо Нагоричина (1317—1318 г.), в связи с чем высказано вполне вероятное предположение, что образ мог служить уже военным палладиумом короля Милутина в союзе с византийцами походе против турок (1312—1313 г.)⁴⁵. Изложение повести не вызывает сомнений в том, что Душан взял с собою из Битоля в военный поход почитаемый в городе и регионе образ.

Частично сохранившаяся на лицевой стороне иконы надпись (по всей видимости первоначальная) определяет ее как «Авраамиотиссу»⁴⁶. Подобная характеристика, отсутствующая на всех перечисленных выше изображениях, восходит, вероятнее всего, к утраченному оригиналу хиландарского литийного образа и указывает на связь архетипа иконы с константинопольским монастырем Авраамитов⁴⁷.

В результате разысканий, предпринятых после первой публикации текста (1996) А. Фотичем и Б. Мильковичем⁴⁸, существенно прояснилось значение сюжета о Евхаитской иконе как исторического источника.

В основе рассказа лежит историческое событие осени 1345 г. — эпизод завоевания сербским королем (еще не царем) Стефаном Душаном юго-восточной части византийской Македонии, осада Серра, сдавшегося победителям 25 сентября⁴⁹. Из неизвестных ранее фактов повесть уточняет маршрут движения сербского войска на Серр — через Битоль («и тот святой образ чудотворный понес с собою царь Стефан от града Битоля, и поиде воевать Евхаиты, ныне же рекомыа Серез») ⁵⁰.

Драматическая сцена штурма и взятия города сербским войском, возглавляемым иконой Богородицы, с последующим поголовным истреблением мужской части населения, составляющая кульминацию повествования, не находит подтверждения в современных источниках, в первую очередь греческих, которые, разумеется, не умолчали бы о столь экстраординарном событии. К тому же она прямо противоречит тому, что известно о политике, проводимой Душаном на завоеванных греческих территориях, действительно направленной на создание «царства сербов и греков»⁵¹. Напротив, вполне установленной (на основании упоминания в других источниках) представляется достоверность предания о башне в хиландарских владениях, именуемой «Каволарев пирг» (хотя вопрос о личности ее строителя (= заказчика), отождествляемого в «Повести зело страшной» с «фрязином» — защитником Серра, ранившим чудотворную икону и позднее принявшим постриг в Хиландаре, едва ли будет когда-то решен окончательно, учитывая распространенность фамильного прозвища. В работах А. Фотича убедительно показано тождество этой башни с известным монументальным оборонительным сооружением, необоснованно именуемым с конца XIX в. «пиргом короля Милутина»⁵².

Попутно можно высказать некоторые соображения по поводу датировки и обстоятельств создания дошедшей до наших дней хиландарской Авраамитиссы — Серрской или Евхайтской иконы. Она действительно (учитывая ее датировку, существующую в литературе) может быть списком с несохранившегося прославленного битольского образа, написанным специально для похода на Серр, но не менее вероятно и другое толкование. В походы (во всяком случае в русской военной практике) принято было брать сами прославленные иконы, а не списки с них. Не вполне стандартна и ситуация вклада на Афон чудотворного образа, буквально только что ставшего (возможно, вторично — см. выше) военным палладиумом молодого сербского царства. Скорее его должны были перенести в столицу либо с почестями отправить на место первоначального пребывания (хотя, разумеется, начавшийся разгул эпидемии чумы⁵³, ставшей одной из причин отъезда царского двора на Афон, мог диктовать действия и поступки, весьма далекие от рационального объяснения). Быть может, вероятнее поэтому, что атрибутированная хиландарская литийная икона представляет список, сделанный и богато украшенный специально для вклада в Хиландарь незадолго до поездки туда сербской царственной четы (август 1347 — апрель 1348 г.)⁵⁴. В связи с этим создание существующей Евхайтской Авраамитиссы можно датировать между концом сентября 1345 и августом 1347 г. К сожалению, в настоящее время ничего нельзя сказать о драгоценных украшениях образа, описанных в повести («аравитское золото, серебро и драгоценное камение», «венец с драгоценным камением и женчугом», снятый царицей, женой Душана со своей головы и возложенный на чудотворную икону). Оклад ныне полностью утрачен, о его наличии в древности свидетельствуют лишь следы гвоздей на лицевой стороне иконы⁵⁵.

Красочно описанная в Повести сцена вынесения греками икон на стены Серр, сербская процессия во главе с Евхайтской иконой, обстрел и ранение святыни и последующий штурм ею городских врат поразительным образом напоминают (хотя и в зеркальном отражении, возможно, по ассоциации, возникшей у русского фиксатора хиландарских рассказов) кульминацию Сказания о Знамени Новгородском и

сами собой напрашиваются на воплощение средствами живописи во фреске или на иконе, подобной сцене битвы императора Константина Великого с Максенцием на Милейском мосту⁵⁶, осады Константинополя в иллюстрациях к Акафисту Богоматери, многоярусным новгородским иконам XV—XVI вв. «Битва суздальцев с новгородцами»⁵⁷ или же изображению сражения при Вельбужде в нижней части житийной иконы Стефана Дечанского 1585 г. работы зографа Лонгина⁵⁸. Здесь нужно отметить также, что абсолютно уникальной для всей традиции православных сказаний о чудотворных иконах (которые, как известно, в подавляющем большинстве посвящены именно иконам Богоматери) является ситуация, когда богородичная икона выступает не в традиционной роли защитницы города (его «нерушимой стены» — один из эпитетов Богородицы)⁵⁹, а в роли непосредственно и яростно штурмующей его ворота полиоркетиссы. Уникальным для русской письменной традиции свидетельством (несомненно объясняющимся хиландарским происхождением повествования) является сугубо положительная трактовка личности и деятельности царя Стефана Душана⁶⁰. В дальнейшем рассказ о Евхаитской иконе, безусловно, должен рассматриваться в истории сербской литературы XVI в. хотя бы на тех же правах, что и традиционно включаемая в нее «Повесть о убиении Батя»⁶¹, также записанная на Руси и представленная только русскими списками⁶².

Загадкой, которая едва ли получит достоверное и однозначное объяснение и в дальнейшем, представляется судьба этого исторического предания, которое лишь единожды (спустя более двух веков после повествуемых событий) всплывает в рассказе монастырского посольства и затем вновь бесследно исчезает на века⁶³ (во всяком случае, в качестве самостоятельного сюжета) из хиландарского монашеского фольклора, отразившись только в сказании о иконе Троеручицы — при этом в трансформированном и контаминированном виде (см. ниже). Троеручица в позднейшее время (неясно, когда точно) приняла на себя и некоторые функции Евхаитской Авраамиотиссы. Так, в «Повести зело страшной» говорится, что Евхаитская икона носится в крестный ход, совершаемый на Богоявление, а Троеручица участвует в процессии на Вознесение. В позднейшем же хиландарском сказании о иконе Троеручицы, дошедшем в списке 1804 г., сообщается, что в день Богоявления носят именно этот чудотворный образ, который во всякое другое время не двигается со своего места⁶⁴. Здесь же содержится эпизод об участии Троеручицы в военных действиях (конкретный противник не назван — «егда со супостати брань имеяху») и ранении иконы «в десное рамо Христово» с чудесным истечением крови, возникший несомненно под влиянием предания о Евхаитском образе⁶⁵. Вторичность эпизода сказания о Троеручице по отношению к «Повести страшной» подчеркивается анахроничной деталью: событие отнесено ко времени короля Владислава (ок. 1233—1242), но при этом икона ранена «зерном из пушки» (т. е., очевидно, ружейной пулей).

Можно высказать лишь предположение о причинах актуализации сюжета именно ко времени посольства в Москву. Ему, по сути, непосредственно предшествовало восстановление автокефальной Печской патриархии (1557 г.), которое не могло не вызвать всплеска сербско-греческой конфронтации, отчетливо присутствующей и в рассказе, причем с откровенно торжествующей победоу сербской

стороной. Помимо этого исследователи отмечают для рассматриваемого времени наличие у Хиландаря земельных конфликтов с соседними греческими монастырями, прежде всего с Ватопедом⁶⁶. Не исключено также, что повесть фиксирует последнюю фазу существования позднее угасшего культа святыни, получившей (возможно, уже после 1559 г.) на обеих сторонах сильные повреждения изображения, которое по каким-то причинам монастырские власти сочли невозможным (либо нецелесообразным) реставрировать.

Троеручица. Второй по объему и значению сюжет «Повести зело страшной» посвящен чудотворной иконе Богоматери Троеручицы, ставшей со временем своеобразным символом Хиландарского монастыря. Насколько можно судить, на сегодняшний день это древнейшее⁶⁷ упоминание иконы (и тем более — самое раннее повествование о ней) и уже в силу этого заслуживает особого внимания. В изложении хиландарских иноков середины XVI в. история этого чудотворного образа никак не связана с чудесным исцелением отсеченной руки прп. Иоанна Дамаскина (это чудотворение приписано в Повести другой иконе, также находившейся в монастыре, но не названной Троеручицей — см. ниже). Это обстоятельство заставляет думать, что здесь мы имеем дело с древнейшей версией сюжета.

Рассказ о хиландарской иконе Троеручицы в «Повести зело страшной» сводится к двум пространным чудесам, связанным с ее созданием (чудесное появление на изображении третьей (живописной) руки у Богоматери) и с появлением в сербской афонской обители (стремительное перенесение образа из Скопле в Хиландарь вместе с ослом, на которого она была навьючена).

Попутно Повесть косвенно датирует икону, хотя и довольно широко. Как следует из рассказа, она была написана до взятия турками Скопле, что произошло в самом начале (не позднее 6 января) 1392 г.⁶⁸ («боярыня», позднее давшая чудотворную икону вкладом в Хиландарь, «взем той образ, схрани его в клети своей», явно оберегая святыню от осквернения захватчиками-мусульманами). Нижнюю границу датировки определяет титулование скопского архиерея митрополитом. Ранг митрополии скопская епархия обрела в 1346 г. в связи с учреждением сербского патриаршества. В искусствоведческой литературе икона Троеручицы датируется по стилистическим признакам около середины XIV в.⁶⁹

В широких временных рамках может быть датировано и перенесение иконы в Хиландарь — между 1392 и 1467 гг. (но, по всей видимости, ближе к первой дате). Вероятная верхняя хронологическая граница определяется тем, что 13 мая 1467 г. по указу султана Мухаммеда II Завоевателя 15 знатных христианских скопских семейств было переселено в Албанию, в новопостроенный город Конюх (близ Эльбасана)⁷⁰. Возможно, эти рамки удастся сузить до 1392—1447 гг., если будет надежно установлено, что запись на кодексе «Бесед Иоанна Златоуста на книгу Бытия» (Хиландарь, № 402, л. 438 об.), переписанном в 1447 г., определяющая Хиландарь как «монастырь Пресвятые Троеручицы», сделана рукою писца⁷¹. В любом случае (в особенности в сочетании с изложенной выше историей Серрской (Евхаитской) иконы) практически исключена предложенная в исследовательской литературе гипотеза, что Троеручица может быть вкладом в Хиландарь царя Стефана Душана⁷².

«Иоанно-Дамаскинская» версия сказания о иконе Троеручицы явно позднейше-

го происхождения, никак не ранее второй половины XVII в. Следы ее не обнаруживаются не только в «Повести зело страшной», но и позднее. Об этом ничего не говорит в 1561 г. пантелеймоновский игумен Иоаким, рассматривающий этот образ как главную святыню Хиландаря⁷³. Молчит об этой версии и третья часть «Амартолон сотириа» критянина Агапия Ландоса (Венеция, 1641), посвященная чудесам Богородицы, где содержится и рассказ о чуде с исцелением отсеченной руки Иоанна Дамаскина⁷⁴, и даже «Небо новое» Иоанникия Галятовского (Львов, 1665)⁷⁵. В полном согласии с «Повестью зело страшной» характеризует в 1663 г. икону как обладающую третьей «самописанной» рукой игумен Кастамонита Феофан Сербин⁷⁶. Более того, еще в 1685 г. духовник Хиландаря, ктиитор Троицкого пирга «на Спасовой воде», иеромонах Никанор сообщает в своем завещании найденную им в «писании» версию чудесного перенесения иконы из Скопья в Хиландарь, близкую к изложению «Повести зело страшной», хотя и не идентичную ей⁷⁷. К сожалению, ничего не пишет о преданиях, связанных с Троеручицей, обычно словоохотливый в отношении монастырских реликвий В. Григорович-Барский. В данном случае он ограничился замечанием, что икона «имат руки две обычны, а третья среброкована, пригвожденна на пеленах или на недрах Богородичных, может бытии ради сбывшегося иногда некоего чудеси, или сиче еще от ктииторей тамо дарована»⁷⁸. Возможно, что косвенно это указывает на существование в Хиландаре в 1740-х гг. одновременно нескольких версий предания об иконе, ни одно из которых путешественник не счел достаточно правдоподобным (поскольку невозможно предположить, что о главной в тот момент монастырской святыне ему ничего не поведали).

Взаимоотношение почитания в Хиландаре чудотворных икон Богоматери Евхаитской (Серрской) и Троеручицы во второй половине XVI — XVIII вв. представляет большой интерес для истории угасания, слияния и взаимозамены культов святынь. Как уже говорилось выше, рассказ «Повести зело страшной» о первой из них явился для исследователей полной неожиданностью, поскольку он ломает давно сложившуюся привычную картину представлений о чтимых хиландарских иконах. В позднейшем варианте монастырского предания о Троеручице (представленном, как и «Повесть зело страшна», единственным списком (датируется 1804 г.) — НБС, Рс 74, л. 236—244⁷⁹) от древнейшей версии сохранился лишь мотив пребывания иконы в Скопле и ее чудесного перенесения в Хиландарь, однако без каких-либо обиходных подробностей⁸⁰. В этом сказании («чуде») прихотливо соединились фрагменты преданий о разных (и не только хиландарских) иконах Богородицы. Образ получил здесь огромную предысторию, он предположительно отождествляется автором сказания с одной из четырех икон Богоматери, написанных евангелистом Лукой. При этом третья рука является отпечатком руки Приснодевы, свидетельствующим о сходстве живописного образа с оригиналом. Позднее икона при невыясненных обстоятельствах оказалась в Дамаске, где исцелила отсеченную руку Иоанну Дамаскину. Здесь ее много лет спустя нашел св. Савва Сербский во время одного из паломничеств в Святую землю и привез в Сербию, где подарил своему брату, королю Стефану Первовенчанному. Икона сопровождала в победоносных походах и этого правителя, и его сына Владислава, в одном из которых она была ранена⁸¹ (мотив, восходящий к рассказу о Евхаитской иконе —

см. выше). Владислав оставил икону в Скопле для защиты города от нашествий и эпидемий.

Подробное сопоставление хиландарского сказания о иконе Треручицы с «Повестью зело страшной» вполне заслуживает отдельного исследования. Сложность такого исследования заключается прежде всего в том, что предания связаны элементами и мотивами многовековой устной традиции и не имеют общей письменно зафиксированной текстологии.

«Старческая» икона. Наименование еще одной чудотворной хиландарской иконы Богоматери, о которой известно лишь из «Повести зело страшной», Старческой или Старецкой, является по сути славянским синонимом греческого прозвища прославленного образа монастыря Пантократор («Геронтисса», «Герондисса») ⁸², однако в преданиях о них нет точек соприкосновения. Хиландарская икона, согласно Повести, надзирает за иноками, исполняющими различные хозяйственные службы («правления монастырскаа») и сурово наказывает провинившихся — «изобличает и биет».

Евнуговская икона Богоматери ⁸³, которой посвящен краткий рассказ об иноках, заведенных этим чудотворным образом в море, в позднейшее время в описаниях Хиландаря не фигурирует, во всяком случае с таким именем. В хиландарской повести об иконе Богоматери Треручицы сходное чудо, но с более драматическим исходом для одного из носящих, связано с иконой, называемой «Правдолюбительница» ⁸⁴, которая, в свою очередь, может быть, по всей видимости, отождествлена с современной «Попской» ⁸⁵. Безусловно, нуждается в объяснении само необычное название иконы. Оно не может быть производным от нарицательного существительного «евнух», даже если предполагать здесь гиперкорректное написание при письменной фиксации московским писцом произношения южнославянского (сербского) рассказчика. Ожидаемое прилагательное от «евнух» было бы «Евнушеская» ⁸⁶. Гораздо больше оснований видеть здесь связь с топонимом, названием одного из старых обширных хиландарских метохов на территории материковой Греции — селом Евнухово (в сербских документах также Емнухово, Емьнухово; позднейшее греч. Мунухи (варианты: Мунух, Мунуково, Менухово и т. п.), ныне Мавроталасса) с округой в нижнем течении Стримона-Струмы ⁸⁷. Метох был пожалован Хиландарю в 1318 г. императором Андроником II Палеологом и оставался во владении монастыря до конца XVIII в. ⁸⁸ Это дает основание широко датировать упомянутую в Повести икону между первой четвертью XIV в. (временем пожалования метоха) и серединой XVI в. К сожалению, ее упоминание в тексте лишено каких-либо характерных подробностей (за исключением, разумеется, того, что она явно была выносной, т. е. имела вильчатую рукоять в нижней части), которые позволили бы соотнести ее с конкретным памятником хиландарской ризницы.

«Огнепальная» икона архангела Михаила. Далее в «Повести зело страшной» следуют два чуда (первое из которых является, в сущности, постоянно повторяющимся сюжетом — см. ниже) от иконы архангела Михаила. На данный момент мне не удалось отождествить эту икону с определенной существующей ныне монастырской святыней. Другие источники, включая и сказание о хиландарской иконе Треручицы в списке 1804 г., не упоминают этот образ, свидетельства же самого

текста о ней довольно расплывчаты и неконкретны. Об изображении архангела сказано, что он «чюден зело видением, якоже огнепален». Это, по всей вероятности, означает, что лик архангела имеет «огненную» (красную либо ярко розовую) окраску. Данная колористическая особенность (в основе которой лежит цитата из послания ап. Павла к евреям: «Творяй духи свои и ангелы огонь палящ» — Евр. I.7) не характерна для средневековых южнославянских и византийских икон⁸⁹, хотя известна в русских памятниках по крайней мере с XV в.⁹⁰ В перечне хиландарских святынь, помещенном в заключительной части Повести, икона значится как принесенная из Палестины св. Саввой Сербским, однако данное свидетельство едва ли безоговорочно заслуживает доверия, поскольку (как будет показано ниже) все другие реликвии этого реестра, которые удастся отождествить с существующими ныне, датируются не ранее третьей четверти XIII столетия. В любом случае этот образ должен датироваться не позднее второй четверти XVI в., поскольку уже к 1558 г. им был совершен целый ряд чудотворений.

Икона архангела Михаила выступает в повести как строгий судья и вершитель божественной справедливости (вплоть до наказания согрешившего). Сам сюжет, когда в качестве третейского судьи между тяжущимися сторонами или поручителем одной из них выступает божество, персонифицированное в его изображении (скульптурном или живописном), восходит к незапамятным — еще дохристианским — временам. В восточнохристианской литературе одним из ранних его представителей выступает «Повесть о купце Феодоре, иже взя злато у жидовина и дасть поручником образ Христа, мусиею на вратех писан», читающаяся под 31 октября в учительной части восточнославянских списков Пролога (греческий оригинал текста остается неразысканным⁹¹). При этом суд, творимый хиландарской иконой архангела Михаила, представляет целый ритуал: сначала она поклоняется иконам Христа и Богородицы, «показуа к владыце рабское покорение». Получив от них наставление, образ архистратига разрешает спор, преклоняясь на голову правого и нещадно избивая виноватого. В частности, суровая кара настигает во время крестного хода некоего мирянина, укравшего когда-то и продавшего чужого вола: прекратить жестокое избиение иконой он смог лишь сознавшись в проступке и принеся вырученные деньги в церковь архангела Михаила.

Чудеса о неверующих и нерадивых иноках. Далее следует серия из 9 небольших эпизодов, два из которых (второй и третий) специально отмечены в Повести как рассказы участника посольства старца Анастасия. Эпизоды, в которых чудотворные иконы не всегда указаны конкретно, объединены преимущественно темой чудесного наказания монахов за неверие в чудотворную силу монастырских святынь (и здесь явно заметно присутствие антигреческого элемента, поскольку таким отсутствием веры страдают монахи соседнего Ватопеда) либо за различные прегрешения против монастырского устава⁹², а также заботы о монастырском имуществе (короткие рассказы об утраченных драгоценных подвесках к иконам и об имуществе, скрываемом в лесу монахами, собирающимися тайно покинуть Хиландарь). Несколько уравнивает ситуацию заключительный эпизод, повествующий о том, как иконы воздают посмертные почести добродетельным инокам, склоняясь над их гробами. Во всех этих эпизодах, как и в предыдущем рассказе об

иконе архангела Михаила, чудотворные иконы ведут себя как живые существа — двигаются и останавливаются по собственной воле, помимо желания несущих их людей, физически наказывают провинившихся. В совокупности эти сюжеты создают необыкновенно живую и красочную картину монастырского крестного хода со святынями как события и действия, изобилующего разного рода неожиданностями, далекого от раз и навсегда установленного распорядка.

Монастырские реликвии, ктитории и вкладчики. Неизвестен (во всяком случае, в столь детализированном виде) и перечень монастырских святынь, при том, что не все они, к сожалению, с надежностью идентифицируются с хранящимися в хиландарской ризнице в наши дни. При этом определенную параллель ему (но без текстуальных совпадений) представляет аналогичный перечень в сказании о Хиландарской иконе Троеручицы⁹³. Примечательно, что происхождение всех этих святынь (включая чудотворные иконы: «образ Спасов, да шесть образов чудотворных святых Богородица⁹⁴, да образ архистратига Михаила, да образ святого Георгия, страстотерпца Христова») связывается в нашей повести с поездками св. Саввы в Святую землю и в Константинополь⁹⁵.

На первом месте после икон упомянут «крест от камня хрусталя, а в нем кровь Христова» — известнейшая и донныне хиландарская реликвия (по всей вероятности, венецианской работы конца XIII — раннего XIV в.)⁹⁶, которую упоминает и пантелеймоновский игумен Иоаким (1561)⁹⁷, и большинство позднейших паломников и путешественников⁹⁸.

Не нуждаются, по всей видимости, в комментариях и следующие реликвии, сохранившиеся до настоящего времени⁹⁹ — «ковчежец злат, и в нем власы Христовы, и ризы часть, и страсти Христовы — губа и трости часть». Можно отметить лишь некоторую разногласию разновременных свидетельств: сказание о Троеручице помещает власы вместе с кровью в хрустальный крест, говоря, что «особ во единой позлащенной кутийце» находилась кровь, истекшая от руки и ноги Спасителя во время пригвождения к кресту¹⁰⁰.

Многократно упоминается в источниках и еще одна из главных святынь Хиландаря — «крест животворящего древа, полтретья пяди»¹⁰¹. Значительно сложнее обстоит ситуация с отождествлением следующего пункта перечня: «святой потир — Неопалимая Купина, златом обложена». Сюжет изображения несколько неожиданен для потира, и возможно, не случайно в хиландарском сказании о Троеручице здесь фигурирует не литургический сосуд, а икона с тем же названием¹⁰². Учитывая определенный культурно-обиходный барьер между хиландарскими рассказчиками и их московскими слушателями, представляется вполне вероятным, что речь может идти не о потире, а о иной чаше — панагиаре¹⁰³, причем иконография изображения, разумеется, не обязательно должна соответствовать известной по русским памятникам XVI—XVII вв. (это могла быть, к примеру, Богоматерь с младенцем в окружении небесных сил, как на известном ксиропотамском панагиаре Пульхерии¹⁰⁴).

Без сомнения могут быть отождествлены с конкретным памятником (при том, что не соответствуют реальности ни материал и техника, ни датировка) «два образа складни, мусиею писаны: все владычни праздники, жемчугом сажены, а сверху

дсками хрустальными крыто, а поверхъ хрустала сребром обложено и позлачено, и каменем драгим — на коемждо празднице по четыре камени. А тот образ есть, что царица Елена принесе от Иерусалима царю Константину». Речь идет о драгоценном хиландарском диптихе венецианской работы, с темперной живописью по замше под хрусталем, датируемом временем короля Милутина¹⁰⁵. Описание памятника в Повести почти на 300 лет предшествует первому его упоминанию (1847) в сербской научной литературе¹⁰⁶. Определение, данное складню в «Повести зело страшной» («все владычни праздники»), объясняет отсутствие среди сюжетов собственно богородичных — Рождества Богородицы и Успения¹⁰⁷. В то же время упоминание в связи с диптихом имени равноапостольной царицы Елены позволяет высказать предположение, с кем именно в реальности мог быть связан заказ складня или вклад его в Хиландарь (либо и то и другое вместе). Речь может идти об одной из соименных матери императора Константина супруг сербских правителей — королеве Елене Анжуйской, вдове короля Уроша I и матери Милутина (умерла в 1314 г.), либо (что, на мой взгляд, менее вероятно — несмотря на царский титул) о жене Стефана Душана¹⁰⁸. Обширные (уже в силу происхождения и сохранения в браке с православным супругом католического вероисповедания) связи Елены Анжуйской с западным миром хорошо известны¹⁰⁹. В случае достоверности высказанного предположения мы получаем *terminus post quem* для датировки складня — 1314 г.

Далее в перечне святынь, принесенных св. Саввой с Востока, упоминается «образ Пречистые Богородицы, златом обложен, что исцели руку отрезанную святому Иоанну Дамаскину». Однако, как уже отмечено выше, эта икона не именуется здесь Треручицей и ничего не говорится о том, что на иконе у Богоматери имеется третья рука (в данном случае неважно — живописная или же накладная металлическая)¹¹⁰.

В высшей мере загадочной представляется судьба следующей реликвии перечня: «образ Пречистая Богородицы, невелик, златом обложен, и от того образа великое благоухание исходит, что царица Феодора в подушке дръжаше в тайне при цари Феофиле иконоборце». Хиландарское сказание о Треручице сообщает в данном случае более пространную версию предания¹¹¹, однако по другим источникам эта святыня в монастыре неизвестна¹¹², не существует, насколько могу судить, и ее отождествления с какой-то конкретной иконой монастырского собрания. С уверенностью можно сказать лишь, что речь идет об образе не моложе первой половины XVI в. (вероятно же — старше, неясно лишь насколько), небольшого размера, и по всей видимости с мошевицами на полях, либо имеющем нишки от ранее бывших в нем реликвариев. Дополнительная сложность заключается в данном случае в том, что на Афоне существует гораздо более известная икона (точнее — диптих: иконы Богоматери и Спасителя) с аналогичным прозвищем и легендой, издавна хранящаяся в Ватопеде¹¹³. В литературе ватопедская реликвия датируется в настоящее время рубежом XIV—XV вв. и атрибутируется как вклад в монастырь трапезундской императрицы Анны Палеологины Кантакузины Филантропины, жены императора Мануила III (1390—1412)¹¹⁴.

Разумеется, можно было бы предположить перемещение святыни из Хиландаря в Ватопед (учитывая и географическую близость и давние — еще со времени св. Саввы и Симеона Сербских — прочные исторические связи обитателей¹¹⁵), од-

нако наличие в последнем не одной иконы, а диптиха делает эту версию по сути дела невероятной, тем более, что о покровительстве Хиландарю трапезундских Великих Комнинов ничего не известно. Скорее всего, речь может идти о «конкурирующих» реликвиях или о их «раздвоении» (либо умножении в еще большей степени) — ситуации довольно обычной в Средневековье и раннее Новое время, позднее с успехом использовавшейся в атеистической пропаганде как доказательство постоянного обмана верующих «церковниками».

Вероятно, не будет большой натяжкой отождествить упоминаемое в перечне реликвий «еуаггелие, Иоаннову главу златом написано, серебром обложено и позолочено все, а на нем триста и шестьдесят камык драгих» с издавна находящимся в Хиландаре (Греч. 105)¹¹⁶ пергаменным греческим напрестольным Евангелием апракос («Евангелистарием») XIII—XIV вв., о котором известно, в частности, что оно имело некогда серебряный оклад¹¹⁷ («Повесть зело страшна» в данном случае существенно дополняет эту характеристику сведением о драгоценных камнях). За время, прошедшее с середины XVI по конец XIX в., монастырское предание удревнило историю кодекса, хотя и не очень сильно, а также несколько изменило его статус, превратив из царского в святительский. В Повести о нем сказано: «А то еуаггелие царя Иустиниана, которой създал Святую Софию в Цариграде»; современники же Саввы Хиландарца называли его (главным образом из-за златописных заголовков) Евангелием Иоанна Златоуста¹¹⁸.

Необыкновенной краткостью отличается информация еще о двух иконах — Спасителя и Богоматери, принесенных, согласно «Повести зело страшной», св. Саввой из Иерусалима. Далее они регулярно упоминаются в перечне крестных ходов, совершаемых ежегодно в Хиландаре (см. ниже). Разумеется, на основе столь скудных сведений трудно сделать определенный вывод. Однако (при непременном условии, что названные иконы сохранились до нашего времени) с учетом того обстоятельства, что эти чудотворные образы упомянуты в паре (единственный случай в перечне), можно предположить, что связь между ними не ограничивается обстоятельствами привоза в монастырь, а имеет более глубокие корни. Речь может идти о двух соответствующих иконах Спаса и Богородицы, датируемых в научной литературе третьей четвертью XIII в., стилистически близких к росписям монастырского собора в Сопочанах¹¹⁹. Достаточно большой размер этих икон (Спас — 120 × 90 см, Богоматерь — 109 × 57 см) в сочетании с упоминанием участия «иерусалимских» образов в литийных процессиях не может служить препятствием для подобного отождествления, поскольку близкие размеры имеют и другие иконы, бесспорно участвовавшие в крестных ходах. Уместно напомнить, что размер Троеручицы составляет 110 × 90 см¹²⁰, а Евхаитской (Серрской), как уже сказано выше, даже в обрезанном по горизонтали виде — 117 × 67 см¹²¹.

Перечень реликвий, привезенных с Востока и вложенных в монастырь св. Саввой, плавно перетекает в перечень других ктиторов и вкладчиков (из династии Неманичей и их преемников — Лазаревичей и Бранковичей) Хиландаря. В него включены поименно короли Стефан Первовенчанный, Урош, Милутин и Стефан Дечанский (все с эпитетом «святой»), цари Стефан (Душан) и Урош (без этого определения), князь Лазарь, деспоты Стефан (по всей видимости, Лазаревич), Иоанн и

Максим Бранковичи (все с эпитетом «святой», последний под монашеским именем, но без указания на церковный сан), а также безымянные «святые их супружницы и преподобные матери». Эта череда имен ктиторов не сопровождается упоминанием ни одного конкретного вклада. Поскольку же среди отождествляемых (бесспорно или гипотетически) реликвий предшествующего «святосавского» перечня в реальности нет ни одной, относящейся к периоду жизни первого сербского архиепископа, следует считать этот реестр святынь монастырской легендой, сформировавшейся между первой четвертью XIV в. (конец жизни «второго основателя» Хиландаря Милутина, когда вложенные им и его ближайшими родственниками реликвии не могли быть приписаны другим вкладчикам) или даже серединой этого столетия и 1550-ми гг. (более узкая датировка требует дополнительного исследования).

С одной стороны, подобное «стяжение» хиландарских святынь ко времени и личности основателя монастыря вполне естественно и в какой-то степени даже закономерно, поскольку оно способствовало укреплению значения обители в качестве второго (и по сути равнозначного) центра почитания св. Саввы, бывшего на протяжении всей позднейшей сербской истории одним из двух главнейших национальных святых (если не самым главным). В определенной мере этот феномен сродни позднему «стяжению» чудес от различных хиландарских икон к ставшей с течением времени главной среди них Троеручице (см. выше). С другой стороны, из этого следует, что реально вложенные основателями монастыря иконы и предметы церковной утвари (за исключением, пожалуй, мозаической иконы Одигитрии, принадлежавшей, по всей видимости, Стефану Немане, о чем см. ниже) стали со временем восприниматься как излишне скромные и не выдержали конкуренции с позднейшими, «заместившими» их и оттеснившими на задний план в сознании последующих поколений. Косвенно этот факт служит дополнительным показателем значения эпохи и личности Милутина в истории Хиландаря.

Крестные ходы. Второй и предпоследний разделы «Повести зело страшной и ужаса исполненной» в совокупности представляют в отношении крестных ходов своеобразный чиновник (типик) Хиландарского монастыря XV—XVI вв. (а отчасти, вероятно, и более раннего времени), не зафиксированный другими средневековыми источниками. В нем перечисляются крестные ходы, совершаемые из обители, с указанием праздника и чудотворных икон, которые участвуют в процессии. Первый ход совершался на Богоявление, к источнику («кладезю») для освящения воды, и в нем участвовали «иерусалимская» икона Спасителя и Евхаитская икона Богоматери.

Второй — на Благовещение, с «иерусалимскими» иконами Христа и Богородицы.

Третий в Вербное воскресенье, с крестами, той же иконой Спаса и иконой Богоматери, принесенной из Сербии св. Симеоном Сербским («с Пречистою Богородицею чудотворною, что принес Симион святой Неманя, отец Савы Сербскаго, из своего отечества, от Срьбскаго государства»¹²²). Эта последняя устойчиво (и, по всей вероятности, с полным основанием) отождествляется в литературе с хранящимся в Хиландаре и по сей день мозаическим образом Одигитрии второй половины XII в.¹²³

День четвертого крестного хода обозначен в повести не совсем ясно, сообщаемые сведения противоречат друг другу («на рании Велика дни, в понеделник Светлыя недели»). Он совершался «по градом (т. е., очевидно, по укрепленным скитам и келиям)¹²⁴, и по селам, и по пашням» с «иерусалимской» иконой Спаса и с иконой Богоматери Одигитрии, именуемой «Старецкая» (она же «Старческая»).

Пятый ход был приурочен к дню великомученика Георгия (по соседним датам можно полагать, что речь идет о 23 апреля («Юрьев день вешний»), а не о 3 или 26 ноября («Юрьев день осенний»), когда носились «иерусалимские» иконы Христа и Богоматери.

Шестой ход совершался на Вознесение, и в нем участвовали та же икона Спаса и образ Богоматери Троеручицы (Скопской).

Седьмой ход был приурочен к дню Сошествия св. Духа, когда вновь носились обе «иерусалимские» иконы.

Во всех шествиях, кроме крестного хода на Богоявление, иконы Христа и Богородицы сопровождал чудотворный образ великомученика Георгия — возможно, не во всех случаях один и тот же¹²⁵ (при описании процессии на Сошествие Св. Духа специально оговорено, что он «стоячей, вѣружен копием»). Маршрут всех ходов был одинаков — после обхождения монастырских служб, «по винограду и до моря три версты», до прибрежного Вознесенского пирга Хрусия («Василиева градка»).

Эпилог «Повести страшной» до некоторой степени находит соответствие в тексте хиландарской грамоты, привезенной посольством в 1558 г.¹²⁶ (хотя в последней рассказ и несколько короче). Особенно подробно (хотя и без текстуальных совпадений) в обоих случаях описание алтарной завесы (катапетазмы), вышитой царицей Анастасией Романовной для собора Хиландарского монастыря (ныне хранится в монастырской ризнице)¹²⁷.

В конце статьи уместно задаться вопросом, почему столь интересный и информативный памятник как «Повесть зело страшна и ужаса исполнена», зафиксированный письменно в самом центре Московской Руси (и, по всей вероятности, не без высочайшего соизволения), не получил (в отличие от перечисленных выше афонских сюжетов о чудотворных иконах) никакого распространения в русской книжности XVI—XVII вв. ни целиком, ни отдельными частями, сохранившись в единственном, хотя и современном, списке? Указать единственную и однозначную причину не представляется, на мой взгляд, возможным. Скорее можно говорить о сочетании и взаимодействии нескольких факторов. Один из них может заключаться в восхвалении непопулярного на Руси (см. выше) царя Стефана Душана (и, соответственно, уничтожении Византии — «греков») в центральном сюжете повести, посвященном Серрской (Евхаитской) иконе. Не секрет, что при широком распространении в Москве к середине XVI в. почитания ряда сербских святых (Симеона и Саввы, Стефана Дечанского, князя Лазаря и архиепископа Арсения) и памяти о сербских корнях матери царя Ивана Грозного Елены Глинской, византийской составляющей в церковной и государственной идеологии придавалось несравненно большее значение. Даже если оставить в стороне теорию «Москва — третий Рим», родство царя с последней византийской династией Палеологов (по степени бли-

зости равное сербским корням) являлось, несомненно, более значимым. Не случайно в росписях великокняжеского / царского Архангельского собора в Кремле (1564—1565 гг.) помещено изображение родоначальника династии (возродившего Византийскую империю) Михаила VIII Палеолога¹²⁸ — личности, с точки зрения Православия, в высшей мере сомнительной из-за заключения Лионской унии. Неприемлемым мог показаться русскому книжнику и сюжет покровительства Богоматери одной из противоборствующих сторон в кровопролитной войне между единоверцами (причем атакующей, а не обороняющейся¹²⁹).

Другой вероятной причиной, которая могла послужить препятствием для тиражирования текста, является излишняя антропоморфность и эмоциональность поведения чудотворных хиландарских икон (порой прямо граничащая с агрессивностью), непривычная для русских книжников XVI—XVII вв. и, очевидно, воспринимавшаяся ими как «соблазнительная» в средневековом понимании слова. Иконы на страницах «Повести страшной» постоянно ведут себя как живые существа, о чем уже говорилось выше: они кланяются друг другу при встрече, решительно управляют движением носящих их людей, физически наказывают согрешивших и даже штурмуют города¹³⁰. Все это резко контрастирует с древнерусскими сказаниями о чудотворных иконах, в которых процесс чудесного перемещения святынь (порой на большие расстояния) скрыт от человеческих глаз, а волеизъявление осуществляется посредством видений; антропоморфный элемент ограничен здесь истечением от иконы слез и/или мира.

Подобное восприятие действий чудотворных хиландарских святынь может показаться недопустимой модернизацией, однако практически то же самое писал об этом (и, поразительным образом, тоже применительно к иконам того же монастыря) более полутора столетий назад Василий Григорович-Барский, который (несмотря на то, что жил в век Просвещения и обошел к тому времени практически весь Ближний Восток) оставался в этом вопросе на позициях средневекового русского православия¹³¹.

Остается лишь порадоваться, что отмеченные препятствия к распространению текста на Руси возникли (точнее, были осознаны как таковые) лишь на уровне его тиражирования, а не письменной фиксации самого повествования.

Примечания

¹ Помимо Прохора в него входили также старец Анастасий (выступающий в исследуемом и публикуемом ниже тексте как активный рассказчик), иеромонах Вениамин, дьякон Геннадий и инок Артемий (см.: *Фотић А.* Света Гора и Хиландар у Османском царству (XV—XVII век). Београд, 2000 (далее — *Фотић А.* Света Гора и Хиландар...). С. 209—210).

² Подробнее о хиландарских посольствах в Москву в сер. XVI в. см.: *Ђоровић В.* Света гора и Хиландар до шеснаестог века. Београд, 1985 (далее — *Ђоровић В.* Света гора и Хиландар...). С. 187—191 (работа писалась в 1940—1941 гг.); *Kämpfer F.* Ivan Groznuj und Hilandar // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1971. Bd. 19. Hft. 4 (далее — *Kämpfer F.* Ivan Groznuj und Hilandar...). S. 499—519; *Петковић С.* Хиландар и Русија у XVI и XVII в. // *Казивања о Светој Гори*. Београд, 1995. С. 147—148; *Фотић А.* Света Гора и Хиландар... С. 208—210.

³ О хиландарских посольствах 1555—1557 гг. см.: ПСРЛ. СПб., 1904 (репринт — М., 1965). Т. 13 (Летописный свод именуемый Патриаршей или Никоновской летописью). Ч. 1. С. 253, 278.

⁴ *Фотић А.* Света Гора и Хиландар... С. 120, 121, 125, 127, 130, 133.

⁵ *Фотић А.* Света Гора и Хиландар... С. 158—164, 166—169.

⁶ *Ђоровић В.* Света гора и Хиландар... С. 189—190. Публикацию документальных источников о посольстве см.: *Димитриевић Ст. М.* Документа, који се тичу односа између Српске цркве и Русије у XVI веку // Споменик СКА. Београд, 1903. С. 21—27. К слову заметить, это едва ли не единственное свидетельство церковного почитания патриарха Спиридона, во всяком случае, наиболее полное научно-справочное издание по сербской агиологии ничего не сообщает о его культе см.: *Павловић Ј.* Култови лица код Срба и Македонаца: Историјско-етнографска расправа. Смедерво, 1965 (далее — *Павловић Ј.* Култови лица...).

⁷ См.: Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000; Царский храм: Святыни Благовещенского собора в Кремле. М., 2003.

⁸ Рукопись датируется 1560-ми гг. — см.: *Дмитриева Р. П.* Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979 (далее — *Дмитриева Р. П.* Повесть...). С. 148. Наиболее поздний текст в сборнике — материалы хождения на Восток Василия Позднякова (1558—1561).

⁹ *Лопарев Х. М.* Описание Хлудовской рукописи № 147 // ЧОИДР, 1887. Кн. 3. Отд. 2. С. 1—18; См. также: *Дмитриева Р. П.* Повесть... С. 73—78.

¹⁰ О памятнике и его авторе см.: *Лопарев Х. М.* Новый памятник русской литературы: Произведение монаха Иосифа 1559 г. // Библиограф, 1888, № 2. С. 66—74; СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 432—434.

¹¹ *Дмитриева Р. П.* Повесть... С. 76.

¹² Библиографию работ, посвященных входящим в сборник текстам, см. там же. С. 76—77, 96, примечания. Образец почерка рукописи (страница с началом Повести), правда, с сильным уменьшением — см.: Москва — Србија, Београд — Русија / Москва — Сербия, Белград — Россия: Сб. документов и матлов. Београд; М., 2009 (далее — Москва — Србија...). Т. 1 (Общественно-политические связи XVI—XVIII вв.). С. 138 (нижний снимок).

¹³ Следует, в частности, отметить отсутствие упоминания о ней в сравнительно недавней обобщающей монографии А. Эббингхауса, посвященной средневековым русским сказаниям о чудотворных иконах Богоматери (*Ebbinghaus A.* Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin, 1990; далее: *Ebbinghaus A.* Die altrussischen Marienikonen-Legenden), хотя отдельные (более известные) афонские сюжеты (в частности, об Иверской иконе) там присутствуют.

¹⁴ См.: *Прокофьев Н. И.* Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину // Вопросы русской литературы. М., 1971 (= Учен. Зап. Московского Гос. пед. инта. Т. 455). С. 28.

¹⁵ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 323.

¹⁶ См.: *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. 2. С. 231—235; *Јовановић Т.* Путовања у Свету земљу у српској књижевности од XIII до XVIII в. // Света земља у српској књижевности од XIII до краја XVIII в. / Приредио и на савремени српски превео Т. Јовановић. Београд, 2007. С. 7—39.

¹⁷ См., к примеру: Из сказаний о св. Афонской горе Хиландарского старца Исаяи (1517—1519 гг.) // Три древних сказания о святой горе Афонской и краткое описание Св. Горы, составленное в первое посещение оной Василием Барским (1725—1726). М., 1895. С. 3—8; *Попов А. Н.* Сказание о Св. Афонской горе. 1551 г.; *Ундольский В. М.*: 1) Сказание о святой горе Афонской (1560); 2) Сказание старца Исаяи о Святой горе (1579 г.); 3) О святогорских монастырях (перечень) // ЧОИДР, М., 1846 (год 1-й). Кн. 4. С. 15—36; *Леонид, архим.*

(Кавелин). Сказание о Святой Афонской горе игумена Русского Пантелеимонова монастыря Иоакима и иных святогорских старцев. СПб., 1882 (= Памятники древней письменности и искусства (ПДПИ). Вып. 30); [Муравьев А. Н.]. Сношения России с православным Востоком по делам церковным. СПб., 1858. Т. 1. С. 139—143.

¹⁸ Новейшее издание текста: Григорович-Барский В. Второе посещение Святой Афонской горы Василия Григоровича-Барского, им самим описанное. М., 2004 (репринт издания Православного Палестинского общества 1885—1887 гг.; далее — Григорович-Барский В. Второе посещение...).

¹⁹ О памятнике см.: Порфирий (Успенский), еп. Восток христианский: История Афона. Киев, 1877. Ч. 2 (Афон христианский, мирский). С. 3—26; Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 195—196; Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее — СККДР). Л., 1988. Вып. 2. (вторая половина XIV — XVI вв.). Ч. 1 (А—К). С. 142—144; Православная энциклопедия (далее — ПЭ). М., 2005. Т. 9. С. 467—468. Старший русский список (при сборнике житий преимущественно сербских и болгарских святых — РГБ, собр. ТСЛ фонд. (ф. 304.1), № 686, л. 278—282) датируется первой четвертью (или третью) XVI в. (после 1517 г.).

²⁰ Например, «фольклорная» редакция жития св. Саввы Сербского, не зависящая от известных письменных текстов, включенная русскими книжниками в составленную вероятнее всего в первой половине 1460-х гг. (см.: Белякова Е. В. Обоснование автоклетали в русских Кормчих // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 139—146, 159—161 (библиография); текст издан там же, с. 154—157; ср.: Турилов А. А. Культурные связи Московской Руси и Сербии в XIV—XVI вв. // Москва — Сербия... (далее — Турилов А. А. Культурные связи...). С. 95—96). Помимо этого неизвестный паломнический рассказ примерно того же времени о реликвиях св. Саввы (иконе, посохе-«постромке» и ноже), принесенных им из Палестины и хранящихся в его Карейской келии был обнаружен (в одном из сборников прославленного кирилло-белозерского книгописца XV в. Ефросина) и опубликован недавно И. В. Федоровой (Федорова И. В. «От Странника»: путеводитель по Святой земле и Афону в сборнике книгописца Ефросина // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008 (далее — Федорова И. В. «От Странника»...). С. 183—190; изд. текста — С. 191—192).

²¹ Старшие русские списки датируются третьей четвертью XV в.: ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 263, Торжественник минейный; РГБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 22/1099, Сборник Ефросина (см.: Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ, Л., 1980 (далее — Каган М. Д., и др. Описание сборников...). Т. 35 (Рукописное наследие Древней Руси). С. 69). Другой вариант текста издан: Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием (далее — ВМЧ). Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868. Стб. 295—299. Обе восточнославянские версии заметно отличаются от греческой (см.: Григорович-Барский В. Второе посещение... С. 282—287) и от представленной в современных им южнославянских рукописях (см.: Христова Б. Опис на ръкописите на Владислав Грамматик. Велико Търново, 1996. С. 103, ¶11—112; Pavlikianov C. The Miracles of the Archangels in the Athonite Monastery of Docheiariou: A Diplomatic Edition of the Greek and Slavic Text // Palaeobulgarica, 2001, № 3. P. 86—93; изд. текстов — Р. 94—104); вариант, содержащийся в кирилловском сборнике (чудовской с ним не сопоставлялся) восходит, возможно, к устному паломническому рассказу. См. также: ПЭ. М., 2007. Т. 16. С. 106—107, 116.

²² Текст издан по отдельным спискам: Шмидт С. О. Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI в. // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967 (далее — Шмидт С. О. Сказания...). С. 361—362; Бобров А. Г. «Повести

древних лет» // ТОДРЛ., СПб., 2003. Т. 54 (далее — *Бобров А. Г.* «Повести...»). С. 168—169. Старший русский список, представляющий особую версию, находится в сборнике Ефросина рядом со сказанием о дохиарском чуде (*Каган М. Д. и др.* Описание сборников... С. 69). О памятнике см. также: *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969 (далее — *Иванов А. И.* Литературное наследие...). С. 197; СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2 (Л—Я). С. 227—230.

²³ Текст издан по отдельным спискам: *Шмидт С. О.* Сказания... С. 358—360; *Бобров А. Г.* «Повести...». С. 166—168; См. также: *Иванов А. И.* Литературное наследие... С. 177—178, 196—197, № 278, 327; СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 362—365; ПЭ. М., 2009. Т. 20. С. 12—13.

²⁴ Короткие рассказы некоего старца Герасима (скорее всего, участника одного из святогорских монастырских посольств конца XV — первой трети XVI в.) о безымянном отшельнике, жившим в лесной чаще («шуме»), и его ученике-священнике (род патериковой повести о беспрекословном подчинении старцу-наставнику), и о св. Павле Ксиропотамском (нечто вроде краткой фольклорной версии его жития). Оба текста изданы по отдельным спискам XVI в.: *Шмидт С. О.* Сказания... С. 362—363; *Бобров А. Г.* «Повести...». С. 169—171.

²⁵ См.: *Trifunović Dj.* Atanasievo svedočanstvo o vremenu velike seobe Srba // *Savremenik.* Beograd, 1982. Knj. 56. Sv. 10. S. 280—284.

²⁶ См.: *Naumow A.* Wiara i historia. Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polsko-litewskich. Kraków, 1996 (= *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne [KWSS].* Т. 1). С. 53—57, примеч. 26, 31, 35, 37, 38, 40.

²⁷ Рукопись написана несколькими писцами, заметно отличающимися друг от друга. Почерк основного, которым написаны л. 1—79 об., 97 (низ страницы) — 257 об., 262 об. — 275 об., 387, 389 об. — 462, каллиграфичностью и устойчивостью начерков весьма близок к шрифтам анонимных московских изданий середины XVI столетия, в особенности, пожалуй, к Триоди Цветной (образцы шрифта см., к примеру: *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI в.: Сводный каталог. М., 2003. Кн. 1. С. 298—319. Рис. 34, 1—22). Как надежно установила Е. И. Серебрякова (устное сообщение) первым писцом несомненно написан также отрывок сборника ГИМ, собр. И. Е. Забелина, № 419, содержащий среди прочего и старший список рассказа об Афоне игумена Пантелеймонова монастыря Иоакима, приехавшего в Москву в 1561 г. (см. примеч. 17, 34). Почерк, которым написана «Повесть зело страшна» (л. 80—97), отличается от основного обилием курсивных элементов; кроме того, этот блок производит впечатление вставного (хотя и безусловно современного), отличающегося от остальной рукописи цветом и качеством бумаги.

Наличие в сборнике ГИМ, Хлуд. 147Д редких текстов, написанных Ермолаем-Еразмом и Иосифом «краснописцем» (см. выше), в сочетании с несомненной каллиграфичностью письма рукописи делает естественным вопрос о возможности участия одного из них, либо сразу обоих, в переписке кодекса. В отношении Ермолая-Еразма он формально решен к настоящему времени отрицательно, т. к. Р. П. Дмитриева уже атрибутировала ему (по крайней мере предположительно) почерк, которым написаны сборники сочинений этого автора РНБ, Соловецкое собр., № 287/307 (образцы письма см.: *Дмитриева Р. П.* Повесть... С. 106—108, 110, 112. Рис. 1—3, 5, 7) и Софийское собр., № 1296 (образцы письма там же. С. 109, 111, 113. Рис. 4, 6, 8); в хлудовской рукописи он не встречается (стоит, однако, заметить, что атрибуция почерка на основании только содержания продолжает сохранять значительный элемент гипотезы). Сложнее обстоит дело с Иосифом доброписцем. Его автограф представлен в списке Евангелия учительного 1568 г. (ГИМ, Увар. 110-F). Впервые на это обстоятельство было обращено внимание в книге Е. В. Крушельницкой (Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб., 1996. С. 79. Примеч. 10); см. также: *Макарий, ар-*

хим. (Веретенников). Творение макариевского книжника // Макариевские чтения. Можайск, 2010. Вып. 17. С. 17—18. Е. И. Серебрякова, которой я искренне признателен за сообщенные сведения, сопоставила почерк уваровского кодекса с письмом хлудовского и забелинского и отождествляет 1-го писца Хлуд. 147Д и Заб. 419 с Иосифом. Признавая несомненную близость этих почерков (даже в рамках «макарьевской» школы каллиграфического письма), следует, на мой взгляд, отметить следующее обстоятельство. Первый почерк хлудовского сборника совпадает с письмом забелинской рукописи до мельчайших деталей, при этом оба они отличаются от автографа Иосифа по ряду параметров, наиболее заметным из которых является начертание буквы З в форме цифры 3 — последовательное абсолютно симметричное в первых двух случаях и со смещенной вверх и влево головкой в Евангелии учительном. Вероятно, предстоит еще разобраться, является ли этот признак дистрибуционным, или представляет вариант в рамках одного почерка.

²⁸ См. примеч. 12.

²⁹ См. выше, примеч. 3.

³⁰ К этому времени в древнерусской литературе существовал развернутый цикл сказаний о Владимирской иконе Богоматери, посвященный ее чудотворениям в эпоху Андрея Боголюбского, митрополита Киприана и великого князя Василия III, повести о новгородской иконе Богоматери Знамение и о Тихвинской и Колоцкой иконах. Буквально накануне приезда посольства было написано сказание о Великорецкой иконе Николая Чудотворца, один из немногих памятников этого жанра, посвященных не богородичному образу. В целом же расцвет жанра пришелся на более позднее время (см.: *Ebbinghaus A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden...*).

³¹ И такой анализ обещан нам в будущем Б. Мильковичем в его недавней весьма содержательной работе (*Мильковић Б. Хиландарска икона српског цара Стефана // ЗРВИ. Београд, 2006. Књ. 43. С. 320 (далее — Мильковић Б. Хиландарска икона...)*).

³² О других случаях ошибочного отождествления Серра с малоазийским Евхаитом в средневековой южнославянской письменности см.: Там же. С. 320, примеч. 4.

³³ См., например, работы, синхронных публикации нашей Повести: *Ђурић С. Хиландарска Богородица Тројеручица // Казивања о Светој Гори. Београд, 1995 (далее — Ђурић С. Хиландарска Богородица...)*. С. 100—113; *Петковић С. Хиландар и Русија у XVI и XVII в. // Там же. С. 143—170; Он же. О култу светогорских чудотворних икона у Русији // Друга казивања о Светој Гори. Београд, 1997. С. 122—153.*

³⁴ *Леонид, архим. (Кавелин). Сказание о Святой Афонской горе... С. 15; Три древних сказания о святой горе Афонской... С. 11—12 (текст в обоих случаях издан по спискам XVII в.); Турилов А. А. Культурные связи... С. 112 (рассказ о Хиландаре издан здесь по современному событию списку ГИМ, собр. И. Е. Забелина, № 419-Q, л. 129—129 об.).*

³⁵ Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 510—525.

³⁶ *Турилов А. А. Афон (разд.: Афон и Сербия) // Православная энциклопедия (далее — ПЭ). М., 2002. Т. 4. С. 168; Он же. Евхаитская икона Божией Матери // Там же. М., 2008. Т. 17. С. 530—531; Мильковић Б. Хиландарска икона... С. 319—348.*

³⁷ Воспроизведения иконы см.: *Богдановић Д., Ђурић В., Медаковић Д. Хиландар. Београд, 1978 (далее: Богдановић Д. и др. Хиландар. С. 110; ПЭ. М., 2002. Т. 4. С. 168; То же. М., 2008. Т. 17. С. 531 (во всех случаях лицевая сторона); Мильковић Б. Хиландарска икона... С. 326—327, сл. 2—3 (лицевая сторона и оборот).*

³⁸ О вариантах именованя города в византийских источниках (Бутелиос и Пелагония) см.: ВИНН. Београд, 1966 (2-го изд. — 2007). Књ. 3. С. 267, 283, 338, 354; 1971(2-го изд. — 2007). Књ. 4. С. 47, 49—50, 128; 1986. Књ. 6. С. 14; *Мильковић Б. Хиландарска икона... С. 325. примеч. 29. О памятнике и иконографическом изводе подробнее см.: Беляев Н.*

Образ Божьей Матери Пелагонитиссы // *Byzantinoslavica. Praha*, 1930. Vol. 2. С. 386—392; *Миљковић-Пенек П.* Умилителните мотиви во византијската уметност на Балканот и проблемот на Богородица Пелагонитиса // *Зборник на Археолошкият музеј. Скопје*, 1958. Т. 2. С. 9—15, 20—27; *Haderman-Misguich L. Pelagonitissa et Kardiotissa: variantes extremes du type Vierge de Tendresse // Byzantion*. 1983. Vol. 53/1. P. 9—13, 16.

³⁹ Все приводимые ниже примеры, за исключением последнего (в силу его особой хрестоматийности как точно датированного и подписного памятника), взяты из названной работы Б. Миљковича либо через ее посредство.

⁴⁰ См.: *Миљковић Б.* Хиландарска икона... С. 344, сл. 12 (икона из Призрена); 342, сл. 9 (хиландарска икона).

⁴¹ Там же. С. 342—343, сл. 10—11; см. также: *Манастир Хиландар...* С. 248.

⁴² См.: *Тодић Б., Чанак-Медић М.* Манастир Дечани. Музеј у Приштине; Београд, 2005. С. 54—55, сл. 44 (и суперобложка); *Миљковић Б.* Хиландарска икона... С. 345, сл. 13. На обороте иконы изображено оплакивание Христа Богоматерью.

⁴³ *Суботиќ Г.* Охридската сликарска школа од XV в. Охрид, 1980. Прилож., фото 19; *Миљковић Б.* Хиландарска икона... С. 325, 328, 346, сл. 14.

⁴⁴ Здесь уместно напомнить также, что Серрес, до того как стать столицей деспотства Углеша, был резиденцией вдовы Душана, царицы Елены (монахини Елизаветы) — см.: *Острогорски Г.* Серска област после Душанове смрти // *Он же.* Византија и словени. Београд, 1970 (= *Острогорски Г.* Сабрана дела. Књ. 4). С. 435—440, 532—534; *Михаљчић П.* Крај Српског царства. Београд, 2001 (= *Он же.* Сабрана дела. Књ. 1). С. 28—32, 71—74, 76—78.

⁴⁵ *Миљковић Б.* Хиландарска икона... С. 328—329.

⁴⁶ На призренской и малой хиландарской иконах надписи утрачены, на хиландарских фресках помещено обычное греческое сокращение слов «Мать Божья», на фреске в Старо Нагоричино, иконе в Дечанах и из Зреце читается эпитет «Пелагонитисса» (в первом случае, вероятно, не первоначальный — см. выше).

⁴⁷ *Миљковић Б.* Хиландарска икона... С. 330—332.

⁴⁸ См.: *Фотић А.* Света Гора и Хиландар... С. 244—245; *Он же.* Стварање традиције: Милутинов или Каволаров пирг? // Пета казивања о Светој Гори. Београд, 2007 (далее — *Фотић А.* Стварање традиције...). С. 173—177; *Fotic A. Le Pyrgos de Kabalareos — alias Pyrgos du Roi Milutin // Revue des Etudes byzantines*. 2002. Vol. 60 (далее — *Fotic A. Le Pyrgos de Kabalareos...*). P. 209—213; *Миљковић Б.* Хиландарска икона... С. 319—334.

⁴⁹ Там же. С. 322.

⁵⁰ Там же. С. 320.

⁵¹ Там же. С. 322—323.

⁵² *Фотић А.* Света Гора и Хиландар... С. 244—245; *Fotic A. Le Pyrgos de Kabalareos...* P. 209—213; *Фотић А.* Стварање традиције... С. 173—177.

⁵³ Правда, следует заметить, что эта эпидемия в «Повести зело страшной» никак не упоминается.

⁵⁴ Подробнее о пребывании на Афоне сербского царского двора см.: *Кораћ Д.* Света Гора под српском влашћу (1345—1371). Београд, 1992 (= ЗРВИ. Књ. 31; далее — *Кораћ Д.* Света Гора под српском влашћу...). С. 118—122. В «Повести зело страшной» о приезде сербской царской четы со свитой ничего не сообщается, но я вполне согласен с Б. Миљковичем, что это наиболее вероятное обстоятельство появления иконы в Хиландаре.

⁵⁵ *Миљковић Б.* Хиландарска икона... С. 325

⁵⁶ Например, на фреске церкви св. Николая в Дабре (ок. 1329—1330 гг. с восполнениями ок. 1571 г.) — см.: *Радојчић С.* Одабрани чланци и студије. 1938—1978. Нови Сад, 1982. С. 43—52; ил. 18.

⁵⁷ См., к примеру: *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода: XV в. (Центры художественной культуры средневековой Руси). М., 1982. С. 84—86, 153—154, 423; 99—101, 229—230, 430 (Кат. № 12, 18); *Апатов М. В.* Вариант иконы «Битва суздальцев с новгородцами» // Памятники культуры. Новые открытия 1975. М., 1976. С. 208—219.

⁵⁸ См.: *Петковић С.* Руски утицај на српско сликарство XVI и XVII в. // *Старинар*. Београд, 1961. Нова серија. Књ. 12. С. 99—100; *Ђурић В. Ј.* Икона светог краља Стефана Дечанског. Београд, 1985.

⁵⁹ См., к примеру: *Аверинцев С. С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // *Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси*. М., 1972. С. 23—49.

⁶⁰ Главным источником сведений средневекового русского читателя о личности и деяниях Стефана Душана являлся Русский Хронограф (ПСРЛ. СПб., 1911 (репринт — М., 2005). Т. 22. Ч. 1. С. 395, 407—408, 409), основывавшийся в данном случае на известиях сербского родослова в редакции Константина Костенецкого и на житии Стефана Дечанского, написанном Григорием Цамблаком. Русское проложное житие Стефана Дечанского, написанное на основе пространного текста Цамблака, по всей видимости, в 1540-х гг. в связи с московскими канонизационными соборами 1547 и 1549 гг. (старший список — РГБ, собр. С. О. Долгова, № 39, л. 360) обвиняет Душана даже в том, что он убил отца своими руками (см.: *Богдановић Д.* Житије Стефана Дечанског у руској редакцији XVI в. // *Зборник Матице Српске за књижевност и језик*. Нови Сад, 1979. Књ. 25/3 (1977). С. 441—449; *Турилов А. А.* Сцена убиения Стефана Дечанского в лицевом Житии Николы XVI в. и ее источник // *Древнерусское искусство: Рукописная книга*. М., 1983. Сб. 3. С. 228—231). Версия (возникшая, по всей видимости, в результате невнимательного чтения) отразилась и в московской миниатюре последней трети XVI в. (РГБ, собр. Т. Ф. Большакова, № 15, л. 233), иллюстрирующей пространные извлечения из Цамблакового жития, включенные в состав посмертных чудес Николая Мирликийского (см.: *Турилов А. А.* Сцена убиения... С. 228—230; *Петковић С.* Живот светог Стефана Дечанског у руском сликарству XVI и XVII столећа // *Он же*. Српски светитељи у сликарству православног народа. Нови Сад, 2007 (далее — *Петковић С.* Српски светитељи...). С. 100—102).

⁶¹ См., например: *Розанов С. П.* «Повесть о убиении Батяя» // *Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук (ИОРЯС)*. СПб., 1916. Т. 21. Кн. 1. С. 13—132; *Перени И.* Легенда о святом Владиславе — в России // *Studia Slavica*. Budapest, 1955. Т. 1. Fasc. 1—3; *Радојичић Ђ.* Ст. Стара српска књижевност у Средњем Подунављу од XV до XVIII в. // *Годишњак филозофског факултета у Новом Саду*. Нови Сад, 1957. Књ. 2. С. 243—246; *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980 (2-о изд. — 1991). С. 248.

⁶² Новейшее исследование по этому вопросу см.: *Горский А. А.* «Повесть о убиении Батяя» и русская литература 70-х гг. XV в. // *Средневековая Русь*. М., 2001. Вып. 3. С. 196—212.

⁶³ Нельзя, впрочем, не отметить, что литературная судьба и рукописная традиция рассказа о Евхαιтской иконе обнаруживают большое сходство с другими средневековыми славянскими афонскими сюжетами, отмеченными антигреческой направленностью. Почти все они дошли в ограниченном числе списков, созданных, как правило, за пределами Святой горы. Таково болгарское сказание конца XIII в. о зографских мучениках, пострадавших в 1275 г. от рук наемников императора Михаила VIII Палеолога за отказ принять Лионскую унию (сохранилось в единственном славяно-молдавском (?) списке второй четверти XVII в. — см. раздел о Болгарии в статье «Судьба древнейших славянских литературных памятников в средневековых национально-региональных традициях» в настоящем изд.), повесть ранне-

го XIV в. о землетрясении в Ксиропотамском монастыре, принявшем унию (представлена украинско-белорусскими списками XVI—XVII вв. и позднейшими старообрядческими — см.: *Турилов А. А.* Малоизвестный источник по истории идеи «Третьего Рима» у южных славян (Повесть о Ксиропотамском монастыре) // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 137—139). Сочинение Стефана Святогорца «Рай мысленный» (XVI в.), в котором обличение Лионской унии и участия в ней греческих властей также занимает значительное место, известно в единственном сербском ресавском списке середины следующего столетия (Хиландарь, № 488). Широкое распространение оно получило лишь после издания в 1658 г. в типографии Валдайского Иверского монастыря.

⁶⁴ См.: *Штавьанин-Ђорђевић Љ.* Чудеса Пресвете Богородице Агапија Крићанина и ново чудо Богородице Тројеручице манастира Хиландара // АП. Београд, 1984—1985. Књ. 6—7 (далее — *Штавьанин-Ђорђевић Љ.* Чудеса Пресвете Богородице...). С. 289. Текст памятника по данному изданию перепечатан в упрощенной орфографии в приложении к первой публикации «Повести зело страшной» (с. 525—529).

⁶⁵ Там же. С. 286.

⁶⁶ *Фотић А.* Света Гора и Хиландар... С. 208—210; *Миљковић Б.* Хиландарска икона... С. 322—323. Весьма показательно в этом смысле, что один из информаторов русского составителя Повести, хиландарский игумен Прохор, завещая своему монастырю в 1575—1576 г. карейскую келию Трех иерархов, ставил непременным условием, что она не будет продана грекам.

⁶⁷ См.: *Фотић А.* Света Гора и Хиландар... С. 210. Примеч. 7.

⁶⁸ См.: *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Београд, 1902 (репринт — 1982). Књ. 1, № 177; *Иванов Ђ.* Български старини из Македонија. 2-о изд. София, 1931 (репринт — 1970). С. 175, № 24; *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия-патриаршија. София, 1932 (репринт — 1995). Т. 2 (От паданието и под турците до нейното уничижение: 1394—1767). С. 1.

⁶⁹ *Ђурић С.* Хиландарска Богородица... С. 109, 111—112. Удивительным образом в позднейшей работе этого автора, посвященной хиландарским иконам XIII—XVII вв. (Манастир Хиландар... С. 279—292) этот чудотворный образ даже не упоминается.

⁷⁰ *Стојановић Љ.* Стари српски записи... Сремски Карловци, 1923 (репринт — Београд, 1986). Књ. 4. № 6164—6165; *Иванов Ђ.* Български старини... С. 115, № 25; *Снегаров И.* История... С. 41.

⁷¹ *Сја књига хиландарска аще кто дрѣзнет изнестн сја кннѣ шт манастира прѣчистие троерѣчнице да бѣдетъ проклетъ шт ѿ бѣа. адинъ * Бодановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 157 (в своде Стојановича запись не воспроизведена). Автору специальной статьи об иконе (*Ђурић С.* Хиландарска Богородица... С. 109—111) данный факт (равно как и упоминание иконы в качестве главной святыни Хиландаря в рассказе 1561 г. пантелеймоновского игумена Иоакима — см. примеч. 34) остался неизвестным, он считает первым свидетельством пребывания Троеручицы в Хиландаре упоминание ее в завещании монастырского духовника иеромонаха Никанора (1685 г.).

⁷² Ср.: *Ђурић С.* Хиландарска Богородица... С. 111.

⁷³ См., к примеру: *Турилов А. А.* Культурные связи... С. 112.

⁷⁴ См., например: *Агапије Ландос Крићанин.* Чуда Пресвете Богородице / Превод са српскословенског и поговор Т. Јовановић. Епархија Банатска: Вршац, 2000. С. 33—37 (чудо 10). Об авторе, сочинении, славянской рукописной традиции текста и истории ее изучения см. там же, с. 233—260. Впрочем, данный пример не слишком показателен, поскольку в греческой книге подобная версия представляется достаточно маловероятной.

⁷⁵ *Иоанникий (Галатовский)*, иером. Небо новое з новыми звездами, то ест преблагословенна Дева Мария Богородица з чудами своими. Львов, 1665 (далее: *Иоанникий (Галатовский)*. Небо новое...). Л. 34 об. (раздел «Чуда Пресвятой Богородицы над молячимися ей», чудо 11); *Иоанникий Галатовський*. Ключ розуминня / Подг. до вид. І. П. Чепіга. Київ, 1985 (Пам'ятки української мови; далее — *Иоанникий Галатовський*. Ключ розуминня...). С. 268.

⁷⁶ *Леонид, архим. (Кавелин)*. Рассказ о святогорских монастырях архимандрита Феофана (Сербина) 1663—1666 // Памятники древней письменности и искусства (ПДПИ). СПб., 1883. Вып. 40. С. 11—12; *Трифуновий Ђ*. Са светогорских извора. Београд, 2004. С. 293.

⁷⁷ *Ђурић С.* Хиландарска Богородица... С. 104—105.

⁷⁸ *Григорович-Барский В.* Второе посещение... С. 239—240.

⁷⁹ *Штавьанин-Ђорђевић Љ*. Чудеса Пресвете Богородице... С. 285—290.

⁸⁰ Там же. С. 287.

⁸¹ Там же.

⁸² См. о ней, к примеру: Вышний Покров над Афоном или сказания о святых чудотворных на Афоне прославившихся иконах. М., 1902 (далее — Вышний Покров...). С. 73—75; *Татић-Ђурић М.* Чудотворне икони Пресвете Богородице на Светој Гори Атонској // Четврта казивања о Светој Гори. Београд, 2005 (далее: *Татић-Ђурић М.* Чудотворне икони Пресвете Богородице...). С. 65.

⁸³ См. о ней: ПЭ. М., 2008. Т. 17. С. 183—184.

⁸⁴ Ср.: *Штавьанин-Ђорђевић Љ*. Чудеса Пресвете Богородице... С. 290. Здесь поведение иконы, никак не мотивированное в «Повести зело страшной», объясняется тем, что один из двух носивших ее иноков (в результате утонувший) оказался турком, поселившимся в монастыре за 15 лет до этого с целью сотворить обители какую-нибудь «пакость», в чем он и признался своему спутнику незадолго до гибели, во время стояния в море.

⁸⁵ Гораздо меньше оснований в этом смысле отождествлять «Попскую» икону (и через ее посредство Евнуговскую) с упоминаемой в хиландарском сказании о Треручице так называемой «Священнической» иконой, несмотря на явную синонимичность названий. О последней названный текст сообщает лишь, что она «не дается от места носиться» (Там же. С. 290).

⁸⁶ См., например: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978. Т. 5 (Е — Зинутие). С. 12.

⁸⁷ О Евнухове см. подробнее: *Фотић А.* Света Гора и Хиландар... С. 373—375, 378—383.

⁸⁸ *Живојиновић М.* Историја Хиландара. Београд, 1998. [Књ.] 1 (Од оснивања манастира 1198. до 1335 г.). С. 190, 217; *Фотић А.* Света Гора и Хиландар... С. 379—383.

⁸⁹ Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить Э. С. Смирнову за консультацию по данному вопросу.

⁹⁰ Древнейший известный образец на русской почве представляет икона «София премудрость Божья» второй половины (?) XV в. — см.: Византия. Балканы. Русь: Иконы конца XIII — первой половины XV вв. / Каталог выставки. М., 1991. С. 250—251 (страницы с иллюстрациями не нумерованы); Кат. № 86 (следует отметить, что предложенная здесь датировка памятника началом XV в. представляется излишне ранней). Позднейшие примеры, среди которых¹, учитывая сюжет иконы в повести, нужно упомянуть «Архангела Михаила грозного воеводу небесных сил» первой половины XVII в. из собрания П. Д. Корина (см.: *Антонова В. И.* Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966. Ил. 116 (кат. № 98); изображение помещено и на суперобложке издания).

⁹¹ См.: *Прокопенко Л.* Источники Пролога за сентябрьскую половину года (краткой и пространной редакции) по четырем спискам XII—XIV вв. // Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 2008. Т. 8. Приложение. С. 719. Текст повести издан под соответствующим числом в составе Великих Миней Четых (Октябрь, дни 19—31. СПб.,

1880); см. также: *Тихонравов Н. С.* Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. 3. С. 69—71.

⁹² К примеру, прегрешение рассказчика старца Анастасия заключалось в том, что он самовольно покинул Хиландарь, в котором принял постриг, и переселился в монастырь св. Пантелеймона. Так попутно выясняются детали биографии одного из членов монастырского посольства.

⁹³ См.: *Штавьанин-Ђорђевић Љ.* Чудеса Пресвете Богородице... С. 289—290.

⁹⁴ Это же число чудотворных икон Богоматери в монастыре фигурирует в хиландарском сказании о Треручице (Там же), при том, что их наименование и характеристики совпадают далеко не во всех случаях. Иконы Спаса и архангела Михаила здесь не упомянуты.

⁹⁵ В сказании о Треручице (см. там же) данная версия происхождения монастырских святынь не фигурирует, но упоминается специально «друга (икона. — *А. Т.*), иже святому Саввы (!) злато показа, в земле сокровенно».

⁹⁶ См.: *Проловић Ј.* Хиландарски диптих и њему сродна дела венецијанског порекла на Атосу // ХЗ. Београд, 2004. Књ. 11 (далее — *Проловић Ј.* Хиландарски диптих...). С. 133—135.

⁹⁷ *Турилов А. А.* Культурные связи... С. 112.

⁹⁸ См., например: *Григорович-Барский В.* Второе посещение... С. 239; *Штавьанин-Ђорђевић Љ.* Чудеса Пресвете Богородице... С. 289—290; ср.: *Сава Хиландарац.* Историја манастира Хиландара: Успомена на седамстогодишњицу оснивања / Приредно и поговор написао Т. Јовановић. Београд, 1997 (далее — *Сава Хиландарац.* Историја...). С. 108.

⁹⁹ См. там же. С. 108.

¹⁰⁰ *Штавьанин-Ђорђевић Љ.* Чудеса Пресвете Богородице... С. 289.

¹⁰¹ Ср.: «И еще честнаго и животворящего Креста Господня... часть велия, яко един локот, в подобие Креста онаго крест» (Там же). В. Григорович-Барский (Второе посещение... С. 239) определяет размер креста близко к нашей повести: «имущий долготы болше двох пядий». Сказание о Треручице сообщает также дополнительно о двух меньших фрагментах Честного Древа, а Григорович-Барский (С. 249) пишет о том, что в его время большой кусок Креста был найден греками во время ремонтных работ в алтаре храма в приморском пирге Хрусия, но не возвращен ими в Хиландарь, а разделен на части и продан в Ватопед и в другие греческие монастыри.

¹⁰² «Четвертая (икона. — *А. Т.*) Неопалимая купина именуется, иже в огне бяше и не изгоре» — *Штавьанин-Ђорђевић Љ.* Чудеса Пресвете Богородице... С. 289. Возможно, этот факт правки текста служит дополнительным свидетельством существования сказания до 1804 г.

¹⁰³ В пользу такого предположения может свидетельствовать и весьма поздняя (XVII в.) фиксация самого слова «панагиар» в русских письменных источниках (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1988. Вып. 14. С. 143).

¹⁰⁴ Воспроизведение см., к примеру: *Οι Θησαυροί του Ἁγίου Ορους. Σειρα Α' (Εικονογραφημενα χειρογραφα).* Ἰθῆνα, 1973. Т. 1, σ. 317; *Θησαυροί του Ἁγίου Ορους / Κατάλογος της Ιεραρχ. Θεσσαλονίκης,* 1997 (далее: *Θησαυροί... / Κατάλογος...*), σ. 292—293 (№ 9.5).

¹⁰⁵ См., напр.: *Радојчић С.* Хиландарски диптих: Нови прилог познавању млетачке минијатуре касног XIII в. // Глас СУД. Београд, 1959. Бр. 234 (Од. друштвених наука. Књ. 7). С. 49—54 (То же // *Радојчић С.* Одабрани чланци и студије: 1933—1978. Нови Сад, 1982. С. 150—153, ил. 91—111 — ссылки на 2-е изд.); *Οι Θησαυροί του Ἁγίου Ορους. Σειρα Α'.* Ἀθῆνα, 1975. Т. 2, σ. 399—401 (εικ. 432—443); *Θησαυροί... / Κατάλογος... σ. 323—326 (№ 9.29); Радојковић Б.* Ризница // Манастир Хиландар / Приредно Г. Суботић. Београд, 1998. С. 336—339; *Проловић Ј.* Хиландарски диптих ... С. 133—160 (свидетельство повести последнему автору осталось неизвестно).

¹⁰⁶ См.: Аврамовић Д. Описание древностей сръбских у святой (атонской) гори. Београд, 1847. С. 3.

¹⁰⁷ Ср.: Радојчић С. Хиландарски диптих... С. 151.

¹⁰⁸ Вариант представляется менее вероятным уже в силу того, что предполагает приобретение царицей Еленой уже готового диптиха, созданного как минимум за полвека до этого, и, соответственно, продолжительную лакуну в его истории. Но нельзя исключить и промежуточную (или гибридную) версию, примиряющую обе предложенные кандидатуры и учитывающую упоминание царского титула — складень представляет собой заказ Елены Анжуйской, находившийся после ее смерти в королевской казне и данный вкладом в Хиландарь царицей Еленой во время ее пребывания на Афоне в 1347—1348 гг.

¹⁰⁹ См., об этом, например: Суботић Г. Краљица Јелена Анжјуска — ктитор црквених споменика у Приморју // Историјски гласник. Београд, 1958. Бр. 1—2. С. 131—148; Флора Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира. XIII в. СПб., 2004. С. 94—98 (то же // *Он же*. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 168—171); ПЭ. М., 2008. Т. 18. С. 302—304.

¹¹⁰ В хиландарском сказании об иконе Троеручицы памятник по вполне понятной причине не упоминается.

¹¹¹ «Трета (икона. — А. Т.), иже имяше блаженная Феодора царица в ковчезе своем. Егда ея муж, цар Феофил иконоборец умираше, и зинувши тако, яко утроба его изнутр зрящеса, и сию святую икону ему пред очи постави, и помалу составишася — кое и святыи моши велми благоухание имеет» (*Штавьанин-Ђорђевић Љ*. Чудеса Пресвете Богородице... С. 290). Одним из источников эпизода послужило, скорее всего, «Небо новое» Иоанникия Галятовского (ср.: *Иоанникий (Галятовский)*. Небо новое... Л. 59; разд.: «Чуда пресвятой Богородицы над геретьками», чудо 4; то же: *Он же*. Ключ розуміння. С. 285—286), возможно, в церковнославянском переводе 1677 г. дьякона Саввино-Строжевского монастыря Феофана (см. о нем: СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 151—152), либо (что представляется менее вероятным) непосредственно издание перевода «Деяний церковных и гражданских» Ц. Барония в обработке П. Скарги (М., 1719). В настоящее время эти книги не значатся в хиландарской библиотеке (см.: *Радовановић Ј*. Руске и румунске штампане књиге XVII в. у библиотеци манастира Хиландара // АП. Београд, 1980. Бр. 2. С. 229—327; *Он же*. Неке ређе руске и украјинске штампане књиге XVIII в. у библиотеци манастира Хиландара // Там же. Београд, 1981. Бр. 3. С. 237—298), однако знакомство с ними южнославянских (и в том числе афонских) книжников в XVIII в. вызывает мало сомнений. Известно, что переводами книг Иоанникия Галятовского (правда, относительно «Неба Нового» это неизвестно) и «Деяний» Барония занимался в первой половине столетия Гавриил Стефанович Венцлович (ПЭ. М., 2005. Т. 10. С. 229—230), а последняя книга к тому же была почти настольной для болгарских монахов-историографов — Паисия Хиландарского и Спиридона Рыльского (см., к примеру: *Велчев В*. Отец Паисий Хиландарски и Цезар Бароний: принос към изследване изворите на Паисиевата история. София, 1943; *Picchio R*. La «Istoriја slavenobolgarskaja» sullo sfondo linguistico-culturale della Slavia Ortodossa // *Richerche Slavistiche*. Roma, 1958. Vol. 6. P. 103—118; *Ликуо Р*. «История славяноболгарская» на езиково-културния фон на православното славянство // *Он же*. Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993. С. 601—620; *Броджис-Беркофф Дж*. «История вократце» иеромонаха Спиридона: опыт исследования в контексте еропейской историографии XVII в. // *Славяне и их соседи*. М., 1996. Вып. 6 (Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время). С. 201—215).

¹¹² См., к примеру: Вышний Покров ...; *Татић-Ђурић М*. Чудотворне икони Пресвете Богородице ... С. 48—97.

¹¹³ О ватопедском чудотворном диптихе подробно пишет Григорович-Барский (Второе посещение... С. 205—206), излагая версию предания, довольно близкую к Продолжателю Феофана, но без упоминания шута Дендриса, роль которого в некотором смысле играет здесь, странным образом, сам император Феофил (ср.: *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992. С. 27); Начиная с середины XIX в. предание о ватопедских «игрушках Феодоры» являлось объектом суровой критики со стороны ученых путешественников — архимандрита Антонина (Капустина), Н. П. Кондакова и др. Историографию вопроса см.: ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 326; М., 2009. Т. 21. С. 167—168.

¹¹⁴ ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 325—326; М., 2009. Т. 21. С. 168.

¹¹⁵ См., об этом, например: *Ђоровић В.* Света гора и Хиландар... С. 51—61; *Кораћ Д.* Света Гора под српском влашћу... С. 67—70, 130—131; *Живојиновић М.* Историја Хиландара... С. 57—71; ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 310; *Тодић Б.* Српске уметничке старине у манастиру Ватопеду // Четврта казивања о Светој Гори. Београд, 2005. С. 136—163.

¹¹⁶ См.: *Οι Θησαυροί του Αγίου Ορους*. Σειρα Α'. Т. 2, σ. 268—269 (εικ. 416—417), 393—394.

¹¹⁷ См.: *Сава Хиландарац*. Историја ... С. 149.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ См., о них, к примеру: *Богдановић Д. и др.* Хиландар. С. 62—64, ил. 43; *Weitzmann K., Alibegšvili G., Volskaja A., Babić G., Alpatov M., Voinescu T.* Les Icones. Paris, 1982. P. 135, 161; Müller P., Djordjević M. Famous Icons. 12th to 18th Centuries. Belgrade, 1984. Tabl. 5; *Θησαυροί / Κατάλογος...*, σ. 64—67 (№ 2.8—2.9).

¹²⁰ *Ђурић С.* Хиландарска Богородица... С. 108.

¹²¹ *Миљковић Б.* Хиландарска икона... С. 325.

¹²² В окончательном тексте слово исправлено на «царства».

¹²³ Ср., например: Манастир Хиландар... С. 279—280; *Θησαυροί / Κατάλογος...*, σ. 57 (№ 2.3).

¹²⁴ Нельзя, впрочем, исключить, что слово написано по ошибке, вместо «по оградом», что более соответствует контексту сообщения.

¹²⁵ Василий Григорович-Барский говорит о двух чудотворных иконах Георгия Победоносца в Хиландаре (*Григорович-Барский В.* Второе путешествие... С. 240), в то время как монастырское сказание о иконе Треручицы упоминает только одну (*Штавьанин-Ђорђевић Љ.* Чудеса Пресвете Богородице... С. 290).

¹²⁶ См.: *Стојановић Љ.* Стари српски хрисовуљи, акти, биографије, летописи, типичи, поменици, записи и др. // Гласник СКА. Београд, 1890. Књ. 3. С. 46—47; Москва — Србија... С. 211—212 (№ 7; документ датирован здесь неоправданно широко 1554—1581 гг.). Ср. также: ПСРЛ. СПб., 1904 (репринт — М., 1965). Т. 13. Ч. 1. С. 278.

¹²⁷ О памятнике и его иконографической программе см. подробнее: *Смирнова Э. С.* Катапетасма 1555 г.: К иконографической программе оформления // Осам векова Хиландара: Историја, духовни живот, књижевност, уметност и архитектура. Београд, 2000. С. 495—503 (ср.: *Маясова Н. А.* Древнерусское лицезовое шитье XVI в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. С. 14—15; *Kämpfer F.* Ivan Groznuj und Hilandar... S. 507—519).

¹²⁸ См.: *Петковић С.* Иван Грозни и култ кнеза Лазара у Русији // О кнезу Лазару. Београд, 1975. С. 314, сл. 10 (то же // *Он же* // *Он же*. Српски светитељи... С. 135, сл. 84). Наряду с «портретом» императора-«азимита» в росписях собора присутствуют изображения Саввы и Симеона (парное) и князя Лазаря (там же).

¹²⁹ Уместно напомнить, что в по сути единственном русском сюжете, связанном с участием иконы Богоматери в междоусобных войнах (Сказание о новгородской иконе Знаменья), она всегда выступают защитником обороняющейся стороны.

¹³⁰ Нельзя сказать, чтобы подобная «модель поведения» чудотворной иконы была на Руси совершенно неизвестна. Несомненную аналогию ей, хотя и в более скромных масштабах представляет известное описание выноса по вторникам чудотворного образа Одигитрии в Константинополе, содержащееся в Хождении Стефана Новгородца (сер. XIV в.), старшие дошедшие списки которого датируются XVI столетием (см.: Прокофьев Н. И. Русские хождения XII—XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970 (Учен. зап. Московского Гос. пед. инта, № 363). С. 111—112): «Ту икону въ всякой вторник выносят... Единому человеку въставят на плеча встанно, а он руце распрострет, аки распят, тако же и очи ему запровержет, видети грозно, по буевишу мычет его семо и овамо, велми силно повертывает им, а он не помнит ся, куды его икона носит... Дивно видение: 7 человек или 8 въставят на плеча одному человеку, а он аки прост ходит изволением Божиим...» (Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). СПб., 1999. Т. 6. С. 34). Однако и для Стефана описанная сцена явно удивительна, а кроме того, «Повесть страшна» столь насыщена подобными примерами, что ситуация выходит на качественно новый уровень.

¹³¹ «О них же достоверно слышах и от тамошних иноков и от иных самовидцев, яко во время литаний, си есть процессий, егда исходят вне монастыря и износят их, трясутся, скачут и прегибаются семо и овамо в руках носящих, и угнетают их, еже есть неприлично вероятно и возбраненно от православной Греческой Восточной церкви... Но се может твориться или от хитрости, лукавства же и притворности обыкшаго их носити, либо в коих либо буди руках, но действием беса, ради безумию сия верующих... Еже они за чудо вменяют, и каково убо се есть чудо, еже колебаться и плясати иконам, кроме пользы христианской...» (Григорович-Барский В. Второе посещение... С. 240). Привожу текст для ясности в нормализованной орфографии, устрояя смещение И/Ы и примеры твердого Р, свойственные подлиннику. Из сказанного видно, что о древней константинопольской практике автору не было известно.

* * *

Текст повести публикуется по единственному известному в настоящее время списку ГИМ, собр. А.И. Хлудова, № 147Д, л. 80—97, с разбивкой на абзацы и сохранением орфографии оригинала. Титла не раскрываются, выносные буквы вносятся в строку в скобках, многочисленные лигатуры (не вызывающие, впрочем, сомнений в прочтении) раскрываются и отмечаются в примечаниях.

повѣсть¹ сѣло страшна. і оужаса исплънена. и дѣшеполезна вѣрны(м). сповѣданіе о стхѣ² чюдотворны(х) нкона(х). еже сѣть въ стѣн горѣ афонствѣн. в' монастырн глѣмѣ(м) хиландарь. како и что чюдодѣнствѣють. сказаніе о нхѣ³ сице.

В лѣто 233. ро. въ цр(с)тво бл҃гѣ(с)тнваго црѣ г(с)дрѣ велика(г) кнѣзѣ² Ивана² Васн(л) евнѣа всеа рѣсн самодрѣжца. придоша пре(д)реченна(г) монастырѣ архимарн(т) Прохорѣ. и съ ннннн старцы тоа обнтелн. видѣтн бл҃гѣ(с)тнѣ црѣ самодрѣжца. и всеса³ земаа ншѣ(а) и ра(ан) окрѣмленіа и овогащеніа м(с)тнн. и повѣдаша црѣю и мн(т)рополнтоу сице. съ многн(м) нзвѣщеніе(м) неложно; в(с) р(т) ъ на(с) въ шнтелн ст҃го монастырѣ. бѣіе мнлосердіе чю(до) творныа нконы. многа и ра(з)лчнѣа знаменіа чю(до)дѣнствѣють(т). страшна⁴ и нехдобн(з)глѣмѣа ѿ члѣкѣ;

Но мы здѣ въ оуслышаніе вѣрны(м) съ бж҃ією помощію въ(з)вѣсти(м) страшнаа⁵ дѣла невидима(г) бг҃а. на [о]увѣреніе⁶ нев(ѣ)рны(м). и на извѣщеніе вѣрны(м). [л. 80v] Но аще и свонма очнма не вид(ѣ)хо(м) никто(ж) ли да позазрн(т). ѿ достовѣрны(х) бо свндѣтеле(н) слышахо(м) о сн(х) стра(ш)ны(х) тюдесе(х). Азъ оубо не ленюса гѣтн. вы ж с прилѣжаніе(м) послушанте гл҃емаа. не избвѣтѣя словес(с). но истинноу вѣнмающе. Аще ли никто(ж) смѣеть пре(д) земны(м) цр҃е(м) гл҃ати что не истинно. то колли па(ч) пре(д) не(с)ны(м) цр҃емъ ложнаа словеса износити. [стр]ашно⁷ е(с) на таковы(х) слово. потребн(т) ре(ч) гв҃, вса гл҃ющаа неправ(д)ах. Мы(ж) истинны дръжаще(с). на пре(д)лежащаа понде(м) з бг҃омъ.

Ѿ страшноуах тюдесн и велнкн(м) тн танна(м) хс҃е бс҃е. еже неизре(ч)нно съдѣнствоуешн нш҃го ра(дн) спс҃на. животворашн(м) тн кр(с)тоуь на не(м) простеръ пр(с)тѣн свон дланн. и [с]ѣ[н]иу⁸ жнводавте твоего пр(с)таго зра[ка тюдотв]орною⁹ иконоу. и пр(с)ты(х) въобра[женн] матерѣ¹⁰ твоеа. застѣпница нш҃еа б[и]ц(ы) и оугодн[в]шн(х)¹¹ стѣ(х) твоемоу страшноуах величеств[у]¹². снмь стѣ(м) и тю(до)творны(м) икона(м) п[р]обсѣлѣ тюдодѣ[н]ствовати¹³ сты(м) и жнво(т)ворашн(м) твон(м) дх҃омъ¹⁴. [л. 81r] Ѿ братіа страшна вещь понстиннѣ, образы шаровнаго написаніа зрнмы и виднмы. но тю(д)е(са) бж҃ественнаа съдѣнствзю(т). Ѿ гл҃евнаа бога(т)ства пре(д)ростн и разоума бж҃а. Ѿ неиз(з)ре(ч)нны(м) тн х(с)е тюдесе(м). новаа ве(т)хы(м) прилагаешн. и тюдеса творшн стл҃н икона(мн).

Егда ре(ч) пондоу(т) тѣ тю(до)творныа иконы носнмы ннокы ѡбразъ спс҃а нш҃го тса хс҃а и прет(с)тые его мтр҃е обра(з) стѣа бца. по слажбны(м) храм(м) в' пекарню и в' магерню и в' погрес(в) гдѣ вна стоа(т). и по нны(м) храм(м) слоужбны(м). ндѣ(ж) моукоу трасоу(т). и по жн(т)ннца(м). ндѣ(ж) жнта дръжа(т). И в' дохю. нде(ж) масла и ме(д). и воскъ и рыбоу и соль. и всакон запа(с) става(т). и в' тон дохе кан(дн)ло¹⁵ стон(т). пре(д) стл҃н иконамн и пре(д) иконоу претѣе бцы и пре(д) тю(до)творце(м) Николоу. Ѿ страшно тю(до) видашн(м) понстиннѣ. прише(д) та тю(до)творнаа икона обра(з) спс҃овъ. или обра(з) пр(с)тые бца. тѣ(м) стѣ(м) икона(м) преклоняю(т)са до зе(м)ли. Кто слыша такова. или кто видѣ образн тако жнвн преклоняю(т)са. И се здѣ [л. 81v] страшно знаменіе. тако неволею влекомн старцы, которыа тѣ тюдотворныа иконы носа(т). Ѿ понстиннѣ ажаса исполнь в'коупе и страха, дръжа(т) роукама стоа(т) и не моуоу(т) оударжати ни по(д)натн. донде(ж) тю(до)творнаа икона сама поклонн(т)са и въсклонн(т)ца. Се здѣ разоумѣтн мл(с)рдн бж҃іе моудрѣ слышленіа тл҃тскаго. Аще бы тысяща тл҃кѣ подннцаа и оупѣтн ннчто(ж) моуж(т). донде(ж) въсхоше(т) ѡбдержашаа сна тю(до)творныа иконы восклоннтиса. Ѿ мл(с)рдню твоему¹⁶ вл(д)ко къ тл҃тскомоу родоу. како кажешн на на(с) бога(т)но своа ще(д)роты.

Та(ж) пото(м) слажнтеле(м) поклонает(с)са. которыа съ страхо(м) бж҃н(м) и с вѣроу слоу(ж)-боу дръжати нзволаю(т). Се гавѣ дарованіе троудовъ въздааніе. тѣ(м) добрѣншн(м) слаже(б)-ннко(м) на главоу преклонн(т)са тю(до)творнаа икона. И паку здѣ видѣтн мл(с)твое наказаніе. которын слаже(б)ннцы нера(дн)во и лѣностію слоуж(ж)бы не врегоу(т). и тѣ(х) тю(до)тво(р)-наа икона мл(с)тнвнне обнлгает(т). и бие(т) легче некако пореваютн. крае(м) тоу тю(до)тво(р)ною нко[л. 82r]ною. Убы¹⁷ ленивои(х) и нера(дн)воиуах рабѣ ѡ(б)ленившоу(с) на дѣло бж҃іе. Се агіе нз' храмоу таковаго¹⁸ нзгонает(т) вонъ. пре(д) настоателе(м) и пре(д) соушею тоу бра(т)ею. донде(ж) тѣ слоужбннцы покаю(т)са истинно настоателю и всен¹⁹ братн. и вса²⁰ своа прегрѣшеніа хчнгоу(т) пото(н)коу исповѣдовати. И настоате(л) тѣ(х) слоужнтелен прошенію спо(до)блаетъ. а не тоа нх' слоу(ж)бы нз(з)вонд(т). а въ нх' мѣсто нны(х) слоужнтелен оучннаетъ. Ѿ пре(д)ногомуа тн мл(с)рдню вл(д)ко х(с)е. тако даль еси на(м) непосты(д)ноу долеинноу. о на(с) к тебѣ мл(с)рдмоу бгоу. Показоуешн свон(м) стѣ(м) ѡбразо(м). мтр҃е своа. к на(м) застоупленіе и свое²¹ тл҃колюбіе. зрнте

братіе по которы(м) слоужба(м) понде(т) ω(б)ра(з) спсѣвъ. тѣ же²² пр(с)тыа его бгѡмѣре ω(б)ра(з) въскоше(т) понти. индѣ с м(с)тію на посещеніе обратн(т)са. и понде(т) въ цркъвѣ или в трапезоу. тоу сщщен братин на блгословеніе. Не просто(ж) тѣ тю(до)творныа нконы носл(т). но честнѣ и велелѣпне. архимларн(т) съ [л. 82v] сщщенницы и вса братіа. точию кроудѣ слажнтелен тоа стѣла обителн.

Блгѡчнннѣ(ж) въ стѣ(м) монастырѣ створагѣ. прьвое хоженіе съ ч(с)тныи кр(с)ты і стѣ(м)н иконаи. за монастырь. на стѡе бгѡявленіе гѣ бѣ спса ншго ісѣа. къ кладезю на іерданѣ. иде(ж) ошченіе водѣ бывае(т) съ стѣ(м) ωбразо(м) гѣ бѣ ісѣа съ тюдотворащюю нконою. та(ж) и застоупница ншѣа обра(з) пр(с)тыа тю(до)творнаа нкона блгѡчестнѣаго црѣ Стефана серьбскаго. тоа бо пособіе(м) в'залл гра(д) вѣхандѣ.

Нѣкогда бо селюу блгѡч(с)тнвоуу црѣ Стефануу. пленяющюу гре(ч)скоюу землю. і то(т) стѣнн ω(б)ра(з) тю(до)творнын понесѣ съ собою црѣ Стефанѣ ѡ града Бнтола. и понде боеватн вѣханты. ннѣ же рекомыа Серезѣ. Н не воз'може приати града. ра(дн) крѣпостн и оутверженіа и повѣлѣ прикатитн къ граду тѣры. и стеновнтныа хитростн. Н грекове по стена(м) поставнша ч(с)ныа кр(с)ты [л. 83r] и стѣла ω(б)разы. црѣ же Стефан(н)²³ блгѡч(с)тнв(ѣ) сын. не повелѣ града вре(дн) ти ннчн(м) же ѡ ра(т)ны(х) оруужн. но тако(ж) повелѣ блгѡч(с)тнвын црѣ Стефанѣ. понти к градуу съ ч(с)тныи кр(с)ты і стѣлн иконаи. Греци(ж) наташа съ града стрѣлатн. црѣ же Стефанѣ повелѣ съ кр(с)ты и стѣлн иконаи въз'вратитн(с). и тогда ве(л)можа гре(ч)скн родо(м) фразинѣ. нарицае(м) Каволарѣ. напрѣже лоукѣ свон. и врьже ѡ намереніа стрѣлоу. Н оударн ωбразѣ пр(с)тые с тылоу. бѣ(ж) напнсанѣ стѣнн пр(о)ркѣ наіа.

Ѡ оужасноуу видѣнію братіе н бѣы. Авіе потече кровь такоже нз живаго телесн. Мнлоствата (ж) застоупнице и помодшнице крепка(а) стѣнн обра(з) бгѡмѣре. оустремн(с) къ градуу съ нослщннн. нѣкою бж(с)твеною слою. І авіе оударе(т) въ врата града крѣпцѣ. и тако то(м) ісѣа врата гра(д) ныа распа(до)шасл. Ѡ непоб(ѣ)димоуу твоелюу воево(д)ствоу. пр(с)таа бѣа. Н показа по то(м) вешна(г) шаропнсаніа немощѣ [л. 83v] и свою непоб(ѣ)димоуу силоу. поне(ж) бо ωбра(з) тю(до)творнын мало пощепнса. Оубы дръзноювшн(х) протнвоу силе бгѡмѣрн. Н се напрасно оустремн(с) все вонско црѣ Стефана. тако(ж) нѣкннн женои ннн(до)ша в гра(д) и възпріаша гра(д). црѣ же Стефан(н)²⁴ повелѣ всѣ(х) грековѣ острую мечл преда(тн). ра(з)вѣ женѣ н дѣтен. Н тако црѣ въ(з)вратн(с) въ своа сн. с великою победою бгѡмѣрн пособе(и)емѣ.

Н ω сн(х) оубо снце. на пре(д)лежащата(ж) възвратн(м)са. Сен же пре(ж)въспомноутын Каволарѣ. оумолн црѣ кр(с)титнса. и авіе пострнзае(т)са въ стѣ(м) монастырѣ Хнлондарѣ. Та(ж) н съ ѡпатіе(м) власѣ ѡлагае(т) ве(т)хаго члѣкѣ м(д)рѡваніе. и ѡ вѣры влеко(м) създа столпѣ ѡ своего нлѣнна блнзоу монастыра оу винограда. на прнвѣжнще братіа(м) трѡужающн(м)са в' виногра(де) ѡ разбою. Ішѣноуе(т) же(с) столпѣ сен Каволаревѣ пнргѣ. сен же пре(д)ре(ч)нын Каволарѣ вы(с) ннокѣ нскоуесенѣ. Н ѡнде с мнро(м) къ гоу. и ω се(м) оубо нзрекохо(м).

Блгѡч(с)тнвын же црѣ Стефан(н). повелѣ ωбра(з) пр(с)тыа злато(м) ω(б)ложн(тн). дравн(т)скн(м). тако(ж) н сребро(м) н драгн(м) каменнѣм. [л. 84r] въз(з)даа поч(с)ть бѣы. Блгѡч(с)тнвата(ж) црѣа е(г) снѣ(м) съ главы своаа венецѣ. с драгнцѣ каменнѣ(м), н с женчуго(м). на ω(б)ра(з) бгѡмѣрн положн. въздаа в'коупе. с мѣтвамн поч(с)ть бѣы. Н тако прндоша в' монастырь стѣо Савы с многоу ч(с)тію н оучре(дн)ша братію. и поставнша ω(б)ра(з) пр(с)тыа ч(с)тнѣ. Н пѣвшѣ молебнаа възвратнша(с) въ своа сн со многоу ра(до)стію. славаще на высокн(х) жнвоущаго бгѣ ісѣа. в'коупѣ н рож(д)шоюу его пр(с)тоюу бѣоу. Тю(до)творнаа же нкона многа тюдеса творн(т) н доннѣ всѣ(м) с вѣроу прнходащн(м).

Пакн(ж) на пре(дн)лежащата въз(з)вратн(м)са. Повѣдаша(ж) н сіе старцы сонн. како е(с) ре(ч) ωбра(з) пр(с)тыа бѣы. в' то(м) же стѣ(м) монастырѣ стѣо Савы. зове(т)са Трѡероуцнца²⁵. его(ж)

нѣкаа жена боларыни²⁶ ѿпоустн в' монастырь ст҃го Савы. ѿ града Скопіа гл҃лаго. въ время пленения. Како(ж) и ѿкоудоу си ст҃ий ѡ(б)ра(з) пришеврѣте жена.

Есть збо в' то(м) градѣ митрополит(т). По времн(ж)²⁷ нѣкое(м) повелѣв' зогутра(ф)ства²⁸ хоу(до)жннкоу. написа(тн) [л. 84v] на нконѣ ѡ(б)ра(з) прѣ(с)тыа б҃цн Ѡ(д)игнтриа²⁹. Иконописец' же назнаменована ѡбра(з) тако(ж) мла(т) обычан. двѣ роуцѣ мѣѣтн б҃цн. и понде в' до(м) свон. И прише(д)шѣ емоу зогутра³⁰, обрѣте тре(т)ю роуцѣ. здолоу младенца дрѣжащоу. Сен же оуспмнѣса мна тако нѣкто гл҃оумленна ра(дн) сіе сътворн. и ната слыба(тн) водоу и стирати гоубоу и сіе не единою сътвори но дво(н) краты і множае. Сен же видѣ нѣкое бж(с)твенн слѣ быти. възвѣщае(т) митрополитѣ бывшее. Митрополит(т) же бл҃гѡразсѣден' сын. повелѣ наложити печати на двери храмны. идѣ(ж) стон(т) ст҃аа икона б҃гѡмѣтрн съ двѣма роукама. И на оутрин мн(т)рополит(т) бзе(м) с' собою клирци. и иконописца. и понде с народо(м) нде(ж) обра(з). и обрѣтша пѣта(тн) цѣлы. и тре(т)я роука нзѡобразнса нѣкн(м) бж(с)твенны(м) мановеніе(м). Разоумѣв же митрополитъ быти вещь недѡвѣдомоу. повелѣ тако оставити обра(з) с трема роукама. И вы[л. 85r]шерекѡмаа³¹ боларыни в'зе(м) тон ст҃ий обра(з) съхрани его в' клетн своен. а на на то(м) мѣсте ндѣ(ж) столалъ тон ст҃ий образъ. и на то(м) мѣсте възобразнса обра(з) нероукотворенъ самописанъ. И тоу е(с) ннѣ монастырь тако и доннѣ зове(т)са троероутица.

О си(х) же тако. По лѣте(х) же нѣколице(х) придоша старцы ѿ ст҃го монастыря Хиландаря. ради мл(с)тинн на окръмленіе монастырю. и на искоупленіе данн бс(з)божны(х) тоурокъ. Бышеименена же боларыни³². мѣваше велию вѣроу къ ст҃моу монастырю. и помысли ѿпоустити стѡюю иконоу в' монастырь на бл҃гословеніе настоателю и братин. И абіе³³ слово дѣло бысть. и повелѣ зготовити осла. и поставити обра(з) прѣ(с)тыа троероутицы на вьюцѣ. Боларыни(ж)³⁴ ната(т) гостити старцевѣ бра(ш)но(м) и вино(м). по(д)аремник' же оуклоннса н(з) долоу съ образо(м) прѣ(с)тыа Троероутица. невидимоу бж(с)твеноу слою. Старцы(ж) [л. 85v] сего не вѣдахоу ни боларыни³⁵ гдѣ оуклоннса осла съ образо(м) б҃гѡмѣтрн. И се тю(до) страшно братіе. его(ж) никто(ж) слыша в роде нашемъ. Абіе³⁶ того днн обрѣтеса осла в' монастыри ст҃го Савы. и съ образо(м) прѣ(с)тыа б҃цн Троероутицы. и в'са³⁷ напоу(т)наа цѣла и нитто(ж) нзгнѣе. Бѣ(ж) ра(з)стоаніе ѿ того града. до ст҃го монастыря трнста поприцѣ. и се село дивно в' толнко время прнде в' монастырь. толнко поприцѣ единого днн пособием(ъ) б҃цн. Увѣдавъ же настоатель ѿ вратара. і аб(і)е нзыде въ стрѣтеніе ст҃го прѣ(с)тыа образа съ всею братіею. І сию приедше ѡбылѡвызаю(т) радостнѣ вкоупѣ и съ слезамн дшѣю и ср(д)цем. і в'не(с)ше в' цр҃квѣ. поставнша на мѣсте ч(с)тнѣ. дивашеса³⁸ бж҃ію мл(с)радію. и прѣ(с)тыа б҃ца посещенію. И не вѣдахоу вси ѿкоудоу прнде б҃ца прѣ(с)таа. донде(ж) придоша братіа. Ѡсла(ж) паде то(м) ч(с)ѣ и нздѣше. и о си(х) оубо тако.

Старцы(ж) оны нскавше [л. 86r] ослаити съ многи(м) тшаніе(м). не въ(з)могѡша шврѣсти. Пондоша въ своа си. скорбаше и плачуще. погоубыльше безцѣнное съкровище обра(з) б҃цн. Та же по то(м) по десатн(х) днѣхъ достигзаю(т) ст҃го монастыря. сѣтовны(м) ср(д)цемъ и драхлы(м) лице(м). Монастыря(ж) того братіа. оувѣдаша пришествіе старец' оне(х). погоубыльши(х) осла и обра(з) б҃гѡмѣтр. стрѣтоша нхъ оу вра(т) монастыря. И по(н)доша с нн(мн) въ цр҃квѣ поклонитнса образоу га' ба' спса ншго іс'ха'. и прѣ(с)тѣн его мѣтрн. и в'сѣ(м) ст҃ы(м) нкона(м). и ѿ настоателе бл(с)внне приати³⁹ и ѿ всен братин. Настоател⁴⁰ же в(ъ)спрошае(т) нхъ о здравнн и о поутномъ шествнн. Ѡни(ж) нсповѣдаша бык'шее съ слезамн. настоател же ната(т) нхъ оутѣшатн. не скорбнте ре(ч) братіа тако⁴¹ здѣ е(с) образъ ст҃аа б҃ца троерѡтица. они же слышавше и видѣвше ѡбра(з) б҃гѡмѣтрн. наполниш(с)а ра(до)стн ѡ нензре(ч)ннѣ(м) чюдесн. и прославнша [л. 86v] б҃га и прѣ(с)тоую б҃цоу. І доннѣ(ж) тон ст҃ий обра(з) стонтъ в цр҃квн. многа знаменна и чюдеса творн(т). с вѣроу приходаши(м) да(ж) и до днѣ(с). о си(х) же доздѣ.

Повѣдаша же и еще о мѡ(с)тѣ бѣжѣн. и прѣ(с)ты(а) бѣцы. естъ ре(ч) шбра(з) чю(до)творным прѣ(с)ты(а)⁴² бѣцы. Старческа мѣноуема. Которые старцы дрѣжа(т) правления монастырскаа. и не добрѣ монастырскаа строятъ. тѣ(х) нзѣоблѣае(т). и бѣеть. дондеже исправатса. и покаю тса истинно. И се здѣ приводи(т) бѣца на стезю покаанія. и несправлена(а) да исправа(т)са. И не хоше(т) въ грѣсѣ(хъ) трыпашн(м) въ швнтелн кончатиса. но іако(ж) глѣтъ Исѡа пр(о)ркѣ. Хотѣние(м) не хошоу ре(ч) гѣ сѣрѣтн грѣшннкоу. но швратити(с) емоу и жнвоу быти. тако(ж) и прѣ(с)таа его мѣтн. съплемннмоу родоу просн(т) ѿ рож(д)ьшаго(с) ѿ неа тѣа и бѣа. ншго. прошенія⁴³ грѣхо(м) и спсѣнїа ненадежны(м). Ѡ си(х) же тако. на пре(д)лежаща(а) [л. 87г] да⁴⁴ възвратн(м)са.

Принесена⁴⁵ (ж) нѣкогда бы(с) нкона бѣоцѣтн монастырскаа. мѣноуема вѣнзго(в)скаа⁴⁶ чю(до)творнаа нкона. Настоателю(ж) нѣкогда въ времїа пра(з)ннїа нше(д)шоу съ клнрїкы за монастырь съ ч(с)тнцнм кр(с)ты и съ стѣмн нконамн. єднн попрнще ѿ монастыря к мюрю. Носашн же чю(до)творным шбра(з) неволею восхнщенн быша. ѿ нѣкоа бж(с)твенныа слы. И аб(и)е внесе нхъ в' мюре. в'дале єднна(г) врьжения стрѣлы. Ѡ братїа понстнннѣ чю(до) страшно носашн(м) стоатн на неодрѣжнмѣн глаубннѣ. мало погра(з)шн(м) іако ча(с) єднѣ. и пакн нзыдоша нз мюра невреднн. И ѿ тогда даже и до днє(с) неавнжнмїа бывае(т) чю(до)творнаа нкона. за стра(х) мюрскаго ношенїа. Многа(ж) и нна стра(ш)на знаменїа творн(т) та чюдотворнаа нкона. с вѣроу покланяющн(м)са чю(д)номоу томоу шбразоу. нсцеленїе подае(т) всакому нєдзгоу. і о си(х) оубо доздѣ. ѡ ннѣ(х) же на[л. 87v]чнє(м) бесѣ(до)ватн напре(дн) лежащн(х).

Ѣ(с) же шбра(з) архїстратнга Мнханла чюдєнъ сѣло внденїемъ огнєпалєнѣ. многа знаменїа и чюдєса творн(т). всакаїа страстн оувратюєтъ. и болаша нсцелаетъ. Аще ли когда шбрацоу(т)са нѣцн прю ндоуше мєжоу собою. И прнходат(т) къ ш(б)разоу архїстратнга. и поють молебєнаа. и тако по то(м) єдннѣ глѣтъ къ шбразоу стго архїстратнга. іако⁴⁷ (ж) къ соудн страшномоу. Коупно съ слово(м) по(до)нмє(т) стюю нконоу хре(ч)нннн панамарь. тон же чю(до)творным шбра(з) архїстратнга мнханла. покланаетса пре(ж) образѣ сп(с)воу. и прѣ(с)тыа бѣца. показоуа къ вл(д)цѣ рабѣское покорєнїе. и іако(ж) нѣкоє наказанїе прїє(м) ѿ вл(д)кы своего и бѣа. И тако шбрацаетса к' тажѣщн(м)са. разр(д)рѣщаа прю н(х). Праваго полнлобанїа достонна сътвориат(т). и на главоу его преклонн(т)са мѡ(с)тнвнѣ чю(до)творнаа нкона. Повнннаго(ж) шєлнчѣае(т). И се [л. 88г] днвно сѣло. абїє преклонн(т) его к' землн. и бѣеть нещадно. дондє(ж) исповѣсть взє(м)шеє.

Пакн(ж) другоє чю(до) болшеє. Нѣкн члѣкѣ оупнвса в' тон(ж) весн. надѣ(ж) шбра(з) архїстратнга Мнханла. И пондє къ прнстаннцѣ своємоу члѣкѣ тон надѣ(ж) жнвалше. іако(ж) попрнще дєса(т) ра(з)стоанїє нѣла ѿ оного сєла. Ндоуцоу же ємоу. нандє на поутн пасоушаса вола. и єдѣ его продаде на сребрєннкн. и забвєнїю предаде. Г(с)днѣ же вола понска(в) и не обврѣте. Не по чносѣ(ж) времєнн оумре г(с)нѣ вола. Оукрадын же вола по слоучїєю⁴⁸ прндє на пра(з)ннѣ архїстратнга Мнханла. ннчто(ж) помышлала іако повннєнѣ є(с) съсѣдоу своємоу. Ѣгда(ж) пондоша сцїнннцы съ шбразо(м) архїстратнга. и нача многа чюдєса творнтн в' народѣ. Прндє⁴⁹ (ж) тон чю(до)творным ш(б)ра(з) на(д) того моужа нже вола оукраде. И се напрасно преклонн повнннго к' землн и нача бнтн и нстазатн. И в'⁵⁰ то вре[л. 88v]мѡ всѣ(х) прїа(т) стра(х) и оужасѣ. Члѣкѣ же тон възопн велнмѣ гласо(м) пре(д) соушнцн тѣ народы. іако достоннѣ ре(ч)ї стражоу повннннн соудоу. Іако ѿ неоудрѣжанїа мюєго оукраде єднѣ вола. Се же бы(с) третїє лѣто. г(с)нѣ же вола оу(ж) оумре. Аз' же надѣ(х)са іак оне нзыше(т) архїстратнгѣ внны мюєа. тако дрѣзноу(х) прннтн сѣмо. И ннѣ моанте за мѡ да мѡ(с)тнвѣ мн боудє(т) архїстратнгѣ. Аз' же сребро н с лнхвоу прннесоу пре(д) архїстратнга єже прїа(х) вола цѣноу. По нзглѡнн же си(х) абїє прошенїю спо(до)бнєс. Ше(д) же скоро прннесє сребрєннкы в' црѣкѣ архїстратнга Мнханла. и сїа оубо снцє.

Нещин же ѿ грекъ невѣриемъ одръжиди бѣхоу. лажна мнѡ(т) быти тѹ(до)дѣнств(а) стѣи(х) иконѣ, тако глѣмѡ(с) сѣ твора(т) хиландар'цы⁵¹. И послаша два инокѡ нск(х)снтн въваощаа тѹ деса. си же инокѹи мнѡстырѡ глѣмѡго Бѡтопед(а). Прнше(а)шн(м) же нмѣ на праз(з)никѣ стѣо хѣѡ въ[л. 89г]знесенѡ. В'негда(ж) понде настоате(а) съ кр(с)ты н с тѹ(до)творнымъ иконамн. ндѣ(ж) обычан нмоу(т) по всѡ лѣта хо(ан)тн. пондоша(ж) н тыѡ старцы. нже прндоша ѿ Бѡтопедѡ мнѡстырѡ. И повелѣ настоате⁵² дати нмѣ носнтн иконѣ тѹ(а)творноую образъ гѡ бѡ спсѡ ншѣо тс хѡ. Оин(ж) мнѡхоу ннтѣ(ж) пострададн. в'зедше н понесоша. ѿ страха н трепета. Напрасно пондоша сѣдо н шѡдѡ. неволею влѡчиди бѣхоу. Настоан же н всѡ братѡ нѡташа глѣтн нмѣ. Потто нестроннѣ шествѡе творнте. разоумнн соуше моужѡе. И сѡ рѣша тако поносаше невѣрѡ н(х). снн(ж) еше не покѡаша(с). И абѡе то(м) часѣ поведе н(х) нѣкаѡ бж(с)твенѡѡ сна. дѣбрѡ, н трѣнѡемъ, н блѡто(м). До толнка же водн нхъ тѹ(до)творнѡѡ икона. н к томоу нхъ в' морѣ в'веде даже до выѡ. н коснѣтн н(м) даже до полоуѣѡѡ в' морн. Юдо[л. 89v]творнѡѡ же икона без'⁵³ вреда пребы(с) снамоу бѣжѡею. И по сн(х) понде стронно тѹ(до)творнѡѡ икона. Оин(ж) нѡташа каатн(с) своѣ(г) невѣрѡ. н достоннн себе глѣше бытн страданѡю сѣмоу. И сѡ ше(а) възвестнша посла(в)шн(м) нхъ. н к томоу не прндоша нскоуснтн бѣѡ творащѡго днвнаѡ тѹдеса стѣи иконамн. Ѧ сн(х) же дозѡѣ.

Бѣ оубо нѣкн старецъ тоѡ же обнтѡан стѣо Савы Сервьскаго. нменѣ(м) Анастасн. повѣда мн о себѣ снцѣ. ѿшѣдшоу мн ре(ч) по нѣкоѣн скорбн ѿ обѣщѡнѡ своѣго. н нзволн(х) пребыватн оу стѣо Пантелѣндона в' роснско(м) мнѡстырн. Пребывающоу(ж) емоу тѡло времѡ доволно. прнде же емоу въ оумь. ше(а) ре(ч) внжоу бываеѡѡѡ тѹдеса в' Хиландарн стѣи иконамн. И прнше(а) к настоатеѡу бл(с)венѡѡ прошаше. да ѿпоустн(т) н помѡнтн(с) во стѣи мнѡстырѣ на праз(а)никѣ В'веденѡ стѣѡ бѣѡ. Настоате(а) же [л. 90г] ре(ч) емоу. За сѣ е(а)но хошоу та оудръжатн тѡдо Анастасн⁵⁴. еда како не въз'вратншн(с) к на(м). н боуде(м) тако велнкоу тцѣстоу нмоуше лншенн брата. Анастасн же с каатвоу ре(ч), тако нмѡ(м) ѿчѣ пакы възвратнтн(с) къ стѣостн твоѣн. тотѡю ѣднно дан мн просндоѣ мною ѿ тебе бл(с)внѡе. Настоате⁵⁵ же сѣтворн бытн по волн брата. н абѡе ѿпоустн его. сен же понде с ра(до)стѡю. Доше(а)шоу(ж) емоу въ стѣи мнѡстырѣ. на хтрнѡ же пондоша настоатеѡ н всѡ братѡ съ кр(с)ты юдоу(ж) обычан нмоу(т) ходнтн. соушоу(ж) посреѣ н(х) н Анастасю⁵⁶. В'негда(ж) нѡташа стѣѡѡ иконы тѹ(до)дѣствоватн. тогда прѡятъ его трепе(т). н нѡѡ скрѡватн(с) посрѣ(а) братѡ да не облннтсѡ грѣ(х) его. еже нзыде ѿ обѣщѡнѡ своѣго бе(з) бл(с)внѡѡ. Снцѣ же емоу помышлѡющоу. напрасно братѡ сюдоу н сюдоу разыдоша(с) тако(ж) ю го(м) ноужны(м)⁵⁷ женомн. Раздѣлн н(х) на двѣ частн. [л. 90v] невн(а)мѡѡ бж(с)твенѡѡ сна. Анастасн(ж) оберѣте(с) посрѣѣ ѣдннѣ. И се прнспѣ тѹ(до)творнѡѡ икона прч(с)тыѡ бѣѡ. н поразн его по(а) носѣ. Сен же ѿ страха па(де). ннкако же не смѣѡаше нн ѡтѡю възвестн к' тѹ(до)творно-моу шобразоу. ѿ м(с)тнвомоу тн посещенѡю хѣ бѣѡ. Прнше(а) ш(б)разъ спѣѣѡ преклоннлѡ легце нѣкако на гл(а)воу Анастасю. Настоате(а) же н всѡ братѡ. вндашн на не(м) бѣжѡе м(с)рдѡе рѣша емоу. Поканѡ братѣ Анастасѡе. да не горѣ тн что боуде(т). н въз'вратн(с) въ обѣщѡнѡ своѣ. Сен(ж) нѡѡ мѡнтн настоатеѡѡ н братѡю да его прошенѡю спо(до)бѡ(т). Язъ ре(ч) н до смѣртн не нзыдоу нзъ стѣѡѡ сѡѡ обнтѡан. еже н бы(с) тѡло н до днѣ(с) не нсхода. развѣ с повелѣннѡ(м) настоатеѡѡ на потребоу мнѡстырѡ.

Сен же мн Анастасн повѣда о дроузѣ(м) братѣ. Иѡко блн(з) ре(ч) мнѡстырѡ ншѣго нѣкто бра(т) жнѡваше в' поустынн. особенѣ⁵⁸ нмѣѡ [л. 91г] кѣлѡю. тако(ж) н внноградецъ мѡ(а) нмѡ(ше). Сен бра(т) невѣриемъ одръжн(м) блѡше не нстннноу бытн. в' Хиландарн тѹдесе(м) ѿ стѣи(х) иконѣ. н с помысло(м) нде в' мнѡстырѣ вндѣтн бываеѡѡѡ тѹдеса. В'негда(ж) прнспѣтн емоу въ обнтѡан стѣо Савы. прнѡуѡнтсѡ в' то времѡ нзытн настоатеѡу съ кр(с)ты н съ тѹ(до)творнымъ иконамн за мнѡстырѣ. Обычан же нмоу(т) прнходашн(м) братѡ(м) повелеваю(т) носнтн тѹ(до)творнѡѡ

образы. И повелѣ настоятель дати ономоу братоу носити нконоу прѣ(с)тыа бѣа. Онъ же немошна себе быти рекъ тако старъ есмь не мооу носити великия нконы. настоятелъ же повелѣ дати емоу хороуговь. на нем(ж) кр(с)тъ зла(т). а в не(м) нѣкаа часть животворящаго древа. на не(м) же простре хс прѣ(с)тѣн свои роуцѣ ншго ради спсѣния. Вземшоу(ж) братоу стагъ съ кр(с)то(м). сие ре(ч) легко носити. и въ⁵⁹ единон рѣцѣ [л. 91v] ношаше. По мале(ж) бы(с) тажко велин тако не моошн емоу ни на едно мѣсто по(д)вгнути. По мале же поведе его неволею по стреминна(х). Тъ же соущи нмоцы рѣша старцоу. Потто ѡ(ч) старъ сын глаоудншнса и нестронно ходншн. Ходн на коже видншн ѡца ходаща по чиноу и на(с). Сен же ѡвѣща тако неволею влачн(м) есмь амо(ж) и не хошоу. И се тоу прилоути(с) вртепецъ плънь воды. и обонъполъ нмѣа малъ лѣ(с). И взем того старца нѣкаа невнданна сна. б'верже в' воды да(ж) до выа. Братиа же взаша ѡ него скипетръ. сен же нача(т) вопити велин(м) гласо(м). Ѡ братие и ѡцы подмосите моемоу невѣрню. и не данте мн напрасно погнути. Онн(ж) его нзвлекше поставнша на брезѣ. онъ же нача каати(с) пре(д) всѣм о своем невѣрн. Ѡдаде(ж) и келю свою монастыреви, також(д)е и виногра(д). са(м) же ѡ о(б)итеаи неѡстоупна⁶⁰ себе быти створи [л. 92r] даже и до смртн⁶¹.

Страшно(ж) и оужасно велин и се. Яко егда чю(до)творнаа нкона взыде(т) на мѣсто настоателя в' цркѣн нан в' трапестѣ. то оуже нѣкое бы(с) прегрѣшение в настоятели пре(д) бгомь. Сен же оправдав вса пре(д) бгомь о грѣсе(х) своих слезамн и поканиемъ. И оставлетъ самъ свои пре(д) всѣм кааса о нн(х) же съгрѣшн. Я въ его мѣсто ннаго нзбран'на ѡ старецъ поставляю(т) в' настоятели. съ бл(с)вениемъ, соущаго тоу еп(с)кпа. И сиа тако.

Егда же пакы пондоу(т) съ кр(с)ты за манастирь. ндѣ(ж) обытан нмоу(т) ходити. и прилоути(т)са челоу нзгнути ѡ образа. златицы нан камыкоу. нан енсероу. не ѡнде(т) ѡ мѣста чю(до)творнаа нкона. дондеже обрацоу(т) братие нзгнушоу драхмоу. Тако(ж) егда дѣлаю(т) братиа виногра(д). и е(д)а кто что монастырское съхранн(т) в лѣсе. в'нѣгда(ж) пондоу(т) съ кр(с)ты. тогда чю(до)тво(р)наа нкона [л. 92v] понде(т) с носашнмн братиами. невнданмоу бжїею снамоу двнжнма. и покаже(т) мѣсто ндѣ(ж) скрыто монастырское⁶² орхдіе.

Тако(ж)⁶³ аще которын бра(т) въхоше(т) нзыти тан ѡ ѡбители. и ше(д) в дєєры скрыетъ роухло свое. егда(ж) пондоу(т) тѣ чю(до)тво(р)ны(а) нконы. въслѣ(д)стоующн(м) братиами. азе ѡбрѣтаю(т) положеное. Бра(т) же тон нже скры оутне(т) каати(с) настоателю и братиами. и тако прошения спо(до)блает(с)а. Аще⁶⁴ же которын бра(т) добродѣтелно житіе нмѣ(л) в' монастырѣ. то по преставленн его на(д) гробо(м) его поклоняетса ѡ(б)разъ сп(с)въ, и прѣ(с)тыа бѣа. въ(з)даа и по смртн поч(с)тъ добродоу послоу(ш)ннкоу.

По внегда(ж) вхо(дн)ти настоателю в' монастырь съ кр(с)ты. тогда прише(д) чю(до)тво(р)ныа нконы станюу(т) оу вра(т). таьцаа въ врата тою чю(до)тво(р)ною нконою крае(м). То оуже⁶⁵ нѣтто вратаръ съхранн бе(з) бл(с)вениа настоателя. вино нан рыбоу. нан ино что ѡ пастиа. оу[л. 93r]танвса іастъ. ннкако(ж) не ѡнде(т) чю(до)тво(р)на(а) нкона ѡ вра(т). донде(ж) исповѣсть вратаръ настоателю и братиа(м) ѡ нн(х) же съгрѣшн. И тако пондоу(т) чю(до)творныа образн по слджебны(м) храмо(м). сты(м) дхмъ наставаамн и носнмн ѡ старецъ, тако(ж) и предн ретеса. Неопаснвыа же нѣкоторн слоужебннцы оутноу(т) съкрывати(с). донде(ж) прондоу(т) чю(до)творныа нконы. да не обантн(т)са грѣ(х) нхъ пре(д) всѣм. и пото(м) оутноу(т) каати(с) настоателю и тако м(с)тъ полуѣа(т).

Ѡ сн(х) же всѣ(х) съ истин'ною нспыта(х). и никто(ж) семоу да не невѣроует(т). Вѣрномоу оубо и едно слово довлет(т) на оубѣрене. Я⁶⁶ невѣрномоу аще и всего мнра принссена боудоу(т) писанн. не оудобъ може(т) вѣровати. о сн(х) же доздаѣ.

Скаже(м) же како и ѡкоудоу прнѡбрѣтоша тѣ чю(до)дотворныа нконы. обра(з) спсѣвъ, да шесть ѡбразовъ чю(до)дотворны(х) стѣла бѣа. да ѡбра(з) архнстратнга Мнханаа. да ѡбра(з) стго

Геш(р)га страсотръпца [л. 93v] х̄в̄а м̄т̄нка. еже принесе ст̄ын Сава ѿ Іер(с)лм(а). и Ганта, и Фгупта. и Цр̄играда. Кр(с)тъ ѿ каменн хроустанн. И в не(м) х̄в̄а кровь. и еше(ж) ковчежець злат(т) и в не(м) власы х̄в̄ы и рнзы часть. и стр(с)ти х̄в̄ы. гоуба и трости часть. И еше кр(с)тъ животворящего древа полътретин падн. И ст̄ын потирь. Неопалимаа Коупнна злато(м) оболжена. И два шобраза скла(д)ни моусю писаны вс̄ вла(д)тнн праз(д)ннки. же(м)тюго(м) сажены. а сверхоу д'скаин хроустаннымн крыто. а поверх̄ хроустанн сребро(м) оболжено. и позлатено. и каменнелъ драгн(м) на кое(м)ж(до) праз(д)ннице по четыре каменн. А⁶⁷ то(т) шобра(з) есть что цр̄ца елена принесе ѿ Іер(с)лмаа цр̄ю Константиноу въ Цр̄ьгра(д). И вышере(ч)нное животворящее древо поминнокъ принесе сн̄оу своемоу. и обра(з) прч(с)ты(а) б̄цы злато(м) оболжень. что исц̄лн р̄коу ѿтрезан'ноу ст̄моу Іоаннх̄ Дамаскиноу. И еже обра(з) прч(с)ты(а) б̄цы невел. 94г]анкь злато(м) ш(б)ложе(н). и ѿ того шобраза велнокое бл̄гооуханіе нсходн(т). что цр̄ца Феш(до)ра в' подоушце др̄жаше в' танне прн цр̄н Феофил̄е иконоворц̄ь. И еше принне(с) еу(г)ліе. Іоанновх̄ главх̄ злато(м) напнсано. сребро(м) оболжено и позолотено все. а на не(м) трнста и шестьдеса(т) камыкь драгн(х). а⁶⁸ то еу(г)ліе цр̄а Ноустниана. которон създадъ ст̄ою Софою въ Цр̄иград̄ь. еше же принесе два шобраза ѿ Іер(с)лмаа, шобразъ сп̄с̄ьв̄, да шобразъ прет(с)тыа б̄цы. тако(ж) слово скаже(т) напредн. и по нн(х) цр(с)твоую шн ст̄ын прьвовѣнчан'нымн краь Стефан̄ь. и ст̄ын краь Оурошь. и ст̄ын краь Младтнн̄ь. и ст̄ын краь Стефан̄ь Дечан'скн. и цр̄ь Стефан̄ь. и сн̄ь его цр̄ь Оурошь. и ст̄ын кн̄сь Іазарь. и ст̄ын Стефан̄ь деспо(т) [и ст̄ын Іоан̄ь деспо(т). и ст̄ын Макн(м) деспо(т)]⁶⁹. и ст̄ыа н(х) соу-проужннцы и⁷⁰ прп(д)вные м̄т̄н. и(ж) троудолоубезно троуднша(с) по б̄з̄ь. и по бж(с)твен̄н и ап(с)льст̄н цр̄кви. Повсюдоу нд̄ь(ж) нзъобр̄ѣтше [л. 94v] ст̄ыа и т̄ю(до)дотворныа образы. и мошн ст̄ы(х). и нны потребы цр̄квын. нже по дробноу сказати не може(м). многн(м) злато(м) нскоупнвше, и въ⁷¹ ст̄ою цр̄кв̄ь приннесше⁷². И обр̄ѣтаютса да(ж) и до дн̄е(с) б̄жіею помощію. и покрово(м) прч(с)тыа б̄гом̄т̄ре. и ст̄ынх̄ к'титор' м̄т̄ваин. Многа чюдеса съд̄нствх̄ю(т). блг(д)тню ст̄го и животворящаго д̄х̄а. Кто(ж) ѿ земноро(д)ны(х) може(т) нсчестн нан сказати. беснсленаа б̄жіа чюдеса. еже съд̄ьа т̄ѣин ст̄м̄н иконаин. о снх̄ же доздае.

Бл̄готн'но(ж) и се бывае(т) въ ст̄ѣмь монастырн. тако(ж) и выше р̄хоць. Первое хоженіе съ т̄(с)тныи кресты за монастырь. на б̄гоіавленіе къ кладесю нд̄ь(ж) водх̄ ст̄ать. съ шобразомь сп̄с̄ьвы(м) Іер(с)лмскн(м). да с т̄ю(до)творною прч(с)тою иконою цр̄а Стефана Сербскаго. которою иконою гра(д) в(з)а(л) евх̄анд̄ь.

А другоє хоженіе съ кресты на бл̄говѣщеніе прч(с)тыа б̄цы [л. 95г] с т̄ѣм же образо(м) сп̄с̄ьвы(м) Іер(с)лмскн(м). да с т̄ю(до)творною иконою прч(с)тыа б̄цы Іер(с)лмскою(ж). которыа ст̄ыа иконы принне(с) нзъ Іер(с)лма ст̄ын Сава архіеп(с)кп(ъ) Сербьскн.

А третє хоженіе съ кресты на Брьбное въскр(с)ніе с т̄ѣ(м) же образо(м) сп̄с̄ьвы(м). и с прч(с)тою б̄цєю т̄ю(до)творною. что приннесъ Снд̄иш(н)⁷³ ст̄ын Неман̄а⁷⁴. б̄ць Сава Сербскаго нз' своего ш̄т̄ьства ѿ Сербскаго цр(с)тва⁷⁵.

А четвѣртое хоженіе съ кр(с)ты на ранн велнка д̄н̄н въ пн(д)лнкь св̄ѣ(т)лыа н(д)лн. с т̄ѣм же с т̄ѣм же т̄ю(до)творны(м) образо(м) Іер(с)лмскн(м). да с т̄ю(до)творною иконою прч(с)тыа б̄цы ѿ(д)нгнтрн. нарнцаемаа старец'каа. которы(х) стар'цво(м)⁷⁶ архіман(д)рнт̄ь з' братіею. посылае(т) по градо(м) и по села(м) и по па(ш)на(м).

А пѣтое хоженіе съ кр(с)ты на пра(з)ннкь ст̄го велнокм̄т̄нка Геш(р)га. с т̄ѣ(м) же же образо(м) т̄ю(до)творны(м) сп̄с̄ьвы(м). и с' прч(с)тою б̄цєю т̄ю(до)творною Іер(с)лмскою.

А шестое хоженіе съ кр(с)ты на Възнесеніевъ д̄н̄ь. [л. 95v] с т̄ѣ(м) же т̄ю(до)творны(м) сп̄с̄ьвы(м) образо(м) Іер(с)лмскн(м)⁷⁷. да с т̄ю(до)творною прч(с)тою Трерх̄тнцєю что прншла ѿ Скопн града ѿ боларнн вдовы на осла(тн) еднныи дн̄емь трнста верст̄ь.

А седмоє хоженіє съ кр(с)ты на шествіє ст҃го дх҃а. с тѣмн(ж) чюдотворнымъ иконамъ. сп҃совъ(м) образо(м) и с прі(с)тою б҃цєю Нер(с)лимѣскимъ. и с чю(до)творною иконою съ ѡ(б)разо(м) ст҃го великом(ч)ника Гев(р)гіа стоаѣн въѡроуженъ с копіе(м).

И всѣ тѣ хоженіи съ кр(с)ты ходи(т) архимарн(т) съ сѣннницы⁷⁸ и з братією. съ свѣщамъ и с кандиаы и с пѣснмъ дѡбнымъ по виноградоу и до моря три врьсты, и до Басилева гра(д)ка. надѣже е(с) цркѣвъ Възнесеніє г҃а б҃а сп҃са нш҃го іс х҃а.

И ег(а) приндоу(т) ѿ моря в' монастырь съ кр(с)ты. и тѣ чю(до)творнымъ образы. сп҃совъ обра(з) и прі(с)тыа б҃цы. хода(т) по слоужба(м) и чю(до)дѣнствѣють. надѣ(ж) самъ хота(т), іа ко(ж) и пре(дн) рече(с).

Развѣ б҃гоавленіа с тѣмн пре(дн)писанны(м) [л. 96г] чю(до)творнымъ иконамъ образа сп҃сова. и прі(с)тыа б҃цы. ходи(т) чю(до)творная икона обра(з) ст҃го х҃ба мѣнка Гев(р)гіа. а носа(т) еа мнраѣ по два чл҃кѣ. Тон же чю(до)творнымъ обра(з) ст҃го Гев(р)гіа великаго. многа и разаннаа чюдеса творитъ. съгрѣшающн(х) людеи облитает(т) и бие(т). и по лесоу водить н(х). донде(ж) покаются. А которые лю(дн) его носа(т) мнраѣ. а живоу(т) по хр(с)тіанскн в' чистотѣ и в'⁷⁹ покаяніи. и тѣ невре(дн)мн пребываю(т). А тѣ мнраѣ лю(дн) пріежже съ нны(х) земель. ѡ сн(х) же доздѣ.

Црѣ же(н) г(с)дрѣ кнѣзь великн Нванъ⁸⁰ Басн(а)евн(ч) самодръжець всеа Роуѣн. и нны(х) цр(с)тѣвъ царь и г(с)дрѣ. слышав' таковаа чюдеса прослави на высокн(х) живоущаго б҃га. и прі(с)тою б҃цоу. и великн(х) чю(до)творцевѣ. и велию вѣроу показа къ ст҃моу монастырю и к сты(м) чю(до)творнымъ(м) икона(м). Даде(ж) црѣ и г(с)дрѣ ст҃мѣ монастырю катапетазмоу дневоу зѣло. оукрашенѣ [л. 96в] злато(м) и сребро(мъ) и драгн(м) же(м)чюго(м). и б(е)зчѣн'ны(м)⁸¹ каменіємъ. еа же цены а(з) сказати не могоу. даде(ж) и рнзы слѣжебныа бє(з)численою добротою зтворены днево и несказан'но. злато(м) и сребро(мъ) и драгн(м) каменіємъ. и великымъ же(м)чюго(м). Подава же и съсоуды цркѣвн бж҃іен златы и сребренн. тако же пороучн и полнцы многи чѣны достонны подаде ст҃моу монастырю. І многы(м) злато(м) и сребро(мъ) и ннымъ потребамъ одари стѣн монастырь. въздаа почестъ и показоуа велию вѣроу къ сп҃сѣ и пріе(с)тон б҃цы. и сты(м) его. Не тоию(ж) се єдино. но и монастырь за свое цр(с)тво взати нзволн. Многажды бо моанша о сн(х) настоаѣлн пре(дн)ре(ч)н'наго монастыря. не єдиною нн дваж(а)ы приндоша многаж(а)ы. дабы взѣ(а) на свое цр(с)кое нма стѣн монастырь. еже и бы(с) ннѣ по(а) роукою его цр(с)кою. Повѣдаша(ж) и о сн(х) всѣхъ [л. 97г] страшны(х) бж҃іихъ чю(д)есехъ пре(дн)ре(ч)н'ныа настоаѣлн и старцы тоа обнтелн стѣа горы Яфон'ска. монастыря Анландара. нже твора(т)са оу нн(х) чюдеса стѣн иконамъ. въ славоу ѡца и сн҃а и ст҃го дх҃а. емоу(ж) слава ннѣ и пр(с)но и в'⁸² вѣкы вѣкомъ. Амннь.

Примечания

¹ Перед словом киноварью почерком писца поставлен номер раздела в рукописи: ѿг'.
² Лигатура ИВ.³ То же. ⁴ Лигатура ГР. ⁵ Лигатура ГРА. ⁶ Буква в квадратных скобках написана на подклейке XVII в. взамен утраченной. ⁷ Буквы в квадратных скобках написаны на подклейке. ⁸ То же. ⁹ Текст в квадратных скобках написан на подклейке.
¹⁰ То же. ¹¹ То же. ¹² То же. ¹³ То же. ¹⁴ То же. ¹⁵ Исправлено, в рукописи ошибочно: ка(дн)ю.
¹⁶ Лигатура ТВО. ¹⁷ В рукописи далее ошибочно прибавлено: инѣ. ¹⁸ Лигатура АГ.
¹⁹ См. примеч. 2. ²⁰ То же. ²¹ Слово приписано почерком писца на поле. ²² Исправлено, в рукописи ошибочно: то хже. ²³ Выносная буква имеет греческое начертание. ²⁴ То же.

²⁵ На поле позднейшая (XVII в.?) помета: *тросерѣтница*. ²⁶ Так в рукописи. ²⁷ То же. ²⁸ Исправлено, в рукописи ошибочно: *зоу҃҃҃҃а(+)*ства. ²⁹ Последняя буква исправлена из Е. ³⁰ См. примеч. 5. ³¹ См. примеч. 2. ³² См. примеч. 26. ³³ Лигатура АБІ. ³⁴ См. примеч. 26. ³⁵ То же. ³⁶ См. примеч. 33. ³⁷ См. примеч. 2. ³⁸ Лигатура ДІВ; первая буква имеет греческое начертание. ³⁹ Лигатура ПР. ⁴⁰ Так в рукописи. ⁴¹ Лигатура ЯК, буква О имеет псевдогрецизированное начертание. ⁴² См. примеч. 39. ⁴³ То же. ⁴⁴ Буква Д имеет грецизированное начертание. ⁴⁵ См. примеч. 39. ⁴⁶ Так в рукописи. ⁴⁷ Лигатура ЯК. ⁴⁸ Так в рукописи. ⁴⁹ См. примеч. 39. ⁵⁰ См. примеч. 2. ⁵¹ В рукописи первая буква А исправлена из О. ⁵² Так в рукописи. ⁵³ В рукописи лигатура. ⁵⁴ Последняя буква исправлена из Е. ⁵⁵ Так в рукописи. ⁵⁶ Буква А написана над строкой другими чернилами. ⁵⁷ Ы исправлено из О. ⁵⁸ х исправлено на *ѣ*. ⁵⁹ См. примеч. 2. ⁶⁰ Текст в квадратных скобках, очевидно пропущенный при копировании, приписан на нижнем поле рукой писца. ⁶¹ Исправлено из: *до дне(с)*. ⁶² Исправлено, в рукописи пропущено Р. ⁶³ В рукописи пропущено выносное Ж. ⁶⁴ Буква А имеет грецизированное начертание. ⁶⁵ Далее, возможно, пропущено слово *ще*. ⁶⁶ Буква имеет грецизированное начертание. ⁶⁷ То же. ⁶⁸ То же. ⁶⁹ Текст в квадратных скобках написан почерком писца на поле. ⁷⁰ Добавлено по смыслу, в рукописи союз пропущен. ⁷¹ См. примеч. 2. ⁷² См. примеч. 39. ⁷³ Так в рукописи. ⁷⁴ Исправлено, в рукописи: *нѣцанѣ*. ⁷⁵ Слово написано по выскобленному. Первоначально, вероятно, было написано (с пропуском одного слога) - *ѣѣ ѣѣѣѣѣ (ѣ)сѣдѣ(с)ѣѣ*: под Ц видно У (?), под Т - Д. ⁷⁶ Так в рукописи. ⁷⁷ Исправлено, в рукописи пропущено первое М. ⁷⁸ В рукописи первая буква пропущена, восстанавливается по смыслу. ⁷⁹ См. примеч. 2. ⁸⁰ То же. ⁸¹ Лигатура ЕЗ. ⁸² См. примеч. 2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

1. **К изучению южнославянской рукописной традиции «Прогласа Константина Философа».** — Впервые опубликовано в кн.: «Пение малое Георгию»: Сб. в чест на 65-годишнината на проф. д.ф.н. Георги Попов. София, 2010. С. 346—357. Печатается без изменений.

2. **К истории великоморавского наследия в литературе южных и восточных славян (Слово «о похвале Богородице Кирилла Философа» в рукописной традиции XV—XVII вв.).** — Впервые опубликовано в кн.: Великая Моравия и ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 253—269. С исправлениями, дополнениями, и публикацией текста памятника переиздано в кн.: *Турилов А. А.* От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софиянина: История и культура славян IX—XVII вв. М.: Индрик, 2011. С. 11—44. Печатается по 2-му изд.

3. **«Моравские земле велеи граждан» (Неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию).** — Работа написана в соавторстве с Л. В. Мошковой, впервые опубликована в журнале «Славяноведение». 1998. № 4. С. 3—23. Печатается с дополнениями и уточнениями.

4. **Неизвестный памятник древнейшей славянской гимнографии (Канон Климента Охридского на Успение Богородицы).** — Работа написана в соавторстве с Л. В. Мошковой, впервые опубликована в журнале «Славяноведение». 1999. № 2. С. 24—36. Печатается с дополнениями и уточнениями.

5. **К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия в составе славянского Требника (Предварительные наблюдения над южнославянской рукописной и старопечатной традицией).** — Впервые опубликовано в кн.: *Slavica mediaevalia in memoriam Francisci Venceslao Mares.* Frankfurt a/M.: Peter Lang, 2006 (Schriften über Sprachen und Texte. Bd. 8). С. 107—123. Печатается без изменений.

6. **Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. (К вопросу формирования болгарского варианта церковного месяцеслова в эпоху Первого царства).** — Впервые опубликовано в журнале «Palaeobulgarica». 1999. № 1. С. 14—34. С уточнениями и библиографическими дополнениями переиздано в кн.: *Турилов А. А.* *Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья.* М.: Знак, 2011. С. 117—146. Печатается по 2-му изд.

7. **После Климента и Наума: славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X — первой половине XIII вв.** — Впервые опубликовано в кн.: *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб.: Алетей, 2000. С. 76—162. Печатается с уточнениями и библиографическими дополнениями.

8. **Судьба древнейших славянских литературных памятников в средневековых национально-региональных традициях.** — На русском языке первые опубликовано в кн.: *Турилов А. А. Slavia Cyrillomethodiana...* С. 18—38. Печатается без изменений.

9. **Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы.** — Впервые опубликовано в ежегоднике: «Славянский альманах 1998». М., 1999. С. 17—29; с уточнениями и библиографическими дополнениями переиздано в кн.: *Турилов А. А. Slavia Cyrillomethodiana...* С. 103—114. Печатается по 2-му изд.

10. **Древнерусская культура в контексте средневековых славянских (на материале книжности).** — Впервые опубликовано в кн.: *Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: Материалы конференции* — Москва, 19—21 ноября 1997 г. М., 1999. С. 96—105; с исправлениями и библиографическими дополнениями переиздано в кн.: *Турилов А. А. Slavia Cyrillomethodiana...* С. 9—17. Печатается по 2-му изд.

11. **Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв. (заметки к оценке явления).** — Впервые опубликовано в журнале «Славяноведение». 1995. № 3. С. 29—43; с исправлениями и библиографическими дополнениями переиздано в кн.: *Турилов А. А. Slavia Cyrillomethodiana...* С. 39—64. Печатается по 2-му изд.

12. **К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской традиции (на материале минейных служб).** — Впервые опубликовано в журнале: «Старобългарска литература». София, 2006. Кн. 35—36. С. 22—37. Печатается без изменений.

13. **Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения).** Впервые опубликовано в кн.: *Славянские литературы. XI Международный съезд славистов: Доклады российской делегации.* М., 1993. С. 27—42. С исправлениями и дополнениями переиздано в кн.: *Турилов А. А. Slavia Cyrillomethodiana...* С. 181—209. Печатается по 2-му изд.

14. **Из истории русско-южнославянских книжных связей XII—XIII вв.: новое и забытое.** — Впервые опубликовано в журнале: *Russica Romana.* Pisa; Roma, 2011. Vol. XVII (2010). С. 9—32. Печатается без изменений.

15. **«Поучение Моисея» и сборник игумена Спиридона (новгородский памятник XII в. в контексте русско-южнославянских связей).** — Впервые опубликовано в кн.: *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. К 60-летию А. А. Зализняка.* М.: Индрик, 1996. С. 83—103. С исправлениями и дополнениями переиздано в кн.: *Турилов А. А. Slavia Cyrillomethodiana...* С. 210—232. Печатается по 2-му изд.

16. **Болгарские книжники раннего XIV в. между Тырновом, Святой горой и Святой землёй (по следам забытых и новейших атрибуций).** — Статья написана для юбилейного сборника в честь проф. Хайнца Микласа (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 20). Печатается с уточнениями и дополнениями.

17. **К истории тырновского «царского» скриптория XIV в.** — Впервые опубликовано в кн.: *Филологические исследования в честь на Климентина Иванова, за нейната 65-годишнина.* София, 2005 (= *Старобългарска литература.* Кн. 33—34). С. 305—328. Печатается с уточнениями и библиографическими дополнениями.

18. **Тырновские «обыденные» рукописи первой половины — середины XIV в. и их писцы.** — Впервые опубликовано в кн.: Юбилеен сборник в чест на 60-годишнината на Красимир Станчев и Александър Наумов. София, 2009 (= Старобългарска литература. Кн. 41—42). С. 164—171. Печатается с уточнениями и дополнениями.

19. **К реконструкции комплекта пергаменных тырновских служебных Миней второй четверти — середины XIV в.** Опубликовано в переводе на итальянский яз. (Per la ricostruzione di un serie di menaia slavi di Tarnovo del secondo quarto — meta del XIV secolo) в кн.: *Τοξότης: Studies for Stefano Parenti*. Grottaferrata, 2010 (= *Αναλεκτα Κριτοφραγγής*), 9). P. 335—344. На русском публикуется впервые.

20. **Неизвестный памятник греко-латинской полемики XIII в. в болгарской рукописи XIV в. (Отрывки сочинения Иоанна Грассо о собеседовании Николая-Нектария Отрантского с римским папой).** Работа написана в соавторстве с Е. М. Ломизе, опубликована в кн.: Неизвестный памятник греко-латинской полемики XIII в. в болгарской рукописи XIV в. (Отрывки сочинения Иоанна Грассо о собеседовании Николая-Нектария Отрантского с римским папой // *Византийские очерки. Труды российских ученых к XIX Международному съезду византинистов*. М., 1996. С. 245—257. Печатается без изменений.

21. **Какие «многие законные книги» переписал в 1219 г. св. Савва Сербский?** — Работа написана для юбилейного сборника в честь чл.-корр. РАН Я. Н. Щапова. Публикуется впервые.

22. **Милешевский Панегирик и Гомилиарий Михановича — к датировке и происхождению двух древнейших сербских списков Торжественника общего.** — Опубликовано в кн.: *Турилов А. А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого...* С. 331—344. Печатается без изменений.

23. **К отождествлению частей некоторых фрагментированных сербских рукописей XIII—XIV вв.** — Впервые опубликовано с иллюстрациями в журнале «Археографски прилози». Београд, 2004—2005. Бр. 26—27. С. 123—154; в значительно расширенном виде переиздано в кн.: *Турилов А. А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого...* С. 345—380. Печатается по 2-му изд.

24. **Сербские отрывки XIII—XIV вв. библиотеки Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне.** — Опубликовано с иллюстрациями в журнале «Археографски прилози». Београд, 2006. Бр. 28. С. 53—104. Печатается без изменений.

25. **Из какого евангельского кодекса происходит послесловие анагносты Радина?** — Опубликовано с иллюстрациями в кн.: *Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов*. СПб., 2010. С. 117—127. Печатается без изменений.

26. **Заметки о сербских грамотах XIV—XV вв., написанных книжным письмом: проблемы писцов, подлинности и датировки актов.** — Опубликовано в кн.: *Турилов А. А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого...* С. 381—404. Печатается без изменений.

27. **Последний отголосок идеи «Царства сербов и греков» (Градозданная надпись Вука Бранковича 1378—1379 гг.).** — Впервые опубликовано в кн.: *Славяне и их соседи*. М., 1998. Вып. 8 (Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы). С. 126—140. Печатается с уточнениями и дополнениями.

28. **Когда Марко-королевич менялся женами?** — Опубликовано (под заглавием «К датировке сербской Минеи праздничной из собрания А. И. Хлудова (ГИМ), № 164) в кн.: «Слова и золота вязь...»: Сб. памяти В. М. Загребина (1942—2004). СПб., 2011. С. 120—125.»). Печатается без изменений.

29. **Ранний славянский список календарных эпиграмм Николая Калликла («Птохопродрома»): к вопросу о времени перевода.** — Впервые опубликовано в кн.: Проблемы источниковедения истории книги. М., 2000. С. 78—83. Печатается с исправлениями и дополнениями.

30. **Кому «единоименен» Раннокисум? Глоссы как элемент оформления и первоначального замысла Жития деспота Стефана Константина Костенецкого.** — Впервые опубликовано в журнале «Славяноведение». 2002. № 1. С. 31—36. Печатается с уточнениями и дополнениями.

31. **Кичевский сборник с «Болгарской апокрифической летописью» (Датировка, состав и история рукописи).** — Опубликовано в журнале «Palaeobulgarica». 1995. № 4. С. 2—39. Печатается с уточнениями и библиографическими дополнениями.

32. **Восточнославянская книжная культура конца XIV — XV вв. и «второе южнославянское влияние».** — Впервые опубликовано в кн.: Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 321—337; переиздано с исправлениями и дополнениями в кн.: *Турилов А. А. Slavia Cyrillomethodiana...* С. 235—282. Печатается по 2-му изд.

33. **Южнославянские переводы XIV—XV вв. и корпус переводных текстов на Руси.** — Впервые опубликовано в журнале «Вестник церковной истории». 2010. № 1—2. С. 147—175; переиздано с уточнениями и дополнениями в кн.: *Турилов А. А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого...* С. 161—200. Печатается по 2-му изд.

34. **К вопросу периодизации русско-южнославянских литературных связей XV — начала XVI вв.** — Впервые опубликовано в кн.: Русско-балкански културни връзки през Средновековието / Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья. София, 1982. С. 68—74; переиздано с уточнениями и дополнениями в кн.: *Турилов А. А. Slavia Cyrillomethodiana...* С. 350—364. Печатается по 2-му изд.

35. **К вопросу о сербском компоненте во «втором южнославянском влиянии».** — Впервые опубликовано в журнале «Russica Romana». Pisa; Roma, 2008. Vol. 14 (2007). С. 23—37. Печатается без изменений.

36. **О времени и месте создания пергаменного «Евангелия Мемнона-книгописца».** — Впервые опубликовано в журнале «Информационный бюллетень МАИРСК». М., 1992. Вып. 26. С. 15—46; переиздано с исправлениями и библиографическими дополнениями в кн.: *Турилов А. А. Slavia Cyrillomethodiana...* С. 304—339. Печатается по 2-му изд.

37. **К истории Стишного пролога на Руси в XIV—XV вв.** — Впервые опубликовано в журнале «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». 2006. № 1. С. 7—12. Печатается без изменений.

38. **Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв.** — Впервые опубликовано с иллюстрациями в кн.: Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С. 139—168. Печатается без изменений.

39. Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей. — Впервые опубликовано в ежегоднике «Славянский альманах 2000». М., 2001. С. 247—285; переиздано с исправлениями и дополнениями в кн.: Турилов А. А. *Slavia Cyrrillomethodiana...* С. 365—409. Печатается по 2-му изд.

40. К вопросу о болгарских источниках Русского Хронографа. — Опубликовано в кн.: *Летописи и хроники* 1984. М., 1984. С. 20—24. Печатается без изменений.

41. «Гарун-ар-Рашидовский» сюжет в славянских литературах XV—XVI вв. (сербский деспот Стефан Лазаревич и великий князь Московский Иван Калита). — Опубликовано в журнале «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». 2004. № 2. С. 8—11. Печатается без изменений.

42. О литературном источнике сюжетов группы клейм иконы Параскевы-Пятницы XVI в. из собрания Третьяковской галереи. — Опубликовано в виде тезисов в кн.: *Русская художественная культура XV—XVI вв.: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции*. М., 1990. С. 81—83; для настоящего издания текст существенно дополнен и переработан.

43. Рассказы о чудотворных иконах монастыря Хиландарь в русской записи XVI в. — Впервые опубликовано в кн.: *Чудотворная икона в Византии и на Руси*. М., 1996. С. 510—529; переиздано с написанной заново вступительной статьей в кн.: Турилов А. А. *От Кирилла Философа до Константина Костенецкого...* С. 237—288. Печатается по 2-му изд.

УКАЗАТЕЛЬ ШИФРОВ РУКОПИСЕЙ, УПОМИНАЕМЫХ В ИЗДАНИИ

Алма-Ата

Республиканская б-ка Казахстана
Инв. 2. 417 394 (примеч. 3)

Арад

Б-ка Арадской епископии
№ 21 661 (примеч. 31)

Афон

Великая Лавра
Z-55 409

Зограф

№ 15 123 (примеч. 61)
№ 18 (примеч. 61)
№ 24 318
№ 30 666 (примеч. 55)
№ 38 550 (примеч. 81)
№ 39 344
№ 40 (I.г.9) 310 (примеч. 1)
№ 51 370, 443 (примеч. 21)
№ 83 321, 339
№ 105 (151) 437, 481 (примеч. 1), 561, 579
(примеч. 87)
№ 109 320
№ 125 577 (примеч. 71)
№ 203 666 (примеч. 50)
№ 271 665 (примеч. 48)
№ 281 153 (примеч. 63)
№ 284 338
№ 285 338, 343, 346 (примеч. 8)
№ 286 339, 343, 346 (примеч. 8)
№ 1.д. 2 136

Иверский (Ивирон)

Слав. 15 664 (примеч. 15)

Павла св. м-рь

Архив
№ 16/2 437

Библиотека
Без № (Евангелие апракос 1329 г.)

Пантелеймонов м-рь

Греч. 1187 451, 452, 454, 455, 460 (примеч. 34),
461 (примеч. 45), 463
Слав. 2 370, 430 (примеч. 41), 443 (при-
меч. 21)
Слав. 4 105, 123 (примеч. 61), 159 (при-
меч. 111), 310 (примеч. 1)
Слав. 8 123 (примеч. 59, 61)
Слав. 11 344 (примеч. 71), 386, 401 (при-
меч. 78), 445 (примеч. 54), 447 (примеч. 60)
Слав. 17 155 (примеч. 84), 459 (примеч. 28),
476 (примеч. 15), 666 (примеч. 63)
Слав. 18 414 (примеч. 2)
Слав. 22 561
Слав. 23 437, 439
Слав. 25 155 (примеч. 85),
Слав. 28 459 (примеч. 28)
Слав. 29 420 (примеч. 54)
Слав. 44 414 (примеч. 2)
Слав. 68 414 (примеч. 2)
Слав. 76 406, 407, 415 (примеч. 7)
Слав. 77 118 (примеч. 7), 406, 409, 414 (при-
меч. 7)
Слав. 78 16 (примеч. 7), 18 (примеч. 25),
374 (примеч. 24), 375 (примеч. 43), 406,
408, 414 (примеч. 5), 429 (примеч. 27)
Слав. 79 406, 409, 414 (примеч. 5, 7)
Слав. 80 406, 410, 414 (примеч. 7)
Слав. 81 390, 391, 406, 411, 412, 415 (при-
меч. 7)

- Слав. 82** 415 (примеч. 7)
Слав. 83 415 (примеч. 7)
Слав. 84 413, 414, 415 (примеч. 7)
Слав. 85 415 (примеч. 7)
Слав. 86 415 (примеч. 7)
Слав. 87 415 (примеч. 7)
Слав. 88 415 (примеч. 7)
Слав. 89 415 (примеч. 7)
Слав. 90 414 (примеч. 7)
Слав. 91 414 (примеч. 7)
Слав. 92 414 (примеч. 7)
- Собр. скита Богородицы (Ксилургу)*
- № 1** 412, 415 (примеч. 7)
№ 2 412, 415 (примеч. 7)
- Хиландарь*
- Архив*
- № 8** 439
№ 9 438
№ 32 551 (примеч. 81)
№ 104 551 (примеч. 81)
№ 130 436
№ 139/141 14, 370
№ 140/142 438
№ 144/146 435
№ 146/148 375 (примеч. 46)
№ 149/151 436
Свт. 9 388
- Библиотека*
- № 1** 14, 16 (примеч. 6), 257 (примеч. 108),
 430 (примеч. 31), 433, 435
№ 2 395 (примеч. 3)
№ 3/1 409
№ 8 390, 403 (примеч. 118)
№ 9 409, 421 (примеч. 64),
№ 10 20 (примеч. 46), 390 (примеч. 3), 419
 (примеч. 53)
№ 12 548 (примеч. 28)
№ 14 390 (примеч. 3), 523
№ 15 388—389, 416 (примеч. 21)
№ 16/V 280 (примеч. 61), (примеч. 47)
№ 18 309
№ 19 395 (примеч. 4)
№ 22 12
- № 23** 11—13, 15, 159 (примеч. 110), 257 (при-
 меч. 108), 368, 370, 385, 408, 425, 429 (при-
 меч. 31), 443 (примеч. 22)
№ 27 513 (примеч. 32)
№ 31 386, 446 (примеч. 54), 447 (примеч. 69)
№ 32 (примеч. 81)
№ 47 416 (примеч. 21), 438, 447 (примеч. 69)
№ 52 666 (примеч. 61)
№ 78 421 (примеч. 64)
№ 100 657 (примеч. 12)
№ 111 657 (примеч. 12)
№ 142 343, 345
№ 145 345, 386, 401 (примеч. 78), 446 (при-
 меч. 54), 447 (примеч. 69)
№ 146 343, 345
№ 147 345, 386, 401 (примеч. 78), 446 (при-
 меч. 54), 447 (примеч. 69)
№ 148 343, 345
№ 160 409, 666 (примеч. 61)
№ 175 246, 293, 299 (примеч. 29), 365 (при-
 меч. 12), 440
№ 186 578 (примеч. 72)
№ 251 515 (примеч. 74)
№ 259 340
№ 348 198 (примеч. 27)
№ 384 447 (примеч. 69)
№ 385 185, 377 (примеч. 60), 415 (примеч. 14)
№ 402 552 (примеч. 93), 576 (примеч. 64)
№ 403 552 (примеч. 93), 576 (примеч. 64)
№ 418 354
№ 422 390 (примеч. 3)
№ 444 687 (примеч. 17), (примеч. 37)
№ 447 446 (примеч. 54)
№ 453 387
№ 455 244
№ 466 362, 559
№ 471 390, 523
№ 472 523
№ 475 387
№ 478 515 (примеч. 74, 76)
№ 491 513 (примеч. 32)
№ 509 515 (примеч. 74)
№ 517 561
№ 612 413, 414

№ 640 572 (примеч. 40)

№ 646 387

Греч. 105 731

Белград

Архив САНУ

№ 26/106 277 (примеч. 26)

№ 60 399 (примеч. 51)

№ 285 515 (примеч. 74)

№ 294 416 (примеч. 20), 440

№ 360 434, 435

Музей Сербской Православной Церкви (МСПЦ)

№ 25 32 (примеч. 9), 40, 213 (примеч. 23),
687 (примеч. 15)

№ 43 559

№ 97 552 (примеч. 93)

№ 176 577 (примеч. 71)

№ 218 213 (примеч. 23), 515 (примеч. 70)

Собр. Р. Груича (МСПЦ/Груич)

3-I-65 89

Народная б-ка Сербии

Рс 4 412

Рс 5 348 (примеч. 37), 410, 419 (примеч. 49,
50)

Рс 26 243, 244, 422 (примеч. 67), 535 (при-
меч. 25),

Рс 74 726

Рс 426 282 (примеч. 73)

Рс 643 249

Рс 644 377 (примеч. 59), 410, 419 (примеч. 49)

Рс 645 377 (примеч. 59), 419 (примеч. 49)

Рс 649 434

Рс 651 505

Рс 653 254 (примеч. 24)

Рс 708 243, 299 (примеч. 31), 365 (примеч. 12)

Рс 711 269—271, 274, 282 (примеч. 73),

Рс 733 570 (примеч. 32)

Старое собр. (погибло в 1941 г.)

№ 102 119 (примеч. 7), 368

№ 104 282 (примеч. 73)

№ 320 566 (примеч. 9)

№ 434 315 (примеч. 37)

Патриаршая б-ка

№ 67 40, 213 (примеч. 23), 686 (примеч. 15)

№ 120 552 (примеч. 93), 576 (примеч. 64)

№ 318 365 (примеч. 12)

№ 322 390

Берлин

Гос. б-ка

Вук 5 381

Вук 49 409

Болонья

Б-ка университета

3575В 630

Брашов

Церковь-музей св. Николая

№ 10 582 (примеч. 112), 657 (примеч. 24)

№ 25 560

Будапешт

Нац. б-ка им. Сечени

Quart. Eccl. Slav. 19 40

Бухарест

Б-ка АН Румынии

Слав. 96 577 (примеч. 66)

Слав. 97 664 (примеч. 46)

Слав. 137 608 (примеч. 32)

Слав. 141 263

Слав. 142 263

Слав. 144 430 (примеч. 44)

Слав. 157 578 (примеч. 78)

Слав. 164 561 (примеч. 39), 662 (примеч. 39),
674

Слав. 165 599

Слав. 174 560

Слав. 176/177 394 (примеч. 3), 664 (при-
меч. 46)

Слав. 219 574 (примеч. 52)

Слав. 285 660 (примеч. 27)

Слав. 296 577 (примеч. 72)

Слав. 298 273

Слав. 301 210 (примеч. 10)

Слав. 450 313 (примеч. 25)

Слав. 717 660 (примеч. 25)

Б-ка Св. Синода Румынской Православной Церкви

III. 26 561, 662 (примеч. 39), 674

Музей искусств Румынии

Ms 20 669 (примеч. 80)

Варшава

Нац. б-ка

Акс. 10780 673

Ватикан

Греч. 1748 561

Слав. 1 326

Слав. 4 120 (примеч. 24), 158 (примеч. 110)

Слав. 8 630 (примеч. 44)

Слав. 9 124 (примеч. 78)

Слав. 12 687 (примеч. 17)

Слав. 24 550 (примеч. 81)

Varb. Gr. 388 137

Вена

Австрийская Национальная б-ка

Слав. 7 653

Слав. 8 155 (примеч. 88)

Слав. 12 185, 377 (примеч. 60)

Слав. 14 600, 661 (примеч. 29)

Слав. 33 165 (примеч. 193)

Слав. 34 560

Слав. 37 98 (примеч. 17), 232 (примеч. 39)

Слав. 46 150 (примеч. 33)

Слав. 52 391

Слав. 53 611 (примеч. 77)

Слав. 79 92

Слав. 125 271

Слав. 141 392, 393

Университет, Б-ка Института славянской филологии

Без № 383, 384

Вильнюс

БАН Литвы

Ф. 19 (собр. Виленской Публичной б-ки)

№ 3 543 (примеч. 32), 654, 665 (примеч. 50)

№ 13 536 (примеч. 25), 568 (примеч. 24)

№ 17 632 (примеч. 51)

№ 19/7 632 (примеч. 51)

№ 23 686 (примеч. 7)

№ 27 667 (примеч. 63)

№ 47 686 (примеч. 7)

№ 70 673

№ 79 31 (примеч. 7), 40, 673, 686 (примеч. 15)

№ 80 687 (примеч. 17)

№ 82 388, 688 (примеч. 25)

№ 95 212 (примеч. 17), 696 (примеч. 100)

№ 96 645 (примеч. 7), 677, 678, 695 (примеч. 80, 85)

№ 97 212 (примеч. 17), 645 (примеч. 7), 677, 695 (примеч. 85)

№ 98 645 (примеч. 7), 677, 678, 696 (примеч. 85)

№ 99 688 (примеч. 27), 695 (примеч. 88), 696 (примеч. 100)

№ 100 546 (примеч. 47), 642, 688 (примеч. 27), 695—696 (примеч. 82)

№ 101 645 (примеч. 7), 677, 695—696 (примеч. 85)

№ 102 674, 698 (примеч. 102)

№ 103 22, 44 (примеч. 5)

№ 104 594 (примеч. 5), 605 (примеч. 15), 673, 674

№ 105 682, 702 (примеч. 141)

№ 107 689 (примеч. 39)

№ 117 686 (примеч. 7)

№ 118 686 (примеч. 7)

№ 128 686 (примеч. 7)

№ 129 686 (примеч. 7)

№ 140 674, 686 (примеч. 7), 690—691 (примеч. 48)

№ 141 674, 686 (примеч. 7), 690 (примеч. 48)

№ 142 699 (примеч. 110)

№ 144 674, 686 (примеч. 7), 690 (примеч. 48)

№ 145 699 (примеч. 110)

№ 148 674, 686 (примеч. 7), 690 (примеч. 48)

- № 152 674, 686 (примеч. 7), 690 (примеч. 48)
 № 153 674, 686 (примеч. 7), 690 (примеч. 48)
 № 154 699 (примеч. 110)
 № 156 698 (примеч. 104)
 № 158 674, 686 (примеч. 7), 690 (примеч. 48)
 № 161 698 (примеч. 104)
 № 162 674, 686 (примеч. 7), 690 (примеч. 48)
 № 163 699 (примеч. 110)
 № 166 674, 686 (примеч. 7), 690 (примеч. 48)
 № 169 674, 686 (примеч. 7), 690—691 (примеч. 48), 692 (примеч. 58)
 № 170 699 (примеч. 110)
 № 173 699 (примеч. 110)
 № 213 686 (примеч. 7)
 № 215 686 (примеч. 7)
 № 245 686 (примеч. 7)
 № 265 686 (примеч. 7)

Вроцлав

Университетская б-ка

- № 1318A 659 (примеч. 24)

Дечаны Высокие, м-рь

- № 32 159 (примеч. 110), 235 (примеч. 80)
 № 67 91, 92
 № 69 92
 № 77 282 (примеч. 73)
 № 98 599
 № 101 165 (примеч. 193)
 № 103 271, 272, 274

Собр. Дечаны-Црколез

- № 1 118 (примеч. 7)

Драгомирна, м-рь (Румыния)

- № 354/27 668 (примеч. 66)
 № 354/28 668 (примеч. 66)
 № 354/29 668 (примеч. 66)
 № 1885/796 354
 № 1893/804 354

Дублин

Б-ка Честер-Битти

- W 158 124 (примеч. 78)
 W 159 657 (примеч. 12)

Загреб

Архив Хорватской Академии наук и искусств (ХАЗУ)

- III.a.30 613
 III.a.47 578 (примеч. 72), 608 (примеч. 32)
 III.a.49 307
 III.b.18 383
 III.b.20 579 (примеч. 88)
 III.c.1 159 (примеч. 110)
 III.c.16 578 (примеч. 72)
 III.c.19 367
 III.c.20 380
 III.c.22 165 (примеч. 193)
 III.c.24 165 (примеч. 193)
 IV.d.1 159 (примеч. 110)
 IV.d.4 185, 376 (примеч. 60)
 IV.d.106 613

Исторический (Повесный) музей Хорватии

- P-40 664 (примеч. 46)
 P-47 664 (примеч. 46)

Иерусалим

Б-ка Греческого патриархата

- Слав. 1 123 (примеч. 78)
 Слав. 12 308, 309, 312 (примеч. 19)

Истра

Московский областной краеведческий музей

- Инв. 7344 620

Киев

Национальная б-ка Украины

VIII, 6

- Собр. Киево-Печерской лавры*
 № 21/П9 621

Собр. Мелецкого м-ря

- № 116 22, 213 (примеч. 23),

- Собр. Михайло-Златоверхого м-ря*
 № 475/1656 689 (примеч. 36)

№ 529П/1643 41, 212 (примеч. 18), 284 (примеч. 103), 687 (примеч. 21)

Собр. Почаевской лавры

№ 116 689 (примеч. 36)

Собр. Пустынно-Никольского м-ря

№ 548п 546 (примеч. 47)

Собр. Софийского собора

№ 273/1310С 41, 212 (примеч. 18), 284 (примеч. 103), 687 (примеч. 21)

Собр. Церковно-археологического музея Киевской духовной академии (ЦАМ КДА)

№ 31п 339

№ 554п 427 (примеч. 11)

Кишинев

Гос. архив Респ. Молдова

Ф., оп. 2

№ 1 318

Крка, м-рь (Хорватия)

№ 19 343

Лондон

Британская б-ка

Add. Ms. 19. 393 373 (примеч. 14), 398 (примеч. 29)

Add. Ms. 26. 839 379, 380

Add. Ms. 39629 523

Львов

Музей украинского искусства

Рк 700/41985 257 (примеч. 80)

Нац. б-ка Украины им. В. Стефаника

Собр. А.С. Петрушевича

АСП-9 687 (примеч. 17)

П-26 668 (примеч. 68)

П-36 668 (примеч. 68)

Люблина

Нац. и университетская б-ка

Zoiss 368 379—380

Манчестер

Б-ка Дж. Рэйландса

MS Gaster 2082 562, 659 (примеч. 22)

Минск

Нац. б-ка Республики Беларусь

№ 52 715

Молдовица, м-рь (Румыния)

№ 423 354

Москва

Государственный Исторический музей (ГИМ)

Собр. Е. В. Барсова (Барс.)

№ 90 209 (примеч. 6)

№ 115 536 (примеч. 25)

№ 151 579 (примеч. 82), 661 (примеч. 28)

№ 619 33 (примеч. 29, 35, 39), 209 (примеч. 6)

№ 1502 22, 31 (примеч. 8), 213 (примеч. 23),

Воскресенское собр. (Воскр.)

№ 2-перг. 618, 629 (примеч. 40)

№ 9-перг. 410

№ 29-перг. 60 (примеч. 2), 293

№ 1-бум 539 (примеч. 28)

№ 115-бум. 164 (примеч. 174), 184, 185, 190 (примеч. 39)

Единоверческое собр. (Ед.)

№ 67 213 (примеч. 23), 615 (примеч. 70)

Епархиальное собр. (Епарх.)

№ 1 632 (примеч. 51)

№ 118 541 (примеч. 28), 592 (примеч. 41)

№ 144 541 (примеч. 28)

№ 376 539 (примеч. 28)

Собр. И. Е. Забелина (Заб.)

№ 419-Q 737—738 (примеч. 27)

Музейское собр. (Муз.)

№ 44 383, 385, 401 (примеч. 71)

№ 364 545 (примеч. 40), 636 (примеч. 63), 637 (примеч. 77)

№ 377 622

№ 1009 574 (примеч. 52)

№ 1779 31 (примеч. 3), 36
№ 1209 574 (примеч. 52)
№ 2835 230 (примеч. 15)
№ 3449 246
№ 3473 224, 226, 231 (примеч. 26),
№ 3641 667 (примеч. 60)
№ 3795 549 (примеч. 68)
№ 4034 297 (примеч. 11)
№ 4040 542 (примеч. 30), 637 (примеч. 68)
Собр. Новопасского м-ря (Новосп.)
№ 11 212 (примеч. 15), 540 (примеч. 28)
Синодальное собр. (Син.)
№ 7 568 (примеч. 24)
№ 20 205
№ 35 170, 559, 571 (примеч. 39)
№ 36 552—553 (примеч. 93), 576 (примеч. 63)
№ 37 552 (примеч. 93), 576 (примеч. 63), 600
№ 38 325, 326, 339
№ 45 570 (примеч. 35)
№ 82 395 (примеч. 4), 410
№ 123 485
№ 131 548 (примеч. 57)
№ 148 476 (примеч. 15)
№ 163 297 (примеч. 11)
№ 169 32 (примеч. 15)
№ 170 708 (примеч. 17)
№ 172 230 (примеч. 21), 635 (примеч. 54)
№ 173 230 (примеч. 21)
№ 175 707 (примеч. 17)
№ 193 542 (примеч. 29), 562
№ 202 473, 476 (примеч. 20, 22), 577 (примеч. 66)
№ 262 122 (примеч. 46)
№ 307 92, 559
№ 324 92
№ 331 619
№ 325 233 (примеч. 39)
№ 383 540 (примеч. 28), 571 (примеч. 35)
№ 404 118 (примеч. 5), 700 (примеч. 126)
№ 601 550 (примеч. 79)
№ 639 591 (примеч. 25)
№ 644 535 (примеч. 25)
№ 677 700 (примеч. 112)
№ 707 285 (примеч. 110)

№ 742 542 (примеч. 29)
№ 798 715
№ 836 246
№ 885 700 (примеч. 112)
№ 895 230 (примеч. 21)
№ 900 547 (примеч. 56)
№ 949 539 (примеч. 28)
№ 951 630 (примеч. 44)
№ 952 550 (примеч. 79)
№ 987 708 (примеч. 17)
№ 997 297 (примеч. 11)
Собр. М. И. Соколова (Сок.)
№ 147 383, 385
Собр. А. С. Уварова (Ув.)
№ 54-F 537 (примеч. 25), 579 (примеч. 104)
№ 56-F 677, 678
№ 70-F 296 (примеч. 3)
№ 95-F 555 (примеч. 104)
№ 110-F 737 (примеч. 27)
№ 434-F 388, 688 (примеч. 22)
№ 480-F 207, 257 (примеч. 108), 309
№ 506-F 543 (примеч. 32)
№ 521-F 60 (примеч. 2), 293
№ 181-Q 619
№ 285-Q 308
№ 338-Q 212 (примеч. 21),
№ 373-Q 566 (примеч. 11)
№ 374-Q 547 (примеч. 56)
№ 894-Q 702 (примеч. 151)
№ 922-Q 547 (примеч. 56), 634 (примеч. 53),
665 (примеч. 50)
№ 1176-Q 315 (примеч. 36), 343
№ 46-O 663 (примеч. 42)
Собр. Успенского собора (Усп.)
№ 3-перг. 629 (примеч. 42)
№ 4-перг. 207
№ 3-бум. 655
Собр. А. И. Хлудова (Хлуд.)
№ 13 11, 13—15, 383, 423, 425—426
№ 19 410
№ 36 159 (примеч. 110)
№ 40 627 (примеч. 9)
№ 55 376 (примеч. 59), 440

- № 58 551 (примеч. 86)
 № 76 326, 327, 339, 571 (примеч. 39)
 № 113 669 (примеч. 79)
 № 114 247, 365 (примеч. 12), 472—474, 538
 (примеч. 26)
 № 117 123 (примеч. 59, 61), 130, 159 (при-
 меч. 110), 160 (примеч. 118), 403 (при-
 меч. 147), 512 (примеч. 11)
 № 118 91, 561
 № 121 97 (примеч. 7), 113
 № 122 436
 № 123 485—487, 489, 506, 508—510, 516
 (примеч. 77)
 № 136 512 (примеч. 11)
 № 139 509
 № 140 170
 № 142 310 (примеч. 1)
 № 152 72, 170, 343
 № 156 47, 48, 53, 60 (примеч. 3), 63, 72—75,
 81, 84, 102 (примеч. 59), 145, 227, 230
 (примеч. 13), 231 (примеч. 1), 407
 № 164 73, 74 (примеч. 21), 85 (примеч. 3),
 176, 180 (примеч. 21), 465—467
 № 166 73, 74, 81, 84, 85 (примеч. 3), 225
 № 171 276 (примеч. 18)
 № 185 274 (примеч. 74)
 № 189 158 (примеч. 109), 268, 272, 296 (при-
 меч. 3)
 № 191 296 (примеч. 3)
 № 195 165 (примеч. 193)
 № 237 355 (примеч. 5)
 № 241 268, 274, (примеч. 62), 282 (при-
 меч. 76)
 № 10Д 535 (примеч. 25), 567 (примеч. 12)
 № 30Д 286, 298 (примеч. 20), 301
 № 147Д 718—719, 737—738 (примеч. 27),
 746
- Собр. А. Д. Черткова*
 № 126-F 233 (примеч. 42)
- Собр. Чудова мон-ря (Чуд.)*
 № 6 577 (примеч. 66)
 № 10 542 (примеч. 29)
 № 15 287, 542 (примеч. 29), 562, 599
 № 16 246
- № 17 206, 212 (примеч. 16), 542 (примеч. 29),
 640, 676
 № 21 212 (примеч. 16), 251 (примеч. 16),
 537 (примеч. 25), 542 (примеч. 29), 645
 (примеч. 5)
 № 26 657 (примеч. 15)
 № 27 657 (примеч. 15)
 № 31 657 (примеч. 15)
 № 43 657 (примеч. 15)
 № 48 657 (примеч. 15)
 № 58 657 (примеч. 15)
 № 203 32 (примеч. 15)
 № 219 542 (примеч. 29)
 № 221 657 (примеч. 15)
 № 238 657 (примеч. 15)
 № 269 657 (примеч. 15)
- Собр. П. И. Щукина (Щук.)*
 № 46 60 (примеч. 3)
 № 48 48, 407
 № 360 654
 № 369 394 (примеч. 3)
 № 370 394 (примеч. 3)
 № 861 394 (примеч. 3)
 № 903 336 (примеч. 13)
 № 921 159 (примеч. 114), 164 (примеч. 175),
 174, 332 (примеч. 95)
- Музей им. Андрея Рублева (ЦМИАР)*
 КП. 952 542 (примеч. 29)
- Научная б-ка МГУ*
 2Ag78 555 (примеч. 105)
 2Bg42 629 (примеч. 39)
 № 1304 668 (примеч. 71)
- Верещагинское собр.*
 № 818 641
- Ветковское собр.*
 № 339 666 (примеч. 65)
- Российская Государственная б-ка (РГБ)*
Собр. И. Д. Беляева (Бел. — ф. 29)
 № 54 244
- Собр. Т. Ф. Большакова (Больш. — ф. 37)*
 № 15 740 (примеч. 60)

- № 289 544 (примеч. 37), 637 (примеч. 74)
 № 421 32 (примеч. 15)
Собр. А. П. Гранкова (Гранк. — ф. 711)
 № 63 590 (примеч. 13)
Собр. В. И. Григоровича (Григ. — ф. 87)
 № 8 129
 № 11. III 383, 423
 № 11. IV 433
 № 11. VIII 376 (примеч. 49), 398 (примеч. 29)
 № 11. IX 373 (примеч. 14), 398 (примеч. 29)
 № 12. II 14, 370, 443 (примеч. 21)
 № 13 129
 № 14 427 (примеч. 14)
 № 15/I 12
 № 25 427 (примеч. 14)
 № 27 428 (примеч. 16)
 № 35 97 (примеч. 7), 113, 428 (примеч. 16)
 № 44 338, 343
 № 52. I 428 (примеч. 16)
 № 52. II 428 (примеч. 16), 476 (примеч. 21)
 № 52. III 428 (примеч. 16), 576 (примеч. 64)
Колл. В. А. Десницкого (Десн. — ф. 439)
Карг. 21, № 1 268 (примеч. 40), 544 (примеч. 41), 634 (примеч. 52)
Собр. С. О. Долгова (Долг. — ф. 92)
 № 39 591 (примеч. 28, 29), 740 (примеч. 60)
Собр. Е. Е. Егорова (Егор. — ф. 98)
 № 1 336 (примеч. 112)
 № 18 211 (примеч. 14), 539 (примеч. 28)
 № 89 707 (примеч. 17)
 № 214 206, 677
 № 464 442 (примеч. 14),
 № 470 701 (примеч. 138)
 № 474 572 (примеч. 43)
 № 543 551 (примеч. 91)
 № 673 689 (примеч. 39)
 № 720 41, 284 (примеч. 103), 687 (примеч. 21)
 № 742 579 (примеч. 82), 660 (примеч. 26)
 № 1299 205, 604 (примеч. 4), 716 (примеч. 7)
Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (Волок. — ф. 113)
 № 390 574 (примеч. 50)
 № 426 592 (примеч. 41, 42)
 № 427 592 (примеч. 41, 42)
 № 437 205, 687 (примеч. 28)
 № 463 212 (примеч. 15), 539 (примеч. 28), 599
 № 513 570 (примеч. 34)
 № 591 587, 589 (примеч. 12), 590 (примеч. 23), 674
 № 620 590 (примеч. 24), 591 (примеч. 27), 693 (примеч. 62)
 № 629 586, 692 (примеч. 55), 693 (примеч. 62)
 № 644 553 (примеч. 94), 586, 590 (примеч. 16, 23), 605 (примеч. 19), 675, 701 (примеч. 134), 708 (примеч. 32)
 № 655 479, 540 (примеч. 28), 553 (примеч. 94), 569 (примеч. 29), 584, 587, 590 (примеч. 23), 597, 605 (примеч. 20—22), 673, 674, 711, 713 (примеч. 32)
Собр. Московской духовной академии, фундаментальное (МДА фонд. — ф. 173. I)
 № 18 539 (примеч. 28)
 № 34 539 (примеч. 28)
 № 77 211 (примеч. 13), 572 (примеч. 41)
 № 88 32 (примеч. 15)
 № 89 586, 589 (примеч. 12)
 № 116 550 (примеч. 75)
 № 142 600, 610 (примеч. 68), 682
 № 151. II 540 (примеч. 28), 542 (примеч. 29), 581 (примеч. 104)
 № 152 211 (примеч. 14), 539 (примеч. 26), 599, 665 (примеч. 47)
Музейное собр. (ф. 178)
 № 548 660 (примеч. 25)
 № 921 471, 659 (примеч. 22)
 № 3070 437, 481 (примеч. 1), 484 (примеч. 31), 561
 № 3169 327, 335 (примеч. 111), 572 (примеч. 39)
 № 3176 582 (примеч. 112), 660 (примеч. 25)
 № 3739 699 (примеч. 111)
 № 4102 212 (примеч. 17)
 № 9500 663 (примеч. 43)
 № 11095 92
 № 14030 383, 385

- Собр. П. Н. Никифорова (Никиф. — ф. 199)*
 № 31 702 (примеч. 145)
- Собр. Об-ва истории и древностей российских (ОИДР — ф. 205)*
 № 31 316, 523, 663 (примеч. 42)
 № 229 117 (примеч. 2), 475 (примеч. 2)
- Собр. Отдела рукописей (ОР — ф. 218)*
 № 144 (примеч. 112)
 № 178 666 (примеч. 65), 700 (примеч. 112)
- Собр. А. Н. Попова (Поп. — ф. 236)*
 № 93 173, 263
- Собр. Н. П. Румянцева (Рум. — ф. 256)*
 № 118 655
 № 122 316
 № 200 545 (примеч. 44), 637 (примеч. 76)
 № 273 233 (примеч. 43)
 № 284 117 (примеч. 5)
 № 325 688 (примеч. 25)
 № 436 33 (примеч. 29)
 № 445 619
- Собр. П. И. Севастьянова (Сев. — ф. 270)*
 № II.6 392
 № II.16/1 395 (примеч. 4)
 № II.16/2 395 (примеч. 4)
 № II.41 613
 № II.44 566 (примеч. 9)
 № II.48 630 (примеч. 44)
- Собр. Синодальной библиотеки (Син. — ф. 272)*
 № 363 271, 506
- Собр. С. П. Строева (Стр. — ф. 292)*
 № 54 584, 589 (примеч. 12), 590 (примеч. 16),
 692 (примеч. 55), 707 (примеч. 17)
- Собр. Троице-Сергиевой лавры, фундаментальное (ТСЛ фонд. — ф. 304. I)*
 № 3 543 (примеч. 36)
 № 5 550 (примеч. 75)
 № 9 31 (примеч. 5)
 № 13 278 (примеч. 36)
 № 16 622
 № 22 548 (примеч. 57)
 № 25 526, 550 (примеч. 75)
- № 26 550 (примеч. 75)
 № 27 550 (примеч. 75)
 № 28 543 (примеч. 36)
 № 29 543 (примеч. 36), 550 (примеч. 75)
 № 40 632 (примеч. 51)
 № 107 583 (примеч. 125)
 № 129 211 (примеч. 14), 539 (примеч. 28)
 № 145 536 (примеч. 25)
 № 156 544 (примеч. 37), 634 (примеч. 52),
 636 (примеч. 74)
 № 164 539 (примеч. 28)
 № 165 544 (примеч. 37), 634 (примеч. 52),
 636 (примеч. 74)
 № 172 211 (примеч. 14), 539 (примеч. 28),
 604 (примеч. 6)
 № 175 288, 336 (примеч. 76), 545 (примеч. 44),
 576 (примеч. 64), 600, 637 (примеч. 76)
 № 177 471, 572 (примеч. 44), 573 (при-
 меч. 45)
 № 179 539 (примеч. 28), 599
 № 309 539 (примеч. 28)
 № 670 32 (примеч. 15)
 № 678 541 (примеч. 28), 608 (примеч. 32)
 № 686 553 (примеч. 94), 570 (примеч. 32),
 586, 590 (примеч. 24), 591 (примеч. 27),
 597 (примеч. 55), 675, 692 (примеч. 55),
 693 (примеч. 62), 712 (примеч. 11)
 № 715 548 (примеч. 62), 601, 642—643, 676,
 694 (примеч. 72)
 № 716 643
 № 717 548 (примеч. 62), 601, 611 (примеч. 79),
 642—643, 676, 694 (примеч. 72), 707 (при-
 меч. 21)
 № 718 643
 № 720 548 (примеч. 62), 601, 642—643, 676,
 694 (примеч. 72)
 № 721 643
 № 744 539 (примеч. 28)
 № 751 505
 № 754 692 (примеч. 57), 701 (примеч. 133)
 № 758 541 (примеч. 28), (примеч. 32)
 № 762 471
 № 765 505
 № 804 572 (примеч. 41)

Собр. Троице-Сергиевой лавры, ризница
(Ризн. ф. 304. III)

№ 4 544 (примеч. 38), 618

Собр. В. М. Ундольского (Унд. — ф. 310)

№ 25 60 (примеч. 2), 293

№ 78 661 (примеч. 33)

№ 81 661 (примеч. 33)

№ 192 544 (примеч. 37), 634 (примеч. 52),
636 (примеч. 74)

№ 961 153 (примеч. 61)

№ 1081 568 (примеч. 21)

№ 1094 204

Собр. Г. Г. Юдина (Юд. — ф. 594)

№ 1 266

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 181 (собр. Рукописного отделения Б-ки МГАМИД)

№ 279 573 (примеч. 47)

№ 370 41

№ 452 632 (примеч. 40)

№ 453 (примеч. 43)

№ 458 212 (примеч. 21)

№ 478 297 (примеч. 11), 301

№ 626 700 (примеч. 119)

№ 710 41, 45 (примеч. 15), 46 (примеч. 28),
212 (примеч. 18), 284 (примеч. 103), 668
(примеч. 68), 687 (примеч. 21), 697 (при-
меч. 96), (примеч. 90)

№ 760 544 (примеч. 38)

№ 761 536 (примеч. 25)

№ 779 251 (примеч. 16)

Ф. 187 (Рукописное собр. РГАЛИ)

Он. I

№ 117 716 (примеч. 7)

Ф. 188 (Рукописное собр. ЦГАДА)

№ 88 544 (примеч. 37)

№ 760 574 (примеч. 50)

№ 819 98 (примеч. 17)

№ 1379 (примеч. 111), 661 (примеч. 33), 699
(примеч. 111)

Ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина)

№ 534 661 (примеч. 27)

№ 539 526, 551 (примеч. 84)

№ 652 662 (примеч. 38), 692 (примеч. 57)

№ 1494 442 (примеч. 14), 652

№ 1696 571 (примеч. 38)

№ 1698 246, 294

№ 1700 243—245

№ 1703 663 (примеч. 42)

Ф. 201 (собр. М. Д. Оболенского)

№ 19 666 (примеч. 68)

№ 76 547 (примеч. 56)

№ 93 570 (примеч. 34)

№ 159 297 (примеч. 11)

Ф. 357 (собр. Саровской пустыни)

№ 2 212 (примеч. 15), 251 (примеч. 16), 537
(примеч. 25), 645 (примеч. 5)

Ф. 381 (собр. Рукописного отделения Б-ки
Московской Синодальной типографии —
Тип.)

№ 1 103, 148 (примеч. 20)

№ 13 227

№ 57 687 (примеч. 17)

№ 69 233 (примеч. 40)

№ 70 233 (примеч. 40)

№ 71 233 (примеч. 40)

№ 72 98 (примеч. 17), 233 (примеч. 40)

№ 77 98 (примеч. 17), 233 (примеч. 40)

№ 86 635 (примеч. 64)

№ 88 233 (примеч. 44), 619, 634 (при-
меч. 53, 54)

№ 95 233 (примеч. 44), 619

№ 102 233 (примеч. 44), 619, 629 (примеч. 39,
40)

№ 106 231 (примеч. 21)

№ 107 233 (примеч. 39)

№ 108 635 (примеч. 64)

№ 109 233 (примеч. 44), 619, 629 (примеч. 39,
40, 42)

№ 115 233 (примеч. 44), 619, 629 (примеч. 39,
40), 636 (примеч. 58)

№ 131 231 (примеч. 29)

№ 134 231 (примеч. 21)

№ 205 251 (примеч. 16)

Нижний Новгород

Государственный архив Нижегородской области

№ 17531 539 (примеч. 28)

№ 36247 213 (примеч. 23), 515 (примеч. 70)

Новгород Великий

Музей-заповедник (НГИИМЗ)

КП 327251 545 (примеч. 40)

Нови Сад

Библиотека Матицы Сербской

PP IV 3 252 (примеч. 23)

Новосибирск

Государственная Публичная Научно-техническая б-ка Сибирского отделения РАН

Собр. М. Н. Тихомирова

P-1 546 (примеч. 47), 635 (примеч. 55)

P-11 686 (примеч. 8)

P-304 635 (примеч. 56)

Одесса

Государственная научная б-ка

№ 1/1 154 (примеч. 63)

№ 1/2 152 (примеч. 52)

№ 1/4 310

№ 1/5 310

№ 1/98 663 (примеч. 43)

№ 1/99 383, 384

№ 1/101 100 (примеч. 32), 410

№ 1/102 590—591 (примеч. 24), 591 (примеч. 27)

№ 1/106 576 (примеч. 63)

№ 1/108 577 (примеч. 72)

№ 1/112 561

№ 1/119 482 (примеч. 16)

№ 1/120 (примеч. 24, 25), (примеч. 27), 692 (примеч. 55), 693 (примеч. 62)

№ 4/17 613

№ 5/24 613

Оксфорд

Бодлеянская б-ка

Mss. Canon Gr. 122 630—631 (примеч. 47), 638 (примеч. 94)

Париж

Национальная б-ка

Греч. 1808 158 (примеч. 109)

Слав. 23 85 (примеч. 6), 176, 344, 348 (примеч. 38, 40)

Слав. 25 124 (примеч. 78)

Слав. 26 573 (примеч. 47)

Слав. 28 403 (примеч. 130)

Слав. 44 392, 393, 403 (примеч. 130)

Слав. 56 392, 393, 403 (примеч. 130)

Слав. 65 309, 403 (примеч. 130)

Печ

Б-ка Патриархата

№ 1 368, 399 (примеч. 32)

№ 24 550 (примеч. 81)

№ 93 265, 274

Пловдив

Народна б-ка «Иван Вазов»

№ 140 370, 371, 407, 443 (примеч. 21)

№ 145 382

Прага

Народная библиотека

XVII E 56 600

Народный музей

IX D 13 666 (примеч. 50)

IX D 15 21, 276 (примеч. 22)

IX D 32 476 (примеч. 15)

X F 23 421 (примеч. 64)

IX H 8 615 (примеч. 77)

I Dc 2/10 293, 440

Прусос, м-рь (Греция)

№ 72 328

Псков**Музей-заповедник**

ф. архиеп. Арсения (Стадницкого)
№ 2483 394 (примеч. 3)

Путна, м-рь (Румыния)

№ 557 661 (примеч. 33)
№ 564 661 (примеч. 33)

Рим**Б-ка Папского восточного института**

Слав. 5 642

**с. Ропотово (Респ. Македония),
церковь**

М 3 610 (примеч. 77)

Рыльский монастырь (Болгария)

№ 1/1 666 (примеч. 60)
№ 2/24 476 (примеч. 21)
№ 3/7 348 (примеч. 29)
№ 3/14 320, 559
№ 4/2 428 (примеч. 16), 576 (примеч. 64)
№ 4/8 276 (примеч. 19)
№ 36/6 152 (примеч. 51)

Рязань**Музей-заповедник**

Инв. № 5653 633 (примеч. 52)

Савина, м-рь (Черногория)

№ 22 243, 244

Санкт-Петербург**Архив СПб. Ин-та истории**

Западноевропейская секция

№ 680 105, 111—115, 186

Коллекция Н. П. Лихачева

Оп. 1

№ 360 581 (примеч. 104)

№ 502 336 (примеч. 112)

**Б-ка Российской Академии наук (БАН,
БРАН)**

Архангельское собр.

С. 55 571 (примеч. 38)

Собр. Археографической комиссии

№ 171 630 (примеч. 43)

Собр. А. А. Дмитриевского

№ 42 386

№ 43 404 (примеч. 132)

№ 46 391

№ 47 390, 412

Собр. П. Н. Доброхотова

№ 26 (Осн. 11.9.7) 249, 612

№ 31 689 (примеч. 39)

Собр. Н. К. Никольского

№ 323 535 (примеч. 25), 567 (примеч. 12)

Основное собр.

4.5.4 546 (примеч. 47)

4.5.10 48

4.5.21 343

4.9.11 536 (примеч. 25), 568 (примеч. 24)

4.9.14 231 (примеч. 26)

12.7.31 351, 354, 560

13.3.19 665 (примеч. 47), 666 (примеч. 64)

13.3.21 394 (примеч. 3)

13.3.36 394 (примеч. 3)

13.7.12 334 (примеч. 95)

13.8.12 687 (примеч. 19)

16.14.14 635 (примеч. 64)

16.14.15 233 (примеч. 43)

17.2.1 629 (примеч. 39)

24.4.4 293

24.4.8 152 (примеч. 51)

24.4.11 123 (примеч. 63)

24.4.12 310, 613

24.4.15 152 (примеч. 51)

24.4.18 130, 507

24.4.20 243, 245, 248, 263, 286, 289, 365 (примеч. 12)

24.4.22e 229 (примеч. 9)

24.4.23 243, 246, 289, 299 (примеч. 29), 301, 365 (примеч. 12)

- 33.20.14 683
 34.5.20 629 (примеч. 41)
 34.7. 3 545 (примеч. 40), 665 (примеч. 50)
Собр. Текущих поступлений
 № 13 243, 244, 254 (примеч. 40), 421 (примеч. 67), 536 (примеч. 25)
 № 1103 459 (примеч. 46)
Собр. Н. В. Тимофеева
 № 1 542 (примеч. 29)
Собр. Ю. А. Яворского
 № 4 387 (примеч. 19)
 № 5 387 (примеч. 19)
- Государственный Русский музей (ГРМ)**
 Бк 3268 622 (примеч. 40), 624
 Бк 8640 545 (примеч. 40)
 Др. гр. 9 625
 Др. гр. 13 655, (примеч. 73)
 Др. гр. 14 622, 625
 Др. гр. 17 547 (примеч. 56), 622, 624
 Др. гр. 20 523, 623
- ИРЛИ (Пушкинский дом), Дрелехранилище им. В. И. Малышева**
 Оп. 23
 № 52 632 (примеч. 51)
Собр. В. В. Величко
 № 1 684
Карельское собр.
 № 476 98 (примеч. 17), 233 (примеч. 39), 630 (примеч. 43)
- Российская Национальная б-ка (РНБ)**
Собр. П. П. Вяземского (Вяз.)
 Ф. IX. Ч. 1, № 5 549 (примеч. 68)
 Ф.124/6а 368
 Ф.124/7 425
Собр. А. Ф. Гильфердинга (Гильф.)
 № 1 12
 № 2 11, 15, 20 (примеч. 47), 376 (примеч. 50), 425, 443 (примеч. 21)
 № 3 417 (примеч. 33)
 № 16 123 (примеч. 59)
 № 18 293
- № 20 282 (примеч. 73)
 № 22 123 (примеч. 59)
 № 32 12, 185, 377 (примеч. 60)
 № 42 240, 266
 № 46 600
 № 70 97 (примеч. 7), 113,
 № 78 246, 293, 365 (примеч. 12), 372 (примеч. 6), 448 (примеч. 82)
Собр. греческих рукописей (Греч.)
 № 70 189 (примеч. 24), 246, 336 (примеч. 113)
Собр. Кирилло-Белозерского м-ря (Кирил.-Бел.)
 XI 547 (примеч. 56)
 XII 544 (примеч. 37), 572 (примеч. 39, 40), 645 (примеч. 5)
 XIII 541 (примеч. 28)
 № 1/1240 (примеч. 33), 643, 694 (примеч. 73)
 № 2/2 633 (примеч. 52)
 № 3/1270 482 (примеч. 16)
 № 4/1081 245, 284 (примеч. 95), 287
 № 11/1088 569 (примеч. 31), 574 (примеч. 50), 590 (примеч. 23)
 № 22/1099 736 (примеч. 21)
 № 27/1266 597
 № 30/1269 588 (примеч. 2)
 № 32/1109 55 (примеч. 17), 211 (примеч. 15), 287, 540 (примеч. 28), 599
 № 45/1284 299 (примеч. 46), 608 (примеч. 46)
Новое собр. рукописной книги (НСРК)
 1946 г., № 35/2 F 551 (примеч. 84)
Собр. Об-ва любителей древней письменности (ОЛДП)
 F.6 541 (примеч. 29)
 F.136 665 (примеч. 48)
 F. 215 188, 197 (примеч. 16), 244, 609 (примеч. 53)
Основное собр. рукописных книг (ОСРК)
 F.п.1.21 547 (примеч. 56), 629 (примеч. 39), 655
 F.п.1.26 348 (примеч. 42)
 F.п.1.33 555 (примеч. 104)
 F.п.1.35 310
 F.п.1.37 231 (примеч. 26)
 F.п.1.41 542 (примеч. 29)

- Ф.п.І.46** 184, 207
Ф.п.І.51 347 (примеч. 23, 24), 348 (примеч. 40)
Ф.п.І.62 412, 448 (примеч. 82)
Ф.п.І.72 123 (примеч. 63)
Ф.п.І.73 98 (примеч. 17), 233 (примеч. 39)
Ф.п.І.74 129
Ф.п.І.75 512 (примеч. 11)
Ф.п.І.84 309
Ф.п.І.117 654
Ф.п.І.120 630 (примеч. 44)
Ф.п.І.121 243, 245, 247, 260, 289, 292—294, 363, 364, 365 (примеч. 12)
Q.п.І.18 297 (примеч. 11)
Q.п.І.24 277 (примеч. 28)
Q.п.І.27 243, 245, 247, 260, 292—294, 296 (примеч. 9), 365 (примеч. 12), 440
Q.п.І.38 282 (примеч. 73)
Q.п.І. 41 418 (примеч. 37)
Q.п.І. 46 139
Q.п.І.56 309, 613
Q.п.І.58 282 (примеч. 73), 403 (примеч. 130)
Q.п.І.63 296 (примеч. 3)
Q.п.І.64 130
О. п.І.7 611 (примеч. 81)
О. п.І.14 89—92, 113
Ф.І.73 546 (примеч. 47)
Ф.І.197 323, 326, 327
Ф.І.211 571 (43), 701 (примеч. 137—138)
Ф.І.215 548 (примеч. 62)
Ф.І.376 318, 543 (примеч. 36)
Ф.І.461 552 (примеч. 92), 576 (примеч. 63)
Ф.І.472 324
Ф.І.476 868 (примеч. 8)
Ф.І.516 559
Ф.І.641 577 (примеч. 71)
Ф.І.763 515 (примеч. 77)
Ф.ІІ. 152 579 (примеч. 82)
Q. І. 207 544 (примеч. 37)
Q. ІІ. 49 254 (примеч. 51)
Q. ІІ. 90 267, 327, 336 (примеч. 113), 571 (примеч. 39)
О.І. 90 515 (примеч. 77)
О.І. 469 91, 92
Q.XVII.88 570 (примеч. 34)
- Собр. глаголических рукописей (Глаг.)*
№ 2 152 (примеч. 49)
№ 3 152 (примеч. 48)
Собр. М. П. Погодина (Пог.)
№ 4 667 (примеч. 64)
№ 8 613
№ 18 621, 635 (примеч. 56)
№ 22 667 (примеч. 64)
№ 37 607 (примеч. 30)
№ 49 343
№ 58 338, 345
№ 71а 632 (примеч. 52)
№ 73 634 (примеч. 52)
№ 106 666 (примеч. 50)
№ 254 579 (примеч. 82)
№ 267 246
№ 562 662 (примеч. 34)
№ 615 546 (примеч. 47)
№ 872 537 (примеч. 25)
№ 876 212 (примеч. 21), 572 (примеч. 40), 701 (примеч. 135)
№ 887 591 (примеч. 27)
№ 962 205
№ 989 211 (примеч. 15), 540 (примеч. 28), 599
№ 1026 683
№ 1054 318, 539 (примеч. 28)
№ 1941 570 (примеч. 34)
Собр. Соловецкого м-ря (Сол.)
№ 287/307 737 (примеч. 27)
№ 617/500 589 (примеч. 13)
№ 619/503 589 (примеч. 13), 590 (примеч. 23), 692 (примеч. 55), 707 (примеч. 619)
Софийское собр. (Соф.)
№ 190 635 (примеч. 54)
№ 191 233 (примеч. 40)
№ 192 635 (примеч. 54)
№ 195 635 (примеч. 54)
№ 196 233 (примеч. 40)
№ 198 230 (примеч. 21)
№ 200 233 (примеч. 40)
№ 207 233 (примеч. 40)
№ 210 635 (примеч. 54)
№ 384 229 (примеч. 9)

№ 386 224, 225, 227, 235 (примеч. 77)
 № 1262 245
 № 1264 536 (примеч. 25), 569 (примеч. 26)
 № 1296 737 (примеч. 27)
 № 1327 695 (примеч. 80)
 № 1355 715
 № 1365 599

Собр. А. А. Титова (Тит.)

№ 3365 470 (примеч. 32)

Отдел редкой книги

Ф.І.29 687 (примеч. 17)

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 834 (собр. Архива Синода)

Оп. 1

№ 203 611 (примеч. 79)

Оп. 2

№ 1261 601, 643, 676

№ 1264 601, 643, 676

№ 1267 601, 643, 676

№ 1278 601, 643, 676

Оп. 3

№ 2037 578 (примеч. 72), 607 (примеч. 29),
 660 (примеч. 26)

№ 3811 699 (примеч. 108)

№ 3933 603, 642, 677

№ 3934 603, 642, 677

№ 3935 603, 642, 677

№ 3936 603, 642, 677

Оп. 4

№ 1266 663 (примеч. 43)

Эрмитаж

Кабинет редких книг

№ 139711 627 (примеч. 6)

Синай

Б-ка м-ря Св. Екатерины

Слав. 2 124 (примеч. 78), 156 (примеч. 93)

Слав. 20 420 (примеч. 54)

Слав. 25 229 (примеч. 9), 232 (примеч. 33),
 314 (примеч. 34)

Слав. 34 328 (примеч. 10)

Слав. 37 152 (примеч. 48)

Слав. 38 152 (примеч. 53)

Слав. 1/Н 152 (примеч. 48)

Слав. 2/Н 152 (примеч. 53)

Слав. 3/Н 129

Слав. 4/Н 129, 136, 159 (примеч. 110)

Слав. 5/Н 129, 152 (примеч. 49)

Слав. 18/Н 257 (примеч. 83)

Слав. 26/Н 125 (примеч. 78)

Слав. 32/Н 125 (примеч. 78), 156 (примеч. 93)

Скопье

Б-ка Философского фак-та

М.П-4/511 136

София

Б-ка Болгарской АН

Слав. 5 259 (примеч. 108), 388, 389, 419 (примеч. 49)

Слав. 8 388, 389, 419 (примеч. 49)

Слав. 12 439

Слав. 19 412, 440

Слав. 23 176, 232 (примеч. 33), 276 (примеч. 18), 291 (примеч. 7)

Слав. 37 154 (примеч. 66)

Слав. 38 129

Слав. 73 249

Слав. 82 577 (примеч. 71)

Народная б-ка «Кирил и Методий» (НБКМ)

№ 22 328 (примеч. 10)

№ 24 394 (примеч. 3)

№ 28 409

№ 31 180 (примеч. 21)

№ 47 154 (примеч. 66)

№ 89 540 (примеч. 28)

№ 113 343

№ 114 337, 340 (примеч. 8), 343

№ 122 174, 176, 468 (примеч. 11)

№ 163 225, 234 (примеч. 62), 235 (примеч. 74)

№ 311 577 (примеч. 71)

№ 433 505

№ 446 385

№ 467 328 (примеч. 10)

- № 470 259 (примеч. 108)
 № 518 382, 383
 № 535 269, 270
 № 551 328 (примеч. 10)
 № 590 308, 309
 № 771 513 (примеч. 32), 574 (примеч. 50),
 581 (примеч. 103)
 № 844 118 (примеч. 7)
 № 882 123 (примеч. 68)
 № 896 276
 № 906 699 (примеч. 111)
 № 935 328 (примеч. 10)
 № 960 91, 92
 № 989 158 (примеч. 109)
 № 1027 328 (примеч. 10)
 № 1140 555 (примеч. 105)
 № 1356 418 (примеч. 41)
 № 1358 383, 384
 № 1369 382
 № 1379/фргм. 9 328 (примеч. 10)

Народный музей

№ 163 307

Национальный литературный музей

Инв. № 7446/87 403 (примеч. 141)

Центр славяно-византийских исследований им. И. Дуйчева

Слав. 16 391

Церковный историко-археологический музей (ЦИАМ)

- № 99 158 (примеч. 109)
 № 316 343
 № 403 60 (примеч. 3)
 № 1160 572 (примеч. 39)
 № 1485 699 (примеч. 111)

Стамбул*Б-ка Серала*

№ 70 433

Стокгольм*Государственный архив*

Ф. Östersjöprovinsenserna, 1609—1613 (обложка дела) 632 (примеч. 51)

Королевская б-ка

А 787а 632 (примеч. 51)

Сучевница, м-рь (Румыния)

- № 23 667 (примеч. 66)
 № 24 667 (примеч. 66)

Тверь*Государственный архив Тверской области*

№ 1028 702 (примеч. 152)

Музей-заповедник

Инв. № 3062 391

Троицы м-рь близ Плевля (Черногория)

- № 5 515 (примеч. 74)
 № 87 246, 293, 365 (примеч. 12), 372 (примеч. 6), 440

Тула*Областной краеведческий музей (ТОКМ)*

№ 304 546 (примеч. 47)

Ужгород*Закарпатский краеведческий музей*

- Арх. 798 546 (примеч. 47), 652
 Арх. 2641 546 (примеч. 48), 667 (примеч. 60)

Харьков*Исторический музей*

Инв. 21129 686 (примеч. 8)

Цетинский м-рь (Черногория)

№ 50 17 (примеч. 21), 367, 444 (примеч. 22)

Ягодина*Земальски музей*

- ф. Тирича
 № 1 386, 446 (примеч. 54)
 № 2 391, 412

Ярославль

- Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник (ЯМЗ), Древлехранилище*
- Инв. 410** (488 по кат. В. В. Лукьянова) 589 (примеч. 12), 700 (примеч. 112), 708 (примеч. 17)
- Инв. 15231** 574 (примеч. 52)

- Инв. 15470а** 523, 537 (примеч. 25), 542 (примеч. 29)
- Инв. 15473** 544 (примеч. 38)
- Инв. 15479** 542 (примеч. 29), 572 (примеч. 40), 701 (примеч. 135)
- Инв. 15488** 544 (примеч. 37)
- Инв. 15583** 246
- Инв. 15606** 246

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аарон, прор. 54, 62
Абдиль (Абдул) Рахман (Абдурахман, «Хади-Рахман») паша, турецкий правитель в Тетове 488, 513
Абель У. (Abel U.) 716
Абрамович Д. И. 608
Абу Али Ибн Сина см. Авиценна
Август, римский император 145
Аверинцев С. С. 740
Аверкий, хиландарский монах-книгописец 687
Авиценна (Абу Али Ибн Сина) 475
Авраам, праотец 52
Аврамович (Аврамовић) Д. 744
Авраниез см. Эвренез-бег
Агапий Ландос (Критский), греческий церковный писатель 726, 741
Адрианова-Перетц В. П. 198, 250, 251, 533
Азария (Попцов), монах, библиотекарь Русского Пантелеймонова м-ря на Афоне 414
Айтцетмюллер Р. (Aitzetmüller R.) 372
Акиндин, византийский еретик 558
Александр Добрый, господарь Молдавии 638
Александр Лэпушняну, господарь Молдавии 660
Александров А. 581
Алексеев А. А. 34, 125, 179, 201, 232, 402, 536, 550, 552, 571, 576, 577, 606, 611
Алексеев А. И. 254, 255, 285, 535, 567, 568, Алексей Аристин, византийский канонист 650
Алексей I Комнин, византийский император 560
Алексий, митр. Киевский и Всея Руси 526, 678
Алексова Б. 511
Алибегашили Г. (Alibegašvili G.) 745
Алкен Ф. (Halkin F.) 580
Алпатов М. В. (Alpatov M.) 740, 745
Альбрехт II Габсбург, имп. Священной Римской империи, король Венгрии и Чехии 14
Альтбауэр (Алтбауер) М. (Altbauer M.) 152, 154
Амфилохий, архим. 196
Аморейские мученики (42) 113
Амосов А. А. 540, 566
Анастасий, монах Хиландарского м-ря, участник посольства в Москву 720, 728, 734, 743
Анастасий Кримка (Кримкович), митр. Сучавский 655, 663
Анастасия Романовна, жена царя Ивана Грозного 718, 733
Ангелов Б. С. 72, 96, 116, 159, 162, 164, 190, 198, 251, 258, 259, 273, 285, 428, 468, 476, 515, 538, 551, 576, 577, 600, 609, 661, 672, 685, 688, 692, 699, 700, 707—708, 735
Андрей, еп. Критский, церковный писатель, св. 41, 73, 75—79
Андрей, еп. Тверской 698
Андрей, кн. Хумский, сын кн. Мирослава 451
Андрей Боголюбский, кн. Владимиро-Суздальский 738
Андрей Васильевич Меньшой, кн. Вологодский, брат вел. кн. Ивана III 601, 643, 677
Андрейчина, украинский книгописец 669
Андроник II Палеолог, византийский император 727

- Аникита Лев Филолог, сербский монах-агиограф 597
- Анисимова Т. В.* 583
- Анна, византийская принцесса, жена вел. кн. Киевского Владимира Святославича 201
- Анна (в монашестве Анастасия), жена Стефана Немани 509—510, 515
- Анна Палеологина Кантакузина Филантропина, жена трапезундского императора Мануила III 730
- Антоний (в миру Арсений Багаш), сербский монах-переводчик, один из основателей афонского м-ря Св. Павла 466, 599, 608
- Антоний (в миру — Добрыня Ядрейкович), архиеп. Новгородский, паломник 719
- Антоний Супрасльский, преподобномученик 695
- Антонин (Капустин), архим.* 12, 14, 19, 89, 393, 424—425, 428, 429, 745
- Антонова В. И.* 606, 716, 717, 742
- Арсений, иером.* 572, 591, 646
- Арсений, архиеп. Сербский, св. 18, 300, 733
- Арсений (Иващенко), еп. Кирилловский* 355
- Арсений (в монашестве Антоний) Багаш см. Антоний (в миру Арсений)
- Арсений, монах, ученик Кирилла Пейчиновича 488
- Арсений Солунский, паломник, автор «Хождения» 558
- Арсений (Стадницкий), митр. Новгородский* 394
- Арсений (Суханов), монах Троице-Сергиева м-ря, собиратель книг на Афоне 159, 172, 185, 186, 410, 551, 552, 571, 576
- Артемий, монах Хиландарского м-ря, участник посольства в Москву 734
- Асалхан, турок, помогавший в плену Вуку Лазаревичу и Лазарю Бранковичу 478—480
- Асени (Асениды), болгарская царская династия 128, 129, 148, 170, 171, 659
- Атанасов А.* 116, 149
- Афанасий, «даскал», автор рассказа о Сербии в конце XVII в. 720
- Афанасий, «мних Иерусалимский», болгарский церковный писатель 127
- Афанасий Ритор, греческий монах-униат, собиравший рукописи в Восточном Средиземноморье 345, 348
- Афанасий Русин, афонский монах-книгописец 609
- Афанасьева Т. И.* 568
- Афиногенов Д. Е.* 579
- Ахиллий («Архиллий»), еп. Лариссы, св. 110, 128
- Бабалиевска С.* 44, 45, 284, 688
- Бабич (Бабић) Г. (Babic G.)* 86, 299, 745
- Багаши, сербские вельможи влашского происхождения 466
- Бакалова Е. (Bakalova E.)* 717
- Балшичи, сербская властительская династия 451
- Баранкова Г. С.* 266, 267, 279, 536, 568, 686
- Баронас Д. (Baronas D.)* 276, 580, 610, 662, 691, 713
- Бароний Ц., кардинал, церковный писатель 744
- Баязит I Ильдерим, турецкий султан 466, 598
- Бегунов Ю. К.* 117, 147, 164, 189, 255, 329, 590, 663, 688, 702, 717
- Белич (Белић) А.* 188, 252
- Белоцерквич, Новак см. Новак Белоцерквич
- Бельчиков Н. Ф. 329
- Беляев Н.* 738—739
- Беляева О. К.* 180, 636
- Белякова Е. В.* 187, 327, 334, 335, 341, 571, 572, 736
- Бенешевич В. Н.* 355, 568, 578, 607, 660
- Бетин Л. В.* 635
- Бибиков М. В.* 459
- Бильдюг А. Б.* 536
- Бильярски И.* 161, 511, 513
- Бинон С. (Binon S.)* 469

- Биркфельнер Г. (Birkfellner G.)* 98, 101, 150, 155, 165, 232, 283, 384—385, 393, 396, 400, 401, 405, 578, 609, 611, 667
- Бирнбаум Д. (Birnbaut D.)* 484
- Благова Э. (Blahova E.)* 160, 188, 376
- Благовевич (Благојевић) М.* 445
- Бобров А. Г.* 542, 545, 550, 551, 570, 637, 736, 737
- Богавец, сербский дьяк* 49
- Богдан, господарь Молдавии* 653
- Богдан, писец Иловицкой Кормчей* 159
- Богдан, сербский книгописец* 416
- Богдан Д. П. (Bogdan D.)* 313, 658, 666, 669
- Богданова С. (Bogdanova S.)* 299, 366
- Богданович (Богдановић) Д. (Bogdanović D.)* 12, 14, 16, 20, 31, 44, 52, 60, 99, 148, 157, 158, 162—164, 187, 188, 196, 198, 250, 252—254, 258, 274, 276, 277, 280, 299, 300, 313, 341, 343, 345, 348, 355, 363, 364, 368, 371—376, 386—388, 395, 396, 401—403, 414—418, 420—422, 428—430, 443, 444, 446—448, 460, 462, 475, 483, 513, 515, 540, 549, 550, 552, 576, 578, 581, 588, 591, 601, 605, 610, 611, 630, 657, 667, 668, 687, 690, 692—694, 699, 712, 738, 740, 741
- Бодянский О. М.* 575, 588, 592
- Божилев И.* 158, 180
- Бойковский Г. (Bojkovski G.)* 633
- Бойчева П.* 658
- Борил, болгарский царь из династии Асеев* 705
- Борил, «мученик и чудотворец» см. Вирилл*
- Борис (в крещении Михаил), князь, креститель Болгарии* 96, 103—105, 108, 109, 119, 121, 135, 186, 201
- Борис «шестник тверитин», псковский книгописец* 635
- Борис и Глеб, князья-мученики* 15, 109, 121, 249, 259, 268, 509, 666
- Ботвинник М. Н.* 570
- Бочаров Г. Н.* 624, 637
- Бошков М.* 277, 482, 580, 583, 594—595
- Бояджиев (Тодоров) А.* 131, 154, 178, 702
- Бражникова Н. В.* 161, 278
- Бранко Младенович, вельможа сербского царя Стефана Душана, севастократор* 280, 451, 454, 459
- Бранковичи — сербская деспотская династия* 437, 451, 452, 459, 470, 731
- Брике Ш.-М. (Briquet Ch.-M.)* 31, 482, 487, 573
- Броджи-Беркофф Дж.* 744
- Бубало Дж. (Ђ.)* 445, 448
- Бубнов Н. Ю.* 123, 129, 229, 296, 346, 348, 394, 420, 614, 628
- Бударагин В. П.* 627
- Будило, сербский книгописец* 120, 158
- Буланин Д. М.* 119, 244, 254, 260, 274, 296, 356, 535, 556, 565, 567, 577, 713
- Булатова Р. В.* 300, 483, 576
- Булгаков М. Б.* 699
- Бунило, «дьяк», сербский книгописец* 12, 14, 17, 18, 369, 370, 375, 401, 408, 415, 430, 443
- Бухвал(ь)д В. (Buchwald W.)* 475, 578
- Былинин В. К.* 471, 472, 475, 477, 538, 573
- Вадковский А. В.* 589, 707
- Вајс Ђ. (Vajs J.)* 31, 119, 276, 300, 421, 448, 666
- Вајцман К. (Weitzman K.)* 745
- Вајян А. (Vaillant A.)* 42
- Валевичус А.* 32, 190
- Валент («Уалент», «Онаулент»), римский император* 269, 283
- Ван Клеве Т. (Van Cleve Th.)* 356
- Варвар Пелагонийский (Битольский), мученик* 683
- Варлаам, архим.* 625, 639
- Варлаам, митр. Ясский* 656
- Варлаам Калабрийский, еретик* 558
- Варух, прор.* 506
- Василев Л. (Васильев Љ.)* 18, 47, 120, 123, 124, 148, 155, 259, 274, 371—373, 375, 394, 396—399, 402, 415, 416, 418, 430, 431, 441, 482, 487, 512, 577, 578, 660, 664

- Василевский Т. (Wasilewski T.)* 107, 121
 Василий из Тырговища, иеромонах, книгописец 664
 Василий, еп. Амасийский («Имесийский»), священномученик 105, 109
 Василий Великий, архиеп. Кесарийский, Отец Церкви 109, 117, 204, 288, 633
 Василий, иг. Киево-Печерского м-ря, адресат Кирилла Туровского 244
 Василий II Болгаробойца, византийский император 136, 140
 Василий Давидович «Грозные очи», кн. Ярославский 619
 Василий I Дмитриевич, вел. кн. Московский 529, 547
 Василий II Васильевич Темный, вел. кн. Московский 527, 552
 Василий III Иванович, вел. кн. Московский 588, 738
 Василий Лупу, господарь Молдавии 656
 Василий Михайлович, кн. Друцкий 635
 Василий Никольский *см.* Никольский, Василий
 Василий Тяпинский *см.* Тяпинский, Василий
Васильевский В. 35
 Вассиан Патрикеев, «князь-инок», писатель-полюемист 643
 Васюк, «попов сын, вычегжанин», книгописец 571
Вашица Й. (Vašica J.) 31, 119, 276, 300, 421, 448, 609, 666
Велев И. 19, 230, 232, 295, 313, 426, 427, 468, 656
 Великие Комнины, трапезундская императорская династия 731
Велинова В. 16, 374, 404, 429
Велчев В. 744
Велчева Б. 131, 154, 178
 Венедикт, афонский иеромонах, заказчик перевода 559
 Вениамин, иеромонах Хиландарского м-ря, участник посольства в Москву 734
 Вениамин, сербский книгописец 699
 Вениамин, монах-доминиканец, переводчик 206
Верещагин Е. М. 46, 85, 230
 Веркович С., собиратель рукописей 139, 185, 368, 373, 425
Веселинович (Веселинович) А. 462
Веселовский А. Н. 281, 283
Вздорнов Г. И. 121, 328, 526, 541, 542, 544, 545, 547—551, 574, 576, 583, 589, 604—605, 608, 609, 624, 625, 627—629, 634—639, 669
Визирь Н. П. 427, 545
Викторов А. Е. 340, 392, 404, 426, 571
Вилинбахова Т. Б. 281
 Вирилл («Воурил»; ошибочно: Борил, Кирилл), еп. Катанский 112, 123
 Виссарийон Хиландарский, афонский монах-книгописец 600
 Виталий («Витал»), мученик 105
 Влад Цепеш *см.* Дракула
 Владимир (Расате), болгарский князь (хан), сын Бориса-Михаила 108
 Владимир Василькович, кн. Волынский 632
 Владимир (Святославич), вел. кн. Киевский, св. 109, 283, 666
 Владимир Мономах, вел. кн. Киевский 296
 Владимир, сербский книгописец 92
Владимиров П. В. 666
Владимирова Л. А. 117
 Владислав, сербский король из династии Неманичей 449, 724, 726—727
 Владислав, приближенный деспота Стефана Лазаревича 478—480, 484
 Владислав Грамматик, южнославянский писатель, книгописец 188, 210, 276, 323, 332, 442, 484, 559, 608
 Владислав V Постум Габсбург («Владислав Альбертович»), король Венгрии и Чехии 14, 15, 429
 Воейко Войтегович, легендарный родоначальник Воейковых 333
 Воейков В. Р., стольник 333
 Воейковы, русский дворянский род 333
Воинеску Т. (Voinescu T.) 745

- Воихна, вельможа царя Стефана Душана, кесарь 83, 722
 Войтех (Адальберт), еп. Пражский 109
 Войтех, Георгий *см.* Георгий Войтех
 Вольская А. (*Volskaja A.*) 745
 Воронин Н. Н. 119
 Ворт Д. (*Worth D.*) 531
 Воскресенский Г. А. 615, 628
 Воскресенский П. А., душеприказчик еп. Павла (Доброхотова) 626
 Востоков А. Х. 116, 630, 663, 665
 Вук, младший сын сербского кн. Лазаря 434, 437, 478
 Вук Бранкович, сербский деспот 449, 451, 453—458, 460—462, 470
 Вукан I, великий жупан Рашки 139, 146, 157, 175
 Вукан, старший сын Стефана Немани, вел. кн. Зеты 295, 449, 450, 479
 Вуканович Т. (*Vukanović T.*) 232
 Вукашин, сербский король из династии Мрнявчевичей 449, 450, 457—459, 466, 467, 470
 Вуковичи, Божидар и Виченцо, сербские книгоиздатели 631, 667, 689
 Вуксан Д. 278, 669
 Вутова Н. (*Voutova N.*) 44, 399, 418, 446
 Выголов В. П. 624, 637
 Высоцкий С. А. 442
 Вяземский П. П., кн., коллекционер 368, 425
 Вячеслав (Вацлав), кн. Чешский, св. 109, 206, 641

 Гавриил, сербский монах-переводчик, работавший на Афоне 473, 476, 559
 Гавриил, сербский монах-книжник, прот. Афона 558, 570
 Гавриил Лесновский, южнославянский св. 142
 Гавриил (Нямецкий, Урик), молдавский книгописец 323, 332, 432, 551, 580, 599, 638, 652, 662, 665, 674
 Гавриил (Стефанович Венцлович), сербский книжник 744

 Гаврюшина Л. К. 692, 693
 Гагова Н. *см.* Гагова-Георгиева Н.
 Гагова-Георгиева Н. 121, 122, 329, 331, 332, 552, 577, 583, 611
 Гальковский Н. М. 245, 255, 287, 298, 301
 Гальченко М. Г. 152, 234, 526, 531, 532, 541—544, 548, 549, 553—555, 576, 604, 606, 609, 611, 632, 647, 658, 703
 Галятковский, Иоанникий *см.* Иоанникий (Галятковский)
 Ганицкий М. 329
 Гарун-ар-Рашид, багдадский халиф 709
 Гейлорд Х. (*Gajlord H.*) 514
 Гельцер Х. (*Gelcer H.*) 36
 Геннадий, дьякон Хиландарского м-ря, участник посольства в Москву 734
 Геннадий, новгородский архидьякон 571
 Геннадий (Гонозов), архиеп. Новгородский 173, 206, 208, 252, 590, 688
 Генчева Т. 460, 591, 693, 694
 Георгиев С., собиратель рукописей 383
 Георгиев Э. (*E.*) 147
 Георгиева Н. *см.* Гагова-Георгиева Н.
 Георгиевский В. Т. 217
 Георгий II Тертер, болгарский царь 307, 309, 310, 313, 340, 447
 Георгий, митр. Киевский 161, 266, 267, 274, 336
 Георгий Войтех, предводитель антивизантийского восстания в Болгарии 136, 139, 140
 Георгий (Гюрг) Бранкович, сербский деспот 447, 455, 478—480, 583, 585, 605, 689
 Георгий Кастриот Скандерберг («Скедер»), правитель Албании 49
 Георгий Могила, митр. Сучавский 548
 Георгий Новый (Софийский, Кратовский), новомученик 691
 Георгий Памфил, византийский писатель 560
 Георгий Писида, византийский церковный писатель 559
 Георгий Победоносец, великомученик 718

- Георгий, «анагност», сербский книгописец 315, 383, 400
- Георгий, «поп», сербский книгописец 12, 13, 158, 369, 375
- Георгий Радослав, сербский дьяк, книгописец 14, 18, 20, 259, 370, 371, 376, 408, 418, 429, 430, 433—436, 440, 443
- Георгий Скилица, византийский агнограф и гимнограф 139, 147, 585—587, 590, 593, 674, 705, 707
- Геттнер Н. (М.) В.* 427
- Герасим, афонский монах, рассказчик 737
- Герасим, еп. Волынский, Смоленский, митр. Киевский 683
- Герасимов, Дмитрий, дипломат, переводчик 720
- Гервасий, иг. Хиландарского м-ря, книгописец 387, 416, 438, 447
- Гергова Э. (Е.)* 16
- Герман II, патр. Константинопольский 352
- Герман, иг. м-ря Спаса на Берестове 266, 336
- Герман, сербский книгописец 159
- Гильфердинг А. Ф.* 14, 49, 60, 186, 257, 326, 372, 377, 379, 383, 412, 424, 425, 429, 472, 485—488, 511, 566
- Гиппиус А. А.* 179, 555
- Глинские, западно-русский княжеский род 264, 276
- Глинский М. Л., кн. 264
- Гнатенко Л. А.* 44, 45, 284, 341, 427, 545, 687, 688
- Голубинский Е. Е.* 656, 696
- Гольишенко В. С.* 20, 234, 312, 335, 418, 468, 627, 665
- Гольдблатт Х. (Goldblatt H.)* 549, 611
- Горд («Грьд»), сербский жупан 130
- Гордиенко Э. А.* 740
- Горина Л. В.* 704, 707
- Горский А. А.* 283, 740
- Горский А. В.* 23, 33, 50, 52—54, 100, 118, 230, 232, 278, 285, 476, 540, 550, 552, 567, 571, 576, 577, 609, 698, 700
- Грабар Б. (Grabar B.)* 536, 569
- Гранстрем Е. Э.* 32, 98, 179, 190, 258, 300, 335, 348, 373, 405, 420, 538, 539, 540, 550, 581, 608, 633
- Грассо, Иоанн *см.* Иоанн Грассо
- Гргур Бранкович, кесарь, брат Вука 456, 459, 466, 467, 470
- Гргур Бранкович, сын Вука, ктитор м-ря Св. Павла 437
- Гргур Бранкович, сын деспота Георгия (Гюрга) 552, 576
- Гргур Голубич, сербский вельможа 470
- Грекул Ф. А.* 656
- Гриббл Ч. (Gribbl Ch. E.)* 404
- Григорий IX, папа Римский 352, 353, 560
- Григорий, сербский монах-переводчик 534
- Григорий («Григор»), епископ Мисии («Мусии») *см.* Григорий, еп. Нисский
- Григорий Доброписец, византийский писатель-агнограф 561
- Григорий, еп. Нисский (ошибочно — «Мисии»), Отец Церкви 112, 116, 117, 149, 561
- Григорий Палама, архиеп. Фессалоникийский, исихаст, византийский писатель-полемист, св. 540, 558, 559, 571, 606, 651
- Григорий Пресвитер, болгарский книжник, переводчик эпохи царя Симеона 671
- Григорий Синаит, исихаст, византийский церковный писатель, св. 316
- Григорий Философ, монах, церковный писатель, работавший в Киеве 164, 194, 211
- Григорий Цамблак, болгарский, молдавский, русский и сербский церковный писатель, митр. Киевский 182, 194, 277, 454, 520, 521, 526, 527, 534, 553, 574, 584, 585, 590, 593, 596, 597, 671, 673—675, 681—683, 696, 702, 714, 740
- Григорович В. И.* 11, 16, 19, 116, 122, 334, 338, 346, 373, 383, 393, 398, 418, 423—425, 427—430, 459, 481, 561, 607
- Григорович-Барский В.* 719, 726, 736, 742, 743, 745, 746
- Грицевская И. М.* 212
- Гркович (Грковић) М.* 398, 444, 445, 448, 460

- Грмек М. Д. 581
- Грозданович М. см. Грозданович-Пауч (Гроздановић-Пајић) М.
- Грозданович-Пауч (Гроздановић-Пајић) М. 17, 51, 100, 164, 253, 275, 276, 278, 282, 284, 394, 396, 418, 419, 421, 487, 535, 577, 578, 608, 660, 692
- Громова Е. Б. 606
- Грубан, «иерей», болгарский книгописец 343, 344, 347
- Груев И., собиратель рукописей 382
- Груич (Груић) Р. 363, 365
- Грунский Н. К. 152
- Гуначек В. (Нинаџек В.) 160
- Гурий (Тушин), кирилло-белозерский монах, книгописец 665
- Гусева А. А. 101, 669, 737
- Гылыбов (Гъльбов) И. 154, 691
- Гюзелев В. 120
- Гюрг Бранкович см. Георгий (Гюрг) Бранкович
- Гюрг, «поп», сербский книгописец 45
- Гуро Грамматик, болгарский книгописец 320
- Гурова С. 581
- Давид, царь, праотец и прор. 51, 53
- Давид Дисипат, византийский церковный писатель 558, 559
- Давидов А. 33, 187, 658, 662, 689, 691, 693, 694
- Давыдова С. А. 365, 537, 646
- Дагрон Ж. (Dagron G.) 444
- Дамиан, сербский митр. 13, 14, 368, 415
- Дамиан, сербский монах, книгописец 390, 419, 420
- Дамиан, хиландарский монах, книгописец 164, 186, 190, 323
- Даниил, прор. 54
- Даниил, иг., автор «Хождения» 719
- Даниил, патр. Сербский 434
- Даниил II, архиеп. Сербский 368, 673, 712
- Даниил Борисович, князь Нижегородский 619
- Даниил Романович, вел. кн. Галицкий 197
- Данилец Левоокый, сербский книгописец 434
- Даничич Дж. (Даничић Ђ., Daničić Dj.) 258, 299, 300, 364, 483, 692
- Данчев Г. 187, 460, 591, 691, 693, 694
- Даррузес Ж. (Darruzes J.) 573
- Двойченко-Маркова Е. М. 657, 660, 664
- Двора (?), Грамматик, сербский книгописец 153
- Дворакова В. (Dvorakova V.) 160
- Дворник Ф. (Dvornik Fr.) 34, 35
- Делян, Петр см. Петр Делян
- Дендрис, шут императора Феофила 745
- Десподова В. 123, 150, 152, 154, 155, 160, 282, 295, 313, 346—348, 355
- Джанелли О. (Gianelli O.) 355
- Джаффар Бармакид, великий визир Гарунар-Рашида 710
- Джовио П. (Павел Иовий Новокомский), автор сочинения о России 720
- Джорджевич М. (Djordjevic M.) 745
- Джорджич (Ђорђић) П. 18, 150, 151, 373, 374, 376, 401, 403, 415, 416, 419, 421, 441, 443, 445, 447, 460, 462
- Джурич (Ђурић) В. 19, 75, 442, 462, 738, 740
- Джурич (Ђурић) С. 738, 741, 742, 745
- Джурова А. 120, 152, 154—156, 158, 181, 311, 312, 323, 328—330, 332, 340, 341, 348, 373, 398, 403, 404, 483, 514, 547, 550, 581, 607, 614, 628, 630, 646, 667, 668, 687
- Дзиффер Дж. (Ziffer G.) 33, 164, 188, 189, 233, 249, 258, 569, 687
- Дианова Т. В. 190, 335, 445, 512
- Дивош Тихорадиц, сербский книгописец 134
- Димитрий, митр. Ростовский, церковный писатель, св. 681, 687
- Димитрий Кратовец, дьяк, южнославянский книгописец 428
- Димитрий Солунский, великомученик 52—54, 122, 683
- Димитрий Хоматиан, архиеп. Охридский, византийский писатель 117, 142

- Димитрий Ол..., болгарский книгописец 159
- Димитриевич (Димитриевић) Ст. М.* 735
- Димитров П.* 147, 197, 211
- Димитрова А.* 567
- Димитрова М.* 314, 476, 627
- Димо, владелец рукописи 488
- Динев П. Н.* 208, 210, 532
- Динич (Динић) М.* 458, 462, 469
- Диоген, античный философ 256
- Дионисий, сербский монах, книгописец 20, 391, 419
- Дионисий, архим. Спасо-Каменного (?) м-ря 574
- Дмитриева З. В.* 589
- Дмитриева Р. П.* 541, 735, 737
- Дмитриевский А. А.* 12, 386, 390, 391, 393, 403, 404, 412, 414, 428
- Добре, дьяк, сербский книгописец 465
- Добрев И.* 147, 148, 150, 154, 159, 179, 188, 514
- Добреску Н. (Dobresku N.)* 656
- Добриан, болгарский книгописец 343
- Доброхотов П. Н. см. Павел (Доброхотов), еп.*
- Добровский Й.* 666
- Добрыня Ядрейкович *см. Антоний, архиеп.*
- Добрянский Ф. Н.* 21, 27, 31, 32, 35, 44, 545, 568, 594, 686, 688, 691, 695—698, 700, 702
- Дограмаджиева Е.* 153
- Доментиан, сербский монах, агиограф 362, 364, 594, 605, 675, 692
- Доментиан, «поп», молдавский книгописец 653
- Дончева-Панайотова Н.* 460, 554, 591, 604, 693, 694, 701—703
- Дорофей, архиеп. Охридский 656
- Досифей, иг. Соловецкого м-ря, библиофил 589
- Досифей (Топорков), монах Иосифо-Волоколамского м-ря, книжник 711
- Досталь А. (Dostal A.)* 152
- Драгова Н.* 161
- Драгоман, сербский книгописец 159
- Драгослав, «поп», болгарский книгописец 159
- Драгутин, сербский король из динстии Неманичей 370, 433, 449
- Дракула (Влад Цепеш), валашский господарь 649
- Дрэгуч В. (Dragut V.)* 395, 656
- Дубр..., сербский книгописец 159
- Дубровский П. П., секретарь российского посольства в Париже, создатель «Депю манускриптов» 344, 346, 348, 349
- Дуйчев И. С. (Dujčev J.)* 120—122, 161, 197, 330, 334, 373, 398, 475, 549
- Дурандес, Вильгельм (Дюран, Гийом) 252
- Думитрашко Рача Иродион, полковник перееславский 680
- Дурново Н. Н.* 160, 179, 700
- Дучич (Дучић) Н.* 374
- Душан *см. Стефан Душан*
- Дыбо В. А.* 312, 541, 614, 624, 628, 638
- Дылевский (Дилевски) Н. М.* 589, 685, 698, 707
- Дюран, Гийом *см. Дурандес, Вильгельм*
- Евгения, монахиня *см. Милица*
- Евсевий, мч. Тивериопольский (струмицкий) 104
- Евсевий, «слуга» султана Баязита, афонский монах 599
- Евсевий-Ефрем, русский монах-книгописец, работавший в Константинополе и на Афоне 540, 576, 581, 599, 600, 608
- Евсеева Л. М.* 716
- Евстафий Шепель, «мирской человек», книгописец 548, 643, 676
- Евтихий, патр. Константинопольский 111
- Евфимий, патр. Тырновский 146, 299, 526, 533, 542, 585, 593, 597, 673, 674, 682, 705
- Евфимий II, архиеп. Новгородский 233, 545, 550, 637
- Евфимий Зигабен, византийский богослов 559, 651

- Евфросин, кирилло-белозерский монах-книгописец 212, 432, 569, 702, 736
- Елена, императрица, мать Константина Великого, св. 730
- Елена, дочь Радослава Хлапена, жена короля Марка 466, 469
- Елена Анжуйская, сербская королева 730, 744
- Елена (Волошанка), дочь молдавского господаря Стефана Великого, жена вел. кн. Ивана Ивановича Молодого 587
- Елена Глинская, вторая жена вел. кн. Василия III, мать Ивана Грозного 733
- Елена, сербская царица, жена Стефана Душана 571, 739, 744
- Елесиевич (Јелесијевић) С.* 18, 259, 369, 414, 444
- Енин Г. П.* 279, 313, 314
- Ермолай-Еразм, древнерусский писатель 718, 737
- Ермолин В. Д., «гость», подрядчик, автор «Послания от друга к другу» 679
- Ефрем Сирийский, церковный писатель, св. 320, 633
- Жакоб А. (Јасоб А.)* 355
- Желязкова В.* 295
- Живкова Л.* 155, 330
- Живов В. М.* 188, 196, 209, 252, 531, 549
- Живоинович (Живојиновић) Д.* 438, 446, 447
- Живоинович (Живојиновић) М.* 402, 447, 742, 745
- Жуковская Л. П.* 115, 117, 125, 200, 209, 213, 220, 399, 520, 527, 531, 533, 548, 549, 553, 554, 614, 627, 630, 645, 646, 694, 695
- Жучкова И. Л.* 44, 251, 645
- Загребин В. М.* 20, 89—90, 97, 98, 100, 113, 123, 162, 163, 257, 279, 300, 313, 314, 324, 376, 540, 608, 631
- Займов Й.* 148, 460
- Закхей, новгородский монах, игумен, книгописец 432, 442
- Закхей Философ, болгарский книжник-переводчик 212
- Зализняк А. А.* 155, 178, 255, 287, 298, 299, 374, 442
- Замятина Г. И.* 638
- Затаско А. (Я.) П.* 545, 547, 555, 633, 666—669
- Зарубин Н. Н.* 540, 571
- Зафиоров М.* 330
- Захария (Копыстенский), архим. Киево-Печерского м-ря, писатель-полемист 681, 720
- Зернова А. С.* 668
- Зимин А. А.* 637, 657
- Златанова Р.* 576
- Златарский В. Н.* 107, 108, 120—122, 125, 156, 157, 486, 512, 580, 701, 708
- Зоич Никола см. Никола Зоич
- Зосима, дьякон, русский паломник 719
- Зыков Э. Г.* 35
- Иаков**, архиеп. Сербский 159
- Иаков, иеромонах, сербский книгописец 124, 421
- Иаков Доброписец, афонский монах-переводчик 559, 576, 600
- Иван (Иоанн) Вишенский, украинский монах, писатель-полемист 689
- Иван III Васильевич, вел. кн. Московский 587, 588, 620, 639
- Иван IV Васильевич Грозный, царь 540, 560, 571, 660, 667, 718, 720, 721
- Иван Данилович Калита, вел. кн. Московский и Владимирский 709—712
- Иван Иванович Молодой, вел. кн. Московский, сын Ивана III 587
- Иван Иванович, царевич, сын Ивана Грозного 718
- Иван Михайлович, вел. кн. Тверской 574
- Иван Пересветов см. Пересветов Иван
- Иван Федоров, первопечатник 655
- Иванов А. И.* 736, 737
- Иванов Й.* 45, 49, 58, 62, 102, 123, 147, 148, 151, 157, 159, 162, 180, 374, 427, 486, 502, 503, 511—513, 708, 717, 741

- Иванов С. А.* 45, 86, 99, 120, 124, 157, 161, 178-181, 196, 232, 252, 280, 376, 513
- Иванова (Иванова-Константинова) К.* 17, 32, 85, 123, 148, 163—165, 180, 188—190, 228, 257, 277, 278, 281, 282, 299, 308, 309, 312, 314, 317, 320, 324, 330—332, 340, 343, 346—349, 353, 371, 372, 377, 402, 442, 444, 515, 516, 537, 540, 553, 575, 577, 579, 580, 582, 583, 607, 608, 631, 656, 658-660, 662, 666, 667, 669, 692, 694, 701, 702, 717
- Иванова М. В.* 233, 531
- Иванова-Константинова К. см. Иванова К.*
- Иванова-Мирчева Д.* 34
- Иванович (Ивановић) М.* 458
- Ивич (Ивић) П.* 398, 442, 444, 445, 448, 460
- Ивой («Ивое»),* сербский вельможа, чельник царицы Елены 587
- Игнатий, еп. Ростовский* 636, 698
- Игнатий Смольнянин, паломник, древнерусский писатель* 719
- Иезекииль, прор.* 53
- Иеремия, прор.* 53
- Иеремия, болгарский еретик, писатель* 127
- Иеремия, вельможа деспота Стефана Лазаревича* 478, 479
- Изергин В.* 255
- Икономова А.* 152, 157, 311, 328, 428, 475, 516, 555, 572, 576, 656, 699
- Икономова Ж.* 160, 514, 690
- Иларий, иеромонах* 572, 591, 646
- Иларион («Иларий»), игумен Пелекитский* 121
- Иларион Великий, св.* 111, 296
- Иларион, митр. Киевский, церковный писатель* 30, 241, 244, 265, 296, 535, 567
- Иларион, еп. Меґленский (Могленский, Мыґленский), св.* 128, 534
- Иларион, иг. Русского Пантелеймонова м-ря на Афоне* 434
- Илиевская К.* 571
- Ильинский Г. А.* 152, 447, 481
- Илья-Иоанн, еп. Новгородский* 288
- Иоаким, дьякон, книгописец* 696
- Иоаким, «великий старец Святыя горы», автор послания иг. Спиридону* 248, 289, 290—292, 363
- Иоаким, игумен Русского Пантелеймонова м-ря на Афоне* 721, 729, 737, 741
- Иоаким I, патр. Тырновский* 248, 291
- Иоаким Осоговский (Сарандапорский), южнославянский подвижник, св.* 142
- Иоанн II, митр. Киевский* 266
- Иоанн (Иван) Александр, болгарский царь* 134, 316, 327, 333, 337, 338, 543, 559, 607, 616, 638, 654, 663
- Иоанн (Иван) Асень I, болгарский царь* 157, 705
- Иоанн (Иван) Асень II, болгарский царь* 111, 126, 136, 139, 147, 248, 291, 327, 336, 705, 714
- Иоанн, «анагност», хиландарский книгописец* 391
- Иоанн, игумен Пателерийского м-ря* 168
- Иоанн, «поп», болгарский книгописец* 154
- Иоанн, «старец», болгарский переводчик* 616
- Иоанн, «старец», хиландарский монах* 436
- Иоанн Бранкович, сербский деспот, св.* 731
- Иоанн Владимир, сербский кн., мученик* 109, 139, 187
- Иоанн Владислав, западноболгарский царь из династии комитопулов* 128, 139
- Иоанн Грассо, имперский нотариус в Отранто, писатель* 351, 352, 354, 356, 560, 578
- Иоанн Дамаскин, церковный писатель, св.* 22, 73—79, 81, 82, 85, 345, 559, 725, 726, 730
- Иоанн Дебрский, архиеп. Охридский* 136, 137, 158
- Иоанн-Драгослав, болгарский книгописец* 159
- Иоанн Златоуст, еп. Константинопольский, Отец Церкви* 22, 41, 119, 204, 246, 248, 364, 682, 731
- Иоанн Зонара, византийский канонист* 650
- Иоанн-Иоанникий, сербский монах-книгописец* 124, 125

- Иоанн Кантакузин (монах Иоасаф), византийский император, писатель-полемист 560, 606, 651
- Иоанн Кравноносый, «поп», болгарский книгописец 159
- Иоанн Новый Белградский (Белгородский, Сучавский), мученик 674, 680
- Иоанн Оливер, вельможа царя Душана, деспот 456, 460
- Иоанн Поливотский, св. 128
- Иоанн Предтеча, прор. 105, 113
- Иоанн Пресвитер, болгарский книжник, переводчик 145, 159
- Иоанн Рыльский, болгарский святой, основатель Рыльского монастыря 58, 103, 127, 142, 147, 148, 197, 680, 705, 707
- Иоанн Углеша, сербский деспот из династии Мрнявчевичей 449, 459, 467, 722, 739
- Иоанн Урош, сын Симеона, царь из династии Неманичей 458
- Иоанн Цимисхий, византийский император 201
- Иоанн Экзарх Болгарский, церковный писатель и переводчик 34, 103, 110, 117, 119, 143, 149, 202, 204, 559, 671
- Иоанникий, иг. монастыря Студеница 290, 291
- Иоанникий (Галятовский), иеромонах, ректор Киево-Могилянской академии, писатель 726, 742, 744
- Иоасаф, монах см. Иоанн Кантакузин
- Иоасаф, легендарный индийский царевич, герой «Повести о Варлааме и Иоасафе» 187
- Иоасаф, архиепископ Ростовский 590, 688
- Иов, сербский книгописец 323, 332, 421
- Иов Шишатовец, сербский монах, книгописец 515
- Иона, архиепископ Новгородский 545, 621
- Иона, митрополит Московский («Киевский и Всея Руси») 678, 679
- Ионеску-Нишков Т. (Ionescu-Nișkov T.)* 669
- Иосиф, еп. Хвостненский 12
- Иосиф, архим.* 297, 588
- Иосиф, иг. нижегородского Печерского м-ря 619
- Иосиф Волоцкий, основатель Волоколамского монастыря, писатель-полемист 585, 586,
- Иосиф Вриенний, византийский писатель-полемист 560, 606, 651
- Иосиф Краснописец, монах Болдина Дорогобужского м-ря, писатель, каллиграф 719, 737, 738
- Иосиф Флавий 241
- Иречек (Jurечек) К.* 17, 122, 375, 459
- Исаевич (Исаевич) Я. Д.* 700
- Исайя, афонский монах 588
- Исайя Гаврилович из с. Лешок, «поп», читатель рукописи 487
- Исайя Каменчанин, украинский монах, писатель, книгописец 697
- Исайя Серрский, сербский монах-переводчик 164, 534, 600, 601, 610
- Исаченко А. В. (Isačenko A. V.)* 215
- Исидор, митрополит Киевский 620
- Испор, «царь болгарский» 503
- Иустиниан см. Юстиниан
- Ищенко Д. С.* 535, 538
- Йован (Jован) Чулибрк (Ђулибрк), иером.* 313
- Йованович Б. см. Йованович-Ступчевич Б.*
- Йованович (Jовановић) Т.* 125, 159, 187, 271, 281, 282, 284, 300, 391, 396, 403, 405, 514, 735, 741, 743
- Йованович-Ступчевич (Jовановић-Ступчевић) Б.* 189, 253, 274, 281, 299, 394, 396, 397, 441, 577, 578, 660
- Йовчева М.* 19, 45, 72, 97, 152, 161, 163, 180, 181, 222, 228, 229, 231, 232, 251, 259, 278—280, 295, 334, 335, 340, 420, 429, 430, 445, 467, 476, 512, 576, 669
- Йорга Н. (Iorga N.)* 469, 658, 671
- Йорданова М.* 702
- Казан М. Д.* 494, 574, 702, 736, 737
- Каждан А. П.* 469

- Казакевич А. Н.* 692, 693, 695, 702
Казакова Н. А. 647, 692
Казачков Ю. А. 85
 Казимир Ягеллон, король Польский, великий князь Литовский 679
Каймакамова М. 148, 161, 162, 688
Калайдович К. Ф. 317, 329, 332, 516, 701
Калезич (Калезић) Д. М. 362, 365
Калиганов И. И. 199—201, 203, 208, 209, 691
 Калликл см. Николай Калликл
 Каллиник, русский монах-книгописец, работорговщик на Афоне 543
 Каллист I, патриарх Константинопольский 212, 213, 241, 345, 558, 559, 561, 682
 Калоян, болгарский царь из династии Асеней 147, 157, 705, 716
Калоянов А. 258
Калугин В. В. 461
Калужняцкий Е. (Э.). И. (Kaluźniacki E.) 351, 353, 354, 579, 585, 589—591, 656, 657, 669, 689, 707, 708, 717
Капальдо М. (Capaldo M.) 164, 371, 372, 630
Кантерев Н. Ф. 197
 Караджич (Карађић) В. С., сербский филолог, фольклорист, собиратель рукописей 381
Караджова Д. 157, 311, 312, 317, 321, 328—331, 399, 418, 428, 446, 475, 516, 555, 572, 576, 577, 656, 690, 699
 Каралюк, вельможа деспота Стефана Лазаревича 478—480
Карамзин Н. М. 712
Каринский Н. М. 150
Карский Е. Ф. 158, 333, 397, 421, 566, 604, 628—630
 Кассиан, иг. Кирилло-Белозерского м-ря 643
 Кассиан, монах, молдавский книгописец 667
 Кассиан (Румянцев), монах Кирилло-Белозерского м-ря, путешественник 540,
Катич (Катић) Р. 475, 477, 581
Кашанин М. 462, 469
Кенанов Д. 300, 591, 689, 694, 701, 716
 Киприан, болгарский и русский церковный писатель, митр. Киевский 205, 211, 276, 299, 520, 521, 524, 539, 542, 543, 550, 562, 574, 584, 585, 596, 600, 601, 604, 610, 665, 682, 705, 738
 Кирилл, «поп», владелец рукописи 487
 Кирилл Белозерский, основатель м-ря, св. 547, 622, 625
 Кирилл, еп. Александрийский, Отец Церкви, св. 31
 Кирилл Белозерский, основатель м-ря, св. 547, 622, 625
 Кирилл, еп. Катанский см. Вирилл, еп. Катанский
 Кирилл II, митр. Киевский 197, 661
 Кирилл, митр. Мелникский 460
 Кирилл, еп. Туровский, церковный писатель, св. 194, 241, 242, 244, 254, 263, 489, 508, 509, 609
 Кирилл Пейчинович, иг. Успенского м-ря в с. Лешок, деятель национального возрождения 486—488, 491, 511, 513
 Кирилл Философ см. Константин (Кирилл) Философ
Киселков В. С. 580
Кистерев С. Н. 549, 550
Клеминсон Р. (Cleminson R.) 44, 124, 396, 398, 659
Клепиков С. А. 627
 Климент, еп. Анкирский, священномученик 113
 Климент («Клим»), еп. Охридский (Величский, Словенский), ученик Кирилла и Мефодия, церковный писатель 32, 33, 44, 50, 52, 59, 60, 62, 71—80, 95, 96, 102, 103, 110, 126, 127, 140, 142, 149, 160, 164, 169, 170, 174, 175, 184, 185, 189, 202—204, 210—212, 221, 222, 224, 226, 227, 229, 233, 235, 257, 270, 298, 345, 372, 465, 486, 494, 515, 641, 659, 671, 686, 687
Клосс Б. М. 211, 482, 540, 541, 589, 592, 594, 599, 645, 696, 704, 707, 713
Ключевский В. О. 712
Князевская О. А. 99, 153, 253, 298, 300, 311, 312, 314, 534, 539, 568, 571, 609, 610

- Кобилич (Кобылич), Милош см. Милош Обилич
- Кобяк Н. А.* 296, 646
- Коваль Н. С.* 99, 253, 300
- Ковачева П.* 460, 591, 693, 694
- Ковачевич Л. (Ковачевић Љ.)* 269, 271, 289, 443, 570
- Ковачевич (Ковачевић) Р.* 693
- Ковязина Н.* 116, 149
- Кодов Х.* 18, 97, 123, 150, 153, 154, 157, 158, 179, 180, 258, 300, 329—331, 340, 355, 376, 389, 402, 412, 416, 420, 421, 443, 550, 555, 577, 665—667, 690, 699
- Кожухаров С.* 18, 53, 54, 56, 79, 87, 101, 123, 148, 153, 157, 158, 180, 185, 191, 224, 228, 232, 234, 329—331, 376, 416, 443, 550, 577, 665, 667, 690, 699
- Козьма, еп. Маюмский, церковный писатель, св. 73—76, 79, 85, 86, 345, 559
- Козьма Пресвитер, болгарский писатель-полемист 23, 117, 127, 128
- Койчева Р. 98, 99
- Колесов В. В.* 298
- Коляда Г.* 656
- Кондаков Н. П.* 745
- Конески Б.* 157
- Конзал В. (Konzal V.)* 160, 179
- Константин Асень Тих, болгарский царь 336
- Константин Бодин, кн. Зеты 139
- Константин Великий, римский император, св. 269, 724, 730
- Константин Костенецкий (Константин Философ), болгарский и сербский писатель 173, 454, 478, 480, 481, 483, 524—526, 534, 559, 563, 564, 597, 603, 675, 711, 740
- Константин, еп. Мокисийский, византийский церковный писатель 641
- Константин, еп. Преславский (Болгарский), ученик Кирилла и Мефодия, церковный писатель 30, 43, 57—59, 61, 62, 79, 80, 85, 87, 90, 93—96, 102, 121, 135, 143—145, 169, 185, 202, 205, 208, 213, 221, 226, 227, 345, 370, 465, 499, 671
- Константин (Кирилл) Философ, просветитель славян, создатель славянской азбуки, св. 11, 16, 21, 22, 28—30, 34, 36, 50, 58, 59, 61, 62, 79, 89, 95, 96, 105, 109, 111, 112, 115, 123, 143, 144, 162, 166, 169, 173, 176, 182—184, 188, 211, 220, 222, 223, 226, 227, 288, 317, 383, 385, 408, 443, 660
- Константинеску Р. (Constantinescu R.)* 549, 657, 658
- Константинова В.* 688
- Копитар(ь) В. (Е.), словенский филолог, собиратель рукописей 379
- Копыленко М. М.* 418
- Корач (Кораћ) В.* 299, 402, 459, 582, 739, 745
- Корецкий Богуш, кн. 22
- Корин П. Д., художник, коллекционер 742
- Коробенко Л. А.* 153
- Корогодина М. В.* 571
- Королькова Е. Г.* 418
- Костич (Костић) Д.* 226, 234
- Костова Р. 45, 151
- Костюхина Л. М.* 20, 316, 335, 418, 468, 542, 543, 554, 555, 627, 629, 665
- Котошихин Г. К., подьячий, автор сочинения о России 720
- Коцева Е.* 115, 116, 149, 326, 329, 331, 333, 334, 336, 549, 665
- Коцел, кн. Блатенский 28, 29
- Кошелева О. Е.* 99, 253, 300
- Кравченко Ж. Н.* 418
- Крайков Яков, южнославянский типограф 92
- Красносельцев Н. Ф.* 312, 589, 707
- Крашенинникова О. А.* 161, 163
- Кривко Р. Н.* 229, 284, 340
- Кронштайнер О. (Kronsteiner O.)* 151, 178
- Крумлинг А. А.* 212
- Крутова М. С.* 299
- Крушельницкая Е. В.* 347, 348, 589, 645, 737
- Крыстанов (Кръстанов) Т.* 115, 125, 150, 154, 179, 234, 335, 393, 405
- Крысько В. Б.* 415
- Ксен, еврей, литературный персонаж 560

- Куален А. де Камбоу, герцог, коллекционер 346—348
- Кувев К. 16, 45, 187, 311, 329, 331, 333—336, 341, 356, 373, 420, 428, 429, 447, 458—460, 469, 481—484, 499, 549, 577, 591, 614, 626, 628, 659, 693, 712
- Кузидова И. 255, 256, 275, 277, 573
- Кузьмина В. Д. 512, 592
- Кукушкина М. В. 692
- Кулин, бан Боснии 190
- Кульбакин С. М. 116
- Куна Х. (Кипа Н.) 150, 155, 397
- Курицын Федор, московский дьяк, дипломат, еретик 587, 593
- Кухарский А., польский славист, собиратель рукописей 482
- Кучкин В. А. 32, 539, 541
- Кушелев-Безбородко Г. Г. 281
- Кэмпфер Ф. (*Kämpfer F.*) 734, 745
- Лаврентий, болгарский монах-кинописец 317—325, 331, 339—341, 543
- Лавров П. А. 19, 23, 33—35, 61, 62, 97, 123, 124, 148, 150, 151, 153—155, 157, 160, 188, 300, 311—315, 325, 329, 333—336, 341, 373, 374, 392, 395, 404, 415, 417, 418, 420, 421, 424—426, 445, 448, 465, 468, 483, 543, 566, 580, 613, 614, 617, 618, 624, 626—628, 630, 631, 636, 638, 665
- Лада О. В. 372
- Лазарев В. Н. 606, 624, 637
- Лазаревичи, династия сербских правителей 731
- Лазарь (Хребелянович), сербский кн., св. 434, 436, 437, 439, 450, 456, 457, 467, 470, 731, 733
- Лазарь, сын Вука Бранковича 478
- Лалева Т. 159, 688
- Ламброс С. (*Lambros S.*) 451, 459
- Ласкарис М. 157
- Лаурина В. К. 740
- Лебедев А. В., участник советской научно-исследовательской экспедиции на Афон 452
- Лебедева И. Н. 329, 330, 608, 628
- Лев IX Хазарин, византийский император 272
- Лев, друнгарий, отец Константина-Кирилла и Мефодия 50
- Лев Кревза, униатский митр., писатель-полемист 681, 700
- Лев Филолог см. Аникита Лев Филолог
- Левшина Ж. Л. 372
- Лемерль П. (*Lemerle P.*) 444
- Леонид, архим. (*Кавелин*) 191, 300, 311, 312, 373, 374, 392, 404, 536, 548, 567, 572, 663, 701, 735—736, 738, 742
- Леонтий, еп. Ростовский, св. 636, 696, 697
- Лесный Я. (*Lesny J.*) 157, 160
- Лёвочкин И. В. 33
- Лёнерц Р.-Й (*Loenertz R.-J.*) 355
- Лидов А. М. 735
- Литвина А. Ф. 45
- Лишиц А. Л. 123, 229, 233, 257, 532, 547, 548, 568, 629, 636
- Лишиц Л. И. 156, 545, 547
- Лихачев Д. С. 188, 196, 275, 531, 532, 604
- Лихачев Н. П. 243, 253, 254, 281, 323, 324, 326, 330, 332, 335, 414, 421, 482, 540, 554, 566, 627, 646
- Лихачева О. П. 123, 229, 246, 296, 365, 394, 420, 422, 582, 628
- Лобанов-Ростовский А. Б., дипломат, коллекционер 293
- Логвин Г. Н. 666, 667
- Ломагистро Б. (*Lomagistro B.*) 538
- Ломизе Е. М. 351, 356, 552, 572, 573, 578
- Лонгин, сербский зограф и гимнограф 724
- Лопарев Х. М. 735
- Лосева О. В. 20, 116—119, 122, 149, 191, 259, 274, 277, 278, 296, 417, 635, 700
- Лука, ап., евангелист 726
- Лука, «поп Вишненский» (ошибочно: Винницкий, Липецкий), украинский кинописец 550, 666
- Лука Смольнянин, кинописец 542
- Лукин П. Е. 549, 611
- Лукьянов В. В. 701

- Лурье В. М. 161—162
 Лурье Я. С. 570
 Любарский Я. Н. 120
 Мавродинова Л. 155
 Мавро Орбини см. Орбини Мавро
 Мазарини Дж., французский кардинал, со-
 биратель рукописей 345
 Макарий, архиеп. Новгородский, митр.
 Московский и Всея Руси, св. 208, 586,
 Макарий, архим. (Веретенников) 737—738
 Макарий, еп. Луцкий 645, 677
 Макарий, монах-«зограф» 722
 Макарий, иером., болгарский книгописец
 159
 Макарий, митр. (Булгаков) 117, 280, 688, 698
 Макарий, митр. Романский, молдавский
 книжник 560
 Макариоска Л. 313
 Макеева И. И. 251, 260, 686
 Мак-Роберт К.-М. (Mac-Robert C.-M.) 153
 Максенций, римский император 724
 Максим Бранкович (в миру деспот Геор-
 гий), митр., св. 732
 Максим Грек (Михаил Триволис), афон-
 ский монах-переводчик, писатель, ра-
 ботавший в Москве, св. 195, 332, 596
 Максим Исповедник, византийский бого-
 слов, св. 567, 651
 Максимович Й. (Максимовић Ј.) 155, 157,
 395, 398—400, 402, 416, 417, 446
 Максимович К. А. 277, 365
 Мальцева А. А. 281
 Мамоничи, вильнюсские издатели 668
 Мано-Зиси К. 397, 399, 403, 420, 421, 431,
 441
 Мануил I Комнин, византийский импера-
 тор 104
 Мануил III, трапезундский император 730
 Мара Бранкович, дочь деспота Георгия
 (Гюрга) 443, 583
 Маргетич (Маргетић) Л. 579
 Мардарий Рыльский, монах, южнославян-
 ский книжник 428
 Мареш А. (Mareş A.) 663, 668
 Мареш Ф. В. (Mareš F. V.) 89, 96, 569
 Марино Филаньери, еп. Бари («Варейский»)
 352
 Марк, «таха монах», хиландарский книго-
 писец 392, 419
 Марк («Марко кралевич»), сербский король
 из династии Мрнявчевичей 449—451,
 460, 461, 465—467, 469, 470
 Марк, митр. Эфесский, св. 552, 558
 Маркович (Марковић) Б. 364, 435, 579
 Маркович (Марковић) В. 364
 Маркович (Марковић) М. 435, 445
 Марти Р. (Marti R.) 196, 256, 628
 Мартиниан («Мартинианище»), ученик Ки-
 рилла Белозерского, монах-книгописец
 625, 639
 Марьянович-Душанич (Марјановић-Душа-
 нић) С. 445
 Матеич М. (Matejić M.) 416, 417, 699
 Матеич П. (Matejić P.) 163, 395, 402, 404
 Матејко Л. (Matejko L'.) 254, 467
 Маттхес Э. (Matthes E.) 396, 399
 Матфей Властарь, византийский канонист
 560
 Матфей (Ольшанский), монах, библиоте-
 карь Русского Пантелеймонова м-ря на
 Афоне 406, 414
 Маясова Н. А. 745
 Медакович (Медаковић) Д. 254, 631, 667,
 738
 Медведев И. П. 364
 Мемнон, русский монах-книгописец 249,
 612, 613, 616-618, 621-625
 Мефодий, архиепископ Моравский, про-
 светитель славян, брат Кирилла Фило-
 софа 29, 44, 47, 50—53, 56, 58, 59, 61,
 62, 79, 89, 90, 95, 102, 109, 111, 112,
 123, 143, 144, 166, 169, 173, 176, 182,
 183, 186, 220, 222, 223, 227, 465, 660
 Мефодий, болгарский книгописец 616
 Меццерский Н. А. 284
 Миклас Х. (Miklas H.) 45, 153, 180, 196,
 209, 243, 249—251, 253, 259, 263, 271,

- 274, 275, 278—280, 285, 295, 316, 317, 327, 329, 331, 333, 341, 349, 376, 443, 514, 533, 536, 550, 577, 627, 628, 667, 690, 699
- Миклошич Ф. (Miklosich Fr.)* 22, 393
- Милица (в монашестве Евгения), жена сербского кн. Лазаря, мать Вука и Стефана 434, 437, 444
- Милош Обилич (Кобилич, Кобылич), герой Косовской битвы 478, 480, 481
- Милошевич (Милошевић) Д.* 155
- Милтенов Я.* 536, 567
- Милтенова А.* 124, 161, 253, 260, 281, 284, 475, 513
- Милутин (Стефан Урош II), сербский король из династии Неманичей 14, 15, 47, 86, 147, 160, 300, 308, 368—370, 381, 385, 407, 415, 426, 430, 433, 435, 438, 442, 449, 510, 512, 730—732
- Милькович (Мильковић) Б.* 721, 722, 738, 739, 741, 745
- Милькович-Пепек (Мильковић-Пепек) П.* 739
- Мильчик М. И.* 589
- Минчева А.* 121, 328, 538, 539
- Миодраг П.* 280, 446
- Миркович (Мирковић) Л.* 75, 123
- Мирослав, сербский кн., брат Стефана Немани 450
- Мирослав, кузнец 466, 468
- Мирча Старый, господарь Валахии 466
- Мирча Й.-Р. (Mircea I-R.)* 353, 354, 356, 575, 578, 594
- Мирчев К.* 154, 179
- Мирчева Б.* 60, 147, 232, 234, 467
- Мирчева Е.* 33, 97, 98, 100, 102, 281, 283
- Митриевски Л.* 295, 313
- Митрофан, иг. «Великой лавры Богородицы» 338, 345
- Михаил, архангел 109, 113, 170, 727, 728
- Михаил, еп. Рашский 159
- Михаил Вальсамон, византийский церковный писатель 561, 651, 674
- Михаил Воин (Михаил из Потуки), болгарский святой-змееборец 148
- Михаил VIII Палеолог, византийский император 171, 561, 734, 740
- Михаил Ярославич, великий князь Тверской и Владимирский 678, 698
- Михаилэ Г. (Mihăilă G.)* 575, 658
- Михальчич (Михальчић) Р.* 148, 458—460, 462, 469, 470, 484
- Миханович А., австрийский консул, коллекционер 12
- Михо «грешный», сербский книгописец 395, 418
- Мишич (Мишић) С.* 438, 447, 448
- Мищенко (Мишченко) Ж.* 329, 330, 333, 334, 665
- Миятев К.* 122
- Младен, сербский вельможа, воевода, родоначальник Бранковичей 280, 454
- Младенович (Младеновић) А.* 373, 399, 434, 441, 442, 444, 446, 447
- Мнева Н. Е.* 606, 624, 637, 716, 717
- Моисей, прор. 51, 288
- Моисей, предполагаемый автор поучения о бездождии 287, 288, 298
- Молдован А. М.* 246, 257, 275, 277, 301, 541, 545
- Моле В. (Mole V.)* 163, 198, 252
- Молов Т.* 258
- Момина М. А.* 421
- Момирович (Момировић) П.* 371, 372, 512
- Морозов Б. И., боярин 636
- Морозов Б. Н.* 571
- Морозов Д. А.* 482, 632
- Морозова Н. А.* 44, 545, 670, 671, 685, 686, 689, 691, 695—697, 717
- Мострова Т.* 333, 552, 607
- Мошин В. А. (Mošin V.)* 17—20, 98, 113, 118, 120, 123—125, 131, 148, 154—158, 160, 165, 178, 180, 250, 252, 258, 263, 275, 277, 278, 282, 293, 294, 296, 300, 308, 311—313, 320, 329, 330, 333, 341, 351, 355, 365, 371, 366, 377—379, 381, 397—400, 416, 417, 420, 426, 435, 445, 447, 448, 462, 483, 487, 516, 533, 549, 550, 566, 578, 592, 605, 610, 614, 627,

- 628, 631, 657, 664, 665, 668, 669, 712, 713
- Мошкова Л. В.* 16, 44, 47, 73—76, 86, 99, 102, 125, 157, 164, 190, 229—231, 233—235, 251, 253, 266, 278, 300, 332, 336, 340, 348, 363, 365, 366, 396, 414, 415, 443, 468, 469, 632, 636, 645, 664, 691, 698, 699, 716
- Мрдженевич (Мрђеновић) Д.* 155
- Мстислав Андреевич, князь, сын Андрея Боголюбского 201
- Мур В. (Moore V.)* 716
- Муравьев А. Н.* 197, 540, 581, 592, 599, 736
- Мурад, турецкий султан 478, 480
- Мурьянов М. Ф.* 220, 229
- Муса («Мисия»), турецкий султан 478
- Муса, конюший султана Мусы («Ранноки-сум») 478—480
- Мусакова Е. (Moussakova E.)* 44, 150, 152, 154
- Мусиконнар (-кониар) см. Муса, конюший султана Мусы
- Мухаммед, прор, основатель ислама 560
- Мушинская М. С.* 570
- Мыцко И. (Мицько І.)* 3. 695
- Мюллер П. (Müller P.)* 745
- Назаренко А. В.* 36, 45
- Найденова Д.* 572
- Насонов А. Н.* 36
- Наум Охридский, ученик Кирилла и Мефодия, гимнограф 59, 79, 80, 85, 87, 126, 129, 140, 142, 169, 175, 176, 185, 225—227
- Наумов А. (Naumow A.)* 188, 196, 232, 233, 533, 551, 670—674, 679—681, 685—689, 698—701, 703, 716, 737
- Наумов Е. П.* 458, 459, 462, 470, 591, 688, 693, 704, 707
- Невзорова Н. Н.* 645
- Неволин Ю. А.* 117, 312, 547
- Невоструев К. И.* 23, 33, 50, 52—54, 100, 116, 118, 230, 232, 285, 476, 540, 550, 553, 567, 571, 577, 609, 630, 698, 700
- Неделькович О. (Nedelković O.)* 189, 215
- Неделькович Я. (Недельковић Ј.)* 18, 373, 376, 399, 443
- Недомачки В.* 313, 396
- Недялкова А.* 330
- Некрасов А. И.* 668
- Неманичи, династия сербских правителей 126, 128, 146, 169, 173, 174, 182, 187, 300, 450, 456—458, 509
- Немировский Е. Л.* 656, 666, 668, 697
- Неофит, сербский еп. 159
- Нестор, монах Киево-Печерского м-ря, летописец 209
- Никанор, духовник м-ря Хиландарь 726, 741
- Никита, митр. Ираклийский, византийский церковный писатель 240, 263
- Никита (Семешков), еп. Коломенский 633
- Никифор Каллист Ксанфопул, византийский церковный писатель 537, 560, 562
- Никодим, архиеп. Сербский 416
- Никодим, иг. Русского Пантелеймонова м-ря на Афоне 434
- Никодим, игумен Тисманского м-ря 664
- Никодим, патриарх «Срьблем и Поморию» 552
- Никола, еп. Дебрский 368
- Никола, игумен м-ря Студеница, сербский книгописец 367, 368, 370, 371, 376, 399
- Никола Алтоманович, сербский феодальный властитель 467
- Никола Балдовин Багаш, зять Радослава Хлапена 466, 469
- Никола Зоич, мятежный вельможа деспота Стефана Лазаревича 483
- Николаев Н. В. (Никалаеу М. В.)* 543, 547, 665—667, 695
- Николаев С. Л.* 565
- Николай I, папа Римский 106
- Николай III Грамматик, патр. Константинопольский 557
- Николай (Генералов), иеромонах, антипро-соп Русского Пантелеймонова м-ря на Афоне 407

- Николай, «грешный иерей», писец греческой записи 114
- Николай, «пресвитер», болгарский книгописец 159, 160
- Николай Калликл, византийский писатель 471—473, 558
- Николай-Нектарий Огрантский («Гидрунтский», «Идрунтский»), иг. греческого м-ря в Казоле 351, 352, 354, 356, 560
- Николай Чудотворец, еп. Мирликийский, св. 249, 259, 267, 268, 508—509
- Николова Б.* 180
- Николова С.* 19, 20, 72, 198, 233, 254, 256, 278—280, 285, 321, 322, 328, 331, 333—335, 341, 346, 355, 420, 429, 430, 445, 446, 448, 467—469, 476, 489, 512, 514, 515, 539, 576, 582, 659—660, 669
- Никольский А. И.* 660, 694, 695, 699
- Никольский, Василий украинский писатель-полемист 264
- Никольский Н. К.* 21, 22, 30, 32, 34, 197, 202, 243, 253, 254, 278, 279, 421, 515, 567, 590, 591, 638, 639, 693, 702
- Никон, «местич Виленский», владелец Друцкого Евангелия 545
- Никон, патр. Московский и Всея Руси 636
- Никон, патр. Сербский 484
- Нил Кавасилла, митр. Фессалоникский, византийский писатель-полемист 540, 558, 606
- Нил Курлятев (Курлятевых), монах-книжник, ученик Максима Грека 596
- Нил Сорский 529
- Нихоритис К.* 417, 699
- Новак Белоцерквич, мятежный вельможа деспота Стефана Лазаревича 483
- Новакович (Новаковић) Р.* 187, 483
- Новакович (Новаковић) С. (Novaković S)* 483, 506, 508
- Новотни С.* 295, 313
- Ной, праотец 507
- Обилич Милош см. Милош Обилич
- Овчинникова-Пелин В. С. 330
- Огицкий Д. П.* 580, 691, 713
- Олешка Палкин, кирилло-белозерский книгописец 599
- Оливер, сербский книгописец 159
- Ольга, вел. княгиня Киевская 109
- Орбини, Мавро, далматинский историк 457, 467
- Останчук Е. (Ostapczuk J.)* 397
- Острогорский Г. А.* 180, 458, 459, 462, 470, 739
- Охотина-Линд Н. А.* 442
- Павел**, ап. 109, 110, 728
- Павел (Доброхотов П. Н.), еп.* 612, 626, 686
- Павич Дж. (Pavić J.)* 61, 226, 234
- Павликянов К. (Pavlikianov C.)* 736
- Павлов А. С.* 255, 364
- Павлов Ст., священник, даритель рукописи 409
- Павлова Р. (Pavlova R.)* 118, 147, 149, 158, 161, 189, 196, 246, 257, 268, 277, 295, 299, 336, 366
- Павлова-Сильванская М. П.* 716
- Павлович (Павловић) Л.* 118, 149, 160, 162, 484, 515, 516, 735
- Пансий, иг. афонского Пантелеймонова м-ря 588
- Пансий (Величковский), подвижник, переводчик, св. 664
- Пансий Хиландарский, монах, историк 744
- Палаузов С. Н.* 356, 572, 701
- Палеологи, византийская императорская династия 733
- Палкин Олешка см. Олешка Палкин
- Панаитеску П. (Panaitescu P.)* 233, 285, 577, 578, 580, 608, 609, 660—665, 690, 691
- Панин Л. Г.* 213, 533
- Панич (Панић) Д.* 86
- Панкова (Черниловская) М. М.* 190, 446, 465, 468, 469, 472, 473
- Панкратова Н. Н.* 117
- Пантелич М.-А. (Pantelić M.-A.)* 152
- Папаскири З. В.* 34

- Параскева, мученица Римская 111
- Параскева (Петка) Тырновская (Эпиватская, Сербская), византийская святая, особо чтимая в Болгарии, Сербии и Румынии 111, 113, 118, 122, 128, 197, 534, 682, 705, 714
- Параскева Пятница, мученица Иконийская 111
- Паренти С. (Parenti S.)* 150
- Парпулов Г.* 313
- Парфений Уродивый, церковный писатель, предполагаемый псевдоним царя Ивана Грозного 195
- Паскаль А. Д.* 180, 251, 332, 442, 549, 551, 575, 650, 657, 658, 662, 666
- Пафнутий, «старец», монах Троице-Сергиева м-ря, книгописец 543
- Пафнутий Боровский, основатель м-ря, св. 709
- Пахомий Логофет, сербский монах, агрограф и гимнограф, работавший на Руси 520, 521, 526, 527, 562, 570, 584, 585, 596—598, 605
- Пашуто В. Т.* 696
- Пелин В. С. см. Овчинникова-Пелин В. С.*
- Пенкова П. (Penkova P.)* 90, 95, 97—99, 101
- Пентковский А. М.* 178, 349, 581
- Перени И.* 740
- Пересветов, Иван, публицист, автор посланий 649
- Петка см. Параскева
- Петканова Д.* 16, 281, 314, 374, 475
- Петков Г.* 162, 187, 447, 458—460, 469, 481—484, 537, 538, 549, 577, 582, 591, 601, 607, 610, 640, 641, 643—647, 659, 693—695, 712
- Петкович (Петковић) С.* 32, 252, 514, 515, 577, 734, 738, 740, 745
- Петр, ап. 109, 110, 120, 122, 135
- Петр, митр. Киевский и Всея Руси 666
- Петр, мч. Тивериопольский (струмицкий) 104
- Петр, болгарский царь, св. 103, 109, 116, 127, 128, 140, 149, 161, 222, 503
- Петр Делян, предводитель антивизантийского восстания 136, 140
- Петр Могила, митр. Киевский 656
- Петр Рареш, молдавский господарь 649
- Петр Черноризец — болгарский церковный писатель 127, 161, 184, 671
- Петров Д. А.* 122
- Петров Н. И.* 32
- Петров П.* 122
- Петрович (Петровић) Д.* 591, 694
- Петровский М. П.* 22, 26, 243, 244, 253, 254, 264, 421
- Петрунь Ф. Е.* 427
- Петухов Е. В.* 30
- Пигулевская Н. В.* 34, 35
- Пиккио Р. (Picchio R.)* 155, 196, 531, 744
- Пилипович (Пилиповић) Р.* 372
- Пиотровская Е. К.* 364, 575
- Пириватирич С.* 147
- Писарская Л.* 639
- Пичхадзе А. А.* 251, 256, 260, 277, 295, 686
- Плигузов А. И.* 284, 533, 574
- Погодин М. П., историк, коллекционер 317, 343, 427
- Подскальский Г. (Podskalsky G.)* 475, 567, 686
- Поздеева И. В. (Pozdeeva I. V.)* 392, 404, 646
- Поздняков, Василий, паломник, автор «Хождения» 735
- Покраец, основатель и ктитор м-ря св. Георгия 452
- Покровская В. Ф.* 113, 123, 229, 296, 365, 394, 420
- Покровский Н. В.* 663
- Покровский Н. Н.* 545, 635
- Покровский Ф. И.* 276, 613, 626
- Поляков Ф. Б.* 428
- Поньырко Н. В.* 494, 574, 702, 736
- Поп-Атанасов Г.* 19, 20, 426, 427, 468, 656
- Попеску-Вилча Г. (Popescu-Vilcea G.)* 155, 667—668
- Попконстантинов (Константинов) К. (Popkonstantinov K.)* 151, 178, 179, 688

- Попов А. Н.* 14, 19, 35, 49, 60, 72, 100, 245, 255, 268, 279, 287, 288, 326, 335, 465, 467, 468, 476, 481, 486, 512, 551, 567, 591, 611, 704, 705, 707, 708, 710, 712, 735
- Попов Б.* 469
- Попов Г.* 31, 46, 49, 50, 60—62, 71, 72, 79, 80, 85, 87, 96, 97, 99—102, 147, 150, 154, 160, 180, 181, 185, 189, 190, 225, 227—232, 234, 235, 271, 328, 345, 346, 348, 400, 419, 421, 467, 468, 515, 628, 662
- Попов Г. В.* 544, 547, 554, 624, 635, 636—638, 702
- Попов Н. П.* 554
- Попова О. С. (Ророва О.)* 156, 544, 545, 547, 624, 636, 637, 656
- Попова Т.* 19, 72, 279, 334, 335, 420, 429, 430, 445, 467, 476, 512, 669
- Поптэ А. В. (Рорре А.)* 122, 140, 160, 209, 246, 579
- Попруженко М.* 122
- Поптодоров Р.* 59
- Порфирий («Порфирьшко»), книгописец* 643
- Порфирий (Успенский), епископ* 12, 335, 393, 628, 736
- Порфирьев И. Я.* 312, 589, 707
- Правдолюбов С.* 77
- Преображенский А. С.* 121
- Принц О. (Prinz O.)* 475, 578
- Приселков М. Д.* 140, 160, 209
- Приск, византийский полководец* 26
- Продолжатель Феофана, византийский хронист* 106, 120, 745
- Прокопенко Л. В.* 365, 742
- Прокофьев Н. И.* 735, 746
- Пролович Я. (Проловић Ј.)* 150, 578, 743
- Протасьева Т. Н.* 20, 32, 312, 333, 335, 418, 468, 511, 512, 539, 627, 645, 657, 665
- Прохор, игумен Хиландарского м-ря* 718, 720, 734, 741
- Прохор Пшинский (Пчинский), южнославянский св.* 142
- Прохоров Г. М.* 36, 161, 256, 462, 536, 537, 540, 541, 549, 567, 570, 571, 575, 578, 609, 610, 624, 625, 638, 639, 645
- Псевдо-Дионисий Ареопagit, ранневизантийский богослов* 534, 651, 661
- Псевдо-Кесарий, византийский церковный автор*
- Псевдо-Нонн Паноплийский, ранневизантийский писатель* 559
- Птохопродром, византийский поэт* 471, 558
- Пульхерия, императрица* 729
- Равула «грешный», сербский монах-книгописец* 124, 125, 280
- Радин Нагоричанин, «анагност», сербский книгописец* 14, 15, 19, 383, 423—425
- Радич (Радић) Р.* 462
- Радич, сербский книгописец* 159
- Радованович Й. (Радовановић Ј.)* 744
- Радой, сын воеводы Степана* 437
- Радониц Й. (Радонић Ј.)* 427
- Радочиц Дж. Сп. (Радојичић Ђ. Сп.)* 148, 187, 276, 364, 374, 459, 469, 470, 484, 551, 570, 579, 685, 740
- Радойкович (Радојковић) Б.* 743
- Радойич С. (Радојичић С.)* 739, 743
- Радослав см. Георгий Радослав*
- Радослав, сербский король из династии Неманичей* 449
- Радослав, вельможа деспота Стефана Лазаревича, посол к Тимуру* 478—480
- Радослав Хлапен, владетель Верии, Водени и Кастории* 466, 467, 470
- Радославлевич (Радослављевић) В.* 155
- Радошевич (Радошевић) Н.* 538, 575, 580
- Радушев А., даритель рукописи* 391
- Радченко К. Ф.* 257, 580
- Райков Б.* 18, 123, 153, 180, 324, 329—331, 333, 340, 341, 346, 376, 416, 443, 447, 475, 550, 577, 628, 665, 667, 668, 690, 699
- Райнхарт Й. (Reinhart J.)* 149, 153, 246, 253, 257, 258, 400, 543, 569, 578

- Райчин Судич, сербский книжник 283
 Раннокисум см. Муса, конюший султана Мусы
Рапопорт М. В. 418
Рапопорт П. А. 122
 Реджеб-паша, турецкий правитель в Тетове 513
Рейсер С. А. 428
Рейхертова К. (Rejhertova K.) 160
Рогачевская Е. 254
Рогов А. И. 605, 635, 670, 685, 696, 697, 700, 714, 716, 717
Родникова И. С. 716
Рождественская М. В. 494, 574, 702, 736
Рождественский Н. Ф. 329
Розанов С. П. 482—484, 602, 610, 693, 740
Розанова Н. В. 281
Розов В. А. 312, 396
Розов Н. Н. 541, 624, 625, 638, 639, 695
 Роман, болгарский монах, адресат послания патр. Каллиста 353, 558, 683
 Роман (I), сербский монах, хиландарский книгописец 390, 391, 395, 409—410, 412, 417, 418—421, 446, 667
 Роман (II), сербский монах, хиландарский книгописец 395, 410
Романова А. А. 252, 473, 476, 477, 538, 573
Ромодановская В. А. 295
Ромодановская Е. К. 295
Русев П. 658, 662, 689, 691
Русина Е. В. 276
Рыков Ю. Д. 161, 511, 512
- Савва Сербский (Растко Неманич), первый сербский архиеп., церковный писатель, св. 15, 19, 52, 159, 174, 182, 183, 187, 248, 290—292, 295, 300, 362—364, 433, 454, 510, 526, 534, 650, 682, 719, 726, 730—733, 736, 743
 Савва III, сербский архиеп. 14
Савва (Тихомиров), еп. Можайский 333
 Савва Хиландарец, библиотечарь Хиландарского м-ря, историк, археограф 390, 414, 731, 743, 745
- Савватий, митр. Браничевский 552
Савич (Савић) В. 416, 448
Савцова В. 229, 230
Саенко Л. П. 539—543, 552
Салмина М. А. 569, 594
 Самуил, западноболгарский царь из династии Комитопулов 110, 128—131, 148, 160
 Сангушки, аристократический род в Великом княжестве Литовском 632
Сантос Отеро А., де (Santos Otero A., de) 281
Саркич С. (Sarkić S.) 579
Сафран Л. (Safran L.) 355, 356
Свенцицкий И. (Свенціцьки І.) 555
 Святополк, кн. Великой Моравии 29
 Святослав (Игоревич), вел. кн. Киевский 201, 502
 Севастьянов П. И., путешественник, коллекционер 12, 392, 393, 405
 Севериан, еп. Гавальский, ранневизантийский писатель
Северьянов С. 152
 Сегье П., французский канцлер, собиратель рукописей 345, 348
Седельников А. Д. 255, 532, 697, 713
 Селиван (Силуан), монах Троице-Сергиева м-ря, переводчик, сотрудник Максима Грека 164, 195
Селищев А. М. 486, 512, 513, 516, 579
Семенов В. А. 256
Семенченко Г. В. 284
 Сенкратий, мч. Тивернопольский (струмицкий) 104
 Сенька «из Смоленска», книгописец 698
 Серапион, монах новгородского Лисицкого м-ря, книгописец 576, 600
Сергеев А. Г. 254, 332, 397, 421, 535, 537, 581
Сергий, еп. (Спасский) 76, 113, 116, 117, 119, 122, 123, 149, 692, 717
 Сергей Радонежский, основатель Троице-Сергиева м-ря, св. 550
Серебрякова Е. И. 737, 738

- Сигизмунд I (Старый), король польский, вел. кн. Литовский 264
- Сильвестр Коссов, митр. Киевский, церковный писатель 681
- Симеон, болгарский князь (с 913 г. царь) 96, 104, 105, 108, 116, 119, 127, 135, 147, 160, 201, 222, 235, 672
- Симеон (Иванович) Гордый, вел. кн. Московский 543, 619
- Симеон, латинский еп. Фив, церковный писатель 560
- Симеон, «полубрат» Душана, царь из династии Неманичей 458
- Симеон, «старец», сербский книгописец 159
- Симеон Сербский *см.* Стефан Неманя
- Симеон Сиф, византийский писатель 561
- Симич (Симић) П.* 89, 96, 97
- Симон (Симеон) южнославянский книгописец-каллиграф 334, 607
- Синдик Д.* 18, 375, 402, 435, 445—448
- Синдик Н.* 374
- Синицына Н. В.* 692
- Сиренов А. В.* 347, 348
- Скарга П., иезуит, церковный писатель 744
- Скарга М. (Skarpa M.)* 540, 583, 608
- Скедер *см.* Георгий Кастриот Скандербег
- Сковронек М. (Skowronek M.)* 283
- Скоморохова-Вентурины Л.* 115
- Скорина, Франциск белорусский просветитель, первопечатник 195, 241
- Славева Л.* 123, 150, 152, 154, 155, 282, 346—348, 355
- Слива Е. Э.* 239
- Смирнов С. И.* 267, 297, 335, 572
- Смирнов С. Н.* 534, 698, 701
- Смирнова Э. С. (Smirnova E.)* 526, 545, 547, 551, 555, 630, 636, 665, 668, 740, 742, 745
- Смокина Н. Н.* 661
- Смокина Н. П.* 661
- Смядовски С.* 148, 151, 154, 666
- Снегаров И.* 17, 147, 156, 259, 656, 741
- Соболевский А. И.* 110, 190, 196, 197, 209, 245, 255, 275, 287, 298, 301, 362, 364, 519—521, 527, 530—533, 535—537, 541—543, 545, 548, 553, 555—558, 563—567, 569, 570, 586, 589, 591, 592, 596—598, 602—606, 609, 631—633, 644, 647, 653, 656—658, 667—669, 685, 689, 703, 713
- Совея М. (Soveja M.)* 669
- Соколов М. И.* 254
- Соколов П.* 414
- Соколова Е. И.* 571
- Соловьев А. В.* 45
- Соловьева И. Д.* 281, 624, 625, 638, 639
- Солтан Солтанович, «пан», наместник Бельский 677
- Сон Джон Со* 254
- Сорокатый В. М.* 716
- Софья Алексеевна, царица, правительница 720
- Спасова М.* 258
- Сперанский М. Н.* 20, 23, 33, 36, 99, 151, 160, 197, 198, 239, 243, 245, 247, 250, 251, 253, 255, 256, 258, 260, 262, 263, 267, 270, 271, 274—280, 283, 286, 296—298, 404, 421, 422, 430, 486, 512, 533, 538, 540, 567, 569, 573, 580, 581, 608, 610, 614, 627, 630, 661, 663, 691, 713
- Спиридон, иг. м-ря Студеница, адресат посланий 248, 289, 291, 292, 294, 300, 363
- Спиридон, сербский патр. 452, 455, 718
- Спиридон Рьльский, иеромонах, историк 744
- Срезневский В. И.* 613, 626
- Срезневский И. И.* 78, 120, 154, 235, 246, 255, 257, 283, 286, 289, 296, 298, 299, 429, 536, 568, 630, 632, 697
- Станислав Грамматик, болгарский книгописец, работавший в Закарпатье 545, 653
- Станков Р.* 569
- Станкова (Трифонова) Р.* 125, 189, 196, 228, 231, 382, 395, 399
- Станкович (Станковић) Р.* 44, 100, 278, 284, 388, 401, 402, 413, 421, 446, 487, 577, 608, 687

- Станоевич (Станојевић) С.* 373, 401
- Станчев К.* 18, 49, 60, 62, 85—87, 96, 97, 99, 101, 120, 153, 154, 158, 160, 162, 180, 181, 190, 228, 232, 314, 330, 344, 347, 348, 374, 376, 382, 393, 399, 405, 416, 429, 443, 467, 468, 515, 550, 573, 581, 630, 646, 668, 669, 687
- Старостина И. П.* 571
- Степан*, сербский воевода 437
- Стефан Новгородец*, автор «Хождения в Царьград» 746
- Стефан Первомученик*, ап. 229, 456
- Стефан I*, папа Римский 229
- Стефан Великий*, господарь Молдавии 587, 638, 639, 649, 656, 657
- Стефан Дечанский (Стефан Урош III)*, сербский король из династии Неманичей 381, 385, 398, 407, 434, 435, 438—440, 442, 446, 454, 534, 587, 731, 733
- Стефан Душан (Стефан Урош IV)*, сербский король (с 1346 г. царь) из династии Неманичей 349, 375, 387—390, 421, 436, 440, 441, 449—451, 456—459, 467, 525, 560, 571, 587, 713, 720, 722, 723, 725, 731, 733, 739
- Стефан Лазаревич*, сербский деспот 16, 434, 437, 444, 454, 461, 478, 480, 483, 534, 576, 603, 709—711, 731
- Стефан Неманя (в монашестве Симеон)*, вел. жупан Сербии, основатель династии Неманичей, св. 146, 157, 159, 175, 182, 187, 291, 295, 431, 449, 450, 454, 463, 479, 510, 526, 534, 650, 682, 730, 732, 733
- Стефан Первовенчаный*, вел. жупан (с 1217 г. король) Сербии, сын Стефана Немани 182, 187, 259, 295, 431, 449, 726, 731
- Стефан Святогорец*. афонский монах, церковный писатель 741
- Стефан (Степан)*, тронное имя Вука Бранковича 456
- Стефан Якшич см. Якшич Стефан*
- Стефанов П.* 395
- Стефанович (Стефановић) Д.* 115, 120, 149, 373, 380, 398, 399, 417
- Стипчевич Б. см. Йованович-Стипчевич (Јовановић-Стипчевић) Б.*
- Стойкова А.* 233, 259, 582, 660
- Столярова Л. В.* 632
- Стоянов М.* 97, 158, 311, 312, 395, 555, 667
- Стоянович Л. (Стојановић Љ., Стојановић Љ.)* 17, 19, 20, 151, 156, 187, 282, 283, 368, 373—375, 415, 426, 459, 461, 462, 468—470, 482, 483, 485—487, 502, 503, 511—513, 515, 552, 566, 567, 575, 741, 745
- Страхова О. Б.* 647
- Стрез*, болгарский правитель из династии Асеней 147
- Строев П. М.* 316, 332, 516, 548, 588—589, 591, 663, 701
- Струмицкие мученики см. Тивериопольские мученики*
- Суботин-Голубович (Суботин-Голубовић) Т.* 148, 162, 189, 235, 279, 295
- Суботич (Суботић, Суботик) Г.* 375, 376, 395, 402, 416, 443, 459, 540, 739, 743, 744
- Сумникова Т. А.* 568
- Сухомлинов М. И.* 30
- Сырку П. А.* 313, 580, 628, 660, 701
- Сыроечковский Е. В.* 35
- Талев И. (Talev I.)* 525, 532, 550
- Тарнанидис И. (Tarnanidis I.)* 120, 125, 149, 150, 152—154, 156, 164, 179, 197, 257, 396
- Тасева Л. (Taseva L.)* 19, 45, 72, 162, 251, 278—280, 295, 334, 335, 420, 429, 430, 445, 467, 476, 512, 537, 538, 576, 582, 607, 669
- Татич-Джурич (Татић-Ђурић) М.* 742, 744
- Тауто А. (Taito A.)* 355
- Тахиаос А.-Э. Н. (Tachiaos A.-E. N.)* 16, 18, 123, 155, 157, 332, 348, 374, 376, 396, 401, 406, 414, 430, 443, 446, 459, 664, 667

- Твертко (Твртко) Котроманич, король Боснии 451, 456, 459
- Творогов О. В. 32, 190, 207, 251, 278, 281, 284, 285, 556, 565, 569, 570, 575, 589, 594, 606, 634, 676, 688, 692, 704, 706—708, 713
- Темчин С. Ю. 44, 99, 124, 125, 157, 178, 229, 232, 280, 328, 545, 662, 670, 671, 685, 686, 689—691, 696, 697
- Теодорович-Шако́та (Теодоровић-Шако́та) М. 100, 551, 669, 717
- Теодосије Хиландарац см. Феодосий Хиландарец
- Тивериопольские (Струмицкие) мученики 103—104, 110
- Тиганова Л. В. 589
- Тимофей («Тимотей»), мч. Тивериопольский (Струмицкий) 104
- Тимофей, монах, ученик Кирилла Пейчиновича 488
- Тимофей Вениаминов, переводчик, книгописец 205
- Тимур (Тамерлан), среднеазиатский правитель 478, 599
- Тирич (Тирић) Б., коллекционер 386, 387, 390, 401, 403, 412
- Тихомиров М. Н. 20, 277, 486, 512, 545, 635, 701
- Тихомиров Н. Б. 18, 97, 113, 123, 151, 181, 298, 314, 316, 328, 336, 338, 346, 373, 375, 376, 379, 385, 391, 400, 401, 403, 406, 408, 410, 414, 415, 417, 419—421, 428, 430, 443, 538—540, 550, 581, 631, 662
- Тихонравов Н. С. 281, 284, 471, 475, 505
- Тодич (Тодић) Б. 739, 745
- Тодоров А. см. Бояджиев (Тодоров) А.
- Толстой Ф. А., коллекционер 323, 347
- Тома, логофет молдавского господаря Петра Рареша, заказчик книги 667
- Томич (Томић) С. Н., сербский филолог, собиратель рукописей 230
- Томова Е. 159, 162, 580, 594, 662, 686, 691
- Томович (Томовић) Г. 148, 150, 151, 447, 460
- Томсон Ф. (Thomson Fr. J.) 256, 351, 355, 700, 702
- Топалович (Топаловић) В. 155
- Тотоманова А.-М. 35, 154, 163, 179, 514
- Тралич С. (Traljic S.) 98, 320, 330, 333, 351, 355
- Тржешттик Д. (Třeštík D.) 35
- Триич (Тријић) В. 18, 375, 398, 441, 442, 444
- Трифон «гусопаш», мученик 511, 647
- Трифонова Р. см. Станкова (Трифонова) Р.
- Трифунович Дж. (Трифуновић Ђ.) 124, 150, 151, 163, 197, 258, 283, 364, 376, 460, 475, 476, 482, 580, 608—610, 692, 737, 742
- Троицки(и) С. В. 356, 660
- Тромонин К. Я. 414
- Тудор Доксов, болгарский книгописец 107, 108, 118
- Туницкий Н. Л. 254
- Турдяну Э. (Turdeanu E.) 658
- Турилов А. А. (Turilov A.) 16—20, 31, 33, 45, 46, 54, 73, 87, 98, 99, 102, 118, 120, 124, 125, 149, 151—153, 157, 161—164, 178—181, 188—191, 196—198, 229, 230, 233—235, 251, 252, 254, 255, 257—261, 274—278, 280, 295, 296, 299, 315, 328, 330, 332, 334, 340, 341, 346—348, 355, 365, 372—377, 393, 396—398, 400, 401, 403, 404, 406, 410, 414, 419, 420, 428—430, 440—444, 447, 461, 468, 475—477, 483, 514, 531—534, 536, 538, 541, 543, 544, 548—551, 553—555, 565, 567—569, 573, 575, 578, 581—583, 589—592, 594, 595, 604—606, 608—610, 632, 636, 639, 644—647, 657—659, 661—664, 685—689, 692—696, 700, 701, 703, 707, 708, 713, 716, 717, 736, 738, 740, 741, 743
- Тыпкова-Заимова (Тъпкова-Заимова) В. (Таркова-Zaimova V.) 119, 124, 161, 162, 513
- Тютюнджиев Ст., даритель рукописи 408

- Убипарит М.* 157, 280
 Углеша см. Иоанн Углеша
Узунова Е. 162, 313, 577
Ундольский В. М. 735
 Урош, сербский король из династии Неманичей 449, 730, 731
 Урош (Стефан Урош V), сербский царь из династии Неманичей 421, 436, 449—451, 456, 458—460, 731
 Урош I, вел. жупан Рашки 146
Успенский Б. А. 121, 122, 209, 252, 524, 525, 531, 532, 548, 550, 579, 604
Успенский Ф. Б. 45
 Утеха, попадья, упоминаемая в записи писца 423
Уткин А. А. 686
Уханова Е. В. 156
Ухова Т. Б. 553, 583, 605, 624, 625, 638, 639, 712
- Федер У. (Veder W. R.)* 256
 Федор Кошка см. Кошка Федор
 Федор Курицын см. Курицын Федор
Федорова И. В. 736
Федоскина Е. С. 89, 97, 228
Федотова М. С. 539, 581
Фекелджиев И. 162
 Феодор («Теодор»), мч. Тивернопольский (Струмицкий) 104
 Феодор (тронное имя Петр), болгарский царь, один из основателей династии Асеней 122
 Феодор, дьякон, сербский книгописец 159
 Феодор, монах, сербский книгописец 159
 Ф(е)одор, кузнец 466, 468
 Феодор Стратилат, вмч. 269
 Феодор Студит, иг. Студийского м-ря, византийский церковный писатель, св. 377, 509
 Феодор Тирон, вмч. 269
 Феодора, византийская императрица, св. 730, 744, 745
 Ф(е)одора, вдова Гргура Бранковича, вторая жена короля Марка 466, 467, 470
- Феодосий, митр. Московский 679, 698
 Феодосий, патр. Тырновский, адресат патр. Каллиста 353, 558, 559, 683
 Феодосий Печерский («Федос»), игумен Киево-Печерского м-ря, св. 15, 194, 262, 266, 509, 666
 Феодосий (Теодосије) Хиландарец, сербский монах, агиограф и гимнограф 300, 301, 364, 365, 593, 597, 673—675, 692
 Феоктист, сербский монах, хиландарский книгописец 391, 419
 Феоль (Фиоль) Швайтпольт, родоначальник славянского кириллического книгопечатания 524, 653, 684
 Феофан, дьякон Саввино-Сторожевского м-ря, переводчик 744
 Феофан, митр. Белградский 588
 Феофан Грапт («Начертанный»), византийский гимнограф 73, 75—77, 86
 Феофан Сербин, иг. м-ря Кастамонит 726
 Феофил, архиеп. Новгородский 621
 Феофил, византийский император, иконоборец 730, 744, 745
 Феофилакт, архиеп. Охридский (Болгарский) 80, 137, 142, 170
 Феофилакт, митр. Севастийский 579
 Феррапонт Обухов, монах Иосифо-Волоколамского м-ря, книгописец 541, 553, 587, 592, 606, 708, 711
- Фет Е. А.* 646, 716
Фёлькль Э. (Völkl E.) 609, 703
 Филарет Никитич, патр. Московский и Всея Руси 571
 Филимон, мч. 112
 Филипп, «поп», болгарский книгописец 325—327, 333, 334, 339
 Филофей Коккин, патр. Константинопольский 241
 Филофея «Темничная» («Темнишка»), византийская святая, особо чтимая в Болгарии 128
Флоря Б. Н. 34, 45, 99, 102, 119, 120, 124, 157, 160—162, 178—181, 188, 196, 252, 258, 280, 376, 475, 551, 611, 685, 697, 700, 744

- Фока «грешный», монах, автор послания 574
 Фомина М. С. 164, 189—191, 332
 Фонкич Б. Л. 418, 428, 688
 Фотий, митр. Киевский и Всея Руси 461, 573, 620, 683, 696, 702
 Фотич (Фотић) А. (Fotic A.). 277, 595, 722, 723, 734, 735, 739, 741, 742
 Франклин С. (Franklin S.) 119, 179
 Фридрих II Барбаросса, император Священной Римской империи 352
 Фролов П. К., горный инженер, коллекционер 347

 Хабургаев Г. А. 154
 Хаджи («Хади») Рахман паша см. Абдиль (Абдул) Рахман паша
 Ханник К. (Hannick Ch.) 152, 165, 536, 537, 717
 Харисиядис (Харисијадис) М. 328, 399, 607
 Хауптова З. (Hauptova Z.) 160, 179
 Хелимский Е. А. 106, 121
 Херцигоня Э. (Hercigonja E.) 180, 196
 Хёк Й.-М. (Hoesck J.-M.) 355
 Хитрово Б. М., боярин 636
 Хлапен см. Радослав Хлапен
 Хлудов А. И., предприниматель, коллекционер 47, 49, 326, 379, 485, 486
 Хлюстины, владельцы бумажной фабрики 613
 Холошняй Б. (Hološnjaj B.) 90, 98—101
 Хол(в)вег А. (Holweg A.) 475, 578
 Хорошкевич А. Л. 697
 Хосрой I, персидский шахиншах 31, 119
 Храбр, «черноризец», болгарский писатель 141, 226, 317, 325
 Христианс Д. (Christians D.) 101, 128, 231
 Христова Б. 33, 152, 157, 279, 311, 313, 314, 324, 328, 330, 332, 340, 341, 346—349, 399, 400, 418, 428, 442, 446, 475, 516, 555, 572, 576—578, 608, 628, 656, 699, 736
 Христова И. см. Христова-Шомова И.
 Христова-Шомова И. 476, 540, 567, 577

 Христодул, литературный персонаж 560
 Христофор, игумен Кирилло-Белозерского м-ря, ученик преп. Кирилла 624, 625

 Цветкович (Цветковић) Б. 348, 386, 387, 390, 396, 401—403, 419, 420
 Цернич (Цернић) Л. 17, 124, 125, 156, 164, 253, 258, 280, 282, 289, 294, 299, 301, 328, 332, 366, 372, 386, 387, 395, 403, 408, 417—421, 434, 436, 441, 447, 448, 459, 535, 616, 628, 692, 703
 Черноевич (Црноевич, Черноевич), Гюрг (Георгий), правитель Зеты 92
 Цибранска М. 97—99,
 Цитора, схим. (Цачева В.) 229
 Цойсс (Zoiss), барон, коллекционер 379
 Цонев Б. 154, 282, 307, 308, 311, 312, 340, 341, 383, 395, 399—401, 405, 417, 468, 581,
 Црвенковска Е. 313
 Цукерман К. 403

 Чанак-Медич (Чанак-Медић) М. 739
 Чепига И. (I.) П. 742
 Черепнин Л. В. 573, 629
 Чернецов А. В. 581
 Черниловская М. М. см. Панкова (Черниловская) М. М.
 Чернодаров А. Ю. 119
 Черторицкая Т. В. (Čertorickaja T. V.) 31, 32, 213, 281, 515, 537, 551, 702
 Чешко Е. В. 312, 534, 539, 609, 610
 Чешмеджиев Д. 120, 121
 Чигоя (Чигоја) Б. 150, 151
 Чиркович (Ћирковић) С. (Ćirković S.) 148, 229, 442, 444
 Чистякова М. В. 365, 695, 716, 717
 Чифлянов Б. 178
 Чичева-Алексич (Чичева-Алексик) М. 295, 313
 Чолова Ц. 475
 Чорович (Ђоровић) В. 159, 417, 446, 515, 551, 734, 735, 745
 Чремошник Г. 460

- Чуванов М. И., старообрядец, коллекционер 511
- Шакота М. см. Теодорович-Шакота М.*
- Шаламанов Б.* 97, 231
- Шафарик П.-Й.* 21, 104, 421
- Шафарик Я. (J.)* 481, 591, 710, 712
- Шахматов А. А.* 541, 584, 589—592, 606, 735
- Швайтпольт Феоль см. Феоль Швайтпольт*
- Шварц Е. М.* 279, 313, 314, 569, 621, 635, 636, 690
- Шевченко Е. Э.* 639
- Шекен Й. (Schaecken J.)* 150
- Шибаяев М. А.* 442, 609
- Шлякин И. А.* 280
- Шмидт С. О.* 736, 737
- Шпадиер (Шпадијер) И.* 283, 392, 395, 397, 404, 441
- Штавянин-Джорджевич Л. (Штавянин-Ђорђевић Љ.)* 17, 164, 252—254, 259, 282, 396, 418, 419, 421, 535, 692, 741—745
- Шубинс(ь)кий М. Й.* 427
- Шушкалович Н., дарительница рукописи 411
- Щавинская Л. Л.* 545
- Щапов Я. Н.* 122, 164, 255, 296, 571, 573, 661
- Щепкин В. Н.* 312, 514, 542, 553, 555, 628, 630—634, 652
- Щепкина М. В.* 20, 60, 155, 311, 312, 330, 335, 418, 468, 473, 476, 511, 512, 548, 627, 638, 663, 665, 667—668,
- Щукин П. И., купец, коллекционер 48, 336, 394
- Эббингхаус А. (Ebbinghaus A.)* 735, 738
- Эвренез-бег («Авраниз»), турецкий полководец 478—480
- Эгеат («Егеат»), римский наместник Ахайн 226, 235
- Эпиктет (Епиктет), позднеантичный философ-стоик 567
- Юлиан Отступник, римский император 103
- Юлия, дочь императора Августа 184
- Юрченко А. И.* 328
- Юстиниан (Иустиниан), византийский император 731
- Юстиниан II Ринотмет, византийский император 272
- Юфу З. (Iufu Z.)* 537, 658
- Юфу Й. (Iufu I)* 661
- Юхас-Георгиевска Л. (Јухас-Ђеорѓиевска Љ.)* 259, 364
- Ягич И. В. (Јагић В.; Јагич V.)* 19, 252, 280, 314, 363, 365, 423, 426, 427, 458, 460, 481, 482, 605, 693
- Якимовска-Тошич (Јакимовска-Тошиќ) М.* 19, 426, 427, 468, 656
- Яков («Яковишко»), новгородский книгописец XV в. 432, 545, 621
- Яков Крайков см. Крайков Яков
- Яков Святослав, болгарский деспот русского происхождения 661
- Якуб, «писарь» короля и великого князя Казимира 679, 697
- Якшич Стефан, сербский вельможа на венгерской службе 264
- Якшичи, знатный сербский род 264
- Ян Собесский, король Польский 680
- Янин В. Л.* 155, 255, 298, 299, 374, 442
- Янц (Јаниц) З.* 429
- Япунджич М.* 120, 154, 158, 330, 550, 581, 630, 687
- Ястребов И. С., дипломат, историк, этнограф 386
- Яцимирский А. И.* 60, 205, 285, 313, 329, 336, 394, 405, 571, 572, 577, 578, 580, 592, 609, 650, 658, 662, 664, 691, 694

Анатолий Аркадьевич Турилов

МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯН

Этюды и характеристики

Издатель А. Кошелев

Корректор Н. Полякова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета М. Максимова

Подписано в печать 23.11.2011. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 65,15. Тираж 800. Заказ № 5479.

Издательство «Знак».
№ государственной регистрации 1027701010435.
Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>

Отпечатано в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnozis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк культуры»)

Анатолий Аркадьевич Турилов родился в Ярославле в 1951 г.

В 1973 г. закончил кафедру источниковедения исторического факультета Московского университета, в 1976 г. — аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV — первой четверти XVI в.».

В 1977—1979 гг. работал в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ныне РГБ).

Участвовал в экспедициях Отдела

в Ярославскую область к старообрядцам за рукописными книгами.

С 1979 г. сотрудник Института славяноведения РАН (в 1979—1989 гг. в составе одного из ее подразделений — Археографической комиссии). В 1983 г. участвовал в советской научно-исследовательской экспедиции на Афон. Ответственный редактор Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в., хранящихся в России, странах СНГ и Балтии (вып. 1, опубли. в 2002 г.). Занимается средневековой историей Руси и южных славян, историей славянской литературы и письменности IX—XVII вв., в том числе вопросами эпиграфики и палеографической датировки памятников средневекового искусства, межславянскими культурными связями до XVIII в., отражением народных верований в рукописной традиции.

Опубликовал книги: «Древнерусская книжность (естественно-научные и сокровенные знания в России XVI в., связанные с Иваном Рыковым)» (М., 1994, в соавт. с Р. А. Симоновым и А. В. Чернецовым); «The Edificatory Prose of Kievan Rus» (Harvard, 1994, в соавт. с У. Р. Федером); «Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия» (СПб., 2000 (2-е изд. — 2004), в соавт. с С. А. Ивановым и Б. Н. Флорей); «Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси» (М., 2010); «От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софиянина: История и культура славян IX—XVII вв.» (М., 2011). Им составлены каталоги: «Славянские рукописи афонских обителей» (Фессалоники, 1999, в соавт. с Л. В. Мошковой), «Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов» (М., 2000, в соавт. с И. Л. Жучковой и Л. В. Мошковой).

